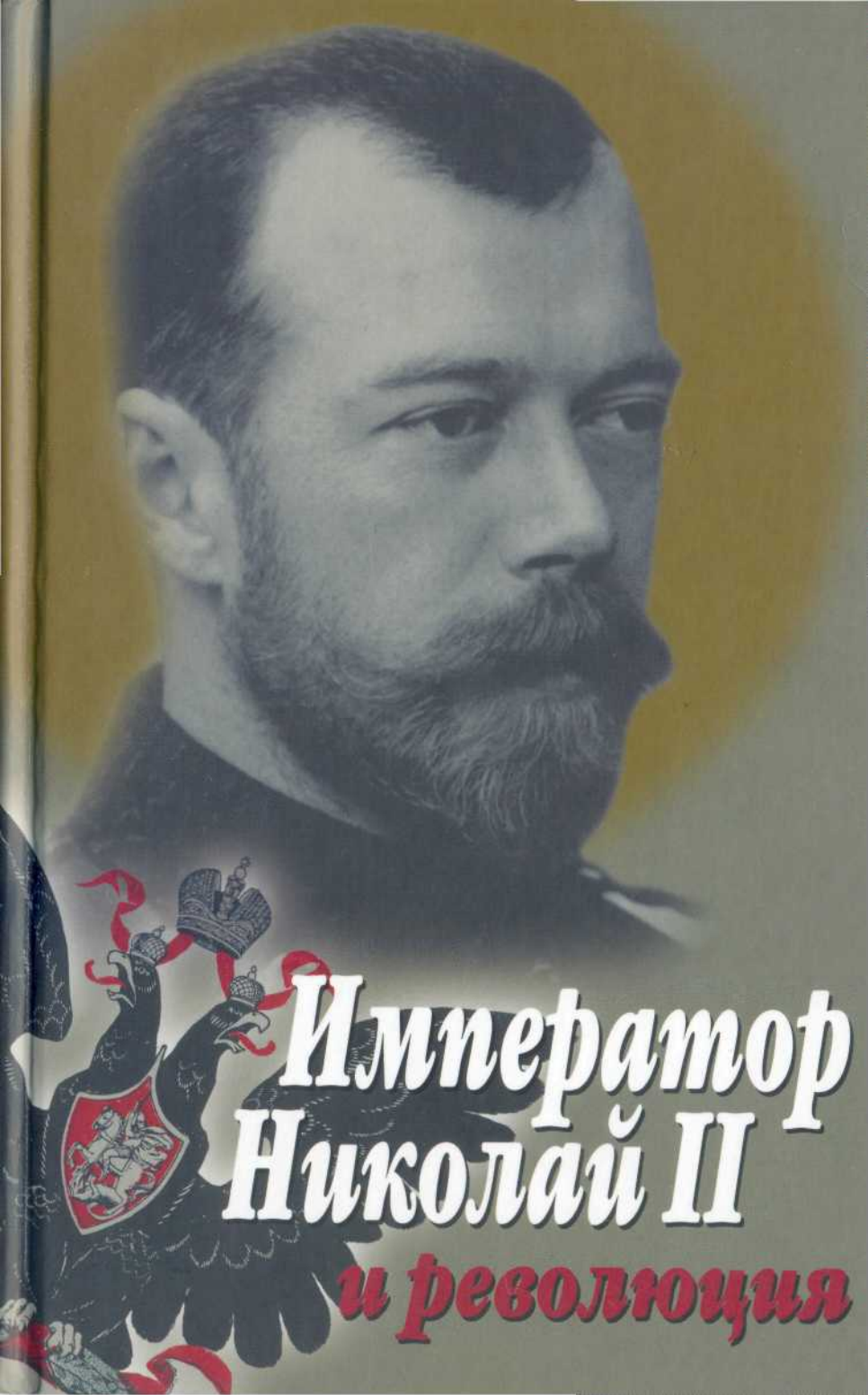
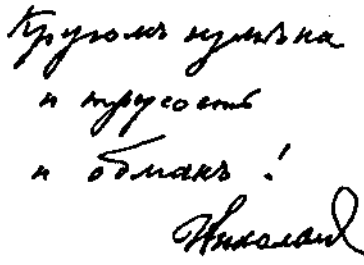

Император Николай II и революция

И. П. ЯКОБИЙ

Император Николай II и революция

С. В. ФОМИН

«Боролись за власть генералы... и лишь Император молился»

Издание 2-е,
исправленное и дополненное

Москва
2010

Автор-составитель
Сергей ФОМИН

Глубокую признательность
автор-составитель приносит
Григорию КРЕМНЕВУ
и *Наталии ГАНИНОЙ*
за помощь в сборе и копировании
ряда ценных материалов.

«...Ни одна книга, написанная об этой революции, — считал, имея в виду первое ее французское издание 1931 г., генерал-майор Б. В. Геруа, — не воспроизводит ее преступной глупости и ужасов с такою яркостью и точностью, притом в такой сжатой форме, как книга И. П. Якобия». Книга эта была переведена на пять иностранных языков и выдержала полтора десятка только французских изданий.

Для чтивших память Царя Мученика и Его Святого Семейства русских эмигрантов труд И. П. Якобия, вышедший в 1938 г. по-русски, стал в полном смысле слова настольным; они хранили его «как реликвию, как житие Царя Мученика». Со временем этих реликвий оставалось все меньше и меньше. Изданная небольшим тиражом, книга эта была «замолчана и скуплена», так что на русском языке ее достать было делом почти безнадежным. Среди немногих самых дорогих вещей (родительского Благословения, ладанок со святынею и Русской землей, Царских наград, документов, писем и фотографий) в багаже русских беженцев второй мировой войны были и потрепанные томики книги И. П. Якобия. Именно с такой, пережившей все невзгоды сиротского русского скитальчества книги напечатано наше издание.

Остальную, более обширную его часть составляет публикация отзывов русской эмигрантской печати на появление в свет книги И. П. Якобия, а также материалов спора по поводу отдельных положений, содержащихся в ней, который (с перерывом на войну) продолжался вплоть до середины 1960-х годов. Несомненный интерес представляет публикация целого ряда редких мемуаров, послуживших для книги И. П. Якобия основными источниками, а также подробный разбор их в рецензиях, появившихся в эмигрантской периодике.

ISBN 5-88060-194-3

© Публикация, составление, редакция, предисловие, повествование в документах, комментарии С. В. Фомина, 2009

О ТРУСОСТИ, ИЗМЕНЕ И ОБМАНЕ

И. П. Якобий и его книга «Император Николай II и революция»

Безпримерный труд этот, весьма высоко оцененный в период между двумя міровыми войнами во многих странах Запада (достаточно сказать, что книга была переведена на пять иностранных языков и выдержала полтора десятка только французских изданий*), приходит, наконец, к людям, для которых она, собственно, и была написана — к потомкам подданных Российской Империи.

«...Ни одна книга, написанная об этой революции, — считал, имея в виду первое ее французское издание 1931 г., генерал-майор Б. В. Геруа, — не воспроизводит ее преступной глупости и ужасов с такою яркостью и точностью, притом в такой сжатой форме, как книга И. П. Якобия [...] Труд этот [...] обратил на себя внимание французского читателя и критики своей суровой документальностью**. Иностранцу открывали глаза на истинное происхождение и ход русской катастрофы. Было время, когда англичане и французы приветствовали ее как благодетельный сдвиг, окончательно приобщавший все еще отстающую Россию к Европейской цивилизации. А некоторые из официальных представителей этой последней при Русском Дворе даже нашли воз-

---

* В парижской газете «Возрождение» (№ 2865 от 6.4.1933. С. 4) в разделе «Книги о России и русских» читаем: «В исторической "коллекции" Фаяра вышла 14-м французским изданием книга г. Якоби "Царь Николай II и революция"».

** «Работа И. Якобия, вышедшая в 1938 году, — писал уже после второй міровой войны автор другой, также нашумевшей, книги, — наделала в свое время много шума. Я проверил очень тщательно текст его работы и не нашел никаких искажений. Написана она на основании трудов Дитерихса, Соколова, Воейкова, Лукомского и др. Эмоционально повышенный тон этой книги и вызвал, как я думаю, нападки на эту работу Якобия» (*Кобылин В.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Под ред. Л.Е. Болотина. СПб. 1998. С. 10). — *С. Ф.*

можным оказывать деятельную помощь при судороге, которая сотрясала наше Отечество и должна была, по их близорукому мнению, привести к рождению "новой" и лучшей России»[1].

Разумеется, время приветствий Западом «русских катастроф», как мы все это сегодня видим, не завершилось. Об этом, со всей силою своего провидческого дара, предупреждал в свое время наш великий мыслитель Ф. М. Достоевский:

«...Почему эта ее [Европы] ненависть к нам, почему они все не могут никак в нас увериться раз навсегда, поверить в безвредность нашу, поверить, что мы их друзья [...] Главная причина именно в том состоит, что они не могут никак нас своими признать. Они ни за что и никогда не поверят, что мы воистину можем участвовать вместе с ними и наравне с ними в дальнейших судьбах их цивилизации. Они признали нас чуждыми своей цивилизации, пришельцами, самозванцами. Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина! И это несмотря на то, что наши "русские европейцы" изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать [...] Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знает, — ибо если б знала, так тотчас же бы успокоилась, даже обрадовалась. Но узнает непременно когда-нибудь, и именно когда наступит самая критическая минута в судьбах ее»[2].

Но, видно, самое последнее время для Европы еще не подошло...

Однако и тогда, после великих катаклизмов, разыгравшихся на одной шестой части суши Земного шара, были те, кто все же кое-что понял.

Вот, например, отзыв о книге И. П. Якобия строгого французского мэтра Леона Доде: «Необходимо прочесть эту исключительную книгу, точность и пламенность лежат в ее основе»[3]. (Эти слова вполне можно оценить, только прочитав книгу.)

Что касается русской эмиграции, то сам выход в 1938 году на русском языке существенно дополненного автором издания книги послужил поводом для разделения людей, еще вчера считавших себя единомышленниками. Причем, линия раздела прошла не между правыми и левыми, монархистами и республиканца-

ми, консерваторами и либералами (что существовало изначала), а внутри тех, кто искренно считал себя правыми, монархистами, консерваторами.

Да, дом, разделившийся в себе, падет *(Лк. 11, 17)*. Но зачем нужен дом, стоящий лишь на внешне прочном фундаменте, а в действительности давно уже подтачиваемом многими скрытыми источниками. Все равно, он когда-нибудь упадет, давя тяжкими камнями рушащихся стен правых и виноватых. Да ведь и Господь говорил: «Не мир пришел Я принести, но меч *(Мф. 10, 34)*.

Линию разделения весьма точно определил в своей брошюре «Вожди и Заветы» (Белград. 1939) профессор-психиатр Н. В. Краинский: «Невозможно одновременно защищать память Императора и чтить Его предателей».

Для чтивших память Царя Мученика и Его Святого Семейства книга И. П. Якобия стала в полном смысле слова настольной[4]; они хранили ее «как реликвию, как житие Царя Мученика»[5].

Со временем этих реликвий оставалось все меньше и меньше. Изданная небольшим тиражом, книга эта была «замолчана и скуплена, так что на русском языке ее достать почти невозможно, что служит аттестатом ее исторической ценности»[6]. Строки эти были написанны в 1965 году в Бразилии. К тому времени оставшиеся в живых после второй мiровой войны русские монархисты вынуждены были перебраться из завоеванной красными Югославиии и некоторых других стран в относительно безопасные для них Бразилию и Аргентину.

Среди немногих самых дорогих вещей (родительского Благословения, ладанок со святынею и Русской землей, Царских наград, документов, писем и фотографий) были в их багаже и потрепанные томики книги И. П. Якобия. Именно с такой, пережившей все невзгоды сиротского русского скитальчества книги, присланной нам дочерью полковника, камер-пажа Высочайшего Двора; внучкой генерал-губернатора Москвы и правнучкой генерал-адъютанта трех Императоров Всероссийских Мариной Александровной Аксаковой (урожд. Гершельман) и печатаем мы наше издание.

До обидного мало удалось узнать, к сожалению, об авторе этой замечательной книги — Иване Павловиче Якобии. Даже дата рождения и сама его жизнь в России нам пока неизвестны. Надеемся, что выяснению этого поможет выход нашей книги...

Как ни странно, больше нам известно о его отце и дяде. С детства помню многочисленные репродукции (в том числе и на дореволюционных открытках) с одной из картин его дяди — известного русского художника-передвижника Валерия Ивановича Якоби (1834-1902) — «Привал арестантов» (1861). Умирающий на повозке заключенный (по внешнему облику интеллигент-революционер), со свесившейся руки которого его сотоварищ по этапу снимает кольцо...

Нас же больше будет интересовать младший его брат, отец автора нашей книги, Павел Иванович Якоби (1842-1913). Родился он в Казани. В 1860 г. в С.-Петербурге окончил Михайловское артиллерийское училище и был оставлен там для продолжения учебы в Артиллерийской академии. Но (возможно, не без влияния брата, завершившего в 1861 г. свое образование в Петербургской Академии художеств и направленного тогда же академическим пенсионером в Западную Европу) неожиданно он выходит в отставку и отправляется в Германию, поступает там на естественный факультет Гейдельбергского университета. Большая русская студенческая колония превращает Павла Ивановича в законченного революционера. Так что через непродолжительное время он, по свидетельству знакомых, придерживался уже «крайнего направления»[7].

Здесь же в Германии, в Мюнхене, 14 ноября 1862 г. начинает свою заграничную практику его брат Валерий. Начинает с обдумывания сюжета будущей своей картины «Смерть Робеспьера» (1864). Как видим, политические взгляды братьев были весьма сходны.

В январе 1863 г. в Русской Польше вспыхнуло восстание. Вся Европа откровенно и прикровенно выступила с поддержкой мятежников, открывая различного рода «общественные» комитеты поддержки, жертвуя деньги на оружие и аммуницию. Революционеры всех мастей переходили германо-русскую и австро-русскую границы, спеша, если не повалить, то, по крайней мере, посильнее навредить Русскому Колоссу. В числе их был и Павел Иванович. Купив 1 апреля в Мюнхене с помощью брата штуцер и револьвер, а также материю для кушаков товарищам, он в тот же день выезжает к месту боевых действий.

Из имеющихся документов известно, что Якоби вступает в отряд Людвика Мерославского, участника восстания 1830-1831 гг. и революции 1848-1849 гг. в Италии и Германии. Вместе с други-

ми отрядами, сформированными в Галиции, отряд иностранных волонтеров, в числе которых был Якоби, в ночь с 3 на 4 мая переходит Русскую границу, но был тут же, под Иголомией, окружен и разбит частями Русской Армии. Урок, однако, не пошел впрок: в конце лета Якоби поступает в отряд Эдмунда Тачановского в Калишском воеводстве. В его составе он 29 августа участвует в сражении под Крушиной (или Льготой), получив 18 ран.

Оправившись от них, он в конце ноября приезжает в Париж. В январе 1864 г. он уже в Цюрихе*, где в местном университете приступает к изучению психиатрии, получив в 1867 г. диплом врача. В том же году он защитил диссертацию на степень доктора медицины.

Пути в Россию, после участия в восстании на стороне ее врагов, были закрыты. Да и революционный дух еще не выдохся: в Швейцарии Павел Иванович был одним из вожаков молодой эмиграции. Он участвует в «Женевском съезде» 1865 года, общается с А. А. Серно-Соловьевичем, В. А. Зайцевым. С последним, известным публицистом и критиком, членом итальянской секции I Интернационала, привлекавшимся к «каракозовскому делу» о цареубийстве и даже сидевшему в связи с ним в Петропавловской крепости, он, в конце концов, даже породнился: сестра Варфоломея Александровича, Варвара, стала супругой Павла Ивановича. (Следует подчеркнуть, что и супруга Якоби, и ее мать были известными нигилистками, состоявшими под надзором полиции, тяготясь которым и выехали в Швейцарию.)

В 1869 году родственники, оказавшись в Париже, решили напомнить о себе на родине. Павел Иванович с Варфоломеем Александровичем написали внешне невинную статью «О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения» и, нашпиговав ее обширными цитатами из запрещенного в России цензурой «Капитала» К. Маркса, отдали ее в малоизвестный широкой читательской публике специальный журнал «Архив судебной медицины и общественной гигиены». Трюк вполне удался. Первые экземпляры третего номера журнала за 1870 г. со статьей за подписью «П. Я.» успели разойтись, прежде чем власти хватились. В непроданных экземплярах статья была изъята. А в следующем, декабрьском номере было помещено объявление: «В № 3-м журнала "Архив судебной медицины", издаваемого медицинским департаментом Министерства внутренних

* Здесь, поблизости, на берегу Цюрихского озера с конца апреля 1863 г. обосновалась семья его брата Валерия.

дел, напечатана была статья под заглавием "О положении рабочих в Западной Европе в гигиеническом отношении", в которой настойчиво проводились крайне социалистические идеи. Вследствие сего министр внутренних дел признал нужным: 1) означенную статью подвергнуть уничтожению; 2) редактора журнала уволить от должности; 3) цензору, не обнаружившему своевременно упомянутого нарушения закона о печати, объявить строгий выговор ("Правительств. вестник". № 243. 1870 г.)». То был первый перевод на русский язык Марксова «Капитала».

В то время как в Петербурге разгорался скандал, революционная семейка вновь оказалась в «горячей точке». В 1870 году, с началом франко-прусской войны армия Гарибальди вошла в состав французской Вогезской армии, ведшей партизанскую борьбу против немцев. В течение всей войны П. И. Якоби работал врачом, а его супруга — сестрой милосердия. Большое впечатление оказывает на него падение Парижской коммуны, после которого он возвратился в Италию.

И в этот период вновь ощутима связь семей братьев. Правда, брата Валерия к тому времени не было в Европе. Пенсионерство его завершилось в 1869 году; с 1868 г. он академик, а с 1871 г. — профессор. Однако в ноябре 1871 г. Павла Ивановича и Варвару Александровну Якоби, живших после Вогезского похода в Турине, навещает проездом в Рим гражданская жена брата Валерия — А. Н. Пешкова-Толиверова (1842-1918)*. Неистовая революционерка едет к Гарибальди. Именно ей во время этой встречи доверил Гарибальди передать сердечный привет русскому народу с предсказанием его большой роли в грядущих революционных судьбах міра.

По всей вероятности, именно с этого времени Павел Иванович начинает пересматривать прежние свои взгляды. В Ита-

---

* Эта известная русская гарибальдийка в 1868 г. спасла жизнь приговоренному к смерти личному другу Джузеппе Гарибальди — писателю Луиджи Кастеллацо. Выдав себя за невесту смертника, она сумела передать в одну из самых неприступных темниц записку с планом подготовленного побега. Занимающийся исследованием жизни и деятельности «психиатра П. И. Якобия» главный врач Брянской областной больницы № 4 И. И. Щиголев пишет, что А. Н. Сусоколова-Тюфяева-Толиверова-Якобий-Пешкова была известной в России издательницей журналов по детской тематике. Ее дочь Вера в замужестве Чоглокова — проживала в Петербурге. А. Н. Пешкова-Толиверова похоронена в Александро-Невской Лавре. Предполагается, что в настоящее время (2002 год) в Санкт-Петербурге проживают дальние родственники А. Н. Толиверовой и одного из братьев Якобий — предположительно Валерия Ивановича.

лии он занимается научной работой, постепенно приобретя известность видного психиатра. Однако наибольшую известность принесла ему частная врачебная практика в Ницце, куда он вскоре переехал. В числе его пациентов в некрологе названы граф Лорис-Меликов и поэт Надсон. Но были, вероятно, и многие другие, в том числе также весьма влиятельные люди. Наконец, в 1887 г. П. И. Якобий переехал в Париж. Новых знакомых «очаровывала его громадная литературная образованность, как общая, так и специальная, блестящий ум, остроумие, которое сравнивалось с фейерверком, изящный стиль его речи. Эти свойства его ума вводили его в самые образованные круги политических, литературных и научных деятелей». В этот период Павел Иванович пишет и публикует целый ряд научных трудов, за один из которых «Etudes sur la sélection» (повлиявший на впоследствии широко известный труд Ламброзо) он был избран Мадридской академией наук в свои члены-корреспонденты.

Тогда же он решается вернуться в Россию. Примечательно, что это решение он принимает не в либеральное царствование Императора Александра II, а в эпоху Императора Александра III, время расцвета зрелой русской государственной мощи.

Вскоре после возвращения на родину П. И. Якобию было предложено место директора вновь создающейся психиатрической больницы Московского губернского земства. Вскоре, однако, он вынужден был оставить это место, хотя, по словам современника, «дорожил им еще и потому, что ему как писателю, близость к московским хранилищам книг была в особенности дорога и необходима, и с этих пор линия его деятельности окончательно определилась: Орел, Харьков, Могилев, Екатеринодар и Курск. Стремление попасть в крупный университетский город на место ординатора в больницу, а не директора, что он стремился обойти, не удалось».

Между тем, профессор Якобий прославился в Европе трудами в области основной своей профессии. Речь идет, прежде всего, о его книге, увидевшей свет в 1904 г. «Etudes sur la selection chez l'homme». Именно он впервые поставил вопрос об оказании психиатрической помощи непосредственно на театре боевых действий. В это время, напомним, Россия вела войну с Японией.

В годы первой «русской» революции П. И. Якобий работал в Харьковской губернии на так называемой «Сабуровой даче», считавшейся в то время самым крупным специализированным

учреждением в России*. В то время рядовыми психиатрами там работали такие позднее ставшие всемірно известными ученые, как В. А. Гиляровский, Т. И. Юдин, П. И. Ковалевский, Н. В. Краинский. Регулярно проводившиеся там научные конференции способствовали повышению квалификации врачей, являясь источниками новых научных идей. Именно поэтому Сабурову дачу нередко называли «Вольной Академией».

К сожалению, большинство сотрудников больницы совмещали свои профессиональные обязанности с помощью разрушителям того режима, благодаря которому они имели возможность лечить людей, заниматься наукой, содержать (и довольно неплохо) себя и свои семьи.

В 1905 году революционным движением в Харькове руководил небезызвестный Ф. И. Сергеев (Артем). Он был оформлен слесарем психиатрической больницы. Оружие революционеры хранили в водолечебнице и подземных переходах.

Сотрудники больницы не раз скрывали революционного вожака от преследований полиции. Так, один из врачей (П. П. Тутышкин) обучил его основам психиатрии, что помогало ему не раз скрываться от полиции.

Что касается старшего врача больницы П. И. Якобия, то сохранилось вполне определенное свидетельство, что он не только не понимал подобного двурушничества, но не принял и самого революционного движения, которому когда-то бездумно отдал, как мы помним, свою юность, молодость и даже часть зрелых лет. Его резкое выступление против приступа безумия тех, кто в силу основных своих обязанностей должен был избавлять страждущих от такового, его призыв одуматься вызвали лишь резкое недовольство среди коллег, которые потребовали его немедленной отставки. Остается лишь догадываться, с какими горькими чувствами Павел Иванович покидал Сабурову дачу, страдая от того, к чему сам бездумно приложил некогда руку. Однако ему было бы во сто крат горше, прочитай он то, что уже в наши дни пишут его коллеги — потомки переживших гражданскую войну, лагеря, тюрьмы, ссылки и прочую большевицкую дрессуру под управлением подельников заботливо оберегаемого ими когда-то

---

* *Смирнова С. Н.* 1905 год на Сабуровой даче // История украинской психиатрии. Сборник научных работ Украинского НИИ клинической и экспериментальной неврологии и психиатрии и Харьковской городской клинической психиатрической больницы № 15 (Сабуровой дачи) под общ. ред. И. И. Кутько и П. Т. Петрюка. Т. 1. Харьков. 1994. С. 125–127.

Артема: «...Коллектив Сабуровой дачи в дни первой русской революции участвовал в борьбе за прогрессивное переустройство больницы, которая позволила организовать образцовое коллегиальное управление того времени».

Некоторое отдохновение от обступавшего вокруг ужаса массового политического помешательства русского общества Павел Иванович находил, надо полагать, в своих занятиях стариной. Результатом многолетнего труда была его работа «Вятичи Орловской губернии», изданная в «Записках Географического общества по отделению этнографии» (Т. 32. СПб. 1907). В течение двадцати лет вел Павел Иванович кропотливые исследования жизни Жанны д'Арк. Любое свободное от основной службы время использовал он для работы в библиотеках Петербурга. Часто ездил в Париж, где занимался в Национальной библиотеке. К сожалению, ему удалось опубликовать лишь небольшую часть этого, несомненно, весьма ценного труда* в журнале «Вестник Европы» (1909. №№ 4-6).

Скончался Павел Иванович Якобий 11 марта 1913 года в С.-Петербурге от гриппозного воспаления легких в возрасте 71 года, как сообщали в некрологе, «с пером в руках и с мыслями о новых работах».

...и дети

Первые упоминания о сыне П. И. Якобия Иване Павловиче относятся к 1920-м годам — времени эмиграции. С первых же шагов он заявляет себя там как консерватор, монархист, преклоняющийся перед памятью Царственных Мучеников. Он жил и трудился, словно выплачивал долги, сделанные его отцом, так и не сумевшим полностью их оплатить...

Общественно-политическая деятельность И. П. Якобия зафиксирована в сборнике «Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940. Франция», основанного на сплошном просмотре русской эмигрантской прессы. Согласно этим данным, первый его доклад «О путях деятельности монархических организаций» (в рамках Русской монархической партии) состоялся 21 июля 1926 года[8]. В следующем году,

---

* Он не устарел и до сих пор. Дореволюционная журнальная частичная публикация труда П. И. Якобия до сих пор не утратила своего значения и учитывается современными историками (см., напр.: Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М. 1976. С. 853).

6 ноября он выступает с речью после панихиды «по замученным и убиенным большевиками»[9].

Наболее ранними из обнаруженных пока что нами публикаций И. П. Якобия являются его статьи в газете «Старое время». Эта газета, с подзаголовком «Орган русской национально-государственной мысли», выходила в 1923-1924 гг. в Белграде. Иван Павлович, как известно, жил в Париже. Стало быть, по его мнению, в то время там не издавали подлинно монархических газет*. (Такая же ситуация повторится и позднее, уже после второй мiровой войны, когда, проживая в Брюсселе, свои статьи он отправлял в Сан-Паулу, своим единомышленникам в Бразилии.)

С 1926 года он начинает сотрудничать со ставшим выходить в Париже ежемесячно журналом «Двуглавый Орел» — вестником Высшего монархического совета, печатавшимся под редакцией кн. М. К. Горчакова и Н. Е. Маркова. Статьи его, рассматривавшие историю недавнего прошлого и некоторые современные события в Европе и Азии, носили геополитический, политологический характер, содержали некоторые любопытные прогнозы. Попробуем, используя их, показать систему взглядов И. П. Якобия 1926-1927 гг.

Итак, 11 ноября 1926 г. Франция праздновала очередную годовщину перемирия. Великая война окончилась, но принесло ли это мир Европе?

«Война 1914 года и Версальский мир не разрешили ни одного из старых конфликтов, но создали много новых. [...] Достаточно одной искры для взрыва того порохового склада, который представляет из себя нынешняя всего боящаяся и поэтому всему угрожающая Европа»[10].

«Нельзя забывать, что в эгоистическом ослеплении союзники приветствовали падение до гроба верной союзу Царской власти и захват России бандой политических аферистов, — Милюковыми, Львовыми, Керенскими и им подобными»[11].

Об этой русской верности союзническому долгу сказал, между прочим, в своем выступлении в Палате депутатов французский политик левого направления г. Гунуию: «Мы должны при-

---

* Статьи И. П. Якобия выходили, как правило, под заголовками «Письма из Парижа» или «Парижские письма». Большинство из них подписано полным именем, лишь немногие криптонимом. См.: Старое время. Белград. 1924. 1-е изд. № 27 (21.3/3.4). С. 1-2; № 30 (31.3/13.4). С. 1-2; № 39 (2/15.5). С. 3; № 52 (16/29.6). С. 3; № 64 (28.7/10.8). С. 3. Второе изд.: № 4 (30.1). С. 2; № 15 (12.2). С. 2-3; № 35 (7.3). С. 2-3; № 41 (14.3). С. 3.

знать, рассматривая обе России военного периода, что *Россия Царя выполнила весь свой долг* и что Россия Ленина нам позорно изменила»[12].

Но не разумно забывать и о предательстве России «союзниками»*. Еще в 1926 г. в одной из своих статей И. П. Якобий приводил цитату из статьи французского журналиста H. de Rauville в «Revue Hebdomadaire» (18.8.1923), впоследствии повторенной им в своей книге «Большевизм»: «Большевизм родился 5 сентября 1914 года, в Лондоне, когда Россия потребовала, чтобы Проливы были ей предоставлены как вознаграждение за войну. Англия должна была преклониться: тогда нуждались в участии России, но, решив про себя никогда не допускать России до Средиземного моря, где она завладела бы одним из ключей дверей в Индию, Англия обещала самой себе, что "непредвиденный" случай нарушит условия договора. Этим "непредвиденным" случаем была революция 1917 года, из которой Германия сумела извлечь для себя блестящую пользу, и если Англия ничего не сделала, чтобы спасти Николая, Двоюродного Брата Английского монарха, то потому только, что несчастный Царь был одним из подписавших договор 5-го сентября, и если бы Он остался жив и завоевал бы снова Свой Престол, Он мог бы напомнить Альбиону его обещание. Разоблачения Княгини Палей относительно роли сэра Джорджа Бьюкенена в Петрограде, во время революции, ничего нового *посвященным* не открыли. Это было известно и раньше»[13].

Известную роль в этом безпримерном предательстве России ее союзниками сыграли «русские» дипломаты. «К сожалению, русские дипломаты последних времен в громадном большинстве были и остались чуждыми национальным интересам России. Им, главным образом, обязаны мы превратными взглядами иностранцев на русские события, именно наши послы Царского времени изобразили союзникам позорный февральский бунт в виде патриотического народного порыва, а преступное и преда-

---

* Эта тема стала впоследствии одной из важнейших в книге И. П. Якобия «Император Николай II и революция». Решение ее во всем многообразии и полноте, думается, все еще впереди. Заслуга же Ивана Павловича безспорно заключается в том, что он впервые поставил ее в особом, весьма значимом для России (не потерявшем своего значения и теперь) ракурсе. Уже после выхода в свет первого ее издания дочь английского посла в России Мириэль Бьюкенен, пытаясь полемизировать с автором, вынуждена была все же согласиться с фактами, приведенными им (*Бьюкенен М.* Крушение Великой Империи. Т. II. Париж. 1933. С. 8, 64-65).

тельское правительство Львовых, Милюковых, Керенских, — в образе какого-то провиденциального совета национальной обороны и общественого спасения. Даже в вопросе о спасении Царской Семьи от ужасной смерти наши дипломаты не только не проявили никакой инициативы, но даже, как, например, Извольский и Неклюдов, стремились парализовать попытки, которые делались в этом смысле за границей»[14].

Эти действия еще более усилили известную *западную болезнь*: «...В Европе просто боятся восстановления единой, сильной России и очень хотели бы так ухитриться, чтобы и большевицкую заразу уничтожить и восстановления настоящей России не допустить. Недавно французский министр внутренних дел г. Сарро произнес в Палате депутатов речь против коммунистов. "Современный коммунизм, — сказал г. Сарро, — весь пропитан *русской патологией бунта против Запада* и старыми идеями, старыми методами *русского империализма, царизма*. Оттуда пришел тот красный катехизис, который лежит передо мною и *деспотический дух которого выдает монгольское происхождение*, московскую диктатуру кнута..." [...] В словах французского министра явно сквозит общее предубеждение против Великой Царской России, предубеждение, вскормленное еще революционной романтикой сороковых годов и антинациональной пропагандой заграницей наших либералов и революционеров, от Герцена до Милюкова включительно»[15].

«...Безотчетный страх перед Россией тяготел над европейской Россией тяготел над европейской политикой в течение последних ста лет. В то время, как империалистические планы других держав свободно развивались в атмосфере общего попустительства, — стремления России к выполнению исторической своей роли миротворицы и защитницы христианства, всегда встречали резкий отпор объединявшейся Европы; не она ли в 1855 и 1878 годах стала на защиту полумесяца против креста? Тем же чувством страха перед сильной, т. е. национальной, Царской Россией диктовалась близорукая европейская политика явной и скрытой поддержки большевиков»[16].

Поначалу «захват власти большевиками в октябре 1917 года казался всем легкомысленным делом, разбойничьей проделкой, завершавшей позорный круг "безкровной" русской революции. Смахнуть эту шайку проходимцев, которая по слабости развалившегося Временного правительства забралась во дворцы и министерства, представлялось тогда задачей не более трудной, чем вытащить за шиворот громилу, залезшего в чужую квартиру. Но

скоро надежды на такую быструю ликвидацию большевизма исчезли. [...] И вот, через десять лет большевицкого разбойничания дождались торжественного заявления французского правительства о том, что "ничто не оправдывало бы теперь разрыв дипломатиеских сношений с правительством СССР"»[17].

«Европа переживает опаснейший момент своей истории, — предупреждал И. П. Якобий, — ей грозит самое страшное из всех испытаний, которые до сих пор она переживала. И для своего спасения, для спасения накопленной веками культуры и цивилизации, для предотвращения истребительных, — до полного уничтожения целых народов, войн, для возвращения к спокойной государственной жизни — Европе открыт только один путь: — Этот единственный путь ведет к скорейшему восстановлению окончательно переболевшей, а потому совершенно невосприимчивой к большевицкой заразе — Великой России»[18].

Иван Павлович пытается развеять страх, объяснить, достучаться: «Европейский империализм всегда был чужд настоящим основам *Империи*, как они были созданы древним Римом и унаследованы Россией. В "реакционной" России Пушкин, внук негра Ганнибала, был великим поэтом, дворянином и носил придворный мундир; в Англии и "свободолюбивых" Соединенных Штатах Пушкина-Ганнибала не пустили бы дальше кухни, и если бы у него возникла мысль жениться на белой американке, дочери какого-нибудь чикагского колбасника, то возмущенные янки, вероятно, линчевали бы его, как зазнавшегося мулата. [...]

...Где бы ни появилось русское царское знамя, там всегда происходило не умаление, а *расширение* прав местных жителей, там всегда сохранялись в неприкосновенности и вера, и бытовой уклад, там всегда присоединенные становились *полноправными* гражданами Российской Империи, подданными единого Царя. [...] Грузины, татары, буряты, имеретинцы, кавказские горцы, армяне достигали высших государственных должностей, бывали генерал-адъютантами, министрами, а армянин Лорис-Меликов не только сделался графом, но и фактически диктатором государства»[19].

Тщетные усилия! Ибо страх этот перед Россией, долго вскармливаемый в европейцах, оказался делом весьма выгодным их «верхам». Прекрасно зная о наличии такого спроса, «русские» дипломаты, о которых уже писал И. П. Якобий, торопились с предложениями. По мнению одного такого экс-дипломата Е. В. Саблина, пребывавшего в Лондоне, «для обезпечения России иностранной помощи необходимо принять тот будущий

государственный строй нашей родины, который "признается желательным" в воображении "серьезных англичан". Как сам русский народ отнесется к такому решению его судьбы торговцами из Сити, — г-ну Саблину безразлично»[20].

«...Кончилась Великая война между государствами, — пишет И. П. Якобий, — и началась великая война внутри государств. Кровь продолжает литься, но не на полях сражений, а в храмах, на улицах, в домах, на манифестациях, "у стенок", всюду сказывалась работа темных разрушительных сил»[21].

Иван Павлович уверенно рисует послевоенное положение Европы:

Три рухнувших Императорских Престола. Три изгнанных Династии.

«Иудо-большевики в России», «революция в Германии».

Потрясенная социальными экстремистами Италия.

Венгрия, Саксония и Бавария «в руках иудо-коммунистов».

«Болгария под игом полубольшевицкого правительства».

«Анархия в Испании».

«Переход власти в Англии к трудовикам» (лейбористам).

То был штурм христианской цивилизации в Европе «международной армией», штаб которой находился в Москве.

«Страх перед окончательной гибелью» не сплотил государства Европы для отпора; он «побудил державы пойти с поклоном в Москву. [...] Около 1920 года Европа билась уже в судорогах отчаяния, а в Москве готовили иллюминации в честь мiровой революции»[22].

Но что-то все же вдруг происходит. «В Германии большевизм как-то сразу оседает и быстро ликвидируется; взбунтовавшийся было немецкий народ, вкусивший от плодов революции, меняет фронт и плебисцитом избирает в президенты республики старого монархиста — фельдмаршала Гинденбурга. В Болгарии никому доселе неведомый профессор Цанков с несколькими друзьями в одну ночь производит государственный переворот и железной рукой вытаскивает страну из той пропасти, куда она было скатилась. В Венгрии Бела Кун едва спасается бегством, и регент Хорти стирает всякие следы большевизма. В Италии Муссолини со своими черными рубашками берет Рим и воскрешает угасший патриотизм. В Испании генерал Примо де Ривера военным "пронунциаменто" останавливает и осиливает анархию, наконец, в Англии падает большевичествующее министерство трудовиков, которое сменяется правительством консерваторов»[23].

И. П. Якобий объясняет все эти благотворные перемены:

«Пробуждением творческих государственных сил. Именно творческих, а не политических».

«Мощным инстинктом самосохранения, выдвинувшим в Европе людей различных взглядов и происхождений».

«Возвращением к сильной национальной власти и закона и порядка».

Однако «выздоравливающую» от большевицкой заразы Европу подстерегает в это время другая опасность — «громадное обходное движение в Азии».

«...Будучи интернационалистами в Европе, — большевики явились на Востоке проповедниками самого непримиримого национализма цветных рас»[24]. Роль их в разжигании пожара в Азии не умаляется даже тем в общем-то весьма важным обстоятельством, что «в советской власти восточные народы видят лишь временного союзника против общего врага, как то же видели в коммунизме немцы в 1917 году»[25].

«Большевицкие агенты просачиваются через сухопутные границы с чемодами, набитыми рублями и литературой по "национальному самоопределению"...»[26]

Разумеется, «не ради освобождения азиатских народов большевики работают и сыпят червонцами, а для того, чтобы под железной ферулой III Интернационала бросить это громадное сорганизованное стадо на "буржуазную" Европу. Какая доблесть, какие технические силы смогут остановить этот человеческий поток, который польется из неисчерпаемых азиатских хлябей? Ведь одни народы желтой расы, совместно с Индией составляют около *одного миллиарда* населения!»[27]

Иными словами, «против порядка подняты слепые народные массы, обманутые ложными лозунгами узкого, варварского национализма»[28].

«Искры брошены по всей Азии, и пожары безпрерывно вспыхивают то здесь, то там»[29].

«Остро-национальное брожение происходит во всем мусульманском міре»[30].

Индия. «Молодые индусы ездят учиться в Европу и возвращаются оттуда с той внешней культурой, которая необходима для организационной работы»[31].

«...Один из ключей к Индии — Афганистан, уже находится в сфере прямого влияния иудо-большевицких советов»[32].

«Резня на Яве, бунт на Суматре»[33].

«Какая упорная, настойчивая пропаганда, — замечает И. П. Якобий, — потребовалась для того, чтобы поднять на убийства и бунт это мирное, ленивое и спокойное малайское население!»[34]

Особое значение для большевиков играл Китай. «Китайская национальная революция есть тыл СССР»[35], — заявлял Н. А. Бухарин.

«...В Китае большевики выдают себя за освободителей китайцев от угнетения злостных империалистов европейцев, американцев и японцев»[36].

«Наступление Москвы в Китае, — писал французский ученый Legendre в газете "Matin", — было столь же счастливым и настойчивым, сколь и мощным»[37].

«Москва опирается в Китае на южных националистов партии Гоминьдан [...] Кантонская "национальная" армия, под командованием генерала Чан Кайши, фактически управляется штабом красных офицеров из Москвы...»[38]

«Цель красных — завладение Шанхаем...»[39]

«...Мы присутствуем при странном зрелище: выполнение исторической задачи, которая пока оказывается не под силу великим державам, берет на себя дружина доблестных русских людей, заброшенных судьбой-мачехой на край Азии. На защиту опоры Европы в Китае — города Шанхая двинута пятитысячная дивизия русского генерала Нечаева»[40].

«...На дальних китайских равнинах русские герои "полягут костьми", спасая Европу от полчищ ослепленных иудобольшевизмом азиатов»[41].

«Там, в Китае, — писал И. П. Якобий, — где настоящая Россия представлена не дипломатами, а воинами, выковываются ныне будущие судьбы міра. [...] Слава доблестным сынам Родины, творящим в Китае великое русское национальное дело»[42].

Для современного русского читателя то, о чем писал Иван Павлович, — малоизвестная страница истории.

Дело в том, что после гражданской войны на территории Китая только русских офицеров оказалось не менее 5 тысяч человек. В ходе нестроений в самом Китае русские части зарекомендовали себя с самой лучшей стороны. Это привело к объявлению мобилизаций русских военных эмигрантов, нередко даже «под угрозой высылки в Совдепию»[43].

Таким образом, немало русских военных находилось на службе в китайской армии и полиции, а также служили инструктора-

ми. В гражданской войне в Китае они принимали участие главным образом на стороне уроженца Маньчжурии Чжан Цзолиня, присвоившего себе титул маршала. «С русскими беженцами, — свидетельствует американский историк Дж. Стефан, — попавшими в его владения, Чжан Цзолинь вел себя по-джентльменски, проявляя к тем, кто волей судьбы оказался у него в руках, не только вежливость, но и сочувствие. Десять тысяч забайкальских казаков получили от него в подарок обширную территорию вдоль реки Аргунь в Северной Маньчжурии. Тысячи русских работали в его правительственных учреждениях, армии и полиции, причем им часто отдавали предпочтение перед китайцами»[44].

Именно под его эгидой была образована Русская группа войск в Китае. Она была «сформирована ген.-лейт. К. П. Нечаевым (нач. штаба полк. Карлов) по просьбе командующего фронтом Чжан-Зунчана. Включала пехотную (104 и 105-й полки по 500 шт.) и кавалерийскую бригады двухполкового (по 300 саб.) состава, отдельные инженерные роты, дивизион из 6 бронепоездов и воздушную эскадрилью (кроме того, охрана ген. Чжан Зунчана 120 шашек при 5 офицерах и 107, 108 и 109-й полки с русским кадром)»[45]. В 1927-1928 гг. в Шаньдуне существовало даже специальное Русское военное училище в Китае[46].

Останавливая красный вал социалистического Китая, Русская группа войск принесла огромные жертвы. Только в Цинанфу (главной базе русских войск) было погребено почти две тысячи воинов, то есть половина всех добровольцев[47].

К началу 1930-х годов русские воинские части были распущены.

Однако брожение в Азии было выгодно не одним лишь большевикам. И. П. Якобий приводит слова из книги сиониста Эберлина: «Организация азиатского міра для осуществления социализма — такова *наша* задача... Русская революция открывает еврейскому пролетариату и еврейской революционной интеллигенции самые широкие перспективы. Им предстоят гигантские задачи и *созидающая роль*... Палестина, бывшая колыбелью иудейства, христианства и мусульманства, быть может, *предназначена стать центром* социальной доктрины...»

Ответственность за то, что подобные мысли смогли проводиться в жизнь, разделяет, по мнению Ивана Павловича, с красными интернационалистами английское правительство, которое «ухитрилось своей евреефильской политикой из мирной Палестины создать очаг опасного брожения и недовольства, чем, конечно,

воспользовалась все та же Москва. Еврей Эберлин в своей книге "Накануне возрождения", говоря о задачах сионизма, совершенно откровенно признает, что сионизм "встречается с советской пропагандой, которой он должен содействовать всеми силами". А в отношении Англии, создавшей еврейское государство в Палестине, иудейский публицист угрожающе заявляет, что "наша главная задача теперь — разрушение британского империализма..." Такова еврейская благодарность! Как волка ни корми...»[48]

Противостоять всему этому напору могла одна лишь Империя.

«Самое понятие "Империи", — писал И. П. Якобий, — определяется не величиною государственных границ, а *собиранием различных народов под единой общей властью*. [...] Единственным современным государством, вполне отвечавшим понятию Империи, была Россия; только она сумела действительно объединить в одно мощное целое самые различные по расе, культуре, религии и языку народы. Империи Австро-Венгерской это не удалось. Империя Германская собрала лишь одних немцев»[49].

При этом он приводил цитату из книги одного из «красных общественных деятелей» И. Лорис-Меликова «La revolution Russe et les nouvelles republiques transcaucasiennes»: «...Только престижем этого культурного влияния, веками осуществляемого Императорской Россией, и может объясняться то, поистине чудодейственное, явление: несмотря на ужас большевизма, несмотря на разорение государства, Россия *не распалась* на составные части, как Австрия, и советское правительство, играя влиянием *русского* имени на Востоке, — может вести міровую политику»[50].

Некоторые отголоски подлинной Империи И. П. Якобий приметил также в Италии Муссолини: «Фашизм, выдвинувший *наши*, русские принципы взаимодействия единой сильной власти и мнения выбранных из народа сведующих людей или, как их французы называют «les compétences» — является европейским *подражанием самодержавному правлению*»[51].

И далее: «Какого бы ни быть мнения о фашизме, надо признать за ним большую творческую, поистине міровую, силу»[52].

«Фашизм достиг *экономического воскрешения* Италии»[53].

«...Проявился бурный порыв к немедленному действию»[54].

«За четыре года фашизм создал Италии положение великой державы. Притязания ее на северный берег Африки уже тревожат Францию. С заключением Тиранского договора, подчинившего Албанию господству Италии, Адриатика фактически стала внутренним итальянским морем»[55].

«Снова, в который раз в истории возобновляется мечта воскресить великую идею міровой Империи, поднять скипетр Цезарей, которого не смогли удержать ни Карл Великий, ни Наполеон»[56].

Но, кроме этих, более или менее общих, были у И. П. Якобия размышления и на более специальные темы:

«Статистика последних лет раскрывает знаменательное явление, на которое у нас обращают, к сожалению, весьма мало внимания: в большинстве государств Западной Европы рождаемость и прирост населения медленно, но неуклонно падают. Недавно еще Франция стояла на последнем месте в отношении прироста; теперь Германия приближается к этому роковому уровню, а Англия уже перешла его.

Пытались объяснить этот упадок потрясениями войны, экономическим кризисом, переживаемым воевавшими народами, вообще временными причинами.

Но от этой утешительной отговорки приходится отказаться. Упадок прироста населения коснулся в такой же степени и нейтральных государств, не только не оскудевших, но сильно разбогатевших за время войны: Швеции, Дании, Швейцарии.

Нельзя закрывать больше глаза на суровую правду: Европа подошла к эпохе вымирания.

Социология учит, что падение рождаемости сводится не только к численному уменьшению населения. Напротив, это явление тесно связано с общим *ущербом* во всех жизненных проявлениях народа: государственном, нравственном, творческом; это признак упадка чувства расового самосохранения, яркое и наглядное проявление расового *вырождения*

И в древности народы жили, наполняя мір своею славой и потом исчезали, оставив в память потомству лишь каменные развалины, заросшие травой, засыпанные песком.

И теперь очень похоже на то, что Европа завершает свой жизненный круг и, дав полный цвет своей цивилизации, медленно погружается в небытие.

Знаменательно, что почти единственный народ Западной Европы, избегнувший этого омертвения своего семени — итальянский, — отказался следовать дальше торным путем, протоптанным демократическими стадами последнего столетия; и не в этом ли историческом повороте Италии следует искать разгадку ее чудодейственного оживления?»[57]

Из всего этого круга идей проистекал и позднейший, времен второй міровой войны, столь характерный для правой русской

эмиграции[58] колаборационизм И. П. Якобия (во всяком случае, идейный!) с оккупировавшими Францию Германскими властями. Памятником того времени явилась его книга, вышедшая в Париже в 1941 году: «Причины и последствия войны. Франция в новой Европе».

Дело жизни

Однако, если бы жизнь И. П. Якобия ограничивалась только сказанным нами ранее, вряд ли бы мы сегодня вспомнили про него.

Два принадлежащих ему дела не позволят предать имя его забвению, по крайней мере, во Франции и России.

В 1932 году в Париже «Mercure de France» выпустило на французском языке книгу «Тайна Жанны д'Арк, Орлеанской Девы».

«Эта книга, которую я представляю читателям, — писал в предисловии Иван Павлович, — не что иное, как резюме, итог внушительного труда по той же теме, которому мой отец, доктор Павел Якобий (Paul Jacoby), посвятил двадцать лет кропотливых исследований. После кончины доктора Якобия рукопись книги пропала в вихре войны и ее последствий; осталась лишь статья, опубликованная в 1909 г. в... журнале и передающая суть ее. Я попытался восстановить если не весь труд в целом, то, по меньшей мере, основное положение автора по теме происхождения и загадочной "тайны" Девы»[59].

Речь идет о Жанне д'Арк. По мнению И. П. Якобия, Жанна не была дочерью Жака д'Арка и Изабель Роме. По рождению она принадлежала к Орлеанскому Дому (была незаконной дочерью Людовика Орлеанского). Отсюда ее статус, ее знание Двора и міра армии — версия «бастардистов» («bâtardisants»). По свидетельству современников, книга эта вызвала «сенсацию во Франции». У ее автора появилось множество последователей (до сих пор у нее немало сторонников*). «Сотни статей и даже несколько книг, — писал современник, — написано об этой замечательной книге. Академик Генрих де Ренье в своей подробной критике исследования Якобия писал, что она написана с замечательным искусством. В 1936 году он издал новую книгу под заглавием «La Pucelle d'Orléan», снова встретившую восторженный прием французской критики»[60]. (О последующих книгах И. П. Якобия

---

* Впрочем, есть и противники. См.: *Оболенский С. С.* Жанна — Божья дева. Paris. 1988. С. 156-157.

о Жанне д'Арк см. в приложенной к настоящему изданию библиографии его трудов*.)

Другой главной книгой его жизни стал труд, свидетельствовавший «о той жертве, которую Царь-Мученик принес за Россию»[61]. С рассказа о нем мы начали наш очерк.

Судя по найденным материалам, концепция книги стала зарождаться у Ивана Павловича давно, еще в первой половине 1920-х.

4/17 июля 1924 года. Париж. «Панихида по злодейски убиенной Царской Семье, — пишет Иван Павлович. — Церковь полна молящимися. Молишься за Страдальцев и ясно представляешь себе картину Екатеринбургского ужаса, словно видишь физических убийц. Но за последними столь же ясно вырисовываются злобные тени тех, кто в течение многих лет вел Их к Голгофе, кто впервые пленил Их, старательно сторожил и передал из рук в руки неизбежным палачам. Мрачно на душе. Сколько повинных в смерти Их стоит здесь рядом, сколько их, присутствующих ежедневно, пожимают руки тем, кто является моральными *убийцами* Венценосца! Знаешь, кончится богослужение, молящиеся разойдутся в разные стороны, и через несколько часов те же лица — стоявшие в церкви — деловито и спокойно будут заседать в "Эмиграционном центре" с Авксентьевыми, Карташевыми и пр. активными деятелями того "правительства" и того «над-правительства», в виде советов рабочих депутатов, которые арестовали Царскую Семью, допускали издевательства над Нею, сослали Ее в Тобольск, держали там, зная, что неминуем захват власти российскими Маратами и Робеспьерами, передали Их явным разбойникам. Эти лица, заседая и, считая себя отчего-то монархистами, — станут спины свои подставлять для того, чтобы по ним взобрался на седалище "посла" от русской "общественности" крупнейший масон, отъявленный безбожник Василий Маклаков, в душе — по праву — потешающийся над потерявшими чувство достоинства людишками... Другие из церкви отправятся в местную организацию Обера и станут, забыв о панихиде, спокойно обсуждать меры борьбы с большевиками — с... Гучковым — потворством своим приказу № 1 и прочим мерам по раз-

* Определенный интерес представляла эта тема также и для русской монархической эмиграции. Известно, например, о докладе И. П. Якобия «Жанна д'Арк и идея легитимизма», сделанном 18.2.1930 в парижском Café La Rotonde для членов Союза младороссов (Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940. Франция. Т. 2. М. 1995. С. 25).

ложению армии — расчистившим путь тем же большевикам, с тем *негодяем*, который из личной ненависти к Государю — нал-гав Ему во Пскове, участвовал в постановлении "правительства" об Его аресте, уготавливая тем самым Ему и Семье Его гибель, и затем, подобно Пилату, отошел в сторону.

Подумаешь обо всем этом, и страшно делается — смогут ли русские люди, имеющие так мало чувства достоинства, совершить требуемый от них великий подвиг. Корим иностранцев за дружбу с большевиками-убийцами, а сами дружим с моральными убийцами нашего Государя. Да еще лицемерно на панихиды ходим...

Маклаковы, Гучковы и проч. надругались над всем святым для нас, на них видна кровь Царственных Мучеников, а мы гнем перед ними выи, покорно ослиною поступью тащим их в гору... И погонщикам — жидо-масонам — не приходится даже щелкать бичем...»[62]

Словом, всё, как писал — но уже на другом конце света, в Харбине — известный русский поэт (в прошлом офицер) Арсений Несмелов (1889-1945) в стихотворении «Цареубийцы»:

Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростью ладан жжем,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки Царя идем.
. . . . . .
Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни...[63]

Некоторые идеи будущей книги (французского варианта 1931 г. и русского 1938 г.) И. П. Якобий апробировал перед парижской русской эмиграцией (не самой монархически настроенной, заметим).

6 декабря 1926 года, в день святителя Николая Чудотворца русские люди собрались в парижском отеле «Мажестик» «почтить мученическую память своего Государя». Сразу же после панихиды слово предоставили И. П. Якобию. «В сжатом четком очерке докладчик показал, как постепенно все слои образованного русского общества втянулись в борьбу против Царской власти. Под конец дошло до того, что часть царских министров — Сазонов, Харитонов, генерал Поливанов, кн. Щербатов и др., открыто пошли за революционным прогрессивным блоком. И. П. Якобий привел ряд показательных выдержек из записи заседаний Совета министров 1915 г., опубликованных г. Яхон-

товым в "Архиве революции". Государь ясно видел всю эту измену, хорошо понимал всю опасность положения и все усилия напрягал, чтобы выиграть время для победы над внешним врагом. Но в этом Ему сумели помешать, поспешив с революцией. "Революция опередила победу". Вспоминая слова Государя, сказанные Им в 1916 году: "если нужна искупительная жертва, чтобы спасти Россию, Я буду этой жертвой", — И. П. Якобий закончил свой доклад выражением надежды, что русские люди, не сумевшие отвести от своего Царя чашу страдания, теперь должны стремиться к тому, чтобы эта жертва не оказалась бы принесенной безполезно»[64].

Более подробно изложено выступление Ивана Павловича в 10-ю годовщину октябрьского переворота на соединенном собрании Монархического и Патриотического объединений 24 октября 1927 года. Согласно опубликованного отчета он «обстоятельно доказал», что «Временное правительство все сделало, чтобы расчистить путь большевикам и последние во многом воспользовались подготовительными трудами февральских революционеров. Без февральской "работы" успех большевиков был бы немыслим. Известно, что большевики получали немецкие деньги для разрушения русского фронта, вели пораженческую пропаганду и заключили постыдный Брест-Литовский мир. Но и Временное правительство работало в том же направлении. [...] Деятелями февральской революции издан и преступный "приказ № 1", и "декларация прав солдата", нанесшие смертельный удар дисциплине в войсках. О комиссии по преобразованию военных уставов, под председательством генерала Поливанова, генерал Деникин дает следующий отзыв: "С невероятным цинизмом, граничащим с изменой Родине, это учреждение, шаг за шагом, день за днем проводило тлетворные идеи и разрушало разумные устои военного строя". В середине апреля, через полтора месяца после февральского переворота, ген. Алексеев, приехавший с фронта, докладывал Временному правительству, что "революция нанесла страшнейший удар нашей военной силе и что ее разложение идет колоссальными шагами".

Вознесенное волною революции, Временное правительство не хотело воевать и с самого начала подготовляло измену союзникам. Военный министр Гучков настаивал на скорейшем мире с немцами. В сентябре 1917 года мысль о немедленном мире поддерживалась министром Коноваловым и бар. Нольде. Все действия самого Керенского, убежденнейшего циммервальдийца,

т. е. пораженца, вели армию к разложению. Военный министр правительства Керенского, Верховский, докладывал, что Россия, окончательно разложенная революцией, воевать больше не может. Ко времени большевицкого переворота все было подготовлено для позорного мира.

Предшественница Чеки — "чрезвычайная комиссия по расследованию действий Царской Семьи и Государева правительства" — создана была февральскими преступниками. С деятелями "старого режима" это учреждение расправлялось чисто по-чекистски. По свидетельству члена комиссии Романова, "заключенных недокармливали, примешивали им в пищу битое стекло, опилки". Больную Вырубову тюремный врач бил по щекам. О военном министре Беляеве председатель чеки Временного правительства, прис. пов. Муравьев говорил: "Если Беляев и совсем невиновен, то теперь нужны жертвы для удовлетворения справедливого негодования общества против прошлого". И эти, брошенные в разъяренную толпу призывы стоили тысяч жертв и кровавых расправ.

Страшное Екатеринбургское злодеяние было подготовлено Временным правительством. Цареубийство было тщательно обдумано и подготовлено не только до большевиков, но и до февральской революции теми, кто эту революцию сделали. Генерал Алексеев рассказывал, что еще в начале февраля к нему обращались с предложением участвовать в заговоре против Государя Императора и, в случае необходимости, убить Его. Генерал Алексеев, по его уверениям, отклонил это предложение, но об измене и заговоре не доложил Царю.

Алексеев знал, что Рузский и Брусилов были в заговоре.

После отречения Государя от Престола Керенский, тогда министр юстиции, характерным жестом объяснил прис. пов. Карабчевскому, что Государя ждет смертная казнь. Арест Царской Семьи Временным правительством Набоков определил, как завязывание узла, который был разрублен в Екатеринбурге.

Временное правительство делало все, чтобы привести Государя к роковому концу. Отрезываются им все пути ко спасению. Милюков скрывает от Государя телеграмму Английского короля с предложением убежища в Англии. Оставляется без внимания заступничество Испанского короля Альфонса XIII. Когда выяснилась невозможность собрать против Царя и Царицы данные для судебного разбирательства, Керенский с прочими "министрами" ссылают Царскую Семью в Сибирь. Большевикам оста-

валось только опустить нож, занесенный над Царской Семьей преступными лицемерами февральской революции.

Показательно то, что недели за три до Екатеринбургского злодеяния в Париже, в русской газете "Русский воин и гражданин" говорилось о предстоящем убийстве Государя Императора. Газета эта издавалась на средства той масонской ИМКи, которая теперь в Зарубежье пользуется таким уважением со стороны февральских переворотчиков и их содержанцев»[65].

Известно, что 11 декабря 1929 г. И. П. Якобий выступал с докладом «Как предали Царя в феврале 1917 года» на вечере Русской монархической партии в Restaurant Garde[66]. 25 июня 1930 г. в той же аудитории он рассказывал о «Февральских днях 1917 года»[67]. Наконец, 15 апреля 1936 г., выступая в Обществе взаимопомощи «Русский дом в Париже» в цикле бесед «Русский исторический путь», он произнес вступительное слово «Русская революция (причины и следствия)»[68].

Таким образом, круг идей Ивана Павловича был более или менее хорошо известен по выступлениям на различного рода эмигрантских собраниях и, наконец, по первому французскому изданию его книги. Однако до выхода русского издания 1938 года русская эмигрантская пресса хранила о ней гробовое молчание.

Тому было несколько причин:

Соответствие высказанных автором в книге мыслей сокровенным убеждениям его соотечественников, уже заявленным ими открыто или все еще хранимым втуне. Можно сказать и по-другому: выяснилось вдруг, что пером Якобия водил как бы просыпающийся от страшного наваждения народ. Об этом свидетельствует судьба его книги в разразившихся вскоре после выхода второго ее издания новых испытаниях: русские люди, вновь превратившиеся в военных беженцев, сберегали ее как самое дорогое.

Доход от издания книги был принят в пожертвование Комитетом по сооружению Русского Православного Храма в Брюсселе в память Царя Мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных. Причем, даже достаточно сильный нажим на Комитет с целью заставить его отказаться от пожертвования не оказал ожидаемого действия.

Еще были живы многие участники предательства, делатели и непосредственные участники переворота. Якобий же с доказательствами в руках уличил в преступлении, как отечественных заговорщиков, непосредственных участников свержения в России традиционного образа правления (причем, в условиях войны!),

так и зарубежных вдохновителей, лжесоюзников, не оказавших помощи неукоснительно соблюдавшему Свой союзнический долг Монарху и Его Семье, находившихся в смертельной опасности.

Шок у откровенных и прикровенных врагов России, безусловно, вызвало то обстоятельство, что в книге были не только выявлены и проговорены ряд важных для восстановления расколотого национального самосознания идей, но вдобавок еще и то, что само это малотиражное издание (при любом представившемся случае с ненавистью уничтожаемое противниками) являлось еще и неким консолидирующим фактором для многих русских эмигрантов.

Исследуя феномен сделавшего возможным февральский переворот 1917 года предательства, И. П. Якобий никак не мог обойти вниманием личности генералов Алексеева и Корнилова, арестовавших во время клятвопреступного бунта Государя и Государыню с Наследником и Дочерьми, являвшихся одновременно двумя основными фигурами Белого движения. Нет, в книге Якобия ни слова не говорится о самом Белом движении, выходящем за хронологические рамки исследования, но генералы-клятвопреступники были, к сожалению, основателями этого движения, знаковыми, так сказать, его фигурами.

Их оценка в свое время была дана доблестным, не изменившим присяге генералом Ф. А. Келлером.

«Объединение России, — писал он Алексееву в ответ на приглашение его в Добровольческую армию, — великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый даже Ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, которым может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете...»

Высказался он и о другом белом вожде: «Корнилов — революционный генерал... пускай пытается спасать российскую демократию... Я же могу повести армию только с Богом в сердце и с Царем в душе. Только вера в Бога и мощь Царя могут спасти нас, только старая армия и всенародное раскаяние могут спасти Россию, а не демократическая армия и "свободный" народ. Мы видим, к чему привела нас свобода: к позору и невиданному унижению».

Пусть те, кто знаком с *документами* и *воспоминаниями* о деятельности генералов Алексеева и Корнилова 1916-1917 гг., зададут себе вопрос и *честно* ответят на него: были ли у этих генера-

лов ко времени переворота (вопреки русской военной традиции) политические предпочтения? Отсюда и другой вопрос: по душе ли этим генералам была их служба новой «демократической» республиканской власти или нет?* Честный, ничем не связанный и никем не ангажированный, историк ответит на оба эти вопроса утвердительно. (Читатель сможет вполне в этом убедиться, ознакомившись с нашим документальным очерком и с обширными приложениями к нашей книге.)

По-иному повела себя русская военная эмиграция. Да, тема была тогда еще горяча. Но ведь и покаяние нужно было приносить еще при жизни...

Как бы то ни было, но «на Якобия начались нападки со стороны кругов, которые, будучи русскими националистами, должны были бы ее только приветствовать»[69].

Развернувшаяся критика, легко переходящая в настоящую брань с недозволенными в цивилизованном обществе приемами, еще раз подтвердила неслучайность событий февраля-марта 1917 года в Петрограде.

Приведем образцы самой типичной и самой «умной» критики:

Полковник В. М. Пронин («генштабист», ближайший сотрудник генералов Алексева и Корнилова) так и ставит вопрос: не Царь-Мученик Николай II и Его народ, а «русский народ и его Царь-Мученик Николай II». (Все это уже знакомые нам мотивы «народолюбцев»**.)

Он и далее переворачивает все с ног на голову, сваливая с больной головы на здоровую: «Ген. Алексеев и Корнилов первыми выступили на борьбу за Россию с углубителями революции и большевизмом. Они спасли честь России». — Да, с большевизмом они боролись. Но ведь тушить наш дом они стали лишь после того, как сами его перед этим подожгли, вступив в сговор с февралистами.

А вот другой критик: И. И. Тхоржевский — государственный деятель, камергер, литератор, масон, «монархист». Вот его харак-

---

*Не будем здесь ставить вопрос о верности генералов присяге. Клятвопреступники, враги Русского Самодержавия и масоны немедленно вывернутся, сославшись на *букву* (не на *дух*, разумеется) Царского т. н. «отречения» и последнего Государева обращения к горячо любимой Им Армии, запрещенного к обнародованию самими временщиками, а, потому, между прочим, не имеющего формально законной силы.

**См. наш вступительный очерк к дневникам Л. А. Тихомирова (...И даны будут Жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М. «Паломникъ». 2002. С. 561-566).

теристика России в феврале 1917 года: «тыловой бунт низов» и в тех же самых «низах» «слепое, животное, немедленное желание мира». При этом Дума (февральская!) «жизненно направляет работу власти». Этакое легкое сожаление о «потере взаимопонимания». Впрочем, Иван Иванович не был и против восстановления Монархии в России. Правда, на Трон этот масон прочил убийцу Царского друга Великого Князя Дмитрия Павловича.

Кстати, о Г. Е. Распутине И. П. Якобий написал и издал в 1935 г. на французском языке книгу, до сих пор, к сожалению, не найденную*. Запрошенная по нашей просьбе в крупнейшей парижской библиотеке (и значащаяся там на библиографической карточке), она так и не была обнаружена. Причиной отказа была ее *утрата в годы второй міровой войны во время бомбардировки...*

Однако, несмотря на волну критики и стену непонимания, И. П. Якобий продолжал взывать к совести своих соотечественников. «Если русские люди, — писал он, — не сумели ни защитить свою родину, ни спасти своего Царя, то в эти тяжелые годы изгнания на них лежит священный долг благоговейно и с раскаянием преклониться перед памятью Того, Кто, окруженный "изменой, трусостью и обманом", самоотверженно вел Свою борьбу за Россию и принес ей в жертву жизнь Свою и Своих близких».

Но многие ли из русских эмигрантов приняли эти слова всем своим сердцем и покаялись?.. Такими, нераскаянными многие и ушли из этой жизни. Вот что страшно... Доспаривали уже после войны. Только естественная смерть оборвала полемику...

Впрочем, обо всем этом подробнее опять-таки в нашем очерке.

До сих пор, говоря о книге И. П. Якобия и о развернувшейся вокруг нее полемике, мы писали главным образом о проблемах русской эмиграции. Теперь многострадальный труд, после долголетних странствий на чужбине, возвращается, наконец, домой. И уже русскому читателю его здесь, на Родине, предстоит ответить на вопросы, поставленные автором почти семь десятилетий тому назад:

«Погиб Царь, погибла и Великая Россия...

---

*Интерес к Григорию Ефимовичу у И. П. Якобия не угас и позднее. Уже после войны совместно с др. русским эмигрантом, выходцем из известной бессарабской дворянской фамилии Полем Мурузи (Paul Muruzi) он написал пьесу о Г. И. Распутине. Известная французская газета «Figaro» от 20 или 21 марта 1953 г. сообщала о готовящейся постановке этой пьесы (Часовой. № 343. 1954. Июнь. С. 16-17).

От русских людей зависит, чтобы жертва эта не была напрасной, от них зависит понять значение высокого подвига Императора Николая II, от них зависит объединиться с чистыми сердцами вокруг светлого образа Царя-Мученика.

Русский Царь представляет собой не режим, не сословие, не класс; он представляет собой Россию; вместе с ней Он прошел дни славы, вместе прошел Свой Крестный Путь.

И погибшая Царская Семья олицетворяет в сознании нашем всех русских людей, всех скорбных матерей, всех детей, революцией умученных, всех наших близких, всех друзей, которых унесла от нас кровавая смерть.

Средствами и трудами русских здесь за рубежом сооружен в Брюсселе Храм, посвященный памяти Государя, Царской Семьи и всех русских людей в крамоле погибших.

Будем верить, что памятник этот только прообраз того величественного искупительного храма, который весь народ русский воздвигнет на родной земле Святому Благоверному Царю Николаю, Святой Благоверной Царице Александре и Детям Их, жизнь Свою за Россию положивших».

Сам И. П. Якобий Царю и России был верен до гроба. Поселившись после войны в Брюсселе, до конца дней своих он продолжал писать, пытаясь разбудить совесть соотечественников. Последние его писания выходили буквально на другом конце света — в малотиражном, но хорошо известном среди русских монархистов журнале «Владимирский вестник», выходившем в бразильском городе Сан-Паулу. Преставился Иван Павлович в ночь с 23 на 24 декабря 1964 года*.

Сергей ФОМИН
25 января/7 февраля 2003 г.
Свт. Григория Богослова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Геруа Б. В.* «Император Николай II и революция» // Часовой. № 238-239. Париж. 1939. Июль. С. 29.
2. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 27. Л. 1984. С. 34-35.

* Место погребения И. П. Якобия неизвестно. Возможно, это был фамильный склеп de Jacoby на одном из брюссельских кладбищ (коммуна Uccle), доступ к которому исследователям до сих пор закрыт (Кладбища коммун Ixelles и Uccle в Брюсселе. Алфавитный список русских захоронений, составленный И. И. Грезиным. СПб. 1996. С. 21, 23).

3. *Раскатов В.* †Иван Павлович Якобий // Владимирский вестник. № 102. Сан-Пауло. 1965. Январь. С. 38.
4. *Геруа Б. В.* «Император Николай II и революция». С. 29.
5. *Иогансен В.* Я обвиняю генерала Лампе... // Владимирский вестник. № 87. 1961. С. 11.
6. *Раскатов В.* †Иван Павлович Якобий. С. 39.
7. Очерк о П. И. Якобии составлен, в основном, на основании ст.: *W.* Некролог Павла Ивановича Якобия // Вопросы психиатрии и неврологии. 1913. № 3. С. 141-142; *Трифонов В. В.* Одна из первых попыток познакомить русского читателя с «Капиталом» // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 211-215; *Любович Н. А.* Новое о Павле Якоби // Вопросы истории. 1981. № 1. С. 153-157.
8. Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940. Франция. Т. 1. М. 1995. С. 266.
9. Там же. С. 374.
10. *Якобий П.* Сумерки Европы // Двуглавый Орел. № 7. Париж. 28.4/11.5.1927. С. 18.
11. *Якобий П.* Сдвиги Азии // Двуглавый Орел. № 1. Париж. 1/14.12.1926. С. 21.
12. *Якобий П.* Сборы в антисоветский поход // Двуглавый Орел. № 8. Париж. 25.5/7.6.1927. С. 22.
13. *Якобий П.* Сдвиги Азии. С. 21-22.
14. *Якобий П.* Две тактики // Двуглавый Орел. № 10. Париж. 21.7/3.8.1927. С. 16.
15. *Якобий П.* Сборы в антисоветский поход. С. 22-23.
16. *Якобий П.* Сумерки Европы. С. 18.
17. *Якобий П.* Вредные мечтания // Двуглавый Орел. № 12. Париж. 25.9/8.10.1927. С. 15.
18. *Якобий П.* Сумерки Европы. С. 19.
19. *Якобий П.* Сполохи на Востоке // Двуглавый Орел. № 3. Париж. 15/28.1.1927. С. 24-25.
20. *Якобий П.* Две тактики. С. 16.
21. *Якобий П.* Сдвиги Азии. С. 21.
22. Там же. С. 21-22.
23. Там же. С. 22.
24. Там же. С. 23.
25. *Якобий П.* Сполохи на Востоке. С. 26.
26. *Якобий П.* Сдвиги Азии. С. 23.
27. Там же. С. 27.
28. Там же. С. 24.
29. Там же.
30. Там же. С. 25.
31. Там же.
32. Там же.
33. *Якобий П.* Сполохи на Востоке. С. 23.
34. *Якобий П.* Сдвиги Азии. С. 24.
35. *Якобий П.* Сполохи на Востоке. С. 26.
36. *Якобий П.* Сдвиги Азии. С. 23.

37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. Там же. С. 27.
41. Там же. С. 27-28.
42. *Якобий П.* Сполохи на Востоке. С. 26.
43. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. М. 1999. С. 281, 282.
44. *Стефан Дж.* Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции 1925-1945. М. 1992. С. 60.
45. *Волков С. В.* Белое движение в России: организационная структура. (Материалы для справочника). М. 2000. С. 282.
46. Там же. С. 292-293.
47. *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. С. 283.
48. *Якобий П.* Сдвиги Азии. С. 26.
49. *Якобий П.* Возрождение Рима // Двуглавый Орел. № 4. Париж. 10/23.3.1927. С. 16.
50. Там же.
51. Там же. С. 17.
52. Там же.
53. Там же.
54. Там же. С. 18.
55. Там же.
56. Там же. С. 17.
57. Там же.
58. *Назаров М. В.* Миссия Русской эмиграции. 2-е изд. М. 1994. С. 255-286.
59. *Jacoby Jean.* ...Le secret de Jeanne d'Arc, pucelle d'Orleáns. 3-e édition. Paris. Mercure de France. 1932. P. 3. Перевод с фр. Н. Ганиной.
60. *Раскатов В.* †Иван Павлович Якобий. С. 38.
61. Там же. С. 39.
62. *Г-ий.* Из Парижа (От нашего корреспондента) // Старое время. № 64. Белград. 28.7/10.8.1924. С. 3.
63. *Несмелов А.* «Без Москвы, без России». Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М. 1990. С. 145.
64. *Летописец.* Николин день в Париже // Двуглавый Орел. № 2. Париж. 24.12.1926. С. 31-32.
65. В годовщину развала // Двуглавый Орел. № 14. Париж. 12/25.12.1927. С. 45-46.
66. Русское зарубежье: хроника научной, культурной и общественной жизни 1920-1940. Франция. Т. 1. С. 621.
67. Там же. Т. 2. М. 1995. С. 71.
68. Там же. С. 188.
69. *Раскатов В.* †Иван Павлович Якобий. С. 39.

Библиография произведений И. П. Якобия (Jean Jacoby)*

...Le tsar Nicolas II et la révolution. Paris. A. Fayard et c-ie. [1931.] [7]+384 p.

...Le secret de Jeanne d'Arc, pucelle d'Orleáns. 3-e édition. Paris. Mercure de France. 1932. [VII—XIV] +261 p.

...Le secret de Jeanne d'Arc, "Pucelle d'Orleáns". Cinquième édition. Paris. Mercure de France. 1932. [VII—XIV]+260 p.

...Raspoutine. Avec quatre planches hors-texte tirées en héliogravure. [Paris.] Flammarion. [1935.] 125 [1].

...Souvorov, 1730—1800. Paris. Payot. 1935. [7]+352 p.

La guerre rouge est déclarée. Les éditions de France. 1935. 290 p.

Lenine. [Paris.] Flammarion. S. d. 126 p.

...La Pucelle d'Orleans, fille au grand Coeur, martyre et sainte. Paris. Mercure de France. 1936. [7]+347 p.

...La noblesse et les armes de Jeanne d'Arc. Deuxieme édition. Paris. Mercure de France. 1937. 108 p.

...Le Front populaire en France et les égarements du socialisme moderne. Paris. Mercure de France. [1937.] 139 p.

L'Assassinat de Louis d'Orleáns. Récit historique. Paris. Les Oeuvres libres. N 198. 1937.

Napoléon en Russie; l'empereur et le tsar, la famille impériale et la société russe, les causes de la campagne de Russie (1807–1812). Nouveaux documents. Paris. Les Libertés françaises. [1938.] 7+235 p.

Le Déclin des grandes démocraties et le retour à l'autorité. Paris. 1938. 221 p.

Император Николай II и революция. [Tallinn.] 1938. 380 с.

La race. Paris. Éditions du Livre moderne. 1941. 82 p.

1940. Les causes et les conséquences de la guerre. La France dans l'Europe nouvelle. Paris. "Les libertés française". 1941. 186 p.

...Scènes de la vie de Jeanne d'Arc: son portrait, son instruction, ses toilettes, ses amies, ses habitudes, sa vie privée. 7-e édition. Paris. Mercure de France. 1944. [7]+255 p.

Tchékhov et les femmes // Les Oeuvres libres. № 152. 1959. P. 21-36.

Круг замыкается // Воскресная школа. 1999. № 25.

---

*При составлении использованы кн.: *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. [Tallinn.] 1938. С. 383; The National Union Catalog Pre-1956 Imprints. V. 275. Mansell. 1973. P. 496; British Library Catalog to 1975. V. 162 (1982).

И. П. ЯКОБИЙ

Император Николай II и революция

Священной памяти
Великого ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II
и ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ,
принявших мученическую кончину за Святую Русь

Издатели:
Николай Котляревский
Владимір Безобразов
Эммануил Фричеро
Алексей Чебышев

Глава I

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ЕГО ЦАРСТВОВАНИЕ

Ребенок, улыбавшийся в своей колыбельке, казался слишком нежным и хрупким для тяжелой шапки Мономаха, для скипетра громадной Империи, тень которой покрывала одну шестую земной суши.

Младенец этот, Великий Князь Николай Александрович, родившийся 6 мая 1868 года в Царском Селе, был Сын Наследника Цесаревича Александра Александровича и Цесаревны Марии Феодоровны.

Какой-то злой рок, казалось, отметил, с самого рождения, Царственного младенца печатью трагической судьбы. Шла молва, что в день крестин маленького Великого Князя, в то время, когда шествие направлялось из храма под радостный перезвон колоколов, Андреевская звезда, жалуемая каждому Члену Императорской Фамилии при рождении, вдруг сорвалась с подушки, которую нес церемониймейстер, и с грохотом упала на пол. «Тревожное предзнаменование», — говорили суеверные люди. И та же мысль возвращалась, когда, впоследствии, приходили вести о крушении Царского поезда в Борках, о покушении на Цесаревича Николая Александровича в Японии, о страшной Ходынской катастрофе в дни священного Коронования Императора Николая II. Это же предчувствие злой судьбы, преследующей по пятам свою жертву и постоянно готовой нанести ей смертельный удар, — это предчувствие проникло понемногу и в сознание Самого Государя.

Однажды, во время всеподданнейшего доклада председателя Совета министров П. А. Столыпина, Государь, казавшийся печальным и озабоченным, заметил с горечью:

«Мне не удается ничего, что бы я ни предпринял; у меня нет удачи. Впрочем, воля человека так безсильна».

Столыпин, сам полный воли и энергии, стал возражать. Тогда Государь задал ему вопрос:

— Читали ли вы жития святых?

— Да, но частью только, так как сочинение это составляет, если я не ошибаюсь, не менее двадцати томов.

— А знаете ли вы, когда день моего рождения?

— Как я мог бы не знать этого, Ваше Величество? Ваше рождение празднуется 6 мая.

— А какого Святого поминают в этот день?

— Извините, Ваше Величество, не помню.

— Я вам скажу: святого праведного Иова многострадального.

Столыпин, однако, нашелся:

«Слава Богу, — сказал он, — значит, царствование Вашего Величества закончится в славе, так как св. Иов, претерпев смиренно самые тяжкие испытания, был вознагражден счастьем и Божиим благословением».

После минутного раздумья Государь сказал с глубокой грустью: «Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие, что я обречен на страшные испытания и что я не буду за них вознагражден на этом свете. Сколько раз я применял к себе слова св. Иова: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне»*.

А в другой раз Государь промолвил следующие загадочные слова: «Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будет воля Божия!»**

Пророческие слова, отражающие всю трагическую судьбу Царя, одаренного самыми высокими качествами, одушевленного благороднейшими побуждениями, и который, свершив для блага Своего народа больше, может быть, чем какой-либо другой Монарх, получил в награду лишь унижения, страдания и мученическую смерть.

Каким печальным было детство этого мальчика с задумчивыми глазами! Бомбы и револьверы террористов преследуют деда Его, Царя-Освободителя Александра II; в воздухе чувствуется тяжелое ожидание несчастья, катастрофы, смерти. Государь спасен от пуль Березовского и Каракозова, но Он падет, истерзанный бомбой Желябова. Этот день страха и смерти, когда во Дворец принесли окровавленное тело, в котором теплилась еще последняя искра жизни и страдания, этот день 1 марта 1881 года оставил в памяти маленького Николая Александровича неизгладимое впечатление ужаса, которое в течение всей

---

* *Paléologue M.* La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. V. 1. P. 95 (Книга св. Иова, гл. III, ст. 25).

** Там же. Т. II. С. 62.

последующей жизни наложило на Его чувства как бы траурный налет.

Ребенок рос тихий и задумчивый. С ранних лет уже сказываются в нем основные черты Его характера, и — прежде всего — самообладание.

«Бывало, во время крупной ссоры с братьями или товарищами детских игр, — рассказывает Его воспитатель К. И. Хис (Heath), — Николай Александрович, чтобы удержаться от резкого слова или движения, молча уходил в другую комнату, брался за книгу и, только успокоившись, возвращался к обидчикам и снова принимался за игру, как будто ничего не было»*.

И еще другая черта: чувство долга. Мальчик учит уроки с прилежанием; читает Он много, в особенности то, что касается народной жизни. Любовь Своего народа... Вот, о чем Он всегда мечтает. Однажды Он читает со Своим воспитателем Хисом один из эпизодов истории Англии, в котором описывается въезд короля Джона, любившего простонародье, и которого толпа приветствовала восторженными криками: «Да здравствует король народа!» Глаза у мальчика заблистали, Он весь покраснел от волнения и воскликнул: «Ах, вот Я хотел бы быть таким!»**

Уметь сдержаться... молча отойти... исполнить свой долг... любить простых людей... В этих чертах мальчика сказывается и весь Император Николай Второй.

Но по характеру Своему мальчик, а потом юноша и молодой человек далек от сумрачной грусти; в Нем горит даже огонек наивного и безпечного веселья, которое, впоследствии, под давлением тяжкого бремени власти, забот и горя, поблекнет и изредка лишь проявит себя в тихом юморе, в улыбке, в добродушной шутке.

В двадцать два года Наследник Русского Престола еще веселится, как молоденький офицер, почти как юнкер. Он ходит в театр и на танцевальные вечера. «Очень смеялись и забавлялись», «танцевали с увлечением у Воронцовых»..., «уехал в 11 $^{1}/_{2}$ ч. очень веселый», «весело ужинали своей компанией в Николаевском зале», «на катке было очень весело», «от души веселился», «веселились и бегали, как угорелые», — таковы записи, которыми пестрит дневник Цесаревича за 1890 год***. Но не следует,

---

* *Мордвинов А.* Отрывки из воспоминаний // Русская Летопись. Кн. V. С. 155–156.

** Там же.

*** Дневник Императора Николая II. С. 11–23.

однако, думать, что в этих забавах сказывалась вся полнота таившихся в Нем возможностей.

Император Александр III, Сам не предназначавшийся сперва к занятию Царского Престола, не подготовлял также и Своего Наследника к управлению Империей. Молодой Цесаревич Николай Александрович мало приобщался Державным Отцом Своим к государственным делам, разве лишь для чисто формального и весьма редкого присутствия на заседаниях Государственного совета и Совета министров. Вместе с тем и Сам Цесаревич, обожавший Своего Отца, не мог помыслить о том, чтобы нарушить Его желание более близким вмешательством в интересующие Его дела государственного управления. Таким образом, волею судьбы, Он оказался вынужденным, вплоть до смерти Александра III, вести жизнь обыкновенного светского молодого офицера, со всей беззаботностью, которою эта жизнь отличается.

Искренняя, единственная любовь Его жизни, мечта о семейном счастье, резко изменили все поведение Наследника, а с восшествием на Престол от беззаботного молодого офицера не осталось и следа.

Государь остается таким, каким был в детстве, немного застенчивым и мечтательным, но, вместе с тем, Он становится более сдержанным и осторожным. Не всем эти свойства Государя были понятны, отсюда родилась легенда, подхваченная желтой прессой, о слабом Монархе, с характером нерешительным, с кругозором ограниченным.

«Это глубокая ошибка, — отвечает на это президент Французской республики Лубэ, человек умный и проницательный. — Он предан Своим идеям, Он защищает их с терпеніем и упорством; у Него задолго продуманные планы, которые Он постепенно и осуществляет... Под видимостью робости, немного женственной, Царь обладает сильной душой и мужественным, непоколебимо верным сердцем. Он знает, куда идет и чего хочет»*.

Эту же черту — высокое понимание долга — отмечает у Государя французский посол Палеолог.

Не далеки от этого мнения генерал Куропаткин и даже гр. Витте, оба не любившие Государя и оба считавшие себя «обиженными». «Государь хитрит с нами (министрами), — пишет Куропаткин о молодом Царе, — но Он быстро крепнет опытом и разумом и, по моему мнению, несмотря на врожденную недоверчивость в характере, скоро сбросит с себя подпорки и будет пря-

* *Maurras Ch.* Kiel et Tanger. P. 90.

мо и твердо ставить нам Свое мнение и Свою волю. Витте сказал мне, что он вполне присоединяется к моему диагнозу»*.

И, действительно, в дни великой катастрофы, среди хаоса, трусости, смятения, безволия, только один Царь сохранит спокойствие и решимость.

Другой недоброжелатель Государя генерал Ю. Н. Данилов пишет в своих воспоминаниях: «Император Николай безусловно, хотя и по-Своему, любил Россию, жаждал ее величия и мистически верил в крепость Своей Царской связи с народом. Идея незыблемости самодержавного строя в России пронизывала всю Его натуру насквозь... Впрочем, — прибавляет ген. Данилов, — это была очень сложная натура, разгадать и описать которую еще никому не удалось. К пониманию характера Императора Николая, мне думается, легче подойти путем знакомства с отдельными фактами и эпизодами, из Его жизни, столь трагически закончившейся». И далее, приведя один ответ Государя генералу Сухомлинову, Данилов замечает: «Так решительно Император Николай пресекал доклады Своих министров, имевшие целью повлиять на изменение раз принятого Им решения, и особенно в тех случаях, когда вопросы выходили за пределы их непосредственного ведения. Император, видимо, усматривал в этом вмешательстве покушение на Свою самодержавную власть»**.

Английский государственный деятель Уинстон Черчилль, противник самодержавного строя и, как всякий англичанин, противник России и, конечно, не поклонник ее Монархов, дает, однако, следующую оценку Государя. «На Нем лежала функция стрелки компаса. Война или нет? Наступление или отступление? Вправо или влево? Демократизировать или отстаивать свое? Таковы были поля сражения Николая II.

И почему же не признать за Ним этой славы? Самоотверженное наступление русских армий, которое спасло Париж в 1914 г.; преодоление бедствия отхода без снарядов; постепенное восстановление сил; победы Брусилова; вступление России в кампанию 1917 года непобежденной, более сильной, чем когда-либо — разве Он не имел в этом всем Своей доли участия? Несмотря на большие, страшные ошибки, тот строй, который был в Нем во-

---

*Дневник генерала Куропаткина. (Цитировано по пояснениям к «Дневнику Императора Николая II». С. 124).

**_Данилов Ю. Н._ Мои воспоминания об Императоре Николае II и Великом Князе Михаиле Александровиче // Архив Русской Революции. Т. XIX. С. 213–215.

площен, над которым Он господствовал, которому Его личный характер давал жизненную искру, строй этот, к этому моменту, выиграл войну для России. Вот Он будет свергнут. Темная рука безумно меняет Его судьбу. Царь уходит. Его и всех, кого Он любил, отдают на муки и на смерть. Пусть Его усилия преуменьшают; пусть на Его действия набрасывают тень; пусть оскорбляют Его память; но пусть тогда нам скажут, кто же другой оказался пригодным? Кто или что могло управлять Российским государством? В людях талантливых и смелых, в людях честолюбивых и властных, в умах дерзающих и повелительных — во всем этом недостатка не было, но никто не оказался способным ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. На пороге победы она рухнула на землю, заживо пожираемая червями, как в древности Ирод»*.

Английский военный атташе при Ставке, генерал сэр Джон Хэнбари Вильямс, часто видевший Государя, также отзывается с презрением и негодованием о тех ложных и недоброжелательных россказнях, которые распространялись о Государе в обществе и в некоторой печати: «Один из таких критиков, проведя в России 24 часа, — рассказывает генерал Вильямс, — дал мне о Нем такой отзыв, что я подумал, что он эти часы провел в помойных ямах Петрограда, ибо иначе он нигде не мог собрать сведений более лживых, несправедливых и столь же ошибочных, как и злостных»**. Честный генерал ошибался в одном: сплетни, которые его справедливо возмущали, создавались и повторялись не в помойных ямах, а в столичных салонах и либеральных кругах. Недаром Императрица Александра Феодоровна говорит в Своих письмах к Государю о «ненависти со стороны прогнившего высшего общества»***.

Между тем, Император Николай II, по Своему характеру, по жизни Своей, казался человеком, менее всего способным вызвать к Себе чувство недоброжелательства. Ни один Монарх не мог быть столь простым и приветливым в обращении, как Государь; Он всегда умел сказать то именно слово, которое подбодряет застенчивых, залечивает уязвленное честолюбие, возна-

---

* Статья Черчилля в «Times». По переводу, приведенному в № от 17 февраля 1927 г. газеты «Возрождение».

** *Major General sir John Hanbury Williams. Chief of the British Military Mission in Russia 1914–1917.* The Emperor Nicolas II, as I knew Him. P. 8.

*** Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna. Письмо от 11 ноября 1916 г.

граждает за услугу. «Государь настоящий charmeur (обаятельный человек)», — говорили те, кто имели случай с Ним говорить, даже Его враги.

Но, когда это было необходимо, Государь умел показать Себя Монархом, поставить на место самых заносчивых. Скромный в Своих вкусах, в личной Своей жизни, даже в одеянии, донашивая иногда платье до штопки, Он, вместе с тем, становится самым широко гостеприимным хозяином, когда Он у Себя принимает гостей. Он тратит без счета, из Своих личных средств, нередко с щедростью, остающейся неведомой, чтобы помочь в несчастиях или даже просто нуждающемуся офицеру.

Таков Глава Государства, Монарх. Но в Государе есть еще просто человек, муж, отец семейства. В человеке чувствуется глубокая и мистическая вера: та спокойная, лучистая, чудесная вера, которая создает миссионеров, проповедников, отшельников. Муж — человек одной любви, одной привязанности, для которого не существует на свете другой женщины, кроме той, с которой Он венчан пред аналоем. В то время как другие монархи в выборе супруги руководствуются соображениями политики, Государь Николай Второй находит счастье в той, которую Он полюбил сразу и будет любить до самой смерти.

В 1884 году в С.-Петербурге торжественно справлялось бракосочетание Великого Князя Сергия Александровича с красавицей принцессой Елисаветой Гессен-Дармштадтской. Молоденькая сестра невесты, Аликс, прелестная и застенчивая двенадцатилетняя девочка, также присутствовала при празднествах, искренно веселясь, как только умеют веселиться в этом возрасте; впрочем она нашла себе милого и любезного кавалера, с которым она и танцевала на вечеринках в Аничковом дворце; этот шестнадцатилетний юноша с задумчивыми глазами был Наследник Цесаревич Николай Александрович. Нежный, невысказанный роман завязался между этими детьми, которые едва смели друг на друга смотреть. Однажды Цесаревич, набравшись смелости, попросил Свою маленькую даму сердца принять от Него на память детскую брошку. Этот более чем скромный подарок, который с улыбкой презрения отвергла бы «современная» девушка, был принят с волнением и благодарностью. Но потом у маленькой Аликс наступили тревожные сомнения, прилично ли принять подарок от молодого человека? Нет, решила она и, с болью в сердце, вернула брошку Цесаревичу. Тяжко было и бедному юноше: маленькая трогательная драма первой любви. Много лет спустя Импе-

ратрица в письмах Своих к мужу говорит с волнением о «дорогой маленькой брошке» и уже во время войны, накануне событий, которым суждено было смыть Трон Романовых, Она пишет Государю: «Тридцать два года назад, мое детское сердце преисполнилось глубокой любовью к Тебе»*.

Девочка уехала в Дармштадт, но через пять лет она возвращается на несколько недель в С.-Петербург. Тогда же Наследник Цесаревич принимает окончательное решение: Он женится на Аликс Гессенской. Государь Александр III, с которым Он об этом говорит, не дает Своего согласия. 21 декабря 1891 г. Цесаревич пишет в Своем дневнике: «Рассуждали о семейной жизни. Невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года прошло с тех пор, как я говорил об этом с Папа в Петербурге, а с тех пор ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта жениться на Аликс. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она провела шесть недель в Петербурге». И дальше эти слова полные надежды: «Я почти убежден, что наши чувства взаимны».

Юношеское увлечение, чувства и слова, о которых вспоминают потом с улыбкой... да, у других так наполняется молодость проходящими, нетерпеливыми переживаниями. Но сердца Цесаревича и принцессы Аликс исключительные сердца, которые отдают себя только однажды и на всю жизнь. Неисчислимые препятствия их разделяют: Аликс, по воспитанию, англичанка, но все же по крови немка, а Император Александр III не любит немцев и желает для Своего Сына брака с принцессой Орлеанской. Затем, вопрос о вере: будущая Императрица Всероссийская должна быть православной, но Аликс отказывается отречься от лютеранства.

Три года проходят таким образом. Принцесса Аликс теперь настоящая красавица, к которой сватаются немало претендентов, но Она всем отказывает; так же, как и Цесаревич отвечает спокойным, но твердым отказом на все попытки Своих Родителей устроить иначе Его семейную жизнь.

Наконец, в апреле 1894 г., Наследник Цесаревич Николай Александрович едет в Кобург на бракосочетание брата Аликс, с твердым намерением просить Ее руки. «Около 10 часов утра пришли к тете Элла в комнаты Эрни и Аликс, — отмечает Он в Своем дневнике, — нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень

*Там же. Письмо от 2 января 1916 года.

боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно; она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала»*. Но, под датой 8 апреля, мы читаем слова восторженной радости: «Чудный, незабвенный день в моей жизни — мы объяснились между собою. Я целый день ходил, как в дурмане, не вполне сознавая, что со мной приключилось»**.

Любовь победила религиозные сомнения: принцесса Аликс перейдет в Православие и станет Императрицей Александрой Феодоровной.

Наступили светлые, легкие, радостные дни, сперва в Кобурге, потом в Виндзоре, в гостях у королевы Виктории, прогулки вдвоем на лодке по Темзе, долгие беседы по вечерам, чтение вслух; иногда юная невеста открывает дневник Своего жениха и записывает несколько нежных слов, отрывок стихотворения или песенки. Эти дни, эти слова, эти строки Она никогда не забудет; во время войны Она их вспоминает в Своих письмах к Государю.

«I love you, I love you, it is all that I can say...» (Я люблю тебя, я люблю тебя, это все, что я могу сказать). «Помнишь ли ты эту песню в Виндзоре в 1894 году, во время этих вечеров?» — пишет Императрица 9 января 1916 года***.

20 октября 1894 года траурный звон возвестил о кончине Императора Александра III. В этот же день восшел на Престол Император Николай Второй, а 14 ноября состоялось бракосочетание Его с Великой Княжной Александрой Феодоровной.

Есть чувства, есть счастье, которые описать словами нельзя. О том счастье, которое Государь нашел в семейной жизни, мы можем догадываться по кратким, но насыщенным глубокою любовью записям Его дневника.

«Не могу выразить, как я наслаждаюсь такими тихими, спокойными вечерами с глазу на глаз с моей нежно любимой женой. Невольно сердце обращается к Богу с благодарною молитвою за дарование такого полного, безграничного счастья на земле», — пишет Государь 15 марта 1895 года. А несколько дней спустя, 8 апреля, в дневнике значатся следующие радостные строки: «Годовщина нашей помолвки. Никогда в жизни, кажется, я не забуду этого дня в Кобурге, как я тогда был счастлив! Чудный, незабвенный день!»**** И как бы в ответ на это, Императрица, как и

---

*Дневник Императора Николая II. С. 48.

**Там же. С. 50.

*** Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna.

**** Дневник Императора Николая II. С. 108.

прежде, заносит по временам в дневник мужа несколько нежных строк, иногда мимолетную мысль, иногда стихотворение, иногда и более глубокое признание.

Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и Крест, символ Святой ...
Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой...*

Пишет Александра Феодоровна по-русски, но чаще всего надписи попадаются по-английски, редко по-немецки, язык менее знакомый Государю; в них почти всегда отражается религиозная мысль.

«Gott geht mit dir, Seinem Kinde, fürchte dich nicht! Auf jedem Punkte, wo du stehst, ist ein Schutzengel, wo du bist, ist dein Gott, wo dein Gott ist, da ist ein Helfer». (Господь сопутствует тебе, Своему дитяти, не страшись ничего. Где бы ты ни был, повсюду находится Ангел-Хранитель; где ты — там твой Бог, где твой Бог — там и помощь)**. Или в другом месте: «All can vanish — only not thy God and thy loving heart». (Все может исчезнуть, но только не твой Бог и твое любящее сердце)***.

Даже слова любви в строках, написанных Императрицей, звучат каким-то восторженным чувством: «Все больше и больше, глубже и сильнее растут моя любовь, преданность и тоска по тебе. Я не могу достаточно благодарить Бога за посланное мне Им сокровище в лице моего безценного, — быть твоею, может ли быть большее счастье? Никогда не забуду я того места, которое мне уже дорого по воспоминаниям ...89 г., а также нашего теперешнего первого спокойного времени вместе. Да благословит Господь тебя, мой любимый, дорогой муж. Покрываю поцелуями дорогое твое лицо»****.

Но сквозь эту песнь торжествующей любви слышатся иногда тревожные звуки, слова, полные загадочных предчувствий, призывы к терпению перед надвигающимися испытаниями.

«Неси свое бремя со стойким терпением и надеждой, — пишет Императрица, — Бог даст тебе силы нести его»...***** «Когда ты будешь сгибаться под тяжестью креста, возложенного на тебя

* Там же. С. 109.
** Там же. С. 88.
*** Там же. С. 89.
**** Там же. С. 97.
***** Там же. С. 89.

Господом Богом, подними свои очи к Нему, мой единственный обожаемый, и Он тебя утешит, ибо мы, смертные, слишком слабы, и трудно сказать: "да будет воля Твоя", если сердце разрывается от большого горя»*.

Откуда это чуткое проникновение в страшные тайны будущего, откуда эти слова безотрадной мудрости у двадцатилетней молодой женщины, одаренной полнотою счастья, откуда эта черная тень предстоящего тяжкого креста на светлой радости двух любящих существ?

И, наконец, строки тайного, счастливого ожидания: «Еще несколько месяцев, и тогда... о, мой ангел, какое безконечное счастье! Наш, наш собственный ... Возможно ли боЛьшее счастье? Только теперь твоя женушка должна быть как можно осторожнее и нежнее, а то маленькое существо может пострадать от этого»...

3 ноября 1895 г. у Августейших Супругов родился столь жданный ребенок. Государь полон невыразимого счастья.

«Богом нам посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой», — записывает Он. Государь нежный и внимательный отец; каждая мелочь новой маленькой жизни Его трогает. «Сегодня я присутствовал при ванне нашей дочки. Она большой ребенок, 10 фунтов весом и 55 сантиметров длины»...** «Была первая проба прикладывания к груди, что окончилось тем, что Аликс очень удачно стала кормить сына кормилицы, а последняя давала молоко Ольге. Пресмешно!»***

В эти годы жизнь молодой четы соткана из ряда счастливых, тихих, безоблачных дней. После Великой Княжны Ольги у Них родятся еще три дочери: Татьяна, Мария и Анастасия. Государь и Императрица страстно желают иметь сына и неустанно молят Бога об этом.

30 июля 1904 года родится Наследник Цесаревич Алексей Николаевич, которому суждено сделать и счастье и горе Своих Родителей и погибнуть вместе с Ними мученической смертью.

Нельзя себе представить семьи более дружной, супругов более преданных друг другу, детей более любящих: молодые Княжны настоящие русские девушки, простые и искренние, в них нет и тени кокетства, жеманства и той мелкой хитрости, которой учатся в салонах. Смех или слезы — все у них чисто и от сердца.

---

* Там же. С. 92.
** Там же. С. 111.
*** Там же. С. 112.

Взгляд их прямой, взгляд тех, которые не ведают и не подозревают зла. Набожность, спокойная вера их Матери, но без Ее экзальтированного мистицизма и, сверх всего, любовь к семье, любовь к домашнему очагу, к Родине. Старшая, Ольга Николаевна, отказывается от брака с принцем Каролем, теперешним королем Румынским, и ее Родители нисколько ее в этом не уговаривают. Княжнам представляется невозможным когда-либо покинуть Россию, дышать другим воздухом, чем воздух Родины.

Но в этих девушках есть еще нечто другое, о чем никто и они сами не догадываются: мужество, воля, безропотность — высокие качества, которые, впоследствии, поддержат их в дни страшных испытаний, дадут им силу их вынести и встретить спокойно самую смерть.

Великие Княжны живут уединенно. Они не видят ни балов, ни вечеров, ни развлечений с молодежью их возраста, кроме редких посещений Дворца другими молодыми Великими Князьями и Княжнами; иногда они едут в театр, в Царскую ложу, где они отделены от остального міра стеной всеподданнического благоговения. Чем они заполняют свое время? Учением, чтением, немного музыкой, рисованием, прогулками, вечером — шитьем в семейном кругу, пока Государь читает им вслух.

Так текут счастливые, безоблачные дни.

Ольга Николаевна типичная русская девушка и по чертам лица и по характеру: живая, умная и остроумная, подчас немного ленивая, чуть-чуть капризная, хорошая музыкантша и большая любительница чтения. Ее ответы метки и забавны. Однажды ее преподаватель французского языка Жильяр пытается объяснить ей употребление вспомогательных глаголов. «О, я теперь поняла, — восклицает вдруг Ольга Николаевна, — вспомогательные глаголы, это прислуга при других глаголах; один только бедный глагол "иметь" (avoir) должен сам себя обслуживать»*.

Татьяна Николаевна тоньше, красивее и более сдержанная и спокойная. Она — правая рука и советница своей Матери, почти даже Ее любимица, если бы в любви Императрицы к дочерям могло существовать различие.

У Марии Николаевны прекрасное правильное лицо, чудные глаза и очаровательная улыбка. Она немного наивна, добродушна, всегда готова оказать услугу, и сестры ее этим пользуются, иногда дружески ее поддразнивая.

---

* *Gilliard P.* Le tragique destin de Nicolas II et de Sa famille. P. 58.

Анастасия Николаевна — слишком быстро развившийся ребенок, в котором чувствуется еще какая-то милая младенческая неуклюжесть. Но умом она обладает уже острым, быстро схватывает смешные стороны каждого и изображает их с неудержимым комизмом. Она такая веселая, что умеет заставить улыбнуться даже самые суровые лица.

Наконец, Тот, который занимает мысли всей Семьи: Наследник Цесаревич, в руки которого должен перейти скипетр Российской Империи, если Господь Бог даст Ему дожить. Но Бог услышит ли горячие молитвы, увидит ли горькие слезы Матери, в ежедневной, ежечасной борьбе Ее за спасение Своего ребенка от смерти?

В том возрасте, когда мальчики бегают, играют, резвятся с товарищами, когда жизнь соткана из одних радостей, Наследник Алексей Николаевич уже изведал и горе и страдания; целые недели лежит Он неподвижно, прикованный к кровати страшной болезнью. А между тем, характер ребенка от этого не меняется; Он добрый, чувствительный, любящий, и всякое несчастие Его глубоко трогает.

Могла ли такая Семья разлучиться, расстаться, как столько других семейств? «Я всегда думаю о наших девочках, за кого они выйдут замуж, и не могу представить себе, какая судьба их ожидает, — пишет Императрица Государю 1 ноября 1916 г. — Если бы только им было дано найти ту глубокую любовь и то счастье, которое ты мне дал, мой ангел, в течение этих двадцати двух лет. Увы, это так редко в наши дни!»* И в другом письме: «Я никогда не сумею достаточно благодарить Бога за то чудное счастье, которое Он ниспослал мне в тебе и в наших детях: мы составляем одно, мы все тесно связаны между собой, что так редко в настоящее время»**.

Со времени принятия Государем Верховного Командования Ему пришлось переехать в Ставку; иногда Он возвращается на несколько дней в Царское Село, или Императрица приезжает тоже на короткий срок в Могилев. Каждая такая разлука болезненно Ею переживается. «С грустью в сердце расстаюсь я с тобою снова, — пишет Императрица 12 октября 1916 года. — О, как я ненавижу эти разлуки! Они разрывают мое сердце на части»***.

---

* Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna.

** Там же. Письмо от 6 декабря 1916 г.

*** Там же. Письмо от 12 октября 1916 г.

В эту великую любовь Императрицы к Государю входит еще и чувство почти материнской нежности. Иногда даже Ей случается называть Своего мужа и сына «мои два ребенка, большой и маленький». Она дает Ему советы, входит в самые мелкие подробности, подчас настаивает перед Государем, чтобы та или иная мера была принята, упрекает Его с нежностью за Его слишком чуткую деликатность, которая заставляет Его колебаться перед некоторыми решениями. Государя это трогает и немножко забавляет. «Нежно благодарю тебя за твой строгий выговор в письме, — пишет Он 14 декабря 1916 года, — я прочел его с улыбкой, ты со мной говоришь, как с ребенком»...

Государя обожают Его дети; Он их друг и воспитатель. Впоследствии, в заточении, Он им будет давать уроки с такой же добросовестностью, с какой Он управлял Своей Империей. И судьба поражает особенно жестоко как раз Его отцовское сердце. Сын Его, маленький Цесаревич, страдает страшным недугом, перед которым наука оказывается безпомощной: гемофилией. Этот ребенок, с прекрасным иконописным лицом, может умереть каждое мгновение. Дети играют, бегают в саду, мальчик спотыкается о камушек и падает. Всякий другой отделался бы синяком, но для Него это начало долгой, мучительной болезни.

В Спале, однажды, Алексей Николаевич оказывается при смерти. Всякая надежда потеряна; доктора, все испытав, отказываются от борьбы со смертью. И тогда, как последнее отчаянное средство, посылают телеграмму простому мужику. Приходит ответ: «Болезнь не опасна, ребенок поправится, скажите врачам, чтобы они его не мучили». И тотчас мальчик чувствует себя лучше, страдания прекращаются, Наследник выздоравливает.

Об этом рассказывают безчисленные свидетели.

Французский посол Палеолог отмечает под датой 25 декабря 1915 года: «В течение последней недели у Цесаревича, сопровождавшего своего Отца во время путешествия по Галиции, появлялось сильнейшее кровотечение носом... Дважды думали, что он кончается. Когда Императрица получила страшную весть об этом, Она немедленно призвала Распутина. Старец тотчас же погрузился в молитву, после чего смело заявил: "Благодари Бога, Он еще раз даровал мне жизнь твоего сына". На другой день утром Государь возвращался в Царское Село; в конце ночи состояние Цесаревича внезапно улучшилось, жар начал

спадать. Как могла Императрица не верить Распутину?» — заканчивает Палеолог*.

В другой вечер ребенку неможется; Он страдает, мечется, не может заснуть; и на этот раз врачи безсильны. Из Дворца звонят по телефону к Распутину.

«Что, Алеша не спит? Ушко болит? — Давайте его к телефону».

И ребенок слышит издалека ласковый мужицкий голос:

«Ты что, Алешенька, полуношничаешь? Болит? Ничего не болит. Иди сейчас, ложись. Ушко не болит. Не болит, говорю тебе. Спи, спи сейчас. Спи, говорю тебе. Слышишь. Спи».

Через четверть часа опять звонят. У Наследника ухо не болит. Он спокойно заснул**.

И каждый раз, когда ребенок страдает, простой мужик прикосновением грубой руки своей, ласковым словом, шуткой, телеграммой, запиской с каракулями, успокаивает и больного и Его Родителей... И на этот раз еще смерть отступает.

Нужно ли искать других причин доверия, которое этот сибирский крестьянин внушал Отцу и Матери, дрожащим за существование Своего ребенка? Быть может, чувство это было и более глубоким, быть может, благодарность к спасителю Наследника лишь открыла доступ влечению Государя и Императрицы к простому народу, к людям скромным, без светского лоска, с грубой, но искренней речью. Распутин, в глазах Монархов, не только мужик, он представитель стомиллионного крестьянства при Государе; Распутин во Дворце — это осуществление мечты Русских Царей, начиная с Иоанна Грозного, мечты, которой никогда не было суждено осуществиться: слияние Помазанника Божия со Своим народом.

И, действительно, мужик этот приобретает значение некоей эмблемы. Он не святой, не отшельник, но и не погибший грешник. Он просто человек, Адам, сочетание праха и Духа Божия, греха и искупления.

«Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахо-

---

* *Paléologue M.* La Russie de Tsars pendant la Grande Guerre. Vol. II. P. 137–138.

** *Джанумова Е. Ф.* Мои встречи с Григорием Распутиным // Современные записки. Кн. XIV. С. 274.

жу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Несчастный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак, тот же самый, я умом моим служу закону Божию, а плотью закону греха» *(Рим. 7, 19–25)*.

Сознавал ли Распутин все темные глубины своей жизни? Но он чувствовал в себе двойное присутствие зла и Бога. И чувство это его и угнетает, и возвышает. Он ступает в жизни, неся эту двойную тяжесть, подчас падая под ее бременем, но всегда снова подымаясь, со взором, обращенным на кровавый горизонт. Он видит... Он видит то, что завеса будущего скрывает от взгляда других. Слова странные, загадочные и тревожные, произносят его уста. Перед самой войной, тяжело раненый Гусевой, пишет он Государю из Покровского: «Милый друг, еще раз скажу, грозна туча над Россией; беда, горя много, темно и просвету нет... слез то море и меры нет, а крови? что скажу? Слов нет, неописуемый ужас. Знаю, все от Тебя войны хотят и, верно не зная, что ради гибели. Тяжко Божье наказание, когда ум отнимет, тут начало конца. Ты Царь, отец народа, не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ... вот, Германию победят, а Россия? подумать, как воистину не было от веку горшей страдалицы, вся тонет в крови... велика погибель, без конца печаль»*.

Это глагол пророка... Германию победят, но что же Россия? Она тонет в крови, гибель ее велика... Какое грозное предостережение патриотическим восторгам первых дней войны! Какая картина ужасной участи несчастной России!

И Царская Семья знает только этот лик мужика, его духовный образ, его смелое слово, отражающее многомиллионную крестьянскую мысль, его молитву за больного мальчика, радость, которую он приносит исстрадавшимся Родителям.

Но столичное общество, бездельное, злостное, жадное к сенсациям — этим не довольствуется. Его не трогает вещее слово русского человека, его забавляет, волнует бородатый мужик, введенный в барские хоромы. Его окружают блестящая молодежь, титулованные дамы, его наперебой зовут к себе, сажают за стол, уставленный серебром и хрусталем, напаивают вином, ласко-

* *Sokoloff N.* Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe. Fig. 7. P. 33.

во и обещающе улыбаются. Он пьет, приходит в мужицкое веселье, вскакивает из-за стола: «а ну-ка, голубушки, трепака». И под звуки рояля бородатый мужик пляшет... Он уж не в Петербурге, не в гостиной, а у себя в деревне, и окружают его не разряженные дамы, а бабы в платочках. Его везут в ресторан, зовут цыган, льется шампанское...

И на другой день новая злостная клевета ползет по городу, новый поток грязи льется из салонов, брызги которого летят до самого Царского дворца.

Но и в пьяном угаре, и среди женских улыбок, Распутина охватывает подчас сознание и греха и страшной судьбы своей. «Знаешь ли ты, — говорить он вдруг своей соседке за обедом, — что скоро я умру в ужасных страданиях? Но что же, Бог мне дал чудное призвание погибнуть за спасение обожаемых наших Монархов и Святой Руси»...

В этом сознании, быть может, таится мистическая нить между Царем и мужиком: приобщение к общей жертве...

История царствования Императора Николая II привлечет внимание не одного будущего историка. Когда страсти, возбужденные стихийной катастрофой, поразившей Россию, уступят место тому чувству безпристрастного внимания, для которого необходима некоторая отдаленность изучаемых событий, — тогда только *потомство отдаст справедливость эпохе, которая была великим Царствованием, и Царю, который был великим Монархом.*

Конечно, если расценивать царствования по окончательным их результатам, если возлагать на монархов всю полноту ответственности за все неудачи и бедствия, хотя бы стихийные, которые поражают государство, — то пришлось бы произвести историческую переоценку всех правителей и развенчать даже таких, как Александр Македонский, Карл Великий, Людовик XIV или Наполеон, ибо созданные ими великия государственные творения рассыпались после, а иногда даже и при них, и все они, после блестящего царствования, оставили своим преемникам тяжкое наследство.

Но если отдавать каждому монарху славу по его заслугам, по результатам, достигнутым его личным творчеством, вне зависимости от последующих разрушительных эффектов антигосударственных сил — то нужно, по справедливости, признать, что история Европы насчитывает немного государей, которые осуществили столько благодетельных реформ, дали своей стране такое громадное развитие, как это сделал Император Николай II.

Можно спорить о мнениях, об оценках, но не о фактах и о цифрах. А те и другие нам показывают, что за двадцать два года царствования Государя Николая Александровича была начата и отчасти осуществлена величайшая аграрная реформа, которую когда-либо знала история, стабилизована национальная монета установлением золотой валюты, свершено громадное государственное преобразование — установление народного представительства, а в области международной — взята инициатива учреждения международного Гаагского суда, действующего и поныне. Если к этим достижениям прибавить, что за двадцать два года царствования Императора Николая II экономическое развитие России до войны шло таким быстрым темпом, который уступал лишь Соединенным Штатам, то нас не может не охватить чувство гордости за столь близкое и столь славное прошлое нашей Родины.

Так, урожай хлебов поднялся на 116% (пшеница), добыча угля увеличилась на 400%, нефти — на 65%, золота на 43%, меди — на 375%, марганца — на 364%, производство сахара — на 245%, хлопка (сбор волокна) — на 388%, чугуна — на 250%, железа и стали — на 224%, золотой запас Государственного Банка увеличился с 648 миллионов рублей до 2 257,8 м. р. Вся необъятная страна покрылась сетью железных дорог, несущих оживление и культуру в отдаленнейшие пределы Империи; сама Сибирь была прорезана до берегов океана колеею в восемь тысяч верст длины — самая большая железнодорожная линия в мiре.

Эти цифры особенно интересно сопоставить с яростными нападками оппозиции на Царское Правительство, с обвинениями в неумелом хозяйничании и в разорительной финансовой политике; нужно также помнить, что эти блестящие результаты достигнуты, несмотря на неудачную японскую войну, обошедшуюся в $2^1/_2$ миллиарда рублей, на смуту 1905 года, на аграрные безпорядки, на саботаж Государственной думы. Государство, представляемое, как самое отсталое в Европе, с нищенским населением, подавленным непосильной тяжестью налогов, согласно цифровым данным, не только было первым по быстрому экономическому росту, но и самым устойчивым в финансовом отношении и, вместе с тем, самым счастливым именно по налоговому бремени.

Государственные доходы увеличивались темпом, не ведомым ни одному другому европейскому государству: в 1867 г. они составляют 415 миллионов рублей, в 1897 г. — 1 410 милл. р., в 1908 г. — 2 418 милл. рублей, и в 1913 г. — 3 417 милл. руб-

лей. Эти доходы не только покрывали целиком обыкновенные и чрезвычайные расходы, но оставляли значительные излишки, которые, ко времени войны, достигали 512,2 милл. рублей. Что же, это благосостояние было ли осуществлено ценою непосильных налогов? И на этот вопрос статистика дает назидательный ответ. Цифра налогов, на одну душу, составляла в 1912 г. (в рублях):

Прямые налоги: Россия — 3,11, Австрия — 10,19, Франция — 12,35, Германия — 12,97, Англия — 26,75.

Косвенные налоги: Россия — 5,98, Германия — 9,64, Австрия — 11,28, Англия — 13,86, Франция — 16. Иначе говоря, в некультурной России, при активном государственном бюджете, при громадном золотом запасе, угнетенный обыватель платил в $8^1/_2$ раз меньше прямых налогов, чем свободный житель либеральной Великобритании, и в три с лишним раза меньше, чем культурный француз в республиканской Франции.

Но, скажут бывшие враги Царского режима, — не хлебом одним жив человек; Россия могла преуспевать экономически, но отставать культурно; образование у нас преследовалось, стремление к знанию подавлялось, народ погрязал в невежестве.

Обратимся еще раз к цифрам.

За время царствования Императора Николая II смета Министерства народного просвещения возросла с 25,2 миллионов до 161,2 милл., т. е. на 628%; общие правительственные расходы на народное образование по всем ведомствам, вместо 40 милл., достигли 270 милл., увеличившись, таким образом, на 570%. Одновременно земские и городские самоуправления увеличили свои расходы на эту потребность на 329%.

В связи с заботами Правительства увеличилось и число учащихся в учебных заведениях: в начальных — на 159%, в средних — на 264%, в высших — на 433%. Выработанный в 1908 году план всеобщего начального обучения начал осуществляться быстрым темпом, школы открывались, в среднем, в количестве 10 000 в год; к началу войны их было уже 130 000. По советской статистике 1920 г., к этому времени 86% детей в возрасте от 12 до 16 лет, оказались грамотными; где эти дети научились читать и писать? В начальных школах отсталого Царского режима.

Прибавим, что нигде в міре женское образование не стояло так высоко, как в Императорской России; за двадцать лет число учащихся в средних женских учебных заведениях увеличилось на 420%; что же касается высшего женского образования,

то можно сказать без преувеличения, что оно получило начало и самое широкое развитие именно в России*.

Нужно ли говорить о достижениях русской науки, о мировых именах, выдвинутых Россией во всех областях знания и духа? Наконец, нужно ли прибавить, что и все передовые, либеральные, культурные творцы русской революции пили из той же чаши знания, которую подносило им Царское Правительство, что всем, что они знают, что приобрели, чем гордятся, — они всецело обязаны заботам Монархов о народном образовании, об их же образовании?

Революция восторжествовала над Императорским режимом, и мы видим, во что она обратила русскую свободную мысль, русскую науку, русское художественное творчество.

Клеветники из левого лагеря обычно обвиняли Императора Николая II в жестокости; «Николай кровавый» — вот ходкое прозвище, которое господа эсэры и кадеты давали Государю, когда они подготавливали суд и расправу над Ним и старались впоследствии отвлечь от себя справедливое народное негодование. Но, когда февральская революционная заря сменилась суровой большевицкой действительностью, когда людям, совершившим, способствовавшим или допустившим великую измену Царю, пришлось расплачиваться за нее собственною шкурою, — тогда обвинения в жестокости внезапно сменились обвинениями Государя в чрезмерной мягкости, в безволии. — «Ах, почему Он отрекся! Почему не повелел перевешать бунтовщиков! Если бы на месте Николая II был в это время такой Государь, как Николай I, никогда у нас не произошло бы революции». Так ропщут, так жалуются, так стонут бывшие генералы, помещики, профессора, земцы, адвокаты, либералы, депутаты, сановники, обобранные большевиками и прозябающие в эмиграции. Справедлив ли этот упрек?

14 декабря 1825 года, с раннего утра, на Сенатскую площадь в С.-Петербурге, начали стекаться бунтовавшие гвардейские части. Наблюдавший из Зимнего дворца за прохождением войск Император Николай I, как Он признает в Своем дневнике, пре-

---

* Статистические сведения о царствовании Императора Николая II заимствованы из брошюры «Государь Император Николай II Александрович» (по данным Энциклоп. Брокгауз и Эфрон, «The Statesman's Year book», трудов общего Съезда представителей русской промышленности и торговли в Париже). Берлин. 1922, и из замечательной книги А. Гулевича «Tsarisme et Revolution». Изд. Alexis Redier. Paris. 1931.

красно понимал ту опасность, которой грозил Семье Его и России этот безсмысленный, слепой и кровавый бунт. Он знал, что заговорщиками решено не только истребить в корне весь Царствующий Дом, но и опрокинуть вековые устои государства, т. е. открыть двери новой пугачевщине и анархии.

У Николая I имеются, однако, верные войска, имеется артиллерия, которая ждет только сигнала, чтобы открыть огонь по бунтовщикам. Государя окружают преданные, энергичные военачальники, которые умоляют Его дать разрешение подавить грозное движение. Но Он колеблется, Он не решается, Его мучат сомнения — и часы, драгоценные часы, проходят в бездействии. Вместо картечи, бунтовщикам посылают генерал-адъютанта графа Милорадовича, которого они с гиком убивают; короткий зимний день уже близится к вечеру, когда, наконец, удается уговорить Царя. Два выстрела из орудий — и Сенатская площадь пуста, все разлетелись, как стая воробьев.

Так поступил смелый, решительный и строгий Император Николай I.

25 февраля 1917 года петроградский главноначальствующий генерал Хабалов посылает Государю Николаю II в Ставку шифрованную депешу о начавшихся безпорядках. Тотчас же Государь отвечает следующей депешей: «Повелеваю завтра же прекратить в столице безпорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Приказание это военными и административными властями *не исполняется*; в самой Ставке окружающие Государя генералы убеждают Его *уступить* революции. Что же делает Государь? Он посылает в Петроград отряд войск для водворения порядка и Сам едет туда. Но предательство ждет Его по дороге; Он попадает в Псковскую ловушку, все главнокомандующие фронтами Ему изменяют, у Него не остается ни генералов, ни Правительства, ни солдат.

И в Своем дневнике 2 марта записывает Он: «*Кругом измена и трусость и обман*».

Так поступил слабовольный и мягкий Император Николай II.

Что сделал бы другой монарх на Его месте? Вероятно то, что сделали столько отрекшихся или покинувших свою страну государей: и Людовик XVI, и Карл X, и Людовик-Филипп, и Наполеон, и Маноэль Португальский, и Фердинанд Болгарский, и Вильгельм II, и Альфонс XIII.

И тут, может быть, место для более справедливого и, скажу более, глубокого суждения об Императоре Николае II. Если ве-

рить в известную логичность, закономерность исторических событий, то нужно признать, что в истории народов бывают такие моменты, когда воля отдельного, хотя бы и гениального, лица становится безсильной против натиска разрушительных сил, как самый талантливый и образованный врач безсилен остановить развитие болезни, отравившей уже организм.

В России революционные движения никогда не захватывали народных масс; пугачевщина, холерные и аграрные безпорядки были просто бунтами, не более, никогда не направленными ни против Монарха, ни против Царского режима. Деятели «Земли и Воли» прекрасно понимали эту народную психологию и пытались поднимать мужиков против помещиков именем Царя.

Политическая же революция родилась в верхах общества; высшее дворянство издавна лелеяло мысль об ограничении, в свою пользу, власти самодержавного Монарха. Еще в XVII веке князья Голицын, Репнин и Куракин стремились возвести на Престол малолетнего Петра Алексеевича, обусловив для аристократии особые права. После смерти Петра II мысль эта получила определенное выражение при обсуждениях в Верховном Тайном Совете вопроса о преемнике Царя. Долгорукие, Голицын и Головкин высказывались за ограничение Царской власти. «Воля ваша, — заявил Голицын, — кого изволите, только надобно нам себе полегчить». — «Как полегчить?» — спросил канцлер Головкин. — «Так полегчить, чтобы воли себе прибавить». Пока заседал Верховный Совет, в зале ожидали высшие чины государства и тоже шли разговоры. «Теперь время, чтобы самодержавию не быть», — говорил Ягужинский Долгорукому.

Не буквально ли то же самое повторяли, почти двести лет спустя, князья Трубецкие и Львовы, Родзянки и прочие представители знати?

Если проект конституции с двухпалатной системой, составленный в 1730 году Голицыным, и «кондиции», поставленные Верховным Советом Анне Иоанновне, и могли быть отвергнуты Ею, то только лишь благодаря поддержке духовенства, народа и офицерства из мелкого дворянства. Феофан Прокопович говорил, что «русский народ таков от природы своей, что только самодержавным владетельством храним быть может», а при обсуждении дворянами проекта новой формы правления, слышались возгласы офицеров: «Смерть крамольникам! Да здравствует Самодержавная Государыня!»

В 1916 и 1917 годах русские офицеры, к сожалению, уже не кричали ни «смерть крамольникам», ни «да здравствует Самодержавный Царь» и жестоко за такое молчание поплатились.

К этой политической борьбе в XVIII веке прибавилось поистине ужасное и развращающее явление: цареубийство и дворцовые перевороты. Дидро по возвращении во Францию из Петербурга, куда он ездил по приглашению Екатерины II, мог так охарактеризовать форму правления России:

«C'est une monarchie absolute, temperée par l'assassinat», — а Joseph de Maistre, рассказывая о короновании Императора Александра I, говорил:

«L'Empereur était précédé par les assassins de son grand-père, entouré des assassins de son père et suivi peut-être par ses propres assassins».

За это столетие страшно подешевела Царская кровь; крамола и цареубийство стали не только безопасными, но и выгодными занятиями. Толстой, заманивший Царевича Алексея на верную смерть; преображенцы, свергшие законного Государя Иоанна Антоновича; Орлов, зверски забивший Императора Петра III, не только не понесли никакого наказания, но были осыпаны Царскими милостями. И если Александр Благословенный и не поступил так же с убийцами Своего Отца, то они, во всяком случае, оставались в почете, и с именами графов Зубовых, Палена и Беннигсена не связана в общественном представлении мысль о позоре и ужасе цареубийства.

Бунтарство и злословие в отношении Монарха охватывает высший класс каждый раз, когда курс государственного корабля направляется не по его указке, или даже когда он считает свои интересы задетыми.

Даже Александр Благословенный, освободитель Отечества от нашествия двунадесяти языков и избавитель Европы от тяжелого ига Наполеона, даже Александр I, самый мягкий, самый обаятельный, самый «либеральный» из русских Царей, подвергался в петербургских салонах злостным и открытым нападкам, которые изумляли своей дерзостью иностранных дипломатов:

«Ничто не может сравниться с непочтительностью, с которой русская молодежь осмеливается отзываться о своем Монархе, — пишет французский посол Савари. — Я испытывал большую тревогу насчет тех последствий, которые подобные выходки могли иметь в стране, где дворцовые перевороты сделались слишком обычным явлением». И об этих тревогах он сообщает Государю.

Но Александр I давно осведомлен о том, что творится и говорится вокруг Него, и когда Новосильцев предостерегает Царя от возможной участи Его Отца, Императора Павла, Государь отвечает: «Боже мой! Я все это знаю, вижу, но что же я могу сделать против рока, который меня к этому ведет?»

Крамольное настроение салонов высказывается столь открыто, что оно ни для кого не составляет уже тайны. Шведский посланник доносит своему правительству, что «неудовольствие против Императора все увеличивается, и речи, которые приходится слышать, поистине страшны. Здесь идут постоянные разговоры о перемене царствования, и даже доходят в забвении присяги до того, что говорят о необходимости сослать всю мужескую линию Династии и, так как Императрица-мать и Императрица Елисавета не обладают необходимыми качествами для царствования, нужно возвести на Престол Великую Княгиню Екатерину».

Любопытно и поучительно сравнить эти рассказы дипломатов о настроениях столичного общества в начале прошлого века с тем, что другие дипломаты, как Палеолог, например, писали о том же до и во время Великой войны. Те же пересуды, та же эгоистическая, близорукая злоба к Монарху, то же предательство. За сто лет русское высшее общество не изменилось.

И таково суждение не только иностранцев, быть может недостаточно осведомленных. Императрица Елисавета Алексеевна пишет своей матери совершенно то же об общественном мнении, которое «кричит так, что становится страшно». Елисавета Алексеевна осуждает также родственников Государя: «С своей стороны Императрица (вдовствующая) вследствие того безграничного честолюбия, которое заставляет ее льстить при всех случаях общественному мнению, чтобы увеличить свою популярность, первая дала пример неудовольствия и стала громко осуждать политическое поведение своего сына... Не могу Вам выразить, как это меня возмущает!» Потом, говоря о фрондерстве Великого Князя Константина Павловича, Елисавета Алексеевна прибавляет: «Уверяю Вас, по временам мне кажется, что наш милый Государь, который лучше всех своих родственников, продан и предан своей собственной семьей».

Таково настроение в 1809 году. Как отнеслось общество к Государю Александру Павловичу, когда разразилась гроза двенадцатого года?

Москва занята французами, народная армия напрягает героические усилия, чтобы спасти Отечество. А Великая Княгиня Екатерина Павловна пишет Государю: «Неудовольствие достигло высшей меры, и Вас лично далеко не щадят. Если даже это доходит до меня, то судите сами об остальном. Вас открыто обвиняют в несчастии Вашей Империи, в разорении всех и каждого, наконец в том, что Вы пожертвовали честью страны и Вашей собственной... Не опасайтесь катастрофы в роде революции, нет! Но подумайте сами, каково может быть положение вещей в стране, главу которой презирают; нет ничего того, что люди не сделали бы для восстановления своей чести, но, несмотря на страстное желание всем пожертвовать ради Родины, говорят: к чему это поведет, когда все гибнет, уничтожается вследствие бездарности начальников? Мысль о мире, к счастью, не у всех на уме; напротив даже — чувство стыда от потери Москвы вызывает желание мести. Но Вас осуждают, и без стеснения; я считаю своим долгом Вам об этом сказать, мой друг, так как это слишком важно».

Письмо это от 12 сентября 1812 года. Через месяц Наполеон бежал из Москвы, через три — русские войска переходили границу, через восемнадцать «потерявший честь» Александр I торжественно въезжал в Париж и прославлялся всей Европой, как ее спаситель; а «бездарные» русские начальники становились историческими национальными героями.

Вот судьба, которая готовилась Царю Николаю II и России после Великой войны, если бы прогнившее русское общество не открыло дороги революции.

Это общество могло потом курить фимиам победителю Наполеона, как оно расстилалось бы после победы и перед Государем Николаем II, но чувство презрения к малодушным и крамольным столичным салонам неизгладимо осталось в сердцах обоих Монархов.

«Быть несправедливым к тому, кого постигло несчастие, обвинять его, нападать на него — все это вещь обычная, — отвечает Император Александр I на резкое письмо сестры. — Никогда не льстил я себя никакими иллюзиями на этот счет; я был уверен, что со мною это случится, как только судьба мне станет враждебной».

И столь же горькие слова вырываются из уст Государя Николая Александровича, когда, обращаясь к Палеологу, он с возмущением говорит об «отравленной атмосфере Петрограда»:

«И этот смрад идет не из народных кварталов, а из салонов. Какой стыд! Какое ничтожество! Можно ли быть до такой степени лишенным совести, патриотизма и веры!»*.

Таков был «высший класс» при Императоре Александре I, таковым он оставался до революции.

Из класса, воспитанного на этих примерах, вышли декабристы. Удивительно ли, что их движение отражает именно те же самые побуждения, которые зрели и осуществлялись их предшественниками: ограничение Монарха и цареубийство? Вызвало ли движение декабристов негодование в так называемом «обществе»? Нет, их чествовали, их прославляли поэты, ими гордились, и отцы приводили их в пример своим сыновьям.

Разложение высших классов не может остаться без влияния на другие слои общества. От дворянства революционное брожение перешло к новому классу — интеллигенции, появился организованный террор. Русских Царей убийцы преследовали по пятам. Император Александр II погиб от бомб народовольцев, Его преемник был спасен чудом, а Внук, Император Николай II, нашел, со всем Своим Семейством, мученическую смерть от руки прямых наследников декабристов — большевиков.

Кровавая цепь преступлений тянется в течение почти двухсот лет; в нее постепенно втягиваются все слои правящего класса, от аристократии до купечества. Одни убивают, а другие, более робкие, им помогают или просто сочувствуют. Верных Царских слуг начинают систематически истреблять. Под выстрелами и бомбами революционеров падают: Великий Князь Сергей Александрович; министры Плеве, Сипягин, Боголепов, Столыпин, генерал-губернаторы и губернаторы граф Игнатьев, Старынкевич, Хвостов, Александровский, Слепцов, петербургский градоначальник фон-дер-Лауниц, главный военный прокурор Павлов, генералы и адмиралы Чухнин, Сахаров, Мин, Карангозов, Алиханов и сотни других. Но не только сановников Империи поражают революционеры, они охотятся, с револьвером в руках, и за «мелкой сошкой». Изданная в 1907 году «Книга Русской Скорби», в четырнадцати томах, содержит синодик этих жертв красного террора. В нем мы находим и священников, и урядников, и городовых, и артельщиков, и преподавателей. Эти убийства, совершенные, главным образом, эсэрами, партией Керенского, поражают своей жестокостью. 8 мая 1906 г. революционеры убивают пристава Орлова, вырывают из тела сердце и печень, режут

* *Paléologue M.* La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. Vol. II. P. 88–89.

их на куски и бросают в реку; в Курске, на вокзале, они запирают офицера в вагон и сжигают его живым. За шесть недель только, от 1 июля до 15 августа 1906 г., террористы совершают 613 покушений и убивают 244 человека.

Что это, борьба за свободу? Нет, разрушение Российского государства путем систематического террора, которым дирижирует центральный комитет эсэров, почти сплошь состоящий из евреев или еврейских наймитов: Азеф, Гоц, Швейцер, Лейба Сикорский, Дора Бриллиант, Борис Савинков, Каляев и пр.

Что же делает дворянство, интеллигенция, купечество? Когда, во время собрания «профессорской» партии кадет, кто-то с эстрады сообщает полученное только что известие об убийстве адмирала Чухнина, зал разражается громом рукоплесканий. Сам лидер кадет, профессор Милюков, едет в Лондон уговаривать Ленина продолжать политические убийства, которые будущий диктатор считает уже безполезными, а именитый купец и миллионер Савва Морозов посылает большевикам деньги и страхует свою жизнь в их пользу. В этой же пляске смерти перед гибелью России мелькают и известные дворянские имена: князья Львов, Долгоруковы, Трубецкие, Шаховской; Родзянко, Самарин, генералы, члены Государственного совета, депутаты, — цвет русского общества, о котором французский журналист Густав Эрвэ высказал следующее строгое, но справедливое суждение: «Мы всем сердцем жалеем русскую аристократию и буржуазию, которые перенесли с 1917 года известные всем страшные испытания; но приходится признать, что, подобно и нашей аристократии старого режима, они проявили в критический час легкомыслие, безразсудность и отсутствие политической устойчивости поистине изумительные. Просто невероятно, что, зная историю бывших революций, часть русской элиты своим разлагающим и мелко фрондирующим настроением, своим сочувствием самым разрушительным идеям, своими интригами во время войны — могла подготовить ужасную катастрофу».

Да, невероятно... и в том вся трагедия России. В России не было почвы для революции, русский народ не бунтовал, а работал и сражался на фронте, но государство разлагалось благодаря разложению правящего класса. Императору Николаю II пришлось нести бремя правления в годы, когда верхние слои населения из творческих обратились в разрушительные элементы. Перед революцией Россия представляла трагическую картину: Царь и Народ — здоровые начала государства, разъединенные прогнившей общественной прослойкой — правящим классом.

Позволено, однако, задаться вопросом о том, являлась ли деятельность русских либералов и революционеров свободной от постороннего влияния? Не было ли у русского государства врага, неизмеримо более опасного, чем разношерстный отечественный революционный сброд?

Еще очень недавно говорить о масонстве считалось как-то неприлично, признаком крайней политической отсталости; обвинения в «масонстве» у людей культурных вызывали такую же улыбку, какую вызывало бы обвинение в колдовстве.

Теперь многое в этом взгляде изменилось. И наша «интеллигенция», среда всегда слишком чутко прислушивающаяся к европейскому общественному мнению, убедилась, что именно в Европе началась усиленная кампания разоблачения разрушительной деятельности масонства, что в самых демократических государствах появились весьма серьезные лиги, объединения, журналы, сборники, посвященные борьбе с масонством.

Таким образом русские анти-масоны неожиданно оказались идущими в самых передовых отрядах европейской «правой» общественности. К их рядам примкнули и такие лица, которых, по их политической фигуре, никак нельзя было считать «черносотенцами», как, например, С. Мельгунов, посвятивший вопросу о роли масонства в русской революции, целую главу своей интересной книги «На путях к дворцовому перевороту».

В дальнейшем изложении будут приведены некоторые сведения о масонском руководстве в подготовке февральского переворота. Отметим пока только, что после долгого перерыва масонство возродилось снова в России в 1908 г., и что первым лицом, возведенным приехавшими из-за границы высокими братьями в соответствующую степень, был еврей, присяжный поверенный Маргулиес.

Еврейство — вторая и безмерно более могущественная международная организация, способствовавшая разрушению России.

Надлежит, прежде всего, вспомнить, что на гибельную, разрушительную деятельность еврейства указывалось многими сведущими и проницательными людьми задолго до революции; еще Достоевский писал, что евреи погубят Россию. И, действительно, Россия оставалась еще единственной страной в мiре, где Правительство пыталось защищать народ от еврейского засилья; отсюда — ненависть международного еврейства к Царскому режиму и та систематическая подрывная работа, которую оно производило для разрушения Российской государственности.

Нужно заметить, что в этом отношении международное еврейство действовало довольно открыто и не скрывало своих конечных целей. Так, в августе 1905 г., во время пребывания С. Ю. Витте (впоследствии графа) в Америке, к нему явилась депутация от еврейского комитета, во главе с Яковом Шифом и Штраусом, чтобы добиться от него обещания предоставления евреям равноправия в России. Витте их принял любезно, погоревал с ними об участи еврейства, но не посулил им больших надежд. Тогда Шиф ядовито и злобно заявил: «Если Царь не хочет дать своему народу (разумей — евреям) желанной свободы, тогда революция установит республику, благодаря которой эти права будут достигнуты». — «Совершенно верно, — ответил Витте, — это может случиться, но не ранее, чем через сотни лет, в течение которых царствовать будут Романовы». — «А между тем, — прибавляет еврейская газета, цитирующая этот факт, — едва прошло с тех пор пятнадцать лет и Царя больше нет среди живых. Его Супруга и Наследник также убиты, в то время, как остальные Члены Семьи Романовых находятся в изгнании или в руках пролетариата»*.

Нельзя более откровенно и нагло признаться в участии еврейства не только в подготовке революции, но и в зверском убийстве Царской Семьи, совершенном, по приказанию еврея Свердлова, евреями Голощекиным и Юровским.

«Пусть кровь Его падет на нас и на детей наших», — кричали евреи тысячу девятьсот лет тому назад. Не тот ли самый исступленный крик ненависти слышится и теперь в отношении замученного ими Русского Царя?

На ближайшее, руководящее участие еврейства в русской революции указывали не только русские «черносотенцы», но и «просвещенные» иностранцы. Говоря о роли евреев в образовании большевизма и о жалком состоянии, в котором находится Россия, Уинстон Черчилль прибавляет: «Влияние это, вероятно, даже превышает все остальные, исключая влияния Ленина, т. к. большинство руководителей — евреи. Я скажу даже больше: главное вдохновение и направляющая сила идут от еврейских руководителей»**. Укажем также на интересные и документированные работы Вильтона, французского прелата Жуэна и т. д.***

---

* *Netchvolodov A.* L'Empereur Nicolas II et les Juifs. P. 5, 52, 74.

** Там же. С. 56.

*** *Robert Wilton.* Les derniers jours des Romanoff. *Monseigneur Jouin.* Le Péril Judéo-Maçonnique.

Насколько открытым и наглым был натиск еврейства на русскую государственность, видно хотя бы из того факта, что 15 февраля 1911 года депутация евреев, состоящая из того же Шифа, Фурта, Маршала, Крауса и судьи Гольдфольджа, осмелилась потребовать от президента Соединенных Штатов Тафта отмены почти векового торгового договора с Россией. И когда Тафт отказал в этом дерзком требовании, то Шиф, дрожа от бешенства, заявил: «В таком случае, это война между нами». И, действительно, началась невероятная газетная и банковская кампания, в результате которой Тафту пришлось уступить и договор с Россией был отменен*.

Но давление еврейства на Россию не могло бы, конечно, оказать влияния на ее внутреннюю политику, внести разложение в ее социальный строй, если бы у международного еврейства не оказалось в русском стане своих наймитов и предателей, а также, к сожалению, и безсознательных пособников, завороженных громкими фразами о несправедливости к избранному племени, о его мнимых страданиях, о необходимости дать ему равноправие.

Среди видных «общественных деятелей», находящихся на побегушках и на содержании у евреев, нельзя, прежде всего, не указать на профессора Милюкова, редактора «Речи» — в С.-Петербурге, и «Последних новостей» — в Париже, газет, битком набитых еврейскими журналистами и всегда преследующих еврейские интересы.

Как ни ясна была роль Милюкова и в прежние годы, она еще ярче выявилась в дни еврейского триумфа, после февральской революции.

Действительно, едва только образовалось революционное Временное правительство, как глава антирусского еврейства, все тот же Яков Шиф, посылает, в качестве «непримиримого врага тиранического самодержавия, безжалостно преследовавшего наших сородичей», — 6/19 марта поздравительную телеграмму Милюкову, который отвечает ему крайне почтительной благодарственной депешей, начинающейся со следующих знаменательных слов: «Мы объединены с вами в нашей общей ненависти к старому режиму, ныне свергнутому»... И этот обмен телеграммами между господином и слугой приведен в газете «New-York

* Jewish activities in the United States. V. II of the «International Jew». April 1921. См.: *Нечволодов А.* L'Empereur Nicolas II et les Juifs. P. 81.

Times» от 10 апреля (28 марта) под откровенным заглавием: «Благодарность Якову Шифу»*.

В дальнейшем Милюков продолжает верою и правдою служить евреям против России; так, по его настоянию, Англия вынуждена пропустить в Россию Бронштейна-Троцкого, и, при его содействии, Временное правительство устраивает приезд в Россию Ленина и его банды. Тот же Милюков, по соглашению с своим сообщником Бьюкененом, скрывает от Государя телеграмму Английского короля, срывает всеми мерами переезд Царской Семьи в Англию и подготовляет, таким образом, осуществление кровавой расправы евреев с Екатеринбургскими жертвами.

Но у еврейства постепенно заводятся пособники, вольные или невольные, и среди самого Правительства.

В самый тяжелый момент войны, представители еврейства предъявляют Правительству дерзкий ультиматум: или будет отменена черта оседлости для евреев, или России будет закрыт во всем мире кредит на продолжение войны. Что делают Царские министры? Они склоняют выю перед международным еврейством и немедленно выполняют его требование**.

Что мог сделать Государь один против натиска международных сил, без поддержки в разложившемся, развращенном, потерявшем чувство долга, чести и патриотизма правящем классе? Будем справедливы — при таких условиях, как это и отмечает умный и проницательный Черчилль, всякий монарх, даже самый гениальный, оказался бы безсильным.

Для спасения России Государю пришлось бы совершенно смести весь верхний слой русского общества, соединить Царя с народом без всяких посредников, воспитать новых людей, создать другие устои, — а произвести такую Свою революцию во время войны Государь, если бы и хотел, очевидно не мог.

Но если гибель России не могла быть тогда предотвращена ни волею, ни жертвенностью Монарха, мы можем спросить себя, не выполнил ли Государь другой, более высокой, миссии: спасти от позора и крушения самую идею Монархии и честь Родины? Не были ли Его слова глубоко пророческими: «Если для спасения России нужна искупительная жертва, я буду этой жертвой».

---

*Эти телеграммы были помещены в «New-York Times» от 10 апреля 1917 г. Приведены у ген. А. Нечволодова «L'Empereur Nicolas II et les Juifs». P. 72. О роли еврейства и масонства см. также в Приложении к гл. I.

**Об этом случае подробнее в следующей главе.

И, действительно, не жертве ли нашего Царя Россия обязана спасением хотя бы своей чести, не эта ли жертва возвысила на небывалую доселе высоту славу Царского Имени, не она ли вызвала в русском народе трогательные легенды о чудесном спасении Царя, легенды, в которых отражается смутное, но глубокое народное чаяние: снова увидеть в освобожденной России венценосного Помазанника?

Близоруки те, кто в истории видят только факты; в ней, как и во всем міре, над материей царит дух.

И жизнь Государя Императора Николая Александровича есть пример торжества духа.

Глава II

ПОДГОТОВКА РЕВОЛЮЦИИ

1. Война и оппозиция

«Считаю своим гражданским и служебным долгом заявить Совету министров, что отечество в опасности».

Так, в заседании Совета министров 16 июля 1915 года военный министр генерал Поливанов начал свой доклад о положении на фронте.

Воцарилось томительное, полное тревоги, молчание. А между тем ни для кого из сановников, собравшихся вокруг этого стола, не была тайной та тяжелая обстановка, в которой оказалась наша армия под давлением немцев. Но все же выступление Поливанова, с обычной для него театральностью, с драматическим дрожанием в голосе, произвело на министров потрясающее впечатление.

Послышались тревожные восклицания, вопросы, гул голосов; когда прошла эта первая минута волнения, председатель Совета министров И. Л. Горемыкин спокойно обратился к генералу Поливанову с просьбой объяснить, на чем он строит свои столь мрачные заявления.

Военный министр, все в том же тоне трагического пафоса, набросал в темных красках безотрадную картину положения на фронте. С особой силой зазвучал голос генерала, когда он заговорил о Ставке. «В Ставке Верховного Главнокомандующего, — сказал он, — наблюдается все растущая растерянность. Она теперь охватывается убийственной психологией отступления и

готовится к отходу вглубь страны, на новое место. Назад, назад и назад — только и слышно оттуда». Затем Поливанов с негодованием обрушился на генерала Янушкевича, который «царит над всем и всеми», заговорил об «угрожающем нарастании раздражения в стране», о «признаках революционных веяний не только в тылу, но и на фронте» и, наконец, воскликнул: «Печальней всего, что правда не доходит до Его Величества... На рубеже величайших событий в русской истории, необходимо, чтобы Русский Царь выслушал мнение всех ответственных военачальников и всего Совета министров, которые должны откровенно сказать Ему о том, что приближается, быть может, последний час и что необходимы героическия решения... Мы должны настойчиво просить Государя созвать военный совет при участии Правительства в ближайшие дни. Иначе может быть поздно».

Министры слушали речь генерала Поливанова с напряженным вниманием, с едва скрываемым волнением. Оставался спокойным один председатель Совета, поглаживая, привычным жестом, свои длинные седые баки, которые он носил по моде эпохи Александра II.

Иван Логгинович Горемыкин, старый сановник, искушенный в течение полувека в государственных делах, находился в том возрасте, в котором исчезают иллюзии, утихают страсти и даже последняя из них: честолюбие — уступает место тому спокойному равнодушию, которое предшествует небытию.

В 1812 году, накануне оставления Москвы, Кутузов дремал на военном совете, пока генералы спорили между собой; долгий опыт научил его тому, что не слова и люди управляют событиями, и что, как бы ни был велик гений Наполеона, сила вещей заставит его скоро покинуть Москву и бежать из России.

Горемыкин также обладал таким старческим опытом. Он верил в Россию. И во время горячей речи генерала он оглядывал усталым взором своих коллег по либеральному министерству, назначенному Государем для удовлетворения Государственной думы. Из «бюрократов», прошедших полную служебную карьеру, здесь были только министры: путей сообщения Рухлов, юстиции — Хвостов, земледелия — Кривошеин и Государственный Контролер Харитонов. Министр же народного просвещения граф Игнатьев, торговли — князь Шаховской, внутренних дел — князь Щербатов, так же как Обер-Прокурор Св. Синода Самарин — представляли ту либеральную и фрондирующую аристократию, которая, со времен декабристов, подготавливала пути к

торжеству «грядущего Хама». Министр финансов Барк, бывший директор банка, был представителем крупных банковских кругов. Наконец, министр иностранных дел Сазонов составлял как бы связь между этими разношерстными элементами. Дипломат по карьере, он был, вместе с тем, по природе своей парламентским и политическим деятелем. Его ловкость и гибкость, а также и честолюбие позволили ему лавировать между всякими течениями, с неизменной чуткостью выбирая то из них, которое вынесет его еще дальше вперед.

Необходимо прибавить, что в этот период своей деятельности Сазонов, связанный с масонством*, выполнял определенные задания, сводящиеся к постепенному разрушению русской государственности. Так, 10 июня 1915 г. революционер П. Б. Струве пишет Сазонову о необходимости заменить военного министра ген. Сухомлинова ген. Поливановым; любопытно отметить, что через три дня Поливанов действительно назначается на этот пост**. Надо ли напоминать ту роковую роль, которую сыграл этот генерал-предатель, перешедший впоследствии к большевикам. Но кто был сам Струве, дававший инструкции Сазонову? П. Б. Струве, один из основателей русской социал-демократической партии, старый враг Монархии, являлся также автором той знаменитой декларации названной партии, в которой, между прочим, заключается следующий призыв: «Политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам, и он свергнет самодержавие, чтобы затем уже с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма»***.

Об этом факте необходимо помнить, чтобы понять все последующее невероятное поведение гофмейстера Сазонова.

Кроме Рухлова и Хвостова, Совет министров являлся в эти дни собранием людей, быть может и одушевленных лучшими намерениями, но слабых, безвольных, робких, неспособных ни подняться до высоты событий, ни удержать власть при первой попытке вырвать ее из их рук.

Поливанов все продолжал говорить, и сквозь яркие образы его речи старый председатель с безпощадной ясностью различал

---

* *Netchvolodov A.* L'Empereur Nicolas II et les Juifs. P. 42 (по данным, приведенным в журнале «La Franc-Maçonnerie démasquée» от 10 и 25 дек. 1919 г.).

** Красный Архив. Кн. 58.

*** *Ген. Спиридович А. И.* История большевизма в России. С. 32. [Имеется в виду манифест РСДРП.]

грубую ее ткань. И. Л. Горемыкин слушал молча, но его молчание было прекрасно осведомленное. Он не питал никакого доверия к этому политиканствующему генералу, навязанному Правительству левыми представителями Государственной думы.

Едва военный министр умолк, как поднялся невообразимый шум. Всех охватило какое-то возбуждение; шли не прения в Совете министров, а безпорядочный перекрестный разговор взволнованных людей. Неужели Поливанов прав? Неужели все пропало? Но, понемногу, среди этих безотрадных восклицаний, послышались более спокойные, более трезвые голоса некоторых министров. «Если в тылу и в штабах замечается некоторая растерянность, — говорили они, — то на фронте, напротив, офицерство настроено бодро и не теряет веры в конечную победу и в переход в наступление. Отход объясняется, как кутузовский маневр заманивания неприятеля вглубь страны, подальше от коммуникационных линий. Когда же немцы достаточно зарвутся и отойдут от своей основной базы, им будет нанесен сокрушительный удар и их погонят за Вислу».

Была ли в этом мнении некоторая доля оптимизма или нет, но оно, несомненно, рассеивало ту атмосферу паники, которую пытался создать Поливанов для намеченных его партией целей. Видя эту опасность, он, не скрывая озлобления, воскликнул:

«Вопрос о вере в конечную победу, все россказни доморощенных стратегов и писателей военных обзоров глубоко меня раздражают. Надо думать не о победах, а о том, как бы спасти жизненные центры России от захвата врагом. Повторяю, господа, отечество в опасности».

Разговор вернулся к вопросу о Ставке, которая, по мнению министров, захватывала права гражданских властей и даже самого Совета министров.

А. В. Кривошеин заметил, по этому поводу, что все эти затруднения и недоразумения возникают вследствие двоевластия и разрешаются просто Положением о полевом управлении, по которому Верховным Главнокомандующим является Сам Государь Император. Тогда вся полнота власти сосредоточена в одних руках. Но председатель прервал здесь прения.

«Господа, — сказал он, — обращаю ваше внимание на необходимость с особой осторожностью касаться вопроса о Ставке. В Царском Селе накипает раздражение и неудовольствие против Великого Князя. Императрица Александра Феодоровна, как вам известно, никогда не была расположена к Великому Князю

Николаю Николаевичу и в первые дни войны протестовала против призвания его на пост Главнокомандующего. Сейчас же Она считает его единственным виновником переживаемых на фронте несчастий. Огонь разгорается. Опасно подливать в него масло. Я бы считал необходимым отложить разрешение возбужденных вопросов и хорошенько еще раз их обдумать».

Горемыкин знал, что говорил, предлагая отложить обращение к Государю. Ему в эту минуту уже было известно, что Государь решил вступить в командование Своими войсками и что Великий Князь Николай Николаевич должен был получить назначение на Кавказский фронт. Горемыкин не мог, конечно, разгласить раньше времени это доверительное сообщение Монарха, но он считал излишним подвергать обсуждению в Совете вопрос уже решенный, а тем более обращаться к Монарху по этому поводу*.

Это заседание 16 июля 1915 года является весьма важным моментом в истории Великой Войны. Его можно назвать первым этапом надвигающейся революции. Здесь, впервые, военный министр одной из союзных держав имел печальное мужество заявить, что он не верит в победу. Конечно, ни Горемыкин, ни другие члены Совета министров не могли предвидеть, что Поливанов изменит последовательно и Царю и Временному правительству, чтобы, наконец, перейти к большевикам. Но все же остается удивительным, что пораженческие заявления военного министра не вызвали негодования его коллег; в этом факте отражался уже тот упадок духа, к которому привела Правительство систематическая травля его со стороны Государственной думы.

Действительно, ни для кого не было тайной, что Поливанов — креатура Гучкова. Заявления военного министра приобретали, таким образом, характер зловещего политического выступления.

В то время между Государем и оппозицией разыгрывалась решительная политическая борьба, в которой главным козырем у Монарха была победа, а у оппозиции — поражение.

Сейчас, когда страшные события последних лет смешали все старые карты, может показаться невероятным, что часть русско-

*Указание на все подробности заседаний Совета министров в 1915 г. заимствованы из очерка «Тяжелые дни» (секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) А. Н. Яхонтова, б. помощника управляющего делами Совета министров // Архив Русской Революции. Т. XVIII.

го правящего класса делала свою ставку на военное несчастье Родины. Но не следует забывать, что пораженческий дух всегда был близок революционным и даже либеральным кругам России, для которых было очевидным, что только неудачи, нищета и лишения могут создать в стране то неудовольствие, которое, при ловкой пропаганде, могло вызвать падение режима.

Рассчитывать на экономические затруднения оппозиция уже не могла. С царствованием Императора Николая II Россия, как было сказано выше, вошла в полосу быстрого материального и духовного развития. Главная надежда оппозиции — восстание ста двадцати миллионного крестьянства, которое старались бросить против помещиков пропагандой о разделе земель, — рухнула благодаря умелой аграрной политике Русских Монархов. В течение полувека рядом мер, принятых государством, свершался безболезненный переход земель к тем, кто их в действительности обрабатывал; таким образом, крестьяне, владевшие, ко времени освобождения от крепостной зависимости, приблизительно 120 миллионами десятин, приобрели до войны, при посредстве государственных земельных банков, еще 100 миллионов десятин, в то время как площадь частновладельческих земель уменьшилась со 100 до 56 миллионов десятин. При продолжении этой политики, лет через пятьдесят, почти весь запас обрабатываемых земель несомненно перешел бы к крестьянам, и с этим исчезла бы всякая возможность аграрных смут. Для революции оставалась таким образом одна только надежда: неудачная война.

И действительно, во время японской войны, русские либеральные круги возлагали свои чаяния на победу Японии. Известно, что левые партии использовали военные затруднения этой кампании для поднятия повсюду революционных брожений, что и вынудило Правительство заключить преждевременный мир. Кадетская партия, руководимая Милюковым, вела в Париже активную пропаганду против русских займов; впоследствии члены первой Думы обратились из Выборга с воззванием к населению, увещевая его не давать ни одного солдата в армию и ни одной копейки в казну.

Вся эта антирусская кампания «интеллигенции» велась, к тому же, не всегда безкорыстно. Так, например, тот же Милюков, неосторожно возбудивший против газеты «Земщина» дело о диффамации, оказался изобличенным на суде в получении крупной суммы от Финляндии за поддержку в печати финляндских интересов против русских.

Что февральская революция 1917 года была сделана при денежной помощи Германии, при участии немецких и, как ни странно, также английских агентов — не оставляет в настоящее время никакого сомнения. В своих мемуарах Жильяр приводит следующую фразу из «Воспоминаний о войне» генерала Людендорфа: «Я часто мечтал о совершении той русской революции, которая должна была облегчить тяжесть нашего военного положения. Вечная химера. Ныне она произошла внезапно. Я чувствовал, что с меня свалилась огромная тяжесть».

«То, о чем Людендорф, понятно, умалчивает, — прибавляет с горечью Жильяр, — это те настойчивые усилия, которые Германия применила, чтобы произошла "внезапно" русская революция»*.

Впрочем, и лидер кадет, сам профессор Милюков не отказывался признавать роль Германии в революции. Недели через две после февральского бунта, во время заседания новоявленного Совета министров, Милюков, занимавший пост министра иностранных дел, заметил в разговоре, что ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли свою роль в числе факторов, содействовавших перевороту. В ту минуту, когда Милюков произнес приведенные слова, Керенский находился в дальнем углу комнаты. Он вдруг остановился и оттуда закричал: «Как? Что вы сказали? Повторите!» — и быстрыми шагами приблизился к своему месту у стола. Милюков спокойно и, так сказать, увесисто, повторил свою фразу. Керенский словно осатанел. Он кинулся вон, за ним побежали уговаривать и успокаивать другие министры. «Но, по существу, — замечает В. Набоков, рассказавший этот эпизод, — никто из оставшихся министров не высказал ни одного слова по поводу фразы, вызвавшей негодование Керенского»**.

Эти «государственные деятели», так хорошо осведомленные о содействии немецкого золота в захвате ими власти, были те самые кн. Львов, Коновалов, Гучков, Терещенко и все вожди русской оппозиции, столь резко обвинявшей Царское Правительство в недостаточном патриотизме, в измене и бросавшей этот упрек даже Самой Императрице.

О действиях же Англии и ее посла будет подробнее сказано дальше.

---

* *Gilliard P.* La tragique destin de Nicolas II et de Sa famille. P. 157.

** *Набоков В.* Временное Правительство // Архив Русской Революции. Т. 1. С. 23.

Прибавим, что, оказавшись у власти, февральские «патриоты» весьма активно взялись за выполнение той работы, для которой русская революция именно и была нужна Германии: разложение армии и разрушение фронта; и чего же они добились? Приезда в Россию Ленина и его шайки, везших ярко пораженческую программу.

Война, поднявшая во всей стране волну патриотического чувства, была встречена оппозицией враждебно. Милюков разразился в «Речи» столь неприличной статьей против Сербии, что газета эта была тотчас же закрыта по приказанию Великого Князя Николая Николаевича. Любопытно отметить, что уже в эти дни существовала в Государственной думе полная согласованность действий между элементами революционной оппозиции и теми, которые постоянно заявляли о своей верности режиму. Действительно, запрещение газеты «Речь» было отменено по ходатайству председателя Государственной думы Родзянко, которому, таким образом, удалось сохранить для оппозиции это отравленное оружие против национальной России.

Родзянко рассказывает следующим образом этот не лестный ни для него, ни для Милюкова эпизод. Дело происходило 26 июля в Зимнем Дворце после приема Государем, по случаю объявления войны, членов Гос. совета и Гос. думы. «Подъем был необычайный. Великий Князь Николай Николаевич подошел ко мне, обнял меня и сказал: "Ну, Родзянко, теперь я тебе друг по гроб. Все для Думы сделаю. Скажи, что надо". Я воспользовался этим и попросил возобновить газету "Речь", которую Великий Князь распорядился закрыть за антипатриотические статьи против Сербии. "Милюков наглупил, — сказал я, — и сам не рад. Возьмите с него слово, и он изменит направление. А газеты теперь нам так будут нужны". На другой день "Речь" была открыта...»*

Одна французская газета как-то назвала Милюкова «королем безтактности» — le roi des gaffeurs. Нет сомнения, что этот профессор интернационалистической складки, чуждый России и ее интересам, обуреваемый мелким и неудовлетворенным честолюбием, не раз попадал в жесточайший просак, не понимая смысла надвигающихся событий, грубо ошибаясь в общественных настроениях. В начале войны незадачливый профессор объявил себя болгарофилом — и Болгария повернула свое оружие

* *Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив Русской Революции. Т. XVII. С. 81.

против России; в начале белого движения Милюков выбрал германскую ориентацию и вел переговоры с немецкими оккупационными войсками, заявляя что «германцы хозяева положения». Вскоре после того произошла капитуляция Германии. Эта «ошибка» в своих предсказаниях не помешала профессору Милюкову явиться в 1918 году во Францию, откуда он был, впрочем, вынужден немедленно тогда же уехать по требованию французского правительства*.

Антинациональная работа Милюкова и его кадет осуществлялась также, но в более резкой форме, крайними левыми партиями; в своих газетах «Социал-демократ», «Коммунист», «Голос», «Правда» вожди социализма всех оттенков развивали идею активного пораженчества, включавшего также и призыв к свержению Царского режима. В сентябре 1914 года «тезисы» Ленина были приняты на Циммервальдском социалистическом съезде и получили некоторое распространение и в России; в Государственной думе представителями пораженчества оказались депутаты Керенский и несколько других, четверо из которых: Бадаев, Муранов, Петровский и Самойлов были арестованы, судимы за организацию пропагандных ячеек в войсках и приговорены к разным наказаниям, от восьми месяцев тюрьмы до ссылки в Сибирь**.

Между революционными группами и кадетами существовала всегда самая интимная связь; вернее, кадеты шли на поводу у левых, которые их презирали и не стеснялись это высказывать. Если кадеты сами не производили террористических действий, то лишь из осторожности, т. к. большинство из них принадлежало к «буржуазии», имело доходные положения, или даже состояло на государственной службе. Но, не подвергаясь лично риску, они весьма поощряли убийства и грабежи эсэров и большевиков.

В день убийства адмирала Чухнина, когда весть об этом злодеянии была сообщена в Петербурге во время открытого собрания кадет, — зал разразился аплодисментами. Под давлением тех же кадет первая Государственная дума отказалась выразить осуждение политическим убийствам. Да как могли бы они осудить то, что, по их мнению, способствовало их успеху? В 1902

---

* *Гурко В. И.* Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу // Архив Русской Революции. Т. XV. С. 5–84.

** О пораженческой деятельности Керенского см. у *ген. Спиридовича А. И.* История большевизма в России. С. 299.

году, после убийства министра внутренних дел Сипягина, когда Ленин и его группа высказались против индивидуального террора, Милюков ездил в Лондон уговаривать Ленина вступить на путь политических убийств. «Вы делаете роковую ошибку, противясь террору, — убеждал кадетский лидер, — подумайте только, что еще пары убийств было бы достаточно, чтобы заставить Правительство дать конституцию»*.

Но не одни социалисты и Милюковские интеллигенты мечтали о революции во время войны. Сколь это нам ни представляется теперь загадочным, о том же чаяли и представители крупной торговли и промышленности. Чтобы понять эту историческую загадку, нужно вспомнить, что Россия не прошла через политический кризис 1789 года, который во Франции дал власть третьему сословию — буржуазии. Российская Империя управлялась не финансистами, не коммерсантами, не адвокатами, не фармацевтами, как мы это видим в «демократических» странах. Россия управлялась, по выражению Императора Николая I, «сорока тысячами столоначальников», профессиональной бюрократией. Чтобы приобрести крупное положение в государстве, чтобы стать министром, сенатором, директором департамента, нужно было пройти известную карьеру, подняться постепенно по иерархической лестнице, приобретая на службе необходимые знания и опыт, и никакие миллионы не могли освободить от этой обязанности. Русская крупная буржуазия считала себя обиженной этим положением. Она стремилась играть в России ту же доминирующую роль, которую западная буржуазия играла в Европе. Представитель купечества Гучков, сахарозаводчик Терещенко, фабрикант Коновалов считали себя более достойными министерских портфелей, нежели выслужившиеся чиновники. Непреодолимым препятствием к осуществлению этих мечтаний являлся Царский режим и потому они считали, что наступило время для перекройки российской государственности по мерке их личных и сословных интересов.

В своей политической близорукости представители русской буржуазии не понимали, однако, что их планы отстали более чем на сто лет, что буржуазная революция могла удасться в 1789 году только потому, что у Tiers-Etat тогда не было соперников слева; что, свалив монархический дворянский строй, французская буржуазия оказалась одна у власти; русские «деятели» проглядели

* *Алексеев Н.* В. И. Ленин в Лондоне. О Ленине. Воспоминания. Кн. IV. Гос. Изд. М. 1925. С. 70. *Jacoby J.* Lenine Flammarion. C. 40.

и то, что за последний век накопились новые социальные силы, которые всюду вели наступление на отживающую буржуазию, и что русский монархический строй сам демократизировался уже настолько, что давно перестал быть сословно-дворянским. Таким образом, «буржуазный» переворот терял в России всякий смысл, он не мог вызвать народного сочувствия и, наконец, ему пришлось бы сразу подвергнуться напору неизмеримо более активных революционных сил, совершенно открытая цель которых была именно смести без остатка всю буржуазию и связанный с нею строй. Все это было предвидено в программах русских революционных партий и все это в точности и случилось.

Наиболее заметным лицом среди революционного русского купечества был, без всякого сомнения, А. И. Гучков. Этот черный, хмурый, бородатый человек, таил, под грубой своей оболочкой, ненасытное и болезненное честолюбие. Александр Иванович Гучков искренне считал себя предназначенным к самой блестящей политической будущности. Поездка в Трансвааль, где он вместе с бурами дрался против англичан, убедила его в необыкновенных его военных талантах; в речах, произнесенных им в Государственной думе, проглядывал будущий военный министр Временного правительства, допустивший и способствовавший разложению Русской армии. Государь с той проницательностью, которую Он всегда проявлял, когда воля Его была свободна, сразу разгадал этого человека и решительно отказывался привлечь его в состав Правительства, отчего сердце заносчивого Гучкова наполнилось упорной ненавистью к Монарху, не желающему оценить по достоинству его «государственные дарования».

Эти два политических деятеля, Милюков и Гучков, господствовали над Государственной думой, в которой их партии обладали абсолютным большинством. Левый же сектор Думы поддерживал революционную деятельность большинства. Для защиты государственного порядка оставались только правые, к сожалению малочисленные и плохо организованные.

Нельзя говорить о Государственной думе, не упомянув о трагикомической фигуре ее председателя, М. В. Родзянко, огромного и толстого Фальстафа с громоподобным голосом. Крупное состояние, камергерский мундир, родовитые связи и безбрежное тщеславие — делали из него самое удобное, подходящее и декоративное подставное лицо для готовящейся революции. Бедный Родзянко дал себя завлечь в заговор, соблазнившись обещаниями поста премьер-министра и, быть может, кто знает, и буду-

щего главы государства. Иллюзии эти, которые тщательно разжигались в его воображении в течение всей войны, рассеялись, как дым, при первых же раскатах революционной грозы. Государь еще не отрекся, как Родзянко оказался уже выброшенным за борт своими сообщниками, вместе с другой ненужной бутафорией, и вскоре всеми забытый, этот жалкий политический паяц влачил до самой смерти томительные дни безрадостных воспоминаний.

В середине лета 1915 года обстоятельства, по мнению главарей движения, как нельзя лучше складывались для общего наступательного действия против режима. Неудачи, последовавшие за блестящими галицийскими операциями, не могли не вызвать в тылу чувства некоторой подавленности и разочарования, которые и было возможно использовать для пропаганды.

Нужно заметить, что в ожидании возможных политических перемен оппозиция выковала себе могучее оружие: знаменитый «Земгор». Учреждение это, объединяющее земские и городские самоуправления, возникло в августе 1914 года, в самом начале войны, с признаваемой целью оказывать помощь жертвам войны. Но постепенно, незаметным захватом, союз расширил свою деятельность, распространил ее не только на устройство лазаретов, но и на организацию продовольствия и даже на военное снабжение армии.

Странная особенность Земгора заключалась в том, что, осуществляя свою деятельность целиком на счет казны, он вместе с тем, как организация общественная, ускользал от всякого контроля. Куда и как тратились громадные суммы, отпускаемые Земгору государством, было неизвестно, и «общественные организации» тщательно скрывали свою отчетность, если таковая вообще существовала, от правительственного ока.

Через два года после образования Земгора «Русское слово» в номере от 30 июля 1916 года, дало, под видом беседы с «компетентным лицом», следующую картину деятельности этой организации. «Союз получил от государства субсидии, составляющие в итоге около полмиллиарда рублей, — говорило «компетентное лицо». — Между тем, до сих пор, то есть в течение двух лет, оказалось невозможным, несмотря на все требования, добиться от Союза оправдательных документов, хотя бы приблизительных расходований этих сумм»... Чем объяснялось это упорство Земгора, предпочитающего, вопреки всем «общественным традициям», скорее оставить на себе некоторую тень подозрения в нечест-

ности, нежели раскрыть свои книги контролю? «Осведомленное лицо» и на этот вопрос отвечало, указав, «к великому своему сожалению», что, согласно совершенно безспорных сведений, которыми располагало Правительство, значительные суммы, заимствованные из того же полумиллиарда, отпущенного государством на дело помощи раненым и больным воинам, в действительности расходовались на пропаганду и на подготовку переворота*.

Конечно, статья «Русского слова» вызвала в еврейской либеральной прессе бурю негодования, но деятели Земгора скоро поспешили снять маску. В книге, напечатанной в Париже в 1916 году, но выпущенной уже в первые дни революции, авторы, корреспонденты «Русских ведомостей» А. Белевский и В. Воронов, клеймят обвинения «осведомленного лица» словом «диффамация» и заверяют французского читателя в лояльности и верноподданстве земгорцев. Но пока книга печаталась, произошел февральский переворот. И вот авторы, не изменив редакции своей работы, прибавляют к ней только предисловие, в котором кричат о своей радости и наивно признаются, что «предвидели, ждали и звали революцию, но не смели надеяться, что она так скоро и так кстати наступит на благо России и ее союзников»**.

Сущность земгорской деятельности была явно революционной; Земгор почти открыто ставил на будущее Правительство и на это также указывает совершенно ясно «осведомленное лицо» в статье «Русского слова». Постепенно Союз стал гнездом крайних элементов; правда, и «маменькины сынки» находили там гостеприимный приют, освобождение от фронта, недурное жалованье и фантастическую форму печальной известности «земгусар»; но реальную политическую работу в лазаретах, на фронте, всюду, куда проникали эмиссары Земгора, делали заматерелые революционеры, эсдеки и эсэры преимущественно из евреев, которые с наслаждением разрушали на правительственные же деньги и под покровительством русских «общественных деятелей» ненавистную им русскую государственность.

С хозяйственной стороны работа союзов создала невообразимую анархию и систему злоупотреблений, вносившую расстройство в экономическую жизнь страны. Население это видело, скорбело, но бороться с этим злом не могло, не находя поддержки в Правительстве.

---

* *Belevsky A. et Voronoff B.* Les organizations publiques russes et leur rôle pendant la guerre. Paris. 1917. P. 292.

** Там же. С. IX.

В всеподданнейшей записке, поданной в январе 1917 года Государю «русскими кругами» Киева, указывалось, между прочим, что «так называемые общественные организации, под которыми разумеются общеземские и общегородские союзы, стяжали себе в народе и даже в интеллигентных национальных кругах самую дурную славу. Народ видит, что и в эти организации вошло все, что убоялось службы на фронте и не мыслит добра России. Люди, отличавшиеся на местах полным национальным индифферентизмом, вдруг облачились в полувоенные мундиры защитного цвета и стали почти хозяевами края». Далее авторы записки указывают на искусственное вздутие рыночных цен агентами Земгора, которые, «не жалея казенных денег», платили вдвое и втрое за все продукты, за подвоз материалов и за поденные работы. Но «агенты» не забывают и себя; «вследствие полного отсутствия правительственного контроля, в прошлом, когда зарождались общественные организации, последние установили для своих учреждений безконечные штаты, кошмарные сметы и безумно разорительные для страны оклады содержания, подъемные, суточные и разъездные. Агенты общественных организаций сами удивляются баснословным размерам своего жалованья и всяких добавочных, щедро отпускаемых начальством». Авторы записки прекрасно понимали, что эта картина грабежа, спекуляции и шкурничества таила в себе и более глубокий и опасный смысл. «На местах зарегистрировано огромное количество фактов, — писали они, — дающих основание допустить существование сознательных тенденций у "общественных организаций" — вносить расстройство в жизнь тыла и создавать атмосферу всеобщего недовольства»*.

Судьба этой замечательной записки, в которой высказывалось еще много других здравых государственных мыслей, оказалась весьма печальной. Несмотря на личную резолюцию Государя, начертанную на полях: «записка достойная внимания», несмотря на Высочайшие отметки, свидетельствовавшие о действительном внимании, с которым документ этот был прочитан Его Величеством, несмотря, наконец, на *чрезвычайно спешный* характер предлагаемых в ней мероприятий — голос «русских кругов Киева» заглох в петербургских канцеляриях. Председатель Совета министров кн. Голицын похоронил ее в следующих всеподданнейших выражениях: «Вашему Императорскому Величеству

* «Монархия перед крушением». Гос. издательство. 1927. С. 285 и след.

благоугодно было всемилостивейше препроводить ко мне представленную Вашему Величеству председателем Государственного совета* записку с изложением взглядов представителей русских общественных кругов г. Киева по поводу современных запросов политической жизни. На означенной записке Вашим Величеством собственноручно начертано: "записка достойная внимания". Вследствие сего обязываюсь всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что упомянутая записка *несомненно заслуживает соображения* и, во исполнение Высочайшего предуказания, затронутые в ней вопросы будут подвергнуты подробному обсуждению в одном из ближайших заседаний Совета министров».

Этим благопожеланием и закончилось все дело. Были ли, в действительности, «подвергнуты подробному обсуждению» или нет срочные меры, на которых настаивали авторы записки — неизвестно. Но ни одна из этих мер не получила и тени осуществления; а через полтора месяца после отписки князя Голицына сбылись предсказания «русских людей»: с помощью «Земгора» и еврейско-либеральной печати, крамольной Государственной думе и всяким «общественным организациям» удалось подточить устои российской государственности, и она рухнула, погребая под своими развалинами тех самых безумцев, которые свершили это предательское злодеяние.

Авторы «записки» оказались дальновидными также и тогда, когда они предупреждали о продовольственных затруднениях, умышленно создаваемых общественными организациями.

Именно этот способ и пытались применить «вредители» в феврале 1917 года, чтобы вызвать в Петрограде безпорядки на почве затруднений в подвозе продовольствия.

Но фронт нуждался не только в лазаретах и питании. Он поглощал громадное количество снарядов, и «общественность» отлично понимала, что до тех пор, пока контроль военной промышленности остается в руках Правительства, оно может оказаться достаточно сильным, чтобы продержаться до победы. Поэтому еще в июле 1915 года оппозиция решила вырвать этот козырь у Правительства, создав свои собственные организации: военно-промышленные комитеты, управляемые центральным комитетом, во главе которого был избран все тот же злой гений России А. И. Гучков.

Едва лишь сформировавшись, военно-промышленный комитет открыл огонь со своих батарей. Гучков обратился к пред-

*И. Г. Щегловитовым.

седателю Совета министров с письмом столь дерзкого тона и заключающим в себе столь неслыханные политические требования, что оно вызвало чувство возмущения даже у самых умеренных из министров. С. В. Рухлов выразил удивление, что Гучков осмеливается превращать свой комитет в какое-то правительство, и что на глазах у законного Правительства вырастает чисто революционный орган, который не считает даже нужным скрывать свои цели. Министр юстиции, говоря о Гучкове, заметил, что эта личность поддерживается всеми левыми элементами, и что его считают способным воспользоваться событиями, чтобы пойти на Царское Село во главе взбунтовавшейся воинской части. «Весьма жаль, — прибавил министр, — что личность эта снова всплывает на поверхность в качестве председателя военно-промышленного комитета, который может сделаться весьма опасным оружием в его политической игре»*.

Таково было политическое положение России в тот момент, с которого начинается наше изложение. И тут произошло событие, логически вытекавшее из обстоятельств, которое могло бы спасти победу, Династию и Россию, если бы усилия Верховной Власти не оказались заранее парализованными изменой общественных верхов и преступной слабостью Правительства.

2. Царь и война

Отличительной чертой Императора Николая II, по единодушному свидетельству всех, кто Его знал, было почти мистическое понимание Своего долга. Там, где Он видел выполнение обязанности Монарха, Государь, обычно столь уступчивый, становился непобедимо упорным.

Таким долгом Царского служения во время войны Государь считал пребывание Свое среди войск и разделение с ними опасности, радости и горя. Не раз Государь говорил Горемыкину о том, что никогда Он не простит себе, что во время японской войны Он не стал во главе действующей армии.

Тогда же у Императора Николая II сложилось непоколебимое решение в случае новой войны не расставаться с армией и взять на себя бремя Верховного Командования, как это, впрочем, и предусматривалось самим законом.

Мысль эта не могла быть осуществлена тотчас же после объявления войны, и Великий Князь Николай Николаевич был на-

* *Яхонтов.* «Тяжелые дни» // Архив Русской Революции. Т. XVIII. С. 59.

значен Верховным Главнокомандующим, но лишь временно, причем в самом Высочайшем указе было оговорено, что Государь Сам станет во главе Своих войск, как только обстоятельства это позволят.

Неудачи, испытанные всеми союзниками с самого начала военных действий, несчастная кампания 1915 года, громадные потери, понесенные русскими армиями вследствие ошибочных и хаотических действий Ставки, неотложная необходимость в принятии немедленных мер для сосредоточения всех усилий и объединения Верховного Командования, — побудили Государя вернуться к первоначальному Своему намерению. Об этом Он сообщил председателю Совета министров И. Л. Горемыкину, который попытался разубедить Его, опасаясь, главным образом, страшной ответственности, которую, без сомнения, постараются возложить на Монарха в случае дальнейших неудач на фронте. Но Горемыкин был принужден склониться перед благородством мотивов Государя. «Священная обязанность Русского Царя, — сказал Он, — быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть».

Старый министр сохранил в тайне оказанное ему Государем доверие. Но ген. Поливанов оказался менее щепетильным. Едва Государь сообщил ему о Своем намерении, прося о нем пока умолчать, как военный министр тотчас же кинулся в Совет министров, где он поднял настоящее смятение, представив готовящуюся перемену, как национальную катастрофу. В действительности перемена Верховного Командования, являясь актом вполне законным и естественным, наносила сокрушительный удар честолюбивым планам Гучкова и его группы. Та кампания, которую оппозиция вела против Великого Князя Николая Николаевича, с целью добиться замены его кем-либо из гучковских креатур, привела к неожиданному результату: к громадному усилению авторитета Царя, который отныне сосредоточивал в Своих руках власть Самодержавного Монарха и Верховного Начальника армии.

Досада и озлобление оппозиции увеличивались еще тем, что все ее возражения против Царского решения разбивались об ее же доводы, приводимые ранее против Великого Князя Николая Николаевича. Не она ли говорила о гибельности двоевластия, о военной и административной неспособности Великого Князя Николая Николаевича и его окружения, о необходимости объединения действий военных и гражданских властей? Наконец, не

члены ли военно-морской комиссии Гос. думы, под председательством революционера Шингарева, докладывали Государю в августе 1915, т. е. как раз в момент, когда решение Его было уже принято, но еще не объявлено, что «только непререкаемой Царской властью можно установить согласие между Ставкой Великого Князя Верховного Главнокомандующего и Правительством. Царь может повелеть Своим военачальникам и правителям составить расчет будущих действий на продолжительное время... Царь может расширить рамки расчетов и соображений... Царь может побудить.., только Царь может повелеть... и т. д.»*.

И теперь все эти положения осуществлялись, но негаданным способом: Великого Князя Николая Николаевича заменял не красный генерал, опирающийся на Царский авторитет, а Сам Монарх. Совет министров, обуреваемый в своем большинстве страхом перед «прогрессивным» обществом, пришел в ужас от удара, который наносился оппозиции. На Горемыкина посыпались обвинения, почему он скрыл от своих коллег Царское решение? Горемыкин ответил спокойно, что он не считал себя в праве разглашать то, что Государь повелел ему хранить в тайне. «Если я сейчас говорю об этом, — не без некоторого ехидства прибавил председатель Совета, — то лишь потому, что военный министр нашел возможным нарушить эту тайну и предать ее огласке без соизволения Его Величества». Ни на какой протест, ни на какое коллективное выступление министров против решения Государя, Горемыкина склонить не удалось. «Я человек старой школы, — отвечал он, — для меня Высочайшее повеление — закон. Я против коллективного выступления. Оно не только не принесет никакой пользы, но, напротив, повредит. Вы знаете характер Государя, и какое впечатление на Него производят подобные демонстрации. К тому же, повторяю, решение Его непоколебимо, никакие влияния тут не при чем. Все толки об этом — вздор, с которым Правительству нечего считаться. Я призываю вас, господа, в сознании назревающих событий большой важности, преклониться перед волею Его Императорского Величества, сплотиться вокруг Него в тяжелые минуты, посвятить все силы нашему Монарху».

«Призыв И. Л. Горемыкина не произвел особого впечатления, пройдя мало замеченным», — прибавляет Яхонтов, составитель журнала Совета. Да и могло ли быть иначе, когда самое понятие о верноподданническом долге по отношению к Монар-

*«Монархия перед крушением». Гос. изд. 1927. С. 270–275.

ху не только отсутствовало у большинства здесь сидящих сановников «общественной» формации, но было им просто чуждым и даже смешным?

Либеральные министры правильно учли возмущение оппозиции. Председатель Государственной думы Родзянко уже рассказывал повсюду о том, что ему будет поручено составить левый кабинет; разочарование оказалось столь горьким, что взбесившийся Родзянко кинулся в Совет министров и велел доложить о себе Кривошеину.

«Вы, вероятно, приехали, чтобы председательствовать над нами?» — спросил с насмешливой улыбкой министр земледелия.

Но у Родзянко были в запасе «свои» министры.

«Нет, — ответил он заносчиво, — над вами я никогда не буду председательствовать». Затем председатель Думы разразился потоком упреков и жалоб; он даже потребовал от Совета министров решительных действий против Государя, вплоть до угрозы коллективной отставки, если Царь не уступит.

Призванный к порядку и приличию вышедшим к нему также Горемыкиным, Родзянко, потеряв последние проблески самообладания, бросился, не прощаясь, к выходу, заорав по пути на швейцара, который протягивал ему забытую им трость:

«К черту палку!»

Этот трагикомический «выход» личности, которая, по словам одного из министров, страдала острым приступом мании величия, оказался, однако, пророческим. Нелепые требования Родзянко заставили председателя Совета пожать плечами. Но неделю спустя эти же требования неожиданно оказались ему предъявленными его же коллегами по кабинету.

Что же произошло за это время?

Произошло то, что оппозиция спохватилась. Государь во главе армии — это новое движение на фронте, возрождающаяся надежда, неясная пока заря победы. Необходимо было ускорить события, иначе победа могла опередить революцию.

В августе месяце у А. И. Коновалова, в Москве, состоялось совещание главарей оппозиции. Было решено сделать немедленно решительное усилие для захвата власти. Для этой цели необходимо было прежде всего заставить Правительство подать в отставку и добиться от Государя назначения нового министерства под председательством Родзянко или князя Львова, с предоставлением портфеля иностранных дел Милюкову, военного — Гуч-

кову, торговли и промышленности — Коновалову, юстиции — Маклакову. Вместе с тем, надлежало бороться всеми средствами против решения Государя взять на себя Верховное Командование и, если Монарх останется непоколебим в своем решении, — то нужно было, в целях пропаганды, представить в глазах общественного мнения эту меру как немилость и неблагодарность к Великому Князю Николаю Николаевичу и обратить его в национального героя, который и будет постоянно противопоставлен Царю. Странный поворот в этой ярой кампании, которую оппозиция вела до этого момента против Великого Князя!

Как только был установлен этот план действия, московское городское самоуправление открыло огонь, вынеся резолюцию, в которой предъявлялось требование о перемене Правительства, выражалось доверие Великому Князю Николаю Николаевичу и испрашивался Высочайший прием для московского городского головы Челнокова.

Это дерзкое выступление Москвы поразило Правительство. В Совете министров произошли сумбурные прения, в течение которых только председатель Совета и министр юстиции высказались решительно против требований Московской думы; представитель оппозиции А. Д. Самарин, напротив, настаивал на почти полной капитуляции Правительства, а остальные министры, в панике и сомнении, казались склонными поддержать своего коллегу.

20 августа, в Царском Селе, состоялось заседание Совета под председательством Государя. Горемыкин в частном разговоре так резюмировал результаты этого заседания: «Вчера ясно обнаружилось, что Государь Император остается правым, а в Совете министров происходит быстрый сдвиг влево, вниз по течению».

И тут, под влиянием коноваловской группы, либеральные министры, к которым присоединился Сазонов, ухватились за мысль, брошенную Родзянко: принудить Царя уступить под угрозой коллективной отставки министерства. «То есть, говоря просто, вы хотите предъявить своему Царю ультиматум», — заметил Горемыкин на горячую речь Сазонова.

Идя дальше, престарелый председатель Совета с безпощадной иронией раскрыл те темные побуждения, которыми руководствовались новоявленные защитники Великого Князя Николая Николаевича:

«Сейчас о принятом Его Величеством решении знают все; знают и то, что это решение безповоротно. Следовательно, та агитация,

которая идет вокруг этого вопроса и связывается с требованием министерства общественного доверия, т. е. с ограничением Царской власти, является ничем иным, как стремлением левых кругов использовать имя Великого Князя для дискредитирования Государя Императора... По-моему, чрезмерная вера в Великого Князя и весь этот шум вокруг его имени есть не что иное, как политический выпад против Царя: Великий Князь служит средством»*.

«Нельзя же в таких побуждениях винить всю Россию», — воскликнул министр внутренних дел кн. Щербатов. — «Я говорю не про всю Россию, которая не кричит, а делает свое дело, — ответил с насмешкой Горемыкин; — я говорю про левых политиков, которые хотят создать затруднения Монархии и пользуются для этого переживаемым Россией несчастьем».

Этот прямой удар взбесил Сазонова, который бросил заявление о невозможности большинства Совета работать со своим председателем.

Но угроза эта оставила Горемыкина невозмутимым. «Усердно прошу вас всех доложить Государю Императору о моей непригодности и о необходимости замены меня более подходящим к требованиям современности человеком, — спокойно заметил он, — буду до глубины души благодарен за такую услугу». А затем, отвечая на едва скрываемое желание министров-оппозиционеров заставить его самого подать в отставку, Горемыкин преподал им заслуженный урок верноподданства и патриотизма:

«В моей совести Государь Император — Помазанник Божий, преемственный носитель Верховной власти; Он олицетворяет Собою Россию. Ему 47 лет, Он царствует и распоряжается судьбами русского народа не со вчерашнего дня. Когда воля такого человека проявилась и путь действий безповоротно принят, верноподданные должны подчиниться, какие бы ни были последствия. А там дальше — воля Божия... Полвека я так привык понимать свой долг служения Монарху и от этого правила не отступлю до конца. В переживаемое нами время требование отставки и неподчинение воле Царя считаю актом непатриотичным. Он будет на пользу не России, а противникам Престола»...

«Мы должны служить не только Царю, но и России», — воскликнул патетически Харитонов, на что Горемыкин резко отчеканил: «В моем представлении *эти понятия неразделимы*. Здесь корень нашего разномыслия».

---

* *Яхонтов*. «Тяжелые дни» // Архив Русской Революции. Т. XVIII. С. 92–93.

Надежды Сазонова и министров оппозиции представить Государю «ультиматум» от лица Совета разбились о решительное заявление Горемыкина, что «пока он председатель, он не может допустить представления Его Императорскому Величеству от имени Совета министров журнала с содержанием такого рода».

«Тогда, — заявил Сазонов, — мы, т. е. большинство Совета министров, оставляем за собою свободу действий в доведении нашего мнения до сведения Государя Императора», — на что получил иронический ответ: «В ваши частные выступления я не считаю возможным вмешиваться».

К мнению председателя присоединился и молчавший во время этих горячих прений министр юстиции А. А. Хвостов:

«Для меня этот вопрос разрешен с момента присяги. Предъявление Царю требований об отставке я считаю для себя абсолютно недопустимым. Поэтому ни журнала, ни доклада, ни иной декларации не подпишу. По-моему, политика уступок вообще неправильна, а в военное время недопустима. Предъявляются требования об изменении государственного строя не потому, что это изменение необходимо для организации победы, а потому, что военные неудачи ослабили положение власти и на нее можно действовать натиском, с ножом к горлу. Сегодня будут удовлетворены одни требования, завтра заявят новые, еще дальше идущие. Политика уступок нигде в міре не приводила к хорошему, а всегда влекла страну по наклонной плоскости. Призывы, исходящие от Гучкова, левых партий Государственной думы, от коноваловского съезда и от руководимых участниками этого съезда общественных организаций, явно рассчитаны на государственный переворот. В условиях войны такой переворот неизбежно повлечет за собою полное расстройство государственного управления и гибель Отечества, поэтому я буду бороться против них до последнего издыхания».

Но спокойные, полные патриотизма и государственной мудрости слова министра юстиции не могли оказать влияния на попавших под масонские влияния членов Правительства, утративших уже самое представление о присяге и верности Монарху. На другой же день, за подписью восьми министров, было послано Государю следующее коллективное письмо:

«Всемилостивейший Государь.

Не поставьте нам в вину наше смелое и откровенное обращение к Вам. Поступить так нас обязывает верноподдан-

нический долг, любовь к Вам и Родине и тревожное сознание грозного значения совершающихся ныне событий. Вчера в заседании Совета министров, под Вашим личным председательством, мы повергли перед Вами единодушную просьбу о том, чтобы Великий Князь Николай Николаевич не был отстранен от участия в Верховном Командовании армией. Но мы опасаемся, что Вашему Императорскому Величеству не угодно было склониться на мольбу нашу и, смеем думать, всей верной Вам России.

Государь, еще раз осмеливаемся Вам высказать, что принятие Вами такого решения грозит, по нашему крайнему разумению, России, Вам и Династии Вашей тяжелыми последствиями.

На том же заседании воочию сказалось коренное разномыслие между председателем Совета министров и нами в оценке происходящих внутри страны событий и в установлении образа действий Правительства. Такое положение, во всякое время недопустимое, в настоящие дни гибельно. Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине».

Эта капитуляция членов Русского Императорского Правительства перед образующейся за кулисами новой революционной властью была подписана Харитоновым, Кривошеиным, Сазоновым, Барком, кн. Щербатовым, Самариным, гр. Игнатьевым и кн. Шаховским. Военный и морской министры, не имеющие, как военные, права подписываться под коллективным выступлением, все же довели до сведения Государя о своей солидарности со своими коллегами.

Государь, при всей Своей мягкости, был возмущен дерзким выступлением министров. Занятый на фронте, Он оставил пока этот вопрос неразрешенным, но, впоследствии, 16 сентября, вызвав в Ставку Совет министров, сделал ему резкий выговор и, говорят, разорвал их письмо в клочки, сказав: «Это мальчишество. Я не принимаю вашей отставки, а Ивану Логгиновичу я верю»*.

По возвращении в Петроград Горемыкин передал Яхонтову: «Все получили нахлобучку от Государя за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса»**.

---

* *Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив Русской Революции. Т. XVIII. С. 105.

** *Яхонтов.* «Тяжелые дни» // Архив Русской Революции. Т. XVIII. С. 136.

Но не только перед отечественными бунтарями отступало в панике министерство; оно готово было сдаться без боя и внешним, международным врагам российской государственности.

4 августа министр внутренних дел кн. Щербатов в весьма витиеватой и осторожной форме сообщает Совету министров, что «руководители русского еврейства», в «пылу беседы» с ним, прямо заявили ему, что «среди еврейской массы неудержимо растет революционное движение» и что «заграницей тоже начинают терять терпение, и может получиться такая обстановка, в которой Россия не найдет ни копейки кредита»... Иными словами, пожелания принимают почти ультимативный тон; дойдя до этого признания, министр уже с большей развязностью перешел к сущности своего предложения: отменить для евреев черту оседлости.

При обсуждении этого предложения Кривошеин снял тот флер, под которым кн. Щербатов скрывал имена «руководителей русского еврейства»: Каменка, Гинцбург и Варшавский; эти господа явились также к министру финансов Барку и вполне открыто поставили условия дальнейшего финансирования войны на русском и иностранном финансовом рынке. К стыду русских Царских министров, предложение кн. Щербатова было принято Советом. Особенно бурную радость проявил по этому поводу министр иностранных дел Сазонов, который на обычный вопрос председателя: «больше возражений нет?» восторженно воскликнул: «Не только нет, но я, в качестве министра иностранных дел, приветствую принятое решение»... И уже совершенно неосторожно добавил: «Я знаю из верного источника, что всемогущий Леопольд Ротшильд и не идет дальше городов». Этому примеру откровенности последовал и министр финансов Барк.

Нашелся, однако, среди министров человек с простой русской душой, человек ни к «обществу», ни к «правящему классу» не принадлежащий, который поднял свой голос возмущенного протеста против постановления своих коллег. Это был министр путей сообщения С. В. Рухлов. «Вся Россия страдает от тяжестей войны, но первыми получают облегчение евреи, — воскликнул он, — мое чувство не может этого переварить. Подтверждается поговорка, что за деньги все покупается, и таким подтверждением является правительственный акт. Несомненно все узнают его происхождение и мотивы; какое впечатление это произведет не на еврейских банкиров, а на армию и на весь русский народ, который далеко не благодушно смотрит на роль евреев в переживаемых событиях. Допущение евреев к свободному жительству

хотя бы только в городах, за чертою оседлости, является коренным и безповоротным изменением исторически сложившегося законодательства, имеющего целью оградить русское достояние от еврейских захватов, а русский народ — от разлагающего влияния еврейского соседства. И все это производится под давлением еврейской мошны. Не Правительство считает это нужным, а его заставляют, пользуясь критическими обстоятельствами, переживаемыми Родиной. Русские мрут в окопах, а евреи будут устраиваться в сердце России, извлекать выгоды из народного бедствия и всеобщего разорения. Русские люди несут невероятные лишения и страдания и на фронте и в тылу, а еврейские банкиры покупают своим сородичам право использовать беду России для дальнейшей эксплуатации обезкровленного русского народа... Говорилось и о финансовых, и об экономических, и о военных, и об общеполитических соображениях в пользу жеста по еврейскому вопросу, но не упоминалось об опасности с точки зрения рассеяния по всей России источника революционной заразы, каковым являются евреи; достаточно припомнить роль этого племени в событиях 1905 года, а в отношении нашего времени министру внутренних дел вероятно известно, какой процент иудеев приходится на лиц, ведущих революционную пропаганду и участвующих в различных подпольных организациях... У меня рука не подымается поставить свою подпись под этим журналом. Я категорически отказываюсь дать свою подпись, но решению Совета министров подчиняюсь и разногласия не заявляю».

Честное и правдивое заявление Рухлова вызвало некоторое смущение у министров. «Конечно, С. В. Рухлов глубоко прав в своих указаниях на разрушительное влияние еврейства, — заметил кн. Щербатов, — но что же нам остается делать, когда нож приставлен к горлу? Если неоспорима зловредность еврейства, то неоспорима и необходимость денег для ведения войны. А деньги в еврейских руках». А А. В. Кривошеин с какой-то безнадежностью прибавил: «Я тоже привык отождествлять русскую революцию с евреями, но тем не менее журнал о льготах этим самым евреям подписал, ибо сознаю неизбежность такого акта. Как я уже говорил в Совете министров, нельзя одновременно вести войны и с германцами, и с евреями. Это непосильно даже для такой могучей страны, как Россия».

Итак, в эти памятные июльские и августовские дни 1915 года Русское Императорское Правительство капитулировало перед организованным еврейством, капитулировало без боя, без со-

противления, с какой-то трусливой поспешностью. И в результате это самое еврейство через полтора года смело Царский режим и устроило в России кровавую баню, которая продолжается и до сих пор.

А тем временем натиск на власть продолжал систематически производиться. В середине августа среди членов Государственной думы и Государственного совета образовалась группа под названием «прогрессивного блока», с обще-либеральной программой, включающей и «министерство общественного доверия», и амнистию всем политическим преступникам, и, конечно, еврейское равноправие. Но настоящая сущность этого нового хода была как нельзя лучше формулирована Горемыкиным: «Я считаю самый блок, как организацию между двумя палатами, неприемлемым, — сказал он. — Его плохо скрытая цель — ограничение Царской власти. Против этого я буду бороться до последних сил».

Но по тем же самым соображениям, которые вызывали отрицательное отношение престарелого председателя к новому оружию революции, блок получил активную поддержку «левой» части министерства, главным образом, Поливанова и Сазонова.

Эти представители революционной буржуазии использовали для атаки на Горемыкина вопрос о роспуске Государственной думы на осенний перерыв. Такой роспуск был не только законен и обычен, но, по обстоятельствам времени, представлялся почти необходимым. Действительно, Дума, совершенно отбившаяся от всякой законодательной работы, обратилась в сплошной и крикливый митинг, тормозящий и расстраивающий ход государственного механизма. Даже левые депутаты признавались Кривошеину, что Дума начинает безудержно катиться по наклонной плоскости.

Однако министры-оппозиционеры, начиненные директивами заправил Государственной думы, пытались изобразить естественный акт Правительства — указ о роспуске законодательных палат, как вызов, брошенный стране, вызов, который неминуемо произведет бунт и кровопролитие. На этом основании министры предлагали снова возбудить вопрос об отказе Государя от принятия Верховного Командования, т. к. было бы опасно соединить два повода к безпорядкам — эту перемену и роспуск Думы. Но этот обходный маневр встретил решительный отпор со стороны Горемыкина. Тогда министры, совершив новый внезапный поворот, заявили, что вопрос о роспуске

Думы должен быть связан с вопросом о новом Правительстве, пользующимся «общественным доверием». «Следовательно, — заметил Горемыкин с обычной своей спокойной иронией, — вопрос о роспуске Думы должен быть отложен до распределения портфелей и ограничения Монарха в прерогативе избрания министров?» Такая прямая постановка вопроса не могла быть приятной министрам-оппозиционерам; приходилось раскрыть свои карты, что Кривошеин и сделал: «Пусть Государь пригласит определенное лицо, — сказал он, — и предоставит ему наметить своих будущих сотрудников». Было ясно, куда клонил Кривошеин и его сторонники; здесь уже шел разговор не об изменении личного состава министров, а, как метко указал Горемыкин, об ограничении Монарха в прерогативе назначения их по Своему выбору.

По мере того, как снимались стыдливые покрывала с настоящего лица большинства Совета, тон министров становился все наглее и наглее по отношению как к своему председателю, так и к Монарху. Управляющий делами Совета Яхонтов отмечает, что «Поливанов больше помалкивает и изредка кусается. Его резкость в отношении Ивана Логгиновича переходит границы приличия. Старик едва сдерживается при всей своей корректности».

Скоро «старик» дал своим коллегам новую пищу для злобных выходок. Уезжая в Ставку с докладом Государю, Горемыкин с грустью сказал Яхонтову: «Да, тяжело огорчать Государя рассказом о наших несогласиях и слабонервности Совета министров. Его воля избрать тот или другой путь действий. Какое ни будет повеление, я исполню, во что бы то ни стало. Моя задача — отвести на себя от Царя нападки и неудовольствия. Пусть ругают и обвиняют меня, я уже стар и недолго мне жить. Но пока я жив, буду бороться за неприкосновенность Царской власти. Сила России только в Монархии. Иначе такой кавардак получится, что все пропадет. Надо прежде всего довести войну до конца, а не реформами заниматься. Для этого будет время, когда прогоним немцев». Эти простые, честные и здравые мысли были, конечно, совершенно чужды затуманенным головам большинства министров. И это сразу и обнаружилось при возвращении из Ставки Горемыкина, привезшего, как и следовало ожидать, Высочайшее повеление о роспуске Думы и приказание членам Совета министров оставаться на своих местах. Государю на фронте было не до министерских интриг, но Он повелел Горемыкину передать, что, когда будет возможно, Он вызовет Совет министров и лично все разберет.

Заседание Совета прошло под знаком бури. Тон споров поминутно подымался, и собрание скоро обратилось в крикливый митинг, в котором спокойным оставался один председатель. Особенно волновался Сазонов, дошедший до какого-то исступления в угрозах и обвинениях против Горемыкина. «Кровь завтра потечет по улицам, — выкрикивал он, — и Россия окунется в бездну. Зачем и почему? Это все ужасно. Во всяком случае громко заявляю, что ответственность за ваши действия и за роспуск Думы в теперешней обстановке я на себя не принимаю».

«Ответственность за свои действия я несу сам и никого не прошу ее делить со мною, — невозмутимо ответил Горемыкин. — Дума будет распущена в назначенный день и нигде никакой крови не потечет». А когда, закрыв заседание, Горемыкин выходил из зала, ошалевший Сазонов кричал истерическим голосом: «Я не хочу с этим безумцем прощаться и подавать ему руку». Затем, шатаясь, он направился к двери, поддерживаемый управляющим делами Яхонтовым, и, наконец, очутившись в передней, перешел почему-то на французский язык и, взвизгнув: «Il est fou, ce vieillard!», — опрометью бросился вон.

Таков был российский министр иностранных дел в самое тяжелое для Родины время.

Конечно, прав оказался не истеричный Сазонов, а спокойный и опытный Горемыкин: Дума была распущена и «нигде никакой крови не потекло». Тщетно главари движения пытались вызвать брожение на фабриках; рабочие хотели работать, а не баррикады строить.

Французский посол Палеолог отмечает в своем дневнике: «Опасаться еще нечего; это только генеральная репетиция». Впрочем, посол гораздо лучше и яснее сознает положение, чем представители оппозиции во главе с Милюковым. За обедом в знакомом доме он им прочитывает настоящую нотацию, с решительностью указывает им, насколько поведение их бессмысленно и преступно, и прибавляет: «Я считаю своим долгом напомнить вам, что вы находитесь против неприятеля и что вы должны отказаться от всякого действия, всякого выступления, которое могло бы ослабить ваши военные усилия»*.

Сконфуженные либералы, повесив нос, спешат обещать Палеологу «подумать», но посла нелегко провести. Он сознает, что готовится революция, и дает себе ясный отчет в ее

* *Paléolog M.* La Russie des Tsats pendant la Grande Guerre. V. II. P. 73.

ужасных последствиях. Палеолог депешей сообщает Делькассэ о своих сомнениях: «До последнего времени можно было предполагать, что до конца войны не произойдет революционных безпорядков. Теперь же я за это не поручился бы. Итак, ставится вопрос о том, будет ли Россия еще в состоянии, через некоторое более или менее отдаленное время, продолжать действительно выполнять свои обязательства союзницы»*...

Посол не ошибался. Люди, с которыми он только что обедал, изменяли уже своей Родине, а восемнадцать месяцев спустя должны были предать и союзников.

Строгий урок патриотизма, преподанный им Палеологом, не мог, разумеется, ни повлиять на тех, кто готовили революцию, ни тронуть их совесть; но они поняли, что их планы не вызывают сочувствия у французского посла, а, между тем, сознавали, что нравственная поддержка союзников им необходима для действия. Они тогда обратили свои взоры на представителя Великобритании, сэра Джорджа Бьюкенена.

Роль, которую этот англичанин сыграл во время инкубационного периода революции, получила весьма строгую оценку в позднейшем общественном мнении. Но и в те дни английское посольство считалось связанным с оппозицией и осведомленным о готовящейся революции. Об этом совершенно определенно указывают Родзянко, французский посол Палеолог и английский историк James Mavor**. Даже осторожный Жильяр признает в своих мемуарах, что Бьюкенен, плохо осведомленный, «допустил ввести себя в заблуждение». Княгиня О. В. Палей, супруга Великого Князя Павла Александровича, с своей стороны, так отзывается о после:

«Английское посольство, по приказанию Ллойд Джорджа, стало очагом пропаганды. Либералы, как князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и т. д., встречались там постоянно. Именно в английском посольстве было решено сойти с законных путей и вступить на путь революции»***.

Тщетно в своих воспоминаниях Бьюкенен пытался оправдаться. Он вынужден был сам признать, что «обвинение это все еще тяготеет над ним и что он безсилен его сбросить». Недавно за память своего отца вступилась дочь посла, мисс Мэриель Бью-

---

*Там же. С. 66.

** *Mavor J.* The Russian revolution. P. 57.

*** *Princesse Paley.* Souvenir de Russie 1916–1919. P. 33.

кенен, которая в книге, переведенной и на русский язык, старается, по понятным причинам, обелить своего отца*.

Оставляя даже в стороне моральный облик Бьюкенена и обращаясь к его же собственным признаниям, к безспорным фактам и к опубликованным документам, приходится признать, что деятельность этого союзного дипломата была в течение всей войны направлена ко вреду России и к скорейшему ее разрушению.

С чисто британской самоуверенной наглостью Бьюкенен совершенно открыто вмешивается во внутреннюю политику России, громко выражает свои симпатии и антипатии, якшается с оппозицией, предъявляет русскому Правительству и даже Царю требования, звучащие, как угрозы. О некоторых этих неприличных выступлениях мы будем говорить подробнее в следующих главах. Ограничимся здесь указанием на более мелкие случаи вмешательства Бьюкенена не в свое дело и дерзкого нарушения русских интересов.

В июне 1916 года, прослышав, что Государь решил уволить истеричного Сазонова, особенно угодного Англии, Бьюкенен обращается к Монарху с секретной телеграммой от 6/19 июня, в которой убеждает Его оставить министра иностранных дел на месте, осмеливаясь, вместе с тем, угрожать Царю «серьезными последствиями»**.

Когда же Государь, не испугавшись «серьезных последствий», все же уволил Сазонова, то за дело вытаскивания провалившегося министра взялся представитель английского правительства. В январе 1917 года он предложил Государю не более не менее, как... назначить Сазонова премьер-министром. «В Сазонове Ллойд Джордж был уверен», — пишет канцлер Бетман-Гольвег***.

Наивная британская дерзость сказалась также на одном приеме Государем английского посла в 1916 году. Речь шла о более активном вступлении Японии в войну; и вот Бьюкенен предложил дать Японии в виде компенсации за помощь союзникам... северную часть Сахалина. Безполезно говорить о том, как встретил Государь такое предложение****.

---

* *Miss Meriel Buchanan.* La dissolution d'un Empire.

Г-жа Бьюкенен в своей книге отвечает на некоторые обвинения, предъявленные английскому послу, и, в частности, на те, которые я приводил в своей книге «Le Tsar Nicolas II et la révolution». Об этой полемике будет указано в своем месте.

** Монархия перед крушением. Гос. изд. 1927. С. 13.

*** Там же. С. 66.

**** Там же. С. 64.

Какие могли быть побуждения у английского посла и его правительства в этом систематическом натиске на русскую государственность, на силу Самодержавия, на национальное достоинство России?

Говоря об обвинениях кн. Палей против Бьюкенена, французский журналист де-Ровиль замечает, что для посвященных в них нет ничего нового и, ставя вопрос шире, он прибавляет: «Большевизм родился 5 сентября 1914 года в Лондоне; когда Россия потребовала для подписания договора, чтобы проливы были ей отданы после войны, Англия принуждена была согласиться: тогда содействие России было необходимо; но, решив про себя никогда не допустить России до Средиземного моря, где в ее руках оказался бы один из ключей индийского пути, Англия озаботилась, чтобы непредвиденный случай сделал этот договор недействительным. Этим "непредвиденным случаем" оказалась революция 1917 года — которой и Германия сумела воспользоваться — и, если Англия ничего не сделала для спасения Императора Николая II, двоюродного брата своего короля, то потому, что несчастный Царь был одним из подписавших договор 5 сентября, и в случае, если бы Он остался в живых и вновь приобрел Престол, Он мог бы напомнить Альбиону о честном выполнении своего обязательства»*.

И вот, подготовка этого «непредвиденного обстоятельства» и была поручена сэру Джорджу Бьюкенену.

Генерал Жанен приводит, со своей стороны, рассказ одного своего русского собеседника, в котором последний утверждает, что русская революция вызвана была при содействии Англии. «Сэр Д. Бьюкенен ее организовал, а также и лорд Мильнер... Петроград в то время кишел англичанами; он (собеседник) мог бы назвать улицы и номера некоторых домов, в различных частях Петрограда, где жили английские агенты. В первые дни рево-

---

* *M. de Rauville*. Les raisons profondes du désaccord Franco-Britannique // Revue Hebdomadaire 18 août 1925.

Против этого места французского издания моей книги возражает г-жа Мэриель Бьюкенен. В подтверждение своих слов г-жа Бьюкенен не находит другого довода как то, что Константинополь был обещан России не в сентябре как указывает Rauville, а в ноябре, а также ссылается на книгу своего отца, в которой бывший посол заявляет, что он всегда был согласен с лидерами Государственной думы, что военные операции не должны быть затруднены тяжелым внутренним кризисом. Читатель оценит сам легковесность этого опровержения г-жи Бьюкенен. (*Miss Meriel Buchanan*. La dissolution d'un Empire. P. 149–150).

люции они раздавали деньги солдатам, подстрекая их к бунту, и лично он видел на Миллионной некоторых лиц, известных ему за английских агентов, раздающих двадцатипятирублевые билеты нижним чинам л.-гв. Павловского полка, за несколько часов до того, как они взбунтовались»*.

А. А. Гулевич, всегда прекрасно осведомленный в вопросах международной политики и, в особенности, в английских делах, утверждает, что, по имеющимся у него данным, лордом Мильнером было израсходовано более 21 миллиона рублей на финансирование русской революции**.

Не удивительно, что Ллойд Джордж, при известии о падении русской Монархии воскликнул с радостью: «Одна из целей войны для Англии, наконец, достигнута».

6 сентября был опубликован приказ Государя о принятии Им Верховного Главнокомандования вооруженными силами Империи. Вместе с тем, в чрезвычайно милостивом рескрипте на имя Великого Князя Николая Николаевича Государь указывал причины Своего решения, продиктованного чувством долга к Родине, и назначал Великого Князя Николая Николаевича Наместником на Кавказ и главнокомандующим Кавказским фронтом.

К великому огорчению оппозиции, отъезд Государя на фронт не только не вызвал в войсках никакого брожения, но, напротив, поднял их дух и ознаменовал начало счастливого перелома в ходе войны.

На фронте начинается кипучая работа. Работают также и петроградские либеральствующие салоны, но производят они пессимизм, безнадежность, тревогу, неудовольствие и клевету, которые экспортируются на фронт с целью подточить, растворить мужество, доверие, волю бойцов.

Государь прекрасно осведомлен об этом.

28 сентября, по возвращении из Ставки, Государь принимает в Царском Селе французского посла. Палеолог отмечает: «У Государя прекрасный вид, выражение уверенности и спокойствия, которого я давно у Него не наблюдал». Закончив официальную беседу, Палеолог спрашивает Государя о Его впечатлениях на фронте. «Превосходные, — отвечает Государь. — У меня больше уверенности, чем когда-либо. Жизнь, которую я веду во главе своих войск, такая здоровая и бодрящая. Как чудесен рус-

* *Général Janin.* Au G. Q. G. russe // Le Monde Slave. 1927. № 2. P. 296–297.
** *A. de Goulévitch.* Tsarism et revolution. P. 278.

ский солдат! Я не знаю, чего нельзя было бы с ним достигнуть. И у него такая воля к победе, такая вера в нее!»

«Я счастлив слышать это от Вас, — замечает обрадованный Палеолог, — так как нам предстоят еще огромные усилия, и мы можем быть победителями только благодаря упорству».

Тогда, сжав кулаки, Государь заявляет:

«Я углубился в упорство по самые плечи, я в него окунулся. И я из него выйду только после окончательной победы».

Затем Государь, заговорив о жизни Палеолога в Петрограде, замечает: «Я Вас жалею, что вам приходится жить в среде, столь упавшей духом и пессимистически настроенной. Я знаю, что вы мужественно сопротивляетесь отравленной атмосфере Петрограда. Но если когда-нибудь вы почувствуете себя зараженным, приезжайте ко мне на фронт, и я вам обещаю, что вы немедленно поправитесь».

И, омрачившись, Государь прибавляет суровым тоном:

«Эти миазмы Петрограда — их чувствуешь даже здесь, на расстоянии двадцати двух верст. И этот смрад идет не из народных кварталов, а из салонов. Какой стыд! Какая мелочность! Можно ли быть до такой степени лишенным совести, патриотизма и веры!»*

И в то самое время, когда Государь говорил о доблести русского солдата, о долге, о вере в победу, петроградское общество, «лишенное совести и патриотизма», упивалось слухами о готовящемся перевороте. На другой же день после этой памятной аудиенции Палеолог получает блестящее подтверждение сурового мнения Государя о столичных салонах. Г-жа П..., у которой он обедает, с чисто женским жаром говорит ему, захлебываясь от удовольствия, о заговоре против Государя: «Очевидно надо прибегнуть к решительным средствам прошлого, единственно возможным и действительным при Самодержавии — надо низложить Государя и провозгласить на Его место Цесаревича Алексея, с Великим Князем Николаем Николаевичем, как Регентом... Время не терпит».

Да, время не терпит, так как близкая победа России была бы поражением революции.

---

* *Paléologue Maurice.* La Russie de Tsars pendant la Grande Guerre. V. II. P. 88–89. Подобное же заявление Государя приведено П. Жильяром "Le tragique destin de Nicolas II et de Sa famille". P. 113.

3. Штурм власти

Московские совещания у Коновалова продолжали собирать главарей оппозиции; туда же являлись с докладами делегаты, вернувшиеся с фронта или из провинции, куда они были посланы для пропаганды. Таким образом, состав этих совещаний, достигавший иногда до шестидесяти человек, был очень текучий; неизменным оставался лишь президиум организации: кн. Львов, Коновалов, Челноков, Рябушинский и Бубликов.

Один из участников совещания резюмировал однажды положение в следующих выражениях: «Работа Земгора на фронте, — сказал он, — располагает в нашу пользу солдат и офицеров. Военно-промышленные комитеты держат в своих руках рабочих. Во всех земских и городских самоуправлениях у нас имеются верные сторонники. Крупная торговля и промышленность нам помогают. Нам остается только поднять мужика и тогда мы покажем Николаю такой кулак, который испугает его больше немцев».

Среди этих честолюбивых вожделений, которые рассчитывали на поражение и на революцию, с целью выловить в ней министерские портфели, синекуры, поставки, взятки, нашелся один только голос, чтобы крикнуть: «осторожно!». Это был голос одного из кадетских лидеров, депутата В. А. Маклакова, которому предполагалось предоставить портфель министра юстиции в первом революционном правительстве. «В первый раз в жизни я почувствовал себя сегодня крайне правым», — заявил он однажды, выходя из одного из коноваловских собраний. Но тщетно Маклаков пытался внушить зарвавшимся заговорщикам, что революция во время войны повлечет крушение не только режима, но и самой России. В газетной статье он аллегорически изобразил Россию в виде автомобиля, управляемого неопытным шофером по опасной дороге. Возможно ли в такую минуту насильственно сменять шофера? Нет, нужно сперва миновать опасное место. Но совет этот не был исполнен. Революция вырвала руль из рук шофера и Россия полетела в пропасть.

Полуконспиративная коноваловская группа не могла, конечно, выступать официально. Представителем ее в Петрограде являлся председатель Государственной думы М. В. Родзянко. Обуреваемый неограниченным честолюбием, соединенным с ограниченным умом, Родзянко склонен был уже в то время смотреть на себя, как на будущего, а иногда и на настоящего главу государства.

Если Государь был Помазанник Божий, то он, Родзянко, поставлен Самим Господом посредником между Царем и представителями народа*. Эта близкая к помешательству чванливость зарвавшегося «общественного деятеля» толкала его на самые грубые и глупые выходки. Так, например, в апреле 1915 г., он предпринял нечто вроде триумфального объезда отвоеванных армиями Юго-Западного фронта бывших австрийских областей. К несчастию для надменного председателя, Государь тоже пожелал посетить Свои новые владения. Родзянко был возмущен этим вторжением Монарха в его, Родзянко, права. И когда во Львове, после парадного обеда, Государь милостиво подошел к нему со словами: «Думали ли вы, что когда-нибудь мы встретимся с вами во Львове?» — Родзянко дерзко ответил: «Нет, Ваше Величество, я не думал и при настоящих условиях очень сожалею, что Вы, Государь, решились предпринять поездку по Галиции»**.

Но такие выходки не всегда сходили ему с рук, и тогда он тотчас же смирялся и падал духом. В течение лета 1916 года ему пришла в голову совершенно безумная мысль сделать французскому государству, по собственному почину, заказ аэропланов для Русской армии. Задумано — сделано, и Родзянко со спокойной совестью отправляется к себе в деревню; туда вслед за ним явился перепуганный его секретарь с только что полученным письмом от генерала Алексеева следующего содержания:

«Милостивый Государь Михаил Владимірович!

Ваше Превосходительство, через нашего агента во Франции, обратились к генералу Жоффру и Альберту Тома с телеграммой о предоставлении Русской армии аэропланов, определив по своему усмотрению число и систему их, вне связи с той общей программой, которая выработана по общему соглашению между нами, французским и английским правительством по этому вопросу. Копию веденной Вами переписки, но уже после отправления своей телеграммы, Вы препроводили Великому Князю Александру Михайловичу. По докладу Государю Императору этой переписки, Его Величество повелел передать Вам Его волю, чтобы Вы устранили себя от непосредственного вмешательства в военные вопросы, не входящие в круг ведения ни председателя Государственной думы, ни члена Особого Совещания. Дело, в котором окажется несколько хозяев, считающих себя друг от друга неза-

---

* *Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив Русской Революции. Т. XVII. С. 46.

** Там же. С. 90.

висимыми, одинаково компетентными и полновластными в своих распоряжениях, в самом непродолжительном времени будет доведено до полного развала. Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности. Михаил Алексеев»*.

Если честолюбие вызывало Родзянко на дерзкие выступления, то это же чувство делало его подчас необыкновенно уступчивым, в особенности когда в игру вступала лесть или жажда отличий. Во время Рождественского перерыва занятий Государственной думы Родзянко был с докладом у Государя, после чего последовал на его имя рескрипт об отсрочке возобновления сессии Думы.

«Выходило так, будто вопрос обсуждался на аудиенции и было достигнуто какое-то соглашение», — сознается Родзянко. Депутаты были удивлены и возмущены таким поведением своего председателя; уступчивость его приписывали надежде получить какую-то Царскую награду. «Толки оправдались, и 6 декабря я узнал о пожаловании мне Анны первой степени. Надо сказать, что раньше, без моего ведома, министр Поливанов представлял меня к награде за особые заслуги по снабжению армии, но тогда в награде было отказано»**. Времена изменились, и Родзянко, «без его ведома», ленту все же получил.

Но это поползновение председателя Государственной думы к самостоятельности вызвало некоторую тревогу в коноваловской группе. Решили послать к Родзянко князя Львова, который в течение целого вечера и до трех часов ночи подогревал его революционные чувства, уверяя Родзянко, что возмущение против Царя охватило уже всю Россию.

В итоге председатель Думы взялся загладить свой «промах» дерзким письмом на имя Горемыкина, которое, размноженное в тысячах экземпляров, и было распространено по всей России для поднятия престижа оппозиции.

Здесь приходится подойти к коренному вопросу, вокруг которого и происходила вся подготовка государственного переворота. Чисто политические идеи, способные увлекать «интеллигенцию» до забвения ею войны и национальной победы, оставляли народную массу, солдата, офицера, обывателя даже совершенно равнодушными. Если мужик понимал свободу печати, как право свободно ставить казенную печать, то и «обыватель», по выражению Щедрина, не знал точно, чего ему хочется: севрюжины или конституции.

*Там же. С. 137.
**Там же. С. 111.

Итак, вызвать революцию чисто политическую было невозможно, да и у союзников такая революция не получила бы ни одобрения, ни симпатий. Оставалось одно: революцию, предназначенную в действительности к прекращению войны, возможно было совершить только во имя войны же.

И в самом деле, в «левых», в махрово «пацифистских» кругах начинается, как бы по тайному приказу, отчаянная сверхпатриотическая демонстрация. Всякие политиканы, спекулянты, социалисты, рецидивисты, либералы, окопавшиеся в тылу молодые люди, адвокаты без клиентов, профессора без кафедр, неудачники — все в один голос присваивают себе исключительную монополию патриотизма. Каждый, кто не носит печати оппозиции, объявляется изменником и предателем Родины. Государь мог, если желал, сменять министров, поручать портфели даже депутатам, совещаться с лидерами Думы, все это напрасно. Всякий новый министр, будь он даже член Думы, тотчас же подвергался травле и обвинялся в том, что он ведет страну к гибели. Но клевета не могла ограничиваться только министрами. Не перемены Правительства старались добиться, а перемены режима; нужно было, значит, метить в голову. На Государя нельзя было рискнуть бросить тень, но на Императрицу...

«Уже с осени 1915 года немцы, вследствие тех затруднений, которые встречали их попытки прямо дискредитировать Государя, обратили свои усилия против Императрицы и начали против Нее подпольную и весьма ловко веденную кампанию, которая не замедлила принести плоды. Они не останавливались ни перед какими приемами; они обратились к старому средству: поразить Монарха в лице Его Супруги. Играя на том факте, что Императрица была немецкая принцесса, они попытались путем весьма ловкой пропаганды представить Ее как изменницу России. Обвинение это встретило сочувствие в некоторых русских кругах и сделалось опасным оружием против Династии»*. Этот отзыв Жильяра, несколько односторонний в отношении немцев, дает, тем не менее, весьма верную картину начала той кампании, которую оппозиция повела против Императрицы с целью подорвать и самый режим.

«Александра Феодоровна не немка ни душой, ни сердцем и никогда ею не была, — заявляет также французский посол Палеолог. — Ее воспитание, образование, умственная и моральная формация были совершенно английскими; ...основа же Ее

* *Gilliard P.* La tragique destin de Nicolas II et de Sa famille. P. 144.

характера стала вполне русской... Она любит Россию горячей любовью»*. Наконец, что еще значительнее, английский посол Бьюкенен, которого нельзя, конечно, заподозрить в симпатии ни к России, ни к Царскому режиму, ни к Императрице, в одном из своих секретных донесений успокаивает свое правительство относительно слухов о влиянии Императрицы на возможное заключение сепаратного мира:

«Настроение Императрицы вполне твердое. Несмотря на то, что здесь часто говорят, Она не союзница, работающая на пользу Германии».

Нужно прибавить, что клеветнические слухи об Императрице, если и были пущены Германией, в чем возможно сомневаться, расцвели, как и указывает Жильяр, пышным и ядовитым цветом на прогнившей почве столичных «салонов». Кому из нас, свидетелей этой ужасной эпохи, не приходилось слышать самые невероятные, самые фантастические и злостные сплетни, всегда будто бы исходящие из «самых авторитетных источников». Из этих же «источников» черпают свои сведения о России иностранные путешественники и, вернувшись домой, после русского гостеприимства, обращаются в безпощадных критиков Царского режима и Самого Монарха. Мы приводили выше презрительный отзыв английского генерала сэра Джона Хэнбари-Вильямса об этих зарвавшихся и завравшихся иностранцах, которые точно провели время своего путешествия в помойных ямах Петрограда, «ибо иначе они не могли бы собрать сведений более лживых, несправедливых и столь же ошибочных, как и злостных»**.

Этими «помойными ямами» были столичные салоны, от которых, по словам Государя, неслись такие отвратительные миазмы до самого Царского Села.

Русский «правящий класс» и здесь оплевывал самого себя, как слабоумный больной, умирающий на собственном гноище. Революционное общество, конечно, использовало и этих малопочтенных союзников и отравленное оружие, которое они ему дали в руки, но справедливость заставляет признать, что тотчас после победы революции деятели ее отбросили эту, ставшую ненужной, клевету.

---

* *Paléologue Maurice.* La Russie de Tsars pendant la Grande Guerre. V. I. P. 249–250.

** *Major General sir John Hanbury Williams. Chief of British Military Mission in Russia 1914–1917.* The Emperor Nicolas II, as I knew Him. P. 8.

Чрезвычайная комиссия, учрежденная социалистом-революционером Керенским и руководимая другим социалистом-революционером Муравьевым, установила после весьма тщательного следствия полную вздорность обвинений, взведенных на Императрицу. Князь Львов в своем показании следователю Соколову заявил по этому поводу, что «одним из существенных вопросов, которые смущали общественное мнение, была вера в то, что Государь, под влиянием Своей Супруги, немки по происхождению, был готов заключить сепаратный мир и даже предпринял некоторые шаги в этом смысле. Этот вопрос был разрешен. Керенский в своих докладах Временному правительству решительно и с полной убежденностью заявил, что невиновность Государя и Императрицы была бесспорно установлена»*. К этому показанию можно прибавить заявление товарища прокурора Руднева, которому в чрезвычайной комиссии было поручено следствие над Монархами, министра юстиции Переверзева, наконец, и слова Самой Императрицы, которые мы находим в трогательном письме Ее к А. А. Вырубовой. Царская Семья узнает в Тобольске о германском наступлении... Для Нее это может стать спасением от неволи, от мук, от самой смерти. А Императрица пишет: «Такой кошмар, что немцы должны спасти всех и порядок наводить. Что может быть хуже и более унизительно, чем это?»** Так думала, так писала Та, которую обвиняли в измене Своему Отечеству в пользу Германии.

В кампанию клеветы против Императрицы и режима входило и другое, более ядовитое обвинение. Тем, которых нельзя было убедить в предательстве Государыни, говорили, подчас даже с притворной жалостью, о Ее пагубном вмешательстве в государственные дела, под влиянием, главным образом, Распутина. Глупая и вредная сплетня эта рассчитана была на невежественного слушателя. П. П. Стремоухов в прекрасном, прочувствованном очерке своем «Императрица Александра Феодоровна в Ее письмах»*** показал рядом ссылок на письма Государыни, насколько Ее «вмешательство» было всегда полезным, патриотическим, обдуманным. Здесь, к сожалению, нет места для приведения всех цитат, собранных П. П. Стремоуховым, но читатель

---

* *Sokoloff N.* Enquête judicaire. P. 105.

** Письма Высочайших Особ к А. А. Танеевой (Вырубовой) // Русская Летопись. Кн. IV. С. 226. Письмо от 3 марта 1918 г.

*** *Стремоухов П. П.* Императрица Александра Феодоровна в Ее письмах // Русская Летопись. Кн. VI.

может судить о «духе» советов Императрицы хотя бы по следующим немногим отрывкам:

«Многие чудесные храбрые молодые люди не получили никаких наград, а высокопоставленные лица получают ордена. Так как Алексеев не может все делать, то мой слабый мозг представляет себе, что можно бы поручить это нескольким специалистам, чтобы они просмотрели огромный список и наблюдали, чтобы не было никаких несправедливостей» (29 августа 1915). Эта мысль, «чтобы не было несправедливостей», все время заботит Императрицу; 24 августа того же года Она пишет: «Только что выяснилось, что отныне доктора могут получать только три военные награды, что несправедливо, так как они постоянно подвергаются опасности и до сих пор множество их не получало наград ... Доктора и санитары делают чудеса, их постоянно убивают. Нельзя достаточно вознаградить тех, которые работают под огнем». Она сообщает Государю о всяком упущении, которое доходит до Ее сведения. «Пожалуйста, скажи, чтобы кто-нибудь отправился и посмотрел четыре тяжелые батареи, которые уже некоторое время стоят совсем готовыми здесь, в Царском Селе (как мне говорят), никто не думает о том, чтобы их отправить» (17 сентября 1916).

«Есть еще другой вопрос, о котором надо серьезно подумать, — пишет Она 3 сентября 1915 г., — топлива не будет и будет очень мало мяса, так что в результате могут произойти истории и безпорядки...» К вопросу продовольственному Императрица возвращается неоднократно, настаивая на регулировании цен. «У нас всего достаточно, — пишет Она, — но не хотят подвозить, а когда подвозят, то цены для всего неприступные».

Императрицу заботит и то, что дороговизна поражает прежде всего бедных людей; с этим примириться Она не может: «Стыдно заставлять бедных людей так страдать», — а в другом письме, говоря о повышении платы за проезд в трамваях, Она говорит: «Это несправедливо по отношению, к нуждающимся — пусть богатые будут обложены, но не другие...» (16 июня 1916). Где же во всем этом «вредное вмешательство», где «влияние», «давление на волю Государя», «авторитетный тон»?

Императрица сообщает Государю о том, что слышит и, если настаивает на чем-нибудь, то всегда с большой и чуткой нежностью: «Прости меня, что я вмешиваюсь не в свое дело, я тебя обожаю слишком глубоко, чтобы утомлять тебя таким письмом в такое время, если бы душа и сердце мне не подсказали его»...

Русская Царица работает вместе с Государем на великое русское дело; но «салоны» недовольны, фрондируют и сплетничают о «вмешательстве». Императрице это известно и Она возмущена: «Вот, сердятся, что я вмешиваюсь, — пишет Она, — но это мой долг помогать тебе. Даже в этом обвиняют меня милые министры и общество, которое все критикует, а сами занимаются вещами, которые их совершенно не касаются» (14 сентября 1915).

Салоны, конечно, сплетничали по природной глупости. Но политические круги, вернее, их руководители, ненавидели Императрицу не за вмешательство вообще, а за Ее твердые политические убеждения, за Ее веру в Божественное Помазанничество Царя, за Ее необыкновенную проницательность в отношении не только явных, но также и тайных врагов Монархии и России.

«Никогда не забывай, что ты есть и должен оставаться Самодержавным Императором. Мы не подготовлены к конституционному правлению» (17 июня 1915). «И все эти министры, которые между собою ссорятся, тогда как все должны были бы в такое время дружно работать и забывать свои личные обиды, иметь целью благо своего Царя и народа, — это приводит меня в бешенство. Попросту говоря, это предательство, потому что народ об этом знает, народ чувствует, что в Правительстве раздоры, и левые этим пользуются» (10 июня 1915). Она не только обличает преступность Гучкова и Родзянко, но разгадывает министров и генералов. «Как я буду радоваться, когда ты отделаешься от Бонч-Бруевича», — пишет Она 28 января 1916 года, а Поливанова Она настойчиво просит сменить, т. к. «он просто революционер под крылышком Гучкова». Как известно, оба эти генерала, любимцы оппозиции, не только изменили Монархам, но продались впоследствии большевикам.

Оппозиция видела в Императрице Александре Феодоровне смелую защитницу Монархии и России, живое препятствие к торжеству революции, а потому ненавидела Ее.

«Я спокойно и с чистою совестью перед всею Россией отправила бы Львова в Сибирь, Милюкова, Гучкова, Поливанова — в Сибирь. Идет война и в такое время *внутренняя война есть государственная измена*» (14 декабря 1916).

Не заключается ли в этих строках чуткое понимание исторического момента, великой смертельной опасности, угрожавшей России, и государственное твердое решение *как* нужно ее спасти? И, если мы, прошедшие тяжелый опыт революции, можем в чем-либо не согласиться с Императрицей, то в том лишь,

что преступники и предатели эти достойны были не Сибири, а виселицы.

В письмах Императрицы мы находим отпечаток тревожной заботы решительно о всех проявлениях государственной жизни и, в особенности, о нуждах народа; мы находим проникновенное понимание будущих судеб России; подчас резкое, но всегда верное и чуткое суждение о деятелях государственных и общественных. «Лютеранская принцесса по рождению, Императрица восприняла Православие с глубиною совершенно исключительною для нашего времени. В этом отношении Свой долг Супруги Православного Монарха Она исполнила. Монархическую идею, в самодержавном ее понимании, Она приняла всем Своим существом... эту идею Она приняла, как веление Божие со дня священного Коронования и пронесла ее через все испытания, борясь и страдая до последнего дня Своей земной жизни, увенчанной мученической кончиною. Мужа и детей Своих Она любила безумно и отдавала Им всю Себя. Россию, простой народ, солдат возлюбила всем сердцем... Врагов Своего народа ненавидела, солдату служила, как простая сестра милосердия. Друзей Своих любила настойчиво и неизменно. Когда девятый вал накатился на Монархию, Она не пряталась, а приняла удар полною грудью. Чего же еще можно требовать от человека?»*

Да, бо0льшего от человека требовать нельзя. Но именно за эти высокие качества Императрицы и ненавидело Ее петербургское «общество», которое ни одним из этих качеств не обладало; именно за стойкость ненавидел Ее либерально-революционный сброд, который справедливо видел в Ней самую верную поддержку Государя.

И клевета плелась, ширилась, распространялась, отравляя понемногу «общественное мнение» и подготовляя его к предстоящему перевороту.

В этих письмах, по временам, упоминается о советах или указаниях Распутина; Императрица, как мы говорили, видела в нем спасителя Своего Сына, и человека, одаренного Свыше способностью предвидения; была ли Она не права в этом Своем суждении? Во всяком случае, в Распутине было еще и другое: простой мужицкий здравый смысл, знание крестьянского быта, отражение народных чувств и чаяний — все то, что самые преданные люди из придворного окружения, самые талантливые министры не могли сказать Императрице, потому что они и сами этого не

*Там же. С. 108–109.

знали. Кто, кроме Распутина, мог рассказать Ей о цене трамвайных билетов или о том, как в булочных отвешивают хлеб? Все это ускользнуло бы от внимания Правительства и Монархов, а между тем жизнь соткана из этих мелочей. С точки зрения нужд деревни Распутин говорил о несвоевременности призыва ополчения второго разряда. Был ли он и поддержавшая его Императрица не правы в этом вопросе? «Сотни тысяч людей более чем зрелого возраста были бы оторваны от производительного труда и сведены в команды, для обучения которых не хватало бы офицеров... они стали бы только благодарным элементом для пропаганды. Обилие "бородачей" и их роль в революционные дни в тылу и на фронте достаточно оправдывают такую точку зрения»*.

Но Императрица видит в Распутине и «Божьего человека», который неоднократно спасал Ее Сына от смерти среди окружающей лжи и лицемерия Она все больше и больше верит людям простым, по душе или по положению. Она доверяет А. А. Вырубовой — этому большому ребенку с преданным сердцем, Она верит серому русскому мужику Распутину.

Такое доверие, но в гораздо более сильной степени, оказывали разным простым людям очень многие монархи, русские и иностранные. Сколько сановников Российской Империи начали свою карьеру тем, что «торговали блинами», «чистили Царские сапоги», или «пели на клиросе»? Не доверял ли Император Павел I более всего своему брадобрею Кутайсову, также, как другой брадобрей был ближайшим советником Людовика XI? Не советовался ли о государственных делах с простым крестьянином Томасом Мартэном умнейший скептик Людовик XVIII и впоследствии его брат Карл X?

И такими примерами полна вся история. Однако никто не обвиняет ни Петра Великого, ни Павла I, ни Людовика XI, ни Людовика XVIII, ни Карла X, что они доверяли мужику или брадобрею больше, чем своим родовитым сановникам. Почему же вдруг такое негодование в отношении Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны?

Если бы Распутина возвели в светлейшие, как Меншикова, или в графы, как Кутайсова; если бы его облачили в шитый золотом мундир и отвели ему для жительства богатый дворец, то петроградская знать, многие представители которой сами происходили из таких же выслужившихся в разное время простолюдинов, потянулась бы, без всякого сомнения, к новому санов-

*Там же. С. 83.

нику и аристократу. Распутин же оставался просто мужиком в поддевке и потому его презирали.

Но и самое пресловутое «политическое влияние» его — чистейший миф, и те, которые утверждают это, не могут привести конкретных примеров такого влияния. Совершеннейшая ложь, что кто-либо из министров мог быть назначен или смещен по желанию Распутина.

Так, этому влиянию приписывают назначение А. Д. Протопопова министром внутренних дел. Между тем в действительности Протопопов был назначен по настоянию Родзянко, причем кандидатура эта поддерживалась также Английским королем, министром иностранных дел Сазоновым и военным министром генералом Шуваевым. Таким образом Протопопов был «persona grata» никак не у «правых»; его общественная карьера, положение товарища председателя Государственной думы, председателя парламентской комиссии, ездившей за границу, пребывание его в «прогрессивном блоке» — все это делало его желанным кандидатом именно оппозиции. Ни о каком влиянии Распутина на это назначение тогда никто, конечно, и не заикался. Клевета эта была сфабрикована тогда, когда оказалось, что новый министр внутренних дел не желает повиноваться указам Родзянко и прогрессивного блока, а ведет свою линию.

Именно в это время, дабы скомпрометировать Протопопова, этого фаворита Государственной думы внезапно обратили в распутинского ставленника. Пусть это противоречило тем панегирикам, которые те же люди столь недавно ему воспевали, с этим родзянковская компания не считалась.

Но если Распутин никого не «назначал», то он также никого и не «смещал». Граф Коковцов, ярый враг Распутина, оставался долгие годы председателем Совета министров, а И. Л. Горемыкин, к которому Распутин относился с уважением, пробыл на этом посту сравнительно короткое время. Генерал Воейков, не любивший Распутина, который платил ему тем же, оставался дворцовым комендантом до самой революции. Также оставался ялтинским градоначальником до своей смерти генерал Думбадзе, выславший Распутина из Ялты и открытый его враг. Но все это не мешало оппозиции утверждать, что все враги и недоброжелатели Распутина платились за это своим положением и карьерой.

При обследовании впоследствии роли Распутина Чрезвычайной следственной комиссией никаких следов влияния Распути-

на на правительственные лица и учреждения, кроме записок с просьбами об ускорении мелких дел о пенсиях, пособиях и тому подобных, найти не удалось. Эти записки писались обыкновенно «старцем» по утрам, на приемах в его маленькой квартире, в которой толпились просители. Распутин раздавал им горстями деньги, которые он вытаскивал из кармана, а если его просили о мелком заступничестве, то он тут же писал на клочке бумаги свои знаменитые записки: «Енералу Фавейку. Милай, дорогой, устрой ее. Григорий». Этим заканчивалось и дело, и «влияние» Распутина.

Частые посещения Распутиным Дворца также сплошная легенда; никто без ведома дворцового коменданта и начальника дворцовой охраны проникнуть во Дворец не мог, а оба они, и генерал Воейков, и генерал Спиридович, свидетельствуют о том, что Распутин бывал там чрезвычайно редко.

Не приходится говорить и о «неприличном поведении» старца во Дворце, о чем так много ходило самых отвратительных слухов. Следователь А. Ф. Романов, которому в Чрезвычайной следственной комиссии было поручено изучить «дело Распутина», утверждает что «там (во Дворце) он не был ни пьян, ни распущен. Там он говорил о Боге и нуждах народных»*. О других слухах, позорящих уже Самую Императрицу и связанных с именем Распутина, А. Ф. Романов отзывается как о «гнусной легенде», о «нелепости, которую стыдно даже опровергать», о «позорной клевете, которая заставляла, как показали свидетели, несчастную Царицу плакать целые ночи горькими, безсильными слезами».

Такова была действительность, но оппозиция полагала, что в Распутине она имеет крупный козырь против Государя и Императрицы, при условии, конечно, должной обработки общественного мнения. И эта обработка шла усиленным темпом. О безграничном влиянии Распутина на Государя, о его постоянных посещениях Дворца, о его оргиях плелись целые легенды с невероятными унизительными подробностями. Источником этих легенд были «салоны» и думские круги во главе с Родзянко.

Сознавая, однако, безпочвенность всех этих обвинений, Родзянко деятельно занялся составлением «дела» о Распутине. К этой работе была привлечена целая комиссия: Гучков, Бадмаев, Родионов и другие. Тут все средства были пущены в ход; граф Сумароков добывал «сведения» через своего агента за границей,

---

* *Романов А. Ф.* Император Николай II и Его Правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская Летопись. Кн. II. С. 1–38.

Родионов доставил выкраденные будто бы письма Императрицы и Великих Княжон, князь Юсупов доносил о том, что происходит во Дворце. Великим информатором этой тайной компании был монах-расстрига, известный скандалист Илиодор, личный враг Распутина.

К шпионству, клевете и краже Родзянко и его компания прибавили подлог; так, например, по рукам ходила отпечатанная в громадном количестве экземпляров «фотография, на которой, в обстановке оконченного обеда или ужина — стол с остатками еды, недопитыми стаканами, — изображены Распутин и какой-то священник с какими-то смеющимися женщинами; сзади их балалаечники. Впечатление кутежа в отдельном кабинете. При ближайшем исследовании этой фотографии Чрезвычайной следственной комиссией было обнаружено, что на ней вытравлены две мужские фигуры: одна между Распутиным и стоящей рядом с ним сестрой милосердия, а другая — между священником и стоящей рядом с ним дамой. В дальнейшем оказалось, что фотография была снята в лазарете имени Императрицы после завтрака по поводу открытия. «Два лица» взяли под руки — один Распутина и сестру милосердия, а другой — священника и одну даму, привели их в столовую, старались их рассмешить и в таком виде сфотографировал их заранее приглашенный фотограф. Затем инициаторы вытравили свои изображения и предполагали представить фотографию Императрице в доказательство беспутного поведения Распутина»*.

Пресловутому монаху-расстриге Илиодору, сбежавшему заграницу, была заказана книга «разоблачений» о Распутине. Сочинение это, вышедшее под трескучим названием «Святой черт», содержало ряд телеграмм с номерами и датами, которыми Распутин будто бы обменивался с Высокими Особами. Чрезвычайная следственная комиссия установила, что все эти телеграммы подложные и никогда посылаемы не были.

Но этим подлоги не ограничились. Родзянковская компания надеялась шантажировать Государя выкраденным письмом Императрицы к Распутину. Но это письмо оказалось столь чистым и благородным, что оно могло бы служить только к чести Императрицы, потому Родзянко решил его утаить, а в обращение были пущены подложные «копии» этого письма, совершенно иного содержания.

---

* *Романов А. Ф.* Император Николай II и Его Правительство // Русская Летопись. Кн. II. С. 19.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, узнав о существовании украденного письма, потребовала его у Родзянко. Когда же последний в этом Ей отказал, Она спросила:

«Не правда ли, вы его уничтожите?»

«Да, Ваше Величество, я его уничтожу», — обещал Родзянко и тут же прибавляет в своих воспоминаниях: «это письмо и посейчас у меня»*.

Председатель Государственной думы солгал Императрице, как он лгал всюду и везде.

Впоследствии, уже в эмиграции, раскаяние, проснувшаяся совесть или просто страх перед общественным мнением заставили Родзянко сделать следующее заявление: «Я самым решительным и категорическим образом отбрасываю появившиеся в последние дни царствования Николая II недостойные и грязные инсинуации на Царскую Чету, все те памфлеты бульварного характера, которые принимались легко на веру взбудораженной толпой... Да будет грешно и позорно не только тем, кто это говорил, но и тем, кто смел тому поверить»**.

Нельзя произнести над самим Родзянко более строгого осуждения нежели то, которое заключается в этих словах.

Но вся эта клеветническая деятельность думской группы была только подготовкой: чтобы превратить ее во всероссийский скандал был задуман следующий план — Распутина обвинят в печати в хлыстовстве; так как «старцу» уже была создана репутация близкого к Царской Семье человека, то обвинение его в принадлежности к запрещенной законом секте ляжет тенью, в глазах православных, и на Самого Царя. Если брошюру или газету конфискуют, то в Государственной думе будет сейчас же предъявлен Правительству запрос, при обсуждении которого с парламентской кафедры возможно будет, через Распутина, чернить и поносить Государя и Императрицу.

Все это было разыграно в точности. Была написана невероятно пасквильная брошюра, которую в выдержках поместили и в Гучковском «Голосе Москвы»; пасквиль и номер газеты были, конечно, изъяты из обращения и в Государственной думе был внесен запрос. Обвинение Распутина в сектантстве было совершенно вздорное; Чрезвычайная следственная комиссия в своем стремлении найти улики против Распутина поручила рассмотре-

---

* *Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив Русской Революции. Т. XVII. С. 39–42.

** Там же. С. 20 и 26.

ние этого вопроса профессору Московской Духовной академии по кафедре сектантства Громогласову, который по исследовании всего имеющегося материала пришел к заключению, что ни в поступках, ни в словах и писаниях Распутина нет ни малейшего признака хлыстовства*.

Все же, с таким легковесным обвинительным материалом Родзянко дерзнул поехать к Государю. Судить об этом приеме мы можем только по запискам самого Родзянко, отличающимся вообще тоном нестерпимого хвастовства; но, как человек неумный, он не мог и не умел искажать правду достаточно тонко, чтобы делать ложь правдоподобной; поэтому сквозь бахвальство и выдумки в рассказе Родзянко все же просвечивает канва действительных фактов, а иногда даже прорываются поистине изумительные признания.

Эти свойства родзянковских повествований и позволяют нам судить о том, насколько доклад его вышел неудачным и конфузным для него.

Государь был широко образован; Он особенно хорошо был осведомлен в вопросах церковных и религиозных. Ему не трудно было сразу убедиться во всей вздорности обвинения Распутина в хлыстовстве; выслушав внимательно Родзянко, Он задал ему несколько простых и метких вопросов, смутивших обвинителя.

Растерявшийся Родзянко сослался на брошюру Михаила Новоселова и сразу перешел к другому обвинению: Распутин агент масонов; и, увидев недоумение Царя перед этой новой нелепостью, Родзянко пустил в ход последнее отравленное средство: присутствие Распутина грозит серьезной опасностью для Наследника.

Удар был рассчитан верно — поразить Государя в Его отцовское сердце. И Царь, по словам Родзянко, взволновался. Но на Его вопрос об основаниях для опасений, Родзянко отвечать было нечего; его воображение отказалось придти ему на помощь**.

Родзянко, несмотря на всю свою наглость, не решился сказать Государю о другом слухе, который в то время усиленно распространялся в «обществе»: Распутин — немецкий агент. Такое прямое обвинение, конечно, вызвало бы тотчас же строгое расследование, чего Родзянко именно не хотел, ибо вся сплетенная клевета могла распространяться, как плесень, только в темноте

---

* *Руднев В. М.* Правда о Царской Семье // Русская Летопись. Кн. II. С. 43–44.

** *Родзянко М. В.* Крушение Империи. С. 45.

и неминуемо исчезла бы при ярком свете. Но слух, пущенный о шпионской деятельности Распутина и о его стараниях убедить Государя заключить сепаратный мир, держался так упорно, что, несмотря на его вздорность, французский посол Палеолог нашел нужным слух проверить. Он встретился с Распутиным в одном частном доме и имел с ним разговор, который произвел на него столь благоприятное впечатление, что собеседники, расставаясь, обнялись*. Но личными впечатлениями посол не ограничился. «Я организовал вокруг Распутина сеть наблюдений и информаций; смею думать, что я был прекрасно осведомлен о всех его действиях; никогда я не получил малейшего указания на то, что он, будто бы, толкал Государя на заключение с германцами сепаратного мира».

И когда Палеолог об этом прямо спросил самого Распутина, то «старец» столь же прямо ему ответил: «Дураки есть везде. Я постоянно говорю Государю, что мы должны воевать до победного конца».

«Вот как Распутин говорил о войне в своих беседах с Государем и Императрицей, и этому я имею еще и другие доказательства», — заканчивает свой рассказ Палеолог.

Люди, имеющие здоровую голову на плечах, конечно, не верили в «измену» Распутина. Но «дураки», по выражению Распутина, могли верить, и этим создавалась та атмосфера, которая и нужна была заговорщикам. Из сопоставления этих двух клеветнических обвинений: «Распутин немецкий агент, и Распутин управляет Россией», «дураки» выводили заключение, что немецкий агент управляет Россией, а так как такое положение, конечно, терпимо быть не может, то, следовательно, нужно сделать революцию. Но этой же клеветой Распутина прямо подводили под револьвер убийц, заранее дав им отпущение за уничтожение «немецкого агента». Этим именно впоследствии и оправдывался князь Юсупов в своих французских воспоминаниях. Он подтверждает свое обвинение Распутина следующим фактом: однажды, будучи у Распутина, он увидел, как он разговаривает в столовой с несколькими «подозрительными лицами»: «Четверо из них были

*Так разсказывает Палеолог этот случай в своих воспоминаниях, появившихся в 1924 г. под названием «La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre». V. I. P. 308–311. Впоследствии, в другом своем сочинении «Alexandra Féodorovna, Impératrice de Russie», изданном в 1932 г., бывший посол повторяет свой рассказ о встрече с Распутиным, но, под влиянием «общественного мнения», уснащает его несколькими бранными словами по адресу «старца» и скромно умалчивает об объятиях с ним (С. 145–146).

определенно еврейского типа. Трое других странно походили друг на друга: у них был красноватый цвет лица, светлые волосы и маленькие глаза... Они что-то записывали, вытаскивали бумажки из карманов и пересмеивались»*. Сомнения нет, — это были немецкие шпионы, и князь тотчас же решил Распутина убить.

Трудно допустить все-таки, чтобы князь Юсупов мог поверить хотя на одну минуту, что Распутин стал бы принимать семь немецких агентов у себя на квартире, находящейся днем и ночью под неусыпным наблюдением целого штата сыщиков, которые не только стояли у ворот, но и на лестнице и даже в передней, записывая имена всех посетителей и точный час их прихода и ухода. Но тем не менее князь Юсупов распространял по Петрограду, что Распутин изменник и что он в этом лично убедился. Как «дураки» могли бы не верить столь родовитому свидетелю, к тому же свойственнику Династии?

Между тем оппозиция, пользуясь отравленным оружием, сама была весьма близка к измене. Самый переворот во время войны был изменой, а к тому же этот переворот, спасавший Германию от гибели, был совершен не без участия немецких денег. Мало того, многие из «деятелей» оппозиции проявляли тогда же необыкновенную «симпатию» к неприятелю. Керенский, как известно, был пораженец; его друг Муравьев, впоследствии председатель Чрезвычайной комиссии, состоял открыто во время войны поверенным немецких фирм. Внесенный в Государственную думу законопроект о ликвидации немецкого землевладения в России таинственно тормозился, и бюро прогрессивного блока отстранило даже докладчика по этому законопроекту князя Мансырева. Несмотря на требование националистов, Милюковско-Гучковское большинство Думы отказывалось исключить депутата Лемпицкого, поступившего в германскую армию и сражавшегося против России.

Конечно, можно и должно отдать справедливость преданности Престолу и России русских верноподданных, выходцев из Германии; ничего не было и не могло быть более нелепого как господствовавшее тогда в некоторых кругах «внутреннее германофобство». Но лицемерие оппозиции в этом и заключалось, что, тайно потворствуя неприятелю, оно обвиняло, вместе с тем, Правительство и Самую Императрицу в «немецких симпатиях».

К стыду для Великобритании, ее посол, как мы уже говорили, опозорился участием в заговоре против Правитель-

* *Prince Youssoupoff F.* La fin de Raspoutine. P. 125.

ства, при котором он был аккредитован. Английское посольство сделалось конспиративным центром, в котором велся подкоп под русскую Монархию и мощь России. Конечно, сэр Джордж Бьюкенен весьма мало интересовался формой правления в России. Его озабочивал только вопрос о Константинополе и Дарданеллах и господствующем влиянии России на послевоенном мирном конгрессе. К этому моменту Англии нужна была не Россия сильная, а Россия слабая, и посол заранее готов был поддержать всякое правительство, которое согласилось бы отказаться от условий, заключенных между союзниками в пользу России.

Конечно, ни Государь, ни Его Правительство никогда не пошли бы на такое малодушное предательство русских интересов, но «либеральное» общество смотрело на этот вопрос иначе. В то время, как Государь подчинял политику национальным интересам России, «общество» подчиняло эти интересы успеху революции.

Палеолог отмечает в своих воспоминаниях поразительное безразличие, с которым Государственная дума относилась к результатам для России победной войны. «Параграф министерской декларации, касающийся Константинополя, не вызвал отзвука ни в публике, ни в Думе, — записывает он 4 декабря 1916 года. — Вот уже несколько месяцев, как я наблюдаю в народной душе это постепенное исчезновение византийской мечты». А в салонах столицы без обиняков заявляют послу, что «никто больше не думает о Константинополе»*. Таким образом, легко можно понять, почему английский посол поддерживал тех, кто «не думали больше о Константинополе», против Того, Кто думал о Царьграде, как о русском оплоте на Ближнем Востоке.

27 октября 1916 года на банкете англо-русского общества британского флага, Бьюкенен произнес речь, в которой, говоря о целях войны, он ни намеком не упомянул о Константинополе и о проливах. В ответной своей речи, полной цветистых комплиментов по адресу Англии, Родзянко также обошел молчанием исторические стремления России, осуществление которых было ей обещано союзниками. Таким образом, молчаливый сговор между послом и оппозицией состоялся; будущее революционное правительство отказывалось от Константинополя; три миллиона русских солдат отдали свою жизнь напрасно.

---

* *Paléologue Maurice.* La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre. V. III. P. 107.

Но недостаточно было заручиться согласием нового режима; нужно было еще нанести смертельный удар власти существующей и правящей. Этой-то цели сэр Джордж и посвятил вторую часть своей речи. Прозрачными намеками упомянул он о каком-то заговоре, будто бы существующем в пользу заключения сепаратного мира, и, наконец, весьма дерзко заявил, что недостаточно одержать победу на поле брани, но что нужно еще победить и внутренних врагов. Все поняли, о ком шла речь: внутренние враги — это Государь и Его Правительство.

Эта наглая речь зарвавшегося британца и послужила трамплином для знаменитого Милюковского выступления 1 ноября в Государственной Думе. Вот что было условлено для этой манифестации. Несколько членов Думы, из крайних левых, обрушатся с резкими нападками на председателя Совета министров Штюрмера, обвиняя его в измене. Милюков подхватит это обвинение, ссылаясь на речь Бьюкенена, и закончит выпадом против Императрицы. Но, осторожности ради, Милюков формулирует это обвинение в виде оглашения цитаты из немецкой газеты, в которой говорилось, что назначение Штюрмера произошло по желанию Императрицы: «Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert».

Таким образом из речи Милюкова выходило, что Императрица поддерживала изменников. Однако Родзянко, струсив, отказался взять под свою ответственность эту манифестацию Милюкова. После своей вступительной речи он заявил себя нездоровым и передал председательствование товарищу председателя Варун-Секрету, который впоследствии отговорился тем, что не понял цитаты Милюкова и потому его и не остановил.

Эта мерзкая комедия была разыграна в точности; Родзянко ушел, и Милюков мог безпрепятственно произнести свою «историческую» речь, в которой он перед нацией и армией бросал в русское Правительство и в русскую Императрицу самую злостную и подлую клевету.

Речь эта, по справедливости, рассматривается как «штурмовой сигнал» русской революции.

В ту же ночь Родзянко получил от председателя Совета министров письмо следующего содержания:

«Милостивый Государь Михаил Владимірович.

До сведения моего дошло, что в сегодняшнем заседании Государственной думы, член Думы Милюков в своей речи

позволил себе прочитать выдержку из газеты, издающейся в одной из воюющих с нами стран, в которой упоминалось Августейшее имя Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны в недопустимом сопоставлении с именами некоторых других лиц, причем со стороны председательствовавшего не было принято никаких мер воздействия.

Придавая совершенно выдающееся значение этому обстоятельству, небывалому в летописях Государственной думы, и не сомневаясь в том, что вами будут приняты решительные меры, я был бы весьма признателен вашему превосходительству, если бы вы сочли возможным уведомить меня о поставленном решении вами»*.

С своей стороны министр Двора граф Фредерикс написал Родзянко, призывая его к приличию, напоминая ему, что он имеет честь носить звание камергера Высочайшего Двора, а также просил его уведомить о том, что он имеет в виду предпринять по поводу упоминания Царского имени в речи Милюкова.

Одновременно Штюрмер, в другом письме, просил доставить ему копию стенограммы без цензуры председателя, сообщая, что речь Милюкова может быть предметом судебного преследования.

Дело принимало тревожный оборот. Родзянко, одинаково трусивший и пред своими строгими сообщниками и перед Правительством, официально ответил обоим министрам, что он не обязан перед ними отчитываться, но все же не посмел не послать полной стенограммы, а Фредериксу поспешил секретно написать, обещая ему исключить из этой стенограммы выражения, касающиеся Императрицы. Но и тут Родзянко, по обыкновению, солгал: официально фразы эти были выпущены, но, в действительности, громадное количество экземпляров речи Милюкова в неизмененном виде было отпечатано и распространено по всей России.

Читавшие ее думали, что в Государственной думе Милюков должен был говорить иносказательно и вкладывали в его речь больше, чем в действительности было сказано. Для ответ-

*Текст этого письма приведен в статье Родзянко «Крушение Империи» (Архив Русской Революции. Т. XVII. С. 147). Однако некоторая неуклюжесть слога позволяет думать, что письмо приведено Родзянко в измененном виде.

ственного заявления «испытанного вождя оппозиции» должны были, очевидно, иметься солидные данные. И никто не мог предполагать, что у Милюкова, в сущности, никаких материалов не было, что речь его переполнена была сплетнями, что канвой для этой речи (по утверждению Милюкова) послужили показания авантюриста — арестованного Манасевича-Мануйлова — дошедшие до парламентской трибуны через третьи руки — и безответственные цитаты из венской газеты «Neue Freie Presse». Надо признать, что в историческом аспекте «знаменитая» речь поражает своей необоснованностью во всех частях*.

Вся эта возмутительная провокация и непонятное безучастие власти, которая так и не решилась преследовать виновников, вызвали в национальных кругах сильное возмущение. Даже старый революционер В. Л. Бурцев, хорошо осведомленный об источниках Милюкова, был глубоко возмущен его выходкой и тогда же заявил: «Речь историческая, но она вся построена на лжи»**. Таким образом подготавливалась буря, которая вскоре разразилась.

В заседании Думы 22 ноября, член Думы Н. Е. Марков II-й, отвечая, между прочим, на речь Милюкова, показал, ссылаясь на документы, всю подоплеку затеянной провокации. Речь Маркова не могла поколебать, конечно, распропагандированного и революционно-настроенного большинства Думы, но отзвуки ее в общественном мнении могли оказаться весьма нежелательными для престижа оппозиции. Необходимо было заставить оратора замолчать; для этого были пущены в ход обычные «культурные» приемы парламента: крики, свистки, ругательства, стук пюпитров. Напрасный труд! Марков II-й, казалось, прирос к кафедре всей своей грузной фигурой и невозмутимо продолжал свои разоблачения, которые приходилось записывать стенографисткам. Оставалось одно средство: лишить оратора слова. Внимательно следивший за речью, Родзянко ждал удобного момента. И в то время, как Марков бросил одному из крикунов: «Стемпковский, успокойтесь!», — Родзянко остановил его и лишил слова. Фокус был проделан и Милюков оказался избавленным от неприятного оппонента.

Возмущенный этим произволом, сознавая себя жертвой самого грубого злоупотребления председательской властью,

* *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту. С. 72.
** Там же. С. 72.

Н. Е. Марков, обернувшись к Родзянко, бросил ему в лицо: «Вы старый дурак и мерзавец!»*

Родзянко побледнел и замер в недоумении, граф Бобринский, сидевший рядом, в страхе схватился за графин. Потом, оправившись, Родзянко позвонил и сказал громким голосом:

«Депутат Марков II-й позволил себе тяжело оскорбить председателя Думы в безпримерных выражениях. Поэтому я передаю председательствование старшему товарищу, который доложит Государственной думе весь инцидент и предложит его обсудить». Поднялась суматоха, многие не расслышали слова Маркова и не понимали, что случилось. Послышались возгласы вопросы: «Как он оскорбил? Что он сказал?»

Граф Бобринский, приняв председательствование, сообщил Думе о происшедшем и предложил применить к Маркову II-му «высшую меру» дисциплинарного взыскания, исключение на 15 заседаний, что и было сделано.

По существующим правилам, провинившиеся депутаты могли представить Думе свои объяснения, которые сводились обыкновенно к смягчению своего проступка. Когда же слово было предоставлено Маркову, он сделал следующее заявление:

«Я подтверждаю то, что я сказал. Я хотел оскорбить вашего председателя и, в его лице, я хотел оскорбить вас, господа. Здесь были произнесены слова оскорбления Высоких Лиц и вы на них не реагировали, в лице вашего председателя, пристрастного и непорядочного... я оскорбляю всех вас»**.

Случись выступление Маркова два года или хотя год перед этим, впечатление от него было бы совершенно другое. Но за это время политическое разложение пошло быстрым темпом; правая группа, и так никогда особенным влиянием не пользовавшаяся, почти совершенно завяла; некоторые из ее наиболее талантливых представителей: Пуришкевич, Шульгин, почуяв возможную гибель монархического корабля, поспешили перебраться на более надежный, по их мнению, корабль революции. На правых скамьях Думы оставалась группа перепуганных, потерявших веру в себя, людей. Большая часть из них, уступая давле-

* Весь этот инцидент приведен по газетным отчетам, по статье Родзянко «Крушение Империи» и по рассказу Маркова II-го, сделанному последним лично автору. Следует заметить, что слова Маркова II-го: «Вы старый дурак», — были исключены из стенограммы по распоряжению Родзянко, который предпочел сохранить слово «мерзавец».

** *Родзянко М. В.* «Крушение Империи» // Архив Русской Революции. Т. XVII. С. 150.

нию большинства, малодушно отреклись от Н. Е. Маркова, некоторые вышли даже совсем из фракции.

В то же время оппозиция как всегда сумела раздуть весь инцидент, исказить его смысл, представить Родзянко в роли жертвы долга, создать шумиху в целях возвеличения Думы и посрамления «правых». На Родзянко посыпались визиты сочувствия, письма, телеграммы, карточки, и эта единственная попытка опровергнуть клевету на Императрицу была сорвана дружными усилиями «передового» общества.

Несколько дней спустя бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков произнес в Государственном совете убийственную для оппозиции речь. С цифрами в руках, оратор показал, что столь прославленные «общественные организации», будто бы снабжавшие армию вместо неспособного Царского Правительства, в действительности почти ничего для войны не сделали. Так, например, военно-промышленный комитет, управляемый Гучковым, едва оказался в состоянии поставить *полтора процента* всех артиллерийских заказов, которые были выполнены казенными заводами. «Оппозиция делает все для войны, — сказал Н. А. Маклаков, — но для войны с порядком; она все делает для победы, но для победы над Правительством. Здесь, в тылу, пытаются обмануть Россию, но мы ее не предадим. Мы ей служили, мы верили в нее и с этим чувством мы будем бороться и умрем за нее».

Пророческие слова! Двадцать месяцев спустя Н. А. Маклаков, верный присяге и долгу, доблестно пал от пуль врагов своего Отечества — большевиков; в это же время «герои революции» — Керенские, Милюковы, Гучковы и Родзянки малодушно бежали из России, спасаясь от зажженного ими же пожара.

Первые же дни вступления Государя Императора в Верховное Главнокомандование ознаменовались большой победой на Юго-Западном фронте.

Армии Лечицкого, Щербачева и Брусилова под общим водительством генерал-адъютанта Иванова внезапно для австрийцев перешли в контрнаступление и, потеснив их, взяли до 150 тысяч пленных.

Эта победа имела своим непосредственным следствием остановку всего катастрофического отступления русских армий в летнюю кампанию 1915 года.

С момента принятия на Себя Верховного Главнокомандования Государь занялся подготовкой широкой операции, кото-

рая должна была решить судьбу войны. В самом начале войны пришлось отказаться, по настоятельной просьбе французов, от выполнения плана, выработанного Генеральным штабом и перейти в энергичное наступление в Восточной Пруссии для облегчения французского фронта, теснимого немцами. России это стоило армии Самсонова, погибшего в бою, но зато Франция была спасена на Марне. Теперь же предстояло предпринять новое наступление, единовременно на трех русских фронтах: Северном, Западном и Юго-Западном. Этот план, рассмотренный на военном совете 14 апреля 1916 года, был утвержден Государем и выполнение его было назначено на середину июня.

Главный удар опять направлялся по немцам, а именно должен был наноситься Западным фронтом в направлении на Вильно, на Юго-Западный же фронт выпадала второстепенная задача привлечь на себя внимание наступлением в направлении на Ковель. Но судьбе угодно было разрушить план русского штаба.

6 и 8 мая итальянская армия, атакованная австрийцами, потерпела два серьезных поражения. Положение становилось весьма тревожным, и итальянское главное командование стало настойчиво добиваться, как непосредственно, так и через генерала Жоффра, немедленного наступления русских сил на Австрию, в помощь погибающей Италии. Докладывая об этом Государю, Алексеев указывал, что «выполнение немедленной атаки, согласно настояний итальянской главной квартиры, неподготовленное и, при неустранимой нашей бедности в снарядах тяжелой артиллерии, производимое только во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянской армии, не обещает успеха. Такое действие поведет только к расстройству нашего плана во всем его объеме»*.

Приходилось еще раз решать вопрос: готовить ли *русскую* победу или спасать союзников. Все более и более настойчивые домогательства итальянцев и личная телеграмма короля Виктора Эммануила Государю вынудили Алексеева, с разрешения Государя, опередить назначенный срок для наступления на Юго-Западном фронте. Победное наступление Брусилова, начавшееся 22 мая, действительно спасло Италию от разгрома и вызвало выступление Румынии, но задуманная и подготовленная операция на всех фронтах, как предвидел генерал Алексеев, не могла осу-

* Всеподданнейший доклад ген. Алексеева от 13 мая 1916 г. (Монархия перед крушением. 1914–1917. Гос. изд. 1927. С. 250.)

ществиться и Россия потеряла лишний год войны. Роковой год! Не будь этой задержки, не восторжествовала бы революция*.

К концу 1916 года положение на всех фронтах укрепилось, снаряды доставлялись в достаточном количестве, части были укомплектованы и Ставка готовила, к началу 1917 года, решительную кампанию против обезсилевшей Германии.

Между тем, все усиливавшаяся оппозиция со стороны Государственной думы угрожала сорвать осуществление этого плана и парализовать деятельность Правительства. Перед Государем встала необходимость принять неотложное решение: или нанести крамольной шайке, подрывающей победу, сокрушительный удар, разогнать Думу и обратиться с воззванием прямо к населению; или же войти с оппозицией в соглашение, дабы выиграть время, необходимое для окончания войны. Первый способ был, конечно, и проще и вернее; все лидеры оппозиции, смелые на словах, были весьма робки на деле, что они и доказали впоследствии, когда власть оказалась в их руках. Одна возможность военной диктатуры приводила их в трепет; осуществление же этой угрозы рассеяло бы как дым весь оппозиционный дух.

Но в то время Государь мог еще предполагать, как многие, что решительные действия Правительства вызовут хотя бы некоторый отпор, волнения, выступления, которые придется подавить силой. Такое подобие гражданской войны, такое пролитие русской крови в тылу, в то время когда она лилась на фронте, были для Государя предположением совершенно недопустимым. По натуре стойкий в Своих убеждениях, но мягкий в Своих действиях, Государь с самого начала войны держался политики примирения с Государственной думой и уступок ее требованиям. Под напором Думы были уволены и министр внутренних дел Маклаков и председатель Совета министров Горемыкин; дабы дать залог желания совместной работы с представителями общественности, Государь призвал в министерство предводителя дворянства Самарина, депутата Хвостова и, наконец, товарища председателя Государственной думы Протопопова, рекомендованного Ему Родзянко.

Все эти уступки не только не смягчили оппозиции, но вызвали ее на все новые и новые выходки. Всякое министерство, каково бы оно ни было, встречало в Думе решительный, рез-

*В своих воспоминаниях ген. Деникин, не осведомленный об этих переговорах с Италией, приписывает приказ о преждевременном наступлении Брусилова легкомыслию Ставки.

кий и грубый отпор и подвергалось невероятным и самым клеветническим обвинениям. Даже думский ставленник Протопопов, как только обратился в министра внутренних дел, подвергся со стороны своих бывших коллег самой безсовестной и жестокой травле.

В октябре этого года Петроградское охранное отделение представило министру внутренних дел секретный доклад о политическом положении в стране. Оно было весьма грозное. Пропаганда Гучкова, членов Думы, Земгора и германских агентов на фронте возымела свое действие, и в некоторых частях замечалось уже тревожное настроение. Помощник начальника штаба Верховного Главнокомандующего ген. Клембовский с целью борьбы с этим начинающимся разложением в армии предложил организовать ряд контрпропаганд в войсках, но сообщники заговорщиков, в частности, ген. Рузский, поспешили восстать против этого плана, который и не был осуществлен*.

Измена уже явно подрывала возможность победы.

Всецело преданный мысли о войне, о чести русского оружия, Государь пытался затормозить, хотя бы на краткий срок, быстрое наступление революции. Он пожертвовал Штюрмером и поручил председательствование в Совете министров А. Ф. Трепову, который до сих пор пользовался, как будто, некоторой симпатией либеральных кругов. Но и эта жертва оказалась напрасной: едва новый председатель Совета показался на трибуне Государственной думы для прочтения декларации, как он был встречен настоящей бурей криков, ругательств и свистков и стуком кулаков по пюпитрам.

Трепов выдержал в течение двух месяцев этот постоянный бой с Думой и, наконец, просил Государя его освободить. Эта постоянная смена министров, получившая название «министерской чехарды», приписывалась, да приписывается некоторыми неисправимыми умами еще и теперь, капризу Государя. Между тем, почти все перемены в правительственном составе были произведены под давлением Государственной думы, и цель их была, как сказано выше, выиграть время, не обострять конфликта, не создавать тяжких затруднений в тылу в то время, как подготавливался решительный удар на фронте, обезпечивающий победный конец войны.

Этим именно желанием и объясняется решение Государя составить безцветное министерство под председательством

* Красный Архив. Кн. 17.

кн. Голицына, без определенной окраски, способное ужиться с взбунтовавшейся Думой и обезпечить, таким образом, армии те несколько месяцев относительного спокойствия в тылу, которые необходимы были для завершения задуманной операции.

Между тем, заговор созревал. Но если переворот являлся уже вопросом решенным, то заговорщики все еще колебались в выборе способов его совершения. Для подсчета своих сил было решено созвать в декабре общий съезд Земгора; однако у Правительства хватило мужества запретить эту манифестацию. Тогда кн. Львов собрал у себя нескольких лидеров оппозиции и предложил им следующий план: свергнуть Государя и заменить Его Великим Князем Николаем Николаевичем, который тотчас же призовет к власти ответственное министерство под председательством, разумеется, того же князя Львова. Однако переговоры, веденные через тифлисского городского голову Хатисова, не привели ни к чему. Приходилось подготовить новый план, который и был вскоре вполне выработан, как мы дальше увидим.

В это же время произошло событие, хотя и совершенно неожиданное для общественного мнения, но входящее также в план заговорщиков. В ночь на 17 декабря в Юсуповском дворце был убит Распутин. Можно, конечно, различно судить об этом человеке; можно видеть в нем простого мужика, случаем вознесенного до подножия Престола, сверхчеловека, обыкновенного кутилу, мудрого старца, честного Царского слугу, но в одном мнении расходиться нельзя: в том, что за всю историю России едва ли было совершено более подлое и трусливое преступление. Убийцы, мнящие себя мстителями, могли открыто поразить своего врага пулей и смело понести за это ответственность; они могли охотиться за ним, как террористы охотились за министрами и губернаторами; они могли объявить ему войну, как революция Царскому режиму. Но они этого не сделали. Распутин был заманен во дворец князя Юсупова и ему было поднесено отравленное угощение. Когда яд не подействовал, то заговорщики стреляли в беззащитного своего гостя, в исступлении били его кастетом и живого бросили в прорубь реки. Совершив свое черное дело, они не только не имели мужества в нем признаться, но дали своему Монарху честное слово, что в преступлении этом они не повинны. Честное слово убийц!..

Но за этими преступниками стояла другая воля; кто именно являлся вдохновителем убийц, вероятно, никогда точно не будет известно. Главными исполнителями были князь Ф. Ф. Юсу-

пов, депутат В. М. Пуришкевич и доктор санитарного отряда Пуришкевича Лазоверт, а другой депутат В. А. Маклаков снабдил убийц цианистым калием и кастетом и в день убийства уехал в Москву, чтобы обезпечить себе alibi*. В числе участников был и Великий Князь Дмитрий Павлович.

Удар был хорошо рассчитан; послать рядового террориста для убийства Распутина было, конечно, делом не трудным, но и мало эффектным; толкнуть же на преступление «народного представителя» и родственника Царской Семьи являлось поистине мастерским ходом: учитывая безнаказанность убийц, заговорщики устроили всенародную демонстрацию открытого бунта высших классов и безпомощности Правительства.

Если речь Милюкова была первым ударом в набатный колокол революции, то выстрел кн. Юсупова был вторым ударом в этот колокол. Третий и последний удар должен был прозвучать во Пскове, как сигнал черным силам на растерзание несчастной, кровью истекающей России.

В течение того же месяца Императрица с дочерьми посетила Новгород. После обхода раненых в лазаретах Государыня поехала помолиться в Десятинный монастырь. В одной из келлий, покрытая веригами, лежала почитаемая старица Мария Михайловна. Когда Императрица вошла в келлию, старица, простирая к Ней иссохшие руки, воскликнула слабым голосом: «Вот идет мученица Царица Александра», — и благословила Ее. «А ты, красавица, не страшись тяжелого креста», — повторила она несколько раз**. Через несколько дней после этого старицы не стало.

Этот 1916 год заходил, казалось, в каком-то кровавом зареве. Кровь в окопах, кровь в юсуповском дворце, болезнь Цесаревича. Тревожные предчувствия, зловещие предзнаменования ползут, как черные тучи по этому огненному небу. Измена против Царя, против России, против победы, против союзников,

*В. А. Маклаков, вопреки утверждению В. М. Пуришкевича, отрицает передачу им яда. (Из дневника В. М. Пуришкевича. Убийство Распутина.) По позднейшим сведениям, видную роль в подготовке убийства Распутина сыграла английская контрразведка. В июне месяце 1933 г. сэр Самуэль Хор, бывший во время войны начальником отделения Intelligence Service в России, признал на банкете, что Государь и русское Правительство были столь уверены в его участии в этом преступлении, что послу сэру Джорджу Бьюкенену пришлось ездить в Царское Село для объяснений. Другой английский офицер Локкерь-Лампсон, вызванный в качестве свидетеля в недавнем процессе между кн. Юсуповой и одной кинематографической фирмой, показал, что он знал о готовящемся убийстве. См.: *Jacoby J.* Raspoutine. P. 101.

**Lettres de L'Impératrice Alexandra Féodorovna. Письмо от 12 декабря 1916 г.

назревающая революция, а там, в отдалении, тень большевизма; Ленин и его шайка, ожидающие сигнала, который должны дать Родзянки и Гучковы.

Величественная тема для античной трагедии, над героями которой властвует слепой и безжалостный Рок.

4. Военный заговор

Ни коноваловская группа, ни Родзянко, ни даже социалисты не питали никаких надежд на возможность совершения переворота без согласия и реальной помощи военачальников. Было совершенно очевидно, что Государь неуязвим среди армии, пока высшее командование остается Ему верным; только предательство генералов могло поставить армию перед совершившимся фактом: отречение или даже смерть Государя.

Поэтому с самого начала войны революционный центр пытался обезпечить себе содействие генералов: были начаты переговоры, нащупывалась почва, возбуждались честолюбивые мечты. Таким путем понемногу образовалась ячейка военных, согласных оказать помощь предстоящему перевороту. Во главе этой организации стоял Гучков. Вокруг него блестящий штаб «героев тыла»: Якубович, Туманов, Энгельгардт, Гильбих, Туган-Барановский. Но все это мелкая сошка; в заговор необходимо было втянуть крупных военных начальников. Эта задача чрезвычайно облегчалась посещением фронта членами Думы, как это делали члены Конвента во время французской революции. Но эти последние ездили в армию для организации победы, в то время как Родзянки, Гучковы и Демидовы готовили поражение. Мало-помалу и в Петрограде и на фронте удалось выделить группу генералов, на которых заговорщики могли рассчитывать: помощник военного министра генерал Поливанов, генералы Крымов, Хагондоков, главнокомандующие фронтами Брусилов и Рузский и начальник штаба Верховного Главнокомандующего Алексеев.

С этого момента оппозиция всячески выдвигает этих генералов, дабы в нужный момент обезпечить за ними те положения, которые дали бы им возможность решить участь Монархии. Комиссия по государственной обороне и вся Дума вместе с ней настойчиво проводят генерала Поливанова в военные министры. Наконец Государь уступает тому, что Он считает желанием страны. Вынужденный уйти после несчастной Лодзинской операции,

ген. Рузский, благодаря происками оппозиции, получает командование Северо-Западным фронтом, в район которого входила столица. Итак, Поливанов в Военном министерстве, Рузский — командующий столицей, оставалось только заменить Великого Князя Николая Николаевича генералом Алексеевым, чтобы обезпечить успех переворота. Тогда начинается ожесточенная кампания против Верховного Главнокомандующего, кампания, отзвуки которой мы приводили в описании заседаний Совета министров, которым начинается эта глава. На этот раз желание Государя совпадало с желанием оппозиции, но по совершенно различным причинам: заговорщики добивались смены Верховного Главнокомандующего для замещения этой должности своим человеком, Государь же считал Своим долгом Самому стать во главе Своих войск, как это и предусматривалось законом.

Отсюда и разочарование заговорщиков, отсюда их старания разубедить Государя, отсюда их бешенство, когда стало очевидным, что решение Его безповоротно. Однако у оппозиции оставалось еще некоторая надежда: начальником штаба Главковерха был назначен ген. Алексеев; таким образом, заговорщики все же имели своего человека на весьма ответственном месте.

Но оппозиции суждено было понести еще один чувствительный удар: 15 марта 1916 г. ген. Поливанов, совершенно скомпрометированный и разоблаченный, был уволен от должности военного министра. Весь тщательно подготовленный план, казалось бы, совершенно провалился: один из самых крупных заговорщиков выведен из строя, и Государь в безопасности в Ставке до окончания войны.

Но Гучков с неутомимой энергией вновь принялся плести свою паутину. Он стал осаждать Алексеева письмами, влез в его доверие, льстил ему, обрабатывал всячески его слабую, шатающуюся волю. Письма эти не остались тайной, они прочитывались цензурой и докладывались Государю. И, странная вещь: доверие, которое Алексеев сумел внушить Государю и Императрице, было столь велико, что его не коснулась и тень подозрения даже при чтении этой крамольной переписки. В глазах Монархов виновен один Гучков, а «бедный старик» Алексеев — его жертва.

И мнение это не вполне ошибочно: ген. Алексеев далеко не был убежденным заговорщиком. Он изменял Государю, но так же легко изменил бы и своим сообщникам, и отнюдь не из корыстных побуждений, а в зависимости от настроения, которо-

му поддавалась его нерешительная натура. Ведя переговоры с заговорщиками, ген. Алексеев готовил одновременно и проект военной диктатуры, который и представил Государю 15 июня 1916 года*.

Что получилось бы от этого проекта, неизвестно, если бы оппозиция не оказалась о нем осведомленной. Незадолго перед этим думским руководителям удалось добиться оставления в должности начальника Главного артиллерийского управления ген. Маниковского, который должен был уйти в запас. В благодарность за эту услугу ген. Маниковский сообщил Родзянко копию секретного доклада Алексеева. Перепуганный Родзянко помчался в Ставку, где он принялся за Алексеева, требуя от него объяснений. Генерал, весьма недовольный, попытался узнать от Родзянко, кто его выдал; затем он начал распространяться на тему о дезорганизации, царившей в тылу, об отсутствии согласия в действиях военных и гражданских властей, словом, не говоря прямо о своем проекте военной диктатуры, все же, косвенным путем, эту мысль защищал. Среди этого потока слов Родзянко пытался угадать настоящие намерения Алексеева. Кого он метил в диктаторы? Великого Князя Сергея Михайловича? Но Великий Князь — в Петрограде, во главе Правительства, Государь — в Ставке, во главе армии, это предвещало крушение революционных мечтаний и конец заговорам; не только роль Мирабо ускользала от Родзянко, но и председательское кресло в Думе сильно могло под ним заколебаться.

Он принялся с жаром разубеждать Алексеева в необходимости диктатуры, доказывая ему, что для водворения порядка и единства достаточно усилить власть председателя Совета министров. Затем, со свойственной ему беззастенчивостью, Родзянко пытался «запугать» Великого Князя Сергея Михайловича, прося Алексеева ему передать, что если Великий Князь «не прекратит своих интриг, то он его разоблачит с кафедры Государственной думы». Наконец, желая использовать свой приезд в Ставку для успеха плана заговорщиков, Родзянко настойчиво стал просить Алексеева предоставить отставленному ген. Рузскому какое-либо ответственное командование.

Вся эта наглая и напыщенная болтовня не могла понравиться Алексееву, который впервые встречался с Родзянко. Он отвечал уклончиво, а в отношении Рузского даже решительно отка-

*Полный текст этого доклада, с пометками Государя, приведен в книге «Монархия перед крушением». 1914–1917. Гос. изд. 1927. С. 259.

зал. Как мы скоро увидим, это благое настроение ген. Алексеева продержалось недолго и ему суждено было сыграть в крушении России самую существенную и пагубную роль. Родзянко ушел тоже недовольным от Алексеева, которого он охарактеризовал как «умного и ученого военного, но нерешительного и лишенного широкого политического кругозора»*.

Однако Родзянко решил не уезжать из Ставки, не выяснив тревожного вопроса о диктатуре. Во время Высочайшего приема он заговорил с Государем на эту щекотливую тему. Но Государь умел быть непроницаемым. «Какая диктатура?» — спросил Он.

В ответ Родзянко подал Ему копию доклада Алексеева; Государь посмотрел на него и равнодушно лишь заметил:

«Да, у Меня в делах есть такая бумага».

Встревоженный Родзянко снова пустился в критику проекта. Государь, выслушав его внимательно, спросил:

«Что же вы посоветуете сделать для упорядочения тыла?»

Тут Родзянко набрался храбрости; настал момент рискнуть главным козырем.

«Ваше Величество, — ответил он с пафосом, — я могу предложить Вам один выход из создавшегося положения: дайте ответственное министерство. Вы только расширите права, которые Вы уже дали конституцией, но власть Ваша останется незыблемой. Только ответственность будет лежать не на Вас, а на Правительстве, а Вы по-прежнему будете утверждать законы, распускать законодательные учреждения и решать вопросы войны и мира».

Если бы Родзянко обладал хотя бы крупицей государственного разума, он, конечно, этой фразы не произнес бы. Он должен был бы знать, и его личные доклады у Государя могли бы его в этом убедить, что Император Николай Второй, больше чем какой-либо из Монархов, был глубоко проникнут чувством Своей жертвенной ответственности перед Богом за Россию и за Свой народ и что ничто не было Ему более чуждо и оскорбительно, чем легкомысленное предложение сложить с Себя, ради личного спокойствия, эту ответственность, сохранив Себе лишь блеск и выгоды Царского положения. Впоследствии, в трагические псковские дни, Государь высказал ген. Рузскому Свои взгляды на этот вопрос.

Но теперь Он не стал пытаться пробить толстую, непроницаемую оболочку самодовольного непонимания Родзянко. Он

---

* *Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив Русской Революции. Т. XVII. С. 129.

хотел только выяснить, как далеко зашло честолюбие председателя Думы.

Внимательно выслушав его, Государь ответил:

«Хорошо, я подумаю, — и прибавил: — а кого бы вы порекомендовали в председатели Совета министров?»

У Родзянко, конечно, был давно заготовленный кандидат на этот высокий пост: он сам. Но говорить об этом было рано. Он назвал адмирала Григоровича, давно находившегося на поводу у оппозиции. Затем, разойдясь, Родзянко рискнул посоветовать и другое министерское назначение: товарища председателя Государственной Думы Протопопова. Таким образом, Родзянко надеялся ввести в Правительство своих людей, которые и поведут политику оппозиции.

Вскоре после возвращения в Петроград, неутомимый председатель Государственной думы снова выехал на Юго-Западный фронт, к главнокомандующему Брусилову. На этот раз его сопровождали два лица, депутат Маклаков и некий Терещенко, безцветный, но богатый и снедаемый честолюбием молодой человек, из киевских сахарозаводчиков, купивший заранее, как говорили, министерский портфель в будущем революционном правительстве за пожертвование в пять миллионов рублей.

Эта депутация, с Родзянко во главе, по-видимому быстро поладила с Брусиловым, как это видно из последующих действий этого генерала, который, изменив Царю, изменил также и Временному правительству, перекинулся к большевикам и умер в Москве в высоких красных должностях. Наконец, в течение лета 1916 года заговорщикам удалось снова вытянуть ген. Рузскаго, который получил командование Северным фронтом. Это назначение имело решающее значение для дальнейшего хода событий и, быть может, для судеб России.

Действительно, будь в марте месяце в Пскове, где был штаб фронта, вместо предателя Рузского, верный присяге главнокомандующий, Государь нашел бы у него поддержку и не произошло бы изменою вырванное отречение.

Наконец, и колеблющийся Алексеев решился примкнуть к заговору. У начальника штаба Главковерха оказались впоследствии защитники и заступники, преимущественно из среды генералов Ставки; и ген. Лукомский, и ген. Тихменев воздают ему хвалу и оправдывают его перед судом истории. Напрасные старания! Мы имеем убийственное для ген. Алексеева свидетельство гр. П. Н. Апраксина, которому ген. Н. И. Иванов рассказывал

5 октября 1916 г., как Алексеев предлагал ему войти в заговор. Когда же Иванов отказался от этого предательства, то Алексеев, дабы предупредить доклад об этом Государю, сам тотчас же отправился к Нему и, продолжая лицемерно играть перед Царем роль безхитростного, но преданного слуги, сумел до того очернить ген. Иванова, представив его в облике какого-то беззастенчивого клеветника, что возмущенный Государь на другой же день перестал разговаривать с Ивановым и даже его замечать, к великому огорчению старика*. Но несправедливость, хотя бы и невольная, была настолько чужда благородной душе Государя, что, несмотря на Свое доверие к словам Алексеева, Он все же вернул Иванову Свою милость и, как будет сказано дальше, именно его выбрал для ответственного поручения.

В январе 1916 г. кн. Львов и московский городской голова Челноков были вызваны в Ставку на совещание по продовольствию армии. Здесь и произошел решительный разговор между ген. Алексеевым и великим конспиратором кн. Львовым. Пока Челноков являлся к Государю и совещался о продовольствии, т. е. делал то дело, за которым приехал, кн. Львов все время сидел в вагоне; у него был Алексеев, с которым он вел с глазу на глаз беседу в течение часа, как тогда же отмечает в своем дневнике С. Мельгунов. Но еще с конца 1915 года, в Ставке, с легкой руки начальника штаба Главковерха, началась исподволь подготавливаться измена Царю.

В этот заговор, конечно, был посвящен сперва только тесный круг доверенных Алексееву лиц, но все же слухи о нем просочились довольно быстро наружу. 9 ноября Лемке записывает в свой дневник: «Очевидно что-то зреет... Недаром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удается узнать, а часто даже и фамилию не установишь. Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли, что-то у него есть, связывающее его с ген. Крымовым именно на почве политической, хотя и очень скрываемой деятельности»; через некоторое время Лемке опять записывает: «Меня ужасно занимает вопрос о зреющем заговоре. Но узнать что-либо определенное не удается. По некоторым обмолвкам Пустовойтенко видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кое-кто»**.

---

*Факт, приведенный гр. П Н. Апраксиным в его замечаниях к настоящей книге.

** *Мельгунов С.* На пути к дворцовому перевороту. С. 98.

План заговорщиков вначале был весьма туманным, все разговоры вертелись вокруг «ответственного министерства» согласие на которое нужно вырвать у Царя; но препятствием являлась Императрица, твердо и непоколебимо стоящая на страже Монархии; Ее решено было удалить, хотя бы насильственно. Об этом говорят открыто в армии и в салонах; об этом пишет кн. Юсупова. Но Алексеев слишком хорошо знал рыцарский характер Государя, чтобы допустить, хотя на одно мгновение, что Он может примириться с ссылкой Императрицы в Крым и вообще пойти с заговорщиками на какой-либо компромисс. И потому в течение лета 1916 в Ставке идут совещания, в которых обсуждается уже возможность низложения Государя*.

В конце 1916 года военный заговор созрел настолько, что он уже перестал составлять тайну для общественного мнения. О нем совершенно открыто говорили и в Ставке и в столичных салонах. В декабре Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, встревоженная доходящими до нее сведениями, послала своего секретаря В. В. фон Мекк предупредить Императрицу о готовящейся измене генералов**.

Но «штатские» все еще трусили и ни на что не решались. В сентябре 1916 г. на тайном совещании у М. М. Федорова собираются представители радикального дворянства и буржуазии: Родзянко, Милюков, Шидловский, Шингарев, Годнев, Вл. Львов, Некрасов, Терещенко и Гучков. Настроение у всех тревожное; из разговоров выясняется, что ни у кого нет охоты действовать, но что все хотят воспользоваться революцией, кем-то другим поднятой. Пусть кто-то строит баррикады и умирает на них; «после стихийной анархии и уличных волнений настанет момент организации новой власти, и тут придет наш черед, как людей государственного опыта, которые, очевидно, будут призваны к управлению страной».

Так, по словам Гучкова, рассуждали будущие февральские деятели. Он держался другого мнения. «Мне кажется, господа, — заявил тогда он, — что мы ошибаемся, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполнят революционное действие, а какие-то другие будут призваны для создания верховной власти. Я боюсь, что те, кто будут делать революцию, сами станут во главе этой революции»***.

---

*Там же. С. 99.

** Из замечаний гр. П. Н. Апраксина к настоящей книге.

*** Из воспоминаний А. И. Гучкова // «Последние Новости». № 5647. 9.9.1936.

Гучков знал, что он говорил, и его ставка была не на штатских, а на военных.

Царило убеждение, что во главе заговора стояли Родзянко и английский посол Бьюкенен и что самый переворот должен был быть совершен офицерами гвардии. К Родзянко стали постоянно обращаться жаждущие «сенсаций» с нескромными вопросами, а «представители высшего общества» наперебой выражали ему сочувствие и подбодряли его «взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию», т. е. изменить Царю и Родине.

Польщенный, но трусивший Родзянко, не отрицая переворота, отрицал свое в нем участие. «Я ни на какую авантюру не пойду, — уверял он, — как по убеждению, так и в силу невозможности впутывать Думу в неизбежную смуту. Дворцовые перевороты не дело законодательных палат, а поднимать народ против Царя — у меня нет ни охоты, ни возможности». Родзянко не точно выражался: охота у него была, но смелости не было. Дом его сделался настоящим штабом революции, куда заговорщики съезжались под покровительством парламентской неприкосновенности.

В начале января 1917 года Родзянко собрал у себя главарей движения; предстояло сговориться окончательно с представителем военных генералом Крымовым, приехавшим специально с фронта. Перед собравшимися заговорщиками ген. Крымов держал «пламенную» речь, требуя от имени армии немедленного государственного переворота. Только переворот этот должна была совершить Государственная дума... а армия ее поддержит.

Крымов замолк и несколько секунд все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев: «Генерал прав, переворот необходим... но кто на него решится?»

Шидловский с озлоблением сказал:

«Щадить и жалеть Его нечего, когда Он губит Россию».

Многие из членов Думы соглашались с Шингаревым и Шидловским; поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова: «Если придется выбирать между Царем и Россией — я пойду за Россией»*.

Так во время войны, в квартире председателя русского парламента, камергера Родзянко говорили о своем Государе и Верховном Главнокомандующем представители «цвета общества»:

---

* *Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив Русской Революции. Т. XVII. С. 158.

генералы, дворяне, члены Думы и, наконец, «именитый» купчик Терещенко, который в своем стремлении перещеголять «хороших господ» так разошелся в своем революционном жаре и оказался столь «красным» и резким, что испугал самого Родзянко. В действительности, последний чувствовал себя несколько смущенным; представляя себе переворот, как дело армии, он мечтал только извлечь из него, без риска, наибольшее удовлетворение для своего болезненного честолюбия. Между тем, он чувствовал себя постепенно лично втянутым в опасное и рискованное дело, которое могло окончиться Шлиссельбургом или Сибирью.

На требования Крымова и наиболее рьяных заговорщиков он растерянно возражал:

«Я никогда не пойду на переворот... я присягал... прошу вас об этом в моем доме не говорить... Если армия может добиться отречения, пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждением, а не насилием»... и т. д.

Любопытно отметить ту осторожность, с которой обе группы заговорщиков: военные и штатские, пытались друг на друга свалить инициативу и ответственность предстоящего переворота. «Начинайте, и мы вас поддержим», — говорил Крымов; «нет, пусть армия добивается отречения», — отвечал Родзянко. В этом сплетении интересов трудно было уже определить, где кончалась измена Монарху и начиналась измена Отечеству, где кончался страх перед полицией и начиналось недоверие заговорщиков друг к другу.

Как это всегда бывает, когда в одном деле участвуют различные честолюбия и интересы, революционная общественность, стремясь к общей цели, делилась на несколько конкурирующих между собой группировок.

Были группы «буржуазной» оппозиции; «первую из этих групп составляют руководящие "дельцы" парламентского прогрессивного блока, возглавляемые перешедшим в оппозицию и упорно стремящимся "к премьерству" председателем Государственной думы, камергером Родзянко», — доносил 6 января 1917 г. начальник Петроградского охранного отделения ген. Глобачев*.

«Во главе второй группы, — указывается в том же докладе, — действующей пока законспирировано и стремящейся во что бы

* *Блок А.* Последние дни старого режима // Архив Русской Революции. Т. IV. С. 15–16.

то ни стало выхватить будущую добычу из рук представителей думской оппозиции, стоят не менее жаждущие власти А. И. Гучков, князь Львов, С. Н. Третьяков, А. И. Коновалов, М. М. Федоров и некоторые другие»; группа эта, «скрывая до поры до времени свои истинные замыслы, самым усердным образом идет навстречу первой».

Думская группа с Родзянко проектировала инсценировку «народных» волнений в Петрограде, во время которых депутация от рабочих должна была явиться в Государственную думу с выражением «категорической решимости поддержать Думу в ее борьбе с ныне существующим Правительством». Таким образом могла бы образоваться новая власть, опирающаяся на какое-то законное основание: волю народа.

Гучковцы же не верили в народные выступления и рассчитывали только на «неизбежный в самом ближайшем будущем дворцовый переворот, поддержанный всего навсего одной-двумя сочувствующими воинскими частями».

Впоследствии, когда при дружных усилиях обоих течений революция одержала успех, гучковская группа сняла маску и весьма безцеремонно устранила Родзянко от всякого участия в делах.

Может показаться странным, что столь раздробленные силы, столь различные программы, такие сталкивающиеся интересы оказались в итоге способными свалить без особого труда Русского великана. Конечно, в это время, великан этот был уже «на глиняных ногах», но и в таком случае все же требовалось такое большое усилие, которого от подобных разношерстных элементов трудно было ожидать.

Но если мы отойдем от деталей и взглянем на общую картину событий, то сейчас же увидим в ней совершенно явную планомерность; кажущаяся суетливость отдельных групп приобретает вполне рациональный характер; честолюбивые, эгоистические поступки некоторых политических деятелей оказываются, быть может негаданно для них, направленными к общей цели. Неожиданно выплывают и столь же быстро исчезают временные кумиры, каждый остается на политической сцене не столько, сколько он того жаждет, а сколько ему это кто-то позволяет.

Эта гармонизация казавшейся хаотичной картины зависит от палочки невидимого дирижера: международного масонства. Вопрос этот чрезвычайно важный и требовал бы специального исследования. Но и того, что мы знаем, достаточно, чтобы рассеять всякие сомнения относительно существования «закулис-

ной» стороны русской революции, многим из ее деятелей, быть может, в то время и неизвестной.

Так, например, внезапное появление Керенского в рядах Временного правительства обычно приписывается случаю, неожиданному давлению со стороны вновь образованного Совета солдатских и рабочих депутатов, малодушию комитета Государственной думы. Все эти причины действительны, но только внешние.

Правда, о Керенском никто, казалось бы, и не думал раньше, а между тем он предназначается с самого начала на большую роль.

Действительно, в книге XXVI «Красного архива» опубликован загадочный документ, найденный большевиками среди бумаг Гучкова; документ этот озаглавлен: диспозиция № 1, подписан «Комитетом народного спасения», датирован 8 сентября 1915 г. и предусматривает подробную организацию переворота во главе с ее ячейкой, состоящей из кн. Львова, Гучкова и Керенского!

Заметим, что в это время не только Керенский, но и кн. Львов не считались серьезными кандидатами в революционные премьеры. Великим фаворитом был и остался до конца 1916 г. Родзянко, который, также внезапно, заменяется кандидатурой кн. Львова. Наконец, еще одно обстоятельство. Керенский утверждал, что с Гучковым он не был знаком до революции, а с Львовым встретился впервые лишь осенью 1916 г. Между тем, все они попадают в первое революционное правительство на предназначавшиеся им издавна роли; сыграв эти роли, они, волею или неволею, уходят или, вернее, кем-то смещаются.

Что связало этих трех, незнакомых будто бы между собой лиц? На этот вопрос мы находим ясный ответ в журнале «La Franc-maçonnerie démasquée» (10 et 25 décembre 1919); в «Русском Знамени» (от 25 января и 8 февраля 1912) и в «Земщине» (от 18 января 1912): Гучков, Львов и Керенский принадлежали к масонству и, следовательно, получали от него директивы. На это указывают также и ген. А. М. Нечволодов и радикальный писатель С. Мельгунов.

Но столь законспирированная «тройка» работает не изолированно; через Керенского — она связана с вполне явной «пятеркой», состоящей из того же Керенского, Терещенко, Некрасова, Коновалова и Ефремова. «Из всех перечисленных лиц только Коновалов мог быть не масоном, но логически приходится за-

ключить, что и он принадлежал к составу масонского ордена 1915 года», — замечает Мельгунов.

Наконец, из недавно появившихся воспоминаний Гучкова мы узнаем об образовании еще одной «тройки», состоящей из Гучкова, Некрасова и Терещенко.

Из этих бесспорных данных выясняется постепенно то общее очертание заговора, который казался с первого взгляда разделенным на отдельные независимые кружки. Замечательно, что Временное правительство образуется именно из этих масонских «троек» и «пятерки». Родзянко, не входящий в них, не войдет и в Правительство. Неясно участие Милюкова в этих организациях, но вся его карьера показывает, что он был всегда в услужении у масонов, а не среди их главарей. Проф. Милюков, человек не идейный, не мог быть надежным конспиратором; он и во Временное правительство войдет не как хозяин, а как исполнитель.

Как это ни странно, но центральной фигурой этих организаций, по масонской линии, нужно считать сравнительно мало известного и скромного Некрасова. Этот инженер, с простоватой внешностью дюжего, краснощекого деревенского парня, был выдвинут кадетами в товарищи председателя Государственной думы; он и является, в действительности, связующим звеном между всеми группами; мало того — он, главным образом, вербует новых крупных заговорщиков, переговаривается с Астровым, с Шульгиным, с Маклаковым и добивается от Гучкова более активных действий; впоследствии, когда сметаются деятели «первого призыва» кн. Львов, Милюков, Гучков, — Некрасов остается при всех комбинациях, составляет вместе с Керенским и Терещенко, пресловутую директорию, а когда и эти исчезают, Некрасов все еще остается, на этот раз уже у большевиков*.

Наконец, в тройке Гучкова-Некрасова-Терещенко вырабатывается окончательный план. «Представлялись три конкретные возможности, — рассказывает Гучков в своих воспоминаниях, — первая — захватить Государя в Царском Селе или в Петергофе. Выполнение этого плана было сопряжено со значительными затруднениями... Другая возможность — захватить Государя в Ставке»... И здесь, по мнению Гучкова, встречались препятствия. «Поэтому мы остановились на третьей возможности —

* Роль масонства в русском развале не кончилась с революцией. Эта роль, весьма активная, продолжается в эмиграции при преступном попустительстве «общественности». (См. 1-е приложение к главе II).

захват Царского поезда на пути между Петроградом и Ставкой. Изучив маршруты Царских поездов, мы выяснили, какие воинские части расположены вдоль пути и остановились на нескольких участках железной дороги, вдоль которой были расположены гвардейские кавалерийские части. Вот среди офицерства этих частей мы и стали производить разведку... Мы знали, что гвардейские офицеры, больше чем армейские, проникнуты отрицательным отношениям к Правительству»...* К своей работе Гучков привлек еще одного ценного сотрудника, князя Д. Л. Вяземского, «человека вдумчивого, с большим благородством души». Этот «окопавшийся» в должности уполномоченного отряда Бегового общества князь находил, что «на высших классах общества, пользующихся в России привилегиями, лежит сугубая обязанность спасти ее от того управления, которое ведет ее к гибели». Иначе говоря, сделать революцию.

Чем князь Вяземский был особенно «ценным человеком» для заговорщиков, кроме своей «вдумчивости» и «благородства души»?

«Во-первых, — поясняет Гучков, — он не находился под наблюдением, как мы все, а, во-вторых, имел большие связи в кругах гвардейского офицерства. Ему поручено было выяснить настроения офицерства запасных частей, стоявших на охране дороги, а также привлечь к нашему заговору каких-либо военных из высшего офицерского состава».

И князь с «благородной душой» едет уговаривать офицеров изменять присяге. И не без успеха. «Вяземский вскоре привлек в нашу группу одного ротмистра, а затем он и Терещенко отправились на фронт вербовать заговорщиков в тех гвардейских полках, запасные части которых были расположены между Петроградом и Ставкой на жел.-дор. путях, а ротмистр, получивший назначение в запасном эскадроне, начал там свою работу»**.

Молодые гвардейские офицеры легко шли на эту «работу», но «среди более высокого офицерства» заговорщики встречали «атмосферу сочувствия, но отказ от прямого ответственного участия в деле».

С одним видным военным, близким к придворным кругам, князь Вяземский имел совершенно откровенный разговор, сообщив ему план «захвата» Государя. «Видный военный» отнесся к

---

*Из воспоминаний А. И. Гучкова // «Последние Новости» № 5647. 9.9.1936.

**То же // «Последние Новости» № 5651. 13.9.1936.

этому весьма сочувственно, но одновременно наотрез отказался от активного участия в заговоре. «Не знаю, действовали ли тут привычная лояльность, связанная с присягой на верность Царю, или просто страх ответственности или кары», — недоумевает Гучков.

В этих воспоминаниях, пропитанных насквозь лицемерием, Гучков ясно старается «выгородить» генералов, сваливая всю ответственность за предательство на более молодое офицерство. Но установить, где кончается «сочувствие» и начинается действительное «участие», конечно, невозможно. Тут играла роль не верность присяге, ибо эта присяга обязывала господ генералов, к которым обращались заговорщики, тотчас же их велеть арестовать и предать в руки военного правосудия; генералы просто опасались за свое положение: а вдруг переворот не удастся? И потому, если Ставка и была готова на измену, то другие высшие чины армии могли, действительно, колебаться.

По плану, составленному «тройкой», при содействии предателей из состава гвардейского офицерства, Царский поезд должен был быть остановлен ночью и от Государя было бы потребовано отречение в пользу Наследника Цесаревича. А если бы Государь отказался подписать это отречение? На этот вопрос в то время ответ был ясен: Государя умертвили бы так же, как другие генералы и офицеры гвардии убили Императора Павла I, тоже отказавшегося отречься; не один ли из заговорщиков «тройки» Терещенко проповедовал именно цареубийство на совещании у Родзянко и не другой ли заговорщик, октябрист Шидловский кричал на этом же совещании, что Государя «нечего щадить»?

Но после провала революции, после Екатеринбургского злодеяния, после гибели национальной России уцелевшим заговорщикам, перешедшим на беженское положение, уже невозможно было ни кичиться цареубийством, ни даже признаваться в этом намерении. Они могли бы промолчать, но тяжкая ответственность, которую эти люди понесли перед русским народом, побудила их прибегнуть к жалкому лепету оправдания.

И вот на вопрос, как заговорщики поступили бы с Государем, если бы Он отказался отречься, Гучков отвечает: «Признаться мы об этом не думали, ибо крепко верили в то, что предпринятое нами дело осуществится именно так, как мы того хотели. Во всяком случае, мы были далеки от мысли о возможности пролития крови».

Отвратительное и трусливое лицемерие! Кто поверит, что эти политические деятели и конспираторы могли бы «не подумать» о том, как поступить, если бы их предательское дело не удалось!

Но воздействие на высших чинов армии дало вскоре более реальные результаты. Их «сочувствие» перевороту сменилось согласием активного в нем участия. В связи с этим и самый план захвата Царского поезда значительно упрощался, и роль «ротмистров» отходила на второй план.

В самом начале ноября кн. Львов послал к ген. Алексееву в Ставку доверенное лицо, чтобы окончательно сговориться о назначении времени для предстоящего переворота. Алексеев молча выслушал слова эмиссара, подошел к стенному календарю и стал отрывать листки один за другим, пока не остановился на дате 30 ноября. Тут он сказал: «Передайте кн. Львову, что все, о чем он просил, будет выполнено»*.

Однако с делом вышла задержка. Через несколько дней после этого знаменательного разговора ген. Алексеев сказался больным и уехал на лечение в Крым, сдав должность ген. В. И. Гурко. Была ли эта болезнь настоящая, «медвежья» или «дипломатическая», трудно сейчас сказать; вероятно, в решение генерала входили свойственная ему осторожность и надежда, что как-нибудь дело устроится без него и если оно не удастся, то его отсутствие из Ставки даст ему возможность снять с себя и всякую ответственность в заговоре.

Надежды его, однако, не оправдались, переворот был отложен, и в декабре депутация заговорщиков, с князем Львовым во главе, выехала для окончательных переговоров с Алексеевым, Рузским и Брусиловым. Ген. Алексеев находился в это время в Крыму. Рассказывая впоследствии об этом посещении эмиссаров-заговорщиков, Алексеев уверял, что он отнесся отрицательно к их предложению и даже, будто бы, «просил их, во имя сохранения армии, не делать этого шага»**.

Слова эти дышат лицемерием и ложью. Тяжкая ответственность, которую несет перед историей Алексеев, несомненно, побудила его искать оправдания в искажении истины.

Мы привели выше неопровержимые доказательства предательства Алексеева. Но и помимо них, не очевидно ли, что если бы он действительно не участвовал в заговоре, то при первых же словах эмиссаров он приказал бы их немедленно арестовать; если бы у него даже не хватило смелости выполнить этот долг присяги, то он, по крайней мере, предупредил бы Государя о готовящемся против него злодеянии. Но Алексеев не только ничего

---

* *Мельгунов С.* На путях к дворцовому перевороту. С. 98.

** *Ген. Деникин.* Очерки Русской Смуты. Т. I. Вып. 1. С. 37.

этого не сделал, но в точности выполнил все указания заговорщиков, начиная с возвращения в Ставку, где присутствие его заместителя, генерала Гурко, верного Государю, являлось непреодолимым препятствием к выполнению заговора.

Таким образом, вопрос близился к разрешению и главари оппозиции, в ряде совещаний, стали намечать уже состав будущего революционного правительства. И тут тщеславный Родзянко понес первое из тех горьких разочарований, которые с этого момента преследовали его до самой смерти. При обсуждении кандидатур на пост будущего премьера собрание, по настоянию Милюкова, связанного с Гучковской группой, остановилось не на Родзянко, а на кн. Львове. С другой стороны, стремясь заручиться поддержкой крайних левых, а также дать залог миролюбия Германии, заговорщики решили предоставить портфель также и лидеру социалистов-революционеров, пораженцу и циммервальдцу Керенскому.

Все меры были, наконец, приняты. Паутина измены, которая сплелась вокруг Монарха, была готова в нужный момент Его опутать и принудить к бездействию.

5. Накануне катастрофы

Ни Государь, ни Его Правительство не могли, конечно, не знать того, что стало уже достоянием толпы. Наступил для власти тот момент, когда нужно было или действовать, или сдаться без боя.

И, действительно, стали циркулировать в городе слухи о предстоящих решительных мерах со стороны Правительства, о роспуске Думы и даже об аресте главных вожаков оппозиции. Говорили также, что министр внутренних дел Протопопов распорядился вооружить полицию пулеметами. Этот слух особенно встревожил заговорщиков, так как полиция, верная присяге и хорошо вооруженная, легко могла бы справиться со всякими «народными» волнениями и даже и с возможным выступлением распропагандированных воинских частей, состоящих, по большей части, из запасных.

Комиссия по государственной обороне, обратившаяся в нечто вроде штаба революции, потребовала разоружения полиции; она настаивала даже, но генерал Беляев категорически отказался это сделать.

Робкий Родзянко почуял приближение грозы. Питая весьма небольшое доверие к своим сообщникам, он бросился за помо-

щью к дворянству. 3 января, вызванные его телеграммой, спешно приехали в Петроград из Москвы председатель общедворянского объединения Самарин, оба вице-председателя, князь Куракин и Карпов, и московский губернский предводитель дворянства Базилевский. Лица эти, к которым присоединился петроградский губернский предводитель дворянства Сомов, собрались у Родзянко и, выслушав его тревоги и опасения, порешили, что в случае роспуска Думы и ареста ее председателя, представители дворянства «возьмут на себя защиту достоинства и чести России». Странная иллюзия представителей класса, некогда считавшегося правящим, но давно растерявшего свое историческое наследие и государственное значение. Впрочем, и другие главари, кн. Львов, Коновалов, Челноков, также поспешили принести Родзянко выражение своей «нравственной» поддержки*.

Игра принимала опасный оборот. Стоит Государю решиться нанести оппозиции сокрушительный удар, приказать арестовать зачинщиков, обратиться с манифестом к народу — и все может еще измениться, заговор рушится, Престол укрепляется, война продолжается до победного конца. Но решится ли Государь? Узнать о намерениях Монарха Родзянко трудно, в приеме ему может быть отказано, как уже дважды случилось. Вместо него поехал в Царское сообщник революции, английский посол Бьюкенен, который и должен был предъявить Государю род ультиматума.

Против обыкновения посла ввели не в Царский кабинет, а в приемную, где Государь принял его стоя, с лицом холодным и непроницаемым.

«Сердце у меня упало, — признается Бьюкенен, — и на мгновение мне пришла мысль отказаться от своего намерения. Император Всероссийский — Самодержец, каждое желание Которого имеет силу закона, а, между тем, я собрался не только не считаться с явно данным мне Им предупреждением, но принять на себя еще большую вину, выйдя из пределов действия посла».

Тем не менее, Бьюкенен, с чисто англо-саксонским самомнением, позволил себе преподать Русскому Императору советы о том, что Ему надлежит делать для управления государством.

«Ваше Величество, — закончил он, — разрешите мне сказать Вам, что Вы имеете перед собою один верный путь: уничтожить преграду, отделяющую Вас от Вашего народа и снова заслужить его доверие». На это наглое заявление Государь, выпрямившись и строго взглянув на посла, ответил:

* О роли А. Д. Самарина см. 2-е приложение к главе II.

«Думаете ли вы, что Я должен заслужить доверие Моего народа или что он должен заслужить Мое доверие?»*

Аудиенция кончилась печально для сэра Джорджа, который вернулся ни с чем. Приходилось Родзянко ехать самому, для чего он просил приема, который и был ему назначен.

Повествования Родзянко носят характер такого наивного хвастовства, что относиться к ним нужно с чрезвычайной осторожностью. Действительно ли он держал себя во время Высочайших приемов столь нагло, как он это рассказывает, или в этом нужно видеть обычное для него стремление возвеличить свою «революционную» роль? Но на этот раз его беззастенчивая дерзость превысила все границы.

По его словам, он начал с обычной жалобы на Правительство и, перейдя скоро к обвинениям против Императрицы, осмелился заявить, что «в стране растет негодование на Императрицу и ненависть к Ней», что «Ее считают сторонницей Германии, которую Она охраняет», и что «об этом говорят даже среди простого народа».

Государь, возмущенный, прервал Родзянко.

«Дайте факты, — сказал Он, — где факты, подтверждающие ваши слова?»

Родзянко на мгновение смутился.

«Фактов нет», — признался он и снова пустился в критику Императрицы, Правительства и самого режима.

Государь слушал молча, подавленный этим злобным недоброжелательством, которое столь упорно преследовало Его даже в самых дорогих Ему чувствах. Прав ли Он был, попытавшись царствовать кротко и милостиво, дав России народное представительство, открыв путь к самым широким реформам? Не переоценил ли Он честь и патриотизм русского «общества», не следовало ли бы Ему прибегнуть к железной строгости, как предок Его, Император Николай I, или отец, Император Александр III?

Он закрыл лицо руками.

«Неужели, — подумал Он вслух, — Я двадцать два года старался, чтобы все было лучше, и двадцать два года ошибался».

«Да, Ваше Величество, — поспешил ответить ничего не понявший Родзянко, — двадцать два года Вы стояли на неправильном пути»**.

---

* *Бьюкенен Д.* Моя миссия в России. Т. II. С. 36–37.

** *Родзянко М. В.* Крушение Империи // Архив Русской Революции. Т. XVII. С. 163.

Революционная общественность пыталась использовать в своих целях и влияние членов Императорского Дома; особенно легко поддавался этой провокации благородный, но слабовольный и простодушный Великий Князь Михаил Александрович. Обработанный Родзянко, Милюковым и главарями заговора, которые собирались сделать из него после отречения Государя призрачного регента, Великий Князь точно передавал Государю те заявления, которые его заставляли учить почти наизусть. 8 января Великий Князь приехал к Родзянко, который не пропустил и на этот раз случая «распропагандировать» Великого Князя Михаила Александровича и, кстати, незаметно продвинул свою собственную кандидатуру. Запугав Великого Князя надвигающейся революцией, председатель Думы указал, что единственным спасением является назначение во главе министерства лица, «облеченного доверием страны». Намек был ясный, Великий Князь его подхватил.

«Таким лицом могли бы быть только вы, Михаил Владимирович, вам все доверяют», –сказал он.

«Что же, если бы явилась необходимость во мне, я готов отдать все свои силы Родине, — ответил с пафосом Родзянко. — Вы, Ваше Высочество, как единственный брат Царя, должны Ему сказать всю правду... Вы должны убедить Вашего Державного Брата»... — не унимаясь, учил он Великого Князя, который уехал вполне готовый поддержать перед Государем все требования, внушенные ему Родзянко*.

Однако, ни выходка Бьюкенена, ни доклад Родзянко, ни вмешательство Великого Князя не произвели, по-видимому, ожидаемого впечатления на Государя; Он, казалось, замкнулся в одно из тех решений, которые Он долго обдумывал и которым Он потом оставался непоколебимо верным. Но какое это было решение?

7 февраля 1917 года Петроградское охранное отделение донесло, что рабочая секция комитета, председательствуемого Гучковым, готовит на 14 февраля серьезные безпорядки в столице. Они приурочивались к плану группы Родзянко и должны были явиться той манифестацией, которая открыла бы Думе возможность взять власть в свои руки. Тотчас же министр внутренних дел Протопопов принял решительные меры безопасности; рабочая секция была арестована и привлечена к ответственности. Вместе с тем столица была изъята из ведения ген. Рузскаго, главнокомандующего Северным фронтом, и подчинена особо назна-

*Там же. С. 161.

ченному генералу Хабалову. Эти решения всполошили революционный муравейник; если Государь решился на борьбу, нельзя было больше медлить. Но прежде было решено сделать последнюю попытку произвести на Него давление.

Родзянко испросил Высочайший прием, который и был назначен на 10 февраля.

Едва Родзянко вошел к Государю, как он понял, что готовится гроза. Царь, всегда столь приветливый, был на этот раз холоден и высокомерен, каким Он умел быть, когда хотел. Подобно Бьюкенену председатель Думы почувствовал, что приготовленные слова замирают на его устах; вместо обычного разговорного изложения он начал читать написанный доклад. Составленный в предвидении другого приема, доклад этот был весьма длинен и заключал резкую критику Правительства, восхваление Государственной думы и даже, удивительная вещь! — опасение, что победа может укрепить режим.

Государь слушал с видимым нетерпением и, наконец, прервал Родзянко:

«Нельзя ли поторопиться, — заметил Он резко, — Меня ждет Великий Князь Михаил Александрович».

Затем, когда Родзянко принялся за свою обычную критику Протопопова, Царь опять резко его остановил:

«Ведь Протопопов был вашим товарищем председателя в Думе, почему же теперь он вам не нравится?»

Трудный вопрос... Мог ли Родзянко ответить, что Протопопов не оправдал ожиданий заговорщиков и предпочел быть верным Царю, а не революции?

«С тех пор как Протопопов сделался министром, он положительно с ума сошел», — сказал он и, перейдя на патетический тон, воскликнул:

«Ваше Величество, нужно же принять какие-либо меры. Я указываю здесь на эти меры; что же Вы хотите во время войны потрясти страну революцией?»

Эта наглая выходка Родзянко положила предел терпению Государя. Он встал и холодно сказал:

«Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроений Думы, то, если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как прошлый раз, она будет распущена».

Жребий был брошен. Родзянко снял маску верноподданного.

«Я считаю своим долгом, Государь, высказать Вам свое убеждение, что этот доклад мой у Вас последний», — заявил он дерзко.

«Почему?» — спросил Государь.

«Потому, что не пройдет трех недель, как вспыхнет революция».

По возвращении в Петроград Родзянко застал на перроне вокзала своего секретаря, некоего Садыкова, недалекого молодого человека, приехавшего встретить патрона. В то время, как Родзянко в придворном мундире проходил мимо начальника станции, последний отвесил ему низкий поклон.

«Вот человек и не подозревает, что видит меня в этом наряде последний раз», — заметил Родзянко Садыкову. Не мог председатель Думы сделать в своих воспоминаниях более ясного признания, что в это время ему точно было известно не только о готовящемся перевороте, но и о времени, в которое он должен был произойти.

Но все это творилось в верхах; народ оставался чужд этой революционной лихорадке правящих классов; однако какая-то глухая тревога стала проникать постепенно и в деревню.

В начале февраля, во время приезда Государя с фронта в Царское Село, дежурному флигель-адъютанту полковнику Мордвинову доложили однажды перед обедом, что прибывший из отдаленной губернии старик-крестьянин настоятельно просит о приеме его Государем и притом немедленно и по весьма важному государственному делу. Мордвинов вышел к позднему посетителю, который на все вопросы, в чем заключается его просьба и что именно он хотел бы передать Государю, отвечал, что хочет видеть Батюшку-Царя по весьма важному для всей Русской Земли делу и что сказать о том никому не может. «И тебе, батюшка, прости, не скажу, хотя ты и доверенный человек, и Великим Князьям, и министрам не скажу, а скажу только Одному Его Царскому Величеству». На доводы Мордвинова, что Государь сейчас занят и что безпокоить Его нельзя, старик заволновался, настаивая, чтобы его допустили к Царю, «а то, может, будет и поздно, и большая беда случится; много народу напрасно погибнет».

Старик внушал доверие. Мордвинов доложил о нем Государю.

«Вот какой упорный, — с добродушной улыбкой ответил Государь. — Но все же сейчас не могу. Вы видите, — и Он указал на целую гору бумаг на письменном столе. — Может быть, потом... Впрочем, попытайтесь еще раз узнать от него, в чем дело. Скажите ему, что Я вам это поручил, а потом передайте Мне его просьбу за обедом».

Выслушав Мордвинова, старик долго колебался, пытливо смотрел на него и вдруг, таинственно наклонившись к его уху, хотя никого другого в комнате не было, отрывисто и волнуясь зашептал: «Задумано злое дело... хотят погубить Батюшку-Царя, а Царицу и Деток спрятать в монастырь... Сговаривались давно, а только решено это начать теперь... Самое позднее через три недели начнется... Схватят сначала Царя и посадят в тюрьму, и вас всех, кто около Царя, и главное начальство также посадят по тюрьмам... Только пусть Батюшка-Царь не безпокоится... Мы Его выручим, нас много»...

Напрасно Мордвинов пытался расспросить старика подробнее; на все вопросы ходок все так же таинственно повторял: «Они задумали, по всей России они ездят, и к нам приезжали сговариваться, говорили пора начинать... Не сомневайся, верно говорю... Как наши узнали, так сейчас меня и послали. Я, как в чем был, сел на машину... три дня ехал, торопился»...

За обедом Государь казался еще более грустным и озабоченным, чем обыкновенно за последнее время. Выслушав рассказ Мордвинова, Он заметил: «Ах, опять о заговоре, Я так и думал, что об этом будет речь, Мне и раньше уже говорили. Добрые, простые люди все безпокоятся... Я знаю, они любят Меня и нашу Матушку-Россию и, конечно, не хотят никакого переворота. У них-то уж наверно более здравого смысла, чем у других»...*

Таким образом, медленно, упорно просачивалась в крестьянской массе мысль об измене «господ» Царю; мысль, чреватая грозными последствиями, подготовившая, после революции, внезапное крушение русского фронта и отказ армии сражаться за новых самозванных хозяев Земли Русской, предавших родину и Царя.

22 февраля Государь, пробывший несколько дней в Царском Селе, выехал снова в Ставку. В этот день Императрица чувствовала себя нервной, подавленной, встревоженной мрачными предчувствиями. В момент прощания, не в силах скрыть Своего горя, Она разрыдалась. Государь Ее успокаивал, утешал, обещая скоро вернуться. Потом, под трезвон колоколов Феодоровского Собора, Царский автомобиль выехал из дворцовых ворот, увозя в последний раз Императора Всероссийского.

---

* *Мордвинов А.* Отрывки из воспоминаний // Русская Летопись. Кн. V. С. 69.

Глава III

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ*

1. Первые безпорядки

Едва успел Государь покинуть Петроград, как, по какому-то таинственному сигналу, сразу на нескольких заводах начинаются забастовки. Среди рабочих шныряют какие-то подозрительные личности, создавая панику самыми невероятными слухами: столица останется без хлеба, транспорт затормозился, скоро начнется голод. Тотчас же толпы перепуганных людей приступом берут булочные; весь имеющийся хлеб раскупается нарасхват; недоумевающие булочники с ужасом смотрят на свои опустошенные лавки, куда продолжает ломиться толпа. На самом же деле в Петроград в это время имеется в запасе более полумиллиона пудов муки, количество достаточное для прокормления населения в течение двенадцати дней. К тому же снабжение столицы продолжается без перерыва и оснований для каких бы то ни было опасений нет; главный начальник Петроградского военного округа ген.-лейт. Хабалов на другой день, 24 февраля, расклеивает об этом объявление на стенах.

Заявление это успокаивающе действует на желудки, но не на головы. Темные люди, появляющиеся из подполья только в тревожные дни, снуют повсюду, сея ненависть, натравливая чернь на полицию. Торопливые руки тщетно пытаются выламывать булыжники с замерзшей мостовой и, за неимением камней, засыпают кусками отколотого льда безпомощную полицию. Да, безпомощную, ибо она ни от кого не получает распоряжений, и толпа инстинктивно чувствует, что за этим грозным символом власти — осталось пустое место.

Что же делают министры, главный начальник округа, генералы? Что делают все те, кому, уезжая, Государь поручил столицу? В течение этих трагических дней они не перестанут безконечно совещаться, гонимые мятежом из одного дворца в другой, в дли-

---

* История этих роковых дней изложена весьма объективно А. Блоком, который, по поручению Временного правительства, составил сводку, в хронологическом порядке, показаний, данных разными лицами Чрезвычайной комиссии, составленной для следствия над бывшими министрами. Эта сводка появилась в т. IV «Архива Русской Революции» под названием «Последние дни старого режима». Часть сведений, приведенных в настоящей главе, заимствована из этой сводки.

тельной агонии малодушной власти, не имеющей ни сил защищаться, ни мужества погибнуть с честью.

24 февраля, когда мятеж выражается еще только в хулиганствах толпы на Невском, совещаются и у ген.-лейт. Хабалова, совещаются и в Мариинском дворце. К какому же решению приводят эти безконечные разговоры? Поручить снабжение столицы городской думе и вызвать кавалерийский полк. И это все! Наружно все еще относительно спокойно. Только кое-где замечаются волнения, как те приступы лихорадки, которые повторяются от времени до времени в больших городах. Завтра, наверное, все пройдет безследно. Все же в городе царит глухая тревога и тоска сжимает сердца, как это бывает перед большой бедой.

Французский посол едет на концерт по безлюдным улицам и входит в почти пустой зал; приехавшая с ним дама резюмирует свои впечатления в пророческой фразе: «Мы, может быть, присутствуем при последнем вечере этого режима».

Однако в толпе, заполняющей на другой день с утра улицы, совершенно незаметно еще мрачного, революционного одушевления. Сегодня бастуют, значит праздник, и густая толпа гуляющих чинно ходит взад и вперед по тротуарам Невского. Самое же действие разыгрывается посреди улицы на мостовой; там собираются кучки людей, затеваются манифестации под предводительством юношей с крючковатыми носами и курчавыми волосами. А толпа любопытна, как всякая толпа. Будет ли укротитель разорван на части, или загонит бичом зверя в клетку?

Но с каждым часом толпа делается гуще, заливает мостовую, идет вслед за манифестантами, возвышает и свой голос. Кто-то бросает ручную гранату в солдат, где-то стреляют, кричат... Один полицейский пристав ранен, другой убит на Знаменской площади. Уже нет ни гуляющих, ни манифестантов, все смешалось в бурное море, где волны вздымаются все выше и выше. Немного мужества и энергии и все может быть еще спасено!

Изнервничавшиеся в этой грозовой обстановке войска, чувствуя свое позорное безсилие, теряют терпение и готовы перейти на сторону мятежников. Но только бы услышать приказание стрелять, и снова окрепнут их сердца, защелкают ружейные затворы и мятеж рассеется как дым.

Между тем, единственно, что безпокоит военного министра генерала Беляева в данную минуту, это «тяжелое впечатление, которое произведет на наших союзников вид трупов на Невском». Во что бы то ни стало надо избавить от этого тяжелого зрелища

столь чувствительные нервы иностранных дипломатов. Главное, не надо пускать в ход оружие. Впрочем, генерал Хабалов и не нуждается в таких советах благоразумия. Можно думать, что его хватил внезапный паралич воли. Он колеблется, виляет, упускает драгоценное время. И только в 4 часа 40 минут, наконец, решается известить о происходящем Ставку шифрованной телеграммой. В то же самое время министр внутренних дел Протопопов посылает дворцовому коменданту генералу Воейкову подобное же донесение, оканчивающееся следующими успокоительными словами: «Прекращению дальнейших безпорядков принимаются энергичные меры военным начальством. Москве спокойно».

Это ложь, никаких мер не принято; обманули министра, обманывают и Государя.

Но Государь, с тем даром предчувствия, который нередко удивлял окружающих, казалось, угадывает правду, таящуюся за безпечным тоном телеграммы. Он приказывает телеграфировать Хабалову: «Повелеваю завтра же прекратить в столице безпорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».

«Прекратить безпорядки», — не есть ли это ожидаемый ответ на рапорт главного начальника округа? Но Хабалов потрясен. Он сразу поставлен в необходимость либо действовать, либо ослушаться Государя.

В 10 часов вечера он созывает у себя начальников частей и читает им Высочайшую телеграмму. Завтра остается лишь применить закон: после трех предупреждений — стрелять. Ночью министры собираются у своего председателя. Небывалое в истории заседание Совета, где, кроме министра внутренних дел, министра юстиции и обер-прокурора Святейшего Синода, все объяты одним желанием: уйти, бежать, исчезнуть, отказавшись от своих портфелей. И как волнуются они, узнав, что по приказанию министра внутренних дел арестовано около ста самых опасных зачинщиков. «Какая неосторожность, как посмел он это сделать, не спросив нас!»

Обсуждаются различные меры. Распустить думу, этот очаг интриг? Объявить осадное положение? Нет, лучше пойти на уступки, протянуть время, обратиться к посредничеству председателя Думы и лидеров оппозиции. Это капитуляция. Нерадивые пастыри поручают свои стада волкам, которые их и растерзают.

На другой день, в воскресенье, 26 февраля, генерал Хабалов приказывает расклеить объявление о том, что войска применят

оружие против нарушителей порядка. Это не мешает бандам хулиганов и фанатиков забрасывать камнями солдат, которые отвечают выстрелами. На мостовой лежат убитые и раненые. Эта попытка противодействия со стороны властей безпокоит лидеров оппозиции, которые все еще воображают, что они распоряжаются огромной манифестацией, предназначенной для запугивания Царя. Они понимают, что нескольких метких пуль достаточно, чтобы вся их предательская затея лопнула, как мыльный пузырь.

Поэтому председатель Думы Родзянко с утра суетится, стараясь парализовать отпор Правительства, — он бежит к одному из министров, Риттиху, вытаскивает его из кровати, везет с собой к военному министру, звонит по телефону Хабалову: «Зачем проливать кровь?» — восклицает Родзянко. «В войска бросали гранаты? Неправда, гранату бросил городовой! Достаточно приказать полить толпу из пожарной кишки, чтобы она разбежалась и все успокоилось». К тому же он находит, что вся комедия длилась достаточно долго. Пора уже использовать ее результаты, прежде чем Правительство успеет опомниться.

И Родзянко посылает Государю следующую телеграмму: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит безпорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое Правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца».

Как видно, эта телеграмма очень ловко составлена. Эти отрывочные, взволнованные фразы должны пробудить в Царе все возрастающую тревогу, страх ответственности и желание переложить эту ответственность на того, чье имя ясно подсказывается: на самого Родзянко.

Впрочем и сам председатель Думы опасается открытого разрыва с законностью и предпочитает получить власть из рук Государя, чем «по воле народа».

Тем временем столь неосторожно зажженный пожар все разгорается. Около 4 часов дня рота запасного батальона Павловского полка делает попытку взбунтоваться. Этих запасных, которым в сущности просто хочется вернуться к себе домой, удается успокоить словами. Но это грозный, страшный признак начи-

нающегося в войсках брожения. Правительство понимает это и к вечеру решается принять две важные меры, на которые до тех пор не отваживалось: роспуск Думы и объявление осадного положения. Будь это решение принято на два дня раньше, все могло бы быть спасено. Но теперь уже поздно, и на другой день бледное февральское солнце всходит над последним днем Царского режима.

В этот день 27-го февраля Дума открыто становится на сторону мятежа. Предупрежденная об указе о роспуске, она решает не подчиниться ему. Это уже открытый бунт. Всегда осторожный Родзянко пытается еще снять с себя ответственность, посылая Государю отчаянную телеграмму: «Положение ухудшается. Надо принимать немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и Династии».

В течение дня события сменяются с кинематографической быстротой. Взбунтовавшаяся учебная команда Волынского полка убивает одного из своих офицеров и, увлекая за собой несколько частей Преображенского и Литовского полков, заполняет Кирочную, громя казармы жандармского дивизиона и школу прапорщиков инженерных войск. В то же время небо освещается кровавым заревом пылающего окружного суда, подожженного хулиганами. Двери тюрьмы «Кресты» выламываются толпой, и на волю выпускают целую партию убийц и грабителей. Автомобили, битком набитые пьяными вооруженными солдатами, молодыми людьми еврейского типа и растрепанными девицами, мчатся во весь опор по улицам под звуки Марсельезы и безпорядочной стрельбы. Евреи и хулиганы арестовывают офицеров, которые, с краской стыда на лице, принуждены сдавать им оружие. Горсточка солдат, которыми располагает Правительство, мало-помалу тает; чернь уже чует кровь; отряд под командой полковника Кутепова, посланный против бунтовщиков, задержан по дороге и требует подкреплений, которых уже нет больше.

Правительство, или вернее группа растерянных людей, представляющих его, действует точно во сне. На генерала Хабалова жалко смотреть; «руки трясутся, равновесие, необходимое для управления в такую серьезную минуту, он утратил», — говорит военный министр.

В здании градоначальства собирается совещание военных под председательством военного министра, который замечает у своих подчиненных «полное отсутствие идей и инициативы». Собрав-

шиеся офицеры кажутся растерянными, они разглагольствуют, колеблются перед действием, советуют вступить в переговоры с Родзянко. Генерал Беляев решается, наконец, назначить более энергичного человека, генерала Занкевича, командующим запасными гвардейскими частями. Уже семь часов вечера, зимний день клонится к концу. Но еще ничего не сделано, ничего не решено. В градоначальстве стоит гул от голосов генералов и офицеров, которые безцельно мечутся в тревоге.

В этот момент приезжает Великий Князь Кирилл Владимірович, командующий Гвардейским экипажем. Он возмущен трусостью военных властей, выражает свое неудовольствие на то, что не был извещен о происходящих событиях, и настаивает, чтобы генерал Беляев принял более энергичные меры. Но что можно сделать с этим перепуганным стадом? Великий Князь предлагает послать моряков Гвардейского экипажа; эти отборные войска могли бы служить могучей поддержкой для тех слабых частей, которыми располагает еще Правительство. Но ведь это означало бы борьбу, активное действие, — все, чего генерал Хабалов хочет во что бы то ни стало избежать. Он старается уклониться от прямого ответа под предлогом, что Гвардейский экипаж ему не подчинен. Великий Князь все же настаивает и посылает потом две самые верные роты. Неизвестно, какая их постигла участь в невероятной сумятице этого рокового вечера.

События быстро следуют за событиями, как удары молота, дробящего в пыль все, что составляло великое Государство Российское. Министры бледные, дрожащие, растерянные собираются в Мариинском дворце; они с минуты на минуту ожидают ареста; какие-то обрывки предложений слышатся в их речах: — попросить непопулярного Протопопова подать в отставку, объявить осадное положение. Но сквозь эти слова все яснее просвечивает тайное желание этих жалких людей: уйти, спастись, бежать с тонущего корабля. И, действительно, зачем ждать? С лихорадочной поспешностью составляется телеграмма Государю. Пусть Он скорее Сам назначит генерала, облеченного полномочиями для подавления восстания и составит ответственное министерство под председательством политического деятеля, пользующегося всеобщим доверием. Таким малодушным самоубийством кончает свое существование печальной памяти министерство князя Голицына.

Приходит ответ от Государя, твердый и ясный. Это призыв к чести и к долгу: «О главном начальнике для Петрограда Мною

дано повеление начальнику Моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе, при данных обстоятельствах, считаю их недопустимыми. Николай».

Но тут министры протестуют, они во что бы то ни стало хотят исчезнуть, скрыться, сбежать от опасности. И они бегут. К кому? К Родзянко. Насколько князь Голицын и его коллеги спешат освободиться от портфеля, настолько же Родзянко мечтает о нем. Таким образом соглашение между ними может легко состояться. Нужно повлиять на решение Государя, но так как телеграмма князя Голицына дала осечку, меры на этот раз будут приняты самые решительные.

В огромном кабинете председателя Совета министров собирается странное общество: глава Правительства князь Голицын, глава революции Родзянко, военный министр и брат Государя. Здесь наскоро перекраиваются основные законы Российского Государства, составляется ответственное министерство под председательством князя Львова, назначается регентом Великий Князь Михаил Александрович. Но почему Родзянко упускает портфель, к которому он протягивал уже руки? Ему объяснили, что одного его имени, ненавистного Государю, было бы достаточно, чтобы провалить всю комбинацию.

Великий Князь вызывает ген. Алексеева по прямому проводу, сообщает ему о намеченном проекте и просит немедленно доложить о нем Государю. Затем все с трепетом ждут ответа; он приходит скоро: «Его Величество благодарит за внимание, выедет завтра и Сам примет решение»*.

Решительный в истории России день прошел в безполезной беготне взад и вперед, в болтовне, в посылке телеграмм, между тем, как на улицах льется кровь, и то небольшое количество верных войск, которое остается в распоряжении генерала Занкевича, тает с каждым часом. Наступает ночь. Ничего не сделано. События воспринимаются с каким-то тупым безразличием. Вопрос уже не в том, чтобы подавить мятеж, а в том, чтобы запереться в каком-нибудь дворце и держаться там, пока можно. Генерал Занкевич предлагает встретить смерть в Зимнем Дворце, генерал Комаров, комендант Зимнего Дворца предпочитает, чтобы для этого было выбрано другое место. В это время приез-

* *Блок А.* Последние дни старого режима. С. 36; *Ген. Лукомский.* Из воспоминаний // Архив Русской Революции. Т. II. С. 17.

жает военный министр с Великим Князем Михаилом Александровичем; Великому Князю предоставляется решить вопрос, и он соглашается с мнением Комарова. Куда же в таком случае отправиться? В Петропавловскую крепость? «Невозможно», — отвечает по телефону комендант крепости, барон Стааль, дорога туда преграждена баррикадами. Наконец, уже на заре, решают отправиться в Адмиралтейство, которое и укрепляется по мере возможности.

В то время пока министры и генералы, подобно бледным теням на берегах Стикса, ожидают Хароновой ладьи, революция быстро организуется в Таврическом дворце. Но Государственная дума, всеми силами призывавшая падение старого режима, почувствовала себя весьма растерянной при виде толпы распущенных солдат и черни, наводнившей с утра Таврический дворец. Солдаты инстинктивно обратились к единственной законной власти, оставшейся после капитуляции Правительства: к Государственной думе. Царь на фронте, улица в руках черни, — необходимо было создать какую-то силу для противодействия анархии.

По мнению лидеров оппозиции, народное движение уже исполнило свое дело — доказало Государю необходимость призвать к власти буржуазию; теперь пора было утихомирить бурю, но ровно настолько, чтобы стало возможно вступить в переговоры с Царем.

В Екатерининском зале непрерывно слышался звучный голос Родзянко, обращающийся к толпе. Его слова встречались криками «ура», а за стенами военные оркестры без остановки играли тягучую, на русский лад переделанную, марсельезу.

Около двух часов пополудни члены Думы собрались в Полуциркульном зале, чтобы обсудить положение и попробовать создать нечто вроде Временного правительства; — по думскому обычаю записалось несметное количество ораторов, и речи следовали за речами, полные блестящего и пустого красноречия. Но пока главари оппозиции, опьяненные победой, исходили в пустословии, в другой стороне дворца, в комнате № 12, те, кого считали «пушечным мясом» мятежа, — социалисты всех оттенков, быстро организовывали ту новую власть, в которой содержались уже все зачатки большевизма.

Совет рабочих и солдатских депутатов, этот революционный орган, имел свою историю: созданный двенадцать лет назад с ведома председателя Совета министров графа Витте, во время первых безпорядков в Петербурге, он возглавлялся сперва ев-

реем Хрусталевым-Носарем, а потом евреем же Бронштейном-Троцким. Совет 1905 года был ликвидирован Правительством, но бациллы его, хотя и утратившие часть своей вредоносной силы, тем не менее, жили еще в организме России. Поэтому 27 февраля, как только начались безпорядки, комитет действия, собравшийся тайно в доме № 144 на Невском проспекте, решил возможно скорее возродить из пепла умерший Совет. Тотчас был отдан об этом тайный приказ и два дня спустя, в то время, когда члены Думы, преисполненные гордости, подъезжали к Таврическому дворцу под клики праздной толпы, другие, менее блестящие люди проскальзывали вслед за ними и были встречаемы Керенским, Чхеидзе и Скобелевым, которые, «бледные, с горящими глазами», направляли их в комнату № 12, где скоро собралось таким образом девять человек*.

«Время не ждало, — рассказывал впоследствии один из присутствовавших, — события требовали скорых и решительных действий». Было поэтому решено безотлагательно создать Совет рабочих депутатов; в рабочие кварталы были посланы эмиссары, приглашающие от имени исполнительного комитета Совета избрать делегатов, которые в тот же день в семь часов вечера должны были собраться на первое общее собрание Совета.

Другой призыв главарей обращался специально к солдатам. Совет (в это время еще не существовавший) сообщал им, что принимает меры для улучшения их довольствия. Большевицкая пропаганда начиналась с желудка. Около девяти часов несколько комнат дворца наполнились разношерстной толпой серых шинелей, рабочих в картузах, интеллигентов и молодых людей с еврейскими носами. Член Думы Чхеидзе, позвонив в колокольчик, объявил заседание открытым. Были избраны: председатель — Чхеидзе и два вице-председателя — Керенский и Скобелев, а также исполнительный комитет.

Тем временем члены Государственной думы продолжали без устали разглагольствовать; наступила ночь, но никакого решения еще не было принято. Наконец отзвук того, что замышлялось в комнате № 12, достиг до ушей лидеров оппозиции. Тотчас же группа Родзянко и Милюкова вступила в переговоры с вожаками Совета и ровно в полночь эти переговоры привели к созданию исполнительного комитета Государственной думы, на который временно и возлагалась власть.

* Известия Совета рабочих и солдатских депутатов. № 155 (от 27 августа 1917) // Русская Летопись. Кн. I. С. 10.

Этот комитет казался довольно умеренным по составу, хотя представителей правых партий туда не допустили, а представителям левых — Керенскому и Чхеидзе — выпадала очень видная роль. В сущности это была полнейшая капитуляция «буржуазных» элементов революции перед представителями пролетариата. Никогда Родзянко и его единомышленники в самых своих смелых чаяниях не шли дальше конституционной монархии, управляемой высшими финансовыми кругами и возглавляемой Государем, играющим лишь декоративную роль. То крикливое и всклокоченное чудовище, которое внезапно выскочило из комнаты № 12, как черт из коробки, окончательно запугало непримиримых противников «царизма».

С этого момента судьба России была решена: долгая, мучительная агония, которая восемь месяцев спустя должна была довести страну до большевизма.

2. В Ставке

Царский поезд прибыл в Могилев 23 февраля. Во время своих пребываний в Ставке, Государь занимал скромный губернаторский дом, где Он отвел себе только четыре комнаты, предоставив остальные лицам Своей свиты. Порядок дня был распределен в Ставке с незыблемой точностью.

Каждое утро, после чая, Государь отправлялся к начальнику штаба генералу Алексееву, с которым работал до завтрака. К завтраку приглашались начальники военных миссий союзных государств, а также министры и генералы, приезжавшие с докладом к Государю. Остаток дня был посвящен работе с перерывом для прогулки пешком перед трехчасовым чаем; к обеду также приглашались военные агенты.

Первые известия о безпорядках в Петрограде были получены 25 февраля по телеграммам генерала Хабалова и министра внутренних дел. Мы уже говорили выше об этих запоздалых донесениях, дававших к тому же весьма неточное понятие о происходившем. Несмотря на оптимистические уверения в телеграмме военного министра, Государь как будто почувствовал надвигающуюся грозу мятежа и повелел Хабалову прекратить безпорядки; приказ этот, как мы видели, совершенно сбил с толку нерешительного начальника округа. Хотя этот обмен телеграммами не вышел за пределы кабинетов Государя и генерала Алексеева, все же мало-помалу какое-то смутное безпокойство овладело

приближенными Государя; Он же Сам, по обыкновению, оставался непроницаемым.

В этот же день, сопровождаемый флигель-адъютантом полк. Мордвиновым, Государь отправился на обычную прогулку; целью ее Он избрал часовню, воздвигнутую в нескольких верстах от Могилева в память сражения, данного в 1812 году Наполеону. Государь казался спокойным, но задумчивым. Несмотря на ледяной ветер, Он был одет по обыкновению в гимнастерку. По дороге Ему встречались крестьяне в тулупах, кланявшиеся Ему с тем благоговением, которое русский народ всегда проявлял к Помазаннику Божию; некоторые из них крестились.

Государь остановился у одной повозки и с обычной приветливостью беседовал с ехавшей в ней крестьянской семьей. С Мордвиновым Он говорил о Своем безпокойстве относительно здоровья Детей: Великая Княжна Анастасия Николаевна только что заболела корью, одна лишь Великая Княжна Мария Николаевна еще не заразилась, но Государь боялся, что и Она сляжет, как сестры и брат. О восстании, о телеграммах, о политическом положении — ни слова.

На другой день, 26 февраля в 12 часов 40 минут, была получена новая телеграмма от генерала Хабалова. Она была успокоительного содержания: произошло несколько стычек, войска применили оружие, но теперь в столице царит порядок.

Между тем, в десять с половиной часов вечера, как гром среди ясного неба, пришла телеграмма Родзянко: восстание разрастается, надо немедленно идти на уступки, иначе все погибло.

Государь еще доверял Своим министрам и не допускал мысли, чтобы они стали скрывать от Него правду.

Он бросил на стол телеграмму Родзянко, заметив министру Двора графу Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко Мне написал разный вздор, на который Я ему не буду даже отвечать»*.

Но безпокойное настроение все же продолжалось. Принял ли Хабалов все нужные меры? — спрашивали себя в окружении Царя; не разыграется ли снова завтра с еще большей силой восстание, как плохо затушенный пожар? Однако надо было подать пример спокойствия; Государь предложил сыграть партию в домино; вечер тянулся вяло и все рано разошлись.

Первые телеграммы, полученные на другой день утром, дышали еще каким-то официальным оптимизмом. Но около полу-

* *Блок А.* Последние дни старого режима. С. 31. Приведено по показанию гр. Фредерикса.

дня Императрица протелеграфировала Государю: «Революция вчера приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже, чем когда бы то ни было»*. Затем, в час дня, другая телеграмма: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции».

Одновременно новое требование Родзянко, где проглядывает уже просто страх: «Необходимо принять энергичные меры, решается судьба Династии». Так вскрылась, наконец, правда, которую таили от Государя!

Около двух часов пополудни, спускаясь после завтрака по лестнице, полковник Мордвинов был остановлен штабным офицером: «Генерал Алексеев приказал передать лично вам эти телеграммы и просит вас, чтобы вы лично же, не передавая никому другому, немедленно доложили Его Величеству». Офицер казался очень взволнованным. Мордвинов спросил его, что это за телеграммы. «Вот, прочтите сами, что делается в Петрограде. Сейчас, когда я уходил из штаба, я мельком видел, что получились еще более ужасные известия». Телеграммы были распечатаны, Мордвинов пробежал их. Одна была от генерала Беляева, другая от генерала Хабалова. В обеих говорилось почти одно и то же: что войска отказываются употреблять оружие и переходят на сторону бунтующей черни, что взбунтовавшиеся запасные батальоны Гренадерского и Волынского полков перебили часть своих офицеров, что волнение охватывает и другие части и что необходима немедленная помощь.

Мордвинов поднялся наверх к кабинету Государя. Он постучал и вошел.

Государь стоял около Своего письменного стола и разбирал какие-то бумаги. «В чем дело, Мордвинов?» — спросил Он. Наружно Государь был совершенно спокоен, но Мордвинов чувствовал по тону Его голоса, что Ему не по себе, и что внутренне Его что-то очень заботит и волнует. «Ваше Величество, — сказал он, — генерал Алексеев просил Вам представить эти только что полученные телеграммы. Они ужасны... в Петрограде с запасными творится что-то невероятное»...

Государь молча взял телеграммы, бегло просмотрел их, положил их на стол и задумался.

«Ваше Величество, что прикажете передать генералу Алексееву?» — прервал Мордвинов эту мучительную паузу.

«Я уже знаю об этом и сделал нужные распоряжения генералу Алексееву. Надо надеяться, что все это безобразие будет ско-

*Там же. С. 38.

ро прекращено», — ответил с сильной горечью и немного раздраженно Государь. Мордвинов позволил себе настаивать.

«Я еще увижу генерала Алексеева и переговорю с ним», — спокойно, но довольно нетерпеливо прервал его Государь и снова взял со стола положенные телеграммы, чтобы их перечитать.

Мордвинов вышел встревоженный и расстроенный*.

В происходящей борьбе между Государем и революцией, между победой и поражением, между Россией и надвигавшейся анархией, этот день 26 февраля является решающим. Если до сих пор Государь мог надеяться на перемирие между политическими партиями перед лицом общего врага, на вспышку патриотизма со стороны оппозиции, — эта иллюзия рассеялась при виде мятежа, заботливо подготовленного Родзянками, Гучковыми и Милюковыми.

В этот день Он с утра принял Свое решение: во что бы то ни стало подавить восстание, чтобы спасти фронт, чтобы продолжать войну, чтобы сохранить честь Родины.

Надо заметить, что в течение этих трагических дней, в которые решалась судьба России, один лишь Государь сохранил ясный взгляд на положение, и будь хоть одно из Его приказаний толково исполнено, спасены были бы и режим, и страна, и победа.

Но, может быть, именно моральное одиночество Императора Николая II и Его Семьи и составляло всю великую трагедию Его существования. Нужно признаться, что Государь был окружен бездарностями, царедворцами, хотя и честными, но слабыми и эгоистичными, которых смыл не девятый, а первый вал бури. Само же Правительство состояло из круглых нулей. А дальше уже господствовала измена. Ставка Верховного Главнокомандующего в лице начальствующих лиц почти вся стояла за государственный переворот. Мы уже говорили выше о военном заговоре, который зрел в Петрограде и к которому мало-помалу примкнули некоторые генералы в Ставке и главнокомандующие фронтами. Таким образом, в течение этих тревожных дней, когда победа и поражение зависели от данного вовремя распоряжения, от какого-нибудь получаса выигранного у восстания, от быстро принятого и тотчас исполненного решения, Государь видел вокруг Себя лишь растерянные лица, смущенные взоры и то пассивное и эластичное сопротивление, которое никакая сила сло-

* *Мордвинов А.* Отрывки из воспоминаний // Русская Летопись. Кн. V. С. 92.

мить не может, и которое, как щупальцы спрута, в конце концов, парализует и душит свою жертву.

К вечеру генерал Алексеев получил от обезумевшего председателя Совета министров князя Голицына телеграмму, в которой он настаивал на своей отставке, а также на отставке всего кабинета и просил составить левое министерство под председательством князя Львова. Это дезертирство Царского Правительства ожидалось и учитывалось заранее в Ставке; телеграмма князя Голицына пробудила аппетиты и честолюбия, удовлетворить которые должен был новый режим. Алексеев, чувствуя себя больным, хотел послать эту телеграмму с офицером, но генерал-квартирмейстер Верховного Главнокомандующего генерал Лукомский настоял, чтобы он сам отправился к Государю. Вернувшись минут через десять, Алексеев сказал, что Государь остался очень недоволен содержанием телеграммы князя Голицына и заявил, что Сам составит ответ.

«Но вы попробовали уговорить Государя согласиться на просьбу председателя Совета министров? Вы сказали, что вы разделяете ту же точку зрения?» — спросил Лукомский.

«Государь со мною просто не хотел и говорить. Я чувствую себя совсем плохо и сейчас прилягу. Если Государь пришлет какой-нибудь ответ, сейчас же придите мне сказать». И Алексеев, еще не совсем оправившийся от своей болезни, ушел к себе.

Через некоторое время дежурный офицер прибежал предупредить генерала Лукомского, что Государь идет в их помещение. Лукомский тотчас же спустился и на лестнице встретил Государя, который спросил его:

«Где генерал Алексеев?»

«Он у себя в комнате; чувствует себя плохо и прилег. Прошу Ваше Императорское Величество пройти в Ваш кабинет, а я сейчас позову генерала Алексеева».

Государь не любил безпокоить людей.

«Нет, не надо. Сейчас же передайте генералу Алексееву эту телеграмму и скажите, что Я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этом скажите, что это Мое окончательное решение, которого Я не изменю, а потому Мне докладывать еще что-либо по этому вопросу безполезно».

Генерал Лукомский взял телеграмму, написанную рукою Государя на голубом телеграфном бланке, и отнес ее генералу Алексееву.

Как мы знаем, эта телеграмма призывала князя Голицына и министров исполнить свой долг и извещала о присылке главно-

начальника, облеченного полномочиями. Этим верным диктатором был генерал Иванов, бывший главнокомандующий Юго-Западным фронтом.

Итак Государь проявил Свою волю; Государь отказывался сдаться перед мятежом; Государь принимал меры для подавления его. Достигни генерал Иванов со своим отрядом Петрограда, удайся ему собрать несколько верных частей юнкеров, полицию, пусти он в ход артиллерию, и революция рассеялась бы как дым, вместе с Родзянками, Милюковыми, Алексеевыми, политиканами в погоне за министерскими порфелями, не в меру честолюбивыми генералами, мелкими аферистами, ловящими рыбу в мутной воде, и крупными акулами, плывущими за государственным кораблем.

Генерал Лукомский впал в отчаяние. Он снова стал настаивать на том, чтобы генерал Алексеев пошел умолять Государя уступить князю Голицыну и Родзянко. Алексеев, усталый, больной, подчиняясь, по обыкновению, более сильной воле, отправился, после некоторого колебания, к Государю и, вернувшись, сказал, что Его Величество решения не меняет. Между тем выбор генерала Иванова произвел на приближенных Государя хорошее впечатление. Его командование на Юго-Западном фронте было удачным; его большая седая борода, добродушный разговор, обходительность, простота вызывали к нему симпатию. Даже самое имя его — Иванов — какое-то нарицательно-русское, как будто указывало, что именно он, посланный самою судьбою человек для безболезненного усмирения бунта запасных, на которых метко сказанная шутка, крепкое словцо, находчивость могут произвести большее впечатление, чем стрельба из пулеметов.

В этот вечер генерал Иванов, приглашенный к Высочайшему столу, оправдал свою репутацию. Сидя рядом с Государем, он, с присущим ему добродушием, рассказывал, как ему удалось остановить безпорядки в Киеве одними убедительными словами, без пролития крови. Ничего не могло быть Государю более по душе.

Вечером было получено от Великого Князя Михаила Александровича сообщение по прямому проводу, о котором мы говорили выше. Положение становилось опасным; таков же был смысл двух последних телеграмм Императрицы. Судьба Семьи, больных Детей, Императрицы, отрезанных в Царскосельском дворце, тревожили Государя. Если Он и не вполне поверил официальному оптимизму первых донесений Правительства отно-

сительно петроградских событий, все же до получения невероятной телеграммы князя Голицына Государь не мог подозревать ни о размере движения, ни о степени растерянности министерства. С этого момента настроение в Ставке резко изменилось. Безпечность сразу перешла в подавленность. Адмирал Нилов, не переставая, твердил: «Нас всех вздернут на фонарь», — а дворцовый комендант Воейков, который устраивал свою квартиру, «прибивал шторки, привешивал картинки» и шутил с сослуживцами, вдруг понял трагичность положения и стал ходить совершенно растерянный

За вечерним чаем министр Двора граф Фредерикс явился доложить Государю об известиях из Царского Села только что полученных по телефону от обер-гофмаршала графа Бенкендорфа. Тотчас же после этого лицам Свиты было приказано готовиться к отъезду.

В 9 часов вечера дворцовый комендант передал ген. Лукомскому приказание Государя немедленно приготовить литерные поезда для отъезда в Царское Село. Государь хотел выехать никак не позже 11 часов вечера.

Ген. Лукомский, конечно, понимал, что теперь, когда решалась судьба Монархии в России, не только каждый час, но каждая минута были дороги. И, действительно, если бы Государь выехал немедленно, как Он того хотел, Царский поезд не был бы задержан в пути, ему не пришлось бы переменить направление на Псков, где и была приготовлена ловушка. И тогда ген. Иванов со своим эшелоном нашел бы в Царском не изнывающую от страшной тревоги за горячо любимого Супруга, несчастную, окруженную дрожащими, растерянными людьми женщину, а Государя, от которого он мог бы услышать опять то же отчетливое и решительное приказание: подавить во что бы то ни стало предательский бунт.

Ген. Лукомский спешить не пожелал и заявил Воейкову, что литерные поезда отправить раньше шести часов утра невозможно; «надо приготовить свободный пропуск по всему пути и всюду разослать телеграммы».

Какие телеграммы разослал ген. Лукомский, мы не знаем, но какой свободный пропуск он приготовил Царскому поезду, мы увидим дальше.

Если бы об этом факте не рассказал сам ген. Лукомский в своих воспоминаниях, можно было бы подумать, что здесь просто злостная и неправдоподобная клевета на него. Как допустить в

самом деле, чтобы генерал-квартирмейстер осмелился отказать в немедленном исполнении Высочайшего повеления? Как поверить, чтобы Державный Верховный Главнокомандующий во время войны мог оказаться не в состоянии срочно выехать туда, где неотложно требовалось Его присутствие? Как не счесть за выдумку, что чин Ставки мог бы единолично задержать Царя, а, следовательно, и ход истории на целые семь роковых для России часов?

Но ген. Лукомский этой затяжкой не удовольствовался; он пытался доказать Воейкову, что «решение Государя ехать в Царское Село может повести к катастрофическим последствиям, что, по его мнению, Государю необходимо оставаться в Могилеве»...

Ген. Воейков в спор с ген. Лукомским вступать не пожелал; он кратко ответил, что Государь решения Своего не изменит, и просил срочно отдать необходимые распоряжения.

Лукомский решил все же испробовать последнее средство: побежал к больному Алексееву, разбудил его, заставил одеться и направил к Государю, чтобы отговорить Его от поездки. Алексеев покорно все это выполнил, был довольно долго у Государя и, вернувшись, сказал, что Его Величество страшно безпокоится за Императрицу и за Детей и решил ехать в Царское Село.

Поведение ген. Лукомского в эти тревожные дни может показаться загадочным, но он сам берет на себя труд раскрыть нам свои настоящие мысли. По его мнению, «выход, конечно, был. Это немедленный отъезд Государя в район Особой армии и отправка в Петроград и Москву сильных и вполне надежных отрядов». Но вместе с тем Лукомский находит, что «решение подавить революцию силою оружия, залив кровью Петроград и Москву, не только грозило прекращением на фронте борьбы с врагом, а было бы единственно возможным только именно с прекращением борьбы, с заключением позорного сепаратного мира. Последнее же было так ужасно, что представлялось неизбежным сделать все возможное для мирного прекращения революции»... В дальнейших своих рассуждениях ген. Лукомский говорит, что «не только наши союзники никогда этого не простили бы России, но и общественное мнение России этого не простило бы Государю»*.

Рассуждения эти могли бы казаться наивными даже и в описываемые дни; теперь же, когда мы знаем, к чему повело то, что

* *Генерал Лукомский А. С.* Воспоминания // Архив Русской Революции. Т. 1. С. 126–135.

революцию «силою оружия» не подавили, и что обе столицы кровью также залиты не были; когда мы знаем, что рецепт уступок, который рекомендовал как раз ген. Лукомский, привел не только к позорному сепаратному миру и к гибели Государя и Царской Семьи, но и к крушению самой России и к порабощению русского народа; когда и сам ген. Лукомский оказался жалкой щепкой, выкинутой бурей на чужеземный берег — то мы с трудом можем допустить, чтобы его слова исходили действительно от чистого сердца.

В чем же тут дело? А в том, что, по мнению ген. Лукомского, поездка Государя в Особую армию, «на которую можно вполне положиться», была бы уместна только в том случае, «если бы Государь не желал идти ни на какие уступки»*. Итак, из слов ген. Лукомского явствует, что из трех возможных решений: ехать в Особую армию, ехать в Царское Село, оставаться в Ставке — только последнее вызывало необходимость пойти на сговор с революцией. Вот почему ген. Лукомский на этом решении так упорно и настаивал.

Прибавим еще одну невероятную подробность. Несмотря на задержку Царского поезда на целые лишних семь часов, решительно ничего не было предпринято за это время для обеспечения безпрепятственного проезда Государя. Если этого не сделал ген.-квартирмейстер, то со стороны других ответственных лиц было преступной небрежностью не взять на себя заботу о безопасности Государя, послав впереди литерных поездов поезд с эшелоном войск, или хотя бы обезпечить Царские поезда достаточной охраной, чтобы очистить путь от взбунтовавшейся черни.

Около часа ночи Государь, одетый в походную шинель из солдатского сукна и в папахе, вышел из Своего кабинета и, пожав руку генералу Алексееву, сел в автомобиль с графом Фредериксом. Генерал Иванов был уже на платформе. Государь пригласил его войти в Свой вагон, где между ними и произошел откровенный разговор о создавшемся тревожном положении: «Я берег не Самодержавную власть, а Россию, — сказал Государь. — Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу». Затем Он с горечью упомянул о той клевете, которая преследовала Императрицу и Его Самого, о безплодности Его усилий и лучших намерений, всегда дурно истолкованных недоброжелательной молвой. Царившая кругом тишина,

*Там же. С. 129.

гнетущая тревога последних часов, этот отъезд в ночь и в неизвестность, смутное предчувствие надвигающейся катастрофы, слова Государя, звучащие как политическое завещание целого Царствования — все это глубоко взволновало старого солдата. Отвечая Государю, он чувствовал, как у него сжималось горло, и голос его несколько раз прерывался*.

Было около двух часов, когда Государь отпустил Иванова. Он обнял его, и оба перекрестились.

3. Начало развала

Не успел Думский комитет образоваться, как он сразу же столкнулся с затруднениями, которых, конечно, не предвидели зачинщики «буржуазной» революции. Новая власть, выросшая, как ядовитый гриб, в ночь на 27 февраля, — Совет рабочих и солдатских депутатов, — с первого же дня проявила полнейшее презрение к формам законности, за которую в отчаянии цеплялась Дума. После крушения Царского Правительства, снесенного революционной волной, единственная законная власть, существовавшая в столице, была Дума, — учреждение государственное и к тому же избранное самим народом. На фронте Государь, в Петрограде Дума — вот те два центра, которые, согласившись между собой, могли еще предотвратить катастрофу.

Дума не только могла, но, может быть, вначале и хотела сыграть такую роль. То, что Дума после падения министерства князя Голицына не пыталась посягнуть на самый принцип Монархии, было хорошим признаком; войска, непрерывно прибывающие с музыкой в Таврический дворец, как будто представляли поддержку порядка против надвигающейся анархии. В таком смысле и было понято и Государем, и Императрицей, и окружавшими Их лицами составление Думского комитета.

Утром 28 февраля Императрица говорила Жильяру, воспитателю Наследника:

«Дума оказалась на высоте. Она, полагаю, поняла, что стране грозит опасность, но боюсь, что уже слишком поздно — образовался социал-революционный комитет, который не хочет признавать власти Временного правительства»**.

Итак, на месте развалившегося Царского Правительства встают две новые, враждебные друг другу силы: Думский комитет и

---

* *Ген. Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России // Русская Летопись. Кн. III. С. 40.

** *Gilliard P.* Le tragique destin de Nicolas II et Sa Famille. P. 176.

социалистический Совет. Дума — это парламентский режим, Совет — анархия.

Надо или выбирать между ними, или ждать. Но чего? Возвращения Государя, прибытия войск генерала Иванова? Но не приедет ли Государь слишком поздно, не свершится ли все в течение этих нескольких часов неустойчивого равновесия, когда одного момента слабости со стороны Думы достаточно, чтобы разразились сдерживаемые доселе разрушительные силы?

1 марта Великий Князь Павел Александрович делает со своей стороны попытку спасти положение уступкой: он составляет от имени Государя манифест, дарующий конституцию; этот документ, отпечатанный на машинке, немедленно отправляется в Александровский дворец на подпись Императрице. Несмотря на просьбы генерала Гротена, который даже становится перед Ней на колени, Императрица отказывает в Своей подписи; формально Она права, ибо ничья подпись не может заменить подпись Государя на таком важном акте. Впрочем, как мы увидим, Императрица в течение этих тревожных дней, проявляя мужество и силу духа необычайные, неизменно показывала, вместе с тем, пример истинной верноподданной. Признавая лишь волю Государя, Она осуждала все попытки, предпринятые без Его ведома, даже теми, кто надеялся уступками сохранить Ему Престол, и об этом сообщала Супругу Своему в письмах, посланных Ему в эти тяжелые дни.

Но время не терпит; быть может, манифест ненадолго успокоит умы. Великий Князь Павел Александрович подписывает его и срочно посылает Великим Князьям Михаилу Александровичу и Кириллу Владимировичу, которые тоже ставят свои подписи. Манифест тотчас относят в Думу, где передают Милюкову, который, бросив на него беглый взгляд, прячет его небрежно в портфель, заметив: «Вот интересный документ». Мы увидим впоследствии, что это не было единственным документом капитальной важности, перехваченным не особенно щепетильным лидером кадетов.

По Царскосельской дороге поезда больше не ходят, телефонные сообщения прерваны. Встревоженный Великий Князь Павел Александрович посылает в тот же вечер следующее письмо своему племяннику Великому Князю Кириллу Владимировичу:

1 марта 1917 г.

Дорогой Кирилл,

Ты знаешь, что я через Н. И. в контакте с Государственной думой. Новое течение, желающее назначить Мишу регентом, мне ужасно не нравится. Это недопустимо и возможно, что это только интриги Брасовой, а, может быть, это только сплетни. Но мы должны быть начеку и всячески, всеми способами, сохранить Ники Престол. Если Ники подпишет манифест о конституции, нами утвержденный, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного правительства. Переговори с Родзянко и покажи ему это письмо.

Крепко тебя обнимаю.

Твой дядя Павел.

На следующий день Великий Князь Кирилл Владимирович отвечает следующим письмом, имеющим несомненное историческое значение:

2 марта 1917 г.

Дорогой дядя Павел,

Относительно вопроса, который тебя безпокоит, до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно с тобою согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы работать ясно и единомышленно с нашим Семейством, прячется и только сообщается секретно с Родзянко. Я был все эти последние дни совершенно один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и Родиной, спасать положение, признавая Временное правительство.

Обнимаю

Кирилл.

В течение этого дня Великий Князь Кирилл Владимирович не оставался бездеятельным. Два дня тому назад, как мы говорили, он предлагал растерянному Хабалову поддержку Гвардейского экипажа для подавления восстания; теперь он возобновляет это предложение Родзянко, приводя в Думу отряд этой части. Неожиданно счастливый случай для Думы укрепить свою власть, опираясь на представителя Царствующей Династии! Но Родзянко отклоняет это предложение, и жест Великого Князя Кирилла Владимировича остается напрасным.

Теперь, когда историческая перспектива позволяет нам судить о событиях в общей их картине, а не по отдельным эпизодам, мы понимаем, что составившееся в то время мнение о роли Думы и, в частности, Родзянко, было совершенно ошибочно. Происходило это заблуждение оттого, что Государь и Его Семья, несмотря на все презрение, с которым Они относились к февральским революционерам, все же переоценивали значение этих людей. Государю не могло придти в голову, что столь жаждавший власти Родзянко окажется неспособным удержать эту власть хотя бы в течение двадцати четырех часов. Двадцать четыре часа! Ровно столько, сколько было нужно, чтобы подавить восстание, дав возможность Государю и генералу Иванову приехать вовремя.

Но в тот самый момент, когда Дума со своим председателем, либеральное русское общество, Земгор, прогрессивный блок, фрондирующая аристократия, большая пресса, интеллигенция — словом все то, что воображало себя представителями России, казалось, победили Царское самодержавие; в тот самый момент, когда как будто ничто уже не препятствовало осуществлению их заветных мечтаний: всесильного парламента, правящего через своих министров самой большой Империей в мiре; в этот момент опьянения победой — неожиданно рухнуло все. Власть, организовавшаяся под шумок в комнате № 12, вдруг подняла свой голос, чтобы наложить решительное veto на туманные чаяния русских жирондистов.

Совет, захватив революцию в свои руки, требовал подчинения своей воле буржуазного Временного правительства, роль которого сводилась бы только к расчистке развалин самодержавия. Исполнив свое дело, эти политические метельщики должны были исчезнуть, чтобы уступить место настоящим представителям пролетариата. Либеральная Империя? Конституция? Демократическая республика? Все это детские игрушки, мираж для забавы общественного мнения при Царском режиме; теперь же с этой бутафорией пора было покончить. Едва составленный Думский комитет, таким образом, уже являлся устаревшим, и сама Дума, накануне еще столь горделивая, когда она стояла во главе оппозиции, рассеивалась, как дым. Ее должно было заменить Временное правительство, то есть министерство, не имеющее уже ничего конституционного и находящееся в полном подчинении у Совета. Поднялись пререкания об условиях, об именах, об обязанностях этого нового двуликого Правительства. Време-

нами Родзянко в ужасе отступал от разверзнувшейся у ног его пропасти; он предлагал социалистам Совета взять на себя власть целиком. Жалкое признание безпомощности, полнейшая капитуляция буржуазных элементов перед кулаком второго интернационала, подготовлявшего пути большевизму! Но Совет отказался. «Буржуи», начавшие революцию, сами обязаны вырыть ту могилу, в которой будут погребены их надежды.

Совет применял те же приемы для оказания давления на Думский комитет, какие применяла оппозиция для терроризирования Царского Правительства — запугивание призраком кровопролития; но Чхеидзе и прочие агенты большевизма вели свою игру решительнее, чем Родзянко. Малейшая попытка сопротивления подавлялась при помощи искусно вызванного волнения толпы на улице.

Через два дня после своего создания Думский исполнительный комитет фактически уже больше не существовал. Становилась ясной необходимость какой-то власти, какого-то правящего Центра. На самом деле, это Правительство было уже давным-давно подготовлено, министерские портфели распределены не без упорной борьбы, разочарований честолюбий, ожесточенных соревнований; но все же эта власть, продуманная до мельчайших подробностей, существовала, и можно сказать, что на этот раз, вопреки пословице, удалось заранее разделить шкуру неубитого еще медведя.

Государь без власти, всемогущая Дума и ответственное министерство — вот та программа, к осуществлению которой всегда стремилась либеральная оппозиция с упорством, готовым даже пожертвовать интересами национальными в пользу интересов политических. Но едва только взошла заря этих чаяний, как одна из этих иллюзий рассеялась, как призрак. Дума перестала существовать. Останется ли, по крайней мере, призрак Царя? О Государе Николае II безполезно было и говорить, Он никогда не согласился бы царствовать, не управляя, заботясь только о Своем «цивильном листе».

Но если, как было решено, добиться Его отречения? В таком случае все еще могло уладиться; на Престол вступил бы малолетний Наследник Алексей Николаевич, в качестве конституционного Монарха, с регентством Великого Князя Михаила Александровича, человека доброго, прекрасного, но слабого, безвольного, который добросовестно стал бы исполнять все, что ему предпишут.

Между тем, главари Думского комитета начинали чувствовать свое положение непрочным. Таврический дворец день и ночь наводнялся бунтующей, нервной, несдержанной толпой. Каторжники, выпущенные на волю «освобожденным» народом, обращались в политических вожаков, к словам которых прислушивалась чернь; запасные, мечтавшие о возвращении в свои деревни, разинув рты, упивались их пораженческим красноречием. Под сводами большого Екатерининского зала, видевшего некогда блеск Двора Великой Императрицы, как прибой морских волн, колыхалась серая масса, серые солдатские шинели, серые папахи, серые истомленные волнением и тремя безсонными ночами лица. Временами поднималась буря, крики переходили в вой, — это приводили бывшего министра, арестованного солдатней. Все они, без исключения, держали себя с холодным презрительным достоинством, несмотря на угрожающие крики, сжатые кулаки и щелканье ружейных затворов.

Столь неосторожно поднятая либералами мутная волна грозила уже захлестнуть тот самый новый режим, который должен был явиться зарей свободы.

Ночь с 1 на 2 марта прошла в возрастающей с каждым часом тревоге. Сам Совет чувствовал себя безсильным противостоять народному потоку. «Все погибло», — заявил даже председатель Совета Чхеидзе. Около трех часов утра человек восемь изможденных, дрожащих от страха людей собрались в одной из маленьких комнат Думского дворца. Извне доносился рев торжествующего мятежа, где-то стреляли, организовывалась оккультная и неумолимая власть, диктующая свою волю, направляющая удары, шагающая через трупы. А здесь, под резким светом электричества, падающим на их землистые лица, тряслись, как в лихорадке, новые властители России, члены исполнительного комитета Государственной думы. Непостоянная толпа уже позабыла об этих жалких паяцах, имена которых не запомнит даже история.

Тут, среди испуганного шепота, появился Гучков. Мертвенно-бледный, с трясущейся челюстью, этот гордый трибун рассказал, что только что убили ехавшего с ним князя Вяземского, что войска взбунтовались в казармах... Они не признавали больше никакого Правительства, положение было безнадежно...

Богам революции нужна была жертва. И этой жертвой должен быть Царь.

«Тогда, может быть, когда мы бросим им корону Романовых, народ пощадит нас; Ставка, Алексеев и генералы давно уже со-

чувственно относятся к мысли о государственном перевороте. — Надо решаться, чтобы другие не сделали этого раньше нас: минута запоздания, нерешительности и мы погибли». — «Поеду просить Государя отречься от Престола, — заявляет Гучков. — Кто поедет со мной?» — «Я», — отвечает Шульгин. И два члена русской Директории, подняв воротники, чтобы скрыть свои лица, отправляются отдаленными закоулками на вокзал и умоляют начальника станции дать им возможность проехать в Псков. Через десять минут поезд увозит их, а с ними и судьбу России.

Таковы были жалкие люди, которые выдали себя перед Государем за уполномоченных представителей русского народа!*

. . . . . .

Между тем, неумолимая Сила, управляющая судьбами людей и государств, одновременно двигала свои фигуры на шахматной доске истории.

Пока Царский поезд мчался к назначенной судьбой цели, солнце взошло над последними остатками Императорского Правительства, переходившего из одного убежища в другое и, наконец, укрывшегося под сенью «светлой Адмиралтейской иглы»... Здесь оставалось всего несколько генералов: военный министр, главный начальник округа, комендант Петрограда, градоначальник.

Где же были министры, председатель Совета министров, гражданские власти? Они растаяли во тьме этой тревожной ночи. Однако действовать было необходимо: только что отпечатали афиши об осадном положении, надо было их расклеить на стенах столицы. Но... не нашлось ни кистей, ни клея. Хабалов вялым голосом приказал двум околоточным развесить несколько таких афиш на решетке Александровского сада. Первый же порыв ветра весело закрутил по Адмиралтейской площади клочки разорванных бумаг: это все, что осталось от осадного положения и от самого Правительства.

Около восьми часов утра генерал Иванов, выезжая вместе со своим отрядом из Могилева, вызвал по прямому проводу главного начальника Петроградского округа и поставил ему целый ряд вопросов относительно положения. В ответах Хабалова звучала полнейшая безнадежность: верных частей больше нет, город во власти мятежников, министры арестованы.

*По рассказу В. В. Шульгина, приведенному в «Последних новостях» 4 января 1922 г. и в «Русской летописи». Кн. III. С. 211–212.

В полдень морской министр адмирал Григорович, желая выслужиться перед новой властью, послал своего адъютанта предложить генералам немедленно покинуть Адмиралтейство. Собравшись на последнее совещание, они постановили не продолжать сопротивления, хотя, по правде сказать, особо героического сопротивления оказано и не было. Бродившие во дворе остатки частей были распущены. В тот же день солдатня арестовала генерала Хабалова; что же касается военного министра генерала Беляева, то, укрывшись сначала в своем казенном доме, затем в министерстве, потом в Генеральном штабе, преследуемый, загнанный чернью, он, наконец, с отчаяния бросился прямо к волку в пасть, то есть в Государственную думу.

Там он заявил, что желает лишь вернуться к частной жизни и готов даже дать подписку остаться в распоряжении Думы. В ответ на это его отправили в каземат Петропавловской крепости, поразмыслить на покое о великодушии новых властителей России.

4. Кругом измена и трусость и обман

Было около шести часов утра, когда Царский поезд отбыл из Могилева. Свита Государя уехала немного раньше, и оба поезда, как темные призраки с яркими огнями, мчались в бледневшую уже синюю, звездную, зимнюю ночь, среди спящих полей, сел и городов.

На другой день миновали благополучно Смоленск и Вязьму. На пути между Вязьмой и Бологое офицеры первого поезда узнали от находящегося на вокзале инженера, что в Петрограде составлено Временное правительство; решено было сообщить это известие дворцовому коменданту генералу Воейкову, сопровождавшему Государя; письмо на его имя было передано офицеру, который сошел, чтобы дождаться Царского поезда. В Бологом был получен ответ генерала Воейкова: приказание во что бы то ни стало доехать до Царского Села.

Настала ночь; около часа первый поезд прибыл на станцию Малая Вишера. К генералу Цабель явился перепуганный офицер и сообщил, что следующие станции — Любань и Тосно — уже заняты взбунтовавшимися войсками.

Итак, путь в Царское был отрезан; надо было ждать приезда Государя, а затем выяснится, какие придется принять решения.

Тем временем, Царский поезд следовал двумя часами позднее по тому же маршруту, восторженно встречаемый на станциях на-

родом. В эту благонамеренную и тихую провинциальную глушь о петроградском восстании доносились лишь отдаленные слухи, неопределенные и неясные.

Для молодых солдат, ожидавших на вокзале заброшенной станции поезда, который увезет их на фронт, все: действительность и надежда, — воплощалось в том человеке, чье бледное, печальное и задумчивое лицо мелькнуло за сверкающими окнами Царского вагона.

И какие мысли тревожили сердце Самодержца, властителя ста восьмидесяти миллионов людей и обладателя шестой части земного шара, когда, одиноко сидя в Своем вагоне, Он слышал тысячи восторженных голосов, поющих «Боже, Царя храни»? Где правда? Кому верить? Министрам и генералам, слабым, нерешительным, растерянным или голосу этих солдат, идущих на смерть с молитвой за Царя? И что такое представляла в сравнении с этой огромной с этими миллионами людей, живущими и умирающими в верности Помазаннику Божию, горсточка бунтовщиков, заливающих кровью улицы Петрограда?

Между тем из Ставки приходили странные телеграммы... по-видимому, там поднималась паника перед развертывающимися в столице событиями... мятеж как будто распространялся, и Правительство было не в силах восстановить порядок.

Генерал Алексеев сообщал, на основании донесения военного министра генерала Беляева, что большинство войск в столице перешло на сторону восставших, и что одна лишь Государственная дума и ее председатель Родзянко могли бы еще иметь достаточно авторитета, чтобы удержать порядок.

Государю было известно, что Родзянко давно стремился стать председателем Совета министров. Этот либеральный барин, ставший, благодаря гибкости своих политических взглядов, во главе оппозиции, не внушал Ему никакого доверия. Все же, при создавшемся положении и несостоятельности министерства князя Голицына, Государю приходилось считаться с человеком, которого Его штаб и все прочие генералы представляли Ему, как единственно способного привести всех к соглашению и заградить путь революционному потоку.

Итак, Родзянко была послана телеграмма, приглашающая его выехать навстречу Государю, чтобы переговорить о положении.

Но полученная тут же совершенно неожиданно телеграмма, подписанная неким Бубликовым, именующим себя министром

путей сообщения, и извещающая, что старая власть свергнута и учреждено Временное правительство, вызвала тягостное недоумение. Кто был этот Бубликов, вчера неизвестный никому, а сегодня один из самозванных правителей России?

Около двух часов ночи Царский поезд тихим ходом подошел к станции Малая Вишера. Вокзал был слабо освещен и замечалось какое-то большое оживление.

Выходя из вагона на платформу, флигель-адъютант полковник Мордвинов столкнулся с генералом Дубенским, сопровождавшим первый поезд.

«Вы какими судьбами остались здесь?» — удивленно спросил Мордвинов.

«Мы все здесь, весь наш поезд, — с озабоченной тревогой ответил Дубенский, — нам не советуют ехать дальше, так как по слухам Любань и Тосно тоже заняты революционерами, и мы решили подождать вас, чтобы спросить, как поступить дальше»*.

Разбудили генерала Воейкова. Заспанный Воейков вошел в вагон Государя и скоро вышел с приказанием вернуться в Бологое. Оттуда будет взято направление на Псков, где стоит штаб главнокомандующего армиями Северного фронта генерала Рузского**.

Роковое решение! Государь не знал, что генерал-адъютант Рузский был на стороне революции, и что Псков становился, таким образом, западней, куда невидимая рука направляла слишком доверчивого Монарха.

Стоял холодный, но солнечный день; в воздухе чувствовалось первое дыхание северной весны, пробуждения природы от зимней спячки.

Оба поезда мчались на всех парах к Пскову, куда должны были прибыть вечером. В Старой Руссе на платформе станции скопилась многочисленная толпа; когда Императорский поезд прошел мимо замедленным ходом, могучее «ура» сотрясло воздух. Монахини местного монастыря теснились вокруг станционной часовенки. Давно уже рассеялся в голубом воздухе дым паровоза, а монашенки все еще глядели своими детски невинными глазами вслед незабвенному видению и шептали с благодарностью: «Слава Богу, удалось хотя в окошке увидать Батюшку Царя»***.

---

* *Мордвинов А.* Отрывки из воспоминаний // Русская Летопись. Кн. V. С. 102.

** *Ген. Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России // Русская Летопись. Кн. III. С. 43.

*** Там же. С. 45.

Около восьми часов вечера Царский поезд прибыл на станцию Псков.

Древний, славный некогда Псков незаметно сошел на ленивое, спокойное, никакими событиями не нарушаемое, прозябание, под малиновый звон колоколов безчисленных своих монастырей. Даже война не смогла стряхнуть этого оцепенения; оживление крупного военного центра, рой офицеров всех родов оружия, наполняющий улицы, проходящие войска, прибытие партии раненых, все это скользило по поверхности, не задевая мелочного распорядка жизни маленького города.

И все те события, которым суждено было произойти в течение этих трех мартовских дней, тоже не вышли за пределы Царского поезда, станции и штаба генерала Рузского. Даже сам Псковский губернатор, приглашенный к Царскому столу, вернулся к себе со спокойной душой, не подозревая о разыгрывающейся трагедии, свидетелем которой он случайно оказался.

Главнокомандующий армиями Северного фронта, извещенный телеграммой о скором прибытии Государя, предусмотрительно запросил инструкций из Ставки.

За два дня до этого генерал Рузский получил от председателя Думы длинную телеграмму, в которой Родзянко настойчиво уговаривал его добиться от Государя согласия на создание парламентского министерства, под председательством самого же Родзянко. Рузский, почуя в Родзянко возможного вождя нарождающейся революции, поспешил телеграфировать Государю. Тем не менее, зная, как высоко ставил Государь Свой долг Императора Самодержца, генерал Рузский предусмотрительно оставил себе на всякий случай лазейку, составив телеграмму в столь неопределенных выражениях, что ее можно было растолковать двояко, в зависимости от того, что возьмет окончательно верх, порядок или мятеж*.

Но с тех пор положение изменилось. 28 февраля генерал Алексеев сообщает Рузскому копию своей телеграммы генералу Иванову. В этой телеграмме Алексеев дает совет остановить начатые действия и вступить в переговоры с временным комитетом, созданным Думой. 1 марта Родзянко телеграфирует Рузскому, что Царское министерство пало и власть перешла к временному комитету, состав которого сообщается другой телеграммой

* Эти телеграммы и следующие, относящиеся к событиям, связанным с отречением Государя, приведены полностью в кн. III «Русской летописи». С. 112–160.

петроградского телеграфного агентства: Родзянко, Керенский, Чхеидзе, Шульгин, Милюков. Караулов, Коновалов, Дмитрюков, Ржевский, Шидловский. Некрасов, Львов.

Наконец, 1 марта в 5 ч. 45 м. генерал Рузский получает из Ставки точные инструкции требовать от Государя, тотчас по Его прибытии, назначения Родзянко председателем Совета министров.

Генерал Рузский соображает, что между только что создавшимся революционным Правительством и Ставкой существует тайное соглашение. Он понимает в этот момент, что судьба государства зависит исключительно от него; у него в руках преданная и верная армия, где он легко может почерпнуть нужные части для подавления петроградского восстания. Но, с другой стороны, выскажись он за Родзянко и за Ставку, и Государь, один, всеми покинутый, принужден будет уступить.

Генерал Рузский, как мы видели, ожидал возможности государственного переворота. Он готов изменить своему Царю, но хочет сам выбрать для этого время.

Государь не подозревал о намерениях Своего генерал-адъютанта; Он вполне доверял ему и с нетерпением ждал его, чтобы обсудить необходимые меры.

Через несколько минут по прибытии Царского поезда генерал Рузский появился на платформе.

Наружность главнокомандующего армиями Северного фронта не имела ничего воинственного. Это был старик с бледным, худым и брюзгливым лицом, с редкими, седыми усами и маленькими, прикрытыми очками, безпокойными глазами. Он шел большими шагами, согнувшись, в небрежно накинутой на плечи серой шинели и в сапогах с калошами. Генерала Рузского сопровождал его начальник штаба генерал Данилов, маленький брюнет, известный в армии под прозвищем «черный Данилов».

Пока ходили докладывать Государю, генерал Рузский, полулежа на диване, в купе князя Долгорукова, отвечал с нетерпением на многочисленные вопросы лиц Свиты.

Наконец, послышался глухой старческий голос министра Двора графа Фредерикса: «Николай Владимирович, — сказал он, — вы знаете, что Его Величество следует в Царское Село, где находится сейчас Императрица с больными Детьми. Вы знаете, что в столице восстание; не имея возможности достигнуть Царского, Государь решил ехать в Псков, чтобы посоветоваться с вами. Ваша обязанность помочь восстановить порядок».

Генерал Рузский в ответ разразился горькими упреками, повторяя на все лады, что никто не слушал его советов, и что теперь слишком поздно, чтобы спасти положение.

«Но надо же, наконец, что-нибудь сделать!» — послышалось несколько взволнованных голосов.

Генерал Рузский промолчал. Потом, с насмешливой улыбкой, он отчеканил:

«Теперь остается только сдаться на милость победителя».

Эти слова произвели впечатление разорвавшейся бомбы. В это мгновение пустые и легкомысленные царедворцы, привыкшие эгоистично тешить себя поверхностным оптимизмом, вдруг с ужасом и негодованием увидели, какую пропасть вырыла перед ними измена.

Становилось очевидным, что Родзянко, Ставка и генерал Рузский действовали в полном согласии, и что вопрос об ответственном министерстве должен был лишь замаскировать настоящую цель восстания: отречение Государя*.

Государь принял главнокомандующего и после нескольких приветственных слов пригласил его к Своему столу, назначив ему на вечер частную аудиенцию.

Обед прошел быстро... настроение было натянутое... Один Государь, спокойный и любезный как всегда, совершенно просто разговаривал с генералом Рузским и графом Фредериксом, сидящим с Ним рядом.

После обеда главнокомандующий ушел за необходимыми документами и возвратился к десяти часам.

Государь сидел за столом, перед Ним была разложена большая карта Северного фронта. Генерал сел против Него.

После своей болтовни в купе кн. Долгорукова Рузский стал осторожнее. В своей речи он ограничился указанием на все преимущества парламентаризма, приведя в пример Англию, где король царствует, но не управляет, а парламент управляет, но не царствует.

Государь возражал спокойно и убежденно. Он говорил, что ничего не желает для Себя Самого, но не считает Себя в праве передать власть в руки политических деятелей, которые сегодня могут причинить родине огромный вред, а завтра умоют

---

* Генерал Данилов в своих мемуарах тщательно скрыл весь этот эпизод. Здесь он приводится по воспоминаниям полк. *А. Мордвинова* (Русская Летопись. Кн. V. С. 106) и *ген. Дубенского* (Русская Летопись. Кн. III. С. 48), расходящихся лишь в незначительных подробностях.

руки, подав в отставку. «Я ответствен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, — сказал Государь. — Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным советом, безразлично, я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслию, что это не Моих рук дело, не Моя ответственность».

Затем Государь перебрал по очереди всех тех политических деятелей, на которых указывали для составления первого левого министерства. Он доказывал генералу Рузскому, что все эти трибунные ораторы совершенно неопытны в деле управления государством и не сумели бы в данный момент оказаться на высоте положения.

Пророческие слова! Какое страшное подтверждение получили они через несколько дней!

Из всех участников этой разыгравшейся в продолжение недели трагедии, Государь был, несомненно, единственным лицом, понявшим с первого же дня необходимость действовать твердо и не поддаваться угрозам кучки мятежников. Но с каждым часом Он все яснее сознавал невозможность положиться на Свое Правительство и на высшее военное командование. Мысль о задолго подготовленной измене еще не приходила Ему в голову, и доверие к Своим генералам не было еще поколеблено. Но настойчивость генерала Алексеева, князя Голицына, Великого Князя Сергея Михайловича и даже Брата, Великого Князя Михаила Александровича, открывали Ему такую картину растерянности и панического страха перед несколькими бунтующими батальонами запасных солдат, такое разложение правящих классов и правительственного аппарата, что Он почувствовал невозможность найти в них необходимую опору для борьбы.

Кроме того, гражданская война, как бы ни была она коротка, могла пошатнуть положение на фронте; между тем, не было той жертвы, вплоть до Престола и самой Своей жизни, которой не принес бы Государь ради победы.

Приходилось уступить, чтобы спасти положение, и генерал Рузский расстался с Государем, унося Его согласие на составление ответственного министерства. Российское Самодержавие перестало существовать*.

---

* *Вильчковский С. Н.* Пребывание Государя Императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 г., по рассказу ген.-адъют. Н. В. Рузского // Русская Летопись. Кн. III. С. 170.

Генерал Рузский известил Ставку о только что принятом решении и вызвал для разговора по прямому проводу Родзянко.

Едва только Рузский отдал это распоряжение, как ему принесли манифест, составленный в Ставке, текст которого был передан по телеграфу. Этот документ, предназначенный для подписи Государю, содержал назначение Родзянко председателем Совета министров.

И тут снова заговорщики слишком поторопились. В то время, как Государь, примирившийся с мыслью призвать к власти Родзянко, только что отдал соответствующие приказания, Ставка своим нетерпением совершила большую неосторожность, как бы навязывая Государю это назначение.

Генерал Рузский, с этой телеграммой в руках, вернулся в Царский вагон, где был тотчас принят Государем. Генерал заметил в Нем какую-то перемену. Слушая текст манифеста, прочитанного ген. Рузским, Государь не выразил никакого удивления и казался даже как бы странно рассеянным и равнодушным.

Когда Рузский выразил некоторую тревогу по поводу окончательного решения Государя, Он холодно ответил, что раз оба генерала, Рузский и Алексеев, находящиеся в постоянном разногласии, на этот раз сходятся во мнении, то и Он присоединяется к ним. Государь прибавил, что решение это, хотя и очень тягостное, внушено Ему чувством долга перед Родиной и принято Им безповоротно*.

Только что выработанное соглашение естественно влекло за собою приостановку военных действий против восставшего Петрограда. Составленная в этом смысле телеграмма, подписанная Государем, была послана генералу Иванову.

Было больше часа ночи, когда Государь отпустил главнокомандующего. Шагая через рельсы запасных путей, под холодным светом сверкающих звезд, старый генерал чувствовал себя утомленным, но удовлетворенным.

В конце концов, события складывались для него благоприятно; он оставался генерал-адъютантом Государя и в то же время заслуживал благодарность нового министерства, составленного при его содействии. Он думал о своем предстоящем разговоре с Родзянко и о чувстве удовлетворения честолюбивого председателя Думы, когда он сообщит ему эти счастливые известия.

Но радость генерала была преждевременна. Ни он, ни генерал Алексеев, ни Родзянко, опьяненные своею ролью великих заго-

*Там же. С. 170.

ворщиков, не понимали, что они лишь жалкие марионетки в чьей-то невидимой руке и что близко то время, когда, по окончании представления, та же рука вышвырнет их в сорную корзину.

5. Миссия генерала Иванова

После столь взволновавшего его разговора с Государем, генерал Иванов занялся выполнением порученной ему миссии. Прежде всего, надо было добиться точных сведений о положении в столице, но каким образом это сделать? После некоторых попыток переговорить по прямому проводу с главным начальником Петроградского военного округа, генерал Иванов, наконец, добился генерала Хабалова. Мы уже передавали выше полученные от последнего безнадежные ответы. Тем не менее, генерал Иванов отправил около 11 часов утра свой отряд, составленный из Георгиевского батальона, полуроты Императорского Железнодорожного полка и роты Лейб-Гвардии Собственного Его Величества пехотного полка. Этого было, конечно, недостаточно, но генерал Иванов рассчитывал на Тарутинский полк, присланный с Северного фронта, и на кавалерийские и артиллерийские части, которые должны были придти с Западного фронта.

Но не знал старый генерал, что измена проникла уже в ряды его отряда. Так, генерал Пожарский, командовавший Георгиевским батальоном, еще накануне объявил своим офицерам, что он запретит солдатам стрелять, хотя бы ему пришлось ослушаться приказания начальства.

Генерал Иванов выехал из Могилева на два часа позже своего отряда, который он нагнал в Орше. Назначение его не пришлось по вкусу начальствующим лицам в Ставке, игравшим на руку революции. Успокаивали их немного лишь возраст и слабость генерала. «Трудно себе представить, — говорит генерал Деникин в своих воспоминаниях, — более неподходящее лицо для выполнения поручения столь огромной важности, по существу — военной диктатуры. Дряхлый старик, честный солдат, плохо разбиравшийся в политической обстановке, не обладавший уже ни силами, ни энергией, ни волей, ни суровостью»*.

Преувеличение, конечно, карикатурная оценка соперника; но все же, не будучи ходячей развалиной, как рисует его Деникин, генерал Иванов был совершенно лишен той смелости, которая «города берет».

---

* *Деникин Г.* Очерки Русской смуты. Т. I. Вып. 1. С. 50.

К тому же присылка частей, ожидаемых с фронта, как-то странно запаздывает или просто отменяется. Генерал Иванов не понимает, в чем дело, и весь следующий день проходит в обмене телеграммами об ускорении отправки вспомогательных частей. Часть этих депеш не доходит по назначению; впрочем, Ставка об этом особенно и не старается; когда нужно будет, ее телеграммы не пропадут*.

Все эти непонятные задержки смущают, в конце концов, ген. Иванова, дальнейший путь которого идет уже не прямо, а зигзагами, как ход шахматного коня. По дороге встречаются поезда, идущие из столицы. Они переполнены вооруженной, орущей солдатней, агитаторами, дезертирами, всей накипью, выкинутой мятежом из Петрограда. Генерал Иванов приказывает остановить эти поезда. С них сходит целая орава, которой он грозит ужаснейшими наказаниями; от гнева трясется его седая борода, он грозен, но не страшен. В конце концов, все снова садятся по вагонам и разъезжаются, не причинив друг другу особого вреда; задержано только, по приказанию генерала, человек двадцать зачинщиков. Что делать с этой сволочью? Генерал Ренненкампф, не задумываясь, приказал бы украсить ими ветви ближайших деревьев, но генералу Иванову претят суровые меры: он будет воз-

---

* Ген. Тихменев в своей брошюре «Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке» рассказывает, что, беседуя с ген. Ивановым перед отъездом последнего, он выразил сомнение в том, что телеграммы из Ставки будут доходить до Иванова. «Я оказался прав, — продолжает ген. Тихменев. — Из нескольких посланных Ивановым телеграмм (о чем я узнал от него уже позже) я получил только одну. А моих телеграмм он не получил вовсе».

Может, конечно, показаться странным, что в тот день, когда революция локализировалась еще лишь только в Петрограде, и войска в действующих армиях оставались верными, Ставка вдруг потеряла контроль телеграфных сообщений, да еще с поездом Иванова, везшим эшелон войск. Это тем более удивительно, что ряд других телеграмм Ставки прекрасно доходил по назначению и получался незамедлительный ответ. К ним относятся все депеши Ставки, связанные с отречением Государя, а также ряд телеграмм во время следования поезда ген. Иванова. (Ген. Иванов 28 февр., спешно, секретно № 1 главкозапу и № 2 главкосеву; Данилов, 28 февр. № 1165-Б и № 1166-В; Рузский, 28 февр. № 1168-В; Гулевич, 1 марта № 535; Тихменев генералу Иванову 1 марта № 278; подполк. Кринский ген. Тихменеву № 3; ген. кн. Трубецкой ген. Иванову, 1 марта, № 154). Наконец, предательская телеграмма ген. Алексеева ген. Иванову от 28 февраля, в которой нач. штаба Главковерха сообщал заведомо ложные сведения о положении в Петрограде, была послана Иванову в десяти экземплярах, дабы он ее получил наверняка, где бы он ни находился (*Блок А.* Последние дни старого режима // Архив Русской Революции. Т. IV. С. 43 и 47.)

ить за собой своих пленников, пока их всех, одного за другим, не выпустят на волю, как почтовых голубей, несущих радостную весть о русской революции.

В Вырице сведения плохие: министры в Петрограде арестованы и войска в Царском Селе взбунтовались. В связи с этим генерал Иванов решает изменить свой план; вместо того, чтобы продвигаться к столице, он спешно бросается на спасение Императрицы и Царских Детей в Царское. К вечеру он прибывает туда со своим отрядом.

Как обстоит в этот момент положение? В руках у Иванова георгиевские кавалеры, Тарутинский полк только что прибыл в Александрово, повсюду в окрестностях — Гатчине, Вырице, — верные войска, готовые выступить. Итак, генерал Иванов может действовать решительно, и таково его твердое намерение: занять в Петрограде Царскосельский вокзал, поместить там свой штаб, собрать крепкое ядро из лучших частей, обратиться с требованием к мятежникам, посеять в их рядах панику и разногласие и, если представится необходимым, прибегнуть к пороху. Так быстро можно покончить с крикунами, вся смелость которых происходит лишь от слабости властей. Вот что генерал, Иванов намеревается сделать... но не делает.

Вместо того, чтобы сразу приступить к этой решительной чистке, он медлит в Царском, тем самым отдавая своих солдат в жертву эмиссаров бунтовщиков, старающихся их распропагандировать, и генерала Пожарского, который твердит им на все лады, что грешно стрелять по народу.

Между тем, Ставка с безпокойством следит за событиями.

В этот момент Государь находится в Пскове. Он попался в столь ловко расставленные сети. Да, но Он еще может из них вырваться; Он по-прежнему Верховный Главнокомандующий, имеющий право приказывать. Генерал Иванов, со своей стороны, тоже может действовать и трескотня нескольких пулеметов превратит тогда бунтующую толпу в стадо, объятое паникой... Нет, нужно во что бы то ни стало парализовать действия генерала Иванова, и его бомбардируют телеграммами, ища его повсюду; он получает одну из них ночью. Это телеграмма* генерала Алексеева: порядок восстановлен в Петрограде, там с нетерпением ожидают Государя, миссия генерала Иванова становится, таким образом, безполезной.

---

*Телеграмма от 28 февраля 1917 г. № 1833 // Русская Летопись. Кн. III. С. 120.

Все это наглая ложь. Алексеев обманывает Иванова, как он все время обманывал Царя. Но старый генерал недоверчив. Эти уговоры кажутся ему подозрительными. Он получил приказание действовать и он обязан действовать. Но прежде чем выступить на Петроград, необходимо обезпечить безопасность Царской Семьи и для этого обезоружить Царскосельский гарнизон. Это может сделать оставшийся верным и к тому же довольно многочисленный Дворцовый гарнизон. Все это хорошо, но здесь возникает формальное препятствие: Дворцовый гарнизон подчинен только дворцовому коменданту, должность которого в это время исполняет ген. Ресин; захочет ли ген. Ресин исполнить приказание Иванова? Вероятно, нет, если не будет на то особого распоряжения Императрицы. И, несмотря на ночной час, генерал Иванов решает поехать во Дворец просить об этом Императрицу.

Иванов смотрит на этот шаг как на формальность, он так уверен в согласии Ее Величества, что берет с собой заготовленное им воззвание к населению.

Проходя мимо и. д. дворцового коменданта ген. Ресина, генерал Иванов передает ему черновик своего приказа. «Распорядитесь, чтобы этот приказ был сейчас же отпечатан, я велю завтра расклеить его на стенах Петрограда», — говорит он ему. Но час спустя Иванов, подавленный, выходит от Императрицы. «Все изменилось, — объясняет он Ресину. — Я доложил Ее Величеству мой план действий и Она его одобрила. Но, когда я попросил Ее приказания для приведения его в исполнение, Она наотрез отказалась»... — «Государь дал вам поручение, — сказала мне Она, — вы должны повиноваться Ему, а не Мне. Поступайте согласно вашей совести»... Но трудно было генералу Иванову разобрать, что подсказывает ему совесть. Он получает телеграмму от Государя, с несколькими милостивыми словами и просьбой ничего не предпринимать до Его приезда; с другой стороны, известия, доходящие из Петрограда, по-видимому подтверждают официальный оптимизм: Дума проявила свои монархические чувства, теперь остается только не мешать ей восстановить порядок... потом, Бог даст, все наладится...*

Поколебленный, хотя и не убежденный, генерал Иванов решает возвратиться в Вырицу, собрать там кое-какие части, достигнуть Гатчины, где гарнизон остался верным, и оттуда идти

* *Ген. Лукомский.* Из воспоминаний. С. 21. Неопубликованный дневник графа П. Н. Апраксина.

на Петроград. Как только Дума узнает об этом плане, начинается паника: инженер Ломоносов, ставший во время революции во главе управления железных дорог, рассказывает в своих воспоминаниях, что между его сослуживцами обсуждался уже следующий важный вопрос: будут ли они повешены по всем правилам искусства или просто на фонарях. Один из инженеров, Седельников, перепуганный такими мрачными шутками, предпочитает бежать. То же намереваются сделать и другие; но события с часа на час изменяют положение. Кому-то приходит, наконец, мысль загородить путь на Гатчину, устроив на пути крушение, вследствие чего генерал Иванов оказывается отрезанным от войск этого города. Тогда генерал решает идти на Петроград с тем отрядом, который у него под рукой.

Он звонит по телефону в Министерство путей сообщения.

«Я генерал Иванов».

«Я профессор Ломоносов».

«Мне управляющий Виндавской линии сказал, что вы распоряжаетесь движением, и что он без вас не может сделать никаких распоряжений. Что это значит?»

«Будем хитрить», — решает Ломоносов и отвечает:

«Ваше превосходительство, в столь ответственное время распоряжение дорогами должно быть сосредоточено в одних руках. Линия же Витебск-Петроград одна из важнейших в военном отношении».

«Кто вы такой?» — недоумевает Иванов.

«После ареста начальника управления Беляшева, я несу его обязанности».

«По Высочайшему повелению я следую в Петроград», — заявляет генерал, очевидно предполагавший, что Ломоносову ничего не известно о его миссии. И Ломоносов спешит укрепить его в этом заблуждении.

«Хотя из Ставки такого распоряжения не было, — говорит он, — я вам верю на слово, но не могу вам гарантировать безопасный проезд в Петроград».

«Почему?»

«Для встречи вашего поезда на 6-й версте сосредоточено четыре батареи артиллерии и тысяч двадцать пехоты. Переговорите с Думой».

Ломоносов лжет без зазрения совести; он бросает свою последнюю карту.

Иванов продолжает:

«Очень признателен за эти сведения. Они вполне точны?»

«Помилуйте, ваше превосходительство! осмелюсь ли я»...

Генерал Иванов колеблется, поезд его маневрирует у самой Гатчины, которую он считает ключом Петрограда. Эти передвижения возбуждают безпокойство в Петрограде. Новый министр путей сообщения посылает ему телеграмму за телеграммой, настаивая на отводе войск, присутствие которых — о ирония! — мешает будто бы Государю приехать в Свою столицу. Генерал Иванов не сдается, он ожидает обещанной поддержки с Фронта; не получая ее, он посылает генералу Алексееву настойчивую телеграмму: нет известий об обещанных войсках, поезд его задержан, он просит принять срочные меры для обуздания администрации пути, которая, по-видимому, перешла на сторону революции.

Наивный Иванов! Как Алексеев должен смеяться, читая его телеграмму! Да, смеяться, ибо в Пскове в это время идет решительная игра, и у Ставки в руках уже все козыри. В Пскове ожидают прибытия думских эмиссаров, которые явятся требовать от Государя отречения, и ген. Данилов, на свой страх, отдает приказ войсковым частям, посланным с Северного фронта в распоряжение генерала Иванова, повернуть обратно.

У Иванова остается только его маленький отряд, путь на Гатчину отрезан. Что он может сделать? Только ждать. И в эту же ночь, в Своем вагоне на станции Псков, Государь подписывает Свое отречение.

На другой день, 3 марта, следующая телеграмма Родзянко, как громом, поражает генерала Иванова;

«№ 185. Генерал-Адъютант Алексеев телеграммой от сего числа № 1892 уведомляет назначение главнокомандующим войсками Петроградского округа генерал-лейтенанта Корнилова. Просит передать Вашему Высокопревосходительству приказание о возвращении вашем в Могилев».

Это конец. Измена победила.

А между тем: ... «растерянность и всеобщее непонимание положения в столице были так велики, что один твердый батальон, во главе с начальником, понимавшим, чего он хочет, мог повернуть вверх дном всю обстановку»*.

Да, решительный начальник, батальон верных солдат, быстрота действий, и судьба России — да и всего міра — была бы иная.

**Деникин.* Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 47.

6. Отречение

Что произошло за это время в Пскове?

Эта ночь, 1 марта, в Царском поезде прошла в тревожном ожидании. Генерал Рузский должен был вернуться доложить Государю о своем разговоре с Родзянко, но время проходило, брезжил уже голубой свет наступающего утра, а о главнокомандующем все еще не было никаких известий.

Государь тоже не спал. Уйдя в Свое купе, Он горячо молился; несчастный Отец не мог оторвать глаз от портрета Отрока — Наследника, на которого, казалось, смерть уже наложила свою печать, и Он покрывал поцелуями изображение Своего больного Сына*.

Государь не делал Себе никаких иллюзий насчет благотворного действия манифеста, подписанного Им с таким тяжелым чувством. Он знал тех людей, которые присваивали себе теперь право распоряжаться судьбами России. Он знал их самомнение, их неспособность, их полнейшее непонимание действительности. Как Он говорил генералу Рузскому, мысль быть превращенным в конституционного Монарха возмущала Его религиозное чувство, Его понятие о долге и об ответственности перед Богом. Вероятно, тогда уже мысль об отречении явилась Ему, как выход из положения.

Но все же в четверть шестого, напрасно прождав прибытия генерала Рузского, Государь приказал телеграфировать генералу Алексееву опубликовать манифест, подписанный в эту ночь, после чего Он лег отдохнуть.

В течение этого времени главнокомандующий вел с председателем Государственной думы разговор, который мог бы показаться совершенно бессвязным, если бы с тех пор не стала известна настоящая его подкладка.

По мере того, как на аппарате развертывалась лента с отпечатанными на ней словами двух лиц, отделенных друг от друга сотнями верст, — слова эти, одни за другими, немедленно передавались в Ставку, где, таким образом, следили за всем разговором.

Генерал Рузский начинает с краткого описания прибытия Государя и разговора, который он имел с Ним; говорит об ответственном министерстве, о назначении Родзянко и спрашивает его мнение относительно немедленного опубликования мани-

---

*По рассказу камердинера Государя. (*Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России // Русская Летопись. Кн. III. С. 57.)

феста. Родзянко, в порыве удовлетворенного честолюбия, хочет знать точный текст манифеста, но тотчас же спохватывается, входит в туманные объяснения о развертывающихся в Петрограде событиях, запутывается, повторяется, говорит о самом себе, как об единственном лице, чьи приказания исполняются безпрекословно, объявляет с самодовольством, что он велел заключить в крепость всех министров прежнего Правительства и тут же признается, что боится сам туда же попасть с минуты на минуту. Одним словом, манифест опоздал. Государю остается только одно — отречься от Престола. Генерал Рузский поражен внезапной переменой требований Родзянко. Неужели для него недостаточно уже стать председателем Совета министров? Не метит ли он в президенты будущей Российской республики? Не хочется ли ему стать регентом Государства, с Великим Князем Михаилом Александровичем в качестве подставного лица? Или же Родзянко чувствует, что тайные силы, направляющие все движение, уже обошли его, и вся его наглость лишь маска, под которой скрывается гримаса страха?

Одно генерал Рузский понимает ясно, это то, что во второй раз за эти сутки судьба Монархии оказалась у него в руках.

В нескольких шагах от него спит в Своем вагоне Тот, Кому он присягал в верности; сам он командует целым фронтом, одного небольшого отряда которого было бы достаточно для окончательного усмирения восстания; поможет ли он Государю удержать Престол, возьмет ли он на себя роль Монка? Да, но последние слова Родзянко еще приятно звучат в его ушах: «Да поможет вам Бог, наш доблестный вождь, — скоро победить неприятеля!» — Наш доблестный вождь! Не есть ли это обещание, которое надо понять с полуслова! В конце концов, если Государь отречется от Престола, пост верховного главнокомандующего освободится, и он, Рузский, конечно, имеет больше прав на него, чем эта тряпка Алексеев... Как все неврастеники, Рузский подвержен таким болезненным колебаниям воли, порывам отчаяния и надежды.

Разговор с Родзянко, начатый в три с половиной часа ночи, оканчивается только в семь с половиною утра.

Генерал Рузский, совершенно измученный, не зная, как поступить, решает немного отдохнуть, прежде чем явиться к Государю. «Утро вечера мудренее», — говорит пословица, и хотя утро уже настало, старому генералу кажется, что еще продолжается все тот же безконечный вчерашний день.

Пока Рузский дремал, в Ставке приняты были важные решения. Новое требование Родзянко вовсе не являлось неожиданностью для генерала Алексеева и его штаба. Возможность отречения давно уже предвиделась Алексеевым; с терпением исполнительного штабного офицера издавна и тайно подготовлял он тот государственный переворот, который и должен был осуществиться.

По получении телеграммы, содержащей сумбурные заявления Родзянко, генерал Алексеев понимает, что настал час раскрыть свои карты. Он так торопится вырвать от Государя отречение, что поручает представителю Министерства иностранных дел в Ставке Базили составить немедленно проект манифеста об отречении, который по телеграфу будет сообщен Государю. Кроме того, он велит передать Рузскому приказание разбудить Государя, «отбросив всякие этикеты», и безотлагательно сообщить Ему новое требование председателя Думы и настойчивый совет Ставки согласиться на него.

Начинается разговор по прямому проводу между генерал-квартирмейстером Ставки Лукомским и генералом Даниловым, заменяющим главнокомандующего. Генерал Лукомский и «черный Данилов» фамильярно и с оттенком пренебрежительности рассуждают о Государе.

Данилов не усматривает препятствий к тому, чтобы разбудить Государя, «отбросив всякие этикеты», но он не смеет беспокоить главнокомандующего, который только что лег спать. К тому же уже девять часов, а в десять генерал Рузский должен отправиться к Государю. Данилов высказывает при этом опасение, что главнокомандующему будет несколько затруднительно добиться отречения Государя, после того, как он сам же уверял Его, что для успокоения умов достаточно будет образовать ответственное министерство. Лукомский налету подхватывает этот добрый совет и в десять часов 15 минут, как раз в тот момент, когда Рузский является к Государю, генерал Алексеев отправляет всем главнокомандующим фронтами циркулярную телеграмму, призывая их присоединяться к его голосу, чтобы убедить Царя отречься от Престола*.

Телеграмма эта, сыгравшая такую решительную роль в русской трагедии, была составлена в очень настойчивых выражениях; генерал Алексеев в самом мрачном свете обрисовывал положение в столице, уверял, что отречение Царя требовалось самим

*Телеграмма генерала Алексеева от 2 марта № 1872.

народом, что отказ в этом вызвал бы забастовку железнодорожных служащих, пагубную для снабжения фронта. Все эти сведения были совершенно ложны, как сознался сам генерал Алексеев двадцать четыре часа спустя. Они предназначались только для того, чтобы поразить воображение тех главнокомандующих, которые не знали о заговоре, о других же заботиться не приходилось.

В наступившие потом позорные дни Алексеев не мог простить себе посылки этой телеграммы, следствием которой явилось крушение фронта, армии и самой России.

Генерал Рузский еще не ознакомился с телеграммой, но он уже извещен своим начальником штаба Даниловым о желании Ставки. Жребий брошен, петел пропел: главнокомандующий армиями Северного фронта добровольно становится на сторону революции.

Государь проснулся около восьми часов. За утренним чаем Он казался бледным и утомленным, но как всегда был внешне спокойным и любезным, не выказывая ничем волновавших Его чувств.

В десять с половиною часов Государь принимает Рузского. Генерал старается скрыть волнение. Видя осунувшееся лицо, лучистые, серые, задумчивые глаза своего Государя, которые как бы читают в его темной душе, генерал Рузский чувствует, что язык его отказывается произнести приготовленные слова. Он молча кладет перед Государем ленту своего ночного разговора с Родзянко; он знает, что эта узкая полоса бумаги, которую Государь теперь внимательно читает, повторяет и хвастовство Родзянко, и оскорбительные выпады против Императрицы, и обвинения Царского Правительства и, наконец, наглое требование отречения. Склонившись над столом, Государь прочтет все это, изопьет до конца чашу горечи.

Чтение окончено. Государь встает с кресла и отходит к окну вагона; генерал Рузский тоже встает. Наступает минута ужасной тишины. Государь возвращается к столу, указывает генералу на стул, приглашая опять сесть и спокойным, ровным голосом начинает говорить о возможности отречения.

«Мое твердое убеждение, что Я рожден для несчастья, — говорит Он. — Я ясно сознавал уже вчера вечером, что никакой манифест не поможет. Если надо, чтобы Я отошел в сторону для блага России, Я готов на это, но Я опасаюсь, что народ этого не поймет. Мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клят-

ве, данной в день Священного Коронования, Меня обвинят казаки, что Я бросил фронт»*.

После этого Государь задает вопросы о подробностях разговора с Родзянко, обдумывает, как бы вслух, возможные решения. Рузский высказывает надежду, что Родзянко, быть может, преувеличивает опасность положения и что манифест все успокоит, хотя не скрывает, что, видимо, в Ставке склоняются к мнению о необходимости отречения... Старая лиса думает избегнуть таким образом неприятной обязанности настаивать самому перед Государем...

В это время подают срочную телеграмму Алексеева. Рузский просит у Государя позволения ее распечатать и начинает читать вслух. По мере того, как он произносит предательские слова телеграммы, Рузский чувствует, как он бледнеет под взглядом Царя.

Телеграмма эта — циркуляр генерала Алексеева, разосланный главнокомандующим, о котором мы говорили выше. Алексеев требует от генералов немедленно поддержать перед Государем его мнение о необходимости отречения.

Рузский видит, что попал в западню. Невозможно уклониться от прямого ответа, как он надеялся, невозможно перенести на Ставку всю ответственность предпринятого шага, невозможно умыть руки, как Пилат. Надо ответить, высказаться открыто, здесь же, перед ожидающим Государем, за или против отречения, за или против революции.

«Что же вы думаете, Николай Владимирович?» — спрашивает Государь.

Смущенный и встревоженный, Рузский мнется и старается выиграть время.

«Вопрос так важен и так ужасен, что я прошу разрешения Вашего Величества обдумать эту депешу, раньше чем отвечать. Депеша циркулярная. Посмотрим, что скажут главнокомандующие остальных фронтов. Тогда выяснится вся обстановка».

Государь видит растерянность генерала. Он смотрит на него с жалостью.

«Да, и Мне надо подумать», — говорит Он и отпускает Рузского до завтрака.

Перед завтраком Государь вышел из вагона и некоторое время гулял один по платформе. В уме Своем Он перебирал события,

---

* *Вильчковский С. Н.* Пребывание Государя Императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. по рассказу ген.-адъют. Н. В. Рузского // Русская Летопись. Кн. III. С. 178.

обрушившиеся на Него с такой быстротой в течение нескольких часов, и пробовал разобраться в этом невероятном сплетении роковых причин.

Не прошло и сорока восьми часов со времени Его отъезда из Ставки, где, окруженный верными войсками, Он повелевал почти двумястами миллионами подданных, как Ему уже приходится слушать дерзкие советы, почти приказания Своих генералов об отречении от Престола.

Он, соединявший в Себе двойную и могущественную власть Самодержца и Верховного Главнокомандующего, ясно сознавал, что генерал Рузский не подчинится Его приказу, если Он велит подавить мятеж, бушующий в столице. Он чувствовал, что тайная измена опутывала Его, как липкая паутина, но назвать прямо некоторые имена Ему было слишком тяжело.

Генерал Рузский медлил явиться. Государь позавтракал один, против Своего обыкновения, ибо за Высочайшим столом продолжал соблюдаться строжайший этикет, не отмененный даже в эти тревожные дни.

Между тем, главнокомандующий с нетерпением ожидал ответа других генералов на телеграмму, Алексеева. В зависимости от того, будут ли эти ответы склоняться за или против отречения, сам он, Рузский, увидит, как ему надо поступить. Наконец, в два с половиной часа пришла длинная телеграмма из Ставки, содержащая ответы Великого Князя Николая Николаевича, генералов Брусилова и Эверта.

Все три главнокомандующие высказывались в пользу отречения.

Это было могучее оружие в руках Рузского; тем не менее, у него не хватило смелости говорить с глазу на глаз с Государем. Завтракая с генералами Даниловым и Саввичем, он заявил им: «Я вижу, что Государь мне не верит. Сейчас пойдем к Нему втроем, пускай Он, помимо меня, еще выслушает вас».

Все трое немедленно были приняты Государем в салон-вагоне.

Данилов и Саввич чувствовали себя страшно смущенными той печальной ролью, которую им приходилось играть. Государь предложил всем сесть. Рузский взял стул, но оба генерала не решились этого сделать и во все время разговора стояли навытяжку.

Генерал Рузский доложил Государю ответы главнокомандующих. Момент был тяжелый. Несмотря на всю Свою выдержку,

Государь не мог скрыть чувства горечи, прочтя телеграмму Своего начальника штаба, этого человека, облагодетельствованного Им и отрекающегося от Него в несчастии.

Генерал Рузский безстрастным голосом стал перечислять все причины, требующие отречения от Престола; он заговорил о желании Ставки.

«Да, — заметил Государь, — но я не знаю, хочет ли этого вся Россия».

Эти простые слова смутили главнокомандующего, который обратился за поддержкой к своим помощникам.

«Я прошу Ваше Величество выслушать мнения моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом простые люди».

Решение Царя было уже принято; Ему претила комедия, которая разыгрывалась перед Ним, Он спешил с ней покончить. Встревоженный Рузский продолжал настаивать. Наконец, Государь, обратившись к застывшим в своих позах генералам, произнес:

«Хорошо, но только я прошу откровенного мнения».

Оба «в высшей степени самостоятельные» генерала повторили без ошибки затверженный урок. Все же генерал Саввич почувствовал, что рыданья сдавливают ему горло, когда заявил, что вполне присоединяется к мнению главнокомандующего.

Наступило общее молчание, длившееся одну-две минуты... затем Государь сказал:

«Я решился. Я отказываюсь от Престола», — и перекрестился. Перекрестились и генералы.

Произошло событие огромной важности, самое, быть может, значительное во всей тысячелетней истории России: отречение Помазанника Божия, Царя Самодержца Святой Руси.

Впоследствии, гораздо уже позднее, в Своей Екатеринбургской тюрьме, когда в ожидании смерти Государь, казалось, освободился от всех страстей и забот земных, Он произнес однажды следующие слова: «Бог не покидает Меня. Он дает Мне силы простить всем врагам, но Я еще не могу победить Себя в одном: Я не могу простить генерала Рузского».

Государь удалился к Себе и через несколько минут появился дворцовый комендант Воейков. Характера замкнутого и насмешливого, сухой и холодный в обращении, Воейков, несмотря на свою искреннюю преданность Государю, не пользовался симпатиями Царского окружения. Его, совершенно, впрочем, напрасно, считали человеком, имеющим влияние на Царя.

Его встретили неохотно и недружелюбно, и разговор начинал становиться неприятным, когда вошел бледный, расстроенный граф Фредерикс. Он только что узнал из уст Самого Государя об Его отречении.

Этот восьмидесятилетний старик, верой и правдой служивший трем Императорам, не мог свыкнуться с мыслью видеть в своем Государе лишь частного человека.

«Никогда не ожидал, что доживу до такого ужасного конца. Вот что бывает, когда переживешь самого себя», — повторял он с горечью.

Снова вошел Государь с двумя только что составленными Им телеграммами в руках и передал их генералу Рузскому для немедленной их отправки.

Первая телеграмма на имя Родзянко, была следующего содержания:

«Нет той жертвы, которой Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой Матушки России. Посему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия»

Генерал Рузский посоветовал прибавить к этому «при регентстве Моего Брата, Великого Князя Михаила Александровича», что и было приписано.

Вторая телеграмма на имя генерала Алексеева содержала лишь следующие слова: «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всех служить Ему верно и нелицемерно».

Но едва только Рузский ушел от Государя с этими двумя документами, как ему вручили телеграмму из Петрограда, извещавшую о прибытии к семи часам двух делегатов Государственной думы.

Это событие совершенно изменяло только что принятые решения. Было очевидно, что прежде всего надо узнать о намерениях нового Правительства и о предложениях, которые представят Государю его эмиссары Гучков и Шульгин. Генерал Рузский немедленно возвратился доложить об этом Государю, который потребовал от него обратно Свои ненужные телеграммы.

Главнокомандующему все же удалось сохранить у себя одну из них с целью использовать ее для своей выгоды, в зависимости от того, как повернутся события.

Между тем, Свита, собравшаяся в это время в купе лейб-медика профессора Федорова, узнала от графа Фредерикса о

происшедших событиях. После момента невольного ужаса, даже эти безпечные люди сообразили, какую опасность представляет оставшаяся в руках Рузского телеграмма об отречении. От Государя получить разрешение вернуть назад роковую телеграмму удалось, но генерал Нарышкин, посланный с этим деликатным поручением к Рузскому, добиться возвращения этого документа не смог.

Началось хождение взад и вперед; несколько раз являлись к Государю то генерал Рузский, желающий облечь свой отказ в почтительную подобающую для Монарха форму, то профессор Федоров от имени Свиты, настаивавший на возвращении телеграммы. В конце концов, Рузскому пришлось уступить: он передал предмет этого спора Нарышкину, который вручил его Государю.

Среди всех этих людей, обуреваемых различными чувствами: честолюбием, страхом, негодованием, надеждою, Один только Государь сохранял спокойствие.

За эти ужасные двадцать четыре часа, проведенные на затерянной, глухой станции, вдали от Ставки, от столицы, от Семьи, в ожидании и тревоге, Он больше научился познанию человеческой души, чем за двадцать лет царствования. На Его глазах верность, преданность, присяга всех тех, на кого Он был вправе рассчитывать, обращались в прах.

Но, как бы ни были горьки Его чувства, вызванные «изменой, трусостью и обманом», Государь ничем этих чувств не выдал.

Эти часы скорби и смирения наложили на лицо Императора Николая II ту печать умиротворенного спокойствия, которое освещает лики отшедших от мірских сует угодников, то внутреннее сияние, перед которым опускали глаза самые свирепые палачи, выражение того истинного величия, с которым Он прошел через все испытания, унижения, муки, чтобы встретить смерть и войти в безсмертие.

Около пяти часов Государь вышел перед чаем на обычную прогулку с дежурным флигель-адъютантом полковником герцогом Лейхтенбергским; Он шел не спеша, спокойно разговаривая с герцогом. Известие об отречении уже распространилось, и Государь чувствовал на Себе взоры любопытные, печальные, сочувствующие, враждебные... Но Он продолжал идти все тем же медленным и размеренным шагом. Проходя мимо свитского вагона, Государь увидел у окна генерала Дубенского и приветливо кивнул ему головой.

Вернувшись к Себе, Государь имел с лейб-медиком профессором С. П. Федоровым знаменательный по своим последствиям разговор:

«Неужели Вы думаете, Ваше Величество, что Вам разрешено будет иметь при Себе Сына после отречения?» — спросил Федоров.

«Отчего же нет? — ответил с удивлением Государь. — Он еще ребенок и вполне понятно, что Он должен остаться в семье до совершеннолетия. В это время Мой брат Михаил будет на правах Регента управлять государством».

«Нет, Ваше Величество, едва ли это будет возможно, и Вы не должны на это рассчитывать».

Государь молча задумался... затем обратился к Федорову с вопросом:

«Скажите мне откровенно, Сергей Петрович, думаете ли вы, что болезнь Наследника неизлечима?»

«Ваше Величество, наука говорит, что болезнь эта неизлечима, хотя страдающие ею часто живут очень долго. Здоровье Наследника всегда будет под угрозой малейшего несчастного случая».

«Если так, — произнес как бы про Себя Государь, — Я не смогу расстаться с Сыном. Это было бы выше Моих сил... тем более, что состояние Его здоровья дает Мне право оставить Его при Себе».

Таким образом, было принято решение, которое, устраняя от Престола прямого Наследника, сделало Великого Князя Михаила Александровича, честного, но слабого и нерешительного, призрачным Монархом, царствование которого продолжилось не более суток.

Ни трагические переживания этого дня, ни волнения, ни утомление безсонной ночи, ни тревожное ожидание эмиссаров Государственной думы, ни безпокойство всех этих людей, отрезанных от остальной России, ничего не знающих о судьбе своих семей, не могли, хотя бы на йоту, изменить правила этикета, предписанного раз навсегда Государем.

Часто говорят о лицемерии монархов; при этом забывают, что выпавшее им на долю особое представительное существование на виду у всех, вынуждает их скрывать свои чувства, владеть собой, играть свою царскую роль до конца. И этикет, кажущийся какой-то китайской церемонией, именно и составляет остов этой придворной жизни и дисциплину, добровольно принятую на себя королями и императорами.

Итак, в пять часов, по обыкновению, был подан чай. С тяжелым чувством собрались генералы, офицеры и придворные чины вокруг общего стола, где впервые после отречения, занял место Государь.

Государь поддерживал разговор, который не клеился, обращаясь с обычной приветливостью к каждому из присутствующих. Только некоторая нервность движений, когда Он закуривал папиросу, выдавала Его волнение.

Но ни слова о происшедшем, ни намека на чувства, волновавшие этих людей, спаянных привычкой, совместной жизнью и опасностью.

Наконец, Государь удалился к Себе, а офицеры собрались в купе у адмирала Нилова.

Из всех окружавших Государя Нилов, несомненно, был единственным, отдающим себе точный отчет в положении и способным принять требуемые энергичные меры.

Слова верного Царского слуги были полны негодования: «Ведь знал же этот предатель Алексеев, — возмущался он, — зачем едет Государь в Царское Село. Знали же все деятели и пособники происходящего переворота, что это будет 1 марта, и все-таки спустя только одни сутки, то есть за одно 28 февраля, уже спелись и сделали так, что Его Величеству приходится отрекаться от Престола. Михаил Александрович — человек слабый и безвольный и вряд ли Он останется на Престоле. Эта измена давно подготовлялась и в Ставке и в Петрограде. Думать теперь, что разными уступками можно помочь делу и спасти Родину, по-моему, безумие. Давно идет ясная борьба за свержение Государя, огромная масонская партия захватила власть и с ней можно только открыто бороться, а не входить в компромиссы»*.

Приезд Гучкова не предвещал ничего доброго; этот честолюбивый «деятель» не скрывал своей ненависти к Царю, который всегда отказывался назначить его министром. Но имя Шульгина подавало некоторую надежду. Хотя правый член Государственной Думы Шульгин за последнее время и сдвинулся сильно влево, следуя за общим течением, все же казалось невозможным, чтобы такой монархист мог согласиться на оскорбительную для Монарха миссию. Представлялось более вероятным, что он послан к Государю с мирными предложениями от Государственной думы, испуганной эксцессами разнузданной черни.

---

* *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России // Русская Летопись. Кн. III. С. 54.

Одного не подозревали ни в Царском поезде, ни в штабе генерала Рузского, что эти думские эмиссары, эти представители русского народа на самом деле были просто самозванцами, никем не уполномоченными принять или предложить что бы то ни было, или хотя бы даже вступить в переговоры от имени несуществующего Правительства.

Но приближенным Государя казалось очевидным, что от исхода свидания Царя с этими двумя эмиссарами будет зависеть судьба Монархии, а, может быть, и всей России.

Между тем, генерал Рузский, не зная точно, каковы намерения делегатов, дал приказание привести их к себе, прежде чем они увидят Государя.

Такое распоряжение генерала встревожило лиц Свиты; они не без основания подумали, что примирительные намерения делегатов могли бы измениться под влиянием главнокомандующего, и что важно было оградить их от этого влияния, завладев ими немедленно по приезде. Это поручение было возложено на флигель-адъютанта полковника Мордвинова.

Уже давно наступила ночь; томительно, тревожно тянулись часы. Поезд, ожидаемый к семи часам, все не прибывал. Наконец, около десяти часов вдали показались огни паровоза. Поезд, состоящий из двух вагонов, быстро приближался. Не успел он остановится, как Мордвинов уже вскочил во второй вагон; он отворил дверь в купе, слабо освещенное мерцающим огнем свечи, и увидел в тени две неясные фигуры — очевидно думских делегатов: «Его Величество ожидает вас и немедленно примет», — сказал он.

Оба приехавшие были видимо взволнованы. Руки их, которые полковнику Мордвинову пришлось пожать, дрожали. Покрытые пылью, растрепанные, грязные, они скорее похожи были на бежавших каторжников, чем на представителей самодержавного народа. Шульгин попросил позволения привести себя в порядок, раньше чем представиться Государю, но Мордвинов, опасаясь вмешательства Рузского, объявил, что невозможно заставлять ждать Его Величество и поспешно повел делегатов к Царскому поезду.

И, действительно, время не терпело. Едва только они спустились с вагона, как генерал Данилов, посланный ген. Рузским, появился с другого конца платформы, приближаясь быстрыми шагами. Увидев Мордвинова и делегатов, генерал резко повернул кругом и исчез.

«Что происходит в Петрограде?» — спросил Мордвинов своих спутников.

Ответил Шульгин:

«Происходит нечто невообразимое. Мы находимся всецело в их руках, и нас, наверное, арестуют, когда мы вернемся».

«Хороши же вы, народные избранники, облеченные всеобщим доверием! — подумал Мордвинов. — Не прошло и двух дней, как вам приходится уже дрожать перед этим народом!»

«Что вы теперь думаете делать, с каким поручением приехали, на что надеетесь?» –продолжал он вслух.

Шульгин, понизив голос, ответил с оттенком отчаяния:

«Знаете, мы надеемся... что, быть может, Государь нам поможет».

Уже входили в вагон. Гучков и Шульгин сняли свои шубы и вошли в вагон-салон, где они, в ожидании Государя, были приняты графом Фредериксом.

Бедный старик, безпокоясь о судьбе своей семьи, оставшейся в Петрограде, расспрашивал Гучкова о происходящем в столице. Гучков ответил ему с обычной своей грубостью: «В Петрограде все спокойно, но дом ваш сгорел, и что сталось с вашим семейством, неизвестно».

Через несколько мгновений отворилась дверь, и появился Государь. Он был одет в кавказскую казачью форму. Лицо Его выражало лишь ту несколько холодную благожелательность, которую оно имело на официальных приемах.

Он подал делегатам руку, как будто не замечая их замешательства, затем жестом пригласил их всех сесть. Гучков рядом с Государем, Шульгин против Него, граф Фредерикс немного в стороне; наконец, в углу, поместившись за маленьким столом, генерал Нарышкин, начальник военно-походной канцелярии, исполнял должность секретаря. В эту минуту неожиданно явился генерал Рузский, запыхавшийся, с искаженным от гнева лицом.

Он только что узнал о приезде делегатов и был вне себя, видя свои планы разрушенными Мордвиновым. Ворча, генерал уселся против Государя.

Среди наступившего молчания стал говорить Гучков. В самых мрачных красках обрисовал он картину положения. Он говорил, не поднимая глаз, как бы избегая устремленного на него взгляда Государя.

В тот момент, когда Гучков заявил о необходимости отречения Государя в пользу Наследника, Рузский, наклонившись к

Шульгину, шепнул ему с удовлетворением: «Это уже дело решенное».

Когда Гучков кончил, Царь заговорил, причем Его голос и манеры казались гораздо спокойнее, чем взволнованная, несколько приподнятая, речь Гучкова:

«Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от Престола. До трех часов дня Я готов был пойти на отречение в пользу Моего Сына, но затем Я понял, что расстаться со Своим Сыном Я не способен».

Тут Он сделал очень короткую остановку и прибавил, но все так же спокойно:

«Вы это, надеюсь, поймете».

Затем Он продолжал:

«Поэтому Я решил отречься в пользу Моего Брата». Это решение застало делегатов врасплох. Шульгин пробормотал, что он предвидел только отречение в пользу Цесаревича Алексея и просит разрешения поговорить с Гучковым. Царь согласился, но Гучков заявил, что не чувствует себя вправе вмешиваться в отцовские чувства и считает невозможным в этой области какое-либо давление. На лице Царя промелькнула тень удовлетворения. Разговор продолжался. Шульгин выдвинул в пользу нового решения Государя тот довод, что оно устраняло неудобства регентства, давая, вместе с тем, Великому Князю Михаилу Александровичу возможность принести присягу на верность конституции, что бывшему монархисту Шульгину представлялось совершенно необходимым.

Да, но имел ли право Царь отречься за Своего Сына? Может быть, это право Ему не принадлежало? Нарышкин принес том Основных законов Российской Империи. В них не только ничего об этом вопросе сказано не было, но и не предвиделась самая возможность отречения. Итак, положились на волю Царя.

И тогда, перед тем как подписать акт отречения от Престола за Себя и за Сына, перед совершением того, что в глубине Своего сердца верующего человека и Монарха, убежденного в Своем призвании Свыше, Государь должен был считать величайшей жертвой, приносимой во имя Родины, Он обратился к тем, кто называл себя представителями русского народа, со следующим поистине трагическим вопросом:

«Можете ли вы принять на себя ответственность, дать гарантию в том, что акт отречения действительно успокоит страну и не вызовет каких-либо осложнений?»

Мог ли этот призыв к чести тронуть двух самозванцев, которым только что удался один из самых наглых политических обманов, какие знает история? Во всяком случае, у них не хватило мужества произнести то покаяние, которое, быть может, готово было сорваться с их уст... Они ответили, что, насколько можно предвидеть, они осложнений не ждут.

Десять лет спустя в беседе с одним французским журналистом, де-Отклок (Xavier de Hautcloque), Шульгин, вспоминая тягостные события этого вечера и ту жалкую роль, которую он сыграл, не мог скрыть навертывающихся ему на глаза слез стыда и безплодного сожаления.

Во время своего проезда из Петрограда Гучков и Шульгин составили текст отречения, который они предполагали предложить Государю — жалкий документ, пропитанный дешевой революционной фразеологией.

Гучков, опустив взор, молча положил эту бумагу перед Государем.

Царь встал и вышел, унося с собой текст Гучкова.

Акт об отречении был заранее составлен Государем и переписан на пишущей машинке на телеграфных бланках. Через несколько мгновений Государь вернулся, держа в руках эти листочки; Он передал их делегатам, а Гучкову вернул его текст жестом чуть-чуть небрежным, показывая, насколько он Ему показался неуместным.

Делегаты принялись читать вполголоса акт об отречении; он был написан величественно и благородно. Шульгин почувствовал смущение, вспомнив о том недостойном вздоре, который он посмел составить. Он предложил сделать небольшую поправку в последних словах манифеста. Царь сейчас же согласился и тут же приписал ее.

Вот текст этого исторического документа:

«Ставка. Наштаверх.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить Нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое, тяжкое испытание.

Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны.

Судьба России, честь геройской Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша совместно со славными Нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть.

Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним — повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний, и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

НИКОЛАЙ».

Государь подписал манифест карандашом и пометил его 2 марта 15 часов, т. е. тем часом, когда Им было принято решение, задолго до приезда делегатов. Акт этот должен был быть скреплен министром Двора, которому и отнесли его в купе. Несчастный старик, страшно взволнованный, несколько раз принимался сквозь слезы выводить трясущейся рукой свою подпись под документом, положившим конец режиму и лишавшим Престола Государя, которого он глубоко чтил, как Монарха, и любил отеческой любовью.

Отречение Царя влекло за собою назначение нового Верховного Главнокомандующего. Государь избрал Своим преемником в Ставке Великого Князя Николая Николаевича, уже исполнявшего эту высокую должность. Вместе с этим Царь подписал назначение князя Львова председателем Совета министров. Об этом просили Гучков и Шульгин.

Когда все было кончено, обменялись несколькими словами о будущей судьбе Государя и Царской Семьи. Делегаты почтительно осведомились у Царя о Его намерениях. Было решено, что

Государь возвратится в Ставку, чтобы проститься с армией, после чего Он поедет в Царское Село. Оттуда Царская Семья уедет в Крым или за границу, где будут жить частными людьми.

Делегаты от имени Временного правительства взяли на себя обязательство облегчить Государю приезд из Могилева в Царское. Мы увидим ниже, каким образом новые властители России сдержали это обещание.

Была уже полночь, когда думские делегаты удалились вместе с генералом Рузским. Перед уходом они выдали расписку в получении документа об отречении, составленную в следующих кратких выражениях: «Высочайший Манифест от 2 марта 1917 года получил». — «Подписали: Александр Гучков. Шульгин. 2 марта 1917 г. (24 часа)».

Итак, ровно в полночь 2 марта Самодержавная Монархия в России окончила свое существование.

Вернувшись к Себе, Государь раскрыл Свой дневник и под датой 2-го марта написал следующие горькие и страшные слова: «Кругом измена и трусость и обман».

Между тем, пять часов спустя Родзянко телеграфировал уже Рузскому, что манифест об отречении, на которое с такой болью согласился Государь, стал более ненужным. Великого Князя Михаила Александровича так же не желали, как не желали Государя. Надо было повременить с приведением манифеста в исполнение. Тут Рузский увидел, как нагло он обманут Родзянко, и тогда только понял, что служил лишь слепым орудием в руках людей более сильных и более умных, чем он сам. Он удивляется, негодует требует объяснений: возможно ли, чтобы делегаты Временного правительства не знали о намерениях последнего? Из кого составлено это Правительство? Ответы получаются неопределенные; Родзянко путается сам: он знает только, что председательствует в каком-то Правительстве, но есть ли это Верховный совет или Думский комитет, сказать он не может. Ответственно ли новое министерство и перед кем?.. Об этом Родзянко не знает ничего; он спешит окончить неловкий для него разговор и старается отвязаться от Рузского шаблонным заявлением о патриотизме армии.

Генерал Рузский, потеряв терпение, сухо отвечает Родзянко, чтобы он впредь сообщался непосредственно со Ставкой, куда выехал Государь.

Действительно, в час ночи Царский поезд отбыл из Пскова. Пока он мчался в ночной тьме, увозя отрекшегося Государя, телеграф между Петроградом, Псковом и Ставкой деятельно рабо-

тал, разрушая все, что уцелело еще от мощи России, и делая напрасной тяжелую жертву, принесенную Государем во имя того, что Он считал благом Своего народа.

Ровно через шесть часов после подписания акта отречения генерал Алексеев, получив телеграмму Рузского, передающую ему разговор его с Родзянко, воскликнул: «Никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от Престола».

И Алексеев делает слабую попытку исправить свой великий грех. Он немедленно шлет главнокомандующим новую циркулярную телеграмму, в которой обвиняет Родзянко в том, что в его сообщениях нет искренности и откровенности; жалуется на стремление Родзянко «побудить представителей действующей армии присоединиться к решению крайних элементов, как к факту совершившемуся и неизбежному». Вместе с тем, Алексеев с неожиданной прозорливостью указывает, что «очерченное положение создает грозную опасность более всего для действующей армии», что это «ввергнет Россию безнадежно в пучину крайних бедствий, повлечет потерю значительной части территории и полное разложение порядка в губерниях, которые остались за Россией, попавших в руки крайних левых элементов».

Все это Алексеев понимает только в шесть часов утра; пойми он грозящую опасность на несколько часов раньше, отмени он вовремя свою первую преступную телеграмму главнокомандующим или хотя бы умоли он в последнюю минуту Государя не подписывать отречения, заверь Его в своей готовности служить Ему нелицемерно и подавить бунт — все бы изменилось, и Россия не погибла бы в «пучине крайних бедствий».

Но в полночь, Алексеев еще не прозрел, а на заре 3 марта подточенное при его участии здание русского Государства с оглушительным треском рухнуло, похоронив в своих развалинах все то, что он хотел спасти.

Спасти как? По-видимому, попыткой военной диктатуры. Но и в этот решительный момент Алексеев малодушничает; как начальник штаба он заменяет Верховного Главнокомандующего, значит он может приказать сам, распорядиться безконтрольно, послать, если нужно, войска для подавления бунта. Но он боится, ему хочется разделить ответственность с другими, и он не приказывает, а просит высказать мнение о созыве съезда главнокомандующих в Могилеве.

На эту депешу известен лишь один ответ Рузского: он высказывается против собрания главнокомандующих, следовательно против плана возможной диктатуры. Искупление начиналось.

. . . . . .

В ночь на 4 июля 1918 года Император Николай II, сосланный в Сибирь по приказанию Временного правительства, которому Он с таким благородством доверил Свою судьбу, был зверски убит вместе со Своей Семьей в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге.

Два с половиной месяца спустя генерал Алексеев, гонимый революцией, успеху которой он сам способствовал, умирал в рядах белой армии от болезни, истощения, быть может от горя...

Еще через две недели в холодную, туманную октябрьскую ночь на Пятигорское кладбище, к вырытой накануне могиле, приведена была партия «буржуев-заложников». Большевицкие палачи долго работали шашками... на рассвете на месте ямы высилась насыпь свежей земли...

Среди заложников, убитых в эту ночь, находился бывший главнокомандующий армиями Северного фронта, генерал-адъютант Николай Владимирович Рузский.

7. Измена

Владимир Дмитриевич Набоков, член центрального комитета кадетской партии, личный друг Милюкова и кандидат заговорщиков на портфель министра юстиции шел утром 2 марта в Государственную думу осведомиться о происходящих событиях. Площадь перед Таврическим дворцом была сплошь запружена толпой; на дорожках, ведущих к подъезду, происходила неописуемая давка, в воздухе раздавались возгласы и крики. У входа какие-то юноши еврейского типа опрашивали прибывающих. Людская волна внесла Набокова в вестибюль. Необычный вид думских зал, битком набитых кричащими людьми, привел корректного Набокова в изумление; но еще больше удивился он, узнав состав нового министерства, список которого ходил по рукам. В список этот вошли главным образом, конечно, давно знакомые имена, которые не раз назывались на тайных совещаниях у Коновалова; но сразу бросалось в глаза два новых и совершенно неожиданных имени — министра юстиции Керенского и никому неведомого молодого Терещенко, про которого говорили, что он купил портфель министра

финансов за пять миллионов рублей, пожертвованных им вовремя на революцию.

Какой-то любезный журналист взялся провести Набокова к его друзьям. Проходя по кулуарам, они встречали много знакомых лиц, среди них и нового главу правительства, князя Львова. Пришибленный вид его и растерянное выражение лица поразили Набокова. Где-то в задней комнате отыскали, наконец, Милюкова, окруженного женой и друзьями. С пером в руке он поправлял текст только что произнесенной им в большом думском зале речи. В ней он объявил о создании нового правительства, причем высказался лично за монархический строй для России с Царем Алексеем Николаевичем, при регентстве Великого Князя Михаила Александровича.

Как видно, Милюков предупреждал события, так как в это время отречение Государя Императора еще не состоялось; прибавим, что программа кадетского лидера не могла бы осуществиться и впоследствии: Государь отказался от Престола и за Своего Сына, а вопрос о Великом Князе Михаиле Александровиче разрешился иначе и весьма неожиданно.

На другой день, 3 марта утром, известие об отречении Государя в пользу Своего Брата, Великого Князя Михаила Александровича, облетело город. Около двух часов пополудни князь Львов вызвал по телефону Набокова к князю Путятину, где находился Великий Князь, и сообщил ему о только что происшедшем здесь событии, грозящем неисчислимыми и роковыми последствиями.

Действительно, в это самое утро, как только стало официально известно об отречении Государя, члены правительства и думский комитет вместе с новым Императором собрались для совещания у князя Путятина.

Был поставлен вопрос чрезвычайной важности: должен ли Великий Князь Михаил Александрович принять Престол? Начались горячие споры. Родзянко и Керенский, как представители демагогии, были против; Милюков и Гучков, испуганные разраставшейся анархией, настаивали на принятии Престола. Великий Князь поступил согласно своему слабому и нерешительному характеру: он примкнул к мнению Родзянко. Милюков и Гучков тотчас же заявили о своей отставке.

«Что Гучков уходит, это не беда, — объяснил князь Львов Набокову, — ведь, оказывается, что его в армии терпеть не могут, солдаты его просто ненавидят. А вот Милюкова надо непремен-

но уговорить остаться. Это уже дело ваше и ваших друзей помочь нам».

Лидер оппозиции без труда сдался на усиленные просьбы. Гучков же, которого никто не упрашивал остаться, размыслил, что от министерского портфеля, хотя бы временного, отказываться невыгодно, и больше о своем уходе не говорил. По окончании этих переговоров услужливому Набокову было поручено составить акт об отречении Великого Князя Михаила Александровича. Набоков взял себе в помощники «осторожного и тонкого специалиста по государственном праву» барона Нольде и неизменного Шульгина, только что возвратившегося из Пскова с манифестом об отречении Государя в кармане. Эти три лица, собравшись в детской Путятиных, на Миллионной ул. № 12, составили текст самого необычайного, самого незаконного, самого невероятного документа, известного в истории. Великий Князь не принимал Престола, но и не отказывался от него; он предоставлял решение этого вопроса Учредительному собранию, которое должно было быть созвано на основании всеобщего голосования.

Вот текст заявления Великого Князя Михаила Александровича:

«Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнения народа.

Одушевленный со всем народом мыслью, что выше всего благо Родины Нашей, принял Я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа Нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского.

Призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

МИХАИЛ».

Невозможно, конечно, допустить мысль, чтобы это родившееся из-под пера трех редакторов нагромождение юридических и

логических нелепостей — было результатом простого невежества. Самая научная квалификация, по крайней мере, двух из трех составителей, устраняет подобное предположение, да и главный автор документа Набоков, в своих воспоминаниях, очень настаивает на тщательности, с которой он был продуман.

В чем же заключается смысл акта? Ведь было совершенно очевидно, что Учредительное собрание, созванное под давлением правительства государственного переворота, никогда не признает прав Великого Князя. Итак, его условный отказ был, в действительности, замаскированным отречением. Но для чего г.г. Набокову, Нольде, Шульгину и их хозяевам нужен был этот лицемерный обман? Цель здесь совершенно ясна: если бы Великий Князь Михаил Александрович, или точнее Император Михаил I, формально отрекся от Престола, то, согласно Основным Государственным Законам, право на Престол автоматически перешло бы к следующему по старшинству Представителю Императорского Дома; отрекись и он, право это переходило бы последовательно к другим представителям Династии, и среди них могло бы оказаться лицо менее покладистое, чем Великий Князь Михаил Александрович.

Этого ни в коем случае допустить не хотели. Нужно было, по указу Якова Шифа и К°, положить вообще конец Монархии в России, и потому одного отречения Великого Князя Михаила Александровича было недостаточно. Но, не *отрекаясь* от Престола, а лишь *временно* отказываясь от «*восприятия*» верховной власти, Великий Князь парализовал на неопределенный срок всякую возможность не только реставрации, но хотя бы предъявления другим лицом права на Престол, который вакантным еще не мог почитаться. С другой стороны, в акте заключалось указание на недействительность существующих Основных Законов — что превышало права не только Великого Князя, но и царствующего Монарха, — и впервые признавалась законная власть самозваного Временного правительства. Не следует, действительно, забывать, что официально до сих пор шла речь об ответственном министерстве, и что первый его председатель кн. Львов был назначен Высочайшим Указом. Об этом в акте Великого Князя нет ни слова; под эгидой Члена Царствующего Дома законное все же Правительство Львова превращается в революционное; цепь Престолонаследия прерывается, Основные Законы отменяются, и самый акт, подписанный Великим Князем, является свидетельством о смерти

Императорской России. Кому это было нужно? Чье приказание исполняли наемные перья, написавшие этот преступный документ? Как мог согласиться на него Великий Князь Михаил Александрович?

«Бог знает, кто надоумил Мишу подписать такую гадость», — записывает 3 марта Государь в Своем дневнике; а Набоков, со своей стороны, дает этому поступку свое циничное, но, увы, быть может, верное объяснение: «Я, признаться, не думал, чтобы он вполне отдавал себе отчет в важности и значении совершаемого акта». Иначе говоря, политические мошенники *обманули* Великого Князя.

Между тем, главные актеры этой исторической трагедии собрались в той же комнате; там, на детском столике, Великий Князь Михаил Александрович и подписал тот акт, в котором он отказывался от борьбы, связывал будущее своей Родины и отдавал ее в руки самой необузданной демагогии, сицилийской вечерне большевизма.

И как бы для довершения иронии, едва лишь Великий Князь положил перо, как Керенский, прижав руку к сердцу, воскликнул театральным голосом:

«Поверьте, Ваше Императорское Высочество, что мы сумеем донести до Учредительного собрания драгоценную чашу Вашей власти, не пролив ни единой капли».

Восемь месяцев спустя жалкий Керенский бежал, а большевик матрос Железняк ликвидировал новорожденное Учредительное собрание, вышвырнув вон его председателя. Итак, на второй же день после отречения Государя, Временное правительство, рожденное революцией, очутилось совершенно одиноким перед ответственностью за события. Это Правительство, так настойчиво требовавшее ответственности, само оказалось совершенно неспособным нести ее; более того, оно и не проявило никакой инициативы, никакого желания бороться против течения. Крайние партии, на которые опиралась либеральная буржуазия, не могли, конечно, удовлетвориться победой третьего сословия, «безсмертные принципы» великой французской революции казались слишком старомодными в сравнении с учением Карла Маркса, и Совет рабочих и солдатских депутатов требовал, если не немедленного применения социалистических теорий, то, по крайней мере, возможно скорого приближения к этому идеалу, а, прежде всего, исполнения двух молчаливо данных обещаний: смерти Государя и окончания войны...

Почему смерть Государя считалась даже либеральной оппозицией, даже лидерами Думы, даже генералами, причастными к заговору, необходимой для успеха революции? Оттого что заговорщики брали на себя страшную ответственность перед страной и союзниками, производя во время войны государственный переворот, который неизбежно должен был вывести Россию из строя.

Они чувствовали, что эту измену никогда им не простят, и что то правительство, которое совершит ее, не будет иметь никаких шансов удержаться у власти; значит, надо было оправдать революцию, найдя другого виновника.

Этот виновник, эта искупительная жертва — был Государь, — на этот счет колебаний не было никаких. Поэтому судьба Монарха была решена заранее; согласен ли Он был на отречение или нет, Он не мог избежать смерти. Но даже и это цареубийство нужно было подготовить, придать ему какой-то, пусть лживый, лицемерный, но все же облик суда и законности, а не простой кровавой расправы, как это предлагалось на совещаниях у Родзянко. А для этого необходимо было Государя из бывшего Монарха обратить в подсудимого, поразить народное воображение, арестовав Его как преступника. Государя привезли бы в Петроград, предали бы революционному суду и казнили бы как Людовика XVI.

Поэтому 3 марта, на другой день после отречения, Совет рабочих и солдатских депутатов постановляет арестовать «семейство Романовых». Временное правительство должно привести в исполнение этот арест в согласии с Советом рабочих и солдатских депутатов. «В случае отказа Временного правительства, спросить его, как оно поступит, если исполком сам произведет арест». Совет как будто безпокоится о намерениях Временного правительства, состоящего из представителей аристократии и буржуазии, среди которых некоторые открыто признают себя монархистами. Напрасная тревога! Чхеидзе и его клевреты забывают, что жирондисты, бывшие министрами короля Людовика XVI, голосовали за его смерть. И в протокол заседания Совета от 6 марта занесено, что «один из министров (Керенский) заявляет о готовности Временного правительства облегчить задачу исполнительному комитету в случае ареста Николая II». Что подразумевает правительство под словами «облегчить задачу?»

Товарищи из Совета люди энергичные, но плохие дипломаты; их крики и угрозы могли бы открыть Государю глаза. Однако, не забудем, что Император в это время еще находится в Ставке, среди Своих войск. Если Он узнает о намерениях Совета, то

может проявить решительные действия. Тогда все сразу изменится. Ведь с отказом Великого Князя Михаила Александровича от Престола и отречение Государя перестает быть действительным, и если Временное правительство вероломно нарушает соглашение, заключенное с Монархом, то Он имеет право свободно действовать, может призвать отборные части, может пойти на Петроград, может, наконец, укрепиться в Ставке и этим парализовать все начатое дело. Итак, прежде всего, надо внушить Ему доверие и поддержать в Нем убеждение в том, что торжественно данная Ему гарантия будет соблюдена, и дать Ему понять, что Временное правительство предпринимает переговоры с английским правительством в целях перевезения Царской Семьи в Англию. После этого Государю позволят уехать спокойно из Ставки и только тогда захватят одновременно Его и Императрицу.

Таков был план, который и был точно приведен в исполнение. Пока Временное правительство распространяло слухи о скором отъезде Царской Семьи за границу, оно, в то же время, деятельно готовилось к аресту Государя и Императрицы. Но надо было найти подходящих людей для этого преступного дела, и 3 марта генерал Корнилов был назначен командующим войсками Петроградского военного округа. На него и возлагалась обязанность арестовать Императрицу среди ее больных Детей. Этот генерал, прославившийся бегством из австрийской крепости во время войны, страдал болезненным самолюбием; оно его и бросило в объятия революции. Как только победил мятеж, генерал Корнилов восторженно приветствовал новый режим, хвалясь при этом своим крестьянским происхождением. Впоследствии он дал еще доказательство своей верности революции, собственноручно приколов Георгиевский крест к груди унтер-офицера Л.-Гв. Волынского полка Кирпичникова, убившего 27 февраля прямого своего начальника — заведующего учебной командой того же полка капитана Лашкевича*.

Что же касается ареста Государя, то это дело решили поручить четырем членам Думы, из самых неизвестных и мало уважаемых: Калинину, Грибунину, Вершинину и Бубликову. Этот план держался в строжайшей тайне; в этом был залог успеха. Даже управляющий делами Временного правительства Набоков ничего не знал о намерениях правительства. Не без удивления, поэтому, услышал он 7 марта от председателя Совета министров о решении арестовать Государя и Императрицу.

* *Боейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 280.

«Ведь, в сущности говоря, не было никаких оснований, — ни формальных, ни по существу, — объявлять Николая II лишенным свободы, — сознается Набоков в своих воспоминаниях, — отречение Его не было формально-вынужденным. Подвергать Его ответственности за те или иные поступки Его, в качестве Императора, было бы безсмыслицей и противоречило бы аксиомам государственного права... Между тем, актом о лишении свободы завязан был узел, который был 4/17 июля в Екатеринбурге разрублен "товарищем" Белобородовым. Но этого мало, Я лично убежден, что это "битье лежачего", — арест бывшего Императора, — сыграло свою роль и имело более глубокое влияние в смысле разжигания бунтарских страстей. Он придавал "отречению" характер "низложения", так как никаких мотивов к этому аресту не было указано»*.

Однако, эти соображения Набокова отнюдь не помешали ему скрепить телеграмму, посланную правительством генералу Алексееву с извещением о своем решении. «Это было первым постановлением Временного правительства, опубликованным с моей скрепой»... — не без оттенка гордости заявляет Набоков.

Некоторые благожелательные люди пытались оправдать поведение Временного правительства и смягчить страшную его ответственность в трагической участи, постигшей Царскую Семью: так, например, бывший председатель Совета министров граф В. Н. Коковцов, в статье, появившейся во французской печати, и в докладе, прочитанном в Обществе ревнителей памяти Императора Николая II в Париже, пытается совершенно обелить правительство князя Львова и доказать, что оно отлично сознавало ту опасность, которая с первых же дней угрожала Государю, и искренно желало увезти Царя и Его Семью за границу. Но, утверждает гр. Коковцов, правительство, будучи безсильным и сознавая это безсилие, было принуждено подчиниться власти, от которой оно зависело с самых же первых дней своего существования. Это была власть Совета рабочих и солдатских депутатов. Граф Коковцов не находит нужным точно указать, какие именно причины заставляют его верить «искреннему желанию» Временного правительства спасти Государя и Его Семью, ограничиваясь заявлением, что «они (представители правительства) сознательно, конечно, не желали насильственной смерти Государя и Его Семьи». Мы вправе считать такое заявление гр. Ко-

* *Набоков В. Д.* Временное Правительство // Архив Русской Революции. Т. I. С. 32.

ковцова недостаточным; слово «конечно» не есть доказательство и не опровергает все те установленные и безспорные факты, которые приводят нас как раз к обратному заключению.

Для человека благожелательного, «интеллигентного», в меру либерального, «конечно», может быть неприятно после Екатеринбургского злодеяния и крушения России допустить мысль, что смерти Царя могли желать столь же благожелательные, «интеллигентные» и либеральные люди, как и он сам; гораздо проще всю вину и за умысел и за исполнение преступления свалить на «черную кость», сперва на Совет рабочих и солдатских депутатов, потом на большевиков, то есть на преступников как бы профессиональных и от своих преступлений не отпирающихся.

Но предположим на одно мгновение, что февральская революция удалась, что Временное правительство обратилось в постоянное и правило бы Россией и поныне, что же, можем ли мы утверждать, что эта удавшаяся революция не могла бы принести в жертву жизнь монарха, как это сделали революции английская и французская? Ведь и Кромвель был лично весьма порядочный и «либеральный» человек, и многие члены Конвента, голосовавшие за смерть Людовика XVI, были нисколько не хуже, не менее просвещенные люди, чем г.г. Милюковы и Гучковы, не говоря уже о ничтожном Керенском. Среди них были даже выдающиеся государственные деятели, сыгравшие впоследствии крупную политическую роль в качестве министров Наполеона и Людовика XVIII.

Не забудем также, что Временное правительство состояло из представителей тех слоев населения, для которых цареубийство никогда не представлялось делом преступным и позорным. Мы уже приводили краткую историческую справку о том, как русский «правящий класс» искони относился к своей присяге и к жизни Монархов: не только Орловы, Зубовы, Палены, Беннигсены и другие были цареубийцами, но и все общество, к которому они принадлежали, не отреклось от них и, пусть молчаливо, но одобрило их преступления. Убили строгого и взбалмошного Императора Павла, но ведь то же общество хотело убить и кроткого Александра Благословенного. Неудавшимися цареубийцами были и воспеваемые до сего дня декабристы, принадлежавшие, все без исключения, к правящему классу.

Другая часть Временного правительства представляла русское радикальное «третье сословие», то есть именно тот класс, из которого вербовались народовольцы, убившие Царя-Освободителя.

Итак, февральские деятели, по своему нравственному облику, вовсе не были чужды идеи цареубийства, давно бывшей в традициях тех кругов, к которым они принадлежали, и поэтому негодующее восклицание гр. Коковцова, отвергающего самую возможность такой мысли у них, не имеет ровно никакого основания.

Но преступные намерения этих людей были не только возможны, но совершенно точно установлены рядом неопровержимых фактов. Мы уже рассказывали о том, что вопрос о цареубийстве обсуждался на совещаниях у председателя Государственной думы Родзянко; мы приводили заявление С. И. Шидловского (правящий класс) о том, что «щадить и жалеть Его (Царя) нечего», и выходку по тому же поводу Терещенко (третье сословие), столь безобразную, что Родзянко пришлось его остановить. Мы упомянули о плане остановить Государя по дороге из Ставки в Петроград и умертвить Его, в случае отказа отречься; нам известно, что Милюков был сторонником террора и в Лондоне уговаривал Ленина совершить новые террористические акты; мы знаем также, что Керенский принадлежал к террористической партии и еще недавно, в своем докладе в Париже, он признавал эту свою кровавую работу, горделиво заявив, что он «не был либеральным белоручкой».

И все эти люди, приветствовавшие террор, требовавшие не «щадить» Государя, говорившие о Его казни — все они как раз и составляли новую власть, как раз вошли и в Комитет думы и в то Временное правительство, которое, по мнению гр. Коковцова, «конечно», не могло желать смерти Государя.

Как можем мы сомневаться в преступном «намерении» Временного правительства, когда намерение это получило вполне реальное осуществление? Ведь Государя арестовали как преступника и учредили над Ним следствие. Для какой цели? На это мы имеем вполне ясный ответ в приведенных выше словах Набокова: для «разжигания бунтарских страстей», при которых только и возможно совершить над Царем Шемякин суд и кровавую расправу.

Но пусть благожелательный гр. Коковцов всего этого не знает; но простой здравый смысл говорит, что если даже Временное правительство не могло спасти Государя после Его заточения (что, как мы увидим дальше, совершенно не верно), то оно могло бы это сделать, когда Он находился еще вне пределов достижения Совета рабочих и солдатских депутатов.

Совершенно очевидно, что, имей князь Львов хоть малейшее желание спасти Государя от грозящей Ему опасности, он удержал бы Его в Ставке, где с Ним могла бы соединиться Его Семья. Оттуда было бы не трудно перевезти Царскую Семью за границу, минуя Петроград.

После Своего отречения Государь обратился к главе нового правительства с письмом, полным достоинства, в котором Он вручал ему Свою судьбу и судьбу Семьи. Самое меньшее, что мог сделать князь Львов, это послать Государю в ответ предупреждение о намерениях Совета рабочих и солдатских депутатов относительно Его и, таким образом, предоставить Ему самому решить, как поступить. Но глава правительства дает Ему понять, что все подготовлено для Его отъезда в Англию; он пускается даже на отвратительный обман: в то самое время, когда уж решен вопрос об аресте Государя, князь Львов посылает генералу Алексееву телеграмму, предназначенную в действительности для Государя. В этой телеграмме он заявляет, что Царский поезд будет направлен из Ставки в Царское Село и оттуда в Мурманский порт, через который происходили тогда морские сообщения с Великобританией*. Значит, Львов нагло обманывает Царя.

Итак, правительство не только не желает «искренне» спасти Царя, но, напротив, делает все возможное, чтобы заманить Его в ловушку, заготовленную Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Впрочем, министр юстиции Керенский, человек более откровенный и экспансивный, даже не скрывает намерения новой власти относительно Государя. Когда бывший председатель Петроградского совета присяжных поверенных Карабчевский спрашивает его, какую участь он готовит Царю, Керенский красноречивым жестом обводит рукою кругом шеи.

Второе утверждение графа Коковцова о том, что правительство было безсильно привести в исполнение свое желание спасти Государя, не имея для того никакой реальной возможности, также не выдерживает критики. Любопытно отметить, что в этом мнении граф Коковцов идет дальше самих заинтересованных лиц: ни князю Львову, ни Милюкову, ни Керенскому никогда не приходило в голову прибегнуть к такому объяснению. Допрошенные впоследствии судебным следователем Соколовым, они сваливают ответственность за неудачу плана вывоза Царской Семьи не на Совет рабочих и солдатских депутатов, а

*См. 1-е приложение к гл. III.

на английское правительство, которое, в конце концов, отказало в гостеприимстве Государю. О противодействии же со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов Милюков упоминает впервые, да и то вскользь, в разговоре с сэром Джорджем Бьюкененом, только 21 марта, т. е. спустя более двух недель после ареста Государя.

Но это обвинение Англии встречает со стороны гр. Коковцова самый решительный отпор. «Мы не имеем ни права, ни основания, — говорит он, — пока нам не будут даны более точные данные, допускать самую мысль о том, что король Георг, хотя бы по совету первого министра — мог взять назад свое предложение о гостеприимстве его другу и родственнику — Государю, в постигшей Его участи».

Но и это заключение гр. Коковцова столь же необоснованно, как и два первых.

Почтенный бывший русский государственный деятель ссылается на заявления английских государственных деятелей которые эту ответственность Англии отрицают. Так, Бьюкенен в своих мемуарах утверждает, что сообщил Милюкову о согласии британского правительства оказать гостеприимство Царской Семье, при условии, что русское Правительство возьмет на себя расходы по Ее содержанию. Странное гостеприимство, оплачиваемое наличными деньгами! Business are business. Великобританская империя, очевидно, слишком бедна, чтобы содержать даром находящегося в несчастии двоюродного Брата своего короля и Его Семью. «Нам невозможно было сделать больше, — прибавляет Бьюкенен. — Наше предложение осталось в силе, и мы никогда от него не отказывались».

Ллойд-Джордж, которому суждено было сыграть такую роковую и печальную роль в судьбах Европы, опубликовал и свою версию о несостоявшемся отъезде Царской Семьи в Англию. Он утверждает, что приглашение, сделанное английским правительством Царской Семье, оставалось все время в силе, и что он не виноват в том, что оно не было использовано.

Как же, однако, согласовать такое огульное отрицание с категорическими заявлениями Керенского, Милюкова и Терещенко, которые, споря между собою и обвиняя друг друга, все же сходятся на факте отказа английского правительства?

Бывший «главноуговаривающий» приводит даже текст телеграммы Ллойд-Джорджа к Временному правительству, в которой он заявлял, что «не имеет возможности советовать Его Величе-

ству Королю предложить гостеприимство лицам, германофильские тенденции коих слишком хорошо известны ему».

Конечно, все эти три революционные деятеля показали себя достаточно искусными во лжи и клевете, чтобы, и на этот раз, прибегнуть к этим любимым средствам. Но какова бы ни была их смелость, едва ли возможно предположить, чтобы они могли, без тени основания, бросить столь тяжкое обвинение не по адресу своих жертв, как они привыкли это делать, а могущественному великобританскому правительству, располагающему всеми необходимыми документами для раскрытия правды и уличения своих обвинителей во лжи.

Но если бы даже гр. Коковцов и допускал такой заговор трех бывших министров Временного правительства против чести Англии, то как может он отметать свидетельства самих англичан?

Так, например, дочь английского посла Бьюкенена, мисс Бьюкенен (ныне миссис Knowling), не только подтверждает в своих воспоминаниях факт отказа английского правительства в гостеприимстве Царской Семье, но еще приводит мотивы Ллойд-Джорджа, — опасение недовольства рабочей партии в случае приезда в Англию Государя — и рассказывает весьма подробно, при каких обстоятельствах телеграмма Ллойд-Джорджа была получена в посольстве и какое тяжелое впечатление она произвела на ее отца. Заметим, что самые воспоминания мисс Бьюкенен написаны с нескрываемой целью реабилитировать бывшего посла; неужели возможно предположить, чтобы эта преданная дочь решилась уличать своего отца в неправде, когда он заявлял, что «наше предложение осталось в силе, и мы никогда от него не отказывались», если бы у нее не было веских оснований утверждать то, что мы читаем в ее воспоминаниях?

Перейдем к тому, что рассказывает сам Ллойд-Джордж, на которого ссылается гр. Коковцов.

Бывший английский премьер опубликовал свои воспоминания сперва в газете «Дейли Телеграф», а потом и отдельным изданием; в них излагается и история переговоров об отъезде Царской Семьи в Англию.

По словам Ллойд-Джорджа, английский кабинет в заседании 22 марта рассматривал и разрешил в утвердительном смысле вопрос о переезде Царской Семьи в Англию, о чем в тот же день послал Бьюкенену телеграмму следующего содержания:

«Отвечая на запрос русского правительства, Его Величество Король и британское правительство счастливы пригласить Царя

и Царицу и готовы дать Им убежище на все время войны. Вы должны в переговорах с русским правительством определенно заявить, что оно будет ответственно за содержание Их Величеств здесь надлежащим образом».

На эту телеграмму Бьюкенен 24 марта донес своему правительству о своем разговоре с Милюковым, который высказался очень осторожно и неопределенно об отъезде Царской Семьи. Посол особенно настаивал на отпуске денежных средств, что, по-видимому, играло здесь первенствующее значение. Милюков старался успокоить его тревоги на этот счет, заявив, что у Царя имеются крупные личные денежные средства. Прибавим, кстати, что эти личные средства были начисто расхвачены Временным правительством.

2 апреля Бьюкенен снова доносит, что все еще нет никакого решения об отъезде Царской Семьи и что Государю даже не сообщено о приглашении Английского короля. Через несколько дней посол сообщает, что, по заявлению Керенского, Государю не будет дано разрешение выехать в ближайший месяц, пока не будет закончен разбор изъятых у Него документов. В той же телеграмме Бьюкенен указывает, что Керенский отказал в разрешении передать Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне письмо от Ее сестры, королевы Английской Александры.

Но не проходит и двух недель, как 15 апреля посол уже высказывается лично *против* переезда Царской Семьи в Англию; он сообщает, что советовал кн. Львову дать разрешение на отъезд Государя в Ливадию и, в виду отказа Львова, Бьюкенен высказывает предположение, что было бы лучше везти Семью не в Англию, а во Францию.

Английское правительство сносится по этому вопросу со своим представителем в Париже лордом Берти и 22 апреля от него получает уже ответ. Посол лорд Берти начинает с выражения радости тому, что Царская Семья не будет допущена в Англию, и продолжает: «Немцы будут утверждать, а русские социалисты этому поверят, будто британское правительство намерено держать бывшего Царя в запасе, чтобы использовать Его для целей реставрации и чтобы потом произвести в России выгодные для Англии неурядицы. Я не думаю, чтобы бывший Император и Его Семья были приветливо встречены во Франции. Царица немка не только по рождению, но и по чувствам. Она сделала все, что только могла, для сепаратного мира с Германией. Ее здесь рас-

сматривают как преступницу или как опасно-помешанную, а бывшего Императора, как человека преступно слабого и подверженного Ее влиянию».

Так английский джентльмен и посол выражался об Императрице союзного государства, внучке королевы Виктории и родственнице его монарха. Так англичане понимают честь. Но здесь важна не квалификация английского «джентльменства»: важно то, что и сам Ллойд-Джордж признает, что вопрос об отъезде в Англию в известный момент отпал и что... британское правительство перестало на нем настаивать. Все это, конечно, только дипломатические формы для того, что можно проще назвать отказом; но какова была причина этого отказа? По словам Ллойд-Джорджа, желание британского правительства спасти Царскую Семью могло бы не понравиться Керенскому и побудить его к прекращению военных действий с Германией.

Комментируя в своей газете это заявление Ллойд-Джорджа, Милюков, которому, как министру иностранных дел, хорошо были известны виды и намерения Керенского в эту эпоху, считает его вполне правдоподобным. Керенский выступил против своих обвинителей в английской и русской печати с несколькими длинными опровержениями, в которых указывал, между прочим, что «объяснение Ллойд-Джорджа ни в малейшей степени не соответствует действительности». Убедить Керенского «продолжать войну с Германией никогда английские представители не пытались, т. к. ни Временное правительство, ни я ни одно мгновение кончать войну сепаратно не намеревались». Это заявление Керенского, разумеется, сплошная ложь, и Временное правительство, как мы увидим дальше, с первых же дней пребывания у власти не только обсуждало вопрос о прекращении войны, но и подготовляло эту меру.

Но если лжет Керенский, лжет также и Ллойд-Джордж, умалчивая о других причинах поведения английского правительства. Ведь лорд Берти, например, знал отлично, что все, что он пишет об Императрице, злостная, глупая и мерзкая клевета; для чего же он к ней прибегает? Для того, чтобы скрыть настоящий, подлинный мотив действий английского правительства, тот мотив, о котором он неосторожно проговаривается: помешать возможной реставрации, ибо английские государственные деятели, которые составляли правительство Великобритании, хотели России не сильной, а слабой, и они понимали, что сильной она может быть только под скипетром Царя.

Именно поэтому английское правительство не хотело, чтобы Государь уехал не только в Англию, но и во Францию и вообще выехал из России туда, где Его жизнь могла бы оказаться в безопасности и где Он мог бы выждать наступления момента для возвращения на Родину. Англии важно было, чтобы законный представитель государства, перед которым она приняла обязательство, не мог когда-либо потребовать выполнения этих обязательств. Евреям, господствовавшим в английской знати, в финансах и в политике, важно было, чтобы в России исчез тот режим, который защищал народ от еврейского засилья — режим, возглавляемый Русским Царем.

Русский Царь мешал Альбиону и синагоге. Вот причина — настоящая причина, по которой британское правительство *не хотело* спасти Государя.

Но гр. Коковцов всего этого не хочет знать. Он закрывает глаза на очевидность, как брезгливый человек отворачивается от грязи, от сцены, которая тревожит его нервы. И в рассуждениях своих он прямо указывает настоящее основание, заставляющее его отрицать ответственность Англии.

«Мы знаем, — пишет он, — что приглашение найти убежище в Англии исходило не только от короля, но и от его правительства и было передано через министра иностранных дел лорда Бальфура. При таких условиях не только король Великобритании, но и просто уважающий себя человек, а тем более правительство, не могли взять назад своего приглашения».

Это трогательное, по своей наивности, заявление гр. Коковцова выходит, конечно, из пределов истории и фактов. Кому, в самом деле, не известно, что в преследовании своих практических целей английское правительство перед вопросами чувств и самоуважения никогда не останавливалось.

Но каково бы ни было поведение английского правительства в этом деле, все же не от него зависела судьба Царской Семьи. Невозможно ведь допустить, чтобы отказ Ллойд-Джорджа автоматически должен был привести к цареубийству. Представители бывшего Временного правительства это отлично понимают и с момента крушения «их» революции, со времени Екатеринбургского злодеяния, они не перестают искать себе оправдания, обвиняя друг друга, впадая в противоречия, отрекаясь от своих собственных признаний.

Так, в своих недавних выступлениях в печати, Керенский утверждает следующее: .

«Седьмого марта, — пишет он, — я заявил в Московском совете рабочих и солдатских депутатов, что Временное правительство взяло на себя ответственность за личную безопасность Царя и Его Семьи. Это обязательство мы выполним до конца. Царь с Семьей будет отправлен за границу, в Англию. Я сам довезу Его до Мурманска. Я добавил, что не буду русским Маратом».

Достаточно сопоставить этот рассказ с показанием самого же Керенского, данным им в августе 1920 г. следователю Соколову, чтобы сразу обнаружилась вся лживость придуманной им новой версии. Вот это первое показание: «Николай II и Александра Феодоровна были арестованы согласно постановления Временного правительства от 7 марта. Два рода причин его к этому побуждали: состояние умов солдатских масс в тылу и рабочих в районах Петрограда и Москвы, крайне возбужденных против Николая. Вспомните о моем выступлении на Московском совете 7 марта. Там требовали от меня кары над Государем. Возражая от имени Временного правительства против этих требований, я заявил от своего имени, что я никогда не стану играть роль Марата. Я заявил, что дело беспристрастного суда судить о проступках Николая перед Россией»... В другом же своем показании Соколову Керенский указывает, что его «намек 7 марта в Москве на возможный отъезд Царской Семьи из Царского Села привел к налету Петроградского совета на Царское», и далее Керенский рассказывает об этом «налете» социал-революционера Масловского на Дворец с целью увезти Государя.

Итак, по одной версии, Керенский 7 марта обещал солдатам-дезертирам Московского совета суд над Царем и лишь «намекнул» на возможность отъезда Его за границу. По другой версии, он в том же заседании принял, от имени Временного правительства, ответственность за личную безопасность Царской Семьи и заявил, что Она будет отправлена за границу, и что сам он поедет Ее сопровождать до Мурманска.

Совершенно очевидно, что Керенский не говорил, да и не мог говорить ничего подобного Московскому совету, и что все им теперь рассказанное целиком придумано для своего оправдания.

Прибавим еще одну черту. Все по тому же новому объяснению Керенского Петроградский совет уже не только не «требует кары» для Государя, не только соглашается на отъезд Царской Семьи, но высказывается даже за «необходимость» такого отъезда за границу на время войны, по причинам как политическим, так и личной безопасности.

Вообще «вариации» в объяснениях г. Керенского положительно неисчислимы. Так, в докладах, сделанных им в Париже в начале 1936 года, бывший премьер ссылается в оправдание бездеятельности Временного правительства, на болезнь Великих Княжон, которая, будто бы, и помешала отъезду Царской Семьи. Насколько в заявлении этом Керенский впадает в противоречие с самим собой, видно из того, что Царские Дети поправились уже в конце марта, кроме Великой Княжны Марии Николаевны, которая проболела еще некоторое время. 23 марта Государь записывает в Свой дневник: «Начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию», а 12 апреля Боткин обращается к Керенскому с просьбой разрешить перевезти Царскую Семью в Крым, для здоровья Детей, и получает отказ. Итак, самое позднее в начале апреля, Великие Княжны и Наследник были уже настолько здоровы, что могли вполне вынести путешествие. Когда же, по словам Керенского, последовал отказ английского правительства? В июне месяце. Таким образом, ссылка Керенского на болезнь Царских Детей является только лживой и жалкой отговоркой.

Итак, если верить объяснениям действующих лиц, замешанных в этом предательском деле, оказывается, что все желали отъезда Царской Семьи в Англию: и король Георг V, и Ллойд-Джордж, и Милюков, и Керенский и даже Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Что же помешало этому отъезду? На этот вопрос ни один из этих лиц не дает исчерпывающего ответа, или же, как в пойманной воровской шайке, обеляет себя, обвиняя во всем своих сообщников.

Конечно, о намерении арестовать Государя вслух не говорили; из союзных послов один Бьюкенен знал о нем. 8 марта, когда Государь находился еще в Ставке, и разговоров об Его аресте, как будто бы, еще не могло возникнуть, Бьюкенен спрашивает Милюкова, верно ли появившееся в печати сообщение об аресте. Смущенный Милюков мнется, говоря, что это известие не вполне точно. Государь только лишен свободы. Бьюкенен «немедленно напомнил ему, что Государь родственник и близкий друг короля, и прибавил, что был бы счастлив получить уверение, что все меры, гарантирующие Ему безопасность, будут приняты». Милюков охотно заверил его в этом. Он сказал, что не был сторонником перевезения Государя в Крым, как предполагалось сначала; он находил предпочтительнее для Него остаться в Царском, пока Дети не оправятся от кори, после чего Царская Семья могла бы уехать в Англию.

Все в этом заявлении сплошная ложь. В то время, как он «охотно давал» английскому послу уверение, что меры для безопасности Государя приняты, и что Царская Семья сможет уехать в Англию, сам министр иностранных дел прекрасно знал, что судьба Императора была решена, и что Чрезвычайная следственная комиссия, на которую возложена была обязанность найти основания для предания Его суду, была уже составлена за четыре дня до того.

Впрочем, был ли действительно обманут этой ложью английский посол? Не существовало ли уже между ним и Милюковым молчаливое соглашение относительно судьбы Императора Николая II? Один факт, как будто, подтверждает это предположение.

Как только ему стало известно об отречении Государя, король Георг V послал в Ставку следующую телеграмму: «События последней недели меня глубоко взволновали. Я думаю постоянно о Тебе и остаюсь всегда Твоим верным и преданным другом, каким, как Ты знаешь, я всегда был и раньше».

Телеграмма была адресована английскому военному агенту генералу Вильямсу для передачи Государю; но в это время Государь уже выехал из Могилева, и Вильямс отправил телеграмму короля Георга английскому послу Бьюкенену с просьбой доставить ее Царю.

Однако эта телеграмма, выражающая Государю сочувствие и поддержку искренней дружбы, *никогда* Ему вручена не была. Сэр Бьюкенен и Милюков, с общего согласия, перехватили ее; это ясно из заметки, сделанной Милюковым на полях самого документа. Какая же была причина этому невероятному произволу? «Телеграмма была адресована Императору, — объявляет Милюков, — а так как Государь больше не был Императором, то я отдал ее английскому послу». Жалкое объяснение! Сэр Бьюкенен более откровенен: он прямо сознается в причине, заставившей скрыть телеграмму: она могла облегчить отъезд Царской Семьи в Англию; но действие это он приписывает одному лишь Милюкову.

Мисс Мириэль Бьюкенен в своих воспоминаниях пытается дать несколько другое освещение этому позорному поступку: «Княгиня Палей и г. Якобий пошли даже дальше, — пишет она, — они обвинили его (ее отца) в том, что он умышленно задержал телеграмму, адресованную королем Государю в первые дни революции». Дальше г-жа Бьюкенен приводит текст из воспоминаний княгини Палей и прибавляет: «г. Якобий дает, по

крайней мере, более точное объяснение означенной телеграммы», и, процитировав то место, где автор приводит весь этот случай, г-жа Бьюкенен, желая обелить своего отца, ссылается на воспоминания последнего, в которых он рассказывает, что ему «было прислано распоряжение не давать хода этому делу».

«Оглядываясь назад, — замечает г-жа Бьюкенен, — может казаться странным, что великобританское правительство не настаивало на передаче послания короля Государю. Если бы оно оказало некоторое давление на Временное правительство, последнее, несмотря на свои сомнения и колебания, дало бы Государю разрешение получить телеграмму, в которой Он нашел бы, по крайней мере, выражение сочувствия Своего кузена и доказательство, что о Нем не забыли совсем... Это молчание, которое Его окружало, должно было быть одной из самых горьких сторон Его длительного и тяжкого заключения»*.

Все приведенные г-жей Бьюкенен соображения, конечно, самого факта нисколько не меняют и, в конце концов, не оправдывают поведения английского посла. Она это сама чувствует и признает, что ее отец «никогда не мог совершенно смыть с своего имени обвинения в том, что, по малодушию или по недомыслию, он не помог Русской Царской Семье в несчастии».

Почему же, собственно, сэр Джордж Бьюкенен оказался беспомощным перед этим обвинением, почему сам он его как будто подтверждает в своих собственных воспоминаниях? «Потому, — утверждает его дочь, — что ему угрожали лишить его пенсии, если он расскажет правду»; таким образом, то, что пишет Бьюкенен в своих воспоминаниях, по мнению его дочери, — ложь, «он искажает факты и спасает этим ответственных от критики и презрения». Не будем спорить с г-жей Бьюкенен, пусть действительно посол предпочел принять на себя «критику и презрение», нежели потерять пенсию; практичный англичанин оценил свою честь на фунты и шиллинги — не слишком дорого, впрочем. Что же из этого вытекает? Только то, что Бьюкенен творил не свою волю, а волю своего правительства, что он вел в России подрывную революционную работу и способствовал гибели Царской Семьи не потому, что ему этого хотелось, а потому, что ему приказывали из Лондона. Но мы это знали и без такого признания г-жи Мириэль Бьюкенен.

Таким образом, история о перевозе Царской Семьи в Англию была лишь комедией, разыгрываемой Керенским, Милюковым

* *Buchanan M.* La dissolution d'un Empire. P. 211–215.

и их приспными. Изменническим способом овладев Государем, они не выпустили бы своей жертвы.

Все показания, данные следователю Соколову участниками и пособниками расправы с Государем и Его Семьею, жалкие их оправдания в появившихся затем мемуарах и статьях, — все это дышит ложью и трусостью и не похоже на достойное объяснение невинно заподозренных государственных деятелей.

Прошли годы, преступная шайка распалась; появились в печати взаимные обвинения и уличающие признания. Но никто из участников этого гнусного преступления, однако, никогда не отрицал намерения правительства предать Государя суду. Князь Львов сознается в этом, хотя с оговорками; Керенский делает это решительнее: он признается, что объявил на заседании Совета 7 марта: «Беспристрастный суд должен судить ошибки Николая II перед Россией». Что касается до Милюкова, то он предпочел сослаться на затмение памяти, когда судебный следователь Соколов допрашивал его о мотивах решения Временного правительства: «Мне абсолютно не сохранила память ничего о том, как и когда состоялось решение вопроса об аресте Царя и Царицы. Я совершенно ничего не помню по этому вопросу».

Заметим, что забывчивый Милюков был в этот момент влиятельным членом правительства, и что странные пробелы его памяти не помешали ему написать впоследствии подробную историю русской революции. Прибавим, что этот самый Милюков, этот певец революции, утверждает, что думский Комитет и министерство князя Львова вначале имели в руках все козыри, чтобы стать хозяевами положения. Новая власть была законной, ибо Дума была государственным учреждением, а председатель Совета министров назначен Высочайшим указом; войска относились к нему с доверием; Сам Государь и Императрица надеялись, что правительство это будет, по крайней мере, в состоянии продолжать войну. Если новый кабинет стушевался перед волею Совета рабочих и солдатских депутатов, то оттого только, что эта воля совпадала с их волей; оттого, что они шли к общей цели; оттого, что они совместно должны были совершить великое предательство, оплаченное иностранными деньгами.

8. Прощание в Могилеве

Царский поезд отбыл из Пскова 3 марта в три часа ночи. С утра, несмотря на волнение, охватившее действующих лиц и статистов только что разыгравшейся драмы, мелкие события теку-

щей жизни по-прежнему шли своим чередом. Государь, как и всегда, был сдержан, приветлив и наружно спокоен. Он послал с дороги телеграмму Своей Матери, Вдовствующей Императрице, прося Ее приехать на свидание с Ним в Могилев, а также Императрице Александре Феодоровне и брату, Великому Князю Михаилу Александровичу, или, вернее, Императору Михаилу I. Государь извинялся перед последним, что передал Ему тяжкое бремя Царской власти, не спросив Его согласия, и заканчивал телеграмму следующими словами: «Останусь навсегда верным и любящим тебя братом»*.

После четырех часов пополудни, когда поезд остановился на какой-то маленькой станции, Государь, в сопровождении флигель-адъютанта Мордвинова, вышел из вагона, чтобы немного пройтись пешком.

Мордвинов смотрел на своего Государя, покинутого, отвергнутого, разлученного с любимыми близкими, терзаемого страхом за Родину; этот офицер в полковничьей форме, погруженный в мрачные думы, с трудом шагающий по грязи на этой заброшенной станции, вчера еще был Самодержцем самой могущественной Империи в мире!

Щемящее чувство сожаления, сострадания, бессилия перед этой немой трагедией охватило Мордвинова. Из уст его полились слова, отрывочные, бессвязные, неумелые в своей искренности. Он напомнил Государю, что Его Династия не добивалась Престола, что только уступая настоянию народа, предок Его Михаил Феодорович Романов, согласился принять шапку Мономаха; теперь говорят, «воля народа изменилась... ну и пусть они попробуют сами устроить свою жизнь»...

Государь внезапно остановился: «Уж и хороша эта воля народа!» — воскликнул Он с болью и горечью, затем, отвернувшись, чтобы скрыть волнение, снова продолжал Свою прогулку.

— «Ваше Величество, — заговорил Мордвинов, — что же теперь Вы намерены делать?»

«Я Сам хорошо не знаю, — с печальным недоумением ответил Государь, — все так быстро повернулось ... на фронт даже, защищать Мою Родину, Мне вряд ли дадут теперь возможность поехать, о чем Я раньше думал. Вероятно, буду жить совсем частным

---

*Подлинник этой телеграммы, по-видимому не дошедшей до Великого Князя, не опубликован. Содержание ее приведено на память полк Мордвиновым: Отрывки из воспоминаний // Русская Летопись. Кн. V. С. 13.

человеком, вот увижу Свою Матушку, переговорю с Семьей. Думаю, что уедем в Ливадию, для здоровья Алексея и больных дочерей это даже необходимо, или, может быть, в другое место, в Костромскую губернию, в нашу прежнюю вотчину».

«Ваше Величество, — с убеждением возразил Мордвинов, — уезжайте возможно скорее за границу. При нынешних условиях даже в Крыму не житье».

Но Государь его прервал:

«Нет, ни за что Я не хотел бы уехать из России, Я ее слишком люблю. За границей Мне было бы слишком тяжело, да и дочери и Алексей еще больны».

Дворец в Ливадии... Костромские леса... уединенная жизнь частных людей... вот образы, проносившиеся в мыслях Государя. Мог ли сомневаться Он, только что принесший столь великую жертву во имя Родины, только что отдавший все — корону, скипетр и верховное командование, — мог ли Он сомневаться, что Ему оставят, по крайней мере, то, чем пользовался самый последний из Его подданных: свободу? Мог ли Он подумать, хотя бы на мгновение, что обещания двух думских эмиссаров были ложью, и что князь Львов, которому Он так благородно вручил Свою судьбу и судьбу Семьи, в ответ на это доверие пошлет Его на смерть?...

В этот день утром ген. Дубенский зашел в купе барона Р. А. Штакельберга. Он сидел еще не одетый и все лицо его было красно от слез.

«Меня возмущает обстановка, при которой совершили переворот, — сказал он. — Готовили все давно. Воспользовались только волнениями в Петрограде. Ставка по отъезде Государя в один день снеслась со всеми главнокомандующими фронтами, от севера России до Румынии и Малой Азии. Установилась полная связь между Алексеевым, Родзянко и всеми высшими генералами. Английский посол Бьюкенен принимал давно горячее участие во всех интригах и происках. Решили, что надо сменить "шофера", и тогда Россия помчится быстрее к победе и реформам. И начальник штаба Государя, Его генерал-адъютант прощается с Его Величеством 27 февраля, провожая Государя в Царское для создания "ответственного" министерства, а час спустя начинает осуществлять смену шофера. Вот что меня особо удивляет и возмущает. Ведь это измена и предательство!»

Дубенский, знавший давно Алексеева, заметил, что он не может понять, как этот действительно религиозный человек мог

осуществить это величайшее предательство и изменить своему Царю, будучи у Него самым доверенным лицом.

«Как встретится сегодня Алексеев с Государем, как он будет глядеть Ему в глаза? — сказал, волнуясь, Штакельберг. — И все это совершено в два-три дня, с 28 февраля по 2 марта. Да, новая и небывалая в истории России позорная страница!»

Штакельберг проявлял, конечно, некоторую наивность, предполагая, что предательство Алексеева и Ставки имело целью «помчать быстрее Россию к победе и реформам». Начальник штаба Верховного Главнокомандующего лучше чем кто-либо знал, каким ударом именно для победы должен был явиться переворот. Но 3 марта Дубенский, Штакельберг и лица Свиты могли не знать всех подробностей заговора и естественно искали хоть тень оправдания в предательстве Алексеева.

Но народ смотрел на события проще и переживал их иначе. Пока верхние слои общества, Дума и либеральное дворянство, столичные салоны и генералы торжествовали победу измены и крамолы, народ думал и чувствовал другое. И голос его, как грозное предупреждение, прозвучал уже в этот день.

На одной из станций, во время остановки свитского поезда, к ген. Дубенскому подошел пожилой человек, с виду степенный купец или зажиточный крестьянин. Он поклонился, затем спросил очень тихо:

«Простите, позвольте узнать, неужели это Государя провезли?»

Дубенский ответил, что Его Величество проследовал в Ставку, в Могилев.

«Да ведь у нас здесь читали, что Его отрешила Дума и теперь сама хочет управлять», —продолжал человек.

Дубенский постарался разъяснить ему, что произошло, но он остался неудовлетворенным и с грустью и горечью сказал:

«Как же это так? Не спросясь народа, сразу Царя Русского, Помазанника Божия, и отменить и заменить новым»... И человек, поникнув головою, отошел.

«Я задумался над этими простыми, но ясными словами, — пишет Дубенский. — Точно нарочно, этот русский случайный человек передал мне, в первый же день, когда у нас уже не было Государя Императора Николая II, голос толпы, голос того русского народа, который сотни лет так свято чтил имя Православного Царя».

В этот же вечер поезд прибыл на станцию Могилев. На вокзале группа генералов, офицеров, иностранных военных агентов

ожидала Государя. Он вышел из вагона и обошел их ряды, подавая каждому руку.

У присутствующих от волнения сжималось сердце. Один из офицеров разрыдался. Государь остановился и повернул к нему голову. Тусклый свет фонаря осветил покрытое слезами бледное и скорбное лицо Императора*.

И потянулись дни, полные скорби.

История знала примеры таких великих несчастий. Наполеон, низвергнутый с высоты могущества на скалы острова Св. Елены, величествен как пораженный Прометей. Но великий император, преданный маршалами, наполняет весь мір своим негодованием и жалобами, как прежде он наполнял его своей громкой славой:

«Зачем мне не дали умереть в эту ночь? — стонет он. — Я бы не узнал измены Мармона, предательства Нея, наглой грубости Макдональда! Вы слышали только что их голоса, когда они требовали от меня отречения? Какой позор! У этих людей нет ни сердца, ни чувства!» И, подобно вулкану, он извергает огонь, пламя и лаву, которые душат и сжигают его.

Император Николай II, измерив всю глубину вероломства своих генералов, записывает в дневник: «*Кругом измена и трусость и обман*». И это все.

Затем Он замыкается в молчании, полном достоинства; ни возмущения, ни негодования, ни обвинений от Него никто не услышит. Лишь Супруге и Своему дневнику поверяет Он Свои мысли.

4 марта днем Вдовствующая Императрица прибыла из Киева в Могилев; Государь и несколько лиц Свиты встречали Ее на вокзале. Как только поезд остановился, Государь вошел в вагон и вскоре вышел, сопровождаемый Августейшей Матерью. Несмотря на неизменную Свою приветливую улыбку, Императрица заметно делала большие усилия над Собой, чтобы скрыть волнение. Поздоровавшись с лицами Свиты, Государь и Императрица вошли в маленький деревянный сарай, находящийся против платформы. И там, под этой бедной кровлей, Мать и Сын смогли, наконец, вдали от строгого этикета, открыть Свои исстрадавшиеся сердца. О чем говорили Они в течение этого получаса? Какие слова нашла в Своем материнском сердце Императрица, чтобы не разбередить еще не зажившую рану? Это осталось Их тайной, касаться которой не смеет никто. Когда Они вышли,

* *Рыбинский Н.* Последние дни // Новое Время. 17.11.1929.

на Их лицах нельзя было прочесть ничего, кроме Царственного приветливого достоинства.

Императрица завтракала в Ставке с Государем, который потом приехал обедать и провести вечер в Ее вагоне. Великий Князь Александр Михайлович, князь Шервашидзе, графиня Менгден, приехавшие с Вдовствующей Императрицей, присутствовали за обедом, а также Великий Князь Сергей Михайлович и флигель-адъютант полковник Мордвинов.

Несмотря на старание Государя, обед этот, казавшийся приглашенным безконечным, прошел печально. Сидя рядом с графиней Менгден, Мордвинов разговаривал с ней о самых незначительных вещах, чтобы избежать только молчания. Графиня охотно и даже оживленно отвечала ему... Когда вставали из-за стола, князь Шервашидзе наклонился к Мордвинову и шепнул ему, указывая глазами на графиню: «Знаете, она только что получила известие, что ее старшего брата убили солдаты!»

Впоследствии графиня Менгден доказала еще раз свою силу характера и полнейшее презрение к разнузданной черни. Когда, в следующие дни слухи о революционных эксцессах в Петрограде взволновали мирный маленький Могилев, когда красные тряпки стали мало-помалу заменять национальные флаги, когда среди толпы стали появляться уже какие-то разбойничьи лица, графиня, несмотря на просьбы друзей, продолжала безстрастно выходить одна на улицу.

В самом деле, становилось ясным, что вопрос был уже не в замене одного царствования другим, ни даже в перемене режима. Люди и принципы, которые годами противопоставлялись Царскому Самодержавию: Великий Князь Михаил Александрович и парламентский строй, Родзянко и третье сословие, Милюков и конституция, Гучков и реформа армии, — все это разваливалось, как карточные домики, от дуновения Петроградского совета, управляемого горсточкой интернационалистов — Керенскими, Чхеидзе, Гоцами, Либерами, Данами и подонками еврейства. И это было не все. Чувствовалось, что за этими победителями на час готовился уже натиск всех темных сил ненависти, зависти, хамства, фанатизма, жестокости. В пожарах, убийствах, грабежах, вспыхивавших там и сям, как приступы лихорадки, вырисовывалась уже могучая и темная власть, надвигавшаяся, как тень, на все живые силы России.

Знаменитый «приказ» № 1», изданный Петроградским советом при попустительстве нового военного министра Гучкова,

только что нанес дисциплине в войсках удар, от которого она никогда не оправилась.

Тем временем, солдаты, под влиянием агитаторов, посланных большими массами из столицы, начинали волноваться, бунтовать, предъявлять новые требования, переставали повиноваться начальству.

Это настроение солдатни умело использовалось вождями революции для того, чтобы избавиться от лиц, которые могли бы стеснить их впоследствии. Прежде всего надо было изолировать Государя, отдалить от Него самых верных Его слуг. Генерал Алексеев, начальник штаба Верховного Главнокомандующего и в то же время глава заговора против Царя в Ставке, усиленно занялся этим делом. Он сообщил Государю, что солдаты требуют отъезда министра Двора графа Фредерикса и дворцового коменданта ген. Воейкова, и что присутствие их в Могилеве могло бы привести к демонстрациям и эксцессам, направленным против них и даже против Монарха.

Обоим пришлось, таким образом, уехать из Могилева как раз в день приезда Вдовствующей Императрицы. Старый граф Фредерикс был любим и уважаем всеми приближенными Государя, которые пришли проститься с ним.

«Шестьдесят лет я честно служил Царю и Родине, — говорил Фредерикс. — Полвека находился при Государях, готов был всегда отдать жизнь свою в Их распоряжение, и сейчас оставлять Его Величество я считаю для себя недопустимым и, если делаю это, то только по настоянию генерала Алексеева, который этого требует и говорит, что если я и Воейков останемся в Ставке, он не ручается за спокойствие Его Величества. Это меня глубоко потрясло, я так предан всему Царскому Дому!»*

И старик зарыдал...

Граф Фредерикс, которого узнали по дороге взбунтовавшиеся солдаты, был арестован и доставлен в Петроград. Когда его вели через толпу, скопившуюся у вокзала, послышались угрожающие крики, протянулись руки, уже готовые схватить его; стража едва не была смята напором черни. Один старый граф сохранял презрительную невозмутимость. Выпрямившись во весь свой большой рост, он направился спокойным шагом к ожидавшему его автомобилю, в который и сел со своим секретарем.

Однако революционной пропаганде в Могилеве не удалось еще поколебать чувства солдат, верных своему Царю. Повсюду,

* *Ген. Дубенский.* Как произошел переворот в России. С. 75.

при проезде Царского автомобиля, Государю отдавали честь и почтительно кланялись. На улице, в магазинах, на рынке только и было разговоров, что о необычайных событиях последних дней: «Мы ничего, кроме добра, от нашего Царя не видели, — говорили все, — Он всегда был с нами прост и приветлив... а Наследник, этот милый мальчик, играл с детьми, гулял среди нас; как жаль, что Он нас покидает. Мы были так счастливы!»

И женщины крестились со вздохом.

В воскресенье утром Государь пошел к обедне вместе со Вдовствующей Императрицей. С Днепра дул ледяной ветер. Несмотря на это, церковь во имя Св. Троицы была полна народа, непрерывно прибывавшего. Тут были и солдаты, и генералы, и просто горожане, пришедшие помолиться и поглядеть на Царя.

Во все время богослужения в храме стояла удивительная тишина и глубоко молитвенное настроение охватило всех. Все понимали, что это была последняя обедня, на которой присутствовал Государь в Могилеве, и что здесь Он как бы прощался со Своей армией; по выходе из церкви, когда умолкнут напевы Литургии, начнется новая жизнь для народа, — жизнь без Царя.

Чувство это передалось и священнослужителям. Когда диакон громким голосом возгласил ектению о «Благочестивейшем, Самодержавнейшем Великом Государе Императоре Николае Александровиче», голос его прервался, но, подавив свое волнение, он окончил молитву*.

Офицеры, солдаты плакали. Генерал Алексеев особенно усердно молился и становился на колени. «О чем молится он? — думал один из присутствующих, — как он в своей молитве объясняет свои поступки и действия по отношению к Государю, которому он присягал?»**

Следующие за этим дни были днями испытания верности генералов. И как раз среди самых обласканных, среди тех, которые вращались вокруг Государя, которые сделали легкую и блестящую карьеру, и оказались изменившие Ему. Граф Граббе, начальник Собственного Конвоя, отрекся первый. Государь был еще в Могилеве, когда граф Граббе просил ген. Алексеева разрешить снять вензеля и переименовать его часть в «Конвой Ставки Верховного Главнокомандующего»***.

---

* *Мордвинов А.* Отрывки из воспоминаний // Русская Летопись. Т. V. С. 141.

** *Ген. Дубенский.* Как произошел переворот в России. С. 80.

*** *Пронин В. М.* Последние дни Царской Ставки. С. 51.

Другие последовали его примеру и часто простые солдаты давали урок верности и приличия своим начальникам.

Когда генерал Цабель, командир Собственного Его Величества железнодорожного полка, приказал курьеру, старому преображенцу Михайлову, снять со своих погон Царские вензеля, он выслушал такой негодующий ответ:

«Никак нет, не могу, увольте. Никогда это делать не согласен, не дай Бог и смотреть!»

И курьер тотчас вышел из комнаты.

Генерал Цабель покраснел, замолчал и стал сам ковырять что-то на погонах. И на первом же полковом митинге произошло совершенно неожиданное: все солдаты оказались с вензелями на погонах, а командир полка генерал Цабель и его адъютант, поручик барон Нольде, явились без вензелей...*

Вернувшийся из своей неудачной экспедиции генерал Иванов, опасаясь возникших на вокзале безпорядков, решил переселиться из своего вагона, в котором он жил, в одну из городских гостиниц. Но и там он чувствовал себя неспокойным. Когда он однажды сидел у ген. Дубенского, полевые жандармы донесли ему, что толпа каких-то хулиганов подходила к гостинице и требовала, чтобы он к ней вышел.

События последних дней расстроили и подавили старика. «Все наше спасение в скором восстановлении Царской власти в России, — говорил он Дубенскому. — Я считаю, что Великий Князь Михаил Александрович не мог не исполнить воли Государя и согласиться по уговору Временного правительства отказаться от Престола. А самое величайшее бедствие, это отказ Царя от Царства. Алексеева знаю хорошо, он ведь мой начальник штаба; Алексеев человек с малой волей и величайшее его преступление перед Россией — его участие в совершенном перевороте. Откажись Алексеев осуществлять планы Государственной думы — Родзянко, Гучкова и других, я глубоко убежден, что побороть революцию было бы можно, тем более, что войска на фронтах стояли и теперь стоят спокойно и никаких брожений не было. Да и главнокомандующие не могли и не решились бы согласиться с Думой без Алексеева»**.

Переворот и предательство Ставки произвели самое тягостное впечатление и на союзных военных агентов, вызвав в них естественную тревогу за участь дальнейших военных действий.

---

* *Ген. Дубенский.* Как произошел переворот в России. С. 94.

** Там же. С. 95.

«У нас в Англии есть старая пословица: при переправе вброд, лошадей не меняют, — говорил ген. Вильямс. — А вы, русские, решились переменить не только лошадей, но даже экипаж. Можно бояться, что этот опыт принесет губительные результаты».

«Но ведь ваш же посол Бьюкенен принимал близкое участие в подготовке переворота», — не без язвы заметили генералу Вильямсу.

«Я думаю, не все одобряют деятельность г. Бьюкенена», — осторожно ответил Вильямс.

Английский генерал ясно сознавал то, чего не видели русские генералы, поднявшие руку на своего Монарха: ужасные последствия этой измены. Политический хаос, установившийся тотчас же в столице, приводил его в негодование:

«Они все там сумасшедшие, сумасшедшие!» — повторял он.

Разговаривая с Мордвиновым перед приемом, он выражал тревогу за участь Царской Семьи. Вильямс сказал Мордвинову, что им получена от Бьюкенена телеграмма о том, что английское правительство ручается за безопасный проезд Царской Семьи в Англию, и даже показывал ему эту телеграмму, держа ее в руках, вероятно, для доклада Государю. Но с этим отъездом за границу, по мнению ген. Вильямса, нужно было торопиться, и болезнь Царских Детей не должна была служить препятствием; оставаться в России было опасно: «от этих сумасшедших всего можно ожидать!»

Отъезд Государя в Царское Село был назначен на 8 марта. Царь выразил желание проститься со Своим штабом утром того же дня. Большой зал управления дежурного генерала был переполнен генералами, офицерами и казаками конвоя. Стояло тяжелое молчание, едва нарушаемое разговорами вполголоса. Прибежавший офицер доложил генералу Алексееву, что Государь вышел из губернаторского дома. Через несколько мгновений донесся ответ караула на Царское приветствие: «Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!» В наступившей мертвой тишине слышались шаги Государя, поднимавшегося по лестнице. Генерал Алексеев скомандовал: «Господа офицеры!» И Государь появился в дверях. Он был в кубанской пластунской форме, на которой белел Георгиевский крест. Левая рука, державшая папаху, опиралась на шашку, правая свободная рука слегка дрожала. На бледном и усталом лице Государя лежал отпечаток нервного напряжения. Быстро пройдя через зал, Царь остановился и, повысив голос, начал Свою речь. Он говорить звонко и ясно, но немного задыхаясь от сдерживаемого волнения.

«Я вас вижу... сегодня... в последний раз... такова Божья воля... и Мое решение»... Затем Государь заговорил о Своем отречении, в нескольких словах объяснил его причину, коснулся отказа брата, Великого Князя Михаила Александровича, принять Престол, наконец, призвал Своих бывших соратников продолжать войну до победного конца... Царь замолк, а присутствующие, казалось, еще слушали Его, неподвижные и подавленные.

Потом началось прощание; по мере того, как Государь, подвигаясь, пожимал руки генералам и офицерам, обращаясь к каждому из них с ласковым словом, послышались сначала сдержанные, а потом все более громкие рыдания во всей зале. Какие-то голоса пробовали сказать: «Тише, тише, вы волнуете Государя», — но рыдания продолжались. Царь невольно поворачивал голову по направлению этих звуков; с глазами, полными слез, Он пытался улыбаться, но и улыбка эта была горестной. Один из офицеров, шт.-ротмистр Муханов, побледнев как смерть, лишился чувств, за ним хорунжий Лавров и несколько других упали в обморок. Казак-конвоец рыдал навзрыд и слезы текли по его окладистой черной бороде. Громадного роста вахмистр кирасирского полка, громко всхлипывая, вскрикнул: «Не покидайте нас, Батюшка».

Теперь вокруг слышались только горькие рыдания. Потрясенный волнением и горем, Царь не смог продолжать Свой обход. Силы, видимо, изменяли Ему. Он сделал прощальный жест и быстро направился к двери. Генерал Алексеев поспешил за Ним, говоря на ходу несколько официальных слов: «Ваше Величество... желаю, насколько возможно, счастливой жизни»... — смутно слышались отрывочные выражения; затем произошло какое-то движение, пронесся гул голосов, — Царь ушел*.

Несколько генералов и военные агенты союзных государств поднялись к Государю, который принял их отдельно и прощался с ними, обращаясь к каждому с несколькими сердечными словами.

«Дай Бог, чтобы дети ваши были счастливы, — говорил Он одному, — берегите их»... «Надеюсь, вы найдете утешение в вашей супруге, — обращался Он к другому, — передайте ей Мой

---

*Прощание Государя с чинами Ставки 7 марта 1917 г. описывалось несколько раз, с небольшими вариантами. Наиболее подробные рассказы об этом моменте в брошюре ген. Н. А. Тихменева «Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке» (Ницца. 1925), и В. М. Пронина «Последние дни Царской Ставки» (Белград. 1929), а также у ген. Дубенского (Русская Летопись. Кн. III).

привет, скажите что Я прошу ее поберечь вас». Наконец, третьему: «Вам будет трудно служить теперь в армии, все эти новые условия не для вас... Я так жалею, что покидаю вас, Я так привык ценить вашу преданность и вашу работу» ...

Иностранные военные агенты — Вильямс, Коанда, Жанен, Риккель — ушли от Царя со слезами на глазах. Сербский полковник Бранислав Лонткевич поцеловал руку Государя, выражая этим трогательную благодарность сербского народа Тому, Кто даровал ему свободу. «Россия без Царя... нет, нет, это невозможно... этого никогда не может быть!»... — с отчаянием повторял Лонткевич.

В этот день Государь обратился к войскам с прощальным приветом. Это трогательное, глубоко прочувствованное обращение, в котором так ярко отражается благородная душа Государя:

«8 марта 1917, № 371.
Ставка.

В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые Мною войска. После отречения Моего за Себя и за Сына Моего от Престола Российского, власть передана Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему.

Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага.

В продолжении двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его, — тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах безпредельная любовь к нашей великой Родине.

Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

НИКОЛАЙ».

Не успел Государь передать этот прощальный приказ генералу Алексееву для опубликования, как этот последний поспешил доложить о нем своему другу и владыке Гучкову. Новоиспеченный военный министр немедленно по телеграфу воспретил оглашать документ и доводить его до сведения войск. Чем объясняется такая мелочность? Ведь в обращении Государя заключалось все, чего, казалось, мог желать революционный министр: призыв к патриотизму, к верности союзникам, к повиновению новому правительству... Да, но это прощание могло возбудить в войсках сочувствие к Царю. А избежать этого было важнее всего. Не победы, а власти и популярности жаждал Гучков!

В этот же день Государь должен был отбыть из Могилева. В телеграмме, полученной тогда же генералом Алексеевым, князь Львов извещал его, что четыре делегата от Государственной думы посланы для сопровождения Царского поезда в Царское, а оттуда в Мурманск. Мурманск, единственный оставшийся порт для сообщения с Англией. Значит, Царская Семья воспользуется гостеприимством короля Георга...

Около трех часов пополудни Государь приехал на вокзал и отправился к Своей Матери. Как всегда, в момент отъезда, на платформе был безпорядок и оживление. Великие Князья Борис Владимірович и Александр Михайлович, Принц Ольденбургский, генералы, офицеры, просто любопытные, простонародье, пришедшие в последний раз взглянуть на Царя, — все смешались в пеструю толпу, удрученную, тревожную... Наконец сообщено было о прибытии поезда с думскими делегатами... Вскоре они вышли из вагона, — четыре жидкие фигуры хмурых полуинтеллигентов.

Извещенный об их прибытии, Государь передал им через гофмаршала князя Долгорукова приглашение к обеду... Делегаты отказались... Долгоруков не посмел передать этот грубый ответ Государю, он сказал только, что вагон делегатов не соединен проходом с поездом, и им невозможно пройти в вагон-ресторан в пути. Государь понял и больше не настаивал.

И только тогда, в момент отъезда, думские посланцы неожиданно объявили Алексееву, что Государь арестован. Таким образом, переговоры, отречение, телеграммы, Мурманск, Англия, почетная стража, — все это оказалось просто комедией, ложью, изменой, имеющими одну только цель — усыпить подозрения, побудить Государя признать новую власть, парализовать Его действия. И теперь, когда Он оказался один, оторванный от армии,

от народа, окруженный генералами, либо изменившими Ему, либо, хотя и оставшимися верными, но слабыми, нерешительными, колеблющимися — грубый хам с красным бантом в петлице кладет руку на плечо Помазанника Божьего...

Алексеев поспешил передать Государю сообщение делегатов. Государь выслушал молча, слегка побледнел и отвернулся. Через несколько минут Он вышел из вагона Вдовствующей Императрицы... Шагов двадцать отделяли Его от поезда, который должен был увезти Его. Толпа окружала Царя, шла за Ним, целовала Ему руки. Он обнял верного Нилова, которому думцы не разрешили сопровождать Государя, потом поднялся в вагон и, став в дверях, неподвижно и скорбно глядел на тонкую, маленькую женскую фигуру в черном платье, которая из окна Своего вагона махала платком, порою утирая им слезы, текущие по Ее лицу; это была Его Мать... Потом, издали Императрица перекрестила уезжавшего в неизвестность Сына, которого Она видела в последний раз и в страшную смерть которого впоследствии никогда не хотела поверить. Поезд тронулся. Генерал Алексеев, стоя навытяжку, отдавал честь Государю, взяв под козырек. Но когда последний вагон, увозивший думских делегатов, мелькнул у платформы, старый генерал, сняв фуражку, низко и почтительно поклонился тюремщикам своего Царя.

* * *

Отъезд Государя из Царского Села в Могилев глубоко взволновал Императрицу Александру Феодоровну, которая всей Своей впечатлительной, нервной натурой предчувствовала готовящиеся ужасные события, как чувствуют приближение грозы.

Вскоре после отъезда Государя в Ставку на Царскую Семью обрушились болезни: Наследник и старшая Великая Княжна Ольга Николаевна заболели корью, потом заболели Татьяна и Анастасия Николаевны, а также А. А. Вырубова, жившая во Дворце. В это же время доходят первые известия о волнениях в столице.

«На Васильевском Острове и на Невском произошли безпорядки, — пишет Императрица 24 февраля, — народ осаждает булочные, разгромили Филиппова и должны были вызвать казаков. Я обо всем этом узнала неофициально».

Затем Императрица переходит к тому, что Ее волнует, — здоровье Детей: «Вчера Бэби был весел, и я ему читала “Les bébés d’Héléne”» и т. д.

Письмо следующего дня отражает некоторое безпокойство: «Это волнение вызвано хулиганами; мальчишки и девчонки волнуются и кричат, что недостает хлеба, исключительно, чтобы вызвать безпорядок. Если бы погода была более холодная, все эти люди сидели бы дома, но все это пройдет и успокоится, лишь бы Дума себя хорошо вела». Затем, со Своим решительным и быстрым умом, Императрица указывает, как по Ее мнению возможно было бы устранить повторение этих безпорядков: «Почему не вводят хлебных карточек, как в других странах? Сделали же это для сахара и у всех его теперь достаточно». Она возвращается к этой мысли в письме от 26 февраля, но констатирует, что «вчера в городе было плохо». В тот же самый день получается телеграмма от Государя; через два дня Он выезжает в Царское.

В Царском Селе при Императрице в эти дни находились: обер-гофмаршал Двора Е. И. В. граф П. К. Бенкендорф; помощник дворцового коменданта Свиты Е. И. В. генерал-майор Гротен*; состоявший при Императрице в должности гофмейстера граф П. Н. Апраксин**; лейб-медик Е. С. Боткин и командир Собственного Его Величества полка Свиты Е. И. В. генерал-майор А. А. Ресин.

Из числа всех находившихся в то время в Петрограде флигель-адъютантов один лишь граф А. Замойский прибыл в Царское Село 27 февраля и провел во Дворце первые тревожные дни революции.

Но события в столице развиваются с ужасной быстротой. Министры, начальники гражданские и военные как будто исчезли, снесенные бурей; сестра А. А. Вырубовой, приехавшая из Петрограда, в полном отчаянии: все погибло, город во власти мятежников. Волнение, похожее на панику, охватывает окружение Императрицы. Она одна остается спокойной и стойкой, разрываясь между больными Детьми и павшими духом, которых Она поддерживает Своим примером, авторитетом, словами. Она держит Государя в курсе всего происходящего, всего, что Она узнает; и в письмах Ее, упомянутых выше, мы находим отзвук настоящих чувств, волнующих Ее гордое и замкнутое сердце: надежды, страха, тревоги. Известие об образовании Комитета Государственной думы немного успокаивает Императрицу — это первый просвет, как будто предвещающий конец бури. К тому же

* Был арестован 2 марта в Ратуше (штаб восставшего гарнизона).

** Граф П. Н. Апраксин оставался во Дворце до 12 марта.

Государь извещает о Своем приезде, но, опасаясь для Семьи соседства бунтующей столицы, Он желает, чтобы Императрица уехала с Детьми из Царскосельского Дворца либо в Гатчину, либо Ему навстречу*.

Но Дети больны... Наследник — очень серьезно... Как пуститься в дорогу при таких условиях? Родзянко, к которому обращаются за советом, отвечает: «Когда дом горит, то прежде всего выносят больных»**.

Безполезные колебания... вскоре становится известным, что железнодорожная сеть вокруг столицы в руках революционеров. Они не пропустят Императрицу, быть может даже остановят поезд Государя. Эта тревога длится до вечера 28 февраля. В десятом часу по телефону сообщают, что Царскосельский гарнизон взбунтовался тоже и идет на Дворец... уже стреляют на улице...

Дворцовый гарнизон состоит из верных частей, в нем нет колебаний и он тотчас же начинает выстраиваться перед Дворцом, готовый его защищать от мятежников. Наступают глубоко драматические минуты: сейчас может пролиться кровь, и чья кровь!

В половине одиннадцатого вечера Императрица, опираясь на руку Великой Княжны Марии Николаевны, выходит из Дворца и начинает обход верных Своих войск. Проходя перед частями, Она здоровается, но им приказано не отвечать, дабы шумом не встревожить больного Наследника. И это молчание людей, готовых умереть за свою Царицу, за Царских Детей, красноречивее, трогательнее, торжественнее, всяких восторженных, бурных приветствий. Но Императрица заботится не только о безопасности Своей и Детей; Ей тягостна мысль о братоубийственной схватке между русскими людьми, русскими воинами. «Не стреляйте первыми!» — просит, приказывает Она***.

Но бунтовщики не осмелились придти. Они по телефону требуют от Сводного Е. И. В. полка, чтобы он присоединился к ним, грозя, в противном случае, сжечь казармы полка. А батарея тяжелой артиллерии, расположенная на Софийском плацу, тоже шлет угрозу: при первом выстреле со стороны Дворца она откроет по нему огонь. Но есть ли у батареи снаряды? Комендант уверяет, что нет; ген. Гротен — думает, что, может быть, есть, но никто ничего наверное не знает.

---

* *Gilliard P.* Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille. P. 176.

** Там же.

*** Весь эпизод восстановлен по неопубликованному дневнику гр. П. Н. Апраксина.

От Государя поступают известия с пути: 28 февраля 15 часов из Вязьмы; в 21 час 27 минут Государь телеграфирует из Лихославля: «Благодарю за известие, счастлив, что все идет хорошо. (Дело идет о Детях.) Завтра утром надеюсь быть дома. Целую тебя и детей. Храни вас Бог».

Какое тайное предчувствие заставило Государя написать это странное слово «надеюсь»? Разве Он в этом неуверен? И, действительно, на другой день, 1 марта, Императорский поезд не прибывает в Царское. Что сталось с Тем, Кого ждут с таким нетерпением встревоженная жена и больные дети?

До этого времени, осажденная в Своем Дворце, отрезанная от всего міра, Императрица имела, по крайней мере, то утешение, что могла сообщаться с Государем, знать, что Он делает, какие Его намерения, наконец, получать от Него ласковые слова, дающие силы в ожидании и в тяжелых испытаниях. Телеграфный провод, соединяющий на протяжении сотен верст Царское Село со Ставкой, служит единственной связью между двумя терзаемыми тревогой существами. Но вдруг связь эта прерывается и наступает зловещее молчание. Царь уехал из Могилева и не приехал в Царское. Вот все, что известно. Где был Он остановлен, что с Ним сталось, в какие сети попал Он, куда завела Его измена? Императрица призывает к Себе Великого Князя Павла Александровича — это верный Друг. Он ничего не знает о Государе, но известия из Петрограда тревожны. Думу, как будто, захлестывает волна приближающейся анархии. Великий Князь думает, что для сохранения Престола надо идти на уступки народу. В таком мучительном ожидании проходят два дня.

«Страдания Императрицы в эти дни смертельной тревоги, — говорит Жильяр, — когда, не имея известий от Государя, Она предавалась отчаянию у изголовья Своего больного Сына, превосходили всякое воображение. Она дошла до предела человеческих сил. В этом последнем испытании проявилась та чудесная лучезарная сила и спокойствие, которые поддерживали Ее и Ее близких до самого дня Их смерти»*.

Наконец, 2 марта, в час пополудни снова телеграмма от Государя. Она отмечена Псковом и состоит всего из нескольких слов: «Приеду к обеду. Надеюсь, что здоровье всех лучше и что скоро увидимся. Храни вас Господь. Крепко целую». Какая радость, быстро, однако, сменяющаяся мучительной тревогой. Псков? За-

* *Gilliard P.* Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille. P. 178.

чем Государь поехал в Псков, зачем там остановился, что могло произойти?

Императрица тщетно пытается восстановить прерванную связь... Больше нет ни почты, ни телеграфа. Она пробует послать аэроплан: механики захватили аппараты и не выдают их летчикам. Послать нарочного? Генерал Иванов, к которому Императрица обращается, отвечает, что у него нет никого. А в его распоряжении целый отряд. Наконец, Она находит двух преданных молодых людей; имена их сохранила история: штабс-капитан Соловьев и хорунжий Граматин. Каждому из них вручается по письму почти одинакового содержания, которое, тщательно сложенное в несколько раз, легко прячется в голенище сапога; и теперь, с Богом!

«Любимый мой. Ангел мой дорогой! Свет очей моих! Сердце мое разрывается при мысли, что ты должен выносить все эти муки и тревоги в полном одиночестве и что мы ничего о тебе не знаем, как ты ничего не знаешь о нас». Так начинается письмо. Затем, в нескольких словах Императрица рисует картину положения: мрачная картина! С изумительным предчувствием угадывает Она, указывает тайную цель заговорщиков. «Совершенно очевидно, что они не хотят позволить тебе увидеть меня, раньше чем не подпишешь какой-нибудь документ, конституцию или другую ужасную вещь в этом роде». Что это за «ужасная вещь»? Это — отречение, слово, которое Императрица Александра Федоровна не хочет начертать. В глубине сердца Она думает, что Государь уступит, и находит слова для оправдания этого решения и для смягчения Его горечи. «И ты один, без твоей армии за тобой, пойманный, как мышь в мышеловку, что ты сможешь сделать?» И Она дает волю негодованию: «Это самая большая подлость и измена, известная в истории, арестовать своего Государя!» Луч надежды: «Ты мог бы показаться войскам в Пскове и в других местах и собрать их вокруг себя». Она говорит о Своих больных Детях, о домочадцах, что касается до Нее самой: «Сердце мое причиняет мне страдания, но я не обращаю на это внимания, я чувствую себя полной решимости и мужества». И наконец, вера в Божественное Провидение: «Бог Всемогущий превыше всего. Он любит Своего Помазанника, спасет тебя и восстановит твои права»*.

3 марта на заре к Великому Князю Павлу Александровичу явился офицер для срочного доклада. Великого Князя разбуди-

* Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna. Письмо от 2 марта 1917.

ли и он принял офицера, который, бледный как смерть, заявил, что новый комендант Царского Села просил разрешения тотчас же видеть Великого Князя; тут он разрыдался. Вскоре показался новый комендант с огромным красным бантом на груди. Извиняясь, что явился в столь неурочный час, он вынул из кармана бумагу и стал читать ее вслух. Это был манифест об отречении Государя.

Ошеломленный этим известием, которое, казалось, лишало Россию всякой надежды на спасение, Великий Князь отправился к Императрице.

«Дорогая Аликс, — сказал он, стараясь сдержать волнение, — я хотел быть с тобой в эти тяжелые минуты».

Императрица посмотрела ему в глаза.

«Ники?» — едва прошептала Она.

«Ники здоров», — поспешил прибавить Великий Князь, поняв, что его Племянница ничего не знала об отречении Государя, и осторожно сообщил Ей ту тяжелую весть, которую только что узнал сам.

Императрица слушала, поникнув головой, словно погруженная в молитву. Потом, выпрямившись, Она сказала: «Если Ники сделал это, значит, так надо было. Я верю в милосердие Божие, Господь не оставит нас»*.

На другой день узнают об отказе Великого Князя Михаила Александровича. Кругом все рушится с треском. Императрица ходит за больным Сыном. Она спокойна, очень бледна и кажется необычайно похудевшей и постаревшей; Она пишет Мужу письмо, преисполненное любви и тревожной нежности: «Дорогой мой, душа моя, сердце мое обливается кровью за тебя! Я схожу с ума. Я не знаю ничего, кроме ужасных глупых рассказов, которые могут довести до отчаяния. Ради Бога, черкни хоть одну строчку!» И постоянно эта, не покинувшая Ее никогда, вера в Бога: «Ах, ангел мой, Один Бог над всеми нами, я только и живу безграничной верой в Него. Он единственное наше упование. Сам Господь простит и спасет их, как написано на большой иконе». И в ответ на распространяемые слухи о Ее переговорах с вождями революции Она прибавляет, что Она ни во что не вмешивается, никого не видела из «этих людей» и никогда не хотела их видеть, и пусть Муж Ее не верит, если Ему это рассказывают. «Теперь Она только Мать при Своих больных детях, Она ничего не может сделать, боясь чем-нибудь повредить и не

* *Princesse Paley.* Souvenirs de Russie. P. 55–56.

имея никаких известий от Своего дорогого»... Она намеками говорит об отречении и, несмотря на всю Свою горечь, на возмущенную гордость, находит бодрящие слова: «Я прекрасно понимаю твой поступок, мой герой. Я знаю, что ты не мог подписать то, что шло вразрез твоей клятве во время коронования. Мы в совершенстве понимаем друг друга без слов и, клянусь жизнью, мы снова увидим тебя на Престоле, возведенным твоим народом и твоею армией для славы твоего царствования. Ты спас царство твоего сына, спас страну и святую чистоту твоей души, и Сам Бог возложит на тебя венец на этой земле, в твоей стране»*.

«Клянусь жизнью» — опасная клятва экзальтированной души. Бог услышал эту молитву и возложил на голову Царя славнейший из венцов — венец терновый.

С каким нетерпением, с какой тревогой Императрица ожидает возвращения Государя! И от Него приходит, наконец, телеграмма. Он сообщает, что временно возвращается в Могилев, куда Императрица Мать приедет встретиться с Ним. Снова начинается ожидание, но, по крайней мере, прекратилась неизвестность. Царствование окончилось, но можно еще надеяться на личное счастье, при тихой, скромной, от всех скрытой, жизни в кругу близких людей... Подрастающие дети... спокойная старость... и протекают дни в этих мечтах о будущем.

5 марта, около полуночи, ко Дворцу подъехал автомобиль, из которого вышли несколько военных и бородатый нахмуренный штатский. На всех были огромные банты из красных лент, признак революционной благонадежности. Бородатый человек объявил, что он новый военный министр Гучков; генерал, сопровождавший его, представился, как новый главнокомандующий войсками Петроградского военного округа Корнилов. Они хотели немедленно увидеть Императрицу. Охрана ответила, что она не знает этих людей и не пропустит их во Дворец. Возникли пререкания. Привлеченный шумом, вступился офицер. Посетителей ввели в вестибюль и послали известить Императрицу, которая была уже осведомлена раньше о предстоящем посещении новых властей и, не желая их принять одна, просила Великого Князя Павла Александровича приехать во Дворец. В ожидании Великого Князя, Гучков и Корнилов оставались в большой гостиной с графом Бенкендорфом, графом Апраксиным, генералом Ресиным и полковником Лазаревым. Завязался вялый разговор об облегчении связи лиц, живущих во Дворце, с внешним

* Lettres de l'Impératrice Alexandra Féodorovna. Письмо от 3 марта 1917.

міром. Генерал Корнилов обещал назначить во Дворец штаб-офицера для сношений с Временным правительством.

В то время, как Гучков и Корнилов собирались уже уехать, пришли доложить, что Императрица ждет их в Своей гостиной.

Императрица, одетая сестрой милосердия, холодная и надменная, приняла обоих стоя; около Нее находился Великий Князь Павел Александрович. Войдя в гостиную, оба революционные посланца вдруг остановились, смущенные и растерянные.

Все присутствующие удалились, оставив Императрицу и Великого Князя с Гучковым и генералом Корниловым. Через несколько минут они вышли из гостиной и уехали.

Три дня спустя снова появился генерал Корнилов, на этот раз без Гучкова. Приехал он 8 марта, в четверть одиннадцатого утра, с пятью офицерами и новым комендантом Царского Села и приказал о себе доложить Императрице.

Императрица приняла генерала с его свитой наверху в детских комнатах, стоя. Вся эта революционная ватага казалась весьма смущенной перед одинокой женщиной, в платье сестры милосердия, только что наклонявшейся над кроватью Своих больных Детей. Черное, постыдное дело, которое они совершали, быть может, на мгновение смутило их сердца. У некоторых из этих офицеров показались слезы стыда на глазах, а сам герой австрийского плена, растерянный, взволнованный, сказал прерывающимся голосом: «Ваше Императорское Величество... Вам не известно, что происходит в Петрограде и в Царском... мне очень тяжело и неприятно Вам докладывать... но для Вашей же безопасности я принужден Вас»... и замялся.

Императрица, перебив его, сказала: «Мне все очень хорошо известно. Вы пришли меня арестовать?»

«Так точно», — пролепетал генерал Корнилов.

После этих слов Корнилов представил Императрице нового коменданта Царского Села, полковника Кобылинского, и попросил всех выйти. Оставшись наедине с Императрицей, Корнилов смущенно стал уверять Императрицу, что арест Ее решен был Правительством для Ее же безопасности и что вскоре всю Семью увезут в Англию*.

Генерал Корнилов, как и все прислужники революции, обманывал: в это время, как мы уже говорили, готовили следствие и суд над Монархами.

* Неопубликованный дневник графа П. Н. Апраксина.

В этот же день в Могилеве, в момент отъезда Государя в Царское, другие думские делегаты объявили Государю, что Он арестован. Двойная измена, двойное предательство новой власти, начинавшей проявлять свои истинные намерения.

И, наконец, все в этот же день 8 марта Корнилов заменяет верных людей, охраняющих Дворец, грубой солдатней.

Для Монархов начинается уже тюремный режим.

Глава IV

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ

1. Новые хозяева России

У союзников, в особенности во Франции, весть о революции в России вызвала неописуемый восторг. В кулуарах Палаты депутатов хорошо осведомленные люди приписывали английскому послу честь подготовки этого переворота. К этому отзыву прибавляли даже критические замечания по адресу французского посла, не пожелавшего содействовать Бьюкенену в его предательстве, которое считалось в то время весьма выгодным для интересов союзников. Странное, непонятное заблуждение, которому суждено было упорно и продолжительно держаться, несмотря на жестокие разочарования, несмотря на повторные предупреждения Палеолога, несмотря даже на очевидную измену нового правительства общему делу союзников. Так сильна революционная мистика, глухая и слепая ко всякой реальной действительности!

7 марта Временное правительство обнародывает свой первый манифест. «Это был длинный, многословный, напыщенный документ, поносящий старый режим, обещающий народу все благодеяния равенства и свободы. Вопроса же о войне он касался лишь едва», — отмечает Палеолог, который, возмущенный, бросается тотчас же к министру иностранных дел Милюкову. Он резко ему заявляет: «После наших последних разговоров я не был удивлен теми выражениями, которыми опубликованный сегодня манифест говорит о войне; но я ими все же возмущен. О решении продолжать войну с настойчивостью, до полной победы, в нем не говорится ни слова. Германия даже не названа. Ни намека На цели войны»...

Милюков, бледный, смущенный, бормочет неясные оправдания. Он пытается привести хотя бы смягчающие обстоятель-

ства, ссылается на затруднительное внутреннее положение и, в заключение, почти умоляет: «Дайте нам немного времени».

Но Палеолог не питает никаких иллюзий насчет новых господ, захвативших власть. 10 числа он посылает председателю Совета министров Рибо длинную телеграмму, которую заканчивает следующими словами: «В настоящей стадии революции Россия не может ни воевать, ни заключить мира».

Впрочем, «деятели» революции с первых же дней весьма развязно прекратили ту игру, которая должна была вызвать у союзников чувство симпатии к готовящемуся государственному перевороту. Патриотические заверения, ненависть к Германии, обвинения Императрицы в измене — все это было сброшено как ненужная более маскарадная ветошь.

Так, например, члены Временного правительства грубо отказываются от приглашения на завтрак у французского посла, и когда впоследствии Керенский соглашается почтить посольство своим присутствием, то только лишь для встречи с французскими социалистами Кашеном, Мутэ и Лафоном.

Действительно, французское правительство не нашло в эти тревожные дни ничего лучшего, как отправить в Петроград группу крайних социалистов. Но даже они оказываются уже не в «тоне момента». «Их здесь встретили весьма холодно, — пишет Палеолог, — столь холодно даже, что Кашен растерялся, и ему пришлось, для успешности переговоров, сбросить некоторый балласт». Этот «балласт» оказался ни более ни менее как Эльзас и Лотарингия.

Мнение Кашена разделяет и другой французский социалист, министр Альберт Тома, прискакавший также в Петроград в качестве чрезвычайного посла союзной республики. Этот действительно «чрезвычайный» представитель заявляет Палеологу, попавшему в немилость, что он отзывается, и что, переговорив с Керенским, он настаивает также на необходимости сбросить «балласт» и на отказе от всяких «аннексий». Война, даже победная для союзников, должна кончиться ничем. Но этим не ограничиваются революционные восторги Альберта Тома: присутствуя на параде, где, вместе с знаменами, войска гордо несут плакаты с надписью: «Долой войну!», «Мы хотим мира!», французский министр, в порыве энтузиазма, восклицает: «Как это красиво! Как прекрасно!»

Представителя Франции приглашают на концерт-митинг в Михайловском театре. На сцене ораторы, министры сменяют

танцовщиц. Вдруг в ложе встает взъерошенная, мрачная и жуткая фигура и орет бешеным голосом: «Я желаю говорить против войны, за мир!»

В зале подымается шум. Отовсюду летят вопросы, восклицания: «Кто это? откуда ты? что ты делал до революции?»

Человек колеблется одно мгновение и выпаливает: «Я приехал из Сибири, я был на каторге».

«Ага, ты, значит, политический, жертва старого режима?»

«Нет... я уголовный, но совесть моя чиста!» И каторжник, перенесенный поклонниками на сцену, приглашает всех брататься с немцами, в то время как Альберт Тома, с сияющим лицом, лихорадочно жмет руку Палеолога, приговаривая: «Какое величественное зрелище! Какая неописуемая красота!»

Это стремление к миру, эта внезапная и беззастенчивая перемена к союзникам начали, однако, тревожить более трезвые умы среди революционных главарей. Милюков, недавно еще разражавшийся столь безжалостными обвинениями против Императорского Правительства, почувствовал себя вдруг весьма смущенным ответственностью, лежавшей на нем в качестве члена Временного правительства. И действительно, вопрос был нелегкий: заключить мир — это означало разорвать с союзниками и, если они будут победителями — то оказаться, без всякой необходимости, в рядах побежденных и нести все тягостные последствия такой измены. И Милюков пытается — но с какой робостью! противиться Керенскому, маневрировать, хитрить, выиграть время, остановить разложение армии. Он надеется найти поддержку у представителей союзников. Тщетная надежда! Альберт Тома, в согласии с Бьюкененом, высказывается решительно за Керенского, которого делегаты французских социалистов также поддерживают всем своим влиянием.

«Ах! ваши социалисты не облегчают мне мою задачу», — жалуется Милюков Палеологу.

Встревоженный столь странным поведением нового представителя Франции, Палеолог решает послать Рибо депешу с указанием на те опасные последствия, которые может вызвать это поведение. Прежде чем ее отправить, он ее читает Тома, который сухо замечает:

«Мое мнение диаметрально противоположно. Вы настаиваете на посылке этой депеши?»

«Да, я ее хорошо обдумал».

«В таком случае пошлите ее, но пусть это будет последняя».

Палеологу стоит немалого труда дать понять непомерно пылкому социалисту, что, пока он не будет официально отозван от должности посла, он обязан информировать свое правительство.

Однако, видя настойчивость, с которой Альберт Тома пытается его совершенно устранить от дел, Палеолог вынужден послать через несколько дней председателю Совета министров новую депешу следующего содержания: «Важность происходящих событий и чувство моей ответственности ставят меня в необходимость просить вас подтвердить специальным приказом, что, согласно инструкций г. Альберта Тома, я должен впредь воздержаться от посылки вам информаций».

На этот раз министр-социалист не в силах удержаться от гневного порыва. Шагая в бешенстве по кабинету посла, он обрушивается на него градом упреков и ругательств. Но гроза стихает и, по получении ответа Рибо, в котором глава правительства приглашает обоих соперников изложить свои точки зрения, каждый из них составляет и отправляет свой доклад. Одна фраза депеши Альберта Тома резюмирует основное их разногласие: «Я верю в возможность вернуть Россию к войне провозглашением демократической политики; г. Палеолог, напротив, считает, что сейчас уже нет никакого средства для достижения этой цели».

История показала, насколько прав был французский посол в оценке политического положения.

В то время, как Альберт Тома проникался революционным восторгом, и союзническая печать обливала грязью тот самый «Царский режим», который самоотверженно выполнял свой долг в течение трех лет войны; в то время, как всякие мечтатели воспевали осанну загорающейся «заре свободы», вот какую картину эта заря освещала в России.

В первый же день победы уличного бунта 1 марта Совет рабочих и солдатских депутатов поспешил выполнить свои обязательства перед немецким генеральным штабом, опубликовав знаменитый «приказ № 1». Этот акт новой власти нанес армии удар, от которого она уже никогда не смогла оправиться. И, действительно, приказ этот упразднял всякую дисциплину, восстанавливал солдат против офицеров и совершенно парализовал выполнение распоряжений высшего командования. Впоследствии авторы «приказа» пытались избавиться от страшной нравственной ответственности за него, отрекаясь от всякого участия в опубликовании этого документа. Однако теперь совершенно точно установлено, что он был составлен одним из членов президиума

Совета, социалистом Соколовым, награжденным за это званием сенатора; что Временное правительство было вполне осведомлено о «приказе» и что оно способствовало его распространению, рассылая его повсюду по прямому проводу*. В то же самое время работа по разложению армии весьма деятельно выполнялась военной комиссией при Комитете Государственной думы, под руководством одной из креатур Гучкова, генерала Потапова. Следует здесь заметить, что окружение нового военного министра состояло почти исключительно из предателей. И генерал Потапов, и генерал Поливанов, и генерал Бонч-Бруевич, и многие другие служили одновременно революции и немецкому главному штабу, чтобы, наконец, продаться большевикам. Одному из этих изменников, ген. Поливанову, Гучков поручил руководство комиссией для разборки «декларации прав солдата», предназначенной смести последние остатки дисциплины, сохранившиеся еще после издания «приказа № 1».

Временное Правительство, конечно, понимало отлично, что революция в России неизбежно должна привести к скорому сепаратному миру с Германией. Мысль эта совершенно определенно высказана была управляющим делами Временного правительства, следившим, изо дня в день, за мнениями и настроениями лиц, стоящих у власти. «Но все же я глубоко убежден, — пишет он, — что сколько-нибудь успешное ведение войны было просто несовместимо с теми задачами, которые революция поставила внутри страны, и с теми условиями, в которых эти задачи приходилось осуществлять»**. Не прошло и недели со времени отречения Государя, как новый военный министр Гучков в заседании 7 марта затрагивает уже вопрос о сложении оружия***.

А 14 мая Гучков в беседе с Куропаткиным спокойно заявляет, что Россия идет к катастрофе сразу несколькими путями: развалом армии, банкротством, голодовкой, безначалием и смутой внутри. Просвета, по мнению Гучкова, нет никакого, а министерство, членом которого он состоит, — «слякоть»****. Гучков за-

---

* Генерал Деникин приводит выдержку из отчета о секретном заседании правительства, главнокомандующих и исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов от 4 мая 1917, в котором содержится рассказ Церетели и Скобелева о составлении «приказа № 1» (*Деникин.* Очерки Русской смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 66; Вып. 2. С. 59–61).

** *Набоков В. Д.* Временное Правительство // Архив Русский Революции. Т. 1. С. 41.

*** Там же. С. 41–42.

**** *Куропаткин А. Н.* Дневник // Красный Архив № XX.

бывает прибавить, что именно эту «слякоть» навязывали Государю, как цвет и сливки русской общественности, и что он сам, Гучков, тщательно заготовил все те пути, по которым Россия шла одновременно к катастрофе. И, действительно, меры, принятые правительством к разложению армии, возымели быстрое действие, и приехавший в апреле на заседание Временного правительства генерал Алексеев должен был засвидетельствовать, что «революция нанесла страшнейший удар нашей военной силе, и что разложение последней идет колоссальными шагами»*.

Совершенно то же мнение высказывает и Людендорф в своих воспоминаниях: «Русская революция должна была неминуемо вызвать падение русской военной мощи, ослабляя Антанту и значительно облегчая тяжесть нашей задачи», — и Людендорф прибавляет: «В апреле и мае 1917 года, несмотря на нашу победу на Эне и в Шампани, мы были спасены только русской революцией».

Революция эта, в мыслях ее настоящих тайных руководителей, имела двойную цель: выбить Россию из числа воюющих государств и уничтожить ее как национальную державу. За первую задачу весьма активно взялось Временное правительство — вторую выполнили большевики. Между этими двумя этапами революции нет никакой принципиальной разницы, они следуют совершенно логически один за другим, и недаром столько деятелей февральской революции легко и естественно перешли к большевикам.

Россию связывали с войной не только ее жизненные интересы, но и верность союзническим обязательствам. И вот, с первых же дней революции, люди, осмелившиеся обвинять Царя в намерении изменить союзникам, сами готовятся им немедленно изменить. На одном из заседаний Временного правительства в апреле месяце В. Н. Львов, один из наиболее «откровенных» членов правительства, также впоследствии перешедший к большевикам, прямо и нисколько не стесняясь требует отказа от союзнических договоров, которые он называет «разбойничьими и мошенническими»**.

А «чрезвычайный» французский посол Тома ничего не видит, не замечает и пребывает в состоянии восторженного упоения.

Но возможно ли удивляться слепоте невежественного французского социалиста, справедливо ли возмущаться его симпати-

---

* *Набоков В. Д.* Временное Правительство. С. 74.

** Там же. С. 45.

ями к революции, которая на его же глазах приводила русскую армию к быстрому разложению, когда та же необъяснимая слепота, та же безразсудная радость охватывала видных представителей русской же армии?

8 марта, т. е. *после* издания приказа № 1, *после* того как началась вакханалия солдатни, испугавшая даже Гучкова, ген. Деникин невозмутимо пишет своим близким:

«Перевернулась страница истории. Первое впечатление ошеломляющее, благодаря своей полной неожиданности и *грандиозности* (?). Но, в общем, войска отнеслись ко всем событиям совершенно спокойно. Высказываются осторожно, но в настроении массы можно уловить совершенно определенные течения: 1) возврат к прежнему немыслим; 2) страна получит государственное устройство, достойное великого народа: вероятно, конституционную ограниченную монархию; 3) конец немецкому засилью и победное продолжение войны»*.

Конечно, нетрудно угадать, что почтенный «демократический» генерал приписывает здесь «массам» свои собственные мысли и желания. Что генерал Деникин, как известно, человек ограниченный, желал ограниченной монархии — в этом нет ничего удивительного; едва ли, однако, он сам мог добросовестно приписывать такие политические идеалы серой солдатской массе. Но заблуждение генерала насчет конца «немецкого засилья» как раз в то время, когда осуществлялись в России вожделения германского штаба, но его вера в «победное продолжение войны» в тот момент, когда сам военный министр говорил уже о невозможности воевать и о необходимости заключения сепаратного мира — вот эти мечтания русского генерала поистине изумительны. И Деникин сам спешит нас оповестить, что он не составлял исключения: «Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной на его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек»... — наивно пишет он в своих воспоминаниях, проникнутых слепой ненавистью к тому строю, которому он служил и при котором он достиг высоких военных должностей. Генерал Деникин приводит примеры еще более «демократических» генералов, нежели он сам. Так, генерал П. Сытин, перешедший впоследствии к большевикам, предлагал объявить, что земля — помещичья, государственная, церковная — отдается безплатно в собственность крестьянам,

---

* *Генерал Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 60–61.

сражающимся на фронте*; командующий 6-й армией, на Румынском фронте, ген. Цуриков ввел у себя солдатские комитеты, когда еще никакие советские приказы на этот фронт не проникли**. «Непротивление было всеобщее, — пишет Деникин, — тяжело было видеть офицерские делегации Ставки, во главе с несколькими генералами, плетущиеся в колонне манифестантов, праздновавших 1-е мая — в колонне, среди которой веяли и большевицкие знамена и из которой временами раздавались звуки интернационала... Зачем? — вопрошает Деникин. — Во спасение Родины или живота своего?»*** Не только жизнь спасали, но и карьеру рассчитывали сделать на революции; в Ставку хлынуло тогда множество генералов, которые при старом режиме были отставлены или оставались в тени, и теперь надеялись пробить себе дорогу****.

Но что говорить о сравнительно ничтожном Деникине или о мелких генералах-карьеристах, когда сам А. Н. Куропаткин, генерал-адъютант, бывший военный министр, бывший неудачный главнокомандующий в Манчжурии и Северным фронтом в Великую войну и занимавший в то время почетный и спокойный пост Туркестанского генерал-губернатора, выражает бурную радость по поводу революции и, несмотря на кратковременный арест «товарищами», бросается к новым хозяевам, льстит Керенскому, Львову, Гучкову и тщетно выпрашивает у них хоть корпус, которого ему не дают. И царский генерал-адъютант высказывает сожаление и досаду о том... что социал-демократам не удалось до революции сделать последний этап своей пропаганды: «образование революционного офицерства!»***** И в то самое время, когда безвольная, трусливая, преступная новая власть издает приказ № 1, уничтожает дисциплину и разваливает фронт, «Военный совет, состоящий из старших генералов, якобы хранителей опыта и традиций армии», в заседании своем от 10 марта постановляет доложить Временному правительству, что «он считает своим долгом засвидетельствовать полную свою солидарность с теми энергичными мерами, которые Временное правительство принимает в отношении реформ наших вооруженных сил, соответственно новому укладу жизни в государстве и армии»******.

---

*Там же. С. 93.

**Там же. С. 68.

***Там же. С. 92.

****Там же. С. 93.

***** *Куропаткина А. Н.* Дневник // Красный Архив № XX.

****** *Генерал Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 63–64.

Конечно, в гуще военной массы были и другие офицеры, были верные и преданные генералы... пусть даже немногие. — В то время как главнокомандующие фронтами, малодушно следуя указке ген. Алексеева и революции, требовали от Государя отречения, вместо того, чтобы спешить к Нему на помощь — в это самое время настоящий по духу русский человек, хотя и не русской крови, генерал Хан-Нахичеванский, командир Гвардейского конного корпуса, встревоженный слухами о бунте, телеграфировал генералу Рузскому:

«До нас дошли сведения о крупных событиях, прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха».

Генерал Хан-Нахичеванский, в честной и преданной душе своей, не мог и помыслить, что, обращаясь к генерал-адъютанту Рузскому, он встретит предателя и изменника и что его телеграмма даже не будет доложена Царю!

То же предложил и другой доблестный генерал, командир 3-го конного корпуса граф Ф. А. Келлер, который после отречения Государя не пожелал служить новой самозваной революционной власти и впоследствии был умерщвлен петлюровцами, отказавшись бежать переодетым в немецкий мундир.

Но эти примеры исключительны на фоне общего малодушия.

Да, армия разлагалась не только снизу, но и сверху; и в этой поднявшейся революционной вакханалии, в этой борьбе страстей, личных вожделений, страха за место, звание, чин, жалованье или пенсию, многие ли думали о «спасении Родины» и о спасении Царя?

И именно в эти минуты, когда разваливается фронт, когда германский штаб ликует, когда в правительстве «ткется липкая паутина измены и предательства» и России, и союзникам — именно в эти минуты, предшествующие большевизму, французский социалистический министр посылает из Петрограда председателю французского Совета министров следующую телеграмму, поражающую своей слепой безсознательностью:

«Я верю в возможность вернуть Россию к войне провозглашением демократической политики».

Жалкий демократизм, сколько глупостей совершено во имя его!

2. Неволя в Царском Селе

На том тернистом крестном пути, по которому Император Николай II дошел до Екатеринбургской Голгофы, Царское Село явилось третьей остановкой, после тяжелых дней во Пскове и в Ставке. Здесь впервые открылся Монархам уродливый, обезьяний лик революции. Царствование Помазанника Божия сменилось царствованием уличной черни. Те лица, которые вчера еще почтительно склонялись перед Монархом, обратились в грубых, безжалостных тюремщиков, как только им удалось завладеть своими жертвами. Никто из членов Временного правительства, кроме Керенского, не заинтересовался судьбою Узников, никто Их не посетил. Сам камергер Родзянко, председатель комитета Государственной думы, не побезпокоил свою грузную особу, чтобы приехать преклониться перед своим Монархом в несчастии. Приходится также признать, что и часть ближайшего окружения Государя не отличилась ни приличием, ни преданностью. Ко времени отречения Государя при Нем состояла довольно многочисленная Свита; ближайшими лицами были министр Двора и он же командующий Императорской главной квартирой граф В. Б. Фредерикс; дворцовый комендант ген. В. Н. Воейков, начальник военно-походной канцелярии ген. К. А. Нарышкин, командующий конвоем ген. граф А. Н. Граббе, адмирал К. Д. Нилов, командир железнодорожного полка ген. С. А. Цабель, Свиты генерал-майор гофмаршал князь В. А. Долгоруков, флигель-адъютанты полковник герцог Н. Н. Лейхтенбергский и полковник А. А. Мордвинов; в Петрограде в это время находился близкий к Особе Их Величеств флигель-адъютант капитан 1 ранга Н. П. Саблин. Еще в Ставке графу Фредериксу, генералу Воейкову и адмиралу Нилову было отказано в разрешении остаться при Государе и им пришлось тогда же покинуть Могилев. Из прочих же перечисленных военных и придворных чинов один лишь гофмаршал князь Долгоруков пожелал разделить судьбу своего Монарха. Остальные, по разным причинам и предлогам, а то и без всяких объяснений, покинули Их Величества, и если спасли этим свою свободу и самую жизнь, то дорогою ценою: не добром помянут их имена и русские историки, и русский народ.

Справедливость заставляет отметить, что полковник Мордвинов в прочувствованных страницах, посвященных воспоминаниям о Государе, объяснил, что, оставаясь в Ставке, он выполнил, с согласия Его Величества, лишь советы английского

атташе, ген. Вильямса. Мордвинов не скрывает своей скорби и по поводу сделанной им ошибки, но его пример единственный. Его коллеги, отрекшись от исполнения долга, остались немы перед судом общественного мнения и истории.

Если верность и преданность оказались столь редкими среди ближайшего окружения Царской Семьи, то чего же можно было ожидать от «правящего класса»: высшей администрации судебного ведомства, аристократии, дворянства? В провинции администрация проявила такую же пассивность, такую же растерянность, как и в столице.

В Орле, например, при первых же безпорядках прокурор окружного суда Завадский, проявлявший до сего времени крайне правые убеждения, внезапно «заболел» и перестал являться на заседания; но как только пришла телеграмма Керенского об освобождении всех политических арестантов, то прокурор столь же внезапно выздоровел и тотчас же помчался в тюрьму, чтобы пожать руки освобожденных и уверить их, что он «исполняет волю народа». Начальник гарнизона генерал Никонов разъезжал на извозчике с огромным красным флагом во главе войск, игравших марсельезу. Губернатор, граф П. В. Гендриков — по получении известия об отречении Государя послал кн. Львову и Родзянко телеграммы, в которых он «считал долгом сообщить, что с настоящего момента он и подведомственные ему чины подчиняются Временному правительству и честно исполнят свой долг перед Родиной».

Этот жест гр. Гендрикова заслужил одобрение самозваного местного «Комитета общественной безопасности», доселе недовольного молодым губернатором: осведомившись о телеграмме, комитет немедленно выразил ему доверие и готовность с ним работать. Но печать отнеслась к поведению губернатора иначе. «Русское слово» посвятило ему несколько презрительных строк: «Капитулировал, наконец, и Орловский губернатор граф Гендриков, — писала газета. — Он слишком долго выжидал и уже смещен». И, действительно, «капитуляция графа Гендрикова не принесла ему удачи; 6 марта, телеграммой кн. Львова он был смещен с должности, с передачей управления губернией председателю губернской земской управы*. Гр. Гендриков принадлежал к семье,

* Поведение Орловского губернатора в эти дни встретило, впрочем, и другую, сочувственную оценку. В письме, помещенном в газете «Возрождение» от 9 февраля 1933 г., А. С. Хрипунов заявил, что описание действий гр. Гендрикова, сделанное мною в книге «Le Tsar Nicolas II et la revolution», «не-

облагодетельствованной Царскими милостями, которым он и сам был обязан своим быстрым продвижением по службе.

Сестра графа, графиня Анастасия Васильевна, фрейлина Их Величеств, иначе поступила. Узнав об отречении Государя, беззаветно преданная своим Монархам русская девушка, не теряя ни минуты, приехала с Кавказа и бросилась в Царское Село. С этого момента она разделяла участь Узников и прошла с Ними все самые тяжкие испытания до мученической смерти.

Присяжный поверенный Александр Федорович Керенский, социалист-революционер, ставший, по странной иронии судьбы, министром юстиции величайшего в мире государства, присвоил также себе, по сему званию, и роль главного тюремщика Царской Семьи. Считая Монархов искупительными жертвами, предназначенными к закланию на алтаре божества революции, Керенский с первых же дней приложил усердные старания, чтобы создать для Узников самые тяжкие, самые нестерпимые условия существования. Стража, тщательно подобранная среди распропагандированных революционных солдат, была поставлена под начальство креатуры Керенского, полковника Коровиченко, окруженного проходимцами, носящими почему-то офицерские погоны. Эти темные личности стали тотчас же проявлять свой революционный энтузиазм, преследуя Царскую Семью грубым и оскорбительным наблюдением, дерзко с Нею обращаясь и натравливая против Нее нижних чинов стражи. И солдаты, по-

---

справедливо и пристрастно». В № от 25 февраля той же газеты был напечатан следующий мой ответ: ...«Я не считаю возможным вступать с г. Хрипуновым в спор относительно той или иной оценки поведения представителей власти и общества в эти позорные для России дни, но я не могу оставить без ответа его обвинения в «несправедливости» и «пристрастности» исторической работы, целью которой именно и являлось справедливое и правдивое освещение событий русской революции. Г. Хрипунову, вероятно, неизвестно, что факты, приведенные мною и вызвавшие его протест, заимствованы целиком из статьи самого гр. Гендрикова, под названием «Первые дни революции в Орле», появившейся в номерах 7 и 8 журнала «Двуглавый Орел» за 1927 г. Читатель найдет в этой статье и текст телеграммы гр. Гендрикова кн. Львову и Родзянко (стр. 26), и выражение доверия графу со стороны революционного «Комитета общественной безопасности» (стр. 27), и приведенный мною презрительный отзыв газеты «Русское слово» о «капитуляции» Орловского губернатора (стр. 27). Прочтя этот очерк, г. Хрипунов убедится, кстати, насколько он ошибается, приписывая гр. Гендрикову исключительно стремление к «действительной борьбе с нараставшей в Орловской губернии и повсюду анархией». Гр. Гендриков, напротив, совершенно откровенно признает, что он просто «нетерпеливо ждал своего смещения» (стр. 27). Оно и произошло два дня спустя после его "капитуляции"».

ощряемые офицерами, врывались во внутренние комнаты Дворца, громко выражая свои революционные чувства и делая вслух непозволительные замечания.

Однако Августейшие Узники никогда не проявляли ни тени волнения; никакие придирки, никакие оскорбления не могли поколебать ни спокойной мягкости Государя, ни высокомерной и холодной гордости Императрицы. Но Царские Дети не успели приобрести еще тогда то терпение, которое впоследствии поддерживало Их в тяжких испытаниях ссылки. Здесь Они страдали еще от грубости стражи, страдали в особенности за своих Родителей, которых любили любовью безграничной. Некоторые дерзкие выходки солдат вызывали даже слезы у Наследника Цесаревича; Он об этом повествует с детским негодованием в Своем дневнике, который был обнаружен потом в Екатеринбурге у одного из убийц.

Наконец, и последняя оставшаяся у Заключенных отрада, возможность находиться в семейном кругу, без постоянного присутствия скотских революционных физиономий, возможность поговорить искренно с близкими людьми, была отнята у Них Керенским. Он приказал разлучить Супругов, разрешив Им встречаться только за столом, где Им позволялось разговаривать лишь о самых общих вопросах; впоследствии Керенский пытался дать этому распоряжению довольно туманное и сбивчивое объяснение: «Я принял это решение по собственному почину, после одного из докладов Чрезвычайной следственной комиссии; в нем предусматривалась возможность допроса Их Величеств. Отсюда и возникла необходимость Их разлучить для беспристрастного расследования. Эта мера продолжалась около месяца. Она была отменена, как только надобность в ней миновала»*. Жалкая оттоворка! Ложный и трусливый стыд признаться и в скверном чувстве, продиктовавшем эту мелкую месть, и в голосе совести, заставившем от нее отказаться.

Здесь нам надлежит остановиться несколько на этой личности, которая сыграла столь роковую роль в судьбах России. Вчера еще безвестный адвокат, сегодня диктатор, забытая всеми марионетка; какая странная, какая головокружительная карьера, равной которой история не знает, быть может, ни одного примера! Целая жизнь в восемь месяцев: опьянение властью, гром восторгов и приветственных кликов, царские покои, наконец,

* *Sokoloff Nicolas.* Enquête Judiciaire sur l'assassinat de la Famille Imperiale Russe. P. 27.

слава; да, та самая слава, которую знали величайшие завоеватели. И, внезапно, позорное бегство в шутовском женском наряде, под улюлюканье, под плевками, под гневом и презрением целого народа.

Звезда Наполеона сияла двадцать лет несравненным блеском, чтобы закатиться за океаном в ореоле безсмертной славы. Керенский же оказался только ракетой, которая, прорезав небо, как молния, распускается в тысячах искр и... потухшая, шлепается в грязь.

Эта бледная, одутловатая, нервно подергивающаяся маска Петрушки — лицо скверного провинциального актера. Впрочем, в Керенском все от актера: и жажда низких удовольствий, кутежей за чужой счет, и болезненное самолюбие, и страсть к мишуре, к позе, к звонкой, но пустой фразе, и ко лжи. Ибо Керенский органический, стопроцентный лжец и хвастун. Он лжет друзьям и врагам, он лжет народу, солдатам, генералам, Царю, самому себе. Он лжет с опьянением, с восторгом, с болезненной хитростью истеричной женщины.

В возмущенном письме, опубликованном в одном французском журнале, в котором появлялись статьи автора этих строк, Керенский заявляет, что нелестные мнения о его деятельности высказывались только крайними реакционерами. Это еще одна лишняя неправда в тяжелом пассиве Керенского. В действительности, презрение к нему испытывали и открыто выражали, прежде всего, те, без различия политического оттенка, кто его хорошо знали.

В. Д. Набоков, работавший с ним почти ежедневно в течение первых месяцев революции и принадлежавший сам к революционному лагерю, в своих воспоминаниях говорит о Керенском не иначе, как с гримасой гадливости. Это «случайный, маленький человек», душа которого с первых же дней была «ушиблена» той ролью, которую история ему навязала и в которой ему суждено было так безславно и безследно провалиться, говорит о нем Набоков.

В Керенском Набоков видит «актерство, любовь к позе и вместе с тем ко всякой пышности и помпе»; на Московском совещании он «произвел удручающее и отталкивающее впечатление; то, что он говорил, не было спокойной и вообще речью государственного человека, а сплошным истерическим воплем психопата, обуянного манией величия».

Таков был, по отзыву его друзей, человек властвующий в России, и прав Набоков, говоря, что «если этот человек был действи-

тельно героем первых месяцев революции, то этим самым произнесен достаточно веский приговор этой революции»*.

Но пока что Керенский доволен. Ведь он министр и фактический глава правительства, ибо с этой тряпкой кн. Львовым считаться нечего. Он поедет посмотреть на тирана в Его Дворцетюрьме. Он бросит Ему в лицо свое революционное негодование. Он увидит униженного и приникшего перед ним бывшего Самодержца Всероссийского. Какая незабываемая минута торжества ему предстоит! Он уже заранее чувствует себя и гордым, и счастливым, и взволнованным.

Вот он в Царском Селе. Приказывает доложить о себе Заключенным и с гордо поднятой головой, с вызывающим взглядом входит в Царские покои. Что же он видит? В одной из детских комнат собралась Семья; отсутствуют только две младшие Великие Княжны, еще больные корью. Офицер в полковничьих погонах подходит к Керенскому и останавливает на нем взгляд Своих серых, лучистых глаз. Это Государь. В конце комнаты сидит Императрица, гордая, недоступная, окруженная двумя прекрасными молодыми девушками и больным мальчиком. Суровый революционер останавливается в замешательстве.

«Министр юстиции Керенский», — отчеканивает он, кланяясь. Государь протягивает ему руку и представляет Императрице, которая молча отвечает кивком головы.

Куда девалось все красноречие народного трибуна? Он краснеет, бормочет, хочет сказать: «господин полковник», а язык произносит: «Ваше Величество». Потом он сообщает, что Английский король справлялся о здоровье Монархов и, наконец, заявляет с гордостью, что он, Керенский, только что отменил смертную казнь. И он тайно любуется своим благородством. Воцаряется тягостное молчание... Керенский делает еще усилие; он спрашивает, нет ли у заключенных каких-либо желаний. Нет, Они ничего не желают.

И Государь, замечая растерянность Керенского, обращается к нему с Своей обычной милостивой добротой, чтобы помочь ему придти в себя. Он затрагивает вопрос о войне. Разговор понемногу завязывается.

И вечером, вернувшись в министерство, где он занимает несколько комнат, Керенский просит доложить о себе О. Д. Добровольской, супруге последнего министра юстиции, которого

* *Набоков В. Д.* Временное Правительство // Архив Русской Революции. С. 35 и 36.

Керенский отправил в Петропавловскую крепость, разрешив, однако, его жене оставаться в министерской квартире.

Тотчас же принятый, он с возбуждением, в страстном, почти истерическом, тоне, начинает рассказывать О. Д. Добровольской о своих впечатлениях, о том, что ему при встрече с Государем с первых же слов разговора с Ним стало ясным, что он имеет дело с человеком, духовно неизмеримо выше его стоящим, что Государь безгранично предан Родине и готов отдать за нее Свою жизнь и что, наконец, Он не только не тот ограниченный и необразованный человек, которого он думал видеть, а что, наоборот, Государь поразил его Своей разносторонней образованностью, умом, огромной памятью и при этом и неотразимой обаятельностью. «Как жаль, — восклицает Керенский, — что Государь был так мало популярен и так не понят... Ведь нам Его рисовали совершенно иным»*.

Был ли Керенский искренним в эту минуту? Обманывал ли он О. Д. Добровольскую, обманывал ли он самого себя, находился ли он еще под впечатлением обаятельности Царя?

Но в этот же самый день, после свидания с Государем, Керенский проявляет невероятное хамство. Как сказано было выше, больная А. А. Вырубова лежала в эти дни во Дворце, где Императрица и Великая Княжна Мария Николаевна нежно за ней ухаживали. Завистливая петербургская аристократия чернила всячески это преданное существо, приписывая ей несуществующее в действительности влияние, связывая ее имя с именем Распутина. Слухи эти, как и другие подобные же, исходящие из петербургских гостиных, проникли постепенно и в низшие слои населения, отравляя умы и озлобляя сердца. Таким образом, присутствие г-жи Вырубовой во Дворце в первые же дни революции пугало лиц Царского окружения, которые и пытались убедить Императрицу расстаться со Своей подругой. На осторожный намек об этом Государыня, в негодовании и горе, разрыдалась, сказав: «Вы хотите, чтобы Я больную Анну Александровну выгнала из Дворца? Никогда Я этого не сделаю. Поверьте, Я во многом более русская, чем вы, но в одном Я не русская: Я не отказываюсь от Своих друзей в несчастии»**.

---

* Этот разговор с Керенским рассказан О. Д. Добровольской в статье «Из воспоминаний о первых днях революции» (Русская Летопись. Кн. III. С. 188–192). Прием Керенского Государем изложен по показаниям Керенского и других лиц (*Sokoloff Nicolas.* Enquête Judiciaire. P. 38, 39, 40), с теми изменениями, которые согласуются с рассказом О. Д. Добровольской.

** Этот эпизод рассказан гр. П. Н. Апраксиным по имеющемуся у него дневнику.

А. А. Вырубова осталась во Дворце до приезда Керенского. Чем она провинилась перед Отечеством, законом или даже Временным правительством? Решительно ничем, но Керенский, обуреваемый воспоминаниями «великой» французской революции, решает обратить Вырубову во вторую принцессу Ламбаль: она будет брошена черни, как искупительная жертва.

В этот день около часу пополудни к А. А. Вырубовой прибежал человек с запиской от Императрицы: «Керенский обходит наши комнаты, с нами Бог». Вслед затем явился и сам всевластный министр, крикнув, чтобы больная собралась ехать сейчас же с ним в Петроград. Быстро одевшись с помощью фельдшерицы, А. А. Вырубова слезно просила коменданта Коровиченко разрешить ей проститься с Императрицей. Разрешение было дано. «Я старалась ничего не замечать и не слышать, — рассказывает А. А., — а все внимание устремила на мою возлюбленную Императрицу, которую вез камердинер Волков в кресле. Ее сопровождала Татьяна Николаевна. Я издали увидела, что Императрица и Татьяна Николаевна обливаются слезами; рыдал и добрый Волков. Одно длинное объятие, мы успели поменяться кольцами, и Татьяна Николаевна взяла мое обручальное кольцо. Императрица, сквозь рыдания, сказала, указывая на небо: "Там и в Боге мы всегда вместе". Я почти не помню, как меня от Нее оторвали. Волков все повторял: "Анна Александровна, никто, как Бог". Посмотрев на лица наших палачей, я увидела, что они в слезах».

А. А. Вырубову и Ю. А. Ден увезли с вооруженной стражей на вокзал, откуда сам Керенский в своем поезде доставил их в Петроград, в министерство юстиции. Потом потянулись для несчастной А. А. Вырубовой тяжелые, кошмарные дни заключения в крепости, среди неслыханных оскорблений, издевательств, угроз и побоев*. Таково было понятие о праве у нового министра юстиции.

Между тем, и во Дворце грубость стражи продолжала расти. «Сознательные» офицеры и солдатня, чувствуя тайную поддержку свыше, состязались в революционном рвении.

Однажды некий Яремич, также называвший себя офицером, отказался взять руку, которую, здороваясь, протянул ему Государь. Взволнованный, Царь положил ему обе руки на плечи и, смотря ему прямо в глаза, спросил: «Почему вы так поступи-

* *Танеева А. А. (Вырубова).* Страница из моей жизни // Русская Летопись. Кн. IV. С. 129 и след.

ли?» И хам, отойдя на шаг, гордо ответил: «Я вышел из народа; когда народ Вам протягивал руку, Вы ее не взяли, теперь и я не приму Вашей».

Этот офицер стал хвастаться перед товарищами молодецким своим поступком. Он нашел подражателей; солдаты последовали также примеру начальства. Во время прогулок Царской Семьи в парке они Ее сопровождали по пятам, грубо обращаясь с Ней.

Раз вечером, в то время, когда вся Семья собралась в гостиной, занимаясь женскими рукодельями под чтение вслух Государя, командир стражи приказал немедленно о себе доложить. Что же произошло? Большевицкий переворот, о котором все уже говорили? Банда солдат ворвалась с офицером в комнату. «Мы заметили световые сигналы, мы должны здесь все обыскать». Императрица и Великие Княжны взволновались, но скоро тайна разъяснилась. Анастасия Николаевна, сидя на подоконнике, наклонялась по временам над работой и движением этим заслоняла поочередно свет от двух ламп с красным и зеленым абажурами. На этот раз солдаты ушли смущенные.

От Керенского до часового, который кричит Царю: «Проходить запрещено, господин полковник», — подымается волна низкого хамства, грубых вожделений, болезненного карьеризма; она наводняет всю Россию, затопляет и армию до самых отдаленных окопов.

Но все друзья, которым Он верил, все те, которые осаждали Государя заверениями в своей преданности, куда они скрылись? Все эти придворные в расшитых мундирах, все эти генералы с густыми эполетами сбежали, как крысы с тонущего корабля. Осталась лишь горсть верных людей: гофмаршал граф Бенкендорф, князь Долгоруков, графиня А. В. Гендрикова, два иностранца, швейцарец Жильяр и англичанин Гиббс, гофлектрисса Шнейдер, доктор Боткин и прислуга.

Но то, что Царская Чета могла думать об этом бегстве; горечь, которую Они могли почувствовать; презрение, которое подымалось в Их сердцах — все это останется Их тайной навеки. Ни одного обвинения, ни единого слова осуждения не промолвили Они. Несчастие, разочарование, малодушие отчаяния — бессильны против Них. Во Дворце не должно быть места безделью; Семья работает в огороде, который становится, действительно, образцовым, много читает, Дети учатся. Наследник Алексей Николаевич лишен своих приходящих преподавателей. Их заменяют домашними средствами. Государь возьмет на себя историю и

географию, Императрица — Закон Божий, доктор Боткин будет преподавать русский язык. Раз утром Государь, встретив Жильяра, приветствует его словами: «Здравствуйте, дорогой коллега». Он только что дал Свой первый урок Сыну, и Жильяр записывает у себя: «Всегда то же спокойствие, та же забота быть ласковым с теми, кто разделяет Его несчастие. Он для нас пример и нравственная помощь».

Единственный вопрос, который заставлял Государя выходить из Своей сдержанности — это война. С самого начала военных действий Государь все подчинил: и политику, и интересы страны, и личные чувства, одной цели — победе. Насколько Он, не поддаваясь никаким провокациям, до пределов национального достоинства, удерживал Россию от участия в бойне, настолько потом Он терпеливо, последовательно и смело добивался изгнания врага, который попирал родную почву.

Россия уже прошла, к этому времени, самые тяжкие испытания первых лет войны. Февральская измена застала ее в тот момент, когда армия, пополненная, снабженная продовольствием, обогащенная новым и могучим военным снаряжением, готовилась к решительному усилию против ослабевшего неприятеля. Но теперь все рушилось. Сведения с фронта поступали отчаянные. Солдаты отказывались идти в бой, повиноваться начальству. «Вы же не послушались Царя, — говорили они командирам, — зачем же вы хотите, чтобы мы вас слушались?»

«Расскажи-ка мне, Роман, откровенно, что говорят солдаты насчет революции?» — спрашивает генерал Нечволодов своего денщика.

«Так что, Ваше Превосходительство, они говорят, что господа Царя сбросили, значит сами заместо Царя будут».

«Ну и что же?»

«Ну, товарищи и сказывают: почему же одним господам быть заместо Царя? Ежели нет Царя, зачем нам и господа-то? Мы и без них обойдемся. Они Царя-то прогнали, мы их прогнать тоже можем»*.

И армия тает; начинается повальное дезертирство, проще говоря — уход с фронта на родину. Поезда переполнены серыми шинелями, вокзалы запружены ими, увозят все — и амуницию и оружие. А те, которые остаются, засели в окопах, на позициях, с которых сдвинуть их уже не по силам было командному составу. В это же время, в тылу, солдатня избивает офицеров,

* *Netchvolodov A.* L'Empereur Nicolas II et les Juifs. P. 33.

грабит винные погреба, напивается до безчувствия. Кронштадт объявляет себя самостоятельной республикой; половина офицеров перебита, остальные брошены в тюрьму, где содержатся в ужасных условиях. В Гельсингфорсе лейтенант Поливанов убит своими матросами. Во время панихиды ватага матросов врывается в церковь; проходя перед открытым гробом, каждый из них плюет в лицо покойнику. Несчастная вдова, рыдая, вытирает платком осквернённое дорогое лицо, умоляя негодяев прекратить ужасное издевательство. Но, грубо оттолкнув ее, они опрокидывают гроб, свечи, разбрасывают венки и уходят, галдя марсельезу...

Государь подавлен. Однажды Он открывается Жильяру: «Говорят, что Рузский подал в отставку. Он просил, чтобы перешли в наступление. Заметьте, что теперь только просят, а не приказывают. Но солдатские комитеты отказали. Если это правда — то всему конец. Какой позор! Защищаться только, не наступая, это настоящее самоубийство. Мы дадим разгромить союзников, а потом и наша очередь наступит»*.

Правительство проявляет полную неспособность бороться против этой анархии. Но есть ли вообще какое-нибудь правительство в России? Есть Совет рабочих и солдатских депутатов, который распространяет свое влияние на чернь; имеется даже дюжина растерянных личностей, собирающихся по временам под громким названием Временного правительства. Но власти сильной, власти, способной нести ответственность за ведение войны, за управление государством — в России нет.

Первые деятели революции, те, кто так давно, так любовно ее подготавливал, кто наслаждался опьянением популярности, кто мечтал уже видеть свои имена начертанными золотыми буквами на скрижалях истории России, все эти Гучковы, Милюковы, Родзянки — исчезли под улюлюканье черни.

Князь Львов еще цепляется за свое председательское кресло, он соглашается на все — и на уход одних, и на назначение других министров, которых ему навязывают. В этом пестром правительстве все относятся друг к другу с подозрением.

Когда новый главнокомандующий Корнилов докладывает в заседании правительства о тяжелом положении фронта, Керенский передает ему бумажку, на которой генерал с удивлением читает следующие строки: «Будьте осторожны, все, что вы здесь скажете, будет немедленно передано немцам»...

* *Gilliard P.* Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille. P. 192.

Резня, анархия, предательство, позор, грабеж, трусость — вот все, что с первых же дней дала февральская революция; а, между тем, певцы из стана радикальной русской интеллигенции и знати не унимались: «Эта революция единственная в своем роде, — писал князь Евгений Трубецкой. — Бывали революции буржуазные, бывали и пролетарские, но революции национальной, в таком широком значении слова, как нынешняя, русская, доселе не было на свете. Все участвовали в этой революции, все ее делали — и пролетариат, и войска, и буржуазия, даже дворянство... все вообще живые силы страны. Только бы это объединение сохранилось»*.

Конечно, радикальный князь клеветал на русский народ, возлагая на его плечи ответственность за бунт и измену так называемого «правящего класса». Февральская революция, как мы уже говорили, не имела ничего общего с народным восстанием. Как в 1789 году, движение это было подготовлено интеллигенцией, дворянством, писаками, которые рассчитывали направить его, куда они хотят, и совершенно так же, как энциклопедисты и их последователи, главари русской революции провозглашали себя защитниками права и справедливости против беззакония монархического режима.

Но прежде чем измена успела даже свергнуть старую власть, эти рыцари Права, с большой буквы, немедленно учредили первую чеку, которую большевикам осталось лишь несколько «усовершенствовать», не меняя даже ее названия, чтобы подавить страну под гнетом ужасающего террора.

Государь не подписал еще манифеста об отречении, как Керенский готовил Ему уже и судей и палача; 2 марта, в самый день отречения, новый министр юстиции собрал нескольких политических деятелей и нескольких чинов судебного ведомства, которые и получили от него приказание подготовить грандиозное «дело» против Царя и высших должностных лиц старого режима.

Руководство этой Чрезвычайной комиссией было, разумеется, поручено одному из личных друзей Керенского, социалисту-революционеру Муравьеву, адвокату с подозрительной репутацией, взявшему на себя защиту во время войны, интересов немецких фирм в России. На это именно обстоятельство и сделал весьма ядовитый намек бывший министр юстиции Хвостов на допросе в Чрезвычайной комиссии. Когда коснулись вопроса

* *Ген. Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 47.

о подготовке Правительства к выборам в пятую Государственную думу, Муравьев спросил: «Известно ли вам, что последние выборы в Германии прошли без всякого вмешательства со стороны правительства и увеличили значительно число социал-демократических депутатов?» На это Хвостов с улыбкой ответил: «Вам, конечно, лучше известно, что было в Германии; давать же победу социал-демократии не входило в мои расчеты, да вряд ли это и полезно для государства».

Если заключенные, по крайней мере почти все, держали себя с большим достоинством, то нельзя сказать того же про «деятелей» нового режима, вызванных в качестве свидетелей. Так, например, поведение на допросе председателя Государственной думы Родзянко произвело тяжелое впечатление; этот камергер все время подделывался под тон Муравьева, кичился своей революционностью и старался смешить социалиста Муравьева разными шуточками и прибауточками про сановников старого режима*.

Какое представление было у этого диковинного председателя о возложенной на него миссии? Следующий факт, среди десятков других, его рисует всего: только что было закончено следствие против бывшего военного министра генерала Беляева; не найдя в деле никакого материала для привлечения Беляева, докладчик предлагал его освободить. Услышав столь чудовищную вещь, Муравьев привскочил: «Как, освободить! — возопил он, — да будь Беляев десять раз невиновным, мы должны его сгноить в тюрьме, чтобы дать удовлетворение справедливому народному гневу».

Нет сомнения, что при подобном председателе и его банде ни одна из жертв, заключенных в казематах крепости, не вышла бы оттуда живой. К счастью, среди чинов судебного ведомства, назначенных в эту комиссию, оказалось несколько честных людей, выполнявших свой долг, хотя и весьма робко, и которым удалось помешать комиссии обратиться в бойню. Однако, если повторение сентябрьских погромов французской революции и было предотвращено, то несчастные, сидевшие в крепости, все же жили под постоянной угрозой смерти.

Узникам выдавалась жалкая пища, нередко полугнилая, и в которую стража, для забавы, плевала или бросала толченое

---

* *Романов А. Ф.* Император Николай II и Его Правительство. По данным Чрезвычайной следственной комиссии // Русская Летопись. Кн. II. С. 30.

стекло*. Все арестованные, не исключая женщин и стариков, подвергались грубым издевательствам стражи и революционных офицеров. А. А. Вырубова, друг Императрицы, была заключена по личному распоряжению Керенского. Больная, калека, она с каждым днем становилась слабее; тюремный врач, некий Серебрянников, толстый, жирный, грубый, приходил почти ежедневно к ней в сопровождении солдатни. Этот негодяй осыпал А. А. Вырубову неприличной бранью, задавая циничные вопросы об «оргиях с Николаем и Алисой», и когда больная жаловалась на страдания, то русский врач «интеллигент» бил ее по щекам. Даже ночью жертвы революционного произвола обнаглевших победителей не имели покоя и отдыха. В камеры, во всякое время, врывались пьяные солдаты, и однажды ночью А. А. Вырубова, бросившись на колени и сжимая икону Богородицы, едва умолила их пощадить ее честь. Другой раз надзирательница прибежала предупредить заключенных, что стража постановила всех их немедленно перебить. «Мною овладел ужас, — рассказывает А. А. Вырубова, — и я стала придумывать, как бы не попасть им в руки, вспомнила, что можно сразу умереть, воткнув тонкую иголку в мозжечок... Благодарю Бога, что Он спас меня от малодушия; на этот раз солдаты успокоились».

Но, как повсюду с начала революции, социалистическая «интеллигенция», офицеры, назначенные Керенским, значительно превзошли в гнусности обнаглевшую солдатню. Комендант крепости Чкони, некий Новицкий и прочие товарищи целыми днями пьянствовали и играли в карты на деньги, отобранные у заключенных и хранящиеся в канцелярии.

Когда деньги все прокучивались, эти представители нового «свободного» строя вымогали их у родственников заключенных, угрожая убить последних, или обещая их скорее выпустить.

Вот этой-то комиссии, настоящему прообразу чеки, и было доверено поручение найти против Монархов улики, достаточные, чтобы оправдать Их казнь.

Но с первых же дней выяснилась полная невозможность разыграть ту кровавую трагедию, о которой мечтал Керенский. Революция сама себя провозгласила «безкровной», иностранные газеты воспевали мягкость торжествующего русского народа, да, наконец, и иностранные послы, находящиеся в Петрограде, слишком недавно еще почтительно гнули спины перед Мо-

* *Вырубова А. А.* Страницы из моей жизни // Русская Летопись. Кн. IV. С. 134.

нархом, которого собирались судить. При таких условиях смертный приговор, эшафот на площади Зимнего дворца, барабанный бой, палач — все это становилось уже несвоевременным. Но, за невозможностью публичной казни, позорящее обвинение Царской Семьи и ссылка Ее в Сибирь могли, в некоторой степени, оправдать революцию.

Для этой цели правительство занялось собиранием всех обвинений, всех улик, до салонных сплетен включительно, которые циркулировали в отношении Царской Семьи. Если злословие обходило Государя, то оно особенно поражало Императрицу, приписывая Ей самые фантастические преступления: Она сносилась с императором Вильгельмом по прямому проводу; Она отмечала на особой карте движения русских и германских армий; Она была слишком добра к немецким военнопленным и проливала слезы при виде раненых немцев; наконец, Она запретила обыскивать немецких сестер милосердия, приехавших в Россию для осмотра концентрационных лагерей. Вооружившись этими уликами, комиссия приступила к действиям. Но тщетно обыскала она Царскосельский дворец, в надежде найти «прямой провод с Потсдамом»; в бумагах Царской Семьи, предоставленных комиссии Государем, отыскалась преступная карта, но, к великому разочарованию следователей, отмеченные на ней места оказались городами, в которых Императрица учредила лазареты. Доброта ее проявлялась не к немецким, а к русским раненым, за которыми Она ухаживала с самоотверженной заботливостью. Что же касается обыскивания сестер, то эта мера была отменена, как ненужная и оскорбительная, в отношении как немецких, так и русских сестер, по взаимному соглашению русского и германского Красного Креста.

И по мере того, как подвигалось следствие, по мере того, как проходили перед глазами судей письма Монархов и трогательные послания к Ним простых людей; по мере того, как раскрывались все новые и новые случаи безконечной доброты Государя и Императрицы, которые Они держали в строгой тайне; по мере того, как выявлялись Их глубокий патриотизм, Их любовь к народу, Их чувство долга, Их скромность, Их безкорыстие, Их вера, Их привязанность к Детям, — происходило глубокое изменение в чувстве самых честных из этих добровольных следователей.

«Не скрою, — пишет А. Ф. Романов, — что, входя в состав Следственной комиссии, я сам находился под влиянием слухов, захвативших всех, и был предубежден против личности Государя.

Утверждаю, однако, что не я один, на основании изучения материалов, пришел к совершенно противоположным выводам. Еврей, социалист-революционер, присяжный поверенный, которому было поручено Муравьевым обследовать деятельность Царя, после нескольких недель работы с недоумением и тревогой в голосе сказал мне: "Что мне делать, я начинаю любить Царя"»*.

Не будем говорить о том, в каком свете это чистосердечное признание Романова рисует русское судебное ведомство; прокурор судебной палаты признает, что он «находился под влиянием слухов» против своего Монарха, и что только на основании изучения материалов он сошелся, наконец, во взглядах на Государя с «евреем, социалистом-революционером». И этот «блюститель закона» все же еще счастливое исключение в судебном ведомстве; другие поступили хуже.

Еврей присяжный поверенный ужасался, что он начинает любить Государя; но чувство это мы встречаем во время всех долгих месяцев тяжелой трагедии Царской Семьи. Повсюду близость Государя, Его очарование, действует на самых заклятых Его врагов: Керенский склоняет голову и становится почти вежливым; стража постепенно смягчается и проникается уважением к Царю. Даже большевицкий разбойничий сброд начинает чувствовать нечто похожее на раскаяние.

Но Керенский еще до этого не дошел. Ему угрызения совести незнакомы. Для него пока ясно лишь одно: приходится отказаться от надежды инсценировать большой, громкий, блестящий процесс; нужно даже скрыть заключение Чрезвычайной комиссии, так как оно могло бы произвести на общественное мнение впечатление благоприятное для Монархов.

И только много лет позже, в то время, когда выброшенные из своего Отечества теми самыми разбойниками, которых они в него пустили, жалкий глава Временного правительства князь Львов и его министр Керенский, будут влачить на чужбине беженское существование, только тогда решатся они признаться в скрывавшейся ими истине: «Один из главных вопросов, которые смущали общественное мнение, — заявил князь Львов, — было убеждение в том, что Государь, под влиянием Своей Супруги, немки по происхождению, был готов подписать сепаратный мир и предпринимал даже некоторые попытки в этом направлении. Вопрос этот был выяснен. Керенский в своих докладах Временному правительству категорически и с полным убеждени-

*Русская Летопись. Кн. II. С. 16.

ем утверждал, что невиновность Государя и Императрицы была вполне точно установлена»*.

Что сделало правительство после этого заявления министра юстиции? Приказало ли оно освободить Заключенных, признанных невинными? Нет, оно Их сослало в Сибирь.

Что поражает в этой революции, поднятой во имя «великих» принципов права и справедливости, это глубокое презрение носителей новой власти к этим самым принципам. Власть эта говорила от лица народа, а, между тем, она упразднила народное представительство и за семь месяцев не удосужилась созвать Учредительное собрание; она заявляла себя защитницей права от произвола, но все ее управление было сплошным произволом и местью по отношению к побежденным; она поднимала свой голос за военную честь России, предаваемую будто бы старым режимом, и с первых дней, захватив власть с помощью немецких денег, она начала подготавливать измену союзникам и сепаратный мир с Германией. В эти позорные дни господства матерой радикальной русской интеллигенции Россия страдала не только от анархии, от голода, от поголовного разорения, она страдала, как никогда еще, от самого страшного, наглого беззакония, от ежечасного, сплошного, повсеместного попирания элементарнейших, священнейших прав, без которых не может существовать даже самое дикое государство.

И ни в чем, быть может, не сказался так ярко, так выпукло ничем не прикрытый произвол новой власти, как во всех мерах, предпринятых ею в отношении Царской Семьи.

Юристы и государствоведы, профессора и адвокаты, сидящие во Временном правительстве, прекрасно знали, что Государь, безответственный по закону, не мог быть ни лишен свободы, ни судим; они знали, что такое постановление, если бы даже оно и могло состояться, а тем более ссылка в Сибирь, было бы, во всяком случае, делом правосудия, а не правительства; они знали, что Монархам не было предъявлено никакого обвинения, что Им, следовательно, не была дана возможность защищаться; они знали, наконец, что Следственная комиссия признала полную невиновность заключенных, и что дальнейшее лишение свободы, при таких условиях, являлось грубым нарушением основ правосудия.

И тем не менее, правительство задерживает Царя и Императрицу, лишает Их свободы и, наконец, ссылает Их в Си-

* *Sokoloff N.* Enquête Judiciaire. P. 105.

бирь на верную смерть. Все это делается тайно, трусливо, по-предательски. Государя обманывают и завлекают в ловушку, постановления Следственной комиссии скрываются, решение о ссылке Царской Семьи принимается конспиративно, тайно даже от некоторых членов правительства*; никакого постановления по этому вопросу не выносится, никакого журнала заседания не составляется**.

История знает и другие примеры революций, свергших монархов, знает примеры и лишения их свободы и преступной их казни, но примера такого позорного, какой явила «безкровная» русская революция, история не знает. Карл I сложил свою голову на плахе, но его судил парламент; Людовик XVI погиб на гильотине, но его судил конвент, который дал ему и защитников. А в наши дни ни одна революция, ни в Португалии, ни в Греции, ни в Испании ни в Турции не покусилась ни на жизнь, ни на свободу, ни даже на личное имущество свергнутых ими монархов. Только передовая, культурная русская революционная интеллигенция обошлась с Царем, как разбойники с богатым прохожим: схватили, связали, ограбили и убили. А народ «Богоносец» спокойно дал свершиться этому ужасающему злодеянию над Помазанником Божиим.

Допрошенные впоследствии Н. А. Соколовым, виновники этого гнусного преступления пытались лепетать жалкие и лживые слова оправдания. Как могло правительство сослать невинных? «В заботе об их безопасности, — отвечает Керенский, — Царскосельский гарнизон был недостаточно надежен». Глава правительства, князь Львов, подтверждает также эту ложь: «Правительство решило сослать Царскую Семью в Ее же интересах». Но почему же выбрали далекую и неприветливую Сибирь? Ведь спасти заключенных от возможных насилий солдатни можно было и отправкой Их в Крым, где находилась уже Вдовствующая Императрица и некоторые Великие Князья и Княгини, или же в Англию, как предварительно предполагалось?

На этот трудный вопрос Керенский кратко отвечает, что отправить Царскую Семью в Крым нельзя было, так как это могло вызвать недоразумения. Какие «недоразумения», б. министр

---

* *Набоков В. Д.* Временное Правительство // Архив Русской Революции. Т. 1. С. 32.

** *Sokoloff N.* Enquête Judiciaire. Показание Милюкова. С. 25; показание Керенского. С. 48. Воспоминания полк. Артабалевского (см. 2-е прил. к гл. III).

юстиции не поясняет. Но факт налицо: все Члены Императорской Фамилии, бывшие в это время в Крыму, были спасены.

Мы говорили выше о тех позорных, дышащих лицемерием и обманом, переговорах, которые Временное правительство вело с правительством Его Величества короля Георга V относительно отъезда Царя в Англию. Эта недостойная для обеих сторон комедия сводилась к тому, чтобы удержать Государя в России в положении преступника.

И, таким образом, истинной причиной ссылки Царской Семьи, той причиной, в которой ни князь Львов, ни Керенский не хотят признаться, было желание правительства этим актом, хотя бы беззаконным, произвести на народное воображение впечатление наказания виновника. Сибирь... туда ссылают только преступников, следовательно, если правительство перевозит в Сибирь Государя, то верно Он этого заслужил. Но главари революции не знали русской народной души, они ошиблись в своих ожиданиях.

В глазах простых людей, стомиллионного русского крестьянства, Царь несказанно возвеличился именно теми испытаниями и несправедливостями, которые Он вынес; четыре месяца спустя люди, совершившие этот акт низкой мести, захлебывались сами в грязи, под тяжестью общей ненависти и презрения.

Но кроме отъезда за границу или в Крым существовало еще другое разрешение вопроса о спасении Царской Семьи, если бы правительство действительно этого желало; стоило только способствовать Их тайному отъезду, или, по крайней мере, закрыть на него глаза, и тогда судьба Монархов переходила в руки Их сторонников. Удалось ли бы Их спасение или нет, правительство не понесло бы за это никакой ответственности перед Советами, но ответственность его за пролитую в Екатеринбурге невинную кровь значительно облегчилась бы перед судом истории.

Налет на Царскосельский дворец, находящийся в получасе езды от столицы, представлял, быть может, некоторые затруднения. Но в Тобольске? Что могло бы быть легче — увезти освобожденных Узников из этого города, окруженного тайгой и отрезанного тремястами верст от ближайшего железнодорожного пути? Но, быть может, тайное желание Керенского и было согласовать справедливость с чувством страха перед Советами, сочувствие к сверженному Монарху с революционными принципами... закрыть глаза?

Хотелось бы, для чести человечества, думать, что действительно таковы были чувства Керенского. Но у нас даже и эта

иллюзия не может оставаться; то, что происходило тогда на дне этой грязной души, мы знаем теперь по делу Маргариты Хитрово, о котором будет рассказано дальше. Дело это свидетельствует об ужасе, в который впал Керенский, когда он узнал о попытке спасения Царской Семьи, попытке, в которой участвовала эта доблестная и преданная Монархам девушка. Нет, Керенский, несмотря на все уверения, которые он впоследствии расточал, нисколько не хотел выпустить из когтей своих жертв. И все эти переговоры с Англией, обещания Милюкова Бьюкенену, опасения за судьбу Царственных Узников, дружеские посещения Керенским Царского Села — все это было лишь недостойной комедией, ложью преступника, который готовит себе оправдания, прежде чем совершить свое темное дело.

Керенский сообщил Государю о предстоящем отъезде из Царского Села, но, с обычным своим вероломством скрыл от Него место ссылки. Царская Семья надеялась, что Ее повезут в Крым, как об этом шла речь. 13 августа в день, назначенный для отъезда, Дети прощаются с Дворцом, с парком, в котором каждый закоулок Им так давно и так близко знаком; золотые, солнечные, счастливые дни протекли здесь; потом пришли темные часы скорби и слез. И все же сердце лежит к тем местам, где мы любили, где мы страдали, где мы жили. И со слезами Дети обходят аллеи, островок, огород, на котором Они так ревностно работали.

Вечером появляется Керенский. Его сопровождает Великий Князь Михаил Александрович. Большая радость для Государя, последняя, быть может, Его радость в жизни, обнять перед разлукой Своего слабого, нерешительного, но все же доброго и преданного Брата.

Отъезд назначен в полночь; все собираются в полуциркульном зале, заваленном багажом. Минуты и часы проходят в томительном ожидании. Что же случилось? Переговоры ли с Советом затянулись или же это просто желание подвергнуть Пленников новому издевательству? Наконец, около пяти часов утра приезжают автомобили и конная стража драгун.

Царскую Семью и свиту из сорока шести человек везут на вокзал, где ждут два поезда. Царской Семье предоставлен обыкновенный вагон международного общества. Правда, у бывшего Русского Царя есть Свой собственный поезд, но он сейчас занят революционным министром Керенским.

Поезда тщательно охраняются революционной стражей: едет комендант Кобылинский, едут три взвода стрелкового полка,

едут даже три комиссара от Временного правительства: Вершинин, Макаров и вольноопределяющийся Ефимов, друг Керенского.

1 августа в 6 часов 10 минут утра поезда трогаются. Станционные здания, семафоры, медленно плывут перед глазами пассажиров; проходят купы деревьев, обвеянные еще утренним туманом; церковный купол блеснул на мгновение... пейзаж бежит все скорее, сбивая контуры; поля и луга следуют за садами.

Царское Село, это маленькое отечество Русской Династии, скрылось уже за горизонтом. И летящий на всех парах поезд увозит в ссылку последнего Царя.

3. Тобольск

Тобольск, один из редких русских губернских городов, обреченных, по уединенности своего положения, на прозябание вне течения событий. От весны до осени можно достигнуть Тобольска, сев на пароход в Тюмени, ближайшей железнодорожной станции, все же расположенной в 300 верстах от Тобольска. Когда пароход огибает последний поворот Тобола, весь город сразу вырастает перед глазами пассажиров, как видение старой русской сказки; на крутом холме рисуются на голубом небесном фоне золоченые и пестрые церковные купола; вокруг ершится кремлевская стена с бойницами, а вниз к реке спускаются дома, большею частью деревянные.

Но с ноября по май Тобол скован льдом, и сообщаться с городом возможно только на лошадях. В зимнюю пору путь из Тюмени в Тобольск не лишен некоторой своеобразной прелести; сани ровно скользят по ослепительно белому снегу, а монотонный звон колокольчика под дугой клонит путника к мечтательности и ко сну. Но осенью и весной путешествие по глубоким ухабам ужасных сибирских дорог, по которым одни только крепкие крестьянские телеги могут проехать, не рассыпаясь на части, становится настоящей пыткой.

Поезда с Царскосельскими Узниками двигались не спеша, маленькими этапами. Мимо больших станций проезжали, не замедляя хода, но зато останавливались у маленьких, а иногда и просто среди поля. Выходил, кто хотел, шли пешком вдоль пути, а поезда послушно следовали за гуляющими. 4 августа к вечеру приехали в Тюмень, где два парохода ждали уже путешественников. Оттуда по воде направились к последнему этапу — Тобольску.

Погода стояла теплая и мягкая, и в тихой сибирской глуши, среди спокойной природы путешествие по зеркальной поверхности многоводной реки могло казаться не перевозкой «преступников» в ссылку, а просто приятной прогулкой. Царская Семья часто сидела на палубе, любуясь лесным пейзажем с редкими деревнями, который разворачивался перед Нею. Вот появилось большое село Покровское. Среди простых избушек виднелась просторная, новая изба, какие строят зажиточные крестьяне; здесь жил Распутин; из этого глухого местечка ушел он для того паломничества, которое, через Палестину, довело его до Царскосельского дворца.

Тревожное предзнаменование! Невидимый путь, по которому Судьба вела Монархов, еще раз скрещивался с путем «Божьего человека», сказавшего, что смерть его будет Их смертью.

Под вечер второго дня стены Тобольского кремля показались за поворотом реки. Губернаторский дом и другой дом напротив, предназначенные для Царской Семьи, Ее свиты и для стражи, не были еще приведены в порядок; Путешественникам пришлось остаться еще неделю на борту. Пароход отвели верст за десять от города и Пленники часто спускались на берег для продолжительных прогулок в лесу. Наконец, 13 августа, все было готово, и Царская Семья поместилась в Своей новой тюрьме.

Жизнь заключенных — всегда только тяжелое и безрадостное прозябание. Ссылка в Тобольск не могла, следовательно, принести Узникам никакой новой надежды, никакого утешения. Впрочем, в первое время, Семья почувствовала Себя все же свободной от постоянных и оскорбительных выходок Царскосельской стражи, поощряемой Керенским. Здесь, среди сонного сибирского покоя, ни с каким другим в міре несравнимого, дурные человеческие страсти, ненависть и злоба утихали, растворялись в тихом течении часов, всегда одинаковых и незаметно переходящих в дни, недели и месяцы.

Царственные Узники были подвергнуты некоторым ограничениям, главным из которых было запрещение выходить из пределов дома и двора. Зато Им разрешалось ходить в церковь, правда, под охраной и отдельно от прочих молящихся.

День проходил в монотонном однообразии. Государь вставал в девять часов и пил чай в кабинете с Великой Княжной Ольгой Николаевной; утренний завтрак других Детей подавался в столовой. Императрица, почти всегда больная, оставалась у Себя до полудня. Но и Она весь день была занята. С 9-ти часов утра на-

чинала Она Свои уроки Детям: Закон Божий, немецкий язык, чтение. Потом шила, вышивала, рисовала и очень много читала, преимущественно Библию.

После чая Дети учились, с переменой в один час, до завтрака, который подавался в час дня. День посвящался прогулке и работам на открытом воздухе; бедное, жалкое удовольствие — это хождение взад и вперед по маленькому дворику и крохотному огороду, под любопытные взгляды «товарищей солдат», глазеющих из всех окон своего дома-казармы. Для Государя движение было физической потребностью; во время Своего царствования Он любил совершать скорым шагом большие прогулки, от которых лица Свиты возвращались в изнеможении. В неволе Государь заменил прогулки постоянным физическим трудом. Так, в Царском Он сгребал снег в аллеях парка, в Тобольске — исполнял другие работы, пилил дрова, занимался в огороде. Впрочем, вся Семья и близкие к Ней увлеклись этим безхитростным спортом; Великие Княжны внесли даже в него страстность и азарт, свойственные молодости.

В четыре часа Семья собиралась к чаю; потом дети снова учились до половины седьмого, после чего отдыхали до обеда, который подавался часом позже. К столу приглашались графиня А. В. Гендрикова, гофлектрисса Е. А. Шнейдер, князь В. А. Долгоруков, генерал И. Л. Татищев, воспитатели П. А. Жильяр и С. Гиббс и доктор Е. С. Боткин.

Вечер проходил в беседах, играли в бридж, Императрица обыкновенно делала несколько партий в безик с генералом Татищевым. Потом дамы брали свои работы и слушали чтение вслух Государя. Его Величество прекрасно и выразительно читал, выбирая самые разнообразные книги: и рассказы Чехова, и Аверченко, и «Войну и Мир», и Мельникова-Печерского. Иногда ставились маленькие любительские спектакли по-русски, по-французски и по-английски; труппа состояла обыкновенно из Великих Княжон, Татищева, Жильяра и Гиббса. Чай сервировался в 11 часов, после чего все расходились*.

В этой жизни нет места жалобам и отчаянию. Вся Семья сразу встала на ту недосягаемую высоту духа, против которой все человеческие испытания безсильны.

---

* Подробности жизни Царской Семьи в Тобольске приведены, главным образом, по *Gilliard P.* «Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille»; *Sokoloff N.* «Enquête judiciaire» и по показаниям полк. Кобылинского, Жильяра и Гиббса — *Wilton R.* Les derniers jours des Romanoff.

«Он прямо поразителен, — пишет про Государя Императрица, — такая крепость духа, хотя Он безконечно страдает за страну, но я поражаюсь, глядя на него. Все остальные члены семьи такие храбрые и никогда не жалуются... Маленький — ангел»*.

Государь — со Своей мягкостью, приветливостью, с Своим чувством юмора, являлся настоящим центром и вдохновителем этого маленького общества. Императрица держалась более недоступно, оставаясь Царицей даже в неволе, даже в ссылке и заточении. Но, умея быть гордой так, чтобы смущать даже пьяную солдатскую стражу, Императрица обладала сердцем, доступным самым нежным оттенкам чувства. Вместе с полковником Кобылинским в Тобольск приехала сестра милосердия г-жа Битнер; эта простая девушка, очутившаяся волею судьбы среди близких Царской Семьи, не имела, конечно, ни малейшего представления о придворном этикете и нередко совершала, невольно для себя, самые невероятные оплошности. Между тем, Императрица сумела сразу угадать сердце этой незваной гостьи; в длинных разговорах, которые происходили у них, Она отстаивала Свои взгляды с таким жаром, с такой страстью, что однажды даже пролила несколько слез досады и раздражения. Смущенная этой сценой, г-жа Битнер не осмелилась явиться на спектакль, который Дети ставили в тот же вечер. И гордая, недоступная Императрица тотчас же посылает ей записку, в которой Она просит девушку на Нее не сердиться. Но это нисколько не помешало спорам возобновиться. И, удивительная вещь, в этом столкновении взглядов между Императрицей и простой сестрой милосердия, именно Императрица, столь жестоко оскорбленная в Своей гордости изменою Своего народа, проявляла больше снисходительности к этому же народу и даже к большевикам, которые Ее окружали. Однажды г-жа Битнер, возмущенная поведением солдатни, говорила, с бо0льшей горячностью, чем это допускает этикет, о тяжкой ответственности русского народа в революции. Императрица, потрясенная, вся в слезах, ее перебила и, показывая рукою на нескольких красноармейцев, проходивших в эту минуту под окном, воскликнула: «Вот, эти злые люди! Посмотрите на них, они улыбаются. Нет, нет, это добрые, хорошие ребята!»

Это одухотворенное спокойствие, это терпение, эта снисходительность и любовь к злейшим врагам сказывались также в

* Письма Высочайших Особ к А. А. Танеевой (Вырубовой) // Русская Летопись. Кн. IV. С. 208. Письмо от 10 декабря 1917 г.

письмах, которые Императрица писала в это время Своему другу А. А. Вырубовой:

«Во всем воля Божия; чем глубже смотришь, тем яснее понимаешь. Ведь скорби для спасения посланы. Здесь отплачиваем наши грехи и дана нам возможность исправиться; иногда попускается для измерения смирения и веры, иной раз для примера другим. А из этого надо себе выгоды искать и душевно расти. Скажу некрасивое сравнение: хороши удобрения, да потом растет, цветет пышно, душисто, ароматно, и садовник, обходя сад свой, должно быть, доволен своими растениями. Если нет, опять со своим ножом придет, срезывает, поливает, вынимает плевелы, которые душат цветок, и ждет солнца и нежного ветерка. Любуется он ростом своих питомцев, с любовью посадил. Без конца могла бы писать об этом садике, о всем, что там растет, и что надо избегать, чтобы не портить, не повредить нежным цветочкам... Вот 11 человек верхом проехали, хорошие лица — мальчики еще, улыбаются. Это уже давно невиданное зрелище. У охраны и комиссара не бывают такие лица... Ну, спасибо... куда тех в садик посадить? Нет там места — вне ограды лишь, но так, чтобы милосердные лучи солнца могли до них дойти и дать им возможность переродиться, очиститься от грязи и пыли»...*

«Какая я старая, — пишет в другой раз Императрица, — но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце, — но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!»**

Так, среди крушения всех Своих иллюзий Царь и Царица сохранили до самой смерти веру в Бога, надежду на Свой народ и любовь к Семье.

Жизнь Пленников значительно облегчалась преданностью полковника Кобылинского, коменданта дома-тюрьмы. Этот офицер, хотя и назначенный Корниловым, сердечно привязался к Монархам и делал все возможное, чтобы защитить Их от наглых выходок солдатни. Впрочем, стража значительно смягчилась по отношению к Узникам; с Ними обращались уже с некоторым уважением; во всем замечалось успокоение рево-

*Там же. С. 235–236. Письмо от 10 апреля 1918 г.

**Там же. С. 210. Письмо от 10 декабря 1917 г.

люционных страстей первого времени, наступало нечто вроде перемирия, которое могло окончиться и полным отрезвлением этих простых, но сбитых с толку людей. Но Керенский зорко наблюдал за своими жертвами и немедленно принял меры к поднятию среди стражи «революционного духа». В сентябре в Тобольске появились два субъекта, новый комиссар при доме-тюрьме Панкратов и его помощник Никольский, оба назначенные Керенским и принадлежащие, как и он, к партии социалистов-революционеров. Панкратов, человек довольно мягкий, страдал чрезвычайной умственной ограниченностью; что же касается Никольского, то это был обычный тип социал-революционера: низкий, злобный и мелочный; с первых же дней своего приезда он задался целью неустанно преследовать Царственных заключенных.

Эти два представителя торжествующей революции, горя огнем прозелитизма, поспешили начать пропаганду среди стражи, развивая ей программу своей партии. Солдаты глотали эти проповеди и воспринимали их по-своему: они быстро становились большевиками.

Но большевизм — это ненависть и хамство. Солдатня стала проявлять и то и другое. Нижние чины перестали отвечать на приветствие Государя и однажды на слова Его: «Здорово, стрелок», солдат ответил: «Я не стрелок, а товарищ». Царские Дети устроили на дворе качели, солдатское хамье испещрило доску неприличными надписями, и Государю пришлось приказать убрать ее и лишить Своих Детей этого маленького удовольствия.

В первый день Рождества, во время богослужения, диакон провозгласил многолетие Государю, по старому, дореволюционному чину. Это молитвенное пожелание вызвало настоящую бурю среди солдат; они даже постановили убить священника, отца Васильева, которого, однако, Преосвященному Гермогену Тобольскому удалось спасти, послав его на некоторое время в монастырь. В дневнике одного из лиц Царской Свиты, под датой 14 января значится: «В церкви не были, солдаты постановили пускать в церковь только по двунадесятым праздникам»...

Полковник Кобылинский пытался, как мог, успокоить эти чувства нелепой ненависти. Но его силы, его терпение, его мужество приходили к концу в этой постоянной борьбе. И когда солдаты явились однажды к нему с требованием, чтобы он и его офицеры сняли погоны, Кобылинский понял, что последние признаки власти от него ускользают и его охватило горькое чув-

ство безпомощности. Он послал просить Государя его принять и тотчас был к Нему приглашен.

«Ваше Величество, — начал Кобылинский с волнением, — власть уходит у меня из рук. У нас отняли погоны, теперь я уже не могу больше быть Вам полезен. Я хотел бы подать в отставку и уехать, если Вы разрешите. Мои нервы не выдержат, у меня больше нет сил».

Государь подошел к Кобылинскому, положил обе руки ему на плечи и посмотрел на него глазами, в которых блестели слезы.

«Евгений Степанович, — сказал Он, — ради Меня, Моей Жены и Моих Детей, Я вас прошу, оставайтесь. Вы сами видите, что всем Нам приходится выносить. Нужно, чтобы и у вас было столько же терпения».

Глубоко взволнованные, Узник и Его страж, Царь и Его верный слуга, обнялись, как братья, и Кобылинский остался*.

Но перемена, которая произошла в поведении солдат, не имела единственной причиной политику и пропаганду. Отряд, сопровождавший Царскую Семью от Царского Села, получил от Керенского обещание дополнительного денежного довольствия; обещание это, как и все другие, самые торжественные, даже клятвы горе-диктатора, не было никогда выполнено. Отсюда и неудовольствие, раздражение солдат и против правительства, и против Керенского, и против Заключенных, и против всех и вся; отсюда же и периодический отъезд солдат, заменяемых постепенно свирепыми большевиками. Впрочем, нужно сказать, что правительство забыло, казалось бы, о тобольских Узниках. В момент ссылки Царской Семьи встал вопрос о Ее содержании; кто должен был покрывать эти расходы? «Конечно, Временное правительство взяло на себя содержание Царской Семьи и Ее Свиты», — заявил потом Керенский следователю Соколову, в то время как князь Львов, с тем же апломбом утверждал, что «правительство разрешило вопрос о личном имуществе Монархов. Они должны были, значит, жить на собственные средства». Который из этих двух сообщников солгал тогда? Было действительно установлено, что Государь обладал личным состоянием, хотя и далеко не столь значительным, как о том говорили, но достигающим, однако, четырнадцати миллионов рублей. Эти деньги, лежавшие в банке, принадлежали Государю не как Монарху, а как частному лицу; на имущество это, следовательно, никакая власть,

* Показание полк. Кобылинского (*Wilton R.* Les derniers jours des Romanoff. P. 182).

хотя бы и революционная, не могла наложить свою руку, и правительство князя Львова и Керенского официально это признавало. Но, в действительности, заявление кн. Львова было лишь лицемерием афериста; все состояние Государя фактически оказалось присвоенным Временным правительством; владелец этих миллионов был обобран начисто и без остатка. Чего не сделали ни немецкая, ни греческая, ни турецкая, ни испанская революция, свергшие монархов, но не обокравшие их, то не погнушались сделать либеральные, титулованные, высокообразованные, гуманные вожди русской революции.

С самого дня отъезда Монархов из Царского Села, правительство не послало ни одной копейки из денег Государя на содержание Пленников. Письма, телеграммы оставались без ответа, а, между тем, небольшие средства, взятые с собой, иссякали. Наконец, наступил день, когда повару пришлось заявить, что поставщики угрожают прекратить отпуск провизии в долг, и что ему скоро не из чего будет готовить обед.

И на этот раз еще спас положение полковник Кобылинский, избегав весь город, чтобы занять, тайно от Государя, необходимую, хотя бы на ближайшие расходы, сумму.

Пока время медленно тянулось в Тобольске, оно, казалось, неслось бешеным темпом в Петрограде и в Москве, нагромождая развалины и непрерывно подтачивая все, что оставалось еще целым от былой мощи и славы России. Еще раньше Временное правительство, одержимое безумием, настояло перед союзниками, чтобы добиться от них разрешения вернуть в Россию всех пораженцев, всех террористов, все отребье черты оседлости, словом, все ферменты разложения, от которых всякое государство, в особенности во время войны, должно оберегаться, как от чумы.

Сидя в Цюрихе, Ленин и его банда, сгорая от нетерпения, ждали конца этих изумительных переговоров; Троцкий, посаженный англичанами в концентрационный лагерь, также ждал своего освобождения стараниями министра иностранных дел Милюкова. Наконец, союзники уступили, выпущенные на волю коршуны понеслись в Россию на страшный и кровавый пир.

Ленин в то время состоял агентом германского генерального штаба*; он и его шайка получили самый любезный пропуск через Германию. Эту свою роль германского агента Ленин, впрочем, и не отрицал; в октябре 1918 года, на одном из собраний централь-

* *Спиридович А. И.* История большевизма в России. С. 265.

ного исполнительного комитета под председательством Свердлова, Ленин сделал следующее, весьма циничное, заявление:

«Меня часто обвиняют в том, что я нашу революцию произвел на немецкие деньги; я этого не оспаривал и не оспариваю, но зато на русские деньги я сделаю такую же революцию в Германии»*.

Мы видели, что не один большевицкий переворот был совершен на средства германского штаба: и февральская революция, по признанию Милюкова, питалась из того же источника, но Ленин тоньше сыграл свою предательскую игру.

3 апреля вечером на Финляндском вокзале делегация от Петроградского совета при почетном карауле с музыкой собралась для встречи приезжающего из Швеции Ленина и его сообщников. Ослепленное, обезумевшее Временное правительство приготовило таким образом ту петлю, на которой оно должно было скоро повиснуть.

Тотчас же новый народный трибун начал развивать поразительно кипучую деятельность, проявил безпощадную настойчивость, благодаря которым он смог смести в шесть месяцев власть, гордившуюся тем, что она родилась из воли самого народа.

Государь следил за этими событиями со все возрастающей тревогой. Он видел, как рушатся десять веков мощи, славы и благоденствия; Он видел Отечество, захваченное изменниками, бунтовщиками, врагами; Он видел Двуглавого Орла, пораженного и обезоруженного, бьющегося в потоках грязи и крови. И новое чувство подымалось в Нем: не несет ли и Он часть ответственности за несчастие России? Прав ли Он был, отрекаясь от Престола, принося Себя в жертву во имя того, что Ему представили, как спасение России и залог победы? В чем был Его долг в тревожные псковские дни? Об этих сомнениях, колебаниях, сожалениях Государь не говорил никогда, но они ложились глубокой скорбью на Его черты, старили Его лицо, окаймленное почти совершенно седой уже бородой.

Один раз только Государь высказал волновавшие Его чувства. Это было при получении известия о предательстве Керенского, выдавшего генерала Корнилова, с которым он вошел в соглашение относительно установления диктатуры для борьбы с большевизмом. Последняя надежда на спасение Родины рушилась окончательно, и в этот день Государь открыл Жильяру сердце Свое, преисполненное горечью и отчаянием:

*Там же. С. 266. *Jacoby J.* Lenine. P. 80.

«Как Я жалею теперь о Своем отречении, — сказал Он, — Я принял это решение в надежде, что те, кто добивались Моего удаления, окажутся способными довести войну до победы и спасти Россию. Я опасался, что Мой отказ не подал бы повода к гражданской войне в присутствии неприятеля, и Я не хотел, чтобы кровь хотя бы одного русского была пролита из-за Меня. Но вслед за Моим уходом не появились ли тотчас же Ленин и его сообщники, эти наемные германские агенты, чья преступная пропаганда разрушила армию и развратила страну? Я страдаю теперь, видя, что Мое отречение оказалось безполезным и что, преследуя единственно благо Моего Отечества, Я, в действительности, повредил ему Своим уходом»*.

Отдаленность Тобольска от больших центров способствовала тому, что крупные события, потрясшие столицы, выступление Корнилова, подготовка октябрьского переворота, дошли сюда лишь, как едва слышный отзвук. И дальнейший ход революции, бегство Керенского, торжество Ленина, начало кровавого большевицкого террора — все это ни в чем не отразилось на однообразном течении жизни тобольских Пленников, разве что стража стала еще немного наглее.

Так, некий Дорофеев, рядовой 14-го полка явился однажды к полковнику Кобылинскому с требованием от имени солдатского комитета, чтобы Государь снял с себя погоны и знаки отличия.

Желая избавить Царя от такого нового издевательства, Кобылинский пытался убедить Дорофеева отказаться от своего требования. Но грубый и наглый хам замкнулся в злобном упрямстве.

«Ну, а если Государь откажется повиноваться?» — спросил тогда Кобылинский.

«Если Он откажется, то я сам сорву с Него погоны», — заорал солдат.

«Ну, а если... Он, защищаясь, вас ударит?»

«Я Его тоже ударю».

Кобылинскому оставалось только попробовать воздействовать на Государя; он поговорил об этом с кн. Долгоруковым и Татищевым; оба генерала согласились принять на себя эту тяжелую миссию и умоляли Государя снять погоны, дабы избежать новой выходки солдат. Государь возмутился на мгновение, но, обменявшись взглядом и несколькими словами с Императрицей, Он преодолел эту вспышку гнева. На другой день, собираясь в церковь, Он набросил на себя бурку, которая, как известно, носится без погон.

* *Gilliard P.* Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille. P. 204.

Между тем петроградские большевики продолжали не обращать внимание на Тобольск. Панкратов и его помощник Никольский все еще оставались правительственными комиссарами. Но их пропаганда, их революционное красноречие, их заискивание перед солдатней не принесли им счастья. Солдатский комитет постановил отослать этих двух нежелательных комиссаров и просить Москву заменить их новыми, на этот раз большевиками чистой воды. Панкратов и Никольский безропотно скрылись, но из Москвы так никто и не приезжал.

Наконец, 10 февраля новая государственная власть проявила свое существование телеграммой на имя полковника Кобылинского, в которой предписывалось ему перевести, с 14 марта, «Николая Романова» и Его Семью на солдатский паек. На содержание каждого члена Семьи будет отпускаться по 600 рублей в месяц, взятых из процентов личного состояния Государя. Таким образом, приходилось впредь ограничиваться 4 200 рублями на содержание всего дома.

Но Пленников это новое испытание совершенно не трогает; Государь шутливо заявляет, что раз теперь в России мода на разные комиссии, то и Он тоже назначает комиссию для заведывания делами общины. И, действительно, комиссия эта, состоящая из генералов Татищева, кн. Долгорукова и Жильяра, решает произвести ряд экономий в расходах и, в первую очередь, сократить персонал. Придется, таким образом, уволить десять человек прислуги, часть которых приехала в Тобольск со своими семьями; придется также упростить меню, кофе и масло исчезнут со стола, как предметы роскоши, даже сахару не будет хватать.

Для Монархов — все это мелочь, которая Их не тревожит. Что Их волнует — это известие о Брест-Литовском договоре, которым большевики предают и Россию и союзников.

«Это позор, равняющийся самоубийству для России, — заявляет Государь с негодованием. — Я никогда не мог думать, чтобы император Вильгельм и германское правительство могли унизиться до того, чтобы пожать руку этим негодяям, предавшим свою Родину. Но я уверен, что это не принесет им счастья, этим они не спасутся от гибели». На слова князя Долгорукова о том, что, по газетным сведениям, немцы потребовали, будто бы, чтобы Царская Семья была им выдана в невредимости, Государь воскликнул: «Это сделано или для того, чтобы Меня скомпрометировать, или, чтобы Меня оскорбить».

Императрица прибавила вполголоса:

«После того, как они поступили с Государем, Я предпочла бы погибнуть в России, чем быть спасенной немцами». Судьба осуществила это пожелание несчастной Императрицы*. Но мог ли думать Государь, возмущавшийся нелояльным поведением врагов, что настанет день, когда монархи и президенты союзных России государств будут так же дружески пожимать руки предателей, руки, обагренные кровью Того, Кто пожертвовал Своей жизнью ради верности общему делу?

В Тобольске, после отъезда Панкратова и Никольского, воцарилось нечто вроде временного неустойчивого режима, когда никто не знал, что он может делать и кому он должен повиноваться. Это переходное состояние прекратилось 13 марта. В этот день появился из Омска отряд из свыше ста красногвардейцев-большевиков под командой двух офицеров: Демьянова и Дегтярева. В ту минуту, когда этот отряд проходил под окнами губернаторского дома, Императрица воскликнула, указывая г-же Битнер на солдат: «Вот хорошие русские люди!»

Что хотела Она сказать этими загадочными словами? Незадолго перед тем Императрица поведала Жильяру, что, по Ее сведениям, отряд в триста офицеров сконцентрировался в Тюмени для попытки спасения Царской Семьи. Таким образом, являлась мысль, что и отряд, прибывший из Омска, состоял также из преданных Монархии офицеров, переодетых в красноармейцев.

Конечно, эти надежды не являлись несбыточными; никогда еще обстоятельства не складывались более благоприятно для спасения Пленников. Старая власть пала, новая еще не появилась, и в этом безпорядке, в этом хаосе стража утратила последние остатки дисциплины. Горсть энергичных людей при соучастии полковника Кобылинского легко могла бы справиться с этой распущенной бандой и увезти Пленников в тайгу, а оттуда к морю и за границу. Вопрос об этом часто обсуждался по вечерам в кругу Царской Семьи и Ее близких. Но Государь такому выступлению Своих сторонников ставил два условия: Он не соглашался ни на то, чтобы Семья была разлучена, ни на то, чтобы покинуть пределы Отечества.

Итак, Царственные Узники не теряли надежды; Они верили и Своим друзьям и преданности Своих сторонников. Было ли это доверие обосновано?

---

*Там же. P. 215–216.

4. Что было сделано для спасения Царской Семьи?

В истории человечества есть отдельные факты и события, в которых, как в фокусе, сосредоточивается вся психология, геройская или преступная, великодушная или мелочная, той или другой эпохи. И в пленении Царской Семьи, в издевательствах, которым Она подвергалась, в клевете, свивающейся вокруг Нее, в одиночестве, в котором Она оказалась и, наконец, в ее ужасной смерти отражается все предательство, вся ложь, вся трусость, взрыв всех низменных чувств, вся продажность, весь кровавый бред, все, что составляет сущность того великого преступления, которое получило название русской революции.

Эта черная страница русской истории вызовет недоумение будущего историка, который задаст себе вопрос: как могли преданные слуги Монарха, придворные, дворяне, офицеры, как могли честные русские люди, как мог весь русский народ безучастно присутствовать, в течение более года, при страшном крестном пути своего Монарха и Его Семьи, как не поднялись с Русской Земли защитники Царя, как не вооружился народ, почему не вступился он за своего Царя, как вандейцы пошли биться за своего короля?

Между тем, лишь только распространилась весть о лишении Царской Семьи свободы, тотчас стало очевидным, что и самая жизнь Монархов среди разнузданной солдатни находится в опасности. Вопрос Бьюкенена Милюкову, о котором мы говорили раньше, свидетельствует о той тревоге, которую стали уже испытывать насчет судьбы Августейших Пленников. Однако в это время решительно ничего не было предпринято ни со стороны монархистов, ни со стороны союзников для защиты Государя и Его Семьи. Мы видели, как слабы были попытки короля Георга V облегчить участь своего близкого родственника и верного союзника; но правительства других стран, спасенных от немецкого разгрома непоколебимой верностью Царя и кровью русских солдат, не проявили даже той видимости участия, какую выказал Английский король.

Русский посланник в Португалии П. С. Боткин, брат погибшего впоследствии с Царской Семьей доктора Е. С. Боткина, рассказывает в своих воспоминаниях о сделанных им тщетных попытках пробудить совесть правителей и заинтересовать их в участи Государя. П. С. Боткин обращался, между прочим, много раз к членам французского правительства, умоляя их выступить

в защиту своего союзника, трагическую участь которого он предвидел; его многочисленные письма, посланные им от июля 1917 до июля 1918 года, остались все без ответа. В последнем своем письме, обращенном к г. Пишону, П. С. Боткин делает следующее безрадостное заявление: «Я должен констатировать, к величайшему своему сожалению, — пишет он, — что до сих пор все мои попытки остались тщетными, и что единственным ответом, который я получил, являются расписки швейцаров, свидетельствующих, что письма мои дошли по назначению».

Нужно, впрочем, заметить, что преданность П. С. Боткина своему Монарху является примером редким, почти исключительным среди русских дипломатов. Большинство из них, цепляясь за свои места, заявили себя верными слугами нового режима; некоторые даже в новоиспеченном революционном рвении своем начали травлю против тех дипломатических представителей за границей, которые оставались верными Монархии. И страшно, и совестно признаться, что могли даже найтись русские послы и посланники, которые, забыв долг свой, не только не старались авторитетом своим воздействовать на иностранные правительства для спасения Царской Семьи, но препятствовали, по мере сил, подобным попыткам.

Так, бывший Императорский посол в Париже, А. П. Извольский, оставшийся на той же должности при революционном правительстве, телеграфировал Милюкову 19 марта 1917 г. следующее: «Косвенными путями я узнал, что здесь есть несколько лиц, которые стараются побудить французское правительство обратиться в Петроград с дружественными представлениями о необходимости охраны бывшего Императора и Его Семьи. Я счел своим долгом в частной беседе с г. Камбоном предостеречь его от подобного шага. «При настоящем составе Временного правительства, — сказал я, — подобные опасения являются совершенно неосновательными и могли бы иметь место только в случае победы радикальных элементов, и поэтому подобные представления могли бы показаться у нас не только ненужными, но даже оскорбительными»*.

---

* *Проф. Сторожев.* Дипломатия и революция // Nachrichtenblatt über Ostfragen, № 42 от 3 июля 1921 г. Цитируется по статье: *Боткин П. С.* Что было сделано для спасения Императора Николая II // Русская Летопись. Кн. VII. С. 217.

Нужно отметить, что дочь этого посла Е. А. Извольская написала в эмиграции, вместе с евреем Кесселем, роман «Les rois aveugles», полный злостной неправды о Царской Семье, а впоследствии, письмом в редакцию одной

Сколь ни возмутительны лицемерие Извольского и низкопоклонство его перед новой властью, они все же были превзойдены другим русским дипломатом, Неклюдовым, бывшим посланником в Стокгольме. «В конце апреля 1917 года, — пишет он в своих воспоминаниях, — я получил от г. Милюкова, министра иностранных дел Временного правительства, телеграмму о моем назначении послом в Мадрид. Я давно был знаком с Милюковым; три или четыре раза до революции он проезжал через Стокгольм, мы подолгу с ним разговаривали, и наши беседы привели нас к полному единству взглядов на многие вопросы нашей внутренней и внешней политики»...

Это трогательное единение во взглядах русского посланника и главы партии, стоящей за террор и за государственный переворот, ярко свидетельствует о том состоянии разложения, в котором находилось в то время русское дипломатическое ведомство, в значительной степени, как ржавчиной, проеденное масонством.

Но вот Неклюдов в Мадриде.

Среди всех глав государств нашелся лишь один, который проявил участие к судьбе Царственных Узников. А, между тем, монарх этот ничем не был обязан Государю; его войска не сражались вместе с русскими за общее дело; кровь, пролитая на полях сражения, не спаяла братской дружбы между его страной и Россией.

Этот нежданный друг был Его Величество, Испанский король Альфонс XIII.

И при первом же приеме посла Временного правительства, как только Неклюдов закончил свою речь и вручил свои верительные грамоты, король, сойдя с трона, обратился к нему с волнением:

«В вашей речи, — сказал он, — вы были столь любезны упомянуть о помощи, которую мы имели возможность оказать вашим пленным во время войны. Позвольте мне выразить живейшее участие к другим русским пленным — я разумею Его Величество Государя Императора Николая II и Его Семейство. Я вас прошу передать вашему правительству мою горячую просьбу об Их освобождении».

Смущенный этими благородными словами, Неклюдов рассыпался в сбивчивых уверениях и оправданиях; он верный слуга нового порядка вещей в России, но питает также к Государю

французской газеты, дала о Керенском восторженный отзыв, как о спасителе этой же Царской Семьи.

«личную привязанность и симпатию»; правительство только и мечтает о том, чтобы разрешить Царской Семье выехать за границу, но... не делает этого только из-за крайних элементов. Он, Неклюдов, конечно, готов всем пожертвовать для спасения Царя, карьерой и даже большим... но боится своим вмешательством раздражить эти же крайние элементы. Итак, лучше ничего не предпринимать.

Король с удивлением слушал эти странные заявления.

«Разъясните мне, пожалуйста, — спросил он, — кто, собственно, стоит в данный момент во главе русского правительства?»

Неклюдов понял значение этого иронического вопроса, он попытался увернуться от прямого ответа.

«Ваше Величество, — пробормотал он, — я только что вручил мои верительные грамоты. Они подписаны князем Львовым, председателем Временного правительства и контр-ассигнованы министром иностранных дел».

«Значит, — сказал король, — князь Львов во главе правительства. Мне говорили, что он честный человек. В таком случае, пожалуйста, напишите от меня князю Львову и скажите ему, как я заинтересован в судьбе Императора Николая II и Его Семейства и что я был бы крайне счастлив, если бы мог знать, что Они находятся в полной безопасности».

«Слова короля, — замечает Неклюдов, — и выражение его лица дышали искренностью. Я тотчас же подпал под его чары»*.

Неклюдов не говорит, сколь долго он оставался под чарами Испанского короля, и успели ли они пробудить в русском дипломате чувство долга к *своему* Монарху. Во всяком случае, благородное заступничество Альфонса XIII не повлияло на последующую судьбу Царской Семьи.

Февральская революция, как мы уже говорили, была исключительно делом рук так называемого «правящего класса», и потому ее успех был встречен с восторгом, с удовлетворением или с равнодушием дворянством и буржуазией, смотря по политическому оттенку каждого. Но первые разбойные выступления черни, внезапное появление Совета рабочих и солдатских депутатов, резня в деревнях, бегство помещиков, закрытие биржи, падение рубля, наконец разложение фронта и угроза неприятеля — все это поразило общество ужасом. И это чувство оце-

* *Nekludow A.* Diplomat's reminiscences — before and during the world's war 1911–1917. Цитировано по: *Боткин П. С.* «Что было сделано для спасения Императора Николая II» // Русская Летопись. Кн. VII. С. 217–219.

пенения не исчезло потом ни с торжеством большевизма, ни с красным террором. Правящие слои увидали себя обманутыми, обобранными, оттиснутыми от власти какой-то шайкой, вылезшей неизвестно откуда, и которая вела страну к гибели. Ни в какой момент дворянство и буржуазия не проявили ни малейшей попытки защитить свои права, — они сами в эти права больше не верили. Власть принадлежала всякому, кто ее пожелал захватить: сперва Керенскому, потом Ленину. В это время петроградское и московское «общество», усиленное бежавшими помещиками, перешло уже на то «эмигрантское» положение, в котором оно за границей пребывает до настоящего дня: тянули серые дни ожидания лучших времен, заполняли время картами, пересудами и упреками и, если говорили иногда с жалостью о Монархах, то без всякого намерения Им как-нибудь помочь.

Однако, среди общей трусости и равнодушия, появлялись все-таки более преданные, смелые люди, среди которых возникали, подчас весьма фантастичные, планы спасения Царской Семьи. Такими неизменно верными друзьями Монархов были А. А. Вырубова и Ю. А. Ден, которым удалось даже сноситься с Узниками. Но что могли сделать две женщины, одинокие, без средств и сами подвергшиеся тяжелым испытаниям? Трудность задачи усугублялась еще тем, что Царская Семья не соглашалась покинуть пределы Отечества.

В первое время заключения Государя и Императрицы в Царском Селе Ю. А. Ден предложила начать хлопоты о вывозе всей Семьи в Италию. На это предложение Императрица ответила:

«Тот подлец, кто бросает свою родину в такой тяжелый момент. Пускай с Нами делают что угодно, сажают в Петропавловскую крепость, но Мы никогда не уедем из России»*.

Ю. А. Ден уже начала терять всякую надежду, когда однажды вечером, в начале июня, к ней явился на дачу высокий с отпущенной бородой человек в широкополой шляпе и с суковатой палкой в руках. Это был член Государственной думы Н. Е. Марков, изменивший свой, слишком приглядевшийся, облик.

Н. Е. Марков был известен своими крайне монархическими убеждениями; он внушил доверие Ю. А. Ден и юному корнету, однофамильцу Маркову, находившемуся в этот день у нее в гостях.

«Ю. А., это мой святой долг помочь Их Величествам, — говорил Н. Е. Марков. — Поверьте мне, что мы работаем, не по-

* *Марков С.* Покинутая Царская Семья. С. 155.

кладая рук... Мы сейчас только оправляемся от постигшего нас разгрома. Мы только просим, чтобы Их Величества благословили начатое нами дело и молим Бога, чтобы Он, Всемогущий, не оставил нас без Своих милостей».

Возможность спасти Царскую Семью существовала с самого марта месяца 1917 года до увоза ее в Екатеринбург в апреле следующего года; потом уже, в условиях заточения в Ипатьевском доме, всякие попытки к похищению Пленников становились неизмеримо более трудными.

Организация, образованная для этой цели Н. Е. Марковым имела в своем распоряжении целый год, причем в течение зимы 1917–1918 года, при полном безвластии в Тобольске, условия для решительного действия были особенно благоприятны.

«К концу июня 1917 года, — рассказывает Н. Е. Марков, — удалось найти ход сообщения с пленным Государем Императором. В коробке папирос была папироса со свернутой под табак запиской. Мы спрашивали Государя, разрешает ли Он начинать дело восстановления Империи. Если разрешает, пусть благословит дело св. иконой. В ответ была прислана икона св. Николая Мирликийского Чудотворца с инициалами Государя и Государыни».

В это время Н. Е. Марковым был избран конспиративный псевдоним «Tante Ivette», под которым он в дальнейшем и действовал. «Во время пребывания Царской Семьи в Царском Селе вопрос о спасении из плена не ставился, ибо нам было дано знать, что Государь на это не рискнет», — утверждает Н. Е. Марков. «После же увоза Узников в Тобольск, — пишет он дальше, — задача спасения была поставлена во всей ее широте».

«В течение зимы, — повествует Н. Е. Марков, — подготовлялся план освобождения. Нашелся опытный и верный шкипер дальнего плавания, который брался войти со своей шхуной в начале лета в устье Оби и в условленном месте ожидать прибытия Беглецов. Разработан был план прекращения на время бегства телеграфной связи вдоль Оби и морского побережья. Постепенно к местам действия стягивались отдельные группы офицеров из Сибири и с Урала. В Петрограде образована была офицерская группа генерала Z, которая должна была явиться на месте ядром спасательного отряда. Провокаторская деятельность Соловьева, неудачи в деле налаживания связи, а, главное, недостаточность необходимых денежных средств привели к тому, что несколько месяцев были утрачены безполезно, и к весне 1918 года подго-

товка операции была далеко не закончена. В это время пришла условная телеграмма из Тобольска о внезапном вывозе Государя, Государыни и одной из Великих Княжон и о предстоящем увозе остальных Членов Семьи. Пришлось действовать ускоренно. Группа генерала Z, составом в восемнадцать человек, была отправлена одиночным порядком по разным маршрутам к Екатеринбургу. Все офицеры выехали с чужими паспортами, под вымышленными именами. Но и эти срочные отправки задержались из-за недостатка в деньгах»...

«Из-за недостатка денег и препон со стороны большевицких застав группа генерала Z только в июле месяце стала стягиваться к Уралу. Некоторые офицеры достигли Екатеринбурга 7 (20) июля: увы, было слишком поздно!»* Впоследствии, по словам Н. Е. Маркова, генерал Z и его два сына были расстреляны большевиками**.

Итак, организации Н. Е. Маркова не удалось, несмотря на все усилия, спасти Царскую Семью по двум главным причинам: провокаторская деятельность офицера Соловьева, зятя Распутина, и недостаток средств. К этим двум причинам Н. Е. Марков возвращается неоднократно: «этот Соловьев сделал все, чтобы не допустить каких-либо активных действий для спасения Государя и Его Семьи»***; «провокатор Соловьев женился на дочери Распутина, по-видимому, только для того, чтобы, войдя в доверие к Государыне, взять дело спасения в свою монополию и помешать всем действительным попыткам спасти Царскую Семью»****. «Но все попытки — не только мои, но и всех моих единомышленников получить на дело необходимые средства потерпели неудачу. Требовались миллионы, а мы с трудом находили десятки тысяч». «Но будь у нас в апреле 1918 г. хотя бы один миллион рублей, думается, мы успели бы сосредоточить к Екатеринбургу отряд в 300 смелых людей и сделать решительную попытку для соединения Царской Семьи с чехо-словаками»*****.

Все эти объяснения Н. Е. Маркова представляются неубедительными. Они расходятся с его же показанием, данным судеб-

---

* *Марков Н. Е.* Попытки спасения Царской Семьи // Еженедельник Высшего Монархического Совета. № 121. 28 апреля/11 мая 1924 г.

** Там же.

*** *Марков Н. Е.* Покинутая Царская Семья // Двуглавый Орел. № 29. 17/30 июня 1929 г.

**** *Марков Н. Е.* Ловцы Правды // Еженедельник. Высш. Монарх. Совета. № 124. 9/22 июня 1924 г.

***** *Марков Н. Е.* Покинутая Царская Семья.

ному следователю Соколову. В показании этом он ни словом не упоминает ни о плане увоза Царской Семьи на шхуне, ни об отряде генерала Z.; напротив, из слов Н. Е. Маркова явствует, что деятельность его проявилась лишь в отправке осенью 1917 г. офицера Седова в Тобольск и в поручении, данном другому офицеру, С. Маркову, отправленному туда же на средства А. А. Вырубовой. Ни о каких других «попытках» Н. Е. Марков не говорит и, действительно, те, которые нам известны, были произведены не его организацией. Различны его версии и относительно роли Соловьева и корнета Маркова. В показании своем следователю Соколову Н. Е. Марков рассказывает, что «весной 1918 года офицер Марков вернулся в Петроград. Он сказал нам, что в Тюмени зять Распутина Соловьев находится во главе организации Вырубовой... В это время у меня не явилось никакого подозрения». «С. Марков, которого лично я знал мало и о котором судил по мнению г-жи Ден, представился мне, по возвращении его из Сибири, в ином свете: его рассказы мне мало внушали доверия, они мне казались малоубедительными»*.

Таким образом, по показаниям Н. Е. Маркова, сделанным судебному следователю Соколову в 1921 году, роль Соловьева в 1918 году не казалась ему подозрительной, что он подтверждает в статье, появившейся в «Еженедельнике Высшего Монархического Совета» от 28 апреля 1924 г. Что же касается корнета Маркова, то он, по возвращении из Сибири, «представляется Н. Е. Маркову в ином свете».

Но вот выходит в 1928 году в свет книга С. Маркова, в которой он утверждает, что, вернувшись из поездки, он не видел Н. Е. Маркова и потому никак не мог «представиться ему в ином свете», а рассказы его, которых он не делал, не могли «внушать мало доверия».

После появления книги С. Маркова Н. Е. Марков меняет свою версию. Вопреки своему показанию Соколову, он признает, что С. Маркова он не видел по возвращении его из Сибири и что он от него скрывался, как от «активного сотрудника провокатора Соловьева». Остается, таким образом, непонятным, считал ли Н. Е. Марков в 1918 г. Соловьева провокатором или же он «не внушал ему никакого подозрения».

Был ли действительно Соловьев агентом большевиков? Следователь Соколов приходит к этому заключению, главным образом, на основании показаний Н. Е. Маркова и офицера N (штаб-

* *Sokoloff N.* Enquête judiciaire. P. 128.

ротмистра Н. Я. Седова); но так как сам Н. Е. Марков основывал свое мнение на утверждениях Седова — то все доказательства провокаторства Соловьева сосредоточиваются, в конечном итоге, в показании Н. Я. Седова.

Что же рассказывает этот офицер? Заметим, что во время своего пребывания в Сибири Седов находился все время в весьма близких отношениях с Соловьевым; Н. Е. Марков утверждает даже, что «он явно был креатурой Соловьева, а не нашей». С этим Седов и возвращается в апреле 1918 г. в Петроград и потому можно признать, что в это время он Соловьева советским агентом отнюдь не считал.

Но в ноябре того же года Седов является к судебному следователю Сергееву, которому в то время было поручено следствие об убийстве Царской Семьи, и рассказывает ему, что, по словам Соловьева, он, Соловьев, состоял во главе организации, заботящейся об участи Августейших Пленников, что он никому не позволял действовать помимо него, под страхом быть выданным большевикам, и что он, Соловьев, уже выдал таким образом двух гвардейских офицеров и одну даму, имена которых свидетелю неизвестны.

Неправдоподобие этого заявления бросается в глаза. Не мог бы Седов после столь откровенного и циничного заявления Соловьева оставаться всю зиму в непосредственной близости с Соловьевым и под его исключительным влиянием; не скрыл бы Седов также этого обстоятельства, давая, в апреле месяце, отчет о своей поездке Н. Е. Маркову; не мог бы он забыть или не спросить имен выданных, будто бы, Соловьевым офицеров и дамы; наконец, арест этих лиц, посланных какой-то организацией, стал бы известным.

Неправдоподобным является и то, чтобы Соловьев мог фактически помешать кому-либо пробраться в Тобольск; ни корнет С. Марков, ни штаб-ротмистр Соколов, о котором будет речь дальше, ни посланцы группы сенатора Д. Б. Нейдгарта и Толстых, никто из всех этих лиц, которые приезжали с разными поручениями к Царской Семье в Тобольск и в Екатеринбург, не обращались к Соловьеву за помощью или разрешением, никому из них он не чинил препятствий и никого не выдал большевикам.

Можно думать, что и сам Н. Е. Марков не особенно верил в «провокаторскую» деятельность Соловьева, ибо три года спустя после всех этих событий письмом от 21 апреля 1921 г. он обращается к Соловьеву с конфиденциальной просьбой «выяснить»,

какого политического направления придерживается Русский комитет в Праге», а 29 того же месяца — «покорнейше просит его пожаловать на съезд хозяйственного восстановления России».

Если мы к этому прибавим, что Соловьев умер в эмиграции от чахотки в совершенной бедности, то едва ли может остаться сомнение в том, что его «провокаторская» деятельность является легендой.

Зачем эта легенда выдумана? Ответ на этот вопрос очень простой. Она выдумана для оправдания бездействия тех, кто взялись за дело спасения Царской Семьи. «Мы все сделали, что могли, но нам помешали». Кто помешал? И тут на сцену появляется имя Соловьева. Мы можем даже определить с точностью, когда и как появилось это обвинение.

В апреле 1918 г. штаб-ротмистр Седов возвращается в Петроград из своей поездки в Сибирь, не достигнув никаких результатов, и подвергается за это упрекам Н. Е. Маркова. «Когда мы ему заметили, что он не выполнил нашего поручения, он проявил крайнее замешательство» (показание Н. Е. Маркова).

В это время Седов о «провокаторской деятельности» Соловьева не помышляет. Но вот происходит Екатеринбургское злодеяние; обнаруживается вся несостоятельность «спасителей», и в ту же осень Седов пускает в оборот разсказ о препятствиях, чинимых будто бы Соловьевым, о выдачах большевикам и т. д.

И Н. Е. Марков, в котором Соловьев «не вызывал никаких подозрений», и который ведет с ним потом уже за границей конфиденциальную переписку, вдруг вспоминает, что он считал его большевицким агентом.

Почему же выбор такого козла отпущения пал именно на Соловьева? Потому только, что он был женат на дочери Распутина и что вокруг этого имени создалась какая-то мрачная легенда предательства.

Следователь Соколов, страдавший германофобией в острой форме, и не скрывает, в своей книге, что он женитьбе Соловьева придает решающее значение.

«Некогда немцы воспользовались Распутиным, чтобы вырыть ров между Царем и Его народом», — заявляет Соколов; очевидно, поэтому, что, женившись на Матрене Распутиной, Соловьев становится немецким агентом, а так как немцы поддерживали большевиков, то он обращался также в агента последних. Такова схема наивного рассуждения следователя Соколова. Одного только он не учитывает: Соловьев женился на дочери Рас-

путина не при Царском режиме, когда мог бы надеяться, что брак этот окажется для него прибыльным, а после революции, 18 октября 1917 года, то есть в ту именно эпоху, когда имя Распутина предавалось поношению и проклятию и когда требовалось некоторое гражданское мужество, чтобы ввести дочь «старца» в свою семью.

Н. Е. Марков, как было сказано выше, также видит в женитьбе Соловьева какую-то тяжкую улику: «Провокатор Соловьев, — пишет он, — женился на дочери Распутина по-видимому только для того, чтобы, войдя в доверие к Государыне, взять дело спасения в свою монополию и помешать всем действительным попыткам спасти Царскую Семью». И здесь все рассуждение основывается не на фактах, а на слове «по-видимому».

Нисколько не вдаваясь в разбор разнородных оценок, данных Н. Е. Марковым зятю Распутина, приходится, однако, признать, что какова бы ни была роль Соловьева, она не могла помешать попыткам спасения Государя и Его Семьи, ибо эти попытки до переезда Царской Семьи в Екатеринбург серьезно никем и не делались, что, впрочем, и подтверждается всеми лицами, допрошенными следователем Соколовым.

Другая причина неудач, указанная Н. Е. Марковым — отсутствие средств. Н. Е. Марков говорит о том, что «требовались миллионы, а мы с трудом находили десятки тысяч», а также, что «будь хотя бы один миллион», возможно было бы «сосредоточить в Екатеринбурге отряд в 300 человек». Стоимость рублей в то время была весьма изменчива; в полемике с корнетом Марковым Н. Е. Марков утверждает, что выданные ему 830 рублей составляли «не менее 8000 нынешних франков», т. е. приблизительно, по 10 франков за рубль*. По этому расчету выходит, что для спасения Царской Семьи необходимы были суммы, определяемые в десятки миллионов франков, а на посылку отряда в 300 человек — не менее десяти миллионов франков. Из этого видно, сколь преувеличены эти финансовые соображения. Мы укажем дальше, что суммы в несколько сот тысяч рублей собирались частными лицами и посылались в Тобольск для расходов Царской Семьи; такие преданные лица, как А. А. Вырубова, отдавали все, что имели, для помощи Монархам; секретарь Императрицы граф Ростовцев также посылал Им деньги; не может быть сомнения, что если находились жертвователи, которые да-

* По расчету Н. Е. Маркова в 1924 г.; сейчас это составило бы еще большую сумму во французских франках.

вали деньги на расходы Царской Семьи, то на спасение Ее средства тем более полились бы, но при условии доверия в реальность этого дела. Между тем, как видно из утверждений Н. Е. Маркова, самый план спасения Царственных Узников не только не был «разработан», но до последней минуты оставался весьма туманным; так, в одной своей статье, уже нами цитированной, автор говорит о подготовке увоза Семьи к устью Оби для посадки на шхуну*, в другой же, появившейся пять лет спустя, речь уже идет о «решительной попытке для соединения Царской Семьи с чехо-словаками»**.

Наконец, поражает во всем этом деле полное отсутствие руководства на месте, куда должны «стягиваться» члены отряда; за всю зиму, в самое, быть может единственно благоприятное время для действия, глава организации ограничивается посылкой двух офицеров, из которых один юный корнет; не получая же, по его словам, от них донесения, он не предпринимает никаких мер для новой разведки. Все это отзывается казенщиной, отписками, видимостью работы, а не самой работой.

В этом и нужно видеть причины неудачи спасения Царской Семьи марковской организацией и приходится согласиться с ее руководителем, когда он признает, что «в этом мы, монархисты, конечно, виноваты и, в первую голову, виноват в этом я, Марков 2-й».

Подобных «зачаточных» попыток спасения Царской Семьи было, без сомнения, сделано немало; не все они еще известны и опубликованы, но две из них появились в печати в достаточно подробном изложении, чтобы на них возможно было остановиться.

В сентябре 1917 г. товарищ прокурора Нижегородского окружного суда С., возвращаясь в поезде из командировки, услышал рассказ одной из пассажирок о подготовке какой-то казачьей организацией попытки освободить Царскую Семью, причем непомерно болтливая дама поведала даже, что дочь ее, фрейлина Маргарита Сергеевна Хитрово, выехала уже в Тобольск, везя с собой корреспонденцию для Царской Семьи. Приехав в Нижний Новгород, товарищ прокурора С. вместо того, чтобы свято хранить случайно услышанную им весть о возможном спа-

---

* *Марков Н. Е.* Попытки спасения Царской Семьи // Еженедельник Высшего Монархического Совета. № 121. 28 апреля/11 мая 1924 г.

** *Марков Н. Е.* Покинутая Царская Семья // Двуглавый Орел. № 29. 17/30 июня 1929.

сении своего Монарха, поспешил обо всем донести прокурору суда. Этот, забывший долг присяги, «судебный деятель», в свою очередь, выехал в тот же день в Москву для доклада о «заговоре» прокурору Московской судебной палаты А. Ф. Стаалю, заядлому революционеру из эмигрантов, назначенному на эту должность Керенским.

Начальнику московской сыскной полиции Григорьеву было поручено разыскать неосторожную пассажирку; арестованная и допрошенная Григорьевым, Л. В. Хитрово не только подтвердила весь свой рассказ о заговоре, но, напуганная печальным оборотом, который приняло дело, показала, что душою заговора является офицер К., служащий на станции Режица; относительно же своей дочери Л. В. Хитрово сообщила, что та действительно выехала в Тобольск, везя корреспонденцию, зашитую в холстинку, обернутую вокруг талии.

Чины судебного ведомства и милиции понеслись задерживать «виновных»; один товарищ прокурора поехал в Тобольск, другой в Режицу. Вместе с тем в Тобольск же была отправлена телеграмма Керенского о задержании и обыске Маргариты Сергеевны Хитрово.

Смелая девушка заявила, что ничего о заговоре не знает и приехала в Тобольск единственно из желания находиться возможно ближе к Царской Семье, с которой она, как фрейлина Государыни Императрицы, была тесно связана. Арестованная М. С. Хитрово была доставлена в Москву и временно помещена в здании судебных установлений в кабинете врача.

При обыске в Режице у офицера К. были, между прочим, обнаружены обширная переписка, квитанционная книжка по сбору пожертвований и обыкновенная резиновая печать, сделанная от руки перочинным ножом, с надписью «Общеказачий Союз».

Беглым опросом начальствующих лиц и сослуживцев К. было установлено, что никакого «общеказачьего союза» как будто не существует, но квитанционная книжка выдала имена жертвователей на это загадочное дело.

Прямо с Николаевского вокзала арестованный К. был доставлен в камеру судебного следователя Александрова, который и подверг его двухчасовому допросу. Александров оказался судебным деятелем другого закала, нежели те, непомерно старающиеся перед новыми хозяевами чины прокурорского надзора, которые заварили всю эту кашу. Под его умелым руководством дело быстро приняло совершенно иной оборот. Офицер К. показал, что ника-

кого заговора в действительности не было, а что он единственно решил использовать в корыстных целях настроения некоторых кругов русского общества и, под предлогом спасения Царской Семьи, собирал пожертвования, которые и обращал в свою пользу.

Где была правда в этом показании, трудно сказать, но оно дало Александрову возможность свести крупное политическое дело к простому мошенничеству и освободить М. С. Хитрово. Но скоро наступили события, которые, и помимо воли судебных властей, прекратили навсегда «дело о заговоре».

25 октября началось в Москве большевицкое выступление. Отсидев первые дни восстания в своем здании на Воскресенской площади, Городская дума революционного созыва перебралась в Кремль в здание Судебных Установлений, под защиту юнкеров. Было произнесено много великодушных, горячих и даже героических речей, но, когда большевики открыли по зданию огонь, думцы капитулировали и, выговорив для себя свободный проход, сбежали, бросив своих защитников юнкеров на произвол зверей большевиков.

Здание было разграблено и разгромлено, а скоро после этого и самый суд был распущен «за ненадобностью». Революционному прокурору палаты Стаалю пришлось спасаться от еще более революционных «товарищей» и готовиться к новой эмиграции за границу. Что стало с офицером К., неизвестно*.

Другая попытка представляется столь же легкомысленной и, конечно, была обречена на такую же неудачу. В течение декабря месяца одна московская монархическая организация послала в Тобольск трех офицеров, шт.-ротм. Соколова и двух других М. и Г. с поручением связаться с местными монархистами и подготовить увоз Царской Семьи. В нужный момент должна была приехать сотня гардемаринов для выполнения самого налета. План предполагался весьма простой: часть заговорщиков должна была спрятаться в воскресенье в алтаре; во время Литургии, на которой присутствовала вся Семья, офицеры ворвались бы и увезли бы Пленников. Другой вариант предполагал ночное нападение на губернаторский дом, когда стража спала. В то время как часть отряда заняла бы почту, чтобы помешать посылке телеграмм, другая часть увезла бы Монархов в Троицк, занятый тогда казаками атамана Дутова. Молодых офицеров сопровождал поручик Р., который приезжал с докладом из Тобольска, куда он отправился жить еще

*Приведенные сведения заимствованы из брошюры С. И. Орема «Заговор», с предисловием С. Н. Палеолога.

раньше, по поручению Пуришкевича. Нужно думать, что все эти неопытные заговорщики, посланные на произвол судьбы, проявили большую неосторожность, т. к., несмотря на царящую в Тобольске общую сумятицу, они скоро попали под подозрение и были арестованы. Продержали, однако, их недолго; притворившись отчаянными большевиками, офицеры быстро заслужили доверие самих красных товарищей, были отпущены на свободу и поспешили уехать. Впрочем, им ничего другого и не оставалось, т. к. прибывший в Тобольск посланец от организации сообщил им, что все предприятие за отсутствием средств было оставлено.

Свои воспоминания об этом эпизоде шт.-ротм. К. Соколов заканчивает следующими безрадостными словами: «Опасности пройдены, а на душе было скверно. Теперь невольно подводились итоги виденного и пережитого. Нам, бывшим на месте, было видно, что наша цель была вполне осуществима, но не хватало организатора и средств. Таких людей, как мы, для разведки, информации и боя, нашлись бы сотни»*.

Организаторов, действительно, не было, но средства были. Так, например, группа лиц, состоящая из бывших сановников Кривошеина, Нейдгарта, князя Ширинскаго-Шихматова, отправила в Тобольск своего эмиссара, который, свидевшись с лицами Свиты, сообщил, по возвращении, о затруднительном материальном положении, в котором находилась Царская Семья. Группа эта тотчас же собрала сумму в 250 тысяч рублей и передала ее через того же эмиссара ген. Татищеву и кн. Долгорукову. В то же время группе удалось установить с заключенными переписку на условном языке. И вот однажды из Тобольска получилась телеграмма следующего содержания: «Врачи настоятельно предписывают отъезд на юг, на морской курорт. Требование это вызывает в нас крайнюю тревогу. Считаем путешествие нежелательным. Просим совета. Положение крайне трудное».

Смысл этой телеграммы показался членам группы загадочным, но безусловно тревожным. По-видимому, хотели увезти Царскую Семью, но куда? Обезпокоенные этим, Кривошеин, Нейдгарт и князь Ширинский-Шихматов решили ответить советом отложить отъезд и не уступать «врачам» до последней крайности. Но скоро после этого пришла новая депеша, сообщавшая, что «врачам» необходимо повиноваться.

Какое же важное событие произошло в Тобольске?

---

* *Соколов К.* Попытка освобождения Царской Семьи // Архив Русской Революции. Т. XVII. С. 280–292.

5. Загадочный комиссар Яковлев

Первый большевицкий отряд, прибывший 13 марта в Тобольск, вызвал у заключенных, как мы говорили выше, некоторые надежды на скорое освобождение. Но в этом странном противоречии была несомненно значительная доля основания. Донесения Соловьева и «тетушки Иветты», появление в городе переодетых офицеров, приезд корнета Маркова — все это не могло не создать у Царственных Узников впечатления о существовании одной или даже нескольких сильных организаций, задавшихся целью Их освободить. Организации эти, как мы видели, существовали больше в воображении их создателей. Но спасение Царской Семьи могло ли быть выполнено только русскими силами?

Необходимо, прежде всего, вспомнить, что со времени отречения Государя политическое положение изменилось; если еще год тому назад возможно было думать, что Монарх, лишенный Престола, потерял всякое значение, и что самая память о Нем должна сгладиться в народных умах, то теперь об этом нельзя уже было помышлять.

В течение двенадцати месяцев Россия пронеслась вскачь через конституционную монархию, демократическую республику, социалистическую республику, чтобы, наконец, удариться лбом о коммунизм. Перспективы, которые открывал этот кровавый и безумный режим, были слишком ужасны, чтобы взоры русских людей не обратились вновь с надеждой на славное прошлое России и на ее законного Представителя — Царя. С другой стороны, и большевики, сжатые в железных тисках Брест-Литовска, обреченные на позорную зависимость от Германии, пытались хитрить, вступать в переговоры. При таких условиях Государь обращался внезапно в очень сильного козыря в их игре в качестве заложника, за которого возможно было потребовать дорогой политический выкуп. Наконец, сами немцы, встревоженные тяжелым положением на Западном фронте, были заинтересованы в том, чтобы обезпечить окончательную безопасность на Восточном фронте. Конечно, в их руках был Брест-Литовский договор, но подписан он был лишь большевиками, которые не внушали рейхсканцлеру никакого доверия. Требовалась другая подпись, на которую возможно было положиться, подпись Государя.

Итак, в то время, о котором сейчас идет речь, судьба Царской Семьи внезапно приобрела первостепенное значение в сложной

игре германской и советской дипломатии. Теперь вернемся к изложению событий.

Отряд, появившийся 13 марта, прибыл из Омска. Не забудем, что Восточная Сибирь уже была охвачена местами антисоветскими восстаниями; несколько месяцев спустя Омск становится даже столицей правительства адмирала Колчака. Отрядом командовали два офицера, Демьянов и Дегтярев; незадолго перед этим в Тобольск приехал, также из Омска некий Дуцман, объявивший себя комиссаром города, и, в частности, дома-тюрьмы, где находилась Царская Семья.

Через два дня после прибытия отряда, 15 марта, приехал из Екатеринбурга другой отряд, состоявший из красногвардейцев. Что произошло между начальниками этих двух отрядов, осталось тайной; впрочем, с этого момента мы входим вообще в полосу таинственности, в которой приходится продвигаться только ощупью. Установлено, во всяком случае, что начальники из Омска потребовали немедленного отъезда екатеринбургского отряда, который, будучи значительно слабее принужден был подчиниться и возвратиться в Екатеринбург. Впрочем, как мы увидим дальше, борьба между Омском и Екатеринбургом на этом не прекратилась.

Комиссар Дуцман, латыш с непроницаемым лицом, со взглядом, таившимся под завесой тяжелых век, проявил осторожность, молчаливость, замкнутость и ни в чем не вмешивался в судьбу заключенных; Демьянов, недоучившийся семинарист, был, по-видимому, лишь незначительным статистом.

Роль начальника принадлежала, таким образом, Дегтяреву, который и проявил большую энергию и инициативу. Между тем, Дегтярев был хорошо известен жителям Тобольска. Сирота, состоявший в родстве с одним из бывших Тобольских губернаторов, он, с гимназической скамьи, выражал всегда самые крайние монархические убеждения. Впоследствии, уже в университете, он вступил в ряды Союза Михаила Архангела, пользующегося репутацией «черносотенного». И потому велико было изумление тобольчан, когда они увидели этого молодого человека во главе отряда большевицких красногвардейцев.

Странный отряд, непонятные большевики, загадочные офицеры, сомнительный комиссар! Вопреки всем большевицким правилам, новая власть не произвела ни одного обыска, никого не арестовала и не расстреляла и не стала грабить «буржуев». Зачем же она явилась в Тобольск?

Установив кое-какие большевицкие учреждения, Дегтярев и его два помощника принялись за местный Совет, изменив совершенно его состав, вплоть до председателя Никольского, вместо которого был ими поставлен некий матрос Хохряков, появившийся неизвестно откуда, и о котором до сих пор никто ничего не слыхал. Однако большевизанствующая стража губернаторского дома относилась с подозрением к этим новопришельцам. Офицер Демьянов пытался несколько раз проникнуть к заключенным, но охрана его пропустила не дальше двора.

Но 31 марта внезапно въезжает в город новый, и на этот раз многочисленный, отряд красногвардейцев из Екатеринбурга под командой еврея Заславского. Тотчас по приезде Заславский занялся специально травлей Царской Семьи; он убеждал солдат требовать заключения Узников в городскую тюрьму, под предлогом того, что губернаторский дом недостаточно охранен от налета монархистов. «Пленников хотят спасти, — кричал он, — под домом уже вырыты тайные ходы».

Смущенный Совет вызвал Кобылинского. Произошел спор, в котором Кобылинский одержал, однако, победу, заявив, что в случае перевода Царской Семьи в тюрьму страже придется также туда перебраться. Перспектива покинуть удобные свои помещения для тюрьмы не улыбалась избалованным солдатам, и вопрос этот был оставлен. Следует отметить, что в споре этом, в котором Кобылинский отстаивал интересы и надежды Монархов на освобождение, он нашел горячую поддержку у омских большевиков; Демьянов предложил даже содействие штыков своего отряда, в случае если бы Заславский заартачился.

В то время как представители омских и екатеринбургских большевиков оспаривали друг у друга Царскую Семью, Москва продолжала проявлять к этому вопросу полную пассивность. Дуцман и Демьянов уехали обратно в Омск; Дегтярев, объявивший себя комиссаром юстиции, остался здесь один из этого трио.

А в Тобольске все ждали представителя центра; самые фантастические слухи начали ходить по этому поводу; говорили, что Москва пошлет одного из самых видных вождей... Троцкого, быть может?

Наконец, 9 апреля под вечер, появился столь долгожданный комиссар.

Это был стройный и крепкий на вид человек, лет тридцати, со смуглым энергичным лицом. Говорил он властно и даже резко, но речь его носила отпечаток хорошего воспитания, и даже руки

его, длинные, с тонкими пальцами и, главное, чистые, были далеко не «товарищеские», а явно буржуйские. Человек этот, одетый матросом, назвал себя Василием Васильевичем Яковлевым, чрезвычайным комиссаром из Москвы. Кем он был раньше, откуда он появился? На эти вопросы Яковлев отвечал с большой, даже слишком большой готовностью, сообщая чрезвычайно много подробностей о себе. Родился он в Уфе, потом жил в Финляндии, был приговорен к повешению за что-то революционное, бежал, побывал в Швейцарии и Германии и т. д. Что во всем этом было правдой, что принадлежало воображению рассказчика, об этом в то время никто вопроса себе не задавал. Чрезвычайный комиссар привез с собой нечто вроде помощника, довольно ничтожного парня по фамилии Авдеев, телеграфиста и отряд молодых солдат. Документы, которые он предъявил, были не только в полном порядке, но за подписью всесильного Свердлова, облекали его чрезвычайными полномочиями и угрожали смертью всякому, кто позволил бы себе не подчиниться приказаниям этого большевицкого проконсула.

На другой день после своего приезда Яковлев велел собрать солдат охраны и обратился к ним с весьма ловкой речью. Он начал с заявления о том, что привез деньги для выдачи дополнительного жалованья, о котором солдаты столь тревожились. Потом он вытащил из кармана свои документы и стал их читать вслух. Вид казенных печатей особенно сильно повлиял на слушателей, но все же в воздухе чувствовалось некоторое опасение, некоторая тревога. Яковлев это заметил, тотчас же вернулся к приятной теме о жаловании, обещал солдатам скорое возвращение на родину, словом совершенно рассеял в них всякую тень недоверия. Но Заславский был начеку; на следующий же день он прибежал на новое собрание охраны, созванное Яковлевым, рассчитывая повернуть настроение солдат. Ему сразу же не повезло; омский представитель Дегтярев обрушился на него с обличительной речью, обвиняя его в распространении ложных слухов, в обмане солдат, в двойной игре. Заславский пытался оправдываться, но был принужден бежать под свистки и улюлюканье солдат. Таким образом, Яковлев избавился от своего опасного врага.

Но здесь возникает вопрос: какую цель преследовал Дегтярев, оказывая эту услугу Яковлеву, которого он не знал, и намерения которого ему были, будто бы, неизвестны? К этому в тот же день прибавилось и другое, столь же загадочное, обстоятель-

ство. Несколько солдат, подозрения которых насчет Яковлева еще не окончательно рассеялись, отправились за советом к новому председателю Совета, матросу Хохрякову; напомним, что эта неизвестная личность была поставлена на председательский пост начальниками омского отряда. И вот, Хохряков, в ответ на сомнения, изложенные ему солдатами, заявляет, что он ручается за Яковлева, которого он, будто бы, отлично знает, как одного из виднейших революционеров Урала.

Этот ряд обстоятельств вызвал подозрение у Кобылинского. Он начал смутно догадываться, что Яковлев подготавливает какой-то план, благоприятный для Царской Семьи, и что он находит поддержку у «большевиков», приехавших из Омска. Но каков был этот план? Скоро и это стало известным.

Новый комиссар не проявлял большого интереса к Заключенным. Во время своего посещения губернаторского дома он остановился дольше лишь у кровати больного Наследника. Это нездоровье Алексея Николаевича, казалось, его озабочивало больше всего. Яковлев возвращался несколько раз, был принят Государем и Императрицей, но интересовался только больным ребенком. После одного из таких посещений он заперся на телеграфе со своим телеграфистом и имел долгий разговор с Москвой.

Наконец, вечером 11 апреля Яковлев открыл свои карты; он заявил страже, что приехал за Царской Семьей. Кобылинский, которому он также сообщил об этом, начал горячо протестовать. «Это невозможно, — сказал он, — что вы сделаете с Наследником, вы же знаете, что Он слишком болен, чтобы ехать».

«В этом, конечно, и есть затруднение, — ответил Яковлев с нерешительностью, — я об этом имел разговор по телеграфу с Центральным Комитетом и получил приказание увезти Государя, оставив Царскую Семью в Тобольске. Таким образом, придется уезжать завтра же».

Яковлев просил у Государя личного свидания; Императрица настояла, чтобы на нем присутствовать; Она, как будто, опасалась оставлять Государя наедине с московским посланцем и высокомерно заявила Яковлеву, что Она останется.

«Хорошо, — согласился Яковлев и тотчас же начал официальным тоном: — гражданин Романов, Советом народных комиссаров мне поручено перевезти Вас из Тобольска. Ваш Сын болен, Он может остаться здесь со всей Вашей Семьей, Вы, значит, уедете один».

Наступило тягостное молчание. Потом Государь, преодолев волнение, спросил спокойным голосом:

«А куда меня перевозят?»

Яковлев ответил, что это ему самому неизвестно, и что соответствующие распоряжения он получит уже во время пути. «Я желаю остаться с Семьей и не уеду», — сказал тогда Государь. Императрица не сдержала крика отчаяния:

«Что вы хотите сделать? Вы отрываете Его от больного Сына и от Семьи, это слишком жестоко».

Смущенный, взволнованный, Яковлев возразил тоном, в котором чувствовалась мольба:

«Я Вас умоляю согласиться. Я вынужден выполнить приказания, которые я получил. Если Вы откажетесь уехать, мне придется или применить силу, или отказаться от своей миссии. И тогда меня заменят, быть может, человеком менее добросовестным. Не бойтесь ничего, я отвечаю за Вашу безопасность. Если Вы не желаете уехать один, возьмите с собой тех лиц, которых Вы выберете. Будьте готовы к отъезду завтра в четыре часа утра»*.

И, сдерживая волнение, Яковлев вышел из комнаты. Наступили для Семьи часы тяжкого сомнения.

«Как вы думаете, куда собираются меня повезти?» — спросил Государь Кобылинского.

«По некоторым словам Яковлева я понял, что Вы, как будто, поедете в Москву».

«В таком случае, — воскликнул Государь с волнением, — это значит, что они хотят заставить Меня подписать Брест-Литовский договор. Скорее Я дам отрубить Себе руку».

«Я тоже поеду», — прибавила Императрица в сильной тревоге.

Государь вышел в сад, Императрица вернулась к Себе и велела позвать Жильяра. Воспитатель был поражен Ее растерянным и ужасно взволнованным видом. Никогда еще он не видел Ее в таком отчаянии, даже в Спале, когда Ее Сыну угрожала смерть, даже в Царском Селе в те страшные минуты, когда Она узнала об отречении Государя. Императрица металась по комнате, ломая руки, произнося отрывистые слова.

«Я не могу покинуть Государя в такие минуты, — говорила Она, — Я чувствую, что Его хотят заставить подписать что-то

---

*Разговор этот приведен по данным следственного материала Соколова и по рассказу Яковлева, помещенному в «Уральской жизни» (Русская Летопись. Кн. I. С. 150–153). Эти две версии несколько расходятся в подробностях.

под угрозой опасности для Его близких, оставшихся в Тобольске, как это сделали для Его отречения... Наверное, они хотят заставить Его подписать мир... Немцы должны это требовать, доверяя только Его подписи... Мой долг этого не допустить... Но Я не могу оставить Сына. Он слишком тяжело болен. Что с Ним станет без Меня?»*

И Императрица, которая обычно не могла стоять более нескольких минут на ногах, продолжала ходить в волнении, в страшном и нервном напряжении всех сил.

«Отъезд этот невозможен, — повторяла Она, — если необходимо чудо, Я уверена, что оно свершится».

«Но все же нам нужно принять какое-нибудь решение, на случай, если Папа0 пришлось бы уехать», — заметила Татьяна Николаевна, всегда сдержанная и благоразумная не по летам.

Жильяр поддержал мнение Великой Княжны, прибавив, что если Императрица решит сопровождать Государя, Она может быть вполне уверена, что все окружат Наследника Цесаревича самой внимательной заботой. Государыня молчала. Ее колебания, Ее жестокие сомнения продолжались.

«В первый раз в жизни Я не знаю, как поступить, — сказала Она в раздумье. — Господь всегда указывал Мне верный путь... но теперь Я не получаю никакого указания... что Я должна сделать?..» И вдруг Она воскликнула: «Я решила, Мой долг уехать с Ним, а вы позаботитесь об Алексее».

И, подойдя к входившему в эту минуту Государю, Императрица сказала Ему: «Я не пущу Тебя уехать одного, Я поеду с Тобой».

Во время этой трагической сцены больной Наследник, страдающий и взволнованный, ждал с нетерпением Свою Мать, которая должна была придти к Нему после завтрака. Часы проходили и тревога ребенка все увеличивалась. «Где Мама?» — не переставая спрашивал Он у Своего английского воспитателя Гиббса. Около четырех часов Императрица вошла, наконец, в Его комнату. Она казалась спокойной, но лицо Ее носило следы пролитых горьких слез.

Она нежно приласкала Сына и в нескольких словах сообщила Гиббсу о случившемся. Но моментами Она отворачивала лицо, чтобы ребенок не мог заметить слез, которых Она не в силах была удержать.

---

* Слова эти приведены П. Жильяром в двух, несколько различных версиях: в показаниях Соколову (Enquête judiciaire. P. 75), и в его книге «Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille». P. 218—219.

Был собран семейный совет с участием самых верных и преданных лиц.

Кто такой этот Яковлев? Он принес с собой отчаяние разлуки, а между тем внушал какое-то смутное доверие. «Он мне кажется искренним и честным», — сказал Государь. Но что же можно было предпринять? Сопротивляться отъезду, но каким образом? Здесь, в тобольской глуши, Пленники совершенно оторваны от міра; что происходит там, в столицах, какие ведутся переговоры? Обо всем этом нужно спросить у осведомленных лиц и тотчас же решают послать Кривошеину телеграмму, о которой говорилось выше. Но каков бы ни был ответ, нет сомнения, что пока придется уступить или Яковлеву, или же, не дай Бог, другому комиссару, заядлому большевику на этот раз. И после тревожного обсуждения всех возможностей и опасностей решают, наконец, что Государь, Императрица и Мария Николаевна уедут в сопровождении князя Долгорукова, доктора Боткина, камеристки Демидовой и лакеев Чемодурова и Седнева. Остальная часть Семьи и штата останется в Тобольске до выздоровления Алексея Николаевича.

Вечером, в десять часов, подают чай. Жильяр оставил нам описание этого последнего вечера Монархов в Тобольске: «Императрица сидит на диване, с Ней рядом две Ее Дочери. Они так много плакали, что лица Их опухли от слез. Каждый из нас скрывает свое горе и старается казаться спокойным. У нас такое чувство, что если кто-нибудь не сдержится, то и всех увлечет за собою в бездну отчаяния. Государь и Императрица сосредоточены и молчаливы. Чувствуется, что Они готовы ко всяким жертвам, пожертвовать даже и Своею жизнью, если Господь Бог, в неисповедимых путях Своих, потребует того для спасения Их Родины. Никогда Они не проявляли к нам большей милости и заботы. Это великое и ясное спокойствие, эта чудесная вера, Их вера, захватывают и нас. В половине двенадцатого прислуга собирается в зале. Их Величества и Мария Николаевна с ними прощаются. Государь обнимает мужчин, Императрица целует женщин. Почти все рыдают»*.

На другой день, 13 апреля, в половине четвертого утра подают экипажи; ужасные, тряские тарантасы без рессор и сидений. В тарантасы бросают немного соломы, а для Императрицы кладут матрац.

Несчастные Родители идут прощаться с Своим больным ребенком.

* *Gilliard P.* Le tragique destin de Nicolas II et de Sa Famille. P. 220–221.

Сколько раз смерть, как черная тень, подходила к этому хрупкому и бледному Мальчику, жизнь которого зависела от всякой неосторожности, от ушиба, от слишком резкого движения! Никогда, от самого Его рождения, не оставляли Его ни на минуту Родители, следя с тревожной заботой за малейшими Его недомоганиями, каждое из которых могло оказаться роковым. А теперь Им приходится покинуть Его больного, страдающего, рыдающего от горя в Своей постельке. Увидят ли Они Его когда-нибудь? Не на вечную ли разлуку обрекает Их безжалостная судьба? И что станется тогда с несчастным сиротой, с маленьким Наследником в руках большевицких палачей?

То, что несчастные Отец и Мать сказали Своему ребенку в эти минуты разлуки, никто никогда не узнает. Никто не должен этого узнать. Это тайна, которую Они унесли с Собою в могилу.

Яковлеву не без труда удалось убедить стражу согласиться на почти тайный увоз Монархов. С помощью Кобылинского он, наконец, заставил солдат подчиниться, но, вместе с тем, он сделал огромную, непростительную ошибку, согласившись оставить часть своего отряда в Тобольске. Впоследствии ему пришлось горько об этом сожалеть. Со своей стороны, стража нарядила шесть человек для сопровождения Пленников; среди них двое были вполне преданы Кобылинскому и потом держали его в курсе всех подробностей путешествия.

В четыре часа утра отъезжающие выходят на крыльцо. Яковлев ждет уже их около экипажей. Его несколько сдержанное обращение исчезло, как ненужная маска. Он проявляет чрезвычайное почтение к Монарху, обращаясь к Государю не иначе, как отдавая честь, согласно военной дисциплине. Заметив, что на Государе надета простая солдатская шинель, он приказывает принести шубу, которую и кладут в тарантас. Однако Яковлев противится желанию Императрицы сесть в экипаж Государя и сам помещается с Ним. Очевидно, он имеет в виду говорить с Государем о том, чего другие, и даже Императрица, не должны были знать.

Наконец, дают знак к отъезду. Отряд из пяти всадников открывает шествие, за ним едут две телеги, полные солдат, а одна даже с пулеметом. Следуют засим экипажи Государя, Императрицы, с Которой едет вместе Великая Княжна Мария Николаевна, лиц штата, опять четыре телеги с солдатами и, наконец, другой кавалерийский отряд замыкает обоз.

Телеги громыхают по мостовой, а на крыльце долго еще остаются три стройные фигуры, следя взором за удаляющимся обозом; затем, одна за другой, они входят обратно в дом.

Это три Великие Княжны, которые, горько рыдая, в первый раз в жизни чувствуют себя одинокими и покинутыми.

Яковлев увозит Пленников в Тюмень, где Они должны пересесть на поезд.

А в Тюмени находятся в это время маленький Марков с своим эскадроном, Соловьев и Седов; они все ждут случая действовать. Теперь случай приближается к ним с каждым оборотом колес Царского обоза.

Эта безконечная дорога по сибирской весенней распутице является истинным мучением для Путешественников. Первые тридцать верст едут шагом; несколько раз приходится даже сходить с экипажей и идти за ними пешком, так как колеса утопают в непролазной грязи. Императрица, больная, безмолвно переносит Свои страдания; зато доктор Боткин, у которого жестокая тряска вызвала острый приступ болезни почек, лежит на дне телеги и громко стонет от боли.

Реки еще покрыты тающим льдом, который может каждую минуту податься под тяжестью экипажей. Тобол переходят пешком, но, чтобы переправиться через Иршан, приходится сесть в тарантасы, так как лед уже покрыт водой, в которую лошади уходят по грудь.

Впоследствии комиссар Яковлев поместил в «Уральской жизни» коротенькое описание этого путешествия. В статье этой он заметно избегает говорить, хотя бы намеками, о настоящих своих намерениях. Он обходит также молчанием то, что, без сомнения, составляло суть его знаменательной беседы с Государем. И все же, даже в таком сокращенном и обезцвеченном виде, строки, которые этот посланец Москвы посвящает Государю, являются чрезвычайно показательными:

«Проезжая мимо церквей, Государь всегда снимал шапку и набожно крестился. Я вынес впечатление, что Он человек добрый, глубоко верующий и религиозный, действительно любит Свою Семью и о Ней заботится. Держал Он Себя, как всегда, просто и кротко. Говорил со мной о жизни простого народа и, видимо, искренно и сердечно к нему относился... Всю дорогу Александра Феодоровна сидела молча, ни с кем не разговаривала и держала себя гордо и неприступно, в то время как Государь был приветлив и разговорчив. Меня поражала незлобивость этих людей. Они ни

на кого не жаловались...» Так большевики не пишут, так настоящий советский комиссар не отзывается о Монархах.

Во время пути Яковлев проявляет странное безпокойство; он все время торопит обоз, насколько это возможно по состоянию дороги. На почтовых станциях задерживаются ровно столько, сколько это требуется для перепряжки лошадей. На одной из таких станций, на полпути от Тюмени, с встречного тарантаса сходит довольно оборванный пассажир. Увидав обоз, Государя, Императрицу, — он останавливается пораженный. Императрица бросает на него пристальный взор и вздрагивает: Она узнает в этом лохматом человеке капитана Седова, офицера, посланного «тетушкой Иветтой». Что он здесь делает, в этом медвежьем углу? Послан ли он на разведку? предвещает ли он какую-то надежду? Нет, Седов действует на свой страх; он ничего не знает ни о Яковлеве, ни о судьбе Царской Семьи. Оставшись без всяких указаний и даже сведений о своем шефе, он решил поехать в Тобольск, узнать что-нибудь о Монархах. И вдруг эта неожиданная встреча! В тревоге он продолжает свой путь, узнает в Тобольске о том, что произошло, и возвращается немедля в Тюмень.

На последней станции, в двадцати верстах от Тюмени, появляется отряд кавалерии, посланный для сопровождения обоза до города. Кавалеристы эти принадлежат к эскадрону Маркова, но на этот раз командует ими другой офицер, Пермяков. Где же поручик Марков? Он сидит в тюрьме, куда его бросили дней десять назад под первым попавшимся предлогом. Впоследствии, когда Царственные Узники оказались под крепкой охраной екатеринбургских тюремщиков, молодого офицера освободили с извинениями. Ему даже вернули командование его эскадроном. Что это, странное совпадение или действие невидимой и таинственной власти, которая передвигала по своему усмотрению, как шахматные фигуры, Государя, Императрицу, Яковлева, даже самых мелких пешек, Маркова и Седова?

За несколько дней перед этим комиссар Яковлев послал своего помощника Авдеева в Тюмень, чтобы приготовить специальный поезд. Поезд этот, состоявший из одного вагона первого класса и трех вагонов третьего, ожидал уже путников, которые и приехали в Тюмень вечером 14 апреля. Здесь Яковлев узнает, что екатеринбургские рабочие большевики заняли станцию Поклевскую и решили задержать там поезд. Тем не менее он при-

казывает ехать, в надежде как-нибудь проскочить. Но во время пути известие это подтверждается; осторожнее было бы не упорствовать и проехать кругом, через Омск. Поезд возвращается в Тюмень и, не задерживаясь, катит по дороге в Омск, откуда Яковлев рассчитывает направиться в Москву, объехав Екатеринбург. Но какая-то роковая судьба разрушает все его планы. В Куломзине, последней станции до Омска, путь закрыт красногвардейцами, которые отказываются пропустить Пленников. Отряд этот, как выяснилось впоследствии, был послан из Омска по телеграфному требованию начальника екатеринбургской красной гвардии.

Что же могло произойти за эти сорок восемь часов, чтобы столь круто изменилось поведение омской администрации? Необходимо немедленно же это выяснить, и Яковлев, на отцепленном паровозе, несется на всех парах в Омск, оставив поезд в Куломзине.

Тотчас же по приезде он сносится по прямому проводу с Москвой и получает оттуда приказание отправиться с Пленниками в Екатеринбург. Яковлев удивлен, встревожен, обезпокоен этим загадочным распоряжением: но что он может сделать, как не подчиниться? Итак, он возвращается в Куломзино и отводит поезд в Тюмень для направления его на Екатеринбург. Он все же надеется проехать этот город без особой задержки; ведь у него в кармане полномочия за подписью Свердлова. И если придется поспорить с Екатеринбургским советом рабочих и солдатских депутатов, чтобы выполнить свою миссию, он сумеет отстоять свои права.

Глава V

ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ТРАГЕДИЯ*

1. Черная шайка

Огромная Российская Империя, эта «Евразия», великая, как целый материк, обладает не только плодородной почвой, но и лежащими почти на поверхности земли неисчислимыми богатствами в минералах, нефти и драгоценных металлах.

А между тем равнины, простирающиеся на тысячи верст по обе стороны Уральских гор, поля, леса, степи, покрытые пестрым ковром диких трав, черноземные украинские поля, — населены почти исключительно хлебопашцами. Фабричные центры малочисленны, рабочее население растворяется в океане стомиллионного крестьянства, крепко привязанного к своей земле, вере и традициям.

Здесь, в этих затерянных деревнях, революционная пропаганда безсильна. Можно поднять мужика против соседнего помещика, можно соблазнить его разделом господских земель, но Царя трогать нельзя. Мужицкий гнев обрушится на того, кто отзовется дурно о Помазаннике Божьем. Революционерам всех оттенков издавна была известна эта психология русского крестьянина, которого они глубоко презирали, как презирают и не-

---

* Екатеринбургское убийство было предметом многих исследований и отдельных работ и статей. Главными источниками, заслуживающими полного доверия, нужно считать не раз упоминаемую здесь прекрасную книгу судебного следователя Н. А. Соколова, «Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe», переведенную также на русский язык; книгу ген. М. К. Дитерихса «Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале»; П. Жильяра «Le tragique destin de Nicolas II et Sa Famille»; Р. Вильтона «Les derniers jours de Romanoff». Большевики за подписью Быкова также опубликовали свое признание «Последние дни последнего Царя».

Целый ряд других книг, появившихся по этому вопросу, или затрагивающих его, не вносят, по большей части, ничего нового, а нередко искажают самые события, по невежеству или же с определенной агитационной целью. Так, книга Лази «La tragédie sibérienne» составлена для оправдания генерала Жанена, как известно, выдавшего адмирала Колчака; в той части книги, в которой говорится о цареубийстве, автор старается доказать, что Царская Семья была не расстреляна, а спасена. Совершенно в другом роде составлена книга проф. В. Сперанского «La Maison à destination speciale», представляющая, будто бы, расследование автора и некоего Евгения Платоновича Н.., произведенное в самом Екатеринбурге. Эта беззастенчивая хлестаковщина полна грубых ошибок, и, под видом возмущения екатеринбургским кровавым преступлением, сводится к лицемерному обвинению Государя, к оправданию Его убийц и, главным образом, евреев.

навидят теперь его большевики. Поэтому самые хитрые и ловкие из бунтовщиков, как Пугачев, а потом и народовольцы, придумали поднимать крестьянские восстания во имя Самого Царя. Но крестьянская масса совершенно не поддавалась никакой демагогии, ничему, что могло бы поколебать ее верования, и не мечтала о торжестве социализма.

Русский рабочий, наоборот, человек безпочвенный, порвавший со старыми устоями и не приобретший ни умственных, ни моральных новых ценностей; если в столицах — Петрограде и Москве, рабочий, соприкасаясь с более безпокойной городской жизнью, дозревает до примитивного социализма, то в маленьких провинциальных центрах он пребывает в грубом и сером невежестве и при такой душевной и умственной пустоте легко поддается пропаганде ненависти и низменной зависти.

Пропаганда эта нигде не велась так деятельно, как в Сибири. Этот классический край ссылки обратился мало-помалу в нечто вроде обязательного стажа для каждого чистопробного революционера.

Распущенность, попустительство и русское «ничего» провинциальной администрации всячески облегчали ссыльным возможность побега, чем они широко и пользовались. В биографии революционных вождей поражает та развязная непринужденность, с которой Троцкие, Свердловы и Сталины расставались с жандармами «охранки», как только сибирский климат переставал им нравиться. Однако в течение нескольких месяцев или нескольких лет их пребывания эти безпокойные люди все же успевали посеять вокруг себя семена ненависти, которые взошли потом кровавой нивой большевизма.

Впрочем, почва там была уже хорошо подготовлена. В Сибирь издавна отправляли целые партии уголовных, которые, по отбытии наказания, обосновывались в городах и деревнях и приносили с собой туда свои жестокие нравы, свое презрение к добру и злу, свою жажду наслаждений. Другие, беглые каторжане, наполняли страну слухами о своих разбоях, превращенных в подвиги народным воображением, всегда склонным к чудесному. В такой преступной атмосфере человеческая жизнь страшно обесценивалась и пролитая кровь производила впечатление очередного мелкого происшествия.

В Сибири ярче всего и проявилась та тесная связь между каторжанами и коммунистами, которая составляет самую сущность большевизма.

Екатеринбург, уездный город Пермской губернии, был центром одного из тех промышленных районов, где разбросанные по сибирской тайге заводы являются рассадниками революции, свалочным местом, куда деревни отсылают свои отбросы.

Таким образом, при первой же мартовской революции Екатеринбург приобретает совершенно исключительное значение, а при торжестве большевизма — привлекает особое внимание московских правителей, которые и спешат послать туда своих самых верных агентов.

Во время переезда Царской Семьи Екатеринбургский уезд управлялся Уральским совдепом, главарям которого суждено было сыграть первенствующую роль в готовящейся кровавой трагедии.

Председатель совета и его исполнительного комитета Белобородов, молодой, худой, бледный рабочий, был типичнейший большевицкий хулиган, для которого вся идея социализма сводится к словам, брошенным Лениным низким инстинктам толпы: «Грабь награбленное!» — награбленное, конечно, «буржуями», объявленными вне закона советским законодательством.

К несчастью для него, Белобородов не ограничился ограблением буржуев. Немедленно вслед за своим избранием он присвоил себе те 30 000 рублей, которые оказались в комитетской кассе. Изобличенный двумя другими членами комитета, Сафаровым и Голощекиным, он, под угрозою раскрытия дела, принужден был обратиться в их послушного слугу и выполнять все их приказания.

Сафаров, один из «надежд партии», принадлежал сам к той буржуазии, о разгроме которой он мечтал. Впрочем, под этой маской, сморщенной и порочной, никогда не таилось высокой, хотя бы и ошибочной, идеи, никакого порыва политического фанатизма. Толкнула Сафарова в лагерь бунтарей простая трусость: он дезертировал во время мобилизации, перешел границу и в один прекрасный день очутился в Швейцарии, где Ленин и завербовал его. И, таким образом, после революции 1917 года попал он в ту банду, которую будущий большевицкий диктатор триумфально привез с собой в Россию в знаменитых запломбированных вагонах.

Но настоящим главарем черной екатеринбургской шайки был еврей Шая Голощекин. Как большинство крупных большевиков, Голощекин не имел ничего общего с пролетариатом, интересы которого он взялся защищать. Мелкий невельский мещанин, этот

будущий революционер начал свою карьеру крайне мирно: по получении аттестата зрелости он обучался в рижской зубоврачебной школе и, казалось, был предназначен судьбою безболезненно извлекать зубы своих сограждан. Каким образом обратился он в жестокого большевика? Все, что мы знаем об этом инкубационном периоде деятельности Голощекина, он же «Филипп», он же «Борис Иванов» — это ряд арестов, сопровождавшихся неизменно побегами; настоящая игра в прятки с охраной и правосудием, игра, из которой он всегда выходил победителем.

Во время одного из своих сидений, Голощекин сдружился с единоверцем, евреем Янкелем Свердловым; после октябрьского переворота Свердлов, ставший председателем центрального исполкома, послал Голощекина в Екатеринбург в качестве военного комиссара.

В действительности должность эта являлась почти диктаторской, тем более, что бывший зубной врач непосредственно получал инструкции по прямому проводу от самого могущественного председателя Центрального Комитета.

Голощекин принадлежал весь патологии; ничего человеческого не оставалось в этой темной душе, охваченной садистскими инстинктами крови и убийства и паническим страхом за свою жизнь. Скрывшись за стенами чека, он невидимо руководил расстрелами «заложников», всю ужасную нравственную ответственность за которые несли целиком его безгласные подчиненные. Содрогаясь в садистских конвульсиях, пугавших самих палачей, он выслушивал донесения о пытках, совершенных по его приказу, выспрашивая их ужасные подробности.

Этот поставщик чека обладал лицом Иуды-предателя, каким его изображали великие итальянские мастера Чинквеченто: окаймленное клочьями курчавых рыжеватых волос искаженное лицо с клиновидной мефистофельской бородкой, бегающие фальшивые глаза, рот, искривленный злобной усмешкой.

И, наконец, сам цареубийца, тот, чье имя будет произноситься с ужасом в последней избе самой затерянной деревни огромной России: Янкель Юровский.

В середине прошлого века жил в Полтаве бедный еврей, Ицек Юровский, которому на старости лет причинил большое горе старший его сын Хаим. Мальчишку поймали с поличным, накрыв его во время налета со взломом, за что он поплатился ссылкою в Сибирь. Там Хаиму Юровскому, благодаря присущей его расе гибкости ума и инициативе, удалось вскоре стать гражда-

нином города Каинска, а затем он со всей семьей перебрался в Томск, столицу Западной Сибири.

За эти годы Хаим Юровский успел жениться на Эсфири Варшавской; сам сатана благословил их брак; шесть сыновей: Моисей, Пейсах, Янкель, Борух, Еле-Мейер и Лейба и дочь Перль закишели вокруг бывшего взломщика, который, отрастив патриархальную бороду, стал похож на почтенного отставного раввина. Янкель, родившийся в 1878 году, учился некоторое время в еврейской школе «Талматейро»; ленивый и неспособный, он бросил школу и поступил подмастерьем к часовщику еврею Перману в Томске.

Затем, после многочисленных приключений, он открыл сам часовой магазин, удачно повел дело и женился на разведенной еврейке Мане Янкелевне, от которой имел сына.

В какое время этот часовщик примкнул к революционной партии, мы не знаем. Известно только, что в 1905 году он съездил в Берлин и вернулся оттуда лютеранином, снабженным деньгами и говорящим по-немецки. Кое-какие неприятности с полицией заставляют его исчезнуть на некоторое время; пробыв недолго на юге, в Екатеринодаре, он возвращается в Томск, но оттуда, как неблагонадежного, его высылают в Екатеринбург. Вечно суетливый, он открывает там фотографическую мастерскую, которой и занимается до самой войны. Призванный в пермскую дружину, он, чтобы не попасть на фронт, умудряется поступить в фельдшерскую школу, по окончании которой прикомандировывается к одному из екатеринбургских лазаретов.

Янкель Юровский жаден, жесток и сластолюбив, он терроризует своих братьев, вытягивая от них деньги, в которых они не смеют ему отказать.

«Янкель был характера вспыльчивого и упрямого. Он любил угнетать людей», — говорит о нем его брат Лейба, а его невестка прибавляет: «Это был эксплуататор. Он эксплуатировал моего мужа, своего брата».

Как только первые известия о февральской революции достигли до Екатеринбурга, Юровский, очертя голову, бросился в самую необузданную демагогию; он повел пропаганду среди солдат, подстрекая их на убийство офицеров и обращая на себя внимание своими зажигательными речами; а после бегства Временного правительства Юровский сразу сделался видным лицом в Екатеринбурге, был избран членом местного совета, потом комиссаром юстиции.

Наружность этого еврея ничем не изобличала его расу: в молодости у него резкие черты лица, тяжелая нижняя челюсть, глубоко посаженные глаза, густые сросшиеся на переносице брови, широкий круглый нос, как у русского мужика, закрученные усы и черные подстриженные бобриком волосы; носит сюртук, крахмальный воротничок и галстук, как почтенный купец. Но потом, сделавшись видным большевиком, Юровский, как истинный актер, превращает себя в сибирского разбойника: густая нестриженая борода, всклокоченные волосы, красная русская рубаха. Настоящий Стенька Разин с его воспетыми народной поэзией кровавыми подвигами.

Из этих четырех действующих лиц: Белобородов — ленивый, гулящий краснобай-рабочий; Сафаров — мещанин, трусливый и озлобленный; Голощекин и Юровский — евреи, человеконенавистники, безпощадные исполнители кровавых заветов талмуда. Этот большевицкий мір в миниатюре не был бы вполне завершен без пятого типа революционера: выродившегося, безнравственного, заносчивого и дерзкого интеллигента. Таким был Петр Войков, комиссар по продовольствию Уральской области.

Фигура жуткая, вся в глубоких тенях и пламенных красках, авантюрист, болтун, хвастун, игрок, карманщик; убийца, если нужно; писатель в моменты досуга, сластолюбец, грубый Дон-Жуан, резкий, злобный, глухой к чувству жалости, чести, патриотизма, дружбы — таков был человек, карьера которого, рожденная в убийстве, погибла в крови.

По окончании гимназии Войков уехал за границу; он скитался по міру, изучал медицину в Брюсселе, примкнул к социал-демократической партии... Затем следы его теряются и появляется он снова в Екатеринбурге уже в качестве большевицкого комиссара.

Таковы были те люди — те палачи, — в руках которых, по воле судьбы, оказалась Царская Семья.

2. Прибытие Пленников

Екатеринбург был город богатый, или, вернее, насчитывал немало богачей среди своих жителей. На Вознесенской соборной площади, самой высокой части города, против соборной паперти, на углу Вознесенского переулка, выстроен на полугоре богатый особняк. Дом этот принадлежал инженеру путей сообщения Николаю Николаевичу Ипатьеву, который и проживал в нем со своей семьей. 14 апреля к нему нежданно явился комис-

сар Жилинский с секретным ордером от местного совдепа о немедленном выселении владельца из его дома, «реквизированного со всей мебелью».

Перепуганное семейство Ипатьева уехало на другой же день, сдав «по описи» свое имущество чекистам.

Тотчас же деятельно приступили к работе по возведению вокруг дома высокого забора. Одновременно он был занят отрядом рабочих Сысертского завода во главе с неким Медведевым. Медведев, по профессии сапожник, дезертир во время войны, примкнул к большевизму при октябрьском перевороте; это был безчувственный зверь, способный на всякое темное дело.

Общая администрация дома, превращенного в тюрьму, находилась в руках слесаря Авдеева. «Это был яркий представитель отбросов рабочей среды, типичный митинговый крикун, крайне безтолковый, крайне невежественный, пьяница и вор», — говорит про него следователь Соколов. Такое же мнение об Авдееве выражает один из цареубийц, рабочий Якимов; он прибавляет только такую характерную в устах русского человека оценку: «у него была злая душа». Назначенный смотрителем дома Ипатьевых, Авдеев всячески хвастался перед рабочими, что он арестовал «Николая Кровавого», что власть теперь в его руках, и что он сведет их всех в дом и покажет Царя.

Человек пятьдесят рабочих, тщательно выбранных Авдеевым среди подонков Сысертского завода, образовали внутреннюю охрану тюрьмы; многие из них находились уже несколько раз под судом, как, например, некий Летемин, начавший свою революционную карьеру с четырехлетнего тюремного заключения за изнасилование малолетней.

Итак, все было приготовлено для встречи Царской Семьи — тюрьма, тюремщики и палачи.

17 апреля вечером Парфен Самохвалов, соединявший свою должность шофера при советском гараже с обязанностями палача, получил приказание подать к Ипатьевскому дому два автомобиля. В них сели четыре человека: Голощекин, Белобородов, Сафаров и Авдеев, которых он и повез на вокзал. Поезд только что прибыл. Из вагона первого класса вышли офицер с проседью в бороде, в военной шинели без погон, с Георгиевской ленточкой в петлице, пожилая женщина, строгого и величественного вида, и красивая, цветущая, молодая девушка.

Это были Государь, Императрица и Великая Княжна Мария Николаевна.

За ними следовали доктор Боткин, князь Долгоруков и несколько слуг. Всех их посадили в автомобили и быстро повезли.

Стояла северная весна, ясная и холодная; сумерки еще не наступили и небо светилось на закате. От вокзала до Ипатьевского дома было недалеко; как только автомобиль подъехал, Голощекин соскочил на землю и, делая жест рукой, с ядовитой улыбкой сказал: «Гражданин Романов, извольте войти».

Грохот моторов, шум и движение перед домом привлекли внимание любопытных. Прибежавшие крестьяне, бабы с добродушными, румяными лицами, бородатые лавочники в фуражках, босые мальчишки в пестрых рубашках, все мелкое местное население с удивлением и недоумением узнавало в этом пленнике, окруженном вооруженными солдатами, Царя всея Руси.

Струсив, Голощекин крикнул солдатам: «Чекисты! Чего вы смотрите?» И любопытные были разогнаны.

Государь, Императрица, Великая Княжна и лица Свиты медленно поднялись по входным ступенькам. Дверь захлопнулась за ними с глухим стуком, как крышка гроба.

И, правда, не в тюрьму, а в могилу привезены были эти жертвы, страшно изуродованные тела которых три месяца спустя, в жуткой ночной тиши, были вынесены убийцами, опьяневшими от вина, страха и крови.

Верный князь Долгоруков следовал за своим Государем; имел ли Голощекин какую-нибудь причину отделить его в этот момент от Царской Семьи? Но в ту минуту, когда князь готовился войти в дом, Голощекин остановил его, спросив имя, велел ему сесть в один из автомобилей и отправил его в городскую тюрьму.

Этот мелкий факт, на первый взгляд незначительный, мог повлечь за собой самые пагубные последствия; действительно князь Долгоруков имел на себе все деньги Царской Семьи, которая, таким образом, оставалась без всяких средств. Царские драгоценности, продать которые было нелегко, были поручены молодым Великим Княжнам; осторожно предупрежденные письмом камерфрау Демидовой, писавшей условным языком, они поспешно скрыли их, зашив в платья.

Что же произошло на станции в момент прибытия поезда?

Едва успев выйти из вагона, загадочный Яковлев подвергся яростному нападению комиссара Голощекина. Бывший дантист только что вернулся из Петрограда, снабженный точными инструкциями от председателя Совнаркома Свердлова. Правда, Яковлев тоже имел чрезвычайные полномочия и было очевидно,

что в этой борьбе за обладание Царской Семьей, оба лица эти являлись только исполнителями других более могущественных влияний, которые боролись между собою на советском Олимпе.

Яковлев совершил ошибку, оставив часть своего отряда в Тобольске; вследствие этого он не мог отразить неожиданное нападение Голощекина. Все же, после того, как Государя увезли, Яковлев напрягает все усилия, чтобы вырвать эту жертву из когтей екатеринбургской чека. Он бежит на заседание местного Совета; но тщетно предъявляет он свои полномочия, подписанные Свердловым, тщетно угрожает членам Совета громами и молниями Центрального Комитета, тщетно призывает к их чувствам повиновения и дисциплины, — он наталкивается на предвзятое решение, на каменную стену, на упрямство стада, знающего и боящегося только палки своего пастуха.

В отчаянии Яковлев видит, что рушатся результаты долгих, терпеливых усилий, надежд и преданности, и как раз в тот момент, когда, казалось бы, он уже достиг цели.

В то же время Совет дает распоряжение разоружить солдат тобольского отряда и посадить их в тюрьму. Ему очень бы хотелось сделать то же и с Яковлевым, в котором, под большевицкой маской, явно проглядывает контрреволюционер. Но печать Центрального Комитета и подпись Свердлова все же создают ему какую-то временную неприкосновенность. Как бы то ни было, это конец. Единственная возможность спасения — в Москве; там будет решена участь Государя.

Но с екатеринбургскими разбойниками надо быть осторожным, и Яковлев берет от них следующую расписку:

Рабочее и Крестьянское Правительство Российской Федеративной Республики Советов. Уральский Областной Совет Рабочих Крестьянских и Солдатских Депутатов. ПРЕЗИДИУМ № 1.	**Екатеринбург, 30 апреля 1918 г.** Уральский Областной Совет Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. РАСПИСКА.

1918 года апреля 30 дня, я нижеподписавшийся, Председатель Уральского Областного Совета Раб., Кр. и Солд. Депутатов Александр Георгиевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Ва-

силия Васильевича Яковлева доставленных им из г. Тобольска: 1) бывшего царя Николая Александровича Романова, 2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову, 3) бывш. вел. княжну Марию Николаевну Романову, для содержания их под стражей в г. Екатеринбурге.

А. БЕЛОБОРОДОВ.

Член Обл. Исполн. Комитета
Б. ДИДКОВСКИЙ.

Этот документ, написанный от руки на бланке местного Совета, помечен номером 1. Блестящее начало для большевицкой разбойной канцелярщины!

Вскоре после этого солдаты тобольского отряда были отпущены на волю и молодой телеграфист Яковлева, оставшийся в Тобольске, получил от своего начальника следующую телеграмму, помеченную Москвой:

«Собирайте отряд. Уезжайте. Полномочия я сдал. За последствия не отвечаю».

Последняя надежда Яковлева рухнула. Покинутый Москвой, он выходил побежденным из той страшной игры, ставкой которой был Император Всероссийский.

Дальнейшая судьба его загадочна. Удалось только выяснить, что зимой 1918 года Яковлев обратился к чешскому генералу Шепиху с просьбой принять его в ряды белых войск. Он указывал в этом прошении, что именно он увозил Государя из Тобольска.

Ему ответили согласием и он перешел к белым. Затем с ним происходит нечто странное. Яковлева арестовывают и отправляют в Омск в распоряжение военных властей. Ему не дают надежного караула и, вместо генерал-квартирмейстера штаба верховного главнокомандующего, он, по ошибке якобы конвоира, попадает к некоему полковнику Зайчеку.

Здесь он и исчезает. У Зайчека не оказалось впоследствии абсолютно никаких документов на Яковлева. Заметим, что Зайчек возглавлял в Омске контрразведку. Он — офицер австрийской армии, плохо говоривший по-русски — пришел в Сибирь в рядах чешских войск*.

Но все ли эти иностранные освободители Сибири шли сюда с жертвенной любовью к России и с ненавистью к большевикам?

---

* По некоторым сведениям, Яковлев погиб впоследствии в России при автомобильной катастрофе. [В действительности, как известно, был репрессирован в 1938 г.]

3. Тревожные дни

Между тем, в Тобольске жизнь Пленников протекала в тревоге и безпокойстве. Хотя от Великой Княжны Марии Николаевны была получена записка с первой остановки в пути и от Императрицы письмо из Тюмени, но с 13 до 19 апреля известий не было никаких. А Путешественники уже давно должны были приехать в Москву.

И вдруг 20 апреля, как гром среди ясного неба, приходит телеграмма: Государь и Императрица арестованы в Екатеринбурге.

Следующий день, 21 апреля, был канун Пасхи, Великого Праздника Воскресения Христова, совпадающего с весной и возрождением надежд.

В счастливые годы Великой России в полночь начинался колокольный звон; крестные ходы с иконами и хоругвями выходили из освещенных церквей, и тысячи верующих с зажженными свечами следовали за ними и радостно звучал гимн «Христос Воскресе».

Но в губернаторском доме в эту святую ночь плакали и грустили одинокие, несчастные Дети. День Пасхи весь прошел для Них в ожидании... Еще день, полный тревожной тоски... Наконец, 24 апреля приходит первое письмо из Екатеринбурга, письмо, полное затаенного отчаяния. На следующий день, 25 апреля, Они узнают подробности от солдат конвоя, возвратившихся в Тобольск; затем резкая перемена: Кобылинский удален, из Екатеринбурга за Царскими Детьми приезжает новый комиссар Родионов.

Наследник Алексей Николаевич чувствует Себя немного лучше, все же Он еще очень слаб. Но все равно, решено уезжать, так спешат Дети снова увидеть Родителей. В понедельник, 7 мая, в половине двенадцатого дня Царские Дети, оба воспитатели Жильяр и Гиббс, генерал Татищев, графиня Гендрикова, баронесса Буксгевден и прислуга садятся на пароход «Русь», тот самый, который привез Их в Тобольск. Транспорт этот сопровождает матрос Хохряков, тот таинственный незнакомец, которого омские большевики посадили председателем Тобольского совета. Заметим, кстати, что этот странный председатель, проводив Пленников до Екатеринбурга, счел свою миссию оконченной и никогда больше не возвращался в Тобольск.

9 мая утром приехали в Тюмень. Здесь Великие Княжны и Наследник сели в пассажирский вагон с генералом Татищевым,

графиней Гендриковой, баронессой Буксгевден и тремя другими лицами. Остальные были посажены в товарный вагон.

Поезд прибыл в Екатеринбург на другой день в два часа ночи; вагон отвели на запасный путь. Наступило туманное, серое утро, моросил мелкий дождь. Около девяти часов на пяти извозчиках приехали Белобородов и комиссары. Царские Дети спустились из вагона на грязный путь. Великая Княжна Татьяна Николаевна одной рукой с трудом тащила тяжелый чемодан, а другой несла Своего маленького бульдога. Матрос Нагорный подошел к Ней, желая Ей помочь, но стража грубо оттолкнула его.

Из всех лиц Свиты только Нагорный, лакеи Седнев и Трупп и повар Харитонов получили разрешение отправиться в Ипатьевский дом. Генерала Татищева, графиню Гендрикову, гофлектрису Шнейдер и лакея Волкова сразу увели в городскую тюрьму. Воспитатели Жильяр и Гиббс, доктор Деревенко и несколько слуг временно были оставлены на свободе.

Тобольские Пленники, конечно, не ожидали никакого сострадания, никакой справедливости от Своих новых тюремщиков. Но режим, которому Им пришлось подчиниться, превосходил самые Их мрачные опасения.

Тотчас по прибытии Государь и Императрица подверглись грубому обыску. Дидковский, тот самый, который скрепил расписку, выданную Яковлеву, вырвал из рук Императрицы ручной мешочек. Это был единственный раз, когда Государь на мгновение потерял самообладание. Он сказал с презрением: «До сих пор Я имел дело с приличными, воспитанными людьми».

Дидковский стал отвечать дерзостями, и Государь замолчал.

Ничего не было приготовлено для принятия Пленников. Кроватей не хватало и Великие Княжны спали на полу, на матрацах. Из ближайшей советской столовой Им приносили отвратительную, истинно «советскую» пищу. Но эти лишения не трогали Пленников; Русские Цари и Их Семьи даже во времена блеска Императорского Двора всегда отличались простотою Своих вкусов и привычек. Александр II спал на походной кровати в Своем рабочем кабинете; Александр III любил борщ и черную кашу, а Николай II жил жизнью солдата.

Однажды, когда во время путешествия дворцовый комендант Воейков извинялся за импровизированный завтрак, Государь ответил ему с улыбкой: «Ничего, вы же знаете, что была бы лишь чашка чая с хлебом, и Я доволен».

Видя, что тяжелая обстановка не может смутить их жертвы, большевицкие тюремщики измышляли для Них другие, ежечасные моральные пытки. Во всех углах дома были поставлены караульные, которые следили за каждым движением Пленников; солдатня эта покрывала стены неприличными рисунками, глумясь над Императрицей и Великими Княжнами.

За стол садились все вместе: Царская Семья, Свита и прислуга, таково было желание Государя, Который этим хотел показать, что перед равенством в несчастии нет более неравенств происхождения. Караульные присутствовали тут же, не снимая фуражек, курили, плевали и ругались скверными словами.

Однажды, когда подавали котлеты, комиссар Авдеев, расталкивая Государя и Императрицу, стал накладывать себе сам с блюда, и, беря обратно тарелку, толкнул локтем Государя прямо в лицо. Большею частью караульные несли свою службу в пьяном виде; раз Авдеев, напившись, даже скатился с лестницы, возвращаясь к себе после своей ежедневной проверки Царского помещения.

Советские тюремщики смотрели на Ипатьевский дом, как на свою добычу. Как опытные грабители, без излишней торопливости, Авдеев и его шайка с первых же дней принялись за расхищение Царских вещей. «Комендант», очевидно, присваивал себе львиную долю. Каждый день он сносил вниз по лестнице полные мешки, сгибаясь под их тяжестью. У дверей стояли автомобили, ожидавшие добычу. Таким образом, белье и одежда Царской Семьи исчезали постепенно из Ипатьевского дома, обращаясь в наряды каких-нибудь советских матрешек.

Преданные Нагорный и Седнев пробовали защищать Царское добро. Нагорный был огромный, широкоплечий богатырь с простой русской нежной душой. Он ходил за Наследником с раннего детства, ласкал и утешал Его в Его детских горестях, страдал за Него и за Его несчастных Родителей во время Его болезней, был безпомощным свидетелем отчаянной борьбы за спасение этой жизни, которая могла ежеминутно угаснуть, как слабый огонек. Для этого простого и преданного матроса Алексей Николаевич был, конечно, Наследник Престола, будущий Царь, Помазанник Божий, но также и бедный, больной ребенок, слабый и хрупкий, нуждающийся в защите и помощи. Нагорный выносил с невозмутимым спокойствием издевательства тюремщиков, пока дело не касалось Наследника, но тут его охватывал страшный гнев. Доходило и до бурных схваток.

Этот простой матрос, вышедший как и они, из народа, но оставшийся верным своему Государю, будил в стражниках какую-то тень заглохшего чувства — совести.

Воспитатели Жильяр и Гиббс и доктор Деревенко, которые находились на свободе, часто, под видом прогулки, проходили перед Ипатьевским домом, в надежде увидеть кого-нибудь из Пленников. Однажды необычное движение привлекло их внимание. Отряд вооруженных солдат и всадников окружал двух извозчиков. Воспитатели с тревогой узнали сидящего на первом извозчике, между двух красноармейцев, Седнева; Нагорный уже ступил на подножку второй пролетки и в это время, подняв голову, заметил стоящих в нескольких шагах от него трех неподвижных людей. Он пристально посмотрел на них, не выдав их ни одним движением. Этот взгляд был последним, немым прощальным приветом верного слуги друзьям своих господ.

Жильяр и Гиббс издали следили за извозчиками и видели, как они остановились перед тюрьмой.

Странная игра судьбы! В этой же тюрьме, крошечной точке на карте огромной России, томился «спаситель Родины», ярый демократ, для честолюбия которого было вырвано у Царя отречение — князь Львов, председатель того Временного правительства, которое должно было привести Россию к победе и к счастью и довело ее до большевизма.

И вот через год после торжества революции, по горькой иронии рока, в одном тюремном подвале очутились вместе и изменник своему Государю и оставшиеся верными Ему слуги...

В посвященной кн. Львову панегирической книге Т. И. Полнер наивно приводит рассказ самого Львова о его недостойном, позорном поведении в эти дни неволи. В то время, как Русский Царь с спокойным и кротким величием переносил оскорбления и издевательства своих тюремщиков, бывший председатель Временного правительства, «скрепя сердце, снимал шапку, *кланялся низко*, желал им счастья в новой жизни, и разговор завязывался»...

Царская Семья ждет Своей участи в Ипатьевском доме в молитве и с истинно христианским смирением, а князь Львов с восторгом рассказывает, как он варит в Екатеринбургской тюрьме щи, которые вышли наславу и получили наименование «премьерских щей». «Редко в жизни я ждал успеха своего дела с таким нетерпением, — признается кн. Львов. — Я до самого выхода из тюрьмы остался безспорно главным поваром и руководителем кухни... Я гордился этим и радовался».

И этого князя, с душою хама и с дарованиями повара, русское либеральное общество выдвинуло в вершители судьбы отечества!*

Лакей Чемодуров, больной старик, не вынес режима Ипатьевского дома. Большевики перевели его в тюремную больницу, где, к его счастью, о нем и позабыли.

Таким образом, быстро уменьшалось при Царской Семье количество людей, которые могли бы защитить, поддержать, может быть, спасти Ее.

Однако русские монархисты не теряли надежды спасти Царскую Семью. Видя полную безполезность предпринятых через союзников шагов, монархисты решили обратиться к немцам, которые в это время фактически были хозяевами в России.

После позорного Брест-Литовского мира, положившего конец попытке сопротивления большевиков немецким требованиям, Германия отправила в Москву посольство, ставшее центром политической жизни страны, куда являлись за приказаниями большевицкие вожди. При таких условиях освободить Царскую Семью Германия могла без всяких затруднений. Монархическая группа сенатора Д. Б. Нейдгарта, поддерживаемая бывшим председателем Совета министров А. Ф. Треповым, решила обратиться, через посредство бывшего обер-гофмаршала графа Бенкендорфа, к германскому послу графу Мирбаху.

В своем письме к графу Мирбаху граф Бенкендорф заявлял, что при настоящих обстоятельствах одни только немцы могли бы принять действительные меры для спасения Царской Семьи; в случае отказа с их стороны, они будут, или их сочтут, соучастниками преступления, которое русские монархисты заклеймят перед всем міром. Кроме того, было решено настаивать, чтобы граф Мирбах довел содержание этого письма до сведения императора Вильгельма, который, в случае какого-нибудь несчастия с Царской Семьей, таким образом тоже понес бы ответственность за это.

Письмо гр. Бенкендорфа было вручено послу 24 или 25 апреля, т. е. неделю спустя после прибытия Государя в Екатеринбург. Граф Мирбах принял делегатов весьма холодно и сделал им следующее заявление: «Все, что происходит в России, есть естественное и неизбежное следствие победы Германии. История повторяется: горе побежденным! В случае победы союзников, положение Германии было бы безспорно хуже, чем положение

* *Полнер Т. И.* Жизненный путь князя Георгия Евгениевича Львова.

России в настоящее время. В частности, участь Государя зависит исключительно от русского народа. Мы позаботимся только о безопасности немецких принцесс, находящихся в России».

Мирбах рано торжествовал победу. Месяц спустя он был убит в Москве; еще через год император Вильгельм бежал через голландскую границу, а германские делегаты подписывали в Версале тяжелый мир. «Горе побежденным!»

Но деятелям «старого режима» в Германии, очевидно, показалось слишком тяжело нести ту ответственность за попустительство кровавой Екатеринбургской трагедии, которую предрекал им гр. Бенкендорф.

В мае 1935 г. журнал «Берлинер Монатсхефт» напечатал статью советника Бранденбургско-Прусского архива Курта Ягова по вопросу о попытках, сделанных со стороны германского правительства к спасению Царской Семьи. Опубликование этих сведений являлось, однако, большой неосторожностью. Если до сих пор могли еще существовать у русских людей какие-либо иллюзии относительно благородства и рыцарства коронованных и не коронованных европейских правителей в вопросе об участи Русского Царя — то эти иллюзии совершенно рассеиваются при чтении очерка г. Ягова.

Автор заявляет без обиняков, что в намерения германского правительства отнюдь не входила забота о спасении Государя, ибо «каждая попытка в этом направлении была бы принята как контрреволюционная и только увеличивала бы опасность для самого Государя». Не знаешь, чему больше удивляться — лицемерию этой отговорки или наивности тех, кто ее придумал. Как только произошла Екатеринбургская бойня, все те, кто подвели жертвы под удары палачей, — все Львовы, Керенские, Милюковы, а также и бывшие правители Германии — тотчас заявили в один голос, что ими руководила только искренняя забота о безопасности Царя. Ради этой безопасности преступно заключили Его под стражу, ради безопасности без суда и обвинения сослали Его в Сибирь, ради безопасности предали Его большевикам и ради безопасности за Него отказались заступиться.

Низкие, преступные лицемеры! История не забудет проклятых ваших имен!

Из дальнейшего изложения г. Ягова мы узнаем о тех тягучих разговорах, которые вели с большевиками разные представители германского правительства. Речь шла о спасении «немецких» принцесс, под которыми подразумевалась и вся Царская Семья,

Императрица и Дети, как происходящие от немецкой принцессы. Но даже и в этих рамках, ни император Вильгельм, ни его министры и послы не проявили особой заботы.

И когда король Датский Христиан X обратился к Германскому императору с просьбой заступиться за Царственных Узников, в виду тревожных слухов, которые сообщал датский посланник в Москве — император Вильгельм II письмом от 17 марта (нового стиля) 1918 года в этом решительно отказал.

В Берлине статс-секретарь Кюльман ведет беседу с полпредом Иоффе, а в Москве граф Мирбах разговаривает с Радеком и Чичериным. Большевики нагличают невероятно. Иоффе нисколько не скрывает от германского министра, что «катастрофа (то есть убийство Царской Семьи) весьма вероятна». Что же на это отвечает статс-секретарь Кюльман? Он «стыдит» еврея-большевика, говоря, что такой исход «вызовет отвращение со стороны всего цивилизованного міра». Этим отвращением и ограничивается попытка Берлина. В Москве происходит то же: на вопросы графа Мирбаха Чичерин «отвечает вяло», а Радек лжет до такой степени очевидно и дерзко, что приходится видеть в лице посла или слабоумного или соучастника.

В конце июня (н. с.) большевики пускают ложный слух об убийстве Государя; потом следует нерешительное опровержение Иоффе в Берлине.

«Міровое общественное мнение возлагает ответственность за судьбу Императорской Семьи на советское правительство!» — заявляет ему Кюльман.

«Я сделаю все возможное, чтобы довести об этом вашем мнении до сведения моего правительства», — нагло отвечает Иоффе.

Но большевики вполне удовлетворены результатами своего «пробного шара». Они убедились, что особенно опасаться им со стороны Германии, а тем более «мірового общественного мнения» нечего, и с этого момента не только решена у них участь Царской Семьи, но происходит также крутой поворот в их отношении к немцам: они перестают их бояться. 6 июля гр. Мирбах падает сраженный пулей чекиста, а 29 июля та же участь постигает в Киеве фельдмаршала Эйхгорна.

4/17 июля происходит кровавая бойня в подвалах Ипатьевского дома; но на этот раз большевики об этом ужасном преступлении не кричат на весь мір. Советник посольства доктор Рицлер, заменявший гр. Мирбаха, все продолжает разговаривать, писать. 23 июля он доносит в Берлин, что заявление его отно-

сительно «немецких принцесс» было принято Чичериным «молча». На другой день он сообщает о полученном только что ответе Чичерина: «С принцессами ничего случиться не может, если они в чем-нибудь не окажутся виновными».

В то время как большевицкий комиссар произносил эти кощунственные слова, чистые души несчастных «виновных принцесс», зверски умученных советскими палачами, давно отошли от этого греховного, кровавого и преступного міра.

И немецких дипломатов морочат большевики еще два месяца, пока, наконец, 2/15 сентября Чичерин не заявляет консулу Гаушильду, что, по последним сведениям, Императрица и Ее Дети находятся в руках красноармейской части, отрезанной от армии при наступлении чехословаков.

Этим и заканчиваются все попытки германского правительства спасти «немецких принцесс».

Некоторые из участников этих «попыток», как мы видели, сами трагически погибли; некоторые — и среди них император Вильгельм — находятся в изгнании; другие отошли от политики и от дел или были выброшены за борт пробудившимся к жизни германским народом. Вероломство счастья им не принесло.

Вернемся теперь к попыткам русских монархистов. Н. Е. Марков не оставался бездеятельным. Как мы видели выше, ему удалось составить группу из восемнадцати офицеров, которые должны были отправиться в Екатеринбург, попытаться спасти Пленников.

Генерал Z., глава этого отряда, после разных перипетий, попал в руки большевиков и был расстрелян с двумя сыновьями, молодыми офицерами. Судьба остальных офицеров — участников отряда — неизвестна.

«Живы ли они или погибли — об этом когда-нибудь будет известно, но уже теперь можно и должно заявить: да, в России были монархисты, которые остались верными своему Государю до конца и пожертвовали жизнью для Его спасения». Пусть эта мысль, высказанная Н. Е. Марковым в виде надгробного слова своим товарищам-героям, будет некоторым оправданием в великом нашем грехе перед Царем.

Жизнь всегда берет свое. Шла жизнь и в Ипатьевском доме. Пленники вставали около девяти часов и пили чай с остатками черного хлеба. В три часа садились обедать за общим столом; в девять подавался легкий ужин, после которого ложились спать. Послеобеденное время Государь проводил за чтением; Импе-

ратрица тоже читала, вышивала или вязала; больной Наследник, когда Он мог двигаться, мастерил цепочки для Своих корабликов.

Во время разрешенных коротких прогулок в саду Государь сносил на руках Своего Сына вниз по ступенькам, Его сажали в кресло на колесах, которое возил Государь, одна из Великих Княжон или мальчик Седнев. Императрица не выходила никогда. Замкнутостью, молчанием и гордым видом Она внушала Своим тюремщикам уважение, смешанное со страхом. «Царица была, как по Ней заметно было, совсем на Него не похожая. Взгляд у Нее был строгий, фигура и манеры у Нее были, как у женщины гордой, важной... Мы думали, что Николай Александрович простой человек, а Она не простая и как есть похожа на Царицу», — говорил потом охранник Якимов.

В нижнем этаже дома было устроено караульное помещение. Грязь там стояла ужасная. Пьяные голоса все время горланили революционные или неприличные песни под аккомпанемент кулаков, стучащих по клавишам рояля. А сверху, точно с неба, доносились отдаленные звуки божественных напевов. То пели Пленники дивные, трогательные молитвы Литургии.

«Они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели Они Херувимскую песнь. Но пели Они и какую-то светскую песнь, слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни "Умер беднята в больнице военной"», — читаем мы в показании Якимова.

Царская Семья переносила оскорбления и лишения с кротостью и смирением, доступными лишь душам, уже отрекшимся от всего земного.

Маленький Наследник и Великие Княжны старались всеми силами утешать и поддержать Родителей в переносимых испытаниях, окружая Их любовью и нежностью.

Русскому человеку, даже самому безпутному, присуще чувство жалости. Его буйные порывы и даже преступления чередуются с жаждой покаяния, с молитвой и земными поклонами перед святыми иконами.

Видя эту тесно сплоченную Семью, переносившую с таким достоинством самые тяжелые испытания, хамье, составляющее караул Ипатьевского дома, начинало проникаться чувством сострадания, близким к раскаянию. Государя, Которого им представляли тираном и кровопийцей, они видели теперь в совершенно ином свете. «Царь был уже немолодой. В бороде у Него

пошла седина. Глаза у Него были хорошие и добрые. Вообще Он на меня производил впечатление, как человек добрый, простой, откровенный, разговорчивый». Так отзывался тюремщик Якимов и другие его товарищи.

Кроме того, иная еще мысль зрела в их умах. Этот человек, виновен Он или невиновен, был Царь, Самодержец Всея Руси, представитель всего русского народа, и судить Его не имел права никто.

И мало-помалу революционные песни стали звучать реже, к Царственным Пленникам начали относиться с жалостью и уважением.

Царь всегда любил простой народ, что Ему и ставилось в вину петербургскими салонами. Эти мужики, наряженные красноармейцами, казались Ему большими, сбитыми с толка, детьми, озорными школьниками.

Во время прогулки Государь обращался иногда к кому-нибудь из стражи... просто несколько незначительных слов о погоде.., но Его добрые серые глаза смотрели на Своего тюремщика, который, смущенный, отступал, не зная, что ответить.

Такие встречи производили глубокое впечатление на этих случайных большевиков, на этих легкомысленных, впечатлительных, примитивных людей. И совесть подсказывала им: «Это несчастные. Их надо спасти».

У Царской Семьи оставались в России верные подданные, которые думали о Них и старались облегчить Их судьбу. Одним из самых преданных было семейство Толстых. В мае месяце Толстые послали в Екатеринбург верного человека, некоего Ивана Ивановича Сидорова, чтобы справиться на месте о судьбе Царя. Сидоров вошел в сношение с доктором Деревенко, который рассказал ему, в каких тяжелых условиях содержалась Царская Семья. Нужно было доставить Пленникам, лишенным самого необходимого, хотя бы какое-нибудь продовольствие, какое-нибудь улучшение в пище. И, как ни странно, Сидоров и Деревенко решили обратиться за содействием в этом деле к монахиням соседнего монастыря. Ярые коммунисты, охранявшие Ипатьевский дом, не посмели тронуть этих отошедших от света женщин. Комендант Авдеев воздерживался от богохульства, когда, как черные тени, появлялись монахини, неся молоко, яйца, масло и хлеб для Пленников.

Передавал ли Авдеев все без исключения? Едва ли, но, если даже он и брал себе львиную долю, все же Царская Семья получала немного провизии, улучшавшей Ее скудный стол.

22 июня монахини Мария и Антонина, нагруженные корзинами с продуктами, пробирались к Ипатьевскому дому; часовой, как всегда, впустил их в переднюю, но комендант Авдеев не появился. В доме царил какой-то безпорядок. К монашкам вышли солдаты и стали их оглядывать, вполголоса переговариваясь между собой. Потом, взяв корзины, отослали обеих обратно. Но не успели они выйти за калитку, как их нагнали вооруженные красноармейцы и возвратили снова в дом.

Перепуганные насмерть монашки были приведены солдатами с винтовками в руках к плотному, бородатому человеку в красной рубахе, расстегнутой на волосатой груди.

— Кто позволил вам приносить это? — грозно спросил он их, указывая грязным пальцем на корзину, стоящую в углу.

— Авдеев, по просьбе доктора Деревенко, — прошептали монашки.

— Ага! Тут замешан доктор Деревенко! — Растерянные, бедные Мария и Антонина не знали, что отвечать. Они понимали только, что бородатый человек обвинял доктора Деревенко и Авдеева в том, что они хотели придти на помощь Царской Семье.

— Откуда Вы принесли все это? — спросил бородач.

— С фермы.

— С какой фермы?

— С монастырской фермы.

— Как вас зовут?

Монашки с трепетом назвали себя.

Человек с бородой записал имена и прибавил уже более спокойным голосом: «Впредь вы можете приносить молоко, но ничего, слышите, ничего другого», — твердил он, в то время, как монашки в ужасе бежали уже от него, как от нечистого духа.

Если человек в красной рубахе и не был подлинно нечистым духом, то все же он был исчадьем ада, Каиновым отродьем. Это был Янкель Юровский.

Что же произошло в эти дни? Почему исчез комендант Авдеев? Зачем появился в Ипатьевском доме Юровский?

4. Юровский

Мы говорили выше, что Екатеринбургский округ управлялся советом. Но на самом деле в Екатеринбурге, как и во всех других городах России, существовала другая, тайная, могущественная и страшная организация, зависевшая только от своего начальника, советского великого инквизитора. Это была Чека.

Вскоре после большевицкого переворота «Американская гостиница» в Екатеринбурге была реквизирована новой властью; там появились какие-то личности и вокруг дома были поставлены часовые с ручными бомбами у пояса.

Несколько дней спустя вооруженные большевики стали появляться в городе, производить обыски и арестовывать «буржуев»; тюрьма скоро наполнилась перепуганным человеческим стадом.

По вечерам в гостинице, в комнате № 3, собирались пять-шесть человек, — совещания эти длились иногда до утра. На другой день автомобиль увозил пачку арестованных, которых чекисты расстреливали из револьверов в поле, перед заранее вырытыми ямами. Советская власть освобождалась от «неблагонадежных».

Эти палачи, распоряжавшиеся по своему усмотрению жизнью, свободой и имуществом терроризованного населения, были: Голощекин, Юровский, Белобородов и двое или трое менее значительных соучастников. Держа в своих руках, с одной стороны, местный совдеп, с другой — страшную Чека, эти три человека обладали такою властью, какой не обладал никакой самодержец в истории.

За «домом особого назначения» наблюдали Голощекин и Юровский. Чаще всего производил свои обходы Юровский. Он не особенно доверял Авдееву, зная его за пьяницу и хвастуна. От чуткого внимания Янкеля не могла ускользнуть та перемена, которая произошла в отношениях караульных к Царской Семье; к тому же у него были среди красноармейцев свои шпионы, как, например, Медведев.

В мае месяце произошел конфликт между двумя дивизиями военнопленных чехословаков и советской властью; большевики, по настоянию немцев, потребовали разоружения этих частей, предназначенных для переброски во Францию. Чехословаки отказались повиноваться; к ним присоединились русские. В Омске образовалось ядро белой армии, начавшей наступательные действия против красной Сибири.

Перед этой надвигавшейся грозой Екатеринбургский совет чувствовал себя безсильным. Областной военный комиссар Голощекин спешно выехал в Москву, куда он прибыл 21 июня и остановился у своего друга и единоверца, всемогущего Янкеля Свердлова. Однако эта поездка не была вызвана исключительно грозным положением на фронте; был другой, гораздо более важный вопрос, требующий выяснения, и о котором нельзя было

вести переписку: вопрос об убийстве Царской Семьи. В советском Олимпе всегда сталкивались два течения: дух революции и дух интернационала, русское бунтарство и еврейские стремления, — оппортунизм и крайний марксизм. Это глубокое разногласие существовало всегда, существует до сих пор между советскими Дантонами и Робеспьерами Коминтерна и вылилось за последнее время в кровавую борьбу, в которой некоторые крупнейшие вожди большевизма уже сложили свои головы. Янкель Свердлов был типичнейшим представителем еврейского интернационала; тактикой его был террор. Царь в глазах почти двухсотмиллионного населения представлял священный принцип; чтобы уничтожить этот принцип, надо было покончить с Государем и со всеми, кто мог стать Его преемниками.

Чья таинственная воля задумала этот план и руководила его осуществлением? Был ли действительно Янкель Свердлов первым звеном в этой цепи преступников? Действовал ли Свердлов по своему собственному разумению, или был он только исполнителем приказаний, исходивших свыше, как, в свою очередь, Голощекин был лишь исполнителем его, Свердлова, воли, а Юровский исполнителем воли Голощекина, и, наконец, Медведев рабом Юровского?

Екатеринбургское убийство, как мы увидим дальше, было подготовлено в строжайшей тайне; многие высокопоставленные большевики о нем ничего на знали; убийцы приняли самые тщательные меры, чтобы замести его следы...

А между тем 16/29 июня 1918 года, *ровно за семнадцать дней до убийства*, в издаваемом в Париже на русском языке пропагандном революционном листке «Солдат-гражданин» сообщалось уже читателям об этом убийстве, и, любопытное сопоставление, преступление это оправдывалось (и в каких гнусных выражениях!) теми же доводами, какие позднее выставлялись большевиками.

И этот столь хорошо осведомленный *заранее* о самых секретных советских планах листок печатался под эмблемой не серпа и молота, а треугольника знаменитого Y.M.C.A., кощунственно именующего себя Союзом христианской молодежи, и название которого было отпечатано черным по белому на заглавном листе.

Таким образом, к цепи преступников прибавляется еще одно звено, но действительно ли оно последнее?

Свердлов прекрасно понимал, что, действуя без ведома всего советского правительства, он играл в рискованную игру; надо было потому дать убийству официальную санкцию, а именно —

постановление Екатеринбургского совета, но здесь и начиналось затруднение.

Президиум совета был безусловно предан Свердлову, но среди его русского состава чувствовалось какое-то непреоборимое отвращение к предполагаемой бойне; хотя некоторыми социалистами, членами совдепа — Хотимским, Саковичем и другими, и была сделана попытка поднять этот вопрос, большинство не поддержало предложения. К этому прибавлялось еще то странное обаяние, которое Царь производил на Своих тюремщиков.

Обо всех этих затруднениях, а также о положении на фронте и приехал переговорить со Свердловым Голощекин. Обеспокоенный Свердлов приказывает телеграммой Белобородову принять меры предосторожности и прислать верного человека для получения последних инструкций.

21 июня Белобородов посылает ответную телеграмму:

Москва.

Председателю ЦИК Свердлову
для Голощекина.

Сыромолотов как раз поехал для организации дела согласно указаний центра опасения напрасны точка.

Авдеев сменен, его помощник Мошкин арестован вместо Авдеева Юровский внутренний караул весь сменен заменяется другим точка. — 4558 Белобородов.

4/VII Телеграмму принял комиссар (подпись неразборчивая).

«Организация дела» — это было убийство Государя, Императрицы и пятерых Царских Детей*.

Заговорщикам нетрудно было отделаться от Авдеева. 21 июня рано утром Авдеев и его помощник Мошкин были вызваны в совдеп; там им были представлены неопровержимые доказательства их краж и пьянства, доставленные шпионом Медведевым.

Уличенный комендант был смещен, Мошкин же «для примера прочим» посажен в тюрьму.

Авдеева заменил Юровский. В помощники он взял себе некоего Никулина, знаменитого своими зверствами в Камышине на Волге. Рабочие, несшие раньше караульную службу, были назначены в наружную охрану дома. Для наблюдения же за Пленниками прислан был отряд чекистов. Пятеро из них были русские: Партин, Костоусов, Кабанов, Леватнов и еще один, имя

*У Соколова приведена только вторая часть телеграммы.

которого осталось неизвестным; из пяти иностранцев двое были латыши: Лиякс и Берзин, двое бывшие военнопленные: мадьяр Андрей Феркас и австриец Рудольф Ламер, и, наконец, один неизвестный немец, именовавший себя «Аяксом».

Интересно отметить, что ни один из этих людей, совершивших столь ужасное преступление, не вышел из толщи русской народной массы, из рабочих или крестьян. За исключением Кабанова, все они были «полуинтеллигенты», акулы, плывущие вслед тонущему русскому кораблю.

Один из иностранцев, по всей вероятности таинственный Аякс, был не чужд некоторой ядовитой еврейской культуры в духе Гейне, торжествующее двустишие которого он и начертал на стене комнаты, где было совершено убийство.

Шпион Медведев получил вознаграждение по заслугам: он остался в доме в качестве правой руки и помощника палача Юровского и вполне заслужил оказанное ему доверие.

Появлялся иногда еще один человек, лет тридцати, с классической наружностью русского «нигилиста»: весь в черном, с космами жирных волос, падающими на плечи, с типично преступной физиономией и тяжелой нижней челюстью. Эта странная личность, бродившая иногда по комнатам Ипатьевского дома, бросая вокруг подозрительные взгляды, был бывший каторжник, профессиональный разбойник Петр Ермаков. Сосланный в Сибирь за многочисленные убийства, он на «заре свободы» при Керенском был выпущен на волю для продолжения своей полезной деятельности. Такой человек не мог не стать большевиком. При октябрьском перевороте Ермаков сразу был назначен военным комиссаром Верх-Исетска. Этот бывший каторжник неизбежно должен был сойтись с подобными ему негодяями; он стал другом Юровского и Голощекина.

Назначение Юровского ознаменовалось для Царской Семьи установлением поистине каторжного режима. Государь всегда любил физический труд, отсутствие движения плохо отзывалось на Его здоровье. Юровский запретил Ему работать в саду во время четвертичасовой прогулки; запрещено было также подходить к окнам; однажды, когда Великая Княжна Анастасия Николаевна задумчиво глядела на краешек неба, на угол улицы, на кусочек свободного міра, часовой выстрелил в Нее и пуля просвистела у Ее ушей. Сколь милостивее оказалась бы в этот день судьба, не отведя той пули, которая должна была пресечь сразу обреченную молодую жизнь, как выстрел охотника прерывает радостную песнь вольной птицы!

После наступившего при прежней страже затишья из караульной снова понеслись пьяные крики; Никулин, считавший себя музыкантом, нажимая на педали, дубасил на рояле революционные песни, а Юровский орал их во все горло.

Эти люди тяжело и зверски пьянели в мутном воздухе, насыщенном табачным дымом и винным перегаром; из Чека приходила иногда пьянствовать и развратничать с ними женщина, любовница Никулина.

А в это время Царская Семья, заточенная в комнатах верхнего этажа, готовилась встретить смерть. Догадывалась ли Она, какая участь Ее ждет? Можно ли еще в этом сомневаться после писем, которые Императрица писала из Тобольска Вырубовой; после трагической и трогательной молитвы Великой Княжны Ольги Николаевны, где Она обращается к Богу «у преддверия могилы»?

В частных письмах своих из Тобольска Татищев прямо и с геройской искренностью говорит о своей уверенности в неминуемой смерти своей и Царской Семьи. В такой смерти он видит для себя счастье — разделить до конца участь своих обожаемых Монархов; то же предчувствие охватывало, как он пишет, Царскую Семью и окружающих Их людей, за исключением самых еще юных: Наследника Цесаревича и двух младших Великих Княжон. Но об этом не говорил никто; и когда Великие Княжны Мария или Анастасия Николаевны мечтали вслух о жизни в Крыму, в Ялте, когда наступит день освобождения, старшие Их Сестры молча обходили этот разговор. С Тобольска Царская Семья готовилась к смерти, как Спаситель с Тайной Вечери готовился принять крест и терновый венец.

Тяжелые минуты последнего года сильно состарили Императрицу. Только непоколебимая сила воли поддерживала Ее в Ее страданиях. Государь, обычно крепкий, чувствовал Себя очень ослабевшим. На маленькой фотографии, снятой одним из солдат незадолго до убийства Царской Семьи, мы видим исхудавшего Государя, сидящего в кресле для больных и кутающегося в одеяло. Лишь взгляд Его, прямой и спокойный, кажется отражением Его ясной, чистой души, сохранившей всю Свою непоколебимую силу в изможденном теле. Сколько раз в эти тревожные дни Государь должен был вспоминать о сказанных Им однажды пророческих словах: «Я предназначен для страданий. Если России нужна жертва, Я буду этой жертвой». Да, Он был готов жертвовать Своей жизнью, как солдат идущий на бой. Но

Жена, Дети, неужели безжалостный рок требовал и этой жертвы? И другие угрожающие слова звучали в Его ушах: «Когда я умру, Вы все погибнете и с Вами погибнет Россия».

Загадочный мужик, так хорошо читавший в книге судьбы, верно ли он предсказал участь Царя и Родины, и не его ли развеянный прах посеял ту кровавую ненависть, в которой задыхалась Россия?

Радость Родителей, любимый баловень сестер, бедный Наследник был очень болен; жизнь уходила с каждым днем из Его хрупкого тела; на исхудавшем от страданий лице горели огромные светлые глаза, в которых чудился немой и неразрешимый вопрос.

С самоотвержением, с отчаянием, старалась несчастная Мать вырвать из когтей смерти Своего больного Сына... но как страстно стала бы Она призывать к Нему смерть-избавительницу, если бы только приподнялся перед испуганным взором Ее край завесы, скрывающей будущее!

Есть на свете избранные Богом души, которые от страданий возвышаются до совершенства. Такое впечатление производили Государь и Императрица на окружающих. «Их истинное величие, — говорил позднее Жильяр, — не зависит от Их Царского звания, но от необычайной духовной высоты, на которую Они мало-помалу поднялись. Они стали духовной силой и в несчастии Своем доказали чудесную ясность души, над которой не имеют власти ни злоба, ни насилие, ни даже сама смерть».

5. Убийство

1 июля в восемь часов утра соборный протоиерей отец Сторожев был разбужен сильным стуком в дверь. Он отпер и увидел перед собой невзрачного солдата с маленькими бегающими глазками на рябом лице. Священник тотчас узнал его: это был один из караульных Ипатьевского дома, уже раз приходивший позвать его служить обедню для пленной Царской Семьи. Передав и на этот раз такое же распоряжение от имени коменданта, солдат исчез.

Волнуясь при мысли снова увидеть Царя, священник, сопровождаемый диаконом Буймировым, отправился в десять часов в Ипатьевский дом. Было свежо и пасмурно. В комнате коменданта, куда их ввели, была отвратительная грязь и царил беспорядок. На кровати храпел одетый человек. За столом сидел Юровский и пил чай, закусывая хлебом с маслом.

«Сюда приглашали духовенство; мы явились. Что мы должны делать?» — спросил протоиерей.

Юровский долго и пристально поглядел на него.

«Обождите здесь, а потом будете служить обедницу».

«Обедню или обедницу?»

«Он написал: обедницу», — повторил Юровский.

Заметив, что протоиерей зябко потирает руки, Юровский спросил, с оттенком насмешки, здоров ли он.

«Я недавно болел плевритом и боюсь, как бы не возобновилась болезнь».

Юровский начал самодовольно высказывать свои соображения по поводу лечения плеврита... Он забыл назвать тот способ, который обычно применял в Чека: свинцовую пулю в голову больного.

Когда священник и диакон облачились и было принесено кадило с горящими углями, Юровский пригласил их пройти для служения в зал, где уже ожидали, сидя в креслах, Императрица и Наследник, а также обе старшие Великие Княжны.

В это время вошел Государь в сопровождении других двух Дочерей.

Юровский спросил: «Что у Вас все собрались?».

«Да, все!», — послышался спокойный голос Государя.

В зале присутствовали еще доктор Боткин, девушки и трое слуг.

Все жертвы были на лицо.

А в углу мрачный, безстрастный, стоял палач Юровский.

Началось богослужение. Голоса служителей раздавались в тревожной тишине. И тут произошло одно из тех мелких событий, все трагическое значение которых выясняется лишь, когда они отошли уже в прошлое; одно из тех таинственных предзнаменований, которые падают как черные тени от грядущей неумолимой судьбы.

По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз диакон, вместо прочтения, запел как на панихиде эту полную скорби, волнующую душу молитву, запел и священник, несколько смущенный таким отступлением от устава, и тотчас услышал, что стоявшая позади вся Царская Семья опустилась на колени...

Это была Ее молитва в Гефсиманском саду, перед страданием и смертью, молитва души «скорбевшей до смерти»; последняя Ее церковная молитва на этой земле.

Палачи, ослепленные ненавистью и страхом, могли издеваться над Их бренными телами, души Их уже были у Престола Высшего Судьи, перед Которым равны великие и малые, Цари и нищие.

В то время, когда взволнованный священник проходил мимо Великих Княжон, ему послышалось едва уловимое слово: «спасибо».

После богослужения все приложились к кресту, причем диакон вручил по просфоре Государю и Императрице...

Молча вышли священнослужители, подавленные мрачными предчувствиями; вдруг диакон сказал: «Знаете, отец протоиерей, у них там что-то случилось».

Отец Сторожев даже остановился и спросил с тревогою: «Почему вы так думаете?» — «Да так, — ответил диакон, — они все какие-то другие точно, даже и не поет никто». И действительно, в этот раз впервые никто из Царской Семьи не пел за обедней.

В то же утро из Москвы возвратился Голощекин. После обеда было созвано совещание из нескольких членов президиума совета. Это была маленькая группа главарей, которые собирались в особо важных случаях: Белобородов, Сафаров, Голощекин, Войков и латыш Тупетул, молчаливая личность, едва понимавшая по-русски, что не мешало ей голосовать всегда за самые кровавые меры. Голощекин рассказал о своих переговорах со Свердловым и сообщил распоряжение всемогущего председателя Центрального совета: Царская Семья должна быть уничтожена.

Никто из этих большевиков лично никогда не пострадал ни от старого режима, ни от Того Человека, Который являлся представителем его в течение двадцати трех лет, и все же никто из них не проявил ни малейшего колебания, не почувствовал ни тени жалости, ни голоса совести перед истреблением целой семьи, женщин и детей. Спокойно разработали подробности убийства и меры, которые надо было принять, чтобы не возбудить подозрений. Впрочем, Юровский был человек находчивый и положиться на него можно было вполне. И действительно, вот что произошло за несколько дней до этого.

28 июня, около пяти часов вечера, по дороге в село Коптяки, лежащее в двадцати верстах от Екатеринбурга, шел молодой человек в форменной фуражке.

Идти надо было лесом; остановившись отдохнуть, молодой человек машинально вырезал на коре березы свое имя и число. «Горный инженер И. А. Фесенко. 28 июня 1918 г.». Эта надпись

и позволила впоследствии отыскать этого верного свидетеля и снять с него показание. Фесенко только что окончил горный институт и был послан на изыскания в область Верх-Исетского завода. В этот день на дороге ему повстречались три всадника, среди которых он узнал Юровского. Чекист остановил коня и перебросился несколькими словами с Фесенко и, только отъезжая, вдруг обратился к нему с вопросом, показавшимся странным молодому человеку: «Можно ли проехать по этой дороге на Коптяки и далее на грузовике?» И спешно прибавил: «Нам нужно провезти хлеб, 800 пудов хлеба».

На самом деле в Коптяки надо было провезти тела одиннадцати замученных жертв, убийство которых должно было произойти через пять дней.

2 июля утром Медведев прислал в Ипатьевский дом четырех женщин для мытья полов, Марию Стародумову, Вассу Дрягину и двух других. В столовой они неожиданно для себя увидели всю Царскую Семью, которой стали отвешивать низкие поклоны, получая в ответ милостивые улыбки. Обрадованные маленьким развлечением, Великие Княжны начали деятельно помогать уборщицам передвигать мебель в комнате, разговаривая с ними вполголоса, чтобы не привлечь внимания Юровского. В это время Юровский, сидя около Наследника, с участием расспрашивал Его о здоровье. У больного мальчика было доброе сердце; Он доверчиво смотрел в глаза бородатому человеку, который так заботливо относился к Его страданиям...

Но и этот доверчивый детский взгляд не тронул жестокое сердце еврея.

В то же утро монахини Мария и Антонина принесли Пленникам передачу из монастыря. Юровский принял их сам.

«Принесите завтра пятьдесят яиц и кринку молока, — сказал он им, — но главное хорошенько уложите яйца в корзинку».

Несколько удивленные таким требованием, монашки обещали все исполнить в точности.

«Вот записка от одной из гражданок Романовых, Ей нужны нитки для шитья», — прибавил Юровский, передавая монахиням записку на клочке бумаги.

Эти мелкие домашние подробности, корзинка с яйцами, катушка ниток, несколько наскоро нацарапанных слов, приобрели позднее страшное значение. При помощи их следствию удалось установить предумышленность преступления и дьявольское лицемерие главного палача.

Этот день принес еще одно последнее и решительное доказательство подготовки убийства. Юровский приказал перевести поваренка Ивана Седнева из Ипатьевского дома в дом Попова, часть которого была реквизирована для солдат наружной охраны. Наследник лишался товарища игр, к которому успел привязаться. Поваренок плакал, оставляя своих Господ. Он не подозревал, что большевики спасали ему жизнь.

Настало утро 3/16 июля. Пленники проснулись в обычное время, около 8 часов, вместе пили чай, читали, завтракали, совершили Свою обычную прогулку в саду. Казалось, этот день ничем не должен был нарушить однообразие Их безрадостного и безнадежного существования. Часы сменялись часами, как капля, падающая за каплей. Но вместе с тем чувствовалась какая-то неопределенная тревога, тяжелая и гнетущая, как надвигающаяся гроза.

Настал вечер, зажглись звезды... Пленники прочли вечернюю молитву... Императрица уложила и укутала Своего больного Сына, поцеловала Его со всей страстью материнской тревожной нежности... в последний раз.

В одиннадцать часов все уже спали в комнатах Пленников.

Юровский почти весь день был в отсутствии. Вместе с Ермаковым он ездил на автомобиле в Коптяки для каких-то таинственных изысканий в лесу. Вернувшись часов в восемь вечера, он послал за Медведевым.

«Обойди солдат наружной охраны и отбери у них наганы», — приказал он.

Через четверть часа Медведев принес двенадцать револьверов. Тогда, глядя на него в упор, Юровский отчеканил:

«Сегодня "Они" все будут расстреляны. Предупреди отряд, чтобы все оставались спокойны, когда услышат выстрелы».

Медведев не дрогнул. Как он сам рассказывал потом с изумительным равнодушием, он в этот момент не почувствовал ни малейшего сомнения или колебания. Кто были приговоренные жертвы — он отлично понял, но не спросил себя, кем и за что Они осуждены на смерть. На что такие праздные вопросы? Он убивал Царя, женщин и детей, повинуясь начальству, и так же спокойно, будь приказано, убил бы самого Юровского.

Но сохранить сообщенную ему тайну Медведев не смог и проговорился нескольким товарищам. Хотя убийство и ужасное зрелище, но все же это зрелище. В надежде увидеть его, двое охранников, Клещев и Дерябин, стали подглядывать в окна под-

вального этажа, и их рассказы, сообщенные потом следственным властям, дали возможность восстановить всю картину этого кровавого злодеяния.

Государя, приговоренного давно уже к смерти евреями, должен был убить еврей. Эту роль царского палача, «рыцаря-кадоша», взял на себя Юровский. И дабы чужая пуля не поразила его жертву, он строго приказал Ваганову и Ермакову не стрелять в Царя, заявив, что он хочет сам убить Его.

Таким образом, о предстоящем злодеянии было сообщено только ближайшим, наиболее доверенным лицам, надежнейшим из разбойников этой шайки.

В этот вечер в караульной не было ни музыки, ни пения. Там собрались четверо: Юровский, Белобородов, Голощекин и Сафаров. Лица их были бледны, и слова, которыми они обменивались вполголоса, глухо терялись в жуткой тишине спящего дома.

Полночь. Юровский неслышными шагами поднимается по лестнице в первый этаж, проходит через комнаты, погруженные в мрак. Сама Смерть, как черная тень, идет за ним. Убийца останавливается у дверей Великих Княжон. Заколебался ли он? Нет, он слушает. Потом стучит в дверь. Молодой заспанный голос спрашивает:

«Кто там?»

«Это Юровский. Разбудите скорее гражданина Романова».

Проходит несколько минут. Теперь слышится голос Царя:

«Что вам надо?»

Тут нужно тонко схитрить, но сумеет ли он?..

«Только что получено известие, чехословацкие и белые войска приближаются к городу. Я получил приказание перевести Вас в более верное место. Приготовьтесь уезжать отсюда через час, багаж будет послан вслед».

Предлог правдоподобный. Царь знает, что, покидая город, большевики не оставят Его в руках белых. Это был слабый луч надежды на спасение, теперь он гаснет. Юровский уходит и возвращается через час в сопровождении Никулина и Медведева. Все уже готовы с той точностью, которой всегда отличались Государь и Его Семья.

Арестованные со стражей проходят через комнаты, спускаются с лестницы во двор и свежий воздух ночи освежает Их лица.

Во мраке виднеются тени десятка людей.

«Это отряд, который будет сопровождать Вас», — объясняет Юровский.

Автомобили еще не поданы. Юровский предлагает пока вернуться в дом. В полуподвальном этаже есть как раз свободная комната, где можно подождать.

Проходят через несколько грязных и запыленных помещений.

Впереди идет Никулин. За ним Государь несет больного Сына. Мальчик еще не совсем проснулся от первого сна. Отец говорит с Ним вполголоса, ласково успокаивая Его теми нежными словами, которые подсказать может только любящее родительское сердце.

Юровский идет рядом с Царем. Императрица и Великие Княжны следуют за Ними; Они одеты по-дорожному, у двух Великих Княжон в руках подушки, Анастасия Николаевна несет свою собачку Джимми. Шествие замыкают доктор Боткин, камеристка Демидова, с двумя подушками в руках, лакей Трупп и повар Харитонов. Последним идет Медведев.

Никулин отворяет дверь в комнату со сводами, выходящую окнами под гору на Вознесенский переулок; напротив видна другая закрытая дверь. Мрачный, жуткий вид у этого пустого подвала!

Государь, обращаясь к Юровскому, просит дать стул для Мальчика, который не может стоять. Медведев приносит три стула. Великая Княжна Татьяна Николаевна, при помощи подушек, устраивает удобные сидения для Брата и Матери. Царь, утомленный, садится возле Сына. Императрица садится у стены, окруженная тремя старшими Дочерьми. Доктор Боткин не отходит от больного Наследника. Демидова и Великая Княжна Анастасия Николаевна прислоняются к задней двери. Трупп и Харитонов остаются в углу. Проходят несколько минут тягостного молчания. Вдруг слышится гудение автомобиля. Юровский смотрит на дверь и как будто ждет кого-то. Дверь растворяется и шайка вооруженных людей врывается в комнату. Тут Ермаков, Ваганов и семь чекистов. Всего двенадцать палачей, вооруженных револьверами и ружьями, для одиннадцати жертв, из которых шесть женщин и один больной ребенок.

В эту минуту Пленники поняли все. Императрица крестится, но не произносит ни одного слова. Юровский подходит к Царю и, вынув из кармана бумагу, начинает, запинаясь, читать... Едва можно разобрать несколько слов... попытка освобождения... воля народа... смертный приговор. «Что?» — спрашивает Государь, быстро встав с места. «Вот что!» — отвечает Юровский, стреляя в Него в упор. Царь, пошатнувшись, падает мертвый. Начинается безпорядочная стрельба. Императрица бросается к Мужу и пада-

ет, сраженная несколькими пулями... Великие Княжны кричат от ужаса, но крики быстро переходят в предсмертные стоны.

Кровь заливает лицо Наследника; Он падает на пол и с криком протягивает руки к Отцу... Юровский два раза в упор стреляет в Мальчика... голос Его умолкает...

Раненая Анастасия Николаевна рыдает от боли и ужаса... Два палача, вооруженные ружьями, бросаются к Ней и прикалывают штыками. Камеристка Демидова старается защититься подушками и умоляет о пощаде, но заколота десятками штыковых ударов; озверевшие убийцы бьют с такой силой, что штыки, пройдя через вздрагивающие еще тела, оставляют глубокие следы в стене и в полу.

Через несколько мгновений одиннадцать тел лежат в лужах крови.

Кровью забрызганы стены, весь подвал кажется окрашенным в красный цвет. В воздухе, насыщенном запахом крови и пороха, еще стелется голубой дым. Убийцы, бледные, дрожащие, расталкивая друг друга, бегут из проклятой комнаты. Даже Медведев, не в силах справиться с собой, чувствует себя дурно и спешит на воздух.

Комната опустела. Дверь закрылась за последним из убийц, бежавших в ужасе.

Теперь Романовы одни в Своей могиле; Их крестный путь окончен, Они спят последним сном, освобожденные смертью от Своих испытаний, страданий и палачей.

Против дома Ипатьева, в доме Попова, часть которого была отведена под красноармейцев, проживал крестьянин Виктор Иванович Буйвид, приехавший из деревни в Екатеринбург.

Не спалось в эту ночь Буйвиду. Полный какой-то смутной тревоги, он ворочался с боку на бок. В мерцающем огоньке лампады перед иконой чудилось ему последнее трепетание угасающей жизни. Около полуночи, почувствовав себя нехорошо, Буйвид вышел на улицу. Стояла сибирская летняя, свежая и прозрачная ночь, но окружавшая тишина не успокаивала его взволнованного сердца. На той стороне, через переулок, вырисовывались неясные очертания Ипатьевского дома, погруженного в сон.

И вдруг тишину нарушили заглушенные щелканья выстрелов; последнее время эти зловещие звуки часто пугали по ночам жителей города. Они знали, что каждый такой выстрел означал убийство, пролитую кровь, угасшую человеческую жизнь... На

этот раз стреляли залпами, слышался глухой шум, задушенные крики, которые исходили из этой жуткой тюрьмы.

Проходили минуты... Неподвижный и застывший от ужаса, Буйвид, как в кошмаре, не знал, сколько времени он простоял так... Он очнулся от шума отъезжавшего автомобиля. Шум стал стихать и умолк в ночи.

Буйвид, весь дрожащий, поднялся к себе в комнату. За тонкой стеной он услышал движение не спавшего соседа. Они стали переговариваться шепотом.

«Ты слышал?»

«Да, слышал».

Молчание...

«И... ты понял?»

Испуганный шепот: «Да, понял».

И, пав на колени перед иконой с печальным и строгим ликом, простой мужик горячо стал молиться об упокоении душ Благочестивейшего, Самодержавнейшего, Великого Государя Николая Александровича, всей Царской Семьи и Их верных слуг, большевиками умученных.

6. После преступления

Из всех убийц, в страхе бежавших из комнаты преступления, Ермаков, как опытный старый разбойник, был более всех привычен к крови. Он первый очнулся и принес заранее заготовленные простыни, в которые сообщники и завернули каждое тело, однако предварительно наскоро обыскав его. Большое количество драгоценностей, зашитых в платья, при этом ускользнуло тогда от жадных рук палачей.

Затем убийцы вынесли тела по одному. Но раньше, чем выйти, немец Аякс быстро написал на стене, забрызганной кровью, следующее двустишие Гейне:

Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht.

(Т. е. «в эту самую ночь Валтасар был убит своими слугами»).

Аякс позволил себе игру слов, заменив имя Belsazar, написанное еврейским поэтом, словом Belsatsar, намекая этим на Царя. Обычное еврейское глумление над своей жертвой!

Затем тела взвалили на грузовик, на котором разместились Юровский, Ермаков и три латыша. Шофер Люханов стал поспешно заводить мотор, подгоняемый ругательствами Юровско-

го, который боялся встретить на дороге какого-нибудь раннего прохожего. Автомобиль, наконец, двинулся... Шум его и услышал в этот момент Виктор Иванович Буйвид.

Верстах в четырех от деревни Коптяки, около которой молодой Фесенко, как мы рассказывали выше, встретил Юровского, среди полянки, у дороги, сохранились еще два ветхих пня, последние остатки росших некогда здесь четырех сосен, по которым и место это получило название «Четырех братьев». В этом глухом урочище видны еще следы старого рудника. Многие годы был заброшен он, шахты давно обвалились; одни обратились в пруды, другие поросли густой травой и лесом. Терпеливая природа медленно, год за годом, разрушала дело рук человеческих. Сохранилась еще лишь одна шахта, на дне которой слабо мерцал никогда не тающий, даже в жаркие дни, ледяной слой.

К этой-то шахте, тщательно выбранной Юровским, и привезли тела. Убийцы, торопясь покончить со своим страшным делом, бросили наскоро тела на дно шахты и поспешно вернулись в Екатеринбург.

На другой день, около 8 часов утра, к местной жительнице Капитолине Александровне Якимовой явился в кухню ее брат Анатолий Якимов, начальник караула Ипатьевского дома.

Он был бледен, дрожал всем телом и казался страшно потрясенным.

«Боже мой, что с тобой?» — воскликнула Капитолина. Якимов сел на стул, знаком показав, чтобы она прикрыла дверь. В страхе и ужасе он не мог произнести ни слова. Сестра начала его спрашивать и понемногу, слово за словом, вырвала у него ужасные подробности о цареубийстве, свидетелем которого он был, глядя в окно подвала*.

Около десяти часов, немного придя в себя, Якимов вернулся в Ипатьевский дом, куда его требовала служба. Он сменил караул и вошел в комнату коменданта. Там уже находились Никулин, Медведев и оба латыша. Все были молчаливы и казались подавленными, а, между тем, перед ними на столе лежал целый клад: золотые вещи, драгоценные камни, кольца, бриллианты, ожерелья, переливающиеся всеми цветами радуги... вся добыча преступления.

---

* В своих показаниях следственным властям Якимов, желая смягчить свою вину, утверждал, что о подробностях цареубийства он знал из рассказа Клещева. Но точность, с которой он дал свое показание, заставляет предполагать, что он, как Клещев и Дерябин, тоже был свидетелем преступления.

Дверь, ведущая в помещение Царской Семьи, была заперта. Оттуда не доносилось ни одного звука — не слышно было ни шагов, ни голосов, ни стука посуды, ничего, что обнаружило бы присутствие жизни. В этих комнатах царила жуткая, мертвая тишина.

У дверей тихо выла собачка Великой Княжны Татьяны Николаевны, просясь войти. Жестокое сердце Якимова тронулось состраданием. «Бедное маленькое животное, — подумал он, — ты напрасно ждешь».

4 июля Голощекин созвал на совещание Сафарова, Войкова, Белобородова, Юровского и Ермакова. Голощекин резко накинулся на них: они ничего не сделали для уничтожения трупов, тогда как из Москвы дан был строгий приказ о сокрытии всех следов убийства. Надо было все начинать сызнова, и Голощекин брал на себя руководство этим делом. Войкову было поручено достать необходимые материалы. По окончании совещания секретарю совнаркома была послана следующая шифрованная телеграмма: «Передайте Свердлову, что все Семейство постигла та же участь, что и Главу. Официально Семья погибла при эвакуации». Дело шло об эвакуации Екатеринбурга под угрозой наступления белой армии.

В этот же вечер Войков послал своего секретаря Зимина с ордером в аптекарский склад «Русского товарищества»; там было выдано в два приема 190 килограммов серной кислоты, которые и были доставлены вместе с большим количеством бензина к руднику «Четырех братьев».

Вся местность вокруг рудника была оцеплена войсками и 5 числа сообщники, под предводительством Голощекина, сами отправились туда.

И тогда на полянке, в сумерках тихой и ясной ночи, произошла поистине кошмарная сцена. Убийцы вытащили из шахты тела Замученных и положили их все одиннадцать в ряд на глиняную насыпь. Затем, как дровосеки рубят пни, убийцы принялись рубить с размаху тела топорами, разрывая ткани, разламывая с треском кости. Головы Государя и Императрицы, Великих Княжон и Царского Сына покатились по грязной земле, выпали зашитые в подкладках сокровища: сверкающие бриллианты, драгоценности и самоцветные камни. Пораженные, убийцы бросились подбирать добычу, но их дрожащие руки разроняли часть ее, которая и была впоследствии найдена.

Теперь тела убитых обратились в безформенную кровавую массу. Эти останки сложили в два костра, облили серной кис-

лотой и бензином и долго жгли. Жировые вещества, растопленные жаром, текли по утоптанной земле вокруг костров; к небу поднимался столб черного, тяжелого дыма.

Отрубленные головы не были сожжены вместе с телами. Что с ними сталось? Были ли они отвезены в Москву, как потом уверяли, чтобы быть предъявленными Свердлову, или тем лицам, кому он подчинялся, и которые потребовали от него этого жуткого доказательства исполнения их приказаний? Не того ли требовали и евреи две тысячи лет назад?

«Хочу, чтобы ты дал мне теперь же на блюде голову Иоанна Крестителя» *(Мк. 6, 25)*.

Окончив свою ужасную работу, сообщники подобрали все несгоревшие в огне предметы и бросили их в рудник вместе с трупом собачки Джимми, убитой со своими хозяевами.

Сверху были настланы доски, которые должны были служить вторым дном и скрыть эти улики в случае розысков... Затем убийцы, утомленные, стали закусывать яйцами, заказанными накануне Юровским; они ели окровавленными руками, около обгоревших костей своих Жертв.

Снова загудели автомобили, увозя прочь всю шайку; а на опустевшей поляне остались чернеть следы двух костров — все что осталось от Русской Царской Семьи.

5 июля происходило заседание исполкома под председательством Ленина. Слушали со скукой тягучий доклад комиссара народного здравия Семашко. Вдруг вошел Свердлов и, подойдя к Ленину, сказал ему несколько слов на ухо. Ленин прервал оратора словами: «Подождите, товарищ Свердлов хочет сделать заявление».

Тогда Свердлов сообщил исполкому об убийстве Царя. Он представил этот акт, как следствие постановления Уральского совета, что было ложью. Это постановление было якобы обусловлено раскрытием заговора о побеге Пленников, что было второй ложью, и, наконец, председатель совета объявил, что Императрица и Наследник были эвакуированы в верное место, что было третьей ложью.

Исполком выслушал молча это заявление и молча же принял заготовленную заранее Свердловым формулу об утверждении постановления Уральского совета.

Покончив с этим вопросом, Ленин объявил: «Слово принадлежит товарищу Семашко», — и заседание продолжалось.

На другой день известие это было расклеено на улицах Москвы и, после долгих переговоров по прямому проводу между

Свердловым и Голощекиным, последний сделал в Уральском совете совершенно такое же сообщение, принятое враждебным и испуганным молчанием. Таким образом, Екатеринбург, место преступления, узнал о нем на два дня позднее Москвы.

И странная вещь: 10 июля один из цареубийц, Сафаров, напечатал в газете «Уральский рабочий» статью, восхвалявшую убийство; на другой день, 11 июля, такая же статья, написанная в том же духе, вышла в Париже, в масонской газете, издаваемой Y.M.C.A., «Солдат-гражданин», о которой мы уже говорили выше.

12 июля авангард белой армии занял Екатеринбург, оставленный большевиками. Тотчас же власти начали расследование о судьбе Царской Семьи. Достаточно было одного взгляда на комнату преступления, чтобы понять, что там было совершено убийство нескольких человек. Семь лет спустя в подвале еще были заметны ясные следы пуль, штыковых ударов и коричневые пятна, размазанные кровавыми руками.

Но куда девались тела? Отсутствие всяких признаков тел открывало поле самым различным предположениям, включая даже побег. Совершенно неожиданное показание направило правосудие на верный след.

14 июля два крестьянина села Коптяки, Николай Папин и Михаил Алферов, явились к военным властям Верх-Исетска и сделали им следующее заявление:

4 июля ранним утром несколько крестьян, ехавших из села Коптяки в Екатеринбург продавать рыбу, обратили внимание на небывалое движение красноармейцев и повозок около урочища «Четырех братьев». В то же самое время два всадника понеслись к ним вскачь и заставили с угрозами повернуть обратно, не оглядываясь назад. И в течение следующих двух дней урочище «Четырех братьев» было отрезано от дороги заставой красноармейцев.

Начались толки, пересуды, и восторжествовало то общее мнение (или вернее надежда), что большевики покидают Екатеринбург под напором белой армии и собираются дать бой в этих местах. Однако 6 числа утром красноармейцы исчезли как дым...

Сибирский мужик настойчив и любопытен. Папин и Алферов, сделав свое заявление, решили отправиться и сами осмотреть хорошенько местность. Но, доехав до «Четырех братьев», они почувствовали вдруг такую тревогу, такой непреодолимый ужас, что тотчас же поспешно уехали. Вернувшись снова на дру-

гой день уже не одни, мужики стали тщательно изучать местность, лежащую вокруг рудника, и нашли множество предметов чрезвычайной важности, которые они и вручили властям.

Между тем, следствие, порученное судебному следователю Наметкину, тянулось без конца. Со всех сторон возникали какие-то странные препятствия, тормозящие действие правосудия. Ипатьевский дом, где содержалась под арестом и была замучена Царская Семья, был реквизирован чехословацким генералом Гайдой, который поселился там со своим штабом, не позволяя судебным властям приступить к необходимому расследованию. Небезполезно напомнить, что тот же Гайда был впоследствии судим у себя на родине за шпионаж в пользу Советов и исключен из списков армии. С другой стороны, Омская директория, находившаяся тогда во главе антибольшевицкого движения, была составлена из социалистов, воодушевленных большею ненавистью к Царскому режиму, чем даже к большевикам. Министр юстиции, социалист Старынкевич сделал все возможное, чтобы замять дело, и только, когда в ноябре 1918 года адмирал Колчак стал у власти, вяло ведущееся следствие получило более энергичный толчок. Но для этого пришлось два раза изъять дело из ведения двух следователей Наметкина и Сергеева. Наконец, по распоряжению Колчака, следствие было окончательно поручено судебному следователю по важнейшим делам Соколову, благодаря самоотверженной энергии которого, главным образом, и сделалась известной правда о Екатеринбургской трагедии.

Как только Соколов получил дело в свои руки, он тотчас же стал испытывать те же препятствия и задержки. По приказанию министра юстиции, его секретные доклады печатались в газетах, благодаря чему большевики были в курсе всего происходящего и могли принять соответствующие меры предосторожности.

«Никогда судебного следователя так цинично не предавало его начальство», — замечает корреспондент «Таймса» Вильтон, автор замечательного труда об убийстве Царской Семьи. Самые важные свидетели исчезали или таинственным образом умирали. Мы уже говорили выше о комиссаре Яковлеве, сыгравшем такую выдающуюся роль в судьбе арестованной Царской Семьи и так внезапно исчезнувшем потом. Один из главных цареубийц Медведев, арестованный белыми, неожиданно умер в тюрьме как раз в то время, когда Соколов должен был снять с него показание.

Какое-то тайное недоброжелательство преследовало, казалось бы, не только следователя, но также и огромный материал по рас-

следованию. Когда белые армии принуждены были покинуть Сибирь, Соколов, которому удалось ценою многих опасностей увезти все производство в Харбин, просил английского посланника в Пекине Лампсона, оказать ему содействие для перевозки его в Европу. Он особенно настаивал на том, что следственный материал содержал останки и реликвии Царя, двоюродного брата короля Георга V. И все же, снесясь по телеграфу с Лондоном, посол Его Величества отказал Соколову в содействии Англии. Дело и вместе с ним все улики убийства неизбежно попали бы в руки большевиков, если бы не спасла их французская миссия...

Генерал Жанен, начальник этой миссии в Сибири, рассказал в своих мемуарах, как он исполнил взятое на себя обязательство, как он доставил следственный материал и реликвии Царской Семьи Великому Князю Николаю Николаевичу, который, не считая себя вправе их хранить, отказался их принять; как генерал, сохранив некоторое время реликвии в семейном склепе у себя в имении, наконец передал их, по указанию Великого Князя Николая Николаевича, председателю Совета послов М. Н. Гирсу.

Что с ними сделал М. Н. Гирс?

Этот вопрос был несколько раз поднят в газетах; Великий Князь Кирилл Владимирович, глава Российского Императорского Дома, обратился к М. Н. Гирсу, выражая желание воздвигнуть над останками Царской Семьи гробницу, достойную благоговения русских людей. Но тщетно! М. Н. Гирс отказался вернуть эти драгоценные реликвии. Одному французскому журналисту, которому удалось, преодолев все запреты, повидать его, бывший посол также не пожелал дать какие бы то ни было объяснения по этому вопросу и прибавил с раздражением: «Если бы даже все мои соотечественники требовали от меня ответа, я бы не мог и не захотел сказать им больше».

С тех пор М. Н. Гирс скончался и с ним погибла, быть может навсегда, надежда русских людей обрести эти священные останки, дабы, после освобождения Отечества, похоронить их в родной земле.

Сколь трагична судьба несчастной Царской Семьи, обманутой и покинутой при жизни, и останкам которой отказывают хотя бы в скромной могиле, в месте вечного упокоения, на которое право имеют как великие так и малые міра сего!

Соколову в течение тех нескольких месяцев, пока длилось под его руководством следствие, удалось нагнать потерянное его предшественниками время. Он возобновил раскопки, начатые в руд-

нике; найденные вещи были подвергнуты экспертизе. Они, без всякого сомнения, принадлежали Царской Семье. И еще неопровержимая улика: на дне шахты был найден, сохранившийся благодаря холоду труп собачки Джимми, который большевики не позаботились уничтожить. И, таким образом, этот скромный и преданный маленький друг принес посмертное, но тягчайшее свидетельство против убийц своих Хозяев. Другой верный четвероногий слуга Джой, спаниель Наследника, тоже выдал правосудию одного из цареубийц. При дележе добычи Джой достался стражнику Летемину, который имел неосторожность остаться в Екатеринбурге после вступления в него белых. Один офицер, узнавший собаку на улице, проследил ее, и таким образом был арестован ее новый хозяин.

Июльская резня не ограничилась убийством Царской Семьи; надо было еще освободиться от свидетелей, которые могли выдать правду. Верные слуги Царя, последовавшие за Ним в ссылку, разделили Его участь. Князь Долгоруков, генерал Татищев, лакей Седнев и матрос Нагорный были расстреляны в Екатеринбурге. Графиню А. В. Гендрикову, Е. А. Шнейдер и лакея А. А. Волкова увезли в Пермь; в ночь на 22 августа их повели за город на расстрел; когда проходили через лесок, Волков пустился бежать, спасся от пуль стрелявшей вслед ему стражи и, пробродив в течение сорока трех дней, достиг, наконец, белых. Лакей Чемодуров, который незадолго перед тем заболел и был переведен из тюрьмы в больницу, был там забыт палачами и дожил до прихода белых войск.

За месяц приблизительно до Екатеринбургской трагедии, в ночь с 30 на 31 мая, Великий Князь Михаил Александрович, сосланный большевиками в Пермь, был увезен со своим преданным секретарем англичанином Джонсоном тремя ворвавшимися к нему в гостиницу неизвестными людьми. Большевики и здесь, как всюду и всегда, проявили себя не только палачами, но и подлыми трусами. Панический страх перед русским народом, представителями которого они себя называли, заставил утаить от него это преступление; они объявили, что Великий Князь скрылся из Перми и этим вызвали радостное чувство во всей России.

Но потом следственными властями при белых армиях было установлено, что Великий Князь и Джонсон были убиты тогда же чекистами под командой Мясникова. Это была первая жертва Царской крови, принесенная русской революции.

Екатеринбургская резня была второй кровавой жертвой, за которой начались и другие; сутки спустя, в ночь с 4 на 5/18 июля в

Алапаевске пали от рук озверевших убийц Великая Княгиня Елисавета Феодоровна, Великий Князь Сергей Михайлович, Князья Иоанн Константинович, Константин Константинович, Игорь Константинович и Владимир Павлович Палей. Алапаевское кровавое дело было тоже трусливо скрыто от России: так убийцы и грабители заметают от правосудия следы своего преступления.

5 июля в Алапаевске было расклеено сообщение местного совета об увозе белыми в ночь с 4 на 5 всех заключенных Членов Императорского Дома, причем один из белых якобы был убит.

В том же смысле Екатеринбургским советом были посланы официальные телеграммы *еврею* Свердлову и *евреям* Зиновьеву и Урицкому.

Все это, конечно, было лишь отвратительной ложью, предназначенной для успокоения общественного мнения.

Когда 15 сентября Алапаевск был взят белыми войсками, власти тотчас начали расследование о судьбе исчезнувших пленников и агенту Мальшикову удалось найти, в заброшенной шахте, тела Великого Князя Сергея Михайловича, Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, всех Князей, сестры общины Великой Княгини — Варвары Яковлевой и слуги Феодора Ремеза.

Врачебное исследование тел показало, что все жертвы были брошены в шахты живыми.

На груди Великой Княгини Елисаветы Феодоровны нашли икону Спасителя, осыпанную бриллиантами; на обратной стороне была надпись: «Вербная Суббота 13 апреля 1891 г.».

Перед этой иконой молился Государь в ночь до отречения и потом подарил ее Великой Княгине*.

Так замыкался круг великого русского преступления, начавшегося с псковского предательства генералов и непосредственной цепью ведущего к кровавому Алапаевскому избиению.

И полгода спустя большевики произвели новую кровавую расправу над ненавистными им Романовыми: 14 января 1919 г. Великие Князья Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Николай Михайлович и Георгий Михайлович были выведены на двор Петропавловской крепости и там расстреляны чекистами из наганов.

Палачи празднуют победу в Кремле; послы их являются желанными гостями в европейских столицах; монархи и президенты жмут

*По принятой в настоящее время версии, икона эта была подарена Великой Княгине Императором Александром III в день принятия ею Православия. — *С.Ф.*

руки, на которых видна несмываемая кровь их Верного Союзника. Еврей Валлах-Литвинов председательствует в Женеве над представителями сорока четырех государств. Убийца и преступник Троцкий, некогда высланный из Франции, нашел там спокойное пристанище, и теперь, также спокойно, живет в Мексике, в то время, как его сторонники продолжают вести по всему міру революционную пропаганду; также безпечно проживает во Франции чекист Мясников, убийца Великого Князя Михаила Александровича.

Некоторые из цареубийц уже понесли возмездие за свое преступление: Свердлов, душа заговора, умер от побоев, нанесенных ему рабочими фабрики Морозова в Москве в 1919 году; Ваганов, узнанный на улице Екатеринбурга после бегства красных, был тут же разорван толпой; Медведев умер в тюрьме, говорят, от тифа; Якимова постигла та же участь; Войков, назначенный советским посланником в Варшаве, был сражен пулей молодого русского эмигранта-героя Бориса Коверды; Юровский умер или погиб при неизвестных обстоятельствах; Ермаков, снова ударившийся в уголовный бандитизм, был пойман в 1929 году, судим революционным трибуналом и приговорен к расстрелу, что было заменено ему десятилетним лишением свободы; Белобородов, арестованный недавно, как троцкист, падет, быть может, как Зиновьев и Каменев, от наганов чекистов.

Но пролитая в Екатеринбурге кровь не может быть искуплена только другою кровью.

Есть преступления, перед которыми человеческое правосудие безсильно, и которые требуют всенародного покаяния перед Тем, Кто сказал:

«Мне отмщение и Аз воздам».

* * *

Погиб Царь, погибла и Великая Россия, и на развалинах ее взошла кровавая власть еврейского интернационала.

Если русские люди не сумели ни защитить свою Родину, ни спасти своего Царя, то в эти тяжелые годы изгнания на них лежит священный долг благоговейно и с раскаянием преклониться перед памятью Того, Кто, окруженный «изменой, трусостью и обманом», самоотверженно вел Свою борьбу за Россию и принес ей в жертву жизнь Свою и Своих близких.

От русских людей зависит, чтобы жертва эта была не напрасной; от них зависит понять значение высокого подвига Импера-

тора Николая Второго, от них зависит объединиться с чистыми сердцами вокруг светлого образа Царя-Мученика.

Русский Царь представлял не режим, не сословие, не класс; Он представлял Россию; вместе с ней пережил Он дни славы, вместе прошел Свой Крестный Путь.

И погибшая Царская Семья олицетворяет в сознании нашем всех русских людей, всех скорбных матерей, всех детей, революцией умученных, всех наших близких, всех друзей, которых унесла от нас кровавая смерть.

Средствами и трудами русских здесь, за рубежом, сооружается в Брюсселе Храм, посвященный памяти Государя, Царской Семьи и всех русских людей, в крамоле погибших.

Будем верить, что памятник этот только прообраз того величественного искупительного Храма, который весь народ русский воздвигнет на родной земле Святому Благоверному Царю Николаю, Святой Благоверной Царице Александре и Детям Их, жизнь Свою за Россию положившим.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение к главе I

О роли евреев в подготовке революции

В дополнение к сведениям, указанным в настоящей книге, приводим текст нескольких официальных документов, из числа воспроизведенных в томе XIX «Архива русской революции» (с. 248–282).

М. В. Д.
Департамент полиции
по 6 делопроизводству
9 января 1916 года.
№ 100186.

Секретно-циркулярно.

Губернаторам, Градоначальникам, Начальникам областей и Губернским жандармским управлениям.

По полученным в департаменте полиции сведениям, евреи, посредством многочисленных подпольных организаций, в настоящее время усиленно заняты революционной пропагандой, причем с целью возбуждения общего недовольства в России, они, помимо преступной агитации в войсках и крупных промышленных и заводских центрах Империи, а равно подстрекательства к забастовкам, избрали еще два важных фактора — искусственное вздорожание предметов первой необходимости и исчезновение из обращения разменной монеты.

И. д. директора КАФАФОВ.
За делопроизводителя БОРЕЦКИЙ.
И. д. регистратора ВИНОГРАДОВ.

* * *

Дежурный генерал
штаба Главнокомандующего
армиями Северного фронта.
16 октября 1916 года.
№ 2111.
Действующая армия.

Секретно.

Начальнику штаба 1-й армии.

В виду имевшихся случаев преступной пропаганды среди войск злонамеренных лиц из служащих в общественных организациях (больницах Всероссийского Земского союза, инженерно-

строительных рабочих дружин Земского и Городского союзов и Петроградском комитете по оказанию помощи евреям, пострадавшим от войны), Главнокомандующий армиями Северного фронта приказал иметь строгий надзор за вышеозначенными организациями и принять решительные меры против всяких попыток к пропаганде.

Подписал: Генерал-майор ЕРМОЛАЕВ.
Скрепил: Заведующий военно-судной частью генерал-майор ШАВРОВ.
Сверял: Заведующий военно-судной частью штаба 1-й армии полковник (подпись).

* * *

Управление Начальника санитарной части армий Юго-Западного фронта.
4 января 1916 года.
№ 6.

Весьма секретно.

Начальнику пункта.

В виду начавшейся противоправительственной военной пропаганды евреями, врачами и санитарами в санитарных поездах, является крайняя необходимость принять такие меры, каковые не только способствовали бы прекращению революционной пропаганды, но в корне пресекали бы всякую возможность появления в будущем пропаганды со стороны евреев (врачей и санитаров).

В виду этого главный начальник снабжения армий Ю.-З. ф. приказал, для прекращения преступной пропаганды в санитарных поездах, воспретить зачисление в санитарные поезда и другие подобные учреждения евреев, врачей и санитаров, отправляя указанных лиц на службу в такие места, где условия мало благоприятствуют развитию пропаганды, как напр., на передовые позиции, для работы на перевязочных пунктах, уборки раненых с полей сражения и т. д...

Приложение 1-е к главе II

О русском масонстве

О роли масонства в истории человечества и, в частности, России существует обширная литература, один список которой вышел бы из пределов настоящих заметок.

Вкратце можно охарактеризовать эту роль, сказав, что она сводилась и сводится к разрушению не только христианской, но и всякой религиозной мысли, к уничтожению христианской культуры, к понижению морального уровня человечества для конечного порабощения его «избранным народом». Осуществление этих целей требует борьбы против всего того, что способно охранять человечество от масонских посягательств: религии, государства, семьи.

Царская Россия являлась, одним существованием своим, сильной опорой христианской культуры и потому она и была приговорена международным масонством.

О том, какую сеть масонство сплело для подготовки и осуществления февральской революции, было сказано в главе II этой книги.

Но и после революции деятельность масонства не прекратилась; оно ведет весьма усиленную работу разложения в эмиграции, в целях затормозить и подорвать русское национальное движение. Масонство захватило понемногу руководящую роль в русском зарубежье, прочно засело в нашем бывшем дипломатическом корпусе, широко распространилось в военной среде, проникло на «командные посты» русской общественности и наложило руку на русскую печать.

В одном Париже имеется не менее семи русских масонских лож (Полярная звезда, Астрея, Северное сияние, Гермес, Золотое Руно, Прометей, Аврора), с сотнями братьев разных рангов, преимущественно из среды дипломатов, гвардейских офицеров и «общественных деятелей». Обе газеты, издающиеся в Париже, «левая» и «правая», имеют среди главных руководителей масонов и немало масонов среди рядовых их сотрудников. (См. статью «Газета масонов» в № 19 «Двуглавого Орла» за 1928 год).

В Париже имеются также два союза русских писателей и журналистов, «левый» и «правый», оба они в руках масонов.

Если масоны и были исключены из гвардейских объединений, то они нашли не только гостеприимный, но и почетный приют в самых «благонадежных» организациях.

Результаты этого засилья сказываются очень наглядно. На русское печатное слово оно накладывает негласную, но весьма строгую цензуру; события и лица революции расцениваются ею исключительно с весьма определенной точки зрения, и написать правду ни о революции, ни о Царе в русской печати, по крайней мере в Париже, почти невозможно. Таким образом, получается то парадоксальное положение, что восстановить светлый образ Государя, раскрыть клевету на Него, сказать правду об Императорской России возможно только на страницах иностранных журналов и газет, или у иностранных издателей. Так, например, единственные книги, посвященные Императору Николаю II и Императрице Александре Феодоровне, вышли на иностранных языках и отзывов в русской прессе не вызвали.

Выйти из этих тисков масонской цензуры возможно только путем частной инициативы, как это было сделано для прекрасного сборника «Русской летописи», изданного на частные «правые» средства, и для настоящей книги.

Некоторые сердобольные и мягкотелые люди находят оправдание масонам в том, что они, будто бы, «не ведают, что творят» и что они идут в «братья» исключительно из материальных выгод.

Действительно, масонство иногда бросает предателям те тридцать сребреников, которые они заработали, но, не говоря уже о том, сколь странным является такого рода Иудино оправдание, господа масоны никак не могут отговариваться неведением. Один, якобы вышедший из масонства, сотрудник «национальной» газеты пытался убедить своих читателей, что он поступил в ложу для «искания истины». Какова эта истина, мы сейчас увидим из свидетельства двух писателей левого лагеря, один из которых сам был масоном, а другой посвятил этому вопросу специальное исследование.

В статье «Мое масонство» недавно скончавшийся А. В. Амфитеатров поясняет, что к масонству его привлекло три «магнита»: первый — обожание Максима Ковалевского, второй — романтизм самого Амфитеатрова и третий и главный — революционное его настроение. Амфитеатров, по его словам, «проповедовал объединение революционных сил для активного натиска на ослабевшее Самодержавие, славил террор и террористов, издавал непримиримо бунтарский журнал»... и т. д. Для чего же Амфитеатров при таких взглядах и деятельности поступил в братья-масоны? Потому что, по его словам, «они сочувствовали русской революции откровенно», и когда его посвящали в ложу в Пари-

же и он стоял с завязанными глазами, его «после нескольких незначительных французских вопросов, кто-то спросил по-русски, с легким еврейским акцентом: "Как Вы относитесь к убийству Плеве? Одобряете ли его и находите ли нужным дальнейшее развитие террора?"»

Что Амфитеатров мог ответить на этот вопрос, нетрудно догадаться после его славословия террора, и он был в ложу принят.

Другой случай, рассказанный С. Мельгуновым в его книге «На путях к дворцовому перевороту», относится к приему в ложу командира Л.-Гв. Финляндского полка генерала Теплова. «Один из братьев задал ему вопрос о Царе. Теплов ответил: "Убью, если велено будет"»*.

Итак, лица, поступавшие в масоны, отлично знали, на какое черное и предательское дело они шли. Тем более знают они это и теперь, когда многие из целей масонства: свержение трех монархий, убиение Царя с Семьей, торжество евреев в России, уже осуществились.

Приложение 2-е к главе II

Об А. Д. Самарине

А. Д. Самарин не представляет достаточно крупную политическую фигуру, чтобы на ней стоило специально останавливаться. Но, случайно или нет, вокруг этой личности, и до революции, и теперь в эмиграции, некоторые круги создали нечто вроде ореола и малейшая критика А. Д. Самарина рассматривается как святотатство.

Так как А. Д. Самарин, при всей своей личной незначительности, все же приложил свою руку к разрушению монархической России и к торжеству революции, и чрезмерное восхваление этого деятеля является, таким образом, и оправданием подрывной работы общественных кругов, — то приходится рассеять эту творимую легенду о А. Д. Самарине-рыцаре.

Как было указано в настоящей книге, А. Д. Самарин, принадлежавший к среде фрондирующего дворянства, был по настоянию либеральных кругов назначен обер-прокурором Св. Синода и в качестве члена Совета министров вел вместе с другими деятельную интригу против председателя Совета И. Л. Горемыкина**. По-

* *Мельгунов С.* «На путях к дворцовому перевороту». С. 185.

** *Яхонтов А. Н.* Тяжелые дни. (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.) // Архив Русской Революции. Т. XVIII.

сле своего увольнения от должности, Самарин, избранный председателем Объединенного дворянства, вернулся в оппозицию, продолжал интриговать против Правительства и поддерживал в этом же Родзянко.

Факты эти после крушения Империи представляют для Самарина и его друзей несколько неприятное воспоминание и потому тщательно стушевываются.

Но не столь давно вышедшая книга бывшего дворцового коменданта ген. Воейкова «С Царем и без Царя» пролила новый свет на роль Самарина. Ген. Воейков рассказывает, что в 1912 году, перед приемом Государя московским дворянством, Самарин примкнул к тому меньшинству, которое возражало против обращения к Царю, как к «Самодержцу». Такую «деятельность» Самарина ген. Воейков характеризует в выражениях, лишенных всякого снисхождения.

Эти отзывы ген. Воейкова вызвали в «некоторых кругах» бурю негодования. Выразителями этого чувства выступили в печати кн. В. П. Трубецкой и И. И. Тхоржевский. Ни тот, ни другой не опровергают, однако, фактов, приведенных ген. Воейковым, и даже о них не упоминают. По мнению г. Тхоржевского, Самарин был «достойнейшим слугою Царя»; что Самарин хотел лишить Царя титула Самодержца, г. Тхоржевского не удивляет.

Впрочем, заступаясь столь горячо за Самарина, г. Тхоржевский позволяет себе в той же статье в весьма неприличном тоне писать об Императоре Николае II, утверждая, что революция произошла потому, что Государю внушили «плевать на общественное мнение»*.

В заключение не лишнее будет привести о Самарине мнение Императрицы Александры Феодоровны. 16 июня 1915 года Императрица писала Государю: «Самарин очень чванливый человек; этим летом я имела случай в этом убедиться, говоря с ним по вопросу об эвакуации. Когда его раньше предлагали для Алексея (в воспитатели — *прим. автора*), я без колебаний сказала: нет ни за что я не хочу такого человека с таким узким мировоззрением». А под датой 11 сентября 1915 г. Императрица пишет: «Я тебе говорила, что Самарин глуп и нахал».

---

*Газета «Возрождение» от 17 апреля 1937 г.

Приложение 1-е к главе III

Об обстоятельствах, предшествовавших аресту Государя

В речи, произнесенной 17 июля 1938 г. в Париже на собрании, организованном Обществом ревнителей памяти Императора Николая II, ген. Тихменев приводит об аресте Государя версию, расходящуюся с данными, указанными в главе III.

«Вечером 7 марта, — говорит ген. Тихменев, — была получена секретная шифрованная телеграмма из Петрограда, из Министерства путей сообщения. В телеграмме значилось, что на следующий день, рано утром, в Могилев приедут четыре члена Государственной думы, чтобы арестовать Государя и отвезти Его в Петроград. Отъезд Государя назначался в 9 часов утра. Воспрещалось сообщать об этом кому бы то ни было. Цель этой секретности, этой вороватости, заключалась, очевидно, в том, чтобы не дать Государю времени на сборы в дорогу. Очевидно, в Петрограде чего-то боялись. Конечно, телеграмма эта была адресована не мне. Я узнал о ней случайно и настоял, чтобы она немедленно была сообщена начальнику штаба, пригрозив, что если это не будет сделано, то я сделаю это сам. Мое требование было исполнено и таким образом Государь Император был предупрежден» (Возрождение от 22 июля 1938 г. № 4141).

Этот рассказ повторяет, в общих чертах, то, что ген. Тихменевым было уже изложено в его брошюре «Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке». Разница в обеих версиях лишь та, что в брошюре упоминается, под буквой К., о генерале, получившем телеграмму, и указывается, что генерал этот впоследствии был убит большевиками. Вместе с тем в брошюре нет ни одного слова о том, что Государь был ген. Алексеевым предупрежден. Это добавление является новым в речи ген. Тихменева от 17 минувшего июля.

Нужно, прежде всего, заметить, что рассказ ген. Тихменева, в его целом, представляется маловероятным и содержит утверждения, опровергаемые совершенно точно установленными фактами.

Так, например, о том, что отъезд Государя назначался на 8 марта, было известно всему штабу, без всякой таинственной телеграммы. «7 марта, во вторник, — пишет полк. Мордвинов в своих воспоминаниях, — нам стало известно, что Государь решил переехать в Царское Село на следующий день». О приезде

делегатов, но, конечно, не с целью арестовать Государя, также хорошо было всем известно.

По словам генерала Лукомского, Государь Сам назначил Свой отъезд на 8 марта, о чем была послана телеграмма в Петроград и оттуда было отвечено, что для сопровождения Государя до Царского Села 8 марта приедут несколько делегатов, командируемых Временным правительством.

В показаниях своих следователю Соколову генерал Лукомский поясняет, что телеграмма эта, которую он лично видел, была подписана князем Львовым и что в ней не было речи об аресте Государя. Смысл телеграммы был тот, что лица, командированные Временным правительством, должны были сопровождать Государя из внимания к только что отрекшемуся Главе Государства*.

Ген. Дубенский, состоящий при Государе для ежедневной записи событий, отмечает под датой 7 марта: «Уже совсем поздно я узнал, что завтра днем приезжают в Могилев четыре члена Государственной Думы с Бубликовым во главе для сопровождения Государя от Могилева до Царского Села». Флигель-адъютант полк. Мордвинов также упоминает о получении в этот день телеграммы из Петрограда, текст которой он приводит: «Временное правительство постановило предоставить бывшему Императору безпрепятственный проезд для пребывания в Царском Селе и для дальнейшего следования на Мурманск».

Ни в одной из этих телеграмм (если допустить, что мы имеем дело с разными телеграммами, а не с одной и той же, в разных версиях приводимой) нет намека на предстоящий арест Государя, и полк. Мордвинов отмечает даже, что «телеграмма эта очень всех нас успокоила». Приходится думать, что ген. Тихменев говорит о какой-то другой таинственной телеграмме, исходящей от Министерства путей сообщения, в то время как телеграммы, упоминаемые ген. Дубенским, Лукомским и полк. Мордвиновым, были посланы кн. Львовым.

Прибавим, что все, что приводится в телеграмме, упоминаемой ген. Тихменевым, неверно: делегаты приехали не рано утром, а около 4-х часов дня; фактически Государь уехал не в 9 часов утра, а днем, и т. д. Но самым существенным в речи ген. Тихменева было заявление о том, что о предстоящем аресте Государю было известно. Если это так действительно, то обстоятельство это служит не-

---

* Воспоминания генерала А. С. Лукомского. Т. 1. С. 142. *Sokoloff N.* Enquête judiciaire sur l'assassinat de la Famille Impériale Russe.

которым оправданием для генерала Алексеева, который доложил своевременно Государю о полученной секретной телеграмме.

К сожалению, и эта версия совершенно опровергается точными свидетельствами ген. Дубенского и полк. Мордвинова, которые оба, и в особенности последний, гораздо ближе находились к Государю, нежели ген. Тихменев. Полк. Мордвинов имел разговор с Государем перед самым Его отъездом, а ген. Дубенский, присутствовавший при отъезде, рассказывает, что об аресте Государя делегаты сообщили ген. Алексееву перед самым отходом поезда и что ген. Алексеев передал Государю это сообщение в следующей форме: «Ваше Величество должны Себя считать как бы арестованным», — причем ген. Дубенский прибавляет: «Государь был очень далек от мысли, что Он, согласившийся добровольно оставить Престол, может быть арестован». Наконец, известно, что до этого сообщения ген. Алексеева Государь приказал пригласить делегатов к обеду, чего бы Он не сделал, если бы знал о Своем аресте.

Чтобы не оставлять, однако, невыясненной малейшей подробности этого события, мы обратились к ген. Тихменеву с просьбой указать те основания, которые позволяют ему утверждать, что о Своем аресте Государь был предупрежден накануне ген. Алексеевым.

В ответе своем ген. Тихменев пояснил, что он не утверждает, что Государь «был предупрежден ген. Алексеевым», что это только его «личные домыслы ни для кого необязательные», основанные на «психологических причинах».

Но, откидывая то, что ген. Тихменев сам признает своими «личными домыслами», остается, из его рассказа, утверждение, что генералу Алексееву было известно накануне о предстоящем аресте Государя.

Ген. Тихменев, вообще благожелательно относящийся к ген. Алексееву, не замечает, что этим утверждением он возводит на память ген. Алексеева еще новое и тяжкое обвинение: если ген. Алексеев действительно знал об аресте Государя — то он является вполне сознательным соучастником этого предательства, так как точно установлено, из вышеуказанных свидетельств, что о нем он Государю тогда же не доложил.

Приложение 2-е к главе III

Беседа В. А. Маклакова с генералом Алексеевым в августе 1917 г.*

Чрезвычайно яркую картину настроения, царившего среди генералов не только до, но и во время революции, дает В. А. Маклаков в своем приложении к французскому изданию протоколов Чрезвычайной следственной комиссии.

В. А. Маклаков рассказывает о своей беседе с генералом Алексеевым во время Корниловского выступления, когда позорный провал революции давно стал ясным даже для бывшего радикального члена Государственной думы.

В. А. Маклаков видит только одно спасение для России — вернуться на путь законной монархии; но генерал Алексеев все еще упорно стоит на революционной платформе, несмотря на крушение фронта и на развал самой России.

Приводим ниже этот отрывок:

«Телефонный звонок от генерала Алексеева — просил меня приехать. Я застал генерала в поезде. В противоположность мне, Алексеев считал тогда, что часы правительства Керенского сочтены. По его мнению, оставалось только решить, что делать Корнилову после победы. Об этом только Алексеев и хотел посоветоваться со мной. Я отнюдь не разделял его «оптимизма». Но насчет политического положения мнение мое давно уже определилось. Существенным, по-моему, был вопрос не о лицах, а о режиме. Если продолжать упорствовать в спасении революции, то нельзя остановить разложения; тогда надо пить чашу до дна. В случае же, если бы Корнилов оказался сильнее Временного правительства и смог «обуздать» революцию, то, по-моему, следовало бы, прежде всего, вернуться к законному порядку. Порядок этот был покинут в ту минуту, когда у Великого Князя Михаила Александровича вынудили отречение; к этой отправной точке и следовало, по-моему, вернуться. Надо было держаться манифеста об отречении Императора Николая II, ибо этот манифест

---

* La chute du régime Tsariste. Interrogatoires des ministres, conseillers, généraux, hauts fonctionnaires de la Cour Impériale Russe par la Commission extraordinaire du Gouvernement provisoire de 1917. Préface de V. Maklakoff. Ancien Ambassadeur de Russie à Paris. P. 84–86. *Тхоржевский И.И.* Люди, делавшие историю // Возрождение. № 4029 от 15.6.1936.

был последним легальным актом. Следовало, по-моему, восстановить монархию, конституцию, народное представительство и управлять в согласии с конституцией.

Ведь, — если бы Корнилов вышел победителем из своего столкновения со стихией революции, то это было бы уже доказательством того, что он достаточно силен, — а, значит, может вернуться на путь законности.

Алексеев был, видимо, изумлен.

— Как? Восстановить монархию? Но это же невозможно!

— Если это и впрямь невозможно, — отвечал я, — тогда вся затея Корнилова безполезна. Нет никакого смысла «побеждать» революцию, чтобы потом «восстановить» ее же снова. Все выгоды, которые вы надеетесь извлечь из смены лиц, никогда не уравновесят зла, которое будет причинено новым крушением власти. Если таковы ваши намерения, тогда уж лояльно защищать существующее правительство против его врагов слева. Это еще лучший сравнительно способ оказывать потом на него спасительное влияние, иметь какие-то шансы удержать революцию в начале ее «соскальзывания под откос». Но если новое правительство — общественных деятелей, которыми вы хотите заменить нынешних, будет действовать в том же «революционном порядке» — долго оно не продержится. Придется, фатально, дойти уже до конца.

Мы долго спорили. Наконец, я сказал генералу:

— Как странно! Мы словно поменялись с вами ролями. Вы, генерал-адъютант, близкий человек к Государю, вы — против монархии! А я, оппозиционер — за!

— Вы правы, — отвечал генерал; — Но именно потому, что я лучше вас знаю монархию, как она есть, — я ее не хочу.

Замечание это меня поразило.

— Возможно! — вскрикнул я тут, в свою очередь. — Но уж наших-то общественных деятелей я знаю наверняка лучше вас. А потому — ничего не жду от вашей затеи».

Приложение к главе IV

Об отъезде Царской Семьи в Тобольск

В своих воспоминаниях, появившихся в извлечениях в газете «Возрождение» (№ 4142 от 29 июля 1938 г.) полк. Н. А. Артабалевский рассказывает чрезвычайно существенные подробности об обстоятельствах, связанных с отъездом Царской Семьи в Тобольск.

Керенский, как мы видели, оправдывает ссылку Государя с Семьей в Сибирь своей заботой об Их безопасности; следователь Соколов уже разоблачил эту ложь бывшего главноуговаривающего. В воспоминаниях полк. Артабалевского мы находим новое и неопровержимое подтверждение того лицемерия, с которым Керенский готовил гибель Царской Семьи.

31 июля комендант Царскосельского дворца вызвал к себе командира 2-го гвардейского стрелкового запасного полка полковника Артабалевского, прося его прибыть вместе с членом исполкома полка.

Полковник Артабалевский явился с стрелком Игнатовым, активным большевиком, который был командирован председателем исполкома прапорщиком Ефимовым.

Полковник Кобылинский заявил пришедшим, что он вызвал их по секретному делу: правительство решило перевезти Царскую Семью в более надежное место. Игнатов, усмехнувшись, заметил, что это секретное дело ему отлично известно, что Царя с Семьей хотят перевезти в Архангельск или в Вологду, но что совдеп этого не допустит, потому что в Архангельске находятся англичане, а Вологда слишком близка к Архангельску.

Затем в разговоре с автором воспоминаний Игнатов рассказал, что вопрос о переводе Царской Семьи давно решен советом и что официальной причиной этого выставляется безопасность Государя, а *в действительности совдеп опасался, что Царской Семье удастся покинуть Россию.* Поэтому решено перевезти Ее или в Тюмень или в Тобольск. Мы знаем, что Керенский это точно и выполнил: Царская Семья была сослана в Тобольск именно под предлогом охранения ее безопасности. Итак, все дело ссылки и заточения Царской Семьи было тайно организовано Керенским в полном согласии с крайними элементами Совета и целью этой преступной шайки было лишить Царственных Узников единственной надежды на спасение.

Полковник Артабалевский рассказывает далее трогательные и волнующие подробности о самом отъезде Царской Семьи.

[См. приложение I к нашей книге, в котором мы публикуем воспоминания полк. Н. А. Артабалевского в более полном виде.]

С. В. Фомин

«Боролись за власть генералы... и лишь Император молился»

ПОВЕСТВОВАНИЕ В ДОКУМЕНТАХ

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ

Когда Государь Император
Смиренно отрекся от Трона,
Он вымолил Божию Матерь
Взять власть над страной и Корону.
Боярской изменой обманут,
Освистан глумливой толпою,
Он, зная грядущее, плакал
Над русскою горькой судьбою.
Он, помня былое, молился
И, падая ниц пред иконой,
Не скорбь Свою вылить стремился,
Просил за Россию с поклоном.

Забыв о Супруге, о Детях,
О милом больном Алексии,
О муках грядущих, о смерти,
Со вздохом просил о России.
Февральская вьюга свистела,
Гармоника пьяно стонала,
За окнами, корчась, хрипела
В агонии смертной Держава.
Боролись за власть генералы,
Победою немец хвалился,
Чернь пьяная кровью гуляла,
И лишь Император молился.

Приходят суровые годы,
Грядет безутешное время.
Кто выдержит эти невзгоды,
Кто вынесет тяжкое бремя?
Не будет отца у народа,
Вампиры страной будут править,
Народ отречется от Бога,
И Бог их во гневе оставит.
Но Ты, Милосердная Мати,
Детей Своих падших, заблудших
Исторгни из адских объятий,
Взыщи их погибшие души.

Спасай, Госпоже, их и милуй,
Когда отступают от Бога,
Спасай их, когда они гибнут
И сами спастись уж не могут.
Грехами Тебя прогневляют
И горе одно лишь приносят.
Спасай их, когда они сами
Спасенья себе уж не просят.
Верни Мою Родину Богу,
От уз сатанинских избави,
Сердца, помраченные злобой,
Смягчи, к покаянью направи.

.....

Архидиакон РОМАН (Тамберг)

Наши предки Рим спасли,
А мы Россию погребли.
В. П. МЯТЛЕВ

Одна из основных тем книги И. П. Якобия — генеральская измена. Даже после выхода в свет специального исследования В. Кобылина «Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев» (Нью-Йорк. 1970) его исследование по-прежнему продолжает сохранять свое значение.

Тема измены Государю Императору генералов М. В. Алексеева и Л. Г. Корнилова — двух символических фигур Белого дела — весьма болезненно была воспринята правыми кругами русской военной эмиграции. И все же истина должна была быть восстановлена. Ибо спор этот русских между собою происходил перед лицом Семи Замученных.

Катализатором этих споров, в известной мере, стало строительство в Брюсселе храма св. праведного Иова Многострадального в память Царя-Мученика Николая II, Царской Семьи и всех в смуте убиенных.

Идея его сооружения принадлежала бывшему секретарю главнокомандующего Русской Армией генерала П. Н. Врангеля Н. М. Котляревскому[1] и С. Н. Палеологу[2].

*За советом Н. М. Котляревский обратился к митрополиту Антонию (Храповицкому). «Перед тем, чтобы дать вам благословение и советы, — прозорливо заметил Владыка, — я хочу знать, готовы ли вы к большим горестям и скорбям при осуществлении этого святого дела, ибо все темные силы будут всячески препятствовать вам в осуществлении этого дела, ибо оно связано с именем нашего Великого Государя, Который в будущем будет почитаться, как св. мученик» *.*

Сооружать храм решили в Брюсселе. Одним из главных мотивов этого решения было «желание отодвинуть этот храм подальше на запад, чтобы сделать его менее достижимым для большевиков». Такая предусмотрительность, несомненно, оправдалась. В конце того же 1929 г. был образован «Комитет по сооружению Русского Православного Храма в Брюсселе в память Царя Мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных», принятый в декабре 1929 г. под покровительство

---

* *Архиепископ Никон (Рклицкий).* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. IX. Нью-Йорк. 1962. С. 280. Благословение зафиксировано в Определении Синода от 28.9/11.10.1929 г.

Августейшей Сестрой Царя-Мученика Великой Княгиней Ксенией Александровной, проживавшей в Лондоне. Особый патронаж этому святому делу оказывала Сербская Православная Церковь, в недрах которой, собственно, и зародилось почитание Государя Императора Николая Александровича, как Святого Мученика[3].

Собор Русских Иерархов (22 архиерея) благословил благое дело, обратившись 2/15 марта 1931 г. к пастве с особым «Архипастырским посланием ко всем православным русским людям в зарубежьи», призвав руссских людей к доброхотным жертвам.

В лучшей части Брюсселя был приобретен участок земли. Строительные работы были начаты 27 ноября/10 декабря 1935 года. Храм заложили в воскресенье 20 января/2 февраля 1936 года сербские и русские архиереи: митрополит Загребачский Дософей, архиепископы Анастасий (Грибановский, 1873 † 1965) и Серафим (Лукьянов, 1879 † 1959) и епископ Бачский Ириней (Чирич, 1884 † 1955)[4]. *Присутствовавший на закладке представитель Российского Императорского Дома Князь Гавриил Константинович в речи, в частности, сказал: «Не сомневаюсь и твердо верю, что придет время, когда по всей Земле Русской воспрянут подобные же памятники, а Ипатьевский дом превратится в место паломничества русского народа, но и тогда великим утешением будет служить то, что и на чужбине, в изгнании, мы не забыли Того, Кто жизнь дал Свою за Россию. Вот почему я считаю, что будущий Храм Памятник будет для нас всех символом преданности прошлому, без которого будущее строение нашей Родины невозможно. Он будет тоже служить напоминанием нашего долга перед Родиной, почерпая его в примере Великого Страстотерпца, предпочтившего смерть — измене России» *.*

Под наблюдением Комитета изготовлялись памятные доски с именами погибших в годы Второй Русской Смуты для размещения их на стенах храма, составлялся синодик для вечного поминовения усопших. (Стоит особо подчеркнуть, что имена генералов Корнилова и Алексеева на досках в храме отсутствуют[5].*) Эти последние обстоятельства также привели к различного рода трениям и неудовольствиям.*

Однако наиболее болезненную реакцию, буквально взрыв негодования среди некоторой части военной эмиграции, вызвала публикация книги И. П. Якобия «Император Николай II и революция», чистый доход от продажи которой поступил на сооружение Храма-Памятника.

---

* *Архиепископ Никон (Рклицкий).* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. IX. С. 287.

О том, как разворачивались события, лучше всего свидетельствуют публикуемые нами ниже материалы эмигрантской прессы.

* * *

...В конце 1920-х, казалось, еще ничто не предвещало дальнейших бурных событий. В августе 1928 г. белградская газета «Царский вестник» публиковала обычные материалы о «Белых героях»...

КОРНИЛОВСКИЙ ПРАЗДНИК

В пятницу 18/31 августа в день св. Лавра славные корниловцы праздновали свой традиционный войсковой праздник.

В г. Белграде был отслужен торжественный молебен с провозглашением вечной памяти шефу Корниловской ударной дивизии генералу Лавру Корнилову и вождям Добровольческой армии ген. М. В. Алексееву, ген. С. Л. Маркову, ген. М. Г. Дроздовскому, последнему главнокомандующему ген. П. Н. Врангелю и всем корниловцам, успошим и павшим на полях сражений за Родину. Было провозглашено многолетие Государыне Императрице Марии Феодоровне, Верховному главнокомандующему Вел. Кн. Николаю Николаевичу, старшему корниловцу ген. А. П. Кутепову и всем корниловцам в рассеянии сущим. На молебне присутствовали многочисленные представители русских военных и гражданских организаций и корниловцы.

В Офицерском собрании состоялся ужин корниловцев, который посетили представители других воинских организаций. Корниловцы, как всегда, весьма дружно провели этот день и вновь обнаружили свою твердую спайку и дружное единодушие.

«Царский вестник». № 3. 20.8/2.9.1928. С. 3.

Именно отсутствием этой «твердой спайки» офицеров «прежней Русской Армии» в напечатанной рядом с приведенной заметкой статье объяснялись все последующие беды России:

«Они [офицеры] не только не встали на защиту гибнущего Отечества и преданного и оставленного всеми **Государя Императора Николая II**, но они даже не сумели организоваться, чтобы защитить свою собственную жизнь и были — в громадном количестве — убиты обезумевшим, развращенным и обманутым народом»*.

Однако в приведенной нами статье о празднике корниловцев обращает на себя внимание тот факт, что при провозглашении «веч-

*Союз гг. офицеров Императорских Российских Армий, Флота и Воздушного флота // Царский вестник. № 3. 20.8/2.9.1928. С. 3.

ной памяти» «шефам», «вождям», «главнокомандующим» и всем вообще умершим и павшим «единодушные» и «спаянные» «забыли» о убиенном десять лет назад Государе и Его замученной Семье.

Не прошло и три года, как в безудержно хвалебных статьях о генерале Л. Г. Корнилове появляются иные нотки: глухая угроза тем, кто пытается «очернить» имя «великого патриота, воина и гражданина» (с последним не приходится спорить, ибо верноподданный» в этом случае звучало бы более чем фальшиво).

ПАМЯТИ ГЕН. КОРНИЛОВА
(К 13-й годовщине смерти)

12 апреля с. [1931] г. исполнилась 13-я годовщина геройской смерти великого патриота Земли Русской, бывшего главнокомандующего Русской Армией и командующего Добровольческой армией генерала Лавра Георгиевича Корнилова.

Утром, 12 апреля 1918 г., во время атаки Добровольческой армией, занятого красными г. Екатеринодара, генерал Корнилов, после безсонной ночи и обхода позиций, сел за стол в комнате молочной фермы, что в 2-х верстах от города, на берегу Кубани и стал обдумывать план дальнейшего хода атаки.

В этот момент снаряд, пущенный братоубийственной рукой, влетел в комнату и смертельно ранил героя[6]...

Перестало биться великое сердце героя, пылавшее неугасимым огнем любви к несчастной опозоренной Родине!

Скончался тот, кто в безграничной любви к Родине, жертвуя жизнью, *первый* вступил в открытую борьбу с разрушавшими Россию и армию силами, в лице демократических вождей, а затем их наследником — кровавым III интернационалом. Но, опьяненный большевицким ядом, народ в горячечном бреду не познал своего спасителя и предал его, как «изменника и мятежника», и только небольшая горсть действительных патриотов до конца сопутствовала ему.

Жизнь генерала Корнилова — величайший образец воинской доблести, патриотизма и безпредельной любви к Родине.

Прошли 13 лет...

Русский народ, обращенный большевиками в раба, закованный в цепи, уже познал, кому он доверил свою судьбу и кто его *действительно* враг... Он сплочен в своей ненависти к большевицкому режиму и борется с ним...

Только в эмиграции кипят политические страсти... Забывается главный враг, идет междуусобная страстная политическая

борьба; имена великих вождей и патриотов, первыми поднявшими меч в защиту поруганной Родины, при общей растерянности и потере гражданского мужества и чувства патриотизма, нередко пытаются очернить...

Но... великие люди останутся великими, как бы их не пытались современники столкнуть с исторического пьедестала. Будущие поколения Русского народа по заслугам оценят великого патриота, воина и гражданина Лавра Георгиевича Корнилова; мы же верные его завету — *до конца стоять за честь и счастье Родины, которая должна быть для нас превыше всего,* скажем — вечная ему память и вечная ему слава.

В. ПРОНИН

Русский голос. № 3. 26.4. 1931. С. 3.

Сколь безудержно было это восхваление, читатель может судить по приводимой ниже статье из той же газеты, посвященной, как и предыдущая, 13-й годовщине убиения генерала.

ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ

Нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы *.*

Генерал М. В. АЛЕКСЕЕВ

Прах Корнилова сожгли и пепел рассеяли по ветру[8]... Широкими просторами России проносится вольный ветер и по безкрайним русским равнинам разносит он прах одного из лучших и величайших ее сыновей.

...Чтобы не осталось и следа физической жизни этого человека-героя, чтобы перед будущими — верим, безпристрастными — поколениями прошла неуловимой сказкой великая слава русского патриота, возложившего на свои плечи честь Родины; чтобы образ его засиял для нас вечным светом подвижничества.

Видите: руки Корнилова
Русскую землю несут...

И. Савин**

* * *

Генерала Корнилова убили, прах сожгли и пепел развеяли по ветру...

---

* И. Савин.

** Стихотворение «Не будь тебя». — *С. Ф.*

13 лет тому назад офицеры и солдаты рыдали, как дети, над могилой Вождя. В могиле была — Россия. Корнилов зажег в своем сердце идею России. 13 лет назад русские люди умели любить и гордиться своими героями, острее чувствовали Родину, ее позор, свой стыд... и шли за Корниловым и с Корниловым — умирать. Так было.

И снова — в который уже раз — пришедшие со стороны, незнакомые, непричастившиеся страданьям крестового похода за Родину люди пытаются сжечь его душу и славу его высокого подвига развеять по ветру.

* * *

Давно исполнилось время тяжкого земного пути наших первых Вождей. Но даже памяти о них судил Господь выдержать крестный путь. Как вечное причастье несокрушимого духа для нас эти дикие распятья их русских имен...

Глубже храните и бережней
Славы Корнилова весть...

...Широка туманная Кубанская равнина. Степовую волчью тоску размыкали по родным просторам офицеры и добровольцы Корнилова. Искали смерти и шли на смерть, глядя в монгольские глаза своего Верховного.

Верховный вел их на смерть — за Россию, за ее воскресение.

Видите: руки Корнилова
Русскую землю несут...
И. Савин

* * *

Тот, кто распял свою молодость на русской голгофе, поймет меня и вспомнит:

...Ни зги не видать вокруг. Темная ночь над Родиной. Железом, пыткой и кровью надорваны сердца. Брошен в кровавые лапы сумасшедшей черни. Топят в море, распинают на крестах, убивают... Ни одного твердого голоса «по праву рождения» — только большие красные банты на *Думской* площади, только поспешные оправданья «в своем происхождении»[9]. ... Мы помним, помним этот хаос, почему-то сейчас, задним числом неучитываемый!

И на всю Россию два голоса — только два, да и то, как оказывается теперь, «республиканских»! — два человека над всеми стихиями русской жизни почувствовали и сказали одно простое, все примиряющее и волнующее слово — Россия.

Почувствовали *скорее всех* прочих, сказали *первые* и зажгли на знаменах, не склоненных до настоящего времени: — старик Алексеев, согбенный русской «исторической правдой».

И где-то в тумане Корнилов,
С войсками идущий на смерть.

Туроверов

* * *

Не нуждаются они в моем славословии. И нового ничего не сказать мне про них. И не берусь я корректировать искалеченную ныне и нетонко подтасованную «историческую правду».

Я только, в минуты, когда остро чувствуется пошлость нашего времени и его дешевый удельный вес — любовно и низко склоняюсь перед великими русскими патриотами, спасшими честь России. С чувством глубокой сыновней благодарности я молюсь за тех, кто воспитал нас высоким примером своим, кто не оставил нас до смерти... И это чувство гордости и благодарности я целиком переношу и на тех, кто был с ними, кто призван хранить их заветы: Быховец, Первопоходник, Галлиполиец — священная лестница искупительных подвигов...

* * *

Пусть первые корниловцы, ушедшие за Верховным в ледяные кубанские степи, не почувствуют себя одинокими; пусть верят они, что благородный порыв их не затухнет в наших сердцах и памяти, что о делах их расскажет Россия настоящим «исторически правдивым» песенным сказом. Мысли отвлекаются от главной цели нашего существования, но сердца хранят волнующие образы; среди них один из самых светлых — Корнилов.

Ведь слово Корнилов — как знамя,
Корнилов — как русская честь...

С ним — все сподвижники его, наши учителя и руководители; за ним — корниловцы, хранители его Ледяного похода и до наших дней святой идеи России.

И мы, благодарные солдаты России, верим своим Верховным, верны их памяти, исполнены сыновней преданности и ждем своего часа.

Слышите — сердце Корнилова
В колокол огненный бьет...

И. Савин

А. КОМОРОВСКИЙ

Русский голос. 1931. № 11. 21.6. С. 4.

В то же самое время в русской эмигрантской печати появляются другие материалы, авторы которых пытаются по-иному осмыслить недавнее прошлое:

ГЕНЕРАЛ
(С натуры)

Это было еще в то время, когда Великая Держава в порыве благородного негодования бросила свою армию спасать Париж. Мы знали, что надо идти вперед во что бы то ни стало, что надо, не считая жертв, спешить, не дожидаясь тяжелых дивизионов. Дорога минута: наши союзники французы изнемогали на Западном фронте. Туда германцы бросили все свои силы, не веря в быстрое наступление с востока.

Тогда вся армия переживала еще отголоски экстаза, с которым было встречено объявление войны и наша дивизия быстро перешла границу.

Теплые августовские дни заливали мягким светом непривычные для глаза ландшафты селений Восточной Пруссии и чистые белые домики крытые красно-желтою черепицей красиво выделялись на зелени полей и золотистых сжатых нив.

...Меч войны поочередно касался цветущих деревень и малых городов, которые мы проходили. Одним это движение причиняло торжество и радость, другим несло горе и разорение. Там, где со своим штыком прошел солдат, все предавалось разрушению. В уютных домиках все обращалось в мусор и запуганные фигуры женщин и детей ютились группами в углах, безмолвно ожидая решения своей судьбы. Еще никто не понимал, что значит война, но драма человеческой истории уже приподнимала свой занавес.

Наша армия быстро двигалась вперед, не задерживаясь, обложила небольшую крепость Летцен, и вступила в область Мазурских озер.

О них ходило много легенд, и щекотали они по временам воображение. То говорили, что все проходы между озерами минированы, или, что, открыв шлюзы, германцы зальют всю местность вместе с русскою армией. Но наша дивизия все шла.

Мы составляли правофланговый корпус второй армии генерала Самсонова и выполняли какую-то задачу. С того момента, когда перешли границу, мы уже ничего не знали об общем положении дел. Вправо от нас шла первая армия генерала Ренненкампфа.

Мы жили напряженною походною жизнью, ежеминутно ожидая столкновений с неприятелем. Все были охвачены уверенностью в свои силы и часто говорили, что опыт прошлой японской войны для нас не пропадет даром.

Боевой порядок был полный. В занятых селениях держались стройно и по домам проходили патрули. И только страшная картина разрушения и разгрома жилищ напоминала, что идет самая настоящая и безпощадная война.

Повсюду по сторонам дороги валялись обломки повозок и разбитые, недалеко унесенные, вещи. Особенно часто попадались сломанные велосипеды, швейные машины и граммофоны. Изредка, уже в стороне от дороги, валялся неизменный спутник военной жизни — труп лошади. Парящие над нами аэропланы были еще новинкою и люди напряженно следили за высоко летящей птицей, стараясь разгадать, наш ли это аппарат или неприятельский.

В один из первых дней наступления мы получили из армии Ренненкампфа, справа от нас, известие об успешном бое с германцами под Гумбиненом. Это подняло наше настроение. Мы двинулись вперед и скоро достигли Летцена. Внезапно наш корпус получил приказ двинуться вправо, на север и фланговым маршем, минуя Летцен, перейти в армию Ренненкампфа. Этот переход был выполнен легко и быстро, но уже с несколькими небольшими стычками. Мы напряженно шли вперед, очутившись на уровне Фридлянда, к югу от 4-го корпуса.

В ясный августовский день мы двигались к селению, где только что взяли несколько десятков пленных германцев. На душе у всех бодро теплилась надежда, как вдруг пронеслось грозное слово: — отступление.

Это было ударом. Со времени японской кампании мы боялись этого слова. Все говорили: «только бы не отступать».

Впервые я услышал это слово от двух офицеров, ехавших на повозке навстречу отряду. Им не поверили. Дальше по шоссе нам встретился велосипедист, посланный с приказанием, и подтвердил весть. Но мы все еще продолжали двигаться вперед. Навстречу попался артиллерийский обоз. Типичный фельдфебель его недоумевал: что случилось?

Шли успешно. Крупных сопротивлений не было даже со стороны неприятеля.

И вдруг...

Через несколько часов по шоссе уже потянулись вереницы обозов, запрудили дороги и обрисовалась проклятая для тех, кто

видел ее в Маньчжурии, картина отступления. Над армией сгустились тучи. Никто не знал, в чем дело. Поднимался глухой привычный по прежней войне ропот. И мало-помалу, неведомо откуда, стал выкристаллизовываться слух.

Что-то случилось для нас неблагоприятное. Наш план обойти неприятеля и захватить его в ловушку нам не удался и, чтобы спасти положение, надо было сделать перегруппировку. Всю армию быстро отводили назад. Мы шли три дня и ночи к перешейкам уже пройденных Мазурских озер, и здесь остановились, окопавшись.

Катастрофа Самсоновской армии, из которой наш корпус только что ушел, обрисовывалась со всею ее непонятностью и колоссальностью размеров. Погибла не дивизия, а целая вторая армия. Около 100 тысяч человек, окруженные германцами, почти без боя сдались, открыв им путь на Варшаву. И теперь, ликвидировав свои трофеи, германцы надвигались на нас.

Генерал Самсонов будто бы застрелился, а целые корпуса, не сделав ни одного выстрела, пошли в Берлин не в роли победителей, а в тоге побежденных.

Через неделю в напряженном бою на Мазурских озерах наша дивизия была почти уничтожена, и я с небольшим отрядом вырвался из окруженного Гольдапа.

С тех пор в душе висели картины, — не нашего разгрома на Мазурских озерах, от которого все же ушли в сравнительной целости остатки армии, — а катастрофа армии Самсонова. И мрак поражения смягчался формулой:

— А все-таки ценою таких жертв спасен Париж

Немцы, прервав сражение на Марне, бросили свои силы на восток и Русская армия выполнила свою задачу самопожертвования.

* * *

Наша дивизия пополнилась и действовала под Варшавой.

Однажды мне попался в руки клочок газеты. В ней с негодованием опровергалось откуда-то дошедшее сообщение о том, что немцы возят в клетке и выставляют на показ взятого в плен под Сольдау видного русского генерала. Там говорилось, что Самсонов не пережил своего позора и покончил с собою и что никакого «большого генерала» в плену у немцев нет.

В вихре военных впечатлений сменялось много образов. Но даже картины боя не могли вытеснить этой фантастической картины немецких действий.

Грезилось: «большой русский генерал, возимый в клетке на показ немецкому народу».

С тех пор миновало много страниц истории

Но сквозь весь намет картин и впечатлений остался один неизгладимый образ: катастрофа у Сольдау и сдача огромной русской армии тонкой нити войск Гинденбурга...

* * *

Неслись картины в кинематографе жизни. Море человеческих страстей выносило на свою поверхность подвиги героизма, чести. Венчали героев славою. Она сменялась низостью измены, предательством, и все скрутилось в страшном вихре всеуничтожения и ужаса развала.

На ленте прошлого теперь пестрели катастрофы посильнее плена Сольдауской армии. На время очутившись вне рядов разметанной грозою армии, в условиях городской жизни, много страшных картин видел глаз офицера бывшей великой армии.

Дикая толпа «товарищей матросов», — «краса и гордость русской революции» — резала офицеров как скот и ставила их к стенке. Разрушалась жизнь, гибла культура и народные сокровища. Дико правила свой шабаш сила ненависти и мщения.

Снова очутившись в рядах сформировавшихся белых армий и вновь переживая все тяжести неравной борьбы, я видел страшные картины. На полях сражения, в суматохе уличного боя, в нетопленой теплушке ползущего эшелона разбитой армии, на полу переполненного сарая-госпиталя, в сыпнотифозном бреду, кошмары тяжело давили психику образами пережитого. И страшными видениями полусна повторялось то, что уже минуло в реальной жизни.

Когда в набитых людьми мрачных трюмах пароходов измученное болезнью тело заедали вши, — в душе царили образы воспоминаний и становилось мрачно.

Но красной нитью сквозь эти видения почему-то грезился большой русский генерал, Сольдау и клетка.

* * *

Бурные порывы борьбы сменило унижение изгнания. Борцы за родину превратились в беженцев и выпили до дна всю чашу горя побежденных. В душе еще висели обрывки воспоминаний о том, как, не щадя себя, мы все-таки спасли Париж.

Теперь над нами издевались темнокожие зуавы и французское презрение наводило на грустные размышления о непрочности душевных чувств.

И снова вспоминалось Сольдау и думалось, что было бы, если бы «генерал в клетке» не сдался, а с мощным своим корпусом исполнил бы свой долг.

И горько сжималось сердце.

Ко всему привыкает душа. В шкуре беженца бывшие воины рассеялись в чужой земле и гордость их смирилась. Покорно принимали подаяние внуки тех, чьи деды... И также покорно выслушивали упреки: «Зачем едят наш хлеб?»

Научилась душа изгнанника ценить благодеяния и обуздался строптивый дух.

В мирной обстановке жизни забывалось прошлое величие. Люди, бывшие на родине «большими», здесь стали маленькими. И были довольны тем, что могут быть не голодны.

И никого не удивит теперь метаморфоза.

Оборванные и изможденные тени бывших людей мало говорят об их прежней доблести или о низкой роли, которую они сыграли в гибели своей отчизны.

В хаосе слов и ложных лозунгов уже давно запуталась душа беженца, который не знает, какому Богу служить, откуда ждать луча надежды.

Жизнь нудная под спудом жизни приютившей их страны.

Все озираешься: не пришибли бы еще. Не выгнали бы.

Душа привыкла к оскорблениям и гордость стала упраздненным предрассудком. Как будто в чем-то постыдном виновен человек.

В часы тяжелых размышлений вдруг вспомнятся Мазурские озера. Тяжелый бой и гибель десятков тысяч окруженных в Гольдапе. И неизбежно грезятся влево от нас пленные корпуса второй армии и генерал в клетке.

— Н-да... Спасли Париж!..

Спасали когда-то и других...

А теперь там, где еще уцелели могилы их дедов, внуки в униженьи просят милости:

«Не выгоняйте».

Спасали, гибли, не жалели жертв...

* * *

Привыкли. Немного оправились. И в скромных ролях несут работу и службу. Не всегда терпимы, лишь как парии. Иногда лучом привета им улыбнутся и примут в обществе... как равных...

Однажды я встретил генерала в хорватском доме. Это был русский генерал. Старик с большою головою. Он неизменно был одет в свой старый мундир генерального штаба, и погоны говорили о том, что он полный генерал.

Когда нас познакомили, в его фамилии мелькнуло знакомое. Это имя встречалось в России как имя генерала, занимавшего высокий пост. Но как-то не припоминалось больше. А генерал молчал и больше забавлялся, нянча на руках малого ребенка приветливой хозяйки. Этот генерал нес теперь какую-то небольшую службу в изгнании, считая вещи в интендантских складах, и был доволен малым. Но что-то чувствовалось в нем чужое. Мы не понравились друг другу. Я часто видел фигуру старика с его большою головою и бритым, круглым старческим лицом. Его коротенькая фигурка как-то особенно оттенялась слишком обрезанным сюртучком-мундиром. В ней было что-то куцее, и был он как-то к русским нелюдим.

Он в меру говорил. Имел определенные привычки. Во всей манере держать себя в нем было что-то тяжелое.

Мы встречались довольно часто. Но ни разу не пришлось нам поговорить друг с другом и обменяться взглядами.

Однажды общество сидело за чайным столом. Генерал держал на руках непокорного Сашу, который своими ручонками тянулся к пепельнице, стоявшей на плюшевой скатерти.

И как-то незаметно генерал вдруг заговорил о том, как получил он в Добровольческой армии от генерала Деникина приказание прекратить грабежи военачальников, и был снабжен на этот счет диктаторскими полномочиями.

Он тут же брезгливо буркнул, что «ничего из этого не вышло» и что «все планы борьбы с грабежом пришлось оставить».

Я неясно понял генерала. Но в тоне его послышалась хорошо знакомая враждебная нотка, которую так много раз уже я слышал от русских генералов, оставшихся за бортом и не получивших желанного ранга и места в Добровольческой армии.

Для меня этого было достаточно. Я сразу узнал в нем «обиженного и недовольного».

Однако он был в Деникинской армии, хотел, стало быть, бороться с большевиками. Психология обычная: все, что делаем не мы, плохо. Все осуждаем. Мы бы...

* * *

Однажды с хозяйкой дома, где я встречался с генералом, мы разговорились о русских. Мы говорили на тему об оборванцах и рассуждали о том, что для человека важнее:

Душа, тело или платье?

Я говорил, что о русских беженцах по платью и по манерам теперь нельзя судить и угадать, чем были они раньше. Ободранные и изможденные, они теперь похожи на бывших людей.

Собеседница моя согласилась.

— Вот наш генерал. У него сохранилась форма — мундир, говорят, только потому, что он был в плену.

— В плену? У немцев?

— Ну, да. Он пробыл у них все время. Был взят еще в начале войны.

— В начале войны?

И что-то нехорошее отозвалось в душе.

Начало войны. Далекие воспоминания. А впрочем...

Заговорили о другом.

С тех пор, когда я встречался с генералом и смотрел на его коротенький мундирчик, на широкие серебряные погоны и на большую неуклюжую голову, у меня всегда ассоциировался плен.

Я знаю, что значит плен, и не всегда оправдываю тех, кто сдался. Однажды на японской войне я был послан начальником Кавказской бригады князем Орбелиани с поручением и въехал в деревню уже занятую японцами. Выхода как будто бы не было, и я вспомнил напутствие генерал-губернатора, отпускавшего меня на войну:

— Смотрите, не попадитесь в плен.

Я был вдвоем с вестовым, всадником дикой бригады.

Мы обменялись взглядами.

— Хады суда! — спокойно сказал мне кабардинец и смело въехал в гущу гаоляна, уже вытянувшегося выше роста всадника.

Свистели пули, и ломались кисти гаоляна над головою, а мы все ехали по узким галереям между двумя рядами стволов.

И выбрались.

В Гольдапе мы гибли. Фельдфебель вопросительно глядел на меня, когда я вынул из кобуры револьвер.

— Будешь сдаваться? — спросил я выразительно.

— Никак нет, ваше высокоблагородие.

— Ну, так гляди внимательно: я буду искать брод. Найду, — вали за мной с частью.

В нескольких саженях от нас текла река, а мост впереди был безнадежно запружен. Лошаденка пошарила ногами и прошла. За мной вышел мой обоз и потянулась батарея. Дальше шло картофельное поле, которое обстреливали германцы из пулеметов. Впереди была смерть, сзади — позор.

Кто пошел вперед — спасся, кто предпочел позор — остался.

Кто *не захочет* сдаться — иногда сумеет выбраться.

И как-то с затаенным недружелюбием смотрел я с тех пор на генерала.

* * *

Мы сидели вечером за тем же чайным столом. Налево от меня опять сидел генерал и Саша на его руках тянулся к игрушкам, которые принес ему генерал. Мальчик спешил проявить свои инстинкты разрушения маленького варвара. Старик терпеливо возился с ребенком.

О чем-то говорили мы на ломанном хорватско-русском языке и что-то вспоминали.

Генерал вдруг оживился.

— Россия в эти годы сильно шла вперед: была богата. И она бы сильно развилась *при другом Царе*...

Я остолбенел.

Русский полный генерал в гостях у народа, освобожденного Русским Царем от германского ига, поносил их Освободителя.

— Николай был коварный и неискренний человек, — и привел цитату из записок Витте, этого обиженного царедворца. В его глазах сверкала злоба, голос звучал порывисто и резко.

Я перевел взгляд с некрасивого лица на широкую полосу серебряного погона и думал:

«Полный генерал, Царем возвеличенный на высшую степень служебной иерархии, слуга Престола, Родины и Веры... Чего же недостает тебе? За что клевещешь?»

Там у себя на родине не приходилось считать одежду в интендантских складах.

— Я занимал высокие посты и лично знал Николая, — шипел предатель.

— Ну, в этом меня не убедите, — спокойно попробовал я оборвать поношение Главы великой когда-то страны.

— Вы Его лично не знали, — продолжал старик. — Он постоянно отменял то, что решал и колебался. Сам Сипягин говорил о Нем...

Я возразил:

— Вот от таких-то министров и генералов и гибла Россия. Как же могли вы служить при таком отношении к Царю?

Он быстро перебил:

— Я не Ему служил! Я служил отечеству

Саша, капризно закричав, потянул со стола кружевную салфетку и генерал бросился спасать ее.

Я хмуро замолчал.

Перед моими глазами, устремленными на стол, лежала малиновая плюшевая скатерть, а на ней кружевная салфетка, обращенная ко мне углом. Лицо мое горело от негодования, и в воспоминаниях быстро проносились образы: глубокие и мягкие глаза Императора великой державы, Его спокойное, серьезное лицо, и рядом — безобразная голова с короткими остатками седых волос полного генерала Императорской армии.

Неслись воспоминания измен и предательства ему подобных, отступившихся и отрекшихся.

Вот она, причина гибели. Как могло держаться государство, у самой вершины которого царил такой разлад? Как мог такой генерал вести к победе армию, которая шла под знаменем и символом Белого Царя?

И вдруг все поле воспоминаний застлалось туманом прошлого.

И выплыли в нем Мазурские озера и начал давить душу какой-то смутный образ...

Я медленно перевел глаз сначала на погон, потом на черный бархатный воротник и на подернутое недовольной судорогой лицо.

Постепенно этот образ начал преображаться, и я увидел, как сквозь мираж Сольдауской катастрофы обрисовалась фигура «генерала в клетке»...

Так вот кто ты!

Вот виновник сдачи русской армии. Вот тот, кто не пошел на резкий шаг спасения от позора с Самсоновым и кто, влачив свой жалкий жребий в плену у немцев, теперь брюзжит и старческою речью попирает всю славу прошлого и своего Царя, Которому, как подлый раб, служил тогда, когда на высоте Престола Император держал в Своей руке судьбу счастливого и сильного народа[10].

Постскриптум

Ваше Высокопревосходительство!

Судьбе угодно было свести нас на чужбине, в хорватском частном доме за чайным столом. Вы были в форме полного генерала при погонах. В завязавшемся разговоре вы стали поносить покойного Русского Императора, выразив свое о Нем мнение. Я прекратил тогда этот разговор, как выходящий, по моему разумению, за всякие пределы приличий в данной обстановке в иностранном обществе. Ныне же, как военный врач, участник всех войн и как русский гражданин, я считаю своим долгом выразить вам свое негодование по поводу поругания вами покойного Императора. Мне были бы совершенно безразличны ваши личные мнения. Но, как русский генерал, вы так говорить не смеете — снимите сначала форму.

Во время Великой войны я был в составе второй армии генерала Самсонова и помню сдачу вашего корпуса у Сольдау. Изменник и предатель Царю не может выполнить своего долга. И не вам, сдавшему свой корпус и пошедшему в позорный плен к немцам, судить Русского Царя, с презрением отвергнувшего предложение германцев и свято выполнившего до конца Свой долг.

Без всякого к вам уважения...

(подпись).

* * *

Старый генерал-адъютант, через которого было передано это письмо, улыбнулся в свой длинный ус.

— Однако, — сказал присутствовавший при чтении письма штатский. — Ведь, получив такое письмо, придется вызвать вас к барьеру.

Старый генерал-адъютант еще раз улыбнулся спокойно и, махнув рукою, сказал:

— Не безпокойтесь! Не из таких.

И подлинно, генерал с большою головою оказался не из таких.

ПАНИХИДА

...На острове Лемносе[11] жаркий день. Сегодня скорбная годовщина события из жизни революции. Два года* тому назад убили Русского Царя. Начертано в законах вечности, что раб, взбунтовавшись, низвергнув властелина, сначала топчет свой ку-

* В действительности *три*, т. к. речь может идти лишь о 1921 годе. — *С. Ф.*

мир. Потом лягает «бывшего», как льва Эзопа лягал осел. Потом, наиздевавшись, подлый раб вонзает нож в тело господина...

...На острове бугор, а на бугре маркиза-шатер. В нем церковь. Сюда лениво тянутся и медленно идут... Их мало. Не считает долгом чести русский почтить покойного Царя. Из тысяч беженцев здесь нет и сотни.

Изподтишка бросает взгляд кругом пришедший. Напрасно: уже надеты маски. Люди осторожны. Молчат, не доверяя друг другу.

Вчера осмелились: решились отслужить панихиду в день смерти Императора. Долго думали, судили: можно ли? Удобно ли здесь, на Лемносе, помолиться за убитого Царя? И сильно сомневались, не будет ли неделикатно объявить о панихиде по лагерям? Пугливо озираясь, пророчили, что «мало ли что может быть? Ведь политическое дело тонко».

— Не лучше ль потихоньку? Без шуму, знаете?..

И шепчет сам себе: «Идти иль не идти?» А ночью, наедине переживает стыд. «Потом ведь нелегко будет отречься... Не стоит путаться в историю... Пусть делают другие»...

Решили сделать дело тихо, по-семейному... Робко заявили коменданту и друг через друга оповестили «своих».

По лагерю нежданно прошел «герольд» и возгласил, что завтра будет панихида по «бывшем Царе Николае Александровиче»...

Смелый голос из палатки отозвался:

— Неправильно титулуете: «Его Императорское Величество, Государь Император»!

Молчали «бывшие». Не протестовал никто. И каждый только думал: «Идти иль не идти?»

Инициаторы пошли сначала за разрешением к коменданту[12].

Маститый старец, полный генерал с двумя Георгиями. Русский воин, увенчанный наградой Государя, — он брал когда-то Эрзерум.

Хитро смотрит острый взгляд из-под седых бровей. Ищет слов и думает: «Ах, эти патриоты!»

Лукавит старец и в тайной думе говорит:

«Служите! А я — шалишь! — Я не дурак, чтобы пойти молиться за *бывшего* Царя!»

Он разрешает: «Если хотите, молитесь за гражданина Николая!»

Идут к епископу[13]. Благообразное лицо. Не старый. Изгнанник на Лемносе. Десятки лет отец духовный поминал в богослу-

жении благочестивого Царя, и величаво возглашал Самодержцу долголетие. На проповедях говорил о Вере, о Царе, Отечестве...

— Что? Панихида? По Царе? Постойте! Дело не так просто.

И думает: «Что скажут партии? Эсеры? Кто победит?»

Вслух:

— Нет, я разрешить молиться за Государя не могу!

Вдруг спохватился пастырь:

— Да, впрочем, официально неизвестно, убит ли Царь! А если жив? Нет, — неудобно...

А в тайниках души звучит:

«А если?.. Если снова воцарится Император? Тьфу, ч... возьми! И что за мысль дурацкая — молиться!»

— Ну, знаете, — я не могу: поговорите с отцом Георгием. Как хочет, так пускай и делает, я умываю руки.

Идут к священнику[14].

Модный проповедник. Громит порок и разгильдяйство. Требует от паствы долга, служения родине: он не откажет!

Сухопарый, некрасивый человек с лицом аскета.

— Гм... Не того... Гм... За Царя? — Подернулось суровое лицо брезгливой судорогой. Недовольство овладело на миг обыкновенно послушной мимикой.

«Вот выдумали! Тьфу, какая неприятность! За Царя... Служить или не служить?» Ах, впрочем, вспомнил:

— Но позвольте: Он не Царь. Он «бывший»! Служить нельзя!

И красноречие полилось: «Нельзя, Он Сам отрекся!»

Забыл ораторствующий поп, что сам он «бывший», что вместе с Царем низвергнут «именем народа» алтарь и что в тяжелую годину катастрофы уже не слышно властного призыва служителя Престола Божия.

— Ну, ладно, отслужу, но только не за Царя, а за *Николая* и это помните!

Пришли к палатке-церкви отдать честь Родине в лице почившего Царя. Все больше старики, в погонах с орденами. Здесь были бойцы Императорской армии, два-три чиновника. Немного женщин. Пришли оплакивать Россию. Но скрыты глубоко были мысли и лживо осквернял святыни храма язык. Кто думал многое — молчал. Кто ничего не думал, старался оправдаться, — зачем пришел сюда!

Было тихо в храме и мрачно. А те, кто понимал всю низость происходящего, шептали:

«Вот *подлость человека!*»

Нет коменданта. О, старый не дурак! Он не придет. Нет архиерея. И многих не было, кому бы надо было быть. Увы! Их не было и там, где верные знаменам бойцы еще сражались за Россию!

— Мы переписаны здесь все! — шептались трусы. — Здесь есть большевики!

Затихло все. В полусвете храма торжественно и строго горели перед иконами огни. Отблеск тысячелетних отражений от золотых риз, из глубины веков ласкал мистическим покоем душу. В эти моменты человек чувствует дуновение Божества и к горлу подступают слезы.

Вот вышел служитель храма. И полилась из уст его — не речь, не слово. Неуклюже торчала золотая риза на угловатых плечах. В порывистых движениях сжимали руки крест святой и злобно искривлялось суровое лицо. Чем больше лгал язык, тем резче, суше резал воздух фальшивый голос и тихий ужас разливался в храме. Дерзко кощунствуя, священник надругался над Тем, Кому еще недавно перед Богом возносил хвалу и славу. Слуга Царя Небесного так поносил Царя земного.

Он был смущен и путался, громя с амвона тех, кто долгом чести почел явиться в храм и помолиться *за Царя*.

— Не Царь, а «бывший»! Не Государь, а раб Божий Николай! Кто чтит Царя, — уйдите вон!

Так подлый раб смердящим словом жалил душу!

Молчат седые генералы. Смущен взор женщин.

— Он должен так говорить из соображений политики. Иначе не позволяли служить, — пытаются оправдать поклонники аскета...

Увы. Кто раньше сотни раз, при нужной и ненужной обстановке провозглашал готовность умереть за Самодержца, теперь молчит, склонив угрюмо голову. Так надругались в храме над прошлым Родины и над почившим Императором.

Отслужили панихиду не по Царе, а по безымянном Николае.

Окончилось. Все разошлись и словно шапку-невидимку надели на то, что видеть было *стыдно*.

* * *

Когда «великая безкровная», — как называли ее льстецы, — своим покровом накрыла мір, все бросилось на Церковь, на Бога, на мораль. Верные своим заветам, в великих муках гибли тысячи не изменивших пастырей. Страшный синодик замученных митрополитов, архиепископов, священников начертан на ленте

революции. Сломился под напором волн бушующего моря дух сильных: «живая церковь» пошла на службу к большевикам.

Не Церковь, а пастыри с продажною душою отреклись, как только «белоснежная» своим покровом накрыла жизнь. Как просто: десять веков молились за Князей, Царей и Государя. Через три дня Его уже не поминали. Разрезали молитвы, повыкинули имена и огласились своды храма другими именами. То безымянная «держава», то «временное правительство», провозглашавшее «быть по сему», «почли за благо»... то Александр, то Павло. Недоставало только Троцкого.

В золоченых ризах служитель храма искал, кого бы помянуть, кому бы поклониться. Там, где вчера провозглашалась анафема изменнику, сегодня гремела слава «Павлу», «Сэмэну» и ниц лежали не перед Богом, а пред изменником.

Смотрят древние иконы из сумрака глубоких ниш с укором. Тусклый огонек свечи из воска колеблется, в смущении издавая треск...

Все отреклось от прошлого и от Царя...

И еще один фрагмент из цитированной книги:

То был день гнева Божия, когда пришла расплата за отречение от «старого міра».

Сзади осталась распятая Россия с ее былым величием и мощью. Героические белые армии целиком состояли из офицеров Императорской армии с ее традициями и лозунгами. Но таково было время, что лозунги были помрачены и их можно было хранить лишь в тайниках души.

На верхах белой армии слагалась новая идеология: старый режим был осужден — «к старому возврата нет». Но и большевики, углубившие революцию до ее естественного предела, были отвергнуты. Сказочно-прекрасная дореволюционная жизнь, с ее духовною культурою, свободою и правом была легендарно искажена и одна из лучших Династий міра безнадежно оклеветана.

Старались выработать новые лозунги, говорили о мифических завоеваниях революции и провозгласили новую идеологию. В эмиграцию уходила стотысячная масса с неопределенными девизами. Провозглашалась борьба не с революцией, а с большевиками как раз в тот момент, когда фактически борьба с большевиками была закончена. Русская эмиграция, как некогда греки, разносит по всему земному шару культуру Императорской России, но, охваченная бредом революции, все продолжает

клеветать на старое. Выделилась большая группа, которая мечтала о новой демократической, республиканской России. Когда маститые генералы — герои Великой войны, раньше бывшие офицерами гвардейских полков близких Государю, — отрекались от исторического лозунга и провозглашали себя непредрешенцами, то означало конец России. Должны были смешаться языки и dies irae должен был смести с полей сражения армию, не знающую *за кого* она сражается.

Dies irae для старой России пробил. Пробьет ли он для революции? Или, быть может, на основах большевизма новому міру все-таки суждено осуществить тот рай, о котором мечтали сторонники революции?

Едва ли.

Революционное безумие охватывало, заражая своими пороками слои людей, олицетворяющие тот самый старый мір, против которого была направлена революция. «Перелеты», отмеченные историей всякого смутного времени, «отрекающиеся, предающие и изменяющие» — пестрили в рядах содеятелей нового строя.

Русский барин, со всеми традициями и пороками старого режима, бывший председатель Государственной думы, охваченный честолюбием, предал Царя и возглавил революцию, которая его отвергла*. Всеми презираемый, он спит тревожным вечным сном в изгнании и слово осуждения честолюбцу, вовлекшему в заговор одного из послов союзных держав, уже сказано историей.

Не миновала чаша разложения и Императорскую армию, оставшуюся непобежденною на полях сражения.

Также на чужбине есть забытая могила. К чести русских к ней «заросла народная тропа». В ней покоится прах ближайшего сотрудника Царя.

Тот, кто по праву мог войти в историю под именем русского богатыря, кто был возведен из низов рождения на первый после Государя пост в Империи, почил безславно. Воинскую славу, честь и доблесть подвига, — все поглотила революция, оставив потомству повесть об изменах, невыполненном долге и нарушенной присяге**.

Выдвинутый революцией генерал***, арестовавший Семью Царя и наградивший военным орденом взбунтовавшегося сол-

---

* Речь идет о М. В. Родзянко. — *С. Ф.*

** Имеется в виду ген. М. В. Алексеев. — *С. Ф.*

*** Ген. Л. Г. Корнилов. — *С. Ф.*

дата за убийство офицера, сражен большевицким снарядом в борьбе за искупление своих грехов. Слава героя двух войн померкла и предана истории с клеймом измены.

Зарублен большевицкими шашками главнокомандующий фронтом, сорвавший свои генерал-адъютантские вензеля, клявшийся под стенами Пскова в верности революции*. Не стоило трудиться: большевики отвергли «перелета» и история получит имя его опозоренным.

Так сходят безславно в могилу воины, отрекающиеся от прошлого, не предрешающие будущего и не выполнившие своего долга.

Другая группа русских воинов в стане вражеском: то спецы — рабы большевиков. Им чужды иллюзии непредрешенства, но разбиты их честолюбивые мечты. Они останутся лишь спецами. Мираж Наполеона давно рассеян на службе у большевиков. На горе родины и на страх врагам ими выкована кроваво-красная армия, которая в ближайшем будущем сотрет с лица земли старый культурный мір, вселяя в Европе ужас и смерть...

«Мне отмщение и Аз воздам».

Николай КРАИНСКИЙ[13]

Краинский Н. В. **Без будущего. Очерки психологии революции и эмиграции. Белград. 1931. С. 85-94; 41-45; 83-84.**

...И на страницах «Царского вестника» появились материалы, выходившие за рамки принятых в эмиграции к тому времени «приличий».

ДЕТИ И ОТЦЫ
(Письмо из кругов молодежи)

Прошу не отказать в любезности поместить ниже прилагаемую статью в «Царском вестнике». Эта статья, быть может, имеет не совсем выдержанный стиль, но зато является правдивым и открытым признанием взглядов и чувств всех без исключения моих друзей-единомышленников, которых очень много.

Заранее приносим Вам свою благодарность, в надежде, что те, к кому относится наше слово, поймут, наконец, и услышат голос так называемой «молчаливой молодежи».

ВЫ И МЫ

Всякому терпению есть предел. Читая многие русские газеты, поражаешься, сколько места уделяется на полемику по вопросу об «отцах и детях».

*Ген. Н. В. Рузский. — *С. Ф.*

Находясь в числе последних, считаю своим долгом сказать несколько слов и именно в отношении первых. Дорогие либеральные отцы! Забудьте вы нас: как это ни странно, но мы давно уже не ваши дети! Мы отказались от вас еще там, в России в 1917 году, и лишаем себя этой почетной чести носить ваши «славные» имена. Чувства благодарности за полученное от вас в нашем раннем детстве воспитание, останутся у нас надолго в сердцах. Но есть и другое чувство, более сильное, которое нас никогда не покинет. Это чувство и осознание того великого греха и преступления, которое вы совершили перед Царем и Родиной, которое не может быть смыто ничем, и останется навсегда позорным кровавым пятном на ваших «светлых отцовских именах».

Слушайте вы! Шульгин, Рузский, Брусилов и им подобные, голос ваших бывших детей, но, к счастью, не из вашей семьи.

Вы забыли кто вы! Мы напоминаем вам об этом. Ваши б. дети несут крест во искупление ваших грехов и предательства. *Ваш* позор смывали мы перед Богом и Родиной, смывали своей детской кровью в рядах героических первых отрядов, восставших за честь России.

Десятки тысяч детей с оружием в руках безропотно умирали в них, желая искупить перед Царем всю вину своих отцов. **Но где же ваше раскаяние?** Где ваши б. дети? Они с честью погибли на полях сражений, за воссоздание **Императорской** России, ибо другой для них не существовало.

Остались лишь их братья, которые ныне говорят вам: «не мешайте нам в исполнении святого долга, неисполненного и нарушенного вами. Вы свое дело сделали. Мы же хотим воссоздать и вернуть нашу Родину и не только для нас самих, а для будущих поколений».

Святой девиз ваших предков был вами же уничтожен, а теперь забыт и даже поруган. Мы же им живем — для нас он безсмертен. Если вы так быстро забыли свой долг перед Царем и Родиной и продолжаете отрекаться от святых девизов своих прадедов, то мы вам в этом никогда не последуем.

Кто отрекся от Царя — тот погубил Россию и восстанавливать ее будете не вы, теперешние республиканцы и непредрешенцы, а те ваши б. дети, которым дорога честь и слава Русского имени и величие Самодержавия.

По праву сильных говорим вам открыто: прочь с дороги!

Молодежь молчит... но она скажет свое слово там... где нужны будут *дела,* а не праздные старые бредни. Пустыми словами и абстрактными идеями нас больше привлечь нельзя.

Будучи детьми, в полном смысле слова, мы гордимся тем, что пойдем в бой, имея на своих плечах погоны **Императорских** кадет. Ведь ни один из нас никогда их своей рукой не снял, даже в плену у извергов и палачей. Никто не видел **на нашей груди** кроваво-красной тряпки и никто из нас никогда ей не поклонился. Мы все, как один, с оружием вступили в неравную борьбу с врагом. А что делали вы? Киев, музей, тылы...

Помните, наши милые б. отцы, что мы не были связаны долгом и присягой и все же не изменяли. Теперь многие из нас имеют счастие и честь носить на себе офицерские погоны (не запятнанные изменой) Императорских Российских полков. Мы полемикой и разговорами не занимаемся... Мы пока молчим... Мы также, как и вы, потеряли все, но плюс еще и своих родителей, т. е. отцов, которых у нас больше нет.

Их нам заменит наш единый Отец — Царь.

Вы от Него отреклись и тем самым потеряли навсегда своих детей, которые найдут сами правильный путь для спасения Родины и служения Ей.

Путь, от которого вы и теперь отрекаетесь:

«За Веру, Царя и Отечество».

И. С.

16.5.1931 г.
г. Белград.

Царский вестник. № 162. 8/21.5.1931. С. 2.

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Побеждающий наследует все...
Отк. 21, 7

Когда случается несчастье в личной или общественной жизни людей, то все, не утратившие ум, стремятся, прежде всего, установить причину несчастья. Так врач ищет причину болезни и, отыскав ее, принимает меры для ее устранения. Инженеры исследуют, почему именно поезд потерпел крушение, геологи с той же целью рассматривают обвалившуюся почву и т. д. и т. д. Так устроен мір, что всякое явление имеет свою причину.

Хотя все это очевидно, как ясный день, но есть одна область человеческой жизни, где люди избегают устанавливать причину несчастий. Эта область — государственная жизнь народа.

Наши глубокие несчастия, — крушение России, имеют, конечно, свои основные причины. Однако наше руководящее об-

щество с вопиющим упорством не желает воссознать эту причину и не хочет работать над ее устранением.

Причина же эта проста и заключается в ослаблении в общественном сознании идеи непоколебимой преданности Царскому Престолу.

Русская нация выросла в великое государство на идее преданности народа Царю, Который являлся в стране равнодействующей основной силой, как бы главной точкой опоры всей народной жизни.

В последний век из сознания нашего общества как-то выпала и потускнела эта преданность Царскому Престолу. Случались у нас и раньше, в старинные времена, дворцовые перевороты и бывали даже цареубийства, но там всегда покушение, конечно, незаконное и нежелательное, было направлено на личность Царя, но не на Царский Престол. Одного Царя заменяли другим, но никому и в голову не приходила мысль о возможности уничтожения или искажения самой Царской власти. Все понимали, что без Престола невозможно существование Русского народа и невозможна его нормальная жизнь.

Конечно, заговор, направленный против личности Царя, является преступным и всегда потрясает государство. Однако заговор против Престола, заговор, направленный на ниспровержение самого государственного строя, является каким-то затемнением разума и покушением на самый ход народной жизни.

У нас, в 1917 году, наши сановные революционеры больше всего добивались именно того, чтобы был изменен строй государственной жизни, им ненавистно было Самодержавие, они хотели его заменить конституцией, а затем и республикой. Они были неудовлетворены не столько личностью Государя, сколько ненавидели строй государственной жизни, выражаемый Самодержавием.

Осуществление революционных стремлений означало замену существовавшего в России порядка жизни во всех ее сферах иным порядком, даже изменение самого типа русского человека.

Это был поистине заговор против самой души Русского народа. Заговор блестяще удался, и осуществление его в жизни принесло нам то, что мы сейчас имеем.

Представьте себе на одну минуту, если бы в русском обществе не наступило такого болезненного затемнения и ослабления той идеи, на которой существовала Россия, — идеи преданности Престолу.

Представьте себе, что у нас были бы генералы не Рузский, Данилов, Эверт, Брусилов, Алексеев, Хабалов и др., а были бы Суворов, Кутузов, Платов, Пожарский и им подобные. На запрос Государя они, наверно, дали бы приблизительно такой ответ: «Ваше Величество. Верноподданнейше доношу, что отречение Вашего Величества от Престола повлечет за собой гибель России и Армии. Я и вверенные мне войска будем защищать Царский Трон до последней капли крови».

Получив такие ответы, Государь поступил бы по закону, т. е. предал бы заговорщиков военно-полевому суду, упразднил бы Государственную думу и Царской рукой прекратил бы мятеж в стране.

Россия тогда быстро одержала бы победу над врагом и мы теперь были бы гражданами самого великого государства в міре. Наш народ радостно прославлял бы Христа Спасителя, а не изнывал бы в когтях диавола[16].

Что же изменилось за истекшие 14 лет? Произошла какая-либо эволюция в тех законах, на которых существовала Русская нация?

Не изменилось ничего. Жизнь лишь подтвердила то, что без основной собирательной идеи, выражением которой является Царский Престол, невозможно свободное существание Русского народа.

Вот почему Русские люди хотя бы теперь обязаны осознать идею Царской власти так же ярко, как ее носили в своих сердцах наши предки, создавшие Россию.

Эта идея должна составлять естественное и непоколебимое убеждение каждого русского человека.

Насколько идея преданности Царскому Престолу жизненна, нам пришлось на днях наблюдать. В одной семье, отнюдь не занимающейся политикой, вдруг влетает в комнату 12-летний сын с разорванной рубахой, всклоченными волосами, весь в земле, еле сдерживая рыдания. К нему бросились отец и мать. «Что с тобой?» — «Ни...ни...чего». — «Говори же». — «Я не мог, пойми же, мама, я не мог, я ударил его по лицу»...

— Говори, в чем дело?

— Хозяйский сын начал при мне ругать наших Царей и петь плохие песенки о Царях. Вот я его за это ударил по лицу. Он меня повалил на землю и стал избивать. Еле вырвался от него.

Хозяйский сын, 17-летний юноша, в два раза больше и сильнее худощавого и слабенького русского мальчика, и вот послед-

ний не вытерпел и, не взирая на очевидную опасность для себя и на те неприятности, которые он мог навлечь на любимых папу и маму, развернулся и съездил по лицу того, кто поносил дорогую для мальчугана идею.

Увы! Не так поступили наши высшие генералы в 1917 году. Они не только не ударили революционеров, но поддакивали им, к ним примкнули и некоторые из них, генералы-отнепредрешенчества, продолжают заискивающе поддакивать им и теперь.

Видимо все идет к тому, что Россию восстановят только через несколько десятков лет те 12-летние мальчуганы, которые лучше ощущают свою Родину, чем многие зрелые и престарелые мужи.

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 173. 22.5/4.6.1931. С. 1.

В ЛЕГИТИМНО-МОНАРХИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

I.
«За Веру, Царя и Отечество»

30 мая Корниловская батарея Императорской армии имела честь в своей корниловской семье, за дружественной трапезой, приветствовать своего командира корпуса ген.-лейтен. Апухтина[17]. [...]

Гостями были ген. Кириенко[18], полк. Медведков, полк. Скородумов[19] (все три Георгиевские кавалеры), полк. Косиковский[20] и председатель Союза «Молодая Россия» г. Р. Э. Евсеев.

Во время трапезы ген. Апухтин поднял специально исполненный к этому дню серебряный кубок за здравие Его Императорского Величества Государя Императора Кирилла Владимировича — в ответ на его тост раздалось дружное корниловское ура, перешедшее в трижды пропетый с большим подъемом Русский национальный гимн.

Во время ужина вспоминали разные случаи из жизни ген. Корнилова; много интересных воспоминаний о ген. Корнилове передали полк. Медведков и полк. Косиковский, лично его знавшие.

С большой искренностью было подчеркнуто полк. Медведковым, что когда все, после вынужденного отречения Государя, занялись углублением «великой безкровной», то раздался властный голос ген. Корнилова, призывавший спасать Родину. Это

его героическое выступление настолько патриотично, что дает возможность простить ему некоторые его действия, о которых тяжело вспоминать монархисту.

Во всяком случае, генерал Корнилов своей геройской смертью за свое Отечество вдохновил всех своих соратников на дальнейшие великие подвиги, ознаменовавшие все Белое движение, в рядах которого было много доблестных офицеров Императорской армии, честно погибавших в боевых линиях за свое Отечество.

Сейчас Белое движение есть перевернутая страница нашей истории и остается в наших сердцах, как одно из дорогих воспоминаний, к которым принадлежит и воспоминание о наших доблестных генералах той эпохи, к каковым, в первую очередь, относится имя генерала Корнилова — но нельзя жить только одними воспоминаниями — необходимо понимать, что в настоящий момент спасение нашего Отечества в открытом исповедывании святого девиза «За Веру, Царя и Отечество» и объединении всех вокруг своего законного Царя, Его Императорского Величества, Государя Императора Кирилла Владимировича — вот почему, движимая этой патриотической идеей, 7-я Корниловская батарея выразила свои верноподданнические чувства законному Русскому Царю, и стала в ряды Корпуса Императорской армии.

Полковник ДОБРОВОЛЬСКИЙ

31.5.1931.
Белград.

II.
Письмо в редакцию

Милостивый государь, господин редактор.

Разрешите мне, при посредстве этого открытого письма, обратиться к своим прежним сослуживцам и подчиненным.

13 лет тому назад, в печальной памяти 1917 году, подавляющее большинство русского офицерства, дышавшего [sic!] «За Веру, Царя и Отечество», не могло примириться с захватом власти агентами германского генерального штаба и с порабощением Родины ненавистным и безбожным интернационалом. Все любящее Родину устремилось на Юг*.

*Иными словами, с февральским клятвопреступлением 1917 г. смирились, а против посланного Богом за это в октябре наказания, в виде безбожных большевиков, восстали! — *С. Ф.*

Из тех офицеров, которым Господь Бог помог одним из первых прибыть на Дон и Кубань, были сформированы добровольческие части, одна из которых, впоследствии получившая имя генерала Алексеева, была — Партизанский генерала Алексеева пехотный полк.

Алексеевский полк, как и большинство других добровольческих частей, был укомплектован почти исключительно учащейся молодежью и молодым офицерством, горячо воспринявшими старый Императорский лозунг, который неизменно сохранили и до последних дней Добровольческой армии. Этой молодежи теперь всем за 30 лет и она находится в полном расцвете сил.

Горя безпредельной любовью к Родине, которую мы, в дни ее величия и счастья, не знали иной, как только Царской и Императорской, я призываю всех моих прежних подчиненных и сослуживцев вновь сплотиться в единое ядро для того, чтобы продолжить начатое генералом Алексеевым искупление нашего общего греха перед Царем и Родиной.

Во искупление этого греха долг каждого русского патриота объединиться вокруг законного правопреемника на Российский Императорский Престол, Государя Императора Кирилла Владимировича, под верховным водительством которого только и возможно освобождение, спасение и возрождение былой мощи Великой России. [...]

Бывший командир пехотного генерала Алексеева полка

полковник БУЗУН[1]

Царский вестник. № 174. 23.5/5.6.1931. С. 2.

БОЛЕЗНЬ ДУХА

Хула на Духа не простится человеком.
Мф. 12, 31

Развивая русскую народную идеологию, ясную как день и непреложную, как законы природы, возделывая запущенную русскую ниву, приуготовляя ее для того, чтобы она принесла плоды во сто крат, мы постоянно наталкиваемся на разные препятствия.

О врагах мы не будем говорить. Они, конечно, всегда будут препятствовать русскому народному делу. Очень жаль, что в их ряды по какому-то грустному недоразумению попадают те, кто всегда должен был бы быть образцом русского патриотизма.

Как грустно, как тяжело видеть, когда доблестный генерал становится на защиту таких положений, которые защищать не-

возможно; как обидно, что благодаря этому целые организации увядают, теряют под ногами почву и теряют ту красоту и привлекательность, то вдохновение, без которых невозможно успешно творить патриотическое дело.

Но какой прок, быть может, спросят нас, в ваших настойчивых призывах? Что было бы от того, если бы даже все эмигранты стали следовать вашему девизу, неужели же от этого что-либо изменилось?

Нужно, прежде всего, понять, что та революция, в которой мы все еще пребываем — это есть, прежде всего, болезнь духа. Всю нашу великую нацию охватила в 1917 году страшная психическая эпидемия, в которой большинство пребывает еще и теперь. Вот эту духовную болезнь нужно во что бы то ни стало излечить. Какой угодно ценой нужно изгнать революционный дух из русского сознания. Если какие-либо организации держатся за революцию, то пусть лучше они погибнут совсем, если они не могут отказаться от революционного духа. Все равно, в решительный час испытания такие организации не одержат победы. Процесс этот не может протекать безболезненно. Однако врач не должен останавливаться перед болью больного. Так и здесь: патриотическое дело, с которым связана жизнь великого народа, это ведь не шутка, и если планомерное и последовательное его осуществление вызывает вопли людей, зараженных революцией, то все это не может нас удивить или остановить.

Во что бы то ни стало и какой угодно ценой революция должна быть изжита и, прежде всего, она должна быть изжита нашими доблестными воинами, кровь которых должно беречь для защиты истинных интересов Русского народа.

Конечно, многие из нас никакой России не увидят. Однако мы все останемся Русскими до гробовой доски — будем говорить и думать по-русски, жить по-русски, чувствовать по-русски, иметь русский облик.

Неужели же нам не нужно иметь русские воззрения, неужели нам совершенно не нужен единый возвышающий и объединяющий нас идеал.

Как постыло и тяжко жить без высшей цели. Представьте себе, если бы вся наша эмиграция излечилась бы от своего тяжкого недуга и вся, как один, прониклась бы единой священной идеей. Вся наша жизнь, не только духовная, но и материальная, резко изменилась бы. Сейчас у нас имеются тысячи организаций

и каждая из них никого не признает и говорит от имени Русского народа. Дипломаты наши имеют свою организацию, торгово-промышленники — свою, военные — свою, Церковь — раскололась, далее идет безчисленное количество самых разнообразных организаций до общества рыболовов и пчеловодов, и ни одна из этих организаций не имеет ничего общего с другими. Все идут в полный разброд.

Собрать это рассеянное стадо можно было бы только в том случае, если бы Русские люди прониклись единой высокой целью, для всех понятной и авторитетной. Мы имели бы тогда единый объединяющий центр, этот центр собрал бы русские средства, он быстро приобрел бы авторитет и фактическое признание у иностранных правительств, он защищал бы русские интересы, мы бы имели свои русские паспорта и были бы гражданами Зарубежной России, наша Церковь заняла бы высокое положение во всем міре, привлекая к себе всеобщее внимание, наши воины были бы на высоте современных требований, мы были бы в состоянии использовать все те возможности, которые открываются для русского имени заграницей. Все это, наверное, было бы, если бы все мы подчинились высокому, вдохновенному, объединяющему девизу.

Теперь же мы представляем собой жалкую, озлобленную, грызущуюся толпу и только изощряемся в том, как бы похлеще уколоть или досадить друг другу. Наше теперешнее положение является логическим последствием нашего состояния, потому что хула на Духа не прощается человекам. Как будто совсем мы забыли о том, что мы сыны великой нации, что мы призваны к осуществлению великих идеалов.

Всего этого нет, но могло бы быть. Однако обмануть законы жизни нельзя, и будущее Русского народа зависит от того, сумеем ли мы изгнать из себя дух революционного разложения и проникнуться тем идеалом, который один только и может вывести нас на широкую дорогу русского возрождения.

Ник. РКЛИЦКИЙ[22]

Царский вестник. № 175. 24.5/6.6.1931. С. 1.

Вскоре «Царский вестник» опубликовал письмо, предварявшееся более чем осторожным редакционным примечанием, открывшее, тем не менее, яростную полемику на страницах эмигрантской прессы.

От редакции. Считая себя обязанными, во имя исторической правды, поместить настоящее письмо, мы решительно не соглашаемся с выводами автора письма и горячо поддерживаем мнение боевого офицера полк. Медведкова.

В силу благородной русской традиции, смерть на поле брани искупает какую бы то ни было вину.

Более того, доблестному Основателю Добровольческой Армии и ее первому боевому вождю мы обязаны тем, что теперь находимся на свободе и можем вести нашу патриотическую работу.

По отношению к отошедшим в другой мір мы должны быть исполнены чувств благоговейной благодарности за их подвиги для Родины, и надежды, что Господь простит им их ошибки.

Вообще нам приходится вести принципиальную полемику не потому, что мы хотим кого-либо укорять или обижать, или вспоминать прошлое, а только потому, что для спасения Родины необходимо раскрыть общественному сознанию глаза на верный и единственно возможный путь.

Мы полемизируем не с озлоблением, а с грустью, зная, что при лечении застарелой болезни больному, к сожалению, приходится иногда испытывать острую боль.

* * *

Милостивый Государь.
Г. Редактор.

Не откажите в любезности на страницах уважаемой Вашей газеты напечатать мое нижеследующее ответное письмо полковнику Медведкову.

В № 174 газеты «Царский вестник» была помещена статья «В легитимно-монархическом движении», где полковник Добровольский, сообщая о том, что «30 мая Корниловская батарея Императорской армии имела честь в своей корниловской семье за дружественной трапезой приветствовать своего командира корпуса ген.-лейтенанта Апухтина», — передает, что во время ужина «вспоминали разные случаи из жизни генерала Корнилова; много интересных воспоминаний о генерале Корнилове передали полковники Медведков и Косиковский, лично его знавшие.

С большой искренностью было подчеркнуто полковником Медведковым, что, когда, после вынужденного отречения Государя, занялись углублением «великой безкровной», то раздался властный голос генерала Корнилова, призывавший спасать Родину. Это его героическое выступление настолько патриотично, что дает возможность простить ему некоторые его действия, о которых тяжело вспоминать монархисту.

Во всяком случае, генерал Корнилов своей геройской смертью за свое Отечество вдохновил всех своих соратников на дальнейшие великие подвиги, ознаменовавшие все Белое движение, в рядах которого было много доблестных офицеров Императорской армии, честно погибших в боевых линиях за свое Отечество».

Я не буду касаться героического выступления генерала Корнилова и вообще подвигов наших белых вождей и воинов, восставших в свое время за спасение России, ибо считаю сейчас это не по времени, — когда Мать наша Россия повержена в прах и гибнет на наших глазах.

Но у меня, — монархиста, не совмещается в понятии, — имя генерала Корнилова с понятием Императорской армии, вновь возрождающейся, хотя бы пока идеологически, путем сбора старых ее частей. А потому позвольте мне, г. полковник Медведков, напомнить Вам и другим, а в особенности подрастающему поколению, быть может и не совсем осведомленному, исторический факт, о котором Вы только намекаете и который по Вашим же словам тяжело вспоминать монархистам.

Я же считаю, что всякий истинный монархист — будь он военный или штатский человек — должен знать и вспомнить о нем, когда вопрос касается имени генерала Корнилова.

Март 1917 года. Печальной памяти Государственная дума, по приказанию своих господ, «совета рабочих и солдатских депутатов», постановила, чтобы *Царская Семья*, пребывавшая в Царскосельском Дворце, считалась на положении арестованной, подвластной караулу революционных солдат.

Надо было объявить это решение Императрице (Государь Император тогда еще не возвратился из Ставки). Принял на себя выполнить эту обязанность революционный главнокомандующий ген. Корнилов.

Ген. Корнилов был храбрый воин; но он не был рыцарем. Не был он и вдумчивым, глубоким человеком, умевшим вникать в смысл совершавшихся событий.

Иначе он знал бы и чувствовал рыцарские обязанности по отношению к Женщине и верноподданнические — по отношению к Монарху, Которому он присягал. Иначе он знал бы, что под обманчивым лозунгом «воля народа» он подчинялся низменным, злобным инстинктам разнузданной черни, почуявшей свою силу и власть. Иначе он обнажил бы свою шпагу на защиту Чести и Правды и предпочел бы идти на смерть, как безтрепетно

шел ей навстречу на полях сражений, нежели принять участие в деле, рыцаря недостойном.

Ее Величеству Государыне Императрице Александре Феодоровне докладывают о приезде ген. Корнилова.

В те первые дни Государыня еще не отдавала Себе полного отчета во всех низостях, на которые окажутся способными взбунтовавшиеся рабы, и от приезда ген. Корнилова не ожидала проявления начинавшихся преследований и издевательств. Звание русского генерала казалось Ей гарантией.

Ее Величество приказала просить ген. Корнилова, и когда он вошел, сделала несколько шагов навстречу, имея намерение подать ему руку, выказав это намерение невольным движением...

Но, со строго официальным лицом, не доходя несколько шагов до Императрицы, Корнилов остановился и вытянулся... Тогда выправилась во весь Свой рост и Государыня, и перед Царственным одухотворенным величием Императрицы поблек еще больше жалкий вид революционного генерала, приехавшего выполнять свою обязанность по приказанию своего начальства, «рабочих и солдатских депутатов», за разбои, грабежи, воровство и мошенничество еще несколько дней тому назад сидевших в тюрьмах.

Корнилов отчеканил:

«По приказанию временного правительства, вследствие постановления совета рабочих и солдатских депутатов и Государственной думы, объявляю Вам, что Вы и вся Ваша Семья считаетесь арестованными, лишены свободы передвижения и не имеете права покидать части Дворца, в которой имеете проживание. Дальнейшие распоряжения будут Вам сообщены дополнительно».

Как мраморное изваяние, выслушала Императрица это известие, бывшее первой предтечей грядущих страданий.

Ни один мускул на лице Ее Величества не дрогнул.

Императрица мгновенно поняла весь смысл происходящих событий и проявила мудрость и величие достойное Русской Царицы.

В это время истерически зарыдала одна из фрейлин. Императрица остановила ее строгим внушением:

«Пожалуйста, успокойтесь и научитесь сдерживаться. Надо беречь нервы и свои и своих близких. Это есть только начало многого, что еще нас ожидает, и гораздо худшего. Мы должны быть вооружены твердостью духа пред испытаниями, Богом ниспосланными. Выпейте воды, успокойтесь и будьте тверды».

Затем, обратясь к Корнилову, Ее Величество сказала: «Я рада, генерал, что именно вам выпала судьба быть вестником Нашего ареста. Вы сами были лишены свободы, перенесли муки заточения и знаете, что это значит... Я вынуждена подчиниться распоряжению вашего правительства и в точности исполню его требования. Я прошу только об одном: чтобы не препятствовали ежедневному приезду врачей к Моим Детям, Которые опасно больны.

Больше не имеете ничего Мне передать?»

На отрицательный ответ, Государыня легким наклоном головы отпустила генерала, который вышел несравненно менее самоуверенным, чем вошел.

Август 1917 года. Генерал Корнилов наступает на Петроград и клянется в верности республике, уверяя, что Династия Романовых может вернуться к Трону, только переступив через его труп.

Полагаю, что комментарии излишни для того, чтобы сказать: ни История, ни Россия простить этого генералу Корнилову не могут.

Героическое выступление генерала Корнилова, по Вашему мнению, г. полковник Медведков, дает возможность простить ему; но Вы упускаете из виду, что, быть может, в ту минуту, когда рвалась случайная граната, убившая Корнилова, совершался Суд Божий, положивший конец его героическому выступлению, не давший победы ни ему, ни его последователям, — другим белым вождям.

Примите и проч.

Т. ЧЕРНАШЕВ-ЧЕБУРАХИН[23]

Царский вестник. № 180. 30.5/12.6.1931. С. 2-3.

В следующих трех номерах «Царского вестника» были опубликованы документы, к тому времени уже известные[24]*, однако соответствующим образом подобранные, расположенные и прокомментированные.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Разбор некоторых материалов, относящихся к Акту Отречения Государя Императора Николая II

I.

Когда в Ставку стали поступать сведения о серьезности Петроградских безпорядков, Государь приказал немедленно двинуть на усмирение ближайшие прифронтовые части, а Сам ре-

шил ехать в Царское Село. Генерал Алексеев допустил Государя выехать из Ставки и тем самым отрезал Его от действительной связи с Петроградом и, что гораздо важнее, отрезал Его от связи с всеми фронтами и остальной Россией. Таким образом, Государь оказался совершенно в руках Своего Начальника Штаба; до Него могли доходить только те сведения, которые ген. Алексеев считал нужным Ему сообщать.

Не успел Государь доехать до Пскова, как ген. Алексеев шлет Ему вдогонку следующую телеграмму:

Поступающие сведения дают основание надеяться, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти, но утрата всякого часа уменьшает последний шанс на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти левыми элементами. *Алексеев*. Ставка № 1865.

Эта телеграмма является явной ложью. Ведь, кроме бунтующих рабочих в Петрограде, вся остальная Россия была совершенно спокойна, а во главе бунта находились именно никто иные, как сами члены Государственной думы, возглавляемые Родзянко. Мало того, Алексеев как бы торопил Царя принять очевидно крайне важные решения, угрожая, что промедление грозит худшими бедствиями. Так как в этот момент фактически со стороны Государя не могло быть и речи об отречении, то эта телеграмма ничто другое, как попытка испугать Государя и одновременно подготовить Его в нужном направлении, к давно задуманному требованию отречения. Генерал-адъютант Алексеев должен был бы ускорить прибытие верных войск для усмирения бунтарей. Вместо этого Алексеев, в день прибытия Государя в Псков, испрашивает Высочайшее разрешение на возвращение уже направленных на станцию Александровскую воинских частей обратно на Двинский фронт. Одновременно Главнокомандующий Северным фронтом генерал-адъютант Рузский[25] посылает в Ставку следующую телеграмму:

Ставка Полковнику Тихменеву № 933 П.

Главковерх при существующей обстановке не считает возможным сосредоточение железнодорожных батальонов к Пскову, прибытие которых может лишь осложнить обстановку. Для обеспечения движения литерных поездов будут приняты меры по выяснению их маршрута. 2-го марта № 6166 *Данилов*.

Но этого еще мало. Так как Государь еще из Ставки повелел приказать двинуть на усмирение верные части с Западного и Юго-Западного фронта, то ген. Алексееву посылается из Штаба Северного фронта нижеследующая телеграмма:

Главковерху № 1868. Государь Император отдыхает и поэтому испрошение в отношении войск Западного и Юго-Западного фронта может последовать только утром. Предварительно испрошения у Государя Императора разрешения возвратить наши войска, Главкосевом было отдано *самостоятельное* распоряжение задержать войска на станции. Сообщается на случай, если эту же меру будет сочтено возможным применить к отношению войск Западных фронтов распоряжением Ставки. 2-го марта 0 часа 30 минут *Данилов.*

Итак, пока Государь Император спит, полагаясь и веря в преданность Своих генерал-адъютантов и главнокомандующих, они, вопреки Его приказаниям, своею личною властью, останавливают движение верных войск к взбунтовавшейся столице и таким образом на другой день утром Государь оказался одиноким на станции Псков, всецело в руках ген. Рузского. По приказанию ген. Алексеева ген. Лукомский телеграфирует в 9 часов утра 2-го марта в Псков ген Данилову:

Прошу тебя доложить от меня Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. *Лукомский.*

Изолировав доверившегося им Государя от всякого сообщения с фронтами помимо их самих, заговорщики в Ставке этой телеграммой сообщают Рузскому, что все готово и можно уже требовать отречения. Так как все же исход заговора неизвестен, то Алексеев сам не решается послать эту очень рискованную, в случае неудачи, телеграмму и поручает ген. Лукомскому послать ее частным порядком Данилову. В случае неудачи заговора, можно будет эту телеграмму рассматривать как только частное мнение Лукомского, а Рузский и Алексеев останутся в стороне. Через час Алексеев из Ставки шлет всем Главнокомандующим фронтами следующую телеграмму:

Его Величество находится в Пскове, где изъявил Свое согласие объявить манифест идя навстречу народному желанию учредить ответственное министерство перед Палатами и поручить Председателю Государственной думы образовать кабинет. По сообщению этого решения Главкосевом Председателю Государственной думы, последний в разговоре по аппарату в 3 с половиной часа утра 2-го марта ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27-го февраля, в настоящее время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы, Председателю Думы хотя пока и верят, но он опасается, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича, обстановка по-видимому не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что Армия и работа железных дорог находится фактически в руках

Петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу Династии нужно поставить на первый план, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно через Главкосева известив меня, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России, и что между высшими начальствующими лицами армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху. *Алексеев.* 2-го марта 10 ч. 15 м. 8.401.872.

В этой телеграмме ген.-адъютант Алексеев, высшее лицо в командовании Армиями Империи после Государя Императора, как будто беспристрастно освещает события командующим фронтами, но, на самом деле, он как бы диктует ответы своим подчиненным; фактически картина в этот момент была совсем другая; в Петрограде рабочий бунт, возглавляемый Родзянко и другими думцами и самочинно возникшим Советом солдатских и рабочих депутатов; к этому бунту, правда, присоединилось уже большинство запасных частей Петроградского гарнизона, но они без офицеров и почти без винтовок и вооружения; большинство населения столицы испугано событиями и ничего не знает о положении во всей остальной России; все верят, что Председатель Гос. думы Родзянко со своими товарищами действует честно, и не подозревают, что именно Родзянко, по личному политическому честолюбию, предает своего Государя; во всей остальной России и на фронтах полное политическое спокойствие и только полное недоумение о том, что собственно происходит в Петрограде.

Естественно, что главнокомандующие фронтами должны были в лучшем случае верить сведениям, полученным от самого Начальника Штаба Государя Императора, и потому его телеграмма как бы диктовала им их ответы.

II.

Продолжая свою работу, ген. Алексеев того же 2-го марта пересылает Рузскому в 14 часов 20 минут следующие две телеграммы от ген. Брусилова и ген. Эверта:

Прошу передать Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому Престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение

и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, отказаться от Престола в пользу Государя Наследника при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого выхода нет. Необходимо спешить, дабы разыгравшийся и принявший большие размеры пожар был скорее потушен, иначе повлечет за собой неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама Династия в лице Законного Наследника. Генер.-адъютант *Брусилов*.

Ваше Императорское Величество, Начальник Штаба Вашего Величества передал мне обстановку, создавшуюся в Петрограде, Царском Селе, Балтийском море и Москве и результаты переговоров ген. Рузского с Председателем Государственной думы. Ваше Величество, на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних безпорядков рассчитывать нельзя. Ее можно только удержать именем спасения России от несомненного порабощения злейшим врагом России при невозможности вести дальнейшую борьбу. Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столицах не проникли в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению безпорядков и сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя другого исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный, умоляет Ваше Величество во имя спасения Родины и Династии принять решение, согласное с заявлением Председателя Государственной думы, выраженное им генералу Рузскому, как единственное, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии. Ген.-адъютант *Эверт*.

Эти телеграммы выдают их составителей с головой. Ведь теперь уже отлично известно, что фронтовая армия была еще далеко не так разложена, чтобы забыть свою присягу и не повиноваться приказаниям Государя Императора. Стоило этим самым генералам именем Государя приказать, и фронтовики усмирили бы какой угодно бунт в тылу. Это ясно доказывается, между прочим, малоизвестным фактом, что в самом Петрограде новобранцы одного из Флотских Экипажей стойко отказывались примкнуть к бунтовщикам, стреляя из окон казарм до 3-го марта, пока их не убедили, что Государь отрекся и они этим освобождены от присяги. Пока им это не подтвердил какой-то генерал, вызванный на этот предмет бунтовщиками, они упорно и твердо стояли на точном исполнении своей присяги и защищались от революционеров.

Но генералы-заговорщики тщательно скрывали правду и старательно освещали Государю обстановку только в нужном для них свете, и Алексеев спешил добавить к телеграммам Брусилова и Эверта новое увещевание:

Всеподданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь Бог внушит Вам.

Промедление грозит гибелью России. Пока армию удается спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города. Но ручаться за дальнейшее сохранение военной дисциплины нельзя. Прикосновение армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее. Ваше Императорское Величество горячо любит Родину и ради ее целости, независимости, ради достижения победы сонзволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход создавшегося более чем тяжелого положения. Ожидаю повелений. *Алексеев.* 2-го марта № 1878.

III.

Вслед за этим увещеванием Алексеев телеграфирует Государю того же 2-го марта в 14 часов 30 минут:

Всеподданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству полученную мною на имя Вашего Императорского Величества телеграмму: генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения Династии, вызывает принятие сверхмеры. Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему. Осенив Себя крестным знамением, передайте Ему Ваше наследие. Другого исхода нет, как никогда в жизни, с особо горячей молитвой, молю Бога подкрепить Вас. Ген.-адъютант Николай.

В тот же день 2-го марта в 14 ч. 50 м. ген. Рузский получил еще следующую телеграмму от Командующего Румынским фронтом:

Ген.-адъютант Алексеев передал мне преступный и возмутительный совет Родзянко Вам на высокомилостивое решение Государя Императора даровать стране ответственное Министерство и просил Главнокомандующих доложить Его Величеству через Вас о положении данного вопроса в зависимости от создавшегося положения. Горячая любовь моя к Его Величеству не допускает меня мириться с возможностью осуществления гнусного предложения, переданного Вам от Председателя Гос. думы. Я уверен, что не русский народ, никогда не касавшийся Царя своего, задумал это злодейство, а разбойничья кучка людей, именуемая Государственной думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведения своих преступных целей. Я уверен, что Армия и Флот непоколебимо стали бы за своего Державного Вождя, если бы не были призваны к защите Родины от внешнего врага и если бы не были в руках тех же государственных преступников, захвативших в свои руки источники жизни армии. Переходя к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, и непоколебимо верноподданный Его Величеству, рыдая, принужден признаться, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и сохранения возможности биться с внешним врагом, является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедлением не дать пищу предъявлению дальнейших, еще гнуснейших, притязаний. Яссы 2-го марта № 13317 Генерал Сахаров.

Телеграмма Сахарова показывает, что он, по-видимому, не был в заговоре для низложения Государя. Его отношение к думцам и их наглому требованию совершенно недвусмысленно, но, заблужденный освещением фактов со стороны Алексеева, которому он доверял, Сахаров боялся, что нельзя двинуть достаточно войск, не оголяя фронта.

Что оставалось делать Государю, глубоко любившему свою Родину и верившему в преданность Алексеева и Рузского? Ему представили все факты в нужном заговорщикам свете, и Его же генерал-адъютанты и высшие командиры Армии умоляли согласиться на требование изменников революционеров. Конечно, генералы скрыли от Государя телеграмму от Командующего Гвардейской Кавалерией Хана Нахичеванского[26]:

Главкосеву. До нас дошли сведения о крупных событиях, прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность Гвардейской Кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха. *Ген.-адъютант Хан Нахичеванский.* № 2370.

Из этой телеграммы ясно видно, что знали о событиях только посвященные в заговор военачальники, которые уже давно изменили своей присяге, все же доблестные вожди, на которых Государь мог опереться, были далеко и ничего не знали.

Из приведенных выше телеграмм можно сделать вывод, что конечная цель заговорщиков была только отречение Государя и установление Регентства, но дальнейшие действия Алексеева, Рузского и Родзянко показывают, что скрытая цель была совсем другая, а именно, учреждение в России республиканского образа управления.

Как только акт отречения был вырван у Государя и послан в Петроград, Алексеев поспешил телеграфировать всем командующим фронтами:

Главнокомандующим фронтами. Председатель Государственной думы Родзянко убедительно просит задержать всеми мерами и способами объявление манифеста, который сообщен этой ночью, ввиду особых условий, которые я вам сообщу дополнительно. Прошу сделать распоряжение, ознакомив с манифестом только старших начальников. 3-го марта 6 ч. 45 м. *Алексеев.*

Главнокомандующий Сеферным фронтом поспешил исполнить приказ, развив его в смысле неприведения войск к присяге новому Императору:

Командующим 1, 8, 12 армиями, командиру 4 и 2 корпуса, копия Комфлоту Балтийского моря и Главковерху. Приказываю во что бы то ни стало приостановить распространение разосланного ночью манифеста и, во всяком случае, не выполнять приведение к присяге. 3-го марта 8 ч. 15 м. *Рузский.*

Царский вестник. №№ 181-183. 31.5/13.6—3/16.6.1931.

Буквально в следующем после завершения публикации номере редактор-издатель «Царского вестника» Н. П. Ржицкий выступил с разъяснением собственной позиции.

РАДИ ПОБЕДЫ И НАРОДНОГО БЛАГА

Кто, подняв руку на Помазанника Господня, окажется ненаказанным?
1 Цар. 26, 9

В предшествующих номерах мы печатали ряд исторических документов — телеграммы наших высших военачальников Государю накануне Его отречения.

Эти документы явились основанием для отречения Самодержца от Престола и, следовательно, являются основной причиной нашей революции.

Мы привлекаем внимание наших читателей к этим документам первейшей важности не в целях полемики, как это несомненно будет перетолковано нашей оппозицией, а привлекаем всеобщее внимание лишь в целях объективного исследования и уразумения причин наших несчастий.

Было бы явным безумием, было бы нарушением элементарного патриотического долга, противоречило бы здравому разуму, если бы мы отказались от необходимости уяснить причины крушения России.

Делать что-либо новое можно, только всесторонне выяснив и глубоко поняв существующую обстановку. Те же, кто закрывают глаза на действительность, боятся взглянуть на язвы, не могут быть полезны для возрождения Родины: они стоят на ложном пути.

Итак, наши высшие военачальники убедили своего Верховного Повелителя и Самодержца, в верности Которому они клялись, убедили в том, что отречение Его от Престола необходимо ради победы над внешним врагом и ради народного блага.

Они дерзновенно взялись судить о том, что отнюдь не составляло их компетенции, и результат от этого получился совершенно противоположный. Отречение Государя от Престола лишило Россию победы и принесло неисчислимые бедствия для народа.

Почему же это случилось?

Конечно, наши военачальники, фактически действовавшие так на руку врагу, отнюдь не были сознательными агентами это-

го врага, они, безусловно искренне, стремились к продолжению войны и к победе над врагом.

Вряд ли они также непосредственно стремились к захвату в свои руки верховной власти в стране; судя по всему, их предположения не простирались так далеко, они сами были послушным орудием в руках других сил, выполняя все их предначертания, они не руководили сами событиями, как то обычно делают заговорщики.

Наши генералы находились во власти ложных, губительных идей. К ним можно применить образные слова Аксакова: «Они были холопами и лакеями чужой мысли и послужили только тому, чтобы произвести варварство новейшего рода».

Они были распропагандированы лже-либеральными идеями. Они наивно, по-детски поверили тому, что Самодержец является будто бы препоной для развития и благоденствия России, что Он стоит на пути народного блага, что Престол Самодержца как бы враждебен Русскому народу. Поэтому они и требуют от Государя отречения «во имя победы и народного блага».

Они, очевидно, долго вынашивали эти губительные идеи в своем сердце и, вероятно, задолго до революции уже не чувствовали трепета перед священною Особой Божьего Помазанника и думали, что тот ореол, которым был всегда окружен Царь в сознании народа, является пережитком давно прошедших времен и не отвечает реальным интересам России.

Они считали себя искренними патриотами, но стояли на совершенно ложном, губительном пути. Ведь и тот медведь, который булыжником убивал муху на голове пустынника, искренне хотел ему услужить.

Конечно, если бы лица, разрушившие Царский Трон, были прямыми, сознательными изменниками, т. е. убежденно действовали во вред России и в интересах врага, то их дело, с внешней стороны, носило бы более преступный характер. Однако результаты получились бы совершенно одинаковые, и как это ни странно, менее вредные для Русского народа.

Враг, очевидно, в это время потирал руки от удовольствия и с наслаждением наблюдал полезную для него работу, а то, что она велась не его наемными агентами, а генералами — героями и патриотами, для него было гораздо приятнее и удобнее.

Несомненно, что для России было бы гораздо лучше, чтобы эту изменническую работу проделали не доблестные герои военачальники, а проделали бы эту работу — явные преступники;

тогда бы для всего русского народа была бы очевидной преступность мятежа. Тогда мятеж не приобрел бы ни в чьих глазах нравственного оправдания.

Если теперь еще пресловутое непредрешенчество имеет своих кое-каких искренних сторонников, если окончательное изжитие революции все еще задерживается, то это объясняется только тем, что к революции приложили свои руки такие люди, о которых, по их предшествующей деятельности, нельзя сказать, что они являются врагами Родины.

Таким образом, участие их в этом ужасном государственном преступлении не только облегчило передачу Русского народа в руки злейших его врагов, но и задерживает восстановление Русского народа.

Почему же наши военачальники совершили такую ужасную роковую ошибку?

Они, очевидно, утратили ясное понимание значения для Русского народа Царского Престола. Были они, прежде всего, мало сведущи и мало образованы в этом вопросе, голос же предков был заглушен терниями 20-го века.

Вообще в последний век во всем нашем обществе: в профессуре, в литературе, в публицистике и во всех кругах русского общества великая идея — создавшая Россию, оказалась поколебленной, поблекшей. Только те светлые гении, из-за которых счастливо чувствовать себя Русскими, — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Суворов и плеяда Святителей и святых нашей Земли, дают нам надежду на то, что это временное помрачение русских умов пройдет и наши соотечественники озарятся светом Русского Царства, в лучах которого воздвигнется Престол Православного Царя Самодержца.

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 184. 4/17.6.1931. С. 1.

Итак, слово «изменники» по отношению к высшему генералитету Русской Императорской армии было произнесено. Имена были названы. Наиболее значимым из них для военной эмиграции, безусловно, было имя генерал-адъютанта М. В. Алексеева, как одного из двух создателей Добровольческой армии. Что касается другого Белого вождя (генерала Л. Г. Корнилова), то и он, учитывая его деяния в марте 1917 г., также не мог долго оставаться в стороне при обсуждении темы генеральской измены присяге Государю Императору.

ДОЛЖНО ИСПРАВИТЬ ПРЕЖНИЕ ОШИБКИ

Камень, который отвергли строители,
тот самый сделался главою угла.
[Лк. 20, 17.]

К делу возрождения России нужно относиться не как к чему-то отдаленному и несбыточному, а как к делу вполне реальному, а на нашу работу в эмиграции должно смотреть, как на подготовку к этому великому, ответственному и, мы бы сказали, священному делу.

Эта подготовка должна заключаться, прежде всего, в определении тех исходных позиций, того идеологического фундамента, на котором должно базироваться прочное и долговечное возрождение Русского народа.

В частности, нужно теперь же решить вопрос, правильно ли строили идеологический фундамент Русского возрождения основатели Добровольческой армии генералы Алексеев и Корнилов.

Они призывали к борьбе с большевизмом во имя единой неделимой России и во имя верности союзникам. Это было в 1917 году. Термин единая и неделимая* Россия не заключал в себе определенного содержания русской жизни. Под этим термином можно было понимать Россию абсолютистской, такой, какой она была в царствования Императоров Петра I или Николая I; можно было понимать под этим термином и демократическую республику современного типа. Однако, вернее всего, под единой неделимой Россией понималось нечто среднее — полу-монархическое, полу-демократическое. Если монарх, то конституционный — для представительства лишь, если республика, то с уклоном в сторону диктатуры. Во всяком случае эта неопределенность давала возможность одним упрекать основателей Добровольческой армии в реакционности, другим — в левизне. Источником же этой идеологии явились политические воззрения так называемой политической общественности предреволюционного и революционного периода, преимущественно кадетской партии. Народ как-то сразу и окрестил Добровольческую армию — кадетами: то ли потому, что в ее рядах было много воспитанников кадетских корпусов, то ли по ее политическому знамени. Во всяком случае при слове «кадет» народ представлял себе какую-то барскую выдумку. Та обстановка, при кото-

*Лозунг т. н. «великой» французской революции 1789 г. — *С. Ф.*

рой сложились политические воззрения основателей Добровольческой армии, теперь коренным образом изменилась. Кадетская партия перестала давно существовать, прогрессивная общественность доказала свое полное банкротство, самый термин «единая неделимая» утратил свое содержание хотя бы потому, что Россия окружена окраинными государствами, к которым должно отнестись с полным вниманием.

Также отпал и второй девиз знамени — верность союзникам. Тогда у основателей армии была надежда, что, провозгласив этот девиз, они обезпечат себе дружественную помощь могущественных союзников и демократическое лицо приходилось сохранять из-за стремления обезпечить себе помощь европейской демократии. Однако все это не удалось, союзники бросили Добровольческую армию, а за истекшие годы произошла столь значительная перегруппировка международных сил, что прежних союзников уже не существует.

Таким образом два основных камня «единая неделимая» и «союзники» — выпали по ходу самой жизни. Остался только один — «борьба с большевизмом». Теперь так и говорят — все должны объединиться на идее борьбы с большевизмом.

Поэтому, господа, если вы говорите, что вы следуете заветам ген. Алексеева и Корнилова, то вы говорите неправду. Генералы Алексеев и Корнилов шли за единую и неделимую Россию, во имя верности союзникам и за это боролись с большевиками. Вы же, считая себя их последователями, *лозунгов* этих не имеете и сами не знаете, во имя чего именно хотите бороться с большевиками.

Если бы это дело касалось какой-либо частной группы лиц, которые устроили какое-либо частное предприятие, то тогда не пришлось бы спорить: каждый занимается чем он хочет. Но ведь здесь дело идет о создании общественного движения, о будущей вооруженной борьбе, о путях возрождения Русского народа, о нашем будущем. Здесь ошибки не могут быть допущены ни в коем случае. Борьба ведь должна вестись во имя Русского народа и при условии его сочувствия и участия. Нужно создать народное движение, чтобы сам народ поднялся за свое возрождение. Восстановление России мыслимо при полном слиянии руководящей интеллигенции с народом. Она должна быть выразительницей его воззрений и армия должна явиться не какой-то чуждой организацией, а любезной его сердцу носительницей народного знамени, выразительницей его вожделенных чаяний. И вдруг мы

туда сунемся с выцветшим знаменем 1917 года, на котором мы сами не знаем хорошенько, что там написано; да нас не только засмеют, но прямо заплюют. Без народа мы решительно ничего сделать не можем.

Нечего скрывать, что если ужасы революции не наставили некоторых на путь истинны, то им совершить в себе перелом в высокой степени трудно — нужно перевернуть свое мировоззрение и стать в душе настоящим Русским человеком и тогда только откроется красота русского священного девиза, начертанного на наших старых знаменах.

Однако другого пути Русского возрождения не существует, и кто не пожелает его воспринять, те вновь потерпят горькое поражение и безвозвратно погубят свое дело.

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 194. 15/28.6.1931. С. 1.

Как и предполагал Н. П. Рклицкий, ответ сторонников генералов-изменников не заставил себя долго ждать. Волей-неволей пришлось отвечать.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО А. Н. АЛЕКСЕЕВОЙ

Глубокоуважаемая Анна Николаевна!

В № 12 «Русского голоса» помещено Ваше письмо, в котором Вы горячо протестуете против статей «Царского вестника» (№№ 181—184), посвященных образу действий высших русских военачальников при начале русской революции*.

* В том же номере г. Пронин, полемизируя со мной, задает вопрос по моему адресу: что это: не имеющая пределов наглость, невежество или провокация, — и ставит меня на одну доску «с дьяволом — отцом лжи»; намекает, что я лью воду на мельницу большевиков, словом выливает ушат ругательств и обещает «как непосредственный свидетель великих событий в Царской Ставке» разъяснить все это дело. По г. Пронину — «великие события». А вот покойный Государь эти «великие события» оценил несколько иначе. Царь сказал: «кругом трусость, подлость и измена». Г. Пронин, ведь вы тоже, как «непосредственный свидетель», были в том кругу, который получил последнюю оценку с высоты Царского Престола. Кстати, по поводу вопросов г. Пронина. Наши лже-либералы давно уже применяют такой прием: когда они не могут доказать чего-либо по существу, то пускают несколько провокационных вопросов. Начало этому приему положил Милюков в Государственной думе, именно по адресу Государыни Императрицы, он довольно прозрачно пустил вопрос: «Что это, глупость или измена?» Из 500 членов этого публичного заведения не нашлось ни одного джентльмена, кто бы съездил г. Милюкова по физиономии за этот вопрос. Впоследствии г. Милюков объяснил, что никаких оснований подо-

Вы упрекаете меня в отсутствии беспристрастности, в неспособности исторически мыслить, в невежестве, в убожестве мысли, в том, что я бросаю комок грязи, лягаю и оскверняю память тех, кто давно лежит в могиле и публично стыдите меня за это.

Глубокоуважаемая Анна Николаевна! Мне весьма понятны волнующие Вас чувства супруги, горячо чтущей память своего покойного мужа, я глубоко скорблю, что я должен был доставить это огорчение Вам и Вашей высокочтимой семье; поверьте, что с гораздо большей радостью я сделал бы для Вас что-либо приятное. Однако те мотивы, которые вынудили поставить вопрос во всей полноте об отречении нашего Царя-Самодержца от Престола, настолько важны для ближайшего будущего, что всякие личные настроения отступают на второй план.

Сейчас мы переживаем исключительно ответственное время. Наш долг перед своей великой Родиной повелевает нам подготовить те исходные положения, на которых возможно возрождение Русского народа.

Единственно возможный для этого путь — это сосредоточение всех честных активных Русских сил вокруг великой идеи восстановления Престола Царя-Самодержца, разрушенного революцией. Другого пути нет и все, кто этому активно препятствуют, препятствуют возрождению Русского народа и России.

К большому сожалению, в эмиграции, несмотря на весь пережитый ужасный опыт, существует группа лиц, к несчастию имеющая влияние среди наших доблестных воинов, которая основывается на революционных положениях 1917 года. Не рискуя выставлять свое собственное знамя, они начертали на этом знамени имя Вашего покойного супруга генерала М. В. Алексеева, как своего основоположника.

Роковая ошибка Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерала Алексеева заключалась в том, что, во-первых, он не уберег Царского Престола, а, во-вторых, в том, что при основании Добровольческой армии он не положил в ее основу идеи восстановления Царского Престола, разрушенного злодеями при его очевидном попустительстве.

зревать Императрицу в измене у него не было, пустил же он этот вопрос в целях борьбы. С тех пор этот прием вошел в обиход «прогрессивной» общественности; не удивительно, что его применяет и г. Пронин. Со своей же стороны, не называя г. Пронина ни наглецом, ни невеждой, ни провокатором, ни лжецом, мы ждем от г. Пронина обещанных доказательств того, что Ставка и Главнокомандующие не предали своего Царя революционерам. — *Н. Р.*

Несомненно, что генерал Алексеев был исполнен лучших намерений. Он, очевидно, хотел победоносно окончить войну, сохранить верность союзникам, избежать смуты и принести благо Русскому народу, но по какому-то ужасному легкомыслию генерал Алексеев поверил злодеям, что будто бы достижению этих прекрасных целей мешает Царь и вместо того, чтобы перед всей многомиллионной армией быть образцом верности Царю до смерти, он стал на сторону бунтовщиков. И что же случилось с теми благородными целями, к которым он стремился? Россия потерпела позорное поражение, была ввергнута в ужасную смуту, а Русский народ — в бездну гибели.

Если бы у Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего был даже такой выбор: что более важно — победа над внешним врагом или Царь, верность союзникам или Царь, сепаратный мир или Царь, смута или Царь, конституционное министерство или Царь, то русский генерал по долгу присяги должен быть, прежде всего, верен Царю, эта верность важнее каких бы то ни было политических успехов, эти успехи могут быть в России достигнуты только через Царя и с Царем[27].

Однако Царь нисколько не мешал ни продолжению войны, ни победе над врагом, ни верности союзникам, ни благу народа, ни внутреннему миру. Гнусная клевета на Царя и, главным образом, на Царицу, нравственная красота и величие Которой сияет все более, теперь опровергнута полностью. Если этот слух с провокационной целью можно было пустить в среде падких на сплетни обывателей, то как мог оказаться жертвой этих слухов Начальник Штаба? Очевидно, что он был во власти революционных идей и утратил ясное понимание того, что Царь для России — всё, и что без Царя России нет.

Когда Государь, переживший на ст. Псков поистине Гефсиманские страдания, которые в нравственном отношении, конечно, были сильнее страданий Екатеринбургских, кстати сказать, явившихся естественным последствием измены России своему Венценосному Вождю, Божьему Помазаннику, так вот, когда Государь возвратился в Ставку и прощался со Ставкой, то один из солдат не выдержал прощания с Царем и лишился чувств.

Простой солдат не мог вместить в своем уме и сердце, как это можно жить без Царя.

Также ярко понимал ужас происходившего сербский военный представитель полковник Лонткиевич, со слезами целовав-

ший руку Русского Царя, — это был порыв доблестного воина и выразительный жест по адресу революции.

Вот этого понимания, этого чувства, к прискорбию, не доставало и не достает у наших высших военачальников.

Однако скажут, что же мог сделать ген. Алексеев, неужели же он один мог остановить революцию?

Да, фактический повелитель всех вооруженных сил Великой Империи мог погасить революцию, во всяком случае он должен был это сделать какой угодно ценой, он обязан был пытаться это сделать ради спасения Царского Престола, он должен был сделать все, вплоть до того, чтобы положить свою жизнь за Царя.

Если бы даже вся армия и вся страна пошли против Царя, он, как ближайший сотрудник, должен был быть с Царем и за Царя.

Такова русская присяга и таков долг русского воина.

Тогда, даже в случае победы революции, имя ген. Алексеева вошло бы в историю, как имя светлого героя и могло быть действительным знаменем Русского возрождения.

Эта роковая ошибка могла бы быть еще до некоторой степени исправлена при основании Добровольческой армии, если бы в ее основу ген. Алексеев положил те идеи, которыми жила Россия всегда, но и здесь основатель великого патриотического дела допустил ужасную ошибку и вновь оказался во власти ничтожных мыслителей, лепетавших непредрешенчество.

И вот, после всего пережитого, после ужасных, невиданных крушений, в основу русского освободительного движения вновь крадутся губительные идеи. Нет, в третий раз эта ошибка не должна быть допущена.

Все, что случилось, крайне печально, ужасно. Однако в страшном, безысходном русском горе есть одна светлая черта. Жизнь с неопровержимой ясностью показала, что Царь Самодержец, царствующий Божией милостью, не пустой звук, что за прикосновение к Венценосному Вождю несет великую ответственность вся нация.

В этом смысле правда Божия не оказалась попранной на Русской земле.

После всего пережитого можно смело сказать, что если Русское общество не образумится и не вернется к Богом установленному порядку русской жизни, то Россия погибнет навсегда...

Глубокоуважаемая Анна Николаевна!

Я знаю, что при чтении этих строк Ваше сердце разрывается от боли. Позволю себе, однако, сказать, что бывают такие вре-

мена, когда Родина требует себе в жертву самых святых чувств — супружеских, материнских, сыновних, братских, а для христианского сознания гораздо лучше исправить ошибки близких, чем оправдывать то, что оправдать невозможно.

Как христианин, позволяю себе думать, что лучшим почитанием памяти ген. Алексеева со стороны его любящих и близких ему людей было бы, если бы они, хотя бы своим сочувствием и расположением своего сердца, искупали совершенную им очевидную роковую ошибку.

Прошу Вас, глубокоуважаемая Анна Николаевна, великодушно простить меня за доставленные лично Вам и Вашей семье огорчения и заверяю Вас, что вопрос этот перенесен на страницы печати не по желанию нашей газеты чернить память Вашего супруга, а по вине тех, кто дорогое для Вас имя сделал знаменем своей политической борьбы и полемики и тем вынудил нас поднять завесу прошлого.

Я вынужден был обратиться к Вам с этим письмом, хотя речь идет о Начальнике Штаба Верховного Главнокомандующего, действия которого не могут быть обсуждаемы с точки зрения родственных чувств.

Прошу верить в мое искреннее и глубокое к Вам уважение.

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 195. 17/30.6.1931. С. 1.

Буквально в следующем номере газета поместила обширный отрывок из монографии известного русского зарубежного авторитетного историка С. П. Мельгунова, освещающий предреволюционную заговорщическую деятельность генерала М. В. Алексеева.*

ИССЛЕДОВАНИЕ г. МЕЛЬГУНОВА

Производя объективное исследование причин крушения России, мы печатаем сегодня выдежку из недавно появившейся книги С. Мельгунова: «На путях к дворцовому перевороту». Автор этой книги принадлежит к левым кругам русской общественности и его нельзя заподозрить в особом пристрастии к Царю. Из исследования г. Мельгунова явствует, что Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего задолго до революции был осведомлен о существующем заговоре.

В связи с ранее опубликованными документами заявляем, что мы заинтересованы только в выяснении истины и поэтому

* *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж. 1931. С. 94-102.

были бы весьма благодарны, если бы нам были доставлены документы, которые могли бы обелить честь прикосновенных к этому лиц.

В целях точности мы сохраняем текст г. Мельгунова без всяких изменений даже в титулованиях упоминаемых Царственных Особ.

Ген. Алексеев

Царь ценил и верил ген. Алексееву. В переписке с женой о нем встречаются только хорошие отзывы: Царь называл его «моим косоглазым другом» и говорил о работе с ним «захватывающего интереса».

Но Алексеев чрезвычайно скептически относился к тому, что происходило в правительственных сферах. По словам И. П. Демидова, приезжавшего к Алексееву по делам земского союза, начальник штаба верховного главнокомандующего будто бы дал тогдашней власти такую характеристику: «Это не люди — это сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают... Никогда не думал, что такая страна, как Россия, могла бы иметь такое правительство, как министерство Горемыкина. А придворные сферы? — Генерал безнадежно махнул рукой».

Не видел спасительной панацеи Алексеев и в общественных организациях. По крайней мере, на докладе директора Деп[артамента] пол[иции] Климовича о мартовских ([19]16 г.) заседаниях съездов общеземского и общегородского союзов, присланном начальнику штаба, Алексеев наложил следующую резолюцию: «Они должны быть осведомлены, что в различных организациях мы имеем не только сотрудников в ведении войны, но получающие нашими трудами и казенными деньгами внутреннюю спайку силы, преследующие весьма вредные для жизни государства цели. С этим нужно сообразовать и наши отношения». Позже, когда в первые дни революции Алексеев намечался верховным главнокомандующим, Родзянко писал кн. Львову: «Вспомните, что ген. Алексеев являлся постоянным противником мероприятий, которые ему неоднократно предлагались из тыла, как неотложные; дайте себе отчет в том, что ген. Алексеев всегда считал, что армия должна командовать над тылом, что армия должна командовать над волею народа и что армия должна как бы возглавлять собой и правительство и все его мероприятия; вспомните обвинение ген. Алексеева, направленное против народного представительства, в котором он определенно указы-

вал, что одним из главных виновников надвигающейся катастрофы является сам русский народ в лице своих народных представителей. Не забудьте, что ген. Алексеев настаивал определенно на немедленном введении диктатуры».

Алексеев, однако, понимал, что надо пытаться примирить царя с обществом и, в частности, со Львовым. В дневнике моем записано со слов авторитетных свидетелей, что при личном свидании Алексеев благоприятно оценивал способности Львова и жаловался на то, что он один ничего не может сделать.

Для нас ускользают предварительные этапы взаимоотношений Львова и Алексеева. Можно думать, что откровенные беседы велись в январе [19]16 г., когда Львов и Челноков[28] были приглашены в Ставку на совещание по продовольствию армии. О приезде Челнокова упоминается и в переписке Николая II. Царь отмечает 14 января: приехал, «к моему большому удивлению, московский городской голова Челноков... За несколько минут до обеда я принял Челнокова наедине — он поднес мне теплый адрес от Москвы, в котором благодарит войска за хороший прием, оказанный делегации, посланной для распределения подарков солдатам. Он тяжело дышал и вскакивал каждую секунду со стула, пока разговаривал. Я спросил его, хорошо ли он себя чувствует, на что он ответил утвердительно, но прибавил, что он привык представляться Николаше и никак не ожидал увидеть здесь меня... Этот ответ и все его поведение понравились мне этот раз». По непонятным причинам о Львове нет даже упоминания. Объяснить это молчание я не могу, так как «Известия» Главного Комитета Вс[ероссийского] З[емского] С[оюза] определенно говорят об официальном присутствии Львова на указанном совещании. В моем дневнике отмечено: «...Львов сидел все время в вагоне. У него был Алексеев. Имели с глазу на глаз беседу в течение одного часа». Очевидно, Львов постепенно сумел передать Алексееву свою психологию и возбудить в нем те опасения, которые возникали в общественной среде относительно германофильского окружения «молодой императрицы». Алексеева «тоже восстановили против меня», — писала впоследствии Александра Феодоровна.

У Алексеева, очевидно, прочно укоренилось недоверие к Ал[ександре] Феод[оровне] — к ее, быть может, «безсознательной» (выражение Родзянко) деятельности в пользу Германии и к ее вредному влиянию на царя. У А. И. Деникина имеется, напр[имер], такая запись: ген. Алексеев, которому я задал этот

мучительный вопрос (об измене императрицы) весной 1917 г. ответил мне как-то неопределенно и нехотя: «при разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах — для меня и государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею»... Больше ни слова. Переменил разговор». Враждебное отношение было у Алексеева и к Распутину, и он решительно противился посещению «святым человеком» Ставки. Деникин рассказывает, что однажды после официального обеда в Могилеве императрица завела с Алексеевым разговор о Распутине и пыталась его убедить, что посещение «старцем» Ставки «принесет счастие». Алексеев сухо ответил, что для него этот вопрос давно решенный. И что, если Распутин появится в Ставке, он немедленно оставит пост начальника штаба... Императрица резко оборвала разговор и ушла, не простившись с Алексеевым.

Осенью [19]16 г. начинают в обществе ходить упорные слухи о готовящемся дворцовом перевороте, причем регентство должно перейти к Ал[ександре] Ф[еодоровне]. Об этом записал Сухомлинов в свой дневник 15/28 сентября. Отмечены эти «замыслы» царицы «в стиле Екатерины» также в записях В. В. Каррика. Передает эти слухи в дневнике и близкая двору Е. А. Нарышкина. Была ли хоть капля истины в этих слухах? Мне они представляются по всей сложившейся конъюнктуре и по взаимным отношениям царя совсем мало вероятными. Было, очевидно, другое. В След[ственной] Комиссии Вр[еменного] Пр[авительства] Мануйлов-Манасевич, рассказывая о влиянии «Царского» на Ставку, передавал такой случай... «в 2 часа ночи раздался его (Распутина) звонок по телефону: "Экстренно приезжай, я тебе новость сообщу". Я тогда приехал к нему и он говорит: "Решено папашу больше одного не оставлять, папаша наделал глупостей, и поэтому мамаша едет туда"». Было решено, что она будет жить в Ставке... Этого и боялся Алексеев. Приезд царицы мог бы усилить интриги «немецкой партии» в Петербурге[29], о которых говорил Алексеев ген. Иванову (не употребляя, впрочем, термина «немецкая партия»). Отсюда, возможно, и податливость Алексеева на уговоры со стороны кн. Львова. Я считаю, что настойчивая инициатива исходила от последнего... Таким образом, к осени, по-видимому, между «союзниками» была установлена договоренность уже о действиях. А. Ф. Керенский, который впоследствии о намечавшихся планах мог знать непосредственно от

самого Львова, во французском издании своих воспоминаний говорит, что план заключался в аресте царицы, ссылки ее в Крым и в принуждении царя пойти на некоторые реформы, т. е., очевидно, согласиться на министерство «доверия» во главе со Львовым. Керенский ошибочно относит осуществление такого плана на октябрь — он был намечен, но на конец ноября. В ноябре один из доверенных Львова, по поручению последнего, посетил Алексеева. Произошла такая приблизительно сцена. Во время приема Алексеев молча подошел к стенному календарю и стал отрывать листок за листком до 30 ноября. Потом сказал: передайте кн. Львову, что все, о чем он просил, будет выполнено. Вероятно, на 30 ноября и назначалось условленное выступление.

Через кого Алексеев предполагал действовать? Лемке, бывший в то время в Ставке, записал в свой дневник еще 9 ноября [19]15 г.: «Очевидно, что-то зреет... Недаром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удается узнать, а часто даже и фамилию не установишь. Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли, что-то у него есть, связывающее его с ген. Крымовым[30] именно на почве политической, хотя и очень скрываемой деятельности». Позже, в [19]16 г., Лемке пишет: «Меня ужасно занимает вопрос о зреющем заговоре. Но узнать что-либо определенное не удается. По некоторым обмолвкам Пустовойтенко* видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кое-кто».

С указанными лицами мы встретимся. Скорее всего, что слухи объединяли два разных начинания, к одному из которых Алексеев не имел отношения. Характерно, что слухи, доходившие до Алекс[андры] Феод[оровны], никогда не соединяют Алексеева с именем Львова. «Пожалуйста, душка, — пишет Ал[ександра] Феод[оровна] мужу 20 ноября [19]16 г., — не позволяй славному Алексееву вступать в союз с Гучковым... Родзянко и Гучков действуют сейчас заодно, и они хотят обойти Ал[ексеева]... Его дело заниматься исключительно войной». Царь отвечал: «Ал[ексеев] никогда не упоминал мне о Гучк[ове]. Я только знаю, что он ненавидит Родзянко и насмехается над его уверенностью в том, что он все знает лучше других»...

Почти можно не сомневаться, что из перечисленных Лемке лиц только Крымов мог иметь то или иное отношение к алексеевскому проекту. Для предъявления «требований» надо было

* Ген.-квартирмейстер Ставки.

иметь верную распропагандированную военную часть или кружок сговорившихся авторитетных военных. Косвенные сведения указывают на то, что какое-то совещание в Ставке происходило еще летом [19]16 г., и там говорили о возможном низложении Николая II.

Мог опираться Алексеев и на другую военную группу, очертания которой также неясны, и которая имела непосредственную связь со Ставкой. Я имею в виду тот «морской» план, о котором слышал в свое время Шульгин. «План этот состоял в том, — рассказывает он в своей книге "Дни", — чтобы пригласить государыню на броненосец под каким-либо предлогом и увезти ее в Англию, как будто по ее собственному желанию. По другой версии — ехать должен был и государь, а наследник должен был быть объявлен императором». Это не было «болтовней» в точном смысле слова, потому что нет никакого сомнения в том, что какие-то планы зрели в морском генеральном штабе, и что этот план был в той или другой степени связан с тогдашней общественностью. На «морском» плане в другом месте мы остановимся несколько подробнее. Установить его непосредственную связь с Алексеевым пока не представляется возможным. Но в Ставке находился «любимый» императрицей «гвардейский экипаж», посланный для несения императорской охраны. При господствовавшем там настроении он легко мог быть использован при дворцовом перевороте.

* * *

Сама по себе схема «дворцового переворота», затеянная Алексеевым и Львовым — так, как она изложена Керенским и Милюковым, — представляется совершенно нереальной. Что должно было последовать, если бы царь не согласился на «ссылку» Алекс[андры] Феод[оровны]? Люди, наблюдавшие его непосредственно, утверждают, что в критические моменты царь был тверд и решителен. Становился ли тогда перед заговорщиками вопрос о насильственном принуждении и об отречении монарха? Для ответа нет конкретного материала. Возможны только предположения. Кн. Львов такую возможность, по-видимому, не исключал.

Слухи об участии Алексеева в «заговоре» распространились далеко за пределы тех «семейных» разговоров в Ставке, которые Лемке занес в свой дневник. Уже в ноябре с фронта в Москву шли сообщения о возможности «крупных событий». Брусилов в своих воспоминаниях рассказывает, что до него доходили

«сведения», что задумывается дворцовый переворот... «Я не верил этим слухам потому, что главная роль была предназначена Алексееву, который якобы склонялся арестовать Николая II и Ал[ександру] Феод[оровну]; зная свойства характера Алексеева, я был убежден, что он этого не выполнит».

План рушился, однако, сам сособой. У Алексеева сделался острый приступ застарелой болезни. 11 ноября его заменил Гурко, и начальник штаба вынужден был отправиться на долгое лечение в Крым.

«Не забудь запретить Гурко болтать и вмешиваться в политику, — говорила Алекс[андра] Феод[оровна] в письме 4 декабря, — это погубило Николашу и Алексеева. Последнему Бог послал болезнь — очевидно, с целью спасти тебя от человека, который сбился с пути и приносил вред тем, что слушался дурных писем и людей...» Для тогдашних настроений характерно, что тотчас же распространились слухи, что Алексеев сознательно отравлен. «Я все более прихожу к убеждению, что ген. Алексеев сюда не возвратится, и притом не по причине нездоровья. Свои впечатления по этому поводу расскажу вам при личном свидании», — писал представитель министерства иностранных дел в Ставке Базили 27 ноября.

Алексеев в Крыму оставался до 20-х чисел февраля 1917 года.

События шли своим чередом. Мы видели, как росла агрессивность кн. Львова по отношению к власти, поскольку эта политика сказывалась в открытых выступлениях земского союза. Нам известно, что кн. Львов поехал в Крым на свидание с Алексеевым. Последний отказался от всяких политических разговоров и его не принял. О посещении Алексеева в Севастополе представителями «некоторых думских и общественных кругов» говорит в своем исследовании и А. И. Деникин. Только информация, полученная Деникиным от самого Алексеева, была неполна и не совсем точна. Алексеев «в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны». Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовящегося переворота. «Не знаю, — продолжает Деникин, — какие данные имел Михаил Васильевич, что он уверял впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась».

Почему Алексеев не принял Львова? Мне кажется, это подтверждает предположение, что Алексеев шел только на изолиро-

вание царя от жены. Перед ним не становился вопрос о добровольном или вынужденном отречении самого царя; между тем, в декабре и январе именно так ставился уже вопрос. «Разговоры пошли о принудительном отречении царя и даже более сильных мерах», — говорит Милюков в «России на переломе». В исторических трудах нет надобности вуалировать прошлое. Речь шла уже о заговоре в стиле дворцовых переворотов XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и цареубийства.

Царский вестник. № 196. 18.6/1.7.1931. С. 2-3.

Между тем, газетная полемика переросла в конфликт, угрожавший полемистам... физической расправой. Подтверждалась старая истина: Юпитер, ты сердишься? — Значит ты неправ!»

СВЯТАЯ ПРАВДА

Ничто людей так не раздражает, а иногда прямо приводит в бешенство, как открыто высказанная правда, особенно касающаяся общественных дел и особенно, когда она касается какой-либо репутации. Здесь люди бывают способны потерять всякое равновесие и наделать таких ложных шагов, за которые им потом долго будет стыдно.

Нашей газете приходится теперь преодолевать некоторое сопротивление общественной среды и постоянно чувствовать, что наше общество, или, вернее, отдельные его представители, не выносят, когда приходится говорить правду.

Нас упрекают в том, что мы будто бы стремимся разрушить большую военную организацию и совершенно безцеремонно угрожают нам не только побоями, но и выселением заграницу и даже убийством, конечно, для красного словца.

Всему городу известно, что в канцелярии полуофициального русского учреждения, забыв о том, что мы живем в правовом государстве, разрабатываются проекты хулиганских нападений на нашу газету.

Очевидно, революция у нас продолжается и продолжается невообразимая смута в умах. Мы спокойно все это переносим, зная, что подобные выходки падут на головы их инициаторов и покровителей.

Однако речь наша не о том. Мы бы хотели сказать несколько слов о том, почему необходимо теперь разъяснение некоторых исторических обстоятельств жизни нашей Родины. Это далеко не праздный интерес.

Мы переживаем подготовительный период русского возрождения, рано или поздно, под влиянием тех или иных обстоятельств международного характера, власть большевиков падет, и если мы к этому времени не будем иметь, прежде всего, прочной идеологической базы, то мы будем преступниками перед Отечеством, заслуживающими проклятия.

Должно создать идеологическую базу русского возрождения. Для создания же этой базы необходимо правдивое выяснение событий революционного крушения России. Нужно решить вопрос, на кого должно базироваться — на идею Царя-Самодержца или на идею белых вождей. Этот вопрос можно обсуждать без всякой страстности, без кулачных угроз, без исступления. Но он, безусловно, требует исторической правды.

Сила России заключается в моральной основе ее государственного устройства, моральная основа России важнее, чем финансы, военная мощь и экономические условия, и к этим основам нужно отнестись с чрезвычайной бережливостью. Идея Царя в моральном отношении стоит неизмеримо выше всякой другой идеи. Царская власть окружена сиянием небесных лучей. Она таинственно нисходит к людям из высших сфер и влечет к сердцу людей не по расчету, не по принуждению, а по своей собственной красоте. Особое счастье России в том, что власть Царя Самодержца, вполне реально опирающегося на Божию милость, как на свой главный фундамент, сохранилась до последних времен и нашла себе полное выражение в лице Царя и Царицы, считавших Себя реально ответственными перед Богом.

Изучение обстоятельств отречения Государя важно потому, что оно реально показывает, что государственная жизнь России была связана неразрывно с Царским Престолом. Следовательно, с этого именно и нужно начинать дело Русского возрождения.

Так что сердиться на нас совершенно не за что.

Злобно же идти против подобной постановки вопроса — это значит идти против правды жизни, которая все равно, рано или поздно, выйдет наружу.

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 197. 19.6/2.7.1931. С. 1.

НАПАДЕНИЕ НА РЕДАКТОРА «ЦАРСКОГО ВЕСТНИКА»

В ночь с 29-го на 30-е июня, подкравшись к квартире редактора «Царского вестника» Н. П. Ркицкого, сын одного из «отцов», по-

нудивших Государя Императора к отречению от Престола, сделал, в сопровождении своего родственника, попытку нападения на редактора «Царского вестника», который отогнал нападавших палкой.

Щадя доброе имя семьи нападавшего, из уважения к его матери, редакция не называет фамилий[31].

Царский вестник. № 197. 19.6/2.7.1931. С. 4.

ОТ РЕДАКЦИИ

29 июня с. г. нашу редакцию посетил весьма взволнованный сын покойного начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, полков[ник] Н. М. Алексеев[32] и предъявил редактору категорическое требование, чтобы он в течение 48-ми часов, каким угодно способом, опроверг «все появившиеся на страницах "Царского вестника" сведения, порочащие доброе имя его покойного отца» — генерала-от-инфантерии М. В. Алексеева.

Редакция «Царского вестника» в виду этого настоящим вновь заявляет, что она отнюдь не имеет своей целью обижать близких ген. М. В. Алексеева, тем менее решительно ничего не имеет против семьи покойного и, в частности, против его сына, полковника Н. М. Алексеева, лично к которому Н. П. Рклицкий относится с полной доброжелательностью.

В этот вопрос капитальнейшей важности, касающийся судьбы всего Русского народа, редакция не вносит никаких личных отношений.

Если бы, однако, редакция, идя навстречу желанию полковника Н. М. Алексеева, заявила от себя, что она опровергает самый факт исторических событий и документов о них, то это не будет соответствовать истине.

Единственный выход: это выяснить раз навсегда с исчерпывающей полнотой этот вопрос, поэтому всякие объективные указания и документальные данные, в частности со стороны семьи покойного генерала М. В. Алексеева, редакция примет с благодарностью.

Царский вестник. № 198. 20.6/3.7.1931. С. 1.

КРАСНЫЙ БАНТ

Маленький фельетон

Из всех воспоминаний безкровной революции самым ярким у меня остается воспоминание о красном банте.

О том красном банте, который в первых числах марта 17 года превратил Петербург в сплошной маковый огород.

О том красном банте, который украшал груди...

Эх, не буду перечислять эти груди, а лучше поделюсь личными воспоминаниями.

Они сейчас очень кстати, когда вокруг все себя обеляют от былого революционного покраснения.

Когда все оказываются невиноватыми ни в измене, ни в Царском отречении.

И, — если так, — то я объявляю себя во всем виноватым.

И признаюсь, что я — древневременец, член общества изучения иудейского племени и возрождения допетровской Руси — одним из первых нацепил на левый лацкан моего пальто громадный красный бант.

И не только на себя, но и на моего карликового шпица Муранчика.

— Спасая и свою шкуру, и его белоснежную шерстку, уже ставшую объектом революционного сапога.

Красный бант сразу же изменил всю ситуацию.

И мою, и Муранчика.

Мы были неприкосновенны.

Но красный бант скоро стал слишком больно жечь меня, и я снял его и с себя, и с Муранчика.

Мураник погиб под колесом революционного грузовика, а я попал в эмиграцию.

Это почти одно и тоже.

Совершилось возмездие.

И продолжается. И будет продолжаться.

И когда в последний час предстану перед Всеправедным Судией — мой Ангел-Хранитель будет класть на чашу весов — если не мои добрые дела, то мои страдания и скорби.

Но в последнюю минуту дьявол с ядовитой улыбочкой бросит на другую чашу мой красный бант, и перетянет чаша грехов, и — если не смилостивится Господь, — полечу я [вверх] тормашками в самое пекло.

Что ж, так мне и надо, — не надевай с перепугу красного банта!

Це-Це

Царский вестник. № 197. 19.6/2.7.1931. С. 4.

К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ
(Письмо в редакцию)

Милостивый государь, господин редактор!

В № 11 газеты «Русский голос» от 21 июня с. г. помещена статья г. Коморовского, озаглавленная «Терновый Венец».

Не откажите дать место на страницах Вашей газеты и моему мнению по затронутому вопросу.

Я не военный, но мои предки служили в войсках, преимущественно в Ахтырском гусарском полку. Уже по одному этому я не могу не относиться с уважением к военному сословию; но не одно это руководит мною в моих отношениях к военным людям, а сознание того, как велики задачи людей, посвятивших себя военному делу по охране Родины от врагов внутренних и внешних.

Но это уважение не может заставить меня слепо преклоняться перед всяким носящим военный мундир.

Лично я провел более 40 лет в общественной, преимущественно земской, деятельности, которая прекратилась с моим отъездом из России после бунта.

Я был членом 3-й Государственной думы в правой фракции и работал в трех комиссия; хотя в 4-й Государственной думе я не был, но хорошо знаком с ее шатким составом.

Это предисловие надо было сделать, чтобы меня не обвинили в сношениях с большевиками или [не объявили] действующим под их влиянием, как это нынче в моде по отношению к людям инакомыслящим.

* * *

Французский мыслитель Гюстав Лебон, занимающий видное место среди людей, изучающих психологию — в особенности психологию масс, говорит, что власть стоит твердо, пока войска соблюдают дисциплину, твердо стоят на стороне верховной власти и безпрекословно исполняют распоряжения своих начальников, а революции возможны только тогда, когда войска теряют дисциплину, перестают исполнять приказания начальников и... изменяют верховной власти.

Лебон говорит: «Французское королевство пало в тот момент, когда войска начали брататься с бунтующим народом и перестали исполнять приказания командиров».

У нас случилось наоборот. Не войска перестали повиноваться Верховной власти, а главные командиры — генералы.

Факт этот настолько ясен и доказан, что закрывать себе глаза на такое явление, вместо того, чтобы изучить причины его вызвавшие, — было бы преступлением.

В № 12 той же газеты помещена статья г. В. Пронина «Во имя правды», в которой он обвиняет редакцию газеты «Царский вестник» за ее приемы при рассмотрении образа действий высших военноначальников, окружавших Государя, забывая, что это только выводы из документов, давно напечатанных и никем не опровергавшихся.

В особенности г. Пронин заботится о расколе и смуте среди молодежи, «которая не была свидетельницей величайших и трагических событий и мало о них знает». Пусть г. Пронин об этом не заботится. Нынешняя молодежь частью пережила самые события, а вся переживает последствия этих событий и, конечно, вынося на себе эти последствия, вдумывается в эти причины и своим умом приходит к тому или иному заключению, так как либеральные трафиретчики [sic!] профессора прикусили свои ядовитые языки[33], которыми развращали молодежь, фаршируя на революционный лад ее мозг в дореволюционное время.

Про нынешнюю молодежь можно сказать словами старинной песни:

Ей не вотрешь очки небось,
Нет, — это брось.

Заканчивает г. Пронин свою статью такими словами: «В последующих статьях я, как непосредственный свидетель великих событий в Царской Ставке, переживавший их и располагающий документами и личными того времени записями, опишу в кратких чертах ход событий и разберу с точки зрения исторической правды приводимые "Ц. В." документы и выводы из них. В. Пронин».

Пусть же свидетель событий г. Пронин объясняет документами и записями то, что мы находим у других свидетелей и самих действующих лиц.

Большевицкий Госиздат издал в 1920 году книгу штабс-капитана Лемке[34] (около 900 стр.) под заглавием «250 дней в Царской Ставке», куда он был кем-то командирован, но по расшифровании немедленно удален. Теперь, по-видимому, он служит большевикам.

Правда, шт.-кап. Лемке большой негодяй, что видно из его слов, что он по ночам тайно переписывал «для себя» секретные бумаги, но все же он симпатизирует действиям штаба и поэтому в этом случае заслуживает доверия. Вот что он пишет на стр. 215 (9-10 ноября 1915 г.):

«Вчера Пустовойтенко[35] сказал мне (т. е. Лемке): "Я уверен, что в конце концов Алексеев будет диктатором". Не думаю, чтобы это было обронено так себе. Очевидно, что-то назревает, что дает основание предвидеть такой исход...

Недаром есть такие приезжающие, о целях появления которых ничего не удается узнать, а часто даже фамилии не уста-

новишь. Да, около Алексеева есть несколько человек, которые исполнят каждое его приказание, включительно до ареста в Могилевском Дворце». Т. е. ареста Государя.

Стр. 329. Челноков и Шингарев[36] затем приехали в Ставку, чтобы сделать Алексеева «орудием своих длинных, но немощных рук», но раздумали, чтобы не повредить ему своим прибытием.

Стр. 545. Гучков посылает к Алексееву своего заместителя Коновалова[37] для ознакомления с положением дел. Алексеев в тот же день отвечает, что очень рад и назначает время прибытия.

«По некоторым обмолвкам Пустовойтенко мне начинает казаться, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которого не чужд и Михаил Саввич, а также еще кое-кто... Если так, то при такой разношерстной компании, кроме беды, для России ждать нечего».

Это писалось за полтора года до требования у Государя отречения, но негодяй эсер Лемке в своем предвидении оказался много умнее заговорщиков.

После отречения Государя, во время предполагавшейся экспедиции Корнилова, В. А. Маклаков[38] пожелал видеть ген. Алексеева и был приглашен в его вагон. В. А. Маклаков заявил, что дни Временного правительства сочтены и что, если ген. Корнилов победит, то он должен восстановить законную Монархию и управление на основании Основных Законов.

Алексеев казался изумленным.

«— Как? Вы хотите восстановить монархию. Это невозможно!

— Если действительно это невозможно, то вся попытка Корнилова безцельна. Нечего побеждать революцию, чтобы ее вновь восстановлять...

— Не правда ли, как это странно, — продолжал Маклаков. — Вы, генерал, помощник Верховного Главнокомандующего, лицо из Его окружения; вы протестуете против Монархии, а я, революционер*, ее требую».

На это ген. Алексеев ответил:

«Вы правы, но это именно потому, что я хорошо знаю Монархию, лучше чем Вы ее знаете, и потому я не хочу ее».

В. А. Маклаков ответил: «Быть может, но я лучше знаю наших политических деятелей, и потому я их не хочу».

---

*В сущности Маклаков не был революционером. Он был кадетом, потому что это было выгодно и модно. Пока шла игра, и он играл, а когда дошло до серьезного дела, В. А. Маклаков отшатнулся. — *Э. И.*

* * *

Ген. Алексеев впоследствии сам сожалел обо всем случившемся, сказав: «Если б я тогда знал тех людей, с которыми вел дело, я никогда не послал бы своей последней телеграммы командующим армиями».

Что же представляет из себя статья г. Коморовского?

Сплошной набор громких фраз, связанный только выдержками из стихотворений гг. Савина и Туроверова, да популярными именами.

В эпиграфе помещены слова ген. Алексеева: «Нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

Да, истинная правда, но кто погасил этот светоч России? Вся эта мразь, которую хорошо знал В. А. Маклаков, без содействия Ставки ничего не могла сделать.

Может быть, этот светоч был слаб, но он теплился, и хоть немного, но освещал путь. Однако он был погашен, и Россия погрузилась во мрак, и другого светоча зажечь — *оказалось* не так-то просто. .

Я не стану разбирать, кто и что знал, скажу только: главные деятели, склонившие Государя к отречению, преувеличивали свое значение. Они вообразили себя излюбленными людьми, за которыми толпами пойдет народ, и фрондировали пока все держалось обаянием Царской власти; как только это обаяние исчезло, то исчезло и все их величие, и на шахматной доске, вместо гордых фигур, оказались жалкие пешки.

Они даже не поняли того, что в гражданской междуусобной войне нельзя бороться без девизов. Борьба с большевиками — это не девиз. Надо сказать не только с кем борьба, но и за что идет борьба.

Я в то время жил на Кавказе и хорошо знаю настроение Доб[ровольческой] армии: у громадного большинства девиз был «За Веру, Царя и Отечество», но его не провозглашали. Это было дело вождей, но они, по-видимому, не смели открыто выступить с этим девизом, потому что недавно изменили Государю, а другого подходящего девиза еще не нашли. Народ, радостно приветствовавший Добр. Армию, отшатнуло от нее, не зная, за что она борется. Ряды добровольцев редели в боях, а пополнения не поступало. «Быховец, Первопоходник, Галлиполиец — священная лестница искупительных подвигов».

Громкие, не идущие к делу, слова, потому что речь идет не о работе Армии, а только о идейной стороне.

Офицеры и солдаты геройски шли на верную смерть. Их подвигам удивлялись иностранцы. Когда французская эскадра подошла к Галлиполи, и командующий эскадрой дал знать ген. Кутепову, чтобы он очистил место для десанта, то А. П. Кутепов сообщил, что на этом месте как раз в назначенное для высадки время он назначил маневры. У русских не было ни покрывал, ни палаток. Спали на голой земле и паек получали половинный. Французы знали это. И вот на их глазах, в назначенное время, ранним утром встают с голой земли иззябшие, полуголодные и плохо одетые воины и начинаются стройные и отчетливые маневры. Видя эту картину, французский командир эскадры не выдержал и закричал: «Да ведь это безумие со стороны Европы уничтожать такую силу в такое безсильное время». Вот, перед этими воинами должно благоговеть, память о них должна быть священна для всякого русского человека.

Они пали жертвою исполнения долга, чести и присяги, и своею смертью хотели искупить измену и предательство.

Таков взгляд на это дело, основанный не на шумихе громких фраз, а на фактах, материалах, уже опубликованных, и на словах самих деятелей. Закрывать глаза на это было бы новым ужасным, ничем не оправданным преступлением перед Родиной, в котором на этот *раз* повинны те, кто имеет в своих руках общественные трибуны.

Примите уверение в совершенном почтении.

Э. Р. ИСЕЕВ

Царский вестник. № 197. 19.6/2.7.1931. С. 2-3;
№ 198. 20.6/3.7.1931. С. 2.

ВЫВОДЫ

Россия без Царя... это невозможно, этого никогда не будет.

Слова Сербского военного представителя полк. Леонтиевича после прощания с Государем.

Те документы, которые опубликовали защитники революции и, в частности, приводимые г. Прониным, одним «из непосредственных свидетелей» тех «великих событий», полностью подтверждают наши первоначальные утверждения о том, что основной причиной гибели России была измена присяге со стороны высших военачальников и группы общественных деятелей, главным образом Председателя и членов Государственной думы.

До сих пор по вопросу о начале революции накапливались материалы и материалов этих, в виде дневников и воспоминаний участвовавших лиц, а также документов, накопилось довольно много, так что самая картина событий, предшествовавших революции, может быть восстановлена совершенно точно.

Однако остается почти не расследованным самый заговор, который, несомненно, существовал, и притом задолго до революции. По некоторым основаниям можно считать, что начало этого заговора относится к 1915 — во всяком случае, к началу 1916 года.

Гг. участники «великих событий», охотно делясь воспоминаниями о самых событиях, хранят упорное молчание по вопросу о самом главном — о заговоре; по вопросу, о котором материалов почти не имеется.

Из книги г. Мельгунова (кстати сказать, одним из источников которой были сведения, сообщенные г. Прониным) [следует, что] Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего в 1916 году с несомненностью был осведомлен о существовании заговора. Г. Мельгунов полагает, что Начальник Штаба был вовлечен в этот заговор в январе 1916 года; по данным Лемке — это следует относить к концу 1915 года. Можно считать установленным, что первоначально заговор имел своею целью — *ограничить права Верховной власти*, но видимо полного согласия среди заговорщиков не было, как о способах выполнения его, так и границах*.

Можно считать также установленным, что Начальник Штаба первоначально противился устранению Самого Государя и в этом отношении до конца февраля 1917 года он стоял за Государя, но при непременном условии ограничения прав Верховной власти Самодержца.

Революцию он надеялся получить из рук Самого Государя. В необходимости такого ограничения Начальник Штаба был настолько уверен, что уже после окончательного отъезда Государя он заявил: «Это все равно должно было случиться, если не теперь, то случилось бы потом, не позднее чем через два года»**.

27 февраля Начальник Штаба проявил ультимативную настойчивость, желая получить ограничение прав Верховной вла-

---

* По тексту присяги и соответствующих статей Уголовного Уложения, умысел, направленный на ограничение прав Верховной власти, равносилен действию против жизни Государя.

** *Полк. А. А. Мордвинов.* Последние дни Императора.

сти из рук Самого Государя; он в этот день три раза докладывал об этом Государю, причем последний раз «умолял на коленях».

Очевидно, что непреклонность Государя для Начальника Штаба оказалась неожиданной. Несомненно, что в этот именно момент было потеряно доверие между Государем и Начальником Штаба.

Для Государя стало ясно что, что Начальник Штаба перешел на сторону революционеров*, а для Начальника Штаба, что осуществить заговор на ограничение Верховной власти, по добровольному согласию Государя, ему не удастся. Государь уже после этого не отдавал Своих распоряжений через Начальника Штаба и принял решение выехать из Ставки.

Во всем уступчивый, Государь оказался, однако, непреклонным в выполнении «коленопреклоненной просьбы» своего Начальника Штаба. Почему? Он высказал Свою точку зрения в беседе с ген. Рузским. «Основная мысль Государя была, что Он для Себя в Своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает Себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред Родине, а завтра умоют руки, подав с кабинетом в отставку». «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится», — сказал Государь. «Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не Моих рук дело, не Моя ответственность»**.

Рузский старался доказать Государю, что Его мысль ошибочна, что следует принять формулу: «Государь царствует, а правительство управляет». Государь говорил, что эта формула Ему непонятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться и опять оттенил, что Он лично не держится за власть, но только не может принять решение против Своей совести и, сложив в Себя ответственность за течение дел перед людьми, не может считать, что Он Сам не ответственен перед Богом.

Государь перебрал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед Палатами министров, и выска-

---

*Не исключено, что, оформив Отречение в виде *Телеграммы Начальнику Штаба*, Государь тем самым указал на основного виновника происшедшего. — *С. Ф.*

** *Ген. Д. Н. Дубенский.* Как произошел переворот в России.

зал Свое убеждение, что общественные деятели, которые несомненно составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей.

Вот ответ на то, почему именно Государь отказал просьбе Своего Начальника Штаба, хотя и коленопреклоненной, но явно ультимативной и явно нарушающей присягу и ст. 241 Уголовного Уложения.

Как известно, Государь передал Верховное командование Великому Князю Николаю Николаевичу, а не Своему Начальнику Штаба; последний же принял верховное командование уже из рук Временного правительства, сделавшись через короткое время Начальником штаба г. Керенского.

По свидетельству генерала Д. Н. Дубенского[39], Государь был арестован в Ставке перед отправлением Своим в Царское Село. Арест этот был произведен по требованию прибывших членов Государственной думы и был передан Государю Начальником Штаба, правда, в смягченной форме: «Ваше Величество должны Себя считать как бы арестованным». «Государь ничего не ответил, побледнел и отвернулся от Начальника штаба»*.

Почти в то же время ген. Корнилов арестовал в Петрограде Императрицу.

Таким образом, Начальник штаба, сознательно изменив присяге, не обнаружил, однако, «смелости злодейства»: ограничения Верховной власти он требовал «коленопреклоненно», отречения «всеподданнейше», а ареста — «как бы ареста».

Известно, что дальнейшим последствием этого «как бы ареста» было Екатеринбургское злодеяние.

Таковы объективные выводы, проливающие свет на причину гибели России и указывающие пути ее возрождения.

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 201. 24.6/7.1931. С. 1.

РУССКИЙ МЯТЕЖ

Поднявши мятеж против Самодержавия, так называемые общественные деятели и члены Государственной думы для выполнения этого тягчайшего государственного преступления, как известно, послали к Государю двух хулиганов и они повезли с собой проект отречения Государя от Престола. Документ этот

* *Ген. Д. Н. Дубенский.* Как произошло отречение.

весьма любопытен, так как дает возможность уяснить нам те мотивы и цели, которыми руководствовались наши государственные преступники.

В проекте этом сказано:

В тяжелую годину ниспосланных тяжких испытаний для России Мы, не имея сил вывести Империю из Тяжкой смуты, переживаемой страной перед лицом внешнего врага, за благо сочли, идя навстречу желаниям всего Русского народа, сложить бремя врученной от Бога власти

Таким образом, наши революционеры выставили два мотива: 1) неспособность Государя к управлению Империей и 2) желание всего Русского народа. Они себя считали способными к управлению Империей и выразителями желаний всего Русского народа. По-детски, весьма наивно, они полагали, что их слушается страна.

Государь, однако, не подписал этой циничной бумажки, а подписал другой текст, лично Государем отредактированный и исправленный. Вот этот текст:

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание — начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества, требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца.

Жестокий враг напрягает последние силы, и даже близок час, когда доблестная армия наша совместно с славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России, почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и т. д. Таким образом, Государь указал следующие мотивы: 1) Промысл Божий, 2) внутренние волнения, 3) необходимость доведения войны до победного конца и 4) долг совести.

По свидетельству Самого Государя, государственный переворот произошел собственно в период времени от отъезда Государя из Ставки 27 февраля до прибытия Его в Псков — 1 марта.

27 февраля, убедившись в том, что Он не может более надеяться на Своего Начальника Штаба, который «коленопреклоненно умолял» Государя «ограничить права Верховной власти», Государь принял решение ехать в столицу, причем заговор в Ставке для Него оказался неожиданным и, несомненно, Он надеялся найти поддержку в войсках Северного фронта.

Однако с момента отъезда Государя из Ставки — предатели работали с двух концов — Ставка озаботилась обработкой Главнокомандующих, а Петроград позаботился с тыла, и к моменту прибытия поезда в Псков государственный переворот фактиче-

ски уже был совершен. Уже не были отданы Царские почести Императору и ген. Рузский разговаривал с Императором, как со своим пленником.

Один из ближайших к Государю лиц, свитский генерал-адъютант Нилов заявил: «Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь». «Царь не может согласиться на оставление Трона. Это погубит всю Россию, всех нас, весь народ. Государь обязан противодействовать этой подлой измене Ставки и всех предателей генерал-адъютантов. Кучка людей не может этого делать»... Однако дело уже было сделано. Переворот совершен.

Генерал Д. Н. Дубенский в своих воспоминаниях пишет, что Государь, выслушав доклад, или вернее ультимативное требование, Рузского, спросил его: «Когда же мог произойти весь этот переворот?» Рузский довольно цинично ответил, «что это готовилось давно, но осуществилось после 27 февраля, т. е. после отъезда Государя из Ставки». «Перед Царем, — продолжает ген. Дубенский, — встала картина полного разрушения Его власти и престижа, полная Его обособленность, и у Него пропала всякая уверенность в поддержке со стороны армии, если главы ее в несколько дней перешли на сторону врагов Императора». Дальнейшие переговоры Рузский уже вел с Царем, как со своим пленником, предъявляя Ему требования и не исполняя Его просьб.

Самый акт отречения мятежникам нужен был не для устранения Государя от власти, что уже блестяще было выполнено, а нужен был для закрепления положения и для избавления себя от народной мести. Опираясь на исследования Мельгунова, можно утверждать, что в случае отказа Государя от отречения не исключалась возможность насилия, вплоть до цареубийства. По утверждению ген. Деникина, начальник штаба ему говорил, что на это дали свое согласие генералы Рузский и Брусилов.

Всю создавшуюся обстановку Государь ясно понимал; о чем же Он заботился? Только об одном: о благе России.

«Я берег не самодержавную власть, а Россию, Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье России», — утверждал Государь 28 февраля. 2 марта Государь говорил: «Для России Я не только Трон, но жизнь, все готов отдать». Однако что же Государя останавливало и заставляло тяжко страдать? В разговоре с Рузским Он сказал, что «считает Себя не вправе передать все дело управления в руки людей, которые могут нанести величайший вред Родине».

Перед Императором, очевидно, встала дилемма — сохранять ли Престол? (это значит вступать в жестокую борьбу со всеми изменниками, которые, конечно, проявили бы упорное сопротивление). Государь понимал, что вести войну при таких условиях было бы невозможно; это впоследствии доказали большевики, которые сохранили власть ценою «похабного мира». Заключать «похабный мир» Царь не мог. Передавать ли власть в ненадежные руки? Это было выше Его сил. Совесть Государя, по сложившейся тогда обстановке, подсказала Ему подписать акт отречения, тем более, что фактически Государь уже был лишен мятежниками Царской власти.

Дальнейшие заботы Государя были направлены на то, чтобы облегчить положение военачальников и армии. Он следует в Ставку, с Ангельской кротостью относится к Своим предателям, пишет войскам потрясающий душу прощальный приказ, не высказывает даже тени неудовольствия, сохраняет свое кроткое спокойствие и только бледность на Царственном лице свидетельствует о пережитых страданиях. Самая безкровность мартовской революции объясняется только образом действий благовернейшего Государя, пожелавшего, чтобы лично за Него не была пролита ни единая капля крови.

Не так поступал другой, с позволения сказать, главнокомандующий, г. Керенский: для спасения своей драгоценной жизни он выслал женщин и детей, а сам скрылся в женской юбке.

Таким образом, наш последний Самодержец проявил в последние дни Своего царствования не слабость, а потрясающее душу благородство, Он обнаружил царственную красоту Своей души, проявил Отеческую любовь к Своим войскам и народу и тем сохранил идею Русского Самодержавия, которая ныне является якорем спасения для всего Русского народа, несущего тяжкую ответственность за нарушение присяги и измену своему Царю.

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 203. 26.6/9.7.1931. С. 1.

Следует учесть, что вопрос об «аполитичности» и о непредрешенчестве, затронутый в публикуемых нами далее статьях из «Царского вестника», связан был также и с прокирилловской ориентацией редактора-издателя газеты Н. Рклицкого.*

---

* Именно в связи с этим последним обстоятельством обращает на себя внимание резкая отповедь генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса (Редактору газеты «Царский вестник» Н. П. Рклицкому // ЦВ. № 248. 21.9/4.10.1931. С. 2-3).

АРМИЯ И «АПОЛИТИЧНОСТЬ»

(Из речи Н. Е. Маркова[40] в Комитете призыва к объединению русской эмиграции вокруг Главы Императорского Дома)

Мы уже приводили 10 пункт постановлений Рейхенгальского съезда. Смысл его ясен: надо всемерно поддерживать остатки воинских частей, как «основные кадры будущей Императорской Русской армии».

Если это кадры Императорской армии, то могут ли они быть безразличны, тем более враждебны, монархизму?

— Очевидно, нет. Это было бы безсмысленно.

Вообще, может ли быть армия без *государства*, которое она призвана защищать?

— Очевидно, нет. Ибо это была бы не армия, а сборище вооруженных людей, имеющих неведомую, быть может вредную, цель.

Если армия мыслится не иначе, как в составе государства, то может ли она действовать помимо государственной власти или даже не знать, какой государственной власти она подчиняется?

— Очевидно, нет. Иначе такая «армия» по незнанию будет брошена против своей государственной власти и тем разрушит свое государство.

Армия есть необходимый орган государственной власти и без такой власти, дающей армии законное право насилия и боя, армия перестает быть армией.

Провал белого движения произошел потому, что *военные вожди хотели обойтись без законной государственной власти* и в революционном порядке присваивали государственную власть себе.

Народ не поверил им и не поддержал их политические усилия. Отвратившись от революции, т. е. беззакония, народ мог верить только закону.

А закон был только у законной монархии.

За беззаконие, за безверие, — за революцию шла и идет красная армия.

Если Белая армия хотела и хочет победить красную — она должна идти против беззакония, против безбожия, против интернационала — значит за Веру, за Царя, за Отечество!

Кто из «белых» этого боится или этого не хочет — *пусть не говорит о победе над красными.*

Много толкуют о *воинской дисциплине.* Но что есть воинская дисциплина?

— Воинское правило, воинское начало.

Какое же правило, какое начало может быть у войска, послушного ему самому неведомой власти? Или не знающего над собой никакой власти?

Кто даст это правило и это начало воинским командирам, не признающими над собой никакого начала, *никакой зримой власти?*

— Будем служить, биться и умирать за Родину — говорят нам «непредрешенцы».

Но что такое Родина? Есть ли это та земля, на которой я родился? Тот дом, где я вырос? По-видимому, нет. Иначе зачем мы добровольно оставили и эту землю, и эти дома?

Есть ли это — люди моей крови, мои соплеменники? Но ведь и большевики, и коммунисты, и безбожники — разве они не мои соплеменники? — Однако я ушел от них, однако я не считаю это общество своей Родиной, однако я хочу идти биться с ними — *за свою Родину.*

Очевидно: Родина — это *не* земля, *не* лес, *не* дом, *не* чуждое и враждебное мне общество людей, хотя бы и соплеменных.

Конечно, и земля, и дом, и соплеменники входят в состав Родины — как кровь, мускулы и кости составляют наше тело. Но *человека делает душа*, а не кровь, мускулы и кости.

Так и Родину делает дух, идея одухотворяющая. Для того, чтобы земля, дом и соплеменники были моей Родиной, надо чтобы их одухотворял, как и меня, родной, близкий нам дух, чтобы у нас были общие понятия, сколько-нибудь одинаковое отношение к жизни и обществу.

Поэтому нельзя требовать от сознательных людей, чтобы они шли в бой и жертвовали жизнью ради неизвестной им России, ради России, которая неведомо чем для них будет:

— *Может быть, снова родной Родиной, а, может быть, вторым изданием СССР.*

— Может быть, разрешат стать человеком, а, может быть, отведут на бойню, а труп продадут на мыловарню.

Жертвовать жизнь можно только за идею. Монархист знает, что спасение России в христианской национальной Монархии, и ради такой России он готов умереть. Но, чтобы монархист умирал ради того, *чтобы Россия гибла от Республики* — этого пусть не ждут.

Этого не будет.

* * *

«Вы должны верить военным начальникам. Победив большевиков, *они сдадут власть народу*»...

— *Какому народу?* И где этот «народ»?

Вот в 1913 году был 300-летний юбилей Царствания Дома Романовых. В Петербурге стотысячная толпа шла под знаменами Союза Русского Народа в Казанский собор, а хвост выходил из Лавры. Пели «Боже, Царя храни!» На Волге лезли в воду — смотреть проезд Царя.

А в 1917 году *эти же люди* плевали на портреты «Николая Кровавого»...

Вот летом на выборах в Учредилку три четверти голосов получили эсэры, а к зиме пьяный матрос навсегда разогнал народное собрание.

Народ и не шелохнулся.

«Именем народа» февральские революционеры валили Монархию, именем народа октябрьские революционеры валили февральских, именем народа коммунисты заключили «похабный мир» и распустили армию, именем народа они же превратили Россию в вооруженный лагерь и мобилизуют женщин и детей.

Все обманы и насилия делаются «именем народа», и народ узнает лишь потом.

Довольно нам обманов! Нам нужна правда. Правда в том, что *не народ, а военная сила решает перевороты.* Измена военных начальников и мятеж петербургского гарнизона решили судьбы Монархии в 1917 году.

Измена военных начальников и гвардии, а не голосование городских дум свергла короля Альфонса XIII. Три четверти испанского народа в провинции голосовали не против, а за монархию, но это не спасло Короля, которому генерал Санхурхо заявил, что не ручается за гвардию. Теперь под террором военной силы республиканцев испанские выборы дадут три четверти республиканцев*.

Овладение военной силой всегда и везде давало перевес в решительную минуту.

* * *

Не только говорят нам об аполитичности. Если послушать иных, то все они «*монархисты* в душе»...

Но ведь монархистами «в душе», т. е. в теории, были *почти все февральские революционеры.* Разве Родзянко, Гучков, Шульгин, Энгельгардт, Алексеев, Рузский были республиканцы?

* И дали. — *Прим. ред. «Ц. В.»*

Однако именно эти «монархисты в душе» и погубили Империю Российскую. Не пустая их похвальба абстрактным монархизмом, а реальная антимонархическая политика должна привлекать наше внимание.

Нечего закрывать глаза: против монархистов все эти десять лет велось и ведется систематическое *гонение* в Обще-Воинском Союзе. Именно против монархистов фактически применяется преловутый «приказ № 82».

На многие сотни исключенных из Обще-Воинского Союза монархистов придется едва ли десяток «вычищенных» за принадлежность к партиям левым или непредрешенческим.

— Это потому, что 90 проц. военных — монархисты», — отвечают защитники гонения.

— Но если 90 проц. военных — монархисты, то какое страшное *насилие над совестью* людей делают те, кто *собственный произвол* ставят выше убеждения почти всей массы военных!

— И по какому праву пытаются руководители О. В. С. исказить монархическую природу нашей военной среды.

— Если 90 проц. военных — монархисты, *почему их руководители вечно окружены политиками левых и полулевых уклонов?* **Почему именно деятели февральской революции, а не настоящие монархисты изображают — по выбору начальства — якобы излюбленную военной средой «общественность»?**

— Почему для чтения лекций, докладов и т. п. руководители О. В. С. неизменно зовут все тех же политиков и профессоров из антимонархической ИМКи?

— Почему, одновременно, в О. В. С. накладывается своеобразное «табу» на всякую проповедь монархизма со стороны членов монархических организаций?

Вот тому характерный пример:

Когда в 1928 году приехавший в первый раз в жизни в Болгарию б. член Государственной думы Марков 2-й хотел прочесть в Софии публичный доклад, то оказалось, что «по распоряжению военного начальства» было отказано в предоставлении под лекцию зала Военного собрания и было рекомендовано воинским чинам на лекцию не ходить*.

---

*Начальник болгарского отдела РОВС в то же время не мог не знать, что Н. Е. Марков является ближайшим сотрудником Вел. Князя Николая Николаевича, которому был подчинен РОВС. — *Прим. ред. «Ц. В.»*

Лекция состоялась в зале болгарского университета и собрала столько военных слушателей, что даже половина не могла вместиться, и пришлось лекцию через неделю повторить.

Когда же софийские монархисты задумали устроить г. Маркову и приехавшему в [то же] время г. Тальбергу обед, то по команде был разослан даже «приказ», воспрещавший членам О. В. С. принимать в нем участие. Однако, несмотря на «приказ», обед собрал более 200 человек, среди которых было немало членов О. В. С. «высокого ранга».

Надо отметить, что лекции Маркова совершенно не касались О. В. С. и были весьма патриотического содержания и лично с ген Абрамовым[41] г. Марков никогда в жизни не встречался. Было бы смешно, если бы не было так грустно!

Когда около того же времени приезжал *левый профессор Кизеветтер* — автор пресловутого «кадетского катехизиса», то тот же ген. Абрамов лично сидел в первом ряду слушателей и участвовал во всех чествованиях Кизеветтера *левой общественностью*.

Чувство личной обиды во мне не говорит совершенно. За всю мою долгую жизнь меня столько чествовали и столько ругали, что этот маленький эпизод не мог ничего прибавить или убавить.

Таких примеров множество, когда воинскую дисциплину пытались употребить во вред монархическому делу.

— Прекрасен был лозунг 1917 года: *«все для победы»!* Однако, злоупотребляя именно этим лозунгом, обманули и погубили Монархию, а с нею и Россию.

— Прекрасен лозунг: *«берегите армию»!* Но пусть за этим лозунгом не скрывают *нового обмана* и *новой гибели!*

Россию спасти может только законная православная национальная Монархия, притом Монархия сильная не одним только духом. *Монархии нужна монархическая армия.*

Кадры этой армии должны готовиться здесь за рубежом и как можно *скорее*. Кто не хочет этого — тот не хочет Монархии. [...]

Царский вестник. № 202. 25.6/8.7.1931. С. 1-2.

ЗА РОССИЮ

Если бы во время боя оказалось, что в патронах порох подмочен, а снаряды снабжены песком, то как бы не был высок героизм воинов, армия, не по своей вине, потерпит поражение.

Наполеон учил, что для армии, для победы техническая организация означает только $^1/_4$ часть, $^3/_4$ — дух армии. Дух же армии

создается ее идеологией. Если армия будет пропитана ложной идеологией, она никогда не одержит конечной победы, весь личный героизм ее воинов будет напрасным, все жертвы безцельны; эту армию ожидает безславный конец. Однако с подмоченным порохом победить иногда возможно. «Дайте мужикам топоры и скажите им, что ими командует Скобелев — у вас готовое противу врагов войско». Так говорили военные авторитеты у гроба белого ген. Скобелева. Недостаток техники иногда может возместить героический дух, ложность же идеологии никогда и ничто возместить не может. Самые грандиозные средства, самые блестящие технические усовершенствования, данные войску, пропитанному ложной идеологией, не сделают ничего, все безцельно, все погибнет. Вот почему к идеологии должно отнестись с крайней осторожностью и вдумчивостью и ошибки в ней не могут быть ничем оправданы, не могут быть допущены.

Русским воинам в настоящее время, когда многое из нашего прошлого выяснилось и столь много пережито, предлагается такая формула, к сожалению, подписанная и покойным Великим Князем Николаем Николаевичем:

Мы не должны здесь, на чужбине, предрешать за Русский Народ коренных вопросов по государственному устройству. Они могут получить разрешение только на Русской Земле, в согласии с чаяниями Русского Народа.

К сожалению, мы не знаем, кто является истинным автором этих замечательных строк, но, несомненно, они были подсунуты Великому Князю одним из революционеров умеренного типа. Вдумайтесь в эти слова. Что это за коренные вопросы по государственному устройству?

Это, очевидно, те вопросы, которые выдвинула революция 1917 года. Признав полную законность, естественность и неизбежность разрушения Царского Самодержавия, — революция поставила вопрос, что же делать дальше: ввести ли конституционную монархию, республику (буржуазную, демократическую, социалистическую) или диктатуру?

Каждая из революционных групп предрешила этот вопрос, и лишь дело было в том, кто победит; причем каждая из этих групп, конечно, считала, что ее решение «в согласии с чаяниями Русского народа». Вопрос этот решил матрос Железняк, который пьяным окриком разогнал революционную банду; они же — политические лидеры — тогда привязались к Добровольческой армии, выехали вместе с ней заграницу и до сего времени навязывают свои идеологические рецепты военачальникам, очевидно,

неискушенным в весьма сложных и ответственнейших идеологических вопросах. А гг. революционеры говорят: «Мы не должны здесь на чужбине предрешать...»

Почему и что именно предрешать? Чаяния Русского народа решены его тысячелетней историей. Да, потому что, если они откроют свои карты, то им помешают тогда захватить аппарат государственной власти. «А вот, когда у нас будет настоящая власть "мы" предрешим» и, конечно, к тому предрешению, какое бы оно ни было, будут подогнаны народные чаяния, так как не было еще ни одной партии, которая бы свои предрешения не считала бы народными.

Что же, однако, есть общего у всех этих революционных партий, начиная от конституционных монархистов и кончая большевиками?

Это общее — враждебность Самодержавию, отступничество от Православия и измена истинным воззрениям Русского народа на свою жизнь и на призвание к России.

Революционеры, начиная от самых умеренных, жадно стремились не к народному благу, а к верховной власти, они страстно стремились разделить суверенную власть с Царем, или вырвать ее у Царя совсем.

Свержение Государя с Престола и жгучая ненависть к Государыне со стороны разложившегося петербургского общества объясняются только тем, что Государь и Государыня считали Себя нравственно обязанными беречь Самодержавие, а ничто толпа так не ненавидит, как стоящий на ее пути нравственный принцип.

Революция — поставила своей целью разрушить Самодержавие, ибо иначе она не могла добиться верховной власти. Это было вполне согласно с революционными партиями, но глубоко противоречило чаяниям Русского народа, ярко выразившимся в его тысячелетней истории.

В подкрепление непредрешенческой тенденции теперь ссылаются на слова покойного Государя, именно на Его прощальный приказ войскам, в свое время скрытый от войск и официально войскам не опубликованный до сего времени. Из этого потрясающего душу приказа приводятся только слова, относящиеся к Временному правительству: «Да поможет ему (т. е. Временному правительству) Бог вести Россию по пути славы и благоденствия».

Если принять эти слова в основу государственного строительства, то тогда нужно немедленно подчиниться «законному»

представителю Временного правительства — Верховному Главнокомандующему, Председателю Совета министров, Военному министру и министру юстиции А. Ф. Керенскому.

Если признавать революцию, то нужно признать, что этого краснобая никто не уволил от этих должностей, и он сам себя считает единственным законным носителем Российской верховной власти.

Мы же, отвергая всю революцию, считаем его лишь за ничтожного краснобая и паяца, которому место не на политической арене, а на цирковой, и имя которого стало синонимом политической пошлости. Те же, кто революцию не отвергают, должны, прежде всего, признать г. Керенского.

Вообще напрасно ссылаться на эти слова Государя. Слова эти Государь написал из безпредельной любви к России, это был не столько политический, сколько чисто христианский акт уступчивости врагам*. Будучи свергнут с Престола не по Своей воле, так как самый акт отречения был только констатированием фактически создавшегося положения, Государь ни единым шагом и не единым действием не осложнил положения Своих преемников.

Забыв о Себе, о предательстве, об измене, Сам все перестрадав, Государь принес последнюю жертву для России. Он хотел Своим словом поддержать тех, кто оказался таким ничтожеством.

В свое время этот приказ был скрыт. Ссылаться же теперь на него для закрепления революционных позиций поздно, тем более, что Бог не помог Временному правительству вести Россию по пути славы и благоденствия.

Ссылаются на то, что непредрешенческому девизу следовали доблестные генералы — Алексеев, Корнилов, Деникин, Врангель, Кутепов, адмирал Колчак. Однако генералы Алексеев и Корнилов сами были причастны к революции. Генерал Врангель, как наиболее яркий вождь, неоднократно заявлял «о необходимости смены вех» в сторону монархизма и сделал первый шаг, объявив «о Хозяине»; ген. Врангель боролся лишь против партийности; адм. Колчак сам пал жертвой предательства со стороны революционеров. Генерала Кутепова в армии считали монархистом. Но если бы даже все шесть вождей Добровольческой армии отстаивали [ценности] революции, то ход русской истории изменить невозможно. За Самодержавие стояли — тысячу

* Кроме того, Государь отрекался, передавая Престол Брату, Великому Князю Михаилу Александровичу, а не в пользу республики. — *С. Ф.*

лет — Князья, Великие Князья, Цари и Императоры, создавшие Россию. 1000 лет и 10 лет — понятия несравнимые по своему отношению к России. Вычеркнуть же 1000 лет никто не в силах.

Революция была направлена против коренных основ России, против Русского народа, который это понял своим чутьем и склонился к ее крайнему выражению в виде большевизма.

Теперь же, кто хочет идти с народом и за Россию, тот должен отвергнуть не какую-либо часть революции, а всю ее и идти **за Веру, Царя и Отечество.**

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 225. 20.7/4.8.1931. С. 1.

ОТВЕТ РУССКОГО ОФИЦЕРА
(Письмо в редакцию)

Милостивый Государь, господин редактор!

Прошу Вас напечатать мое письмо в ответ на речь ген. Миллера, произнесенную им в собрании корниловцев в Париже.

В своей речи 12 июля на празднике Корниловского ударного полка ген. Миллер[42] допустил много искажений, умолчаний и несправедливых утверждений.

Постараюсь по совести осветить некоторые, особенно бросающиеся в глаза.

Несправедливо утверждение, что главным образом среди легитимистов участились нападки на РОВ Союз. Легитимисты на РОВС, то есть на массу чинов его составляющих, не нападают и нападать не могут, так как подавляющее большинство чинов РОВС исповедуют наш общий Русский девиз: «За Веру, Царя и Отечество». Если и бывали нападки, то только на вождей и теперешних руководителей, которые вызывали их своими грубыми поступками и по примеру проклятого 17-го года многое скрывают, о многом умалчивают, и непредрешенством пытаются сбить с толку и обмануть рядовое офицерство, чтобы привести его к предрешенной ими, но тщательно скрываемой, цели.

Об упомянутых в речи вождях белого движения много говорить не приходится, — по мере удаления от этого прошлого и ознакомления с фактами, раскрываемыми только теперь, преклонение перед некоторыми из вождей пропадает.

Врангеля же и Колчака история помянет добрым словом.

Для пояснения, как офицеры, от которых многое скрывалось и скрывается, исповедывали монархизм и думали, что идут за ним, расскажу следующее:

В 1-м Кубанском походе генералы Алексеев и Корнилов были во враждебных отношениях и никогда и нигде не были вместе, даже на военных совещаниях. Маленькая армия Кубанского похода сразу поделилась на корниловцев и алексеевцев.

Тогда еще никто не знал «исторических документов», не было ни книг ни Назанского[43], ни Спиридовича[44], ни многих других, а особенно книги Мельгунова[45], и все считали Алексеева монархистом.

О Корнилове же знали факты ареста Царской Семьи, награждения унтер-офицера Кирпичникова[46], убившего своего ротного командира, Георгиевским Крестом, а также слышали его речь на сходе в одной из станиц, когда Корнилов сказал: «...я имел счастье арестовать Царскую Семью...», — и заключил свою речь словами: «...сейчас будет говорить мой ближайший помощник матрос Баткин».

Жидок матрос Баткин[47], зная, что его гг. офицеры собираются убить, был неотлучно при Корнилове, а после его смерти исчез, кажется, был оставлен с ранеными в ст. Дядьковской. Вот это и давало основание считать Корнилова революционером.

К корниловцам принадлежал только Корниловский полк, распевавший, как они говорили, свой гимн, где были слова: «...Царь нам не кумир»[48]. Теперь этого куплета уже не поют.

Все остальные части, исповедывавшие Монархическую идеологию, примыкали к алексеевцам и в своей песне часто заменяли слова «...и как один прольем кровь молодую», словами «...и за Царя прольем кровь молодую».

И только боевое обаяние Корнилова и безпрерывные бои не дали этому внутреннему делению вылиться в открытую борьбу и вражду.

Время же показало, что за Корниловым не оказалось больше никаких революционных фактов, как и то, что монархичность не вполне основательно приписывали Алексееву.

Продолжая освещать банкетную речь, направленную своим жалом, через головы присутствовавшего рядового офицерства, против монархистов, не могу не коснуться ссылки на Императоров Петра Великого и Николая II, — эти ссылки ни что иное, как жонглирование: Петр Великий говорил о своей жизни, а не о бытии Монархии.

Государь же Николай II, обманутый, преданный и проданный, — Своими христианскими словами хотел предотвратить могущие возникнуть, но, к сожалению, не предотвращенные

Царским словом волнения, но никак не сказал того, что Монархия не нужна России.

Не основательны ссылки и на слова Великого Князя Н[иколая] Н[иколаевича] и на Кутепова[49]. История научит правильно понимать поступки Великого Князя; а о Кутепове можно сказать, что ему доверяли чины РОВС потому, что он никогда не якшался, не работал и не подчинялся никаким социалистам, не бросал своих соратников, и потому, что он открыто не только высказывал свои монархические убеждения, но открыто заявил (чему я свидетель), что когда войдет в Москву и скомандует «слушай, на караул — музыка Гимн», то он посмотрит, кто посмеет не кричать «ура!».

— Вот это по-офицерски. Да что ссылаться на Кутепова, которого не сумели уберечь!?

Да, он любил Россию, хотел Россию, и только один работал для России, отождествляя ее с Монархией, как отождествляли ее Минин и Пожарский и Земский Собор 1613 г., не решавшие вопроса о форме правления, а наложившие на нас проклятие в случае неподчинения клятве предков, от которых мы приняли, на основе этой клятвы, наследство — Россию.

Интересно знать, как предполагается выслушать «волю народа», — «голос 150 мил. народа»? Собрать какую-либо учредилку, — но ведь давно всем известно, что «воля Народа», «учредилка», которую разгоняет любой пьяный матрос и за которую никогда, нигде и никто не вступается — это миф, и весь вопрос только в том, у кого деньги и сколько?! Искренние же и богобоязненые люди, которых подавляющее большинство, ни в какую учредилку не пойдут и голоса своего не подадут.

Спрашивается, кого же собирается вопреки «Грамоте 1613 года» выслушивать «наш передовой вождь»? Уж не тех ли торговопромышленников и никчемных интеллигентов, которые от сердца поработали на революцию?

Несправедливо утверждение о хулителях первых добровольцев белого движения на страницах многочисленных легитимных органов.

Никто из честных русских людей, а в том числе и легитимисты, нигде и никогда не хулил первых добровольцев, а всегда отдавал им дань уважения. [...]

А. КАРПОВ

Царский вестник. № 229. 26.7/8.8.1931. С. 2.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Милостивый Государь, господин редактор!

Не откажите в любезности напечатать в Вашей газете прилагаемые письма. Копия этих писем послана также в редакцию газеты «Русский голос», которая, как мы уверены, в целях справедливости и беспристрастности, не откажет, как и Ваша газета, напечатать эти письма:

I.

К глубокому сожалению, в последнее время на страницах нашей заграничной печати поднялась полемика, ведущая только к розни и обострению отношений в нашей зарубежной офицерской среде.

Нехорошо, что эти ненужные и вредные споры часто теряют объективный характер и, переходя на личную почву, принимают персонально обидный характер и бросают непродуманные и незаслуженные обвинения во лжи и проч.

Есть вопросы, которые в настоящее время лучше не подымать. Есть имена, которые надо оставить в покое, не восхваляя и не хуля их; история вынесет о них свой справедливый приговор.

И мы не хотели их касаться, но чувство справедливости и исторической правды заставляет нас, непосредственных свидетелей происшедших событий, сказать свое правдивое слово независимо от того, будет ли оно приятно или неприятно кому бы то ни было.

В газете «Русский голос» № 20 помещена «Выписка из постановления Совета объединенных Офицерских обществ в Королевстве Югославии от 12 августа 1931 г.», называющая ложью некоторые утверждения г. Карпова в его ответе русского офицера в № 229 «Царского вестника».

Не вступая ни с кем ни в какую полемику, а единственно для восстановления исторической правды, категорически утверждаем:

По п. 1., что генералы Алексеев и Корнилов были в неприязненных отношениях, доходивших до того, что во время боев ген. Алексеев, ездивший в обозе, часто не был ориентирован в боевой обстановке генералом Корниловым и, при тяжелых затяжных боях, по своему почину выходил вперед и, в другом месте от места нахождения ген. Корнилова, наблюдал бои.

По п. 3, что Добровольческая армия во время 1-го Кубанского похода и даже до его начала делилась, конечно, не официально

и не по спискам, на корниловцев и алексеевцев, причем к алексеевцам примыкало подавляющее большинство монархистов. Благодаря тяжелой боевой обстановке, боевому авторитету ген. Корнилова и влиянию ген. Алексеева, успокаивавшего группы и отдельных офицеров, это деление, к счастью, не имело времени и возможности выйти наружу.

Участники 1-го Кубанского похода:

Ген.-м. КОРВИН-КРУКОВСКИЙ
Ген.-м. КИРИЕНКО
Штабс-капитан ЧЕЧЕЛЕВ
Поручик САМЦОВ[30]
(кроме отношений между генералами А. и К., которых лично, как строевой, наблюдать не мог).

II.

Для утверждения правды для будущей истории в дополнение свидетельствую:

по п. 1. В станице Ольгинской, когда происходило переформирование Армии, созданной генералом Алексеевым, на военном совете, одном из важнейших, куда были позваны все начальники частей, в том числе и я, как командир Георгиевского полка, генерал Алексеев не присутствовал. О других двух совещаниях я лично не знаю.

по п. 2. Говорил ли ген. Корнилов в других станицах об аресте Царской Семьи и в каких выражениях я не знаю, так как присутствовал только на одном сходе, стоял очень близко от ген. Корнилова и слышал его ясно; со мной пришел на этот сход послушать ген. Корнилова подполковник Святополк-Мирский, находящийся сейчас в Америке.

И я утверждаю, что в своей речи к станичникам на этом сходе, говоря о том, что он, Корнилов, не может быть врагом народа, ген. Корнилов сказал именно эти две фразы:

«Я имел счастье арестовать Царскую Семью» и «Я не имею времени больше говорить, — сейчас будет говорить мой ближайший помощник матрос Баткин». Полковник Святополк-Мирский и я, мы не остались слушать Баткина, а, возмущенные речью ген. Корнилова, вернулись в хату, где рассказали другим о слышанном, что также у них вызвало негодование. Кроме массы станичников, на этом сходе, вероятно, присутствовал и еще кто-либо из участников похода.

Все вышеизложенное, подтверждающее рассказ г. Карпова, который назван ложью Советом объед. оф. обществ в Королев-

стве Югославии в его постановлении, подписанном 21-м представителем, *из которых*, насколько мне известно, *никто, кроме ген. Казановича, не был в составе Армии, вышедшей из Ростова-Д. в 1-й Кубанский поход,* я подтверждаю словом русского офицера и готов подтвердить это под присягой и, в свою очередь, приглашаю всех, подписавших постановление, подтвердить таким же образом, что ген. Корнилов этого не говорил и не мог говорить и что описанной неприязни и деления не было.

Генерал-майор КИРИЕНКО

Прошу полковника Леонида Сергеевича Святополк-Мирского, со своей стороны, подтвердить слышанное им на сходе.

Ген. КИРИЕНКО

Царский вестник. № 244. 6/24.8.1931.

К ЕДИНЕНИЮ

[...] Будучи сынами столь великого народа, нам надлежало бы всем дружно объединиться в одну семью и, исправив неизбежные в человеческой деятельности ошибки прошлого, приуготовить путь Русского возрождения.

Увы! Наше общество далеко от этого. Печальный пример нашего полного разъединения можно было наблюдать в прошлое воскресенье* около Русской церкви, где произошла как бы картина древней новгородской жизни. Доблестнейший первопоходник генерал Кириенко высказал в печати готовность подтвердить правдивость своих слов о заявлениях генерала Корнилова в отношении Царской Семьи пред Св. Евангелием и Крестом. После этого от одного генерала, оспаривающего утверждения ген. Кириенко, он, ген. Кириенко, получил письменное требование принести клятву в справедливости своего утверждения. Ген. Кириенко высказал полную готовность исполнить это требование. И вот около церкви разыгралась тяжелая сцена. Этот заслуженный русский генерал, вызвавший ген. Кириенко на клятву и, очевидно, желая опорочить свидетельство ген. Кириенко, поднял к небу руку и клятвенно призвал Имя Всемогущего Бога в удостоверение того, что «генерал Корнилов *не мог* хвастаться арестом Царской Семьи». Должно отметить, что этот генерал не был в *станице* на том казачьем сходе, на котором, по клятвенному свидетельству ген. Кириенко, ген. Корнилов, в его, ген. Кириенко, присутствии, произнес слова: «Я имел счастье арестовать Царскую Семью».

*31.8/13.9.1931 г. — *С. Ф.*

Сцена у церкви носила прискорбнейший характер: для всех было очевидно, что призывать Имя Господа в удостоверение того, что сам не слышал, и клясться о том, что «не могло быть», в то время, когда оно в действительности было, — невозможно. Не будем говорить о том, что произошло дальше, отметим лишь, что подобные недоразумения будут изжиты лишь после безповоротного осуждения всех революционных тенденций и возвращения всего воинства на путь русской народной жизни, осененной священным девизом — «За Веру, Царя и Отечество».

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 246. 7/20.9.1931. С. 1.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Г[осподин] Редактор!

Недавно получил выдержку из редактируемой Вами газеты, в которой ген.-м. Кириенко просит меня подтвердить описанный им инцидент на сборе в станице Кореновской в период первого Кубанского похода Добровольческой армии.

Все сказанное ген.-м. Кириенко совершенно точно. Слова генерала Корнилова: «Я имел счастье арестовать Императрицу и с Нею всю Царскую Семью» — не могли не оскорбить меня, как кадрового офицера, добровольно клявшегося Их Императорским Величествам служить верно и нелицемерно, хотя бы пришлось умирать за Них.

Слушать генерала, хвастающего своей изменой, было слишком уж противно. Слушать какого-то авантюриста матроса Баткина, хотя и отрекомендованного ген. Корниловым другом и помощником, и того гаже, и я, возмущенный, покинул сход вместе с ген.-м. Кириенко и моим родным братом корнетом Чеченского конного полка Анатолием Святополк-Мирским.

Относительно отношений между генералами Корниловым и Алексеевым, каждому чину Добров. армии было ясно как день, что они не только неприязненны, но даже враждебны, и если ген. Алексеев, благодаря своему такту и мягкости характера, старался это скрыть, то ген. Корнилов и ген. Романовский[51] это, напротив, афишировали.

Я знаю причины этой неприязни, но размеры этого письма не позволяют мне об этом писать, но эта причина отразилась и на младших чинах армии еще далеко до I-го похода, тотчас же по прибытии в армию ген. Корнилова после побега из Быхова.

Эта рознь между чинами армии была настолько глубока, что чуть не вылилась в станице Ольгинской в открытое возмущение, когда большая часть армии отказалась исполнить приказ генерала Корнилова и хотела уйти к Донскому атаману, проходившему в это время из Новочеркасска в Калмыцкие степи. Только такт и популярность генерала Алексеева спасли армию от раскола.

Этого факта не могли не знать все чины Добровольческой армии, и потому я вправе утверждать, что отрицающие рознь между генералами и деление на корниловцев и алексеевцев намеренно скрывают истину.

Считаю, что настоящим письмом вполне отвечаю на просьбу ген.-м. Кириенко и как и он готов подтвердить слова свои каким угодно образом.

Прошу принять уверения в совершенном почтении.

Полков. Л. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ.

Рио-де-Жанейро, Бразилия.
Avenida Pussos, 88.

Царский вестник. № 263. 4/17.1.1932. С. 2.

СТРАННЫЙ ДОКУМЕНТ

В «Русском голосе» появилась полемическая, направленная против нас, статья в крайне оригинальной форме: за подписью, очевидно для вящей убедительности, — 21 генерала и полковника, подписавшихся от имени возглавляемых ими военных организаций, т. е. иными словами как бы от всего Российского зарубежного воинства*.

В этой статье русские генералы, проповедующие «аполитичность» Армии, среди прочего чисто политического материала своими подписями впервые официально подтверждают перед лицом всего воинства и русского общества постыднейший факт ареста Царской Семьи — генералом Корниловым, сообщая об этом позорном событии в следующих выражениях:

Далее автор пишет, что на сходе в одной из станиц Корнилов сказал: «Я имел счастье арестовать Царскую Семью». Между тем, по удостоверению одного из членов Совета, таких фраз Корнилов не произносил и не мог произносить, а в своей речи в одной из станиц только упомянул о факте ареста им Царской Семьи».

---

*В Русской Армии, как и во всех армиях міра, было принято, что от имени армии выступает только ее глава. В армии Керенского выступали против «царизма» скопом, но почти исключительно только распропагандированные солдаты, без участия не только генералов, но и младших офицеров.

— и только! По поводу этого «факта» у русских генералов не нашлось ни единого слова осуждения.

Таким образом, лица, подписавшие от имени армии этот документ, не высказывают по поводу ареста Царской Семьи ни своего негодования, ни возмущения, ни даже простого слова порицания.

Они говорят об этом, как о вполне естественном явлении, как об аресте каких-то преступников.

Не следовало [ли] бы составителю этого позорнейшего документа еще для революционного стиля прибавить «кровавой Царской Семьи»? Подписывающие такие фразы тем самым как бы солидаризируются с позорными действиями генерала Корнилова — ареста им Царской Семьи, состоявшей из беззащитной Матери и больных Детей.

Однако мы не можем допустить мысли, чтобы наше доблестное воинство покрывалось таким несмываемым позором.

Ведь не может быть, чтобы доблестнейший генерал Экк[52], служивший трем Императорам, сочувствовал аресту Царской Семьи.

Не может оставаться к этому равнодушным герой Седого Кавказа, сподвижник Скобелева, генерал Абациев[53].

Не может не негодовать против этого пекущийся о памяти Государя генерал Флуг[54].

Не может быть безразличным к этому б. генерал-квартирмейстер Императорской Армии генерал Зегелов[55].

Не может не понимать позора этого события юрисконсульт Царской Ставки С. Н. Трегубов, столько раз доказывавший свою преданность Царской России.

Не может не возмущаться этим последний Градоначальник Царской Столицы генерал Балк[56].

Мы не допускаем, чтобы у седых воинов притупились все чувства перед светлой памятью о мученической Царской Семье.

Мы убеждены в том, что доблестные русские генералы поспешат снять свои подписи с этого странного документа, очевидно, подписанного наспех, и тем оградят честь и достоинство носимых ими званий русских генералов.

Царский вестник. № 242. 10/23.8.1931. С. 2.

КРИЧАЩЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ

Генерал В. Е. Флуг поместил в «Русском голосе», систематически пытающемся дискредитировать «Царский вестник», пись-

мо ко мне. В письме этом, исполненном крайнего раздражения, наш прежний сотрудник В. Е. Флуг, видимо не владея собой, поносит меня, называя меня низким демагогом, провокатором и даже упоминает в отношении меня о ГПУ.

Письмо это является как бы выражением той острой ненависти к «Ц. В.», которая охватила некоторые наши военные верхи за то, что «Ц. В.», кажется, впервые после этих 14 кошмарных лет, приподнял покрывало с революции и показал историческую правду в отношении предателей Самодержца и их идейных последователей.

И вот В. Е. Флуг, оказывая поддержку непредрешенцам, обвиняет нас... «в кричащем противоречии».

Кричащее противоречие В. Е. усмотрел в том, что мы однажды высказали мысль, что политические заблуждения генерала Корнилова искупаются его борьбой с большевиками и героической смертью, а в другом случае высказали огорчение, что 21 старший генерал, в том числе и В. Е. Флуг, впервые со времени революции официально упоминая об аресте Царской Семьи генералом Корниловым, не сочли своим долгом осудить этот факт. Ведь факт ареста Царской Семьи генералом, приносившим присягу Царю, является позорнейшим событием 1000-летней русской истории.

Есть ли в этом с нашей стороны противоречие? — Решительно никакого. Наоборот — это логическое развитие одной и той же идеи. В первом случае речь шла лично о Корнилове, как об ушедшем от нас деятеле, и в этом случае мы допускаем возможность не только не бросать в него камнем осуждения за роковые ошибки, но лишь восхвалять за его доблестные дела. Во втором же случае речь идет о генерале Корнилове, как о знамени будущей борьбы, о его политической идеологии, о путях русского возрождения. Если бы такое знамя не подымалось, то мы никогда не вспомнили бы об ошибках ген. Корнилова, предоставив судить о них будущим историкам. Но раз такое знамя подымается, то ни генералу Корнилову, ни нашему заслуженному оппоненту, ни старшим русским генералам никакой пощады быть не должно. В этом случае все должно быть названо своими именами и правда должна быть показана во всей ее неприглядности. Если приходится высказывать при этом неприятные истины, то виноваты только те, кто подобное знамя подымает.

За что же на нас сердиться?

Со стороны наших политиков, революционеров-либералов в этом отношении происходит беззастенчивая, но довольно

успешная спекуляция мысли и передержка идей. Они говорят — "такой-то вождь был доблестным на поле боя, а потому... вы должны принять ту политическую идеологию, которую мы, политики, сумели ему навязать". А мы на это отвечаем — нет, остановитесь — лжецы! Доблести должно подражать, ваши же идеи нужно выбросить вон.

Почитать какого-либо исторического деятеля это не значит еще слепо ему следовать во всем. Даже святые люди не безгрешны.

Вот, например, Св. Церковь прославляет одну из великих святых, преподобную Марию Египетскую, достигшую высокой святости. Однако Церковь здесь же говорит, что раньше она была большой грешницей — падшей, развратной блудницей.

Церковь возвеличивает Царя Давида, но не скрывает, что он смешал прелюбодеяние с убийством, и, воспевая его кротость, его покаяние, его доблесть, оплакивает его падения.

Вот так должно поступать и в отношении наших вождей — подражать их воинской храбрости, но избегать их ошибок, не стыдясь откровенно о них говорить, когда того требует долг.

Смотреть в глаза правде одна из лучших доблестей. Если хотите, то именно этой доблести мы обязаны тому, что генерал Корнилов получил возможность основать Добровольческую армию.

Жизнь ген. Корнилова была спасена при его первом аресте в Быхове Туркменским полком и, в частности, начальником конвоя от этого полка Ханом Хаджиевым, подлинным рыцарем и героем. Только что в Белграде вышла чрезвычайно интересная книга Хаджиева под названием «Великий Бояр»*, посвященная генералу Корнилову. В ней описаны события и жизнь генерала Корнилова от вступления его в должность Верховного Главнокомандующего по назначению Временного правительства до его кончины в Кубанских степях. Из этой книги понятно, в чем заключалась сила Туркменского полка: полк не приял революции и отнесся к ней с презрением и негодованием; туркмены, не зараженные интеллигентской идеологией, были людьми чести и долга.

"Россия была могущественная и великая тогда, когда во главе ее был один человек, которого мы называем Ак-Падишахом (Царь)... Теперь этот человек ушел и завтра же откроются все слабые стороны правителей, убравших Царя и захотевших самим быть на Его месте. Скоро эти господа, неподготовленные

* *Р. Б. хан Хаджиев.* Великий Бояр. Белград. 1929. — *С. Ф.*

к деятельности правителей и севшие не в свои сани, будут бегать от народа, который потребует от них то, что они обещали и что, по их словам, не давал ему Царь. Начнется борьба за власть, один глупец будет вырывать власть у такого же как он сам. Ради достижения своей цели прольют море крови. Россия будет носиться по морю крови, как корабль со сломанным рулем... Россия теперь погибла"... Так говорил в день отречения Государя старейший представитель полка туркмен мусульманин Курбан Ага. Но, увы, так не думали одураченные революцией православные главнокомандующие! Вот такова была идеология и всех доблестных туркмен и поэтому полк не принял присягу на службу Временному правительству. Туркмены так геройски и беззаветно служили ген. Корнилову потому, что в нем усмотрели великого вождя (Уллу Бояра), гонимого тем же безчестным правительством, которое свергло Ак-Падишаха.

Одной из заповедей туркменов было говорить правду. И вот с яркой правдивостью беззаветно преданный Корнилову Хаджиев сообщает о том, как встречали Туркменский полк во главе с ген. Корниловым крестьяне во время похода с Быхова на Дон.

"Эти дьяволы (туркмены), — говорили крестьяне, — везут из тюрьмы своего главаря, разбойника Корнилова, который, говорят, нашего Царя сместил. Помнишь Царя-то нашего Николая-то? За это Керенский посадил яво в тюрьму, а эти дьяволы освободили яво и везут в свои края, чтобы потом устраивать бунты да смуты".

От себя Хаджиев прибавляет: "Ведь, в сущности, вся Россия состоит из таких Микуличей, Семенычей, Василичей. Разве они понимают генерала Корнилова, его идею об армии и т. д."

Этот восточный рыцарь, считая ген. Корнилова своим пророком, прямо ему об этом докладывал, а тот в ответ лишь тяжело вздыхал*...

И мы должны сказать: честь и слава ген. Корнилову за то, что он основал Добровольческую армию, за его воинские подвиги, но да не повторятся его политические ошибки! Их должно исправить, как для блага России, так и из уважения к памяти героя. Никакого умаления действительных подвигов в этом нет. Противоречие же, и притом противоречие вопиющее, как раз

*Кстати, после смерти ген. Корнилова, оставшимся в живых героям-туркменам Добровольческая армия, в лице ген. Деникина, отплатила черной неблагодарностью. Подробности об этом можно найти в указанной книге Хаджиева.

на стороне наших оппонентов, и в том числе ген. В. Е. Флуга: — одной рукой чтить память Государя, а другой — помогать идейным последователям тех, кто Его предал — это кричащее противоречие; носить звание русского генерала, одевать генеральскую форму и ордена и в то же время оказывать поддержку непредрешенческим революционным тенденциям — это кричащее противоречие. Пусть этим занимаются низкие честолюбцы, политиканы или те, кто вынужден это делать из-за куска хлеба или сомнительной карьеры, но как обидно и жалко, что в этот лабиринт противоречий попал такой уважаемый человек, такой заслуженный генерал, как В. Е. Флуг, искусный водитель войск, опытный администратор и талантливый военный писатель.

Весь ужас революции заключается в том, что она вносит смуту всюду, даже в лучшие умы, даже в головы старых людей.

В ответ же почти на площадную брань по нашему адресу мы пожелаем, чтобы от этих кричащих противоречий, от этой смуты поскорее избавились русские генералы и среди них наш прежний сотрудник В. Е. Флуг, к которому мы и теперь проникнуты лишь искренней доброжелательностью.

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 247. 14/27.9.1931. С. 1.

К слову сказать, с осторожностью высказанные в статье Н. Рклицкого недоумения в отношении генерала В. Е. Флуга впоследствии подтвердились. В марте 1936 г. на страницах «Царского вестника» было опубликовано письмо М. Скородумова, в котором, в частности, говорилось:

Лично я давно уже поставил крест на старое революционное поколение, и для меня они уже давно покойники, ибо я отлично понимаю, что если люди всю свою жизнь были либералами, народниками, чиновниками 20 числа, утратившими всякое понятие о государственности и безсознательно в той или иной степени работали на разрушение своей родины, то изменить из психологию и переменить направление мыслей невозможно [равно как] и ожидать, что они на 60 или на 80 году жизни начнут работать на созидание родины. Вообще Россия спасется только тогда, когда все это революционное поколение вымрет, а потому, может быть, это и цинично, но в интересах родины я хотел бы, чтобы это произошло возможно скорей.

Как бы в подтверждение этого своего мнения далее автор пишет:

Несколько недель тому назад на одном из публичных собраний в Белграде, посвященном февральским событиям 1917 г. (А. И. Гучкову), предатель Императора Николая II В. В. Шульгин[57] цинично заявил, что «после смерти Имп[ератора] Александра III течение 25 лет Россия не имела Царя, т. е. иными словами обвинил Царя-Мученика в полном ничтожестве. Возглавляющий общество памяти Императора Николая II ген. Флуг не нашел нужным ничем на это реагировать*.

О ПРИЧИНАХ «РОКОВОЙ ОШИБКИ»
(Мысли русского американца)

«...Я хорошо знаю Монархию... и потому я не хочу ее».
Слова ген. М. В. Алексеева в разговоре с В. А. Маклаковым («Ц. В.» № 197. С. 3)

Ученье свет, а неученье тьма.
Рус. пословица

В современной печати уделяется много места исследованию отречения от Престола Государя Императора Николая II Александровича. Как на причину этого печального акта, повергшего Россию в бездну несчастий, указывается ныне на "роковую ошибку" Начальника штаба Верховного Главнокомандующего, генерала М. В. Алексеева, заключавшуюся в том, что он не уберег Царский Престол. Генерал Алексеев, как горячий патриот, исполнен был лучших чувств к Родине и в своих намерениях безусловно желал принести ей благо и избежать смуты. Почему же он допустил "роковую ошибку"? В печати делается предположение, что он по "ужасному легкомыслию" поверил злодеям, что достижению блага народного мешает Царь и посему стал на сторону бунтовщиков. Там же делается второе предположение, что он утратил ясное понимание, что Царь для России — все и что без Царя России нет.

На этом последнем предположении мы остановимся, чтобы высказать свое суждение. У одного ли ген. Алексеева в те черные дни утратилось понимание значение Царя для России? Да и существовало ли вообще этого рода понимание и ясно ли оно сознавалось теми, кто прежде всего и раньше всего должен был бы это значение понимать и сознавать?

То было время войны; у кормила управительной части ее стоял Русский Генеральный штаб. Его называли "мозгом армии". Такой

*Царский вестник. № 494. 16/29.3.1936. С. 3.

лестный и заслуженный эпитет Русский Генеральный штаб носил не только во время войны; подобное мнение о нем сложилось еще в мирное время и не только в Армии, но и в среде гражданской, интеллигентской. Часто можно было слышать также, как представителей Русского Генерального штаба называли "всезнайками". Заслуженно или нет Русский Генеральный штаб носил эту последнюю кличку, но его реальное положение, как в военном міре, так и вообще в сферах правительственных, подтверждало предполагавшееся у него наличие всесторонних знаний. В Армии, помимо прямого его назначения — служить в строевых частях и штабах, представителям его давались и другие, самого разнообразного характера, поручения, начиная с воспитания нежной детской души в кадетских корпусах в роли воспитателей и директоров и до должностей, требовавших специальной подготовки, как-то: по военному хозяйству, по бывшей долгое время в ведении Окружных штабов Инспекции госпиталей, военных атташе, а также и иных ответственных должностей бюрократического свойства. Лишь военно-судебное, артиллерийское и военно-инженерное ведомство, как высоко квалифицированные, были самобытными и Генеральный штаб поручений там не имел. Но глава Военного министерства все же был из Генерального штаба. Наряду с такими явлениями в военном міре, Генеральный штаб не оставался забытым и в других сферах: по Министерству Императорского Двора и Уделов, по учреждениям Императрицы Марии, по министерству внутренних дел в роли градоначальников, губернаторов, военных губернаторов и генерал-губернаторов. В послужных списках военных, в т. ч. и Генерального штаба, была графа: "в службе гражданской и по выборам", что указывало на возможности и такого рода деятельности Русского Генерального штаба. Все эти обстоятельства давали основания гражданам, а особенно из юристов (конкурентов Генерального штаба по части "всезнайства"), острить: скоро Генеральный штаб увидим на должностях Архиерея и наместника Лавры.

Если следовать поговорке, что "на безрыбье и рак рыба", то при недостатке людей, специально подготовленных для гражданских должностей, назначение представителей Генерального штаба на эти специальные должности было уважительным в такой же степени, как и назначение на эти должности вообще лиц образованных. Но вопрос этот принимает острый характер в другом отношении: был ли, говоря по совести, данный кандидат пригодным, способным и соответственным к таким должностям и тем

ролям, к каким он совершенно не готовился, хотя и окончил Академию Генерального штаба? С существовавшими в России взглядами на Генеральный штаб и его положением в военном мире и в сферах правительственных, в связи с гадательными результатами от дававшихся ему поручений, не представлявших предмет его подготовки, а следовательно и компетенции, — Россия начала Великую войну. Россия приступила к страшному экзамену на право не только остаться в числе Великих Держав, но даже и на право хотя бы своего независимого национального существования.

В силу усвоенной еще в мирное время привычки, все надежды России были на ее Генеральный штаб. Возможностей применить "всезнание" Русского Генерального штаба было сколько угодно, и притом на законном основании — на "Положении о полевом управлении войск в военное время". На его основании Генеральный штаб, помимо того, что являлся руководителем и нес ответственность во всех военных операциях, он был таковым и во всех гражданских делах на всей территории, подведомственной главнокомандующим армиями фронтов. При громадном театре военных действий указанные районы составляли чуть ли не половину европейской территории государства.

Роль Генерального штаба, "мозга армии", колоссально возросла, когда в Главное командование вступил Государь Император. Роль многих министров обратилась в роль "снабжателей и поставщиков", агентов, способствовавших Армии и Флоту, по указке Генерального штаба. Если же принять во внимание, что, по образному выражению покойного профессора ген. Михневича, — "стратегия есть продолжение иностранной политики с оружием в руках", то станет понятным, что и Министерство иностранных дел также подвержено было внимать той же указке. К ней прислушивалась, с ней считалась, можно сказать, вся Россия. Все помнят, все знают, какую роль и значение для всего населения России имел Начальник штаба Государя Императора, как Верховного Главнокомандующего. Он был надежда и упование всей России. Его слушал Сам Император... Генеральный штаб правил тогда и Армией и Государством.

Теперь, оглядываясь назад, можно уже спросить — выдержал ли Русский Генеральный штаб экзамен на право оставления ему и впредь доверия, как руководителю, в Государстве? Безошибочно можно сказать, что там, где Русский Генеральный штаб был в равной степени подготовлен и образован, там он экзамен выдержал с разной степенью оценки; на бывшие же случаи невы-

держания экзамена, не взирая на знакомство его с теорией военного дела, нужно смотреть, как на исключение. На строевых командных должностях Русский Генеральный штаб зарекомендовал себя, вообще, как и в Русско-Турецкую войну 1877-1878 гг., выше похвалы, ибо практическая достаточная подготовка к сему существовала в мирное время. Управление войсковыми массами, т. е. служба Генерального штаба на войне, вследствие отсутствия достаточной практики в таковом в мирное время, было удачно там, где выручали природные способности и дарования исполнителей, и неудачно, — где их, по всей вероятности, не доставало; между прочим, сего последнего нельзя и требовать от людей вообще, в том числе и от Генерального штаба, а тем более нельзя вменять этот недостаток в вину кому-либо персонально из Генерального штаба. В общем же, в отношении результата экзамена Русского Генерального штаба, как руководителя военными операциями, сказать ничего окончательного нельзя, т. к. и самый экзамен этот не был окончен; он был прерван, ибо Великая война для Русской Армии окончилась "вничью", по причинам совершенно не предвидевшимся ни практикой военной истории, ни теорией военного искусства, изучавшимися в Академии Генерального штаба, и в степени усвоения коих упрекнуть Генеральный штаб, в общем, нельзя.

Сказанное об экзамене Русскому Генеральному штабу касалось части специальной, т. е. военной. Что же касается экзамена по другой части, по части руководительства гражданской жизнью населения в применении к военному времени и обстановке, то об этом надо сказать прямо: в конечном итоге Генеральный штаб экзамен этот не выдержал. Не станем говорить, по чьей вине это произошло, но, по примеру французского полководца времен 30-летней войны Тюреня, никогда не искавшего виноватой персоны, но всегда в таких случаях спрашивавшего "почему так случилось?" — спросим и мы: какие причины послужили для провала и Русской Армии и самой Великой России в бездну несчастий в минувшую Великую войну, руководившуюся Генеральным штабом?

Ответ может быть лишь один — Русский Генеральный штаб не был подготовлен к тому высокому призванию, которое выпало на его долю в эту Великую войну — быть еще и руководителем внутренней политики государства и отвечать за нее. Государь Император, приняв Верховное командование над Армиями, как Глава Государства, ожидал от естественно близкого ему человека

по делам Армий — от Начальника Своего штаба — решения дел не только военных, но и дел внутренней политики Государства, неразрывно связанных с его детищем — Армией.

Что мог дать Ему его Начальник штаба, в данном случае генерал М. В. Алексеев, представитель Русского Генерального штаба, в делах внутренней политики? Если не генерал Алексеев, то и всякий другой представитель Русского Генерального штаба, который был бы на месте его, не мог бы сознательно разрешать тех вопросов внутренней политики, которых Государь Император безусловно касался и в порядке доклада и в порядке беседы при многократных ежедневных свиданиях со Своим Начальником штаба.

Представители Русского Генерального штаба в делах внутренней политики были, по меньшей мере, дилетантами, чтобы не сказать полными профанами. Они, как и вся Русская Армия, воспитанные и образованные в течении 200 лет "вне политики", не могли, строго говоря, даже приступить к экзамену по этому предмету. Пишущий эти строки, как представитель Русского Генерального Штаба, да и другие подобные ему, разве не сознают теперь общего недостатка в своем высшем военном образовании в Академии? Государственной науки о политической (верховной) власти в Государстве вообще, а в особенности, или хотя бы, своей родной, там не изучали; Русский Генеральный штаб в этом отношении был неучем в мирное время; неучем он вышел на войну и на ней уже, не готовясь, в состоянии "недуга неведения", приступил к страшному экзамену — ответил на вопрос о перемене принципа тысячелетней Верховной власти в своем Государстве, да еще в такое необычное время, как длительная и изнурительная мировая война, конец которой по имевшимся в руках Русского Генерального штаба сведениям, был не за горами. И что же? Не желая, будучи не в состоянии и не имея права поступиться бывшей в руках Генерального штаба властью и доверием, оказывавшимися ему Государем Императором, Русский Генеральный штаб пошел на этот страшный экзамен "под суфлера", со шпаргалкой, составленной "политиканами"*, и результат сказался... Что же касает-

*Политиканами (Politicians) называется профессиональный класс людей, существующий лишь при народовластии (республике); они ведут все управление "за народ", посредством захвата всех должностей не только центральных, но и местных, в отдельных штатах и округах. Несмотря на разделение их на политические партии и на различия в политических программах, роль и характер самих политиканов одинаковы и главным мотивом деятельности их является добывание средств к существованию. "Политика сделалась такой же прибыльной профессией, как адвокатура, маклерство,

ся несвоевременности, накануне победы, допуска Генеральным штабом решения этого вопроса, то о ней пусть расскажут руководители военными операциями и обладатели документов об истории отречения от Престола Государя Императора. Представляется — не были ли названные руководители тогда под гипнозом клеветнических речей Павла Милюкова об "изменнических" намерениях покойной Императрицы и, в связи с этим, не была ли проявлена поспешность с отречением, дабы упредить измену и выиграть победу над нашим внешним врагом? У пишущего эти строки, служившего в Ставке в этот период войны, сведений о сказанном нет; нет ли этих сведений у упомянутых выше держателей документов об отречении? Так или иначе, но Царский Престол тогда не уберегли... и это было в прошлом. Для настоящего же и будущего важно знать — пополнил ли уцелевший в эмиграции Русский Генеральный штаб недостаток знания политической науки о Русской государственности, — недостаток, бывший причиною "роковой ошибки" генерала Алексеева? Примеры из жизни "в изгнании" русских указывают на то, что в этом отношении в Русском Генеральном штабе не все благополучно. Замечается та же степень политического сознания им русской государственности, какая была (?) у него и при крушении Империи. Как тогда, так и теперь, немногие из Русского Генерального штаба сознательно ответят на этот вопрос — почему в России в течение 1000 лет Самодержавие принадлежало (и не могло, и не может не принадлежать) одному лицу, а не народу? Недостаток сказанной сознательности у него проскальзывает, например, в поддержке им безсмысленного, безыдейного выражения — "непредрешение" Верховной власти в России; или еще лучше — в примыкании его представителей к высказанному "выдающимся" русским эмигрантом мнению, что в русской национальной традиции "За Веру, Царя и Отечество" можно было бы обойтись и без "Веры". Упрек генералу Сухомлинову (б. военному министру) в том, что он со времени окончания Академии не прочитал ни одной военной книжки и за развитием военного дела не следил — неужели не подскажет Русскому Генеральному штабу: что ему нельзя *дольше* оставаться *на идеологии* того национализма [sic!], который был руководящим в "Белом движении"; что остановка эта свидетельствует о его политической отсталости; и что, наконец, она не по-

---

торговля шерстяными материями, составление промышленных компаний и пр.", — говорит американец Джемс Брайс в его труде "Американская республика".

может *создать* "одухотворенной идейно организации", но, наоборот, эта отсталость Русского Генерального штаба сделала уже то, что от руководимого им РОВСа, волною окружающей политической жизни, отломлен кусок и что дальнейшая такая же волна "угрожает целости всего РОВСа".

Несомненно, что русский Генеральный штаб сохранит за собою руководящую роль не только в будущей Русской армии, но и в Русском государстве, поэтому он должен быть политически образованным. Мало того, Генеральный штаб будущей России, как воспитатель и учитель будущей Армии, должен и обязан будет создать и Армию сознающею и понимающею идею своей родной государственности. Армия должна быть политически образована, воспитана и отточена, как хорошее оружие в руках будущей Верховной власти и только; но она отнюдь не может оставаться, как было раньше, безсознательным защитником и охранителем не сознававшейся ею идеи и смысла своей Верховной власти. Начала этих знаний должны быть известны теперь же, в эмиграции, как будущим руководителям Армии, т. е. Генеральному штабу, так и кадрам ее. Необходимо соответствующее политическое самообразование. Чтобы заполнить пробел в своем образовании, Русский Генеральный штаб, в первую очередь, должен изучить неизвестную ему доселе свою родную национальную Государственную идею, а затем заняться соответствующим просвещением и других членов Армии. Чем скорее к этому будет преступлено, тем благодетельнее будет и для Армии и для утраченной, но близкой к возвращению, Родины; "упущенное же время — смерти подобно"; и второе — если Русский Генеральный штаб должен быть по-прежнему руководителем не только в Армии, но и во всей жизни своей страны, то ему следует помнить, что — "руководить — значит предвидеть"; предвидеть же надо все, чтобы не повторилось прошлое, а именно, чтобы не очутиться в плену и на поводу у тех же политиканов и не делать того, что выгодно им, а не Государству (вроде прежнего "ответственного министерства", а ныне "непредрешения"). Следует иметь свое суждение, свое убеждение, свою политику и руководить ею самим, как это делалось Генеральным штабом наших военных противников, оказавшихся сильнее нас в этом отношении. Флаг национализма (?), выбрасываемый ныне РОВСом, как *новый* девиз, есть заимствование у тех же политиканов искаженного понятия о русском национализме. Русский Генеральный штаб, изучивши свою национальную государственную идею, получит способ

сохранить за собою знакомую ему "свободу действий" и после сего не только что не станет повторять слов генерала Алексеева, но и вовсе откажется от "непредрешения", а главное, сознательно скажет: "Изучив монархический принцип Православной Монархии, я хорошо узнал ее и посему я хочу только ее". Попробуем, собратья по оружию, учиться; нам дело это привычное и, притом, это никогда не поздно.

В добрый час!

Г. Т. КИЯЩЕНКО[и]

Царский вестник. № 247. 14/27.9.1931. С. 2-3.

МАНИЯ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Недавно вышла в свет брошюра С. И. Орема «Заговор»* с предисловием С. Н. Палеолога. Упоминая о безучастности, проявленной 14 лет тому назад русским обществом к судьбе заключенной в Тобольске Временным правительством Царской Семьи, С. Н. Палеолог пишет:

Несомненно, что каждый из нас, и военный и штатский, в той или иной степени повинен в трагическом конце Царственных Мучеников и за это мы и несчастный русский народ несем жестокое, но заслуженное возмездие.

И не для того, чтобы кого-либо порицать, а лишь для того, чтобы получить ответ на недоуменные переживания, невольно задаешь вопрос: где же были наши храбрые генералы, офицеры и воины многомиллионной Русской Армии, когда их Венценосный Вождь томился в заключении и тщетно ждал спасения?

В настоящее время принято с особенным пылом защищать память Белых вождей. Почему же тогда не нашлось никого, кто бы защитил жизнь Белого Царя, Верховного Главнокомандующего Российских Армии и Флота?

По учению Церкви клятвопреступление есть величайший грех, и нет оправдания людям, которые сознательно нарушили данную ими присягу на верность службы Царю.

Мы все теперь ответственны за то, что недостаточно вдумчиво понимали значение для судеб России присяги на верность службы Царю и Отечеству.

Эти безспорные, исторически верные мысли подверглись злостному толкованию и злобным нападкам г. Коморовского на страницах «Русского голоса»**. В своем обширном «Ответе», с резкими личными выпадами против С. Н. Палеолога, г. Коморовский, между прочим, сообщает до сих пор еще не опубли-

*Белград. 1931. — *С. Ф.*

** Г[осподин] А. Коморовский не постеснялся при этом применить далеко не джентльменский, совершенно *не офицерский*, прием: он выпустил тот абзац предисловия, при наличности коего все его рассуждения лишены всякого логического основания!

кованный в печати и неизвестный русскому обществу факт участия его в деле спасения Царской Семьи. Предоставляем слово г. А. Коморовскому:

Я сам в очень узком кругу, соответственно скромности моего положения, был осведомлен и работал в одной организации в Ярославле—Вологде, во время пребывания там 5-го Кавалерийского корпуса, снятого с Север. фронта.

Статья г. Коморовского, полная негодования по поводу утверждений г. Палеолога, оканчивается так:

В подобных выступлениях я не могу не видеть звеньев все той же цепи, которая куется вокруг Армии, чтобы связать ее волю, убить активность, раздробить ее силы, низвести ее на обще-беженскую платформу... Куется эта цепь разрозненно, по одному звену, людьми, руководимыми зачастую самыми различными к тому побуждениями, но кто-нибудь — кто знает! — сумеет собрать эти звенья и спаять их. И так, вероятно, уже и делается. ...

При таких печальных размышлениях мне всегда радостно вспоминать слова одной песни. Хорошо в этом месте поют корниловцы:

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнет...
Нас, корниловцев, презренье
Черни не убьет.

Если этот «Ответ» составлен не по специальному заказу лиц, руководящих писаниями г. Коморовского, то невольно напрашивается тревожное предположение, не заболел ли манией преследования автор приведенных строк, не так давно серьезно сообщавший в том же «Русском голосе» о подготовляющемся в государственном масштабе походе РОВС на Москву...

Однако из песни слова не выкинешь. В то время, когда в 1917 году наше рядовое, верное долгу офицерство, при попустительстве Гучкова и К°, поголовно избивалось в тылу и на фронте революционной солдатней, немало высших представителей (генералы Алексеев, Корнилов и др.) *искренно* пошло за революцией (и идет до сих пор), а затем многие из них (б. военный министр Поливанов, главнокомандующий Брусилов, значительная часть высших офицеров Генерального штаба и т. д.) стали *добросовестно* служить большевикам. При таком умонастроении верхов и мозга Армии трудно было рассчитывать на успех спасения Государя организованной русской вооруженной силой.

Как не грустно в этом сознаться, но это было именно так.

Царский вестник. № 248. 21.9/4.10.1931. С. 2.

В ПЛЕНУ У РЕВОЛЮЦИИ

Только то общество достойно будущего, которое благоговейно чтит светлые страницы своей прошлой жизни и нравственных своих героев чтит, как основу своей жизни.

С каждым годом у нас все лучезарнее сияет образ Царя-Мученика Николая II, Который душу Свою положил за Россию.

Царь-Мученик! Нет, не только Мученик, но Великомученик! Он тяжко страдал в мрачные дни, предшествовавшие Его аресту; особенно для Него были нравственно тяжелы дни последнего пребывания в Ставке с вечера 3 марта до 4 часов дня 8 марта в 1917 году. Государь, как бы забыв Свою больную Семью, оставленную среди бушующих мятежников в бывшей столице, прибыл туда для того, чтобы попрощаться с горячо любимыми войсками и сотрудниками Своими, для того, чтобы нравственно их поддержать, и здесь Государь лицом к лицу встретился с «трусостью, подлостью и изменой». В эти пять дней в Ставке совершалась невиданная в истории міра жертва. Низвергнутый и низложенный Император ободряет Своих подданных, все прощает изменникам и Сам Себя приносит в жертву за Россию. Это было нечто подобное Голгофе, когда с креста звучали слова: «Отче, прости им, не ведают, что творят». Далее страдал Государь за Свою Семью, за позор России, когда Он, так всепрощающе и благожелательно относившийся к Своим врагам, был ими арестован, подвержен всяческим унижениям и сослан, как тяжкий преступник. Скорбел Государь, когда видел, что вся Его прекрасная Семья — Отрок Наследник, Девушки, как будто Ангелы, и страдавшая всю жизнь Императрица обречены на казнь. Наконец, и самые драгоценные останки подверглись всяческим поруганиям и даже до сегодняшнего дня находятся где-то в безвестности*, тщательно скрываемые от всех тех, кто хотел бы им поклониться, облить их своими слезами и молиться у них за Россию и себя. [...]

Наш талантливый сотрудник А. А. Керсновский[59] напечатал у нас в прошлых трех номерах замечательную статью «Упущенные возможности», в которой он мастерски нарисовал картину организации маленькой отборной армии, что можно и должно было сделать в 1917 году из наших многомиллионных полчищ. Но для того, чтобы решиться на такую реформу, нужно было обладать умом Суворова и Скобелева и патриотизмом Минина и Пожарского. Нужно было решиться спасать не свободу и революцию,

* Этой важнейшей проблеме мы предполагаем посвятить отдельную книгу, материалы для которой уже собраны. — *С. Ф.*

а спасать Отечество. А если бы среди наших высших военачальников были такие умы, то они, прежде всего, не допустили бы до основной причины развала — до отречения Государя. Все они были как бы загипнотизированы революцией, и вот один из них* 6 марта 1917 года в ответ на первые известия о развале в войсках говорил: «Надо относиться с доверием к нашему солдату, надо понять его восторг по случаю падения "Самодержавия и царизма", простить некоторые крайности и, поверьте, все уляжется и порядок можно будет держать и "свободная армия России покажет чудеса"». И хотя действительно после этого произошли "чудеса", но в обратную сторону, в виде всего пережитого за 15 лет, многие и многие головы еще не протрезвели от революционного угара, а остатки нашего воинства, также как и останки Царской Семьи, находятся в плену у революционеров.

Какие еще потребуются кары для того, чтобы русские люди, наконец, отрезвились от революции, это покажет ближайшее будущее, так как теперь уже весь мір находится в преддверии каких-то новых испытаний.

Ник. РКЛИЦКИЙ

г. Дарувар.

Царский вестник. № 311. 5/18.12.1932. С. 1.

Шло время... Разгоревшийся на страницах эмигрантской прессы горячий спор постепенно утих. Казалось, тема исчерпана, но сама жизнь русского изгнания ставила их вновь и вновь, ибо стороны остались каждая при своем мнении. Тяжкая рана разделения не была уврачевана единственным верным средством — покаянием. Не Истины взыскали многие ветераны Белого дела, а утверждения в греховной своей самости, закостеневая в ней.

Свидетельство тому публикуемые нами ниже отрывки из отчета об одном из юбилейных событий в жизни русской военной эмиграции.

15-ЛЕТИЕ СО ДНЯ СМЕРТИ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА — б. верховного главнокомандующего Русской армией и основателя Добровольческой армии

25 сент[ября] — 8 окт[ября] с[его] [1933] г. исполнилось 15 лет со дня смерти ген. Алексеева.

*Ген. Л. Г. Корнилов. — *С. Ф.*

В эту печальную годовщину по инициативе Главного правления Союза участников 1-го Кубанского им. Корнилова похода состоялась в русской церкви после Божественной литургии панихида по усопшем, а в Русском офицерском собрании в 16 час. торжественное заседание памяти великого патриота Земли Русской, на котором присутствовали его супруга Анна Николаевна, сын — полк Алексеев и другие члены семьи покойного, представители РОВС во главе с ген. Экком, гражданские организации и публика, среди которой было много молодежи.

Справа от сцены, на которой за столом сидели чл. правления Союза во главе председателем ген. Казановичем[60] и докладчики, возвышался большой портрет ген. Алексеева, обвитый национальной и георгиевской лентами с большим знаком первого похода.

Заседание открыл вступительным словом ген. Казанович, пригласивший присутствующих почтить память ген. Алексеева вставанием.

При благоговейном молчании всего зала галлиполийский хор исполнил «Вечную память» и «Коль славен».

Затем слово было предоставлено Генер[ального] шт[аба] полк. Сергеевскому[61].

Речь полк. Сергеевского

Талантливый докладчик охарактеризовал «творца нашей Белой мечты» словами приказа его преемника ген. Деникина:

Крестный путь его озарен кристаллической честностью и горячей любовью к Родине — и великой и растоптанной.

Эту мысль и провел оратор в своей речи.

Отметив, что лично он был близок к работе ген. Алексеева только по службе в Ставке с февраля по май 1917 года, где полк. Сергеевский занимал в это время должность начальника связи, он о полководческой деятельности Михаила Васильевича приводит мнения ген. Головина (глубоко научное мировоззрение ген. Алексеева обезпечило Юго-Западный фронт от влияния Сухомлиновской «стратегии» в период подготовки к войне) и ген. Деникина (наша стратегия с августа 1915 г. «исключительно личная М. В. Алексеева»).

Главное внимание останавливает оратор на первых днях революции. Он только что прибыл на службу в Ставку и был особенно поражен тем исключительным доверием, любовью и обожанием, с которыми смотрели на Алексеева все чины отдела генерала-квартирмейстера, а также и три Великих Князя, находившиеся в Ставке.

Ген. Алексеев 17 февраля вернулся в Ставку из Крыма, где он лечился, еще совершенно больной. Он спешил к разработке тех грандиозных операций, которые были намечены в эти дни путем переговоров с союзными Главными квартирами и начало которых было назначено на 12 апреля (старого стиля). Ставка целиком ушла в эту подготовительную работу, а сам Мих. Вас. снова разболелся и лежал в 40-градусном жару, очень сильно страдая.

И в это время грянул гром.

Оратор отмечает те обвинения, которые, неожиданно для сослуживцев покойного, полились на его голову много лет спустя. Но он не хочет ни приводить их, ни возражать. Он относит это охватившее ныне многих искание виновников русской катастрофы к духовной измученности мятущихся эмигрантских душ.

Он рисует иную картину.

Ген. Алексеев обладал полным доверием Государя в области оперативной. Но этого не было в области политики. Лица Свиты образовали здесь средостение. Когда в Петрограде разразилась революция и Государь первоначально принял решение подавить ее силой, то ген. Алексеев был совершенно устранен от выбора частей и лица, которому с исключительными полномочиями поручалось дело подавления. Официальный историограф Свиты ген. Дубенский печатно свидетельствует, что Свита уговорила Монарха не спрашивать ген. Алексеева по этому вопросу и подсказала имя — ген. Н. И. Иванова, совершенно, за старостью и душевным укладом, неспособного к решительным и, как требовала обстановка, жестоким действиям.

27 февраля поздно вечером, как последствие многочисленных переговоров Дворцового коменданта с Царским Селом, Государь решил ехать к Семье, в район, уже охваченный революцией. Тщетно молил* Его ген. Алексеев не покидать единственного теперь, за падением в Петрограде правительства, пункта, откуда Его Величество мог еще вести управление страной и армией... В 2 часа ночи Государь покинул Ставку...

Свита не нашла нужным сообщить с пути сложный маршрут следования Императорских поездов. И Монарх в течение почти двух суток, важнейших для жизни Династии и России, был полностью отрезан от міра.

К вечеру 1 марта в Ставке узнали, что поезда безпомощно стоят на ст. Дно — путь к Царскому Селу в руках мятежников, путь ко Пскову разобран между ст. Порхов и Подсевы. Немедленно

*Ложь. — *С. Ф.*

приказывает ген. Алексеев штабу Северного фронта (Псков) выслать ремонтный поезд с железнодорожной ротой — исправить путь и охранить поезда. К прибытию их в Псков там Государя ожидали подробные и, конечно, точные донесения ген. Алексеева о событиях истекших 2-х дней.

Между тем, в столице была уже новая власть — Комитет членов Государственной думы. Его распоряжения и уведомления получены и в Ставке. Но ген. Алексеев, разрешивший прием оперативным телеграфом, в целях информации, любых депеш из Петрограда, объявил, что ни он, ни чины Ставки не будут ни с чем обращаться к непризнанному Монархом правительству.

За эти дни это решение было нарушено лишь один раз: сам ген. Алексеев послал Родзянке, подчеркнуто назвав его председателем Гос. думы, свое требование именем Родины приложить все усилия к прекращению радиопередачи знаменитых приказов № 1 и № 2 уже народившегося Совета рабочих и солдатских депутатов.

Когда утром 2 марта ген. Алексеев имел мужество передать Государю мнения всех главнокомандующих и свое личное — правдиво ответить, что думают они о выходе из положения, то он эту трагическую телеграмму начал словами: «Всеподданнейше доношу» и закончил: «ожидаю повелений Вашего Императорского Величества».

...События совершились...

Отрекшийся Монарх возвращается в Ставку. Историограф ген. Дубенский рассказывает о будто бы возмутительном Его приеме: поезд принят на товарную пустую платформу. Встречает один ген. Алексеев, да и тот не подходит, а только издали «сухо, по-солдатски» отдает честь.

Чины Ставки помнят другое: Государя встречают на воинской платформе, где всегда принимались Императорские поезда, кроме ген. Алексеева три Великих Князя, 10 генералов, представители иностранных армий и все штаб-офицеры Ставки, свыше 100 чел. Государь обходит встречающих и каждому из них, до последнего, крепко, до боли, жмет руку. Слезы катятся по Его лицу.

Обход кончен; Государь уходит в вагон в сопровождении ген. Алексеева. Встречавшие разъезжаются.

...И историографы иногда ошибаются...

Проведя в Ставке несколько дней и несомненно выяснив детали трагических дней, получив через того же ген. Алекеева доклад о первом безобразном и гнусном распоряжении нового правительства — о лишении Его свободы, Государь 8 марта

прощается со Штабом, не знающим, по Его воле, об этом распоряжении.

Тяжелая трагическая сцена. Некоторые офицеры впадают в истерические припадки. Речь Монарха и Его прощальный обход закончены. Ген. Алексеев говорит от имени штаба прощальное слово, кончая его: «Счастливого Вам пути, Ваше Императорское Величество! Счастливой Вам жизни, Ваше Императорское Величество!» Отрекшийся Монарх привлекает к Себе генерала, крепко прижимает его к Себе и трижды длительно целует. И поняли офицеры, что Государь одобрил прошлые действия Своего начальника штаба... Поняли и то, что все: и они — офицеры, и офицер — Алексеев, и офицер — Монарх, все были в эти дни едины — они все вместе принесли одну и ту же жертву Родине, так, как они, по-офицерски, тогда понимали создавшееся положение...

Бегло очертив деятельность ген. Алексеева в период его верховного командования, его 9-дневного возвращения в Ставку в начале сентября и, наконец, его «последнее дело на земле» (слова ген. Алексеева) оратор остановился на его кончине и погребении, отметил прощальный салют боевыми патронами возрожденной в Добровольческой армии Императорской [sic!] Гвардии, через день погибшей под Армавиром (зарублено красной конницей 36 гвардейских офицеров [...]

С чувством глубокого преклонения перед светлой памятью борца за честь и величие России и полководца ген. Алексеева расходились русские люди с торжественного заседания.

В. ПРОНИН

Русский голос. № 132. 15.10.1933. С. 2-3.

Заблуждение, к сожалению, так и не было преодолено. Свидетельство чему и вот это редакционное примечание газеты «Царский вестник» (№ 572. 13/26.9.1937. С. 2) к отчету об очередном празднике корниловцев в 1937 году:

20-я годовщина *Белой* борьбы прошла в Белграде с исключительным подъемом и наши доблестные корниловцы могут быть рыцарями грядущего русского освобождения и общенародного возрождения, если они поймут необходимость слиться с русским народом сердцем и с русской государственной идеей через принятие векового девиза «За Веру, Царя и Отечество». Тут не должно быть никаких колебаний, как это, например, было на празднике, когда из объявленной программы было исключено поминовение Царя-Мученика, являющегося ныне для всех св. символом страдающей России.

В 1936-1937 гг. газета несколько раз обращалась к этой кровоточащей теме:

ПРЕСТУПЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ*

[...] В Ставке Верховного Главнокомандующего генералы Императорской армии предавали своего Царя. И из уст Русского Императора впервые революция услышала суровый приговор: Кругом трусость, измена и предательство... Все отрекалось и историческая сцена прощания Государя со Своими боевыми сотрудниками покрыла несмываемым позором недостойных слуг Русского Царя и Родины, уничтожив и прошлые заслуги, и честь и славу подвигов...

Этот российский срам, закрепленный на фотографии, ныне воспроизведен перед глазами эмиграции. Стоящие на вытяжку и «смирно» сидящие генералы Императорской Российской армии в полной форме, при орденах, сняты в группе с заменившим Царя второразрядным адвокатом в пиджачке, в маскараде революции объявившим доблестным воинам, что отныне главковерхом будет он... Историческая карикатура и позор России.

Посланные партиями агитаторы развалили фронт. Славная, непобежденная сильным врагом армия превращалась в банды дезертиров и, руководимая писарями и фельдшерами, резала офицеров, как скот, под речи главноуговаривающего, вносившего отраву в окопы и на поля сражения... Десятки тысяч разбойников, покидая фронт, шли в Вятскую губернию делить землю, цинично заявляя, что «иен до ихней деревни не дойдет». [...]

...Когда первое гнусное преступление — вымогательство отречения Императора — было совершено Гучковым и Шульгиным, поддержанное русским барином, возглавлявшим Думу, Ставка молча умыла руки, а опьяненная успехом интеллигенция кричала по адресу Царя: «Распни Его!»

Отреклись ближайшие сотрудники Царя, изменили генералы Императорской армии и началось то страшное и подлое, что скоро низвергло в бездну Великую державу и обезславило русский народ. [...]

Н. В. КРАИНСКИЙ

Царский вестник. № 494. 16/29.3.1936. С. 2.
[Издано также отдельной брошюрой:
***Краинский Н. В.* Преступления революции.**
Белград. 1936. 7 с.]

*Доклад, прочитанный на торжественном собрании 2/15 марта [1936 г.] в г. Белграде.

ЗА ЧТО?

[...] Арест Государя Императора и Государыни Императрицы произошел в один и тот же день 8 марта, хотя и в разных городах. Государь был арестован в Ставке в Могилеве, Государыня в Царском Селе. Об аресте Государя ген. Дубенский в своих воспоминаниях пишет следующее:

«После переговоров Бубликова[62] с ген. Алексеевым оказалось, что Государь должен считать Себя арестованным и лишенным уже свободы...»

Это решение новых властителей России было приведено в исполнение ген. Алексеевым, который сообщил об этом Государю в следующих словах: "Ваше Величество должны Себя считать как бы арестованным". Государь ничего не ответил, побледнел и отвернулся».

«Последний вагон царского поезда (в котором следовал Августейший Страдалец) был с думскими депутатами, — сообщает ген. Дубенский, — когда он проходил мимо ген. Алексеева, то тот снял шапку и низко поклонился».

Справедливость требует отметить, что ген. Алексеев вел переговоры с Государственной думой о вывозе Царской Семьи заграницу.

Первое последствие ареста и первое оскорбление, нанесенное Царственному Мученику было то, что эти тюремщики и палачи, именуемые членами Государственной думы, отказались принять приглашение Государя в поезде к столу.

Арест Государыни был произведен приблизительно в тот же час 8 марта утром ген. Корниловым, прибывшим для этой цели в Царское Село. Ген. Корнилов сказал Ее Величеству следующее: «Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить Вам постановление Совета министров, что Вы с этого числа считаетесь арестованной».

Таким образом, арест Государя и Государыни был произведен лучшими генералами России, пользовавшимися в то время широкой популярностью в общественном сознании и вскоре выступившими в качестве вождей освободительного движения. [...]

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 553. 3/16.5.1937. С. 1.

БОРЬБА ЗА ОТЕЧЕСТВО

[...] 20 лет тому назад русские военачальники преступно и легкомысленно предали в руки врагов Отечества Верховного своего

Главу, Вождя Российской вооруженной силы, Богом помазанного Самодержца, и бремя возглавления Российской армии приняли на свои слабые плечи, думая лучше послужить России, нежели служил ей Русский Царь. С тех пор было пролито безграничное море русской крови, были пережиты Россией невиданные в истории міра несчастья и до сего времени Россия остается закованной в цепи, которые никто не в силах с нее снять. Героические усилия генералов Алексеева, Корнилова, адмирала Колчака, ген. Деникина, ген. Юденича, ген. Кутепова, ген. Миллера и их сподвижников не привели ни к чему. Россия остается в плену, несмотря на то, что все 170-миллионное население России объединено ненавистью к своим поработителям, что оно ждет малейшей искры для того, чтобы взорвать пороховой погреб своих врагов, которые с напряженным вниманием относятся ко всем русским зарубежным организациям, как бы незначительны [ни] были их фактические возможности по борьбе с поработителями.

Русские же генералы, приняв на себя исторически-государственную и национально-трудовую традицию, с каким-то потрясающим легкомыслием вынули из нее внутреннее содержание и наполнили ее революционным туманом 1917 года, который чужд и ненавистен душе русского народа. Успех русской борьбы может быть лишь только в том случае, если эта борьба будет стихией, поднимаемой самим народом, и не будет принадлежностью лишь одной кучке людей. Истинный вождь должен быть равнодействующей народного сознания, с которым и через который он только и может достигнуть успеха в борьбе.

За что же боролись наши генералы? Сначала за верность союзникам, в наивной надежде, что эти союзники помогут им захватить власть в Москве и установить там свою диктатуру; когда же надежда эта рухнула, они продолжали бороться лишь за традиции Белого движения, как голую идею борьбы, ясно не представляя себе, в чем заключается эта традиция, и, предоставляя каждому носить в своем сердце свой собственный лозунг; они оказались не только оторванными от общерусской народной традиции, но и отбросили от себя жертвенные идейные элементы, заменив их авантюристами и предателями. Они, прежде всего, отбросили сотрудничество с Церковью, конечно, не в смысле одних лишь молебнов и панихид, которые совершаются у нас в большом количестве, а сотрудничество жизненное, такое, какое было у Князя Владимира Святого со своими святителями, Иоанна Грозного с протопопом Сильвестром, у Михаила Феодоровича с Патриар-

хом Филаретом, у Алексея Михайловича с Никоном — сердечное сотрудничество в своих делах и предприятиях, объединенных единством общей цели. Это пренебрежение во всей полноте должен был испытать на себе истинный носитель русской идеи и подлинный выразитель России наш незабвенный владыка Антоний, когда наши военачальники все стали на сторону его врагов, изменивших потом и самой России. Они не пожелали далее исправить рокового преступления своих предшественников в отношении преданного ими Царя-Мученика, Императора Николая II, Который, при явном попустительстве наших военных кругов, остается не только не причисленным к лику святых, но даже неотпетым по церковному чину, а Его священные останки, вместо того, чтобы быть предметом поклонения со стороны воинов и всех русских людей, остаются стыдливо спрятанными где-то в подвалах Парижа. Уже этих двух идей — церковной и царской — достаточно было для того, чтобы в соединении с военной идеей придать всему движению общенародный характер, зажечь и поднять всю Россию, и большевики это хорошо поняли. Они постарались церковную идею связать с политикой митрополита Сергия, а монархическое движение так или иначе обезврежено ложной тактикой. Однако, не поняв этого, наши руководители стали отвергать от себя и тех людей, кто готов был самоотверженно служить России, заменяя их авантюристами, льстецами и предателями. Скородумова исключили, а Скоблина[63] приблизили, Керсновского бойкотировали, а Линицкого и Комаровского пригрели, патриотическую печать отвергли, а социалистов сделали своими идеологами, специалистов по розыску, разведке, контрразведке, которых можно в обилии найти среди наших жандармских и полицейских чинов, не пожелали использовать, а все русское дело стали вести по-кумовски и по-домашнему.

Панический страх перед иностранцами, рабское преклонение перед так называемой общественностью, боязнь яркой идеи, народной и исторической правды, обрекают на полный провал всякое общественное начинание.

Для России нужно сочетание истинной идеологии с подлинной вооруженной борьбой. Ни то ни другое в отдельности не может привести к успеху. Нужно одинаково отвергать как соглашение с большевизмом, так и соглашение с 1917 годом. Творческое движение должно быть средоточием всех активных русских сил вокруг общенародного знамени, утверждающемся в сердце каждого русского крестьянина. Оно должно быть движением «За

Веру, Царя и Отечество», и если Русский обще-воинский союз не может создать и возглавить такое движение, то так или иначе но он не может достигнуть и никакого успеха на своем пути, которого все русские люди искренне ему желали бы.

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 574. 27.9/10.10.1937. С. 1.

Подобные материалы, печатавшиеся в «Царском вестнике», не остались незамеченными. Многие участники Белой борьбы особенно негодовали на его редактора Н. Рклицкого за публикацию правды о вождях-основателях

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Велика наша смута и глубоко мы несчастны. Наше несчастье заключается в том, что разложение русской жизни прошло до мозга костей и все когда-то великое и святое теперь оплевано и загажено. Мы все находимся как бы в угаре революции и с недоверием смотрим друг на друга, не зная, где наши враги и где наши друзья, и если бы наши группировки обладали фактической властью, то мы, вероятно, прежде всего принялись бы за истребление друг друга. Так, например, лично я был бы немедленно расстрелян некоторыми представителями наших военных организаций, которые не могут простить мне того, что я позволил себе поместить на страницах «Царского вестника» некоторые статьи — хотя и доброжелательные по общему тону, но критикующие существовавшие в них порядки, приведшие к похищению ген. Миллера и Кутепова и к краху всей борьбы за Россию. Нашлись бы также и другие общественные и политические деятели, которые с удовольсвием подписали бы мне смертный приговор и которые глубоко меня презирают и ненавидят, хотя бы только за самый факт моего существования. [...]

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 601. 4/17.4.1938. С. 1.

В такой весьма накаленной обстановке в 1938 году появился русский вариант книги И. П. Якобия*, исправленной и дополненной. Спор вспыхнул с новой силой. Лишь начавшаяся вторая мiровая война смогла прекратить его.

---

* Газета «Царский вестник» на своих страницах не раз давала объявление о том, что труд И. П. Якобия желающие могли приобрести в ее редакции.

КНИГА ОБ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ II

Историко-генеалогическое общество в Бельгии посвятило свое собрание ознакомлению с выходящей на днях из печати замечательной книгой И. П. Якобия «Император Николай II и революция».

Автор — известный русский публицист, пишущий во многих иностранных журналах, главным образом французских, и автор многих исторических трудов, выпустил свою книгу восемь лет тому назад на французском языке.

Несколько лиц, близко стоящих к делу сооружения в Брюсселе Храма в память Царя-Мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных, желая соорудить, как выразился на собрании председатель Историко-генеалогического общества граф Апраксин[64], некий второй письменный памятник Царственным Мученикам, взяли на себя труд по изданию этой книги на русском языке. Книга была автором переведена и в то же время переработана, исправлена и дополнена во всех мельчайших подробностях, согласно вновь полученным сведениям.

Все приведенные факты и выводы из них вновь проверены и исторически документально обоснованы.

В русском издании книга И. П. Якобия «Император Николай II и революция» является ценнейшим историческим трудом, обстоятельно и правдиво освещающим великую русскую трагедию, и необходимым для правильного понимания ее.

Издана книга лишь в количестве 500 экземпляров, и, нужно думать, что при выходе ее из печати большая часть тиража будет покрыта предварительной подпиской. Продажная цена по предварительной подписке назначена — 3 ам[ериканских] дол[лара] — 180 динар.

Мастерское чтение Н. М. Котляревского дало полностью возможность слушателям проникнуться и оценить высокую и вместе трагическую тему книги.

Образы Государя, Государыни, светлых чистых девушек, Великих Княжен, Отрока-Царевича Алексея явились перед мысленными взорами слушателей на столь недосягаемой высоте и крестный Их путь столь тяжелым и невыносимым для простого грешного человека, что всякому были по душе слова, которыми закончил свое чтение Н. М. Котляревский: «Ныне сооружается здесь в Брюсселе Храм-Памятник Царю-Мученику. Будем ве-

рить, что этот храм является лишь прообразом того величественного и искупительного Храма, который в недалеком будущем, весь русский народ воздвигнет на родной земле прославленным святым великомученикам Царю Николаю, Царице Александре и Святым Великим Княжнам и Отроку-Цесаревичу Алексею, — жизнь Свою за Россию положившим».

А. В.

Царский вестник. № 645. 6/19.2.1939. С. 2-3.

По поводу этого доклада было и другое сообщение:

25-го января Историко-генеалогическое общество в Брюсселе организовало доклад Н. М. Котляревского, посвященный книге И. П. Якобия «Император Николай II и революция», появившейся еще в 1931 г. на французском и португальском языках.

Н. М. Котляревский в своем докладе говорил о том, что в течение всего Царствования Императора Николая II, и особенно во второй его половине, ложь и клевета крепким кольцом окружили Государя, Императрицу и Царский Трон.

Всякое намерение, всякое действие Государя и Императрицы, сознательно или безсознательно, ложно освещались русским интеллигентным обществом и неправда о Царе и Царице широко распространялась по необъятным просторам Земли Русской в угоду страшным тайным силам, работавшим на низвержение Самодержавия и уничтожение Императорской власти в России.

Неправда о Царе и Царице постепенно распространялась и укреплялась в сознании русского интеллигентного общества, создался совершенно ложный образ Государя и Императрицы.

И несмотря на путь мученичества Государя и Императрицы, путь исповедничества, путь Христовой Голгофы, когда не только для заблуждавшихся, но и для лиц, предвзято настроенных против Государя и Императрицы, со всей яркостью выявилось все величие Их духа, глубокое исповедование Православной Веры, безпредельная любовь к Своему Отечеству и народу, непоколебимое мужество и крепкая твердая сила воли, несмотря на все эти качества, которые, конечно, не выявились у Царя и Царицы только ко времени отречения, а были Им всегда присущи, и несмотря на то, что наше русское интеллигентное общество начинает отрезвляться от февральского наваждения, страшного февральского угара, тем не менее правдивый образ Царя и Царицы в сознании русских людей не восстановлен.

Теперь трудами Н. М. Котляревского, В. В. Безобразова[65], Э. Н. Фричеро[66] и А. Н. Чебышева[67] выпускается книга И. П. Якобия.

Книга дает яркое изображение нравственного облика **Государя Императора Николая Александровича** и **Императрицы Александры Феодоровны**, величия Их духа, непоколебимой Их верности идеалам Святой Руси, безпредельной Их любви к Отечеству и к Русскому Народу и Их мученического Крестного пути.

Книга эта издана в ограниченном количестве экземпляров на личные средства с тем, что весь чистый доход от этого издания поступит, как пожертвование, на сооружение Русского Православного Храма в Брюсселе в память **Царя Мученика Николая II.**

Часовой. № 230. Брюссель. 1939. 20 февраля. С. 20.

СВ. ИОВ МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ, КАК ПРООБРАЗ РОССИИ

«У меня более чем предчувствие, что Я обречен на страшные испытания и что Я не буду вознагражден за них на этом свете».
Император Николай II

Простой Русский народ, тот многомиллионный молчаливый и смиренный народ, который на пространстве веков создал наше великое Отечество, всегда высоко чтил образ ветхозаветного праведника св. Иова Многострадального.

История древнего праведника, пострадавшего без всякой своей вины, лишь по происках врага человеческого рода, была для Русского народа как бы прообразом его собственной истории. Действительно, на пространстве веков, кажется, на долю ни одного народа не выпадало стольких испытаний, сколько выпало их на долю народа русского, сгустившись до самых последних пределов в наши дни.

В то же время величественный древний образ св. Иова мало что говорит русскому интеллигенту, ум и сердце которого были направлены совсем в иную сторону и который вообще весь Ветхий Завет начинал считать собранием давно устаревших басен, которые давным-давно пора отменить и заменить чем-то новым. Такие попытки, кстати сказать, возникают и у нас в эмиграции.

Однако в последнюю эпоху был в России Человек, для Которого Иов Многострадальный был прообразом Его собствен-

ной жизни и этот Человек был Император Николай II, Царь-Мученик, родившийся в день ветхозаветного праведного страдальца.

Когда несколько лет тому назад в Брюсселе несколькими благородными патриотами решено было соорудить храм в память Императора Николая II, то наш митрополит Антоний, за благословением которого обратились строители, просил их посвятить этот храм св. Иову Многострадальному, устанавливая тем духовную связь между народными упованиями и страдальцем Царем.

И вот ныне Брюссельский комитет, совершающий свое историческое дело, сооружение храма соединил с изданием книги И. П. Якобия «Император Николай II и революция». Это замечательная книга, — она по своему значению для России и для возрождения ее не сравнима ни с одной книгой, изданной после злосчастной революции и может быть поставлена лишь на один уровень с книгой судебного следователя Соколова, описавшего убийство Царской Семьи.

Книга И. П. Якобия, написанная без всяких прикрас, с неумолимой логичностью и объективностью раскрывает ту душевную трагедию и освещает тот Голгофский путь, которым прошел Император Николай II, принеся в истории міра величайшую искупительную жертву, какую только мог принести человек и Царь.

И. П. Якобий устанавливает, что Император Николай II, верный своей священной клятве, данной Им в день коронования, прошел всю жизнь страдальческим путем. Он очень легко мог добиться популярности в России, стоило лишь только Ему пойти навстречу русской общественности, безумно жаждавшей введения в России западноевропейского конституционного строя взамен самобытного русского православно-народного. Вот на наших глазах этот строй прогнил и доживает свои последние дни в Европе, а для России он и совсем был непригоден и мог просуществовать в тысячелетней стране только несколько месяцев, и Царь Своими человеческими руками, вопреки всем, должен был охранять и спасать русскую жизнь. При таких условиях, что бы Царь ни делал, все равно Он был не современным, был не угодным для развращенной *толпы*, желавшей только одного — духовной измены России. При этих условиях Царь должен был или страдать или изменить Своему призванию. И Он избрал первое.

«Мне не удается ничего, что бы Я ни предпринимал; у Меня нет удачи. Впрочем, воля человека так безсильна».

«У Меня более, чем предчувствие, что Я обречен на страшные испытания и что Я не буду вознагражден за них на этом свете. Сколько раз Я применял к Себе слова св. Иова: "Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне"».

«Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я буду этой жертвой. Да будет воля Божия».

Эти святые слова Царь-Мученик произносил свыше чем за 10 лет до 1917 года, и они вместе с другими такими же священными словами, произнесенными в мартовские дни 1917 года, должны быть выжжены на скрижалях русской истории и должны быть высечены золотом в том храме, который будет сооружен Императору Николаю II в России.

Великая искупительная жертва, с одной стороны, и, с другой стороны, — палачи.

Кто же эти палачи? Увы, это цвет русской интеллигенции, краса и гордость русской революции и затем уже общепризнанные злодеи большевики. Цвет русской интеллигенции — профессора, общественные деятели, военачальники.

Книга И. П. Якобия является тяжким обвинительным актом против тех, кто предал и погубил Императора Николая II. То, что написал И. П. Якобий, в общем было известно и раньше, но он сделал все выводы, подвел итоги и все назвал своими собственными именами, назвав сурово и безпощадно так, как должен делать беспристрастный историк. Он описывает главное и второстепенное, приводит много эпизодов, характерных для той безумной эпохи. Так, когда в Государственной думе было высказано открыто гнусное подозрение Императрицы в измене, в чем был причастен не один только Милюков, но и Председатель Государственной думы, то нашелся на всю Россию лишь один патриот, который в той же Думе и с той же трибуны прямо и открыто произнес по адресу ее Председателя тяжелые слова[68]. К кому по существу в исторической перспективе должны относиться эти слова? Конечно, ко всем тем, кто делал революцию. Но не о том наша речь.

И. П. Якобий устанавливает, что заговор о свержении Императора Николая II возник задолго до 2 марта 1917 года и что главные действующие лица заговора имели при этом в виду — убийство Императора Николая II или при самом низложении Его с Престола или вслед за этим в угоду революционной толпе по особому суду. Если в дни Временного правительства не был

устроен над Императором Николаем II суд, то только потому, что созданная для собирания обвинительного материала особая следственная комиссия не в состоянии была найти никакого обличительного материала. Если бы же этот суд мог бы состояться, то его смертный приговор был бы заранее предрешен, о чем поведал тогдашний министр юстиции благородному представителю русской адвокатуры Карабчевскому[69], вызвавшемуся быть защитником Императора Николая II и, кстати сказать, в своих воспоминаниях, вышедших в Риме* в 1921 году, впервые назвавшего Императора Николая II святым. Суд состояться не мог, и Император Николай II был отправлен в Сибирь. Те, кто отправляли Его туда, не могли не понимать, что они отправляют Его на казнь, которая раньше или позже, но непременно произойдет. Эта казнь должна была произойти за то, что Император Николай II был Русским Царем и за то, что Он был верен Своему царственному долгу. Также когда-то Спаситель был распят за то, что Он был Сыном Божиим и за то, что Его проповедь Царствия Божия не соответствовала воззрениям на жизнь и упованиям тогдашнего еврейского правящего класса, иначе смотревшего на жизнь и на призвание Мессии.

«Ведь, в сущности говоря, не было никаких оснований — ни формальных, ни по существу — объявлять Николая II лишенным свободы», — приводит автор книги слова тогдашнего общественного деятеля Набокова.

Во всяком случае, после книги И. П. Якобия нет уже никакой возможности делать различие между революцией февральской и октябрьской, между 2 марта 1917 года и 4 июля 1918 года. Все это одна непрерывная цепь преступлений, преступлений тяжких, каравшихся нашим законом смертной казнью.

Кроме этих ошеломляющих выводов, в книге И. П. Якобия можно еще найти много поучительных данных. Так, автор устанавливает, что заправилы русской революции изменили не только Царю, но также и историческим задачам России. Они искали поддержки в борьбе с Русским Царством у представителей иностранных государств и нашли эту поддержку ценой отказа от осуществления после войны исторических задач России и, в первую очередь, от проливов, даже в случае победоносного окончания войны. Так что напрасно называют одних только большевиков изменниками Родины и иностранными шпионами. Такими же, прямо или косвенно, оказываются

*В действительности, в Берлине. — *С. Ф.*

и те самые деятели февральской революции, которые с таким усердием искали измены во Дворце и не могли ее там найти. Разница лишь в том, что деятели февральской революции были щедро оплаченными иностранными представителями иных государств, не желавших тогда допускать осуществления национальных чаяний России из чувства конкуренции и добившихся этого через русскую революцию. Вот как кругом лжива и презренна эта революция и как соответствуют объективной действительности слова Императора: «Кругом измена, предательство и трусость»*.

И. П. Якобий также устанавливает, что знаменитые посланцы Государственной думы, вырвавшие от имени Русского народа отречение Императора, на самом деле на этот исторический шаг никем не были уполномочены и отправились в Псков по собственной инициативе, как самые обыкновенные разбойники, действующие за свой собственный страх и риск.

Эта замечательная книга на дальнейших страницах подробно, шаг за шагом, рассказывает о Царской Голгофе, и в короткой статье мы не можем исчерпать ее содержания. Пусть каждый Русский человек прочтет ее и ужаснется глубине русского падения и величию Царского подвига.

В заключение скажем об ее авторе, что это человек, не принадлежащий ни к каким партиям, человек высокой культуры, вполне независимый и его пером говорит лишь истина. Заканчивает он свою книгу такими словами:

«Будем верить, что памятник этот (Брюссельский храм) только прообраз того величественного искупительного храма, который весь Русский народ воздвигнет на родной земле Святому Благоверному Царю Николаю, Святой Благоверной Царице Александре и Детям Их, жизнь Свою за Россию положившим».

Ник. РКЛИЦКИЙ

Царский вестник. № 657. 1/14.5.1939. С. 1-2.

Первыми ударили, как и следовало ожидать, корниловцы. Командир этого полка, полковник И. М. Кондратьев[70] разослал свое письмо в различные эмигрантские издания. Первым напечатал его «Галлиполийский вестник»[71]. Приводим лишь начало письма. Окончание его (в виде отдельного письма), напечатанное через несколько дней (23 июня) в парижской газете «Возрождение», мы помещаем ниже.

*Точные слова: «Кругом измена и трусость, и обман». — *С. Ф.*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М[илостивый] г[осударь].

Не в целях полемики, а исключительно ради восстановления истины, прошу не отказать поместить настоящее письмо на страницах Вашего уважаемого органа.

В недавно вышедшей книге (*И. П. Якобий.* Император Николай II и революция. Изд. 1938 г.) автор помещает нижеследующие данные:

На стр. 198 — «...Пока Временное правительство распространяло слухи о скором отъезде Царской Семьи заграницу, оно, в то же время, деятельно готовилось к аресту Государя и Императрицы. Но надо было найти подходящих людей для этого преступного дела и 3 марта генерал Корнилов был назначен командующим войсками Петроградского военного округа. На него и возлагалась обязанность арестовать Императрицу среди Ее больных Детей. Этот генерал, прославившийся бегством из австрийской крепости во время войны, страдал болезненным самолюбием: оно его и бросило в объятия революции. Как только победил мятеж, генерал Корнилов восторженно приветствовал новый режим, хвалясь при этом своим крестьянским происхождением. Впоследствии он дал еще доказательство своей верности революции, собственноручно приколов Георгиевский крест к груди унтер-офицера Л.-гв. Волынского полка Кирпичникова, убившего 27 февраля прямого своего начальника — заведующего учебной командой того же полка капитана Лашкевича... (*В. Н. Воейков.* С Царем и без Царя. С. 280[72])...»

Там же на стр. 235 мы читаем: «...5 марта около полуночи ко Дворцу подъехал автомобиль, из которого вышли несколько военных и бородатый нахмуренный штатский. На всех были огромные банты из красных лент, признак революционной благонадежности. Бородатый человек объявил, что он новый военный министр Гучков; генерал, сопровождавший его, представился, как новый главнокомандующий войсками Петроградского округа Корнилов»... И дальше: «...Три дня спустя снова появился генерал Корнилов, на этот раз без Гучкова. Приехал он 8 марта, в четверть одиннадцатого утра с пятью офицерами и военным комендантом Царского Села и приказал о себе доложить Императрице. Императрица приняла генерала с его свитой наверху, в детских комнатах, стоя. Вся эта революционная ватага казалась весьма смущенной перед одинокой женщиной в платье сестры

милосердия, только что наклонявшейся над кроватью Своих больных Детей. Черное, постыдное дело, которое они совершали, быть может, на мгновение смутило их сердца. У некоторых из этих офицеров показались слезы стыда на глазах, а сам герой австрийского плена, растерянный, взволнованный, сказал прерывающимся голосом...» и т. д. Затем... «Генерал Корнилов, как и все прислужники революции, обманывал: в это время, как мы уже говорили, готовили следствие и суд над Монархами».

Итак, г. И. Якобий с иронией отзывается о ген. Корнилове, как о «герое австрийского плена», и считает его человеком — «подходящим для преступного дела». Остается только пожалеть, что г. Якобий и до сего времени не научился ценить своих национальных героев, каковым в те времена был (и остался!) ген Корнилов [...]

Уважающий Вас

Полковник КОНДРАТЬЕВ

Галлиполийский вестник. № 72. 1.6.1939. С. 24-26.

Корниловцев поддержал довольно странный, на первый взгляд, «дуэт» — милюковские «Последние новости» и... генерал А. И. Деникин. Впрочем, странным он был лишь для людей не сведущих.

ГЕН. ДЕНИКИН И ПАВЕЛ МИЛЮКОВ

В 2-м номере выходящего в Париже журнала «Сигнал»[73] — органа Русского национального союза участников войны, помещен за подписью капитана А. А. Петрова отчет о докладе генерала А. И. Деникина. Этот отчет свидетельствует о том, какое отвращение вызывает все больше в русских людях деятельность Милюкова и возглавляемого им печатного органа. Приводим из этого отчета некоторые выдержки.

«Зал Плейель переполнен еще задолго до начала заседания. Прежние соратники-добровольцы пришли послушать своего бывшего Главнокомандующего на юге России. Бросается в глаза отсутствие молодежи. — В первых рядах кресел сидят представители печати. Что таить грех: очень мало русских лиц. Вот прибыл П. Н. Милюков с огромным штабом и почти взводом охраны. Любят почет демократы!.. Генерал Деникин, как бы к нему не относиться, является прямым, честным и чистым человеком. В этом секрет его обаяния. Но в нем есть что-то от мечтателя-интеллигента: любовь рядиться в белые ризы принципиального патриота и привычка к политико-идиллическим формулам.

Эта склонность привела почтенного генерала к участию в еврейской газете «Последние новости», издающейся, как ни странно, все еще на русском языке. Мы не виним и не корим этим А. И. Деникина... Ведь многим пришлось же, хотя и вынужденно, временно войти в большевизанский СЖТ!.. Но все же не скроем нашего недоумения: какая «непреодолимая сила» толкнула генерала в объятия политических трупов из республиканско-демократического объединения? Что общего у бывшего Главнокомандующего белых армий с газетой, которая всегда травила и травит эти армии?.. Мы совсем не противники генерала Деникина. Он наш бывший Главнокомандующий, во-первых; уважаемый и честный человек, во-вторых, и не..... листку с его подголосками, типа Вакара[74] и К° забить клин между старыми фронтовиками міровой и гражданской войны. А. И. Деникин — какой бы он ни был — "наш" а "вакары" — никогда "нашими" не были и не будут».

Возрождение. № 4069. 13.3.1937. С. 8.

Но вернемся к основной теме нашего повествования...

ПИСЬМО ГЕН. ДЕНИКИНА
Наталии Лавровне Корниловой-Шапрон[75] по поводу книги г. Якобия «Император Николай II и революция»

М[илостивый] Г[осударь],
Господин редактор!

По просьбе дочери ген. Корнилова Наталии Лавровны Корниловой-Шапрон, не откажите в любезности поместить в Вашей уважаемой газете полученное ею от ген. Деникина прилагаемое при сем письмо.

Председ. правления Союза участников
1 Куб[анского], ген. Корнилова похода
ген.-лейт. КАЗАНОВИЧ

Париж, 30.5.[19]39.

Многоуважаемая Наталия Лавровна

Я вполне понимаю ту горечь, которую доставило Вам чтение книги Якобия — «Император Николай II и революция». Понимаю и разделяю Ваши чувства, как, без сомнения, разделит их большинство читателей — русских воинов и русских людей вообще, чтущих память генералов Корнилова и Алексеева, вся жизнь которых посвящена была верному служению России, и которые первыми восстали во имя спасения ее от большевицкой напасти.

Я не собираюсь давать общую оценку книги Якобия. Скажу только, что облик Государя и Его Семьи, в смысле высокого патриотизма и душевной чистоты, установлен в последнее время прочно безсмертными историческими документами. И совершенно непонятно, зачем г. Якобию понадобилось для этой цели прибегать еще и к однобоким, узко-партийным оценкам, к сомнительным свидетельствам и к опорочению покойных наших вождей. Эта тенденция г. Якобия помешала ему понять всю сложную душевную драму русских патриотов в первое время революции и привела к создавшемуся весьма печальному недоразумению.

Якобию неизвестна, оказываеся, и славная боевая деятельность генерала Корнилова в японской и міровой войне. Вся оценка этой деятельности у него укладывается в одной иронической фразе: «этот герой австрийского плена»...

По определению Якобия, генерал Корнилов «страдал болезненным самолюбием, которое и бросило его в объятия революции»... Поэтому, мол, когда «Временному правительству — как сказано в книге — надо было найти подходящих людей для преступного дела (ареста Императрицы), 3-го марта ген. Корнилов был назначен главнокомандующим Петроградского военного округа... На него и возлагалась обязанность арестовать Императрицу среди Ее больных Детей»...

Это — неверно.

Генерал Корнилов был вызван с фронта в Петроград 2 марта, перед вступлением во власть Временного правительства, телеграммой председателя Временного комитета Государственной думы Родзянко — человека, как известно, не обладавшего ни в малейшей степени характером российского Марата. Вызван был не для «углубления», а для обуздания революции. Временный комитет просил ген. Корнилова принять на себя власть главнокомандующего «во имя спасения родины... для установления полного порядка и спасения столицы от анархии». Зачем, спрашивается, было бы вызывать для такого дела ген. Корнилова, когда, при тогдашних настроениях и соотношениях сил, его можно было поручить любому «товарищу»; когда сам же Якобий, противореча себе, тут же рядом говорит, что для ареста Государя в Ставку посланы были члены Думы «из самых неизвестных и малоуважаемых»...

Комментариями, которые нельзя назвать иначе, как злобными, сопровождается в книге весь рассказ об аресте генералом Корниловым Императрицы. Хотя, если даже принять на

веру изложение Якобия, всякому непредубежденному человеку становится ясным, что ген. Корнилов выполнил свою миссию с тяжелым душевным чувством и с высоким тактом. Так оно и было. Лавр Георгиевич говорил мне впоследствии, что взял на себя это тягостное поручение исключительно с целью оберечь Государыню от возможных унижений со стороны представителей революционной демократии, и что Государыня так это и поняла, высказав ему Свое удовлетворение.

Якобий говорит: «Оставшись наедине с Императрицей, Корнилов стал смущенно уверять Императрицу, что арест Ее решен был правительством для Ее же безопасности, и что вскоре всю Семью увезут в Англию»... И комментирует: «Ген. Корнилов, как и все прислужники революции, обманывал». Нет, ген. Корнилов не обманывал. Обманывает кто-то другой. Ибо, как бы не относиться к Временному правительству и искренности тех или других его членов, нельзя отрицать тот безспорный факт, что на первых же заседаниях правительства действительно состоялось решение отправить Царскую Семью заграницу и министр иностранных дел тогда же вошел в сношение по этому поводу с английским послом Бьюкененом. Ген. Корнилов знал об этом решении и тогда не имел оснований ему не верить.

Неудивительно, что версия Якобия, основанная на «неопубликованном дневнике гр. Апраксина», совершенно расходится с заключением обстоятельного расследования, произведенного в свое время, по поручению адмирала Колчака, ген. Дитерихсом и следователем Н. А. Соколовым. В известной своей книжке — «Убийство Царской Семьи», на основании единодушных показаний свидетелей, Соколов удостоверяет, что ген. Корнилов при аресте Государыни держал себя с большим достоинством и встретил полное доброжелательство с Ее стороны. Император и Императрица высоко ценили Корнилова, как боевого генерала и патриота.

И когда впоследствии «Керенский объявил Корнилова изменником России, и Государь узнал об этом, Он выражал Свое глубокое негодование и возмущение за Корнилова».

Такое же злобное отношение, как к Вашему покойному отцу, Якобий проявляет и к ген. Алексееву, называя его участником заговора, имевшего целью свержение Государя. Какие же доказательства приводит он? Давно известные утверждения, в основе которых нет ни одного безспорного факта, а лишь домыслы, свидетельства анонимов, трюкованные большевиками «дневники» Лемке, составленные явно пост-фактум, вздорные слухи и

неподдающиеся проверке разговоры. В предвзятом освещении автора заподозривается даже тяжкая болезнь ген. Алексеева (уремия), припадки которой, доводившие до его до безсознательного состояния, я сам наблюдал весною 1917 года, и которая свела его в могилу в следующем году. (По поводу поездки ген. Алексеева для лечения в Крым в конце 1916 года). Каким материалом пользуется Якобий для своих умозаключений, можно видеть хотя бы из такого эпизода.

В книге приведено «убийственное», по словам Якобия, для ген. Алексеева «свидетельство гр. Апраксина», который поведал, будто 5-го октября 1916 года ген. Николай Иудович Иванов рассказывал ему, как «Алексеев предлагал ему — Иванову — войти в заговор»... И когда Иванов отказался — пишет Якобий со слов гр. Апраксина — «то Алексеев, дабы предупредить доклад об этом Государю, сам тотчас же отправился к Нему и сумел очернить ген. Иванова, представив его в облике какого-то беззастенчивого клеветника»...

Я хорошо знал обоих генералов. Я уверен, что всякий хоть немного знакомый с их характером и взаимоотношениями, с замкнутостью Михаила Васильевича и старческой безпомощностью, к тому времени, Николая Иудовича, не может придать никакой веры этой нелепой и абсолютно неправдоподобной истории. Но приведенный эпизод имеет еще и другую сторону, на которую не пожелал обратить внимание историк — Якобий... Если гр. Апраксин — приближенный Государыни, Ее гофмейстер — узнал о заговоре еще 5-го октября 1916 года, т. е. за пять месяцев до событий, то как реагировал он на это обстоятельство? И впоследствии — как проявилась его заботливость о Царской Семье во время пленения Ее в Александровском дворце?

В эмигрантской литературе о русской смуте вынесено немало приговоров и оценок — правдивых и безпристрастных, немало — легкомысленных, несправедливых или заведомо ложных. С одними можно соглашаться, другие оспаривать, третьи — просто презирать.

Но в данном случае наветы на генералов Корнилова и Алексеева приобретают особое значение, благодаря привходящим обстоятельствам...

В Брюсселе построен Храм-Памятник — «в память Царя-Мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных». В Храме устанавливаются «памятные доски» с именами убитых и умученных большевиками. Воззва-

ния комитета по сооружению Храма представляли его, как «общеэмигрантское патриотическое начинание»: как «символ общей братской могилы, где соединены в общих страданиях, в общей смерти, в общей "вечной памяти" все жертвы страшного лихолетия, начиная от Царя-Мученика». Сборы велись по всей эмиграции, и доброхотные даяния несли люди самых разнообразных оттенков политической мысли. Свои лепты вносили и Добровольцы, в частности корниловцы и алексеевцы, и многие другие, чтущие память и Государя-Мученика и покойных вождей. Добровольческие части приступили к сооружению «памятных досок» своим шефам и соратникам...

Могла ли им прийти в голову мысль, что члены комитета по постройке Храма, для усиления средств, займутся изданием и распространением книги Якобия, порочащей столь чтимые ими имена?

В отчете об одном собрании, на котором председатель и члены комитета по сооружению Храма знакомили присутствовавших с книгой Якобия, сказано, что «все приведенные в ней факты и выводы из них проверены и исторически документально обоснованы».

Кем проверены, какими научно-компетентными силами — неизвестно.

А как обоснованы — примеры тому я приводил выше. На том же собрании один из членов комитета и осведомителей Якобия, гр. Апраксин, заявил, что «ценнейший исторический труд Якобия... является неким вторым письменным памятником Царственным Мученикам»...

Сравнение — весьма тягостное.

Таким образом, вокруг Храма-Памятника, которому довлеет быть «символом братской могилы», лица, взявшие на себя труд издания и распространения книги Якобия, создают низменную атмосферу политиканства, низводя и душевный порыв тысяч жертвователей, и самую идею «общерусской печали и общерусского страдания» на степень сведения политических счетов с инакомыслящими.

В этом именно я вижу самую печальную сторону происшедшего. Что же касается памяти Вашего покойного отца, то никакие Якобии очернить ген. Корнилова не могут. История отметит те или иные его ошибки — кто не ошибался, — но воздаст должное человеку, восставшему за поруганную Родину и своею смертью запечатлевшему беззаветное служение ей, в то время, когда столь многие умывали руки, выжидали и прятались.

Возникшее прискорбное недоразумение не кончено, и к нему придется еще, по-видимому, вернуться. Пишу для Вашего душевного успокоения. Но ничего не буду иметь против, если Вы предадите письмо это гласности.

Уважающий Вас

А. ДЕНИКИН

Русский голос. № 428. 18.6.1939. С. 2-3.

ГЕН. А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ И ВОЖДИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ (История одной «исторической» книги)

В военной эмигрантской среде немалое волнение. Виновником горячих споров и разыгравшихся страстей является на этот раз не г. И. Солоневич[76], а сам ген. А. А. Архангельский[77], председатель РОВСа.

Весь сыр-бор загорелся в связи с появлением недавно «исследования» историка-самоучки г. И. П. Якобия, «Император Николай II и русская революция». Книга эта сама по себе настолько незначительна и бездарна, что не заслуживала бы простого упоминания. Тенденциозная компиляция, односторонний подбор материалов имели единственную задачу — безоговорочный панегирик трагически погибшему Царю. Незадачливый историк в оценке событий обнаруживает полную беспомощность, а его «историософия» дальше «жидомасонства» не идет. Герой автора — пресловутый Н. Е. Марков!

Кем и для каких целей выпущена на свет эта пародия на исторический труд?

В Брюсселе возник, под покровительством «Августейших Особ», «Комитет по сооружению русского православного храма в память Царя-Мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой властью в смуте убиенных». Председателем этого комитета состоит Николай Котляревский, а одним из членов — ген. А. А. Архангельский. Комитет заказал монографию, посвященную Николаю II, г-ну И. П. Якобию. Весь чистый доход от продажи книги поступит в распоряжение комитета.

Выполняя это непосильное для него поручение, Якобий позволил себе дать совершенно недопустимую характеристику таким русским патриотам, как ген. Л. Г. Корнилов и М. В. Алексеев. Попытка морально опорочить основателя Добровольческой армии не могла, конечно, не вызвать протеста. [...]

Этот пасквиль появился в свет с несомненного благословения... ген. А. Архангельского, члена комитета и в этом качестве, конечно, имевшего возможность ознакомиться с книгой в рукописи.

Трудно оспаривать ответственность в этом деле председателя РОВСа, официально продолжающего заветы и традиции основоположников антибольшевицкой борьбы.

Даже в кругах законопослушных членов РОВСа странная роль главы этой организации не могла не вызвать возмущения. Насколько нам известно, 8 июня в Галлиполийском обществе собирались корниловцы, обсуждали формы протеста. Предстоит ряд других собраний. Пикантность положения усиливается тем обстоятельством, что комитетом по постройке храма были пущены среди членов РОВСа подписные листы для сбора средств.

Нечего добавлять, что еще большее негодование охватило круги старых добровольцев.

Таков плод беззастенчивой деятельности ультра-реакционных элементов русской эмиграции, в своем — post factum — усердии перешедших всякие пределы приличия.

А. А.

Последние новости. № 6651. 13.6.1939. С. 2.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Милостивый государь, господин редактор!

При сем препровождаю Вам письмо командира Корниловского ударного полка с покорнейшей просьбой его напечатать в Вашей уважаемой газете. Письмо это выражает общее всем корниловцам возмущение, как по поводу клеветнических писаний г. Якобия о нашем чтимом шефе ген. Корнилове, так и по поводу обстоятельств, связанных с распространением этих писаний.

В дополнение к этому письму считал бы полезным довести до сведения русского общества некоторые настроения, проявившиеся в корниловской среде, — общие большинству чинов полка.

Все корниловцы искренне и от души сочувствуют идее сооружения Храма-Памятника Царю-Мученику и всем в смуте убиенным. Мысль объединить, как бы в символической братской могиле, первую жертву революции — Государя Императора — со всеми, положившими свои жизни за Отечество в лихолетие, в том числе и с 7300 офицерами, погибшими в составе Корниловского ударного полка, встретила глубокий отклик в сердцах корниловцев. Это свое сочувствие идее Храма-Памятника кор-

ниловцы доказали и сборами средств на сооружение Храма, и готовившимся проектом сооружения в Храме поминальной доски с именами корниловцев, в смуте убиенных, во главе с именем генерала Л. Г. Корнилова.

Вопреки существующему в части общества представлению, настроения подавляющего большинства чинов полка явлены были той радостью и тем подъемом, с которым корниловцы встретили объединение русских людей вокруг Главы Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича.

Корниловцы остаются верными заветам их любимого шефа, генерала Л. Г. Корнилова, первого поднявшего знамя борьбы против революции в 1917 году. Того генерала Корнилова, который объявил Керенского государственным изменником, который вывел в Первый поход Добровольческую армию, который первый начал действия, спасшие честь России. Это свое служение, эту свою борьбу ген. Корнилов продолжал до смерти. Не нам судить о том, что считал ген. Корнилов правильным или неправильным для этого своего служения, в первые дни общего безумия революции. Тем более, не должны были бы судить те, кто первыми обязаны были начать действия для спасения основ государства и Императорского Трона, — а вместо этого оказались в небытии.

Какой русский националист имеет право писать историю генерала Корнилова, когда на его могиле не поставлен еще крест.

Уважающий Вас:

Начальник группы корниловцев.

М. г., г. редактор!

Не в целях полемики, а исключительно ради восстановления истины, прошу не отказать поместить настоящее письмо на страницах Вашей уважаемой газеты.

В недавно вышедшей книге И. П. Якобия «Император Николай II и революция», издания 1938 года, автор с иронией отзывается о ген. Корнилове, как о «...герое австрийского плена», и считает его человеком «...подходящим для преступного дела». Остается только пожалеть, что г. Якобий и до сего времени не научился ценить своих национальных героев, каковым в те времена был (и остался) генерал Корнилов, награжденный за свой легендарный побег орденом Святого Великомученика Георгия 3-й степени. По-видимому, Августейшая Мученица* более чут-

* В оригинале «ученица» [sic!]. — *С. Ф.*

ко отнеслась к душевной трагедии ген. Корнилова, вынужденного* выполнить постановление Совета министров об аресте Императрицы, ибо в «Очерках Русской Смуты» генерала Деникина мы читаем (т. 1, вып. 1, с. 57):

Выполнение постановления Вр. правительства возложено было на ген. Корнилов, что впоследствии не могли ему простить ортодоксальные монархисты. Как странно: Александра Феодоровна после объявления Ей об Ее аресте высказала удовлетворение, что это было сделано славным ген. Корниловым, а не кем-либо из членов нового правительства...

Да, г. Якобий, бегство Корнилова из австрийского плена, равно как и предшествовавшая ему служба в мирное и военное время, сделала его «славным генералом», что и было достойно оценено русскими монархами.

Обстановка ареста Императрицы «революционной ватагой», делавшей «свое черное постыдное дело», в описании Н. Соколова выглядит несколько иначе. В своей книге — «Убийство Царской Семьи» (изд. «Слово», 1925 г.), на стр. 10-й, он пишет: «... При этом аресте присутствовало только одно лицо — новый начальник Царскосельского караула, полковник Кобылинский[78]. Государыня приняла их в одной из комнат детской половины. Корнилов сказал Ей: "Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить Вам постановление Совета министров, что Вы с сего часа считаетесь арестованной". После этих кратких слов Корнилов представил Государыне Кобылинского. Затем он приказал ему удалиться и оставался наедине с Ней около пяти минут. Свидетели, осведомленные об этом от Государыни и Детей, показали, что, оставшись с Императрицей наедине, Корнилов старался успокоить Ее и убеждал, что Семье не грозит ничего худого». Г. Якобий уверяет, что, успокаивая Государыню, «Корнилов, как и все прислужники революции, обманывал».

Мы утверждаем, что ген. Корнилов, этот прямой и честный солдат, ни при каких обстоятельствах не пошел бы на обдуманный обман и заведомую ложь. И если он успокаивал Государыню, то только лишь потому, что сам был уверен, что Императорской Семье не грозит никакая опасность. Надеемся, что г. Якобий помнит, что переговоры с английским правительством о приеме Царской Семьи действительно велись. Характеристика Корнилова, как генерала, страдавшего «болезненным самолюбием», в результате коего он и «бросился в объятия революции», «восторженно приветствуя новый режим», — совершенно не от-

* Кем же? — *С. Ф.*

вечает нравственному облику этого сурового воина, действительно крестьянского происхождения[79] и безмерно любившего свою Родину. Не знаем, носили ли г. Гучков и другие красные банты, что же касается ген. Корнилова, то он никогда и ни в каких случаях сего знака «революционной благонадежности» не носил, даже и в тех случаях, когда он по тем временам подвергал себя смертельной опасности, во исполнение своих служебных обязанностей, появляясь в казармах для приведения частей в порядок, — как, например, в Финляндском гвардейском полку или когда он ездил к кронштадтским матросам. Приписываемый ему «факт» награждения Георгиевским крестом ун[тер]-оф[ицера] Кирпичникова является уже чистейшей ложью. Этого убийцу награждал не ген. Корнилов, а следующий за ним командующий войсками Петроградского округа — Кузьминский[80].

Генерал Корнилов активного участия в революции не принимал и находился со своим корпусом на фронте. С оставлением же поста главнокомандующего Петроградского военного округа в мае месяце и, приняв 8-ю армию, с места становится на путь борьбы с Временным правительством, предъявляя ему ультиматум во имя сохранения армии и для спасения горячо любимой им Родины.

Свою жертвенную любовь к Родине, к каковой он, в свою бытность верховным главнокомандующим, призывал весь русский народ и нас, офицерство, генерал Корнилов доказал не писанием мемуаров и воспоминаний, а своим служением ей своею, не раз пролитою за нее кровью и своей смертью.

Беспристрастный историк отдаст каждому по заслугам. Мы же, носители славного и дорогого нам имени Корнилова, просим одного: хотите писать о ген. Корнилове — пишите, но пишите честно, пишите правду.

Что же больше всего поражает и оскорбляет семью корниловцев, а вместе с нею, уверен, и всех наших соратников, так это то обстоятельство, что рекламирование и распространение пасквиля г. Якобия взял на себя... Комитет по увековечению памяти Царя-Мученика и всех жертв, погибших в русской смуте — с благой целью пополнения фонда сооружения Храма-Памятника в Брюсселе. Нас глубоко возмущает неразборчивость в средствах русской общественной организации, созданной для выполнения большого и святого русского дела, но пытающейся «увековечить» память жертв русской революции... очернением имени одной из первых и видных этих жертв. Приняв от автора его труд,

как «ценный вклад в историю, с полной правдивостью освещающий события революционных годов», и содействуя его распространению среди эмиграции (в том числе и среди тех, кто шел за генералом Корниловым), комитет своим поступком, как бы санкционирует утверждения г. Якобия, представляющего ген. Корнилова в роли «прихвостня революции», и тем самым принимает на себя моральную ответственность за ложь и клевету, распространяемые его содействием.

Такое необдуманное действие комитета заслуживает глубокого порицания со стороны всех русских патриотов.

Уважающий Вас

Полковник ***КОНДРАТЬЕВ***

Возрождение. № 4189. 23.6.1939. С. 13.

КНИГА И. П. ЯКОБИЯ «ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И РЕВОЛЮЦИЯ» И ГЕНЕРАЛ КОРНИЛОВ

Появившаяся недавно в русском переводе книга И. П. Якобия «Император Николай II» рисует в необыкновенно трогательных и ярких тонах светлый облик Государя Императора и Его Августейшей Семьи и, свидетельствуя о чрезвычайной преданности Государя Императора России, Его верности до конца, не щадя ни Себя, ни Своей Семьи, Своему долгу и о чисто христианских кротости и терпении, с которыми Он и Его Семья переносили выпавшие на Их долю страдания, — является настоящим памятником Царственным Мученикам.

Вместе с тем, эта книга резко бичует всех тех, кто, по мнению автора, виновен в подготовке и возникновении революции, в содействии и служении последней.

Подверглись порицанию автора и награждены обидными эпитетами, в числе других, и лица, приобретшие ныне славу национальных героев, и кои, подняв первыми знамя борьбы против большевицкой власти, создали Белое Движение, и тем спасли честь России, а иные из них запечатлели при этом преданность Родине и своей жизнью.

В числе опороченных оказался и ген. Корнилов. Ген. Корнилов, как и другие лица, вошел в историю, и каждый может иметь о нем то или иное суждение. Но Зарубежное Русское Воинство вправе ожидать от русских людей более бережного отношения к нашим героям, в числе коих генерал Корнилов по праву стоит на первом месте, и не может не протестовать, когда эти сужде-

ния, основанные, быть может, на недостаточно точных данных, неверно изображают нравственный облик данного лица.

Хорошо зная ген. Корнилова и лично, с младших чинов (я его однокурсник по Академии Генерального штаба), и в силу своего служебного положения, как дежурный генерал Главного штаба, считаю долгом внести некоторые поправки в характеристику ген. Корнилова, данную ему г. Якобием, и пояснить, как и почему он был назначен Главнокомандующим войсками Петроградского военного округа.

1) Г. Якобий обвиняет ген. Корнилова в том, что, «говоря Государыне Императрице, что Ее и всю Семью увезут в Англию, — он обманывал Государыню, как и все "прислужники революции"».

Никаких доказательств того, что ген. Корнилов обманывал или не обманывал Государыню — нет и быть не может — ибо никто не обладает даром читать в сердцах, а документов, подтверждающих то или иное предположение, нет. Но мы все знаем, что ген. Корнилов был прямой и честный солдат, с независимым, прямым характером, и всегда высказывался резко и определенно, не заботясь о производимом им впечатлении. Ко лжи или даже к простым дипломатическим увертками он был совершенно неспособен. Вся его служба подтверждает это. Потому все, лично знавшие ген. Корнилова и его прямоту, отлично отдают себе отчет, что по свойству своего характера ген. Корнилов *никак не мог бы* солгать Государыне, и если он сказал Ей о предстоящем увозе Царской Семьи, то только потому, что сам этому верил. Нельзя забывать, что в это время — 8 марта — верило в то и большинство членов Вр. правительства.

2) Комментарии г. Якобия к сцене, когда ген. Корнилов объявил Государыне Императрице постановление Вр. правительства об аресте, оставляют тягостное и невыгодное для ген. Корнилова впечатление. Но, если эти комментарии откинуть, а взять описание г. Якобием только фактической стороны дела, то нельзя не признать, что ген. Корнилов выполнил возложенную на него обязанность и с тяжелым сердцем и в весьма почтительных тонах, без каких-либо обидных для Ее Величества выходок.

Необходимо отметить, что Государыня Императрица Сама оценила ген. Корнилова, сумевшего смягчить, насколько он мог, тягостный удар, и сказала ему: «Я рада, что именно Вы, генерал, объявили Мне об аресте, так как Вы сами испытали весь ужас лишения свободы» (см. статью гр. П. Апраксина: «Новое время» 17 марта 1922 г. № 268).

Эти слова показывают, что Государыня Императрица нисколько не винила ген. Корнилова в том, что на его долю выпала столь тяжелая обязанность, и что Она верила, что Корнилов сделает все для смягчения «ужаса лишения свободы».

Ген. Корнилов лично мне говорил в апреле или мае 1917 г., как ему была тягостна выпавшая на его долю обязанность объявить Государыне Императрице об аресте, и что если бы он мог предвидеть, что ему придется это делать, то он не согласился бы на назначение Главнокомандующим войсками Петр[оградского] в[оенного] округа[81].

Нельзя, однако, не признать, что он сделал все от него самого зависящее, чтобы облегчить положение Царской Семьи. Это, между прочим, доказывается выбором лиц, назначенных в Царское Село — полковника Кобылинского и ротмистра Коцебу[82]. И. П. Якобий сам свидетельствует о том, как много эти лица сделали для облегчения положения Царственных Узников. Назначение это могло быть сделано только при ближайшем участии ген. Корнилова.

3) Г. Якобий говорит, что, распространяя слухи о скором отъезде Царской Семьи, Вр. пр[авительство] деятельно готовилось к Ее аресту, и что ген. Корнилов был назначен 3 марта на должность Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа потому, что «надо было найти подходящих людей для преступного дела ареста Государя и Императрицы».

Выбор ген. Корнилова на должность Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа состоялось *еще 2 марта, до отречения Государя Императора и до образования Вр. правительства* — уже одно это свидетельствует об ошибочности выводов г. Якобия о причинах назначения ген. Корнилова.

С своей стороны я, как занимавший тогда должность дежурного генерала Главного штаба, с полной категоричностью заявляю, что ген. Корнилов был указан Главным штабом для этого назначения *исключительно* как лицо, которое по своему характеру, твердой воле и по своей тогда уже популярности в армии, могло успешнее других справиться с разнуздавшимся гарнизоном Петрограда, командовать которым после появления пресловутого приказа № 1 было особенно трудно[83].

Необходимо упомянуть, что совет рабочих и солдатских депутатов встретил назначение ген. Корнилова очень враждебно, считая его контрреволюционером и опасаясь его решительных действий.

Прибыв в Петроград, ген. Корнилов попал в несвойственную ему, прямому, суровому и честному солдату, обстановку, и, с его слов, я знаю, как он тяготился ею, и как ему было трудно работать, особенно в виду неизбежности для Вр. правительства, а, значит, и для него, так или иначе считаться с советом раб. и солд. депутатов. Нежелание и невозможность для него подчинить свои приказания контролю совета р. и с. депутатов и заставили его покинуть свой пост[84].

4) Г. Якобий говорит, что ген. Корнилов «бросился в объятия революции и был ее прислужником». На это можно указать, что все дальнейшее поведение ген. Корнилова, его борьба с Вр. правительством, а, затем, с большевиками, ясно показало, что Корнилов был предан не делу революции, а России и только России.

Конечно, ему, как и всем служившим тогда в армии, приходилось, особенно имея в виду продолжавшуюся войну, считаться с фактом революции — «приять революцию», как принято говорить, но он «приял ее» не во имя самой революции, не как «ее прислужник», а лишь для того, чтобы успешнее бороться за Россию — все его действия, поступки определялись именно этой целью.

Нельзя забывать, что имя ген. Корнилова ни в каких записках, воспоминаниях, документах и пр. не встречается среди лиц, подготовлявших революцию.

Ген.-лейт. АРХАНГЕЛЬСКИЙ.

Брюссель.
10 июня 1939 г.

Русский голос. № 429. 25.6.1939. С. 2-3.

Этот отзыв генерала А. П. Архангельского воспроизводился не раз на страницах эмигрантской прессы. В «Галлиполийском вестнике» он сопровождался следующим редакционным примечанием:*

Изложенное генералом Архангельским и вносящее фактические поправки к содержанию книги Якобия, в которой порочатся святые для нас имена Основоположников Белого Движения, представляет собой большую ценность, и, самое главное, авторитетность. Едва ли сама по себе книга Якобия и источники, которыми он пользуется, заслужили подобного внимания...

Но это выступление генерала Архангельского, естественно, заключает в себе и известное осуждение действия Комитета, при-

* Галлиполийский вестник. № 73. София. 1939. 1 июля. С. 14-17; Часовой. № 238-239. Брюссель. 1939. Июль. С. 30-32.

нявшего доход от издания этой книги для прекрасной цели — увековечения памяти Государя и всех погибших и замученых в смуте, в числе которых находятся и генералы Алексеев и Корнилов, к которым, как пишет генерал Архангельский:

«Зарубежное Русское воинство вправе ожидать от русских людей более бережного отношения»...

Будем надеяться, что названный Комитет (заседание которого, как мне известно, задерживается из-за отсутствия в Брюсселе председателя его) пересмотрит свое отношение к книге г. Якобия.

Отношение же генерала Архангельского к Белому движению и к его вождям, благоговейную память к которым генерал всегда подчеркивал, чинам РОВ Союза достаточно хорошо известны и не нуждаются ни в подтверждении, ни в чьей-либо защите.

Книгу г. Якобия я не читал и читать не буду. Для меня, как и для всех тех, кто шел за генералами Алексеевым и Корниловым в Добровольческую армию, память о них не только воспоминание о некотором этапе нашей жизни, отошедшем в прошлое, а напоминание о неоконченности борьбы с большевиками, начатой этими двумя чистыми русскими патриотами. Оно является идейным содержанием всей нашей жизни.

Генерал Алексеев — зажегший светоч в начале 1918 г., который и доныне нам служит путеводной звездой среди охватившей тогда Россию тьмы. Генерал Корнилов — поведший в неравную борьбу с революционной стихией горсть добровольцев, разросшуюся впоследствии в громадное Движение, которое, мы уверены, в конце концов, победит.

Для нас — это всё.

Книга г. Якобия в той части, которая касается описания деятельности и характеристик генералов Алексеева и Корнилова в эпоху революции, глубоко возмутительна, что и ощущается всеми, для которых Белое движение не пустой звук. Это возмущение испытываю и я, как имеющий честь носить имя алексеевца и преемственно возглавляющего части, сформированные основоположниками Движения.

Не в первый и не в последний раз идут нападки на Белое движение и его вождей.

Мы знаем нашу Правду и служим ей. Наших святынь не оскорбить выходками, подобными тем, о которых идет речь.

Наше отношение выявилось в среде галлиполийцев достаточно ясно.

Желающих ознакомиться с направлением книги г. Якобия отсылаю к подробному разбору ее, помещенному в июньской информации областного правления общества галлиполийцев во Франции.

П[енерал]- м[айор] ***ЗИНКЕВИЧ***[85]

Галлиполийский вестник. № 72. 1.6.1939. С. 24-26.

КРУШЕНИЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ
О книге И. П. Якобия

Нашумевшая книга г. Якобия «Император Николай II и революция» посвящена памяти Государя и Его Семьи. Весь доход от русского издания предназначен на сооружение в Брюсселе православного храма в память Царственных Мучеников. Автором собрано довольно много живых черт Государя и Его близких, — и множество данных, *убийственных* для пособников революции.

Казалось бы — прекрасная книга?

Нет. От нее расходятся во все стороны злобные волны, — разъедающие темные лучи ненависти. Около нее уже возникли в русском национальном лагере споры, расхождения, — чуть не расколы. Отчего?

Оттого, что сама книга внушена — вразрез с ее добрыми целями, — внутренне-злым чувством: свести какие-то счеты, задрать, изобличить, изничтожить. С каким-то сладострастием автор чернит честные имена: наводит, косвенно, тень на лояльность в предреволюционные дни В[еликого] Кн[язя] Михаила Александровича; косвенно отрицает за ген. Корниловым даже его военную храбрость («герой австрийского плена»). Зато ему люб — Распутин. Гнусный червь, точивший — самый корень русской монархии!

«Распутин во Дворце — это *осуществление мечты* русских Царей!» — вызывающе восклицает автор.

Что же? Он обещает русской монархии и в будущем это счастье, эту «мечту?» — «Распутина во Дворце?» И его секретаря — Симановича[86] — в городе? Какой странный, какой презренный вкус у этого монархиста.

Отчистить, отскоблить от чудовищной клеветы светящиеся лики мучеников, — Государя, Государыни, Их Детей, — было необходимо, радостно и легко. Но это сделано до г. Якобия. Он же хочет вывернуть наизнанку все, и втащить в чистый блеск и

Распутина! Сделать его трагическую черную тень не случайным, а каким-то вечным спутником Царской памяти.

И для этого извращается историческая перспектива! Г. Якобий судит *людей, не чувствуя исторической обстановки.*

Душевное жизненное благородство Императрицы, увенчанное Ее сияющей смертью, не обязывает историка приписывать Ей политическую непогрешимость. Нет ни малейшей надобности приписывать и Самому Государю ту цельность воли, которой у Него не было.

Не нуждаются чистые, светлые имена погибших ни в какой фальсификации и подделке! Желали только добра России, этим одним горели, кровью это запечатлели...

Но больных исторических тем надо или не касаться вовсе, или уже говорить правду. История г. Якобия (— «якобы история»!..), как всякий убогий черносотенный лубок, — не поможет: в его трактовке русская революция и *одиночество Государя* — необъяснимы.

Основное политическое искажение в книге г. Якобия заключается в том, что он приписывает Императрице Александре Феодоровне власть и права *«Монарха»* *. По мнению г. Якобия, в России был при Императоре Николае II не один Монарх, а два Монарха: Государь и Императрица. Автор все время так и пишет: *«Монархи»*. Генералы изменили *«Монархам»* (стр. 81). «Кто, кроме Распутина, мог рассказать Ей о цене трамвайных билетов или о том, как в булочных отвешивают хлеб? Все это ускользнуло бы от внимания правительства *и Монархов»* (стр. 82). *«В глазах Монархов* виноват один Гучков, а бедный старик Алексеев — его жертва» (стр. 105). Это — не обмолвка! Та же мысль проходит через всю книгу Якобия. Впоследствии — «для Монархов начинается уже тюремный режим», «следствие и суд над Монархами» (стр. 236). В начале книги читаем: «Чувство презрения к малодушным и крамольным столичным неизгладимо осталось в сердцах *обоих Монархов»* (стр. 28).

Углубляясь в русскую историю времен Императрицы Анны Иоанновны, г. Якобий с восхищением рассказывает, как гвардейские офицеры кричали: «Смерть крамольникам! Да здравствует Самодержавная Государыня!»

Но совершенно тот же возглас звучит в душе и в книге г. Якобия по отношению к Императрице Александре Феодоровне. Меж-

* Здесь и далее мы восстанавливаем принятое написание с прописной буквы слов, связанных с Императорской властью, игнорируемое автором статьи. — *С. Ф.*

ду тем, в отличие от Анны Иоанновны, Императрица Александра Феодоровна *никогда Монархом не была* и жила в совершенно другую эпоху, когда непосредственное «правление Императрицы» резко противоречило всему русскому правовому и политическому сознанию (в том числе и гвардейскому). Вдобавок, выбор Императрицей политических деятелей был исключительно неудачен.

Преклоняясь перед Ее душевной цельностью, нельзя поэтому не осудить самым резким образом тех царедворцев, двоедушных или бездушных, которые внушили Ей (с выгодой для них самих) эту злополучную мысль: «Государь на фронте, Вы, Ваше Величество, управляйте Россией».

Достаточно было неужившемуся с Думой и своими же министрами И. Л. Горемыкину встать на эту почву — *политического доклада Императрице*, — и он в две недели «одолел» всех тех, с Кривошеиным[87] во главе, кто понимал, что воевать с Думой — в дни теперешней войны — нелепо. Но тот же Горемыкин очень скоро и с неожиданной для него легкостью «вылетел» на том же вопросе о Думе, как только Распутин подсказал вместо него Штюрмера, уже совершенно неприемлемого ни для Думы, ни вообще для честных людей.

Так, шаг за шагом, русское правительство, теряя самостоятельность, превращалось понемногу в безвластную «канцелярию Императрицы Александры Феодоровны». Последний управляющий этой канцелярией, кн. Н. Д. Голицын[88], был уже совершенно пуст и безпомощен: при всей своей преданности ничем уже не мог помочь Государыне.

Опираться ведь можно только на то, что способно сопротивляться.

И угодничество на верхах власти — предательство.

Иначе судит г. Якобий. Его политическая философия чрезвычайно проста: он «против» Думы и «за» Распутина. Жалкая роль Думы в дни революции дает его позиции какую-то видимость оправдания... Но только видимость!

Настоящие русские историки — Ключевский и Платонов, большие ученые, большие русские люди, судили совершенно иначе. Они ставили введение народного представительства выше всех других дел Государя. В полном согласии с Платоновым и Ключевским, так судил и П. А. Столыпин, сам неплохо «делавший» одно время русскую историю.

В свою очередь, Платонов с величайшим уважением отзывается о Столыпине. Останемся же *и мы с этими людьми, с их суждениями!* Прочь темные лакейские наговоры!

Когда надо «похвалить» Царствование Императора Николая II, тот же г. Якобий первым делом хватается за «громадное государственное преобразование: введено народное представительство». Но и все остальное, лучшее, что было тогда сделано: буйный рост народного достатка, сильнейший рост народного просвещения, крестьянское землеустройство, «семимильные сапоги» в ходе заселения Азиатской России, — все это приходится главным образом на вторую, думскую половину Царствования. Недаром Бисмарк находил, что «палаты — лучшее возбуждающее средство для чиновников»! Как подтянулось при Третьей Думе правительство! Каким свежим ветром творчества и свободы потянуло тогда в России! Не случайно же!..

Витте, Столыпин, Третья Дума, — вот основные «козыри» последнего Царствования. Не Штюрмер. И не кружок Вырубовой.

Однако, Столыпин, будучи «за» Думу, уча «ладить» с ней и беречь ее, *всегда сохранял властную, ведущую роль за правительством.*

Тот же Столыпин, будучи резко против Распутина, упрямо и неизменно высылая его в Тобольск, *никогда не выносил этой глухой, упорной борьбы наружу.*

Проверим же его властным, имперским, рыцарским обликом — нашу политическую совесть и наши исторические воспоминания.

Приходится — раз уж г. Якобий так напирает на эту оскорбительную для русского чувства тему, договорить и о Распутине до конца.

Столыпин, не обращая внимания ни на чье неудовольствие, *был к «распутинщине» безпощаден.* Но при нем это влияние не было еще настолько сильным и жутким, чтобы принимать крайние меры. Зато, если бы уже Распутину суждено было *тогда* исчезнуть, то при Столыпине эта тайна никогда не была бы выброшена на улицу с таким грохотом и позором, с таким развязным, — чисто протопоповским! — идиотизмом.

Государь часто (но редко — до конца!) противился внушениям Императрицы, исходившим от Распутина, и Сам его влияния не испытывал.

Из книги воспоминаний Дворцового коменданта Воейкова[89] мы знаем, что исчезновение Распутина, даже запоздалое, даже столь отвратительно-совершенное и разглашенное, вызвало у Самого Государя чувство, скорее, — тайного облегчения...

Еще бы! Как ни занятно теперь откапывать «вещие» словечки Распутина (или приписывать ему их задним числом, с чьих-то россказней!), но это праздное, легкомысленное занятие не изменит рокового, зловещего значения этой фигуры. Трагическая судьба сплела его с болезнью Наследника. Он, не без помощи темных плутней, тибетского лекаря Бадмаева, вовсю использовал свои гипнотизерские, врачебные «дарования»; влез, с ногами, в жизнь Двора (при посредстве Вырубовой) и в политику.

Распутинскою пьяною похвальбой *впервые было разрушено в сердцах служилого слоя обаяние Русской Монархии.* Его вмешательство в назначения, «смотрины» им министров и губернаторов были надругательством над русской служилой *честью*; а в чувстве чести — *душа Монархии!* Почему-нибудь же волновались из-за Распутина и Столыпин, и Члены самой Династии, и Думбадзе[90], и министры, готовые чуть не сами на убийство, и генералы... Что же, все это были «обезумевшие изменники»? Откуда же явилась и жутко росла тогда мертвящая «пустота» вокруг Трона, — предвестница революции?

Многие верные слуги отставлялись тогда, и с внутренним отчаянием отходили.

Не будем преувеличивать. Ясно, что основной причиной переворота была *война.* Простому народу было на Распутина «наплевать»; скорее могло даже понравиться — «мужик во Дворце». Но для служилого слоя Распутин был — нож острый: «не ему же мы служим».

Когда война вызвала в низах слепое, животное, немедленное желание мира, тыловой бунт низов был неожиданно поддержан, — против Трона! — русскими «верхами», бывшими, наоборот, за войну. Почему же?

Тому было две причины. Меньшинство, очень слабое, очень немногочисленное, но зато очень упорное, стремилось вырвать власть для себя, пользуясь военными затруднениями и злостно разжигая клеветнические *легенды о Распутине* («немецкий агент» и прочее). Но эти «общественные агрессоры» (Гучков, Милюков и К°) выдвинулись только потому, что ослабело сопротивление им огромного *патриотического* большинства Думы, Гос. совета и армии. Самым важным и самым преступным, — было *генеральное* непротивление. Но тут сыграло роль то, что у многих душа была опустошена и отвращена от власти *правдой о Распутине*, — о его влиянии. Легкомысленно-доверчиво многие потянулись тогда *на фронте* — к Думе, сами ее не зная... Вообра-

жали, что все перемены ограничатся появлением на Престоле Сына или Брата Государя.

А Дума, как всякое общественное мнение, как всякое народное представительство, представляла собою *женское начало*, — женскую неустойчивую стихию в политике. Этой стихией надо уметь владеть. Тогда она полезно дополняет и, в свою очередь, с безсознательной чуткостью, жизненно направляет работу власти.

Но — горе стране, если, взбудоражив эту стихию, да еще обозлив ее, дать ей выйти из берегов!

Так и случилось у нас в дни революции. Тот же Платонов в своем «Учебнике русской истории» (Пекин, 1919 г.) правильно считает основной причиной переворота — «разлад с Думой». «Правительство, — пишет он, — осталось в уверенности, что можно управлять страною вопреки ее настроениям. *Тогда* и последовал государственный переворот».

Дума возглавила уличный, солдатский, тыловой бунт, превратив его в революцию.

Можно было расстрелять безымянный бунт (такие бывали и в других странах), — но нельзя было найти на фронте воинские части и двинуть их на столицу *для расстрела Думы*, т. е. идеи народного представительства.

Революции в первые дни еще противостоял «фронт»; но «правительство» давно уже было пустым местом.

Вот наше горе! Государь — и вся волевая, мужская энергия России были поглощены фронтом. А в тылу — друг другу противостояли, *на верхах*, только две взаимно ожесточенные, *женские* психологии: Императрица — Дума.

В составе правительства оставался еще кое-кто из дельных старых министров; но *власти* — не было. Твердое, властное, мужское начало ушло из Совета министров в последний раз с А. Ф. Треповым[91].

Отречение Государя вконец выключило «электрический ток» русской власти и Россия погрузилась в кромешный мрак. Психология Временного правительства была всецело женски-безпомощною. Уголовное, грубо-преступное, зато знающее «чего оно хочет», начало *власти* явилось, увы! только с большевиками.

Внутренней причиной революции — вне войны — был, таким образом, кризис русской *власти*: ее отсутствие; подрыв привычки повиноваться *определенному строю*.

А Императрице, в Ее страстной, цельной душе, ошибочно представлялось «уступкой другим» то, что было бы разумным

и трезвым самосохранением власти... Императрица болезненно убеждала Государя «не уступать ни за что», пока, наконец, Сама не телеграфировала Ему — когда все уже было поздно: — «уступки необходимы».

Между тем, в плоскость «уступок» не следовало вовсе переносить вопроса. Задача была: сохранять рутину власти и послушания и не ставить ребром острых вопросов в невыгодную для себя минуту.

В начале войны, — как и в первые месяцы неудач, — Дума была полезна, разжигая порыв к защите и деловую энергию снабжения. Но впоследствии Думу, в дни затяжной войны, умнее всего было просто не собирать, держа у власти будничное правительство «защитного цвета», одетое «в военный мундир», из людей, назначенных Троном, *но не раздражающих нарочито общественного мнения.* Так можно было, — и должно было, — дотянуть до победы, тогда уже близкой. А с победой — все было бы открыто и позволено Трону!

У нас же Думу держали в сборе, но ею пренебрегали; шла вторая, внутренняя война.

Между тем, снизу подымалась, грозя все захлестнуть, новая, совсем другая волна: зрел «совдеп». Но этот совдеп прорвался к революции только под прикрытием думского национально-государственного флага; иначе ему вовремя, в первый день, свернули бы шею. Никогда генералы (тот же Алексеев) не стали бы убеждать Государя отречься в пользу совдепа. Генералы верили *Думе,* — т. е. детски верили вместе с Думой, что будет Императором или Регентом Вел. Кн. Михаил Александрович, — «и все успокоится»... (!).

Поруганная тогда, растоптанная солдатскими сапогами, Русская Монархия была заменена для России — *двадцатилетним адом.* Через эти «врата адовы» Россия может выйти снова к Монархии.

Есть духовный залог этого воскресения: нравственное величие, проявленное Царской Семьей в дни Ее гибели. Какое яркое воплощение безвинно оклеветанного благородства: Государь, Императрица, Дети!..

Став на колени, жарко молимся мы о Них и с Ними. Чистый блеск Их мученического венца благословит будущую Россию.

Ив. ТХОРЖЕВСКИЙ[92]

Возрождение. № 4192. 14.7.1939. С. 4.

СОЧИНЕНИЕ г. ЯКОБИЯ

Среди изданной в эмиграции литературы, относящейся к трагическому периоду жизни нашей Родины — февральской революции, — труд г. Якобия — «Император Николай II и революция» занимает особое место.

Это и не мемуары и не научный труд историка, дающего в своем исследовании беспристрастный анализ и оценку тех или иных событий и деяний участников этих событий, каково бы ни было их положение на государственной арене.

Г. Якобий использовал «вкось, вкривь и поперек» мемуарную литературу данного периода, извлекая из нее по кускам только то, что ему было выгодно, что соответствовало его настроениям, его предвзятым взглядам и намеченному им заданию, не останавливаясь даже перед извращением событий, дополняя факты собственными измышлениями, стремясь опорочить честь и память некоторых участников этих событий. Особенно это он делает с каким-то садизмом в отношении ген. Алексеева и ген. Корнилова.

И все это преподносится с одурманивающим, отравляющим *душу* и чувства малознакомых с действительной картиной событий читателя (в особенности молодежи) соусом, создавая «кривое зеркало» событий, разжигая нездоровые политические страсти.

Труд Якобия носит определенную цель: создать возможно более мрачный «фон», не останавливаясь даже перед неправдой и часто противореча самому себе, и на нем нарисовать в возможно более ярких тонах *фигуру Царя*-Мученика Николая II.

Так, например, вот что пишет Якобий о ближайшем окружении Государя и Российском правительстве:

...«Нужно признать, что Государь был окружен бездарными царедворцами, хотя и честными, но слабыми и эгоистичными, которых смыл не девятый, а первый вал революции.

...Само же правительство состояло из круглых нулей».

Этим ложным приемом г. Якобий только умаляет личность Государя, ибо Он ведь был Верховным Главой, Вождем *тех, кто* составлял этот «фон»; Он лично выбирал, назначал главных персонажей того «фона», от Его Самодержавной воли зависела перемена Его окружения.

Свой труд г. Якобий начинает экскурсией в область мистики и в лице Государя с малых Его лет видит Венценосца, уже заранее обреченного судьбой на страшную гибель.

«Ребенок улыбающийся в своей колыбельки казался слишком нежным и хрупким для тяжелой шапки Мономаха, для скипетра громадной Империи, тень которой покрывала одну шестую земной суши»...

«Какой-то злой рок, казалось, отметил с самого дня рождения Царственного Младенца печатью трагической судьбы».

Далее г. Якобий приводит версию о том, как в день крестин Государя, тогда еще Вел. Князя, «вдруг сорвалась с подушки, которую нес церемониймейстер, Андреевская звезда, жалуемая каждому Члену Императорской Фамилии при рождении, и с грохотом упала на пол».

Затем г. Якобий приводит целый ряд мрачных предзнаменований: крушение Царского поезда в Борках, покушение на Цесаревича в Японии и, наконец, «страшную Ходынскую катастрофу» во время Коронации.

Приводит разговор Государя с П. А. Столыпиным, которому Государь сказал:

«Мне не удается ничего, что бы Я не предпринял, у Меня нет удачи», — и затем, упомянув, что Он родился в день памяти св. Иова Многострадального, с глубокой грустью добавил: «У Меня более чем предчувствие, что Я обречен на страшные испытания».

Такими полными суеверия, с одной стороны, и религиозно-мистическими предпосылками, с другой, начинается книга Якобия.

Если стать на такую точку зрения* г. Якобия, то нам становится совершенно непонятным, зачем Якобий мечет громы и молнии негодования, а временами и заведомой неправды на участников и современников трагических событий. Ведь так было по г. Якобию предопределено, а, следовательно, участники событий были лишь пешками, исполнители Провидения или рока, и г. Якобий должен был бы попытаться проникнуть за завесу таинственного или роптать на Провидение... а не расправляться «по-свойски» с «пешками»**.

Если же Государь и Его подданные, в особенности на высоких ступенях государственно-иерархической лестницы, действовали как люди со свойственным каждому из них достоин-

---

* Иными словами: если верить в Промысл Божий. — *С. Ф.*

** Автору в запале полемики даже и в голову не приходят слова Господа Своим ученикам: «Невозможно не придти соблазнам, но горе тому, чрез кого они приходят: лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море» *(Лк. 17, 1-2)*. — *С. Ф.*

ствами и недостатками, с присущими каждому из них чертами характера, страстями, заблуждениями, ошибками и т. д., то тогда их действия г. Якобию следовало бы разбирать беспристрастно, с известным историческим подходом, не извращая событий и не дополняя их «отсебятиной», в силу симпатий или антипатий к тому или иному лицу.

Я бы мог привести из книги г. Якобия не один десяток примеров, подтверждающих мою оценку его писаний, для сего понадобилось бы издать целую брошюру; я позволю себе пока лишь остановиться на двух фактах, близко мне известных по моей службе в Ставке, в Управлении генерал-квартирмейстера, неверно описывая которые г. Якобий старается очернить и выставить в неприглядном свете личность ген. Алексеева.

(О возмутительных выпадах г. Якобия по адресу ген. Корнилова недавно писали и ген. Деникин и ген. Архангельский, см. № 428 и 429 «Русского голоса»).

Стр. 173 и 174. Гл. «Отречение».

После глубокомысленных рассуждений о том, что думал и о чем мечтал ген. Рузский в ночь с 1 на 2 марта 1917 года, лежа на постели в своей квартире в Пскове (г. Якобий, очевидно, обладает сверхъестественной способностью читать ныне мысли людей живших много лет тому назад), г. Якобий строчит следующее:

...«Пока Рузский дремал, в Ставке были приняты важные решения. Возможность отречения давно уже предвиделась Алексеевым (чтение мыслей умерших); с терпением исполнительного штабного офицера издавна и тайно подготовлял он государственный переворот, который и должен был осуществиться. По получении телеграммы, содержащей сумбурные заявления Родзянко, Алексеев понимает, что настал час раскрыть карты (чтение мыслей умерших). Он так торопится, чтобы вырвать у Государя отречение, что поручает представителю Министерства иностранных дел Ставки Базили составить немедленно проект Манифеста об отречении, который по телеграфу будет сообщен Государю»...

Это утверждение г. Якобия, с одной стороны, противоречит его же предыдущим, несколькими страницами выше, отзывам о ген. Алексееве, а, с другой стороны, исторически совершенно не верно.

Так, на *стр. 105* г. Якобий писал, что ген. Алексеев «далеко не был убежденным заговорщиком», и рассказывает о том, как 16.VI.1916 года (т. е. всего 8 мес. тому назад), ген. Алексеев представил Государю проект диктатуры во главе с В[еликим]

Князем Сергеем Михайловичем (для установления крепкого порядка в стране и улучшения снабжения армии), к сожалению, не утвержденного Государем; теперь же г. Якобий пишет, что ген. Алексеев «издавна и тайно подготовлял государственный переворот»... (!?)

Проект манифеста об отречении Государя заготовлялся *не после получения* «сумбурной телеграммы Родзянко», как ложно утверждает г. Якобий, *а по приказу Государя* из Пскова, по получении Им телеграмм от Главнокомандующих фронтами, в том числе и В[еликим] Кн[язем] Николаем Николаевичем, о необходимости отречения от Престола в пользу Сына при регентстве В[еликого] К[нязя] Михаила Александровича.

Об этом сказано и в воспоминаниях ген. Лукомского и в моих — «Последние дни Царской Ставки», на которые г. Якобий, когда ему выгодно, ссылается; но что для него источники, он сам для себя «источник», преследуя цель — опорочения памяти ген. Алексеева.

На *стр. 226* г. Якобий, по поводу рассылки войскам прощального приказа Государя, пишет:

«Не успел Государь передать этот прощальный приказ генералу Алексееву для опубликования, как этот последний поспешил доложить о нем своему другу и владыке Гучкову. Новоиспеченный воен. министр немедленно по телеграфу воспретил оглашение документа и доводить его до сведения войск».

Категорически утверждаю, что прощальный приказ Государя специально Гучкову не посылался; он был сдан на телеграф Управления генерал-квартирмейстера для передачи по *всем* адресам, по которым обычно передавались приказы Ставки, т. е. Сев[еверному], Зап[адному], Ю[го]-Зап[адному], Рум[ынскому], Кавк[азскому] фр[он]там, Воен[ому] министру, Гл[авному] упр[авлению] Ген[ерального] штаба, главнонач[альствующим] воен[ыми] окр[угами] и проч.

Т[аким] о[бразом,] утверждение г. Якобия, опять-таки имеющее целью опорочить ген. Алексеева, будто он «поспешил доложить Гучкову» прощальный приказ Государя — ложно.

Гучков, получив по телеграфу этот приказ, отдал распоряжение Штабам фронтов, *минуя Ставку* (видимо, для срочности или опасаясь, что ген. Алексеев этого распоряжения не исполнит), задержать передачу приказа войскам.

Однако приказ Государя кое-где успел все-таки дойти до штабов корпусов и дивизий. Об этом мною так же написано в «По-

следних днях Царской Ставки», но для г. Якобия это не важно, он переделывает факты по-своему — его цель клеветать на ген. Алексеева.

. . . . . .

Я не для того писал все вышеизложенное, чтобы защитить память ген. Алексеева от нападок г. Якобия. Мне хотелось лишь сказать, на что способны люди в своей злобе и ненависти.

Светлая память наших Белых вождей ген. Алексеева и Корнилова не нуждается ни в чьей защите. Их имена как яркие звезды блистали, блещут и будут блистать на протяжении всей грядущей истории земли Русской.

И никаким гг. Якобиям с их змеино-злобными писаниями не затемнить и не унизить их светлых образов в сознании тех, кто понимает, чем обязан им Русский народ и все русские люди в изгнании сущие.

Ген. Алексеев и Корнилов первыми выступили на борьбу за Россию с углубителями революции и большевизмом. Они спасли честь России, они спасли русскую культуру и миллионы русских жизней.

Генералам Алексееву, Корнилову и белым воинам обязаны своими жизнями, теплыми местами вне достижения чекистских пуль и гг. Якобии «со сродники» по клевете на ген. Алексеева и Корнилова.

Теперь, когда прошло много лет со дня Российской трагедии, гг. Якобии льют слезы об утраченном рае, пытаясь по-своему «перерешить» историю последних минут Российской Державы и свалить причины трагедии «с больной головы на здоровую». Напрасен труд. Будут и беспристрастные летописцы, которые, добросовестно изучив материалы и сбросив в мусорный ящик писания a la Якобий, поведают грядущим поколениям правду о той трагедии, которую переживал с 1917 г. русский народ и его Царь-Мученик Николай II.

Ген. Штаба полковник
В. ПРОНИН

Русский голос. № 432. 16.7.1939.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. Г. господин Редактор.

В номере «Возрождения» от 23 июня напечатаны письма начальника группы корниловцев во Франции (без фамилии) и

полк. Кондратьева, содержащие резкие выпады против меня лично и против недавно вышедшей моей книги «Император Николай II и революция». Я не стал бы пользоваться своим правом ответа на эти обвинения, если бы они не могли ввести в заблуждение некоторых русских людей, вполне искренних, но не знакомых с моей книгой и потому судящих о ней по совершенно искаженному изложению авторов писем.

Это обстоятельство и побуждает меня обратиться к вам с просьбой дать место в вашей уважаемой газете следующему моему ответу.

Общий смысл обвинений, заключающихся как в этих письмах, так и в однородных выступлениях — в том числе ген. Деникина — появившихся в других газетах, сводится к тому, что я, будто бы, стремился «опорочить» и «оклеветать» вождей белого движения, в частности ген. Алексеева и Корнилова.

Это совершенно неверно. Прежде всего, моя книга посвящена не белому движению, а выявлению истинного образа Государя Императора Николая II, столь оклеветанного злостной и предательской молвой. Удалось ли мне выполнить эту задачу — не мне судить, но десятки получаемых от русских национальных организаций и уважаемых национальных деятелей приветствий с трогательным выражением благодарности убеждают меня, по крайней мере, в том, что книга моя выражает истинные чувства значительной части русского зарубежья.

О генералах же Алексееве и Корнилове я упоминаю в книге исключительно в связи с отношением их к революции, совершенно независимо от их предшествующей и последующей боевой деятельности.

Причастны ли оба эти генерала к февральскому перевороту? Относительно ген. Алексеева вопрос этот и не ставится; участие его в заговоре против Царя документально установлено и все доказательства этого подробно приведены в моей книге, в том числе и свидетельство ген. Деникина.

Что же касается ген. Корнилова, то авторы писем, при всем своем преклонении перед его именем, не могут отрицать, что он взял на себя преступное поручение арестовать Императрицу среди больных Детей. Полк. Кондратьев вполне одобряет этот поступок — это его дело. Но он забывает прибавить, что, выполняя свою миссию, ген. Корнилов отдал еще совершенно безчеловечное распоряжение о замене верной дворцовой охраны взбунтовавшейся, разнузданной солдатней, от которой Цар-

ственным Узникам пришлось претерпеть столько издевательств и оскорблений.

Полк. Кондратьев крайне опрометчиво заявляет, что «приписываемый ген. Корнилову факт награждения Георгиевским Крестом унт.-оф. Кирпичникова является уже чистейшей ложью. Этого убийцу награждал не ген. Корнилов, а следующий за ним командующий войсками Петроградского округа — Кузьминский».

Полковник Кондратьев ошибается. Этот «убийца» за свои революционные подвиги был награжден Георгиевским Крестом и произведен в подпрапорщики 6 апреля 1917 г. именно ген. Корниловым, что и было распубликовано в номере «Нового времени» от 9 того же месяца. Таким образом, читатель может судить о том, где правда и где «чистейшая ложь».

Не буду входить в разбор остальных диковинных утверждений авторов писем; и этого довольно. Но скажу, что если они уж непременно хотели «протестовать», то, по совету самого полк. Кондартьева, им следовало бы «писать правду, писать честно», а не смешивать умышленно революционную деятельность ген. Алексеева и Корнилова с их доблестным участием в белом движении и не называть ложью и клеветой всякую неприятную о них правду. Такими приемами они услуги памяти почитаемых ими вождей не окажут.

Но тут дело, конечно, не фактах, а в их оценке. Для тех, кто приветствовал революцию, революционная часть деятельности ген. Алексеева и Корнилова может показаться весьма похвальной.

Но те, которые считают февральскую революцию величайшим предательством и преступлением, погубившим Россию, не могут отнестись к соучастникам этого преступления иначе, чем я это делаю в своем исследовании.

В заключении скажу, что обратить доход от этой книги на святое дело построения храма-памятника Царю-Мученику есть неотъемлемое право мое и моих издателей — право, которое никто оспаривать у нас не может.

Примите уверение в совершенном моем уважении.

И. П. ЯКОБИЙ

Царский вестник. № 666. 3/16.7.1939. С. 3-4.

Это письмо И. П. Якобия впервые было напечатано в газете «Возрождение» 30 июня 1939 г. (№ 4190. С. 5) со следующим редакционным примечанием:

В целях всестороннего освещения событий мы помещаем ответ И. П. Якобия. Не можем, однако, не отметить, что ген. Корнилов в условиях марта—апреля 1917 года не имел возможности заменить другою частью ту или иную часть, несущую охрану Дворца; это в большей мере зависело от Царскосельского совета.

Что касается награждения Кирпичникова, то факт награждения его генералом Корниловым не был новостью и для эмиграции. Еще в 1932 г. об этом, между прочим, писал в милюковских «Последних новостях», защищая память своего отца, сын М. В. Родзянко Николай:

...В момент награждения Кирпичникова уже сформировалось Временное правительство, которому принадлежала полнота власти, награждение нижних чинов было правом начальников, по своему положению равных командующим армиями. Главнокомандующий Петроградского военного округа имел право наградить Кирпичникова, не спрашивая ни у кого разрешения, ни утверждения, и, действительно, генерал Корнилов это и сделал на смотру учебной команды Волынского полка.

Причины, побудившие генерала Корнилова наградить Кирпичникова, как видно из исторических документов, следующие: Волынский запасной батальон, не в пример другим частям Петроградского гарнизона, был хорошо настроен и занял «оборонческую позицию». Как ни странно, но Кирпичников, пользовавшийся авторитетом в своей части, вел активную пропаганду поднятия боеспособности ее и других частей гарнизона, а также и оказания поддержки фронту. Так, он во главе учебной команды Волынского полка посетил совет солдатских и рабочих депутатов и произнес там патриотическую речь (газета «Речь». 28.3.1917 г.). Он же опубликовал во всех газетах воззвание, призвавшее солдат защищать родину (см. «Новое время». № 14738. 1917 г.). Генералу Корнилову надо было, по-видимому, сделать жест награждения Кирпичникова и тем поддержать и укрепить эту патриотическую тенденцию. Смысл этого жеста был, разумеется, не в том, что награждается солдат **за убийство своего офицера**, а в том, что офицерство в лице генерала Корнилова **соглашалось забыть преступление Кирпичникова** ради патриотической задачи оздоровления армии и поднятия ее боеспособности*.

Иными словами крест святого Великомученика и Победоносца Георгия был дан «на память» о том, что они согласились забыть во-

* *Родзянко Н. М.* В защиту памяти М. В. Родзянко. Письмо в редакцию // Последние новости. № 4094. 1932. 7 июня. С. 2.

инское преступление! Что же после этого они надеялись получить там, у Святого покровителя Ордена и Бога?!..

Для сравнения приведем слова посла Франции в России М. Палеолога, сказанные им в конце апреля 1917 г., незадолго до отъезда на родину: ...Со времени представления в Мариинском театре, где меня заставили пожать руку Кирпичникову, я чувствую, что мне здесь не место*.

«ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И РЕВОЛЮЦИЯ»

Ни одна из революций не вызывает такого гадливого чувства, как бунт в России, свергнувший на наших глазах Великую Империю и навязавший великому народу под видом политического порядка небывалое рабство, организованную нищету и издевательство над человеком и над здравым смыслом.

И ни одна книга, написанная об этой революции, не воспроизводит ее преступной глупости и ужасов с такою яркостью и точностью, притом в такой сжатой форме, как книга И. П. Якобия «Император Николай II и русская революция».

Семь лет тому назад труд этот был издан, хотя и в несколько меньшем объеме, на французском языке. Он обратил на себя внимание французского читателя и критики своей суровой документальностью. Иностранцу открывали глаза на истинное происхождение и ход русской катастрофы. Было время, когда англичане и французы приветствовали ее как благодетельный сдвиг, окончательно приобщавший все еще отстающую Россию к Европейской цивилизации. А некоторые из официальных представителей этой последней при Русском Дворе даже нашли возможным оказывать деятельную помощь при судороге, которая сотрясала наше Отечество и должна была, по их близорукому мнению, привести к рождению «новой» и лучшей России**.

Что крушению старой помогали немцы — наши противники — удивляться не приходится.

Переиздание книги на русском языке делает ее достоянием широких [слоев] русских людей, которые должны познако-

---

* Февральская революция. М.-Л. 1925. С. 370.

** Меньше всего прозрели те иностранные журналисты и писатели, которые издавна завоевали у себя на родине прочное положение знатоков России. Один из таких знатоков в Англии сэр Бернард (и большевизан) Пэрс только что выпустил книгу «Падение Русской Монархии», в которой продолжает играть в старом мотиве «обновления» России посредством революции.

миться с этим исследованием, так живо изображающим величайшую государственную драму наших дней. Познакомиться и, быть может, отказаться от оценок, навеянных предвзятой критикой тех, кто прямо или косвенно был причастен к Российскому бедствию.

По мере того, как автор показывает читателю ряд действующих лиц и развертывает логическую цепь событий, на память приходит портретная галерея революционных героев Достоевского в его «Бесах» со всеми их побуждениями. Какой ужасный современный смысл получает это его провидение и как легко приложить жесткие характеристики Достоевского к лицам и событиям русской бесовской эпопеи, — не выдуманной, а настоящей.

Вот мягкотелый либерал с краснотой, ни на что неспособный, кроме повторения чужих слов, и его сын, безпринципный выродок, способный на любую низость. Вот «почти великий писатель» с лестной репутацией «умнейшего в России» человека. Далее — тщеславный барин, которому тесно в его камергерском мундире и у которого рядом с обаянием еще и «почти государственный ум». Таинственные члены-учредители из заграницы... Жидишки с надменными улыбками... Наконец, мелочь — слепые исполнители — «всего лишь доцент» и тупой жестокий немчик из Прибалтики...

А когда они, спасая свою шкуру, сбегут в чужие края, завершение ими заваренного перейдет к Федьке-каторжанину. Тот пустит в дело нож вместо потока «пустых слов».

Цели: добраться до власти, все разрушить до дна — пошигалевски, — «порешить совсем и царство» и, как венец пресловутого сдвига, безграничную свободу заключить безпримерным рабством 9/10 народа.

Средства: набросить на власть путы, унизить ее ложью и клеветой, двинуть интриги и донос, поощрить ядовитую салонную сплетню или как сказано у Достоевского — «русскую веселенькую болтовню».

Ко всему тому, что явилось точно эхом предсказания Достоевского, прибавилось в действительности еще война и участие или безучастие видных военных. С документами в руках, цитируя мемуары деятелей 1917 года, И. Якобий доказывает, что самые воспоминания эти, написанные в беженстве, подтверждают его печальные заключения. Те, кому следовало бы «ведать что творит», оказались не на высоте исключительно трудного военно-политического положения и понимания, что делом настоящего

патриотизма и государственного самосохранения были верность Монарху и поддержка Монархии.

В этом умственном и нравственном затемнении, охватившем Россию, светит, однако, ровным светом одно яркое и чистое созвездие: Сам Государь Николай Мученик, окруженный такими же чистыми душами Своей преданной Подруги — Государыни и Их невинных Детей.

Принесенная Ими жертва не пропадет даром. Уже плачет Русская земля по старым богам.

Книга И. П. Якобия будет, конечно, на столе у каждого крепкого монархиста. Но этого мало: проникнуться этою страшною повестью должны и те, кто еще колеблется и сомневается, продолжая блуждать в жалких останках трех сосен русского безвременья.

Цена книги — 3 амер[иканских] дол[лара]. Весь чистый доход поступает на завершение сооружаемого в Брюсселе Храма-памятника Царю-Мученику и всем русским, в смуте убиенным.

Б. ГЕРУА[93]

ОТ РЕДАЦИИ: Соглашаясь с общей оценкой нашим уважаемым сотрудником проф. ген. Б. Геруа книги «Император Николай II и революция», редакция не может не поставить автору книги ряд упреков.

Упреки наши следующие:

1) И. П. Якобий слишком упрощает дореволюционный период. Далеко не все было хорошо и гладко. Правда, он и не отрицает ответственности правящих классов, но нельзя, отнюдь не нарушая святости памяти Государя, не указать на то, что и Корона недостаточно разбиралась в событиях и людях.

2) И. П. Якобий рисует нам потрясающее **предательство** высшего нашего военного командования. Мы бы сказали об этом несколько иными словами: была потрясающая **неспособность** части высшего генералитета. Увы, эту неспособность ощутила Россия и во время Великой войны и, будем правдивы, и в гражданскую войну (героизм неумения не исключает). Эта неспособность, легкомыслие и политическая неподготовленность части генералитета и помогли на 50 % революции. Но часть этих генералов искупила свою вину мученической смертью, часть работой по спасению чести России в Добровольческой армии. Что же касается генерала Корнилова, на которого особенно резко на-

падает И. П. Якобий, то его деятельность освещена совершенно неверно. Ген. Конилов, не говоря об его взглядах (что тоже составляет вопрос) НИКАКОГО участия в революции не принимал и с первого же дня с нею боролся. Называя ген. Корнилова иронически «героем австрийского плена», И. П. Якобий показал в этом случае и свое пристрастие к нему и неосведомленность: даже противники ген. Корнилова никогда не отрицали его блестящего командования в Великую войну и его безпримерного героизма.

Со времени описываемых событий прошло 22 года. Они уже принадлежат истории. Нельзя через ТАКОЙ промежуток времени делать из генералов Алексеева и Корнилова святых людей и ВСЕ свое міросозерцание строить на том, что они сказали двадцать лет тому назад, но, с другой стороны, нельзя эти **два имени, дорогие для всех тех, кто против большевиков** (а таковых — вся национальная эмиграция), ставить на одну доску с теми, кто, подготовивши и допустивши революцию, трусливо, спасая свою жалкую жизнь, отошел в сторону и был немым свидетелем позора и предательства России.

Редакция.

P. S. Когда эта рецензия уже была набрана, в повременной печати начались жестокие выступления против книжки г. Якобия. Законно и справедливо выступая против некоторых неточных строк г. Якобия, протестующие все же теряют нужное в таких случаях безпристрастие и клеймят всю книжку в целом. Таким образом, справедливо защищая память ген. Л. Г. Корнилова, они невольно наносят ущерб памяти Царя-Мученика, Кому эта книжка посвящена. Мы сами обвинили г. Якобия в известном пристрастии, но не можем не заметить, что он ведь писал о генералах не как о вождях Белого движения, а как участниках событий 1917 года. Оставим, поэтому, последнее слово безпристрастному историку на Русской земле, залеченной от страданий и ран.

В заключение нельзя не выразить изумления по поводу того, что в роли защитника генерала Корнилова оказался... П. Н. Милюков.

P. P. S. Редакция получила для помещения в журнале ряд протестов против вышеуказанной книги, но в виду того, что эти протесты были уже помещены в национальной печати, мы их на этих страницах не воспроизводим.

В газетах «Меч», «Русский голос», «Сигнал», «Новое слово» было помещено присланное Н. Л. Корниловой-Шапрон письмо генерала А. И. Деникина.

В газетах «Возрождение» и «Галлиполийский вестник» были помещены письма командира Корниловского уд[арного] полка полк. Кондратьева и н[ачальни]ка группы корниловцев во Франции полк. Бояринцева[94].

Наконец, мы получили письмо в защиту памяти отца от В. В. Пуришкевича, который справедливо указывает, что В. М. Пуришкевич доказал свою любовь к России и «вся Русская армия под боевым огнем знала и ценила работу Пуришкевича на победу России с первого дня войны».

Решительно прекращая на своих страницах дальнейшую полемику по поводу книги «Император Николай II и революция», редакция призывает всех русских людей к тому же, ибо тяжело и грустно видеть новый раскол среди национального лагеря зарубежья, перед которым стоят другие, более актуальные задачи.

Часовой. № 238-239.1939. Июль С. 29-30.

Приводя далее широко печатавшийся тогда в эмигрантской прессе «Отзыв генерала А. П. Архангельского» с некоторыми существенными дополнениями (которые мы воспроизвели в соответствующем месте), редакция «Часового» снабдила его следующими дополнениями:

Начальник Р. О. В. Союза генерал А. П. Архангельский сделал следующее заявление[95] в дополнение к напечатанной им статье о книге «Император Николай II и революция»:

«В газете "Последние новости" от 13 июня с. г. № 6651 появилась заметка "Генерал Архангельский и вожди Белого движения".

В заметке резко осуждается недавно появившееся русское издание книги И. П. Якобия "Император Николай II и революция", чистый доход от какового издания Комитет по сооружению в Брюсселе Храма-памятника принял в пожертвование.

По поводу этой заметки я считаю нужным осведомить чинов Рус. О. Воин. Союза о нижеследующем:

1. Комитет по сооружению Храма-памятника, членом коего я имею честь состоять со дня начала его действия, никогда не заказывал г-ну Якобию монографии, посвященной памяти **Государя Императора Николая II.** Книга г. Якобия вышла на французском языке уже около 10 лет.

Не издавал Комитет и русский перевод этой книги.

Русский перевод книги г. Якобия издан на свой счет несколькими лицами, чтущими память **Государя Императора Николая II**, причем не все они состоят членами Комитета. Эти лица пожертвовали Комитету на сооружение Храма чистую прибыль от издания.

Комитет, ознакомившись в лице нескольких своих членов с тем, в каком виде представлен в книге **Государь Император**, принял это пожертвование. Согласие на принятие пожертвования было дано лет пять тому назад. В то время — 5 лет тому назад — я, как известно, начальником Рус. О. Воин. Союза не состоял.

До выхода в свет русского перевода книгу г. Якобия я не читал ни во французском оригинале, ни в рукописи по-русски, как и некоторые другие члены Комитета.

2. По выходе в свет русского издания книги, я, ознакомившись с нею, написал возражения против некоторых, порочащих память вождей Белого движения, заявлений автора, в той части, на которую я мог возразить на основании фактически известных мне данных.

Возражения эти появятся в ближайшее время в печати* и препровождаются Вам для сведения.

3. Не могу не выразить удивления тому, что "Последние новости" ныне приняли под свою защиту Белых вождей, которых газета всегда поносила и порицала и, притом, под защиту от... начальника Рус. О. Воин. Союза.

Отношение мое к Белому движению и к его основоположникам и личное, и как начальника Рус. О. Воин. Союза всем хорошо известно, подчеркивалось мною неоднократно и в новом подтверждении не нуждается.

Генерал-лейтенант АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Г-ну редактору «Часового»

Милостивый государь, г-н редактор.

Буду Вам крайне признателен за помещение в очередном номере «Часового» нижеследующего моего заявления:

«Ко мне поступило значительное число словесных и письменных претензий по поводу помещения в "Последних новостях"

---

*См. приведенную нами ранее статью ген. А. П. Архангельского «Книга И. П. Якобия "Император Николай II и революция" и генерал Корнилов». — *С. Ф.*

подписанного мною совместно с другими первопоходниками письма в защиту дорогой нам памяти генерала Корнилова.

Такое письмо я действительно подписал и, следовательно, за его содержание несу полную ответственность.

Что же касается рассылки указанного письма в газеты, то в ней я ни малейшего участия не принимал и, считая уместным помещение такого письма только в национальных органах печати, отправкой его в "Последние новости", как лично заинтересованный, изумлен не менее моих собеседников и корреспондентов.

Прошу Вас, г-н редактор и проч.

Командир Русской стрелковой генерала Врангеля дружины полковник ЛЕВАШОВ[96]

Часовой. № 238-239. 1939. Июль С. 32.

ОТ ГЛАВНОГО ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА УЧАСТНИКОВ I-го КУБАНСКОГО, ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА ПОХОДА

Глубокоуважаемый господин Редактор!

Не откажите поместить на страницах Вашей уважаемой газеты нижеследующее наше заявление:

Частное совещание Участников Первого Кубанского похода, состоявшееся в г. Белграде 15 с[его] июля и последовавшее затем чрезвычайное Общее собрание членов Союза 16 с[его] июля, ознакомившись с содержанием книги г. Якобия «Император Николай II и революция», вынесли нижеследующее постановление:

«Признавая, что лишь историческая наука, обладающая всеми средствами и методами научного исследования далеких истоков русской революции, способна в будущем выяснить сложные причины и виновников русской государственной разрухи, — первопоходники — должны неустанно и категорически свидетельствовать, что все виденное ими собственными глазами на обагренных кровью полях Дона и Кубани в 1918 году обязывает их к глубокому почитанию памяти вождей легендарного похода генералов *Алексеева* и *Корнилова* и к преклонению их перед величием высокопатриотического их подвига, а также к борьбе всеми доступными способами с лжеписаниями «развенчивающих» людей, события, ценности и идеи белой борьбы, — попирая правду во имя личных побуждений».

К изложенному Главное правление Союза считает необходимым добавить, что тень, которую пытается автор упомянутой

книги набросить на светлый облик Основателя и Верховного руководителя Добровольческой армии генерала *М. В. Алексеева*, не омрачит его* светлой памяти в душах его боевых соратников и тех, кого судьба хоть раз столкнула с ген. *Алексеевым*. Имея значительный исторический материал, опровергающий нападки г. Якобия на ген. *Алексеева*, Главное правление не считает, однако, нужным поднимать полемику по этому вопросу, ибо имя генерала *Алексеева* не нуждается ни в какой защите.

Председатель Главного правления Генерального штаба генерал-лейтенант КАЗАНОВИЧ

Секретарь Главного правления Полковник НИКОЛАЕВ

21/VII 1939 г.
Белград.

Русский голос. № 434. 30.7.1939. С. 6.

ПО ПОВОДУ КНИГИ г. ЯКОБИЯ ОБ ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ II

В дополнение к весьма обстоятельной статье В. Пронина, с которой мы вполне согласны, о *«Сочинении г. Якобия»*, напечатанной в № 432 «Русского голоса» от 16 сего июля, считаю необходимым сообщить нижеследующее:

1) Составляя свою книгу и наводя, мягко выражаясь, густую тень на давно умерших известных вождей белого движения, г. Якобий хорошо знал, что этим он повредит их доброй памяти и *возбудит* справедливую вражду к себе со стороны их родных, друзей и весьма многочисленных почитателей белого движения, честных русских людей. Для дешевой рекламы своей книги он этим пренебрег. Это, конечно, его личное дело.

2) Издавая свое сочинение, г. Якобий, очевидно в интересах более широкого его распространения, объявил, что чистый доход с этого издания жертвует на достройку храма-памятника Государя Императора в Брюсселе. Принося этот дар, он игнорировал, или забыл, слова Спасителя: «Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя; оставь там дар твой пред жертвенником и пойди, прежде примирись с братом твоим и тогда прийди и принеси дар твой» *(Мф. 5, 23-24)*.

* Здесь и далее в оригинале статьи местоимения, относящиеся к генералу Алексееву, даны с *прописной* буквы. — *С. Ф.*

Этой прямой заповеди Спасителя г. Якобий не исполнил и едва ли когда ее исполнит, а посему Комитет по постройке Брюссельского храма не должен принимать его дара, так как, хотя деньги и не имеют ни вкуса, ни запаха, но не всякое пожертвование можно принимать на столь возвышенную цель, тем более вопреки точным словам Иисуса Христа.

А. НИКОЛЬСКИЙ

Русский голос. № 434. 30.7.1939. С. 6.

«НА ПУТЯХ К ПРАВДЕ»

Автор статьи «О сочинении Якобия» г. Пронин («Русский голос». № 432 от 16.VII.1939 г.), помимо общей критики его труда «Император Николай II и революция», уделил много внимания некоторым эпизодам из деятельности генер. Алексеева и Корнилова, вложив много забот и труда во имя правды, на которую часто ссылается, с целью реабилитации этих имен, в деле февральской революции.

Так как толкование правды в настоящее время не является больше привилегией касты избранных, ни неотъемлемым правом некоторых лиц, а доступно всем и каждому, то и я, один «из малых сих», возымел желание, во имя той же правды, привести на страницах печати подробности, имеющие к имени ген. Алексеева свое непосредственное отношение.

В период событий, предшествовавших отречению Государя Императора — в феврале 1917 г. — я находился на службе в Управлении 7 арм. корпуса в Румынии, будучи адъютантом Инспектора Артиллерии Корпуса. Разбирая как-то ежедневную почту, поступившую из штаба корпуса, я натолкнулся на документ исключительный в своем роде. Это была в копии сводка — телеграммы ген. Алексеева всем Главнокомандующим фронтами, смысл ее был — быть ли Государю Императору и далее на Престоле и не настало ли время для Его отречения, и ответы по телеграфу пяти Главнокомандующих. В их ответах, в самой почтительной и изысканной форме речи к Особе Государя Императора, — каждая на свой лад, — высказывалась одна и та же мысль, что для спасения России и успешного завершения войны Государю Императору следует все-таки отречься от Престола!

Содержание этой сводки, столь необычной, поражающе подействовало на мое сознание, на сознание кадрового офицера, всегда безоговорочно преданного своему Государю, занятого своею скромной службой и далекого от грозных событий, раз-

ворачивавшихся тогда в Петрограде и Могилеве, что навсегда и неизгладимо запечатлелось в моей памяти. Вот и сейчас, по прошествии стольких лет, перед моими глазами отчетливо стоит эта сводка, отпечатанная пишущей машиной на тонком листе бумаги, специально для копий!

Г. Пронин о телеграммах этих говорит, что Государь Император, получив эти донесения от Главнокомандующих, будучи в Пскове, приказал Ставке составить текст манифеста об отречении. (В. В. Шульгин в своих воспоминаниях указывает, что манифест об отречении был написан в вагоне-салоне Государя на пишущей машине в нескольких экземплярах).

Итак, этот исключительный случай заговора высших генералов за спиною своего Государя (давайте посмотрим правде прямо в глаза и наберемся мужества называть поступки их именами), заговора, не имевшего себе примера в истории царствований всего XIX века, — г. Пронин оставляет вне всякого критического разбора, не оценивает потому значение, каковое этот заговор имел для истории России, а только упоминает вскользь, в двух-трех словах, факт доставки Государю Императору в Пскове этих депеш! И только! Словно имеет дело с безделицей, с сущим пустяком, не стоящим ни крупицы внимания!

И это называется — правда!

Дело в том, что в міровоззрении русского Зарубежья, затемненного из прошлых времен (вспомните «Горе от ума») односторонними взглядами, предвзятыми суждениями и ложными предрассудками — за эти годы изгнания создался своего рода культ ряда понятий, недоступных, недосягаемых для свободного, правдивого, критического слова о них, окруженных как бы барьером непробойного почитания и поклонения.

Своего рода «линия Мажино»!

Каждый смельчак, рискнувший в своем искреннем, неискушенном словоблудием, мышлении коснуться на страницах печати этой «линии Мажино», — неизменно подвергался дружному, яростному натиску тех своих соотечественников (несть им числа), кои в силу тех или иных своих целей, не всегда к правде имеющих отношение, считали своим правом стоять на страже этой «линии Мажино» и не подпускать к ней никого из «малых сих».

В этой «линии Мажино» занимает определенный участок — деятельность генер. Алексеева и Корнилова до создания ими Добровольческой армии!

И потому я приветствую г. Якобия за его правдивое и беспристрастное изложение эпизодов из деятельности этих генералов. В этом его труде я вижу желание предложить вниманию нашего рассеяния эти факты без умалчивания деятелей, без розового флера, во всей их наготе, таковыми, какими они, эти факты, в свое время заняли место в жизни нашей Родины и какими будут должны войти в историю ее последних сумеречных лет!

Дабы картина была полнее, я приведу здесь мою совсем недавнюю беседу с ген. Б. Сидели мы как-то вечером в городском парке в Крагуевце и делились воспоминаниями о Великой войне, затем перешли на тему дня — на труд г. Якобия, на роль ген. Алексеева в дни отречения. Мой собеседник, занимавший в 1917 году в одном из корпусов крупный пост арт. начальника, поведал, что в ту пору его командир корпуса был ген. Пустовойтенко.

Фигура и внешность этого генерала запечатлелась в моей памяти, хотя лично мне не довелось с ним встречаться, по фотографии, обошедшей все тогдашние журналы, широко тогда распространенные на фронте. Вероятно, эту фотографию помнят многие участники Великой войны.

Снимок этот изображает Государя Императора в Ставке, вероятно, в кабинете начальника оперативного отделения, на первом плане возле стола заваленного большими картами; тут же стоит генер. Алексеев, а по другую сторону стола видна представительная фигура ген. Пустовойтенко.

Так вот этот генерал (убитый революционной весной на фронте солдатами) моему собеседнику в разговоре привел такой случай, когда он (ген. Пустовойтенко), войдя в кабинет ген. Алексеева (дело происходило в Ставке), в коем в то время находился Государь, случайно сделался свидетелем сцены — генерал Алексеев настойчивым тоном убеждал Государя: «Ваше Величество! Дайте конституцию, дайте же конституцию!»

Эта деталь, характерная для вопроса здесь разбираемого, должна сделаться всеобщим нашим достоянием, как материал для будущей истории революции!

Она, эта деталь, является свидетельством, имеющим непреложную связь с исторической телеграммой ген. Алексеева всем Главнокомандующим и характеризующим взгляд ген. Алексеева на вопрос о павшем режиме!

В. КОНСТАНТИНОВ

Крагуевац.

Царский вестник. № 670. 31.7/13.8.1939. С. 4.

ЕЩЕ О КНИГЕ И. П. ЯКОБИЯ

Якобий написал замечательную книгу о покойном Императоре Николае II. По словам И. И. Тхоржевского «от нее расходятся во все стороны злобные волны, разъедающие темные лучи ненависти», а в «русском национальном лагере возникли споры, расхождения, чуть не раскол». Но ведь Якобий ничего нового нам не сказал. И раньше о последних днях нашей Монархии многие говорили то же самое, но все эти разговоры никого особенно не трогали. Поговорят немного об изменах, а затем мирно глядят на портреты вождей и внимают их заветам. И никто не старался отделить их «работы» во время революции от работы во время белого движения, а Якобий именно это и сделал. Вот почему его «разоблачения» и произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Он просто поставил уже известные нам факты на свои места и в его книге вся эта жалкая предреволюционная и революционная эпоха, представленная ничтожными людьми, производит воистину потрясающее впечатление. Но причем же тут автор, которого сейчас стараются стереть в самый мелкий порошок. Конечно, увидеть себя в его «писаниях», как в зеркале в таком неприглядном виде не особенно приятно, но, следуя русской пословице: нечего на зеркало пенять, когда у лиц, руководивших тогда судьбами России, «рожи» оказались кривыми. Конечно, задеты очень многие — и покойные, и живые — виновники русского краха. И сейчас всех их — и покойных и живых — начинают наскоро гримировать под горячих патриотов и мудрых государственных людей.

Напрасно: ничего из этого не выйдет! История очень скоро сотрет эти неподходящие гримы и покажет будущим поколениям среди боевых товарищей Императора и «патриотов» Государственной думы настоящих изменников, предателей и трусов, т. е. подтвердит именно ту характеристику, которую им дал Сам преданный ими Русский Царь.

И та же история покажет, что в это, самое позорное, время, которое когда-либо переживал русский народ, только одна фигура покинутого всеми Русского Императора высится над Своими современниками во всем истинно царском величии и красоте.

Но вот вопрос: нужно ли было писать такую книгу, которая, по словам И. И. Тхоржевского, разожгла в национальном лагере такие страсти? — Конечно! Нужно же спустя четверть века после крушения нашего Отечества сказать *однажды* правдивое слово о той эпохе, представители которой в свое время похоронили Цар-

скую Россию и создали интернациональный СССР, а сейчас являются почитателями и властителями эмигрантских дум.

К этой книге отношение, по-моему, должно быть такое. Прочтя ее, каждый из нас должен сказать, бия себя в грудь, как на католической исповеди: кто «mea culpa»; кто, нагрешившие побольше, — «mea maxima culpa». Некоторые же господа — нужно ли называть их имена? — просто должны биться головами о стены своих палат и редакций и орать на весь мір: «Это мы, такиесякие, погубили нашу Родину!» И единственно, кто так мужественно поступил, был П. Б. Струве[97]. В свое время он произнес о русской революции речь, которая была позже напечатана. И, если не знать имени автора этой брошюрки[98], можно было бы подумать, что ее написал, скажем, Б. А. Пеликан[99], а не П. Б. Струве. Да и на одной из своих последующих лекций прямо сказал, что если бы в свое время повесили его — Струве, Милюкова и Гучкова, то в России и революции никакой бы не было[100]. Вот это покаяние, сделанное пред недалеким уже отходом в иной мір, заслуживает всяческое одобрение, а меня лично примиряет с этим великим, но раскаявшимся грешником.

На книгу Якобия ополчились многие и, между прочим, полк. Пронин в «Русском голосе» и И. И. Тхоржевский в «Возрождении». Я являюсь большим поклонником талантов и изящного стиля Ивана Ивановича, но мне очень жаль, что он написал такую неискреннюю и, скажу более, грубую статью об этой книге.

Теперь в отношении Императора Николая II берется особый препротивный кисло-сладкий тон. Подразумевается, что это был очень неважный Монарх, не умевший выбирать сотрудников, всегда опаздывавший с реформами, а главное, не желавший ладить с Государственной думой, являвшейся выразительницей чаяний русского народа. Но так как Сам Царь и Его Семья погибли так трагически, то в мученическом венце Им и не отказывают. И только!

«Очистить, отскоблить, — говорит И. И. Тхоржевский в своей статье, — от чудовищной клеветы лики мучеников Государя, Государыни было необходимо, радостно и легко, но это сделано до г. Якобия. Он же хочет вывернуть наизнанку все и втащить в чистый блеск и Распутина!.. Но больных исторических тем или не касаться вовсе или уж говорит правду. История г. Якобия (якобы история!), как всякий убогий черносотенный лубок, — не поможет: в его трактовке русская революция и одиночество Государя необъяснимы».

Словом, г. Якобий, в противоположность историку Платонову[101], исторической обстановки не чувствует. Но наши историки и либеральные политические деятели чувствовали революцию только теоретически, а когда она выявилась на практике, все они поудирали за границу, оставив русский народ самому расхлебывать ту кашу, которую они заварили. По-настоящему же практически чувствовали революцию только такие зубры, как Достоевский и Победоносцев, но их предупреждения были гласом вопиющего в русской либеральной пустыне.

По мнению Тхоржевского, Платонов «справедливо считает основной причиной переворота разлад с *Думой*. "Правительство, — пишет этот историк, — осталось в уверенности, что может управлять страной вопреки ее настроениям. Тогда последовал государственный переворот"... Вот наше горе! Государь и вся волевая мужская энергия России были поглощены фронтом. А в тылу — друг другу противостояли, на верхах, только две взаимно ожесточенные, женские психологии: Императрицы и Думы».

Так подготовляются оправдательные материалы для будущих поколений! Но суть историка Платонова и самого И. И. Тхоржевского — это не есть еще суд истории. Ни «отскабливать», ни «очищать» лики Царственных Мучеников нечего! Вся грязь, которой так усердно забрасывали эти лики наше общество, отпадает со временем сама собою, без всякого снисходительного участия современных историков. Пусть лучше они обеляют, если это только возможно, настоящих виновников гибели нашей Родины — и военных и гражданских.

И. И. Тхоржевский, обрушиваясь на Якобия, вытаскивает из либерального реквизита старую бутафорию — ужасных черносотенцев и Распутина, и начинает ими пугать публику. Но не думаю, чтобы в переживаемое нами время это куда-никуда годилось. До революции кличку «черносотенец» было получать легко. Если вы не почитали Думу, не читали Милюкова и стояли за Самодержавие, вы автоматически превращались в черносотенца и выходили из строя приличных людей. Признаки «эмигрантского черносотенца» еще не ясны. Но уместно ли теперь, когда у нас имеются уже известные исторические перспективы, а в Европе появились самодержавные диктатуры, употреблять такие старорусские интеллигентские выражения о черносотенцах — «убогий черносотенный лакейский лубок», как г. Тхоржевский пишет о черносотенце Якобии и о его книги. Хорош лубок, ко-

торый вызвал целую «литературу» и наделал в эмиграции настоящий переполох. И почему «лакейский». Пред кем и зачем сейчас «лакействовать»? Лакействовать-то теперь было бы гораздо выгоднее в противоположном направлении!

В конце концов, желательно узнать *настоящую* характеристику этих черных отверженцев, которые и в эмиграции не дают покоя нашим умникам.

Я сам, как определяют мои друзья, по-видимому, принадлежу horibile dictu к этим чудовищам, но должен сознаться, что так толком и не знаю, что это, собственно, за существа. Как мне объясняли раньше, это мракобесы, являющиеся приверженцами твердой самодержавной власти, отрицающие всякий парламентаризм и стоящие за патриотическое и религиозное воспитание народа. Благодаря этому они и получили в свое время различные клички: «ура-патриотов», «зоологических националистов», «зубров» и т. д. Свои идеи они, будто бы, старались внедрять в массы, где это было возможно при помощи резины, кулаков и даже убийств (говорят, как-то ухлопали одного левого члена Гос. думы, проповедавшего иллюминации помещичьих усадеб). Склонны к еврейским погромам. Главное ядро этой черной партии набрано было не из верхов и интеллигенции, а из гущи демоса, обычно называвшегося «подонками общества». Государственная власть от этих париев отворачивалась, а при П. А. Столыпине все эти патриотические организации были начисто ликвидированы. Но не напоминает ли читателю программа и работа наших черносотенцев того, что проповедают и что делают в Европе самые блестящие современные политики?

Разве Муссолини не начинал свое дело с такими же черносотенными «отбросами», навербованными из подозрительных таверн окрестностей Рима при поддержке святых отцов? Разница только та, что ему удался поход на Рим, где ему посчастливилось вырвать власть из слабых рук тогдашних либералов, и таким образом спасти Италию от коммунистического погрома. И уже позже он приступил к организации своей партии и начал политико-экономические опыты, которые сейчас характеризуют итальянский фашизм; нашим же черносотенцам просто не повезло. Они были лояльны и хотели работать с властью, а не против нее.

Черносотенцы отвергли парламентаризм, но не являемся ли мы в настоящее время свидетелями повсеместного кризиса этой политической системы и торжества тоталитарности?

Затем: нечего и греха таить, в деле еврейских погромов и Гитлер пошел куда дальше д[окто]р[а] Дубровина, Пеликана и других черносотенных вождей. И я думаю, немецкие евреи сейчас вздыхают по русским погромам, от которых страдали главным образом еврейские перины и подушки.

И, наконец, самого творца черносотенного движения просвещеннейшего и высококультурного Победоносцева разве можно назвать мракобесом потому только, что в свое время он отстаивал те начала, которые в настоящее время проводятся на практике у самых передовых народов, являются последним словом государственности, а Италию и Германию спасли от ужасов большевизма? Притом, разве сам Победоносцев и его последователи были против разумных реформ, вызываемых развитием государственной жизни страны?

Таким образом, выходит эти русские черносотенцы как раз придерживались тех принципов, которые в наше время являются единственно действительными против захлестывающего весь мір коммунизма.

К сожалению, к началу революции все правое патриотическое движение было уже окончательно ликвидировано, и в трагический момент, когда в Петрограде разразился бунт, государственной власти в столице не на кого было опереться, кроме как на верных городовых, ведомых, однако, против толпы безтолковым градоначальником при благожелательном к революционерам нейтралитете высшего военного начальства.

Хотелось бы мне сказать несколько слов и о Распутине: у меня на него особый взгляд, но, не желая смущать чистые души читателей «Царского вестника», о нем поговорим как-нибудь в другой раз*. Теперь только скажу, что будь на его месте люди даже самой святой жизни, вроде, скажем, о. Иоанна Кронштадтского или митрополита Антония, все равно на них, как на идейных столпов Самодержавия, было бы вылито еще больше грязи, чем на грешного сибирского мужика.

Сейчас, конечно, не время оценивать Царствование Императора Николая II в целом, но на его роли в Великую войну остановиться стоит, и поставить несколько вопросов. Между прочим, такой: что если бы этой революции не было и Россия осталась

---

*Наше отношение к Распутину изложено в речи Н. П. Рклицкого, произнесенной 13 апреля в Институте изучения России и напечатанной в № 653 «Ц. В.». Это отношение — резко отрицательное. — *Прим. ред. [«Царского вестника».]*

бы в рядах победителей, не достигла ли бы она в настоящее время величайшего благополучия, к которому она и в мирное время шла гигантскими шагами?

Конечно, да! Не говоря уже о проливах, Константинополе и, конечно, Галиции; она обезпечила бы себе исключительное влияние в Турции и Персии и таким образом закончила бы свое территориальное округление. Внутри же земельные реформы дали бы крестьянам землю, а переселенческое дело обезпечило бы азиатским окраинам могучий расцвет русской культуры. У нас было все: и плодородная земля, и леса, и хлопок, и нефть, и всяческие металлы. Скота было вдоволь, промышленность делала огромный успех. Мы не нуждались бы ни в чем и ни в ком и Россия должна была бы превратиться как бы в особую часть света.

Выигрыш войны дал бы великие результаты, а Император Николай II в памяти благодарного потомства заслужил бы право считаться одним из Великих Русских Монархов.

Теперь еще вопрос! Действительно ли мы были накануне победы?

Конечно были! Этого не отрицают и сами устроители революции и даже возникновение ее объясняют необходимостью покончить с монархическим режимом еще до предстоящей победы. Мне самому, в качестве представителя М[инистерства] В[нутренних] дел и Верховного начальника Санитарной части, приходилось участвовать в Ставке на больших военных хозяйственных совещаниях под председательством ген. Алексеева, и на последнем таком совещании, незадолго до революции, там царило твердое убеждение в успехе наших военных операций: всего было вдоволь!

И для достижения этой победы сотрудники Императора, особенно же Его боевые товарищи во главе с ген. Алексеевым, должны были сделать все, не жалея животов. Они должны были или победить или с честью умереть, как это делали простые солдаты на полях сражения. Но живот свой за Россию положил в тот трагический период войны только Один Император, а Его сотрудники уже значительно позже начали штопать свои потрепанные красные тоги белыми заплатами.

Да генералам и умирать было бы не нужно, им следовало бы подождать с поддержкой революции только до весны, даже без всякого наступления. Ведь нужно же по совести сказать, «не выворачивая историю наизнанку», что для тыла, т. е. для всей Рос-

сии революция явилась полной неожиданностью, а на фронтах настроение, несмотря на все усилия «союзов», было совсем неплохое. Бурлил только Петроград с его Государственной думой. В столице дружно работали над устройством революции и наши революционные «патриоты» и агенты Людендорфа, а всем им любезно помогали аккредитованные представители наших благородных союзников, боявшихся нашей победы, как огня.

О неизбежности революции пусть говорят позже, после нашей смерти. Мы же, пока еще живые, современники, всю эту ловкую предательскую работу видели собственными *глазами* и втереть нам очки никаким новоявленным историкам не удастся.

Выше были подведены итоги русским военным возможностям и того, что было возможно в действительности в конце Великой войны. Ошибок в выводах нет.

Теперь спрашивается, как же назвать тех ответственных политических деятелей и высших военных сотрудников Императора, которые, нарушая присягу, предали и своего Царя и свою Родину?

Если многим не нравится данное Якобием название, пусть придумывают какие-нибудь другие синонимы. Но вряд ли это изменит существо дела.

И. И. Тхоржевский лицемерно выгораживает от ответственности нашу Государственную думу. Но первые две Думы были чисто революционными и просуществовали лишь короткое время, а последняя ожидала только подходящего случая, чтобы свергнуть ненавистный монархический строй.

Для оправдания «работы» последней Думы И. И. Тхоржевский находит самые неожиданные красивые и даже нежные слова. Наша Государственная дума, оказывается, являлась носительницей капризного женского начала и, как с таковой, с ней нужно было уметь обращаться. Пусть так, но все же, что бы там ни говорили, она собрала в своих стенах, казалось бы, самые ценные мужские сливки страны. Но, по-видимому, они были плохо собраны и уже достаточно испорчены, ибо в самый ответственный момент русской истории они не выдержали высокой боевой температуры и скисли.

В самом деле, когда дело шло о победе, т. е. о спасении и величии России, какие могли быть разговоры и о недовольстве Императрицей или случайным составом Правительства? И уже менее всего, если в Думе были серьезные люди, а не обыкновенные провинциальные сплетники, они не должны были об-

ращать внимание на все пакостные городские слухи и пересуды о старце — но, к сожалению, слабые женские нервы гг. членов Государственной думы не выдержали и они истерически взбунтовались. Устроители бунта как раз этого и хотели, ибо были уверены, что с победой ненавистный им монархический строй в России укрепится.

Это ясно, как Божий день, и спорить тут не о чем!

И думается мне, что «черносотеннные лубки», подобные «писаниям» Якобия, для будущего суда истории дадут более ценные и правдивые материалы, чем лицемерные книги и статьи современных талантливых, но не искренних, историков и публицистов.

Е. ДЖУНКОВСКИЙ

Царский вестник. №№ 671-672. 7/20, 14/27.8.1939.

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ» И. П. ЯКОБИЯ

Пред вами суд и правда — все молчи!..
Но есть, есть Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет,
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью —
Оно вам не поможет вновь
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Святую праведную кровь.

[по М. Ю. Лермонтову]

И. П. Якобий написал книгу «Император Николай II и революция».

Прекрасная, доказательная, исключительно ценная книга!

Книга написана человеком широко и полно осведомленным, человеком широкого кругозора, человеком глубоких и обоснованных выводов.

Написана Sursum corda — горé имея сердце, с истиною любовью к Государю и Его Семье, к России с безкомпромиссным, открытым и смелым осуждением виновникам Их гибели.

Эта книга — ключ к пониманию совершившегося, совершающегося и еще имеющего совершиться.

Посвящена книга «Священной памяти Великого Государя Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны, приявших вместе с Детьми Своими мученическую кончину за Святую Русь».

В условиях нашей действительности книгу эту каждый должен, если не иметь у себя на столе постоянно, то прочесть, проштудировать и усвоить.

Казалось бы, появление ее должно было быть встречено общей признательностью.

Книга переведена на несколько языков — косвенное доказательство ее ценности.

И совершенно неожиданно *среди русской белой эмиграции* появление этой книги вызвало вопли негодования.

Необходимо оговориться: не среди т[ак] ск[азать] рядовых эмигрантов, а среди лиц, претендующих на роль выразителей их взглядов и настроений и даже на роль руководителей, попечителей и охранителей.

Обоснованной и доказательной критики нет. Более умная, открыто левая, пресса обошла ее молчанием, т. к. возразить на нее нечего.

Зато недавние сотрудники людей, с тупым упорством слепцов готовивших русскую революцию и ныне тщетно пытающихся найти себе оправдание, по некоему, не сразу расшифрованному, сигналу подняли настоящий гвалт.

Первый начал гвалт ген. Деникин, за ним последовал ворох статей, писем в газеты, постановлений, протестов и т. д. Не остался безмолвным г-н Тхоржевский в «национальном» органе «Возрождение», и даже в «Русском голосе» грянул гром, правда не из тучи, а... от гг. Пронина и Никольского.

И весь гвалт не по существу и не на тему.

Весь гвалт направлен на опорочивание всей книги И. П. Якобия в целом, а способом такого опорочивания избрана «защита» вождей Белого движения.

Под соусом такой «защиты» книга И. П. Якобия изображается квинт-эссенцией мракобесия, а автор — недостойным клеветником на рыцарей без страха и упрека.

И. П. Якобий исчерпывающе полно ответил на этот гвалт, что предметом его книги ни Белое движение, ни его вожди и их деятельность не являются, и если некоторые из них упомянуты в ней, то исключительно в связи с отношением их к революции, совершенно независимо от их предшествующей военной и последующей военно-политической деятельности.

Казалось бы, на этом можно было поставить точку, но нет, оказывается все же И. П. Якобий — клеветник, книга его — мракобесие и он совершил преступление, раз дерзнул ее написать и издать.

В книге 380 страниц. Имена «защищаемых» названы: генерала Алексеева на 48 страницах, генерала Корнилова на 16 страницах, именно лишь названы, но не все эти страницы полностью относятся к названным лицам. Не много?

Однако же: И. П. Якобий повинен презрению.

За что? — За отрицательную оценку деятельности генерала Алексеева в связи с его отношением к революции и ген. Корнилова за арест Государыни и смену стражи.

Не могшему не принять вызова Дантессу фон Геккерену был брошен пламенный упрек: «Не мог щадить он нашей славы, не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал»... И Д. ф. Геккерен ушел в историю заклейменным этим упреком.

Какое же клеймо будет достаточным для тех, кто поднял руку на Россию, на Государя, кто принял участие в заговоре?

Ах, они действовали bona fide! Они руководились желанием России добра!

Несомненно. Но в своей самодовольной самоуверенности они считали себя способными судить; судили, осуждали и этим сами осудили себя. Подняв руку на Россию, на Государя, они не могли понять в сей миг кровавый, на что они руку поднимали.

А что сказать об офицере да и о любом должностном лице при Царствующем Государе, Которому им принесена присяга, вступившем в заговор против Государя?

Или для высокопоставленного генерала уже не обязательна принятая им присяга «споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не только о том благовременно объявлять, но всякими мерами отвращать и не допущать потщуся»!!?

Или, м[ожет] б[ыть], последующее участие и руководящая роль в борьбе против большевиков амнистируют предыдущее преступление против России и Государя?

Какое участие? Одно — расплата за тягчайшую ошибку жизнью в бою, другое, если оно остается лишь участием, — затем окончено смертью от недугов и старости.

Где граница для определения мотивов делаемого? У кого это идейное побуждение. У кого — попытка избегнуть несомненно предстоявшей участи ген. Духонина.

Впрочем, эти вопросы и не затронуты в книге И. П. Якобия. Если они возникают, то лишь в результате неумной, ненужной и в основе своей фальшивой кампании против нее.

Нет более крепкой спайки, чем спайка кровью в боях, чем спайка совместной борьбой за одну идею.

Но нет большей и горшей ошибки как замалчивание истины или искажение ее. Нельзя в труде историческом допускать замалчивание, кричать «ура» во что бы то ни стало.

Нельзя и предъявлять таких требований к исторической работе.

Каждый, имевший честь и счастье быть участником Белой борьбы, отдает должное ее руководителям.

Но каждый знает и их ошибки. Знает, как после гибели Корнилова были брошены на надругательства и мученическую смерть раненые в станице Елизаветинской; как с целью недопустимой агитации распространялись в частях на фронте «письма» начальника к старшему начальнику; как в ущерб общему делу составлялись и проводились заговоры для устранения более талантливого, «слишком реакционного» соратника; каждый знает Новороссийскую трагедию и многое другое.

Никто не кричит об этом и каждый, вспоминая пережитое, скажет: «И все грешное, крамольное, отошедшему прости. Отпусти земное, дольнее, дай успение безвольное и невольное и вольное прегрешение отпусти».

Но в исторической работе замалчивание истины — преступление перед истиною.

И нельзя требовать какой-то канонизации во что бы то ни стало, вопреки истине, тех людей, кто волею судьбы вошел в историю. Оценка их деятельности свободна.

И если для одних все в их деятельности безупречно и достойно удивления и преклонения, а сами они канонизированы, то для таких же белых и участников Белого движения эти заключения и канонизация не обязательны.

Эти азбучные истины известны, конечно, и хулителям И. П. Якобия.

Значит его «Преступление» в чем-то другом, о чем не хотят сказать прямо.

В чем же?

И. П. Якобий совершил целый ряд «преступлений».

1. Он выявил истинный образ Государя Императора Николая II, столь оклеветанного злостной и предательской молвой. Этим

он кладет предел самооправданию вчерашних предателей и их сторонников-защитников, которые сегодня дерзают присоединить и свои голоса к ненужному хору пустых похвал и жалкому лепету оправданий. Разве это можно простить И. П. Якобию?

2. Он указал, где родилась русская политическая революция, кто ее настоящий виновник, и этим положил предел столь удобному «мы все виноваты». Разве это можно простить И. П. Якобию?

3. Он доказал преступно-глупую роль «прогрессивных» министров, заговорщиков-генералов, будировавших общественных деятелей. Разве это можно простить И. П. Якобию?

4. Мало этого, он назвал и навсегда заклеймил имена всех этих преступных персонажей. В изобилии этих Поливановых, Самариных, Барковых, Сазоновых, Львовых, Коноваловых, Родзянок, Рузских, Крымовых и tutti quanti, среди которых есть не только ныне здравствующие, но посягающие на роль «руководителей и деятелей» и даже играющие эту роль. Разве это можно простить?

5. И, наконец, он дерзнул доказать роль международного еврейства и масонства в гибели России и Государя. Доказать, что все эти самонадеянные «спасатели отечества» были лишь послушными, глупыми, пустыми, надутыми марионетками в руках жидо-масонов и указать, что «в русском зарубежье масонство захватило руководящую роль, прочно засело в нашем б. дипломатическом корпусе, широко распространилось в военной среде, проникло на "командные посты" русской общественности и наложило руку на русскую печать». Он указал на существующую и серьезнейшую опасность. Разве это можно простить И. П. Якобию?

Вот «преступления» И. П. Якобия и за них он «повинен смерти».

Книга его — ключ к разумению совершающегося и имеющего совершиться.

Низкий поклон ему за это.

Вл. КУТЫРИН

Царский вестник. № 676. 11/24.9.1939. С. 2-3.

Буквально в те же дни (21 июля 1939 г.) газета «Возрождение» на своих страницах приводила слова председателя Союза ревнителей памяти Императора Николая II В. В. Свечина на собрании-встрече его членов в день 21-й годовщины убиения Царской Семьи:

«Погиб Помазанник Божий, погибла от руки злодеев Царская Семья. И вслед за тем погибла Великая Империя, и мы ныне — в рассеянии...

Екатеринбург — следствие Пскова (как известно, Государь вынужден был подписать отречение в Пскове); Псков — следствие петербургского мятежа. Мятеж этот можно было легко подавить, если бы все те, кому Государь доверял, исполнили свой долг. Тогда не было бы ни трагедии Царской Семьи, ни трагедии России. Но "служилые люди" уже не чувствовали Родины, забыли о присяге, о долге, — они требовали от Царя отречения»[102].

В развернувшейся в эмиграции после выхода в свет книги И. П. Якобия полемике принял участие уже знакомый нам ученый-психиатр, участник русско-японской, Великой и гражданской войн полковник Н. В. Краинский:

ВОЖДИ И ЗАВЕТЫ

Двадцать два года прошло с того момента, когда заговорщики Государственной думы, в союзе с царскими генералами, окружавшими Государя в Ставке, и с высшими сановниками Империи, предали своего Царя и Верховного Главнокомандующего Действующей армией и отреклись от режима, олицетворявшего величие старой России. Февральские заговорщики направили Россию на путь гибели и предопределили тот путь Голгофы, который с непоколебимым достоинством и честью прошел Император Николай II. На протяжении двух десятилетий ядовитые газы революции продолжают дурманить мозги людей и заволакивать трагедию февральских дней 1917 г. туманом больных легенд и революционным бредом, искажающим дореволюционную жизнь и обезславливающим прошлое Великой России.

Несмотря, однако, на победный клич революционных фанфар, уже пробивается на свет Божий горькая истина февральских дней. Пренебрежительно окрещенный революционной интеллигенцией «слабым Николашкой» и злобно прозванный настоящими революционерами «Николаем Кровавым», Государь воплотился перед лицом прозревшего общества в героя-Царя, в могучий по своей твердости, благородству, мудрости и чести образ. И даже легенде распутиниады не удалось наложить пятно на этого величайшего в своих поступках и благороднейшего по Своим идеалам Русского Монарха.

Во всем ужасе предстала пред лицом отрезвевшего общества драма в Ставке, и из титанов переворота ее актеры преврати-

лись в предателей Государя, изменников Родине и виновников гибели России. Весь пресловутый февраль, весь период владычества самого глупого и самого безчестного Временного правительства, какое когда-либо знал мір, и вся так называемая керенщина, окунулись в российский срам и только розовая эмиграция продолжает славословить этот позор русского народа и государства. «Иудин поцелуй» в сцене прощания Царя в Ставке завершил первую сцену Вальпургиевой ночи русской революции, а смрадные клубы революционного дыма заволокли на долгие годы душу русского народа.

На ленте этого прошлого проявляются два деяния людей, виновных в февральской катастрофе. Первое деяние, мало замеченное, но огромное по своим последствиям, это «Быховское сидение» группы царских генералов, замешанных в февральском предательстве. Второе деяние, — это прозрение генерала Алексеева, его раскаяние и попытка спасти Россию созданием Добровольческой армии.

Первая картина проявлена в истории генералом Головиным. Семь царских генералов в своем заключении вырабатывают знаменитую отныне программу отречения от старого строя, от исторической России, от заветов и чести Императорской армии. Генерал Головин говорит, что эта программа ничем не отличается от таковой и заветов Керенского и тождественна с программой Корнилова, который определенно становится на революционные и республиканские рельсы. По заветам Быховской программы в будущем Белые армии отрекутся, в лице их вождей, от Державного гимна, от исторического лозунга «За Веру, Царя и Отечество», а корниловские батальоны будут петь свой гимн о том, что «Царь нам не кумир». Завершится осуществление этой программы надгробною плитой над традициями русского воинства в форме приказа № 82, как началась гибель Русской армии изданием приказа № 1.

Попытка генерала Алексеева спасти Россию созданием Добровольческой армии отчасти искупает его роковые деяния в дни отречения в Ставке. Но его благим намерениям не суждено было сбыться: Белое движение Россию не спасло.

В современной эмигрантской литературе розового колорита господствует течение, которое думает, что на трагические деяния февраля следует надеть шапку-невидимку: замолчать скорбные деяния предателей России и превратить бывшее в небывшее. Это мотивируется искуплением своих ошибок главными виновниками и созданием Белым движением «вождей и заветов», кото-

рые будто бы могут вывести Россию на путь спасения. Завет великого растлителя земли Русской — непротивление злу — едва ли применим к трагедии русского народа.

В последнее время это течение особенно резко проявилось в нападках на прекрасную книгу Якобия о Государе Николае Втором. Выступают против осуждения и порицания деятелей февраля. Мотивами защиты их и замалчивания выставляются заслуги Белого движения и достоинство его вождей. Не оспаривая реабилитации Императора, предъявляется невыполнимое требование восстановить действительный лик Государя и Его деяний в трагические часы гибели России, и замолчать, если не оправдать, деяния лиц Его предавших и толкнувших на путь гибели.

Эта же тенденция проводится давно в Обществе памяти Императора даже таким заслуженным деятелем Императорской России, каковым является генерал В. Е. Флуг. Как будто бы возможно одновременно защищать память Императора и чтить Его предателей!*

---

* Эта тенденция замалчивания деяний, погубивших Россию, послужила поводом для выхода моего из числа членов Правления Общества, каковым я состоял около десяти лет. Этим своим выходом я также выразил протест против совершенно недопустимого поступка: удаления из числа членов Общества заслуженного монархического деятеля Николая Павловича Рклицкого. Последний сделал для восстановления светлого образа Императора Николая II один больше, чем все вместе взятые члены Общества в течение десятка лет, в своем печатном органе служа делу реабилитации покойного Государя от революционных клевет. Почтенный генерал В. Е. Флуг, не имея на то полномочий со стороны Правления, предъявил Н. П. Рклицкому требование выйти из состава членов Общества, хорошо понимая, что такой акт кладет тень на человека. Мотивировал он свое требование, или как он говорил пожелание, предложением лица — русского — занимающего в эмиграции высокое служебное положение. Таким образом, не может быть речи о частном порядке такого выступления. Наконец, главным мотивом моего выхода послужило то, что в числе почетных членов Общества памяти Императора оказался Б. М. Орешков. Деятельность этой личности прошла на глазах всей эмиграции. Я не сомневаюсь, что на любом суде революционное направление этого сподвижника одного из главных заговорщиков против Царя Челнокова будет точно доказано, но никто, конечно, не сомневается в том, что все симпатии этого лица стояли не на стороне Монарха, чтить Которого призвано Общество Его имени. Эта деятельность полно отражена в эмигрантской прессе и была предметом подробного обсуждения Русского комитета, зарегистрировавшего ряд очень печальных фактов из его деятельности. В таком выборе в почетные члены означенного лица я усматриваю полное неуважение к памяти Царя-Героя и думаю, что для восстановления престижа Общества оба последние акта должны быть не замолчаны, а отменены. К большому сожалению я сам поздно узнал об этом последнем деянии Правления и потому не мог реагировать раньше.

С этой точки зрения совершенно правильно поступил генерал Архангельский, выйдя из Комитета по постройке Храма-Памятника в честь Императора Николая II. Маститый царский генерал без колебания сделал выбор между Императором и Его предателями.

Еще предосудительнее указание, сделанное мне в письме генерала, на возможность расправы насилием со стороны родственников деятелей, поступки коих осуждаются. Против насилия есть противонасилие и тот, кто ведет борьбу за истину, не должен бояться таких угроз. Такое деяние со стороны близких лишь закрепило бы виновность их отцов. Я не постигаю, почему, например, нельзя осуждать Родзянко и Алексеева, а можно жестоко шельмовать Штюрмера и Меллер-Закомельского: ведь и у них есть близкие, живущие между нами. И, конечно, ни один здравый человек не станет переносить ответственность за деяния исторической личности на их родных и потомство.

Громы, разразившиеся из розово окрашенных туч революционного небосклона на правдивое слово г. Якобия о благороднейшем Русском Императоре, ядовитыми молниями пронзили вместе с автором труда о Государе и тех блаженной памяти русских «черносотенцев», которые не пожелали стать врагами безкровной дамы в лучезарном одеянии, именующейся русской революцией. На «черносотенный лубок» горячего русского патриота обрушился бывший сановник Императорской власти Тхоржевский, прошедший хорошую школу министра-ренегата Кривошена. Он, пренебрежительно-снисходительно третируя Великого Императора, обратил свои симпатии к тем новым силам и людям, которые и до сих пор славословят революцию и поют сладкие песни Государственной думе. И даже настоящее солнце воскресения России не привлечет к себе этих заблудших душ предреволюционных деятелей и бывших императорских чиновников.

Любопытно, что эти защитники памяти деятелей февраля ни словом не обмолвились в те дни, когда память Императора и Династии шельмовалась журналистами Ксюниным и Глуздовским и когда в эмигрантских кругах проявлялось явное неуважение к императорскому прошлому, а когда против этого поношения выступили 24 офицерских организации, со стороны непредрешенческих вождей последовали репрессии против подписавших протест.

На этом фоне в эмиграции возникло течение, созданное и поддерживаемое творцами непредрешенства, противопоставля-

ющее Белое движение, как военное, таковому Российской Императорской армии, а заветы Белого движения — идеологии Императорской России. Нисколько не обезценивая заслуг бойцов Белой армии, я, как участник Белого движения, не могу не подчеркнуть того факта, что все герои полей сражения гражданской войны были доблестными офицерами Великой войны, а молодежь, беззаветно умиравшая в рядах бойцов, была воспитана Императорскою Россией и тогда от нее не отрекалась. Чтобы читатель не подумал, что это говорит человек, не прошедший горнила гражданской войны, и чтобы оправдать свое право иметь суждение о Белой армии, я приведу здесь отрывки из официальной аттестации моего боевого начальника:

«В моменты боя, в связи с незаурядным мужеством, каждый раз находили ученого доктора медицины в самых передовых линиях с винтовкою в руках, положения, из которых он выходил неизменно в числе последних, зачастую прокладывая себе путь штыком и пулею. Многократно присоединялся с разрешения ближайшего начальства к передовым разъездам или дозорам, отправлявшимся на самую рискованную разведку...» Деятельность же моя по расследованию злодеяний большевиков, как члена Особой комиссии при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России, засвидетельствована и аттестована приказом большевиков, поставившим меня вне закона, приказом генерала Рерберга в Киеве и официальною квалификацией высоколестной для моей деятельности и личности, данной бывшим начальником штаба генерала Деникина генералом Махровым Югословенскому суду в процессе моем с бывшим деятелем чека.

Могу уверить, что не непредрешенческая идеология толкала меня на путь убийства себе подобных. Я, как и огромное большинство соратников, пошел в ряды Добровольческой армии во имя спасения великой исторической России, а вовсе не в защиту Быховской программы и будущих вождей Белого движения.

Поля сражений были полны подвигов и безграничной храбрости добровольцев и их боевых начальников, которые тогда не носили титула «вождей». Безконечно трудна была обстановка этих боев. Но в конечном результате вся белая война окончилась поражением, а поражениям обыкновенно воздается должное, но о них не гремят военные фанфары. И даже если воздать военачальникам Добровольческой армии все должное, разве может их участие в контрреволюционных боях затмить подвиги, совершенные ими на полях сражений Великой войны? Почему

отступают на задний план засвидетельствованные в истории подвиги генералов и героев Великой войны, тех же Деникина, Врангеля, братьев Драгомировых, Барбовича и многих других? Разве можно сравнить то, что совершили эти герои во время Великой войны, с теми поражениями, которые они — не по собственной вине — претерпели в войне гражданской?

Я, как участник катастрофы на Мазурских озерах, могу в душе утешаться тем, что я исполнил свой долг, но разве печальный разгром в Гольдапе может послужить основанием для гордости уцелевшего? Величайшее унижение есть плен или интернирование разбитой армии на чужбине. Каким образом галлиполийское сидение или страдания на Лемносе (которые я также претерпел) могут стать объектом гордости? И когда я гляжу на галлиполийский значок, я вижу в нем символ российского горя и страдания, а не величия подвига.

В последнее время в печати появились два оповещения идеологов Белого движения, — письма генералов Деникина и Драгомирова. Генерал Драгомиров в своем манифесте в унисон с теоретиками непредрешенства призывает к соблюдению заветов вождей Белого движения.

Каких вождей и каких заветов?

Алексеев, Корнилов, братья Драгомировы, Врангель, Барбович, Абрамов и многие, многие другие, ныне возведенные в сан вождей Белого движения, для меня суть герои Императорской армии, многих из которых я помню еще по Маньчжурии. Они — бывшая опора государства Российского и тогдашние их заветы были заветами Императорской России, а они были доблестными воинами, а не вождями. Они остались лично героями и на полях сражения Белых армий. Но как военачальники они эту войну проиграли.

Я знаю заветы исторической Императорской России и заветы Императора Николая Второго. Это — безграничная любовь и преданность России. Это шестая часть земной суши, занимаемая Россией. Это завет Царя-Освободителя, данный русскому народу: «Осени себя крестным знамением, русский народ, и живи счастливой свободной жизнью». Это — честь воинская, благородство и героизм. Символы Великой России — это Державный гимн и лозунг «За Веру, Царя и Отечество».

О каких лозунгах и заветах говорит генерал Драгомиров? О заветах Алексеева? Но этот маститый генерал дореволюционного времени воплощал в себе полностью заветы Императорской

России и никто, конечно, не станет считать заветами его февральские роковые деяния. И в период добровольчества генерал Алексеев мечтал вернуть армию к Императорским знаменам и исправить свои ошибки.

Считать заветами свержение Императора и арест Семьи? — Это только проявление бредового массового безумия, когда лучшие люди не ведают того, что творят.

Завет генерала Деникина — «единая, неделимая Россия»? Но ведь это только кусочек заветов Императорской России! У генерала Деникина на полях сражения Великой войны есть настоящие заветы Великой России: это традиции Железной дивизии, которою он командовал и пример Луцкого прорыва.

Недосказанный завет Врангеля — это «хозяин земли Русской», под которым тогда в Крыму все разумели Императора Всероссийского.

Об отрицательных заветах быховских генералов — об изъятии гимна, об отречении от исторического лозунга, о приказе № 82 — говорить не стоит: их надо скорее забыть, ибо это есть проявление бреда, а не заветы.

И пусть в будущем, когда апостолы непредрешенства будут говорить о заветах, поясняют — о каких? Я таких заветов не знаю и на полях сражений Белых армий о таковых не слыхал. Заветы же Корнилова и Керенского мне чужды.

Автор «манифеста», генерал Драгомиров — доблестный генерал Императорской армии. Это бывший превосходный главноначальствующий Киевской области во время добровольцев, под начальством коего я имел высокую честь служить. Он сын маститого героя турецкой войны, при трех Императорах бывшего в числе столпов Империи. Каким образом этот герой свернул с пути своего отца и своего лично и попал в стан непредрешенцев, — для меня непонятно. Как мог этот воин отречься от суворовских заветов «ч..... моста» и стал в подчинение тому «навозу», который, по выражению командующего Добровольческой армией, она во время Ледяного похода «тащила на своем хвосте»? В дни уличных боев в Киеве, которые я вел в составе офицерской роты и Волчанского отряда, я видел генерала Драгомирова проезжавшего под огнем эти участки в форме генерала Императорской армии. И как невероятно показалось бы мне тогда тень Абрама Михайловича в тоге апостола непредрешенства, допускающего отречение от Императорских знамен и отрекающегося от грядущего законного Царя всея России!

И сравнивая два образа: прежнего полководца Императорской армии и нынешнего вождя непредрешенства, я бы хотел, чтобы мои глаза не видели, а уши не слышали откровений этого второго деятеля.

Я лично всегда симпатизировал Абраму Михайловичу, служил в свое время под ближайшим начальством его отца, и, конечно, скорблю, что близким к этой доблестной семье является такой вредитель Императорской России, как генерал Лукомский. Есть метаморфозы, которые я, несмотря на мою компетентность в душевных надрывах, как профессор психопатологии, отказываюсь понимать.

Второе выступление принадлежит генералу Деникину. И к этому генералу я был проникнут симпатиями и уважением. Участием в возглавляемом им движении я когда-то гордился. Лично я очень дружен с одним из его ближайших сотрудников, генералом Махровым. И я знаю, что в нашем міровоззрении есть много общего. Но политические наши тенденции совершенно различны. Я сторонник заветов Великой России, а не Белых вождей. Я чту военную славу Деникина во время Великой войны и былую верность славной Железной дивизии Императорам Всероссийским. Но я не приемлю и не уважаю заветов генерала Деникина времен заката его славы и гибели России. Судьба дала генералу Деникину в удел полное поражение и провал похода на Москву. Заветы Деникина не были приняты русским народом. Мы хорошо помним отношение к «деникинским кадетам» и «золотопогонной сволочи» русских народных масс и полуинтеллигенции. Не признаны были деникинские идеалы и огромным большинством его бойцов, которые были настоящими русскими офицерами и монархистами по убеждению. Наконец, фатальное «особое совещание» с участием разрушителей России и с приобщением к Белому движению Струве и Савинкова окончательно вонзило нож в спину гибнувшей России.

Что же теперь на закате дней своих и пред лицом гибнущей России говорит генерал Деникин? Он воздает славу Корнилову и его заветам. Он говорит об идеологии вождей РОВСа, о непредрешенстве, о неслиянии с движением, кристаллизующимся вокруг Законного Преемника Престола Российского. Он требует замалчивание трагических дней Ставки и реабилитации ее деятелей.

Напрасный труд. То, что вошло в историю — не вычеркнешь, как не вычеркнешь и заслуг генералов Алексеева, Деникина и других со страниц истории Великой войны.

Как психиатр, я могу понять поступки, совершенные в состоянии безумия. Но простой смертный, с душой русского человека, едва ли сможет примириться с пережитым срамом.

Законы массовой психологии владеют событиями. После страшного повального бреда наступает протрезвление. Но инерция психической заразы велика и долго еще над гибнущей Россией будет царствовать мрак, пока не прорвут его свежие силы воскресения. С этой точки зрения выступления двух бывших генералов великой Русской армии представляют собой отголоски того страшного бреда, который уничтожил державу Российскую. Возразить им надо и я делаю это с тем более тяжелым сердцем, что обоих этих исторических деятелей я лично уважал и был проникнут к ним искренними симпатиями, как к героям, доблестно послужившим в свое время Великой Императорской России.

Профессор Н. КРАИНСКИЙ

Крайнский Н. В. **Вожди и заветы. Белград. 1939. С. 1-8.**

Откликнулся и известный русский эмигрантский публицист И. Л. Солоневич. Его статьей, написанной в Германии, мы и завершаем предвоенную часть полемики по поводу книги И. П. Якобия:

ЗА ТЕНЬЮ РАСПУТИНА

Возрождение Холливуда

На холливудских экранах міровой печати — в том числе и эмигрантской — снова мечется пресловутая распутинская тень. Снова обсуждаются причины крушения Империи. Эмигрантская публицистика уровнем своего понимания снова пытается перещеголять холливудских режиссеров. Становится и грустно, и противно.

Вопросу о крушении Империи и Монархии посвящены две книги: И. Якоби и профессора Перса*. Первая старается обелить память погибшей Царской Семьи. Вторая тщательно разыскивает причины падения Империи за кулисами Трона. Книга Перса заполнена "документальными" данными об этой закулисной борьбе. Об этих данных П. Милюков выражается очень осторожно: профессор Перс "слишком доверчиво относится к своим источникам, ценя их свежесть, но не критикуя их достоверности". И отмечает "несоответствие между изображением и реальной действительностью". Реальной действительности

* Имеется в виду кн.: *Pares, Sir Bernard.* A History of Russia. London. 1927. См. также его позднейшую кн.: The Fall of the Russian Monarchy (New York. 1961). — *С. Ф.*

книга профессора Перса никак не отвечает. Ив. Тхоржевский в "Возрождении" считает Якоби "убогим черносотенным лубком". "Часовой" в связи с ней туманно пишет об "ошибках Короны". Статья Тхоржевского вся посвящена доказательствам того, как распутинщина убила "душу Монархии", и намекам на тему о том, как-де слабоволие Государя и болезненность Государыни привели к "надругательству над русской служилой честью", и, наконец, описанию того, как "солдатский сапог растоптал Монархию".

По тхоржевско-холливудскому сценарию выходит так, что и Империю, и Монархию погубил-де пьяный мужик. Распутинская борода, а также и прочие вторичные и первичные признаки таинственного старца заслонили собою и историю России, и преступление правящего слоя, и военный разгром, и тяжелую внутреннюю борьбу, и безлюдье, и безчестность — все заслонили. Осталась одна пьяная борода, решившая судьбу России. Чем не Холливуд?

Эта банально-дурацкое, тхоржевско-холливудское, детективно-сенсационное представление Распутина слишком уж настойчиво и назойливо вдалбливается в сознание всего міра — в том числе и в сознание русской эмиграции. Это представление насквозь лживо. Для всех виновников гибели Империи и Монархии Распутин — это неоценимая находка. Это козел отпущения, на спину которого можно перевалить свои собственные грехи. Это щит, под прикрытием которого так просто и так легко болтать о болезненности Императрицы и о слабоволии Императора: Сами-де виноваты, зачем были болезненными, зачем были слабовольными.

Давайте бросим холливудскую пинкертоновщину и поставим вещи на свое место. Вещи, поставленные на место, будут располагаться приблизительно так.

Вся внутренняя история России есть по преимуществу — если не исключительно — история борьбы Монархии с правящим слоем, во имя подчинения этого слоя общенациональным или — если хотите — общенародным интересам. Правящий слой всегда против этого подчинения боролся. Народные низы всегда поддерживали общенародную линию. Борьба началась с удельного периода — с подчинения "прав" удельных князьков задачам оборны страны. Род Калиты окончательно сломал этих князьков. Поэтому-то для одного из этих князьков — Курбского Род Калиты был Родом "издавна кровопийственным". "Кровопийствен-

ный род" собрал землю Русскую в один кулак. Князьки пытались овладеть этим кулаком изнутри. Иван Грозный разгромил и эти попытки — в стиле и способами, которые вообще были свойственны тому времени. Но Иван Грозный понимал историю несколько лучше Ивана Тхоржевского. В своем знаменитом воззвании из Александровской слободы Он сознательно обратился к "черной сотне", к низам, теперь сказали бы — "к улице". Улица Его и вывезла. Если из нашего исторического понимания изъять влияние низов, влияние "улицы", то мощь Русской Монархии будет совершенно непонятна: откуда все собиратели земли Русской брали силы для борьбы с уделами, с боярством, с местничеством, с "верховниками", с крепостниками и прочими милыми людьми? Силы эти давали низы.

Петр Великий получил уже прочно сколоченное здание Самодержавия. Но и Ему пришлось начать Свою политическую карьеру с очередного разгрома застойного, чванливого, неработоспособного слоя. Отсюда и Алешка Меньшиков, и Курпатов, и Ежов, и прочие. До периода Императриц внутренняя история России шла по, так сказать, путям Адольфа Гитлера. Demeinnutz vor Eigennutz: раньше всего — общенародное благо. А ежели этому благу не хотите подчиниться добровольно — то "у меня есть палка, и я вам всем отец".

При Императрицах внутренняя история России пошла, так сказать, вспять. Временщики, заговоры, дворцовые революции, цареубийства. Люди, пришедшие к власти путем дворцовых переворотов и цареубийств, не могли не считаться с авторами этих переворотов. Судьба Супруга не могла не мерещиться Екатерине. Нужно было идти им на уступки. [...] Александр I не мог не оглядываться на судьбу Своего Отца: отсюда Его либеральное модничанье.

Попытка декабристов была предпоследней попыткой очередного гвардейского переворота — последняя попытка была сделана в феврале 1917 года. Декабристы натолкнулись на гвардейского мужика и были разбиты. Николай I — Николай Палкин, как его обзывают большевики, — собрал в Своем железном кулаке те силы, без которых Александровская реформа была бы технически невозможной. Палка Николая I подготовила манифест Александра II.

Сын и Внук Царя-Освободителя с колебаниями, неизбежными во всяком человеческом деле, продолжали политику Императоров, а не Императриц: подчинения всей страны вот этому самому "общему благу". Но Николаю II пришлось действовать в

тот период, когда правящий слой **догнивал окончательно**. Цифры — безспорные и безпощадные цифры дворянского земельного оскудения — это только, так сказать, ртутный стобик общественного термометра; температура упала ниже тридцати трех — смерть. Слой, который не мог организовать даже своих поместий, — как мог он организовать государство?

Я, конечно, не говорю об исключениях типа Столыпина. Я говорю о **слое**. Николай II попал в то же положение, о котором говорил Ключевский: "Московский Государь, которого ход истории вел к **демократическому полновластию**, должен был действовать посредством очень **аристократической** администрации". На низах эта администрация была сильно разбавлена оппозиционными разночинцами. На верхах она была аристократической сплошь. Слой умирал — полуторавековое паразитарное существование не могло пройти даром: не трудящийся да не живет.

Без войны смена прошла бы, конечно, не безболезненно, но, во всяком случае, безкровно. Однако на Николая II свалились две войны — и ни одной правящий слой не сумел ни предотвратить, ни организовать. Слою оставалось или взять вину на себя, или переложить ее на плечи Монархии.

Левая часть правящего слоя перекладывает вину без всякого зазрения совести: "проклятый царский режим". Правой части такой образ действий все-таки неудобен — и вот тут-то и подвертывается Распутин. Дело же, конечно, вовсе не в Распутине. Дело в том, что **война свалилась на нас в момент окончательной смены правящего слоя**.

Один слой уже уходил, другой еще не пришел. Вот отсюда-то, а вовсе не от Распутина, и произошло безлюдье, "министерская чехарда", "отсутствие власти" и — также трагическая безвыходность положения Царской Семьи. Отсюда же "кругом трусость и измена". Смертный приговор Царской Семье был вынесен в "Августейших салонах", большевики только привели его в исполнение.

Шантаж

За кулисами всякой Монархии, всякой республики, всякой человеческой жизни вообще есть своя скандальная хроника. Скандальной хроники Екатерины II хватит еще на добрый десяток писательских и режиссерских поколений. Скандальной хронике Орловых и Зубовых распутинская, конечно, и в подметки не годится — однако ни орловская, ни зубовская хроника для борьбы против Престола использованы не были.

Дело не в хронике, дело в тех слоях, которые эту хронику используют.

Великосветское общество — и правое, и левое — очень напоминает мне пронырливого фотографа-шантажиста, который забрался в семейный альков, нащелкал там целую серию порнографических открыток — **под угрозой политического шантажа** — пустил эти открытки по белу свету. Распутинская открытка оказалась, кроме того, еще и фальшивкой.

Господа Тхоржевские, вероятно, совсем забыли одно маленькое обстоятельство: в годы войны почти ничего не говорилось о политическом влиянии Распутина. Говорилось совсем другое: Царица — шпионка и любовница Распутина. Распутин — шпион и любовник и Царицы, и Великих Княжон. Вот что говорилось. А кто это говорил? Солдаты на фронте или князья в тылу? Откуда шла эта клевета? Из "Августейших салонов" или из окопов? От "рабоче-крестьянских масс" или из кулуаров и с трибуны Государственной думы?

Люди, которые пускали эту клевету, не могли не знать, не имели права не знать, что жизнь Наследника Престола, — жизнь, которую так ждала не только Царская Семья, но и вся Россия, зависела от страшной гипнотической силы "пьяного мужика"*. Мог ли Государь, уступая клевете, пожертвовать жизнью Наследника? Могла ли Государыня — Императрица и Мать, отдать жизнь Наследника в угоду той же клевете? Сейчас с гемофилией борются средствами официальной медицины. Но и сейчас полное излечение, в особенности в молодом возрасте, невозможно — даже и средствами протеинотерапии. В те годы удаление Распутина фактически означало бы смертный приговор Сыну и Наследнику Престола.

Тема отцовской любви сейчас, в эмиграции, разрабатывается по поводам совсем другого характера. Люди, которые на всех перекрестках мазали дегтем клеветы трагедию Царя-Отца и Царицы-матери, нынче вдруг воспылали всяческим преклонением перед отцовскими чувствами. Да, шпион... Но, вы понимаете, все-таки сын**...

---

* Эта «страшная гипнотическая сила», о которой пишет И. Л. Солоневич, отдавая — увы — дань гекатомбам лжи, на деле оказалась усердной молитвой Богу мужика, размеры «пьянства» которого были также, по меньшей мере, слишком преувеличены. — *С. Ф.*

** Николай Абрамов — сын генерала Абрамова, начальника Русского общевоинского союза. Николай Абрамов оказался агентом большевиков в Софии. — *Прим. издателей сб. 1942 г.*

Наследник-Цесаревич шпионом не был. Почему же люди, эти же самые люди, клеветой добивались смертного приговора Наследнику Престола? Честь служилого слоя? Почему честь служилого слоя не была задета любовниками Екатерины?

Без грима

Давайте попробуем смыть с Распутина холливудский грим. Пьяница? Можно подумать, что Тхоржевский воспитывался в институте самых благородных в міре девиц и что ни на какие банкеты он никогда не хаживал. Петр I был пьяницей. Александр III выпивал более чем изрядно*. В какой-то степени было пропито и Белое движение. Если это и порок, то никак не индивидуальный: "веселие Руси". Женолюб? Обратимся к Петру и Екатерине, которых никто по этому поводу не травил. Какая среда предъявляла эти обвинения? Та среда, для которой отечество находилось в вилле Родэ и которая публично купала в аквариумах голых "французинок", — тоже, подумаешь, Катоны, стражи семейных добродетелей, весталки обоего пола, девственники петербургских кабаков! Взяточничество? После убийства Распутина у него самого не оказалось ни копейки. Политическое влияние? Его не могло не быть — но оно, **к сожалению**, оказалось недостаточным. Да, Распутин был за сепаратный мир. Что было бы, если бы его влияние оказалось достаточно сильным? Если бы в 1916 году Россия приняла германские предложения: Галиция, проливы? Как жили бы мы с вами, господа штабс-капитаны, и как жила бы Россия! Не знаю, провидел ли «таинственный старец» ави фаворабль, пермисьон де сежур, нансеновские паспорта и прочие доказательства доблестной союзнической верности — но кое-что в этом роде не так уж трудно предвидеть. Назначение Протопопова? Так позвольте вас спросить: почему это Протопопов, пока он был товарищем председателя Государственной думы, являлся столпом общественности и избранником земли Русской? А как попал в министры — сразу же стал "германским агентом" и "ставленником Распутина"? Что же, на пост товарища председателя Думы его тоже Распутин посадил?

Если мы начнем слой за слоем смывать с Распутина его холливудский грим, то под этим гримом обнаружится [...] необычайно умный мужик. Этот мужик был действительно целите-

* Злонамеренная клевета на Императора Александра III, получившая, к сожалению, широкое распространение. — *С. Ф.*

лем, и он действительно поддерживал своим гипнозом* жизнь Наследника. Разговоры о его влиянии чрезвычайно сильно преувеличены. Основного — сепаратного мира — он так добиться и не смог. Жаль.

Основного и мы добиться не можем. Это основное заключается в следующем вопросе: в какой степени круги английского масонства, кровно заинтересованные в войне "до последней капли крови русского солдата", использовали распутинскую версию, стали поперек дороги сепаратному миру и вложили револьвер в нехитрую руку Дмитрия Павловича? В какой степени в этом участвовали еврейские круги? Почему теперь в "бодрости" тот же Дмитрий Павлович **снова**, как и в 1917 году, предлагает Англии — а в нынешних условиях, значит, и еврейству, — ту же войну до той же последней капли крови не совсем уже того русского солдата? И почему, как и в годы войны, тот же Дмитрий Павлович, один из **фактических убийц** Русской Монархии, снова воспылал союзническими чувствами? В какой степени сэр Бьюкенен повторил роль лорда Уитворта, а Дмитрий Павлович — роль Зубова? И чей "социальный заказ" выполняют ныне люди морально оправдывающие убийц Распутина? В редакции "Возрождения" много бывших масонов. Может быть, они лучше меня знают этот вопрос.

Если мы точно таким же путем начнем смывать великосветский грим с правящего слоя — то под этим гримом мы увидим и развратников, и пьяниц, и стяжателей, взяточников. На все это можно было бы и наплевать — если бы все это не сопровождалось полным упадком государственного чутья. Когда человек делает дело — ему можно и должно простить и пьянство, и разврат: его личное дело. Прощали Петру прощали Екатерине, прощали Гете, прощали Байрону. Никого не касается. Частное дело. «Пей, да дело разумей». Правящий слой и пил, и дела не делал. Не делал как раз того дела, для которого он был поставлен историей, — организации и обороны страны.

Одиночество и безлюдье

Одиночество, в которое попала Царская Семья, есть неоспоримый исторический факт. Это одиночество Государь объяснил с предельной сжатостью и яркостью: "Кругом предательство, трусость и измена". Господа Тхоржевские пытаются объяснить и предательство, и трусость, и измену только одним фактом — Рас-

*Читай: молитвой. — *С. Ф.*

путиным. Даже Милюков на такое упрощение не решается. Для человека, привыкшего мыслить культурно, этот вариант уж слишком глуп. "Распутинскою пьяной похвальбой впервые было разрушено в сердцах служивого слоя обаяние Русской Монархии". "Для служивого слоя Распутин был нож острый". "Государь часто (но редко до конца!) противился внушениям Императрицы, исходившим от Распутина". "Деятельность Распутина была надругательством над русской служилой честью". "Оттуда явилась и жутко росла мертвящая пустота вокруг Трона". "Самым важным и самым преступным было генеральское непротивление. Но тут сыграло роль то, что у многих душа опустошена и отвращена от власти **правдой** о Распутине" (подчеркнуто Тхоржевским). Вот предельные достижения тхоржевского понимания.

Поставим вопрос так: а что есть правда о Распутине? Кто правду, ежели она и была, пускал по всей стране? И кто над этой "правдой" воздвигал вавилонские башни грязи, травли и клеветы? И засим еще один вопрос: только ли Распутин был виноват в "мертвящей пустоте вокруг Трона" и только ли его влиянием объясняется "жуткое безлюдье" на верхах нашего административного аппарата?

Сейчас, четверть века спустя, мы все стали необычайно умными. "Ошибки Короны" обсуждаются всеми, кому не лень. И не приходит в голову вот такого рода простая мысль. А что мог сделать Государь? Уступить? А кому именно уступить? Клеветникам? Клеветники и без уступки добились своего. Передать всю власть Государственной думе? Будем реалистичны: это означало бы передачу всей власти Павлу Милюкову со всеми вытекающими отсюда керенскими последствиями. Мы уже знаем, что именно получилось из власти, полученной Государственной думой в марте 1917 года. Подобрать из среды правящего строя лучших людей? А где они были, вот эти лучшие люди?

Почти четверть века тому назад "лучшие люди" и клеветой, и ядом разорвали оковы "проклятого царского режима" или "проклятого распутинского режима". Почти четверть века подряд эти "лучшие люди" имели безграничные возможности для проявления своих государственных талантов. Где же они, эти Столыпины и Сидорчуки, которых Корона не догадалась поставить у власти? Было Временное правительство. Была Белая армия Деникина. Была Белая армия Колчака. Была Белая армия Миллера, Юденича, Унгерн-Штернберга, Булак-Балаховича. Существует до сих пор призрак Белой армии Архангельского. Где же

во всем этом калейдоскопе хоть один государственный талант, которого Николай II не догадался поставить у власти? Мы еще можем спорить о военных талантах наших генералов — невеликие были таланты, прости Господи. Но в государственном и организационном отношении это была одна сплошная, жуткая, стопроцентная **бездарь**. Из всех движений самым сильным было Белое движение юга России. Вот что пишет о военных и невоенных талантах генерала Деникина мой присяжный хулитель А. Керсновский (Царский вестник. № 662):

"Франко — это Деникин, каким бы он должен был быть.

Располагая страной с семидесятимиллионным населением (уже отошедшим от большевиков и разочаровавшимся в них), он (Деникин) умудрился иметь на фронте в решительную минуту под Орлом всего десять тысяч штыков — и ничего больше до самого Новороссийска...

Имея до ста тысяч офицеров, он не пустил их на фронт, а запер в склепы, кокаиноманию, сыпняк и наганы подоспевших к зиме чекистов. А на фронте не то что каждый офицер — каждый солдат был на счету. В строй ставили только что взятых красноармейцев...

Портовые пакгаузы ломились от навезенной англичанами аммуниции и одежды. А на фронте строили обмундирование из случайной сарпинки, набивали за пазуху соломы, чтобы грела, стаскивали с пленных опорки.

Поезда не ходили. Водопровод не работал. Города сидели без хлеба. Деревни сидели без мануфактуры. Юркие личности меняли валюту на кокаин... Стрельба... Грабеж... Никто ничего не знал. Никто ничего не делал. Благообразные сенаторы попивали чаек в Осваге. Действительные статские советники писали патриотические стихи...

Это — правление генерала Деникина...

Франко твердо знал азбуку государственного деятеля — те истины, о которых генерал Деникин и не догадывался. А именно: 1) тыл — опора фронта; 2) второй шаг делается только после первого — и 3) соловья баснями не кормят. Это как раз три аксиомы гражданской войны.

Он и стал действовать так, чтоб победить. Никаких "особых совещаний" — а настоящее правительство. Никаких уполномоченных — а настоящие министры. Никаких посулов какого-то "учредительного собрания" в неопределенном будущем — а сейчас же насущные мероприятия, реформы и законодательство.

Порядок, толковость, организованность сопровождали армии генерала Франко с первого дня до последнего. Ничего общего с вакханалией белого тыла нашей гражданской войны. И результаты разные. У Франко — победный парад в Мадриде. У Деникина — сложенные в штабели трупы в Новороссийске. Вот что значит быть лишенным всякого намека на организаторские способности!"

Керсновский говорит: "Генерал Деникин лишен всякого намека на организаторские способности". Я говорю проще и короче: "Генерал Деникин — бездарность»"[103]. Керсновский не разлагатель, а я разлагатель. Мои предположения о том, что генерал Франко учел опыт нашей белой борьбы, Керсновский отрицает начисто. "Совершенно немыслимо утверждать, что Франко в какой-то степени учел русский опыт. Он его не знает и даже не подозревает о его существовании". Думаю, что прав Керсновский, а не я. Но тем худшие выводы мы должны сделать о Деникине. Такой же бездарностью был Сухомлинов. Прошло двадцать пять лет. Во главе вооруженных сил, пусть и мифических, стоит генерал Архангельский. Никого более молодого, более яркого и более дееспособного не нашлось? Ежели этот человек стоит во главе недавно крупнейшей зарубежной организации — то это можно объяснить только двумя способами: или лучшего не нашлось, или ничего лучшего не пустили[104]. Выбирайте любое объяснение.

Все, что было толкового среди правящего слоя, Государь пытался найти и поднять. Но он был окружен слишком плотной стеной. П. А. Столыпин был найден и поднят случайно: "молодой Саратовский губернатор". И карьера его была головокружительной, в обход всякого чиновничьего местничества. А ведь как травила Петра Аркадьевича вот та же придворная великосветская бюрократическая среда — конечно, с неизбежной помощью еврейского либерализма.

Все, что было в этом правящем слое ценного, Монархия пыталась найти. За двадцать лет рассеяния и полной свободы действия в этом слое не нашлось, кроме генерала Врангеля, ни одного ценного человека[105]. Слой сгнил. Слой стал политическим импотентом. Польская поговорка говорит, что из пустого сосуда и сам Соломон ничего налить не может. Из разложившегося слоя никакая монархия ничего взять не может. Для того, чтобы хотя бы здесь, в эмиграции, продвинуть к жизни новые силы, весь этот слой должен быть разбит и сброшен со всякого политического расчета.

Один из моих корреспондентов, профессор-металлург, пишет мне: "Да что Вы все сваливаете на Сухомлинова. Сухомлинова-то кто назначил? Царь. Стало быть, Царь и виноват".

Стало — Васька и тать,
Стало, Ваське и дать —
Таску.

Это обвинение бьет мимо цели — мимо Монархии. Монарх не обязан строить железные дороги, снабжать армию сапогами и пулеметами, вырабатывать национальную военную доктрину, повышать урожайность полей, заботиться о преподавании русской истории в низших и средних школах. Это не Его дело. Его дело найти людей и поручить им эту работу. А где найти, если людей нет? Прочтите воспоминания Деникина, как его травили верхи Академии Генерального штаба. Да и так ли уж Деникин был лучше Сухомлинова? Да и вы, господа офицеры, безо всяких распутинских влияний, никого ведь лучше Архангельского не нашли. А чем Архангельский лучше Сухомлинова и Деникина? И как Государю было верить этим людям, когда единственная "правда", которую говорили Государю, звучала приблизительно так:

— Ваше Величество, заклинаю именем России, Ваша Жена — шпионка и любовница Распутина!

Другой правды не говорили — и теперь не говорят. Вот сказал же Сухомлинов: мы готовы до последней пуговицы. Устраиваются же ныне благотворительные банкеты. Так где же они, эти люди, которым Царь, Царица и Распутин не дали возможности проявить свои блестящие организаторские таланты? Где была у всех этих людей их элементарнейшая честь и где эту честь можно разыскать сейчас?

Вопрос о чести

Во всей распутинской истории самый страшный симптом не в распутинском пьянстве. Самый страшный симптом — симптом смерти, это отсутствие общественной совести. Вот температура падает, вот — нет реакции зрачка, вот — нет реакции совести. Совесть есть то, на чем строится государство. Без совести не помогут никакие законы и никакие уставы. **Совести не оказалось.** Не оказалось элементарнейшего чувства долга, который бы призывал наши верхи хотя бы к защите **элементарнейшей семейной чести Государя.**

Поставим вопрос так. На одну сотую секунды допустим, что распутинская грязь действительно была внесена внутрь Царской Семьи. Даже и в этом случае элементарнейшая обязанность всякого русского человека состояла в следующем: по рецепту генерала Краснова, правда, уже запоздалому, — виселицей, револьвером или просто мордобоем затыкать рот всякой сплетне о Царской Семье.

Я плохо знаю Англию, но я представляю себе: попробуйте вы в любом английском клубе пустить сплетню о королеве, любовнице иностранного шпиона, — и самые почтенные джентльмены и лорды снимут с себя сюртуки и смокинги и начнут бить в морду самым примитивным образом, хотя и по правилам самого современного бокса. А наши, ч... их подери, монархисты не только не били морду, а сами сладострастно сюсюкали на всех перекрестках. "А вы знаете, Распутин живет и с Царицей, и с Княжнами". И никто морды не бил. Гвардейские офицеры, которые приносили присягу, которые стояли вплотную у Трона, — и те позволяли, чтобы в их присутствии говорились такие вещи. Я помню, в 1916 году наивным и малость провинциальным студентом я попал в салон баронессы Скопин-Шуйской: ох, как чесались руки. Очень грешен: никому в морду не дал. Просто встал и ушел. Потом мне передавали: такого рода мужика баронесса приглашать больше не будет. Ну и не нужно.

Иван Тхоржевский ляпает в "Возрождении" совершенно гнусную вещь, гнусную до вони, до отвращения: о том, что "Русская Монархия была растоптана солдатскими сапогами".

Позвольте вас спросить, многоуважаемый кандидат в канцлеры Империи Российской: откуда вы это взяли? Разве русский солдат, который миллионами умирал на фронте, пускал по міру клевету о Царице — шпионке и любовнице шпиона? Разве русский солдат громогласничал с думской трибуны о глупости и измене? Разве русский солдат организовал "генеральское непротивление" по Тхоржевскому и "бездарность" по Орехову? Наконец, разве русский солдат наполнял собою казармы запасных батальонов Петербурга, казармы, наполненные петербургскими дворниками и мастеровыми? При чем здесь солдатский сапог? Сапог вооруженного и невооруженного народа? Где и когда выступал этот сапог против Монарха? Вспомните, каким мрачным и трагическим молчанием была встречена на фронте весть об отречении Государя!

Фраза Тхоржевского напоминает мне утверждение "Часового", что в міровую войну не было солдат. Не знаю. Суворовых и Скобелевых действительно не было. Но русский солдат и бился, и умирал ничуть не хуже, чем при Суворове и Скобелеве. Ничуть не хуже суворовского умирал и офицерский состав. Разве их вина, что вместо Суворова был Сухомлинов и вместо Скобелева — Архангельский? Разве они, эти солдаты и офицеры, обязаны были заботиться о снабжении и об организации армии? Русский солдат и русский офицер сделали безмерно больше того, на что могла рассчитывать самая буйная и самая требовательная фантазия. Прочтите немецкие мемуары о том, как цепь за цепью гибли эти "солдатские сапоги", дорываясь до штыкового боя. Ведь от этаких описаний в душе вспыхивает и восторг, и ненависть: восторг перед фантастическим мужеством того самого русского солдата, который был и при Суворове, и при Скобелеве, — остался и при Сухомлинове, и ненависть по адресу слоя, среди которого уже не было и не могло быть ни Суворовых, ни Скобелевых.

Нет, не солдатский сапог растоптал Монархию. Ее растоптала клевета Августейших салонов, клевета думской трибуны, клевета еврейской печати. Клевета душила и задушила Монархию, так же как она здесь, в Зарубежье, душит всякую живую силу молодой России.

Все как прежде: небо лилово,
Те же травы на той же земле.

Все те же три кита, на которых основывался наш правящий слой: безмозглость, бездарность и безчестность.

Простите, если я снова обращусь к личной иллюстрации того, что действительно ничего не изменилось.

Я живу в Германии полтора года. Полтора года подряд мне упорно и настойиво, с видом самого дружеского расположения и желанием "по-дружески предупредить", говорят самую несусветную дрянь о моих соратниках по фронту [...] Я не знаю, что это — эмигрантская сумасшедшинка или перенесенные за рубеж черты характера умирающего слоя? [...] И как доказать иностранцам, что это безконечная серия сплетен, клеветы и доносов не есть свойство русского народа, свойство "славянской души", а есть свойство слоя, который ушел и который **никогда не вернется**. Не вернтеся не только к власти, а, может быть, не вернется и в Россию. Почти одновременно я получил ряд писем от недав-

них подсоветских. Основной тон: нельзя эту публику пускать в Россию. Первым делом нужно устроить фильтр. Фильтр нужно устроить обязательно. Пусть сеятели "разумного, доброго, вечного", клеветы, фальшивок и доносов останутся здесь и пусть утучняют доблестями и бодростями своими парижские тротуары или балканские кабаки.

У Государя Императора в данных исторических условиях был только один путь — путь Ивана Грозного, Петра Великого и Николая I. Самым безпощадным образом придавить и продавить всю эту гниль. Организовать новую опричнину, новых потешных, новые шпицрутены или, применяясь к условиям эпохи, нынешних германских штурмовиков. Найти новых Меншиковых, а, может быть, и Скуратовых. Но для этого нужна была безпощадность, которой у Государя Императора не хватало.

Повторяю еще и еще раз свою парадоксальную фразу: Государь Император для данного слоя был слишком большим джентльменом. Он предполагал, что такими же джентльменами окажутся и близкие Ему люди, и эти люди, повинуясь долгу присяги или, по меньшей мере, чувству порядочности, отстоят, по крайней мере, Его семейную честь. Не отстояли даже Его семейной чести. Ничего не отстояли. Все продали и все предали. Исторически это было местью за Ивана Грозного. Но всякая месть — это в большинстве случаев месть самому себе. Правящий слой "отомстил" и убийством Семьи, и своим собственным самоубийством. Свое собственное самоубийство он заканчивает в эмиграции.

У Государя Императора не хватило безпощадности. Мы должны из этого извлечь свой собственный урок. Государь ушел из жизни, может быть, и не героем. Но Он ушел Мучеником. "На крови мучеников созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее". Сейчас, после революции, распутинская клевета Русской Монархии уже не одолеет. Ни Перса, ни Тхоржевского русский народ читать не будет. Холливудский фильм русский народ не смотрит и смотреть не будет. Профессорские и генеральские мемуары до него не дойдут. Но мученическая гибель Царской Семьи, всей Семьи, до него **уже дошла**. Если не верите мне, перечитайте Карла Альбрехта, немца, бывшего социалиста, человека, который и мне никак не может простить моего монархизма.

— А какое вам, собственно, дело до моего **русского** монархизма? Вам, немцам, я никаких советов не даю.

— Нет, как вы можете говорить о монархии? Монархия — это гнет, нагайки, нищета.

Словом — стрижено-брито. Но все-таки Карл Альбрехт отыскал в русских избах Царские портреты, спрятанные под иконами Христа Спасителя. Вот это есть факт, **факт чудовищного значения**. А мемуары? Чепуха мемуары. Русскую историю будет определять русский мужик. Он ее всегда определяет. Определит также и солдатский сапог — сапог вооруженного русского мужика. Кое-кого он действительно растопчет. Растопчет безпощадно и окончательно.

Свою статью, пересыпанную намеками на безволие Государя и болезненность Государыни, Тхоржевский заканчивает в нестерпимо высоком штиле:

"Став на колени, жарко молимся мы о Них и с Ними. Чистый блеск Их мученического венца благословит будущую Россию".

И о жаркой молитве позвольте мне уж остаться при особом мнении. Право на жаркую молитву, да еще и на "молитву с Ними", нужно заслужить. Нужно заслужить покаянием. **Собственным покаянием**. Если, говоря условно, Милюков кается за счет Тхоржевского, а Тхоржевский кается за счет Милюкова — грош цена обоим покаяниям. Есть и такой в эмиграции дядя — очень известный генерал, ныне председатель одного из отделов Общества ревнителей памяти Государя. Этот ревнитель в те дни, когда больная Царская Семья находилась под арестом в Царском Селе, отклонил просьбу Государыни приехать навестить больных Княжон: ему, видите ли, было политически неудобно. Вот этакий дядя будет "жарко молиться". И будет жарко каяться... за чужой счет. За счет солдат, офицеров, мужиков, рабочих, политических противников и политических соседей, но только, избави Бог, не за свой собственный счет. Ибо если покаяться за свой собственный счет, тогда нужно закрыть и орган еврейского либерализма "Последние новости", и орган застойной редакции "Возрождения". Представьте себе Милюкова, который встал бы на колени и начал бы жарко каяться в своей "глупости и измене". Представьте себе Деникина, который честно сказал бы русскому Зарубежью: "Господа, не повторяйте моих ошибок". Держи карман шире! Милюков свалит на Деникина, Деникин — на Керенского, Керенский — на Корнилова, Тхоржевский — на русского солдата, Архангельский — на немцев, и все они вместе взятые — на Солоневича. Вот кто разлагатель! Вот кто разводит в эмиграции бездарность, безмозглость и безчестность!

У всех этих людей, у каждого из них, есть святое, заветное место. У Милюкова оно в еврействе. Вы можете посадить Милю-

кова на кол, но о вине еврейства он не скажет ни слова. У Тхоржевского, скажем, во внутренней линии со всеми ее предками и потомками. Если он заикнется, его съедят.

И у нас есть наше святое, заветное место — это память мученической Царской Семьи, Семьи, Которая была затравлена потрясающе подлой и безчестной клеветой. И мы, может быть, вправе обратиться к бывшим и проектируемым канцлерам Империи Российской с самой настоятельной просьбой: не лезьте в это святое место грязными сапогами разговорчиков о слабоволии Государя, об истеричности Государыни и о предательстве со стороны русского солдата. Ежели вы хотите судить судом истории — судите раньше всего самих себя. Судите раньше всего свою собственную бездарность, безмозглость и безчестность. И не обливайте грязью Великих Молчащих Мучеников: Царя, Царицу и Народ.

Иван СОЛОНЕВИЧ*.

1939 г.

* * *

Остается разобраться в том, как же все в действительности происходило тогда в Царском Селе. Какую функцию взял на себя генерал Л. Г. Корнилов? Как он вел себя с Царицей-Мученицей, пребывавшей в волнении за больных Детей и за судьбу Своего Царственного Супруга?

ИЗ ЗАПИСИ ПЕРВОГО ЗАСЕДАНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

2 марта 1917 г.

[...] Представление министра внутренних дел о назначении [...] на должность главнокомандующего Петроградским военным округом генерал-майора Корнилова[106] Совет министров утвердил**.

ИЗ ЖУРНАЛА № 5 ЗАСЕДАНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

5 марта 1917 г.

Заседание открыто в 15 ч. 40 мин. [...]

[...] **4. Сообщения министра юстиции** [А. Ф. Керенского]: [...]

в) О необходимости принятия мер к охранению Царской Семьи, находящейся в Царскосельском дворце, и замены комендан-

---

* *Солоневич И. Л.* Наша страна XX век. М. 2001. С. 25-39. Печатается по: *Солоневич И.* Сборник статей. Вып. 1. Шанхай. 1942.

** Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М. 2001. С. 386.

та означенного Дворца лицом, назначенным от Временного правительства.

Поручить военному министру [А. И. Гучкову] немедленно сместить коменданта Царскосельского дворца [генерал-майора В. Н. Воейкова] и командировать в Царское Село комиссара для выяснения мер, необходимых для охраны Царской Семьи, и обезпечить уход и врачебную помощь больному бывшему Наследнику Престола.

5. Запрос министра-председателя [Г. Е. Львова] **о том, сделано ли министром юстиции распоряжение об аресте Анны Александры Вырубовой. Министр юстиции** [А. Ф. Керенский] **сообщил, что названное лицо до сего времени не арестовано.**

Поручить министру юстиции принять меры к аресту Анны Александровны Вырубовой. [...]*

Заседание закрыто в 18 час. 40 мин.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОЛКОВНИКА К. Ф. ЗЕРЩИКОВА[107]

К вечеру [5 марта] в ратушу были вызваны командиры частей Дворцового гарнизона. [...] В ратуше присутствовали командиры всех частей Царского Села и представители от полков для встречи нового военного министра и генерала Корнилова.

Гучков призывал солдат великой революции «сознательно отнестись к событиям, не превратить порыв народного гнева в бунт рабов» и пр., но чувствовалось, что до крайности утомленный оратор выбился из последних сил.

За Гучковым говорил генерал Корнилов. Виделось и здесь, что говоривший очень не уверен в восприятии его слов солдатской толпой.

Обоим много и долго аплодировали**.

ИЗ ДНЕВНИКА ИМПЕРАТРИЦЫ

Марта 5-го. Воскрес[енье]. [...]

11 ½ [часа]. Павел[108], Гучков. Ген[ерал] Корнилов. Бенкенд[орф], Апраксин***.

---

*Там же. С. 33-34.

** *Зерщиков К.* Собственный Его Величества Конвой в дни революции // Часовой. № 210. Париж.-Брюссель. 1938. 5 апреля. С. 10.

*** Последние дневники Императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г. Под ред. В. А. Козлова и В. М. Хрусталева. Новосибирск. 1999. С. 30.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Ю. А. ДЕН, БЛИЖАЙШЕЙ ПОДРУГИ ИМПЕРАТРИЦЫ

Мы допоздна засиделись в лиловом будуаре и уже собирались лечь в постель, как, смущенный и расстроенный, вошел Волков[109]. Мы с Государыней с трудом поняли, что прибыл господин Гучков, который настоятельно просит Ее Величество принять его. Было уже одиннадцать часов.

— В такой час? Но это же невозможно! — заметила Императрица.

— Ваше Императорское Величество, он *настаивает*, — запинаясь, проговорил камердинер.

Государыня повернулась ко мне. В глазах Ее застыл ужас.

— Он приехал, чтобы арестовать Меня, Лили! — воскликнула Она. — Телефонируйте Великому Князю Павлу Александровичу и попросите его тотчас же приехать.

Справившись с волнением, Она снова надела шапочку сестры милосердия и стала молча ждать прибытия Великого Князя. Ни Мария, ни я не смели произнести ни слова. Наконец, после мучительного ожидания, которое показалось нам нестерпимо долгим, вошел Великий Князь, и Государыня в нескольких словах рассказала о появлении зловещего гостя. В следующее мгновение из коридора донеслись громкие голоса, хлопнула дверь, возвестив о появлении в соседней комнате господина Гучкова.

Гучков, ставший военным министром после переворота, был заклятым врагом Государя, Которому он не мог простить то обстоятельство, что Император не захотел признать его некоронованным королем Москвы. Он из чувства мести принудил Государя отречься. Злорадное любопытство влекло его во Дворец, чтобы насладиться страданиями беззащитной Женщины! Это был отвратительный тип в больших очках с желтыми стеклами, скрывавшими его бегающие глазки.

Мы с Марией крепко держались за Государыню, убежденные, что теперь все кончено. Она нежно поцеловала нас обеих и вышла из будуара в сопровождении Великого Князя Павла Александровича. При виде Государыни мне вспомнилась Мария Антуанетта — трагическая фигура, испившая чашу страданий, как и Императрица. Верный камердинер Волков, согласно традициям Императорского режима, уведомил нас о том, что Гучков приехал во Дворец в обществе двух адъютантов. Один из них обратился к старику со словами:

— Ха, ха! Вот и мы. Что, не ждали нас нынче? А ведь теперь мы хозяева Дворца!

Мы с Марией Николаевной сели рядом на диван. Бедная девочка тряслась от страха. Но боялась она не за себя. Как и остальные Дети, Мария думала лишь о своей возлюбленной Матери.

[...] Наконец в коридоре послышались шаги, и, к несказанной нашей радости, мы увидели Государыню!

Плача и смеясь, Мария Николаевна бросилась к Матери, и Государыня поспешила нас успокоить.

— На сей раз Меня не арестуют, — произнесла Она. — Но если бы Вы знали, какое унижение — встретиться с этим человеком. Гучков был невыносим — Я не смогла дать ему руки. Он заявил, что хотел лишь узнать, как Я переношу испытания, и убедиться, напугана Я или же нет.

Бледные щеки Императрицы покрылись розовыми пятнами, глаза сверкали. В эту минуту гнева на Государыню было страшно смотреть. Но вскоре к Ней вернулись Ее обычное спокойствие и достоинство, и мы пожелали Ей покойной ночи, благодарные Провидению за то, что Оно пощадило Ее ради нас*.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КНЯГИНИ ПАЛЕЙ[110], МОРГАНАТИЧЕСКОЙ СУПРУГИ ВЕЛ. КН. ПАВЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА

5/18-го марта, в половине двенадцатого вечера, Великий Князь Павел, мой сын Владимир[111] и я собрались у меня в будуаре. Раздался неизменный звонок телефона. Я подошла. Это был Волков, камердинер Государыни, который раньше долго служил у В. Князя. Он сказал мне: «Ее Величество Государыня просит Его Высочество немедленно прийти к Ней». — «Боже, что еще случилось?» — воскликнула я. — «Успокойтесь, Княгиня, ничего дурного; может быть, это даже лучше: военный министр Гучков и командующий армиями генерал Корнилов приказали сообщить Ее Величеству, что придут навестить Ее сегодня в полночь». Удивленный этим ночным визитом, Великий Князь немедленно велел подать автомобиль (два автомобиля, оставшиеся в Царском, были взяты у нас только большевиками), и вместе с Владимиром уехал в Александровский дворец. Он думал, что вдвоем они смогут быть более полезны: разве можно что-нибудь предугадать в подобные минуты? Я решила не ложиться спать до

* *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. СПб. 1999. С. 151-153.

их возвращения и ждала их. Они вернулись в половине третьего ночи и вот что рассказали мне.

Прибыв во Дворец, они были встречены обер-гофмаршалом Двора графом Бенкендорфом, Коцебу и графом Адамом Замойским[112], роль которого в эти дни испытаний была удивительна. Граф Замойский остался в качестве безсменного дежурного адъютанта при Ее Величестве до возвращения Государя, и, несомненно, разделил бы Их заключение, если бы Временное правительство разрешило ему это.

Великий Князь тотчас же вошел к Государыне и нашел Ее одну, в платье сиделки, и совершенно спокойной. Она тоже рассказала ему, что Гучков и Корнилов, производившие смотр Царскосельскому гарнизону, попросили принять их в полночь. Она не могла, конечно, думать об отказе, несмотря на все Свое, вполне естественное, отвращение к этим людям. Великий Князь пробыл с Ней в течение двух часов. Наконец, около полвины второго ночи — мое личное мнение таково, что они умышленно заставили Государыню ждать с целью унизить Ее — Гучков и Корнилов были введены к Ее Величеству.

Оба они показались В. Князю антипатичными и отталкивающими до последней степени. Свой бегающий и лживый взгляд Гучков прятал за черными очками, в то время как Корнилов, с ярко выраженным калмыцким типом и выдающимися скулами, смотрел все время вниз. Оба имели крайне смущенный вид. Наконец, Гучков решился спросить у Государыни, нет ли у Нее каких-нибудь желаний? «Да, — ответила Она, — прежде всего Я прошу вас возвратить свободу невинным, которых вы увели из Дворца и которые содержатся под видом ареста в гимназии (князь Путятин[113], Гротен[114], Герарди[115], Татищев[116] и др.), а затем Я прошу, чтобы Мой госпиталь ни в чем не нуждался и продолжал функционировать». Когда Гучков и Корнилов уходили, Великий Князь пошел за ними и сказал: «Ее Величество Государыня не призналась вам в том, Ее крайне безпокоит охрана, окружающая Дворец. Уже двое суток люди кричат, поют, позволяют себе приоткрывать двери и заглядывать внутрь. Не угодно ли будет вам призвать солдат к порядку и благопристойности? Они ч... знает что себе позволяют!» Оба пообещали сделать страже соответствующее внушение (Временное правительство, не располагая никакой реальной силой, действовало только убеждениями). Гучков и Корнилов ушли, и Великий Князь не удостоил их пожатия руки*.

*Февральская революция. Мемуары. М.-Л. 1925. С. 362-363.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ ПАВЛОВНЫ[117]

4 апреля, под влиянием слухов о приближении к Царскому Селу генерала Иванова с 500 георгиевскими кавалерами, Царица и Дети были объявлены под арестом. Сообщить об этом Императрице выпало на долю ген. Корнилова, назначенного командующим Петроградским военным округом.

Как раз на следующий день военный министр Гучков объезжал Царское Село. Он посетил совместно с ген. Корниловым Царицу и спросил Ее, что может для Нее сделать.

Государыня держала Себя с большим достоинством. Она ответила, что лично Ей ничего не надо, но что Она просит освободить арестованных дворцовых слуг, виновных лишь в своей преданности, и продолжать снабжение всем необходимым царскосельских госпиталей. Мой отец, присутствовавший при этом приеме, вышел в корридор с Корниловым и Гучковым и попросил их от себя — воздействовать на солдат охраны, поведение которых во Дворце становилось позорным*.

Есть еще одно свидетельство об этом первом появлении генерала в Александровском дворце, принадлежавшее верному слуге Императрицы А. А. Волкову. Видимо, старость подвела его память: в воспоминаниях он смешал воедино два посещения Л. Г. Корниловым Царицы-Мученицы.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КАМЕРДИНЕРА ГОСУДАРЫНИ А. А. ВОЛКОВА

До сих пор из Петрограда никто не появлялся. Но вот приехал генерал Корнилов вместе с несколькими офицерами, среди которых были Коцебу — офицер Лейб-гвардии Уланского полка и полковник Кобылинский. Во Дворце в это время находился гофмаршал Бенкендорф и церемониймейстер граф Апраксин.

Корнилов просил доложить о нем Государыне, Которая и приняла его в присутствии графа Бенкендорфа.

Корнилов сказал Императрице, что на него возложена тяжелая обязанность объявить об аресте и просил Государыню быть спокойной: ничего не только опасного, но даже особых стеснений арест за собою повлечь не может. Корнилов попросил разрешения представить Государыне сопровождавших его офицеров.

---

*Воспоминания Великой Княгини Марии Павловны // Иллюстрированная Россия. Париж. 1930. № 30 (271). 19 июля. С. 8.

Выйдя от Императрицы, он объявил, что все окружающие Царскую Семью могут по собственной воле при Ней остаться. Кто же не хочет, волен уйти. На принятие решения им было дано два дня, после которых для остающихся вместе с Царской Семьей наступал также арест. [...]

Вскоре вторично явился генерал Корнилов вместе с А. И. Гучковым и свитою. Опять по приказу Императрицы вызвали Великого Князя Павла Александровича, который и приехал немедленно. Я доложил. Государыня велела просить всех к Себе. Прием у Государыни продолжался минут 10-15.

По выходе Великий Князь обратился к генералу Корнилову с вопросом о надежности войск охраны. Корнилов уверил его в надежности.

Обратясь к Гучкову, Великий Князь сказал, что он не спросил его мнения потому, что Гучков, не будучи военным, не в состоянии тонко уловить настроения воинских частей. [...]

[Гучков] прошелся по Дворцу и мимо комнат Императрицы, где собрались многие дворцовые служащие, в числе которых был и я. Один из сопровождавших Гучкова офицеров, явно нетрезвый, обратясь к нам, сказал:

— Вы наши враги, а мы ваши враги. Вы продажны.

Я отвечал ему:

— Вы ошибаетесь в нашем благородстве, милостивый государь.

Гучков даже не повернулся и сделал вид, что не заметил выходки пьяного прапорщика*.

Такое смешение двух посещений характерно еще для одного свидетельства, датированного 18 октября 1921 г.:

РАССКАЗ ПОРУЧИКА К. Н. КОЛОГРИВОВА[118]

В ночь, не помню точно на какое именно число марта 1917-го года, я вместе с другими офицерами Собственного Его Величества полка находился в Александровском дворце, в Царском Селе.

Между часом и двумя пополуночи наше внимание привлек необычный шум, происходивший в вестибюле, и вслед за тем нам сообщили, что приехал Военный министр и главнокомандующий с какой-то депутацией и что наружные часовые, стоявшие у подъезда, не хотели их пустить во Дворец.

* *Волков А. А.* Около Царской Семьи. М. 1993. С. 68-69.

Когда я вошел в освещенный вестибюль, то увидел в нем главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Корнилова, Военного министра Временного правительства Гучкова и группу приехавших с ними.

Корнилов и Гучков были с огромными красными бантами на груди, причем банты эти были с какими-то раструбами и широкими ниспадающими лентами. Такие же красные банты были и у их спутников.

Корнилов находился впереди этой группы, а Гучков все время держался несколько позади Корнилова, как бы подталкивая его.

Я вошел в вестибюль как раз в то время, когда Корнилов громким голосом и в грубой форме потребовал видеть «бывшую Царицу». Это были его подлинные слова.

На это ему сказали, что Ее Величество в столь поздний час вероятно уже почивает, и что все Дети больны. «Теперь не время спать, — ответил Корнилов, — разбудите Ее».

Тогда был послан к Государыне, кажется, дежурный скороход или камердинер узнать, может ли Ее Величество принять депутацию.

Государыня приказала ответить, что примет депутацию в Собственной Ее Величества гостиной, так называемой «Липовой»*, куда и направились все приехавшие.

Я при этом приеме присутствовал.

Когда Корнилов, шедший впереди всей группы, вошел в гостиную, а Гучков приостановился на пороге, то как раз в эту минуту показалась из противоположной двери Императрица.

Она была в пеньюаре.

Твердой походкой направилась Она к Корнилову. Тот видимо смутился и остановился. Не двигался с места и Гучков.

Подойдя к Корнилову, и не подавая ему руки, Государыня спросила: «Что Вам нужно, генерал?»

На это Корнилов вытянулся и затем в крайне почтительном тоне, что резко противоречило всей его предшествующей манере держать себя, прерывающимся голосом сказал: «Ваше Императорское Величество... Вам неизвестно, что происходит в Петрограде и в Царском... мне очень тяжело и неприятно Вам докладывать... но для Вашей же безопасности я принужден Вас...», — и замялся...

---

*В действительности «Кленовой». — *С. Ф.*

На это Государыня, перебив его, сказала: «Мне все очень хорошо известно. Вы пришли Меня арестовать?»

Тот смешался еще более и, наконец, пролепетал: «Так точно».

«Больше ничего?» — спросила его Императрица.

«Ничего», — сказал Корнилов.

Государыня, не подавая ему руки, повернулась и удалилась в Свои покои.

Повернулись и направились обратно к вестибюлю Гучков, Корнилов и все приехавшие с ними.

Сцена эта произвела на всех нас присутствовавших — офицеров, дворцовую прислугу и солдат (внутренних часовых и казаков Конвоя Его Величества) невыразимо тяжелое впечатление*.

ИЗ КНИГИ ИСТОРИКА С. П. МЕЛЬГУНОВА

Соколов в своем расследовании установил, что военный министр сам посетил Царское Село и Александровский дворец, но ему так и не удалось выяснить, зачем собственно Гучков приезжал. Этого не мог разъяснить следователю никто из допрошенных им лиц, из входивших в Императорскую Свиту. Гучков как бы уклонился от дачи объяснений. Князь Львов утверждал, что Гучков посетил Царское Село в качестве военного министра, но с какой целью — этого Львов не мог вспомнить, как и того: делал ли Гучков какой-нибудь доклад правительству... Камеристка Императрицы Занотти[119] показала Соколову, что Гучков действительно виделся с Александрой Феодоровной и что последняя чрезвычайно негодовала на это свидание, не имевшее, по Ее мнению, никакого видимого основания. Едва ли Гучков пожелал встречи с Женой устраненного Монарха из любопытства или чувства злобы и мелкой мести в отношении человека, который, как он знал, не раз выражал свою ненависть к нему. [...]

Свидетельствовавшие перед следователем отнюдь не связывали посещения Гучкова с арестом Императрицы (камер-юнгфрау Занотти показывала: «После, должно быть, приезжал Корнилов»)**.

---

* *Кологривов К.* Арест Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Августейших Детей Их Величеств. // Русская летопись. Кн. III. Париж. 1922. С. 193-195.

** *Мельгунов С. П.* Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж. 1951. С. 33-34.

ИЗ ЖУРНАЛА № 10 ЗАСЕДАНИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
7 марта 1917 г.

Заседание открыто в 21 час. 45 мин.

1. О лишении свободы отрекшегося Императора Николая II и Его Супруги.

1) Признать отрекшегося Императора Николая II и Его Супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося Императора в Царское Село.

2. Поручить генералу Михаилу Васильевичу Алексееву предоставить для охраны отрекшегося Императора наряд в распоряжение командированных в Могилев членов Государственной думы: Александра Александровича Бубликова, Василия Михайловича Вершинина, Семена Федоровича Грибунина и Савелия Андреевича Калинина.

3) Обязать членов Государственной думы, командируемых для сопровождения отрекшегося Императора из Могилева в Царское Село, представить письменный доклад о выполненном ими поручении.

4) Обнародовать настоящее постановление. [...]

Заседание закрыто в 1 час. [...]*

ИЗ ИСТОРИИ СОБСТВЕННОГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ

К вечеру 7-го марта в городскую ратушу были вызваны командиры частей Дворцового гарнизона. К тому времени их было два — есаул Свидин[120], старший из командиров сотен Конвоя и полковник Лазарев[121] (офицер Л.-гв. Кексгольмского полка), заменивший генерала Ресина и вр. командовавший Сводным пехотным полком.

Вернувшись из городской ратуши, они принесли печальную весть. — «По распоряжению Временного правительства, завтра 8-го марта предстоит сдача постов частям гарнизона Царского Села». К этому есаул Свидин добавил, что очевидно в связи с неожиданным распоряжением правительства, удалявшим части Конвоя и Сводного полка из Дворца, завтра же ожидается

---

*Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 49-50; Скорбный путь Романовых 1917-1918 гг. Гибель Царской Семьи. Сборник документов и материалов. Отв. ред. и составитель В. М. Хрусталев, при участии М. Д. Стейнберга. М. 2001.С. 56-57.

приезд командующего войсками Петроградского округа генерала Корнилова*.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Е. С. КОБЫЛИНСКОГО, НАЧАЛЬНИКА ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ГАРНИЗОНА

5 марта поздно вечером мне позвонили по телефону и передали приказание явиться в штаб Петроградского военного округа. В 11 часов я был в штабе и узнал здесь, что вызван по приказанию генерала Корнилова (знаменитого Корнилова, командовавшего тогда Военным округом), к которому я должен явиться. Когда я был принят Корниловым, он сказал мне: «Я Вас назначил на ответственную должность». Я спросил Корнилова: «На какую?» Генерал мне ответил: «Завтра сообщу». Я пытался узнать от Корнилова, почему именно я назначен генералом на ответственную должность, но получил ответ: «Это Вас не касается. Будьте готовы». Попрощался и ушел. На следующий день, 6 марта, я не получил никаких приказаний. Так же прошел весь день 7 марта. Я стал уже думать, что назначение мое не состоялось, как в 2 часа ночи мне позвонили на квартиру и передали приказ Корнилова — быть 8 марта в 8 часов утра на Царскосельском вокзале. Я прибыл на вокзал и увидел там генерала Корнилова со своим адъютантом прапорщиком Долинским[122]. Корнилов мне сказал: «Когда мы сядем с вами в купе, я Вам скажу о Вашем назначении». Сели мы в купе. Корнилов мне объявил: «Сейчас мы едем в Царское Село. Я еду объявить Государыне, что Она арестована. Вы назначены начальником Царскосельского гарнизона**.

6-10 апреля 1919 г.

г. Екатеринбург.

ИЗ КАМЕР-ФУРЬЕРСКОГО ЖУРНАЛА

8 марта 1917 г. По решению Временного правительства Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа в 8 часов 45 минут отбыл в Царское Село для приведения в исполнение указа об аресте бывшей Императрицы Александры Феодоровны.

---

* Собственный Его Императорского Величества Конвой. Сан-Франциско. 1961. С. 305-306.

** Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918 — февраль 1920). Сост. Н. Росс. Франкфурт на Майне. 1987. С. 292.

В 11 часов утра Главнокомандующий генерал-лейтенант Корнилов, в сопровождении начальника Царскосельского гарнизона полковника Кобылинского, Царскосельского коменданта подполковника Мацнева и некоторых чинов штаба прибыл в Александровский Царскосельский дворец и прочел бывшей Государыне Александре Феодоровне, Которая приняла его в присутствии графа Бенкендорфа и графа Апраксина, постановление Временного правительства об Ее аресте*.

ИЗ ДНЕВНИКА ИМПЕРАТРИЦЫ

Марта 8-ое. Среда. [...]

Ген[ерал] Корнилов. Комендант Ц[арского] С[ела.]

Кобылинский. Кор[нилов] *объявил, что мы находимся взаперти.*

2 ч[аса]. А[ня], М[ария] С[ергеевна] Бенкендорф. Апр[аксин].

Жилик**. *С этого момента присутствующие [во Дворце] считаются изолированными, не должны видеться ни с кем посторонним****.

Из сообщений газеты «Русская воля»:
АРЕСТ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ

Ровно в 11 час[ов] утра командующий войсками Петроградского военного округа ген.-лейтенант Л. Г. Корнилов в сопровождении начальника гарнизона Ц[арского] Села полковника Кобылинского, коменданта Ц[арского] Села полковника Маулина**** и своего личного адъютанта Долинского явился в Александровский дворец и вызвал состоявших при бывшей Царице Александре Федоровне гр. Бенкендорфа и Апраксина и заявил им, что он получил предложение Временного правительства об Ее аресте.

Бенкендорф и Апраксин препроводили ген. Корнилова во Дворец.

Через 2 минуты вышла низложенная Царица.

Ген. Корнилов объявил Ей, что Она арестована.

На глазах у бывшей Царицы появились слезы; Она забилась в истерике.

---

* *Кузнецов В. В.* Тайна пятой печати. Судьба Царя — судьба России. СПб. 2002. С. 338-339.

** Речь идет о П. А. Жильяре. — *С. Ф.*

*** Последние дневники Императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г. Под ред. В. А. Козлова и В. М. Хрусталева. С. 31.

**** В действительности речь идет о подполковнике В. М. Мацневе. — *С. Ф.*

Ген. Корнилов распорядился также и об аресте всех лиц, окружавших Александру Федоровну.

Ко Дворцу приставлены части войск местного гарнизона, на которых возложена охрана Дворца*.

Хроника

К АРЕСТУ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ

Нас просят сообщить, что изложенные в вечернем выпуске «Русской воли» от 8 марта подробности ареста бывшей Царицы Александры Феодороны не совсем точны. Самый же факт ареста подтверждается авторитетным источником**.

ОБ АРЕСТЕ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ

Вчера нас просили напечатать, что приведенные в вечернем выпуске «Русской воли» от 8 марта подробности ареста Александры Феодоровны не совсем точны. Ныне нам доставлены эти подробности от имени состоящего в распоряжении главнокомандующего войсками Петроградского военного округа кап[питана] Ростова.

«По воле и решению Временного правительства главнокомандующий войсками Петроградского военного округа 8-го сего марта, в 8 часов 45 минут утра отбыл в Царское Село для приведения в исполнение указа об аресте бывшей Государыни Александры Феодоровны.

Ровно в 11 часов главнокомандующий генерал-лейтенант Корнилов, в сопровождении начальника Царскосельского гарнизона полковника Кобылинского, Царскосельского коменданта подполковника Мацнева, некоторых чинов штаба и личного своего адъютанта прапорщика Долинского, прибыл в Царскосельский дворец и прочел бывшей Государыне Александре Феодоровне, Которая приняла его в присутствии графа Бенкендорфа и графа Апраксина, постановление Временного правительства об Ее аресте. По прочтении постановления, главнокомандующий принял меры по охране Дворца, установив очередь назначения караула от всех пехотных полков Царскосельского гарнизона, порядок высылки конных дозоров по всему городу, порядок до-

---

*Русская воля. Пг. 1917. № 5. 8 марта. Вечерний выпуск. Можно позавидовать оперативности журналистов: вечером в газете появилось сообщение о событии, произошедшем в тот же день, да еще не в Петрограде, а в Царском Селе.

** Русская воля. Пг. 1917. № 6. 9 марта. Утренний выпуск. С. 6.

пуска во Дворец и сношения последнего с внешним міром. Все телеграфные и телефонные провода поставлены по приказанию главнокомандующего под строгий контроль караульных офицеров. Посты наружной охраны, наряжаемой от дворцовой полиции, были немедленно сменены по приказанию главнокомандующего и заменены нарядом от войск гарнизона.

Вечером 8-го сего марта, по приказанию главнокомандующего, начальник штаба округа генерал-майор Рубец-Масальский[123] посетил Царское Село и п[р]оверил приведение в исполнение мер, установленных для охраны Дворца*.

Из сообщения газеты «Русское слово»:

АРЕСТ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ

Вчера [7 марта], поздно ночью, главнокомандующий Петроградского военного округа генерал Корнилов получил распоряжение Совета министров о лишении свободы отрекшегося Императора Николая II и Его Супруги Александры Федоровны.

8-го марта, во исполнение постановления Совета министров, генерал Корнилов, в сопровождении чинов штаба, в 9 часов утра выехал в Царское Село, куда прибыл в 9 $^1/_2$ часов.

С вокзала генерал Корнилов по телефону позвонил во Дворец и попросил графа Бенкендорфа справиться у Александры Феодоровны, когда Она может его принять.

На попытку графа Бенкендорфа узнать о цели посещения генерал Корнилов ответил, что по телефону он никому и ни о чем не может сообщать.

Граф Бенкендорф попросил генерала Корнилова подождать у телефона. Через несколько минут он заявил, что Александра Феодоровна примет генерала Корнилова в 10 $^1/_2$ часов.

В течение часа ген. Корнилов совещался с комендантом Царского Села относительно организации охраны Супруги Отрекшегося Императора.

В 10 $^1/_2$ часов утра ген. Корнилов прибыл со своим штабом в Малый Царскосельский дворец. Генерала провели во второй этаж Дворца, в покои, в которых раньше находились Дети.

Ожидать ген. Корнилову пришлось недолго. Через несколько минут появилась Александра Феодоровна и попросила всех сесть. Она была бледна, лицо Ее выражало усталость. Бывшая Царица была одета в черное наглухо закрытое платье. Первые Ее слова были:

*Русская воля. Пг. 1917. № 8. 10 марта. С. 5.

— Чем Я обязана вашему посещению?

Генерал Корнилов, поднявшись с места, заявил:

— Я приехал сюда по поручению Совета министров и должен объявить Вам постановление Временного правительства.

Александра Феодоровна встала:

— Я вас слушаю.

Когда ген. Корнилов начал читать постановление Совета министров о лишении свободы бывшего Императора и Его Супруги, Александра Феодоровна сделала жест рукой, как бы говоря: не продолжайте. Генерал Корнилов, однако, прочитал постановление Временного правительства до конца, а затем добавил, что с этого момента Супруга отрекшегося Императора объявляется лишенной свободы. Ко Дворцу будет приставлен строгий караул. Вся охрана, которая до сих пор несла службу во Дворце, устраняется.

Александра Феодоровна выслушала генерала Корнилова, сильно волнуясь, стиснув зубы, и молча кивнула головой.

Чины штаба вышли, остался один генерал Корнилов. Александра Феодоровна просила его не удалять из Дворца прислуги, которая хорошо знает все привычки заболевших Детей. Особенно настойчиво Она просила не удалять от Алексея Его дядьки, фельдфебеля Деревенко[124].

Генерал Корнилов объявил, что с его стороны препятствий к удовлетворению просьбы не встречается. Больше того: генерал не возражает даже против оставления во Дворце графа Бенкендорфа и личного секретаря Александры Феодоровны графа Апраксина, но предваряет, что в таком случае все они также будут объявлены лишенными свободы, с запрещением общения с внешним міром.

После этого ген. Корнилов удалился из Дворца, вместе со своим штабом прошел в казармы и лично распорядился размещением у Царскосельского Александровского дворца караула. По его распоряжению, караулы установлены во всех внутренних покоях.

Приезд врачей к больным Детям будет разрешаться не иначе, как в сопровождении охраны.

Всякие разговоры по телефону запрещаются. Вся корреспонденция подлежит контролю.

Ответственность за охрану возложена на коменданта Царского Села.

Два раза в день из Петрограда в Царское Село будут выезжать представители штаба округа, которым поручено наблюдать за правильностью охраны.

Исполнив поручение Временного правительства, генерал Корнилов уехал в Петроград. По прибытии он сейчас же сделал доклад премьер-министру князю Г. Е. Львову*.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОЛКОВНИКА К. Ф. ЗЕРЩИКОВА

Подъехавший к главным воротам Дворца генерал Корнилов покинул автомобиль и пешком прошел к подъезду. Проведенный случайно встреченным офицером Конвоя до Собственного коридора, генерал Корнилов был встречен графом Апраксиным, проводившим генерала к Императрице**.

ИЗ ДНЕВНИКА ГРАФА П. К. БЕНКЕНДОРФА

Утром 8-го марта мне сообщили, что в Царское прибыл главнокомандующий генерал Корнилов и его с минуты на минуту ждут во Дворце. Он сказал мне, что желает видеть Императрицу, чтобы сообщить Ей о решении Временного правительства. Он дал мне прочесть документ.

Это был приказ арестовать Императора и, как было сказано, Его Жену. Он прибавил, что это мера предосторожности и что, как только здоровье Детей позволит, Императорскую Семью отправят в Мурманск, где Ее будет ожидать британский крейсер, который увезет Их в Англию.

Я пошел сообщить Императрице об этом визите, и Она приняла [Корнилова] в присутствии графа Апраксина и меня. Он прочел вслух приказ об аресте, в тот же день опубликованный в газетах, после чего попросил нас выйти и остался наедине с Императрицей.

Впоследствии я узнал, что он заверил Ее так же, как и меня, то есть в том, как ему было сказано, что это мера предосторожности, имеющая целью предохранить от возможных эксцессов со стороны войск. Последние, возбужденные, вышли из под контроля, не подчинялись офицерам и находились под влиянием совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшего из социалистических элементов. [Корнилов] указал на плане, какие двери должны быть заперты, и при всех нас дал необходимые распоряжения. Он сказал нам, что те лица, которые выразили жела-

---

* Русское слово. № 54. М. 1917. 9 марта. С. 1.

** *Зерщиков К.* Собственный Его Величества Конвой в дни революции // Часовой. № 210. Париж.-Брюссель. 1938. 5 апреля. С. 10.

ние остаться во Дворце, должны будут подчиняться тем же распоряжениям и что с этого времени никто не сможет выйти из Дворца или войти в него.

Запрошенный о моих намерениях, я заявил, что желал бы остаться. После его отъезда я пошел к Императрице. Я нашел Ее спокойной, очень храброй, но глаза Ее были красны, Она много плакала.

Я мог сообщить Ей о возвращении Императора на следующий день. Она сказала мне, что он [Корнилов] вел себя с Ней хорошо. Он уверил Ее, что длительность ареста будет зависеть исключительно от здоровья Детей и что британский крейсер уже ожидает в порту Мурманска, чтобы отвезти Императорскую Семью в Англию[125]. Последние известия были неверны*.

ИЗ КНИГИ СЛЕДОВАТЕЛЯ Н. А. СОКОЛОВА

Арест Государыни произошел в тот же день, как и арест Государя: 21 марта [н. ст.].

Он был выполнен генералом Л. Корниловым, бывшим тогда в должности командующего войсками Петроградского военного округа.

При этом аресте присутствовало только одно лицо: новый начальник Царскосельского караула полковник Кобылинский, назначенный к этой должности Корниловым.

Государыня приняла их в одной из комнат детской половины. Корнилов сказал Ей: «Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить Вам постановление совета министров, что Вы с этого часа считаетесь арестованной».

После этих кратких слов Корнилов представил Государыне Кобылинского. Затем он приказал ему удалиться и оставался наедине с Ней около 5 минут.

...Свидетели, осведомленные об этом от Государыни и Детей, показали, что, оставшись с Императрицей наедине, Корнилов старался успокоить Ее и убеждал, что Семье не грозит ничего худого.

Затем Корнилов собрал находившихся во Дворце лиц и объявил им, что все, кто хочет остаться при Царской Семье, должны впредь подчиняться режиму арестованных.

В тот же день произошла смена караула**.

---

* *Мейлунас А., Мироненко С.* Николай и Александра. Любовь и жизнь. М. 1998. С. 546-547. Со ссылкой на: *Benckendorff P.* Last Days at Tsarskoie Selo. London. Heinemann. 1927.

** *Соколов Н. А.* Убийство Царской Семьи. М. 1998. С. 16.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ К. М. БИТНЕР, ПРЕПОДАВАТЕЛЬНИЦЫ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ, СУПРУГИ ПОЛКОВНИКА Е. С. КОБЫЛИНСКОГО

Я также слышала от Девочек [Великих Княжен], что Корнилов, когда выслал Евгения Степановича [Кобылинского] при свидании с Государыней, сказал Ей, чтобы Она не безпокоилась: ни Ей, ни Детям не будет сделано ничего худого. Это мне, в сущности, косвенно подтверждала и Императрица. Она говорила мне, что к Корнилову Они всегда хорошо относились, как к хорошему человеку и известному генералу. Вообще видно было, что Она не только не имела неудовольствия против Корнилова, но, наоборот, хорошо относилась к нему*.

4 августа 1919 г.
г. Ишим.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П. ЖИЛЬЯРА[126], ВОСПИТАТЕЛЯ НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

21 марта, в 10 $^{1}/_{2}$ часов утра, Ее Величество вызвала меня и сказала, что генерал Корнилов от имени Временного правительства только что объявил Ей, что Государь и Она арестованы, что все те, кто не желает подвергаться тюремному режиму, должны покинуть Дворец до четырех часов. Я ответил, что решил остаться**.

ИЗ ИСТОРИИ СОБСТВЕННОГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ

После отъезда генерала Корнилова сотник Зборовский[127] был принят Государыней, передавшей ему Свое повеление о неизбежности подчинения требованию об уходе из Дворца. — «Прошу вас всех воздержаться от каких-либо самостоятельных действий, могущих только задержать прибытие Государя и отразиться на судьбе Детей».

«Начиная с Меня, мы все должны подчиниться судьбе»... «Генерала Корнилова Я знала раньше, он рыцарь и Я спокойна за Детей»...***

---

* Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (август 1918 — февраль 1920). С. 426.

** Император Николай II и Его Семья. (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.). По личным воспоминаниям П. Жильяра, бывшего наставника Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Вена. 1921. С. 163.

*** Собственный Его Императорского Величества Конвой. С. 306.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Ч. С. ГИББСА[128], ПРЕПОДАВАТЕЛЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ

Императрицу и Семью арестовал генерал Корнилов. Меня в это время во Дворце не было. Я не могу сказать, как это произошло. Я знаю, что Корнилов был принят Ее Величеством и объявил Ей о Ее аресте. Императрица мне говорила об этом событии. Она мне не рассказывала подробностей. Она мне так, в общих чертах говорила об этом и, между прочим, сказала, что Она приняла сухо Корнилова и не давала ему руки*.

1 июля 1919 г.

г. Екатеринбург.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. А. ТЕГЛЕВОЙ[129], НЯНИ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ

...Приехал генерал Корнилов и объявил Ее Величеству об аресте Ее и всех остальных, кто останется при Ее Величестве. Государыня объявила об этом нам Сама. Она была взволнована арестом Ее, но Она не впадала в отчаяние, держала Себя в руках, хотя и плакала временами, и не теряла, видимо, надежды на лучшее. Сообщая нам об аресте, Она сообщила только о самом факте. Никаких враждебных ноток лично к генералу Корнилову я у Нее не заметила**.

5-6 июля 1919 г.

г. Екатеринбург.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ Е. Н. ЭРСБЕРГ[130], ПОМОЩНИЦЫ НЯНИ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ

Я не могу ничего Вам рассказать про приезд к нам Корнилова. Знаю я только, что Корнилов приезжал арестовать Императрицу. Все, кто согласился быть с Ними после этого, также считались арестованными. Но мне пришлось видеть Императрицу в один из моментов, когда Корнилов был еще у Нее. Я видела Ее в это время плачущей, и Она принимала валерьяну. Сама я ничего не слышала от Императрицы относительно приезда к нам

---

* Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII- XIX вв. Т. VIII. М. 1998. С. 104.

** Там же. С. 119.

Корнилова и не могу рассказать, как к этому относилась Императрица и как держал себя с Ней Корнилов*.

6 июля 1919 г.

г. Екатеринбург.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Ю. А. ДЕН, БЛИЖАЙШЕЙ ПОДРУГИ ИМПЕРАТРИЦЫ

Среда, 8 (22) марта — день, знаменательный в истории «свободной России», поскольку именно тогда состоялся арест Женщины и пятерых Ее больных Детей вместе с Их приверженцами, которым было известно, что значит Дружба и Долг.

Утром явился граф Бенкендорф, который уведомил нас о том, что 9 марта в Царское Село приезжает Император и что революционное начальство решило к полудню арестовать всех, кто находился во Дворце. Граф обратился к Государыне с просьбой предоставить ему список лиц из числа Ее Свиты, которые пожелают остаться, и Императрица тогда же обратилась ко мне:

— Лили... Вы понимаете, что означает этот приказ? После того, как он войдет в силу, никто будет не вправе покинуть Дворец, прервется всякое сообщение с внешним міром. [...]

В полдень во Дворце появился генерал Корнилов с приказом об аресте Императорской Семьи. Государыня встретила его в одежде сестры милосердия и искренно обрадовалась, увидев генерала, пребывая в заблуждении, что Корнилов расположен к Ней и ко всей Ее Семье. Она жестоко ошиблась, поскольку Корнилов, полагая, что Ее Величество недолюбливает его[131], не упускал ни одной возможности, чтобы распускать о Ней самые отвратительные слухи. Генерал сообщил Императрице, что дворцовая охрана будет заменена революционными солдатами**.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ КОРНЕТА С. В. МАРКОВА

Корнилов приезжал не при мне, но я слышал, что хамил он здорово, как, конечно, и Гучков и Керенский***.

5-8 августа 1921 г.

г. Париж.

---

* Там же. С. 136.

** *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны. С. 153-154.

*** Российский архив. Т. VIII. С. 313-314.

ИЗ БЕСЕДЫ ГЕНЕРАЛА Л. Г. КОРНИЛОВА С СОТРУДНИКОМ ГАЗЕТЫ «РУССКАЯ ВОЛЯ»

Утром я получил предложение военного министра А. И. Гучкова арестовать бывшую Царицу. — «У Меня все больны, — заявила Александра Федоровна. — Сегодня заболела Моя последняя Дочь. Алексей, сначала было оправлявшийся, опять в опасности. Ради Бога, останьтесь со Мной наедине». — «Я, — говорил Корнилов, — приказал всем удалиться на несколько минут. Быв[шая] Царица заплакала и забилась в истерике. Придя в Себя, Александра Федоровна заявила: — «Я в вашем распоряжении: делайте со Мной, что хотите!» Объявив Ей указ об аресте, ген. Корнилов распорядился приставить стражу ко всем телефонам и телеграфу во Дворце, чтобы изолировать бывшую Царицу*.

ИЗ КНИГИ ИСТОРИКА С. П. МЕЛЬГУНОВА

...В Царском Селе был произведен арест Императрицы. Совершить это действие было поручено командующему войсками Петербургского гарнизона генералу Корнилову, в ведение которого и поступил Александровский дворец. Как-то непонятно, почему выполнение политического акта было возложено на военную власть, и главнокомандующему войсками с его штабом была придана несвойственная его обязанностям роль тюремщика. — Инструкция начальнику гарнизона Царского Села не оставляет сомнения в том, что превентивный домашний арест означал в действительности строгое заключение, хотя и на льготных привилегированных условиях**.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ кн. Г. Е. ЛЬВОВА, МИНИСТРА-ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Я сам лично не осведомлен о роли, которую играл Корнилов в Царском, и ничего не могу Вам сказать, бывал ли он в Царском Селе, когда и для чего. Могу лишь сказать, что Корнилов в то время был командующим войсками Петроградского округа и мог, конечно, принимать то или иное участие в установлении известных распорядков в Царском, вероятно, по соглаше-

---

*Арест Александры Федоровны // Русская воля. 1917. № 5. 8 марта.

** *Мельгунов С. П.* Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж. 1951. С. 32.

нию с Керенским. Время от времени Керенский представлял доклады Временному правительству о тех или иных мерах, принимавшихся в Царском.

Были приняты некоторые ограничения для Царской Семьи, сводившиеся, в конце концов, к пресечению для Нее возможности сношения с внешним міром без ведома правительственных агентов. Эти меры вовсе не были направлены на создание ненужных стеснений для Царской Семьи и не создавали для Нее состояния «ареста», так как власть во внутренний уклад жизни Царской Семьи совершенно не вмешивалась. Царская Семья у Себя дома жила так же, как Она жила и раньше. Внутренних, например, постов совершенно не было*.

6-30 июля 1920 г.
г. Париж.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. Ф. КЕРЕНСКОГО, МИНИСТРА ЮСТИЦИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Установление известного режима в отношении Николая II Его Жены и всех вообще лиц, которые пожелали остаться с Ними, было возложено Временным правительством на меня. Мне же принадлежало и наблюдение за выполнением режима.

В первые дни марта месяца я не мог попасть в Царское [Село], будучи занят в эти дни делами исключительной важности. Приведение в исполнение постановления Временного правительства от 7 марта было возложено в отношении [...] Александры Федоровны на генерала Корнилова, командовавшего в то время Петроградским военным округом. [...] Даты ареста Корниловым Александры Федоровны я не знаю. Никакого режима в Царском Корнилов не устанавливал и никаких инструкций не издавал и не утверждал. Он привел в исполнение постановление Временного правительства и, конечно, установил в порядке экстренности некоторые необходимые меры, главным образом воинского характера**.

14-20 августа 1920 г.
г. Париж.

---

* Российский архив. Т. VIII. С. 206-207.
** Там же. С. 232.

ИНСТРУКЦИЯ НАЧАЛЬНИКУ ГАРНИЗОНА ГОРОДА ЦАРСКОЕ СЕЛО ПО ОХРАНЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ДВОРЦА, УТВЕРЖДЕННАЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ ПЕТРОГРАДСКИМ ВОЕННЫМ ОКРУГОМ

17 марта 1917 г.

1. Караулы по охране Александровского дворца занимать по очереди от всех запасных полков и батальонов вверенного Вам гарнизона. Кроме караульного наряда назначить ежедневно во Дворец дежурного офицера, которому строго руководствоваться изложенными в инструкции указаниями.

2. От бывшего Собственного конвоя назначать только конные дозоры для охраны гор. Царское Село и ближайших окрестностей, для чего установить районы.

3. Посты от дворцовой полиции, несшей до 8-го сего марта охрану дворцов и прочих служб бывшего Министерства Двора, немедленно снять.

4. Допускать выход отрекшегося Императора и бывшей Императрицы на большой балкон Дворца и в часть парка, непосредственно прилегающую к Дворцу, в часы по Их желанию в промежуток между 8 час. утра и 6 час. вечера. В означенные часы дежурному офицеру находиться при отрекшемся Императоре и бывшей Императрице и распоряжением караульного начальника усиливать внешнюю охрану Дворца.

Подъезды: средний и № 2 и 3 закрыть для проезда во Дворец и выхода из него

Подъезды же № 1 и 4 оставить открытыми, установить здесь пропускные посты.

5. Все лица бывшей Свиты, означенные в прилагаемом списке и пожелавшие по своей воле временно остаться в Александровском дворце, не имеют права выхода из Дворца, подчиняясь в отношении выхода в парк и сношения правилам, установленным настоящей инструкцией.

6. Без разрешения моего никакого свидания с лицами, содержащимися в Александровском дворце, не допускать.

7. Письменные сношения со всеми лицами, находящимися вне Дворца, допускать только через штабс-ротмистра Коцебу, которому надлежит подвергать строгому просмотру все письма, записки и телеграммы, пропуская из них самостоятельно лишь необходимые сношения хозяйственного характера и сообщения

о здоровье, медицинской помощи и т. п. Все остальное подлежит представлению через Вас в штаб округа.

8. Телефоны, находящиеся во внутренних покоях Дворца, снять, телефонное сношение допускать только по телефону в комнате дежурного офицера в присутствии последнего или штабс-ротмистра Коцебу.

9 В случае необходимости вызова врачей-специалистов из Царского Села и Петрограда для оказания медицинской помощи таковых следует допускать во Дворец при постоянном сопровождении дежурного офицера.

10. Все продукты, доставляемые во Дворец, должны быть передаваемы оставшейся во Дворце прислуге в присутствии дежурного офицера или штабс-ротмистра Коцебу, в обязанность которых вменяется не допускать никаких разговоров относительно внутренних лиц Дворца.

11. Живущие в отдельном от Дворца здании инженеры Шведе и Легович и квартирмейстер Донини допускаются в Александровский дворец только в случае необходимости осмотра помещений, но лишь в сопровождении дежурного офицера, причем сношения их с графом Бенкендорфом допускать исключительно в присутствии штабс-ротмистра Коцебу или дежурного офицера.

12. О всех происшествиях коменданту Дворца доносить мне по команде и, кроме того, немедленно докладывать по телефону.

Подписал:

Главнокомандующий войсками
Петроградского военного округа
генерал-лейтенант КОРНИЛОВ

С подлинным верно:

Начальник штаба генерал майор
РУБЕЦ-МАСАЛЬСКИЙ

Сверял:

Старший адъютант полковник*

ПРИМЕЧАНИЕ Е. П. СЕМЕНОВА К КНИГЕ КАМЕРДИНЕРА А. А. ВОЛКОВА

Надо знать, что он [Л. Г. Корнилов] считал Государыню одной из виновниц катастрофы. Когда 3 августа 1917 г. я ему представил приехавшего в этот день в Петроград А. Ф. Аладьина[132], гене-

* Подпись неразборчива. — *С. Ф.* Скорбный путь Романовых 1917-1918 гг. Гибель Царской Семьи. Сборник документов и материалов. С. 68-69.

рал — тогда Верховный главнокомандующий — между прочим, сказал: «Возврата к прошлому быть не может. Государь человек без воли и потому, если Он вернется на Трон, то править будет *Она*, и все пойдет по-старому»...*

К приведенному стоит присовокупить печатающиеся нами в приложении воспоминания гр. П. Н. Апраксина.

* * *

Сохранились свидетельства и о взглядах генерала Л. Г. Корнилова. Приведем некоторые из них:

УЧАСТИЕ В ЗАГОВОРЕ

Гучков, Некрасов[133] и Терещенко[134] рассмотрели несколько возможных вариантов ареста Царя: а) в Ставке, б) в Царском Селе или в Петрограде, в) в поезде между Ставкой и Царским Селом. Первые два варианта были связаны с возможными столкновениями с преданными Императору частями, и поэтому заговорщики решили использовать третий вариант. [...]

Попытки привлечь на свою сторону кого-то из высших офицеров успехом не увенчались. Пожалуй, лишь А. М. Крымов и Л. Г. Корнилов были согласны с планом отстранения Николая II от государственных дел. Другие же генералы, насколько можно судить по имеющимся источникам, сочувствуя идее переворота, участвовать в заговоре наотрез отказались**.

НАЗНАЧЕНИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ ВОЙСКАМИ ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА

Из показаний генерала от инфантерии Л. Г. Корнилова Чрезвычайной следственной комиссии 5 сентября 1917 г.

Тотчас после государственного переворота 27 февраля я был назначен Временным правительством на пост главнокомандующего войсками Петроградского военного округа и, прибыв из Действующей армии, 5-го марта вступил в должность***.

* * *

---

* *Волков А. А.* Около Царской Семьи. С. 69.

** *Сенин А. С.* Александр Иванович Гучков. М. 1996. С. 99-100. Со ссылкой на: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914-1917. Л. 1967. С. 299-302.

*** *Катков Г. М.* Дело Корнилова. Париж. 1987. С. 202.

До революции командующий Петроградским гарнизоном, как правило, непосредственно подчинялся Совету министров через посредство военного министра.

Из воспоминаний А. И. Гучкова

Был вызван... Корнилов, мне казалось, что он наиболее подходящий. [...] Когда Корнилов был приглашен, я объяснил ему, в чем его задача, объяснил, что главная задача — создать военную опору для Временного правительства. [...] Корнилову была поставлена задача привести в порядок Петербургский гарнизон, даны неограниченные полномочия в смысле личных назначений, и так как офицерский и высший командный состав были чрезвычайно слабы, то разрешено с фронта приглашать тех лиц, которых он найдет нужным; были отпущены неограниченные денежные кредиты, чтобы организовать пропаганду своей стороны в этом гарнизоне*.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Март 1917 г.

[Корнилов] в беседе с представителями печати высказал ниже приводимое мнение о настоящем моменте:

«Я считаю, что происшедший в России переворот является верным залогом нашей победы над врагом. Только свободная Россия, сбросившая с себя гнет старого режима, может выйти победительницей из настоящей мировой борьбы. Совершившийся переворот уже дал нам победу в тылу [sic!] и перед нами остался [sic!] противник только на фронте — он должен быть разбит, этого требует честь и все будущее России. Только победа даст нам счастье видеть нашу Родину великой и свободной страной.

Залог же победы это — дисциплина, тот могучий крепкий дух, которым всегда была сильна наша армия. Должно быть полное единомыслие, доверие и любовь между офицерами и солдатами. Выборное начало начальников, признанное ныне всеми и самими солдатами нежизненным, не может способствовать сплочению и силе армии, а скорее породит в ней рознь, а на фронте, в боевой обстановке, где надо не рассуждать — а делать, совершенно недопустимо и может принести непоправимый вред, будучи неправильно понято или истолковано.

---

*Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М. 1993. С. 72

Нам осталось сделать еще последнее усилие — враг надломлен и победа близка, и эту победу, я повторяю, России может дать только сильная, единая по духу и дисциплинированная армия»*.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ГЕНЕРАЛА А. И. ДЕНИКИНА

В конце июля 1917 г. я был проездом в Ставке, и в доверительной беседе ген. Корнилов сказал мне следующее:

— Ко мне на фронт приезжал Гучков. Он все носится со своей идеей переворота и возведения на Престол Вел. Князя Димитрия Павловича. Что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду.

Последние новости. № 5712. 13.11.1936. С. 2.

* * *

Нельзя замолчать и свидетельств современников о генерале М. В. Алексееве. В дополнение к напечатанному в книге И. П. Якобия и в нашем приложении приведем сведения, сообщенные видным представителем кадетской партии И. П. Демидовым[135] в его докладе «Великая война и революция», прочитанном на заседании республиканско-демократического клуба в Париже 18 апреля 1923 г. В газетном отчете читаем:

В качестве члена четвертой Государственной думы И. П. Демидов имел возможность близко наблюдать жизнь фронта во время Великой войны, лично познакомился с наиболее ответственными вождями армии и явился посредником между армией и народным представительством. [...] За зиму 1915-1916 годов Алексеев рассчитывал воссоздать армию и действительно улучшил командование, но лучшего строевого состава уже не было налицо. Настроение армии продолжало ухудшаться. От ген. Лечицкого[136] впервые послышалось требование — создать в тылу «ответственное министерство». В августе 1916 года Демидов выслушал от Алексеева в Ставке жалобы на посторонние влияния, которые мешают работать: потом он узнал, что Алексеев отказался допустить Распутина в Ставку — и из писем Императрицы видно, что тогда же началась кампания против Алексеева. Надежда Алексеева еще больше сосредоточилась на Думе и общественных организациях. Уже перед самой революцией, в де-

* Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа о настоящем моменте // Вестник временного правительства. Пг. 1917. № 5. С. 2.

кабре 1916 года, Демидов ездил к ген. Рузскому, чтобы узнать, какое впечатление в армии произведет теперь уже неизбежный конфликт. Рузский, вместо прямого ответа, послал Демидова в штаб, где ему сказали: «Пока правительство останется на своем месте, пусть народные представители считают войну проигранной и Россию побежденной [sic!]. Под влиянием этих сведений из армии появились планы дворцовых переворотов*.

А вот мнение известного русского зарубежного историка революции Г. М. Каткова[137]:

Его [Алексеева] личная привязанность к Николаю II видимо полностью исчезла во время событий конца февраля 1917 г., когда ему пришлось участвовать в подготовке отречения Императора. В дальнейшем Алексеев не проявил заметного интереса к Его судьбе и судьбе Его Семьи. Вероятно, он недооценивал значение монархических убеждений в поддержании военной дисциплины и предполагал в этом отношении более важным влияние офицерского корпуса, чем значение вековой народной традиции. В своих многочисленных докладах Временному правительству Алексеев настаивал на том, что следует более решительно защищать авторитет офицерства, не понимая, что никакое количество декретов и приказов не может заменить исторического престижа Монарха. Отношение Алексеева к правительству не было искренним. Это особенно видно в его отношениях с Керенским...** .

И, наконец, еще одно свидетельство, ставшее известным в последние годы:

*Бывший министр-председатель Временного правительства кн. Г. Е. Львов, будучи направленным Уфимской директорией в США[138] и принятый 21 ноября 1918 г. в Белом доме президентом В. Вильсоном (которого именовал «вождем истинно свободной демократии всех наций» или даже «вождем всесветной демократии» ***), писал через несколько дней (2 дек.) последнему в письме, рекомендуя ему генерала М. В. Алексеева как одного из подлинных представителей русского народа ****. Автор письма еще не знал о кончине генерала, по-*

---

*В республиканско-демократическом клубе // Последние новости. № 920. 1923. 20 апреля. С. 2.

** *Катков Г. М.* Дело Корнилова. С. 32-33.

*** «Россия теперь больна». Документы о встрече князя Г. Е. Львова с президентом США В. Вильсоном. Ноябрь 1918 г. // Исторический архив. 1994. № 1. С. 106.

**** «He has the first right to defend the interests of Russia. His name is respected by the majority of the Russian people and he will speak on behalf of the four millions of the

следовавшей 8 октября. Тем не менее, доверие видного заговорщика и масона начальнику Царского Генерального штаба весьма характерно.

А вот какую характеристику получили генералы у известного острослова В. П. Мятлева:

Из слезливых крокодилов
Тщясь устроить винегрет,
Чудодействовал Корнилов,
Неудачный Лафайет.

И соратник фарисеев,
Раза три меняя фронт,
Подвизался Алексеев,
Затемняя горизонт.*

* * *

Точку в затянувшемся споре поставили, однако, не политики или историки (и уж тем более не поэты-сатирики), а авторитетное слово Церкви.

«Есть люди, — говорил в слове к 50-летию преставления Патриарха Тихона в 1975 г. архиепископ Зарубежной Церкви Аверкий (Таушев), — до сих пор продолжающие смущаться и соблазняться тем, будто Святейший Патриарх Тихон не дал благословения кому-то, кто просил его благословить борьбу Белой армии против большевиков. Но ведь мы не знаем, как все это доподлинно было, при каких обстоятельствах и в какой обстановке это происходило. А кроме того, к прискорбию нашему приходится признать, что и в Белой армии не все было духовно благополучно. Нередки были случаи, когда белые воины, с таким подъемом певшие "Смело мы в бой пойдем за Русь Святую!..", о Святой Руси по-настоящему и не помышляли и вели себя нисколько не лучше, чем самые отъявленные большевики. Конечно, не мог Святейший Патриарх Тихон дать благословение такому белому генералу (довольно известному), который с таким пафосом однажды выразился: "Хоть с диаволом, но против большевиков!" Этот несчастный даже не понимал, что "с диаволом" идти против диавола невозможно и что такая борьба

Russian soldiers who perished in the war for the common cause of the Allies» (Papers of Woodrow Wilson. Vol. 53. Princeton. 1986. P. 290).

* *Винберг Ф.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. Изд. 2-е. Мюнхен. 1922. С. 343.

безнадежна и бесплодна и ни к чему не приведет[139], что, как мы видим, и получилось»*.

О самих обстоятельствах обращения к Святителю за благословением сохранилось несколько свидетельств.

...Летом 1918 года на Троицкое подворье к Патриарху Тихону пришел известный церковно-общественный деятель А. В. Карташев с разработанной «Программой положения Православной Церкви в Русском государстве» для употребления на Юге России, занятой Добрармией генерала Деникина, «а также на случай появления национального правительства в самой Москве». Святитель Тихон, вспоминал уже за границей Карташев, принял «как всегда очень ласково, за стаканом чая и даже с самоварчиком. Дослушав до конца внимательно и грустно, он вдруг снисходительно засмеялся над нашими "хорошими словами", как мудрый старец смеется над идеализмом мечтательных юношей. "Хорошо! Уж очень все хорошо! Да только когда все это будет? Конечно, не теперь!" Как сын народа, Патриарх Тихон тогда уже инстинктом чувствовал силу и длительность народного увлечения большевизмом, не верил в возможность скорой победы Белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах»**.

Надобно заметить, что в тот день вместе с Карташевым на Троицком подворье был еще один человек — князь Г. Н. Трубецкой. «...Я не просил разрешения Патриарха передать благословение его войскам Добровольческой армии, — писал он позднее, — и Святейшему Тихону не пришлось мне в этом отказывать, но я просил разрешения Его Святейшества передать от его имени благословение лично одному из видных участников Белого движения, при условии соблюдения полной тайны. Патриарх, однако, не счел и это для себя возможным, настолько он держался в стороне от всякой политики...»***

---

* *Архиепископ Аверкий.* Современность в свете Слова Божия. Т. IV. Джорданвилль. 1976. С. 330.

** Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М. 1995. С. 26.

*** Руль. Берлин. 1923. 17 июля. Ср.: «Я ехал на юг, в Добровольческую армию, рассчитывая увидеть всех, с кем связывалась надежда на освобождение России. Я просил разрешения святого Патриарха передать от его имени, разумеется в полной тайне, благословение одному из таких лиц, но Патриарх в самой деликатной и в то же время твердой форме сказал мне, что не считает возможным это сделать, ибо, оставаясь в России, он хочет не только наружно, но и по существу избегнуть упрека в каком-либо вмешательстве Церкви в политику» (*Вострышев М.* Патриарх Тихон. М., 1995.

Была, разумеется, и другая причина отказа: «...Тяжкий грех богоотступничества и богоборчества мог быть очищен поистине только огненным испытанием, слезами и кровью. Вот почему и Белое движение и все другие попытки свергнуть иго лютого безбожия, воцарившегося над несчастным заблудшим русским народом, не привели к желанной цели. Мало было одного освобождения внешнего от сатанинской власти. Ничего бы не дало русскому человеку, в душе которого продолжал бы жить этот яд змеиный. Только путем таких тяжких страданий мог очиститься русский народ от этого страшного яда. **И эти страдания даны русскому народу: даны ему на пользу!**»*

Эта мысль, высказанная архиепископом Зарубежной Церкви Аверкием (Таушевым) в 1974 г., отнюдь не плод позднейшего домысливания. Известный петербургский старец протоиерей Михаил Прудников еще в самом начале 1918 г. на возражения одного своего почитателя об обстановке в стране («Позвольте, ведь вот Деникин уже подходит к Москве, Колчак, Юденич, Миллер, — все успешно действуют».) прозорливо заметил: «Все это ни к чему, зря только кровь проливают, ровно ничего не выйдет!»**

О том, *какими* вышли из гражданской войны некоторые «правые» деятели, не чуждые проблемам Церкви (так что и на Собор в Сремские Карловцы приглашеные), можно судить по личному письму митрополита Антония (Храповицкого) графу В. В. Мусину-Пушкину от 10/23 января 1922 г.: «В первом же заседании я вслух всех сказал: я вижу, что из нашего Собора не будет толку. Пошла такая ложь и лицемерие. Нашлось у людей довольно безстыдства, чтобы, послав приветствие ген. Врангелю и армии, осудив социализм и коммунизм, воздержаться от голосования в пользу наследственной Монархии 1) ибо она будто бы не церковная, а политическая идея (а армия и антисоциализм — церковные?) и 2) она может ухудшить положение Патриарха у большевиков (а сочувствие их активному врагу — армии и Врангелю, не может ухудшить?). Церковь не может стать на точку зрения "завоевания революции"; не может одобрить низвержение законного Царя, мироположенного; она должна осудить февраль-

---

С. 122-123; см. также: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917-1945. Париж, 1977. С. 237).

* *Архиепископ Аверкий.* Современность в свете Слова Божия. Т. IV. С. 180.

** *Сурский И. К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М. Паломник, 1994. С. 184-185.

скую революцию 1917 года, а если мы в чем-либо поддались политическому принципу в ущерб церковному, то разве в том, что не высказали от имени Церкви самого резкого осуждения революции господской февральской, которая была революцией столько же антимонархической, сколько антирелигиозной»*.

Некоторое представление о типичных претензиях и капризах руководящих членов РОВСа уже в послевоенное время дают «картинки с натуры», запечатленые в воспоминаниях епископа Зарубежной Церкви Митрофана (Зноско-Боровского).

Северная Африка. Марокко. «10 ноября 1952 года, — читаем в мемуарах Владыки, — член РОВСа В. И. попросил меня зайти к нему по важному делу. Зашел. Вот точная запись разговора:

В. И.: [...] Вы скоро разгоните прихожан. Ваше слово и панихида 7 ноября вызвали в нас и огорчение и возмущение, мы не могли с вами молиться. Вы обязаны были в слове вашем сказать больше о Белом движении, а вы только одной фразой обмолвились о нем. Видя нас перед собою, вы должны были сказать больше. [...] В памятные дни, как 7 ноября, вы должны чувствовать наши "стигматы" и посему следовало вам в предшествующем панихиде слове сказать о Белом движении. [...]

Настоятель: Спасибо за указание моих недостатков, как проповедника. Я вижу сам эти недостатки. Но подчеркиваю: никто, ни одна организация, ни их члены, не вправе указывать священнику или, тем более, ему предписывать, что должен он говорить в своих проповедях. Панихида 7 ноября совершалась, во-первых, — по инициативе Церкви и никто из представителей РОВСа не пришел ко мне поинтересоваться панихидой или выразить свои пожелания в связи с предстоящей панихидой; во-вторых, — панихида посвящена была смуте российской, все еще продолжающейся, и ее жертвам, но никак не отдельному ее эпизоду, или событию или периоду, со смутой российской связанному. [...]

В. И.: Батюшка, огорчение наше перешло в возмущение, когда услыхали мы формулу поминовения на панихиде. Вы не помянули поименно всех наших вождей. Мы не могли молиться и разошлись из храма, унося в сердцах возмущение. Вы не любите Белого движения, вы ненавидите РОВС. Вы, после Государя и Его Семьи, помянули "воина Петра и иже с ним, воина Андрея и иже с ним". Если воин Петр это — Врангель и вы, таким образом, помянули одного из вождей Белого дела, вы должны были помя-

*Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль. 1988. С. 150-151.

нуть и всех поименно наших вождей. Не сделав этого, вы всех нас обидели. [...] Если бы вы были действительно русским священником, вы бы обязательно помянули поименно всех наших вождей. Их имена священны каждому русскому человеку, тем более дороги они нам, добровольцам. В такие дни, как 7 ноября, открываются наши "стигматы" и вы должны это чувствовать.

Настоятель: Простите, но, откровенно говоря, я не знаю имен всех вождей Белого движения. Мне дороги и духовно близки Врангель, Колчак, Марков и Каледин, их имена вписаны в мой синодик и их я постоянно поминаю в молитвах. Имен же остальных вождей, кроме Корнилова и Деникина, я не знаю. А вот того, что в центре на висящем у вас портрете, никогда я сам и поминать не буду: этот, из Дома Романовых, коленопреклоненно просит Племянника отказаться от Престола. Согласно Собору 1613 года он отлучен от Святыя Троицы.

В. И.: Как, вы не знаете имен всех вождей Белого дела? Значит, вы не русский священник. Их имена вы обязаны знать, а если не знаете, то должны выучить. Вы наш пастырь, вы наш отец, и зная как дороги нам эти имена, вы должны знать и поминать в памятные для нас дни.

Настоятель: (подходит к портретам вождей, висящим на стене, и спрашивает участника Белого движения В. И-ча): Скажите, как имя Маркова, как имя Богаевского? (В. И-ч поднимается, чтобы прочесть под портретами имена их, я закрываю их рукой, — их имен не смог назвать В. И-ч.) Скажите, дорогой В. И-ч, где же логика, где справедливость ваша? Я был мальчишкой, когда Вы в Белом движении участвовали, и сами не зная дорогих вам и священных имен вождей Белого движения, шельмуете меня кличкой "не русский", "русскостью прикрывающийся"...»*

Приступали совопросники и к Великому светильнику Зарубежной Церкви, святителю Иоанну (Максимовичу), Шанхайскому и Сан-Францисскому. Отвечая господину Рейеру, он писал 3 марта 1960 г.:

«Вы ставите вопрос о поминовении вождей белых армий гражданской войны, а также о статьях в печати, чернящих их. Конечно, молиться за них не только можно, но и должно, как в домашних, так и в церковных молитвах. Они были православные и остались таковыми до конца жизни; грех имеют все, и за тех, кто больше грешит, нужно еще больше молиться. Также никак нель-

* *Епископ Митрофан (Зноско).* Хроника одной жизни. М. 1995. С. 191-194.

зя одобрить статей в печати, направленных против них. Они дороги многим своим соратникам, и дороги за свои положительные качества. Такие статьи затрагивают чувства многих и оскорбляют их, создавая вредный раздор среди русских людей. Но самим, однако, надо ясно себе отдавать отчет не только в похвальных сторонах их деятельности, но и отрицательных, чтобы знать причины наших бедствий, чтобы самим не подражать им; если мы тоже виновны в том, искренне стараться исправить то, что возможно. Никак нельзя оправдывать зло, а тем более его облагораживать. *Горе тем, которые зло называют добром, и добро — злом... горькое почитают сладким, и сладкое — горьким* (**Исаия 5, 20**).

Пишете, что многие считали Государя виновным в наших неудачах, а посему считают себя вправе нарушать присягу? Присяга есть клятвенное обещание перед Крестом и Евангелием, и нарушение ее есть клятвопреступление. Если бы даже действительно выполнение ее грозило большими бедствиями или было явно безнравственным, то и тогда нарушивший ее не мог бы считаться совершенно невинным и должен был бы искать у Церкви разрешения от клятвы. Но если нарушивший, по причинам уважительным, все же частично является виновным и должен очиститься от греха, насколько виновнее те, кто поддался клевете и обману. Ведь следственная комиссия, назначенная Временным правительством, не нашла подтверждения обвинениям против Царской Семьи и должна была это признать. Кому больше дано, от того больше взыщется, и посему, чем кто ответственнее занимал место, тем более виновен в неисполнении своего долга. Если бы высшие военачальники и общественные деятели вместо «коленопреклоненных» умолений Государя об отречении, выполнили то, что следовало по присяге — искусственно устроенный петроградский бунт был бы подавлен и Россия спасена. Недавно Франция была в тяжелом положении. Заявление де Голля о самоопределении алжирцев многим французам, особенно родившимся и выросшим в Алжире, прозвучало как измена, и поднялся бунт с требованием свержения и казни «изменника». Но большинство ответственных лиц остались верны своему долгу и катившаяся в бездну Франция была спасена. То же произошло бы и у нас, если бы руководящие лица армии и общества остались верны присяге и долгу. Совершен был страшный грех перед Богом и государственное преступление. Насколько кто загладил свой грех, ведомо Богу. Но открытого покаяния почти никем проявлено не было. Призыв к борьбе за Россию, после падения

Временного правительства, и потеря захваченной было власти, хотя вызвал благодарные чувства многих и соответствующее движение, но не было это выражением раскаяния со стороны главных виновников, продолжавших считать себя героями и спасителями России. Между тем, Троцкий в своих воспоминаниях признает, что больше всего они (советы) боялись, чтобы не был провозглашен Царь, т. к. тогда падение советской власти стало бы неминуемым. Однако этого не случилось, «вожди» боялись того же. Они воодушевили многих на борьбу, но запоздалый их призыв и отвага не спасли Россию. Некоторые из них в той борьбе положили жизнь и пролили кровь, но гораздо больше пролито невинной крови, которая продолжает литься по всей России, вопия к небу. Посему отношение к ним, как и ко всем государственным деятелям Руси, должно быть то, которое выражено у Пушкина устами летописца — "Хвалите за славу, за добро, а за грехи, за темные деяния, Спасителя смиренно умоляйте...", нисколько их не оправдывая, но и не крича о них, ибо то, что произошло, наш общий позор, позор России и ее бедствие»*.

А вот итоги осмысления Белого дела известным зарубежным духовным писателем архимандритом Константином (Зайцевым, 1886 †1975):

«Белое движение было попыткой русского общества сохранить в революции, их усовершенствовавши, разные положительные свойства ее быта — но совершенно вне всякого учета этого промыслительного задания, вложенного Богом в Историческую Россию. Тем самым все получало утилитарный характер, и это в условиях, когда охранительное начало не могло не пасовать пред лицом мечтательного устремления к лучшему, какое не могло не принимать характера весьма далекого от идеалов Исторической России. Тем самым, Белое движение естественно и неотменимо оказывалось раздвоенным, сочетая в себе, с одной стороны, живые остатки былого государственного и общественного строя, а с другой, устремленность к радикальной смене всего, чисто революционной и воплощение получавшей в некоем мифическом "Учредительном собрании", которое призвано будет сказать человечеству некое новое слово.

Что это практически означало, если не превращение всего жизнеспособного в плане устройства общественно-государст-

---

* *Архиеп. Иоанн (Максимович).* Письмо г-ну Рейеру об отношении к вождям Белого движения // «Православная Русь». 1991. № 13. С. 11. См. журн. «Пчела», изд. Фонда им. святителя Иоанна (Максимовича). М. 1990. № 6.

венного в составе Белого движения в исполнительный подсобный аппарат, терпимый лишь в его служилой работе, но имеющий самоупразднить пред лицом тех фантазм, которыми насыщено было сознание "передового" общества, не приемлющего коммунистического террора. Тем самым Белое движение становилось чем? **Доживанием** остатков старого режима, как в буквальном смысле сохранения жизни этими остатками, так и в переносном — готовности жертвовать жизнью идеалистически за такое будущее, которое тут же обращалось во внутреннее соперничество отдельных элементов этого будущего, безконечно и безнадежно далеких от того, чем жила Историческая Россия»*.

И в другой статье: «Белое движение! Много идеализма. Идеология туманна. За что идет борьба? Пред нами доживание отдельных элементов БЫЛОЙ России. Но самой России в целом — и здесь уже НЕТ!

Благодать явно покинула Россию. Дух ушел...»**

Вечным укором основателям Белого дела будут и слова генерала-героя Ф. А. Келлера (1857 †1918), командовавшего III Кавалерийским корпусом, не запятнавшего свою честь изменой присяге Государю. Он подал телеграмму Государю***, пред-

---

* *Архим. Константин (Зайцев).* Чудо Русской истории. Сост. С. Фомин. М. 2000. С. 558.

** Там же. С. 553.

*** «Царское Село. Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу.

С чувством удовлетворения узнали мы, что Вашему Величеству благоугодно было переменить образ управления нашим Отечеством и дать России ответственное министерство, чем снять с Себя тяжелый непосильный для самого сильного человека труд. С великой радостью узнали мы о возвращении к нам по приказу Вашего Императорского Величества нашего старого Верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, но с тяжелым чувством ужаса и отчаяния выслушали чины конного корпуса Манифест Вашего Величества об отречении от Всероссийского Престола, и с негодованием и презрением отнеслись все чины корпуса к тем изменникам из войск, забывшим свой долг перед Царем, забывшим присягу, данную Богу, и присоединившимся к бунтовщикам. По приказанию и завету Вашего Императорского Величества 3 конный корпус, бывший всегда с начала войны в первой линии и сражавшийся в продолжении двух с половиною лет с полным самоотвержением, будет вновь также стоять за Родину и будет впредь также биться с внешним врагом до последней капли крови и до полной победы над ним. Но, Ваше Величество, простите нас, если мы прибегаем с горячей мольбою к нашему Богом данному нам Царю. Не покидайте нас, Ваше Величество, не отнимайте у нас законного Наследника Престола Русского. Только с Вами во главе возможно то единение Русского народа, о котором Ваше Величе-

лагая себя и свои войска для подавления февральского мятежа. В дальнейшем сей генерал от кавалерии жизнью своей показал, что был и иной путь.

Отказавшись присягать Временному правительству, генерал оказался в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. В телеграмме из Харькова в Петроград министру-председателю Керенскому он писал (8.8.1917): «В виду того, что моя служба Отечеству в армии очевидно более не нужна, ходатайствую перед Временным правительством о разрешении мне *последовать за Государем* Императором Николаем Александровичем в *Сибирь* и о разрешении мне состоять при Особе Его Величества, оставаясь по Вашему усмотрению в резерве чинов или будучи уволен с причитающейся мне пенсиею в отставку. Согласие Их Величеств иметь меня при Себе сочту для себя за особую милость, о которой в виду невозможности для меня лично о ней ходатайствовать очень прошу Вас запросить Государя Императора, и в случае Его на это согласия не отказать в приказании спешно выслать мне в Харьков пропуск на безпрепятственный проезд и проживание в месте местопребывания Их Величеств».

После создания Добровольческой армии, отказавшись от сомнительной «чести» служить в ней, он в июне 1918 г. писал генералу Алексееву: «Объединение России великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый даже Ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, которым может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете...» «Верно, что вам, Михаил Васильевич, — писал он далее, — тяжело признаться в своем заблуждении, но для пользы и спасения родины... вы обязаны на это пойти и покаяться откровенно и открыто в своей ошибке... и объявить всенародно, что вы идете за Царя». Высказался Ф. А. Келлер и о другом белом вожде: «Корнилов — революционный генерал... пускай пытается спасать российскую демократию... Я же могу повести армию только с Богом в сердце и с Царем в душе. Только вера в

ство изволите писать в Манифесте. Только со своим Богом данным Царем Россия может быть велика, сильна и крепка и достигнуть мира, благоденствия и счастья.

Вашего Императорского Величества верноподданный граф Келлер».

(*Фомин С.В.* Золотой Клинок Империи Свиты Его Императорского Величества генерал от кавалерии граф Федор Артурович Келлер (1857†1918). Изд. 2-е, испр. и доп. М. 2009. С. 436-437).

Бога и мощь Царя могут спасти нас, только старая армия и всенародное раскаяние могут спасти Россию, а не демократическая армия и "свободный" народ. Мы видим, к чему привела нас свобода: к позору и невиданному унижению».

Слова рыцаря Монархии полностью подтвердились в ближайшее время.

«В последние дни Новороссийска, — вспоминал профессор Н. В. Краинский, — офицер Добровольческой армии, встретив другого офицера киевского отряда, спокойно сказал:

— На г...о-дело приехали! Сражаться?.. *За кого?*

В этом "за кого?" и лежала психологическая причина гибели: нельзя идти, не зная куда»*.

«...Добровольцы, — писал в августе 1920 г. в Мюнхене полковник Ф. В. Винберг, — веденные с туманными лозунгами к неразгаданным устремлениям, не смогли помочь русскими силами нерусскому делу...»**

И не случайно, что именно генералу Ф. А. Келлеру Святейший Патриарх Тихон сам послал благословение. В 1967 году об этом факте поведала г-жа Е. Б. (Е. Н. Безак, урожденная Шипова (1880 †1971), супруга известного киевского монархиста Ф. Н. Безака): «Патриарх Тихон прислал тогда (в конце 1918 года) через еп[ископа] Нестора Камчатского графу Келлеру (рыцарю чести и преданности Государю) шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда он должен был возглавить Северную Армию...»***

Согласившись на это предложение, генерал заявил, что через два месяца поднимет «Императорский штандарт над священным Кремлем». Однако до Пскова генерал Ф. А. Келлер не добрался. В Киеве, он был схвачен петлюровцами и убит перед Софийским собором.

Монархисты верили:

То, что мыслил славный Келлер,
*Скоро выскажет народ*****.

Но пример доблестного генерала большинство сторонников Белого дела, увы, не вдохновил. Не вызвал он и осозна-

---

* *Краинский Н. В.* Без будущего. Очерки психологии революции и эмиграции. Белград. 1931. С. 40.

** *Винберг Ф.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. С. 203.

*** *Е. Б[езак].* Еще раз о Державной иконе Божией Матери // Православная Русь. Джорданвилль. 1967. № 8. С. 9.

**** *Винберг Ф.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. С. 343. (Стихотворение В. П. Мятлева.)

ния собственной вины; не было и покаяния, а, значит, и помощи Божией...

«...Важным событием, — свидетельствовал митрополит Вениамин (Федченков), — были так называемые "дни покаяния". По постановлению нашего Синода на 12–14 сентября (старого стиля) было назначено всеобщее покаяние в грехах. Было поручено о. прот. С. Булгакову составить особое послание. Там среди разных наших грехов поминалось и об убийстве Царской Семьи с невинными Детьми. Эти три дня в городе Севастополе денно и нощно (например, во Владимирском соборе) шли богослужения и исповеди. А на праздник Воздвижения Креста Господня причащались. Настроение было молитвенно покаянным. Но к концу этих дней я получил от какого-то ревнителя благочестия жалобное письмо: "Владыка, где же наше начальство? Почему никого из них не видно в храмах? Неужели лишь рабочим нужно каяться, а не им?" [...] Я потом передал содержание письма Врангелю, да еще кажется и при жене. Он ответил нам: "Владыка! Мы тоже верующие. Но у нас иное было воспитание в семьях и школах, мы не афишировали нашей религиозности, даже стеснялись показывать ее. Нас тоже можно понять, да и дел масса". [...] ...Чтения этого самого послания нашего Синода и боялись духовные отцы в Александровске. Как же не бояться, если мы там каялись и в вине цареубийства?! Большевики им этого не простили бы»*.

«***Неверие и безбожие***, — говорил, обличая внутреннюю неисцеленную язву, архиепископ Аверкий, — вот коренной источник всякого зла, вот и кореная причина постигших нашу Родину ужасов революции!

Удивительно, что для многих, даже после всего пережитого ими, это еще остается непонятным, и они видя не видят и слыша не слышат, продолжая жить в состоянии какого-то страшного ослепления и безчувствия духовного, **даже здесь на свободе, заграницей, все теми же настроениями, которые в свое время и привели Россию к гибели!** И даже те, которые считают себя патриотами и думают о спасении России, наивно воображают, что они могут спасти ее какими-то обычными человеческими средствами и путями, без Бога, без веры, без истинной Церкви, самоуверенно, самонадеянно, ничего толком не понимая, и все надменно и свысока критикуя, чему учит Св. Церковь.

---

* *Митрополит Вениамин (Федченков).* На рубеже двух эпох. М. 1994. С. 268-269.

Особенно печальную в этом отношении картину представляют собою "ура-патриоты", которые под видом любви к России устраивают в действительности только свои собственные делишки и, прикрываясь крикливым показным патриотизмом, зачастую служат лютым врагам нашей Родины.

Сколько у нас всевозможных и организаций и партий, будто бы работающих для спасения России, но есть ли у всех, кто в них состоит и кто ими руководит, *ясное сознание* того, отчего погибла наша Россия и что прежде всего нужно для ее спасения?

Увы! Глубоко внедрилось в души многих русских людей духовное разложение, та духовная зараза, которая и привела нас к революции — духовное падение далеко еще не изжито, и **вот причина, почему до сих пор нет спасения нашей Родине, почему не имело успеха ни Белое движение, ни движение так называемой "Русской освободительной армии"** (генерала А. А. Власова)»*.

И словно в подтверждение этих своих слов Владыка приводил конкретный пример. Поводом послужила кончина генерал-майора Евгения Григорьевича Булюбаша (1873 †1967) — командира батальона прославленного Павловского военного училища, ветерана Ледяного похода, галлиполийца — подлинно христолюбивого воина (неизменно подписывавшего свои письма «иподиакон Евгений»).

«В парижской газете "Возрождение", — вспоминал архиепископ Аверкий, — было помещено объявление о «бале русских военных инвалидов», который должен состояться в *субботу* накануне Недели Крестопоклонной, как раз когда на всенощном бдении выносится для поклонения Крест Господень. Генерал Булюбаш послал в редакцию этой газеты очень обоснованный прекрасно составленный протест против устройства такого "бала" в такое неуместное время. Увы! протест этот даже не был напечатан. "А мы все надеемся вернуться в Россию, — с горечью говорил генерал, — но разве заслуживаем мы этого?" Не раз он писал статьи и обращения о необходимости для нас, православных русских людей, общего *всенародного покаяния,* если только мы желаем получить милость Божию и заслужить возвращение на обновленную и освобожденную от ига безбожников Родину»**.

---

* *Архиепископ Аверкий.* Современность в свете Слова Божия. Т. II. Джорданвилль. 1975. С. 522-523.

** Там же. С. 526-527.

* * *

Однако даже сказанное с силою и властью слово авторитетных иерархов Церкви, равно как и свидетельства таких ничем себя не запятнавших мучеников, как генерал Келлер, не остановило спора. Вынужденно затихнув с началом второй мировой войны, с новой силой он вспыхнул в конце 1950-х—начале 1960-х годов.

На страницах эмигрантской прессы его продолжали вести так ничему и не научившиеся, словно оглохшие и ослепшие, «алексеевцы» и «корниловцы». Но велся он уже на страницах иной прессы. Эстафету белградского «Царского вестника» подхватил журнал «Владимирский вестник», выходивший в 1946-1968 гг. в Сан-Паулу в Бразилии под редакцией В. Д. Мержеевского (1897 †1975).

Характерно, что в ходе полемики неожиданно вновь всплывет превратившаяся к тому времени в раритет книга И. П. Якобия**, бережно сохраненная среди всех военных и беженских передряг ее владельцами, пронесшими через всю свою нелегкую жизнь веру в Бога, верность Царю и Отечеству.*

СИМВОЛИКА

[...] Что такое наш трехцветный флаг?

На елочных украшениях он назывался (еще с детства помню) — Русский коммерческий флаг, в отличие от морского Андреевского флага (военного). Этот флаг создан рукой Петра Великого, если память не изменяет, в 1703 году. В данном случае это роли не играет.

Мы его называем русским национальным флагом. Верно ли ЭТО? — НЕТ.

Флаг этот не русского народа ТОЛЬКО, а ОБЩЕИМПЕРСКИЙ — РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (которая, хотя и была официально объявлена лишь в 1722 году, но фактически была ею с момента покорения Казани и присоединения Сибирского царства Иоанном Грозным), и развевался этот флаг не только на кораблях торгового флота, но и на всех правительственных учреждениях, в которых ничем не торговали. Это раз. Во-вторых, это был СИМВОЛ целого комплекса понятий. Это флаг Российской Самодержавной Монархической Империи.

---

*Полемические статьи «Часового» см.: №№ 332 и 335 за 1953 г.; №№ 338 и 340 за 1954 г. Одна из последних подобных статей увидела свет в № 361 в январе 1956 г. (с. 20).

**Спорам с И. П. Якобием непосредственно посвящены №№ 342 и 343 «Часового», вышедшие соответственно в мае (с. 19-20) и июне (с. 16-17) 1954 г.

Ясно, что Петр и не мог создать флага Российской республики... Но я это только так, для ясности: это моя догадка, а догадка аргументом служить не может. Аргументом служит другое: каждый новый политический режим, в любом государстве — изменяет флаг, В ТО ВРЕМЯ КАК НАРОД ОСТАЕТСЯ ТОТ ЖЕ.

Флаг — это вывеска. Новый хозяин — новая фамилия.

Так, королевский флаг Франции — золотые лилии на белом фоне, республика заменила — трехцветным флагом. Первая империя оставила трехцветный флаг, но вместо копья водворила Римского одноглавого орла. Бурбоны вернули свою эмблему. Вторая республика восстановила трехцветный флаг и т. д.

То же самое мы видели в Германии: черно-бело-красный императорский флаг (Бисмарковский имперский 1871 г.) Веймарская республика изменила, приняв черно-красно-золотой. Гитлер упразднил Веймарский флаг, сменив его национал-социалистическим со свастикой в белом круге на общем красном фоне и т. д.

То же самое буквально всюду: в Испании, Австрии, Италии и пр. Только наши «февралисты» не успели этого сделать. Это изменение флага должно было произойти на Учрёдительном собрании, НО его разогнали!

Изменить поспешили Герб, так как в нем была Императорская Корона, но опять-таки и изменение Герба должно было быть санкционировано Учредительным собранием. Советы, как мы знаем, то же самое, не отошли от общего правила и создали свой флаг, который так же не называется русским флагом, а флагом Советского Союза, другими словами, флагом КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ИМПЕРИИ...

И вот тут-то, эта СИМВОЛИКА вскрывает удивительную вещь: оказывается, Добровольческая армия не имела НИКАКОГО ПРАВА пользоваться НЕ принадлежащей ей ЭМБЛЕМОЙ*.

Флаг Добровольческой армии, по логике вещей, должен быть — БЕЛЫЙ. Не потому, что Добровольческая армия считалась белой армией, совсем нет.

Это название нам дали красные, а не мы его изобрели, а потому, что наши Белые вожди принимали участие в заговоре, свергли МОНАРХИЮ, значит от монархического Император-

---

* «Не забывайте, — с горечью писал полковник Н. Ф. Степанов (Свитков), — что мы более не русские офицеры, а белое воинство» (*Степанов Н. Ф.* Вынужденное молчание // Владимирский вестник. № 90. 1961. С. 30). — *С. Ф.*

ского флага ОТКАЗАЛИСЬ, а Учредительное собрание, за которое мы сражались в Д[обровольческой] а[рмии], — НЕ состоялось.

Флаг фактически оказался безцветным, т. е. БЕЛЫМ. С ним мы и прибыли в эмиграцию и здесь официально оформили это положение идеологически: НЕПРЕДРЕШЕНИЕМ будущего государственного сроя.

Дескать, что скажет «уверенный народ» — то и будет, а мы, мол, НЕ народ и своего мнения НЕ имеем, а если и имеем, то не хотим его никому навязывать.

Какое благородство и самоотречение!

Пусть, мол, за нас решают «тунгусы», «самоеды» и «чукчи» и устанавливают порядок в нашем РУССКОМ ДОМЕ.

И результат не замедлил сказаться: Белый флаг, как мы знаем, — СИМВОЛ СДАЧИ, капитуляции... и вот сам первый заместитель Председателя непредрешенческой организации — РОВСа пошел сдаваться в советское посольство!!

Разве ЭТО не ПРОВИДЕНЦИАЛЬНО?!

Но мы в этих вещах не привыкли разбираться. Поговорили, повозмущались и успокоились. А где же выводы?

Или другое: празднуется НН-ая годовщина Белой борьбы. Сейчас же портреты Белых вождей на трехцветный фон Российской Монархической Империи!

Почему? На каком основании?

Ведь вопрос этот очень серьезный, гораздо более серьезный, чем принято думать: вот я, например, штабс-капитан Попов, сражаясь в рядах Белой армии под старым Императорским флагом, был уверен, что сражаюсь за восстановление САМОДЕРЖАВНОЙ МОНАРХИИ...

И вдруг! выиграли бы войну и, оказалось, что мы на своей спине провезли масонскую контрабанду: демократическую республику... А потом? Начинай драться между собой?!

Или еще другое: «ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ». Опять тот же флаг, те же портреты и... панихида по умученном Государе Императоре Николае II и Его Августейшей Семье, Белым вождям и всем воинам, за Веру, Царя и Отечество живот свой положившим и в смуте убиенным...

Ведь это же нелепость! Всех валим в одну кучу! Если наши Белые вожди пали от рук большевиков в упорной борьбе, это ОДНО. Молиться за них нужно. Согласен. Но Государь-то, какое ОН имел отношение к этой самой НЕПРИМИРИМОСТИ?

Ведь ОН-то погиб не по вине большевиков, а тех, кто — ИЗМЕНИЛ ПРИСЯГЕ, тех, кого ОН заклеймил сакраментальными словами:

«КРУГОМ ИЗМЕНА, И ТРУСОСТЬ, И ОБМАН».

Алексеев и Корнилов наши первые Белые вожди, принимавшие участие в заговоре и в свержении Монархии, этими словами пригвождены или нет?

Эти слова относились ведь не к большевикам, которых тогда в политической «игре» еще и в помине не было: ни Ленина, ни Троцкого, ни... Сталина!

Ведь запись эта была сделана в дневнике Государя в ночь с 2-го на 3-е марта 1917 года.

Еще в большей степени все только что отмеченное относится и к генералу Власову, портрет которого также водружают на трехцветный фон... ибо после всего того, что было мною сказано — ясно: Власов и Российская Монархическая Империя не имеет ничего связующего. Власов, как был, так и остался большевиком. Но про Власова нужно, к слову сказать, что «ВОЖДЕМ» его можно считать лишь по глубокому недоразумению. А его Пражский манифест — это мертворожденное дитя.

Прежде всего, вожди НЕ назначаются — раз; а внешним врагом — тем паче.

«Вождизм», как правило, вытекает из безвыходного положения*.

Тогда появляется ВОЖДЬ — дерзающий и видящий ТО, те пути, которые от других скрыты...

В этом отношении Власов блестяще доказал две вещи и обе НЕГАТИВНО: первое, что никаких данных Вождя у него не было. Он даже не попытался сделать того, что сделали наши Белые вожди, тоже в совершенно безвыходном положении в Ростове и на Кубани. Ведь, как-никак, у Власова была одна сформированная дивизия и другая в стадии формирования. У генерала Штейфона, который выразил готовность подчинить свой корпус Власову, было квалифицированных кадров на целую армию, плюс казаки Краснова-Доманова, которые, силою

---

*«...Кстати,— писал капитан В. М. Иогансен, — пора покончить с этим словечком "вожди". Это — отрыжка революции. Я — кадровый офицер и в Императорской армии вождей мы не знали. Был единый вождь и это был Государь Император, а после революции появились разные вожди, красные и белые, но это от лукавого» (*Иогансен В. М.* Защита генерала Лампе // Владимирский вестник. № 90.1961. С. 33). — *С. Ф.*

вещей, тоже бы присоединились, да и не только они... Настоящий вождь бы рискнул с этими силами пробиться в Польшу. Все равно погибать! В Польше можно было бы соединиться с польскими повстанцами и попытаться оправдать теорию «СНЕЖНОГО КОМА»...

Союзникам, не выполнившим своих обязательств перед Польшей, начавшаяся борьба была бы только на руку, и помощь извне явилась бы, если не явно, то тайно... и, Бог знает, чем такая инициатива могла бы кончиться. Вместо этого, Власов бросил своих власовцев на произвол судьбы, а сам устремился на швейцарскую границу, похоронив тем самым теорию «снежного кома» вокруг организованного армейского ядра — раз и навсегда.

А мы теперь глубокомысленно изучаем его «ПРАЖСКИЙ МАНИФЕСТ» и стараемся оживить это мертворожденное дитя от противоестественного брака.

Так кто же имеет право пользоваться нашим Имперским трехцветным флагом В ЭМИГРАЦИИ?

В эмиграции этим флагом имеют право пользоваться лишь те политические организации, которые стремятся воссоздать Российскую Империю с САМОДЕРЖАВНЫМ монархическим строем и НИКТО больше. [...]

...Трехцветный флаг — это СИМВОЛ той России, которую мы потеряли, образ которой мы бережно храним в своем сердце. Эта Россия строилась на девизе: «ЗА ВЕРУ, ЦАРЯ и ОТЕЧЕСТВО».

Другой России НЕ было. Была ТОЛЬКО эта.

И само имя нашего Отечества — РОССИЯ, принадлежит ПРАВОСЛАВНОМУ ЦАРСТВУ.

К. ПОПОВ

Владимирский вестник. № 70. 1957. С. 9-14.

Внешним поводом к дальнейшему развертыванию полемики послужила кончина уже знакомого нам генерал-лейтенанта А. П. Архангельского, начальника РОВСа, последовавшая 2 ноября 1959 года.

ЧТО ЖЕ ОНИ «ЗАЩИЩАЮТ»?

[...] Отказ в феврале 1917 г. некоторых наших высших военачальников от монархических принципов.

Моральное давление, оказываемое ими на Государя с целью принудить Его на отречение от Престола.

Хладнокровная выдача ими 8 марта 1917 г. Государя в руки прибывших за Ним в Ставку самозванных «представителей народа». (И как при этом цинично звучала сопровождавшая эту выдачу казуистическая фраза: «Ваше Величество, считайте Себя **как бы** арестованным».)

Беззаконный, ничем неоправдываемый арест Императрицы в Царском Селе, выполненный **представителем Военного командования.**

А позже, при большевиках, занятие некоторыми генералами* ответственных постов с профессионально-добросовестным выполнением ими своей задачи по «созданию кадров» и «реорганизации» красной армии...

Ведь все же это было?! А, между тем, стоит только кому-нибудь из монархистов в своей оценке трагедии нашей Родины коснуться **этих событий**, назвав тех генералов, чье непосредственное участие в этих событиях было решающим и предопределяющим катастрофу, постигшую нашу Родину, как со стороны указанных представителей «непредрешенческих» организаций раздается вопль: «Хулят белых вождей! Хулят белое движение!» [...]

Белое движение — этот благородный порыв лучших сынов России — несомненно было глубоко идейно и чисто, а Вожди его, зажегшие светоч в окутавшем нашу Родину мраке, **на этом этапе своего служения России**, заслуживают, конечно, нашего полного признания. Но, отдавая им это признание, **мы не имеем права** замалчивать те их заблуждения, выразившиеся в тяжелом грехе цареотступничества, которые привели к крушению нашей 1000-летней Государственности и личной Голгофе самого благочестивейшего нашего Монарха — Царя Мученика Николая II и Его невинной Семьи. Ведь когда мы читаем жития святых, то, наряду с описанием прославивших их святых дел и подвигов, мы, порой, читаем и о тех искушениях и заблуждениях, которые предшествовали их святой жизни?!

На нас, офицерах Императорской армии, являющихся немногими оставшимися в живых свидетелями последних дней существования Великой Российской Империи, лежит священный долг оставить будущему Историку и грядущим поколениям Образ нашей Святой Руси и ее последнего Монарха — благочестивейшего Государя Императора Николая II — чистым и незапятнанным, каким Он был в действительности и каким сохранился в нашей благоговейной памяти.

*Среди них был и ген. А. П. Архангельский. — *С. Ф.*

Поэтому мы не имеем нравственного права ничего утаивать, чтобы никакое сомнение не могло бы очернить светлого Образа Государя и Исторической России, а обязаны правдиво и непристрастно поведать о тех событиях, которые привели к крушению Монархии в России. Если мы укажем, что рухнула Монархия не оттого, что «прогнила» (как клевещут на нее хулители Исторической России), а лишь оттого, что в самый решающий напряженный момент страшной войны нанесен ей был неожиданный фатальный удар: переход «на путь революции» некоторых наших высших военачальников, когда настаивали они на отречение Государя от Престола. Ведь если не укажем мы, что не из «малодушия» или из недостатка сознания своей ответственности покинул Государь Свой пост, а потому, что был вынужден к тому предательством Своих ближайших помощников, обманно уверивших Его, что Его ухода «желает вся Россия», и что лишь он принесет стране «успокоение» и лишь после того, как поставлен Он был перед совершившимся фактом, что Он покинут всеми теми, кому так безгранично верил. Если не оставим мы этого единственного правдивого объяснения «капитуляции» Монархии в роковые дни февраля-марта 1917 г., то все светлое Царствование Императора Николая II войдет в Историю в искаженном виде.

К чему же несправедливыми обвинениями оскорблять тех, кто мучительно переживая позорнейшие страницы в нашей Истории, ищет их причин и источников? Не «хулу Белому движению» несут их глубоко-обоснованные исследования, а только служение одной лишь «вечной Правде». [...]

Ю. СЛЕЗКИН[140]

Владимирский вестник. № 86. 1960. С. 32-34.

ПРИКАЗ РУССКОМУ ОБЩЕ-ВОИНСКОМУ СОЮЗУ № 30

г. Париж.
1 июня 1960 г.

1.

Упорная борьба прислужников большевизма против **Белых** и Русского Обще-Воинского Союза не прекращается. В этой борьбе агенты-провокаторы гнусными инсинуациями стараются нанести удары по престижу лиц, занимающих в рядах Союза

те или иные ответственные должности, не останавливаясь, конечно, перед распространением лживых и заведомо клеветнических наветов.

В этой недостойной травле в печати обнаружены за последнее время выпады, имеющие целью омрачить светлый образ и опорочить доброе имя скончавшегося 2 ноября прошлого года незабвенного многолетнего начальника Союза генерала **Архангельского**, сдавшего по болезни свою должность в начале 1957 года и оставшегося до конца своей жизни единственным почетным членом Союза.

Некоторые органы эмигрантской печати стараются опорочить деятельность почившего непосредственно после революции, в расчете, что за прошедшие сорок лет многое забыто, а новая эмиграция, ушедшая в изгнание значительно позже, — многого просто не знает. [...]

2.

Суд над генералом **Архангельским** был учрежден Главнокомандующим вследствие настоятельного личного ходатайства генерала, когда он, с большими трудностями пробравшись из СССР на территорию Вооруженных Сил Юга России, немедленно явился генералу **Деникину**, чтобы дать отчет в своей деятельности в СССР, которую он вел по заданию и в связи с Добровольческой армией с первого дня ее основания.

Начальник Союза
Генерального штаба генерал-майор ЛАМПЕ[141]
Начальник канцелярии РОВСа В. ПОПОВ

Примечание редакции «Часового». Настоящий приказ, несомненно, является ответом на помещенную во «Владимирском вестнике» (Бразилия) клеветническую статью г. Свиткова «Культ личности», поносящую память почившего ген. А. П. Архангельского. Должны с глубоким огорчением и искренним изумлением отметить, что г. Свитков (он же г. Степанов)[142] является старшим Объединения гг. офицеров Л.-гв. Конно-гренадерского полка в Европе.

Является ли это нормальным для человека, в своей злобности и клевете не останавливающегося даже перед поношением мертвых людей. Полагаем, что оставление его в этом звании не может не лечь пятном на совесть гг. офицеров, верных старым традициям.

Кстати, напомним, что на прошлогоднем общем собрании Союза русских инвалидов в Бельгии ходатайство г. Степанова о принятии его в Союз встретило возражение многих инвалидов. На этом собрании пом. председателя Марковского объединения подполк. С. А. Касьянов от лица группы инвалидов заявил, что прием г. Степанова в Союз нанес бы моральный ущерб организации, ибо он, г. Степанов, является «одним из самых гнусных клеветников на Добровольческую армию и ее основоположников».

Если же сравнить писания г. Степанова с таковыми берлинской чекистской газетки, то получается, действительно, разительное сходство, позволяющее предполагать общность интересов и целей.

Часовой. № 411. 1960. Июль. С. 20-21.

Я ОБВИНЯЮ ГЕНЕРАЛА ЛАМПЕ...

[...] Во время возглавления РОВСа генералом Архангельским не проводилась ли травля монархистов через аппарат Союза, которую продолжил потом его преемник, генерал Лампе? Генерал Кириенко, историк Якобий, генерал Позднышев[143], полковник Николаев, полковник Слезкин, сотрудники журнала «Владимирский вестник» — Свитков, Гриненко и другие, не стали ли они все жертвами дикой травли под лживым предлогом, что якобы «хулят Белое движение». [...]

Быть может, генерал фон Лампе заявит, что он не знал, что подписывает совершенно лживый приказ, каковым является распоряжение № 65, которое он скрепил в качестве помощника начальника РОВСа? Он, быть может, скажет, что не знаком с содержанием книги Якобия «Император Николай II и революция»? В таком случае напомним ему, что эта книга была одобрена Комитетом Храма-памятника и весь чистый доход от продажи ее поступил на построение Храма в память Царя Мученика Николая II в Брюсселе. Если генерал Лампе этой книги не читал, то как же он мог подписывать приказ, в котором оскорбил автора этой книги, историка Якобия, за его труд, который оценен по заслугам всем культурным міром, который каждый русский патриот хранит как реликвию, как житие Царя Мученика, принявшего мученический венец за Россию? Как не совестно было генералу Лампе надругаться этим актом над памятью своего бывшего Монарха, Который когда-то поздравил его с производством в офицеры и пожелал ему верной службы «России и Мне»?

Покойный генерал Архангельский, который, будучи членом Комитета Храма-Памятника, одобрил книгу Якобия к печати и лично переписывал ее на машинке; в тот момент, когда началась масонская травля этой книги, отрекся от всего: и от того, что он читал книгу, и что писал, и что одобрял. Страх перед Внутренней линией[144] заставил его молчать, кривить душой и подписывать лживый приказ. Все это печально, но, когда, в конце концов, появились в печати опровержения Якобия, основанные на документах с протоколами Комитета и расписками Архангельского в получении денег за переписку, то унижен был, в конце концов, не Якобий и не его книга, которая неуязвима для клеветы, но воглавители РОВСа, которые унизили себя опубликованием приказа, в котором и слова нет правды. Правда, они хотели скрыть свою махинацию, предписав начальникам отделов ознакомить с ним членов Союза, но не опубликовывать в печати, но медвежью услугу им оказал полк. Бояринцев, который поторопился опубликовать его в своем бюллетене «Корниловцы». «Невозможно одновременно защищать память Императора и чтить Его предателей, — говорит проф. Краинский в своей брошюре "Вожди и Заветы", — и с этой точки зрения совершенно правильно поступил ген. Архангельский, выйдя из Комитета по постройке Храма-Памятника в честь Императора Николая II. Маститый царский генерал без колебания сделал выбор между Императором и Его предателями».

Теперь закончим и подведем итог сказанному в этом абзаце: В КНИГЕ ЯКОБИЯ «ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II и РЕВОЛЮЦИЯ» НИ СЛОВА НЕ ГОВОРИТСЯ О БЕЛОМ ДВИЖЕНИИ. Пусть любой читатель, незнакомый с этим трудом, возьмет его в руки и, ознакомившись, с изумлением увидит, что Белое движение не входит в рамки этой книги.

А в это время два генерала, возглавители Русского Общевоинского Союза, издают приказ по Союзу, в котором пишут:

«За последние годы в среде русской эмиграции появились люди, которые из клеветнических выпадов против БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ и его вождей сделали себе нечто вроде "общественной деятельности". Среди них наиболее печальную известность стяжал себе некто г. Якобий, проживающий в Бельгии, и не только написавший на указанную тему книгу, но и периодически издающий также и собственные листовки, в которых он с особенным озлоблением отзывается о генерале Л. Г. Корнилове».

Итак, по словам двух генералов, г. Якобий написал книгу на тему выпадов против Белого движения, а книга называется «Им-

ператор николай II и революция» и о Белом движении даже и не упоминает. Но этого мало, безпардонно соврав так, как может врать только Орехов, в этом приказе далее историк Якобий именуется якобием с маленькой буквы и имя его поносится, как врага Белого движения. Покончив с Якобием, генералы приступили к оскорблениям достойнейшего генерала Кириенко, Георгиевского кавалера, приписав ему те же грехи, что и Якобию (травлю Белого движения), хотя почтенный генерал Кириенко с полным правом может именоваться основоположником этого движения. Секрет открывается просто: генерал Кириенко весьма неодобрительно отозвался о генерале Корнилове. Вот где зарыта собака, как говорят немцы. Не имеет значения для потерявших всякое понятие о времени и логике генералов Архангельского и Лампе, что генерал Кириенко не одобряет действий ген. Корнилова не в качестве вождя Белого движения, но как революционного главнокомандующего Петроградским военным округом за то, что он наградил унтер-офицера Волынского полка Кирпичникова Георгиевским крестом ЗА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЗАСЛУГИ. Эти заслуги заключались в том, что Кирпичников убил в спину своего офицера и тем подал сигнал к бунту. Не приходит в восторг генерал Кириенко и от того, что генерал Корнилов, украшенный красным бантом, явился в Царскосельский дворец и объявил «гражданке Романовой», что Она арестована. Эта историческая правда колет глаза возглавителям РОВСа и они, не стесняясь, прибегают к клевете в приказе, зачисляя доблестного генерала, верного историческим заветам, от которых они отказались, в хулители Белого движения, дабы сделать его фигуру одиозной в среде офицерства.

Из того же приказа видно, что в отношении генерала Кириенко обоими этими генералами был применен недобросовестный прием оказания давления на него через возглавление Корпуса Императорской Армии и Флота, в котором он состоял. В простоте нравов и при отсутствии какого бы то ни было морального сдерживающего начала генерал Архангельский доводит до сведения членов Союза, что он предписал, а его помощник генерал Лампе исполнил.

Само понятие военного приказа № 65, после подписания генералами Архангельским и Лампе циркулярного распоряжения, замарано и опозорено. Военный приказ, как и военное приказание, в понимании офицера есть священная вещь. Достаточно сказать, что во всех армиях было принято рассматривать разгла-

шение военного приказа для всеобщего сведения одинаково как разглашение военной тайны. Все, что пишется в приказе, должно быть бесспорно верным, ибо критике подчиненных не подлежит. А здесь два генерала, возглавители РОВСа, установили традицию шельмовать в приказе достойных уважения людей и затем опубликовывать это для всеобщего сведения. Необходимо заметить, что травля монархистов путем приказов в практике РОВСа заведена уже давно. Вот характерный документ:

«Если Императорская Армия это военно-политическая партия, то в таком случае вся старая Императорская Армия до революции тоже представляла из себя политическую партию.

Остается одно: если меня исключают из [Р]ОВС только лишь за открытый призыв к Царю, то естественно тогда возникает вопрос — в чьих же руках находится [Р]ОВС?

В Русской армии, как в старой Императорской, так в Белой (Добровольческой), никогда приказы в газетах не печатались, а потому каждому понятно, что это сделано с намеренной целью в печати опорочить мое имя. Способ достойный уважения, но в будущем я предлагаю всем, "издающим" подобные приказы, для полноты картины в заголовке приказа писать: ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ — тогда, по крайней мере, и стиль будет выдержан»*.

Позднее теми же приемами Внутренняя линия вела травлю генерала Позднышева за его книгу «Распни Его», под предлогом, что и этот генерал оскорбляет Белое движение, которого сам был участником. Для клеветы и лжи нет преград, и не останавливало организаторов смуты и то, что в книге ген. Позднышева, как и в книге Якобия, ни слова не сказано о Белом движении. Почтенный генерал принужден был ответить брошюрой, имеющей характерное название — «Моим клеветникам». Необходимо вспомнить еще и травлю журнала «Владимирский вестник», сотрудником которого я имею честь состоять, исторические статьи которого неизменно подводились под травлю Белого движения, хотя и говорили о февральской революции. Заметим еще одно: если бы генерал Скоблин не был скомпрометирован и не принужден был бежать, то, без всякого сомнения, возглавил бы Русский Обще-Воинский Союз вместо генерала Архангельского[145]. Поставим вопрос: при нем появился бы приказ № 65? — И ответим: Да, безусловно, и буквально в тех же выражениях, но он

*Из письма Георгиевского кавалера, инвалида, гвардии полковника Скородумова. Цит. по кн.: *Назанский В.* Крушение Великой России и Дома Романовых. Париж. 1930. С. 442.

ни при каких обстоятельствах не мог бы выйти за подписью генералов Врангеля, Кутепова или Миллера. Отсюда вдумчивый читатель да сделает свои выводы. [...]

В. ИОГАНСЕН[146]

Владимирский вестник. № 87. 1961. С. 11-15.

ПУТИ ЭМИГРАЦИИ

Эмиграция растеряла свои идеалы. 46 лет прошло со дня октябрьской революции, а февралисты через пару месяцев будут торжественно праздновать 47-летие со дня крушения Российской государственности. Срок не малый и вполне достаточный, чтобы развратить душу русского народа, идейно опустошенную и поверженную в бездну сатанизма. [...]

«Все революции в міре всегда организовывались тайными обществами и финансировались международными банками», — говорит известный французский философ и социолог Густав ле Бонн.

Как и французская революция, так и российская породили внешнюю эмиграцию. [...] ...Как хорошо сказал проф. Краинский, — «такая эмиграция в русской революции существует. Мало того, она возглавляется вождями февральской революции и лицами, выплывшими, благодаря своим иностранным связям, на поверхность зарубежной жизни. Когда под охраной штыков белых армий открылся путь в эмиграцию, туда бросилась вся нечисть февральской революции, определившая в будущем физиономию эмиграции. Здесь очутились творец русской революции Струве с его подругой бабушкой Брешковской, здесь в полном составе предстало Временное правительство с Керенским во главе, и на пенсии за разрушение России поселились заговорщики и палачи Императора». [...]

В первые годы русской эмиграции устраивать дни непримиримости не было нужды. Все были непримиримы, говорить об этом, делать декларации было бы смешно и неуместно, а февралисты тогда держали себя ниже травы, тише воды. У всех еще были свежи воспоминания о позорных днях февральской революции, которая не может быть отделена от октябрьской, если бы не было Февраля, то и Октябрь был бы невозможен.

Однако прошли годы и подпольная работа по идейному разложению эмиграции дала свои плоды. Воинские организации были вовлечены в орбиту Внутренней линии, которая последовательно расправилась со всеми элементами, опасными для нее, и

твердо и последовательно заменила в среде офицерства русскую идею белой идеей, что не одно и то же. «Каким образом могли офицеры Императорской Армии превратиться в непредрешенцев, принять "быховскую" программу и подчиниться полковникам генерального штаба, в Ставке предавших Царя? Это трудно понять, — говорит проф. Краинский, — если не считать проявлением революционного бреда».

Об опасности Внуренней линии в свое время, в одном из своих публичных докладов, предупреждал Марков 2-й. «Монархисты, националисты, "черносотенцы" должны были молчать, — сказал Марков, — массы Общевоинского Союза не заниматься политикой, но зато левые политиканы при наличии денег работали вовсю. В результате через много лет адовой работы мы узнали о "внутренней линии". Кто же возглавляет внутреннюю линию? Непосредственным руководителем был капитан Фосс, поддерживали эту линию Шатилов[147], Гучков, Струве. В 1936 г. эту линию возглавил Скоблин... В результате генерал Врангель отравлен, генерал Кутепов похищен и убит, генерал Миллер похищен...»

Достойно внимания, что все пытавшиеся противодействовать работе Внутренней линии подверглись травле, клевете и репрессиям. Полковник Федосенко, выступивший с разоблачениями против Скоблина, был исключен из объединения корниловцев, а Скоблин оправдан. Полезным будет здесь напомнить, что и покойный ген. Скородумов был исключен из РОВСа за свои монархические убеждения и не он один. Подверглись поруганию, клевете и травле все осмеливавшиеся публично утверждать верность Царю и России и говорить правду о революции. Так, подверглись оскорблениям со стороны агентуры Вн. линии, захватившей руководство РОВСа, историк Якобий за свою прекрасную книгу «Император Николай II и революция», ген. Позднышев за свою книгу «Распни Его», попавшую также в индекс темных сил; ген. Кириенко за его публичное выступление в Брюсселе, где он рассказал неперевранную историю возникновения Добровольческой армии, которой он был основателем, и, чтобы закончить, упомянем также и имя известного исследователя масонства Н. Ф. Степанова (Свиткова), который был оскорблен и оклеветан приказом по РОВСу и в дополнение ко всему не получил удовлетворения на суде чести, ибо обидчик предпочел от суда уклониться[148]. [...]

Полезно вспомнить здесь несколько эпизодов из жизни русской эмиграции, рисующих как постепенно сдавала она свои

идейные позиции. Кто жил в Париже в 1923 году, наверное, помнит, как 21 сентября 1923 года было устроено в зале «Сосиете Савант» собрание «Союза конституционных монархистов». Инициативу взяли на себя др. Пасманик[149] и Слиозберг[150], а режиссерство было поручено «рыцарю печально-монархического образа» Е. А. Ефимовскому[151]. Сначала все шло как по маслу. Фальсификация монархической идеи была преподнесена многочисленной аудитории в безукоризненном виде, но неожиданно в зале появился генерал А. Д. Нечволодов[152]. Он направляется к трибуне и просит слова. На лицах президиума появляется смущение, и с видимым неудовольствием Ефимовский предоставил слово оппоненту. Генерал Нечволодов с места в карьер высказал сомнения в искренности монархических чувств гг. Слиозберга и Пасманика, которые состоят членами масонской ложи и он об этом осведомлен хорошо, цитируя с трибуны масонские документы. В зале наинает царить смущение, затем всеобщее движение и хохот, когда обличенные братья позорно покидают собрание. Его не нужно было закрывать, оно было сорвано. Поле сражения осталось за генерал-лейтенантом А. Д. Нечволодовым, а псевдо-монархические львы были обращены в бегство.

Теперь мало осталось таких смелых людей, как покойный генерал Нечволодов, который в позорные дни февральского бунта, когда приносили присягу Временному правительству, таковую дать отказался и в рапорте написал: «был, есть и буду службы Его Императорского Величества». Незадолго до смерти он говорил своим друзьям: «Когда умру, то смотрите, чтобы никто ничего не поместил в «Последних новостях». Позор, что даже полковые объединения считают для себя возможным печатать в этой презренной газете объявления о смерти честных Царских слуг»*. [...]

Мы цитируем здесь нашего сотрудника В. Раскатова: [...]

«Командир Корниловского полка, герой Белой борьбы, генерал Скоблин попался с поличным, и выяснилось, что [он] состоит на советской службе. Как это могло быть? Что должно было произойти в душе этого человека, сражавшегося с большевиками, чтобы перейти к ним на службу? Серебренники? Но только ли они? Нужен был перелом душевный, чтобы скатить-

* Ср.: «Достаточно просмотреть некрологи в военном журнале "Часовой": русские офицеры перестали умирать. Умирают белые офицеры» (*В. О[кунев]*. Существует ли Внутренняя линия? // Владимирский вестник. № 102. Сан-Пауло. 1965. С. 23). — *С. Ф.*

ся так низко. Этот перелом произошел в душе Скоблина много раньше, в тот момент, когда он, офицер Российской Императорской Армии, отрекся от Царя. Отрекся от Царя, отрекся и от России, отрекся и от Бога. Больше ничего святого нет. Принесли большевики серебренники и они приняты. Цена предательства всегда одна: тридцать серебренников, которые впрок не идут».

Теперь мы расскажем, как могут быть извращены принципы непримиримости, когда от них отняты основы национального сознания — Вера, Царь, Отечество. На одном из дней непримиримости в Нью-Йорке присутствовали митрополиты Анастасий и Леонтий (собрание началось сидением между двух стульев), председательствовал полковник ген. штаба Р. Собрание было открыто похоронным пением гимна «Коль славен» и затем был представлен художественный «монтаж», который начался чтением манифеста Государя Императора на фоне тихого пения «Боже, Царя храни!». Одновременно в программу собрания был включен и марш Корниловского полка, который с национальным Русским гимном никак не вяжется. «Боже, Царя храни!» и «Царь нам не кумир, мы былого не жалеем» — несовместимы. Это уже не смесь французского с нижегородским, а что-то похуже. Неудивительно, что заключительное слово одного из докладчиков подвело итоги этому собранию, на которое были приглашены два (?) митрополита. Цитируем по газете «Россия», № 5982:

«И поэтому, предвидя близость последней и решительной схватки с коммунизмом, нам, русским антикоммунистам, следует напрячь всю силу для того, чтобы быть готовыми еще раз встать грудью сплоченными рядами против нашего общего врага, врага всего человечества, чтобы довести НАЧАТУЮ РУССКИМ НАРОДОМ В 1917 ГОДУ БОРЬБУ ЗА СВОБОДНУЮ РОССИЮ ДО ПОБЕДНОГО КОНЦА».

Можно только спросить, как мог председатель собрания полковник Р. допустить на дне непримиримости, который был начат с надеждой на помощь Божию, отрытое исповедание веры идеалиста февральской революции, которая как раз и покончила с Помазанником Божиим да заодно и с Русской государственностью? Это была декларация непримиримости не с большевиками, а с Исторической Россией («к старому возврата нет»). На этом собрании не нашлось генерала Нечволодова, чтобы с позором выгнать вон зарвавшихся февралистов.

Последовательный провал всех попыток создания общеэмигрантских объединений происходит оттого, что при попытках создания их, как правило, в первую очередь пытаются отвергнуть духовные основы; и о Вере и Царстве, единственных истинных ценностях, которыми обладал русский народ, не говорят. Такого рода «объединители» выпускают декларации, которые, по сути, являются ничем иным, как отречением от прошлого. [...]

В. МЕРЖЕЕВСКИЙ

Владимирский вестник. № 99. 1964. С. 1-7.

НИКОЛАЙ ФИЛИППОВИЧ СТЕПАНОВ (СВИТКОВ)

[...] В своей общественной и литературной деятельности он обладал мужеством и никогда не отступал перед врагами России и теми, кто духовно принял революцию. Когда не так давно была сделана попытка установить в Храме-Памятнике памятную доску генералу Лавру Корнилову, который поднял руку на Августейшую Супругу своего Монарха, арестовать Ее, держать всю Августейшую Семью в заточении и наградить унтерофицера Кирпичникова, бунтовщика и изменника, за революционные заслуги, Георгиевским крестом, — Н. Ф. Степанов был в рядах тех русских патриотов, которые подняли свой голос по всему зарубежью и не допустили готовящегося кощунства. [...]

Как известно, темные силы никогда не оставляли своей работы в эмиграции и такие лица, как Н. Ф. Степанов у них на примете. По сигналу, данному из-за кулис, Н. Ф. Степанов подвергся травле, клевете и провокации. Предлогом травли была избрана статья Н. Свиткова во «Владимирском вестнике» «Последний путь ко спасению». Это чисто религиозная и патриотическая статья была выбрана предлогом для кампании клеветы и диффамации против Степанова на страницах левой печати. Это было в 1954 году и по закулисной линии к этой кампании было привлечено и «Новое русское слово»[153]. Тогда же была пущена в эмигрантский обиход небылица, что Н. Свитков это, якобы, архиепископ Никон (Рклицкий). В свое время это ложное измышление было разоблачено на страницах того же «Нового русского слова». Казалось, что провокация разоблачена и провокаторам следовало бы молчать, что они и сделали, но только на известное время.

Прошло десять лет и автор этой провокации капитан Лавров, в то время редактировавший журнал «Перекличка», возобновил ее в 1964 году, решив, что время прошло большое и смело можно взяться за старую клевету. Нашлись у капитана Лаврова и вольные и невольные сообщники по этому некрасивому делу, и некий Орлов, редактор журнала «Российская независимость»[154], опубликовал в своем журнале всю белиберду Лаврова, хорошо зная, что Н. Свитков не является архиепископом Никоном.

Таким образом, два редактора эмигрантских изданий, Лавров и Орлов, публикуют в своих изданиях заведомую неправду, сознательно обманывая своих читателей. Спрашивается, какое название имеют такого рода поступки? Сам я от моральной оценки воздержусь и предоставлю это дело самим читателям.

Вот причины, почему темные силы травят одновременно и Н. Ф. Степанова (Н. Свиткова) и архиепископа Никона (Рклицкого) «для пользы дела», выдавая их одного за другого. Дело в том, что в свое время Николай Павлович Рклицкий, тогда еще светский человек, издавал в Белграде газету «Царский вестник», на страницах которой опубликовал «Исторические документы, связанные с отречением». Ничего другого так не боятся темные силы, как правды о революции, ибо она была сделана ложью. Революция есть дело дьявольское, а нам хорошо известны слова Спасителя о том, что дьявол есть ложь и отец лжи.

Опубликованные документы на страницах «Царского вестника», изобличающие причастность к революции и участие в ней со стороны многих, которых легенда и ложь возвела в звание «вождей», вызвала такую ненависть к личности Н. П. Рклицкого, что полемика с ним велась при помощи такого рода терминов и аргументов, каковые и теперь возобновлены против Свиткова. Вот примеры: «не имеющая пределов наглость», «невежество или провокация», называли Рклицкого «дьяволом и отцом лжи»; говорили, что он льет воду на большевицкую мельницу, и так далее в том же духе. Когда все это не помогло, то на Рклицкого было произведено покушение действием. Достойно внимание, что и капитан Иогансен, издатель книги «Дело генерала Лампе», подвергся нападению со стороны неизвестных. Темные силы иначе действовать не могут. [...]

В. М[ЕРЖЕЕВСКИЙ]

Владимирский вестник. № 100. 1964. С. 14-16.

«ЗНАМЯ ГЕНЕРАЛА АЛЕКСЕЕВА»

[...] Перейдем к реальным фактам. [...]

...Знамя свое Алексеев поднял, как и следовало быть, после того, как сорвал со своих погон почетные Царские вензеля, чем бросил Царский штандарт с Двуглавым Орлом на костер революции. Слава Богу, ничего даже подобного не сделали очень многие честные воины-добровольцы, впоследствии жестоко обманутые в своих чаяниях, и все же принесли кровь свою в жертву за Веру, Царя и Отечество — в сердце своем. Ничего подобного и не подумал сделать сам Алексеев, поставив навсегда между ими и собою пустозвонную белую веху.

...Чем для России знамя Алексеева «священно»? Мы хорошо знаем о том, что это знамя ничего общего не имело и не имеет с исконной Россией — ни исторически, ни фактически, ни идеологически. Это неоднократно подтвердили на словах и на письме соидейники и сотрудники Алексеева — Деникин, Корнилов, члены добровольческого правительства марксисты и масоны Струве, Винавер, затем масоны же Милюков, В. Маклаков, Набоков, Керенский, Мельгунов (не масон), Бурцев и ряд персонажей помельче, и, наконец, сам Алексеев. Знамя это было названо «белым», а борьба под ним велась «за достижения февраля», — красного по идее и противорусского по сути. И даже в эмиграции ген. Врангель запретил членам РОВС (Русского обще-воинского союза) состоять в монархических русских организациях, вплоть до исключения из Союза. Так что и здесь доблестные русские офицеры, состоя в Союзе, исповедовали свою веру в истинную Россию только в катакомбах. Но исповедовали, исповедуют и будут исповедовать до смерти. Под знаменем Алексеева крылась иностранная провокация на взаимоуничтожение русской воинской силы, на густые посевы раздора между русскими людьми, а не ЗА РОССИЮ, чтобы прочнее усадить на нашей земле тех, кто и теперь, поддерживаемый той же провокацией, держит русский народ в голоде и цепях, как приготовленных рабов грядущему «царю міра». Вот почему оказалась сброшенной со счетов армия февралистских вождей, и Деникин тайно от нее увез на английском судне «знамя Алексеева» в Англию, и там удостоился высшей награды: «ордена подвязки». Что Деникин отказался принять эту награду, — лишь его личное дело, и с этим нам считаться не приходится.

Под каким же «священным знаменем Алексеева»* хотят объединить триликую эмиграцию февралист Пронин и его помощники «американцы русского происхождения», которые считают, что у них есть уже «НАШЕ правительство»? (см. стр. 41 «Русского единства». № 10). Во имя чего это объединение? Нужно ли оно в таком виде России будущего?

Все это вместе, ...при известной объективности, может дать ключ к пониманию разнузданности леваков-от-белого движения даже в наши дни, удивительно безуспешно ратующих за «вождей», не взирая на то, что эти «вожди» сами о себе оставили истории переизбыток обвинительного материала. Первый же о них засвидетельствовал в Своем дневнике от 2 марта [1917 г.] Царь-Мученик, всего шестью словами: «Кругом ИЗМЕНА, и трусость, и обман». [...]

Вл. ГРИНЕНКО

Владимирский вестник. № 100. 1964. С. 19-20.

НЕОБХОДИМАЯ КНИГА ДЛЯ ПОЗНАНИЯ ПРАВДЫ

«От чести и славы 1613 г. к подлости и позору февраля 1917 г.» — таково заглавие книги, написанной генерал-майором И. К. Кириенко, героем и участником двух мiровых войн и Белой борьбы.

Это волнующее заглавие как нельзя больше соответствует содержанию книги, трактующей о предательстве высшего командного состава Императорской армии во главе с генералом Алексеевым и вождей Белого движения генералов Корнилова и Деникина.

Книга включает ценный материал, подтверждающий правдивую оценку событий.

Выпуск ее весьма своевременен, т. к. после 45 лет величайшей трагедии Русской Монархии, с падением которой пала и Россия, превратившаяся в интернационально-коммунистическую вотчину, все еще пытаются оправдать главных виновников этой страшной трагедии, возводя их чуть ли не в героев, а правдивые против них обвинения считаются оскорблением Белой идеи.

Можно подумать, что эта идея воплощалась исключительно в вождях, фактически эту идею похоронивших.

---

*Словосочетание из статьи «керенского производства полковника» В. М. Пронина 1953 г., перепечатанной в «Российском единстве» (1963. № 10) и призывавшей «объединить старую, новую и новейшую эмиграцию под священным знаменем, поднятым ген. Алексеевым». — *С. Ф.*

Не знаю, найдется ли хоть один наглый обвинитель, который решился бы бросить камень в рядовой состав легендарных борцов Белой армии, которые массами гибли за подлинную Белую идею, жертвенно отдавая свои жизни, борясь один против десятков, а то и сотен врагов. Им Честь и Слава, но ни одна капля геройства не принадлежит вождям. Ибо, если некоторые, как генерал Корнилов, пали в бою, то лично они пали не за Белую идею.

Эти вожди сами уничтожали в сознании бойцов Белой армии ту идею, которой веками блистала непобедимостью Русская Императорская Армия — «За Веру, Царя и Отечество». Это и есть Белая идея, ибо издавна Русский Царь именовался «Белый Царь». Выбросив из этой триединой идеи слово Царь и заменив его словами «Царь нам не кумир», вожди свели на нет и борьбу за Веру и Отечество, т. к. в понятии русского народа Вера и Царь — нераздельны (мы видим теперь — не стало Царя, поколеблена и Вера, о чем свидетельствует позор, происходящий сейчас в Русской Церкви); а 99 процентов русского народа под Отечеством понимало страну, Отцом-Царем возглавляемую. [...]

Обо всем этом так красочно и правдиво повествует книга генерала Кириенко, верного Царю и Отечеству и боровшегося за восстановление ореола Царского имени, наталкиваясь на противодействие вождей.

Громадный интерес представляет повествование и о том, как группа борцов Белой армии настаивала на организации похода для освобождения Царской Семьи, к чему в то время представлялась возможность, сулившая успех, но проект вождями был отвергнут, ибо это далеко не входило в интересы вождей: для них Царь перестал быть кумиром, ибо они, изменив Русской монархии, служили уже не исконному Богом благословенному государственному строю России, которому был привержен в подавляющем большинстве русский народ, а новая служба их заключалась в направлении России, на радость врагам ее, на путь, чуждый русскому народу, — приятия республики или, в лучшем случае, конституционной монархии, где Монарх является пешкой в руках парламента и министров, которые творят злые дела именем Монарха, возлагая на Него ответственность в глазах народа. Император Николай I окрестил справедливо этот строй — строем лжи и обмана. [...]

Книгу надо прочитать от начала до конца, и тогда только станет ясным, что в крушении Белой армии, равно как в неприятии

возможных тогда мер для спасения плененной Царской Семьи, результатом чего явилось Ее убиение, являются вольными или невольными виновниками нарушившие святую присягу генерал-адъютанты и генералы не адъютанты. [...]

Ю. ПЕНИОНЖКЕВИЧ

Владимирский вестник. № 100. 1964. С. 40-42.

ПОЧЕМУ УДАЛАСЬ ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

[...] Военная наука учит, что одним из главных условий для успешности военного маневра является элемент неожиданности. Это условие полной неожиданности в 1917 году существовало. Хуже всего, что эта неожиданность имела успех среди высшего военного командования, которое стало на сторону революции. Это, конечно, не означает, что начальник Штаба Верховного Главнокомандующего и главнокомандующие фронтами стали сознательными революционерами, но совершенно бесспорно, что их выступление совместно с теми, кто давно уже добивался «смены шофера у руля автомобиля», было решительным. Коллективное выступление этих генералов с «верноподданническим» советом Государю Императору отречься от Престола и явилось тем сокрушительным ударом, который решил судьбу монархии. В этот страшный день 2 марта 1917 года силы враждебные Монархии и те военачальники, которые были поставлены для ее защиты, выступили совместно. В этом был злой рок России, и совершенно напрасно некоторые заинтересованные лица пытаются ослабить значение телеграмм генерала Алексеева главнокомандующим фронтами и ответов последних, которые сыграли решительную роль, побудив Государя Императора принять решение о отречении от Престола. Некоторые журналисты из «Нового русского слова» пытаются даже распространить версию о том, что якобы Сам Государь потерял веру в традиционные основы Царской власти, что является совершенно лживым измышлением.

В тот момент, когда высшие начальники, которые до этого момента были Его ближайшими помощниками, категорически «советовали» Ему отречься от Престола для блага страны, как Он мог поступить иначе? [...]

Ю. СЛЕЗКИН

Владимирский вестник. № 103. 1965. С. 17.

Как видим, белые генералы Алексеев и Корнилов проиграли и посмертную битву. Да ничем иным это и не могло окончиться для людей (назовем вещи своими именами!), изменивших присяге. Все сказанное было утверждено в камне собора св. Иова Многострадального... В назидание потомкам... На века...

ПРИЛОЖЕНИЯ

На нас, на всех лежит ответ за кровь Государя и за гибель нашей земли. Одни, в безумии своем, восстали на власть, создавшую Россию; другие, по нерадению и малодушию, не сумели этот мятеж подавить; третьи, по невежеству своему, равнодушно взирали на крушение вековых устоев нашей Державы. И все, и каждый из нас виновны в том, что не сумели сохранить и уберечь Царя своего. И Бог карает за это русский народ. С падением Престола, со смертью Царя, всего лишилась Россия. Величие и славу, святыни и богатства... Всё... Всё... и даже свое имя она потеряла... Всё потеряла, и сама отлетела, как сон... И там, на далеком Севере, где в безымянной, неотпетой могиле покоится прах ее последнего Государя, там же легла и сокрылась Россия. И будет лежать там дотоле, доколе не склонит перед этой могилой колени весь Русский Народ и не оросит ее живой водой своего покаяния. И встанет тогда из Царской могилы Россия и грозно будет ее пробуждение...

Сергей Ефимович Крыжановский

(Русская летопись. Кн. 7. Париж. 1925. С. VII)

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ КНИГИ И. П. ЯКОБИЯ

Одним из основных источников для книги И. П. Якобия явились мемуары непосредственных участников и свидетелей февральского переворота 1917 года. С авторами некоторых из них он был знаком лично, пользовался их советами и помощью.

ГРАФ ПАВЕЛ КОНСТАНТИНОВИЧ БЕНКЕНДОРФ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НИКОЛАЯ II В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

К многочисленным мемуарам о последних месяцах жизни Николая II и Его Семьи в Царском Селе прибавился еще один — очень ценный дневник. Он принадлежит гофмаршалу графу П. К. Бенкендорфу[155] и начался только что печатанием во французском журнале «Revue de deux Mondes»[156].

Бенкендорф ежедневно и подробно записывал все, что переживала с первых революционных дней до ссылки в Тобольск Царская Семья и обитатели Александровского дворца. Он рассказывает, как оторванные от Петербурга, где разыгрывалась революция, и от Ставки, с которой было прервано сообщение, Царица и Ее окружавшие получали лишь тревожные слухи. Дети и Вырубова — жившие во Дворце, были больны корью и это еще увеличивало волнение.

11-го марта (числа по новому стилю) военный министр Беляев[157] телеграфировал Царице совет немедленно уезжать, так как за Ее безопасность нельзя поручиться. Императрица отказалась ехать без Мужа. На другой день железнодорожная администрация сообщила, что через два часа сообщение будет прервано, но, конечно, об отъезде в такой срок нечего было и думать. Приезд Царя ожидался с 6 час. утра — никто не спал во Дворце в эту ночь. Во Дворе находились еще сохранившие дисциплину части личного конвоя и Царскосельского гарнизона.

13-го марта стало известно, что Царь вынужден был повернуть в Псков и не приедет. 14-го марта приехал Великий Князь

Павел Александрович. Он был в состоянии бурного возбуждения и обратился с несколькими словами к войскам, собравшимся во Дворце. Эти слова произвели на нас тягостное впечатление. Его разговор с Императрицей был очень бурным.

Гарнизон Царского Села стал разлагаться, произошли стычки между «революционерами» и «монархистами» и только с трудом удалось заключить «перемирие» и защитить Дворец от нападения.

15-го марта в 11 час. утра получилось на имя Императрицы письмо Вел. Кн. Павла Александровича с проектом манифеста о даровании конституции: «Императрица, — записывает Бенкендорф, — отвергла всякую мысль об уступках во время войны. На другой день в 5 час. из Петрограда привезли листок срочной телеграммы, сообщавшей об отречении Царя. Через час приехал Павел Александрович и со всеми предосторожностями сообщил Царице о «страшном событии». Выходя из комнаты, Великий Князь сказал Бенкендорфу, что все потеряно и нужно, чтобы Царская Семья уезжала как можно скорее заграницу. Царица мужественно приняла известие, говорила, что Царь должен был скорее отказаться от Трона, чем нарушить клятву сохранять Самодержавие и передать его нетронутым Своему Сыну. Но когда вечером придворные уходили из Ее комнаты, «Она оперлась на стол и стала рыдать».

В следующие дни разложение гарнизона шло быстрыми шагами. Никакой связи во Дворце с новыми властями не было, пока 18-го марта не приехал военный министр Гучков и ген. Корнилов, командовавший войсками Петрогадского округа. Царица приняла их в присутствии Вел. Кн. Павла. Гучков обещал Ей заботиться, чтобы вокруг Дворца не шумели, что тревожило больных Детей. «Во время аудиенции часть свиты приехавших разбрелась по Дворцу и стала держать слугам и часовым отвратительные речи. К счастью, появление Гучкова положило конец этому скандалу».

Караул Дворца был сменен и старая охрана заменена солдатами, напоминавшими «дикие орды». С большим трудом удавалось скрывать от Царицы попадавшие во Дворец безчисленные газеты и юмористические листки, обвинявшие Ее в измене.

22-го марта утром приехал в Царское Село отрекшийся Император. Платформа вокзала была полна гвардейскими офицерами и солдатами в шапках набекрень, с папиросами, в растерзанных шинелях. Автомобиль с Николаем II подъехал к Дворцу.

Комендант вышел к закрытой решетке. «Кто там?» — спросил он. «Николай Романов», — ответил часовой. «Хорошо, впустите!» Передняя была полна любопытными. Царь молча прошел сквозь толпу в комнату Императрицы.

В два часа дня Бенкендорф получил аудиенцию у Николая II. Царь рассказал все перипетии отречения. «Его Величество, — вспоминает Бенкендорф, — особенно жаловался на почти грубую настойчивость, с которой ген. Рузский разговаривал с Ним в Пскове. С тех пор Император мог понять, что доводы генерала были чистой выдумкой. В продолжение нескольких часов подряд Рузский оказывал давление на Его Величество, не оставляя Ему ни одной минуты на размышление». Бенкендорф, отражая, несомненно, мнение Царя, считает «роль командующих в отречении неслыханным в истории предательством» своего Императора.

Николай II рассказывал даже, как Он думал сначала отречься в пользу Сына, но беседа с лейб-медиком Федоровым, к которому Он обратился за советом, изменила Его мнение. Федоров сказал, что Алексий никогда не будет здоровым и что если Он станет Императором, то Его Родителям все равно не позволят заниматься воспитанием Мальчика. Они будут вынуждены уехать заграницу. После этого разговора Император решил взять обратно первый текст отречения и, не говоря ни слова никому, составил новый текст отречения в пользу Михаила Александровича и передал его Гучкову. Вопрос о незаконности этого акта не приходил Ему в голову.

День закончился известным вторжением во Дворец левого эсера, ныне большевика, Масловского (Мстиславского)[158] с солдатами, представителями Петроградского совета. Они явились проверить, не скрылся ли Николай II. Царь прошел по ярко освещенному коридору на виду Масловского, от которого, впрочем, его отделяли Бенкендорф и Апраксин.

Поведение новой дворцовой стражи становилось невыносимым. Врачей, являвшихся к больным Великим Княжнам, всегда сопровождал офицер и солдат, и стоило большого труда останавливать вторжение в спальни целых групп солдат.

3-го апреля днем в Александровский дворец приехал Керенский со свитой в 15 человек. Он вошел в кухни, собрал в коридор всю прислугу и караульных и обратился к ним с ультрареволюционной речью. Он был одет в высокие сапоги, синий френч, наглухо застегнутый, без признаков белья и напоминал рабочего в воскресном костюме. Его движения были резкими и

отрывистыми, он не ходил, а бегал по комнатам, говоря громко, очень быстро. У него был бегающий взгляд и несимпатичное лицо.

Узнав, что Их Величества еще завтракают, он приказал открыть частные аппартаменты Императора, все шкафы, все двери... Потом он велел провести себя к Вырубовой. Узнав о приезде Керенского, Вырубова, хотя и выздоровела уже от кори, легла в кровать. У нее была связка важных бумаг и она поторопилась сжечь их в камине. Он был полон пепла. Она отказалась принять министра и тот открыл дверь силой. Спросив о ее здоровье и не ожидая ответа, Керенский сообщил ей, что она должна одеваться, взять вещи и ехать в Петроград. «Из соседней комнаты, — пишет Бенкендорф, — я слушал их разговор. Она дрожащим голосом заявила, что больна и не может выходить. Он сухо заявил, что поговорит врачами, но что она должна ехать». Действительно, Вырубова была отправлена на вокзал, на костылях, с горничной и полк. Кобылинским.

Затем Керенский заявил Бенкендорфу, что он хочет видеть «Николая Александровича и Александру Феодоровну».

— Я, — рассказывает Бенкендорф, — вошел первым в классную комнату, чтобы узнать, готовы ли Их Величества принять министра. Император и Императрица были уже там с Цесаревичем. Керенский вошел один. Остановившись на пороге, он сделал что-то вроде поклона и назвал себя: «Министр юстиции»... Взволнованный, с дрожащими руками, словно в лихорадке, Керенский не стоял на месте; он притрагивался ко всем вещам на столе; из его уст вылетали несвязные слова: у него был вид сумасшедшего.

Немного успокоившись, Керенский велел ввести полк. Коровиченко[159] и представил его Царю и Царице, как нового коменданта Дворца. Затем Керенский попросил Николая II в другую комнату для беседы наедине.

После разговора Керенский «имел еще более лихорадочный вид, чем раньше».

— Он спросил меня, — вспоминает Бенкендорф, — осмотрел ли он весь Дворец. Я ответил, что остались только частные покои Императрицы. Он сказал затем, что хотел бы поговорить со мной с глазу на глаз, но потом, дойдя до двери, раздумал и повернулся обратно. Когда мы проходили через переднюю, он обратился к прислуге с несколькими выспренными словами, простился и быстро вышел.

Царь рассказал Бенкендорфу, о чем говорил с Ним Керенский. «Большинство Ваших бывших министров теперь допрашиваются чрезвычайной следственной комиссией и каждую минуту, для самооправдания, ссылаются на свои доклады Вам и приказы от Вас полученные. Но от этих докладов и приказов не сохранилось никаких письменных следов. Не можете ли Вы поискать в Ваших бумагах или хотя бы вспомнить нужные нам указания». Керенский не говорил ни о чем другом.

Бенкендорф посоветовал Царю пересмотреть Свои бумаги на случай возможного приглашения Его Самого в следственную комиссию.

На этом пока заканчиваются воспоминания Бенкендорфа.

Граф Бенкендорф покинул Царскую Семью в Тобольске 14 августа 1917 года. Ему пришлось побывать в большевицких тюрьмах, и затем он укрылся в Эстонии, где и умер в Нарве в старой больнице, в полной нищете, в январе 1921 года.

Р. СЛОВЦОВ

Сегодня. № 34. Рига. 5.2.1928. С. 7.

СВИДАНИЕ КЕРЕНСКОГО С ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ

В выходящем сегодня номере французского журнала «Revue de deux Mondes» опубликованы выдержки из дневника графа Павла Бенкендорфа, последнего обер-церемониймейстера Двора Императора Николая II.

Дневник содержит в себе записи от 11 марта до 14 августа 1917 года.

Приводим наиболее интересные выдержки из этого дневника:

Когда Император Николай приехал 22 марта 1917 года в Александровский дворец, в котором находилась Царица, Он рассказал графу Бенкендорфу, что Он сначала отказался от Престола в пользу Сына, Царевича Алексия, и что Он вручил акт об отречении генералу Рузскому, до приезда в Псков посланцев Думы. Однако, после разговора с придворным врачем, профессором Федоровым, Император изменил Свое намерение. Он думал, что Ему можно будет уехать в Ливадию, жить там со Своей Семьей и Самому воспитывать Наследника, ставшего Императором.

Профессор Федоров возразил на это Императору, что Государь, отказавшийся от Трона, не может жить в той стране, которой Он правил, и что, кроме того, события развиваются, видимо,

так трагически, что отъезд Императора заграницу вскоре станет неизбежен. Наконец, сказал профессор Федоров, никогда новые правители не согласятся поручить отрекшемуся Императору воспитание нового Императора, и, что, по всем этим причинам, отрекшись от Трона в пользу Сына, Император Николай должен будет расстаться с Сыном.

Спрошенный Императором о состоянии здоровья Царевича, профессор Федоров откровенно сказал, что, согласно мнению всех пользовавших Цесаревича врачей, надеяться на излечение Царевича нельзя, что можно лишь, благодаря тщательному уходу, продлить, может быть, Его жизнь, но что здоровым Он никогда не будет.

Этот разговор с профессором Федоровым привел к тому, что Император Николай взял обратно первый акт об отречении и, не сказав никому ничего, написал второй акт, который и был вручен в тот же вечер Гучкову. Этим актом, как известно, Император Николай отрекся в пользу Своего Брата, Вел. Кн. Михаила Александровича.

3 апреля 1917 года, рассказывает дальше Бенкендорф, министр юстиции Керенский, в сопровождении 15 человек, приехал в Царское Село. Начал Керенский с того, что произнес солдатам и служащим Дворца революционную речь. Графу Бенкендорфу Керенский представился в высоких сапогах, в синем френче, наглухо застегнутом, так что не было видно белья. Керенский имел вид празднующего рабочего, с порывистыми, резкими манерами. Он заставил провести себя к Вырубовой, которая сказалась больной и лежала в кровати. Вырубова отказалась принять Керенского и он силою вошел к ней и заявил, что она должна ехать с ним в Петроград.

Император и Императрица ждали Керенского в школьной комнате Царских Детей. Остановившись у порога, Керенский сделал что-то вроде приветствия и представился:

— Министр юстиции...

Керенский очень волновался, руки его дрожали, словно он был в лихорадке. Он не мог стоять на одном месте, дотрагивался до всех вещей, которые попадались ему под руку, вел несвязную речь. Вид у него был безумного. Наконец, несколько оправившись, он позвал доктора Боткина и сказал ему, что Датская королева обратилась к Временному правительству с телеграммой, в которой справляется о здоровье Императрицы. Керенский просил сказать ему, что Датской королеве можно ответить.

Доктор Боткин заявил, что Царица вот уже несколько лет страдает гипертрофией сердца, но что в настоящий момент Она чувствует Себя хорошо, насколько можно чувствовать себя так в Ее положении. Царицу этот ответ нисколько не удовлетворил. После этого Керенский попросил Императора Николая пройти в соседнюю комнату, чтобы поговорить с Ним наедине.

Позже Император рассказывал Бенкендорфу об этом разговоре. Керенский заявил Государю, что большинство Его прежних министров ссылались перед верховной следственной комиссией, дабы оправдать себя, на доклады, с которыми они обращались к Царю, и на полученные от Него приказы. Керенский просил Государя найти более точные указания по этому поводу в бумагах и вспомнить все.

Государь не придал никакого значения этой просьбе, но граф Бенкендорф убедил Его заняться просмотром бумаг и подумать о выборе, на всякий случай, защитника, так как Бенкедорфу казалось, что это выступление Керенского имело целью привлечь к следствию и Государя, а это следствие, полагал Бенкендорф, должно было привести и к суду над Государем. [...]

Возрождение. № 974. 1.2.1928. С. 1.

ИЗ ДНЕВНИКА гр. БЕНКЕНДОРФА

В выходящем сегодня номере журнала «La Revue de deux Mondes» заканчивается печатание выдержек из дневника графа Бенкендорфа, о котором у нас уже говорилось.

Верный и преданный слуга Престола, граф Бенкендорф передает с трогательной простотой несложную, но печальную жизнь Царской Семьи до Ее отъезда в Тобольск. Постоянные подозрения, обыски, наглая грубость окружающих дежурных солдат и офицеров — вот главный и постоянный мотив этого повествования.

Керенский в Царском Селе

Керенский играет большую роль в этом дневнике, но описание его постоянных посещений и его разговоров так же бледны, как и все остальное — Керенский теперь, — говорит Бенкендорф, — сделался **«более вежливым»** и **«старается внушить Их Величествам, что он Их единственный покровитель и что лишь он один в силах отвратить те опасности, угрозу которых Они так сильно ощущают»**. Он преуспевает в этом, успокаивает Николая II и трогает Императрицу своей любезностью.

9-го апреля (1917 года) Керенский появляется в Царском Селе, чтобы **«поговорить с Николаем Александровичем»**. — Он излагает г—же Нарышкиной[160], что в **«Петрограде политические страсти разыгрались; крайние партии требуют перевода Императора в крепость, дабы устранить Его от влияния Императрицы, Которая, по их предположению, воодушевляет реакционный заговор. Временное правительство хотело бы все уладить, но для этого необходимо отделить Императрицу от Императора и поселить Ее в другом крыле Дворца»** и т. д. После разговора Керенского с Государем — решено, что Император и Императрица останутся жить в Своих комнатах, но будут видеться лишь в присутствии посторонних.

«В первые дни Святой недели, рассказывает Бенкендорф, **начали рыть около Китайского театра яму, где должны были быть погребены так называемые жертвы революции в Царском Селе. Была выбрана для этого большая аллея перед Александровским дворцом, в 300 шагах от его фасада. Похороны были торжественно совершены на Святой в четверг, в час дня. Но столь чествуемыми жертвами оказались шесть или семь пьяниц, умерших от алкогольных напитков в день разгрома кабаков. Присутствовало много войск, развивались красные знамена, музыка играла марсельезу и другие революционные мотивы»**.

25 апреля — новое посещение Керенского. Он желает на этот раз поговорить наедине с Императрицей — и разговаривает около часа. «Он был вежлив и умерен». Расспрашивал о роли Императрицы в политике, об Ее влиянии на назначение министров и на ведение дел. Императрица отвечала, что Ее близость с Императором так велика, что Они естественно всегда обменивались мнениями о событиях и о министрах. Могло ли быть иначе? Но лично Она никаких приказаний общего политического характера министрам не давала и не передавала.

Затем короткий разговор с Государем, Который предоставляет Верховной следственной комиссии полную свободу воспользоваться всеми Его бумагами. **«Этими двумя разговорами**, пишет Бенкендорф, **ограничились так называемые допросы, которым министр юстиции подверг Государя и Государыню. О тайных сношениях с Германией в виду заключения сепаратного мира, в которых обвиняли Императрицу, не было и речи»**.

Граф Бенкендорф немножко негодует на то, что в то время, как расходы на жизнь Императорской Семьи все более сокращались, а затем перешли на счет личных средств Императора и

Императрицы, Керенский, появляясь в Царском, **«отправлялся завтракать со всеми его окружающими в Большой Дворец и заказывал там, по обыкновению, лучшие вина из Императорского погреба»**.

В начале августа **«Керенский на фронте. Большевики завладевают все более и более Петроградом... При твердости генерала Половцева можно было надеяться, один момент, что положение улучшится. Но как только Керенский вернулся с фронта, он потребовал отставки генерала и начал всячески щадить большевиков»**.

Отъезд в Тобольск

Решается отъезд Императорской Семьи. Сначала надежда быть отправленными в Ливадию. Затем в Орловскую губернию. Затем угроза отправки на Урал и, наконец, сумбурный, безпорядочный и печальный отъезд в «неизвестную область», которая оказалась Тобольском.

Под конец Бенкендорф дает следующую характеристику покойного Государя:

«Я был всей душой привязан к Императору. Он вступил на Престол очень юным, без какого-либо жизненного и делового опыта; Его характер так никогда и не сформировался; до последних дней Он не сумел найти ни равновесия, ни необходимых для управления столь огромной Империей принципов. Отсюда колебания, противоречия, непоследовательность, которыми ознаменовалось Его Царствование. А между тем Он был очень умен; Он понимал быстро и даже с большой тонкостью. С прекрасным сердцем, Он всегда готов был оказать услугу и соглашался на то, о чем Его просили, не всегда умея разобраться, было ли это решение исполнимым и не шло ли оно против установленных правил, нарушение которых могло причинить больше зла».

Возрождение. № 988. 15.2.1928. С. 2.

ОТЪЕЗД ЦАРСКОЙ СЕМЬИ ИЗ ЦАРСКОГО СЕЛА

В только что вышедшей книжке парижского журнала «Ревю де де Монд» заканчиваются воспоминания графа Бенкендорфа, бывшего гофмаршала Императорского Двора о «последних днях Царя в Царском Селе». Мы писали уже о первой части этих воспоминаний.

* * *

По мере того, как усиливалось разложение в войсках и советы рабочих депутатов забирали все большую власть и приходи-

лось считаться с требованиями «демократии», жизнь Царской Семьи становилась все тяжелее.

21-го апреля, — вспоминает Бенкендорф, — второй стрелковый полк, несший караул, стал обнаруживать очень скверное настроение. Нахальство их не имело предела. С первых дней **начальники караула требовали, чтобы при смене им показывали Императора и Императрицу, в доказательство Их пребывания во Дворце.**

Было установлено, что начальники сменяющегося и вступающего караула являлись ежедневно в половине второго, сейчас же после завтрака, к Императору. Их Величества принимали их вместе и разговаривали с ними несколько минут, — обычно все происходило довольно спокойно. Но сегодня начальник вступившего караула, бывший фельдфебель, сразу выделившийся своими революционными речами, заявил, что он хочет обыскать весь Дворец, и если окажется что-нибудь подозрительное, то горе виновным. **Когда Император протянул ему руку, он отступил назад и крикнул: «Ни за что на свете!»**

Император, подойдя к нему, спросил: «Что вы имеете против Меня?» Субъект растерялся, повернулся и вышел. Потом он стал делать разные замечания доктору Деревенко[161] и учителю Наследника Жильяру. Оказалось, что он и его люди были переодетыми в солдатскую форму членами местного совдепа, желавшими обревизовать, как живут Романовы. Комендант на следующий день позволил им осмотреть Дворец, но против ожидания, они держали себя прилично и не вошли в комнаты Царской Семьи.

В конце июня вечером разыгрался следующий инцидент: «Царь, — рассказывает Бенкендорф, — читал нам вслух в классной комнате. Ночь была теплая и окна открыты. Вдруг в комнату ворвались солдаты. Они осмотрели все лампы, обыскали все углы. Оказалось, что часовой в парке якобы видел сигналы, которые подавались из окна сменой белых и красных лучей. В действительности занавеска колебалась ветром, открывала от времени до времени красный абажур на лампе. Отсюда и пошла тревога».

25-го апреля в Царское Село приехал Керенский и заявил, что хочет говорить наедине с Императрицей. «Разговор длился около часу. Ее Величество не сохранила о нем скверного впечатления. Министр был вежлив и сдержан. Он спрашивал Императрицу относительно роли, которую Она играла в политике, о Ее вме-

шательстве в выборы министров и ведение государственных дел. Императрица ответила, что **Император и Она были очень дружной Четой, и главную Их радость составляла семейная жизнь.**

У Них не было никаких секретов. Они сообщали друг другу всё. Поэтому неудивительно, что при серьезных потрясениях последних лет политика играла в Их жизни большую роль. Наконец, так как Император был почти всегда на фронте и видел Своих министров только с большими промежутками, то Он иногда поручал Ей передавать им маловажные распоряжения. Всего чаще Она обсуждала с ними только вопросы, которые касались Ее лично, как, например, Красный Крест, военнопленные, всевозможные благотворительные дела. Только этим ограничивалась Ее политическая роль, и Она убеждена, что лишь выполняла Свой долг. Конечно, вопрос о назначении министров Император обсуждал вместе [с Императрицей]. Но могло ли быть иначе среди Супругов, так тесно связанных, как Они*».

После свидания с Императрицей **Керенский прошел в кабинет Николая II.** «Разговор коснулся снова показаний бывших министров (в чрезвычайной следственной комиссии), которые часто ссылались на категорические приказы, якобы полученные от Его Величества. Царь разрешил взять из Его шкафов все бумаги, которые могут понадобиться следственной комиссии».

После этого визита доверие Царя и Царицы к Керенскому еще увеличилось. Императрица была очень довольна несколькими льстивыми словами, с которыми он к Ней обратился.

К этим двум беседам и сводятся, — указывает Бенкендорф, — те допросы, которым министр юстиции якобы подверг Императорскую Чету. Не возбуждалось при этом даже вопроса о тайных сношениях с Германией для сепаратного мира, в которых обвиняли Императрицу.

26-го апреля полковники Коровиченко и Кобылинский осмотрели шкафы Царя и взяли бумаги для следственной комиссии.

Жизнь в Александровском дворце шла однообразно, прерываемая лишь неожиданными неприятностями и осложнениями. Так, в начале июня правительственный комиссар Ф. А. Го-

---

*Примечательно, что в сонном видении, признанном старцем о. Николаем Гурьяновым истинным, его келейница монахиня Николая видела Батюшку, разговаривающим с Царственными Мучениками (Царем и Царицей), находившимися под *одним общим* нимбом, в Их Небесном Дворце. — *С. Ф.*

ловин[162], ликвидировавший Министерство Двора, предложил Бенкендорфу взять издержки по столу Царской Семьи на личные средства Царя и Царицы, так как иначе можно ждать неприятностей со стороны совдепов.

Пришлось сократить меню, так как личные средства Императорской Четы были невелики — всего 2 с половиною мил[лиона] рублей, из которых выдавалось много пособий.

16-го июня Керенский, перед отъездом на фронт, приехал. «После быстрого осмотра постов он провел несколько минут у Царя, сообщил Ему, что едет для поддержки наступления. Затем он отправился со всей своей свитой в Большой дворец и, как всегда, приказал подать себе лучшие вина из Императорского погреба».

В начале июля получился приказ перевести в Александровский дворец Великого Князя Бориса Владимировича[163], который жил под стражей на своей даче в Царском Селе. Полковник Кобылинский, новый комендант Дворца, сообщил об этом Бенкендорфу. Тот ответил, что велит приготовить комнату. Но Кобылинский указал, что одной комнаты недостаточно. Великого Князя будет сопровождать дама[164], имеющая разрешение жить вместе с ним. Я энергично протестовал против такого неприличия — поселять подобную даму в доме, где есть молодые девушки. Но приказ был формальный, и Кобылинский ничего не мог сделать. Он передал мой протест министру юстиции, и приказ был отменен.

24-го июля, уже в качестве премьер-министра, Керенский приехал в Царское Село и заявил, что Их Величествам **небезопасно оставаться здесь, и лучше уехать куда-нибудь внутрь России**, подальше от фабрик и гарнизонов. «Большевики нападают теперь на меня, потом будет ваш черед», — сказал он. Царь просил отправить Их в Ливадию. Керенский считал это возможным и просил Государя начать сейчас же приготовления к путешествию. Он указывал, вместе с тем, что удобной резиденцией может быть имение Вел. Князя Михаила Александровича в Орловской губернии и, по-видимому, предпочитал это место Крыму. Уезжая, Керенский советовал Царю готовиться к дороге в строгой тайне, чтобы не привлекать внимания караульных солдат.

7-го августа комендант Дворца сообщил, что отъезд произойдет в ночь с 13-го на 14-е августа, но **место назначения держалось в тайне**.

10-го августа явился назначенный для сопровождения Царской Семьи комиссар Макаров[165], но и он не хотел сказать, куда

отправляют Царскую Семью. По некоторым намекам можно было догадаться, что местом их жительства выбран Тобольск.

13 августа, в воскресенье, утром весь багаж — очень большой — был уложен, и Бенкендорф обратил внимание коменданта Дворца, что для его перевозки понадобится много носильщиков и грузовиков. Но только в половине одиннадцатого вечера комендант распорядился перенести багаж в ротонду Дворца и прислать для этого 50 солдат из караула. Начальник караула уведомил Бенкендорфа, что его солдаты отказываются делать это безплатно и требовали по 3 рубля с человека. Бенкендорф согласился заплатить.

Час спустя приехал во Дворец Керенский. «Он мне сообщил, — рассказывает Бенкендорф, — что сейчас приедет Великий Князь Михаил Александрович. Министр устроил это свидание, **чтобы Братья могли проститься**. Я передал об этом Царю, Который был тронут и удивлен. Когда Великий Князь приехал, то Керенский вместе с ним и ординарцем первым вошел в кабинет Его Величества. Он сел за стол и рассматривал альбомы. Офицер оставался у двери. Свидание длилось 10 минут. **Братья были так взволнованы тем, что приходится говорить при свидетелях, что почти не находили слов.** Великий Князь, выйдя, весь в слезах, сказал мне, что он не рассмотрел даже как следует лица Царя.

Керенский уселся затем в приемной. Мы разговаривали о разных вещах. Так как он уверял меня несколько раз, что отсутствие Их Величеств продлится не больше нескольких месяцев, то я спросил его, когда можно рассчитывать на возвращение Царской Семьи. Он снова убеждал меня, что после учредительного собрания в ноябре ничто не помешает Царю или вернуться в Царское Село или уехать, куда Он захочет.

Около половины первого Керенский попросил меня передать Их Величествам, что время ехать, так как поезд отходит в час. Но князь Долгоруков[166] указал ему, что до сих пор нет ни грузовиков, ни автомобилей. Это очень взволновало Керенского. Он быстро встал и вышел, говоря, что узнает, почему его приказания не были исполнены.

Грузовики прибыли только после часу ночи, и перенос багажа закончился лишь около 4-х часов утра. Царь, Царица, Дети и Свита оставались в ротонде Дворца, наблюдая, как безобразно шла работа. Солдаты и офицеры в шапках говорили громко, ругаясь за то, что им дали такую работу. От времени до времени то один, то другой садились рядом с Царем. С вокзала получа-

лись сведения неясные и противоречивые. Около 4-х часов утра я узнал, что отъезд состоится не раньше 6-ти час[ов]. Поезда, заказанные на 12 час[ов], еще не прибыли, и причин опоздания никто не знал. Среди присутствующих властей это вызвало общее смущение. Штабс-капитан Кузьмин[167] выражал опасение, что железнодорожные рабочие, узнав о назначении поездов, воспрепятствовали их отъезду.

Царская Семья отправилась отдохнуть, но затем скоро вернулась. Баронесса Бенкендорф пила чай вместе с дамами и несколькими офицерами, надзиравшими за отправкой багажа. Император подошел к ней и попросил чаю. **Тогда офицеры встали, заявив, что они не могут сидеть за одним столом с «Николаем Романовым».** Один из них, бывший гвардейский капитан, Георгиевский кавалер, сконфуженный, шепнул мне на ухо, что Кузьмин угрожал ему революционным трибуналом, так как он разговаривал с одной из Великих Княжен. Другие оправдывались, что перед солдатами они не могли обнаружить своих настоящих чувств. Но эти оправдания на ухо, конечно, не извиняли позорной сцены.

Уже было совсем светло, но с вокзала не получалось никаких вестей. Только около шести час[ов] утра мы услышали гудки многочисленных автомобилей. Они остановились у перрона Дворца. Керенский вышел из первого автомобиля, приблизился к Императору и сообщил, что поезд готов. Потом с преувеличенной непринужденностью он пожал руки Императрице и Великим Княжнам, уверяя Их для чего-то, что он очень хорошо спал. Это была неправда, — замечает Бенкендорф, — так как провел ночь волнуясь, как ч... перед заутреней, и была даже минута, когда он отчаивался в возможности отправить Императора».

Царская Семья и Их спутники направились к автомобилям. Керенский шел впереди. Царь, очень серьезный, послал оставшимся последний привет, махая рукой. Он покидал навсегда Дворец, где прожил 23 года.

Р. С[ловцов]
Сегодня. № 47. Рига. 18.2.1928.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АРТАБАЛЕВСКИЙ

Воспоминания эти, написанные в 1936 г., вошли в состав одного из приложений к книге И. П. Якобия. Отличает их то немаловажное обстоятельство, что отъезд Царственных Мучеников из Царскосельского дворца в Тобольск летом 1917 г. изображен в них «верным сыном России, как бы Самим Богом избранным для того,

чтобы от лица Русского Православного Воинства сказать Царю последнее "прости" и своим чутким сердцем пережить конец России — не теряя упования на возрождение ее» (Православная жизнь. Джорданвилль. 1963. № 2. С. 6).

Воспоминания воспроизводились И. П. Якобием не по книжной публикации, увидевшей свет летом 1938 г. (пока не найденной нами), а по одному из газетных сокращенных вариантов. Одну из таких публикаций мы находим, например, в парижской газете «Возрождение».

Ценна она для нас тем, что содержит начало воспоминаний (в основном, правда, в изложении), не вошедшее в последующие публикации.

«31 июля 1917 года, рано утром, — читаем в газете, — начальник Царскосельского гарнизона и комендант Александровского дворца полк[овник] Л.-гв. Петроградского полка Е. С. Кобылинский вызвал к себе полк. Н. А. Артабалевского[168], командовавшего тогда 2-м Гвардейским стрелковым запасным полком, прося его прибыть вместе с членом исполнительного комитета полка. Полк. Артабалевский предложил тотчас же председателю исполнительного комитета полка прапорщику Ефимову откомандировать одного из членов комитета. Ефимов, видимо, уже был в курсе. Не спросив о сущности дела, он ответил, что им уже назначен для этого стрелок Игнатов. Это был активный агент большевиков и поэтому подобное, заранее сделанное назначение, невольно встревожило полк. Артабалевского.

"Полк. Кобылинский, — пишет автор воспоминаний, — принял нас в рабочем кабинете своей квартиры, в полицейском флигеле Большого дворца. Поздоровавшись и предложив нам сесть, он сказал, что вызвал нас по очень важному и экстренному делу, которое до его выполнения надо хранить в строгой тайне. К большому удивлению полк. Кобылинского и моему, стрелок Игнатов с едва заметной усмешкой заявил, что ему это секретное дело хорошо известно и что вопрос о нем уже разрешен в исп[олнительном] комитете совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда. Как всегда, спокойный и выдержанный, но не скрывая своего недоумения на лице, полк. Кобылинский ответил, что о решении Петроградского совета ему ничего неизвестно, но что он имеет особое на этот случай распоряжение от министра-председателя Керенского. Игнатов снова усмехнулся. Тогда полк. Кобылинский добавил, что если дело, по которому он нас вызвал, известно стрелку Игнатову, то оно неизвестно мне, командиру части... После этих слов полк. Кобылинский сообщил, что министр Керенский ему передал реше-

ние Временного правительства о немедленном переводе арестованной Царской Семьи в другое, более благонадежное место, называть которое ему временно запрещено. «Я знаю, куда», — сказал Игнатов. — «Куда?» — «Или в Архангельск или в Вологду». — «Пусть будет так», — спокойно проговорил полк. Кобылинский и пристально посмотрел на меня. — «Но этого не будет, совдеп этого не допустит», — заметил Игнатов. — «Почему?» — «Потому что Вологда близко к Архангельску, где стоят англичане...»

Затем полк. Кобылинский приказал полк. Артабалевскому тотчас же сформировать полного состава мирного времени роту, предназначенную в длительную дальнюю командировку, и представить именной список роты ему на утверждение. Назначение роты — караульная служба при арестованной Царской Семье в Ее новом месте пребывания.

По дороге в полк Игнатов сказал автору воспоминаний, что вопрос о переводе Царской Семьи — вопрос давнишний. Петроградский совдеп настойчиво требовал увоза Ее из Царского Села в более надежное место, удаленное от центра политической свалки. Официальной причиной этого требования выставлялась боязнь проявления нежелательных эксцессов, а в действительности же совдеп опасался, что Царской Семье удастся покинуть Россию. На вопрос полк. Артабалевского — куда же намечено перевести Царскую Семью, Игнатов ответил, что во всяком случае не в Архангельск. Вероятнее всего повезут в Сибирь, в один из городов, наименование которого начинается с буквы Т. — «Тюмень? Тобольск?» — «В последний», — перебил Игнатов.

Керенский в этот день ожидался в Александровском дворце: полк. Артабалевский поехал туда, где встретил у свитского подъезда полк. Кобылинского. Он сообщил, что вместе с Керенским должен приехать Вел. Кн. Михаил Александрович проститься с Государем, — выразив при этом возмущение, что Великому Князю разрешили проститься только с Братом и — Его не допустят до Государыни, Наследника и Великих Княжен» (Д—чъ. Отъезд Царской Семьи в Тобольск. Воспоминания очевидца. // Возрождение. № 4142. Париж. 29.7.1938. С. 5).

ОТЪЕЗД ПОСЛЕДНЕГО ЦАРЯ И ЕГО СЕМЬИ В ССЫЛКУ

Было уже около пяти часов пополудни, когда мне доложили, что готовая рота выходит на мой смотр на площадку перед офицерским собранием.

Будучи совершенно один, наблюдая в окно наступление сумерек, у меня явилось сравнение безвозвратно уходящего дня с Россией. Как безвозвратно уходил день 31 июля 1917 года, так же безвозвратно уходила в моем представлении Россия старого уклада. Уже быстро наступали ее сумерки и она вот-вот должна была погрузиться в безпроглядную темную ночь. Отъезд ее Самодержавного Хозяина был более чем тесно связан с уходом этой старой России. Он был с нею слит неразделимо-неизъяснимым законом бытия ее, Княжеского, Царского и Императорского, прерываемого печальными, скорбными, но неизбежными взрывами смут и потрясений. История России — история ее Царей: судьба России — Их же судьба.

Во время этих моих дум я видел в окно, как пересекала небольшой церковный плац сформированная рота особого назначения.

Как странно! Из этой солдатской массы, превратившейся уже в разнузданную, бездисциплинную, охамившуюся двухтысячную банду, благодаря попустительству Временного правительства и стараний совета рабочих и солдатских депутатов Петрограда, создалась строевая рота стрелков, равняющаяся, несущая ровно штыки и четко и мощно отбивающая шаг, идя на смотр своего командира полка.

Ежели теперь, спустя пять месяцев усиленного распропагандирования военной среды, легко создалась такая четкая рота, то сколько таких рот можно было сбить в февральские дни колебания Трона. Но тогда блуждали умы у людей правления государством и раскисла воля.

Через несколько минут я должен был выйти к этой роте, увидеть и осмотреть стрелков и что-то сказать им. Но что им сказать? По чему ударить их словом? По сердцу, по хорошему русскому сердцу.

Эта рота пришла, встала передо мной выровненная по старому, по старорежимному. Опросил претензии, их не было. Осмотрел роту.

— Ко мне!

Рота сломала ряды и бросилась ко мне. Окружила. Точно вихрем пахнуло мне в лицо от этого движения роты. Я до сих пор помню эти лица и особенно эти глаза, упорные, проникающие, ожидающие, доверчивые взгляды которых смотрели мне прямо в глаза. Вокруг меня сгрудились стрелки, сосредоточились взоры, собрались русские души.

— Стрелки! Вы знаете, куда вас отправляют. Вы знаете, какую службу вы будете нести. Добавлю, это ваша последняя служба нашему Государю. Исполняя ее, помните Бога и слушайтесь своего хорошего русского сердца. Бог в помощь!

И в ответ я услышал не шаблонное «постараемся», а искренно и правдиво звучащее: «Будьте покойны. Послушаемся...», — и как отзвук прошлого, как зарница ушедшего: «Ваше Высокоблагородие». Так было в дни кульминационного развития хамства, разнузданности и социализации армии.

По моей команде «становись» рота выстроилась, выравнялась, отчетливо взяла «на-плечо» и, четко отбивая шаг, ушла в казармы.

Смеркалось. Зажглись уличные фонари. Густые облака покрывали небо. Начинало моросить. Темно делалось кругом. Но светло было в этот момент в моей душе! Старые кадровые офицеры нашей доблестной Армии! Быть может, вы понимаете меня!..

Не заходя домой, я заехал в Александровский дворец. В карауле Императорские стрелки. Их командир, полковник Кушелев спускался со свитского подъезда. Его крепкая мощная фигура осунулась, он как-то согнулся. Хотел проститься с Государем и Семьей, но это ему не удалось. Я же решил попробовать. Поднялся по Свитскому подъезду во Дворец. В вестибюле и в дежурной комнате никого. Направился по коридору к гостиной и увидел быстро идущего навстречу лейб-медика Боткина. Он подошел ко мне, нервно сжал мою руку и проговорил: «Нет никакой возможности повидаться. Они поручили мне обнять вас». Почувствовал, как его слеза омочила мою щеку. Сжал порывисто мои плечи и быстро ушел. Все это произошло мгновенно, ловилась случайная минута возможности.

На крыльце меня ждал Кушелев. Я звал его приехать на вокзал проводить Царскую Семью. Он сначала отказался, сказав, что ему будет очень тяжело.

— Но, слушай, Кушелев. Если бы умер тот, кого ты крепко любил, кто для тебя был всё в жизни, неужели ты не пришел бы на похороны, отдать ему последний привет?!

Он подумал и тихо ответил:

— На вокзале увидимся.

В это время приехал Керенский, сопровождаемый помощником командующего войсками Петроградского военного округа, штабс-капитаном Козьминым, бывшим в 1905 году кратковре-

менным президентом Читинской республики, а затем находившимся в ссылке. Керенский прошел в покои Государя, где имел короткую беседу с Его Величеством.

Очень скоро после него прибыл Великий Князь Михаил Александрович. Он быстро вышел из автомобиля, бледный, нервный и порывистый. Быстрым шагом, ступая через ступеньку, он вбежал по крыльцу подъезда [и] скрылся за дверьми. Прощание происходило в кабинете Государя в присутствии Керенского и длилось около четверти часа. Лишь последние две-три минуты Августейшие Братья удалились в личную комнату Государя и остались в ней одни.

Около 7 часов вечера Керенский принял меня, Ефимова и Игнатова в Лицейском флигеле Большого Екатерининского дворца, где он обычно останавливался во время своих приездов в Царское Село. Сидя на диване боком ко входной двери, Керенский, небрежно кивнув головой Ефимову и Игнатову и подав мне руку, предложил мне сесть в кресло рядом с ним. Ефимов и Игнатов остались стоять у дверного косяка. Отрывисто спросил у них, в чем дело. Те объяснили. Керенский терпеливо выслушал их и сказал мне:

— Ваше слово, полковник.

— Присутствие прапорщика Деконского в составе роты особого назначения совершенно недопустимо.

Короткое молчание и Керенский порывисто бросил Ефимову и Игнатову:

— Исполните приказание вашего командира полка. Идите.

Меня задержал, спрашивая о роте. Его землистое бритое лицо слегка нервно подергивалось. Подслеповатые глаза смотрели на меня и, казалось, не видели. Из толстых губ точно через силу вырывались слова незначущих вопросов. Силился быть властным, великим. Тужился, но был истеричным, ничтожным, серењким мещанином с Васильевского острова или с Выборгской стороны. Протянутая на прощанье рука его холодно-потная не была способна даже на легкое пожатие.

По дороге из Лицейского флигеля на станцию «Александровская», с которой должен был состояться отъезд Царской Семьи, я нагнал роту, шедшую ровным неторопливым шагом. Она опаздывала. Ободрил ее, ускорил шаг и подтянувшаяся рота двинулась дальше почти беглым шагом.

На станции «Александровская» было пусто. На перроне никого. На линиях едва заметные длинные тени составов. Ничего

не говорило о предстоящем отъезде Царской Семьи. Станция, казалось, жила мирною ночною жизнью не только дореволюционного времени, но и довоенного.

Подошла запыхавшаяся от быстрого шага рота. Стрелки, громко порывисто дыша и вытирая вспотевшие головы, окружали меня и засыпали вопросами: «Можно ли играть с Наследником; как титуловать Государя, Государыню; можно ли с Государем работать в огороде, убирать снег», — и им подобными. Снова увидел вокруг себя не разнузданную толпу, а наших старых хороших стрелков. Куда же девалось все то революционное, так настойчиво и, надо признать, успешно внедряемое в них всеми этими деятелями и руководителями февральского действа, особенно ненависть к Монарху? Удостоверяю, что в тот момент оно не существовало; оно исчезло, как наносное, оказавшееся совсем не внедренным. И главное, так культивируемая ненависть к природному Государю рассеялась как туман, при первых же лучах солнца русской натуры, так естественно, просто и отчетливо выразившейся в этой присущей ей любви и преданности к своему Царю. Ничто не может искоренить ее из души русского человека.

Когда передохнувшая рота снова выравняла свои ряды, чтобы идти на посадку, мое прощание со стрелками было настолько искренно и сердечно, что пропасть, так рьяно вырываемая между солдатами и офицером, не существовала, будучи засыпана и сравнена единством русской души. И когда я услышал от многих: «будьте покойны, дай Бог вам благополучия», — то это было сказано искренно, от всего сердца.

Рота ушла. Время проходило, а на станции все так же было безлюдно, тихо. Начальник станции не знал ничего другого, кроме того, что подача состава отложена до особого на это распоряжения. Подождав до полуночи на станции, я снова поехал в Александровский дворец повидать полковника Кобылинского, чтобы узнать от него причину задержки отъезда и состоится ли он.

Повидать полковника Кобылинского мне не удалось, но зато нашел в дежурной комнате Дворца полковника Кушелева. Он был вызван штабс-капитаном Козьминым по поводу караула. Козьмин, находившийся тут же, встретил меня грубо и резко спросил:

— Вы чего здесь? Караул не от вас. Вам нечего здесь делать.

— Я приехал узнать о причине задержки отъезда.

— Это не ваше дело. Поедут, когда прикажут.

Я вспылил и резко ответил, что его довольно странная хамская манера говорить с командиром части для меня неприемлема и что ему следовало бы поучиться элементарной воспитанности, прежде чем браться за какую-либо должность и особенно за такую высокую, как должность помощника командующего войсками. Козьмин вспыхнул, глаза его загорелись бешенной злобой и я не знаю, чем бы кончилось это столкновение, если бы не вмешался полковник Кушелев, попросив меня подождать его на подъезде, дабы вместе ехать на вокзал. По дороге Кушелев мне передал, что Козьмин решил меня арестовать за дерзость. Но не это было важно, а то, что князь Долгоруков передал ему желание Их Величеств попрощаться с нами, что из-за присутствия Козьмина не было возможно осуществить.

Когда забрезжило пасмурное утро и стало разгонять тьму сырой промерзлой ночи, послышался шум быстро приближающегося автомобиля. Это был броневик, подкативший к вокзалу. На его резкий гудок торопливо вышел начальник станции.

— Подавать состав, — сухо послышалось из него. Броневик круто завернул и уехал.

На станции зашевелились. Прошел через полотно дороги начальник станции — с фонарем в руках, двинулись Кушелев и я, идя на перрон, и вышел туда же жандарм в своей полной форме.

В этот день по караулам Царского Села дежурил нашего полка капитан Владимир Николаевич Матвеев[169]. Безупречно воспитанный и выдержанный, такой же чуткий и преданный Государю и Его Семье, капитан Матвеев в это время, как дежурный, находился в Александровском дворце. Будучи в коридоре, ведшем от покоев Императрицы в таковые Императора, он разговаривал с лицами, оставшимися при Их Величествах. Сюда заходили и Царские Дети.

Через некоторое время обер-гофмаршал граф Бенкендорф передал ему, что Государыня просит его к Себе во внутренний покой попрощаться. Когда он направился за графом Бенкендорфом, то находившийся здесь Цесаревич и Царевна Ольга, по собственной инициативе стали на двух концах коридора на стороже, так как вход караульным чинам в личные покои Их Величеств был строго воспрещен.

Встретив капитана Матвеева в Своем будуаре, Государыня обратилась к нему со словами: «Я просила вас к Себе, чтобы попрощаться с вами и поблагодарить за ваше всегда внимательное

к Нам отношение». — Далее с глазами полными слез Она добавила: «Мы отрываемся от Нашего родного дома и едем в полную неизвестность». — С этими словами Государыня нервно взяла образок и благословила его.

Вскоре после этого в одной из проходных комнат он встретил Царевну Марию и поцеловал поданную Ею руку. Проходивший в это время, в сопровождении полковника Кобылинского и караульного начальника, штабс-капитан Козьмин увидел это, вызвал капитана Матвеева на ротонду Дворца и там налетел на него в высшей степени грубой и резкой форме, обвиняя его в нарушении приказа — не целовать рук и не разговаривать с членами Царской Семьи. Пригрозив капитану преданием суду, он приказал ему не отходить ни на шаг от него.

Через некоторое время князь Долгоруков дал знать капитану Матвееву, что Государь со Своей Семьей хочет с ним проститься. Чтобы отвлечь внимание находившегося тут же Козьмина, капитан Матвеев сошел с ротонды в парк, обошел вокруг Дворца и вошел в него через главный подъезд.

Государь, Царевич, Царевны и некоторые лица Свиты ждали в библиотеке. Поблагодарив за службу, Государь передал ему Свою фотографическую карточку с надписью: «Николай, 1917», со словами: «Я думаю, что вы не откажетесь принять на память Мою фотографию. Карточка эта случайная, которая оказалась у Меня под рукой. Я нарочно не написал числа, чтобы вам, в случае чего, не было лишних неприятностей». Затем Государь обнял его и поцеловал. Едва капитан Матвеев успел проститься с Его Величеством и Его Семьей, как появился караульный начальник, передавший ему, что штабс-капитан Козьмин послал его разыскать капитана Матвеева. Услышав это, Государь проговорил, обращаясь к капитану Матвееву: «Спрячьте скорей фотографию, чтобы вам не было новых неприятностей».

В этой же библиотеке происходило прощание Царской Семьи с остающимися в Царском Селе лицами и слугами Дворца. Наступило время, назначенное для отъезда, но произошли какие-то затруднения с подачей поезда, и никто из присутствующих не знал, подадут ли его, или совсем не подадут. Началось безконечное томительное ожидание. Вещи сложены, автомобили поданы к подъезду в парке. Отъезд ожидался с минуты на минуту, но проходили часы.

Всю ночь Царская Семья провела без отдыха в изматывающем ожидании. Подали чай. Пили его стоя тут же в гостиной.

Нудно маячил все время Козьмин, прислушиваясь к отрывистым, очень редким фразам, произносившимся вполголоса и незначущим. Около четырех часов утра вновь появился на минуту Керенский, неизвестно для чего и зачем.

И как странно — в эти минуты никто из служителей Церкви не пришел благословить крестом Того, Кто был ее муропомазанным Главою. И никто из них не пошел разделить тяжелые последние дни земной жизни Царя и Его Семьи, так глубоко и полно хранившими в Своих душах нашу Православную веру.

Только после пяти часов утра Царская Семья стала садиться в автомобили. Полковник Кобылинский и капитан Матвеев поднесли Государыне букеты роз. Последний привет от Ее родного угла. Спокойно и выдержанно сел в автомобиль Государь. С краской волнения в лице села Государыня. Окруженные конным конвоем автомобили тронулись на станцию «Александровскую».

Среди тишины раннего утра послышался грохот двинувшегося без огней состава. В утреннем тумане было видно, как он медленно выползал из линий вагонов. Поездной состав, предназначенный для Царской Семьи, не был подан на станцию, но поставлен в стороне от нее в направлении Петрограда. Между ним и дорогой были еще две линии полотна железной дороги. По другую сторону полотна тесно сгрудилась серая людская толпа, молчаливая и неподвижная. Так держат себя люди при свершении какого-нибудь великого таинства.

Броневик с выкинутым красным флагом медленно прошел по дороге вдоль железнодорожного полотна и, быстро повернув, ушел в сторону Царского Села. Снова настала таинственная тишина. Переступая осторожно с ноги на ногу, жандарм не сходил со своего установленного места у часов перрона.

Послышался автомобильный гудок. Машина подошла к вокзальному крыльцу. Они? Нет. Состав еще не был подан к перрону. На него стали выносить багаж. Вдруг резкий истерический женский вскрик пронзил тишину утра. Мужчина, несший корзину, поспешно оставил ее и вместе с жандармом бросился к только что вышедшей даме. Они унесли ее в вокзал. Кто она была, не знаю.

В это же время донесся шум другого подходившего автомобиля. Он не подошел к вокзалу, но направился к поездному составу. Из него вышел Керенский. Мрачный, сгорбившийся, он исподлобья оглядел состав и толпу. Видимо о чем-то думал, что-то соображал, что-то силился решить в течение нескольких минут.

Потом, отдав распоряжение командиру броневика рассеять толпу, быстро сел в автомобиль и еще быстрее понесся в Петроград. Броневик снова медленно прополз вдоль толпы и, встав сбоку ее, спустил свой красный флаг.

Подошли две легкие машины. Из одной из них вышли лица, не пожелавшие оставить Их Величества в скорбные дни Их жизни, и быстро прошли в предназначенный им вагон.

Из другого вышли Царевны, вынесли на руках Цесаревича. Затем вышел Сам Государь и помог выйти Государыне. Вся Царская Семья медленно перешла пути и двинулась по шпалам к Своему вагону, спальному Восточно-Китайской железной дороги. Поддерживаемая Государем, Императрица, видимо, делала большие усилия, ступая по шпалам. Государь смотрел Ей под ноги и вел, поддерживая под локоть Свою Августейшую верную Спутницу жизни.

А на другой стороне путей стояла молчаливая, неподвижная толпа и броневик. Тогда Царская Семья начала Свой страдный путь и толпа русских людей, Их подданных, свидетельствовала его своим священным молчанием и тишиной. Мір удивлен, что русский народ ныне покорно молчит при самовластии кучки одиозного правительства. Он никогда не поймет, что русский народ всегда в молчаливой покорности перед волей Бога переживает двенадцатый час своего бытия.

Увидя полковника Кушелева и меня, Их Величества кивнули нам головами. Государыня с трудом поднялась по ступенькам вагона. Государь помогал Ей. Сам Он поднялся спокойно и бодро. Через некоторое время в одном из окон вагона показался Государь. Слева от Него выглядывала Государыня, справа стоял Цесаревич, а сзади Него Царевна Татьяна. В соседнем окне показались Царевны Ольга, Мария и Анастасия. Они смотрели в нашу сторону.

Увидев благословляющую руку Государыни, Кушелев и я сняли фуражки, склонили головы, а потом, точно сговорившись, направились к вагону. Не знаю, как Кушелев, но я шел, совершенно не думая о последствиях этого шага, делаемого в присутствии Козьмина. Сила, ведшая меня к моему Государю, была неизмеримо сильнее всяких посторонних влияний.

На площадку вагона первым поднялся Кушелев. Поднявшись за ним, я увидел входящего из прохода вагона Царя. Кушелев бросился перед Ним на колени, но Государь не дал ему сделать этого и, обняв его, поцеловал, что-то сказав. Я не помню, что

именно. Вернее, не расслышал от волнения, так как Государь, осторожно отклонив Кушелева, протягивал мне руку. Он видимо торопился. Я до сих пор помню теплоту Его руки, ее пожатие, когда я припал к ней губами, целуя. Бледное лицо Государя и Его незабвенный взор навсегда останутся в моей памяти. Я не в силах передать словами Его взор, но поведаю, что этот взор Государя проникал в самую тайную глубину души с лаской, бодростью и вместе с этим озарял душу Царской Милостью. Государь привлек меня к Себе, обнял и поцеловал. В необъяснимом порыве, я припал лицом к Его плечу. Государь позволил мне побыть так несколько мгновений, а потом осторожно отнял мою голову от Своего плеча и сказал нам:

— Идите, иначе может быть для вас обоих большая неприятность. Спасибо вам за службу, за преданность... за все... за любовь к Нам... от Меня, Императрицы и Моих Детей... Служите России так же, как служили Мне... Верная служба Родине ценнее в дни ее падения, чем в дни ее величия... Храни вас Бог. Идите скорей...

Еще раз Государь одарил нас Своим незабываемым взглядом и скрылся в вагоне.

С трудом сдерживая свое волнение, мы сошли с площадки вагона и прошли через пути на свое прежнее место против вагона Царской Семьи. Молчаливая, серая толпа смотрела на нас и точно чего-то ждала.

В окне снова показались Государь и Цесаревич. Государыня выглянула в окно и улыбалась нам. Государь приложил руку к козырьку Своей фуражки. Цесаревич кивал головой. Также кивали головой Царевны, собравшиеся в соседнем окне. Мы отдали честь, потом сняли фуражки и склонили головы. Когда мы их подняли, то все окна вагона оказались наглухо задернутыми шторами.

Вдоль вагона медленно прошел Козьмин, подошел к нам и, ничего не сказав, встал около нас, точно настороже. Через несколько минут молчания он сказал, что состав отойдет с вокзала.

Поезд медленно тронулся. Серая людская толпа вдруг всколыхнулась и замахала руками, платками и шапками. Замахала молча, без одного возгласа, без одного всхлипывания. Видел ли Государь и Его Августейшая Семья этот молчаливый жест народа, преданного, как и Они, на Голгофское мучение иудами России? Жест полный мистической священной тишины, безусловной любви, последнее «прости». Жест единения в предстоящих муках.

Закоренелый революционер и такой же противник Монарха, Козьмин недоумевающим взором смотрел на происходившее, потом внезапно побледнел, съежился и торопливо уехал.

В ожидании назначенного для отхода времени стоял на станции «Александровская», с завешенными везде окнами, этот таинственный безмолвный поезд. По третьему звонку отошел он от пустынного перрона и унес в далекую Сибирь мистическую Божественную тайну Царского служения и судьбы России.

В это же раннее утро на малом пруду Царскосельского парка, взлетая грудью над водой, раскрыв свои широкие крылья и подняв вверх свои кроваво-красные клювы, пели черные лебеди. Это были протяжные певучие вскрики тоски, безысходной печали, рыдания по безвозвратно уходящему, неизъяснимо прекрасному, неоценимо дорогому и незаменимо родному. Их песня метала душу и вместе с этим неудержимо увлекала, уносила ввысь, в безконечность Божественной вечности.

Тогда, когда не может быть места человеческому голосу, — царственная птица взывает к Богу.

* * *

Предоставляя описание, критический разбор и оценку Царствования Государя Императора Николая II Александровича и акт Его отречения от Всероссийского Престола перу истории, я записываю нижеследующие строки, как мои личные, чисто индивидуальные впечатления виденного, слышанного и пережитого.

В то утро, 1 августа 1917 года, я понял, что стал свершаться последний акт великой мистерии, начавшейся со дня восшествия на прародительский Престол России Государя Николая II. [...]

Н. А. АРТАБАЛЕВСКИЙ

г. Гренобль, Франция.
1936 г.

Православная жизнь. Джорданвилль. 1963. № 2. С. 6-14.

ГРАФ ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ АПРАКСИН

Пользуясь случаем, приведем две небольшие публикации о гр. П. Н. Апраксине, появившиеся в эмигрантской прессе.

Первая статья — юбилейная:

В дружеской интимной обстановке друзья графа Петра Николаевича **Апраксина** и представители ряда эмигрантских организаций органи-

зовали 15-го февраля [1956 г.] его чествование в Русском Доме, по случаю исполнившегося его 80-летия.

Граф П. Н. Апраксин, один из старейших членов русской колонии, окончил Пажеский Е. В. корпус, откуда вышел Л-Гв. в 4-й Императорской Фамилии стр. батальон, но вскоре уволился в запас и служил на гражданских должностях по Мин. вн. дел. Он был Таврическим губернатором и много способствовал расцвету нашего Крыма. Потом в должности гофмейстера Высочайшего Двора состоял при Государыне Императрице Александре Феодоровне. С молодых лет граф П. Н. был много занят и чисто общественной работой, а после революции отдал много сил церковным делам, будучи избран членом Всероссийского Собора, избравшего Патриарха Тихона. В эмиграции граф Петр Николаевич много сделал для прославления российского прошлого: он долгое время состоял председателем историко-генеалогического общества и принимал живейшее участие в организации памятных дней и национальных торжеств*. Исключительно благожелательный, отзывчивый и благородный человек, граф П. Н. Апраксин пользуется большими симпатиями в русской колонии в Бельгии**.

Другая публикация о графе — некролог, написанный В. Ореховым:

3-го февраля [1962 г.] в Брюсселе скончался старейший член русской колонии граф Петр Николаевич **АПРАКСИН.**

Покойный окончил Пажеский Е. В. корпус и, после краткой военной службы в 4 Стр. Имп. Фамилии полку, пошел по гражданской линии. Пройдя ряд ступеней по службе в Министерстве внутренних дел, граф Апраксин был назначен Таврическим губернатором, пост, на котором блестяще проявились его административные способности. Губерния, включавшая в себя Крым и Сев. Таврию, была населена в большей своей части крымскими татарами, а на севере ее немецкими колонистами. И с теми и с другими у губернатора наладились отличные взаимоотношения, и инородцы оценили его справедливость, благожелательность и отзывчивость. Пожалованный сначала церемониймейстером, а потом гофмейстером Двора Его Величества, граф П. Н. Апраксин к началу войны 1914 года был назначен состоять при Императрице Александре Феодоровне для управления всеми Ее делами, включая и руководство всевозможными благотворительными комитетами и основанными Государыней военными госпиталями.

Глубоко религиозный человек, граф П. Н. был избран членом Всероссийского Собора, избравшего в 1918 г. Патриарха Московского и всея Руси. Не был покойный чужд и общественной деятельности, являясь основателем в Петербурге Русского Собрания.

Заграницей, в Брюсселе, граф П. Н. основал и возглавил Историко-генеалогическое общество, до последней войны являв-

---

* Он был избран после войны председателем Комитета по сооружению Храма-памятника Царю-Мученику.

** 80-летие графа П. Н. Апраксина // Часовой. № 363. 1956. Март. С. 16.

шееся культурным центром русской колонии. Он же был и членом-основателем и председателем Комитета по сооружению Храма-памятника Царю-Мученику и Жертвам большевизма. С покойным ушла поистине целая эпоха жизни русской колонии в Бельгии. Широко образованный и просвещенный человек, он являл собою тип старого русского сановника и барина. Доброту и благородство его оценили все его знавшие.

Мир его душе!*

9-го МАРТА 1917 ГОДА В ЦАРСКОСЕЛЬСКОМ ДВОРЦЕ
(По дневнику)

8 марта от ген. Корнилова, приехавшего во Дворец объявить Императрице постановление Временного правительства об аресте Царской Семьи, мы узнали, что Государя Императора уже вывезли из Могилева и везут в Царское. Известие это очень обрадовало Императрицу, измученную роковой разлукой и постоянными думами о душевном одиночестве в эти ужасные дни Государя и Его переживаниях. Мысль о скором свидании облегчала Ей перенести первые часы объявленного ареста и связанного с ним целого ряда огорчений и унижений, которые Она уже заранее предчувствовала.

«Я рада, что именно вы, генерал, объявили Мне об аресте, — сказала Она Корнилову, когда тот прочел Ей постановление Временного правительства, — так как вы сами испытали весь ужас лишения свободы».

Началось с увода из Дворца преданных частей Собственного Его Величества полка и Конвоя, за все последние дни выказавших, особенно Конвой, много душевной чуткости и деликатности, и с замены их караулом от запасных частей Царскосельского гарнизона, к этому времени уже окончательно распропагандированных и распустившихся.

Смена караулов произошла в 4 часа дня, и с этого часа мы, находившиеся во Дворце придворные, стали считаться под добровольным арестом и не имели уже права покидать стены Дворца. Нас было восемь человек: обер-гофмаршал граф П. К. Бенкендорф с женой[170], статс-дама Нарышкина, фрейлина баронесса С. К. Буксгевден[171], гоф-лектриса Е. А. Шнейдер[172], лейб-медик Е. С. Боткин[173], доктор Деревенко и я. В этот же день наше общество увеличилось фрейлиной графиней А. В. Гендриковой[174], с первым извещением о революции кинувшейся из Кисловодска,

---

* *Орехов В.* † Граф П. Н. Апраксин // Часовой. № 430. 1962. Март. С. 23.

где она была в отпуску, в Царское и успевшей приехать во Дворец за два часа до нашего ареста.

Распущенные солдаты дали себя знать очень скоро. Не прошло и нескольких часов после смены, как на дворе послышались выстрелы. Оказалось, что один из часовых, стоявших в садике под самыми окнами Дворца, убил ручную козочку Наследника, которую Алексей Николаевич постоянно кормил из рук и очень любил. Больному мальчику, которому только в этот день сообщили всю правду, конечно, не сказали ничего об участи бедной козочки, а выстрелов, кажется, Он на этот раз не слышал.

По случаю выезда Государя из Ставки Императрица пожелала в домовой церкви отслужить молебен. Так как распоряжение было отдано до 4-х часов, то причт был, конечно, пропущен во Дворец, но самый молебен отслужить не удалось вследствие запрещения нового караульного начальника, какого-то прапорщика с громадным красным бантом на груди. Это было первое проявление нового режима, и на мою долю выпало об этом унижении и ненужной жестокости сообщить Ее Величеству. Я постарался смягчить, насколько мог, этот первый удар, сказал, что недоразумение произошло по нашей вине, ибо мы поздно заявили о желании Императрицы, и что на завтра молебен, наверное, разрешат. Я надеялся, что за сутки удастся убедить тюремщиков быть мягче и разрешить Царственным Узникам безпрепятственно, хотя бы с соблюдением разных формальностей, удовлетворять Свои религиозные нужды, но, увы, я ошибся: молебен и на другой день не был дозволен и только несколько дней спустя этот вопрос получил более или менее благоприятное разрешение.

Еще накануне заболела корью в тяжелой форме последняя, остававшаяся здоровой, Великая Княжна Мария Николаевна, и весь детский верх превратился в сплошной лазарет. Заболевшие Великие Княжны и Алексей Николаевич поправлялись очень медленно, сильно страдали, и Императрица, Сама постоянно мучавшаяся болезнью сердца, ухаживая за ними, очень утомлялась, но Она бодрилась, стараясь сохранить Свои силы до приезда Государя. Болезнь Марии Николаевны, ставшей для Нее за эти дни настоящим другом и лучшей помощницей, была для Нее новым испытанием.

Впрочем, ждать было уже недолго.

В полночь вернулся из Петрограда назначенный генералом Корниловым комендантом Дворца шт.-ротмистр Коцебу, объявивший, что Государь приедет утром на другой день.

Конечно, эту радостную весть немедленно сообщили Императрице.

Ровно в 11 час. 45 мин. утра у дворцовых ворот остановился автомобиль и с крыльца первого подъезда Дворца кто-то крикнул: «Пропустить».

В передней столпились офицеры и депутаты-солдаты от караула. Все с красными бантами, многие в шапках. Граф Бенкендорф и я были тут же. Императрица оставалась наверху у Детей.

Распахнулись двери и, быстро поднявшись по ступенькам, в переднюю вошел Государь. За ним шел гофмаршал кн. Долгоруков. Отдавши столпившимся честь, на которую никто не ответил. Царь подал руку графу Бенкендорфу и мне и спросил, где Императрица, затем, повернув голову к караульной толпе, Он снова отдал честь. Но и на этот раз никто не поклонился и никто не поднял руки к голове. Многие из них стояли, безсмысленно смотря на вчерашнего их Повелителя.

Государь сильно побледнел, похудел, но глаза Его ласково по-прежнему улыбались нам, и Он сохранял полное самообладание.

— Я пойду один к Ее Величеству.

. . . . . .

* * *

За завтраком и после него князь Долгоруков рассказывал нам подробности, связанные с отречением. Он и начальник военно-походной канцелярии флигель-адъютант Нарышкин[175] присутствовали все время при разговоре Гучкова и Шульгина с Государем и записали весь разговор со стенографической точностью. Запись эта в некоторых подробностях различествует с помещенными в газетах рассказами Гучкова и Шульгина и представляет собой документ громадной исторической важности.

Днем Государь выразил желание пойти погулять в сад. Это было разрешено. Государь позвал с собой кн. Долгорукова. Так как для прогулки был отведен маленький, в несколько десятков саженей, участок, а сзади все время за ним следовали караульные офицеры, то прогулка оказалась невозможной, и Государь и кн. Долгоруков взяли лопаты и стали прочищать дорожки. Несколько раз Государь обращался с вопросами к караульным офицерам и все время был с ними любезен. В этот раз они называли Его не иначе, как господин полковник, но уже на другой день

те же лица не обращались к Нему иначе, как «Ваше Императорское Величество».

В 6 часов 40 мин. вечера в карауле произошел переполох. Перед запертыми дворцовыми воротами остановилось несколько автомобилей, из них вышли вооруженные солдаты, во главе с офицером в полковничьих погонах. Он назвался полковником Масловским, делегатом от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Приехал он якобы для того, чтобы самолично удостовериться в присутствии Государя в Царском.

Никакого полномочия от царскосельского коменданта у него не было, но он грозил, что с ним приехали и на вокзале ожидают результата его миссии несколько броневиков с сотнею солдат. Я пришел на скандал, когда Масловский и его несколько товарищей уже находились в передней Дворца и порывались пройти во внутренний коридор, куда выходили двери из жилых комнат Их Величеств. Это ему, наконец, удалось, но в самом начале коридора он был остановлен караульными офицерами. Шла перебранка. Возбужденные донельзя прапорщики царскосельского караула возмущались, что совет рабочих и солдатских депутатов не верит в их революционность и не доверяет им вполне.

Масловский, имевший вид ненормального человека, махал ордером совета, подписанным одним из виднейших членов совета; в ордере глухо говорилось о каком-то поручении чрезвычайной важности.

Среди спора выяснилось, что у Масловского чуть ли не поручение арестовать Государя и увезти Его в Петроград.

Я спрашиваю его:

«Скажите же нам, кто является для нас начальством. И чьи распоряжения мы должны выполнять?»

Прапорщик из караула, не давая отвечать Масловскому, перебивает меня и, демонстративно возвышая голос, почти кричит:

— У нас одно начальство — Временное правительство.

Наконец, пререкания окончились соглашением: уговорились, что Государь покажется Масловскому, а последний с тем и уедет в Петроград. Надо было получить еще согласие на это Государя, так как в комнаты Масловского караульные впустить не хотели, опасаясь террористического акта, и предполагалось, что Государь выйдет в конце коридора из гостиной Императрицы и пройдет в противоположную дверь в Свой кабинет. Я очень опасался, что Государь откажется показывать Себя при таких усло-

виях, но князь Долгоруков, который отправился доложить обо всем, вернулся и объявил, что Государь согласился очень охотно. — «Пусть смотрит, если ему этого хочется».

И вот, через несколько минут, в конце ярко освещенного коридора показался Государь, остановился на секунду, повернув голову, посмотрел на нас и прошел в кабинет.

Масловский, очень сконфуженный, пробормотал несколько слов и поспешил ретироваться. Да и было пора, так как среди караула новое унижение Царя вызвало сильную реакцию. Двое прапорщиков сказали мне тут же вслух при всех, что они смотрели все время не на Государя, а на Масловского, готовые прикончить его тут же, при малейшем движении с его стороны.

После обеда мы все, кроме врачей, собрались у графини Бенкендорф. Перекидывались отдельными фразами, гадали о будущем, я раскладывал пасьянс. Вдруг в 10 часов 15 мин. в комнату вошли Их Величества. Начался общий разговор.

О происходящих событиях не было произнесено почти ни слова. Говорили о Киеве, о стоящих небывалых морозах, о русской литературе. Разговор поддерживал Государь. Императрица почти все время молчала. Человек, не посвященный в события, и не догадался бы, что в эти часы небывалые душевные муки терзают каждого из присутствующих. И хорошо, что разговор шел о постороннем. Несколько раз за эти минуты судорога сжимала горло, и надо было употреблять величайшие усилия, чтобы не разрыдаться, глядя на чудные, ласковые Царские очи. Но вот прошло около часа. Их Величества поднялись, простились с нами так же, как бывало всегда.

«До завтра», — произнес Государь.

Мы вышли проводить Их в коридор. Императрица села в кресло на колесах, и Государь покатил его по коридору...

Гр[аф] ПЕТР АПРАКСИН

Новое время. № 268. 17 марта 1922. С. 2-3.

ЦАРСКИЙ ЗАВЕТ

Граф П. Н. Апраксин, занимавший с 1913 г. должность гофмейстера Императрицы Александры Феодоровны, а до того бывший Таврическим губернатором, и по своему служебному положению и по родственным связям (жена его — дочь князя Барятинского, состоявшая при вдовствующей Императрице Марии Феодоровне) был близок к Семье почившего Государя Императора Николая II и хорошо осведомлен об интимной жизни этой Семьи. Ниже я приво-

жу кое-что из того, что я слышал от графа П. Н. в Москве в декабре 1917 года.

* * *

Когда в Петрограде начались безпорядки, я, оставив в Петрограде жену больной, поспешил в Царское. Там я был все время, пока разыгрывались мартовские события в Пскове и Могилеве. В это время Великие Княжны болели корью; во Дворце был карантин, в котором находился и я. Мы своевременно узнавали все то, что происходило в Петрограде и Ставке, но Императрица была как-то чужда всего этого; по крайней мере, ни о чем из того, что происходило, Она не выражала Своего мнения и всецело была занята больными Детьми и ожиданием приезда Государя. Наконец, Он приехал. Я присутствовал при первой встрече «бывшего Императора» и «бывшей Императрицы»: Они встретились, как старые друзья, и при первом приветствии между Ними ни слова не было произнесено о том, что пережито, что случилось: встретились отец и мать больных детей, сразу же начались разговоры о болезни Детей, и Супруги направились к Детям. Потом во Дворце, в Царском, потекла жизнь «помещичья», как будто бы век так жили, как будто бы иной жизни и не было. Я уверен, что Царскосельский дворец в это время был единственным островком, где жили нормальной, спокойной, чисто семейной жизнью.

Только два раза при мне Государь возвращался к тому, что произошло. Первый раз это было как-то вечером: я сидел в гостиной и раскладывал пасьянс. Вошел Государь, а Он никогда не играл в карты, — и, улыбнувшись, сказал: «Вот теперь и Я, граф, научусь играть в карты; будет для этого у Меня время, а то до сих пор все некогда было и учиться»...

В другой раз Государь упомянул о том, что было, при прощаньи со мной. Болезнь моей жены требовала моего возвращения в Петроград. Отпуская меня, Государь благодарил меня «за разделение невольного плена». Он и все члены Его Семьи подарили мне Свои портреты с надписью на них — «На память о марте 1917 года в Царском Селе», а, прощаясь, сказал: «Граф! Помогите сами и скажите тем, кто служил Мне, чтобы они помогли теперь всеми силами Временному правительству. Служите ему, как мне служили и Родине. Помните только одно: никогда еще в России не нужна была так твердая и крепкая власть, как сейчас. Я об этом уже говорил, предупреждал и просил князя Львова... Помните это!»

Эти слова Государя, сказанные графу П. Н. Апраксину, о необходимости крепкой и твердой власти сейчас в России, должно запомнить всем русским людям и принять их, как посмертный завет покойного Русского Царя, всегда олицетворявшего Собою единый русский народ и единую Великую Россию.

С. РУДНЕВ

Православная жизнь. Джорданвилль. 1968. № 5. С. 8-9.

ГРАФ ПЕТР ВАСИЛЬЕВИЧ ГЕНДРИКОВ

Публикуемые далее материалы связаны с графом Петром Васильевичем Гендриковым — сыном обер-церемониймейстера Двора, графа В. А. Гендрикова (1857†1912) и графини С. П. Гендриковой († 1916), урожденной княжны Гагариной. Петр Васильевич был офицером Кавалергардского полка; впоследствии — Курским вице-губернатором. В предреволюционные годы он был губернатором в Орле (6.12.1916–6.3.1917). Его сестра, графиня А. В. Гендрикова — фрейлина Императрицы Александры Феодоровны. Добровольно последовав в изгнание, она была убита вместе с Царственными Мучениками в Екатеринбурге. Был еще и брат — полковник Александр Васильевич Гендриков (30.12.1886†23.5.1962), также служивший в Кавалергардском полку. Братья были участниками гражданской войны (Вооруженные силы Юга России), оба впоследствии эвакуировались из Крыма. В эмиграции жили во Франции. Скончались в Париже. Точная дата кончины графа Петра Васильевича неизвестна. Данные, которыми мы располагаем, позволяют ее отнести к февралю 1942 г. — ко времени немецкой оккупации.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый Государь.

В недавно появившейся книге г. Якоби «Le Tzar Nicolas II et la Revolution» я натолкнулся на описание первых дней революции в Орле, где автор книги весьма несправедливо и пристрастно описывает образ действий гр. П. В. Гендрикова, бывшего в то время Орловским губернатором. На стр. 229 (перевод с французского) г. Якоби пишет: «что же касается губернатора гр. П. В. Гендрикова, семья которого была осыпана Царскими милостями, благодаря чему и он лично сделал карьеру, на которую не мог иначе рассчитывать, гр. Гендриков, узнав об отречении Царя и Вел. Кн. Михаила Александровича, поторопился телеграфировать кн.

Львову, что с настоящего момента он и его сослуживцы подчиняются Врем. правительству. Этим жестом он заслужил одобрение кучки революционеров, торжественно провозгласивших себя в Орле — Комитетом общественной безопасности. Однако печать, даже левая, выразила по этому поводу свое удивление. "Русское слово" посвятило ему несколько презрительных строк — капитулировал, наконец, и Орловский губернатор гр. Гендриков. Он слишком долго выжидал и уже смещен».

Далее г. Якоби пишет, что «капитуляция» гр. Гендрикова не принесла ему счастья и что 6 марта он уже был смещен, при этом он указывает, что сестра графа (которую он ошибочно называет Натальей, вместо Анастасия), фрейлина Императрицы, мученически погибшая — иначе поняла свою роль.

Будучи одним из весьма немногих орловцев, находящихся в настоящее время в эмиграции и занимавших во время революции в Орле официальное положение, я считаю своим нравственным долгом восстановить истинную картину происшедшего.

В тяжелые и смутные дни мартовской революции 1917 г., когда многие представители власти на местах совершенно растерялись, когда в самом Орле гарнизон во главе с ген. Никоновым в первые же дни перешел на сторону революции, гр. П. В. Гендриков до самого конца оставался верным своему долгу и присяге и признал новую власть лишь 4 марта, по получении Манифеста об отречении Государя в пользу Вел. Кн. Михаила Александровича и отказа последнего вступить на Престол до решения учредительного собрания. Государь последним Высочайшим указом утвердил весь состав Временного правительства во главе с кн. Львовым, о чем было получено в Орле сообщение одновременно с манифестом об отречении.

Если после указанных актов гр. Гендриков не счел возможным сразу покинуть свой пост, то, конечно, не из-за каких-либо карьерных целей, а исключительно для действенной борьбы с нараставшей в Орловской губ., как и повсюду, анархией. Своими вполне лояльными действиями гр. Гендриков заслужил тогда уважение всех орловских общественных кругов, как левых, так и правых.

Примите уверение в совершенном почтении

А. ХРИПУНОВ[176]

Возрождение. № 2809. Париж. 1933. 9 февраля. С. 4.

И. ЯКОБИЙ. ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый Государь, г. Редактор.

В номере от 9 февраля Вашей уважаемой газеты напечатано письмо г. Хрипунова по поводу моей книги «Le Tzar Nicolas II et la Revolution». Автор письма, приводя несколько выдержек из этой работы, касающихся действий Орловского губернатора гр. Гендрикова в первые дни революции, характеризует мое описание этих действий, как «весьма несправедливое и пристрастное», и со своей стороны свидетельствует о полной их лояльности.

Я не считаю возможным вступать с г. Хрипуновым в спор относительно той или иной оценки поведения представителей власти и общества в эти позорные для России дни; но я не могу оставить без ответа его обвинение в «несправедливости» и «пристрастности» исторической работы, целью которой именно и являлось справедливое и правдивое освещение событий русской революции.

Г. Хрипунову, вероятно, неизвестно, что факты, приведенные мною и вызвавшие его протест, заимствованы целиком из статьи самого гр. Гендрикова под названием «Первые дни революции в Орле», появившейся в номерах 7 и 8 журнала «Двуглавый Орел» за 1927 г. Читатель найдет в этой статье и текст телеграммы гр. Гендрикова кн. Львову и **Родзянке** и выражение доверия к графу со стороны революционного «Комитета Общественной безопасности» и приведенный мною презрительный отзыв газеты «Русское слово» о «капитуляции» Орловского губернатора.

Прочтя этот очерк, г. Хрипунов убедится, кстати, насколько он ошибается, приписывая гр. Гендрикову исключительно стремление к «действительной борьбе с нараставшей в Орловской губернии и повсюду анархией». Гр. Гендриков, напротив, совершенно откровенно признает, что он просто «нетерпеливо ждал своего смещения». Оно и произошло два дня спустя после его «капитуляции».

Примите уверение в совершенном уважении и преданности

И. ЯКОБИЙ

Возрождение. № 2825. Париж. 1933. 25 февраля. С. 5.

Далее мы предлагаем вниманию читателей упоминавшиеся в письме И. П. Якобия воспоминания П. В. Гендрикова и другие выявленные нами публикации последнего в эмигрантской периодике.

ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ В ОРЛЕ

«Великую безкровную» революцию мне пришлось пережить в Орле, где я был губернатором. Воспоминания мои подтверждают лишний раз, сейчас уже безспорный факт, что **население на местах в подавляющем своем большинстве не только не участвовало в подготовительной к революции работе, но и совершенно о революции не помышляло.** Вся эта гнусная провокация была подготовлена и проведена в жизнь из Петрограда и Москвы.

Орловским губернатором я был назначен 6-го декабря 1916 года. До этого мне пришлось по служебным делам пробыть два месяца в Петрограде.

Это был какой-то бедлам. В гостиных, в клубах, собраниях, заседаниях во всех падежах склонялись «темные силы». Главный камертон держала Государственная дума, ораторы коей распространяли по всей России самые наглые клеветы не только по адресу Царского Правительства, но и против Царя и Царицы. Подлое поведение Милюкова известно, но и поведение «монархиста» Пуришкевича было не лучше. Совершенно невероятно, что он действительно верил в истину крылатого слова, которое он первый бросил в толпу: — **Темные силы, окружающие Трон!**

Речи Пуришкевича производили сильное впечатление. Даже многие благонамеренные люди начинали, в конце концов, верить всем тем небылицам, которые Пуришкевич беззастенчиво нес с трибуны Государственной думы. Наивные люди думали, что раз даже такие «преданные» Династии люди, как Пуришкевич, кричат о «темных силах» кругом Царя, значит они существуют в действительности.

Из Государственного совета тоже неслись совершенно недостойные этого высокого учреждения крамольные речи. Одной из самых резких и провокационных явилась речь члена Гос. совета по выборам от харьковского дворянства князя А. Д. Голицына[177]. Закончил он ее также крылатыми словами: **«Отечество в опасности»**, — которое радостно было подхвачено жидовской и жидовствующей прессой.

Наше высшее общество тоже было настроено крайне оппозиционно. На лиц из своей же среды, которые осмеливались доказывать, что резкая и, большей частью, несправедливая критика Царского Правительства в столь тяжелое военное время приведет к неизбежной катастрофе, — смотрели как на недалеких и узких людей.

Общий лозунг был: **Лишь при учреждении ответственного перед Государственной думой министерства можно рассчитывать на благополучный исход войны.**

В декабре 1916 года был убит Распутин.

Это отвратительное по обстановке преступление явилось первым явно революционным актом.

После убийства революционная «общественность» еще больше зашумела, поставив во главе «темных сил» на смену Распутину министра внутренних дел Протопопова. Психоз постепенно охватывал все более широкие массы, в том числе и запасные воинские части в Петрограде, где офицеры «военного времени» развили интенсивную революционную пропаганду.

Положение было настолько серьезно, что требовало немедленных, самых решительных мер, вплоть до вызова в Петроград верных частей с фронта и ареста ряда видных общественных деятелей, начиная с Гучкова, Милюкова, генер. Поливанова и всех военных, замешанных в заговор против Императора. К несчастью, старый и безвольный председатель Совета министров кн. Н. Д. Голицын ни на что не решался, хотя в распоряжении его уже был полный список всех заговорщиков.

В конце декабря я выехал в Орел. После нездоровой петроградской атмосферы провинция произвела на меня освежающее впечатление. Жизнь там текла, если не спокойно, то, во всяком случае, много нормальнее, чем в Петрограде.

Погруженные в работу военного времени, большинство общественных деятелей в Орле, даже те из них, которые при поездках в столицу политиканствовали и волновались, на месте были заняты своим прямым делом.

Председатель губернской земской управы С. Н. Маслов был человек, несомненно, прогрессивных политических взглядов, но вместе с тем выдающийся по способностям и энергии земский работник. Он являлся представителем Министерства земледелия по продовольствию Армии, и на этой почве мне пришлось с ним работать совместно.

После катастрофы г. Маслов сразу сделался ярым контрреволюционером и когда глава Временного правительства кн. Львов предложил ему пост товарища министра внутренних дел, он отказался от этой «чести» в самой категорической и резкой форме.

Первая моя встреча с орловскими земцами in corpore произошла в феврале на очередном губернском земском собрании, которое протекло в серьезной и деловой обстановке, и на кото-

ром никакие резолюции политического характера допущены не были. Последний факт я считаю необходимым отметить.

В начале февраля я получил извещение из Брянского уезда, что забастовали Мальцовские заводы, работавшие на оборону. Немедленно выехав на место, я убедился, что забастовка была чисто экономического свойства в связи с увеличивающейся дороговизной жизни. Переговорив с администрацией заводов и с представителями рабочих, мне удалось примирить обе стороны, и работы немедленно возобновились. Рабочие провожали меня до экипажа и благодарили за приезд.

Воспользовавшись близостью Брянских заводов, на которых работало более 20 000 рабочих, я проехал и туда. Работы там шли полным темпом и настроение рабочих было спокойное и мирное.

Подпольная революционная пропаганда, хотя и велась, но успехом не пользовалась. Между прочим, там же на заводе мне была представлена огромная кипа перехваченных прокламаций ярко социалистического характера на бланках **Военно-промышленного комитета.** Как известно, во главе этого комитета стояли член Госуд. совета Александр Гучков и член Госуд. думы Коновалов. Об этом факте я немедленно сообщил в министерство, на что даже не получил ответа. Всесильный Гучков мог «работать» безпрепятственно.

С продовольствием рабочих дело обстояло благополучно, но снабжение заводов углем происходило крайне неравномерно вследствие систематических задержек на узловых станциях. По этой причине запасов угля на заводах почти не оставалось. Вскоре, — а именно с 15-го февраля, — подвоз угля совершенно прекратился, и заводы поневоле должны были стать. Несмотря на ряд телеграмм Военному министру, министру путей сообщения, председателю Совещания по топливу, на которые я получил ответы, что все распоряжения сделаны, до самой революции ни Брянские, ни Мальцовские заводы **не получили ни одного вагона угля...**

Чем, как не тайным приказом, данным действительно темным силам, работавшим по узловым станциям, можно объяснить эту внезапную остановку доставки угля на заводы?

Вынужденная остановка работ на заводах, с одной стороны, пагубно отразилась на настроении рабочих, — с другой же стороны, самый факт закрытия крупнейших заводов, работавших на срочные нужды фронта, укреплял искусно распространенное в народе подозрение властей в измене.

24-го февраля в Петрограде вспыхнули «голодные» беспорядки, вызванные несомненной провокацией, т. к. продовольственный вопрос все время обстоял удовлетворительно. И никакой хлебной нужды фактически не было.

Первые сведения о беспорядках в Петрограде я получил от бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова, приехавшего в Орел 26-го февраля. 27 февраля прибыла, направляясь в Кисловодск, моя сестра, — графиня Гендрикова, — фрейлина Государыни Императрицы, и из ее слов я убедился, что положение гораздо серьезнее, чем это предполагал А. Н. Хвостов. Оказывается, мятеж разрастался, и Императрица была крайне встревожена, тем более, что Государь находился в Ставке. По словам сестры, в правительственных кругах царила полная растерянность, что мне было ясно и самому, т. к. из министерства не получал никаких сведений. 28-го февраля прекратилась и получка агентских телеграмм.

Тем не менее, в Орле все время царило полное спокойствие.

28-го февраля около 9 часов вечера ко мне явился начальник железнодорожного жандармского управления и представил телеграмму члена Думы Бубликова о том, что **«старая власть пала»** и что **«Вр. комитет Гос. думы взял на себя правительственные функции»**.

Я немедленно собрал совещание начальников отдельных частей. Начальник гарнизона ген. Никонов, к счастью, отсутствовал и его заменял помощник. Лишь благодаря отсутствию этого скверного и трусливого старика удалось мне до 2-го марта включительно поддержать в Орле порядок.

Все участники совещания поддержали мое заявление о том, что до получения приказа Верховной Власти, распоряжения Временного комитета Государственной думы являются незаконными и самозванными.

Во избежание безпорядков немедленно были назначены воинские наряды во все важнейшие пункты: банки, губернское правление, тюрьму и т. д. На другой день утром я объехал все караулы и убедился, что войска были настроены хорошо.

По примеру прошлых лет 1 марта была отслужена панихида по Императоре Александре II. Храм был полон молящимися, а настроение города по-прежнему было спокойное.

С часу дня на имя Председателя Губернской земской управы и Городского головы начали поступать телеграммы из Петрограда о сформировании Кабинета во главе с кн. Львовым, причем предлагалось принять все меры к предотвращению безпорядков.

Меня, как и всех вообще губернаторов, новые правители совершенно игнорировали, но благодаря лояльности адресатов, телеграммы Временного правительства немедленно сообщались мне, что давало мне фактическую возможность оставаться в полном курсе событий. 2-го марта утром ко мне явился Городской голова и просил разрешения созвать экстренное заседание Городской думы. При этом он передавал мне приглашение гласных прибыть на их заседание. Разрешение на их заседание я дал, но сам туда ехать отказался, ибо считал, что присутствие представителя Верховной Власти на заседании, которое могло вынести враждебные Верховной Власти резолюции, являлось вполне неуместным.

Между тем, сведения из Петрограда принимали все более угрожающий характер. Наряду с самозванным правительством в той же Государственной думе образовался самозванный совет солдатских и рабочих депутатов, который фактически и распоряжался.

Оставалась еще надежда, что верные Царю войска придут в Петроград и разгонят эту сволочь, но с каждым часом надежды эти слабели.

Вернувшись из служебной поездки, начальник гарнизона генерал Никонов явился ко мне и просил созвать совещание начальников отдельных частей. Мы собрались в том же составе, что и 28-го февраля.

Генерал Никонов поднял вопрос о необходимости подчиниться Временному правительству. Он сообщил, что командующий войсками Московского военного округа генерал Мрозовский[178] арестован и доказывал, что мое «упорство» лишь грозит тяжелыми осложнениями.

На это я возразил, что до получения приказания от Государя Императора долг и совесть не позволяют мне изменить решение, принятое на совещании 28-го февраля.

Все члены совещания единогласно меня поддержали, после чего генерал Никонов уехал, заявив: «Ну, мне здесь делать более нечего!»

Вечером из Городской думы приехали Предводитель Дворянства князь Куракин и С. Н. Маслов и сообщил, что там образовался коалиционный комитет общественной безопасности, в который «по тактическим соображениям» они вошли тоже.

Комитет этот подчинялся Временному правительству и взял на себя управление городом, поддержание в нем порядка при содействии войск...

Узнав, что Комитет общественной безопасности разрабатывает воззвание к населению, я успел его предупредить и выпустил уже заготовленное мною свое воззвание, в котором призывал население не поддаваться ложным слухам и спокойно и трезво выжидать разрешения происходящих в Петрограде событий, пока Сам Государь Император не укажет нам, кому мы должны подчиниться.

В ночь на 3-е марта я получил телеграмму о следовании через Орел поезда Принца Александра Петровича Ольденбургского[179], срочно выехавшего из Гагр в Царскую Ставку.

Хотя в городе уже начала собираться толпа у Городской думы, я все же решил выехать на вокзал, чтобы доложить Его Высочеству положение дел в Орле, и последние телеграммы, которые Ему могли быть еще неизвестны. По пути на вокзал мне встречались воинские части, которые в полном порядке направлялись на сборный пункт — по приказанию генерала Никонова. Офицеры, шедшие во главе своих частей, при встрече со мной командовали «смирно» и брали под козырек. Очевидно, в частях еще не были известны намерения начальника гарнизона.

Принц принял меня тепло и сердечно. Наружно он был спокоен, но по выражению Его лица я понял глубокую душевную драму, которую переживал этот благородный и честный человек, безупречно всю свою долгую жизнь прослуживший своей Родине, и на прощанье, крепко пожав мне руку, сказал: «Да хранит Вас Господь». Я вышел из вагона сильно взволнованный.

В эту минуту полицмейстер Ошурко, все время самоотверженно меня сопровождавший, доложил, что, по телефонным сведениям, толпа с красными флагами идет к губернаторскому дому.

Вскоре я услышал звуки марсельезы и увидел войска, направляющиеся к Городской думе. Впереди, с огромным красным флагом, ехал на извозчике генерал Никонов и раскланивался с толпой.

Немедленно в городе вспыхнули безпорядки.

Комитет общественной безопасности забыл выключить мой телефон, благодаря чему я успел передать распоряжение о снятии всех полицейских постов.

Безпорядки начались с освобождения из губернской тюрьмы всех политических, а заодно и уголовных арестантов.

Очень неприглядную роль играл при этом прокурор суда Завадский. Этот прохвост, хвалившийся до того, якобы, крайними

правыми взглядами, немедленно после телеграммы Бубликова «заболел», и на заседаниях у меня стал присутствовать его заместитель. Когда же пришла телеграмма Керенского, приказывающая прокурорам, **под личной ответственностью**, освободить всех политических арестантов, Завадский сразу выздоровел, отправился в тюрьму, жал руки освобожденным и объявлял, что исполняет «волю народа».

Покончив с тюрьмой, манифестанты пошли разносить полицейские участки. К счастью, они были уже, по моему распоряжению, очищены, так что человеческих жертв не было.

Должен отметить, что, благодаря лояльности почтово-телеграфного ведомства, я безпрепятственно продолжал сноситься с уездами в то время, когда в городе уже орудовал Комитет общественной безопасности.

Днем приехал генерал Никонов и заявил мне, что войска подчинились Комитету общественной безопасности и что я освобожден от обязанностей губернатора.

Я сказал ген. Никонову, что, хотя, ввиду **измены** войск, я лишен возможности справиться с анархией в городе, тем не менее, буду управлять губернией до последней возможности.

— Только Государь Император может освободить меня от моих обязанностей, — повторил я ген. Никонову, — а отнюдь не вы, — и попросил его оставить мой дом.

Через два дня «доблестный» генерал был арестован собственными солдатами, как только пришло известие, что последним Приказом Государя Великий Князь Николай Николаевич назначен Верховным Главнокомандующим. При последнем известии войска кричали в казармах «ура», и мы все несколько дней были под впечатлением, что «революция» остановлена. — Увы! — это была лишь мгновенная передышка!

В ночь на 4 марта я был разбужен срочной телеграммой с текстом отречения Государя Императора в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Одновременно был приложен текст отказа Великого Князя вступить на Всероссийский Престол до решения Учредительного собрания.

То, что оба эти акта на местах были получены одновременно, хотя между их изданием прошло более суток, доказывает, насколько Временное правительство не было уверено в своей прочности.

4-го марта я собрал своих сослуживцев и в присутствии епископа Макария[180] огласил последний Манифест Его Император-

ского Величества — короткий, благородный, в котором каждое слово дышало беззаветной любовью к России. В зале раздались рыдания, да и сам я с трудом дочитал прощальные слова нашего дорогого Государя.

По просьбе присутствующих я послал кн. Львову и Родзянке телеграммы одинакового содержания: «Сегодня в присутствии Владыки и начальников отдельных частей мною оглашен Манифест Государя Императора об отречении от Престола, и обращение к народу Великого Князя Михаила Александровича. Считаю долгом сообщить, что с настоящего момента я и подведомственные мне чины подчиняемся Временному правительству и честно исполним свой долг перед Родиной».

Комитет общественной безопасности, осведомившись об этой телеграмме, немедленно «выразил мне доверие» и готовность совместно со мной работать.

Конечно, я в этом совершенно не нуждался, и нетерпеливо ждал своего смещения.

«Русское слово» почтило меня справкой: «капитулировал, наконец, и Орловский губернатор, граф Гендриков. Он слишком долго выжидал и уже смещен».

Действительно, 6-го марта пришла телеграмма князя Львова о том, что я временно устранен от должности и управление губернией должен передать С. Н. Маслову.

Граф П. ГЕНДРИКОВ

Двуглавый Орел. Париж. 1927. № 7. 28.4/11.5. С. 13-16. № 8. 25.5/7.6. С. 24-27.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ И ЕГО АВГУСТЕЙШАЯ СЕМЬЯ

Благодаря близости к Царской Семье моего покойного отца, графа Василия Александровича Гендрикова, а затем моей сестры, Анастасии Васильевны, которая кровью запечатлела свою к Ним безпредельную любовь, мне, лучше чем многим другим, известно, насколько клеветы, Их чернившие, являлись гнусной и подлой провокацией.

В этих строках, посвященных памяти Их Величеств, почти все представленные мной факты, явятся лишь повторением многим уже известной правды, но я сознаю свой долг свидетельствовать об этой правде.

Мой отец 17 лет безотлучно находился при Их Величествах. С момента приезда в Россию Императрицы Александры Феодо-

ровны он состоял при Особе Ее Величества и исполнял эти обязанности до дня своей кончины в марте 1912 года. После смерти моего отца моя сестра была назначена свитской фрейлиной и оставалась с Царской Семьей до самого конца.

С первых же дней Императрица Александра Феодоровна не сумела стать популярной. Грустное выражение лица, как будто Она предвидела будущую Голгофу, неумение поддерживать светский разговор, какая-то наружная холодность, следствие исключительной застенчивости, — невольно отшатывали от Нее окружающих, ожидавших найти в Подруге жизни молодого Царя очарование, которое являлось Его отличительным свойством. Никто не хотел понять, насколько пышность Русского Двора действовала подавляющим образом на молодую застенчивую женщину, и никто, кроме самых близких, не подозревал, — какое благородное сердце, и какая чистая душа скрывались под внешне холодной оболочкой молодой Императрицы.

Глубоко религиозная, умная и добрая, Она всей душой отдалась новой Родине и до конца осталась ей верной. Усердно изучая русский язык и достигши в этом совершенства, Она подробно изучала историю и быт России и искренно мечтала сделаться достойной помощницей Государя в Его Царственных трудах. К несчастью, мало в ком, кроме Самого Государя, Который искренно и глубоко Ее любил, встречала Она поддержку и помощь.

Часто в разговорах с моим отцом Императрица горько жаловалась на Свою непопулярность, которую ясно сознавала. Лишь немногие понимали, любили и ценили Ее, и лишь в присутствии этих немногих спадала Ее холодная оболочка и Она показывала Себя такой, какой была в действительности.

Она была так мало избалована любовью окружающих, — и в этом объяснение привязанности Императрицы к А. А. Вырубовой.

Поневоле должен я остановиться на личности Вырубовой и на той роли, которую она играла, т. к. во всех клеветах, возводимых на Императрицу, имя Вырубовой всегда выступало на первый план.

Анна Александровна Вырубова, дочь бывшего, ныне покойного, Главноуправляющего Собственною Его Величества канцелярией А. С. Танеева. Мы с детства знали эту семью и часто виделись. Аня Танеева была недалекая, добродушная, восторженная девушка, воспитанная, как и мы сами, в духе любви и преданности к Царской Семье.

Живя летом в Петергофе, где находились Их Величества, она имела случай быть несколько раз приглашаемой ко Двору, в результате чего искренно и восторженно привязалась к Императрице Александре Феодоровне; та искренняя, почти детская в то время, любовь не могла не тронуть Императрицу, Которая приблизила к Себе Танееву. Отношения их особенно упрочились во время тяжелой болезни последней, когда Императрица постоянно ее навещала.

Вскоре Танеева вышла замуж за морского офицера Вырубова, но брак этот оказался несчастливым и в скором времени кончился разводом. В это тяжелое для Вырубовой время Императрица морально ее поддерживала и вместе с ней искала молитвенного утешения во всех горестях ее и Своих.

А горестей у Императрицы было немало! Неудачная Японская война, годы первой революции, постоянный революционный террор, безпрестанный страх не только за Трон Государя, но и за жизнь любимого Мужа, — все это тяжело отразилось на нервной системе Государыни.

Рождение Наследника, так долго ожидаемого Россией, явилось для Нее радостным лучом, осветившим Ее жизнь. Но — увы — этой радости не суждено было долго продолжаться!

Прелестный во всех отношениях ребенок, как известно, оказался больным страшной болезнью. Благодаря органическому дефекту кожных покровов*, Он страдал кровотечениями, которые каждый раз могли иметь роковой исход. Каждый ушиб, бесследный у здорового ребенка, являлся для Него причиной кровоизлияния, сопряженного с тяжелыми страданиями.

Жизнь Наследника Престола все время висела на волоске, и никакие медицинские светила не могли найти способа для излечения.

Это горе окончательно подорвало здоровье когда-то сильной и крепкой женщины.

Отчаявшись спасти Сына земными средствами, Императрица отдалась молитве, и эта Ее религиозность постепенно перешла в глубочайший мистицизм. В этом настроении была готовая почва для появления Распутина. Распутин был представлен Императрице одним из достойнейших Православных Иерархов, как человек святой жизни, молитвы которого угодны Богу. [...]**

---

* Как известно, Наследник страдал от гемофилии. — *С. Ф.*

** В выпущенном нами фрагменте автор излагает клеветнические измышления на Г. Е. Распутина, имевшие хождение, к сожалению, и

...Главари революционной оппозиции выставляли Распутина во главе каких-то не существовавших «темных сил», якобы окружавших Трон. Клевета доходила до того, что громко кричали о разработке во Дворце, при ближайшем участии Распутина, проекта сепаратного мира с Германией.

В настоящее время эти клеветы опровергнуты исторически, и рыцарский образ Царя, до гроба верного Своим союзникам, уже выявлен окончательно.

Но тогда, во время войны, этим клеветам верили и об измене и темных силах кричали во всех слоях общества — до высших классов включительно.

Поистине это был какой-то психоз лжи и клеветы.

Милюков, например, в своей возмутительной речи 1-го ноября 1916 г., при преступном попустительстве председателя Гос. думы М. В. Родзянки, заявил, что имеет неопровержимые доказательства тайных сношений Царского правительства и Двора с Германией и спрашивал аудиторию: «Что это, — глупость или измена?» — И достойная этого клеветника аудитория вопила: «Измена!»*

Грязные вымыслы о поведении Распутина во Дворце, которые не щадили даже Великих Княжон, — прелестных чистых девушек, создавались и распространялись со злостной целью. Редко можно было встретить семью более патриархальную, более дружную и сплоченную, чем Царская Семья. Государь отдыхал в семейной обстановке. Главным центром, вокруг которого сосредоточивалась любовь всей Семьи, являлся Наследник Алексей Николаевич. Самое Его появление на свет, после поездки Государя на богомолье к мощам св. Серафима Саровского, было принято как особая Божья милость.

Наследник действительно был очаровательным мальчиком. Характер у Него, несмотря на тяжелую болезнь, был веселый и жизнерадостный. Г-н Жильяр в своих воспоминаниях уделяет много места своему Царственному Воспитаннику. Эти воспоминания представляют огромную важность, как первая беспристрастная характеристика Царской Семьи.

среди людей, считавших себя верноподданными и православно верующими. — *С. Ф.*

*В действительности, у Милюкова не только не было каких-либо доказательств, но он впоследствии и не скрывал, что клеветал «ради революционной тактики». — *Прим. ред. «Двуглавого Орла».*

Вечная благодарность честному иностранцу, который почел своим долгом личным свидетельством опровергнуть всю ту ложь, которую русские мерзавцы выдумали про Царя.

* * *

Все свободное время Государь проводил в домашнем кругу. Впрочем, этого свободного времени было очень мало. Кроме завтрака и обеда, двух коротких прогулок вместе с Детьми и официальных приемов, Он почти не выходил из Своего рабочего кабинета, уделяя сну не более 6-7 часов. Государь всегда лично разбирал Свою огромную почту и внимательность Его в этом отношении была совершенно исключительная. Всеподданнейшие доклады губернаторов Он прочитывал от доски до доски, делая на полях Свои пометы. Принимая губернаторов, Он поражал Своей исключительной осведомленностью о делах их губерний. А ведь губерний и областей в Российской Империи было более ста.

Лишь изредка Государь уезжал отдыхать на короткий срок в Финляндские шхеры или в Ливадию. Но и туда все время мчались фельдъегеря с бумагами, а министры приезжали с очередными докладами.

Вопреки всем измышлениям врагов, Государь быстро и ясно схватывал существо самого сложного доклада и легко разбирался в трудных и запутанных вопросах.

Но Ему пришлось Царствовать в чрезвычайно тяжелое время! Со времени неудачной Японской войны и первой революции находилось столько лиц, вызывавшихся спасать Россию, и способы спасения были столь различны, что разобраться во всем этом было очень трудно. Государь, например, ясно сознавал, что демократические требования, получившие такое широкое распространение с 1905 года, отнюдь не исходят от Русского Народа. Но большинство государственных деятелей того времени (гр. Витте, кн. Святополк-Мирский) убеждали Его, что для успокоения «общественных» страстей необходимо идти на уступки и на ослабление власти. Не сочувствуя лично этому акту, Государь издал Манифест 17 октября 1905 года. Предчувствие Государя Его не обмануло. Как встретили «лучшие люди Земли Русской» свободы, дарованные с высоты Престола — всем нам памятно.

Все же, если бы не подлая работа революционеров, Царствование Императора Николая II было бы одним из самых славных в истории России.

Ряд мудрых законоположений, в корне изменяющих уклад крестьянской жизни, сулили народу действительно светлое будущее, и не вина Государя, если эта работа не была доведена до конца. «Великая безкровная революция» прервала не только эту благодетельную реформу, но и всю жизнь Российского государства.

Отличаясь глубокой религиозностью, Государь во всех случаях жизни искал помощи у Бога. Вера Его была простая, чистая, и в этой вере Он находил утешение и крепость.

Приведу два случая, сообщенные о. Георгием Спасским[181] в его известном слове в день 6-го декабря 1926 г.

Однажды, в самые тяжелые дни революции 1905 года, Государь принимал доклад министра иностранных дел Извольского. Аудиенция происходила в Петергофе*, а в это время в Кронштадте бушевали матросы и гул выстрелов несся во Дворец. Извольский, пораженный полным спокойствием Государя, выразил свое удивление. Государь ответил: **«Я знаю, что судьба России, в частности, Моя судьба, в руках Божьих. Я подчиняюсь Его Воле и потому Я спокоен»**.

В те же тяжелые дни Государь сказал П. А. Столыпину: **«Быть может, для спасения России нужна искупительная жертва. Я готов быть этой жертвой»**.

Благочестивый Царь Николай Александрович Своей мученической смертью доказал впоследствии, что эти слова не были только словами...

Отличительной чертой характера Государя являлась Его доброта. Мягкий, отзывчивый, приветливый, Он положительно чаровал каждого, кто попадал в Его окружение, даже врагов.

Но именно из-за Своей доброты Государь не принял вовремя суровых мер против предателей, облекшихся в начале войны в тогу патриотов, а в самую трудную минуту оказавшихся волками в шкуре овечьей и разрушителями Монархии в России.

Незадолго до революции в Ставке Верховного Главнокомандующего, под председательством Государя, происходило совещание с участием военных представителей союзных держав. Обсуждался план общего весеннего наступления, сорванного впоследствии революцией. Один из иностранных представителей**, хотя и одобрял намеченный план наступления, дерзнул спросить Государя:

---

* В Александрии, под Петергофом. — *С. Ф.*

** Посол Великобритании в России Дж. Бьюкенен. — *С. Ф.*

— Ваше Величество, уверены ли Вы в доверии Вашего народа?

Очевидно, вопрошатель намекал на революционное настроение российской общественности.

— Я не знаю, — ответил Государь, — **верит ли Мне Мой Народ, но Я Моему Народу верю...***

Императрица, предчувствуя надвигающуюся катастрофу, старалась воздействовать на Государя, убеждая Его принять решительные меры против изменнических действий представителей революционной общественности.

В ответ обнаглевшие демагоги, через своих подголосков во всех слоях общества, открыто обвиняли Царицу в вымышленных ими же преступлениях и громко говорили о необходимости заточения Императрицы в монастырь для спасения России от якобы вредного влияния Ее на Государя.

Слухи об этих замыслах до Нее тотчас же доходили, и у несчастной, незаслуженно оскорбляемой и без вины обвиняемой женщины невольно опускались руки перед всей этой несправедливостью и злобой.

Как-то раз, незадолго до революции, моя сестра, случайно зайдя к Императрице, нашла Ее горько и одиноко рыдавшей...

Лишь после революции выяснилось, что Государь, единственное коронованное лицо в Европе, не держал Своих личных капиталов за границей, почитая это непатриотичным. В результате, после революции, Он и Его Наследники остались совершенно без средств к жизни, так как революционные правители немедленно наложили руку на все Царское состояние в России и признали все это собственностью Государства, каковую и не преминули расхитить.

В семейной жизни Государь являлся настолько чистым и нравственным человеком, что в этом отношении клевета никак не могла Его коснуться. Врагам пришлось придумать что-нибудь более правдоподобное, и вот, в связи с частыми Царскими посещениями гвардейских полков, распространился злостный слух, будто Государь страдает пристрастием к вину.

Конечно, это обвинение было такою же безсовестной ложью, как и все остальные.

Я сам имел счастье присутствовать в Кавалергардском полку на нескольких ужинах в Высочайшем присутствии. Государь

---

*В воспоминаниях посла ответ Государя на наглый вопрос англичанина передан точнее: «Так вы думаете, что Я должен приобрести доверие Своего народа, или что он должен приобрести Мое доверие?» (*Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. М. 1991. С. 194). — *С. Ф.*

иногда любил оставаться до позднего времени в любимой Им военной среде, но пил всегда более, чем умеренно. Для полков Его посещения на долгое время оставались светлыми воспоминаниями. Но при всей обаятельной простоте, Он никогда не умалял Своего Царственного величия, это может подтвердить каждый гвардейский офицер.

К несчастью, во время Великой войны часть гвардейской молодежи попала под вредное влияние развращенной революционной общественности и тоже начала политиканствовать, и с чужого голоса критиковать Царя.

Впрочем, таких свихнувшихся офицеров в Гвардии было не так много, и я убежден, что если бы с фронта вовремя были бы вызваны гвардейские полки в Петроград, то «великая безкровная революция» потерпела бы такой же крах, как это было в 1905 году.

Вспоминая эту первую революцию, в борьбе с которой я принимал деятельное участие в строю Кавалергардского полка, мне хочется остановиться на первом ее эпизоде, где удивительно ярко выявились присущая Государю выдержка, присутствие духа, а также Его всегдашняя доброта и благородство.

6-го января 1905 года я находился со взводом полка в Зимнем дворце на Крещенском параде. Торжество происходило по следующему церемониалу: после Обедни в Дворцовой церкви, Государь вместе со Свитой выходил на набережную Невы, где в особом шатре Митрополит освящал воду.

В это время батарея Гвардейской конной артиллерии, поставленная на противоположном берегу Невы, производила пушечный салют.

По окончании водоосвящения Государь вернулся во Дворец и в Гербовом зале принял парад, в котором участвовало по взводу от каждой части Петербургского гарнизона. Мы все во Дворце слышали салют, но никто из нас не знал, что на Иордани произошло нечто неслыханное. Государь, вернувшись с Иордани, как всегда ласковый и спокойный, принял парад и затем удалился во внутренние покои.

Лишь вернувшись в полк, я узнал, что во время салюта боевой артиллерийский снаряд попал в Царский шатер, по чудесной случайности не причинив никому вреда.

От отца, который присутствовал на Иордани, я узнал все подробности злодеяния. Государь после боевого выстрела даже не переменился в лице, и только после водосвятия обернулся к

Главнокомандующему Великому Князю Владимиру Александровичу со словами: **«Расследовать, в чем дело»**.

Самообладание Императора предотвратило панику, которая едва не началась среди окружавших Царский шатер лиц и публики.

Командир и офицеры батареи были отданы под суд, и следствие выяснило, что перед Царским салютом орудия не были осмотрены. Благодаря этому неизвестному злоумышленнику, которого так и не нашли, удалось заложить боевой снаряд в орудие, дуло которого было как раз направлено на Царский шатер. Виновные офицеры были приговорены к нескольким годам крепости и к исключению со службы.

В день Св. Христова Воскресения Государь их помиловал и возвратил на военную службу. Так Он отнесся к людям, которые, хотя и невольно, но явились соучастниками в злодейском покушении на Его жизнь*.

Отвратительное впечатление производили газеты первых дней революции, которые, подло угождая своим новым властителям, обзывали отрекшегося от Престола Государя «Николаем Кровавым» и злостно натравливали на этого кроткого, благородного и беззащитного человека распаленную злобу невежественной и опьяненной злодеяниями черни.

В действительности Государь был добр и человеколюбив до необычайности.

Когда во время первой революции приходилось прибегать к крутым мерам, меры эти применялись лишь в крайних случаях. Войска имели определенные инструкции прибегать к оружию лишь тогда, когда все способы увещания бунтовщиков окажутся безплодными.

Гучков во Пскове самым беззастенивым образом злоупотребил добротой и человеколюбием Государя. На вопрос Государя, не грозит ли Его отречение крупными безпорядками с кровопролитием, Гучков нагло заявил, что лишь при условии отречения можно избежать кровопролития, так как вся страна уже присоединилась к восставшим.

В действительности народ в то время и не думал о революции. Отношение народа к Государю ясно выявилось в Могилеве после отречения. За все время пребывания там Государя народ почтительно и трогательно выражал свою преданность Царю.

---

* Подробнее об этом см. в кн.: Россия перед Вторым пришествием. Т. 1. СПб. 1998. С. 388. — *С. Ф.*

Эти молчаливые манифестации обезпокоили Временное правительство и оно поспешило не только увезти, но и лишить свободы добровольно и без борьбы отрекшегося Государя.

Прощальный приказ войскам, в котором Государь призывал Армию верно служить России и довести войну до победного конца, был злонамеренно скрыт от войск и стал известным лишь много позднее, после трагической кончины Императора.

Как велик контраст между благородством Царского приказа и подлым поведением Временного правительства!

При отъезде Государя на вокзал густые толпы подавленного горестью народа стояли по пути Его следования. Казалось, скажи Он слово и все, как один, ринулись бы на Его защиту. Но этого слова сказано не было, и Тот, Кого кровожадные палачи называли «Николаем Кровавым», самоотверженно вступил на Свой крестный путь.

В Царскосельском Александровском дворце, вместе с арестованной генералом Корниловым Царской Семьей, находились, пожелавшие остаться в добровольном аресте: граф Бенкендорф с супругой, князь Долгоруков, обер-гофмейстерина Е. А. Нарышкина, свитские фрейлины: баронесса Буксгевден и моя сестра, графиня Гендрикова, гоф-лектриса Е. А. Шнейдер, лейбмедик Боткин, воспитатель Наследника г. Жильяр и некоторое количество верных слуг.

За все время ссылки Царской Семьи в Тобольске мне удалось иметь лишь два свидания с сестрой. Свидания эти происходили в присутствии караульного начальника. Мы были принуждены ограничиваться самыми общими, ничего не значащими, фразами.

Как живой стоит в памяти образ покойной сестры, когда накануне отъезда в Тобольск, уходя, она издали махнула мне рукой на прощанье. Сердце подсказывало, что больше мы с ней в этом міре не встретимся!

Лишь после отъезда Царской Семьи мне удалось подробно узнать про условия Их жизни в Царском Селе. Баронесса Буксгевден заболела аппендицитом и принуждена была остаться в Петрограде для операции. Впоследствии, после целого ряда хлопот, ей удалось проехать в Тобольск.

От нее я узнал про те оскорбления, которым подвергался Государь и про великую силу духа, которую Он неизменно проявлял.

Величавое спокойствие и кротость Государя смущали и обезоруживали самых наглых тюремщиков.

Даже шарлатан Керенский подпал под обаяние Личности Государя. Конечно, хамской душе революционного временщика были непонятны это благородство рыцаря и эта кротость подвижника, — но все же он склонился и изменил первоначально взятый наглый тон на почтительный.

Как-то раз князь Долгоруков в беседе с Царем выразил негодование по поводу того, что Керенский поселился в Царских покоях Зимнего дворца. Государь ему ответил: **«Не будем слишком строги, Керенскому тоже нелегко. Может быть, в Зимнем дворце он чувствует себя безопаснее»**.

Находясь Сам в постоянной опасности, Государь гораздо больше безпокоился за участь тех, которые пошли за Ним в добровольное заточение.

Однажды во Дворец приехали с целью обыска представители солдатских и рабочих депутатов. В тот момент все, кроме Государыни, были на прогулке. Одновременно с появлением комиссаров вышла в парк и Императрица. Сестра, не видевшая Ее с прошлого дня, сделала реверанс и поцеловала Ей руку.

Тогда Государь приблизился и торопливо сказал сестре по-английски: **«Зачем Вы это делаете, ведь Вам могут быть неприятности»**.

Никакие самые возмутительные оскорбления от бывших «верноподданных» не могли поколебать в Государе Его беззаветной, я сказал бы — священной любви к Родине. Баронесса Буксгевден рассказывала, что Государь буквально просиял при первых успехах июльского наступления 1917 года.

Увы — Ему вскоре пришлось убедиться, что это наступление, созданное бездарным главковерхом и лукавым провокатором Керенским, явилось лебединой песней последнего оплота России, — доблестного русского офицерства, оставленного солдатами, вконец развращенными друзьями Керенского.

Гибель Армии стала одной из самых тяжелых нравственных драм, пережитых Государем. После развала фронта Он как-то осунулся, побледнел, и скорбное выражение уже не покидало Его до самых последних дней Его жизни.

Царская Семья и Их близкие также смиренно и кротко переносили свою участь. С глубокой верой в Бога, с чистой совестью и ясной душой совершали Они Свой крестный путь, и никто не слыхал от Них ни ропота, ни жалоб. В одном из последних писем сестры из Тобольска читали мы следующее: «...временами ужасно тяжело на душе, но когда видишь, с каким смирени-

ем и кротостью Они все переносят, невольно черпаешь в этом силу и бодрость!»

* * *

В конце июля, по распоряжению Временного правительства, Царственные Узники были перевезены в Тобольск. Состав Свиты к этому времени несколько изменился. Обер-гофмейстерина Е. А. Нарышкина, ввиду преклонного возраста, не была в состоянии отправиться в такое далекое путешествие; графу Бенкендорфу Государь поручил остаться в Петрограде для ведения Его личных дел; баронесса Буксгевден, как я уже упоминал, по болезни, тоже принуждена была временно остаться в Петрограде.

Графа Бенкендорфа заменил генерал-адъютант И. Л. Татищев. Нельзя не остановиться на благородном и самоотверженном поведении последнего. В это время он находился в Петрограде у одра тяжело больной матери. Тем не менее, когда его спросили, согласен ли он сопровождать Царскую Семью в Тобольск, он ответил, что, если это желание Государя, то не может быть вопроса об его согласии или несогласии. Он немедленно переехал в Царское Село и впоследствии мученически погиб в Екатеринбурге.

В Тобольске первое время условия жизни были лучше, чем в Царском Селе. Царской Семье было разрешено посещение церковных служб, а Свита имела право свободного хождения по городу.

Население было настроено преданно до трогательности. Перед губернаторским домом, где помещалась Царская Семья, постоянно стоял народ в надежде, хотя бы в окно, увидеть Царя. Из дальних концов Сибири приходили в Тобольск крестьяне, как на паломничество.

Впоследствии, когда при большевиках расходы на содержание Царственных Узников были сокращены до невозможности, население доброхотными пожертвованиями поддерживало жизнь Царской Семьи.

В марте 1918 года, по приказу из Москвы, Государь был внезапно увезен из Тобольска. Великий Князь Алексей Николаевич был в это время серьезно болен и везти Его не было никакой возможности. Большевицкий комиссар, приехавший из Москвы, предложил Императрице на выбор — либо ехать с Государем, либо оставаться с Наследником. Царица победила материнскую любовь, и, обливаясь слезами, Государыня решила расстаться с

любимым, тяжело больным Сыном, и исполнила Свой долг до конца, не оставив в такую минуту Царя.

Уезжая в новую ссылку, Они взяли с Собой Великую Княжну Марию Николаевну, князя Долгорукова и профессора Боткина. Остальные временно остались в Тобольске, а затем в середине мая, по выздоровлении Наследника, все были доставлены в Екатеринбург, где уже находились Государь с Государыней.

Последнее письмо, полученное нами от сестры, помечено 5-м мая в Тобольске, накануне ее отъезда.

Лишь гораздо позднее мы узнали, что, по приезде в Екатеринбург, сестра была немедленно арестована, вместе с Е. А. Шнейдер, потом переведена в Пермскую тюрьму и там обе убиты.

Остальные лица Свиты, кроме баронессы Буксгевден, г. Жильяра и камердинеров Государя Волкова и Чемодурова, приняли мученическую кончину в доме Ипатьева вместе со всей Царской Семьей.

* * *

Рука не подымается писать о гнусном Екатеринбургском злодеянии. Подобного преступления не знает история и позора этого преступления не смыть веками.

Среди ряда возмутительных клевет, особенно больно отозвалось в моей душе заявление генерала Деникина, написавшего в своих воспоминаниях:

«Государь никого не любил, разве, может быть, Сына».

Хотелось бы мне спросить генерала Деникина, как осмелился он написать такую безсовестную ложь, в особенности после мученической кончины Государя?!..

Государь не только доказал, что любил Россию больше всего на свете, но и погиб вместе со всей Семьей из-за того, что безконечно любил Россию.

Когда большевики подписали Брестский договор и до Государя дошли вести, что немцы, бывшие тогда фактически хозяевами в Москве, готовы спасти Его и Его Семью, при условии, что Он признает этот изменнический акт, Император воскликнул:

— Лучше дам отрубить Себе руку, но не подпишу позора Своей Родины!

Этим отказом Он подписал смертный приговор Себе и любимой Семье, так как после этого германцы отказались от какого-либо вмешательства в Его судьбу.

Так в древние времена погибали Святые Великомученики, умиравшие за Христа.

И верю я, эта святая кровь, пролитая Русским Царем за Россию, не пролилась даром.

Верю, что наступит день, когда карающая Божья Десница смилостивится над нами, и падут кровавые насильники, терзающие нашу Родину. Тогда перед духовными очами обновленной и страданиями очистившейся России во всем Своем величии и благородстве, во весь рост встанет Рыцарский Образ Царя-Мученика.

Да упокоит Господь Его Чистую Душу!

Граф П. ГЕНДРИКОВ

Двуглавый Орел. Париж. 1927. № 3. 15/28.1. С. 7-14; № 4. 10/23.2. с. 11-15.

НЕПОНЯТНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

В газете «Возрождение», № 959 от 17 января сего [1928] года, появилось письмо князя Ф. Юсупова. В письме этом, перечисляя благодеяния, оказанные им русскому беженству и, видимо, крайне огорченный, что его недостаточно оценили, он сокрушается о «ненависти и злобе», к нему проявленных и заканчивает заявлением, что намерен привлечь к суду газету «Дни» за напечатание ложных про него слухов.

Привлечет ли кн. Юсупов к суду газету Керенского или нет — вопрос мало интересный. Поразительны неожиданные умозаключения князя Юсупова.

Он пишет: «Дело идет о правильно организованной кампании, имеющей целью очернить меня, смешать мое имя с грязью». И причину этой «организованной» кампании видит в издании им воспоминаний об убийстве Распутина:

«Книга моя задела такие явления русской жизни, которые можно было полагать более несуществующими. Ряд идей, предрассудков, предубеждений, которые можно объединить под общим термином "распутинства", как известного исторического явления, еще живы. Старые политические нравы еще живут в нашей среде и "распутинство" оказалось в Париже почти таким же, каким оно было в С.-Петербурге. Люди ничего не забыли и ничему не научились».

Таким образом, князь Юсупов считает, что все, кто естественно возмущены подробным описанием отвратительного убийства завлеченного им в западню безоружного человека, кто бы ни был этот человек, являются ничему не научившимися «распутинцами». Очевидно, по мнению князя Юсупова, таковыми

же являются и те, кто с негодованием отнеслись к сплетням, распускаемым им про Царя и Царицу, память которых для каждого русского человека должна быть священной.

Стоит ли комментировать эти, по меньшей мере, оригинальные выводы?!

Что касается какой-то «правильно организованной» против кн. Юсупова кампании — в отместку за издание им помянутых «воспоминаний», то я очень сомневаюсь, чтобы таковая кампания действительно велась.

Ведь совершенно ясно, что единомышленникам газеты «Дни» книга Юсупова, тенденциозно и неверно освещающая события последнего Царствования, могла доставить одно лишь удовольствие. В глазах же патриотически настроенных и государственно мыслящих людей изданием своей книги князь Юсупов сам себя скомпрометировал и морально и политически гораздо более, чем могут его скомпрометировать какие бы то ни было сплетни, бросающие тень на его частную жизнь, никого не касающуюся и никого не интересующую. Письмо князя Юсупова в газете «Возрождение» доказывает, что он совершенно не отдает себе отчета в содеянном им и уж, конечно, сам ничему не научился, хотя и обвиняет в этом других.

Граф П. ГЕНДРИКОВ

Двуглавый Орел. Париж. 1928. № 15. 25.1/7.2. С. 22-23.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГРАФА П. В. ГЕНДРИКОВА

Мне пришлось уже писать на страницах «Двуглавого Орла» о кн. Юсупове и об его отвратительных воспоминаниях по поводу убийства им Распутина, и я совершенно не предполагал возвращаться к этому вопросу.

Однако новые обстоятельства меня к этому принуждают. 7-го августа сего [1930] года во французском журнале «Детектив» появилась новая статья кн. Юсупова «Как я убил Распутина».

Я не являюсь читателем журнала «Детектив», самое название которого ясно показывает, что это орган любителей всяких нездоровых сенсаций, а поэтому ознакомился с означенной статьей много позже. Однако это невольное опоздание дает мне, с другой стороны, полное право считать статью безусловно принадлежащей перу кн. Юсупова, т. к. прошло уже 3 месяца с момента ее появления, и никакого опровержения на нее не последовало. Статья иллюстрирована фотографиями: Распутин, его дочь, вид Невы около Петроградской биржи, куда был сброшен труп и, на-

конец, на первом плане, женоподобная фигура самого убийцы с фатальным, вернее преступным, выражением лица.

По существу, описание убийства все то же: заманили беззащитного человека в западню, отравляли, стреляли, добивали и, наконец, утопили! Об этом «действе» кн. Юсупов уже повествовал не раз и ничего нового в этом отношении его статья не дает. Я буду касаться лишь предисловия к статье, в которой автор ее, женатый на родной племяннице Государя Императора, что еще более усугубляет мерзость его выступления, клевещет перед иностранной публикой сознательно и зловредно. Вот что он, например, пишет (перевод дословный):

«...По всему фронту ходили слухи о том, что Царь имел намерение подписать сепаратный мир с Германией и был готов превратить Россию в немецкую колонию, подчиненную ненавистному игу Вильгельма II. Эти слухи, которые сильно волновали народные массы, имели под собою некоторую почву. Распутин был сторонником сепаратного мира, и под его влиянием Царице удалось послать министра Протопопова в Стокгольм, где он вступил в переговоры с германским посланником Люциусом»...

Гнусная клевета! — Государыня никогда не посылала Протопопова в Стокгольм. Если последний и вел там какие-то, по существу безвредные, беседы с представителями Германского правительства, то он это делал по личной инициативе, как тов[арищ] председателя Государственной думы, и председатель парламентской депутации, посетившей ряд европейских стран.

Протопопов тогда еще не был министром и лично не был известен Императрице. Конечно, Юсупов об этом прекрасно осведомлен. С другой же стороны, несмотря на все клеветы, возведенные во время оно на Императрицу Александру Феодоровну, само Временное правительство, назначившее следственную комиссию немедленно после февральской революции, принуждено было признать, что слухи о мнимых сношениях Государыни с нашими врагами абсолютно ни на чем не основаны. Я добавлю, что в Своей верности союзникам Государь и Императрица были непоколебимы и запечатлели эту Свою верность мученической кончиной.

Кн. Юсупов, видимо, не хочет признать даже этого исторического факта, известного теперь не только всем русским людям, но и многим иностранцам. Разъяснив неосведомленной иностранной толпе таким своеобразным способом общее положение в России до революции, «доблестный» князь продолжает:

«...Офицеры гвардии, между которыми было несколько Членов Императорской Фамилии и много представителей аристократии, решили положить предел вредной работе Распутина и Царицы. Был организован заговор с целью спасти Династию. Распутина решено было убить, Царицу и Ее окружение — арестовать, а Царя заставить отречься в пользу одного из Великих Князей»...

Итак, отбрасывая голословные обвинения против Членов Императорского Дома и представителей аристократии, можно все же установить один несомненный факт: в момент крайнего напряжения на фронте, когда русские офицеры и солдаты, объединенные общим священным лозунгом «За Веру, Царя и Отечество» жертвенно и геройски боролись с внешними врагами, — в тылу кн. Юсупов и его друзья работали на свержение своего Государя!

И, право, надо обладать огромным запасом цинизма, чтобы до настоящего времени продолжать еще кичиться подобной тлетворной и подлой работой! Ведь трагические результаты «великой безкровной революции», которая с первых же дней после отречения Государя Императора повлекла нашу Родину в пропасть, и к которой, по собственному признанию, в той или другой степени приложил руку кн. Юсупов, у всех на глазах!

Увы! в наш больной и жуткий век цинизм, ложь и клевета сделались нормальным явлением. На этой благодарной почве здесь, за границей, махровым цветом распустились отдельные нравственные уроды на горе нашей, в огромном своем большинстве здоровой и честной, эмиграции.

И я считаю, что долг каждого русского человека выводить подобных господ на чистую воду и публично их клеймит.

Вот те основания, которые принудили меня вновь писать о кн. Юсупове.

Граф П. ГЕНДРИКОВ

Двуглавый Орел. Париж. 1930. № 41. 14/27.11. С. 2058-2059.

«ЧЕМУ СВИДЕТЕЛИ МЫ БЫЛИ»

Готовя книгу к переизданию, мы сочли необходимым познакомить читателей и с откликами на некоторые из воспоминаний о революционных событиях, нашедших отражение в труде И. П. Якобия и публиковавшихся в эмигрантской прессе второй половины 1930-х годов, а потому недоступных большинству читателей.

В настоящем приложении мы предлагаем вниманию читателей подборки отзывов на воспоминания А. И. Гучкова, В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова и последнего дворцового коменданта генерал-майора В. Н. Воейкова, носящих полемический характер.

Знакомясь с ними, нужно учитывать взгляды авторов этих отзывов. Большинство из них принадлежат перу И. Тхоржевского, как известно, хорошо владевшего пером. Его критика, как непосредственного участника событий, обладавшего безценным опытом государственного чиновника высокого ранга, да к тому же лично знакомого с мемуристами, для нас, безусловно, является ценной. Однако его личные симпатии-антипатии, политические пристрастия, проявившиеся, в частности, в его критике «на уничтожение» книги И. П. Якобия, и, наконец, его принадлежность к масонству — все это призывает нас к известной осторожности. Но тем ценнее приводимые им свидетельства измены левых Престолу и Родине при противозаконном потворстве им иностранных государственных деятелей считавшихся «союзными» Российской Империи государств.

I.
ВОСПОМИНАНИЯ А. И. ГУЧКОВА

Возвещенные с таким шумом (документ «исторического значения») воспоминания покойного А. И. Гучкова[182] читались вначале с интересом. Постепенно, однако, интерес этот переходил в недоумение, затем в осуждение. И, наконец, печатание записок оборвалось, под гул общего ропота и ряд возмущенных опровержений.

В том виде, в каком они появились, воспоминания Гучкова, несомненно, много ниже того, чем был в действительности сам

Александр Иванович. Эти воспоминания им диктовались, но были записаны стенографисткой. Восстановление и редакция стенографических записей — дело, требующее немалого литературного и политического чутья. По слухам, больной А. И. переменил несколько редакторов стенограммы и все-таки был сам недоволен. После его смерти воспоминания печатались вначале за подписью «А. Гучков». Затем была снята подпись. А вскоре печатание и вовсе остановилось на словах: «Продолжение следует». Насколько известно, продолжения, однако, не будет.

Приходится подвести итоги тому, что напечатано, не останавливаясь на общем, неприятном **«тоне»** воспоминаний и на фальши отдельных политических **«интонаций»**; тут вина, может быть, и не Гучкова.

Его, в основных **линиях**, рассказ, идущий как-никак непосредственно от самого Гучкова, не может быть неверен. В этом рассказе поражают две резких, неизгладимых черты: 1) погоня за впечатлением, — эффектная, иногда ловкая «тактика», и 2) недодуманность до конца, внутренняя противоречивость политической мысли Гучкова, шаткость его «стратегии»; неясность для него самого: чем же все это неминуемо должно **кончиться**?

Один из самых наблюдательных русских министров, помнится, утверждал, что «вся беда Гучкова в том, что у него **в крови не помирились** отец-старовер и мать-француженка»[183] ... В нем было много противоречий. Бывали странные выходки: с какою-то упрямой жадностью искал он иногда: а что бы в данном положении можно сделать **неожиданного** для других, **вопреки** данному положению. «Крамольность» монархиста Гучкова по отношению к Царской власти отныне установлена им самим. Гучков, правда, утверждает, что он всегда был «за монархию», только против Монарха. «Никогда, за все время моей политической деятельности, у меня не было более твердого сознания, что я совершаю столь необходимый для монархии шаг, как в тот момент, когда я принимал участие в заговоре против Имп. Николая II».

Гучков был одним из трех **инициаторов** этого заговора. Но в его описании заговор выходит ребяческим. Несколько офицеров захватят врасплох Государя в поезде между Ставкой и Петербургом и вынудят у Него «моральным насилием» отречение в пользу Наследника — без пролития крови. «Дворцовый переворот» — без крови?

«Кто-то меня спрашивал, что бы мы сделали, если бы Государь отказался отречься. **Признаться, мы об этом не думали...** Если бы

Государь отказался, то нас бы, вероятно, арестовали и повесили». Русь. Белград. 1921. № 6. С. 2; — Ну, а если бы арестованный Гучковым — без революции — Государь, для видимости, даже и уступил случайному насилию нескольких офицеров? Как стал бы Царствовать «Мальчик», при низложенных, но Им любимых, Отце и Матери? Или Они были бы заточены? высланы? или все-таки потом прикончены? Как стал бы регентствовать в этих условиях Вел. Кн. Михаил Александрович? И кто взял бы в свои руки **власть**? Заговорщики, будто бы, не хотели стать даже министрами.

«Весь план, — уверяет Гучков, — был разработан в подробностях» (очевидно, только технических). Но кем? Безвластной и случайною «тройкой»: Гучков, Некрасов, Терещенко. Военным организатором был (А. И. Гучков называл его многим) генерал Крымов; человек, от «Дворца» далекий...

Серьезные революционеры, вероятно, посмеивались, читая об этом «заговоре». Для монархиста же ясно полное непонимание заговорщиками **человеческой психологии** Царской Семьи и Наследника.

Плохим монархистом показал себя Гучков уже раньше: тогда, когда он, задолго до революции, выступил в Думе со своей озорной (не могу иначе сказать) политической речью против Великих Князей, назвав их всех поименно. Не предупредил председателя Думы, своего же октябриста Хомякова[184]; не предупредил, конечно, Столыпина, с которым обязался действовать заодно. Ясно, что с их стороны был бы протест; а, значит, не было бы эффектной речи. Так — эффект был. Зато Гучков услышал от Столыпина о справедливом возмущении Государя: как это Гучков, монархист, Ему — Царю — не высказал **раньше** своих мыслей об отстранении Вел. Князей от управления различными ведомствами. Этот вопрос и без того стоял уже на очереди. Зачем же было **начинать** с публичного осуждения Членов Царской Семьи в Думе? бить по — **по Династии**?

Для эффекта... Гучков хотел не только упорядочить военную организацию родины, но и «оживить заседания Третьей Думы», а заодно стяжать себе личные лавры политического безстрашия, вместо того, чтобы поступить так, как полагается **монархисту**, даже в конституционной монархии: 1) не вмешивать в дебаты Династию и 2) ценить, как высшую «службу» — возможность быть политическим **«суфлером»** своего Государя.

Минуя эпизод «отречения». Слишком много о нем уже было сказано. Пусть «никто не вступился» **за отрекшегося** уже Госуда-

ря; все же, до отречения, власть, Царским Именем, правила еще армией и Россией; она могла бы еще протянуть несколько месяцев, нужных для победы. Но отречение «выключило» необходимый электрический ток, — и сразу же погрузило в кромешную тьму Россию.

Много места уделено в воспоминаниях военному министерству Гучкова. Но и здесь его нравственное положение сильно ухудшено его «последним словом».

Школьные прописи говорят: — «лучше остаться в неизвестности, нежели прославиться громким падением». А, упав, — лучше не сваливать свою часть вины на других.

«Приказ № 1» — «змеиный» приказ! Он был издан помимо Гучкова и текст был привезен из-за границы. Считалось, что Гучков только не смог уже его отменить. С величайшим, горестным недоумением пришлось поэтому прочесть в воспоминаниях, будто бы он, Гучков, «мог, конечно, как военный министр, отменить приказ № 1 и не сделал этого только, чтобы не было еще хуже». Гучков предпочел влачить в «контактных» комиссиях какие-то жалкие переговоры о возможных изменениях в тексте приказа и об отнесении его только к тыловым частям. Но элементарная политическая и деловая логика говорит за то, что наибольших результатов военный министр добился бы, даже в порядке переговоров, если бы он начал с отмены нежелательного ему и неправильно отданного помимо него приказа, а затем уже стал бы торговаться о «новом» приказе. С национальной же и с нравственной точек зрения вопрос еще яснее: раз Гучков мог отменить приказ № 1, он обязан был это сделать.

«Не мог?»; тогда надо было уйти. Но Гучков и в 1936 году утверждает: «Я мог» — и не сделал.

Странно и другое его утверждение: «Я мог бы арестовать Временное правительство...»

Думается, что и тут, практически, арестовать никого он «не мог бы»; не было нравственного авторитета и военной, послушной ему силы. Но Гучков в явном самообольщении и теперь, в 1936 году, утверждает: «Мог тогда». И не сделал?

При ясном уме и сильном характере Гучкову был свойствен — неверный учет сил: жесточайшие ошибки в «предвидении».

Оправдание А. И. Гучкова в том, что ошибались тогда все; в своих ошибках он был искренним. Россию — любил! Видел «обреченность Государя»... Но не видел — своей!

Волевых людей, — тех, которые хотят **пересилить события**, судят всегда строже, чем остальных. Сильный, храбрый, упорный Гучков ставил слишком высоко личный ум и энергию. Он недооценил значения символа, традиции, непрерывности.

Ив. ТХОРЖЕВСКИЙ

Возрождение. № 4052. 14.11.1936. С. 7.

ОБ «ИСПРАВЛЕНИЯХ» ИСТОРИИ
(Письмо в редакцию)

Милостивый государь, господин редактор!

На меня, как и на очень многих, тяжелое впечатление произвели посмертные «Воспоминания» А. И. Гучкова, печатавшиеся в Вашей газете. Их полуправда, умолчания, бездоказательные обвинения людей и целых корпораций в тяжких винах, все это, не внося — до сих пор по крайней мере — новых данных в историю русского лихолетия, обволакивает только новым туманом его еще неясные страницы и вызывает недоумение: как мог сказать это Гучков!

Я остановлюсь лишь на том периоде его деятельности, который связан с последними днями старой Русской Армии, деятельности мне близко известной, как бывшему начальнику штаба Верховного главнокомандующего

Гучков перекладывает всю тяжесть вины за неудачу свою в борьбе с советами на высший состав военного управления и командования. Аппарат этот «стал быстро разлагаться... Воля руководящих людей как-то сразу надломилась... Готовность капитулировать перед советами со стороны высших военных, делавших карьеру при Царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства»... Он, Гучков, «штатский человек, должен был охранять воинскую дисциплину, имея **против** себя военных слуг старого режима»...

Эта диспропорция в распределении ответственности, это широкое обобщение поражают своей внутренней неправдой. Да, конечно, среди командного состава были и карьеристы, и оппортунисты. Были и поощрявшие «демократизацию» армии — не по убеждению, конечно: одни, действительно, по карьерным соображением, другие — из **лояльности** к Временному правительству. Но ведь сколько же было у нас начальников, смело и неуклонно боровшихся против развала армии, вызванного солдатской стихией, воздействием советов и правительственными мероприятиями! Почему же военный министр избрал себе по-

мощников и председателя комиссии по реорганизации армии (Новицкий[185], Маниковский[186], Поливанов[187] и др.) из числа явных демагогов, которым сам он дает столь убийственную характеристику? Избрал, возмущался их деятельностью, но терпел. Он, который, будучи безсилен в отношении буйной солдатской среды, мог безнаказанно для себя в течение нескольких недель изгнать из армии до полутораста старших начальников. Недаром ген. Крымов, с которым я встретился в кабинете Гучкова 23-го марта 1917 г., отказался от предложенных ему высоких назначений, откровенно указав военному министру на негодность его окружения, и вернулся на фронт к своему корпусу.

— Вижу, нечего мне делать в Петрограде, — говорил он мне. — Разве можно при таких условиях вести дело, когда правительству шагу не дают ступить совдеп и разнузданная солдатня. Я предлагал им в два дня расчистить Петроград одной дивизией, конечно, не без кровопролития. Ни за что: Гучков не согласен, Львов за голову хватается: «Помилуйте, это вызвало бы такие потрясения!»... Будет хуже.

Окружив себя оппортунистами, не желавшими противодействовать домогательствам советов, военный министр в то же время дискредитировал Ставку. В самый грозный период міровой войны, на фоне разлагавшейся армии, не только под давлением революционной стихии, но и в силу правительственной практики, Ставка переставала играть довлеющую ей роль объединяющего командного центра. Военный министр Гучков, подписывавший прежние «высочайшие приказы», оказывал сильное давление на назначение и смещение высшего командного состава; иногда назначения эти проходили просто его приказом, по соглашению с фронтами... минуя Ставку. Важнейшие военные законы, в корне изменявшие условия комплектования, жизни и службы войск, издавались министром без всякого участия Верховного командования, и мы узнавали об них только из газет. Против законов, изданных под явным давлением советов, дезорганизовавших армию, Верховный главнокомандующий и я имели только иллюзорную возможность: слать в Петроград резкие протесты, которые оставались безрезультатными или даже без ответа.

Всем известен роковой «Приказ № 1» совета, но немногие помнят «первые приказы» военного министра, в которых, наряду с более или менее безобидными, но несвоевременными изменениями устава внутренней службы, давалось, например,

разрешение военным лицам — во время войны и революции — «участвовать в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью», разрешение, представлявшее несомненную угрозу самому существованию армии...

История «приказов ном[ер] 1 и ном[ер] 2» в «Воспоминаниях» изложена неверно. Когда Гучков говорит, что он «своей подписи под приказом № 2 (отменявшим якобы приказ № 1) не поставил, **но согласие дал**», он возводит на себя напраслину. Ибо «приказ № 2» был выпущен советом рабоч. и солд. депутатов 5 марта без согласия министра, и вовсе не отменял «приказ № 1», а только «разъяснял» его, подтверждая, что все петроградские солдаты должны подчиняться политическому руководству исключительно совета. Только 6 марта, после бурных объяснений Гучкова с делегацией совета, вышло компромиссное «Воззвание», подписанное от совета — Скобелевым[188], от Комитета Государственной думы — ген. Потаповым и от правительства — Гучковым. И это «Воззвание», которое, очевидно, имеется в виду в «Воспоминаниях», **также не отменяло приказов** ном[ер] 1 и ном[ер] 2 по существу, а лишь разъясняло, что относятся они к войскам Петроградского военного округа, а что в отношении армий фронта министр обязался «незамедлительно выработать, в согласии с исполнительным комитетом совета, новые правила отношений солдат и командного состава».

По поводу введения комитетов в записках Гучкова сказано: «... Нам оставалось только пытаться, легализуя их, прибрать их к рукам. Так мы и сделали. Ставка выработала положение о комитетах, которое дало им широкие права по хозяйственной части, но ограничило их вмешательство в служебно-военные распоряжения». И только. Здесь — большое умолчание... Так «мы» не сделали. Потому что опубликованию положения предшествовало 28 марта совещание в Ставке, на котором военный министр стал на сторону демагога, полк. Верховского[189], отстаивавшего расширение круга ведения комитетов — против меня, пытавшегося ослабить их военное значение. Потому что прошло всего лишь две недели после выпуска этого положения (вышло оно до моего вступления в должность нач. штаба Верховного), как военное министерство, игнорируя Ставку, опубликовало свое новое положение, составленное в знаменитой поливановской комиссии... Этим положением, в числе других опасных изменений, к ужасу нашему, комитетам предоставлялось «принятие законных мер против злоупотреблений и превышения власти должностных

лиц своей части», причем командир полка мог обжаловать, но не имел права приостановить постановление комитета; вместе с тем, на комитеты возлагалась обязанность входить в сношения с политическими партиями, без всякого ограничения, о посылке в части депутатов, ораторов и литературы... Мой горячий протест на этот, кажется, единственный, раз был услышан, и министерство распорядилось немедленно приостановить введение в жизнь своего положения, оставив, однако, в силе... оба типа комитетов там, где они уже введены — «чтобы не вносить путаницы и дезорганизации»...

Лишенная власти, Ставка, обезпокоенная петроградским правотворчеством, прибегла к небывалому еще в армии способу плебисцита: всем начальникам, до командира полка включительно, предложено было высказаться по поводу вводимой «демократизации» армии — в телеграммах, адресованных **непосредственно** военному министру. Из самых недр армии, из тысяч уст он услышал тогда вопль осуждения и страх за будущее армии.

Услышал, но не внял. Внимал другим.

Слабость Гучкова по отношению к военным демагогам и пристрастие его к приемам закулисной игры приводили к такого рода явлениям. В мае 1917 г., одновременно с офицерским съездом, состоявшимся в Ставке, как бы в противовес ему, происходили заседания другого офицерского съезда — в Петрограде, собравшего до 700 делегатов, преимущественно из числа политиканствовавших офицеров и чиновников тыла и небольшого числа настоящего армейского офицерства, попавшего туда по недоразумению. Председателем съезда был избран его официальный инициатор, подполк. Ген. шт. Гущин[190], надевший красный бант с первого же дня революции, а впоследствии ставший большевицким провокатором на Дальнем Востоке. Заседания съезда происходили чрезвычайно бурно. В числе других демагогических постановлений 265 голосами против 246 съезд принял резолюцию о подчинении Временного правительства совету рабоч. и солд. депутатов. Неопытный еще в то время, Гущин сделал заявление, что целью созыва съезда было желание провести исполнительный комитет его под флагом съезда в совет рабочих и солдатских депутатов... Заявление это вызвало ряд крупных инцидентов, три четверти состава ушло, и съезд распался.

Гущин был только исполнителем. Инициатором всей этой игры, имевшей целью направлять (!) или освещать деятельность совета, был никто иной, как А. И. Гучков.

Итак, на верхах Русской армии были и люди долга, и приспешники революции. Военный министр мог опереться на тех или других. Гучков избрал последних.

* * *

Но наиболее тяжелое впечатление производит обвинение, брошенное огульно русскому офицерству. В подтверждение своего взгляда Гучков приводит беседу с ген. Корниловым: «Покидая свой пост (главнокомандующего Петроградским округом), Корнилов мне говорил, что во всех воинских частях, в которых быстро шло разложение, виноват, главным образом, командный состав, потакавший солдатской анархии. И это было проявлением не столько слабости, сколько революционного карьеризма».

Оба собеседника — в селениях горних. Проверить сказанного нельзя; но всякий, хорошо знавший Корнилова, не усумнится в том, что генерал Корнилов, который знал, ценил и любил русского офицера, **сказать этого не мог.**

Нет, не Дзевалтовский, Гущин, Ремнев и прочая накипь революции создавали моральный облик тогдашнего офицера. Нужно ли ломиться в открытую дверь и свидетельствовать вновь и вновь о самоотверженном служении и в дни революции офицерства, которое просило, требовало **власти** над собой и над армией, власти национальной, приказывающей, а не взывающей. Которое готово было тогда принести такой власти неограниченное повиновение, не считаясь совершенно с расхождением в области политической и социальной. Которое взамен встречало недоверие со стороны правивших, клевету и ненависть со стороны советов, нравственные пытки, многие — смерть от руки солдат. И тем не менее, переносило все, скрепя сердце, пытаясь удержать армию от развала и фронт от падения, — во имя спасения родины.

В числе прегрешений, числящихся за офицерством, — а кто — без греха! — **такой** вины не было. Корнилов сказать **этого** не мог. Почему же сказал это Гучков? Быть может, дальнейшие строки дадут некоторое объяснение...

После ухода с поста военного министра Гучков «вернулся на фронт, — как сказано в «Воспоминаниях», — чтобы подготовить там кадры для похода на Москву и Петроград». «Словом, — говорит он, — я ставил себе задачу, которую потом так неудачно пытался осуществить ген. Корнилов»... Неосторожное и ненужное сравнение, в особенности если принять во внимание новое умол-

чание автора. В конце июля 1917 г. я был проездом в Ставке, и в доверительной беседе ген. Корнилов сказал мне следующее:

— Ко мне на фронт приезжал Гучков. Он все носится со своей идеей переворота и возведения на Престол Вел. Князя Димитрия Павловича. Что-то организует и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду.

Самые убежденные монархисты не могут не признать, что подобное предприятие в 1917 г. иначе, как авантюрой, нельзя было назвать, и что «кадров» для его подготовки и исполнения невозможно было найти ни в стране, ни в армии.

Гучкова ждало еще одно тяжелое разочарование. Он отправился в армию, рассчитывая на тот прием со стороны офицерства, который ему казался обезпеченным после многих лет близкого общения с военной средой, после твердой и патриотической защиты в палатах нужд армии и государственной обороны, после посильной борьбы с совдепами и отказа приложить руку к «Декларации прав солдата»... И встретил недоверие и враждебность повсюду. В такой степени, что одна из боевых частей, в ряды которой он пожелал поступить, как офицер запаса, отказала ему в приеме....

Как это случилось?

Офицерство видело вокруг военного министра — ранее твердого политического деятеля — его ближайших помощников — до крайности оппортунистов или демагогов. Оно читало приказы, подписанные Гучковым и ломавшие основы военной службы и быта. Что эти приказы явились результатом внутренней драмы, борьбы с совдепами и... поражения, в этом офицерство не разбиралось. Оно чувствовало себя обманутым. Свое тяжелое положение оно приписывало во многом реформам военного министра, к которому выросло враждебное чувство, подогреваемое еще более будированием сотен удаленных им генералов и той частью офицерства, которая не могла простить Гучкову ставшего уже тогда известным участия его в подготовке дворцового переворота и поездки в Псков...

Все эти обстоятельства не могли остаться без влияния на отношения Гучкова к офицерству и офицерства к Гучкову, воздвигнув между ними глухую стену, не павшую и после его смерти.

Я не сомневаюсь и никогда не сомневался в искреннем патриотизме Гучкова. Он, конечно, пытался бороться и против развала армии. 1-го мая, оставляя свой пост, он так объяснял смысл проводившейся им «демократизации» армии:

— Мы хотели проснувшемуся духу самостоятельности, самодеятельности и свободы, который охватил всех, дать организованные формы и известные каналы, по которым он должен идти. Но есть какая-то линия, за которой начинается разрушение того живого, могучего организма, каким является армия.

Нет сомнения, что эта линия была перейдена военным министром, и он оказался в плену у «параллельной власти» задолго до 1 мая.

* * *

Спорить с мертвым задача тяжкая и неблагодарная.

Но, во-первых, главные фрагменты этого письма взяты из моих «Очерков русской смуты», которые Гучков читал в свое время и мог возразить; а, во-вторых, те русские офицеры, что погибли на солдатских штыках в Петрограде, Гельсингфорсе, Кронштадте, Ревеле и на фронте, те, что, будучи покинуты своими солдатами, одни наступали на врага и нашли смерть на неприятельской колючей проволоке, те уже не могут ответить судьям неправым.

А. ДЕНИКИН

Последние новости. № 5712. 13.11.1936. С. 2.

II.
ВОСПОМИНАНИЯ В. А. МАКЛАКОВА

1.

Три увлекательных тома, написанных В. А. Маклаковым о нашем недавнем прошлом[191], меньше всего похожи на воспоминания. Это «**Размышления** о русской революции»... Горестные и глубокие, поздние и блестящие.

Их тема: «Власть и общественность на закате Старой России».

Под пером Маклакова обе стороны — и власть, и общественность, — восстают, как живые. Но — грешный человек! — не вижу я в его книге, как не видел никогда и в натуре, **ни заката, ни «старой» России**. Был рассвет, было утро, — пускай туманное, но до заката предстоял еще долгий день. Никакой «старой» России отнюдь не было. Была молодая, слишком молодая, — одураченная, по молодости лет, Россия. Говоря словами самого В. А., наш строй напоминал «юношу, применявшего рецепты дряхлого возраста»...

Нет, надо подыскать иное название для русской трагедии, вылившейся — 20 лет назад — в февральскую катастрофу. Я предложил бы назвать ее «Историей двух самоубийств». Безсмысленных и ненужных: самоубийства власти — в пользу общественности (вместо **примирения** с ней!); и самоубийства общественности — в пользу ленинской банды (вместо **борьбы** с ней!).

В. А. Маклаков предпочитает говорить не о вожаках черни, а о самом «Ахеронте», разумея под ним подземный поток бунта, кипящую подземную лаву. В его изложении, союз с бунтом и непримиримость по отношению к исторической Царской власти — вот главная, опаснейшая черта «той **болезни**, которая называлась освободительным движением».

Мужественные слова! И Маклаков не боится прибавить, ставя вопрос о виновных в русском крушении:

«Вина общественности, пожалуй, больше, чем власти. Представители общественности, уверенные, что они все сами умеют, что страну **они** представляют, что она верит **им**; убежденные, что управлять страной очень легко, что только бездарность нашей бюрократии не давала проявиться всем талантам русского общества; неустанно себя в своей прессе рекламировавшие, и кончившие тем, что поверили сами тому, что о себе говорили; самовлюбленные и непогрешимые, не хотели унизиться до **совместной** работы с прежней властью; они соглашались быть только хозяевами. Они ими и стали в 1917 году, на горе **себе** и России».

Самые яркие страницы поучительных записей Маклакова — те, где он так искренне рассказал о своем посещении Клемансо[192] в 1906 г.: об уроке политической мудрости, полученном тогда им от французского «тигра».

Это посещение было одним из эпизодов кадетской борьбы против русского займа в Париже перед первою Думой. Вопрос об этой борьбе теперь уже освещен до конца, — воспоминаниями гр. Витте и гр. Коковцова и, в особенности, недавней полемикой между П. Н. Милюковым и автором воспоминаний. Но неизмеримо интереснее происшедшее тогда, при сем случае, общее столкновение русской политической неопытности с парижской политической трезвостью. Француз Клемансо судил о России куда вернее москвича Маклакова.

Между тем, известно, что Клемансо никогда не любил России; а Русской Монархии терпеть не мог.

В книге бар. Нольде об истоках франко-русского союза[193] (столько раз уже цитировалась мною в «Возрождении» эта книга!)

содержится подробный рассказ о том, как Клемансо в 1891 году, **накануне** заключения франко-русского союза, сделал последнюю попытку предотвратить союз с ненавистным ему «царизмом». Клемансо поехал в Англию и там, как глава французских радикалов, откровенно переговорил с английским радикалом Джозефом Чемберленом (в записях Чемберлена и сохранилась эта беседа): Клемансо мучил вопрос: нельзя ли Франции опереться, против немцев, на Англию — лишь бы избежать союза с Россией... Союз с Русской Монархией казался Клемансо «ужасным»; но Германия внушала ему еще больший ужас. Поняв из беседы с Чемберленом, что на Англию **против** Германии рассчитывать нечего, Клемансо только тогда перестал бороться против союза с Россией.

Естественно было у этого **левого** Клемансо, ненавистника Русской Монархии, искать опоры в Париже и **левым** русским, доказывавшим в 1906 году, что «займом — Франция вмешивается в борьбу страны с властью и что по отношению к русскому народу это будет недружественный жест».

Маклаков вспоминает:

«Во время разговоров, которые у меня происходили тогда в Париже, постоянно ставился вопрос об отношении Франции к новому русскому строю. С кем Франция — с нами или с ними? Помню, как всем нам указывали, что либеральная Франция с нами, а «реакция» — со старым режимом; будто это вызвало разногласия даже в самом кабинете. Надеждою левых в нем был Клемансо, впервые ставший министром внутренних дел.

Клемансо для наших левых был тогда очень доступен; с многими из них он был лично дружен; они могли видеться с ним частным образом...

К Клемансо, кроме меня, пошел Нессельроде[194] и Кальманович[195]. Только позднее я понял, как все противоречило «протоколу». Клемансо, министр внутренних дел, член правительства, принимал помимо правительства, за спиной министра иностранных дел, какую-то русскую компанию. Самый визит был облечен в необычайную тайну. Нас провели задними ходами, и не в министерский кабинет, а в маленькую комнату, с входом сзади стола. Шли мы не через главный подъезд, а через кацелярию Винтера, личного друга Клемансо.

Разговор с Клемансо я помню прекрасно. Он был длинный и интересный, но совсем не о займе. С займом мы покончили сразу. Клемансо сказал, что мою записку прочел, но что она опозда-

ла. Постановление Совета министров уже состоялось. "Что же вы раньше молчали? Теперь делать нечего. А раз заем разрешен, то он непременно будет покрыт. Банки давно его весь расписали и они теперь сумеют всучить его публике. Да и как же иначе. Я сам советовал своей прислуге подписаться на этот заем. Не может же всякий консьерж по поводу займа делать политику?" Но исчерпав несколькими словами этот вопрос, Клемансо нас не отпустил. Он сам перешел к тому, что очевидно было для него интересней. Стало понятно, чем было вызвано его желание нас повидать, если только это было действительно его инициативой. Он до тех пор видал либо официальный русский мір, либо русских революционеров. Русским революционерам, как старый революционер, он лично сочувствовал. Но, как человек реальный, политического значения за ними не видел. Потому его заинтересовало увидеть новую разновидность русского общества, представителей легального либерализма, ведущего Россию не к революции, а к конституционной монархии. Ему хотелось посмотреть, что это за люди, насколько можно с ними считаться. Клемансо **нам** делал экзамен; иначе он не стал бы терять больше часу на беседу с нами. Впрочем, он наблюдением не ограничился. Темперамент его увлек. Как человек живой и экспансивный, он не мог только слушать; он вступал с нами в спор, давал нам советы, которых мы не просили, и они были столь же характерны, сколько неожиданны. Старый якобинец, он смотрел на нас с сочувствием человека, видавшего виды и не прочь был умерить наш пыл. Как всегда был остроумен и блестящ, сыпал парадоксами и афоризмами, но говорил совсем не в том тоне, который можно было ожидать по его левой репутации. В нем уже обнаруживался тот реалист, который словами не увлекается и не боится смотреть правде в глаза, каким позднее он себя показал. Мы говорили о победе либерализма в России, о том, что в Думе сторонников Самодержавия нет. Клемансо, не отрицая нашей победы, именно поэтому настойчиво рекомендовал нам быть осторожными: "Всякое поражение — начало будущей победы, и всякая победа — начало будущего поражения". Он интересовался нашей программой, нашими намерениями на будущее время. Неодобрительно покачал головой, когда узнал, что в нашей программе четыреххвостка[196]. "Как, уже?!" Разве мы не понимаем, что всякий народ надо долго учить и воспитывать, чтобы отучить его от предрассудков и невежества, прежде чем давать ему волю? "Мы, французы, гораздо опытнее вас. Но по-

смотрели бы вы, что такое наш народ. А знаете ли вы, что такое «всеобщее голование»? Мы-то на него насмотрелись. Это будет соблазн для ваших префектов; они будут делать выборы, а не вы. Вы не знаете, какова сила власти над неопытным поколением. Да посмотрите, что происходит у нас". И тут же сообщал примеры из собственной практики. В это время Франция готовилась к выборам; Клемансо ими занимался. Он рассказал нам, как вызывал к себе префектов, как расспрашивал каждого, кто является в его департаменте кандидатом, у кого какие шансы, какие давал им инструкции и не без гордости прибавлял: "Вот уже теперь после этих разговоров с ними положение стало лучше, чем было недавно". Любопытно, что он приходил в ужас от нашего восторженного отношения к французской революции. Он, автор знаменитых слов, что революцию надо брать "всю оптом", считал ее **бедствием**. Она хороша только издали. Я стал перед ним защищать **их** французскую революцию и ее "великих людей". Он разгорячился: "Все это — легенды! Вы себе забиваете голову великими людьми революции. Нет великих людей! Люди революции были просто добрыми малыми, как мы все. Не больше! Их вынес вперед поток; вот и все! Народному потоку сопротивляться нельзя. Бойтесь дать ему волю! Долго будете вы платиться за это безумие! Мы до сих пор расплачиваемся за наше". Он потешался над теми, кто думал что-либо **предвидеть** и тем более **управлять** чем-либо во время революции. "Все может произойти — кроме того, что люди предвидят". Настойчиво рекомендовал осторожность и умеренность; "не требуйте слишком многого, всегда уступайте в том, что не важно, не ищите конфликтов". Я упомянул о существовавшем предположении дать первое сражение на вопросе о подписке в преданности Самодержавию, которую требовали от депутатов. Он схватил меня за руку: "Не делайте этого. Что вам стоит? Пустое слово. Не спорьте никогда из-за слов. Какого ч....! Оставьте им их слова и их титулы. Держитесь реальности".

И когда в конце разговора я указал, что именно в интересах серьезной, но легальной борьбы со старой властью заем лишил нас хорошего оружия, он вздохнул: "Я вас понимаю. Вы хотите держать за горло правительство. Как быть! об этом следовало подумать раньше".

Мы расстались с Клемансо в самых, казалось бы, лучших отношениях. Он жалел, что Франция мало знает настоящую Россию, как, впрочем, ни одна страна не знает другой. Вот хотя бы

Англия. Мы живем рядом, говорил он, и англичане к нам ездят; мы к ним не ездим, а они у нас бывают целыми толпами. И все-таки об нас понятия не имеют. Выразил, очевидно из вежливости, надежду, что наша встреча не последняя, что стоит нам обратиться к Винтеру и т. п.

Я передал, — заканчивает Маклаков, — отрывки этого длинного разговора потому, что он характерен. В нем сказался настоящий Клемансо, которого в то время многие не знали; когда я увидел позднее то, что он делал во время войны, я этот разговор стал понимать лучше, чем раньше».

Все интересно в этой беседе Клемансо с тремя русскими левыми.

Для В. А. Маклакова поучения Клемансо не пропали даром. Правда, к ним присоединился впоследствии жестокий русский опыт 1917 года, — когда «наступило некрасивое отрезвление — удел побежденных...» Но и раньше, задолго до общего крушения, автор воспоминаний занимал в русской оппозиции особое место; он не был по отношению к исторической власти — непримиримым. Проницательность его политических суждений и способность возвысить ее над партийностью завоевали ему общее уважение. «Совершенно порядочный человек и к тому же большого ума и таланта», — бросает о нем в своих мемуарах Витте, а Витте мало о ком сказал там доброе слово.

В свою очередь, и Маклаков дает в своих воспоминаниях большой, очень схожий и очень сочувственный портрет Витте. Правда, портрет «написан» в 1936 году... Но и в 1906 г., и при жизни Витте, встречи между этими русскими людьми разных лагерей были дружественными.

«Задним числом не надо приписывать себе позднейших настроений», — пишет В. А. в своей книге. Сам он только временами, — невольно! — грешит против этой трудной, ох, трудной, — заповеди. Но во всяком случае в кадетской партии, как недавно засвидетельствовал П. Н. Милюков, — В. А. Маклаков всегда был при особом мнении...

2.

О Милюкове и революции

В этом безумии было нечто систематическое.

Я имею в виду кадетскую тактику непримиримой войны с властью. «Война против Самодержавия, — вспоминает В. А. Макла-

ков, — была открыто объявлена созданием в 1902 г. заграничного органа "Освобождение"... Руководящая статья первого номера была написана П. Н. Милюковым... Земцы дали освободительному движению средства, кадры, технический аппарат, связи с практическими деятелями». Но политическое руководство было захвачено воинствующей интеллигенцией, под лозунгом «Долой Самодержавие».

Приводимые Маклаковым выдержки из старого «Освобождения» очень любопытно перечитать в наши дни.

«Долой Самодержавие», — а что же «на сцену»? Программа соединила «последние слова» западноевропейской политической доктрины... — «Всеобщее избирательное право, ответственное министерство и даже созыв полновластного учредительного собрания по четыреххвостке для написания конституции»...

«Что России нужно было вовсе не уничтожение Монархии, а соглашение с ней, об этом наши вожди и не думали».

«Коноводы!» — писал о них Витте — «люди пера и слова», «наивные политики»...

Впрочем, наивность их продолжалась недолго.

Что интеллигенция политически была безсильна, — левые «общественники» знали где-то в душе еще лучше, чем знала власть. Прошел год, — и в «Освобождении» появилась новая руководящая статья (опять милюковская). Надо, мол, привлечь к освободительному движению крестьян и рабочих; дать и им обещания; иначе «без привлечения их» — (рабоче-крестьянскою демагогией) — «партия политического освобождения будет влачить жалкое существование».

«Средние слои» наши были слабы. Решено было опереться на низшие; дать им неисполнимые обещания и войти в союз с их социалистическими вожаками.

За это русские рабочие и крестьяне заплатили впоследствии коммунистическим рабством. Но и руководители освободительного движения дорого «заплатили позднее».

В ту пору они смело призывали: «всю силу, всю энергию истратить на создание атмосферы общего недовольства и протеста»; «не упускать ни одного случая обострить или создать конфликт» с властью. При этом рекомендовались: обструкция, забастовка, «волнения учащейся молодежи»; оправдывался террор.

«Одно освободительное движение (пишет автор воспоминаний) не могло бы сломить Самодержавия, если бы рядом с ним не шла антигосударственная стихия, Ахеронт[197], и если бы осво-

бодительное движение не пошло с ним заодно». — «В политике нет мести, — говорил Столыпин, — но бывают последствия»; они потом и сказались.

Японская война внесла было некоторый разлад в настроения «Освобождения». П. Б. Струве рекомендовал, в качестве лозунгов военного времени, кричать: «Да здравствует Россия! Да здравствует армия! Да здравствует свободная Россия!»

П. Н. Милюков — в письме к редактору (7 марта 1904 г.) — немедленно выразил свое недоумение перед советами Струве:

«Мы кричать этого не можем. **Мы ничего не имеем против армии** (!), но пока она будет кулацким символом русского нахальства и безответственной жертвой... русской внешней политики, **мы не станем кричать: "да здравствует русская армия"»**. Милюков советовал и во время войны «повторять **испытанный** лозунг: долой Самодержавие».

После убийства Плеве и назначения кн. Святополк-Мирского, провозглашавшего «доверие к общественным силам», П. Н. Милюков напечатал в «Освобождении» иронические статьи: «Новый курс» и «Фиаско нового курса».

«Мы не дадим вам ни одного своего человека, не окажем вам никакого кредита, не дадим никакой отсрочки, пока вы не примете **всей** нашей программы». «Князь Святополк-Мирский честный человек... Пусть уходит».

Постепенно раздражение П. Н. Милюкова стало переноситься и на земцев за их недостаточный радикализм, склонность к общему фронту с правительством. Провозглашен был **общий фронт с революцией**, создан Союз союзов, проведена всеобщая забастовка. Казалось, эта демагогия принесла нужные плоды. Неожиданно для наших левых Государь подписал Манифест 17 октября.

Как встретил это Милюков? На первом же «ликующем» банкете левых в Московском художественном театре он приступил к критике Манифеста. В этой критике Милюкова, — пишет автор воспоминаний, — «был его полемический талант и манера. Он останавливался не только на том, что было написано, но и на умолчаниях. Объяснял умолчания, обличал, уличал и кончил разнос Манифеста словами: **"Ничто не изменилось; война продолжается"»**.

Милюков в этом настроении не был тогда одинок.

Помню раздраженные слова Витте (я был случайным свидетелем его сильного раздражения, в день одного из моих дежурств

при нем) — по поводу непримиримой тактики левых: «Это все равно, что, выиграв партию в шахматы, охватить шахматную доску и начать ею бить по голове проигравшего... А если тот, слабейший в шахматах, окажется посильнее — в драке?»

С. Ю. Витте обратился, после Манифеста, к земским деятелям за поддержкой нового русского строя. И эта попытка примирения («компромисса») была сорвана П. Н. Милюковым, хотя и не земцем, но только что «кооптированным» в бюро земских съездов.

В частном разговоре с Витте Милюков тогда советовал ему составить министерство из либеральных сановников и «октроировать»* русскую конституцию сверху, «переведя» для этого конституцию «бельгийскую или болгарскую». Но «одиум»** за это он оставлял всецело за Витте. Открыто советовалось только одно: — самоустраниться и созвать по четыреххвостке учредительное собрание. Того же требовала только что основанная Милюковым кадетская партия, — «партия народной свободы».

Во время вооруженного восстания в Москве правительству давался совет: вывести войска из Москвы, чтобы не раздражать населения...

«Крайне-левый, стоявший на границе революционеров, Милюков», — значится в мемуарах Витте... — Или, еще ярче: «свихнувшиеся буржуазные революционеры, как Милюков» (там же).

Трудно не согласиться с этим метким определением. При слабости нашей «буржуазии», ей рвать с Русской Монархией и связывать свою судьбу с революцией значило губить русскую культуру, губить себя и готовить народу красное рабство.

Но именно эта «генеральная линия» неумолимо велась кадетами. Когда «конституция», — основные законы 1906 года были утверждены Государем и обнародованы перед созывом первой Государственной думы, — тогда состоялся кадетский съезд.

«Выразителем настроения съезда был П. Н. Милюков. (В. А. Маклаков цитирует отчет газеты «Право»:) «Коротенькая речь Милюкова несколько раз прерывается гулом несмолкающих аплодисментов, доказывающих, как близко затрагивают его слова потрясенную событием аудиторию. Вот несколько выдержек из этой речи: “Совершилось событие чрезвычайной важности.

---

* *Октроирование* (фр.) — издание постановлений верховной властью. — *С. Ф.*

** *Одиум* (лат.) — проклятие. — *С. Ф.*

Накануне дня открытия первого собрания представителей русского народа правительство сочло нужным не только сохранить за собой **всю власть, которой оно пользовалось доселе** (!), но и поставить эту власть под особенную, чрезвычайную охрану неприкосновенных для Думы Основных Законов. И это делается в тот момент, когда вся Россия успокоилась в уверенности, что мысль об этом безумном покушении на права народа отброшена (!). Сто лет Россия не нуждалась в Основных Законах, довольствуясь Законами об Императорской Фамилии; сто лет она могла жить без них, а теперь в несколько недель, перед тем, как политический строй страны уже меняется, правительство считает нужным создать их. И как создать?.. Как тати в тиши ночной, устранивши всяких специалистов по государственному праву, эти люди составили заговор против народа. Печать обнаружила эти приготовления, это покушение с негодными средствами, и вся Россия его осудила; мало того — осмеяла... Мне не нужно говорить, что такое эти Основные Законы. **Лучшее в них есть только ухудшение худшей части худших европейских конституций**"(!)».

Маклаков приводит эту речь, как «иллюстрацию тогдашнего ослепления». «Трудно верить сейчас, чтобы это говорилось серьезно, — пишет наш автор. — Как можно было говорить, что конституция оставила за Монархом **всю прежнюю** власть? Как можно было отрицать необходимость издать конституцию только потому, что Россия жила сто лет без нее, довольствуясь учреждением Императорской Фамилии? Как можно было, *особенно* Милюкову, принципиально отрицать права Монарха "октроировать конституцию"? Кадеты предпочли играть в 1-й Государственной думе уже безнадежную карту революции».

Между тем, впоследствии, когда в «правой» Думе В. Н. Коковцов сказал свою знаменитую фразу: «Слава Богу, у нас нет парламента», — Милюков первый ему возразил: «Слава Богу, у нас **есть** конституция!»

А до того и после того он наличность у нас конституции яростно отрицал!

После Столыпинской победы, отброшенный далеко назад от всяких надежд на власть, П. Н. Милюков в Думе открыто утверждал, что «**ничего** сделать нельзя, пока не будут сняты три замка, которые мешают работать; пока не будет уничтожена 2-я Палата (Государственный совет), не введена 4-хвостка, и не установлена ответственность министерств перед Думой». Можно считать **спорным**, пишет Маклаков, — вредны ли для России были

эти «замки»? Но мысль, что их надо **сначала** снять, чтобы иметь возможность работать, была та же старая риторика Союза союзов, будто никому ничего нельзя делать до созыва учредительного собрания по 4-хвостке. Политика кадетской партии сама создавала условия, которые мешали работать».

* * *

В борьбе «за Россию» милюковский лагерь был, при Столыпине и после Столыпина, не только политически, но и нравственно побежден Царской властью. Вторая, думская половина Царствования последнего Государя была для России безспорным, положительным историческим благом. (В. А. Маклаков говорит об этом в своей книге, но очень бегло.)

Нужна была міровая война, нужно было безумное ослепление последних месяцев русской власти, чтобы уничтожить все блистательные плоды Витте-Столыпинской работы. (Я умышленно, и не в первый раз, соединяю эти два различных, но славных имени. Враждуя друг с другом, они оба служили одному делу: перестройке России на более справедливый, более современный **и более крепкий** лад.) Войною все было сорвано: укрепление русского представительного строя; начатый капитальный «внутренний ремонт» России по всем областям ее жизни. Сорван был экономический расцвет России и начало ее политической возмужалости.

Нужно было европейское землетрясение, чтобы дирижерская палочка на несколько злосчастных смутных недель попала-таки в руки старых, вывихнутых влево, упрямцев, жаждавших революции. Они и пустили-таки Россию по старой своей «генеральной линии»: сняв замки, на всех парах, через идеализм учредительного собрания, прямо в лапы к реалисту Ленину...

3.
Лжеконституция и шофер

С воспоминаниями В. А. Маклакова не могу не связать один, дополняющий их, эпизод личных моих воспоминаний об истории издания, накануне первой Думы, Основных Законов 1906 года.

Умело и горячо отстаивая их «благодетельность для России», Маклаков сетует, что история выработки этой нашей «лжеконституции» облечена тайной.

Проект «Основных Законов» был первоначально составлен в Государственной канцелярии под руководством графа Соль-

ского[198] и барона Икскуля[199], П. А. Харитоновым (кто ему помогал — не знаю). Витте получил проект от Сольского.

Пробежав проект и сразу же найдя его черезчур либеральным, Витте вызвал к себе статс-секретаря барона Э. Ю. Нольде[200], управлявшего «делами Совета министров». Передавая барону харитоновский проект, Витте сказал: «Вы знаете многих там ученых законников; все они ваши приятели. Посоветуйтесь с кем-нибудь; но только потихоньку, и лучше не с левыми. Сольский и так уже махнул чересчур влево. А тут пойдет шум и огласка». Витте с досадой упомянул при этом о болезни профессора Дювернуа, на дружескую помощь которого он, Витте, «так надеялся» (Н. Л. Дювернуа был профессором гражданского, а не государственного права, но в глазах Витте являлся вообще юридическим авторитетом). «Все дело теперь в том, — добавил Витте, — чтобы получше **разграничить указ и закон**: побольше места оставить указу, то есть Царю, и поменьше закону, то есть Думе. Спросите у знающих, какая из европейских конституций шире всего ставит права Монарха. Я-то, впрочем, думаю, что лучше всего взять побольше не из европейских конституций, а из **японской**. Там у них есть парламент, но микадо остался — богом. Достаньте мне текст японской конституции».

Рискую воспроизвести на память эти слова (даже «в кавычках»!), барон Э. Ю. Нольде передал их мне (своему секретарю) несколько минут спустя после разговора с Витте. Они мне показались, — да и теперь еще кажутся — **мудрейшими**. Старый Нольде шутливо-добродушно прибавил: «Бредит Витте теперь япо́нцами. Прославился на мире с ними — и всюду давай ему японцев»...

У меня имелось дома французское издание всех конституций, в том числе и японской (когда-то готовился я к петербургской кафедре государственного права). «Японская конституция» через час была на столе у Витте. Подумав, Нольде решил, — и получил согласие Витте, — к «именитым профессорам» вовсе не обращаться; никакой тайны при этом условии сохранить было бы нельзя; обойтись «домашними средствами». «Замечания» на харитоновский проект основных законов были заказаны сыну Нольде[201] (ныне знаменитому профессору-публицисту) и мне. Молодой Нольде, бывший членом партии народной свободы, нашел, что конституция, составленная в государственной канцелярии, «в меру либеральна», не усмотрел в ней особенных левых уклонов и ограничился полезными редакционными исправлениями.

Меня же «японская» идея Витте — о Монархии, как о живой политической силе, требовавшей бережного ограждения, захватила; я накатал целую записку (для пущей секретности — **от руки**); в ней намечен был ряд и постатейных изменений, которые **все клонились к расширению прав Государя и управления**.

Витте записка понравилась. Она выражала его мысли и давала им формулировку. Вместе с текстом японской конституции она была у него под руками при обсуждении проекта в Совете министров.

В первом же заседании Совета вспыхнул — сначала «левый бунт» князя А. Д. Оболенского[202]: «Да не хочу я писать русскую конституцию, не призван я писать русскую конституцию». Потом «правый бунт» М. Г. Акимова[203]: «Как это Русскому Царю зависеть от Думы в вопросе о том, сколько призвать в армию новобранцев!»

Недели две перемалывалась конституция гр. Сольского в Совете министров. Больше всех говорил и, в конце концов, обычно побеждал Витте. Суждения Совета сводились потом и редактировались бароном Э. Ю. Нольде с помощью И. Г. Щегловитова[204]. Щегловитов (еще либеральный!) был тогда товарищем министра юстиции и приходил на заседания вместе с Акимовым. Секретарем собраний был искусный редактор П. П. Менделеев[205]. Но впоследствии, уже в начале большевиков, профессор Николай Степанович Таганцев[206], заинтересовавшийся историей выработки текста «Основных Законов», разыскал в бумагах Совета министров мою записку с карандашными отметками Витте, ставшими источниками поправок. Не помню, в каком именно из наших (умиравших тогда) журналов появилась Таганцевская статья[207] — об изменениях, внесенных лично Витте в проект Основных Законов. Но помню, что статья кончалась словами: «Не дано было этим ревностным защитникам прав Монарха предвидеть, что через одиннадцать лет **все** будет сметено и уничтожено...»

И тем не менее, **в ту пору**, в 1906 г., **долгом** русских людей и русских политиков было: вводя представительный строй в России, оградить права Государя и управления.

«Вперед, — на легком тормозе!» Это крылатое столыпинское словечко выражало неоспоримую, в русских условиях, мысль. Витте был ей, при всех своих ошибках, внутренне верен. В признании той же правды главная ценность и воспоминаний В. А. Маклакова.

4.

Празднуя двадцатую годовщину февральской революции, большевики нашли, между прочим, повод назвать имя Василия Алексеевича. Советская «Правда» в юбилейной статье (12 марта) перепечатала, с издевательствами, из старых «Русских ведомостей»[208] нашумевшую когда-то маклаковскую «аллегорию» — о шофере:

«Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге, один неверный шаг — и вы безвозвратно погибли. В автомобиле — близкие люди, **родная мать ваша**.

И вдруг — вы видите, что ваш шофер править не может... и если продолжать ехать, как он, перед вами — неизбежная гибель...

Что делать в такие минуты?

Заставить его насильно уступить место? Но это хорошо на мирной телеге или в обычное время на тихом ходу, на равнине; тогда это может оказаться спасением. Но можно ли это сделать на бешеном спуске по горной дороге? Как бы вы ни были и ловки и сильны, в его руках фактически руль, он машиной сейчас управляет, и один неверный поворот... и машина погибла. Вы знаете, но и он тоже знает. И он смеется над вашей тревогой и вашим безсилием: "не посмеете тронуть"».

Я продолжу маклаковскую аллегорию.

Любой эмигрант постарше знает, как очевидец: что именно произошло далее. До станции «Победа» было уже недалеко, темнело и надвигалась гроза, когда Царственному шоферу крикнули в ухо, что находящаяся в автомобиле Россия, «его родная мать» на коленях умоляет его уступить руль одному из пассажиров, — «опытному европейскому гонщику», кадету. Шофер остановил машину и уступил руль. Но сверкнула молния и началась буря. Сразу оробевший «европейский гонщик» неловко перелез к рулю, неловко — левой ногой, нажал сразу «не те» педали, — машина загрохотала, и не трогалась с места. В темноте перед автомобилем выросли вооруженные бандиты в масках... Пулей в затылок Царственный шофер был убит. После короткой борьбы сброшен был в пропасть и злосчастный шофер-любитель. Бандиты сели сами за руль.. Кое-как протащившись несколько верст, они окончательно доломали и искалечили драгоценный (хоть и старой марки) русский автомобиль. Ударами прикладов выгнали тогда из остановившейся машины полумертвую от страха «родную мать» и **запрягли ее** в искалечен-

ную машину. Так до сих пор, осыпая ударами, заставляют ее через силу, судорожными рывками, тащить русскую колесницу к станции «Поражение».

Иначе, конечно, рассказывает конец Маклаковской аллегории «Правда»: «Накануне февральской революции, когда львиная ярость восстающего народа стала настигать метафорическую автоколяску Маклакова, Царственный шофер и кадетский ездок разбежались в разные стороны.

Что же сталось с драгоценной матерью-родиной? Да ее и не было в автомобиле».

Это утверждение чрезвычайно характерно для наших левых. До революции, по-ихнему, не было родины! То же самое повторил, совсем недавно, Керенский: «**Февральская революция дала нам — родину**, народовластие и свободу»...

Но вернемся к большевикам. В юбилейной статье «Правды» Россия олицетворена бандитами — «львиной яростью народной»: «верный сынок России» — кадет — только делает вид, «что спасает мамашу и враждует с шофером». **«А на деле кадету и шоферу было по пути»**...

Вот тут советская ложь обмолвилась нечаянно подлинной исторической правдой! Русской Монархии и русской общественности было, поистине, «по пути». Обе они нравственно и политически **обязаны были заключить** союз. Конечно, не «против народа»! Во имя исторической силы России, во имя **подлинной** народной свободы. Но у обеих сторон были свои злые гении, толкавшие их к разрыву.

П. Н. Милюков, с такой правдивой безжалостностью очерченный В. А. Маклаковым как один из злейших гениев катастрофы, так сам вынужден изображать нынешнюю советскую жизнь:

«1) В рабстве пребывает огромное большинство населения;

2) плоды трудов его почти всецело экспроприируются государством;

3) гибель миллионов людей в непосильном принудительном труде;

4) государство превращается в огромное капиталистическое предприятие, ведущееся без хозяйственного расчета, со всеми чертами хозяйства плантаторского;

5) рабы лишены всяких элементов права;

6) власть может держаться только постоянным и неослабным насилием» («Последние новости», 30 января 1937 г.).

Этого ли хотела партия «народной свободы»? И кто в ее рядах посмеет повторить те же обвинения по адресу представительного Царского строя?

«Революция (слова Милюкова — там же) пошла не тем путем, каким предполагала доктрина».

Кого же все-таки благодарить? Чья тут, во многом — «не вина, а заслуга»?

Отныне русская эмиграция будет отвечать на эти вопросы — «по Маклакову».

Ив. ТХОРЖЕВСКИЙ

Возрождение. № 4069. 13.3.1937. С. 5;
№ 4070. 20.3.1937. С. 7;
№ 4071. 27.3.1937. С. 7.

ЛЮДИ, ДЕЛАВШИЕ ИСТОРИЮ[209]

Трудно ушибленному забыть о своих ушибах, а увенчанному — о своих прежних лаврах!

Люди, «делавшие» историю, всегда склонны поэтому в воспоминаниях, сознательно или безсознательно, чуть-чуть «подделывать» эту историю, — оправдывать свои действия (**или свое бездействие!**). Обыватели же, «пострадавшие от истории», огулом ругают — всех.

Поток читательских писем, вызванных спорами о нашем прошлом, — спорами, столь неожиданно «ставшими чуть не злобою дня», — до последних, ошеломляющих французских событий — разбивался на два самостоятельных «рукава». 1) Военные доказывают, что во всем виноваты штатские. 2) Штатские — выдвигают, каждый по-своему, прямо или между строк, **свою** собственную кандидатуру на звание «самого блестящего человека в эмиграции». И обнаруживают при этом в письмах (правда, задним числом!) — блестящую проницательность... Те и другие сливаются — в жестоком осуждении эмигрантов, носящих крупные политические имена... Беженский «народный фронт» недоволен.

«С каких это пор? — пишет желчный читатель, недовольный «французскими размышлениями В. А. Маклакова о русской революции», — с каких это пор Маклаков — историк? Не **адвокат ли** он, выступающий в политическом процессе по собственному делу?..»

Но в политическом «процессе» — о нашем прошлом — В. А. Маклаков выступает уже давно, как в русской, так и во французской печати, отнюдь не адвокатом: он — **«обвинитель»**

«русских жирондистов», — к правому, умеренному крылу которых когда-то принадлежал сам. У левых отнимается им даже последнее утешение, еще лелеемое иными в изгнании: будто русская революция «все равно была неизбежной»... «Да, она стала неизбежной, но только вследствие **вашего** образа действий!» — такова подносимая В. А. Маклаковым правда.

...Когда-то, очень давно, в 1894 году Московский университет напечатал «ученую» работу студента Маклакова «Избрание жребием в Афинском государстве». Профессор Виноградов (знаменитость) предпослал ей хвалебное предисловие, как «интересной и оригинальной» попытке по-новому объяснить причину замещения многих государственных должностей в Афинах по жребию. (Кстати: не пожалеть ли, что не по жребию были сделаны последние предреволюционные **русские** назначения?) — А профессор Мищенко, много лет спустя, настойчиво расспрашивал москвичей: «Что сталось с Маклаковым-историком?» И, узнав, что это — тот же В. А., прославленный адвокат и политический деятель, — горестно воскликнул: «А мы-то возлагали на него такие надежды!»

В наши дни, пожалуй, то же горестное восклицание втайне могли бы повторить кадетские лидеры... Сами-то они, — «нераскаянные!» — умудрились даже после «каленого железа» революции сохранить в неприкосновенности (не выжженными навсегда!) свои политические предрассудки. И тем, кто перерос былую партийность, они не прощают правды.

В том французском историческом очерке, который уже приходилось цитировать (введение к французскому переводу трудов революционной Следственной комиссии «Падение Царского режима»), В. А. Маклаков шаг за шагом вскрывает ошибки вождей русской интеллигенции; винит их — в разрыве с государственной властью, в «блоке» — с революционной демократией.

Основное положение маклаковского очерка: **«Россия — без революции — медленно, но верно, шла к лучшему будущем»** (стр. 29). Это действительно «самое важное». И отсюда, с неизбежностью, вытекает **осуждение** революции.

А вот присяжный «историк» — П. Н. Милюков в своем недавнем французском курсе русской истории, курсе, по которому будут, к сожалению, «учиться» французские юноши, — уклонился от этого признания. Правда, утверждать, что Россия беднела и поникала при монархии, он также не мог. Но он просто-напросто **замолчал** крупнейший, основной исторический факт

хозяйственного **расцвета** России при последнем ее Государе! И это историк, знающий цену фактам и экономике!

Из обстоятельнейшей (трехтомной!) Милюковской истории **выпало** противопоставление Царской, богатевшей — и советской, обнищалой, России. **Выпало!** И наша недавняя история предстала поэтому перед иностранцами искаженною — в самой основе!*

В беглом, но правдивом изложении В. А. Маклакова вещи ставятся пред иностранным читателем уже «на свое место». И «генеральная линия» старой кадетской политики, направленная к систематическому «разоружению» власти, к созданию ей всяческих помех в борьбе с революцией, — обнажается в очерке с неумолимой четкостью, с безпощадной яркостью!

Из огромного вороха приводимых В. А. Маклаковым примеров извлекаю только один, — зато красноречивый...

В дни борьбы с первой революцией в декабре 1905 года, — уже **после** Манифеста 17 октября, **после** дарования народного представительства, когда в Москве вспыхнуло вооруженное восстание, поднятое непримиримыми революционерами, когда на улицах кипели бои, — какой совет давали правительству кадетские лидеры? Чего требовали в эти дни от государственной власти русские либералы?

— «**Вывести из Москвы войска**, ибо присутствие их поддерживает в населении неудовольствие и возбуждение» (стр. 33).

Невероятно?.. Но — было!

И этим-то людям русские генералы убедили Государя доверить русскую власть! Они взялись «творить» русскую историю заново. Ну, — и «натворили»... Любопытной иллюстрацией генеральских иллюзий по части «общественных деятелей» служит следующий эпизод. Относится он к августовским дням 1917 года, когда к встревоженному, революционному Петербургу подходили войска ген. Корнилова.

---

*Тогда же в «Возрождении» (статья «П. Н. Милюков — историк») мною указывалось на эту сенсационную «фигуру умолчания», на этот, более чем странный, «пробел». Как бы в ответ, появилось в «Последних новостях» очередное услужливое восхваление «ученых достоинств» нового исторического труда их редактора; но по существу, ответа и объяснений не было. Да и что можно было ответить? Вероятно, в последующем французском издании этот необъяснимый пробел будет все же как-то восполнен, — конечно, с какими-нибудь оговорками. Но так, в неприкрытой наготе, простое умолчание историка о том, что в истории важнее всего, — как будто и не может остаться: неприлично... — *Прим. И. Т.*

В. А. Маклаков рассказывает (там же, стр. 85-86):

«Телефонный звонок от ген. Алексеева — просил меня приехать. Я застал генерала в поезде. В противоположность мне, Алексеев считал тогда, что часы правительства Керенского сочтены. По его мнению, оставалось только решить, что делать Корнилову после победы. Об этом только Алексеев и хотел посоветоваться со мной. Я отнюдь не разделял его "оптимизма". Но насчет политического положения мнение мое давно уже определилось. Существенным, по-моему, был вопрос не о лицах, а о режиме. Если продолжать упорствовать в спасении революции, то нельзя остановить разложения; тогда надо пить чашу до дна. В случае же, если бы Корнилов оказался сильнее временного правительства и смог "обуздать" революцию, то, по-моему, следовало бы, прежде всего, вернуться к законному порядку. Порядок этот был покинут в ту минуту, когда у Великого Князя Михаила Александровича вынудили отречение; к этой отправной точке и следовало по-моему вернуться. Надо было держаться манифеста об отречении Императора Николая II, ибо этот манифест был последним легальным актом. Следовало, по-моему, восстановить монархию, конституцию, народное представительство и управлять в согласии с конституцией.

Ведь, — если бы Корнилов вышел победителем из своего столкновения со стихией революции, то это было бы уже доказательством того, что он достаточно силен, — а, значит, может вернуться на путь законности.

Алексеев был, видимо, изумлен.

— Как? Восстанавливать монархию? Но это же невозможно!

— Если это и впрямь невозможно, — отвечал я , — тогда вся затея Корнилова безполезна. Нет никакого смысла "побеждать" революцию, чтобы потом "восстанавливать" ее же снова. Все выгоды, которые вы надеетесь извлечь из смены лиц, никогда не уравновесят зла, которое будет причинено новым крушением власти. Если таковы ваши намерения, тогда уж лояльно защищать существующее правительство против его врагов слева. Это еще лучший сравнительно способ оказывать потом на него спасительное влияние, иметь какие-то шансы удержать революцию в начале ее "соскальзывания под откос". Но если новое правительство — общественных деятелей, которыми вы хотите заменить нынешних, будет действовать в том же "революционном порядке" — долго оно не продержится. Придется, фатально, дойти уже до конца.

Мы долго спорили. Наконец, я сказал генералу:

— Как странно! Мы словно поменялись с вами ролями. Вы, генерал-адъютант, близкий человек к Государю, вы — против монархии! А я, оппозиционер — за!

— Вы правы, — ответил генерал. — Но именно потому, что я лучше вас знаю монархию, как она есть, — я ее не хочу.

Замечание это меня поразило.

— Возможно! — вскричал я, тут, в свою очередь. — Но уж наших-то общественных деятелей я знаю наверняка лучше вас. А потому — ничего не жду от вашей затеи».

Затея рухнула. И не потому, конечно, что не обратились тогда к Вел. Князю. А потому, что болезнь всегда заразительнее здоровья и большевицкой заразе в войсках дали слишком уже распространиться.

Венцом тогдашней неразберихи явился поистине фантастический оборот всего этого дела: ген. Алексеев, не сомневавшийся еще накануне в занятии Петербурга Корниловым, через день оказался — правда, только «внешне», — на стороне Керенского. Оба генерала «нашли себя», свой героический венец, геройскую, доблестную смерть и вечное в национальной памяти имя — только в Белом движении, уже гораздо позднее. А между тем...

* * *

А между тем, — как пишет мне из Белграда один из виднейших и благороднейших участников нашей недавней истории — «Белую борьбу нужно было начать при Временном правительстве и против него!

На следующий же день после февральской революции должна была бы начаться контрреволюция. Между тем, потеряны были дорогие первые недели и даже месяцы, когда можно было бить, так сказать sur le vif...

А большинство из тех, кто тогда уже по существу был настроен контрреволюционно, помогал дурацкому, воистину, спасанию революции. Всего и более и всего раньше обязаны были начать работать в этом контрреволюционном направлении А. И. Гучков и князь Г. Е. Львов. Последнему мешало его нелепое народничество, — а что мешало первому?»

Не хотелось бы возвращаться к «спорам о Гучкове», принявшим столь острый и тягостный характер, — но тут должен все-таки сказать; и возразить.

При всем своем разочаровании в революции Гучков **не мог** броситься с первых же дней, в борьбу с нею. А если бы даже и бросился? Ни один человек **за ним** в эту борьбу не только не пошел бы, но просто бы даже не двинулся.

Если теперь, после стольких искупающих лет изгнания и честной, упорной борьбы А[лександра] И[ванови]ча с угнетателями России, даже теперь, и то! — около его имени закипает, справа, горящая смола ненависти, то что же вспыхнуло бы тогда? Ведь тогда был еще «свеж» приказ военного министра революции, **наградивший орденом** — вынужденно, но наградивший — первого солдата, убившего своего офицера!..

Слишком резко порвал А. И. Гучков со своим личным — и с нашим! — прошлым, в котором у него были — этого нельзя забывать ни в какой полемике! — крупные, исторические заслуги. Эти заслуги относятся ко времени борьбы его с первой революцией. Гучков встал тогда за власть — не колеблясь. Как сильный и самостоятельный человек, он вообще всегда был свободен от интеллигентского «трафарета», и первый из общественных деятелей открыто стал помогать Столыпину.

«Высокая гора — был Петр Аркадьевич Столыпин! И был он человек самонадеянный, скажу больше, высокомерный, не любивший быть кому-либо обязанным. (Верно говорил о нем один из ближайших друзей: "Столыпин — это возгордившийся праведник...") Но мало кем дорожил Петр Аркадьевич так долго, так открыто, так безбоязненно, как дорожил он А. И. Гучковым; его политической думской помощью. Поэтому: не только не разделяю злобно-непримиримой ненависти к Гучкову, но не устану подчеркивать его заслуг — в дни и годы близости к Столыпину.

* * *

Скажут: тут-то и была самая спорная часть Столыпинского наследства, — «Дума»!

Достаточно было, однако, находиться — хотя бы на государственной службе в России до Думы и при Думе, чтобы отчетливо оценить громадное и **полезное** значение перемены. Результаты первой и второй половины Царствования несравнимы. С Думой поток свежего воздуха ворвался в деловые, но окостенелые петербургские канцелярии. «Народное представительство, — говаривал Бисмарк, — замечательное возбуждающее средство для гг. чиновников». Открытая общественная критика заставляла готовиться к ней, пересматривать все заведенные порядки, переоце-

нивать по-новому и людей и традиции. Даже, если считать, что Дума должна была представлять собою только «мнение» Русской Земли, а власть и направляющая работа должны были оставаться за Царским правительством, **и то!** — нельзя было не видеть громадного нравственного и делового роста, при Думе, даже этой «казенной» работы.

Силы, силы блестящие, в распоряжении русской бюрократии всегда были. Но при Думе от них потребовалась быстрота, действенность и сцепление с земскою жизнью. Министерство земледелия, например, преобразилось на глазах из «царства зеленой скуки» — в деятельный и живой центр.

Политическое, да и нравственное значение Думы, разумеется, не исчерпывалось влиянием ее на правящих. В Думе был залог роста всей вообще русской — военной, хозяйственной и культурной мощи, вне-служилой! Первые дни войны и всенародного подъема показали, какие великие возможности сближения Петербурга (власти) и России («земщины») таила Дума. Нужно было поистине староверческое, глухое упорство последних правящих сановников, избранных зловещим, фатальным «жребием», чтобы отбросить даже и эту патриотическую, правую, «четвертую Думу» в левый, враждебный лагерь! Оттолкнули; замкнулись в непримиримой ненависти; испробовали — вместо примирительного, европейского, столыпинского пути, — свой, черный, **узкоколейный!** И привели — к бездне. Эти сановники разделяют с Думой ее вину в том, что вспыхнула революция.

Революция прервала и исказила поступательный ход русской истории. Но предшествовавшие ей годы — были годами блестящего развития, — «просперити». По поводу оценки мною деятелей той эпохи белградское письмо ставит мне «на вид» — следующее:

«Вы преувеличиваете размеры Витте. Но, даже если с вашего изображения скосить и 75 процентов, останется очень много. Витте был гениальный администратор, именно администратор, а не политик. Столыпин же был не столько администратором, сколько политиком, и, как политик, **он превосходил Витте.** У Столыпина было непосредственное чутье революции, ее опасности, чутье **борца**. Витте умел маневрировать, Столыпин же умел бороться. Даже его ошибки были ошибками борца. Именно, как борец, он импонировал Гучкову, который сам был борцом, но низшего порядка».

С этим спорить трудно, да и незачем; правда — «выпирает» из этих слов моего оппонента!

Витте и Столыпин. И тот и другой делали **настоящую** русскую историю именем Царской власти и опираясь на ее силу. Кроме них действовали и другие. Но — на расстоянии, в отдалении от горного хребта всегда виднее его вершины. Вблизи, в горной тесноте, труднее отличить именно эти вершины от соседних, соперничающих с ними гор, теснящихся тут же, ревнивых, поочередно освещаемых солнцем, либо затуманенных облаками... Так и современникам, даже сотрудникам, трудно по-настоящему оценить, среди государственных деятелей, — людей, подлинно «исторических»... Потомству — они виднее. В отдалении фигуры их вырастают, высятся, уже неоспоримо, над общим горным массивом.

Две «вершины». В борьбе с революцией Столыпин превосходил Витте: и морально, и стальным темпераментом. Зато у Витте больше было разнообразно-творящей, неразборчиво-плодовитой, жизненно-буйной силы, расточавшей — пусть даже и хаотическую, но всегда поражавшую своим богатством, возбудительным жаром **инициативу**. Столыпин был рыцарственнее, дисциплинированнее, но беднее. И во многом, — в области крестьянской земельной реформы и прививки к русскому государственному строю «Думы», народного представительства, Столыпин продолжал и исправлял Витте, бросившего «первые семена» — наспех, полусознательно.

Лучшая из знакомых мне «сравнительных характеристик» Витте и Столыпина дана — и подробно, блестяще развита — Петром Бернгардовичем Струве, в международном (венском) сборнике «Люди, делавшие историю». Заимствую оттуда, — кроме названия этого фельетона, еще несколько — очень верных, а между тем сравнительно слабо подчеркнутых до сих пор, — черточек.

Мать Витте принадлежала к старой русской знати (Долгорукая). Отец был видный русский чиновник из немцев; директор департамента при Кавказском наместнике. Сам Витте получил высшее образование; провел всю жизнь на государственной службе. А между тем **никаких** черт дворянских, немецких, чиновничьих, интеллигентских в нем нельзя было отыскать и признака*!

---

*И не случайно; кстати говоря, исходя из той же генеалогии (см. наши комментарии в конце кн.). Дело в том, что... его происхождение и родственные связи явственно проступают в характеристике, данной ему в наст. статье И. И. Тхоржевским. К таковым чертам следует отнести, прежде всего, его «азартность», «властность», «фамильярную вульгарность» «неразборчивость», политическую «безпринципность», «широту» во взглядах на на-

Конквистадор; завоеватель; «самодержавный» делец; Витте азартно ломил свое, сокрушал все преграды данной ему Богом «силищей».

Он преклонялся перед наукой, но сам был редко невежественным человеком. Жил — сегодняшним днем. Не имел никаких политических убеждений. Зато был — гениальный, властный, зоркий государственный человек-самоучка, с огромным даром **осуществлять**, добиваться, проводить в жизнь все то, что он своим исключительным жизненным чутьем и даром администратора охватывал, как нужное сейчас для России.

Без всякой внутренней борьбы перешел Витте от реакционных взглядов — к Манифесту 17 октября... Теории и принципы были не его сферой. Но **жизнь** он видел и понимал как никто. И сделал «уйму» для «индустриализации России», для ее финансов; для выхода всей страны на прочную, свою собственную, но и европейскую линию. В голове Витте было ясное сознание неотложности выхода и русского крестьянства: из земельного мужицкого подполья — к общему праву собственности.

Столыпин — соперник, преемник и даже враг Витте — в своей деятельности служил тем же государственным целям: неотложной перестройке России — на более современный, справедливый и **более крепкий** лад. Но это была — другая натура. Гораздо более цельная! Столыпин был **нравственно-серьезнее** Витте. Он принадлежал к старой русской знати не только «кровью», но и всем своим складом: властным, сословно-гордым, внутренне-благородным. Как и Витте, Столыпин ни на иоту не был чиновником; зато был насквозь «служилым человеком». Чувство долга перед Царем и Родиной, начало **верности**, дисциплинировало его душу.

Витте окончил математический факультет, Столыпин — естественный. Ни тот, ни другой не были юристами. Все отвлеченно-литературное от них «отскакивало». Надо сказать: «и слава Богу». Такой умственный склад очень помогал в обоих прирожденному политическому реализму...

Но у Столыпина были — в отличие от Витте — крепкие и стойкие **политические убеждения**, вынесенные им из жизненного опыта; было знание русской деревни, русской провинции; был ораторский боевой талант. На нем лежала печать уже несколько другой эпохи, несравненно более трудной, полной внутрен-

---

циональный вопрос, особую привязанность этого «дельца» к финансовым проблемам. — *С. Ф.*

него трагизма. Но оба министра шли к тем же целям, — и сталкивались они с теми же препятствиями.

Слева мешали вовсю кадеты. Справа — небольшая, но влиятельная «прослойка» шептунов и угодников... Петербургское «сердостение» (как малограмотно произносил Витте).

Таким образом, отдавая решительное предпочтение Столыпину, П. Б. Струве, к счастью, далек все же от того, чтобы ставить Витте перед ним «на колени» (как это у нас с некоторых пор повелось*)...

Струве отмечает и некоторую узость столыпинского национализма (в польском, например, вопросе). Политически узок и неправ бывал Столыпин — (замечу от себя) — и в своих столкновениях с Наместником, гр. Воронцовым-Дашковым, «ладившим» с кавказскими национальностями, и тем поднявшим снова на прежнюю **Имперскую** высоту — русское имя. Несомненно, Витте был в национальных вопросах много **шире**. У него было больше «имперского» сознания. Витте был вообще свободнее, проще Столыпина. В отличие от Столыпина, Витте никогда и ни перед кем не затягивался в официальный мундир, застегнутый на все пуговицы; и как начальство, был, во всяком случае, неизмеримо приятнее, доступнее и живее. «Поза», свойственная П. А. Столыпину, — и в политике, и в отношениях к людям, — была органически чужда графу С. Ю. Витте (зато, увы! не чуждому фамильярной вульгарности).

* * *

Интереснейшая статья П. Б. Струве о людях, делавших нашу историю, заключает в себе, кроме сокращенно пересказанной выше характеристики Витте и Столыпина, также ряд ценных указаний на различие подхода их к крестьянскому и земельному вопросам. Но это уже особая тема, несправедливо почитаемая у нас «скучной» (скучной — только в виду неумения людей, обычно пишущих на эти темы, живо к ним подойти). Не буду сейчас в эту область вдаваться. Скажу только, что и Витте,

---

*Кстати: в воспоминаниях дочери П. А. Столыпина, печатавшихся в «Возрождении», был приведен невероятный рассказ о том, будто отставленный Витте, приехав к премьеру Столыпину с просьбой не допускать переименования в Одессе «улицы его имени», стал перед Столыпиным на колени и получил все же отказ. Допускаю, что Витте мог в разговоре, со свойственным ему преувеличенным жаром, сказать: «прошу вас на коленях». Но чтобы он встал, действительно, на колени, не допускаю ни на минуту. Думаю, что дочь, передавая рассказ отца, — тут спутала «слово» и «дело». — *Прим. И. Т.*

и Столыпин потому-то и были подлинными государственными людьми, «горными вершинами» нашего недавнего прошлого, что они не боялись «скуки» крестьянского вопроса. Ибо этот вопрос был для России куда важнее и Думы, и финансов, и кадетов с националистами!

Троцкий в своей «Истории русской революции» признается: «Если бы аграрный вопрос был буржуазией разрешен, русский пролетариат никогда не пришел бы в 1917 году к власти».

Ив. ТХОРЖЕВСКИЙ

Возрождение. № 4029. 15.6.1936. С. 3;
№ 4031. 17.6.1936. С. 2.

III.
ВЕРНЫЙ «ДЯДЬКА» РЕВОЛЮЦИИ

Под насмешливым заголовком — «Верный сын Императорской России» — П. Н. Милюков посвятил на днях три фельетона «Воспоминаниям» покойного С. Е. Крыжановского[210].

Читатели «Возрождения» знакомы с этими «Воспоминаниями». По корректурным листам у нас были уже воспроизведены наиболее интересные места этой замечательной книги, написанной искренне и с редкою независимостью суждений.

«Независимость суждений» и острый «ум» Крыжановского П. Н. Милюков признает. Но тогда, как сам автор книги сделал из своих воспоминаний, написанных им уже в эмиграции и для себя, категорический вывод: только старый Императорский строй, при всех своих теневых сторонах, был строем, единственно для России возможным и нужным, «с падением его не стало и России», — П. Н. Милюков, со свойственным ему политическим упрямством, силится вывернуть истину наизнанку. Он хочет показать, будто Крыжановский «топит» своими воспоминаниями старую Россию; пробует подсунуть Крыжановскому безповоротное осуждение нашего прошлого. Делается это двумя приемами: 1) подбором ядовитых стрел, пускаемых в изобилии, вовсе не добряком Крыжановским и 2) собственными милюковскими изворотами.

У любого политического деятеля, любой страны, всегда легко набрать из «Воспоминаний» (разве уж они безнадежно — пресно-безцветны) сколько угодно желчных выходок и мефистофельских суждений о делах, а в особенности о людях его эпохи. То, что сказано положительного, попробуют замолчать; и выводы получатся — сокрушающие!

Не вспоминал разве Ллойд-Джордж[211], как Клемансо, придя на совещание с ним после долгого спора с Пуанкарэ[212], в бешенстве сказал ему, англичанину: уступите мне для Франции вашего короля и берите себе нашего президента... — Заключать ли из этого, будто Пуанкарэ был дрянью, а Клемансо монархистом?

Еще более желчные слова бросались Клемансо по адресу французских палат во время войны. Что же, — Клемансо был «реакционером»? Нет. Так же не был «тайным кадетом» и Крыжановский, хоть и хочется Милюкову нас в этом уверить.

Крыжановский был практическим политиком, очень умным, только без настоящей почвенной цельности. Но все же политика не была для него, как для Милюкова, игрой в живые шахматы с очередным противником. Императорская Россия была, все же, для него родиной, с многовековым прошлым, — а не безразличной ареной борьбы «правительства с кадетской партией». Последнее Царствование, ясно и для Крыжановского, — вытекало из обоих предшествовавших: преобразовательной «горячки» Императора Александра II и тормозящей паузы Александра III.

Внутренне настроенный консервативно, в духе Своего Отца, Император Николай II в делах следовал, однако, пути Своего Деда-Преобразователя.

И Государем было **достигнуто** многое!

1) громадный рост народного просвещения;

2) громадный рост народного достатка;

3) широко двинуто крестьянское землеустройство (второе «освобождение» деревни);

и, наконец,

4) дано народное представительство.

Для одного Царствования, — при медлительных русских народных темпах, было достаточно. Но для интеллигентского мысленного «галопа» казалось мало.

Февральская революция 1917 г. живо скатила Россию с Императорских высот в смрадную большевицкую яму. Революция была несчастьем для России, русскою катастрофою. И одним из виднейших «пособников этого скатывания» в яму, усерднейшим «дядькою» революции был П. Н. Милюков.

Многие из его прежних единомышленников теперь опомнились. Но он упорствует, не останавливаясь перед историческими искажениями. Напускное профессорское спокойствие его статей служит только «прикрытием» для вставок, полных самой злостной неправды.

Пример. Крыжановский пишет: Императорской России нужно было преобразовать свое местное управление, видоизменить и усилить постановку губернаторской власти; усилить вообще всюду, в Петербурге и на местах, полицию; но это не было сделано.

Революционное Временное правительство, как известно, взяло обратный курс: предоставило черни громить полицию и сжигать живьем полицейских. А кроме того, первым же своим, театрально-передовым, жестом — вовсе **упразднило** губернаторов. Во главе губерний оказались председатели земских управ. Расчет был — на идиллию; на то, что все само собой «утрясется и образуется» (слова кн. Львова). В этом ослеплении временная власть осталась ненадолго. Но — факт, что старая административно-полицейская машина, пусть и несовершенная, была самим же Временным правительством, созвучным революции, разбита и доломана **сверху**.

Прекрасно это знающий, П. Н. Милюков не стесняется, однако, теперь заявлять: **«жестоко пострадало»** от несовершенства нашей старой местной администрации и полиции и от «устарелости» губернаторской власти — **Временное правительство**...

Наоборот! **от Временного правительства** пострадало местное управление и жестоко пострадала Россия.

Облыжная версия о «невинно-пострадавшем» Временном правительстве не случайна. Она составляет «душу» нынешней политической позиции П. Н. Милюкова.

Вину за свой собственный, исторически-скандальный, провал 1917 года политик не только валит на других. Он отказывает теперь старой России вообще в государственном разуме; видит в ней — «хаос остатков прошлого». А, с другой стороны, у него находятся вполне «уважительные» слова для советской власти: «Советской власти уже пришлось восстановлять единство России» и т. д.

И это не мимолетные обмолвки газетной статьи! Систематическое очернение Императорской России и уважительное отношение к советскому бедламу, как к государственному строю, — такова основная тенденция обширной «истории России», изданной Милюковым уже в эмиграции, на французском языке, для иностранных школ. Эта политическая фальшивка, под ученой видимостью «Истории», была в свое время «Возрождением» заклеймена. Но с тех пор «историк» окончательно утвердился в своем отрицании славной русской Императорской **были**.

Приписывать Крыжановскому осуждение старого режима, как «обреченного!..» Но Крыжановский не только подчеркива-

ет свое «благоговейное» отношение к Императорскому строю; он выразил (во вступлении) свою веру в то, что в этом же строе и «будущее» России.

Этот строй исторически доказал свою способность ко всяческому росту **и к обновлению**. Кстати, Милюков делает, попутно, следующий «нажим» на историю. Слова Сипягина[213] — «мы на вулкане», — относящиеся ко времени **до** японской войны, **до** смуты 1905 года, **до** введения народного представительства, Милюков незаметно переносит и на позднейший период, когда русская политическая обстановка внутренне изменилась. Дума была уже дана, и революция побеждена не только физически, но (при Столыпине) и морально. Для Милюкова настали тогда черные годы; для России — блистательные!

После двух первых Дум, открыто валившихся в «большевизм», власть опомнилась. Чересчур поспешный и несуразный демократизм первоначального выборного закона был изменен. Но Милюков, посылающий и теперь первым двум Думам свое душевное политическое «алаверды» (хотя они опирались на явный обман народа крайними партиями), видит во всей последующей русской истории только одно: «**порчу** состава народного представительства». На самом же деле властью был для России тогда спасен представительный строй! Теперь открывалось, — пусть и не сразу, творческое широкое будущее; а раньше грозил немедленный, позорный срыв во власть черни и Ленина.

За короткий срок (всего в несколько лет!) думский «народный глаз» заставил уже прибрать и наладить многое в русском управлении. Дума безспорно помогла подтянувшейся власти не только вывести Россию из смуты, но и дать родине невиданное ранее процветание.

С этой поры политическое будущее России, — **великой, богатевшей, шедшей к свободе, и отнюдь на сипягинском вулкане более не стоявшей**, — будущее наше зависело главным образом от того, как сложатся отношения между исторической властью и, неокрепшим еще, народным представительством. **Мир** «русских хижин» могла отныне разрушить только **война**: «Таврического дворца — с Зимним».

Впрочем, времена надвигались тяжелые. Нежданная и опасная, настоящая война опять поставила «на вулкан» Россию, как поставила она на вулкан и все другие державы, гораздо более уравновешенные и окрепшие. Но жизнь показала, что даже исход для нас всеевропейской войны, как вообще судьба России, —

прямо и во многом зависели от внутреннего «лада» между Троном и Думой. Пусть реальная борьба власти с надвигавшимся бунтом шла вне стен Думы; только в Думе таилось **знамя** возможной победы революции, или, наоборот, общенационального торжества власти.

Самые страшные военные удары были уже перенесены Россией к 1917 году. Победа уже к нам близилась. Военные бунты в тылу были, конечно, возможны; но ведь вспыхивали они и в других странах; число расстрелянных бунтарей в Европе было куда больше... **Революция в России произошла только потому, что солдатский тыловой бунт был возглавлен Думой, потребовавшей отречения Государя.**

Отречение требовалось, правда, в пользу Сына или Брата Государя, так что продолжение нормальной для России государственной жизни могло казаться возможным. Но ни одно из нужных реально условий для такого «продолжения» не было не только подготовлено, но даже предвидено Думой. Думские политики, захваченные врасплох, наскоро выключили «электрический ток» Русской власти (Царя) — и Россия погрузилась в кромешный мрак.

В борьбе за власть Дума была безконечно слабее и несоразмерно ниже Императорской, — «традиционной» (как смеется Милюков) — власти. Но в Думе жил, все же, **символ** народного представительства, — и ей было дано самим Троном право говорить **именем народа.** Огромное значение имело то, что называлась Дума **государственной** и что заседала она не где-то в революционной подворотне, а историческом русском дворце. Просто к революционной подворотне русские войска строем не пошли бы. Не поклонились бы такой подворотне и обманутые русские генералы. И уже никогда, ни за что бы не уступил ей Русский Царь!

Только мираж Таврического **дворца**, только мираж **Государственной** думы прикрыл собой, — на то историческое мгновение, — черную яму бунта. И увлек в эту яму близорукие русские «верхи»; погубил родину.

Совсем **не в действиях** Русской Императорской власти, честно служившей России, заключался корень переворота и причина падения. Но **внутри власти** завелся червь разлада. Вот где виновники нашей катастрофы: плохие советчики около Государя — и еще худшие вожаки в Думе. Виновники — все те, кто разжигал борьбу и разлад между дворцами — на горе хижинам.

Бросить правую, и в большинстве своем патриотическую Думу в революцию, поссорить ее с благородным «слугою Роди-

ны» Государем, — над этим бились годами многие безумцы, работали — десять лет! — многие, правые и левые, упрямцы.

И больше всех поработал для революции — Милюков. Всегда отвергал он примирение с исторической властью, всегда тянул — к революции.

Честная книга воспоминаний В. А. Маклакова — «Власть и общественность на закате старой России», — дает в этом отношении яркий, убедительный и неотразимый обвинительный акт против П. Н. Милюкова.

Но дальше — хуже! Свою вину перед Россией, свое политическое падение самодовольный «дядька революции» не искупил, а усугубил в изгнании. Как бы предчувствуя, что ни одно русское течение не простит ему, уже никогда, его роли в прошлом, Милюков бросился, очертя голову, в разрыв с русской традицией: в служение революции — всюду, где она еще не развенчана **так, как развенчана она навсегда для России**, страшным, ошеломляющим русским опытом. На поклон — к революции! Только бы не к раскаянию! только бы не к живой России, не к ее религии, творчеству, дисциплине, — основам Империи.

Милюков приводит злые строки Крыжановского о Штюрмере[214] и других дряхлых политических старцах, «все мертвивших» когда-то своей рутиной, висевших «свинцовой тяжестью» на рычагах и колесах русской политической мысли. Но разве сам он теперь, для зарубежья, не стал тем же Штюрмером наизнанку? Не висит ли и он, своим старческим левым рутинерством, своим упрямым непониманием русской жизни, старой и новой, — как свинцовая гиря на эмиграции, как тормоз к ее объединению?

Гибкий и умный, С. Е. Крыжановский никогда не принадлежал к заклятым врагам Государственной думы, хотя и был невысокого мнения о ее заправилах. (Любопытно, что Крыжановский, говоря о кадетах, выделял Муромцева: «большой доктринер, но головой выше остальной кадетской братии». О Милюкове же его отзыв — почти пренебрежительный: «Ставил свою партию в неловкое положение», «безтактный», «вредный».) Когда Крыжановский ставил свои условия принятия власти министра внутренних дел, он подумал не только о военно-полицейских мерах подавления революции: он потребовал и политики — **«ладить с Думой»**, хотя бы внешне; не обострять отношений, как-нибудь **«дотянуть»** — **до победы** на фронте.

Милюков соглашается, что программа Крыжановского могла предотвратить революцию. Но тогда где же внутренняя обре-

ченность режима? Никакой обреченности не было. Она упрямо, искусственно **создавалась** фанатиками, слева и справа.

Вовсе не «один Крыжановский», как насмехается Милюков, понимал тогда положение. Крыжановский сам пишет, что его «нехитрые» условия были ясны тогда каждому, понимавшему, что такое власть вообще, и Русская власть в частности. Не одни же дряхлые упрямцы были тогда в рядах Царских слуг! Правда, лучшие — либо отставлялись от власти (как Трепов и Кривошеин), либо не пропускались к ней (как Крыжановский); но никто из этих опальных слуг не ушел в революцию. А на их места к власти временно пробирались худшие, игравшие, как Протопопов — на разгоравшемся при Дворе **ожесточении** против Думы и «штатского» Петербурга.

Но кто же противостоял тогда правительству в левом, думском лагере, столь безрассудно, в дни Великой войны, разжигавшем ненависть к исторической власти?

Что представляли собой эти люди? Чего они стоили, все эти вожди, так самоуверенно и с такой наглостью готовившие себя «на смену» Императорской власти? Все эти злополучные Милюковы, Гучковы, князья Львовы, Керенские и прочие самонадеянные ничтожества. Как позорно провалились они, став у власти! И как унизительно многие из них добивают теперь себя и свои имена в изгнании!

В составе последнего, пусть плохого, Царского «министерства» были все же дельные люди, уважаемые имена. Министр финансов Барк[215] не чета, все-таки, Шингареву, пусть несчастному, зверски убитому, но в финансах — малограмотному провинциалу. П. Л. Барк показал себя, уже после революции, в Англии и в Австрии, на международной арене, «величиной». Министр земледелия Риттих[216], — не чета все же Чернову[217]! И от ухода адмирала Григоровича[218] Русский Флот вряд ли выиграл...

Почему же надо было уступать места и власть новым людям, злобно готовившим революцию и революцией выброшенным «в помойку»?

Нечего и говорить о том, что уже никакого сравнения не могло быть между **подлинными**, еще недавними, государственными людьми Русской Империи и этими жалкими революционными «дядьками».

Как ни резко, несправедливо судит, например, Крыжановский о Витте, как ни осторожно (чуть завистливо) пытается развенчивать он Столыпина, но никакими цитатами, даже из

Крыжановского, Милюкову не разбить сделанного этими двумя Императорскими сановниками. Равных им государственных деятелей Западная Европа в XX веке не знала — до Муссолини.

Нет! традиции Русской Империи, Бог даст, приведут еще верных русских людей на Родину. А вот угодники революции — пусть торопятся угождать иностранцам, лебезить перед красными. А вдруг и, не шутя, попадут еще в последний кабинет Негрина[219], под занавес, в красную Барселону...

Но зато в России и для России — все революционные дудки уже отпели, отзвучали, и нестерпимы.

Ив. ТХОРЖЕВСКИЙ

Возрождение. № 4146. 26.8.1938. С. 5.

ПОКАЯНИЕ СОБЛАЗНЕННЫХ И УПОРСТВО СОБЛАЗНИТЕЛЕЙ

...Февраль 1917 года... В Таврическом дворце происходила последняя схватка между правительством Государя Императора и злобно нападавшей на него русской «общественностью». В последний раз министр земледелия звал горячо к общей работе, предлагал разумные меры к преодолению продовольственных затруднений. Министра «ненавистного» правительства не слушали, слова его не доходили до завороженной темной силой совести наших парламентариев. Что для них значила война, патриотизм, когда сладостно мечталось о власти, министерских портфелях.

Крайняя левая и Милюков могли бы и не выступать с речами. Они породили преступный «прогрессивный блок» и входившие в него умеренные депутаты: Родзянки, Шидловские, Ковалевские и прежние правые: Шульгин, гр. Бобринский и Пуришкевич с усердием добивали Монархию.

«Россия стоит сейчас, как древний Геракл в хитоне, пропитанном ядом кентавра Нэсса, и он жжет ее, она мечется в муках своего безсилия, она взывает о том, чтобы *правда русская дошла туда, где она должна быть понята, оценена и услышана.* Рассвета еще нет, но он не за горами и настанет день, я чую его, и солнце правды взойдет над обновленной Родиной в часы победы», — так заканчивал В. М. Пуришкевич в середине февраля свою речь, полную нападок против правительства.

Прав неожиданно откровенный В. А. Маклаков, который, говоря о виновности в революции, писал недавно: умеренные либералы больше всего в этом виноваты: они могут искать успо-

коения своей совести в *неизбежности* революции; но она была только результатом их образа действий*.

Теперь блудливые, перекрасившиеся в защитный цвет деятели «прогрессивного блока» старательно открещиваются от своего позорного участия в подготовке революции. Но через два месяца после переворота — когда члены всех четырех Государственных дум справляли в последний раз свой конституционный шабаш, они еще сознавались в этом.

«Государственная дума четвертого созыва, *возгласившая революционное* движение, считала, что она оберегает честь и достоинство России, которые так долго попирались старым отжившим режимом», — говорил Родзянко 27 апреля 1917 года в Государственной думе**.

«Даже не желая этого, мы *революцию творили,* — вторил ему Шульгин. — Поэтому, господа, нам от этой революции *не отречься. Мы с нею связались, мы с нею спаялись и за нее несем моральную ответственность*» ***.

В феврале 1917 г. либеральная общественность победила правительство Государя Императора. Сам Царь был обманут, пленен, отнят от России. Обезглавленное государство было брошено в пучину бедствий. Страшная бездна разверзлась перед Россией.

«Прошло десять дней, — записал в своем дневнике проживавший тогда в Петрограде Клод Анэ****. — Революция сделана. Когда оборачиваешься назад, то удивляешься, с какой чудесной быстротой она совершилась. Два-три дня безпорядков, в общем незначительных; потом в один день 12 марта сразу рухнуло старое здание, воздвигнутое Романовыми.

Это длилось три века. Романовы привели Россию к весьма высокому социальному и экономическому положению.

Никакая страна в истории міра не имела такого быстрого развития. Россия, — бывшая почти Московией при Михаиле I, была самым большим государством міра при Николае II, растянувшимся от Пруссии до Тихого океана и от Ледовитого океана до Эльбруса. Она вместила в себе сто различных национальностей, ранее бывших во вражде и примиренных Императорским миром...

---

* *«Предисловие»* В. А. Маклакова к французскому изданию материалов «Чрезвычайной следственной комиссии».

** Русское слово. № 94 от 28 апреля 1917 г.

*** Там же.

**** *Claude Ahnet.* La revolution Russe. 1917.

Бюрократия была арматурой этого громадного тела. Что она обладала большими качествами, в этом нельзя сомневаться. Центральная власть почти всегда была слаба, и в сущности одна бюрократия сливала сто разнородных племен в нацию, которая все же была сильна, правильно и крепко управляема. Это была терпеливая работа власти. Поколения государственных людей содействовали ее созиданию, устройству тысячи и тысячи колес, благодаря которым, хорошо или плохо, административная машина работала вплоть до самых отдаленных и мелких деревень Империи...

Чем больше я путешествовал по России, тем более был я поражен огромной массе труда, расточаемого администрацией и энергии, которая организовала и регулировала неограниченные творческие силы русского народа. Поверхностные наблюдатели, приезжая с Запада, говорили: "как Россия отстала!" Но я, видя как Россия с головокружительной быстротой перешла от хаоса и варварства к цивилизации, почти равной Соединенным Штатам Америки, — я говорю себе напротив: "нет в Европе другой страны, которая развилась бы в такое короткое время и потребовала так мало веков, чтобы создать государство — современное, богатое и могущественное".

Имя Романовых окажется в истории неотделимым от как бы чудодейственного создания Русского Государства.

И вот Романовых больше нет. Если бы латинские цитаты не устарели, я бы сказал: *"Novus rerum noscitur ordo"*. Каков будет этот новый порядок — увидим мы и наши дети. Разделится ли государство? Еще недостаточно спаянные части этой слишком большой Империи отделятся ли от тела? Развалится ли государство? Уже тысячи признаков показывают на пробуждение сепаратистских тенденций в губерниях. Разные национальности требуют автономии. — Выиграет ли Польша; Литва, Эстония, Курляндия — волнуются, и в одной Украине имеется больше двадцати миллионов жителей. Мы увидим, что Бессарабия, казаки, Кавказ, Армения, Туркестан — потребуют своей автономии. Уже политики предвидят федеративное устройство независимых государств. Черта, соединяющая их, будет крайне слаба. Россия будет только пылью, государством без силы, без единения, неспособным защищать государственные интересы».

Что добавить к этим строкам проницательного француза, сразу понявшего весь ужас положения государства, лишившегося своей исторической власти.

И это писалось *иностранцем* тогда, когда в беседах с ним масон князь Львов уверял, что после революции «русский административный механизм не остановился ни на один день» и даже *«острил»* по поводу «небольшого количества человеческих жизней, которые стоили этой *чудесной крупной перемене»*. Когда Пуришкевич поздравлял себя «с успехами революции» и говорил Анэ «о *колоссальном ходе вперед* при таком незначительном кровопролитии». Когда Влад. Львов с безбожниками занимался разгромом Святейшего Синода и собирались по новому создавать «свободную» церковь. Когда Милюков требовал от английского правительства пропуска в Россию Троцкого-Бронштейна. Когда Гучков делал Анэ такие заявления: «Революционная волна дошла до фронта и расшатала армию. Медленно построенное здание старой дисциплины рушится. Должен водвориться новый порядок. Нельзя обойтись без *некоторых волнений* * при переходе старого режима и авторитета к новому демократическому строю... Я думаю то, что мы потеряли в отношении дисциплины, будет более чем возмещено подъемом духа, который охватил всю армию и от которого, если Богу угодно, мы можем ожидать многого». Когда Керенский заявлял о готовности казнить Государя Императора и выпускал на волю Махно и прочих каторжников. Когда сотоварищ Керенского по революционному правительству комиссар Евграф Ковалевский разрушал Ведомство Учреждений Императрицы Марии, а Шингарев придумывал хлебную монополию.

Добравшиеся изменническим путем к власти кадеты, социалисты и *«умеренные либералы»* дерзновенно помышляли о создании новой России.

Вот уже одиннадцать лет страждет несчастная наша Родина из-за преступных деяний деятелей «прогрессивного» блока. Они — совратители — сделали соучастниками разгрома России сотни тысяч людей. Массы народные не устояли перед искушением и этим увеличили тяжесть того жернова, который предназначен для соблазнителей «малых сих».

Но прошедший через тяжкие испытания русский народ, спасаемый своею Православною верою, все более проникается истинным покаянием.

С глубоким волнением читаешь в январском номере «Безбожника» описание настроений нынешней русской деревни.

---

* В книге тоже француза *Serge Chessin* «Au pays de la démence rouge». (Paris. 1919) ярко описано, с какими ужасами эти «некоторые волнения» протекали в феврале и марте 1917 г. в Кронштадте.

Старик крестьянин говорит сотруднику «Безбожника»: «Господь праздник дал, чтобы о Нем вспоминали, да грехи свои замаливали. Только и душу отведешь, что на праздник. Пойдешь, это, в церкву, а по селу звон идет, и батюшка, отец Павел, уж в алтаре облачается. А как почнет возглашать, прямо за сердце хватает. *Николай Угодник с иконы таково строго глядит: грешники вы, мол, окаянные. Прямо в душу глядит, в глаза, а Богородица — больше поверху головы, мимо... А из церкви идут все веселы*».

«Веселыми» смеют быть они, — потому что *покаянием* очистили совесть. Покаявшись же, получили великие силы на борьбу с сатанистами. И готовят себя к огромной созидательной работе, которую всему русскому народу, как и триста лет тому назад, придется проделать, восстанавливая Самодержавную Монархию.

Но как далеки от такого покаяния главные виновники смуты, те «умеренные либералы», говоря о которых, В. А. Маклаков так заканчивает свое предисловие:

«Участью своею они искупили и искупают свои прегрешения, но История, оценивая по справедливости их вину, будет к ним более жестока, чем их несчастные современники».

«Искуплений» оказалось, однако, достаточно лишь для некоторых февральских революционеров. Они или отошли совсем в тень, или же скромно и добросовестно принимают участие в созидательной монархической работе. Большинство же не только не покаялось, но, оправившись от страха разбушевавшейся революции, принялось с тем же рвением за свое прежнее, злое дело.

Конечно, «история» будет к ним справедливо сурова. Современники же их не только не жестоки, но в отношении их проявляют непонятную дряблость и мягкотелость. Достаточно всмотреться в тех, кто, например, в зарубежье играет главнейшую роль. Всюду в общественных организациях, в печати захватили господствующие позиции февралисты и те представители правительствующей власти, которые, предавая своего Монарха, давно перешли в услужение «прогрессивному блоку».

Все они не только не каются, но всех поучают, изображают из себя идейных вождей. Стараниями все тех же распявших Россию февралистов умело разрушаются все патриотические начинания, подделывается общественное мнение. Ими же создан и потрясший зарубежье масоно-евлогианский раскол.

Вот почему так медленно и недостаточно успешно подвигается наша освободительная работа. Русский крестьянин, трепе-

щущий перед ликами Святых — сумел сокрушить коммунистического змия. Ясно усвоил он и предательскую роль истинных творцов революции. Мы же, позволяющие говорить и действовать от нашего имени нераскаявшимся людям, поклоняющимся масонской нечистой силе, — ничего не достигнем. Чистое дело можно вершить только чистыми руками. Что же может быть чище дела спасения Родины.

Вступая в новую годину нашего лихолетия, мы обязаны, проникшись чувством прозревшего крестьянина, сплотить ряды всех искренно ненавидящих революцию. Сбросив масонские путы, должны русские люди усилить работу по освобождению России и возвращению ей Царя Самодержца.

Двуглавый Орел. № 16. 23.2/7.3.1928. С. 1-4.

IV.
У ЦАРЯ ЗА ПАЗУХОЙ
(О книге ген. Воейкова «С Царем и без Царя»)

Незадолго до смерти покойный Н. Н. Чебышев[220] прислал в «Возрождение», уже из больницы, статью о книге ген. Воейкова. Статья была сочувственной. Тому было два основания. Одно — личное: ген. Воейков в своей книге желчно и несправедливо **оскорбил** Н. Н. Чебышева, укорил его в угодническом заискивании перед восходящей «звездой» А. Ф. Керенского; в измене Царскому строю, которому прокурор Н. Н. Чебышев был обязан карьерой...

Свойственным ему барским жестом умирающий Чебышев ответил на этот недостойный выпад — похвалой ген. Воейкову за то, что его книга направлена к возвеличению памяти Государя и Императрицы Александры Федоровны.

Больше похвалить у Воейкова было нечего... Но в его книге слишком много, к сожалению, совершенно другого, — чего нам, живым, **нельзя** оставить без протеста и осуждения.

Странны, прежде всего, отзывы г. Дворцового коменданта об Императрице-Матери. «Императрица Мария Федоровна несознательно наносила большой вред престижу Трона». Чем? Недоброжелательством к молодой Императрице, — «соревнованием».

«Почти все приближенные к Большому Двору подвергались Ее строгой критике, тогда как осуждавшие молодую Императрицу любезно бывали приняты Императрицею Марией Федо-

ровной, не чувствовавшей расположения к Своей Августейшей Невестке»...

«Умение прикрывать милой улыбкой неприязненные чувства вводило многих в обман, благодаря чему общественное мнение приписывало Вдовствующей Императрице большую доброту»...

— Такой тон невозможен!

«Улыбки» Императрицы Марии Федоровны всегда **помогали** обаянию Русского Трона и любви народной к Монархии. Об этом надо бы помнить людям, сидевшим «около Царя» — как у Христа за пазухой! Тем более, что сами они никаких симпатий к Русскому Трону своей персоной не привлекали.

Упрекать «несознательную» Императрицу в интригах и в фальши тем менее пристало Дворцовому коменданту, что никакой «фальшивой доброты» лично к генералу Воейкову Мария Федоровна не выказывала: в России Она открыто его порицала, а в изгнании, в Копенгагене, подчеркнуто, наотрез, отказалась его принять... И бывший кавалергард в отместку язвительно обличал Императрицу «Шефа» своего полка!

Резко осуждает генерал Воейков и других Членов Императорского Дома, «потерявших самообладание»: Великую Княгиню Марию Павловну Старшую («старалась возбудить мнение высшего общества против Государя!»), Великую Княгиню Елисавету Феодоровну (выражала сочувствие убийству Распутина). Достается и всем Великим Князьям. Умышленно забывается **причина** волнения членов Династии! Ведь волновались-то они не зря! Ведь Династия действительно влеклась к гибели, Распутин — действительно точил самый корень Русской Монархии.

О Распутине генералом Воейковым написано очень много страниц. Из них резко выделяются две:

1) Распутин убит, ведется следствие, генерал Воейков докладывает Государю. «С самого первого доклада — о таинственном исчезновении Распутина, до последнего — о водворении его тела в часовне Чесменской богадельни, я ни разу не усмотрел у Его Величества скорби, и скорее вынес впечатление, будто бы Государь испытывает чувство **облегчения**»...

Кажется, ясно?

2) На упрек в покровительстве «старцу» генерал Воейков ответил: «Я не опекун Их Величеств».

Какой «Каинский» ответ! «Разве я сторож брату моему Авелю»... **Именно в роли Дворцового коменданта**, в трагическое для Русской Династии время, надо было суметь **взять на себя** мно-

гое... Считал же сам Воейков Распутина проходимцем. Оставайся Дворцовым комендантом генерал Трепов, никакого «дела Распутина» вообще бы не было...

Как человек смекалистый, генерал Воейков правильно ставит в вину министру Протопопову[221]: безумно было **публиковать** результаты следствия по делу об убийстве Распутина. «Исчез» — и кончено. «Погиб случайно при переезде морем в Ливадию», как проектировал когда-то (но не посмел осуществить) ялтинский генерал Думбадзе, никем тогда не поддержанный.

А тогда было еще не поздно — (начало комендантства генерала Воейкова). «Огонь» еще не был упущен...

Генерал Воейков прячется за слова «старца»: «Вивейка меня не любит»... Может быть, мало кого любил в душе генерал Воейков, но дело совсем не в этом.

Предшественник генерала Воейкова на посту Дворцового коменданта генерал Дедюлин[222] был противником Распутина; той же политики держались бы другие кандидаты на это место, князь Ю. Трубецкой[223] и генерал Скоропадский[224]. Отсюда понятно неудовольствие, которое возбудило при Дворе назначение комендантом генерала Воейкова, снявшего все преграды проникновению Распутина во Дворец*. Неудовольствие выразил сразу собственный его тесть, достойнейший министр Двора граф В. Б. Фридерикс[225]. Генерал Воейков умалчивает о том, что это, известное всему Петербургу, «неудовольствие» его тестя продолжалось во все время его комендантства. Отсюда же «нерасположение» к генералу Воейкову Вдовствующей Императрицы; ропот Великих Князей; осуждение общества...

Через несколько дней после отречения, 5 марта, к генералу Воейкову «подошел страшно взволнованный Принц А. П. Ольденбургский, со словами: "Вы должны просить генерала Алексеева дать вам назначение в строй на фронт, чтобы вы могли искупить свою вину"». На вопрос — какую, — «Принц ответил, что все считают одною из главных причин революции мое влияние на Государя. Разубеждать Принца я не стал...»

Смолчал тогда, смолчал и в другом случае:

«На станции Псков, в ожидании приема у Государя, генерал Рузский обратился ко мне, в салон-вагоне поезда, в присутствии дежурного флигель-адъютанта, Герцога Лейхтенбергского[226], со словами: "Вот что вы наделали, вся ваша распутинская клика.

* По «логике» Тхоржевского, Дворцовый комендант должен был противодействовать Царской воле! — *С. Ф.*

До чего вы теперь довели Россию". — Я счел совершенно неуместным в Императорском поезде объясняться с человеком, обвинявшим меня в каких-то отношениях с Распутиным, **зная доподлинно**, что генерал Рузский, будучи по болезни уволен с поста главнокомандующего Северо-Западным фронтом, сыпал с Кавказа, где лечился, телеграмму за телеграммой тому же Распутину, прося его молитв о возвращении его на этот фронт...»

— Оба собеседника тут хороши! Печален «герой» отречения — генерал Рузский. Но и слова самого Воейкова — не изобличают разве **его** «доподлинной» близости к Распутину?

Чужой человек вряд ли получил бы и такую распутинскую телеграмму (после нападок Пуришкевича на «куваку» в Думе): «Хоть маленький кружок, да единомышленники... Посмотри на Аннушкино лицо, для тебя она лучшее успокоение».

Кстати, о «куваке». Эксперты горного департамента дали в свое время **отрицательный** отзыв об этой минеральной воде. Благодаря связям Воейкова отзыв этот был положен под сукно. Но никакой особой помощи от казны также не было оказано. Сам генерал искусно рекламировал свою воду, «забивающую, будто бы, пресловутый нарзан»... Особенного преступления в этом «дельчестве» не было. Но ничего хорошего тоже не было.

Хоть алкоголь толкал и к мраку,
Его бояре пили встарь.
Теперь — того, кто пьет куваку,
Ласкает Двор и любит Царь.

Тот станет свят, кто был безпутен,
Отведав несколько глотков,
Ее запоем пьет Распутин!
И очень хвалит Маклаков...

Убежден, что и теперь в эмиграции найдется немало людей, которые возмутятся этими мятлевскими стихами[227]. Но почему же виноваты стихи, а В. Н. Воейков и Н. А. Маклаков[228] неповинны?

Пускай столичные сплетники напрасно «раздували» толки о Распутине; — но во сколько же раз **больше** виноваты те придворные и те сановники, которые принимали старца под свое крылышко, — и сами на него опирались, под предлогом «невмешательства» в жизнь Царской Семьи. Только потворство Распутину вырыло пропасть между властью — и правой, по своему составу, Думой.

Если у Государственной думы были свои злые гении, толкавшие ее к революции, то как не осудить злых гениев бюрократии и Двора, внушавших Государю мысль — «плевать» на общественное мнение. Именно эта группа людей временно победила; она-то больше всех и виновна в том, что Россия осталась «без Царя»... Столыпинский вариант «не плевать» был упрямо отброшен.

Генерал Воейков сравнивает учреждение Государственной думы «с преподнесением детям в подарок коробки спичек»; он поясняет, будто у нас ввели народное представительство «по шаблону западноевропейского **парламентаризма**» (какой вздор!). Это не мешает генералу утверждать, будто власть Царя осталась «неограниченной» (тоже неверно и противоречит первому).

Но помимо политического убожества кругозора, есть и душевное убожество в том, чтобы, будучи врагом уступок, задать Государю, уже **после** отречения, как это сделал Воейков, вопрос: почему же Ваше Величество не уступили вовремя...

* * *

«Зло» — для генерала Воейкова — началось с 19 февраля 1861 г., с освобождения крестьян, «в корне изменившего строй русской жизни». Но Император Александр III и Победоносцев выправили положение. «Жизнь нашего Отечества протекала тихо и спокойно, **а как только** министр внутренних дел князь Святополк-Мирский[229] стал потворствовать либеральным направлениям, начались революционные выступления...»

Как будто не было ни Японской войны, ни волнений, ни бомбы Плеве... Как будто назначение Святополк-Мирского свалилось с неба!

Нет, не генералу Воейкову, вздыхающему о крепостном праве, тревожить своими любезностями светлую тень Столыпина, сторонника реформ и русского народного представительства!

Жизнь в дореформенной Царской России протекала вовсе не «тихо и спокойно». Так могло казаться (безконечная идиллия) только богатым придворным, жившим у Царя, как у Христа за пазухой. Вот генералу Воейкову и до сих пор кажется, что 19 февраля 1861 г. — ничто в сравнении с другим 19-м февраля: 1889 года, когда состоялся один из придворных ужинов, меню которого, тщательно сохраненное, напечатано в приложении.

Но за стенами дворцов шла, через пень в колоду, иная, **неустроенная** русская жизнь; она требовала забот и спешного, горячего **дела**.

К славе Русских Царей и последнего нашего Государя, надо сказать, что Они сознавали Свой долг перед русской жизнью. Они находили и достойных Государевых слуг России. Вот почему «без Царя» России стало гораздо хуже, нежели было «с Царем». Для Русского Царя «Большой и Малый Двор», слава Богу, не исчерпывали России. Но как раз достойнейших русских слуг Царя Дворцовый комендант и поносит. Придворный делец чрезвычайно строг к русским государственным деятелям.

Графа В. Н. Коковцова[230] генерал Воейков не только лишает графского титула, пожалованного Государем, но и наделяет его «беззастенчивостью», говорит о докладе Коковцовым Государю «неправды»...

В этом же номере «Возрождения» читатели найдут протест московских дворян против воейковского портрета их б. губернского предводителя А. Д. Самарина. Он изображен «беспринципным дворянином» и «общественным карьеристом». «Беспринципный карьерист»! Спросите любого петербуржца, любого москвича, к кому больше подходит это определение: к Воейкову или к Самарину?

Благородный московский земец Д. Н. Шипов[231] изображен предателем, поздно «сбросившим маску».

Недавно скончавшийся генерал В. И. Гурко[232] укоряется в «многолетних трудах на пути достижения столь желанного развала Родины»... А легкомысленнейший министр Сухомлинов[233] оказывается «ставившим служение Родине выше всего».

Генерал Корнилов обвиняется в «полнейшей солидарности с проводниками идей третьего интернационала»... Но ведь генерал Корнилов жизнь свою положил за Россию! — А генерал Воейков, по его же рассказам, продолжает заниматься и теперь коммерческими делами. Притом любопытно, что, обвиняя **во всем «жидомасонов»**, генерал Воейков дела делает — с евреями...

Покойный министр земледелия Кривошеин язвительно упомянут в книге, как пореволюционная «ясская знаменитость»; имя его поставлено рядом с именем П. Н. Милюкова (и после Милюкова)...

Но в русском прошлом имя А. В. Кривошеина останется рядом с иным именем: П. А. Столыпина. Кривошеин немало помог завершению крестьянского «освобождения» — крестьянским **«землеустройством»**; а землеустройство было лучшим «усилием» последнего Царствования, самым творческим из дел Столыпина! Боролся Кривошеин и с пагубным для России разделени-

ем на «мы» и «они». А «люди», углублявшие эту рознь, вели — и привели к гибели.

Нет, девиз генерала Воейкова — «все пройдет» — девиз ошибочный. Ни людям, ни государствам безнаказанно ничто не проходит.

Ив. ТХОРЖЕВСКИЙ
Возрождение. № 4074. 17.4.1937. С. 7.

Были и другие недовольные читатели мемуаров генерала В. Н. Воейкова. Среди них — почитатели «кратковременного» обер-прокурора Св. Синода А. Д. Самарина, о котором также нелицеприятно пишет в своей книге И. П. Якобий. Подробную характеристику деятельности А. Д. Самарина на основе подлинных документов, подтверждающих правоту В. Н. Воейкова и И. П. Якобия, см. в нашей книге «Последний Царский святой. Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Тобольский, Сибирский чудотворец Чудеса. Прославление. Служба. Акафист» (СПб. Общество Святителя Василия Великого. 2003). Мы же предоставим слово «ревнителю памяти» подданного, досаждавшего своему Государю.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Милостивый государь, господин редактор,

Не откажите в любезности напечатать в вашей уважаемой газете нижеследующее:

Бывший Дворцовый комендант генерал Воейков в книге своей, озаглавленной «С Царем и без Царя», на страницах 128-129 говорит о Московском губернском предводителе дворянства А. Д. Самарине.

Объединение дворян Московской губернии, глубоко возмущенное как тоном, так и содержанием этих нескольких строк, совершенно искажающих действительность, вынесло постановление просить меня, имеющего честь в беженстве возглавлять Объединение дворян Московской губернии — печатно протестовать против совершенно несоответствующей истине характеристики нашего губернского предводителя и его действий.

За всю общественную жизнь А. Д. Самарина не было абсолютно никогда случая, чтобы он «возглавлял либерально настроенных дворян», чествовался «левыми партиями», «приводя левых в восторг, а правых в возмущение».

Все знавшие А. Д. Самарина знают, как чужд был «тон общественного карьериста» ему, никакой карьеры не делавшему

и ни в какой карьере не нуждавшемуся. А. Д. Самарин был одним из виднейших представителей высококультурных и идейных монархистов из среды абсолютно независимого слоя российского дворянства.

Верный слуга Государя и России, он, так же, как и старшие представители его славной семьи, служил им верно и нелицемерно.

Всю свою жизнь А. Д. Самарин боролся за честь, славу и прочность Русской Монархии, за величие и мощь Российской Империи. Он делал все от него зависящее, чтобы вокруг Царя не было места темным и безответственным влияниям и в этом имел за собою сочувствие и поддержку всего московского дворянства.

Если после его увольнения со службы он и был объектом проявлений уважения и заслуженной благодарности за верность своему долгу, то он лично этих внешних проявлений никогда не вызывал.

Чтило Самарина все российское дворянство, что и доказало единогласным избранием его в 1916 году председателем объединенного дворянства.

Что касается нелепого указания на «родственную связь» А. Д. Самарина с «семитическим племенем», то указание это со стороны генерала Воейкова нельзя иначе квалифицировать как злой умысел, ибо вряд ли можно считать родственной связью то, что Самарины, как и очень многие старые дворянские роды, имели в числе отдаленных предков одну из дочерей сотрудника Петра Великого барона Шафирова[234].

Председатель Объединения
дворян Московской губернии
кн. В. ТРУБЕЦКОЙ

Прошу другие газеты перепечатать настоящее письмо.

Возрождение. № 4074. 17.4.1937. С. 6.

В. Н. ХРУСТАЛЕВ

ПРОЛОГ ТРАГЕДИИ[235]

Среди пестрого разнообразия политических идей и настроений русской эмиграции есть одно, занимающее, казалось бы, настолько твердую позицию, что посягать на него не решаются даже «сердцем хладные скопцы» аполитичности. Это настроение выражается в благоговейном почитании памяти мученически погибшего Государя Императора Николая Александровича. Это настроение отличается еще одной особенностью: оно одно, из всех оттенков эмигрантской мысли, встречает заведомый отклик в населении советской России. Недавний процесс «федоровцев»[236] показывает, что там, где русский народ проявляет свое подлинное духовное и национальное лицо без влияния посторонних «вождей», он идет под знаменем, на котором, вслед за словами «Христос Воскресе!», начертано «Боже, Царя храни!». Мы знаем, что и после тринадцати лет революции не изгладился в народной душе скорбный облик замученного Царя, то глядя полными упрека глазами со старых, бережно хранимых кое-где портретов, то оживая в безчисленных слухах об Его спасении, то отливаясь в щемящую сердце легенду о том, как бродит по России отрекшийся Император в старой солдатской шинели со споротыми погонами.

Но наряду с этим мы встречаемся и с явлением совершенно обратного порядка. Почти все, что делалось и делается в области, казалось бы, господствующего «белого» направления, — склоняется скорее к тому, чтобы как можно тщательнее забыть истинный облик покойного Царя, замолчать о том, во имя чего Он жил и погиб смертью героя и мученика.

О, конечно, из витрин магазинов, со стен убогих эмигрантских жилищ смотрят на нас знакомые черты Серовского портрета. В ряде личных мемуаров и воспоминаний — мы много читаем и слышим о чарующих глазах Императора, Его обаятельности, воспитанности, самообладании, замечательной памяти, образованности, семейных добродетелях и верности слову.

Конечно, все это дивные, чарующие черты. Но разве по своему объему и масштабу той трагедии, которая 2 марта раскола историю России? Разве эти черты дают нам облик Императора, как Царя?

Да и по самой сфере своего влияния — все эти портреты, воспоминания и почитание памяти относятся, скорее, к бытовой стороне эмиграции, чем к ее идеологии. Иметь у себя на стене портрет Царя, «чтить» Его память, — стало скорее признаком хорошего тона, чем-то вроде аттестата на принадлежность к «обществу», своего рода снобизмом, чем выражением міровоззрения. Если же мы обратимся к действенной, подлинной идеологии, — то мы увидим совершенно иное. И чтобы судить об этой идеологии — лучше всего дать место отзыву наиболее яркого, наиболее почитаемого представителя Белого движения — генерала Врангеля.

«Последние годы царствования, — пишет генерал Врангель, — отшатнули от Государя сердца многих сынов отечества. Армия, как и вся страна, отлично сознавала, что Государь действиями Своими больше всего Сам подрывает Престол»*.

Так пишет вождь Белого движения, его вдохновитель и, в то же время, блестящий представитель Гвардии, флигель-адъютант Царя. Это не отзыв безответственного обывателя. Пройти мимо и обойти его молчанием — нельзя. От такого отзыва один шаг до другого, также принадлежащего представителю блестящих военных кругов, именующего себя офицером Л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка: «В самом деле, какое, в сущности, сожаление мог возбуждать в идейном смысле слабый, безвольный Царь, окруживший Себя близорукой камарильей и мужиком-проходимцем, до последней минуты цеплявшийся за Свои самодержавные прерогативы, в критический час не сумевший защитить их мужественной рукою»**.

Итак, с одной стороны, — портреты и почитание памяти. С другой, — и в той же самой среде (ибо я не говорю о республиканских кругах) — «слабый, безвольный Царь», Который «действиями Своими больше всего Сам подрывает Престол».

Есть, очевидно, какое-то коренное недоразумение, какая-то огромная недомолвка между двумя, столь вопиюще противоречащими друг другу явлениями. Впрочем, эти недомолвки, эта недосказанность сопутствуют почти всему, что связано с рус-

* Записки генерала Врангеля // Белое дело. Т. V. С. 11

** *Галич Ю.* Красный хоровод. Рига. 1929. С. 54-55.

ской трагедией. За какой бы вопрос мы ни взялись — везде мы видим одну и ту же систему, одно и то же стремление: спрятать концы и начала, замолчать об основных, узловых вопросах. Непредрешенство, аполитичность, — все эти лицемерные ярлыки, прикрывающие собой для одних уклонение от ответственности, — для других — тайную политическую работу, указывают, что революционная психология нами еще не изжита, сроки еще не наступили, и час нашего возрождения еще не пробил. Ибо в трагедии 2 марта ключ к разгадке гибели России и ее грядущего спасения. Или эта трагедия, действительно, является результатом ряда того, что принято называть «роковыми ошибками», и тогда надо иметь мужество конкретно указать, в чем эти ошибки состоят, или, наоборот, сама трагедия была уже не ошибкой, но чудовищным преступлением, которое может быть морально искуплено только переоценкой очень многих ценностей, и до искупления которого возрождение России противоречило бы идее мировой справедливости.

Вот почему, всякий подход к изучению этой трагедии имеет не только историческое, но жизненное, творческое значение. Слабым опытом такого подхода является настоящая работа, цель которой — осветить и оценить одну из самых известных «роковых ошибок» — принятие Государем Николаем II Верховного Главнокомандования.

I.

Едва ли какой-либо другой личный почин Императора Николая II имеет такую «дурную прессу», как принятие Им на Себя Верховного Главнокомандования армией. Одним из немногих исключений является, состоявшаяся прошлою весною, талантливая лекция генерала В. Н. Доманевского[237]. В преобладающем же большинстве случаев, — если не считать немногих, притом, по большей части очень сдержанных, отзывов обратного характера, этот акт встречает почти единодушное осуждение. «Настроение Николая II, — пишет П. Н. Милюков, — характеризуется тем, что еще 23 августа Он принял на Себя командование всеми сухопутными и морскими силами. Все попытки (в том числе и письмо, подписанное восемью министрами) отговорить Царя указанием на опасность и риск занятия этой должности, — не помогли. Распутин убедил Императрицу и Императора, что принятие командования в момент, когда враг углубился в пределы Империи, есть религиозный долг Самодержца. Мистический

взгляд на Свое призвание, поддерживаемый сплотившимся придворным кружком, окончательно парализовал все другие влияния. Отныне все попытки извне указать Царю на возрастающую опасность народного недовольства наталкивались на пассивное сопротивление человека, подчинившегося чужой воле и потерявшего способность и желание прислушиваться к новым доводам. Ходили слухи, что это состояние умственной апатии поддерживается в Царе **усиленным употреблением алкоголя»***.

Почти в том же духе высказывается и генерал А. И. Деникин. «В августе 1915 г., — пишет он, — Государь, под влиянием Императрицы и Распутина, решил принять на Себя верховное командование армией. Этому предшествовали безрезультатные представления восьми министров и некоторых политических деятелей, предостерегавших Государя от опасного шага. Официальными мотивами выставлялись, с одной стороны, трудность совмещения работы управления и командования, с другой — риск брать на себя ответственность за армию в тяжкий период ее неудачного отступления. Но истинной побудительной причиной был страх, что отсутствие знаний и опыта у нового Верховного Главнокомандующего крайне осложнит и без того трудное положение армии, а немецко-распутинское окружение, вызвавшее паралич правительства и разрыв его с Государственной думой и страной, — поведет к разложению армии»**.

Не менее определенно высказывается и другой военный писатель — генерал П. Н. Краснов: «Не фатальная ли неудачливость Императора Николая II (Ходынская катастрофа в день коронации, Японская война, темные слухи, распускаемые злонамеренными людьми) пошатнула дух армий, когда Государь Император взял на Себя командование в 1915 г.?»***

К той же категории военных суждений надлежит отнести и отзыв генерала Ю. Н. Данилова о военной неподготовленности и скромности военного стажа Государя, достигшего на военной службе лишь «скромного положения полковника одного из гвардейских полков»****.

«В общем Государь, — пишет генерал Данилов, — был человеком среднего масштаба, которого, несомненно, должны были тяготить государственные дела и те сложные события, ко-

---

* *Милюков П. Н.* История II русской революции. Т. I. Вып. 1. С. 28.
** *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Т. I. Вып. 1. С. 33.
*** *Краснов П. Н.* Душа армии. С. 73.
**** Архив русской революции. Т. XIX. С. 217.

торыми полно было Его царствование. Разумеется, не по плечу и не по знаниям Ему было и непосредственное руководительство войною»*.

В настоящее время, в недавно вышедшей книге «Великий Князь Николай Николаевич» генерал Данилов еще более укрепил и подтвердил свой отзыв о Государе, как полководце: «Вступление в командование всей армией Императора Николая II было встречено с недоверием и унынием, — пишет генерал. — Всем было хорошо известно, что Император Николай II не обладал ни необходимыми знаниями, ни опытом, ни волею, и что весь Его внутренний облик мало соответствовал грандиозному масштабу войны» (с. 274).

Несколько иной характер имеет суждение профессора барона Б. Э. Нольде, который подходит к вопросу не столько с военной, сколько с политической точки зрения: «Во имя спасения страны и спасения Династии надо было **сломить** волю Монарха и заставить Его подчиниться, вместо мистики, политической реальности. Для страны в ту минуту отозвание Великого Князя значило окончательный разрыв с нею, ибо, так или иначе, правильно или неправильно, для всей той России, в союзе с которой война была начата, имя Великого Князя в тот момент было символом этого союза, а его отсылка — символом разрыва»**.

Сводя вкратце приведенные отзывы, мы получаем следующие два основных пункта:

1) Государь принял командование под влиянием Распутина, без надлежащей подготовки, воинского опыта и знаний.

2) Политически — это решение означало разрыв со страной.

Теперь, посмотрим.

II.

Согласно закону, — а именно Высочайше утвержденному 14 июля 1914 года Положению о полевом управлении войск Верховным Вождем Российской Императорской Армии является Государь Император, и лишь в виде исключения предусматривается возможность возложения главнокомандования на другое лицо.

Помимо чисто идейных оснований, вытекающих из понятия о Монархе, как высшем руководителе всех живых сил страны и,

---

*Там же. С. 213.

** *Нольде Б. Э.* Из истории русской катастрофы // Современные записки. Кн. XXX. С. 547-548.

следовательно, прежде всего, ее военной мощи, это начало имеет глубокое жизненное значение специально для нашей эпохи.

Отличительной чертой современной войны, в особенности такого масштаба, как Великая, является огромное протяжение фронта и чудовищные массы, состоящие под ружьем. Результатом огромности этих двух величин является разделение общего фронта на несколько отдельных фронтов, подчиненных каждый отдельному главнокомандующему и состоящих, каждый, из нескольких армий. Весьма характерно, при этом, замечание уже цитированного выше генерала Данилова, что в современных массовых армиях талант и искусство полководца обычно теряются под влиянием их малой гибкости, неповоротливости и недостаточного обучения, в виду чего эти армии более отвечают стратегическим способностям среднего полководца»*. Иными словами, при таких условиях, функции Верховного Главнокомандующего, по своему масштабу, далеко выходят за пределы чисто военных, специальных знаний, относясь, по своей природе, к сфере высших государственных решений, восходя к тем вершинам, на которых, по удачному выражению Черчилля, дело сводится к решению «да» или «нет», — наступать или отступать.

Но, выходя за пределы чисто военной специальности, Верховное Главнокомандование тесно соприкасается с высшим управлением страной. Современная война требует мобилизации не только войск, но и промышленности, путей сообщения, финансов, продовольствия, администрации, короче, — всей экономической и политической жизни страны, т. е. глубоко вторгается в область ее внутренней политики.

Но этого мало. Война, ведущаяся, как великая, в составе европейской коалиции, не ограничивается только задачами своего фронта: необходимо согласовать военные действия с требованиями, вытекающими из союзных договоров. И этот вопрос, опять-таки, тесно связан с общей, на этот раз внешней, государственной политикой. При совершенной безупречности Верховного Главнокомандующего, — его решения могут не совпадать с общим руководством страной, — и тогда создается двоевластие, которое не может не иметь пагубных последствий.

При таких условиях надлежит придти к выводу, что в функциях Верховного Главнокомандующего элемент общегосударственный преобладает над элементом военно-техническим.

---

* *Ген. Данилов.* Организация современной вооруженной силы // Возрождение. № 1634. 1929. 22 ноября.

Вот, вкратце, соображения, лежащие в основе объединения Верховного Главнокомандования и высшего управления страной в одном лице. Само собою разумеется, что значение этого принципа усиливается пропорционально масштабу страны и слабеет в отношении государств с меньшей территорией. Вот почему в государстве, по площади более других приближающемся к России, а именно в САС Штатах, мы видим аналогичное решение вопроса, а именно, в силу конституции, глава государства — президент является верховным вождем армии и флота*.

Как бы то ни было, но принцип этот имеет свою историю, лежит в основе всей организации Русской Армии, выражен, наконец, в специальном законе, изданном именно на случай данной войны. Мы знаем также, что с самого начала войны Государь хотел принять командование и согласился на отступление от этого решения лишь временно, уступив мнению Совета министров. Из писем Императрицы Александры Феодоровны мы видим, что Государь глубоко страдал в первые дни войны, находясь вне армии. Мы знаем также, что Императрица старалась утешить Государя, поддерживая Его в этом решении. При таких условиях представляется совершенно непонятным, почему решение Государя привести, наконец, в исполнение Свою давнишнюю волю, основанную к тому же на точном смысле закона, г. Милюков и генерал Деникин объясняют влиянием Распутина.

Впрочем, может быть, влияние Распутина имеется в виду специально по отношению к данному моменту войны?

Увидим.

III.

19 апреля 1915 года третья армия, состоявшая под командой генерала Радко-Дмитриева и расположенная по реке Дунайцу, на путях к Кракову, имея базой г. Тарнов, подверглась ураганному огню тяжелых германских орудий. Недостаток снарядов не дал нам возможности выдерживать артиллерийский бой, и началось всем памятное галицийское отступление, быстро охватившее почти весь фронт. Хотя, не взирая на убийственный огонь противника, наши войска отходили в порядке, нередко переходя в штыковые атаки и временами нанося тяжкие удары неприятелю; тем не менее, моральное впечатление отхода было огромно. Но еще тягостнее были последствия государственного характера. В связи с отходом армий, территория ближнего тыла, подчиненная непосредственно воен-

* *Beck James M.* La Constitution des Etats Units. Art II. Section 2.

ному начальству, отодвинулась далеко вглубь страны. Волны беженцев, выселяемых по требованию военных властей, хлынули от фронта внутрь России, неся с собой эпидемические болезни, перегруженность населения, истощение запасов продовольствия и заторы путей сообщения. Распоряжения военного начальства, касавшиеся вновь возникшей тыловой территории, часто не согласовались с действиями местных гражданских властей, результатом чего являлось взаимное непонимание, граничащее с раздражением и даже озлоблением. Возникавшая на этой почве неурядица, в связи с угнетающим влиянием отступления, создавала атмосферу общего упадка и потери надежды на победу.

Но тяжкие последствия двоевластия этим не ограничиваются: неурядица, создавшаяся на местах, доходит до центра, вызывая фактическую невозможность работы центрального правительственного аппарата. По выражению секретной записки членов военно-морской комиссии Государственной думы «непроходимая стена разделяет две власти, которые должны были бы работать рука об руку — власть военно-полевую и власть центральную». Иными словами, создаются именно те опасные последствия, предотвратить которые стремился основной принцип командования Русской Армией, возлагавший Верховное водительство на Главу государства. И в этом отношении глубокий интерес представляет только что упомянутая записка военно-морской комиссии. По своему содержанию эта записка является всеподданнейшим докладом членов военно-морской комиссии Государственной думы, входивших в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.

В заключительной части этого доклада, представленного в августе 1915 года, говорится следующее: «Ваше Императорское Величество. Приемлем смелость сказать Вам: понимая неизбежность обособления власти, стоящей во главе армии, от власти, управляющей страной, мы твердо знаем, однако, что без высшей власти, все объединяющей, невозможно правильное направление дела обороны. Только непререкаемой Царской властью можно установить согласие между Ставкой Великого Князя Верховного Главнокомандующего и Правительством». Под этим докладом стоят подписи: председателя комиссии Шингарева, товарищей его Шульгина и Савича и членов — Ефремова, Чихачева, Сверчкова, Добровольского и Маркова*.

* *Шульгин В. В.* Законодатели «в окопах» // Возрождение. № 744. 1927. 16 июня.

Итак, вот те «распутины», которые, по мнению г. Милюкова, убедили Царя в опасности двоевластия. Вот тот паралич правительства, о котором говорит генерал Деникин. Непонятно лишь, почему генерал Деникин винит в этом параличе мифическое «немецко-распутинское» окружение: в составе министров того времени не было ни одного ставленника Распутина, — наоборот, многие склонны объяснять влиянием Распутина их последующий уход. Еще менее можно заподозрить влияние Распутина в Ставке. И, наконец, уже совершенно необъяснимым является указание генерала на разрыв правительства с «Государственной думой и страной». Из только что приведенной записки видно, что, наоборот, сами члены Думы ходатайствуют пред Царем об установлении согласия между правительством и Ставкой.

На самом деле, паралич правительства действительно был налицо, но вызывался он не разрывом с «Государственной думой и страной», которые непосредственно властью не располагали, а, следовательно, и парализовать действия правительства не могли. Паралич правительства вызывался несогласованностью его распоряжений с распоряжениями внутригосударственного характера, исходившими из Ставки, опиравшимися на военную необходимость, а потому и получавшими преимущественное значение на местах. Единственным средством к согласованию действий правительства и военных властей было, естественно, объединение высшей военной и государственной власти в одних руках. Объединение это было всеми сознаваемой государственной необходимостью. Насколько такое толкование основательно, покажет дальнейшее изложение.

IV.

. . . . . .

V.

Как мы видели выше, возражения против командования Государя сводятся к двум видам: в основании первого лежит убеждение в недостаточной личной подготовленности Государя к командованию и Его личной неудачливости. В основании второго — политическая опасность смены Великого Князя Николая Николаевича.

В отношении первого из этих возражений мы имеем целый ряд утверждений, правда бездоказательных, что Государь не про-

являл никакого личного интереса к командованию, что Его участие в руководстве армией было чисто пассивным и что фактически руководителем армии был начальник штаба генерал Алексеев.

Предварительно разбора этих замечаний по существу я считаю необходимым остановиться на одном, весьма общем, соображении, а именно о том, насколько допустимо, в порядке оценки, переносить на начальника штаба заслуги, либо ответственность Главнокомандующего. Прежде всего, с формальной стороны, во всякой субординационной организации, каковой, и в высшей степени, является организация военная, деятельность всякого подчиненного, в конечном результате, поглощается ответственностью начальника. Так, уже цитированный выше генерал Ю. Данилов, говоря об удачном совете, поданном им однажды Великому Князю Николаю Николаевичу, справедливо замечает, что принять или отвергнуть эту мысль было всецело во власти Верховного Главнокомандующего, который нес на себе всю тяжесть ответственности в случае всегда возможной неудачи.

Это положение исходит еще и из того основания, что первым и основным действием всякого начальника является выбор своих подчиненных, их назначение, оставление на своих местах, либо смещение. Ни один высший начальник, не говоря уже о Монархе, не действует без ближайших, посредствующих исполнителей своей воли. Та мера личной инициативы, которую высший начальник предоставляет своему подчиненному, как бы широка она ни была, является, тем не менее, личным актом воли начальствующего.

Никому не придет в голову оспаривать название хотя бы, например, «кодекса Наполеона» или «судебные уставы Императора Александра II», хотя ни Наполеон, ни Александр II не составляли сами свои законы. Всем известны имена сотрудников Петра I, Екатерины II, Александра II, и, тем не менее, как ни велики и славны имена этих сотрудников — реформы этих Монархов, по справедливости, называются Петровскими, Екатерининскими, Александровскими. И лишь по отношению к Императору Николаю II почему-то принято говорить о «Виттевской золотой валюте», «Столыпинском землеустройстве», «Брусиловском наступлении». Но, при таком принципе, и наше победоносное наступление в Галиции пришлось бы отнести на счет заслуг не Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, а его начальника штаба генерала Янушкевича.

Что касается самого вопроса по существу, то деятельность лиц, в порядке службы так близко соприкасающихся друг с другом, как Главнокомандующий и его начальник штаба, обычно столь тесно объединена, что для постороннего наблюдателя почти невозможно провести между ними объективную грань. Поэтому единственным, исторически объективным, морально справедливым и идеологически последовательным мерилом для оценки деятельности Главнокомандующего — являются достигнутые его командованием практические результаты.

Тем не менее, во имя исчерпания до конца поставленной нами себе задачи, мы попытаемся, хотя бы бегло, остановиться и на той субъективной, произвольной оценке Государя, как Главнокомандующего, какую мы встречаем со стороны — увы — весьма известных военных авторитетов. Так, в недавно появившихся воспоминаниях генерала Брусилова, без всяких комментариев заявляется, что функции Верховного Главнокомандующего исполнялись Государем только номинально, а в действительности — генералом Алексеевым. «Его соприкосновение с фронтом, — пишет Брусилов, — состояло только в том, что каждый вечер Он получал сводку положения на фронте. На самом же деле **Царь скучал в Ставке**. Каждый день в одиннадцать часов — Он получал сводку штаба и генерал-квартирмейстера о положении на фронте — этим ограничивалось Его фиктивное командование войсками»*.

Это заявление как нельзя лучше вяжется с уже приведенными выше отзывами ряда известных генералов о Государе, как Верховном Главнокомандующем. В частности, генерал Данилов, признающий, как мы видели выше, современные условия командования наиболее отвечающими способностям «среднего» полководца — отказывает Государю даже в этой «средней» подготовленности. Безвольный, подчинившийся влиянию Императрицы и Распутина, безучастный, несущий Свои фиктивные обязанности за плечами Алексеева, не интересующийся делом, к которому не был подготовлен, неудачливый военачальник — вот тот облик Царя, как Главнокомандующего, который рисуется нам из этих генеральских отзывов.

И однако, тот же генерал Брусилов принужден отметить безуспешность своих попыток, совместно с графом Фридериксом, уговорить Государя увести Свой поезд с опасного места, нахо-

* Memoires du general Broussiloff // Revue de deux mondes. Paris. 1929. 15 mai. P. 25.

дившегося под постоянной угрозой огня с неприятельских аэропланов. Это нежелание считаться с опасностью плохо вяжется с безучастным, пассивным отношением к делу. Но еще более ярким свидетельством является отзыв другого военачальника, которому, как ни относиться к нему, нельзя отказать в воинской доблести и которого, в то же время, еще менее можно заподозрить в личном пристрастии к Государю. Я говорю о генерале Врангеле, посвятившем Государю следующие строки в своих воспоминаниях: «Ум Государя был быстрый. Он схватывал мысль собеседника с полуслова, а память Его была совершенно исключительная. Он не только отлично запоминал события, но лица и карту. Как-то, говоря о Карпатских боях, где я участвовал с своим полком, Государь вспомнил совершенно точно, в каких пунктах находилась моя дивизия в тот или иной день. При этом бои эти происходили месяца за полтора до разговора моего с Государем, и участок, занятый дивизией, на общем фронте армии имел совершенно второстепенное значение»*.

Насколько этот облик Верховного Главнокомандующего, в мельчайших подробностях осведомленного о деятельности даже второстепенных боевых единиц, сохраняющего в памяти эти подробности в течение нескольких недель, — соответствует представлению о вялом, безучастном, фиктивном военачальнике, сводящем свои обязанности к выслушиванию штабной сводки — предоставляется судить читателю.

Впрочем, даже и в отношении значения Алексеева мы встречаемся с некоторым сомнением со стороны уже неоднократно цитированного генерала Данилова, по мнению которого сам Алексеев страдал недостатком волевых качеств и организаторских способностей (с. 274). При таких условиях, сочетание Государя с подобным начальником штаба представляло комбинацию, казалось бы, поистине трагическую.

Но, как сказано выше, истинным мерилом для оценки всякого Главнокомандующего могут служить только объективные факты. Конечно, подробный разбор командования Государя с точки зрения военной науки — есть дело, прежде всего, специалиста, и притом по своему масштабу далеко выходящее за пределы настоящей работы. Вероятнее всего, это дело будущего военного исследователя. Правда, мы уже имеем почин в этом направлении, в виде уже упоминавшейся лекции генерала В. Н. Доманевского, — лекции, увы, замолчанной нашей печатью. Но в общем

* Записки генерала Врангеля // Белое дело. Т. V. С. 14.

необходимо отметить, что в отношении командования Государя, — да и вообще в отношении этого периода войны, наши военные авторитеты отличаются поистине единодушной молчаливостью. Едва ли эта молчаливость объясняется патриотическим стремлением умолчать о слабых сторонах командования Государя: как мы видели, те же военные авторитеты не скупятся на общие отрицательные отзывы по адресу своего Монарха. Впрочем, у того же генерала Данилова мы видим, правда очень краткую, характеристику периода войны, проходившего под командованием Государя. Из этой характеристики участники наступления 1916 года, вероятно не без интереса узнают, что «если бросить только беглый взгляд на события, происходившее на русском фронте с конца 1915 и в течение всего 1916 года, без особого углубления в их существо, то может получиться впечатление, что год этот протек для Русской армии в томительном сидении в окопах, изредка прерывавшемся, хотя и очень кровавыми, но довольно безплодными наступлениями с целью вырваться из удручающей обстановки позиционной войны»*.

И, однако, попытаемся бросить этой «беглый взгляд», попытаемся припомнить всем известные общедоступные исторические факты, чтобы сделать из них необходимый вывод.

«Победное шествие немцев», на приостановку которого с таким трудом надеялся генерал Поливанов — остановилось.

Отступление 1915 года, принимавшее временами характер панического бегства, причем, по свидетельству Ставки, «солдаты сдавались во множестве», было прекращено. Предпринятое немедленно немцами бешенное наступление, известное под именем Млодеченского прорыва, благополучно ликвидировано. Зима проходит в приведении армии в порядок, ее подготовке, снабжению заново, а весною, 22 мая 1916 года, начинается наш переход в решительное наступление, которое возвращает нам в короткое время Луцк, Броды, Галич, Черновицы, значительную часть Галиции и Буковины, и вновь доводит наши армии до венгерской границы.

Одновременно, страна, освобожденная от неурядицы двоевластия, находит в себе новые производительные способности, дающие возможность заново снабдить и вооружить армию, и к весне 1917 года армия, отдохнувшая, снабженная и вооруженная, как никогда, — вновь представляет собою, по свидетельству генералов Деникина и Врангеля, — грозную боевую силу. «Не-

* *Ген. Данилов Ю. Н.* Великий Князь Николай Николаевич. С. 293.

много эпизодов Великой войны, — говорит Черчилль, — более поразительных, чем восстановление, снабжение заново и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году».

Война есть великое огненное испытание государственного строя, и недаром Черчилль в своих воспоминаниях признает, что тот строй, который был воплощен в Государе, над которым Он главенствовал, которому Его личный характер давал жизненную искру, к этому моменту выиграл войну для России*.

Какой вывод можно сделать из приведенных данных? — Очень простой, но глубоко печальный. Те, кто, несмотря на все эти общедоступные, всем известные данные, — стремятся все же опорочить командование Государя, представить Его, как опасный, вредный для дела, неудачный и необдуманный шаг, — к сожалению, не заблуждаются, не обольщаются легкомыслием: они сознательно и умышленно искажают истину.

Попытаемся рассмотреть второй довод, а именно о политической опасности решения Царя. Как мы видели выше, профессор Нольде, являющийся выразителем именно этого мнения, видит эту опасность в том, что «для страны в эту минуту отозвание Великого Князя значило окончательный разрыв с нею, ибо, так или иначе, правильно или неправильно, заслуженно или незаслуженно, для всей той России, в союзе с которой война была начата, имя Великого Князя в тот момент было символом этого союза, а его отставка — символом разрыва».

Оставляя в стороне совершенно непонятное упоминание о какой-то особой России, в союзе с которой будто бы была начата война, из приведенной выдержки следует, что личность Великого Князя как бы воплощала в себе волю страны. Но при таких условиях, очевидно, впоследствии, после отречения Государя, первым и самым естественным движением было бы объединение всей страны вокруг Великого Князя, тем более, что формально было все сделано для этого: одновременно с отречением Царя Великий Князь был вновь призван к Верховному Главнокомандованию. Армия, видевшая в нем своего любимого вождя, преданная Великому Князю, верившая его каждому слову, — была и по праву, и фактически в его руках. Революция ее еще не коснулась. Мы видим, что еще много месяцев после того армия будет держаться на фронте. Никогда ни у одного диктатора в мире не было более удобного, фактически легкого и политически естественного момента для принятия диктаторской власти. И одна-

* *Churchill Winston S.* The World Crisis. 1916-1918. Vol. 3. Part I. P. 225.

ко, мы видим иное. Одного письма князя Львова, — того самого князя Львова, который стоял во главе движения, выдвигавшего Великого Князя в противовес Государю, оказалось достаточным, чтобы Великий Князь подчинился его просьбе и отказался от поста Верховного Главнокомандующего.

Какие выводы можно сделать из этого факта? Только два. Или воля страны не воплощалась в Великом Князе, или сам Великий Князь не верил в эту волю страны. Ни тот, ни другой не дают никаких оснований к утверждению, что смена Верховного Главнокомандующего означала разрыв с страной.

Но зато, сам собою, напрашивается третий вывод: достаточно было одного дня после ухода от власти «безвольного» и «пассивного» Русского Царя, — чтобы заколебалось могучее здание государства, и победившие ничтожества почувствовали себя над бездной, в которую вскоре пали, увлекая за собою Россию.

VI.

Мне осталось сказать немногое, — а именно ответить на окончательный вопрос, который мне вправе задать читатель. Если соображения о личных качествах и неудачливости Царя — оказались вздорными и фактически не оправдались, если в политическом отношении этот шаг не содержал в себе тех опасностей, которые ему приписывают, — то какие же **истинные**, реальные причины двигали теми, кто противился решению Государя?

Ответ на это подсказывается теми же записками Черчилля, которые уже цитировались выше: «Ни к одной нации Рок не был так безпощаден, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду, она уже перетерпела бурю, когда наступила гибель. Все жертвы были уже принесены, работа была закончена. Отчаяние и измена овладела властью в тот момент, когда задача была уже выполнена.

Долгие отступления были закончены, голодовка снабжения была преодолена, вооружение притекало широкими потоками, более сильные, многочисленные, хорошо снабженные армии сторожили огромный фронт, тыловые пункты были переполнены людьми, Алексеев руководил армией и Колчак флотом. Кроме того, никаких трудных действий более не требовалось. Оставаться на посту, давить своим огромным весом на растянутые германские линии. Задерживать без особой активности ослабевшие вражьи силы на своем фронте: одним словом — держаться — вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы».

«Русская Империя, — пишет Черчилль в другом месте, — выставила для кампании 1917 г. более многочисленную и лучше снаряженную армию, чем та, с которой она начала войну. В марте* Царь был на Своем Престоле; Русская Империя и народ стояли твердо; фронт был в безопасности и победа несомненна»**.

В этом открытом и честном суждении иностранца содержится ключ к ответу на наш вопрос: «чего боялись те, кто противился решению Царя». Боялись ли Его поражения?

Нет, боялись ЕГО ПОБЕДЫ.

Ибо победа Царя — означала собою конец мечтам о революции или дворцовом перевороте. Она означала собою мир и спокойный расцвет страны под скипетром Царя-Победителя, — она означала, — скажу откровенно, — позор и посрамление тем, кто пошел ва-банк, став на пути между Царем и победой.

Вот чего боялись и демагоги, готовившие революцию, и придворно-военно-бюрократические честолюбцы, мечтавшие о дворцовом перевороте. Но у них еще оставалась надежда: Царь мог действительно оказаться плохим полководцем. Его командование могло действительно оказаться неудачным. Принятый Им риск мог действительно обратиться против Него Самого. Тогда шансы Его противников не падали, а, напротив, возрастали. Их противодействие приобретало характер и величие исторического подвига, их предсказания — значение и смысл глубокого государственного предвидения.

Кроме того, быстрота и энергия, проявленные Царем в осуществлении Своего решения, не дали возможности Его противникам сосредоточить свои силы. Решение состоялось прежде, чем ему успели сорганизовать достаточно реальное противодействие. Вот почему более года командование Царя проходило при сравнительно спокойной обстановке внутри страны.

Но зато фронт вновь привлекает к себе внимание «патриотов». Начавшееся летом 1916 года наступление вновь создает в армии духовный подъем и уверенность в победе. Надежды на неудачу Царя — меркнут, наоборот, все указывает на то, что весною 1917 года война должна решительно и победоносно закончиться. Последние надежды ускользают. Прямая атака против Царя отбита. Остается последний путь, — путь клеветы, обмана и измены.

Начинают ползти пущенные неизвестно кем ядовитые слухи об измене Царя и Царицы и сепаратном мире. Они ползут мед-

---

* По новому стилю.

** *Churchill Winston S.* The World Crisis. 1916-1918. Vol. 3. Part I. P. 224.

ленно, но упорно, отравляя тыл, обезкураживая борцов, готовя почву для нового нападения. Но необходим и решительный, открытый шаг. Эта печальная роль принимается на себя П. Н. Милюковым. В знаменитой речи 1 ноября впервые открыто бросается клевета — и подхваченная, размноженная на печатных машинках фронтовых общественных организаций, — эта клевета отравляет ум армии, проникает в ее мозг, — и то, чего не могли сделать немецкие пули, будет сделано тыловой «общественностью». Профессор Милюков прав, гордясь своей речью, как «началом русской революции».

Ставка на использование «патриотического» настроения не удалась — и «патриоты» скоро вновь прибегнут к старому испытанному средству: использовать нужды армии, как средство политической борьбы. Через четыре месяца генерал Алексеев сообщит генералу Брусилову[238], что «Временное правительство, образовавшееся в Петрограде, грозило, в случае отказа Николая II отречься от Престола — приостановить снабжение армии»*.

В этом новом «политическом ходе» как нельзя лучше вскрывается истинная цель тех, кто противодействовал решению Царя стать во главе армии: возражали Царю — во имя победы — теперь готовы отказаться от победы, чтобы добиться отречения Царя.

Но все это представляет собою уже трагедию России, — трагедию, последнее действие которой еще не сыграно, — и которая еще продолжается. Трагедию борьбы с Русским Царем — ибо те же самые идеи, те же самые силы, часто те же самые люди, которые боролись против Царя ушедшего, — теперь борются против Царя грядущего. А пока — рассмотренный нами эпизод открытой борьбы против Царя, закончившийся победой Царя, — навсегда останется вечно живым и волнующим всех, кто ищет истины, прологом трагедии, которую будущий русский Шекспир сможет по справедливости назвать «Трагедией о великой измене».

---

* Воспоминания Брусилова // Возрождение. 1929. 7 августа.

И в заключение нашего приложения предлагаем вниманию читателей публикацию отрывка из уникального в своем роде документа, свидетельствующего о реакции в армейской среде (и не в обычной, а мусульманской) на получение известия об отречении Императора Николая Александровича от Прародительского Престола.

ХАН Р. Б. ХАДЖИЕВ

ИЗ КНИГИ «ВЕЛИКИЙ БОЯР»[239]

[...] Была оттепель. Снег таял и, превращаясь в мутную воду, протекал по канавам, шедшим по обеим сторонам шоссе. Птички чирикали неумолчно, чувствуя близость весны. У каждого на душе была радость при виде зеленой травки, пробивавшейся на полях, освободившихся от снега.

Третьего марта 1917 г. утром вбежал ко мне в комнату вестовой полковника Ураз Сердара, Баба, с приказанием немедленно явиться к нему. Баба был бледен и чем-то взволнован. На мой вопрос, что могло случиться с Сердаром, так как в пять часов утра я вернулся от него, чтобы выспаться до семи — Баба ответил незнанием. Считаю нужным сказать, что Сердар имел обыкновение рано ложиться и очень рано вставать. Вставал он аккуратно в три часа утра и больше он не спал, проводя время в чаепитии и в беседе с Курбан-Кулы и со мной. Как только он открывал глаза, первая его фраза была вызвать Курбан Агу или же меня. [...]

Я быстро оделся и поспешил к Сердару. По дороге опять задал вопрос насупившемуся Баба, в чем дело и здоров ли Сердар?

— Эй, Ага, Сердар-то здоров! Только он получил от командира полка приказание к 9 ч. утра собрать своих офицеров и прибыть к нему. Сердар Ага говорит, что Ак-Падишах открекся от Престола и что в Петербурге бунт.

Меня эта весть чуть не свалила с ног. Сразу представилась мне Россия в виде моей Хивы в дни бегства Хана из нее, перед приходом русских. Погромы, насилие, бегство трусливых и двуличных сановников, оставивших Хана одного, и торжество персов во главе с их представителем Мат Муратом.

Сердар сидел без тюбетейки, что бывало с ним в минуты сильного волнения, и был хмур.

— Еще раз доброе утро, Хаджи Ага! Садись, садись. Я хочу посоветоваться с тобой и Курбан Ага (он пришел раньше меня к Сердару) относительно того, как подготовить и сообщить туркменам о комедии, разыгранной нашими верхами. Падишах отрекся от Престола, ты это знаешь? Итак весьма слабый по своему составу полк, жаждущий и тоскующий по родным степям, может потребовать от меня, чтобы я вывел его домой. Ты знаешь и понимаешь, что значит это отречение Падишаха-Сердара для кочевника. Каждый из них будет думать — раз Сам Сердар ушел, то нам и подавно нужно разъехаться по домам, так как воевать без Сердара равносильно стаду быть без пастуха. Возмутительно, возмутительно, — повторил он и, встав, начал ходить из угла в угол комнаты.

— Мне тоже не нравились злоупотребления, которые делали русские чиновники в моем родном Ахале при нынешнем строе, но все же я нахожу преступлением делать переворот, когда враг стучится в двери страны. Мерзавцы продали страну! Подождите — покажет вам немец такую свободу, что долго под его сапогом будете работать, чтобы научиться как жить и быть свободными людьми, а не только мечтать о свободе.

Я напомнил ему о Мат Мурате и о его действиях по отношению к хивинцам ради освобождения своих персов из рук хивинцев. Он согласился со мной и сравнивал роль Мат Мурата с ролью немцев в России.

— Я опозорен пред туркменами в Ахале. Когда я им сказал, что Россия в опасности и честь ее надо отстоять — они, как один человек, пошли за мной. Господи, как я верил в благополучный для России исход войны! Все наши победы, все потери и столько пролитой крови пропало даром! Как же теперь нам выйти с честью из этой грязной каши и в добром здоровьи доставить оставшихся в живых джигитов к их родным в Ахал?! Я не верю этой их свободе. Они продадут ее так же, как продали сейчас Россию. Украденная свобода в прок не пойдет, — говорил в отчаянии старый Сердар.

Курбан Кулы сосредоточенно молчал. Он был бледен и то и дело нервно глядел в окно. Сердар глубоко вздохнул, остановился по средине комнаты, еще что-то хотел сказать, но в это время начали входить офицеры, русские и туркмены.

Позже всех явился поручик Ренненкампф и передал приказание полковника Зыкова[240] явиться к нему.

— Нэмэ хэбар, Хаджи Ага? — спрашивали офицеры-туркмены знаком подбородка и бровей. Я молчал.

Когда все офицеры четвертого эскадрона были налицо, Сердар надел свою папаху. Курбан Кулы подал ему шинель и все вышли.

Русские офицеры и Сердар отправились вперед, а я в группе офицеров-туркмен шел сзади.

Туркмены-офицеры были ошеломлены, услышав об отречении Падишаха-Сердара.

— Посмотрим, что «они» сделают дальше и кого посадят во главе управления и армии! — бурчали между собою растерянные туркмены.

— Нет, балам, Россия теперь погибла! — заговорил вдруг, глубоко вздохнув, Курбан Ага, до этого шедший молчаливо.

— Почему? Разве возможно, чтобы погиб стопятидесятимиллионный народ? — удивился Баба Хан.

— Если хочешь знать, то да! — ответил Курбан Кулы.

— Почему? — опять задали вопросы.

— Очень просто! — ответил он. — Россия была могущественная и великая тогда, когда во главе ее был один человек, которого мы называем Ак-Падишахом. Во время Его управления, хотя и было трудновато народу, но как-то все проходило. Чиновники были не честны, получая от Царя жалованье и недобросовестно исполняя свои обязанности. Все это было плохо, но, будучи привязано к ногам одного человека, держалось крепко. Теперь этот человек ушел и завтра же откроются все слабые стороны новых правителей, убравших Царя и захотевших самим быть на Его месте. Скоро эти господа, не подготовленные к деятельности правителей и севшие не в свои сани, будут бегать от народа, который потребует от них то, что они обещали и что по «их» словам не давал ему Царь. Начнется борьба за власть, один глупец будет вырывать власть у такого же, как он сам. Ради достижения своей цели прольют много крови. Россия будет носиться по морю крови, как корабль со сломанным рулем. Все, устроившие революцию и сочувствующие ей, будучи пришиблены ее волной, и, желая подделаться под общий тон, будут кричать: «Мы сделали для народа, — а народ этот — темный и не подготовленный. Он же и пойдет против «них» же самих. «Они» будут кричать и шуметь: «Пусть сейчас хуже, а потом будет лучше». Но никто уже им не будет верить. И как «они» могут говорить, что сделали эту революцию для народа, когда «они» и запросов его не знают.

Прежде чем дать свободу, надо было бы узнать, готов ли и хочет ли ее народ? Вот, например, я сам — представитель народа, мне 60 лет, а я не радуюсь сегодня, а проклинаю моей сединой тех, которые разрушили в этот день свою и мою родину, Ахал. Я это чувствую и уверен, что это будет так. С этого дня Россия будет принадлежать тем, кто ее захватит, и только Аллах знает, кто будет ее правителем. Я очень боюсь, что иностранцы, использовав эту свободу, разрушив уже потрясенную Россию до конца, через самих же русских, доведут ее до состояния Персии, чтобы в будущем диктовать ей свои условия. Помнишь, Хаджи Ага, ты читал в одном номере петербургской газеты в 1915 году, было напечатано аршинными буквами, что, наконец-то, мечта русского народа сбылась. Дарданеллы форсированы мощным флотом союзников и Константинополь переходит со священной церковью Ая София в руки русского народа и вместо полумесяца будет над ней сиять крест. Вместо Ая Софии с этого дня «они» поставили крест на России! Ведь эта насмешка была устроена врагами России, находившимися внутри ее, чтобы народ открыл глаза и, потеряв веру в правительство, легко пошел навстречу разрушению, с одной стороны, с другой — подорвать авторитет русского человека в глазах многомиллионного мусульманского міра, который должен был тоже думать о том, за что же он, в конце концов, борется, если Россия хочет сменить полумесяц крестом?! Были люди в России, доведшие ее до такого могущества, перед которым преклонялся весь мір. Теперешние господа продали ее, как блудный сын, размотавший наследство отца и не подумавший, какими усилиями и какой ценой собрал его отец. Нет, с этой минуты не собрать России! Поэтому я говорю и чувствую, что с этого дня Россия погибла. Т. е. ее продали. Хозяева ее теперь не русские, а все те, кто за нее заплатил!

— Кто же за нее заплатил по-твоему, Курбан Ага? — спросил я невольно, сам не свой.

— Хотя бы те же немцы и англичане!

— Как же так англичане? Ведь они наши друзья[241], а немцы наши враги, — удивленно заметил Шах Кулы.

— Прежде чем быть другом англичанина не мешает взять несколько уроков у немца, как с ним надо дружить! — закончил старый Курбан.

Я был растерян и совершенно озадачен словами старого Курбана и долго бы пребывал в таком состоянии, если бы сильный стук и удары по чему-то, несшийся из комнаты командира пол-

ка не привлекли мое внимание. Это ударял по столу кулаком Зыкач-бояр — как называли его туркмены.

Потрясенный внезапным отречением Государя и ударяя кулаком по столу, возмущенный и красный, как рак, он кричал:

— Это безобразие, гадость, ч... знает что! Какая-то группа мерзавцев, во главе с дрянным адвокатишкой из жидов, вздумала царствовать! Вы мне скажите, пожалуйста — как вам нравится этот жидовский царь? — обратился он к нам, забыв предложить нам сесть.

Передохнув немного и узнав, что все офицеры в сборе, он, обратившись к своему адъютанту, приказал:

— Поручик Нейдгарт, прочтите вслух господам офицерам телеграмму этого... — здесь он пустил одно характерное словечко, которое без разрешения автора воздержусь написать.

Поручик Нейдгарт медленно начал читать сперва акт отречения Государя, Великого Князя Михаила Александровича и, наконец, указ Временного правительства. Когда при чтении он произносил имена Керенского, Гучкова и других, то Зыков, сжимая кулаки, сверкая очами, подпрыгивал на стуле. Во время чтения я наблюдал за лицами всех присутствующих. Сердар и туркмены были мрачны и переживали тяжелые минуты, опустив головы, — все молчали. Лицо Кюгельгена* выражало полнейшее спокойствие и за все время чтения ни разу это выражение не изменилось. Мне показалось, что он давно был к этому подготовлен. У Эргарта на лице, кроме спокойствия, еще было выражение, говорившее: «Ну что же особенного. Раз все это случилось, ничего не поделаешь. Скоро разъедемся по домам!» Григорьев был зол, но мне показалось не потому, что России грозит опасность, а потому, что он не сможет кричать на офицеров и джигитов, что они молокососы, что он создал полк и т. д., так как ему теперь будут на это возражать, ибо он никогда ничего не создавал, да и не был способен создать что-либо. Курбан Кулы был желт. Я его знал таким только в минуты сильных волнений. Зыков, старый воин и как истинный русский человек, любящий безпредельно свою родину, был безгранично потрясен до глубины души. Не стесняясь присутствием офицеров, он плакал и сквозь слезы говорил:

— Вот вам, господа офицеры, дослужились! Слышали, что вам сейчас читал поручик Нейдгарт? Государя-то сместили в такое тяжелое для Родины время, не говоря ни слова ни армии на

*Полковник Кюгельген, помощник полковника Зыкова.

фронте, ни русскому народу. Вы согласились бы, туркмены, чтобы Царя в такие роковые для России минуты сместили, а? Ведь какая-то сволочь с Гучковым и Керенским во главе дерзнули на Императорский Трон — а? Как вам это нравится, господа? Я первый присягать этой сволочи не буду, я не верю «им», а вы, господа офицеры, как хотите. Сегодня им вздумается посадить на трон адвоката Керенского, а завтра Гучкова, не спрося согласия тех, которые здесь в холоде, в голоде защищают дорогую нам Русь, а в тылу, в Царских дворцах, восседают люди, и тень которых не дерзнула бы явиться на порог Дворца, когда в нем жил Государь Император! — закончил Зыков, то краснея, то белея от злости и от внутренних переживаний.

— Вот, Хаджи Ага, сын мой, не правда ли то, что я говорил, когда мы шли сюда? — обратился Курбан Ага ко мне, когда мы вышли от Зыкова. — Ты слышал, что первый Зыкоу бояр не признает Временного правительства, а таких Зыкоу бояров 150 миллионов в России. Значит, каждый будет говорить о себе и каждый будет не согласен и будет стараться добиваться власти. Так и пойдет кутерьма по всей России! Вот эту-то кутерьму иностранцы и используют в свою пользу и заварят в России такую кашу, что расхлебать ее смогут только они, сделавшись хозяевами ее, — говорил он.

— Да, Курбан Ага, это совершенно правильно, что русские ошиблись с этим и потому сгорят, как бабочка в огне. Сейчас нужен России Сердар, пока армия на фронте — Сердар с железной рукой, тогда что-нибудь выйдет, — вставил Шах Кулы.

— И Царь тоже растерялся! Разве власть Ему легко досталась, чтобы ее так легко сдать, как Он ее сдал теперь!! Но, конечно, — все это от Аллаха. Когда Он посылает кому-нибудь несчастие, разум человека исчезает, — говорил Баба Хан.

— Кого ты называешь иностранцами, Курбан Ага? — спросил я, очнувшись от тяжелой думы.

— А всех тех, которые не любят свою родину, балам, — ответил Курбан Ага.

— Знаете, господа, Зыкач сердит сегодня! Не хотел бы я сейчас попасть к нему под руку, — вмешался Силаб Сердаров, подходя к нам, и передал мне, что меня зовет Сердар.

* * *

В один ясный солнечный день я сидел в кругу джигитов у себя на квартире. Я жил с Курбан Ага в одной комнате. Как я

уже говорил раньше, в полку была традиция среди туркмен, что вне строя джигиты запросто могли приходить к своим офицерам мусульманам, есть у них палау (плов), беседовать и дружески проводить время. Эту традицию поддерживал и командир полка, часто приходивший запросто ко мне пить чай и беседовать с джигитами. Курбан Ага, только что окончив свой намаз, восседал в ожидании вкусного плова, мастерски приготовленного рукой Беляк батыра. Молодой туркмен, внук Аман Гельди Геля, убитого во время молитвы на крепостном валу Геок-Тепе в день его взятия русскими войсками, обратился ко мне:

— Спасибо тебе, Хаджи Ага, что всегда делишься с нами тем, что сам знаешь. Все твои сообщения для нас, неграмотных, очень дороги. Мы не можем себе дать отчета, что творится сейчас вокруг нас. Джигитов, Ага, волнует сейчас вопрос, вернется ли Царь опять, будет ли продолжать войну, а если нет, то скоро ли они смогут вернуться в Ахал? Скажи, Хаджи Ага, если Царь не вернется, то кому мы должны служить и кто будет старшим над Россией и армией? Сердар Ага все молчит и думает. Быть может, ты что-нибудь слышал от Сердара, что он собирается делать? Вчера я был у него и на мой вопрос, что будет дальше, он ответил, что сам он не знает, что [будет] и как быть дальше, так как он еще не разобрался в политической обстановке. Во всяком случае, он посоветовал ждать и терпеть.

Кстати сказать, что Сердар, вообще молчаливый по природе, после объявления свободы стал еще более молчаливым и невеселым. Во время чаев он немного говорил, а только слушал и смеялся от души.

— Ты, Гени бек, говоришь, что Сердар сказал: надо терпеть?

— Да, — ответил Гени бек.

— Ну, если Сердар один раз сказал слово «терпеть», то я повторю это слово три раза, так как терпение — ключ к блаженству. Это сказано в Коране. Мы, мусульмане, должны быть терпеливыми.

— Верно, верно, Хаджи Ага, поддержал меня полковой мулла, всегда молившийся со мной, и Курбан Кулы.

— Слушай Гени бек, текинцы еще не вложили свои ятаганы в ножны. Наш враг еще не ушел. Он стоит еще на фронте и хочет уйти последним. Как ты думаешь, текинцу, славному воину, подобает сейчас бежать в Ахал с поля брани? Ты внук честного героя, патриота Ахала и защитника его славы и чести, Аман

Гельди Геля. Он умер, произнося имя Великого Аллаха, но не говоря слова «кач» (бежать). Ему было легче умереть, чем видеть позорную церемонию сдачи Геок-Тепе, который он защищал так свято. Он своей кровью нам оставил завет, как надо умереть туркмену, его потомству, из-за любви к своей родине. Если он умер за свой Ахал, то мы тоже должны умереть за родину, родину старшую — Россию, так как Ахал теперь составляет ее часть. Вы пришли на зов Сердара не по принуждению, а по доброй воле грудью отстоять ее честь и дали в этом слово. Нарушителю слова пошлют свое проклятие из глубины своей могилы Аман Гельди Гель, Дыкма Сердар. После этих героев проклянет их Россия и потомство! Вот что я скажу тебе. Это можешь передать всем тем, кто желает знать мое мнение.

Все молча и сосредоточенно выслушали до конца. Никто ни одного слова не произнес. Только хруст от ломания пальцев и глубокие вздохи Курбан Ага нарушали тишину.

— Макул, макул! Правильно, правильно!

— Сильные, разумные слова! — говорил мулла, ломая пальцы. Темнобронзовые лица присуствующих глядели сосредоточенно.

— Мне кажется больше того, что сказал Хаджи Ага, никто нам так ясно и искренно не сказал до сих пор и не скажет. — Мы, туркмены, должны, как сказал Хаджи Ага, уйти с фронта после немца и даже после самого уруса, — поддержал меня молодой Баба Хан Менгли Ханов. [...]

* * *

— Ну, будь здоров, дорогой сын! Желаю тебе счастия и здоровья на поле брани. Если Аллах даст живым и здоровым добраться мне до Ахала, то постараюсь известить твоего отца, что тебя любят туркмены и ты отличный сын, — говорил Арчин Ага — глава делегации, родом из аула Геок-Тепе, который привез в полк запасных джигитов и пожелал узнать о житье-бытье джигитов в полку.

— Как вы устроились с винтовками, куда и хорошо ли их спрятали? В вагоне попадетесь, будет скандал, — говорил помощник Арчин Ага (их было девять человек представителей из разных аулов) уезжавшим вместе с ним в Ахал уволенным джигитам.

— Не безпокойтесь, Арчин Ага, если сам отец обыщет нас и то не найдет! — говорили джигиты. [...]

Занятый рассматриванием оружия и удивленный хитростью туркмен, я не заметил подошедшего Баба, передавшего мне приказание Сердара явиться к нему. Попрощавшись с делегацией, я отправился к Сердару, которого застал, по обыкновению, за геок-чаем.

— Садись, Хаджи Ага, есть важная новость и я хочу посоветоваться с тобой по этому поводу, — сказал Сердар, протягивая мне пиалу с геок-чаем.

Наступила тишина, прерванная Сердаром.

— Командир полка получил телеграмму, предупреждающую о приезде комиссаров для присутствия во время присяги полка Временному правительству. По этому поводу вы, переговорив с муллой, приготовьтесь к церемонии. Мне кажется, не все джигиты хорошо знают молитву для этого случая. Если нет, то научите их! — закончил Сердар.

Наступила тишина, которую опять нарушил Сердар.

— Как мне, Хаджи Ага, не хочется присягать этой сволочи, а все-таки придется, иначе нас могут объявить бунтарями и тогда ни за что, ни про что полк погибнет здесь в этом хаосе.

— Джигиты могут сказать вам, Сердар Ага, что зачем нам присяга, если мы раз присягали на верность России. Для нечестного воина присяга не имеет цены — он ее может нарушить в любое время. Если в состав Временного правительства вошли люди не русские, а иностранцы и не доверяют нашей первой присяге, то, Сердар, разреши нам — скажут джигиты — разъехаться по домам, — сказал я.

— Вот этого-то, сын мой, я и сам боюсь! Ах, если бы была возможность избежать этой комедии, я бы с удовольствием это сделал, но, конечно, не осложняя положение полка. Кроме того, — добавил он, протягивая мне четвертую по счету пиалу, — по приказанию командира полка, все приказы, получаемые из Петрограда, будешь переводить на туркменский язык ты, а читать их — мулла, так как боюсь, что джигиты по приезде в Ахал будут иметь на меня претензию, что я их не держал в курсе всех событий, — закончил Сердар.

Выслушав Сердара, я просил разрешения высказать свое мнение.

— Говори, Хаджи Ага! Я слушаю тебя!

— Сердар Ага, ведь есть выход из всякого положения, как бы ни было оно сложно.

— Ну-ка, ну-ка, обрадуй! — перебил меня Сердар и крикнул: — Баба, тащи другой чайник геок-чая!

— Я думаю, Сердар Ага, что в присутствии приезжих комитетчиков мы прочтем молитву о даровании победы России и весь полк поднимет руки к небу по прочтении муллой маленькой выдержки из Корана. Джигитов, если надо, предупредим об этом. Молиться будем, прося у Аллаха победы и благополучного возвращения в Ахал, это с одной стороны, а, с другой, — помолимся по убитым туркменам в эту войну! — предложил я.

Сердар не знал, что делать от радости, и сейчас же, забыв о своем приказании подать новый чайник геок-чая, ушел к командиру полка.

Командир полка Зыков был очень рад этой идее и, вызвав меня, пожал руку.

— Жидам? Присягнуть? Нет! Я верю в Промысл Господа Бога. Эта нечисть долго держаться не будет. Разлетятся! Не правда ли, корнет Хаджиев, — обратился Зыков, протягивая мне геок-чай. Он тоже любил пить его, но, конечно, не в таком количестве, как Сердар.

Была пасмурная погода, когда полк молча, в пешем строю, при штандарте, выстроился в поле. Пришлось ждать довольно долго товарищей-комитетчиков. В конце концов, они прибыли. Лица их не внушали доверия, по выражениям лиц у туркмен. Полк замер и мулла в торжественной обстановке и в глубокой тишине начал медленно читать главу из Корана, как вообще он читал во время общей молитвы. Товарищи комитетчики, украшенные красными бантами, величиною с тарелку, стояли молча с опущенными головами. Мулла кончил и молча поднял руки вверх. Полк последовал по примеру муллы. Помолившись с минуту, мулла крикнул «Омин!» и все сразу поднесли руки к лицам и «присяга» была закончена.

После присяги приехавшие товарищи подняли вопрос, почему полк не носит красных бантов и почему также с штандарта не снят до сих пор Императорский вензель. На это командир полка ответил, что полк состоит из мусульман, а их национальный цвет зеленый, который и будет скоро введен. Что же касается штандарта, то он принадлежит полку и полк не хочет снять вензель Государя, который он заслужил собственной кровью. Так вензеля полк и не снял, завернув его зеленой материей, да и красно-зеленого банта тоже никто из нас не носил. Собственно говоря — зачем надо было это внешнее украшение, когда первым делом надо было украсить душу. Она же с первых же дней революции — изживала!

Товарищи комитетчики собрали обозников-солдат, а их с писарями вместе было больше ста человек в полку, и стали готовиться к митингу. Ждали также туркмен. Конечно, многие туркмены не пошли, ссылаясь на незнание языка.

Узнав о митинге, Сердар приказал выпустить на площадь, где состоялся митинг, двух жеребцов и ловившие их туркмены своим гиканием расстроили митинг.

После этого дня со стороны обоза посыпались на джигитов полка злобные упреки, что-де туркмены не хотят поддержать революцию и идти с ними рука об руку.

Замечу, что обоз был нарыв на теле полка. Еще до революции в высшей степени распущенные от безделья и, находясь в весьма слабых руках своего начальника, полковника Григорьева, обозники после объявления свободы решили играть роль. Первые комитетчики, ораторы, агитаторы вышли из обоза, да из полковой канцелярии. Все старания их притянуть джигитов в революционную игру оставались тщетными, так как у нас в полку жизнь отдельного джигита была связана с волей вождя, Сердара, по вековой непоколебимой традиции. Много способствовало еще незнание языка туркмен. По природе своей вольный и свободный туркмен не понимал цели и значения быстро надвигавшихся событий, которые еще больше связывали их с Сердаром.

— Такую свободу личности, такое к нам отношение наших мусульман бояров, во главе с нашим Сердаром, нам ни вы, ни ваш «Кирэнски» не может дать и нам больше того, что имеем сейчас, не нужно, — отвечали джигиты, когда тянули их на совместную работу обозники.

Обоз и канцелярия ругались, называя туркмен ишаками. [...]*

---

* *Р. Б. хан Хаджиев.* Великий Бояр. Белград. 1929. С. 31, 33-39, 41-44.

КОММЕНТАРИИ

1. *Николай Михайлович Котляревский* (20.10/2.11.1890 †5.6.1966) — родился в Одессе (а по др. сведениям в г. Николаеве). Происходил из семьи потомственных дворян Полтавской губернии. После окончания Одесской гимназии и юридического факультета Новороссийского университета служил в Министерстве юстиции. Статский советник. Во время Великой войны уполномоченный Красного Креста. На фронте отравлен немецкими газами (20.6.1916). Награжден Георгиевской медалью (1916). В годы гражданской войны арестовывался петлюровцами и большевиками, едва избежав расстрела. Пробрался к белым на юг (дек. 1919). Будучи командированным (апр.-май 1920) ген. Врангелем заграницу (Киль, София, Белград, Париж), возвратился в Крым с А. В. Кривошеиным, где последний возглавлял правительство Юга России. Секретарь генерала Врангеля (11.11.1920-1928), а также и хранитель его архива. Перевез прах ген. Врангеля в Белград. Видный деятель монархического движения. Председатель Комитета по построению Храма-Памятника в Брюсселе. Жил и скончался (после четвертого инфаркта) в Брюсселе. Погребен на кладбище коммуны Uccle в Брюсселе. Письма к нему митр. Антония опубликованы в кн.: Письма Блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль. 1988. Был женат на Варваре Владимировне, урожд. графине Мусиной-Пушкиной (12.2.1897 †3.8.1976), состоявшей председательницей сестричества Храма-Памятника. Сын Михаил скончался в Париже 27.7.1985.

2. *Сергей Николаевич Палеолог* (5.7.1877 †3.4.1933) — происходил из византийского Царского рода. После окончания Императорского Московского университета служил в департаменте общих дел Министерства внутренних дел, занимая должности начальника отдела личного состава, вице-директора департамента и члена Совета министра. Один из сотрудников П. А. Столыпина. За труды по организации юбилейных Романовских торжеств был пожалован званием камер-юнкера Высочайшего Двора (1913). В эмиграции в Югославии. Первый председатель Белградской русской колонии. Назначен ген. П. Н. Врангелем (15.8.1920) официальным представителем гражданского управления Вооруженных сил Юга России (правительственным уполномоченным по устройству русских беженцев в Югославии). Работал по сборам в казну Вел. Кн. Николая Николаевича, а также в Комитете помощи русским воинам, создав санаторий им. ген. Врангеля. Член Державной комиссии. Представитель в Югославии Братства русской правды, основанного в 1921 г. генералом герцогом Г. Н. Лейхтенбергским. Ведал Русской Освободительной казной в память Царя-Мученика Николая II. Скончался в Белграде. Похоронен на русском кладбище вблизи Иверской часовни. Один из некрологов был написан И. П. Якобием (Возрождение. № 2871. 12.4.1933).

3. Почетным председателем Комитета был Сербский Патриарх Димитрий, после кончины которого (24.3/6.4.1930) его сменил преемник — Патриарх Варнава, а затем Великая Княгиня Елена Владимировна. Почетными членами были митрополит Антоний (Храповицкий), вдова Николы Пашича — Джурджина. Председателем делового Комитета был настоятель русской церкви в Брюсселе протоиерей Василий Виноградов (†23.10.1932), а потом Н. М. Котляревский.

4. Наружная постройка храма и колокольни были завершены к 20 октября/2 ноября 1936 года. Тогда же были воздвигнуты кресты и завершена внешняя отделка. Начавшаяся вскоре вторая міровая война помешала завершить внутреннее устройство храма. Председательство Комитетом Н. М. Котляревский вскоре после войны уступил графу П. Н. Апраксину (1945). Храм был освящен 18 сентября/1 октября 1950 года митрополитом Анастасием (Грибановским), епископом Западноевропейским и Брюссельским Нафанаилом (Львовым, 1906†1986) и епископом Женевским Леонтием (Бартошевичем, 1914†1956). В 1951-1962 гг. Храм-Памятник являлся кафедральным собором святителя Иоанна (Максимовича), в то время архиепископа Западноевропейского и Брюссельского, где он был первым настоятелем.

5. См.: *Грезин И.* Храм-Памятник в Брюсселе. Список памятных досок. СПб. 1999. Исключение представляет имя генерала Алексеева, фигурирующее в названиях военных подразделений. Однако поминается не он лично, а погибшие в составе этих подразделений.

6. Обстоятельства гибели генерала Л. Г. Корнилова см. в воспоминаниях единственного бывшего в тот момент в комнате офицера: *Хаджиев Р. Б., хан.* Великий Бояр (Ген. Л. Г. Корнилов). Белград. 1929. С. 368-370, 396.

7. *Василий Михайлович Пронин* (1882 †30.1.1965) — после окончания Чугуевского военного училища (1904) вышел в 167-й Острожский пехотный полк. Добровольцем ушел на русско-японскую войну. После окончания Николаевской академии Генерального штаба (1913) служил по Генеральному штабу в Киевском военного округе, а во время Великой войны в штабе 3-й армии Юго-Западного фронта. Помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии в звании подполковника (июнь 1916). Штаб-офицер для поручений в управлении Генерал-квартирмейстера штаба Верховного Главнокомандующего (к. 1916). После февральского переворота 1917 г. участвовал в организации «Союза офицеров Армии и Флота». Ближайший сотрудник ген. Л. Г. Корнилова, с которым находился в заключении в Быховской тюрьме. Бежал на Дон, где, состоя при ген. Алексееве, принимал участие в формировании Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского похода. Назначен ген. Деникиным помощником начальника управления Генерального штаба (лето 1918). Полковник. После отступления в Крым назначен главным редактором официального органа правительства Юга России журнала «Военный голос». В эмиграции в Югославии. Начальник канцелярии Державной комиссии Министерства иностранных дел. Участвовал в основании в Белграде Общества ревнителей военных знаний (1921); выпускал «Военные сборники» (11 томов в 1921-

1930). С помощью РОВСа основал в Белграде газету «Русский голос» (1930-1941); с 1937 г. — редактор-издатель. Член-учредитель Русского военно-научного института в Белграде. Преподаватель Белградского отделения Высших военно-научных курсов ген. Н. Н. Головина. В конце второй мировой войны переехал в Германию, где в течение 4 лет пребывал в беженских лагерях. Переехал в Бразилию (1950), поселившись в Сан-Паулу, где состоял в Постоянном совещании русских национально-православных деятелей. Скоропостижно скончался во время богослужения в русском православном храме в Сан-Паулу. Автор воспоминаний «Последние дни Царской Ставки» (Белград. 1929).

8. Об обстоятельствах и духовном смысле сожжения тела Л. Г. Корнилова см.: *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Борьба генерала Корнилова август 1917 г. — апрель 1918 г. М. 1991. С. 299-301; *Хаджиев Р. Б., хан.* Великий Боярь. С. 371-375, 394-396; *Фомин С. В.* Как *они ЕГО* жгли. Правда о Григории Распутине // Русский вестник. 2002. № 21-23. Специальный выпуск. С. 5-6. Потрясающие подробности, предшествовавшие сожжению тела Корнилова, были обнаружены недавно. Помимо всего прочего, они заставляют задуматься над причинами такого попущения Божия...

«В редакции "Эхо" доставлен номер эсеровской газеты "Новое дело народа" от 19 июня 1918 г. В этом номере напечатана любопытная заметка о "похоронах" Корнилова. Мы приводим эту заметку, сохраняя знаки:

"В только что полученном в Москве номере издающейся в Ростове на Дону газеты "Вестник Добровольческой армии" напечатаны некоторые новые подробности "похорон Корнилова", еще не появившиеся в печати.

Вот как описывает это событие очевидец.

2 и 3 апреля, после отхода корниловской армии из-под Екатеринодара, большевики, прибыв в станицу Елизаветинскую, убедились "воочию", что Корнилов похоронен в церковной ограде, что и подтвердил местный священник.

Торжеству большевиков не было конца, и сейчас же было решено отправить тело знаменитого "контрреволюционера" в Екатеринодар, для обозрения "революционным народом".

Действительно, 3 апреля по Красной улице двигалось шествие, своим видом отодвинувшее нашу жизнь на несколько сот лет назад в средние века.

Нелепым казался быстро мчавшийся электрический трамвай, среди дикой картины, которая представилась запуганному интеллигенту.

Окруженные всадниками в красных костюмах с густо вымазанными сажею лицами, с метлами в руках, медленно двигались дроги. На них, покрытый рогожей, лежал в нижнем белье труп Корнилова, как громко возвещали народу прыгавшие вокруг дикари. Запряженной в дроги лошади вплетены были в гриву красные ленты; а к хвосту прикреплены генеральские эполеты.

Вокруг телеги толпа баб, разукрашенных красными лентами, с метлами, кочергами и лопатами в руках, дальше — мужчины с гармошками и балалайками в руках.

Все это пело, играло, свистело, грызло семечки и улюлюкало. Процессия медленно подвигалась по улице; желающие, — а их было много в толпе, плевали и глумились над трупом, предвкушая удовольствие от картины сожжения трупа.

Наконец, труп подвезли к вокзалу Черноморской ж. д.; толпа волнуется, все хотят посмотреть, как будут сжигать на костре генерала. Бабы с детьми на руках пробиваются вперед, труп снимают с повозки и кладут на штабель дров, облитых керосином...

Через несколько времени толпа начинает расходиться от удушливого дыма; более любопытные остаются у костра"» (Похороны Корнилова // Уральская жизнь. № 136. Екатеринбург. 1919. 29 июня. С. 3).

9. Намек на Вел. Кн. Кирилла Владимировича, его красный бант и революционные речи в марте 1917 г.

10. Главным персонажем этого очерка является *генерал от инфантерии Николай Николаевич Мартос* (1858 †1933). Выпускник привилегированного Павловского военного училища и Николаевской академии Генерального штаба, он участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг., походе в Китай 1900 г., русско-японской, Великой и гражданской войнах. Первые свои награды он получил за участие в боях у Горного Дубняка и под Плевной. За бой под Мукденом был награжден Золотым оружием. В командование XV армейским корпусом, с которым начал Германскую войну, вступил он еще в феврале 1911 года.

В плен генерал Мартос попал в ночь с 15 на 16 августа 1914 года. Его доставили в «маленькую грязную гостиницу в городе Остероде». Людендорф, вспоминал Мартос, как всегда был груб, а Гинденбург проявлял рыцарственность. «Видя мое отчаяние, он долго держал мои руки и просил успокоиться. "Как достойному противнику я возвращаю вам вашу золотую саблю. Желаю вам более счастливых дней в будущем"» (*Головин Н. Н.* Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага. 1926. С. 339).

В Германии был судим за преступления против мирного населения. Плен продолжался до начала 1918 года, когда генерала отправили в советскую Россию. Здесь он находился в госпиталях в Мценске и Москве. Там он узнал, что супруга его была убита во время восстания в Ярославле, а два младших сына погибли на фронте. После недолгого пребывания в Киеве (где при гетмане Скоропадском он некоторое время находился в заключении в Лукьяновской тюрьме) генерал Мартос со старшим сыном выехал в Севастополь. У белых он был начальником санитарного управления, а затем начальником Государственной стражи при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России. В этой должности он в марте 1920 г. был эвакуирован из Новороссийска сначала в Грецию, в Салоники, а потом в Югославию, где был чиновником военного ведомства в Загребе. Там он и скончался 14 октября 1933 года (См.: *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. М. 1997. С. 147-149). Характерно, что единственный появившийся некролог сему генералу был помещен в «Вестнике волынца» — журнале не только того полка, в который Н. Н. Мартос был выпущен из училища, но и того, с которым,

как известно, было связано начало клятвопреступного бунта в Петрограде в феврале 1917 года.

11. В очерке речь идет о греческом острове Лемносе, на который, после эвакуации Крыма, была вывезена часть Белой армии (до 9 тысяч человек, главным образом казаки). Среди них были и казаки бывшего Собственного Его Императорского Величества конвоя (что важно в связи с контекстом очерка Н. В. Краинского). «О. Лемнос, — писал очевидец, — находится в непосредственной близости от Афонского полуострова и вполне понятно, что, очутившись там, русские люди, взирая на видневшиеся очертания русских Афонских монастырей, мечтали о том, чтобы попасть туда, и многие из них, пережив ужасы революции и гражданской войны, несомненно поступили бы в Афонские монастыри и остались бы там навсегда. Но, увы, доступ на Афон для русских был закрыт. Все хлопоты о разрешении русским беженцам въезда на Афон оказались безуспешными» (*Епископ Никон (Рклицкий)*. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. V. Нью-Йорк. 1959. С. 9). Даже приближение к Афону было строжайше запрещено русским, словно прокаженным. Афонский Кинот с холодной безсердечностью отвергал все мольбы русских верующих.

12. Комендантом на острове был «осторожный и скрытный» *генерал-лейтенант Ф. Ф. Абрамов* (*Даватц В.* Очерки пятилетней борьбы // Кубанец. Издание Кубанского казачьего союза. № 157-158. 1992. Июнь-июль. С. 34). Участвовал в русско-японской, Великой и гражданской войнах. Командовал различными донскими казачьими частями. Перед революцией в звании генерал-майора был начальником войскового штаба Войска Донского. Гражданскую войну закончил в звании генерал-лейтенанта, командующим Донским корпусом, в который были сведены все донские казачьи части, находившиеся в Крыму. Занимал в РОВСе высокие должности (вплоть до председателя). После разоблачения его сына Николая, как большевицкого агента, вынужден был оставить эту должность. (Подробнее о нем см. в наших комментариях далее.)

13. Установить имя лемносского архиерея с полной достоверностью не удалось. Состоявший во Врангелевской армии епископом Армии и Флота будущий митрополит Вениамин (Федченков) вспоминал: «На острове Лемносе поселили казаков. Чтобы они не скучали, французский генерал дал им работу: устраивать шоссе. Вероятно, и доселе пользуются казачьими трудами. На этом вот острове мне пришлось посетить дом и семью сельского священника. Какие были смиренные и батюшка и матушка. На редкость! Посетил епископа, но он оказался малогостеприимным» (*Митрополит Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. М. 1994. С. 327-328).

14. Священник, «отслуживший» панихиду, вычисляется без каких-либо затруднений. То был протопресвитер военного и морского духовенства Российской Империи *Георгий Шавельский* (1871 †1951). Этот человек обновленческого духа, из выкрестов, весьма пристрастный в характеристиках, ныне больше известен по своим двухтомным воспоминаниям, отличающимся лживостью и многочисленными подтасовками.

Весьма показателен отзыв о нем Государя в Его письме Государыне из Ставки от 6 апреля 1916: **«Не чувствую себя в настроении исповедоваться у Шав[ельского], потому что боюсь, чтоб оно не принесло вместо мира и спокойствия душе обратного!»** Симптоматично отношение протопресвитера к Царю сразу же после февральского переворота 1917 г. (*Каронинский Н.* Как предупреждали Царя // Петроградский листок. 1917. № 66. 18/31 марта. С. 2). Характерно, что заграницей воспоминания Г. Шавельского смогли быть опубликованы только в эсеровском издательстве им. Чехова в Нью-Йорке. (Церковные и другие приличные издательства отказались от этой сомнительной «чести».) В наше время эти мемуары послужили одним из основных источников для книги эмигрантки Л. Миллер «Царская Семья — жертва темной силы» (Мельбурн. 1998), порочащей память Царственных Мучеников. (Примечательно, что обе эти книги в преддверии прославления Св. Царственных Мучеников были переизданы в Москве официальными церковными издательствами.)

15. *Николай Васильевич Краинский* (1869 †1951) — после окончания медицинского факультета Харьковского университета (1893) работал в клинике П. И. Ковалевского (1894). Защитил докторскую диссертацию о патогенезе эпилепсии (1896). Приват-доцент Киевского университета. Работал на т. н. «Сабуровой даче» (1905) в Харьковской губернии — самом крупном специализированном психиатрическом учреждении в России. (Старшим врачом там был отец автора книги «Император Николай II и революция» П. Н. Якоби.) Доцент кафедры невропатологии и психиатрии Киевского университета (1918). Полковник. В качестве офицера участвовал (причем, непосредственно на театре боевых действий) в русско-японской, Великой и гражданской войнах. Находился в эмиграции на о. Лемнос (1920), а потом в Югославии. Доцент кафедры психиатрии в Загребе (1921). Профессор кафедры психиатрии и экспериментальной психологии Белградского университета (1928). Член Русского научного института в Белграде. Автор брошюры «Вожди и Заветы». Доктор медицинских наук (1931). Руководитель семинара по психологии (1935). Заведующий русскими учебными заведениями в Сербии (1941). Заведующий учебной частью 2-й Русско-сербской гимназии в Белграде (окт. 1941). Вернулся в СССР (1946). Возглавлял биофизическую лабораторию в Украинском научно-исследовательском психоневрологическом институте в Киеве. Среди около 200 его научных работ и сегодня, думается, определенный интерес (даже для неспециалиста) представляли бы такие его труды, как: Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород. 1900; Лев Толстой, как юродивый. Психопатологический очерк. Белград. 1928 и др.

16. Описанное в последних трех абзацах послужило основой напечатанной вскоре в «Царском вестнике» (№ 185. 5/18.6.1931. С. 2-3) «фантазии» «Воля Самодержца» за подписью А. Бурнакина.

17. *Константин Валерианович Апухтин* (6.3.1881 †1945) — окончил Пажеский корпус (1902), Николаевскую академию Генерального штаба (1911) и Офицерскую кавалерийскую школу. Офицер Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка. Полковник. Командир 17-го уланского полка. Участник Великой войны. Георгиевский кавалер. В Воору-

женных силах Юга России (авг. 1919). В эмиграции в Югославии. Служил в пограничной страже. В Корпусе Императорских Армии и Флота (1924). Генерал-майор (1928). Генерал-лейтенант (1929). Представитель полкового объединения в Югославии (1938). Глава Русского военного представительства в Новом Саду (1941). Глава Представительства Русского Корпуса в Югославии (1941).

18. *Иван Касьянович Кириенко* (1888 †27.5.1971) — командир Георгиевского батальона. Генерал-майор. Во время второй мировой войны состоял в Русском Корпусе в Югославии: командир Стрелкового полка (26.9.1941), командир бригады (23.1.1941), помощник начальника Охранной группы (18.11.1941), корпусной интендант (30.11.1942). Освобожден от службы (13.3.1943). Скончался в Брен-ле-Комт (Бельгия). Автор кн.: *Ген.-м. И. К. Кириенко.* От чести и славы 1613 г. к подлости и позору февраля 1917 г. Сан-Паоло. 1964. 216 с.

19. *Михаил Федорович Скородумов* (1892 †15.11.1963) — после окончания 1-й Кадетского корпуса (1910) и Павловского военного училища (1912) выпущен офицером в Лейб-гвардии Павловский полк. Участник Великой войны. Георгиевский кавалер. Попал в плен (1914). Освободившись после революции, участвовал в подпольной организации в Петрограде; поступил в Добровольческую армию (1918). Начальник команды конных разведчиков в батальоне Павловского полка (июль 1919). Участник Бредовского похода. Эвакуировался из Крыма. Полковник. Командир батальона Корниловского военного училища в Галлиполи. В эмиграции в Болгарии и Югославии. Состоял в Гвардейском отряде в Югославии (1925). Член Корпуса Императорских Армии и Флота. Генерал-майор. Построил памятник Славы русским воинам в Белграде (1930-1935). Руководитель созданного по его инициативе «Народного ополчения» в Югославии (1934). Начальник русской эмиграции в Югославии, основатель Русского Корпуса (1941), сформированного на основе «Народного ополчения». Переехал в США (1945). Скончался в Лос-Анджелесе.

20. *Дмитрий Владимирович Коссиковский* (†21.4.1944) — родился в семье действительного статского советника. Окончил Императорское училище Правоведения. Во время Великой войны находился в составе Кавалергардского полка. Полковник. В Добровольческой армии с окт. 1918 г. В эмиграции в Югославии. Генерал-майор. Скончался в Белграде.

21. *Петр Григорьевич Бузун* (†19.5.1943) — участник Великой и гражданской войн. В эмиграции в Югославии. Во время второй мировой войны сражался в рядах Русского Корпуса. Командир 12-й сотни 2-го полка (11.12.1941). Убит красными титовскими партизанами на шоссе Вальево-Лозница.

22. *Николай Павлович Рклицкий* (впоследствии *архиепископ Вашингтонский и Флоридский Никон)* (4.12.1892 †22.8/4.9.1976) — родился в семье священника в с. Борки Черниговской губернии (около которого 17.10.1888 произошло чудесное спасение Царской Семьи во время крушения поезда). Окончил Черниговские духовные училище и семинарию, но не пошел тогда по духовной стезе, а поступил на юридиче-

ский факультет Киевского университета, который закончил (1911) со степенью кандидата прав. Заведовал канцелярией председателя Киевского окружного суда. Окончив ускоренные курсы артилллерийского училища, участвовал в Великой войне в качестве артиллерийского офицера. В годы гражданской войны вступил в Добровольческую армию. Исполнял обязанности военного следователя по особо важным делам при Главнокомандующем, имея полномочие производить следствие над высшими чинами, включая командующих армиями. Будучи эвакуированным из Крыма, обосновался в Югославии (1921).

Под его редакцией в Белграде выходили газеты: в 1925-1928 гг. «Русский военный вестник» (Издание Совета объединенных офицерских обществ; IV отдел РОВС); в 1928-1939 гг. «Царский вестник» (Орган народного движения за восстановление Престола Православного Царя-Самодержца); в 1940-1941 гг. «Русский народный вестник». Белградский период жизни Н. П. Рклицкого был ознаменован близостью к митрополиту Антонию (Храповицкому). Собранные им в это время статьи и проповеди Владыки, личные записи легли в основу вышедшего в 1957-1988 г. в Нью-Йорке капитального 17-томного труда «Жизнеописания и творений Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого». О том, какую роль сыграл в его жизни маститый Владыка, архиепископ Никон свидетельствовал, поместив в предпоследнем, 16-м томе на заглавном листе вот эти слова Митрополита: «Большинство грешников не исправляются потому, что не встретили человека Божия, который обвеял бы их дыханием возрождающей благодати Божией». Под влиянием митрополита Антония Н. П. Рклицкий все ближе входил в богослужебную жизнь Церкви, постоянно участвуя в чтении и пении на левом клиросе Свято-Троицкого храма в Белграде.

В октябре 1941 г. он был пострижен в монашество новым первоиерархом Зарубежной Церкви Анастасием (Грибановским) с именем Никон. (Восприемником его был о. Аверкий (Таушев), тогда еще архимандрит.) Рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Назначен священником Запасного батальона, сформированного при штабе Русского Корпуса (5.2.1942). Уже будучи игуменом во время боев за г. Чачак получил ранение, а находившийся при нем диакон Вассиан — убит. Назначен старшим священнослужителем Русского Корпуса (1.1.1945). Вместе с Братством преподобного Иова Почаевского, к которому присоединился Великим постом 1945 г., перебрался из Германии в Швейцарию, где поселился в Женеве (19.8.1945). Был личным секретарем и ближайшим помощником митрополита Анастасия. После переезда в Соединенные Штаты (17/30.11.1946), уже будучи архимандритом, стал секретарем архиепископа Восточно-Американского и Джерсейситского Виталия (Максименко) в епархиальном управлении в Нью-Йорке.

Хиротонисан во епископа Флоридского (14/27.6.1948). Возведен в сан архиепископа и назначен викарием Восточно-Американской епархии (1959). Позднее получил титул архиепископа Вашингтонского и Флоридского (1960), награжден бриллиантовым крестом на клобук, стал секретарем Архиерейского Синода. Первый заместитель председателя и постоянный член Архиерейского Синода Русской Зарубежной Церкви

(1964). Зная о его даре примирять представителей разных мнений, Владыке обычно поручалось составление проектов наиболее трудных резолюций. Будучи убежденным монархистом, в США он возглавлял Общество ревнителей памяти Императора Николая Второго.

«Владыка архиепископ Никон, — сказал в надгробном слове архиепископ Монреальский и Канадский Виталий (Устинов), — обладал исключительным даром мерности, благоразумия, спокойствия, рассудительности. И во всех самых запутанных ситуациях и положениях он всегда находил самые простые и благоразумные решения. Он распространял это спокойствие и благоразумие на всех своих чад и на высшее управление Церкви Христовой, на Архиерейский Собор и Синод. И мы будем в этом крайне нуждаться». Согласно воле почившего был погребен в Свято-Владимирском храме-памятнике в Джэксоне (штат Нью-Джерси), на сооружение которого он отдал так много сил и энергии.

23. Некролог *Т. Г. Чернышова-Чебурахина*, скончавшегося 1.8.1957, см.: Часовой. № 380. 1957. Октябрь. С. 19.

24. См.: Документы к «Воспоминаниям» ген. А. Лукомского //Архив русской революции. Т. III. Берлин. 1921. С. 247-270; Телеграммы и разговоры по телеграфу между Псковом, Ставкою и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам, в коих произошло отречение от Престола Государя Императора, с примечаниями к ним генерал-адъютанта Н. В. Рузского // Русская летопись. Кн. III. Париж. 1922. С. 112-160.

25. *Николай Владимирович Рузский* (6.3.1854 †18 или 19.10.1918) — из дворян Калужской губернии. Генерал-адъютант (1914), генерал от инфантерии (1909). Окончил 1-ю С.-Петербургскую военную гимназию (1870), 2-е Военное Константиновское училище (1872) и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в Л.-гв. Гренадерском полку. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., русско-японской войны 1904-1905 гг. и Великой войны. На штабных должностях (с 1881). Командир 151-го пехотного Пятигорского полка (1896). Генерал-квартирмейстер штаба Киевского военного округа (1896-1902). Начальник штаба Виленского военного округа (1902-1904). Начальник полевого штаба 2-й Маньчжурской армии (1904-1906). Командир 21-го армейского корпуса (1906-1909). Член Военного совета (1909-1912). Помощник командующего войсками Киевского военного округа (1912-1914). Командующий 3-й армией (19.7.1914). Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта (3.9.1914-17.3.1915). Член Государственного (17.3.1915) и Военного (20.5.1915) советов. Главнокомандующий 6-й армией (30.6.1915). Командующий Северным фронтом (18.8-6.12.1915; 1.8.1916-25.4.1917). Георгиевский кавалер.

Масон (член гучковской Военной ложи). Один из главных виновников отречения Императора Николая II от Престола. Характерно появившееся в эмигрантской прессе сообщение проживавшего с 7.6.1921 в сербском монастыре св. Петки (Параскевы Пятницы) близ сербского города Шабаца крещеного еврея С. К. Эфрона-Литвина (1849 †23.6.1925) о предсказании Рузскому Всев. Серг. Соловьева, сделаном в 1901 или 1902 гг.: «Будешь большим, большим полководцем... Будешь прославлен на весь мір, но не надолго... Закончишь великой изменой и будешь

проклят современниками и потомством» (Новое время. № 905. Белград. 3.5.1924. С. 3; № 910. 9.5.1923. С. 2).

В Пскове он позволил себе даже сказать Государю: «Ну, решайтесь!» (*Шаховской В.* Sic transit gloria mundi. Париж. 1951. С. 201), о чем Государь в Ставке рассказал Императрице-Матери Марии Феодоровне. Не зарубленный в Императорском вагоне ни офицерами Свиты, ни конвойцами (как должно было быть!), изменник был зарублен впоследствии чекистом на Пятигорском кладбище, попав в сентябре 1918 г. в число заложников, взятых Кавказской красной армией. «...В 20-х числах января 1919 г., — вспоминал в своих неопубликованных воспоминаниях подполк. Ген. Штаба Б. Н. Сергеевский, — Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России ген. Деникин посетил только что освобожденную белыми Группу Минеральных Вод на Кавказе. Как раз в эти дни на кладбище Пятигорска были вскрыты могилы, в которых красные зарыли зарубленных ими при уходе с Групп "заложников". Было найдено, отпето и погребено и тело зарубленного шашками ген. Рузского. На другой день после этого поезд ген. Деникина отходил обратно в Екатеринодар со станции Кисловодск (наш в мирное время знаменитый курорт, в это время — почти всеми брошенное селение)... Перед его отходом ко мне (я сопровождал генерала) обратились три женщины в трауре, появившиеся на перроне. Они оказались супругой, дочерью и прислугой ген. Рузского и просили ходатайства перед Главнокомандующим о вывозе их в его поезде в Екатеринодар, т. к. пассажирское движение еще вероятно долго не будет восстановлено. Не сомневаясь в положительном ответе, я направился в вагон генерала. Там я встретил в коридоре Начальника Штаба генерала Романовского, которому и доложил о просьбе г-жи Рузской. Он ушел внутрь вагона, чтобы доложить ген. Деникину, через минуту вышел и дал мне такой ответ: "Поведение ген. Рузского в отношении ген. Алексеева в ночь на 2-е марта было таково, что Главнокомандующий ВСЮР не может оказывать помощи его семье". На мой вопрос, прикажет ли он так именно и ответить убитой горем генеральше, он предоставил мне выбрать те выражения, которые я найду подходящими, и даже позволил мне вывезти эту семью в вагоне, бывшем в моем распоряжении, но так, чтобы генерал этого не заметил и чтобы любезность эта исходила лично от меня. Я так и поступил, объяснив г-же Рузской, будто бы, во избежание сплетен, строжайше запрещено перевозить дам в штабных поездах. Много лет спустя (в 30-х годах) мне случилось разговаривать с ген. Деникиным в совершенно частной обстановке и с глазу на глаз, и я спросил генерала о причинах его отказа в Кисловодске. Он был явно недоволен моим вопросом и, подумав, сухо ответил, что о случае в Кисловодске он слышит в первый раз. Этот ответ заставляет меня думать, что ген. Романовский не довел до ген. Деникина просьбы г-жи Рузской, а ответил, как я и думал, от себя, используя право Начальника Штаба самому решать мелкие вопросы. С другой стороны, отвечая мне, ген. Деникин не отверг обвинения ген. Рузского по существу. Лично ген. Рузского я даже никогда не видел, однако слышал еще в 1914 г. от одного офицера, бывавшего в доме генерала запросто, что он был левых убеждений, затем,

вместе с многими офицерами Генерального Штаба, я, в том же 1914 году, удивлялся, в какой мере Рузский шел "на поводу" у своего начальника штаба, пресловутого ген. Бонч-Бруевича, всеми ненавидимого и кончившего открытой изменой. Должен однако сказать, что к большевикам Рузский вслед за Бонч-Бруевичем не пошел и погиб страшной смертью, не совершив конечной измены».

Монархический журнал «Двуглавый Орел» со ссылкой на польское периодическое издание «Экспресс Поранный» сообщал, что «в Варшаву прибыла из Румынии вдова генерала Рузского, г-жа Зинаида Рузская, с дочерью Наталией. В Варшаве г-жа Рузская остановилась у известного еврейского деятеля Давидзона, который, по словам «Экспресса Поранного», является ее родственником. Родственные ли или иные связи с евреями в свое время повлияли на генерала Рузского и сблизили его с врагами Монархии» (Еврейское свойство генерала Рузского // Двуглавый Орел. № 4. 1927. 10/23 февраля. С. 4.) «Весьма характерно, — пишет современный исследователь, — что его дочь В. Рузская еще до 1917 года вышла замуж за известного сиониста Ноя Давидсона, справляла свадьбу в синагоге и сама перешла в иудейство» (Платонов О. А. [Император] Николай Второй. Жизнь и Царствование. СПб. 1999. С. 415).

26. *Хан Гуссейн Нахичеванский* (1863-1919) — в военной службе состоял с 1881 г. Произведен в офицеры (1883). Командир Нижегородского драгунского полка. Начальник 2-й кавалерийской дивизии (1914). Генерал-адъютант. Генерал от кавалерии. Командир Отдельного Гвардейского кавалерийского корпуса. Открыто высказался против отречения Государя. «Мне в точности известно, — писал генерал Н. А. Епанчин, — что эту телеграмму отправил Государю не Хан Нахичеванский, а начальник его штаба полковник А. Г. Винекен, за отсутствием Хана; по закону, начальник штаба имел право, в случаях, не терпящих отлагательства, принимать именем своего начальника решения, а затем докладывать о них. Винекен, за отсутствием Хана Нахичеванского, решил немедленно послать приведенную выше депешу, но когда Винекен доложил эту депешу Хану, то последний настолько ее не одобрил, что Винекен, после доклада ее, ушел в свою комнату и застрелился» *(Епанчин Н. А.* На службе трех Императоров. Воспоминания. М. 1996. С. 458). (По другой версии полковник А. Г. Винекен скончался в результате криза 29.3.1917.) Как бы там ни было, Хан Нахичеванский, взятый в сентябре 1918 г. большевиками заложником, был вместе с Великими Князьями заключен в Петропавловскую крепость и расстрелян. Его сын, Хан Георгий Нахичеванский 2-й (1899†1948), корнетом Л.-Гв. Конного полка, участвовал в выступлении ген. Корнилова (авг. 1917). В Париже познакомился с Марией Михайловной Семеновой-Глебовой, урожденной Вотчер (Vatchare) (11.5.1897†3/16.1.1974) — сыгравшей решающую роль при перевозке мощей Алапаевских Августейших мучеников из Читы в Китай. Родилась в Темир-Хан-Шура, в Дагестане. По одним данным, была разведенной супругой, а по другим — брошенной любовницей атамана Г. М. Семенова. Ее называли «Машей-цыганкой», «Машкой-Шарабан». Властность ее испытал на себе следователь Н. А. Соколов, когда атаманша взяла на себя роль защитницы дочери Г. Е. Распутина —

Матрены. Ко времени прибытия в Читу останков Алапаевских мучеников Г. М. Семенов расстался с Марией Михайловной, дав отступное в виде золотых слитков. В ответ на просьбу игумена Серафима (Кузнецова), привезшего тела Алапаевских Мучеников в Читу и не имевшего никаких средств для дальнейшей их перевозки, Мария Михайловна заявила, что берется финансировать перевоз святых останков по иностранной железной дороге. Золотом можно расплачиваться всюду. С игуменом Серафимом Мария Михайловна достигла сначала Пекина, а затем отправилась и в Святую Землю. Тем самым Царственные мощи были спасены от поругания их большевиками. Выйдя замуж за Хана Георгия Нахичеванского, Мария Михайловна стала именоваться Ханумой Марией Нахичеванской. «За все ею совершенное вознаграждена она Предивным Господом!» — писал лично ее знавший архимандрит Спиридон (Ефимов, 1902†1984). Бог благословил брак мальчиком Никитой (1924†1997) и двумя девочками: Татьяной (1925†1975) и Марией (род. 1927). В 1920-е гг. супруги перебрались из Франции в Ливан. Хан мирно почил в Бейруте, где был погребен на православном кладбище. После кончины супруга Мария Михайловна переехала в Каир со своим старшим внебрачным сыном, поступившим на службу офицером в Египетскую королевскую армию. Ханума Мария скончалась в Каире. Была погребена в Старом городе на кладбище греческого православного монастыря Св. Георгия.

27. Ср. со словами другого генерала-изменника, генерала от кавалерии А. А. Брусилова (1853-1926). Еще в 1916 г. он высказывался следующим образом: «Если придется выбирать между Царем и Россией — я пойду за Россией» *(Родзянко В. В.* Крушение Империи. Харьков. 1990. С. 200).

28. *Михаил Васильевич Челноков* (5.1.1863-13.8.1935) — учился в Лазаревском институте восточных языков. Потомственный почетный гражданин. Председатель Московской уездной земской управы (1891-1894). Член Московской губернской земской управы и Московской городской думы. Один из лидеров кадетской партии. Депутат II, III и IV Государственных дум. Член масонского Межпарламентского союза (1910). Московский городской голова (1914-1917). Главноуполномоченный Всероссийского союза городов (сент. 1914-1917). Комиссар Временного комитета Государственной думы по управлению Москвой (2-6.3.1917). Уполномоченный комиссара Временного правительства над б. Министерством Двора и уделов по делам Русского музея (27.5.1917). После октябрьского переворота 1917 г. участник антибольшевицкого подполья. Эмигрировал. Скончался в Сербии.

29. Достойно удивления, как такой информированный и осторожный историк, каковым, несомненно, был С. П. Мельгунов, мог хоть в какой-то мере доверять совершенно фантастическим и никакими серьезными документальными источниками не подтвержденным абсурдным «показаниям» Манасевича? Единообразие подобных «показаний» свидетельствует о массовой паранойе, овладевшей к тому времени русским обществом. Создавшаяся обстановка характеризовалась, в частности, массовым саморождением слухов на заданную тему.

30. *Александр Михайлович Крымов* (1871-1917) — происходил из семьи надворного советника. Во время Великой войны и. д. генерала для поручений при командующем 2-й армии; командир бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии; и. д. начальника штаба 3-го Конного корпуса. Командир Уссурийской конной бригады (1915; с дек. 1915 — дивизия). Участник заговора А. И. Гучкова с целью дворцового переворота. Командующий отдельной армией (авг. 1917). Активный участник Корниловского мятежа, после провала которого покончил с собой.

31. О попытках нападения на редактора «Царского вестника» см. в том же номере (с. 3-4) «маленький фельетон» «Атентаторы» за подписью «Крокодил».

32. *Николай Михайлович Алексеев* (20.12.1891 †13.4.1960) — родился в С.-Петербурге. Окончил 2-й кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1912). Служил в Лейб-гвардии Уланском Е. В. полку. Участник Великой войны. Награжден многими орденами. Полковник. Сражался в составе Добровольческой армии. Участник 1-го и 2-го Кубанских походов. В эмиграции жил в Югославии, а затем в Аргентине. Скончался в Буэнос-Айресе.

33. Ср. со словами из выступления в Белграде на собрании, посвященном светлой памяти Царя-Мученика, в седьмую годовщину февральского бунта, представителя казачества В. В. Кутырина, приведшего «средневековую легенду о том, как заболевший в аду Вельзевул потребовал, чтобы ему был изготовлен острый бифштекс из языков клеветников. Бесы приготовили ему бифштекс из языков базарных торговок и старых дев, но Вельзевул отверг, найдя его недостаточно острым. Тогда один из бесенков догадался приготовить бифштекс из языков профессоров и историков, острее которого не могло быть ничего. Действительно эта клевета переходит из поколения в поколение и развращает самую душу людей; жертвой такой клеветы была Россия» (День непримиримости к февралю // Царский вестник. № 388. 1934. 5/18 марта. С. 2).

34. *Михаил Константинович Лемке* (1872-1923) — историк и журналист. Аккредитованный военный корреспондент Ставки (пробыл там восемь с половиной месяцев: с 25 сентября 1915 г. по 2.7.1916 г.). Деятельный «партийный работник» партии социалистов-революционеров. Знал о существовании заговора, в котором участвовали А. И. Гучков, А. И. Коновалов, генералы А. М. Крымов и М. В. Алексеев. Масон. На второй день февральского переоворота 1917 г. при содействии Керенского назначен управляющим Экспедицией заготовления государственных бумаг. От временщиков он получил 100 тысяч рублей на печатание мемуаров. Что он и исполнил, но уже при большевиках, оставивших его на том же посту управляющего. Огромный том воспоминаний (800 страниц) большого формата был напечатан по старой орфографии (!) в 19 г. в государственном издательстве в Петрограде на роскошной по тем временам бумаге. Автор, между тем, стал членом ВКП(б).

35. *Генерал-лейтенант Михаил Саввич Пустовойтенко* (1865†1917) — окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Генерал-квартирмейстер Северо-Западного фронта, а затем (при ген. М.В. Алексееве) Ставки Верховного Главнокомандующего (1915-1916). Командир

пехотной дивизии (осень 1916). Командир 46-го армейского корпуса. Весной 1917 г. убит солдатами на фронте.

36. *Андрей Иванович Шингарев* (19.8.1869-7.1.1918) — окончил Московский университет. Из мещан. Врач в Воронежской губернии. Земский гласный. Один из основателей кадетской партии. Депутат II, III и IV Государственных дум. Член думской масонской ложи. Председатель военно-морской комиссии Думы (1915). Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (авг. 1915). Сразу же после февральского переворота 1917 г. возглавил продовольственную комиссию. Министр земледелия, а позднее финансов (5.5-2.7.1917) Временного правительства. После октябрьского переворота арестован и заключен большевиками в Петропавловскую крепость. Убит после перевода в больницу матросами и красногвардейцами.

37. *Александр Иванович Коновалов* (17.9.1875-28.1.1949) — происходил из семьи крупных фабрикантов Костромской губернии. Принадлежал к числу богатейших людей России. Один из создателей Торгово-промышленной партии (1905). Член ЦК партии прогрессистов (1912). Депутат IV Думы. Член думской масонской ложи и верховного совета «Великого Востока народов России». Состоял в Прогрессивном блоке. Член временного комитета Государственной думы (27.2.1917). Министр торговли и промышленности Временного правительства (2.3-18.5.1917). Заместитель министра-председателя и министр торговли и промышленности (с 25.9.1917). Арестован большевиками и заключен в Петропавловскую крепость. Освобожден (янв. 1918). В эмиграции во Франции. После немецкой оккупации Парижа (1940), будучи масоном, бежал в Португалию. Перебрался в Нью-Йорк (июнь 1941). Скончался в Париже.

38. *Василий Алексеевич Маклаков* (8.5.1869-14.7.1957) — происходил из семьи потомственных дворян; брат министра внутренних дел. Сдал экстерном экзамен по курсу юридического факультета (1895). Адвокат. Член ЦК партии кадетов. Депутат II, III и IV Государственных дум. Масон; в 1905 г. вступил в парижскую ложу «Масонский авангард» (1905). Возведен в Париже в 18-ю степень (1908). Защитник М. Бейлиса в судебном деле о ритуальном убийстве православного мальчика Андрея Ющинского (1913). Один из лидеров Прогрессивного блока. Соучастник убийства Г. Е. Распутина. Комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве юстиции. Член Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание (май 1917). Посол Временного правительства во Франции. Представлял за рубежом Белое движение. Председатель Русского комитета при Лиге наций. Состоял в масонской ложе "Свободная Россия". После Великой Отечественной войны возглавлял группу масонов, под видом «патриотов»-эмигрантов пытавшихся сблизиться с СССР с целью проникновения туда для возобновления масонской работы. Скончался в Швейцарии. Автор кн.: Воспоминания (Т. 1-3. Париж. 1930); Первая Государственная дума. Воспоминания современника (Париж. 1939); Воспоминания современника (Париж. Б. г.); Из воспоминаний (Нью-

Йорк. 1954). См. также: «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка 1919-1951. Т. 1-3. М. 2001-2002.

39. ***Дмитрий Николаевич Дубенский*** (1857 ? 1868? †5 июля 1923) — генерал-лейтенант. Состоял при Главном управлении государственного коннозаводства (24.1.1912); позднее член его совета. Издатель «Летописи войны с Японией», «Летописи Великой войны», истории России в картинах, иллюстрированной географической карты России, исторических брошюр. Секретарь редакции «Русского инвалида». Редактор-издатель газеты для армии и народа «Русское чтение». В 1915 г. получил задание описать деяния Императора Николая II во время Великой войны. Состоя в Свите в качестве историографа, сопровождал Государя. Оставил 4 тома описаний Царских путешествий. Автор воспоминаний «Как произведен переворот в России» (Русская летопись. Кн. 3. Париж. 1922). Во время гражданской войны служил в Харьковском коннозаводстве Вооруженных сил Юга России (1919). Скончался в Висбадене (Германия).

40. ***Николай Евгеньевич Марков 2-й*** (2.4.1866 †20-е числа апреля 1945) — происходил из древнего дворянского рода. Дед был офицером Свиты Императора Александра I, бабушка — дочерью суворовского генерала. Род Марковых дал немало писателей. Окончил Институт гражданских инженеров. Гласный земского собрания Курской губернии. С юности придерживался монархических взглядов. Вице-председатель курской «Партии народного порядка» (1905). Организовал Курский отдел Союза Русского народа. Обладал мужественным, безстрашным и прямодушным характером, выступая против любых посягательств на прерогативы Царской власти. Депутат III-IV Государственных дум, где был одним из лидеров правых фракций. Один из лучших думских ораторов. Член Главного совета Союза Русского народа (июль 1908). После расколов (в 1908 г. В. М. Пуришкевич создал Русский народный союз имени Михаила Архангела, а в 1912 г. А. И. Дубровин — Всероссийский Дубровинский Союз Русского народа) во главе Главного совета СРН стал Н. Е. Марков. Издавал газету «Земщину», основал «Вестник Союза Русского народа». Призыв его к объединению всех монархистов в противовес созданному в Думе Прогрессивному блоку (1915) не привел ни к каким результатам. Член Особого совещания по обороне государства (авг. 1915). После февральского переворота 1917 г. скрывался. Будучи схваченным, доставлен в Петроград; давал показания Чрезвычайной следственной комиссии. После освобождения организовал в Петрограде подпольную организацию «Великая Единая Россия» (лето 1917), целью которой было спасение Царской Семьи. Одновременно руководил конспиративной «Объединенной офицерской организацией», входил в Комитет петроградской антибольшевицкой организации — филиал образованного в Москве «Правого центра». Вел переговоры с ген. Келлером об организации Монархической армии. Обер-офицер для поручений при Военно-гражданском управлении Северо-Западной армии (лето 1919). Издавал в Ямбурге газету «Белый крест» (н. июля 1919). Создал офицерскую организацию «Союз верных», запрещенную командующим Северо-Западной армией А. П. Родзянко. В эмиграции в Гер-

мании. Инициатор Рейхенгалльского монархического съезда (1921), на котором его избрали председателем Высшего монархического совета. (1921-1927). Издавал журналы «Двуглавый Орел» (Берлин. 1920-1922; Париж. 1926-1931) и «Еженедельник Высшего Монархического совета» (Берлин. 1921-1926). Ездил по европейским странам, выступая перед эмигрантами с докладами. С 1935 г. в Эрфурте, где выпускал небольшой монархический журнал. Автор кн. «Войны темных сил» (Вып. 1-2. Париж. 1928-1930). Сотрудничал с проф. Эрихом Флейшауэром, известным специалистом по еврейскому вопросу (не состоявшим, кстати, в НСДАП). Этот германский артиллерийский офицер, получивший на фронте тяжелые ранения, основал в 1933 г. бюллетень «Всемірная служба» («Weltdienst»), выходивший на немецком, английском, французском и русском языках. В нем и сотрудничал Марков. Скончался в Висбадене, своей ли смертью до сих пор неизвестно.

41. *Генерал-лейтенант Федор Федорович Абрамов* (1870 †1963) — командовал донскими казачьими частями. Участник русско-японской, Великой и гражданской войн. Начальник всех частей и управлений Русской армии в Болгарии (1924). Председатель 3-го отдела РОВС в Болгарии. Предупредил болгарскую полицию о планах русских эмигрантов убить большевицкого полпреда Ф. Ф. Раскольникова. После похищения ген. Кутепова (1930) — заместитель председателя РОВСа. После похищения ген. Миллера (1937) — председатель РОВСа. Оставался на этом посту до марта 1938 г., когда, после разоблачения его сына, как большевицкого агента, вынужден был оставить эту должность. Во время второй міровой войны формировал казачьи части для немцев. Будучи членом власовского Комитета освобождения народов России, подписал т. н. Пражский манифест (1944). Переехал в США, где погиб в автокатастрофе.

42. *Евгений Карлович Миллер* (1867 †1937), генерал-лейтенант (1915). Генерал-губернатор и главком войск Северной области, главный начальник края (1919-1920). С февраля 1920 г. эмигрант. С 1930 г. председатель «Русского общевоинского союза» (РОВС). Похищен и вывезен агентами НКВД из Парижа в Москву, осужден и расстрелян.

43. *Назанский В.* Крушение великой России и Дома Романовых. Париж. 1930.

44. *Спиридович А. И.* История большевизма в России. От возникновения до захвата власти 1883-1903-1917. С приложением документов и портретов. Париж. 1922. Первое издание этой (впоследствии переработанной) кн. «Революционное движение в России. Вып. 1. Российская социал-демократическая рабочая партия» (СПб. 1914) была поднесена автором Государю в Крыму вскоре после ее выхода. Следователь Н. А. Соколов в 1923 г. рассказывал генералу, что в числе книг, найденных в Ипатьевском доме, была и эта. Вторая часть («Партия социалистов-революционеров и ее предшественники». СПб. 1915) была издана на средства автора, печаталась в типографии Штаба Корпуса жандармов; все 300 экземпляров ее приобрел товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий. Эта книга также была поднесена Государю во время личной аудиенции автора 4.1.1916.

45. *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. Париж. 1931.

46. *Тимофей И. Кирпичников* (1892-1918) — старший унтер-офицер, фельдфебель 2-й роты учебной команды запасного батальона Л.-гв. Волынского полка. Убив штабс-капитана И. С. Лашкевича (1891 †1917), возглавил мятеж команды. Как писали позднее, он первым поднял «восстание в войсках во имя свободы». По словам полковника Ф. В. Винберга, он «подлежал за кражу, совершенную у товарища, разжалованию в рядовые из унтер-офицеров. Убитый им начальник учебной команды, не желая порочить честь волынцев, его предназначил, пред самым началом революции, к отправке на фронт, сказав ему "Иди и в боях искупи свою вину"» (*Винберг Ф.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. Изд. 2-е. Мюнхен. 1922. С. 85). За заслуги перед революцией Кирпичников был произведен в прапорщики и награжден Георгиевским крестом. Попав во время гражданской войны в расположение Добровольческой армии, был расстрелян. Воспоминания его были записаны в кн.: *Лукаш И.* Восстание Волынского полка, рассказ первого героя восстания Тимофея Кирпичникова. Пг. 1917.

47. *Федор Исаакович Баткин* (ум. после 1922) — матрос-лектор, получивший известность после февральского переворота 1917 г. (см.: Речи представителей Черноморского флота. 2.V.1917. Б. м. и г.). Проживал в Севастополе. Выступал в Москве (28.5.1917) в качестве председателя делегации Черноморского флота. «...В раннем мае 1917, — читаем у А. И. Солженицына, — в громовой патриотической, по сути антиреволюционной, "Черноморской делегации" кто был самый успешливый оратор, звавший к защите России? — матрос-еврей Баткин. Вот так-то» (*Солженицын А. И.* Двести лет вместе. Ч. II. М. 2002. С. 71). Известен также доклад Баткина в Севастополе (8.6.1917) о поездке на фронт на заседании делегатов флота, армии и рабочих. Близко знавший его поэт М. А. Волошин в стихотворении «Матрос» (1919) писал:

При Керенском, как прочий флот,
Он [матрос] был правительству оплот,
И Баткин был его оратор...

Южная пресса подтверждает сотрудничество Баткина с ген. Корниловым, называя Баткина «участником Корниловского похода» (Вечерний час. 1919. 17 февраля), «известным лектором, участником первого кубанского похода» (Крымская мысль. 1920. 14 марта). После корниловской эпопеи выступал с лекциями в Одессе (зима-весна 1919), Феодосии (март 1920), Ялте (июнь 1920). Эвакуировался из Крыма. Был руководителем политической части ген.-лейт. Я. А. Слащова-Крымского в Константинополе (Руль. Берлин. 1921. 6 октября). Вернулся (не с генералом ли?) в Россию, где был арестован. Последнее известие о Баткине относится к осени 1922 г., когда его перевели из Севастопольской тюрьмы в Харьковскую. См. о нем.: *Купченко В.* Вокруг Волошина // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 273-274.

48. Речь идет о «Марше Корниловского полка» (1918), слова прапорщика А. К. Кривошеева, мелодия А. А. Архангельского. Примечательно, что в современном издании слова о Царе стыдливо убраны, слов-

но бы и не было их. См.: Песенник Российского воина 1721-1921. Сост. В. Н. Мантулин. Т. I. Нью-Йорк. 1970. С. 62-63.

49. *Александр Павлович Кутепов* (16.9.1882 †после 26.1.1930) — окончил Архангельскую гимназию и Петербургское пехотное юнкерское училище. Участник Русско-японской войны 1904-1905 гг. В 1907 г. «за оказанные боевые отличия» переведен в Лейб-гвардии Преображенский полк. В 1916 г. полковник и командир 2-го батальона. Награжден многими боевыми орденами, в том числе Георгиевским оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1917 г. командир Лейб-гвардии Преображенского полка, о расформировании которого отдал приказ 2.12.1917. В декабре 1917 г. вступил в ряды Добровольческой армии. Участвовал в двух Кубанских походах; после гибели генерала С. Л. Маркова был назначен командиром 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии, однако уже в июле сдал командование дивизией и возглавил 1-ю бригаду этой дивизии. После взятия Добровольческой армией Новороссийска (авг. 1918) был назначен военным-губернатором Черноморской губернии. В ноябре 1918 г. Кутепову был присвоен чин генерал-майора; в мае 1919 г. он стал командовать 1-м армейским корпусом. За отличия в боях на Харьковском направлении в июне 1919 г. произведен в генерал-лейтенанты. В марте 1920 г. Кутепов прибыл с корпусом в Крым, где был назначен генералом П. Н. Врангелем командиром 1-го армейского корпуса Русской армии, в которую были преобразованы Вооруженные силы Юга России. В сентябре 1920 г. был назначен командующим 1-й армией. В ноябре 1920 г. эвакуировался с остатками белых из Крыма в Галлиполи (Турция), где стал помощником Главнокомандующего и командиром 1-го армейского корпуса, в состав которого вошли все части Русской армии. Тогда же был произведен в генералы от инфантерии «за боевые отличия». В декабре 1921 г. вместе с войсками переместился в Болгарию. В марте 1924 г. был освобожден от должности в связи с переездом в Париж и переходом в распоряжение Вел. Кн. Николая Николаевича. После смерти Врангеля (апр. 1928) назначен председателем РОВС. Похищен в Париже агентами советской разведки (26.1.1930), тайно доставлен на советский корабль; по версии, обнародованной КГБ в период «перестройки», скончался по пути в Новороссийск от сердечного приступа.

50. *Сергей Константинович Чечелев* († 21.3.1933) — происходил из семьи дворян; сын действительного статского советника. Поручик Лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригады. Участник Великой и гражданской войн. Чернецовец и первопоходник. Галлиполиец. В составе Гвардейского отряда в Югославии (1925); позднее (1931) в Отдельной гвардейской кадровой батарее. Штабс-капитан. Скончался в Скопле.

Сергей Павлович Самцов (ок. 1883†6.5.1936) — уроженец Керчи. Поручик. Участник 1-го Кубанского похода. Скончался холостым от рака в Панчево под Белградом.

51. *Иван Павлович Романовский* (1877 †1920), генерал-лейтенант (1919). В июне — сентябре 1917 1-й генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандовании. За поддержку действий Л. Г. Корнилова в конце августа 1917 г. арестован Временным правительством, но бе-

жал на Дон. Участвовал в формировании Добровольческой армии; с февраля 1918 г. начальник ее штаба. С января 1919 г. до апреля 1920 г. начальник штаба «Вооруженных сил Юга России». Имел большое влияние на ген. Деникина, вместе с которым выехал в Константинополь, где в здании русского посольства был убит русским офицером (поручиком М. А. Харузиным).

52. *Генерал от инфантерии Эдуард Владимирович Экк* (1851-5.4.1937) — окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1878). В военной службе в Л.-гв. Семеновском полку (1868). Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., русско-японской и Великой войн. Генерал-майор (1897). Награжден многими орденами и Золотым оружием. Командир Гренадерского корпуса в Москве (1907). Командир 7-го армейского корпуса (1912). Награжден орденом св. Георгия 4-й ст. (1914) и 3-й ст. (1915). Командир 23-го армейского корпуса (1917). В Добровольческой армии с 1918 г. Председатель военно-полевого суда при штабе главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (1919). В эмиграции в Югославии. Начальник 4-го отдела РОВСа (1924-1933), председатель совета Объединенных офицерских обществ. Инициатор издания в Белграде «Русского военного вестника» (1925), с 1927 г. переименованного в «Царский вестник». Скончался в Белграде.

53. *Генерал от кавалерии Дмитрий Константинович Абациев* (1859-4.6.1936) — участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Ахал-Текинской экспедиции ген. Скобелева 1881 г., русско-японской и Великой войн. Начал службу рядовым казаком в качестве личного ординарца ген. Скобелева. Награжден Георгиевским оружием (1881). Служил в Собственном Е. И. В. Конвое (до 1904). Командир Уссурийского казачьего полка (1904). Генерал-майор (1905). Командир 2-й Кавказской казачьей дивизии. Командир 4-го (а позднее 6-го) Кавказского армейского корпуса (1916). Георгиевский кавалер (1916). Генерал-лейтенант. Командир Туземного конного корпуса (1917). В Добровольческой армии с к. 1918 г. Генерал от кавалерии (1919). В эмиграции в Югославии. Председатель Суда совести и чести для генералов. Скончался в Белграде.

54. *Генерал от инфантерии Василий Егорович Флуг* (19.3.1860-3.12.1955) — окончил 2-ю С.-Петербургскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1890). Участник военных действий в Китае (1900-1901), русско-японской и Великой войн. Награжден золотым оружием (1900). Генерал-майор (1903). Начальник штаба войск Квантунской области (1904). Генерал-квартирмейстер полевого штаба Наместника на Дальнем Востоке (1904) и 2-й Маньчжурской армии (1905). Военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска (1905-1909). Генерал-лейтенант (1908). Начальник 37-й пехотной дивизии (1909) и 2-й Гвардейской дивизии (1912). Помощник Туркестанского генерал-губернатора и командующего войсками Туркестанского военного округа (1912). Генерал от инфантерии (1914). Во время Великой войны: командующий 10-й армией (1914), 2-го армейского корпуса (1915). Георгиевский кавалер (1916). В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Тайно послан ген. М. В. Алексеевым в Сибирь для ор-

ганизации Белого движения. В апреле 1918 г. прибыл к адм. А. В. Колчаку. Вернулся на юг России морским путем (1919). Участвовал в боях за Киев и Крым. С ген. Врангелем эвакуировался в Югославию. Принят на службу в один из отделов Военного министерства Югославии в г. Вараждине (1922). Член РОВС. Во время второй мiровой войны выехал в Германию, а после войны — в США. Скончался в Сан-Франциско.

55. ***Генерал от инфантерии Александр Александрович Зегелов*** (31.3.1858-?) — после окончания Воронежского кадетского корпуса, Константиновского военного училища (1876) и Николаевской академии Генерального штаба (1882) выпущен офицером в Л.-Гв. Московский полк. Командир 3-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В эмиграции в Югославии. Председатель Общества русских офицеров — Георгиевских кавалеров в Белграде (1939).

56. ***Александр Павлович Балк*** (7.2.1866 †20.10.1957) — в военной службе с 1884 г. (с 1886-го офицер). Служил в Л.-гв. Волынском полку. Генерал-майор. Помощник Варшавского обер-полицмейстера. Градоначальник Петрограда. В Добровольческой армии с н. 1918 г. Эвакуирован из Крыма (1920). В эмиграции в Югославии. Возглавлял полковое объединение Л.-гв. Волынского полка (1938). Переехал в Бразилию (1945). Скончался в Сан-Паулу. Оставил воспоминания: Гибель Царского Петрограда // Русское прошлое. Кн. 1. СПб. 1991.

57. ***Василий Витальевич Шульгин*** (1878 †1976) — депутат правого крыла Государственной думы; монархист, лидер фракции прогрессивных националистов. Участник февральской смуты; член Временного комитета Государственной думы. Выступая на заседании депутатов четырех Дум в Таврическом дворце 27.4.1917 сказал: «Даже не желая этого, мы революцию творили. Потому, господа, нам от этой революции не отречься. Мы с нею связались, мы с нею спаялись и за нее несем моральную ответственность» *(Тальберг Н. Д.* Неизвестная Россия. М. 1995. С. 212). Принадлежность его к масонству документально не зафиксирована, однако для такого утверждения есть некоторые основания. Один из зарубежных исследователей масонства уверенно называет представителя «монархистов» Шульгина как одного из участников надпартийного центра заговора февралистов *(Башилов Б.* История русского масонства. Вып. 16-17. М. "Наш современник". 1995. С. 231). Об этом же свидетельствуют и взгляды самого Шульгина. В одном из позднейших его писем читаем: «Никулин тщательно разбирался в букашках и козявках нашей Российской Кунсткамеры, но Слона "не приметил". Слон — это Анжелина. Слон — это Ясновидение, которое есть, существует. Не только существует, но, как мне кажется, в XXI веке станет главенствующим фактором. Все, что сейчас мы считаем жизнью — религия, наука, философия, любовь и ненависть, социальный строй, формы правления и само государство — будет определяться ясновидящими, иначе сказать, мудрецами» («Давайте искать то, что нас объединяет». Письмо В. В. Шульгина Ф. М. Эрмлеру // Звезда. 1996. № 1. С. 138; см. также: *Жуков Д. А.* Таинственные встречи. М. «Патриот». 1992). Участвовал в создании Добровольческой армии. В эмиграции вступил в связь с подпольной монархической организацией в СССР, в действительности

оказавшейся связанной с ГПУ. При содействии этой «организации» в декабре 1925 г. побывал на родине, написав по возвращении восторженную книгу о своем путешествии. Узнав о том, что его провело ГПУ, в 1931 г. отошел от общественных дел и поселился в Югославии; постепенно перешел на позиции сменовеховства. Арестован в Югославии советскими спецслужбами (1944); посажен в тюрьму. В 1956 г. освобожден. Умер во Владимире.

58. *Георгий Титович Кияшенко* (†18.1.1940) — скончался в Сан-Франциско (США). Погребен на Сербском кладбище.

59. *Антон Антонович Керсновский* (23.6.1907 †24.6.1944) — родился в имении деда, отставного полковника в имении Цепилово (Бессарабия). Учился в Венской консульской академии, в Дижонском университете, Сен-Сирской военной школе. Поселился в Париже (1920). Начал печататься в белградской газете «Русский военный вестник» (с 1928 г. — «Царский вестник»). Военный писатель. Автор четырехтомного капитального труда «История Русской Армии» (Белград. 1933-1938), а также кн. «Философия войны» (Белград. 1939). Призван во Французскую армию (1940). Скончался в Париже. Похоронен на кладбище Банье. В 1946 г. прах его перенесен на кладбище Сент Женевьев де Буа.

60. *Генерал-лейтенант Борис Ильич Казанович* (1871 †2.6.1943) — окончил Московскую классическую гимназию, Московское юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Обер-офицер для особых поручений при штабе 10-го армейского корпуса (1902-1905). Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа (1905-1909); с тех пор близкий друг ген. Л. Г. Корнилова. Полковник. Начальник штаба 11-й пехотной дивизии (1912). Командир 127-го Путивльского полка (дек. 1914). Награжден Георгиевским оружием. Начальник штаба 6-й Сибирской стрелковой дивизии в звании генерал-майора (6.12.1916); командующий этой дивизией (1917). В Добровольческой армии со дня ее основания. Участник 1-го Кубанского похода. В штурме Екатеринодара принимал участие в качестве командира полка (март 1918). Тяжело ранен. По поручению генералов Алексеева и Корнилова с секретной миссией в Москве (май-июнь 1918). Начальник 1-й пехотной дивизии во время 2-го Кубанского похода. В Вооруженных Силах Юга России командир армейского корпуса. Генерал-лейтенант. Командующий войсками Туркестанской армии в Закаспийской области (1919). При ген. Врангеле начальник Сводно-Кубанской дивизии. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии. Председатель главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода; председатель Общества офицеров Генерального штаба в Югославии; председатель Общества изучения гражданской войны (1931). Скончался в русской больнице г. Панчево под Белградом. Автор воспоминаний «Поездка из Добровольческой армии в Красную Москву» (Архив русской революции. Т. VII. Берлин. 1922).

61. *Борис Николаевич Сергеевский* (27.2.1883 †31.5.1976) — из дворян Псковской губернии. Отец — профессор С.-Петербургского университета, сенатор. Окончил С.-Петербургскую Ларинскую гимназию, Констан-

тиновской артиллерийское училище (1904) и Николаевскую академию Генерального штаба (1911); был вольнослушателем Императорского археологического института. Участник Великой войны. Награжден Георгиевским оружием. (1915). Подполковник (1916). Штаб-офицер для делопроизводства и поручений при Управлении генерал-квартирмейстера при штабе Верховного Главнокомандующего, с поручением службы связи (18.2.1917). Начальник связи Действующей армии в звании полковника (9.8.1917). Генерал-майор (20.10.1917). В Добровольческой армии (8.9.1918). Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии (1921), Югославии (1922) и США (1945). Скончался в Лос-Анджелесе. Автор книг: Пережитое. 1914 (Белград. 1933); История военного искусства (Белград. 1939); Прошлое Русской земли (Нью-Йорк. 1954); Отречение — 1917 (Нью-Йорк. 1969). Критику последней кн. см.: Правда и ложь об отречении Императора Николая Второго. Буэнос-Айрес. Б. г.

62. *Александр Александрович Бубликов* (1875-29.1.1941) — уроженец С.-Петербурга. Окончил С.-Петербургский институт инженеров путей сообщения. Начальник по изысканиям железной дороги Москва—Казань—Екатеринбург. Директор Ачинско-Минусинской железной дороги. Член исполкома Всероссийского съезда промышленников. Почетный гражданин Екатеринбурга и Шадринска. Член IV Государственной думы от Пермской губернии. Входил в Прогрессивный блок (1912). Масон. В годы войны вице-председатель Центрального военно-промышленного комитета. При Временном правительстве комиссар, а затем министр путей сообщения. Член делегации, арестовавшей Государя Императора в Могилеве (8.3.1917). После октябрьского переворота в эмиграции. Печатался в газете «Новое русское слово». Автор кн.: Русская революция. Нью-Йорк. 1918. Скончался в Нью-Йорке.

63. *Николай Владимирович Скоблин* (1894-после ноября 1937) — прапорщик 126-го пехотного Рыльского полка (1914). Участник Великой войны. Штабс-капитан (1917). Вступил в 1-й (позднее Корниловский) ударный отряд (1917). Командовал ротой, потом батальоном. Командир Корниловского полка в звании полковника (ноябрь 1918). При ген. Врангеле начальник Корниловской дивизии. Генерал-майор. В Галлиполи — командир Корниловского полка. После перехода с полком в Болгарию отрешен ген. Врангелем от командования (1923). Ген. Кутеповым восстановлен во главе объединения Корниловского ударного полка (1929). Завербован чекистами (1930). По их заданию участвовал в похищении председателя РОВСа ген. Е. К. Миллера. Будучи разоблаченным, бежал в Испанию. Ликвидирован сотрудниками НКВД.

64. *Граф Петр Николаевич Апраксин* (3.1.1876, Нерви, Италия † 3.2.1962, Брюссель) — окончил Пажеский Его Величества корпус. Был недолго в военной службе. Поступил на службу в Министерство внутренних дел. Воронежский вице-губернатор. Таврический губернатор. Гофмейстер Двора Его Величества. Флигель-адъютант. Состоял при Государыне Александре Феодоровне (с 1914). Личный секретарь Императрицы — с 1913. Руководил Благотворительными комитетами и военными госпиталями Императрицы. Товарищ председателя Особого комитета Великой Княжны Ольги Николаевны, член Татьянинско-

го комитета. Был близок Союзу русского народа. Член Всероссийского Поместного Собора 1917-1918 гг. Эмигрировал. Основал и возглавил Историко-генеалогическое общество в Брюсселе. Председатель Комитета по сооружению Храма-Памятника Царю-Мученику (1945). Жена Елизавета Владимировна, урожд. княжна Барятинская (15.10.1882. Царское Село †10.5.1948. Брюссель). Скончался в результате несчастного случая (упал с лестницы). Отпевание было совершено 6.2.1962 в Храме-Памятнике. Похоронен на кладбище коммуны Ixelles в Брюсселе.

65. *Владимир Владимирович Безобразов* (†1940? 1941?) — сын генерала от кавалерии В. М. Безобразова (1857 †1932), однополчанина Императора Николая II по Лейб-гвардии Гусарскому полку, участника Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г. Окончил Пажеский корпус (1912). Штабс-ротмстр Лейб-гвардии Гусарского полка. Награжден орденом св. Владимира 4 ст. и Георгиевским оружием. Георгиевский кавалер. Эвакуировался из Киева. В эмиграции в Дании. Скончался в Бельгийском Конго.

66. *Эммануил Николаевич Фричеро* (11.12.1880 †25.4 или 1.5.1959) — инженер. До революции он долго работал в России и был лично известен Государю. Сын его был крестником Императора Николая II. Фричеро, читаем в некрологе, «хорошо известный русской колонии в Бельгии по своей общественной и благотворительной деятельности. Корсиканец по крови, Э. Н. чувствовал себя глубоко русским. Имея давно все возможности принять французское или бельгийское подданство, он неизменно сохранял свой эмигрантский паспорт и всюду подчеркивал, что он — русский эмигрант. Управляя строительной конторой в Брюсселе, он долгие годы предоставлял работу русским инженерам, чертежникам и служащим. Всегда отзывчивый и благожелательный ко всем, Э. Н. сделал много добра русским людям. Он принимал заметное участие в монархическом движении» (Часовой. 1959. № 399. С. 19). Именно возглавляемая им бельгийская строительная фирма построила в Брюсселе Храм-памятник Царю-Мученику. Фричеро лично внес первое пожертвование на храм в сумме 10 тысяч франков. Скончался и похоронен в Ницце.

67. *Алексей Николаевич Чебышев* (1892 †14.11.1973) — сын сенатора. После окончания Царскосельского Александровского лицея (1912) помощник обер-секретаря Сената. Надворный советник. Во время Великой войны вольноопределяющийся Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. В гражданскую войну был в составе Донской армии. Начальник канцелярии отдела юстиции Всевеликого войска Донского (1918). В Вооруженных силах Юга России служил в ведомстве Министерства юстиции; в канцелярии председателя правительства Юга России. Секретарь консульского суда в Константинополе (1920-1921). В эмиграции в Антверпене (Бельгия); председатель там Красного Креста и вице-председатель Российского национального объединения. Женат на Елизавете Ивановне, урожд. кн. Мещерской (†18.11.1967). Скончался в Брюсселе.

68. Речь идет о депутате Н. Е. Маркове 2-м, 22.11.1916 г. с думской трибуны выступившем с разоблачением антицарской политики Думы

(в т. ч. клеветнических речей Милюкова и Пуришкевича). Будучи остановленным председателем Гос. думы Родзянко, Марков, воздев руки, бросил ему: «Болван! Мерзавец!», за что к нему была применена высшая мера взыскания — удаление на 15 заседаний. Марков назвал свой поступок намеренным, объяснив его тем, что здесь, в Думе, позволяют себе безнаказанно оскорблять Высочайших Особ, и потому он, в свою очередь, хотел оскорбить пристрастного и непорядочного председателя. В известной мере Н. Е. Марков достиг своей цели. Разъяренный Родзянко, удерживаемый членами Гос. думы, картинно орал: «Я его задушу своими руками, пустите меня!» Тотчас же этим интриганом была подана телеграмма Государю о сложении им после произошедшего инцидента звания председателя. Очевидец, сведший бившегося в истерике Родзянко в кабинет, вспоминал: «Войдя чрез несколько минут в его кабинет, я увидел стоящего Родзянко и около него маленького человека, прислонившегося к его грузному телу. Я думал, что это доктор, выслушивавший его сердце. Подойдя ближе, оказалось, что это секретарь Государственной думы Дмитрюков, который рыдал, лежа на его животе» (*Глинка Я. В.* Одиннадцать лет в Государственной думе 1906-1917. Дневник и воспоминания. М. 2001. С. 167-168).

Последующая деятельность так ничему и не научившегося пресловутого Родзянко подтвердила его политическое ничтожество, умственную недалекость при одновременной политической амбициозности. Эмигрантская пресса, к примеру, сообщала: «В газете "Нью-Йорк Таймс" помещено письмо в редакцию бывшего американского посла в России Дэйвида Франсиса с приложением полученного им письма от бывшего председателя Государственной думы М. Родзянко, находящегося в настоящее время в Югославии. В своем письме Родзянко просит у Франсиса собрать 4000 долларов на издание в Югославии "русской демократической, либеральной газеты" в противовес выходящему там монархическому листку "Новое время". Свое письмо Родзянко заканчивает следующими словами: "Будьте уверены, что когда Господу Богу будет угодно открыть нам путь к возвращению в Россию, мы уплатим свой долг нашим добрым американским друзьям". Мистер Франсис жертвует 500 долларов на этот 4000-й фонд» (Письмо М. Родзянко // Последние новости. № 1025. Париж. 1923. 26 августа. С. 3).

69. ***Николай Платонович Карабчевский*** (30.11.1851–22.11.1925) — родился в Николаеве. Адвокат, один из крупнейших судебных ораторов. Публиковался в «Отечественных записках». Защищал народников-пропагандистов на «процессе 193-х» (1877-1878), Брешко-Брешковскую, Гершуни, Сазонова (убийцу Плеве) и др. революционеров. В качестве адвоката принимал участие в процессах о ритуальных убийствах: Мултанском деле (1895-1896), деле Бейлиса (1913). Председатель совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты (к. 1890-х гг.). Придерживался демократических взглядов, однако ни в какую политическую партию не входил. Масон. После февральского переворота 1917 г. председатель Комиссии по расследованию германских зверств. Будучи во время октябрьского переворота в Скандинавии, не вернулся в Россию. Проживал в Норвегии, Дании, Италии. Автор двухтом-

ных мемуаров «Что глаза мои видели» (Берлин. 1921). Интеллигенцию в них Карабчевский называет «залежалой тряпицей», считая главной виновницей «еврейской революции». Говорил, что Россию спасет новый Монарх («Царь скрепляет все»). Был официальным Генеральным представителем Вел. Кн. Кирилла Владимировича. Состоял в редколлегии монархической еженедельной газеты «Вера и верность», выходившей в Новом Саде (Югославия). Скончался в Риме.

70. *Иван Михайлович Кондратьев* (15.10.1889 †21.2.1945) — родился в военной семье во Владикавказе. Окончил Тифлисскую классическую гимназию и Тифлисское военное имени Вел. Кн. Михаила Николаевича училище. Произведен в подпоручики (6.8.1910) и выпущен в 22-й Сибирский стрелковый полк. Всю Германскую войну провел в строевых должностях. Произведен в штаб-офицеры (сент. 1916). Окончил войну временным командующим полком. Поступил добровольцем в Южную армию (авг. 1918), откуда был переведен в Донскую армию, в которой провоевал всю гражданскую войну, занимая должности от командира роты до командира полка. Был награжден всеми боевыми наградами, вплоть до ордена св. великомученика Георгия 4 степени. Вследствие тяжелого ранения эвакуирован в Египет (к. 1919). Прибыл в Крым (1920), где служил во 2-м Корниловском ударном полку. Эвакуирован в Галлиполи, где занимал должность фельдфебеля в офицерской роте. В эмиграции в Болгарии. В 1941 г. вступил в Русский корпус в Сербии. Был командиром роты, в том числе из военнопленных красноармейцев. Будучи за свою долголетнюю службу 19 раз раненым (без руки), пал смертью храбрых в результате 20-го ранения на высоте Хум у села Подхумлье от пули титовских партизан. «...Как-то раз, — вспоминал командир II батальона, — 21 февраля, ко мне спустился с Хума полк. Кондратьев и доложил, что у него предчувствие, что он ночью будет ранен в живот; два раза он был ранен в живот во времена Добровольческой армии в рядах Корниловского полка, которым он командовал в свое время, но теперь он чувствует, что это предстоящее третье ранение будет уже роковым и просил некоторое время остаться у меня. Успокоенному мной, как только было можно, полк. Кондратьеву все же пришлось вскоре, благодаря сложившейся обстановке, подняться на Хум к своей роте, где он, действительно, был ранен в живот и вскоре скончался» (Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941-1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк. 1963. С. 294).

71. Ежемесячный журнал. Выходил в Софии в 1932-1942 гг. под редакцией Н. И. Плавинского.

72. «Генерал Корнилов, — писал в своей книге В. Н. Воейков, — начал свою деятельность в должности главнокомандующего Петроградским военным округом с выявления полнейшей солидарности с проводниками идей III интернационала: он собственноручно приколол Георгиевский крест к груди унтер-офицера Волынского полка — Кирпичникова в награду за убийство им 27 февраля прямого своего начальника — заведующего учебной командой того же полка, капитана Лашкевича; а накануне своего прибытия в Петроград генерал Корнилов,

будучи в Могилеве в штабе Верховного Главнокомандующего, не постеснялся сказать, что "русскому солдату нужно все простить, поняв его восторг по случаю падения царизма и самодержавия". Эти слова генерала Корнилова наводят на размышление, какую опору Престолу могли оказывать генералы, пропитанные подобными антимонархическими чувствами и убеждениями?» *(Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. Гельсингфорс. 1936. С. 280).

73. Журнал выходил в Париже в 1937-1940 гг. Редактор полковник Н. В. Пятницкий.

74. *Николай Платонович Вакар* (1894 †1970) — родился в Тульчине Подольской губернии. Закончил курс в Александровской гимназии в Киеве. Учился на юридических факультетах в Московском и Киевском университетах, но выпускных экзаменов не сдал из-за революции. В первую мiровую войну ушел на фронт добровольцем. Поручик артиллерии. Сотрудничал с Земгором. Член партии Народной свободы. Масон. Вступил в Добровольческую армию (март 1918). Сотрудник разведывательной организации «Азбука» В. В. Шульгина. Эмигрировал во Францию. Осенью 1922 г. опубликовал первую статью в «Последних новостях». С июля 1924 г. — постоянный сотрудник этой газеты; заведывал в ней отделом информации. Писал под псевдонимом Н. В. П. Перевел 52 романа английских и французских авторов. Перед вступлением германских войск в Париж в 1940 г. бежал вместе со всей редакцией «Последних новостей». Переехал на жительство в США (1941), где активно агитировал за объявление американским правительством войны Германии и помощь СССР. Защитил магистерскую диссертацию по отделу славянской филологии в Гарвардском университете. Там же защитил докторскую. Считался специалистом по Белоруссии. Сотрудничал в «Новом русском слове». Скончался в г. Сарасота (Флорида).

75. *Наталия Лавровна Шапрон дю Ларре (Chapron du Larret), урожд. Корнилова* (†24.1.1983) — супруга генерал-майора («белого» производства) А. Г. Шапрон дю Ларре (1883-1947), одного из создателей т. н. «Алексеевской организации» (1917), состоявшего адъютантом при ген. Алексееве до его смерти. Выехал из Крыма вместе с ген. Деникиным, сдавшим командование ген. Врангелю. Супруги жили сначала в Англии, а затем переехали в Бельгию.

76. *Иван Лукьянович Солоневич* (1891 †1953), русский политический мыслитель. В годы гражданской войны участвовал в белом движении. Ок. 1930 был заключен в концлагерь, но вскоре бежал за границу. В эмиграции издавал в Софии газету «Голос России» (закрыта в 1938), в Берлине «Нашу газету» (закрыта в 1941); после 1945 г. в Аргентине, где издавал газету «Наша страна», выходящую до сих пор.

77. *Генерал-лейтенант Алексей Петрович Архангельский* (5/18.3.1872 †2.11.1959) — происходил из потомственных дворян. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, 3-е Алесандровское военное училище и выпущен офицером в Л.-гв. Волынский полк. После окончания Николаевской академии Генерального штаба (1898) служил на штабных должностях в Варшавском военном округе. Будучи назначенным в Главный штаб (1901), находился там на разных должностях, вплоть до дежур-

ного генерала (1910), оставаясь на этом посту всю Великую войну. Временным правительством назначен начальником Главного штаба (май 1917). Генерал-лейтенант (24.8.1917). Под руководством военного министра А. И. Гучкова участовал в чистке армии от «реакционных» (оставшихся верными присяге Государю Императору) генералов. Начальником Главного штаба он оставался и при большевиках (до 8.12.1917). Возглавлял управление по командному составу в Главном штабе Красной армии, участвуя, таким образом, в ее формировании. Прибыл в Добровольческую армию (1.3.1919). Преданный военно-полевому суду, был оправдан. Член Комиссии по рассмотрению представлений к наградам и о производстве офицеров и классных чинов (14.5.1919). Помощник начальника Общего отдела Военного управления (3.6.1919). Дежурный генерал штаба Русской армии (20.11.1920). После эвакуации из Крыма в Югославию — начальник отделения личного состава штаба главнокомандующего. И. д. помощника начальника штаба главнокомандующего (14.10-1.11.1926). Автор приказа № 82 по РОВСу, запрещавшего его членам состоять в монархических организациях. Переехал в Бельгию (1927), где работал служащим одной из транспортных контор в Брюсселе. Председатель Общества офицеров Генерального штаба в Бельгии (1927). Начальник РОВС (22.3.1938). По состоянию здоровья передал должность своему заместителю генерал-майору А. А. фон Лампе (25.1.1957). Скончался в Брюсселе. Похоронен на кладбище коммуны Uccle.

78. *Евгений Степанович Кобылинский* (1879 † 1927) — полковник Лейб-гвардии Петроградского полка; на фронте был ранен под Лодзью, а потом контужен под Гутой Старой; переведен в Петроград в запасной батальон своего полка; начальник Царскосельского гарнизона после февральского переворота (назначен ген. Корниловым). Начальник караула, затем комендант Александровского дворца в Царском Селе, а впоследствии командир Отряда особого назначения по охране Царской Семьи в Тобольске (1.8.1917) и одновременно комендант губернаторского дома в Тобольске. Женился на Клавдии Михайловне Битнер, преподавательнице Тобольской гимназии, дававшей уроки Царским детям. После увоза Царской Семьи в Екатеринбург (28.4.1918) устранен большевиками от должности начальника Отряда особого назначения, распущенного 4 мая и замененного красногвардейцами. Поступил на службу а Белую армию адмирала А. В. Колчака, служа при штабе по интендантской части. Во время отступления белых частей в 1919 г. взят в плен красными партизанами в бою под Красноярском. Некоторое время сидел в тюрьме. После гражданской войны проживал с женой в Рыбинске. Был арестован и расстрелян по обвинению в участии в антисоветском заговоре.

79. В действительности Л. Г. Корнилов родился в семье отставного хорунжего Сибирского казачьего войска, бывшего волостным писарем. См.: *Туземцев Н. (Добровольский Н. Т.)* Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов-на-Дону. 1919.

80. Речь идет об Андрее Илларионовиче Козьмине. См. о нем ниже, в воспоминаниях полковника Н. А. Артабалевского .

81. *В публикации статьи в «Часовом» (№ 238-239. 1939. Июль. С. 31) далее было:* «С сожалением говорил он мне и о том, что он не в силах был, в виду общей обстановки и давления, производимого на Временное правительство советом рабочих и солдатских депутатов, организовать охрану Царской Семьи лучше, чем ему это удалось».

82. *Граф Павел Павлович Коцебу* (†13.9.1966) — окончил Пажеский корпус (1903). Штабс-ротмистр; офицер Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка. (Его брат Александр (1876 †после 1938), полковник также Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, долгое время состоял адъютантом Вел. Кн. Николая Николаевича, эмигрировав после революции во Францию.) В день ареста Их Величеств (8.3.1917) назначен комендантом Александровского дворца в Царском Селе, где содержались Царственные Узники. Был уволен через 2-3 недели за пропуск пакетов от Государя и других арестованных без предъявления их в цензуру. (Обязанности коменданта стал временно исполнять начальник караула полк. Е. С. Кобылинский, которого в конце марта сменил назначенный Керенским его личный друг и единомышленник подполковник П. А. Коровиченко.) Впоследствии полковник. В эмиграции. В начале 1950-х жил в США, на Восточном побережье. Скончался в Париже. Погребен в Ницце, на кладбище Кокад.

83. *В «Часовом» (№ 238-239. 1939. Июль. С. 31) далее было:* «Считая генерала Корнилова соответствующим для такого назначения, Главный штаб руководствовался тем, что генерал Корнилов в течение своей службы неоднократно показал находчивость, смелость и решительность, а именно:

1) во время своей командировки в Индию через Афганистан, которая, при условии, что афганцы не допускали появления в стране европейцев, требовала необыкновенной смелости, выдержки и находчивости;

2) во время русско-японской войны, когда он, после боя под Мукденом, собрал около себя отступавших в безпорядке и панике солдат различных частей и, образовав из них отряд, вынес и спас знамена нескольких полков, чем показал умение овладевать массами в самых неблагоприятных условиях и приводить их в порядок;

3) в тяжелом арьергардном бою весной 1915 года на стыке отступавшей 3 армии и 8 армии, за который он, несмотря на то, что был взят в плен, был награжден по **Высочайшему** повелению орденом св. Георгия 3 ст. (обычно все вопросы о награждении лиц, попавших в плен, откладывались до окончания войны), и, наконец,

4) в своем легендарном побеге из плена в австрийской крепости, во время которого, помимо высокого патриотизма, он проявил и организаторские способности, выдержку, и смелость; побег этот произвел на всю Россию огромное впечатление. Государь Император тогда особо наградил генерала Корнилова и приказал дать ему корпус. Этот побег, в связи с предыдущей его деятельностью, создал генералу Корнилову славу не «героя австрийского плена», как иронически называет его г. Якобий, а подлинную славу и действительный ореол героя — имя генерала Корнилова было тогда у всех на устах.

Все эти данные дали Главному штабу не только право выдвинуть генерала Корнилова в те исключительно тяжелые дни на должность Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, но и **обязанность** это сделать. У начальника Главного штаба и дежурного генерала были только сомнения в том, что генерал Корнилов согласится сменить свою боевую службу на фронте на все же тыловую должность, но патриотизм генерала Корнилова взял верх и свое назначение он принял как выполнение служебного долга — восстановить порядок в Петрограде».

84. *В «Часовом» (№ 238-239. 1939. Июль. С. 31-32) далее было:* «Но и в трудной обстановке революционного брожения в Петрограде генерал Корнилов показал себя смелым и решительным генералом, умевшим, при **личном** общении, подчинять массы своему влиянию, но, увы, это влияние, в силу целого ряда причин, не могло оставаться продолжительным, почему и деятельность генерала Корнилова не могла дать в конце концов тех результатов, на которые рассчитывали выдвигавшие его лица».

85. *Михаил Михайлович Зинкевич* (†23.2.1945) — генерал-майор, командир Алексеевского полка. В эмиграции в Болгарии. Командир 1-го батальона 1-го полка Русского корпуса в Сербии (1942). Позднее командовал 3-м батальоном 5-го полка (1944). При отходе от Травника под давлением красных титовских партизан 23 февраля получил тяжкое осколочное ранение (у него были перебиты голени обеих ног и ранен низ живота). Промучавшись до вечера, скончался от ран около 11 часов ночи (ровно через два дня после гибели командира корниловцев полковника И. М. Кондратьева).

86. *Аарон Симонович (Самуилович)* Симанович (1873-1978) — происходил из Мозыря. Начинал как часовщик с 300 рублями капитала. Впоследствии владел неск. миллионами рублей. Купец 1-й гильдии, что позволяло ему жить в Петербурге, где он нанимал 6-комнатную квартиру. Жена Теофилия (1876-?). Дети: Семен (1888-?), Иоанн (1897-?), Иосиф, Мария (1900-?), Соломон (1901-?), Клара (1902-?). Хотя фактически торговлей не занимался, был человеком со средствами. Играл в азартные игры в разных клубах. Занимался ростовщичеством, давая займы под большие проценты. Среди многочисленных его посетителей большинство составляли евреи, которым он оказывал материальную помощь. «Симанович, — читаем в справке Охранного отделения, — человек весьма вредный, большой проныра, обладающий вкрадчивыми манерами, способный пойти на любую аферу и спекуляцию».

С Распутиным Симанович познакомился в Киеве, где по некоторым данным владел ювелирным магазином. Переехал в Петербург. В 1915 г. Г. Е. Распутин исцелил его одержимого бесом (т. н. «пляска св. Витта») сына Иоанна, студента Коммерческого института. Симанович предупредил готовившееся министром внутренних дел А. Н. Хвостовым в начале 1916 г. убийство Распутина. В тот год, согласно записям службы наружного наблюдения, Симанович бывал у Распутина почти ежедневно. Сразу же после переворота в марте 1917 г. подвергался кратковременному аресту.

О принадлежности Симановича к масонству, по крайней мере после революции, во время его пребывания заграницей, свидетельствует секретная записка и список, подготовленные французской службой безопасности и хранившиеся в Особом архиве (ОА. Ф. 1. Оп. 27. Д. 12497. Л. 239). Фигурирует в «Списке русских масонов на 1 января 1932 года» («Симанович Аарон Самуилович») (*Платонов О. А.* Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. II. М. 2000. С. 414. — Воспроизведение части кн.: *Степанов Н. Ф. (Свитков Н.)* Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.). Изд. 3-е, испр. и доп. С предисл. В. Д. Мержеевского. Сан-Пауло. 1966).

Проживал в Берлине. Переехал в Париж (1924). По некоторым сведениям после революции некоторое время жил в Палестине. Занимался подделкой советских дензнаков (1926-1929), поставлявшихся потом в Германию. Подозревался он и в шпионаже. Именно в связи с этими фактами следует воспринимать его известную книгу «Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Г. Распутина», наполненную всевозможными выдумками, основной целью которых является, по словам исследователя Л. Болотина, «злостное глумление над памятью Царственных Мучеников» и, прибавим мы, Их Друга. Впервые она вышла на русском языке в Риге в 1921 г. (переиздана там же в 1924 и 1928 гг.). В сентябре 1928 г. во французском журнале «Новая Европа» появляется один из первых переводов «воспоминаний» на иностранный язык. Тогда же выходят первые отдельные издания полных переводов книги: на немецком (Berlin. 1928) и французском (Paris. 1930) языках. Характерно, что эти насквозь лживые «воспоминания», неоднократно переиздававшиеся в годы перестройки, послужили одним из основных источников для скандально известного романа В. Пикуля «У последней черты» и безпомощного «исследования» Л. Миллер «Царская Семья — жертва темной силы» (Мельбурн. 1998), авторы которых пытались облить грязью Святых Царственных Мучеников.

С конца 1930-х годов находился в местах заключения. Сидел в лагере для лиц без гражданства во Франции, потом в немецком концентрационном лагере, а после войны — в лагере для перемещенных лиц. Вероятно, после смерти первой жены Симанович женился вторично, на уроженке Австрии. По приглашению брата (скорее всего, речь идет о Хаиме-Неселе Симановиче (1868-?), в 1916 г. мещанине местечка Калинковичи Речицкого уезда Минской губернии, беженце), обосновавшегося в Сьерра-Леоне в Африке, А. Симанович перебрался в Либерию. В столице этой страны Монровии он владел средней руки рестораном «Atlantic chez Rasputin» на Бенсон-стрит. Вскоре он получил широкую известность в политических и деловых кругах Либерии. Он был личным другом президента страны У. Табмена (1944-1971), был хорошо знаком с его преемником У. Толбертом (1971-1980). (Следует подчеркнуть, что Либерия была третьей страной міра, признавшей в 1948 г. создание т. н. «государства Израиль». Хорошо известно о значительных политических и экономических интересах евреев в этой западноафриканской стране.) В числе др. либерийских бизнесменов его часто приглашали на приемы и в советское посольство. По свидетельству одного из ответствен-

ных сотрудников Министерства иностранных дел СССР, А. Симанович «держался непринужденно, отличался общительностью, хорошей памятью, прекрасно говорил по-русски, лишь иногда тщательно подбирая слова. Несмотря на возраст и обычную для Либерии жару, не отказывал себе в рюмке крепкого. Всегда благожелательно отзывался о Советском Союзе...» Скончался он в Монровии (Либерия).

87. *Александр Васильевич Кривошеин* (19.7.1857-28.10.1921) — сын выслужившегося из рядовых офицера. Окончил С.-Петербургский университет со степенью кандидата прав. Чиновник Министерства юстиции. Начальник Переселенческого управления (1904). Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (8.6.1905). Член Государственного Совета (6.5.1906). Товарищ министра финансов (6.10.1906). Главноуправляющий землеустройством и земледелием (21.5.1908). Близкий сотрудник П. А. Столыпина. Гофмейстер Двора (1909). Статс-секретарь (1910). В годы Великой войны был среди либеральных министров, считавших необходимым учитывать требования Прогрессивного блока. Возглавлял Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу (17.8.1915). Уволен с должности главноуправляющего (26.10.1915). Главноуполномоченный Российского Красного Креста (1915). После октябрьского переворота 1917 г. активный деятель антибольшевицкого движения. Возглавлял правительство Юга России в Крыму (1920); пытался провести аграрную реформу. После разгрома Врангеля в эмиграции. Скончался в Берлине.

88. *Князь Николай Дмитриевич Голицын* (31.3.1850 †20.6/3.7.1925) — родился в имении родителей Поречье Можайского уезда Московской губернии. Окончил Ларинскую гимназию в С.-Петербурге и Императорский Александровский лицей (1871). Поступил на службу в Министерство внутренних дел. Камер-юнкер Двора (1876). Архангельский вице-губернатор (1879); губернатор (1885). Калужский губернатор (1893). Тайный советник (1896). Тверской губернатор (1897). Сенатор (1903). Действительный тайный советник (1914). Председатель Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах (1915). Член Государственного совета (24.11.1915). Председатель Совета министров (27.12.1916). После февральского переворота арестован (28.2.1917). После освобождения, с обязательством не участвовать в политической деятельности, поселился с сыном в Москве, занимаясь сапожным ремеслом. Переехал Рыбинск, где работал сторожем на общественных огородах. Дважды арестовывался чекистами. В третий раз арестован (12.5.1925). Водворен в Бутырскую тюрьму в Москве. Переведен в Ленинград, где постановлением Коллегии ОГПУ расстрелян.

89. *Владимир Николаевич Воейков* (1868 †1947) Генерал-майор Свиты Его Величества. На военной службе с 1885 г. Произведен в офицеры (1887). Командир Лейб-гвардии Гусарского полка. Флигель-адъютант (1906). Последний Дворцовый комендант (с 24.12.1913). Главнонаблюдающий за физическим развитием народонаселения Российской Империи (1913). Принадлежал к ближайшему окружению Царской Семьи. Был женат на дочери министра Императорского Двора и уделов

В. Б. Фредерикса, Евгении Владимировне, бывшей фрейлине Ее Императорского Величества, с которой Царица-Мученица в годы ссылки находилась в переписке. После февральского переворота насильственно разлучен с Царем в Ставке, а затем арестован по приказу Временного правительства. В эмиграции в Финляндии (1919). В мае 1939 г. жил в Териоках.

90. *Иван Антонович Думбадзе* (1851 †1916) — генерал-майор Свиты Его Величества. Ялтинский градоначальник (1.7.1914-15.8.1916). Принимал участие в интригах против Г. Е. Распутина. Уволен по болезни. Сын, Александр, был убит большевиками. Дочь, Нина, была замужем за поручиком К. Н. Кологривовым (воспоминания его см. далее). Пасынок — корнет Крымского Ее Величества Императрицы Александры Феодоровны Конного полка С. В. Марков — принимал участие в попытках спасения Царственных Узников.

91. *Александр Федорович Трепов* (18.9.1862 †10.11.1928) — сын С.-Петербургского градоначальника, брат Дворцового коменданта. Окончил Пажеский корпус. Выпущен офицером в Л.-гв. Егерский полк. Вышел в запас (1889). Чиновник особых поручений Министерства внутренних дел (1889). Переяславский уездный предводитель дворянства (1892-1896). Причислен к Государственной канцелярии (1896). Камергер Двора (1900). Егермейстер (1905). Сенатор (1906). Член Государственного совета (1.1.1914). Член Особого совещания по обороне (авг. 1915). Управляющий Министерством путей сообщения (30.10.1915). Председатель Совета министров с оставлением в должности министра (10.11.1916). Уволен в отставку (27.12.1916). После октябрьского переворота один из лидеров Белого движения. Возглавлял в Гельсингфорсе Особый комитет по делам русских в Финляндии (осень 1918-янв. 1919). Скончался в Ницце.

92. *Иван Иванович Тхоржевский* (19.9.1878 †11.3.1951) — родился в Ростове-на-Дону Окончил Тифлисскую гимназию и юридиеский факультет С.-Петербургского университета (1901). Оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Чиновник канцелярии Комитета министров (1901). Дежурил при С. Ю. Витте (1904-1905). В годы правления П. А. Столыпина — помощник начальника Переселенческого управления (1906). Ближайший помощник А. В. Кривошеина. Камергер Высочайшего Двора (1912). Управляющий канцелярией ведомства землеустройства и земледелия (1913), в 1915 г. переименованной в Министерство земледелия. Подал в отставку (июнь 1916). Председатель совета акционеров Нидерландского банка для Русской Торговли (дек. 1916). Член правления Русского торгово-промышленного банка. Акционер Петроградской промышленной мануфактуры «Треугольник». Член совета Всероссийского общества здравниц в память войны 1914-1915 гг., состоявшего под покровительством Императрицы Александры Феодоровны. После октябрьского переворота 1917 г. — активный член созданной в Петрограде по инициативе А. В. Кривошеина тайной монархической организации «Правый центр». Выехал в Гельсингфорс (лето 1919). Инициатор создания в Финляндии «Общества для борьбы с большевизмом». Переехал в Париж. Управляющий делами Совета ми-

нистров созданного Врангелем в Крыму правительства, возглавлявшегося А. В. Кривошеиным (сент.-ноябрь 1920). Возвратившись в Париж, стал активным сотрудником русской эмигрантской прессы (в т. ч. журнала «Часовой»). Постоянный сотрудник газеты «Возрождение», выходившей вплоть до второй мировой войны. Переводчик, литератор. Председатель Национального объединения русских писателей и журналистов во Франции (с 1937). Масон; состоял в ложе «Астрея» (Париж. 1922). В 1936 г. сотрудничал с Национально-трудовым союзом нового поколения. Входил в Особую комиссию по делу Скоблина (1937). После войны был редактором журнала «Возрождение», начавшего выходить в 1949 г. Скончался в Париже. Похоронен на кладбище Сент Женевьев де Буа. Воспоминания и некоторые очерки вошли в кн.: *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб. 1999.

93. *Генерал-майор Борис Владимирович Геруа* (1876 †1942) — окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. В звании полковника экстраординарный профессор по тактике Николаевской академии (1912). В качестве командира 123-го Козловского пехотного полка (1914), начальника штаба 31-й пехотной дивизии (1915) и командира Лейб-гвардии Измайловского полка (к. 1915) участвовал в первой мировой войне. Награжден Георгиевским оружием. Генерал-квартирмейстер Войск гвардии (июнь 1916). Генерал-майор (июль 1916). Во время «Брусиловского прорыва» генерал-квартирмейстер штаба Особой армии. Начальник штаба 11-й армии, при ген. Эрдели (май 1917). По приказу Керенского арестован за участие в выступлении ген. Корнилова (31.8.1917). Освобожден за отсутствием доказательств. Нелегально перешел границу с Финляндией (1918), откуда выехал в Англию. Поселился в Лондоне в районе Челси. Автор мемуаров: Воспоминания о моей жизни. Под ред. А. А. Геринга. Т. I-II. Париж. 1969-1970.

94. *Полковник Митрофан Иванович Бояринцев* (29.11.1894 †17.9.1971) — уроженец Курской губернии. По окончании Рыльской мужской гимназии и Киевского военного училища (1915) выпущен офицером в 5-й пехотный Калужский полк. В Добровольческой армии служил в Корниловском ударном полку. Полковник. Неоднократно был ранен. В эмиграции в течение многих лет вел военно-общественную деятельность. Немало сделано им для ликвидации последствий измены ген. Скоблина, потрясшей Белую военную эмиграцию. Скончался в Русском доме Красного Креста г. Шелль (Франция). Погребен на Галлиполийском участке русского кладбища в Сент Женевьев де Буа.

95. Ранее это заявление было вопроизведено в изложении: *[В.] П[ронин].* Генерал Архангельский об издании книги Якобия «Император Николай II и революция» // Русский голос. № 429. 1939. 25 июня. С. 2.

96. *Полковник Анатолий Николаевич Левашов* (†13.7.1960) — закончил II Кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище (1914). Участник Великой войны. Штабс-капитан Лейб-гвардии Артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. Будучи в Добровольческой армии, участвовал в Ледяном и Бредовском походах. Полковник

(24.9.1920). Эвакуирован из Крыма в Галлиполи. Командир 3-й батареи Марковской артиллерийской бригады. В Болгарии в составе Марковской артиллерийской бригады (1925). В эмиграции в Бельгии. Возглавлял в Брюсселе группу I Армейского корпуса (1931). Основатель Русской стрелковой ген. Врангеля дружины. Председатель Общества галлиполийцев в Бельгии (до 1939). Скончался в Брюсселе.

97. *Петр Бернгардович Струве* (1870 †1944) — политический деятель, философ, экономист, историк, публицист, академик Академии наук (1917, в 1928 исключен). В 1890-х гг. теоретик «легального марксизма», вел полемику с народниками, автор Манифеста РСДРП (1898). С нач. 1900-х гг. лидер российского либерализма, редактор журнала «Освобождение», один из руководителей «Союза освобождения». С 1905 г. член партии кадетов и ее ЦК. Депутат 2-й Государственной думы. С 1907 фактический руководитель журнала «Русская мысль», участник сборника «Вехи» (1909), инициатор сборника «Из глубины» (1918). После октября 1917 г. вел борьбу с большевиками, один из идеологов Белого движения, член «Особого совещания» при генерале А. И. Деникине, министр в правительстве генерала П. Н. Врангеля, организатор эвакуации его армии из Крыма. С 1920 г. в эмиграции, редактор журнала «Русская мысль» (Прага), газеты «Возрождение (Париж) и др., преподавал в Пражском и Белградском университетах. Автор работ по социально-экономической истории России, проблемам российской интеллигенции и др.

98. Речь идет об изд.: *Струве П.* Размышления о русской революции. София. 1921. Это была публичная лекция, прочитанная в ноябре 1919 г. в Ростове-на-Дону, впервые напечатанная в ежемесячнике «Русская мысль». Кн. I–II. София. 1921. С. 6–37.

99. *Борис Александрович Пеликан* (ок. 1861†28.2/13.3.1931) — потомственный дворянин. Одесский городской голова. Один из руководителей черной сотни в Одессе, председатель местного отдела Русского народного союза имени Михаила Архангела. Крайний монархист. В 1905 г. с организованными ими боевыми дружинами черносотенцев подавлял революционные выступления. При Временном правительстве попал в тюрьму. После падения правительства вернулся в Одессу. Помог образованию 1-й Сербской добровольческой дивизии. Поддерживал в России сербских эмигрантов. Награжден югославскими орденами Святого Саввы и Святого Даниила I степени с лентой. В эмиграции одним из первых признал легитимным монархом Великого Князя Кирилла Владимировича. Умер в возрасте 70 лет. Похоронен в Белграде на Новом кладбище.

100. В 1934 году в одной из эмигрантских аудиторий В. В. Шульгин читал лекцию, в которой он рассказывал о своей роли в революции. Во время последовавшей вслед за лекцией дискуссии присутствовавший на ней Петр Бернгардович Струве заявил, что у него по существу есть лишь один повод для критики последнего Императора, а именно, что тот был слишком мягок с революционерами, которых ему следовало бы "безжалостно уничтожать". Шульгин с улыбкой спросил, не считает ли Струве, что и его тоже следовало бы уничтожить. — "Да! — воскликнул Струве и, встав со своего места, зашагал по залу, тряся седой

бородой. — Да, и меня первого! Именно так! Как только какой-нибудь революционер поднимал голову свою — бац! — прикладом по черепу". Он так разволновался, что председательствующий, опасаясь за его здоровье, закрыл дискуссию... (Новое русское слово. 19.10.1969. С. 7. Письмо Н. Боброва издателю. Информация почерпнута у Н. Д. Тальберга. См. также: *Pipes R.* Struve: liberal on the right. 1980. P. 398.)

101. *Сергей Федорович Платонов* (1860-1933) — русский историк, академик АН (1925; академик РАН с 1920). Председатель Археографической комиссии (1918-1929). Труды: «Очерки по истории смуты в Московском государстве XV — XVII вв.», курс лекций по русской истории, издание русской публицистики к. XVI — н. XVII вв. Подвергался репрессиям в н. 1930-х гг.

102. *И. М.* Памяти Царя-Мученика (в годовщину Екатеринбургского злодеяния) // Возрождение. № 4193. 1939. 21 июля.

103. Справедливость этого мнения И. Л. Солоневича подтверждается материалами допроса 1 января 1928 г. французскими спецслужбами бежавшего на Запад бывшего помощника Сталина Б. Г. Бажанова, который, в частности, говорил: «Деникин рассматривается как не имеющий никакой значимости как с точки зрения политической, так и военной» (Большевики и русская эмиграция // Источник. 2001. № 6. С. 36).

104. Ср. с приводившимися уже материалами допроса Б. Г. Бажанова: «...Позиция большевиков в отношении правого крыла эмиграции следующая: эта фракция рассматривается как самая опасная. Действительно, если бы она имела талантливых руководителей и смогла бы изменить свою политику, она имела бы шансы установить контакт с антибольшевицкой Россией и быть поддержанной ею. Но в действительности эта группа приняла политическую платформу, безвредную для большевиков [«непредрешенчество»], она не имела руководителей, и если она не изменит свою линию поведения, она не будет опасной даже в случае войны против СССР» (Большевики и русская эмиграция // Источник. 2001. № 6. С. 36). Все сказанное, как известно, полностью подтвердила история.

105. Ср. опять-таки со свидетельством В. Г. Бажанова: «В течение длительного времени на заседаниях Политбюро констатировали, что Врангель был самым опасным и самым способным руководителем эмиграции и что надо было бы его уничтожить. [...] Что касается центра эмиграции — демократов всех сортов, демократический республиканский союз, группа Милюкова и правых социалистов, — Политбюро считало, что они не представляют никакой опасности. Население остается глухим к их теориям... [...] Большевицкие руководители придают еще меньшую важность левому крылу эмиграции, социалистам-демократам и революционерам. Это объясняется тем фактом, что враждебность населения по отношению ко всем социалистическим партиям не вызывает больше никакого сомнения» (Большевики и русская эмиграция // Источник. 2001. № 6. С. 36).

106. «Его кандидатуру на этот пост выдвинул Временный комитет Государственной думы на переговорах с [Императором] Николаем II по поводу отречения. Царь подписал указ о назначении Корнилова началь-

ником округа, пометив его 2 час. дня, т. е. до формального отречения» (Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. Л. 1991. С. 22-223). Его предшественник («исполнявший обязанности») ген. Н. С. Аносов был обвинен Исполкомом Петросовета в том, что «повел кампанию против совета и спекулировал на лозунгах "Солдаты — в окопы, рабочие — к станкам"» (Пролетарская революция. 1923. № 1 (13). С. 350). Корнилову, подобно поставившим на него временщикам, пришлось, таким образом, расшаркиваться и перед Исполкомом.

107. *Константин Федорович Зерщиков* (14.12.1887 †25.5.1951) — родился в станице Бороздинской Терской области в семье офицера-дворянина. Окончил Ярославский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907) и Главную офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу. Сотник Собственного Его Императорского Величества Конвоя (1912). Участник первой мировой и гражданской войн. Во время последней воевал в составе Кубанского гвардейского дивизиона. Разжалован в рядовые (16.4.1919), затем востановлен в чине. После эвакуации из Крыма — командир Кубанского гвардейского дивизиона и начальник Кубанской офицерской школы на о. Лемнос. И. д. генерала для поручений при Главнокомандующем Русской армией (1922). Командир дивизиона Лейб-гвардии Кубанской и Терской сотен в Югославии (1925; в 1938 г. переименован в дивизион Собственного Его Величества Конвоя). Участник второй мировой войны в рядах Русского Корпуса в Сербии. Командир сотни управления 1-го полка (1942). Адъютант 1-го батальона 1-го полка. Скончался в Зеебахе (Австрия).

108. *Великий Князь Павел Александрович* (1860 †14.1.1919) - шестой сын Императора Александра II, дядя Государя Николая II. Генерал-адъютант (с 1897), генерал от кавалерии; командир Лейб-гвардии Конного полка (1890-1896), командующий Гвардейским корпусом (1898-1902). В 1902 г. за морганатический брак с О. В. Пистолькорс был уволен от всех должностей и лишен званий; дети от первого брака взяты под опеку. Назначен командиром I Гвардейского корпуса (май 1916), позже — инспектором войск гвардии; генерал-лейтенант. После убийства Г. Е. Распутина, по личному распоряжению Государыни, вход ему в Царский дворец был закрыт. Во время переворота трижды был принимаем Императрицей в Царскосельском Дворце: 28.2, 1.3 и 3.3.1917. Примечателен и другой факт. Петроградская газета «Вечерний час» (29.11.1917), уже при большевиках, информировала: «Как уже сообщалось в печати несколько времени тому назад, представителями петроградского военно-революком., по их собственной инициативе, был задержан и доставлен в Смольный б. Вел. Кн. Павел Александрович. Здесь б. Вел. Кн. находился 4 дня, затем был освобожден. Большой интерес в связи с текущими событиями представляет отношение обитателей Смольного к Павлу Александровичу. Как рассказывает один из постоянных посетителей Смольного, б. Вел. Кн. за все время пребывания своего в Смольном пользовался не только исключительным вниманием, но и особенным, странным для того места почетом... Его все без исключения, начиная с главы народных комиссаров, Ленина, называли не иначе как Ваше Императорское Высочество. В распоряжении б. Вел. Кн. был свой штат, ему было пре-

доставлено лучшее в Смольном помещение и подавалась лучшая пища. Ни о каких допросах не было и речи. В самой почтительнейшей форме главари большевиков испрашивали у него аудиенции, причем аудиенции эти носили строго конституционный характер и продолжались очень долго. Павел Александрович не был лишен свободы и из Смольного несколько раз выезжал, причем ему подавался лучший из автомобилей или великолепный открытый экипаж. Многие, знающие Великого Князя в лицо, видели его спокойного, без всякой охраны, подъезжающим к Смольному. Сейчас б. Вел. Кн. проживает в Петрограде, в своем дворце, и пользуется абсолютной свободой». «О том, что это не газетная "утка", — пишет исследователь Л. Болотин, — свидетельствует и несколько упоминаний о пребывании Великого Князя Павла Александровича в Смольном в трехтомном сборнике документов "Петроградский военно-революционный комитет". М. "Наука". 1966. Но и там не говорится о содержании переговоров» *(Болотин Л.* Куда ведет дорога Великого Князя? // Царь-колокол. № 1. М. 1990. С. 35). См. также: *Мельгунов С.* Судьба Императора Николая II после отречения. С. 298-302. Расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

109. *Алексей Андреевич Волков* (30.10.1859 †27.2.1929) — родился в с. Старое Юрьево Козловского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. Будучи призванным в армию, попал в Лейб-гвардии Павловский полк, а затем в Сводный батальон. Взят на службу Великим Князем Павлом Александровичем. В течение полутора лет перед революцией был личным камердинером Императрицы Александры Феодоровны. Последовал за Царственными Мучениками в Тобольск Екатеринбург. При прибытии в последний (10/23.5.1918) арестован. Среди др. заключенных вывезен (7/20.7.1918) из Екатеринбурга в Пермь, в тюрьму, из которой в составе 11 заложников «красного террора» выведен на расстрел (22.8/4.9.1918). Бежал по дороге. Помогал следствию. Выехал в Маньчжурию (1919). Заведовал приемкой лесных материалов на станции Именьпо. Супруга скончалась в июне 1922 г. Через 9 дней выехал в Эстонию к зятю. Получал пенсию от Датского короля. Вторая супруга Евгения Рейнгольдовна Волкова, урожд. фон дер Ховен (1880-? ??.-14.3.1932). Супруги похоронены в Юрьеве (Тарту) на Успенском кладбище.

110. *Княгиня Ольга Валериановна Палей*, урожд. Карнович (2.12.1865 †2.11.1929) — в первом браке (1884) за генерал-лейтенантом Э. А. фон Пистолькорс (1853-1935); во втором (27.9.1902), морганатическом, — за Вел. Кн. Павлом Александровичем. От Баварского короля получила титул графини Гогенфельзен (1904), а в России — княгини Палей (28.8.1915). Эмигрировала во Францию, где и скончалась.

111. *Владимир Павлович Палей* (28.12.1896 †18.7.1918) — граф Гогенфельзен, князь (1915); сын Вел. Кн. Павла Александровича и О. В. Пистолькорс. Поэт. Убит под Алапаевском. Похоронен при Свято-Серафимовском храме в Пекине.

112. *Граф Адам Станиславович Замойский* (ум. 1940) — корнет лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, флигель-адъютант Его Императорского Величества (? 13.2.1916). Церемониймейстер Двора. До по-

следнего дня и возможности находился при Императрице. Несмотря на все его просьбы и мольбы, ему не разрешили оставаться при Ее Величестве. Позднее видный деятель польской партии «реалистов». Скончался в Варшаве.

113. *Князь Михаил Сергеевич Путятин* (1861 †24.5.1938) — окончил Морской корпус (1880). Откомандирован в Сводный гвардейский батальон (1889). Офицер Лейб-гвардии Преображенского полка. Начальник Дворцового управления (1911). Генерал-майор (1912). Наблюдал за работой по постройке Государева Феодоровского Собора в Царском Селе. Под его редакцией вышел «Летописный и лицевой изборник Дома Романовых» (Вып. 1. М. 1913). Эмигрировал во Францию. Скончался в Париже.

114. *Павел Павлович фон Гротен* (18.9.1870 †27.12.1962) — дворянин, сын полковника (затем действительного статского советника). Окончил Воронежское реальное училище (1891), Николаевское кавалерийское училище (1893). Офицер Лейб-гвардии Гусарского полка. Генерал-майор. Командир Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Георгиевский кавалер. После февральского переворота 1917 г. некоторое время и. д. Дворцового коменданта. В эмиграции во Франции. Председатель Совета старшин объединения Лейб-гвардии Гусарского полка. Председатель Общества старых офицеров Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка и заместитель председателя объединения Лейб-гвардии Гусарского полка. Скончался во Франции. Погребен на кладбище Сент Женевьев де Буа.

115. *Полковник Б. А. Герарди* (1870†?) — в Отдельном корпусе жандармов с прикомандированием к Московскому ГЖУ (1898) В резерве при том же управлении (1900); причислен к штабу и откомандирован в распоряжение Петербургского градоначальника (1902); помощник начальника Петербургского Охранного отделения (16.10.1903). Откомандирован в распоряжение Дворцового коменданта (28.4.1905). Начальник Дворцовой полиции (1.5.1905). Полковник. Заведующий заграничной агентурой (1905-1909). Во время Великой войны иногда исполнял обязанности коменданта Императорского поезда. В напряженные февральские дни 1917 г. просил разрешить ему вернуться в Царское Село, освободив его от исполнения обязанностей в Ставке.

116. *Илья Леонидович Татищев* (1859 †27.6/10.7.1918) — генерал-адъютант, генерал-лейтенант, числившийся по гвардейской кавалерии. Узнав после ареста Государя, что Тот нуждается в нем, сказал: «Раз Государь желает этого, мой долг исполнить волю моего Государя». Отбыл с Царской Семьей в Тобольск. Там он сказал однажды П. Жильяру: «Я знаю, что я не выйду из этого живым. Я молю только об одном — чтобы меня не разлучали с Государем и дали умереть вместе с Ним». После увоза Их Величеств остался с Августейшими Детьми в Тобольске, а затем сопровождал их в Екатеринбург, город, основанный в 1721 г. его предком Василием Никитичем Татищевым (1686 †1750) и называвшийся тогда Екатеринин. Сразу же по прибытии туда, 23.5.1918 (н. ст.), взят чекистами в тюрьму. Незарытые тела И. Л. Татищева и В. А. Долгорукова найдены за Ивановским кладбищем. Канонизирован

Русской Православной Церковью Заграницей. Ныне — святой мученик воин Илия.

117. *Великая Княгиня Мария Павловна* (6.4.1890 †13.12.1958) — дочь Вел. Кн. Павла Александровича от первого брака с Вел. Кн. Александрой Георгиевной, Греческой принцессой; внучка Императора Александра II. Сестра Вел. Кн. Дмитрия Павловича — убийцы Г. Е. Распутина. В браке (20.4.1908-13.3.1914) с Вильгельмом, принцем Шведским, герцогом Зедерманландским; во втором браке (6.9.1917-29.4.1923) с князем Сергеем Михайловичем Путятиным. В эмиграции жила во Франции, Аргентине и Германии.

118. *Поручик Константин Николаевич Кологривов* (19.10.1890 †после 1954) — окончил Императорский Александровский лицей и Пажеский корпус (1914). Добровольно вступил в Лейб-гвардии Гусарский Его Императорского Величества полк. В описываемое время — офицер Лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка. Женат на Нине, урожденной Думбадзе, сестре корнета Крымского Конного Ее Величества полка С. В. Маркова, предпринимавшего попытки спасения Царской Семьи из заточения. Устные воспоминания К. Н. Кологривова об этом же эпизоде (во многом совпадающие с публикуемым текстом) см. в кн.: *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья. М. «Паломник». 2002. С. 145-147. В Царском Селе жил на Павловском шоссе, д. 12. В эмиграции в Бельгии.

119. *Магдалина Францевна Занотти* — камер-юнгфера Царицы-Мученицы. Добровольно последовала за Царской Семьей в Тобольск, но не была допущена к Царственным Узникам.

120. *Михаил Иванович Свидин* — казак станицы Баталпашинской Кубанской области. Есаул, командир Лейб-гвардии 2-й Кубанской сотни Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Во время гражданской войны воевал в Добровольческой армии. Участник Ледяного похода. Полковник. Командир Кубанского гвардейского казачьего дивизиона (1919). Эвакуирован в составе Русской армии на о. Лемнос. Прикомандирован к Кубанскому техническому батальону в Югославии (осень 1925). Был выдан советским органам в Лиенце (19.5.1945). Вывезен в СССР.

121. *Полковник Михаил Алексеевич Лазарев* (1880 †4.11.1933) — на военной службе с 1899 г. Произведен в офицеры (1901). В описываемое время офицер Л.-гв. Кексгольмского полка; в февр. 1917 г. временно командовал Собственным Его Величества Сводным пехотным полком вместо генерал-майора А. А. Ресина, заменившего арестованного и. д. Дворцового коменданта генерал-майора П. П. фон Гротена. По распоряжению Временного правительства сдача постов Собственным Его Императорского Величества Конвоем и Собственным Его Императорского Величества пехотным полком революционным частям Царскосельского гарнизона произошла 8.3.1917 в 16 часов. Остался в СССР. Скончался в Ленинграде.

122. *Виктор Иванович Долинский* (†27.12.1967) — впоследствии поручик. Состоял адъютантом при Корнилове и во время 1-го Кубанского похода. Скончался в Медии (штат Пенсильвания, США).

123. Федор Васильевич Рубец-Масальский.

124. *Андрей Еремеевич Деревенько* (†1921) — боцман яхты «Штандарт». Дядька Наследника-Цесаревича. Приставлен к Нему в 1905 г. во время плавания Царской Семьи на яхте «Полярная Звезда». Он учил Цесаревича ходить. В 1917 г. был заменен К. Г. Нагорным. Умер от тифа в Петрограде.

125. Таким образом, миссия генерала Корнилова состояла даже не столько в аресте Государыни и создании режима охраны плененной бунтовщиками Царской Семьи (что мог сделать и кто-либо другой), но в успокоении Жертвы через дезинформацию. Поверить Императрица (весьма разборчивая в людях) могла не каждому. Корнилов же хорошо был известен своим безупречным поведением в плену и героическим из него побегом. Так что выбор временщиков был весьма удачен. Знал ли сам Корнилов об игре заговорщиков или нет (а, может, делал вид, что верил им) — до конца не ясно. Да это, в действительности, и не играет столь большой роли там, где самой большой ценностью является судьба Венценосной Семьи. И с этой точки зрения, генерал Корнилов, безусловно, является соучастником преступления.

126. *Петр Андреевич Жильяр* (1879-1962) — швейцарский гражданин, высшее образование получил в Лозаннском университете по отделению классической словесности. Преподаватель французского языка Великих Княжен и репетитор Наследника. Впоследствии воспитатель Цесаревича. Добровольно последовал за Царской Семьей. В Екатеринбурге разлучен с Царственными узниками. В 1922 г. в Женеве женился на А. А. Теглевой. Автор нескольких книг о Царской Семье.

127. *Виктор Эрастович Зборовский* (1889 †9.10.1944) — из казаков станицы Ладожской Кубанской области. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1907) и Николаевское кавалерийское училище (1909). Подъесаул Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Участник первой міровой войны. Георгиевский кавалер. Награжден Золотым оружием. Во время гражданской войны воевал в Добровольческой армии. Участник Ледяного похода в составе конного отряда полковника Кузнецова. Служил в Кубанском гвардейском дивизионе (лето 1918). Есаул (янв. 1919). Полковник (весна 1919). Командовал названным дивизионом под Царицыным. Командир бригады в дивизии генерала Крыжановского (июль 1919). Начальник Кавказской горской дивизии (дек. 1919). Служил в конвое главнокомандующего Вооруженных сил Юга России (фев. 1920). Назначен командиром этого конвоя (март 1920). Участвовал в Кубанском десанте (авг. 1920). Тяжело ранен. Эвакуирован в составе Русской армии на о. Лемнос, где был командиром Кубанского гвардейского дивизиона (лето 1921). Генерал-майор (1921). Начальник Кубанской казачьей дивизии в Югославии (осень 1925). Во время второй міровой войны сражался в рядах Русского корпуса в Сербии. Командир 1-го казачьего полка (1941). Был смертельно ранен в живот в бою под Ново-Село (26.9.1944). Награжден германским Железным крестом 2-го класса. Скончался от ран в Граце (Австрия).

128. *Чарльз Сидней Гиббс* (19.1.1876 †11/24.3.1963) — учитель Августейших Детей. В 1917 г. он последовал за ними в Тобольск и Екатерин-

бург, где их разлучили. Его выслали в Тюмень, а затем в Тобольск. Достоверно известно, что Гиббс предпринимал попытки к освобождению Царственных Узников. В августе 1918 г. он вернулся в Екатеринбург, где помогал следствию. В 1919 г. он был секретарем британского Верховного комиссара в Омске. Сопровождал найденные под Екатеринбургом следствием частицы мощей Царственных Мучеников во Владивосток. Позднее некоторое время жил в Китае; служил секретарем в британском посольстве в Пекине и на китайской морской таможне.

Жизнь в России и Уральская трагедия навсегда наложили на него особый отпечаток. Душа Гиббса, не находя в міру покоя, все сильнее жаждала Истины. Зиму 1928-1929 гг. он провел в Оксфорде при соборе св. Стефана. Он решил было принять духовный сан в Англиканской церкви, к которой принадлежал по рождению, но не почувствовал сильного влечения. Возвращение в Маньчжурию и последовавшая вскоре оккупация ее японцами (1931-1932) не только лишили Гиббса работы, но заставили еще и еще раз задуматься о переходе в лоно Русской Православной Церкви и принятии там священного сана. Именно в это время он перевел на английский православный служебник и несколько православных богослужебных книг. Но сомнения все еще посещали его душу; около года пробыл он в синтоистских монастырях в Японии. Но это не переменило принятого им ранее решения. 23 апреля 1934 г., в день ангела Царицы-Мученицы, 58-летний Чарльз Сидней Гиббс принял Православие через Св. Мyропомазание, получив имя Алексий — в честь Царевича-Мученика Алексия, Которого когда-то он учил.

5/18 декабря 1934 г., в канун памяти святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца (дня тезоименитства Императора Николая II) в Харбине от епископа Камчатского и Петропавловского Нестора (Анисимова) он принял иноческий постриг с именем Николай — в память Царя-Мученика. Постриженик был принят в число братии Камчатского подворья обители Милосердия.

В том же 1934 г. о. Николай архиепископом Нестором был рукоположен в иеродиакона, а 23 декабря 1934 г., в канун Рождественского сочельника, Владыка рукоположил его в иеромонаха.

Наконец его нарекли игуменом. Вскоре о. Николай покинул Маньчжурию. Проведя год в Иерусалиме в Русской миссии, в 1938 г. он вернулся в Англию. Архиепископ Серафим (Лукьянов, †1959), экзарх Западной Европы Зарубежной Церкви назначил о. Николая в Лондоне на два прихода: Всех святых и Свт. Филиппа.

В июне 1945 г. митрополитом Николаем (Ярушевичем, †1961) архимандрит Николай (Гиббс) был принят в юрисдикцию Русской Православной Церкви. На это решение о. Николая (Гиббса), несомненно, повлиял пример владыки Нестора. После второй міровой войны он основал православный приход в Оксфорде для англоязычной православной общины.

В начале 1950-х гг. архимандрит сослужил последнюю службу Царственным Мученикам: его письменное показание под присягой положило конец интриге второй Лжеанастасии (в 1928 г. он участвовал в

разоблачении первой Лжеанастасии — Чайковской; сохранилось его письмо по этому поводу Вел. Кн. Александру Михайловичу).

Среди тех, с кем он общался в последние годы жизни, был русский философ, индолог и историк Г. М. Катков, внучатый племянник известного русского консервативного мыслителя. Архимандрит Николай (Гиббс) скончался через два месяца после своего восьмидесятилетия в госпитале св. Панкратия. Погребен он на местном кладбище Хэдингтон.

129. *Александра Александровна Теглева* (1884 †?) — потомственная дворянка. В течение 17 лет служила няней при Царских детях. Сопровождала их в Тобольск и Екатеринбург. Вышла замуж за наставника Цесаревича П. А. Жильяра (3.10.1922, в Женеве).

130. *Елизавета Николаевна Эрсберг* (1879†1942) — в течение 16 лет она была помощницей няни Царских Детей А. А. Теглевой. Комнатная девушка в Царской Семье. В Тобольске — горничная у Великих Княжен. Помогала следствию Н. А. Соколова. С миссией Красного Креста, через Дальний Восток, Японию, Америку и Францию, приехала в Данию, где встречалась с Императрицей-Матерью Марией Феодоровной, от которой получила материальную помощь. В ноябре 1928 г. через Швейцарию и Чехословакию вернулась в Россию, где в ОГПУ дала подписку о неразглашении данных о жизни Царской Семьи.

131. Неожиданное подтверждение этому находим мы в воспоминаниях известного ученого-химика В. Н. Ипатьева (1867-1952), брата владельца Ипатьевского дома в Екатеринбурге: «...Раз из Ставки мне пришлось ехать в одном купэ с ген. Корниловым, которому только что удалось убежать из австрийского плена и который приезжал в Ставку для представления Государю. Он мне рассказал, как он в течение почти месяца блуждал по лесам и полям, питаясь ягодами и скрываясь от преследования. Прием у Государя был для него очень приятным, так как Царь обещал назначить его командиром корпуса [что и произошло 13.9.1916 — *С. Ф.*]. Что же касается до его разговора с Александрой Феодоровной, Которая в то время была в Ставке, то от Нее он получил, наоборот, неприятное впечатление. Государыня спросила его, как в австрийском плену обращаются с русскими пленными; генерал ответил Ей: "хуже, чем с собаками". На лице Государыни отразилось большое неудовольствие и недоверие, и Она сухо прекратила с ним разговор» (*Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Т. 1. Нью-Йорк. 1945. С. 526). Поразительно, что генерал Царской армии поделился своими сокровенными мыслями о Царских Особах с малознакомым ему человеком, случайным попутчиком в поезде. Достойно размышления, наконец, что он рассказал о том, как он нахамил Императрице, не рассчитывая, видимо, получить отпор со стороны своего собеседника. Интересно, что в том же вагоне в столицу возвращался и генерал П. Н. Врангель: «Я знал генерала Корнилова очень мало, познакомившись с ним год тому назад за Царским столом в Могилеве, куда он прибыл представиться Государю после своего побега из плена. В одном вагоне мы тогда доехали от Могилева до Петербурга» (Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 1. М. 1992. С. 52).

132. *Алексей Федорович Аладьин* (15.3.1873-30.7.1927) — по сословной принадлежности он был крестьянином Симбирской губернии. Еще будучи студентом университета был исключен из него за участие в нелегальных кружках 1890-х гг. Бежал в Англию, где пробыл 9 лет. В Лондоне, по свидетельству современников, был «гидом по различным вертепам разврата», а по новейшим данным — изготавливал поддельный «антиквариат». Член 1-й Государственной думы. Один из лидеров и основателей группы трудовиков. Благодаря своему происхождению он пользовался большой популярностью среди думцев-крестьян. Масон. Во время роспуска I Думы Аладьин находился в Лондоне, куда по приглашению Английского парламента прибыл в составе делегации. В Россию он решил не возвращаться, сделавшись лондонским корреспондентом «Нового времени». После февральского переворота 1917 года Аладьин снова появился в России, с Английской военной миссией и в английской военной форме. Был тайным агентом английской разведки Intelligence service. Самое активное участие принимал он в Корниловском мятеже, передав в июле 1917 г. генералу письмо от английского военного министра лорда Мильнера. Во время гражданской войны находился в Крыму, имея общение с белыми генералами. Скончался А.Ф. Аладьин в Лондоне в госпитале Св. Фомы.

133. *Николай Виссарионович Некрасов* (20.10.1879-14.4/7.5.1940) сын протоиерея. После окончания С.-Петербургского института путей сообщения (1902) был лектором Томского педагогического института. Для подготовки к профессорскому званию на два года отправлен в заграничную командировку (1903) — в Германию и Швейцарию. Инженер. Делегат I съезда партии народной свободы (кадетской) от Таврической губернии (с 1909 г. член ЦК). Лидер ее левого крыла. Депутат III и IV Государственных дум от Томской губернии. Один из руководителей Земгора. Один из видных деятелей политического масонства. Член Верховного совета Великого Востока народов России, секретарь Верховного совета (1915). Совместно с Гучковым участвовал в попытке организации дворцового переворота. Товарищ председателя Государственной думы (5.11.1916). После переворота министр путей сообщения (2.3.1917). Вышел из кадетской партии (июль 1917). Заместитель министра-председателя (8.7.1917). Заместитель председателя и министр финансов (24.7.1917). Генерал-губернатор Финляндии (сент. 1917). После октябрьского переворота активного участия в борьбе против большевиков не принимал. Работал в Петроградском отделении Московского народного банка. Переехал в Москву (март 1918). Статистик в Наркомпроде. Под фамилией Голгофский уехал в Уфу (17.6.1918); работал в кооперации. Вернулся в Москву (20.12.1918). Секретарь Института школьных инструкторов физического труда при отделе единой школы Наркомпроса. Жил и работал в Омске и Казани. Опознан и арестован (1921). После встречи с Лениным отпущен (май 1921). Работал в биржевом комитете и потребкооперации. Арестован по обвинению в саботаже и приговорен к 10 годам заключения (1931). Работал на строительстве Беломорканала. Досрочно освобожден (28.3.1933), продолжая работать на строительстве канала. Начальник карьерного хозяйства ка-

нала Москва-Волга. Награжден орденом Трудового красного знамени. Начальник работ Калязинского района строительства Волгостроя (окт. 1937). Арестован по обвинению в покушении на жизнь Ленина в 1918 г. (13.6.1939). Расстрелян. Реабилитирован (1991).

134. *Михаил Иванович Терещенко* (18.3.1886-1.4.1956) — родился в семье крупнейших сахарозаводчиков и землевладельцев. Учился в Киевском и Лейпцигском университетах. Сдал экстерном экзамены по курсу юридического факультета Московского университета (1909). Преподавал в университете на кафедре римского и гражданского права. Покинул его в знак протеста против увольнения трех преподавателей. Чиновник особых поручений при дирекции Императорских театров в Петербурге (1911). Камер-юнкер. Получил потомственное дворянство. Депутат IV Государственной думы. Масон. Во время Великой войны работал в организациях Красного Креста. Товарищ председателя Всероссийского военно-промышленного комитета (1915). Член Русско-Английского общества (ноябрь 1916). Участовал в возглавляемом Гучковым заговоре. Министр финансов Временного правительства (2.3.1917). Министр иностранных дел (5.5.1917). Вел переговоры с правительством Великобритании о предоставлении убежища Царской Семье. Член Директории (1.9.1917). Заместитель министра-председателя (5.9.1917). Подал в отставку (12.9.1917). Министр иностранных дел (25.9.1917). Арестован большевиками и заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения (весна 1918) бежал из Россиии. Жил в Норвегии, Франции и Англии. Сторонник вооруженной борьбы с большевиками. Крупный финансист. Совладелец нескольких финансовых компаний и банков во Франции и на Мадагаскаре. Скончался в Монако.

135. *Игорь Платонович Демидов* (5.6.1873-20.10.1946) — из семьи потомственных дворян (мать — дочь писателя В. Даля). Окончил Демидовский лицей в Ярославле, Дворянский институт Императора Александра II в Нижнем Новгороде, а также юридический факультет Московского университета (1899). В годы учебы в университете собирался оставить учебу и принять монашеский постриг в Оптиной пустыни. Женившись, поселился около Сарова. Участвовал в русско-японской войне. Земский деятель, член партии кадетов (входил в ЦК). Депутат IV Государственной думы. После февральского переворота — комиссар Временного комитета Государственной думы в Министерстве земледелия; комиссар Временного правительства Юго-Западного фронта; товарищ министра земледелия. После большевицкого переворота находился в Киеве, создавая по поручению своего друга генерала М. В. Алексеева подпольный Национальный центр. Член разведывательной организации «Азбука», действовавшей в Киеве под руководством В. В. Шульгина. В эмиграции во Франции; входил в группу П. Н. Милюкова. Сотрудник «Последих новостей» (апр. 1921), помощник редактора (март 1924), «правая рука» Милюкова. Член «Центра действия» (1922) — конспиративной организации для борьбы с большевицким режимом внутри России. Член Парижского отделения Русской религиозно-философской академии (1924). Член правления Русской монархической партии. Член Комитета Политического Красного Креста в Париже (1929-1934). Ма-

сон. С началом германской оккупации Франции эвакуировался вместе с редакцией газеты «Последние новости» в Аркашон (1940). Тяжело болел. Последние пять лет жизни добровольно заточил себя в городской квартире, превращенной в своеобразный скит. Похоронен на кладбище Батиньоль.

136. *Генерал от инфантерии Платон Алексеевич Лечицкий* (18.3.1856 †1923) — из детей священников. Учился (не закончив) в Литовской духовной семинарии. Окончил Варшавское пехотное юнкерское училище (1880) и Офицерскую стрелковую школу. Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Командующий 1-й Гвардейской пехотной дивизией (1906-1908). Командующий войсками Приамурского военного округа; войсковой и наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск. Во время Великой войны командующий 9-й армией. Кавалер ордена Св. Георгия. После прихода к власти большевиков вступил в Красную армию. Будучи арестованным, скончался в тюрьме в Москве.

137. *Георгий Михайлович Катков* (1903 †20.1.1985) — родился в Москве; приходился внучатым племянником известному консервативному журналисту М. Н. Каткову. Эмигрировал (1921). Окончил Пражский университет. Основной круг интересов — индология и философия. Доктор философских наук (1929). Переехал в Оксфорд (1939). Обратившись к русской истории, посвятил себя изучению русской революции и ее причин. Основные труды: Февральская революция (Париж. 1984); Дело Корнилова (Париж. 1987). Скончался в Англии.

138. Выбор этого человека для такой миссии был далеко не случайным. Американскую интервенцию Г. Е. Львов называл «братской помощью в общем семейном деле». Он писал: «...Именно Америка внесет новые начала в жизнь всех народов на земном шаре»; «именно Новому свету в лице Америк[анских] Соединенных Штатов суждено выполнение совершенно естественной задачи помочь Старому свету развязаться со старыми формами жизни». Для «дружной семьи» (в частности, «большей части Европы») он предлагал «богатейший урожай этого года», собранный русскими крестьянами («Россия теперь больна». Документы о встрече князя Г. Е. Львова с президентом США В. Вильсоном. Ноябрь 1918 г. // Исторический архив. 1994. № 1. С. 103-106).

139. Поразительно, однако, что поражение в гражданской войне так ничему и не научило многих добровольцев, уже во время второй мiровой войны, будучи в числе чинов Русского Охранного Корпуса в Югославии, думавших так же, как и в 1918-1920 гг. «Многие из них, — вспоминал позднее ротмистр Д. П. Ковалевский, — читали "Майн Кампф" и отлично знали истинные цели и намерения "фюрера" в отношении России. Они верили в Россию и ее светлое будущее, не допускали мысли о возможности завоевании России Германией и мирились даже с временной победой Германии, считая большевизм-коммунизм Сталина более опасным. Поэтому, — "хоть с ч....., но против врага № 1"» (Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны 1941-1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Под ред. Д. П. Вертепова. Нью-Йорк. 1963. С. 15). «Философия антибольшевиков.., — пишет А. Авторханов, — известна всем: "хоть с диаволом,

но против Сталина" и плюс обоснованная надежда: перехитрить ослабленного в войне Гитлера» (*Авторханов А.* Из мемуаров // Русский рубеж. М. 1991. № 1. С. 8).

140. Полковник Ю. А. Слезкин возглавлял объединение офицеров Императорской конницы и конной артиллерии.

141. *Генерал-майор Алексей Александрович фон Лампе* (18.7.1885 †28.5.1967) — сын офицера; из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус (1902). Николаевское инженерное училище (1904) и академию Генерального штаба (1913). Офицер Лейб-гвардии Семеновского полка. Участник русско-японской и Великой войн. В Добровольческой армии на адъютантских и квартирмейстерских должностях. Редактор газеты «Великая Россия» (1918-1919). И. д. военного агента в Дании (1920). Военный представитель Главнокомандующего в Германии (1921). Генерал-майор. В эмиграции в Берлине, затем в Париже (1946). Начальник 2-го отдела РОВС (1924). Помощник начальника РОВС (1946). Заместитель председателя Совета Российского зарубежного воинства (1949). Первый помощник начальника РОВС (1954). Начальник РОВС (25.1.1957). Издал семь томов сб. «Белое дело». Автор кн. «Пути верных» (Париж. 1960). Скончался в Париже.

142. *Николай Филиппович Степанов (Свитков)* (9.5.1886 †1981) — принадлежал к старинному дворянскому роду. Отец, Ф. П. Степанов — действительный статский советник, камергер Высочайшего Двора, прокурор Московской Синодальной конторы, первый публикатор Протоколов Сионских мудрецов. После окончания Пажеского корпуса и Николаевского кавалерийского военного училища (30.5.1906) произведен в корнеты. Будучи пажом, присутствовал на прославлении преп. Серафима Саровского (1903); отец его был помощником председателя Комиссии по освидетельствованию мощей преп. Серафима. Выпущен в Л.-гв. Конногренадерский полк. Поступил на службу в Министерство внутренних дел, будучи назначенным земским начальником 1-го участка Мещовского уезда Калужской губернии (1910). С началом Великой войны вновь вступил в свой полк. Переведен в Туземную конную дивизию, где служил в Татарском конном полку (апр. 1916). Переведн в Кабардинский конный полк в качестве командира третьей сотни (окт. 1916). Был шесть раз ранен. Награжден боевыми Российскими Императорскими орденами, до ордена св. равноап. Вел. Кн. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом включительно. Полковник. Возглавлял дивизионный суд чести. Присяги Временному правительству не приносил. Будучи командиром Кабардинской милиции (окт. 1917), боролся с большевиками. Переехал в Персию (фев. 1918), где, в составе персидской дивизии, командовал отрядом бойцов трех родов оружия, вел борьбу против вторгшихся в страну турецких разбойников и большевиков. В одном из боев был одновременно тяжело ранен в голову, грудь и ногу. За боевые заслуги Персидский шах пожаловал его чином генерал-лейтенанта и наградил почетной золотой саблей. В начавшиеся в 1920 г. годы странствий побывал в Месопотамии, Индии, Италии, Франции и Бельгии, где занимался научной и литературной деятельностью. Товарищ председателя Собрания членов русской колонии в Бельгии (1936). Принимал участие

в сооружении в Брюсселе Храма-памятника. Публиковал ряд фундаментальных трудов по масонству. Негласный консультант на Бернском процессе по делу о Сионских протоколах. Член II Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви Заграницей в Сремских Карловцах (14-24.8.1938), на котором делал три доклада, связанных с масонством и еврейским вопросом, вошедшие впоследствии в печатные Деяния Собора. Рукоположен в иподиаконы при Храме-Памятнике св. Иова Многострадального в Брюсселе (1953). Председатель Объединения Конногренадерского полка. Действительный кавалер Российского Ордена Св. Иоанна Иерусалимского. Постоянный автор «Владимирского вестника». Пострижен в монашество с именем Александр начальником Русской Православной Миссии архим. Димитрием в храме Св. Праотец у Мамврийского дуба в Хевроне в Св. Земле (8/21.12.1965). Там же, в Св. Земле, он и завершил свой земной путь. Его богатейший архив находится в Св.-Троицком монастыре в Джорданвилле (США).

143. *Генерал-майор Сергей Дмитриевич Позднышев* (1889 †7.5.1980) — после окончания Новочеркасского казачьего училища (1910) был выпущен в 15-й Донской казачий полк, в составе которого сражался в годы Великой войны. Получил шесть ранений. Войсковой старшина. Командир полка в Донской армии (1917). Полковник. Командир 6-й Донской казачьей бригады, генерал-майор (авг. 1919). Командир конной группы 2-го Донского корпуса (окт. 1919); 4-й Донской дивизии (ноябрь 1919). После эвакуации Крыма переехал в Югославию, а вскоре уехал в Париж. Член Правления и секретарь Зарубежного Союза русских военных инвалидов (1927); с 1961 г. — председатель. Ближайший сотрудник, а затем редактор журнала «Русский инвалид». Автор книг: Немеркнущий Свет (Б. м. и г.); Распни Его (Париж. 1952). Скончался в Париже. Похоронен на русском кладбище Сент Женевьев де Буа.

144. *«Внутренняя линия»* — контрразведка РОВСа. Эта тайная организация возникла среди военной эмиграции по инициативе капитана К. А. Фосса в Болгарии одновременно с РОВСом, постепенно распространив свое влияние на Францию и др. страны. Выхода вступившим из нее, согласно внутренним документам, не существовало. В 1935 г. в нее проник чекистский агент генерал Н. В. Скоблин. Считается, что организация была распущена в 1938 г. после проверки ее комиссией генерала И. Г. Эрдели. См. о ней подробнее: *Свитков Н. (Степанов Н. Ф.)* Внутренняя линия (язва на теле русской эмиграции). Сан-Пауло. 1964; *Прянишников Б. В.* Незримая паутина. 2-е изд. Нью-Йорк. 1979. С библиогр.; *В. М[ержеевский].* Ответ Б. Прянишникову // Владимирский вестник. № 102. Сан-Пауло. 1965. Январь. С. 30-35; *В. О[кунев].* Существует ли Внутренняя линия? // Владимирский вестник. № 102. Сан-Пауло. 1965. С. 21-24; *Окунев В.* Как они лгут? // Владимирский вестник. № 104. Сан-Пауло. 1965. Июль. С. 20-24.

145. Об истории вступления в командование РОВСом ген. Архангельского Н. Свитков писал следующее: «...В Софии разразился скандал, когда сын [генерал-лейтенанта Ф. Ф.] Абрамова — Николай, при нем состоявший, болгарскою полицией был выслежен, как советский шпион. Защищая своего сына, ген. Абрамов настолько себя скомпрометиро-

вал, что разобраться и в нем самом не было возможности. Общественное мнение оставшихся в живых еще большого количества русских генералов, преимущественно проживавших в Париже, потребовало сдачи ген. Абрамовым РОВС, считая, что таковой скандал не может больше продолжаться. [...] Генерал Абрамов, принужденный подчиниться требованию генералов, написал письмо ген. Гулевичу, предложив ему вступить в командование РОВС. Гулевич дал свое согласие, поставив условием, что он ликвидирует Внутреннюю линию. Он не получил на это ответа, но Абрамов пишет то же предложение ген. Эрдели. По примеру Гулевича, Эрдели отвечает так же и переписка его с Абрамовым прекращается. Тогда Абрамов обращается к ген. Стогову, от которого он получает тот же ответ и вслед за этим появился приказ о вступлении в командование РОВС генерала Архангельского, которого мало знали в Париже и где он слыл под названием "красного генерала"» (*Свитков Н.* Культ личности // Владимирский вестник. № 83. 1960. С. 19-20). Таким образом, приказ генерал-лейтенанта Е. К. Миллера о немедленном упразднении Внутренней линии от 1 марта 1938 г. не был исполнен.

146. *Владимир Мариевич Иогансен* (†11.11.1975) — происходил из традиционной военной семьи. Воспитанник Суворовского кадетского корпуса. После окончания Александровского военного училища вышел офицером в 21-й пехотный Муромский полк. В годы гражданской войны состоял в Добровольческой армии. Капитан Марковского полка. Во время второй мiровой войны сражался в составе Русского корпуса. Составил специальную брошюру: *Иогансен В.* Дело генерала Лампе. (Сборник документов). Буэнос Айрес. 1961. После его нескольких подобных публикаций во «Владимирском вестнике» (№ 90. 1961. Декабрь. С. 34) появилось след. объявление: «В ночь с 29 на 30 ноября пять вооруженных злоумышленников пытались ворваться в помещение, где проживает Иогансен, пытаясь взломать дверь, но последний забарикадировался и оказал сопротивление. При появлении полиции злоумышленники скрылись. Федеральная полиция в Буэнос Айресе производит следствие». В январе 1962 г. бывший кадет Иогансен был исключен из Объединения бывших воспитанников Суворовского кадетского корпуса за выступление в печати против ген. фон Лампе. Долголетний секретарь Союза бывших Российских Императорских кадет в Аргентине. Скончался в Аргентине.

147. *Павел Николаевич Шатилов* (13.11.1881 †5.5.1962) — из дворян, сын генерала. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900) и Академию Генерального штаба (1908). Офицер Лейб-гвардии Казачьего полка. Генерал-майор. Во время Великой войны генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с дек. 1918 г. Генерал-лейтенант (1919). Начальник штаба Добровольческой армии. Помощник главнокомандующего ВСЮР (24.3.1920). Начальник Штаба Русской армии (21.6.1920). Генерал от кавалерии (1920). В эмиграции первоначально состоял при ген. Врангеле. Затем жил во Франции. Начальник 1-го отдела РОВСа во Франции (1924-1934). После похищения ген. Миллера (1937) отошел от активной деятельности. Скончался в Аньере (Франция).

148. «...Полковник Н. Ф. Степанов ожидал, что генерал Лампе даст ему удовлетворение в суде чести, на который он его вызвал. Однако генерал, позволивший себе оскорбить своего коллегу, офицера, от суда чести предпочел уклониться...» (*В. М[ержеевский]*. Ответ Б. Прянишникову // Владимирский вестник. № 102. Сан-Пауло. 1965. Январь. С. 31).

149. *Даниил Самуилович Пасманик* (1869-1930) — родился семье учителя хедера в Полтавской губернии. Окончил Полтавскую гимназию (1887) и медицинский факультет Цюрихского университета (1892). Врач в Болгарии (1892-1899). Приват-доцент Женевского университета (1899-1905). Приехал в Россию (1905). Вел активную сионистскую работу. Во время Великой войны выпустил брошюру «Война и Палестина» (1914), в которой предсказывал образование после войны еврейского государства. Участвовал в нелегальном съезде сионистов в Москве (1915). Кадет. Известно его демонстративное рукопожатие с лидером черносотенцев и убийцей Распутина Пуришкевичем. Редактор (1917-1919) газет «Ялтинский голос» и «Таврический голос», со страниц которого выступал с активной поддержкой ген. Корнилова и Белого движения. Член Краевого Крымского правительства (1918-1919), опиравшегося на Добровольческую армию и англо-французские войска. Председатель Союза еврейских общин Крыма (1918). Эмигрировал во Францию (1919). Совместно с В. Бурцевым редактировал в Париже газету «Общее дело». Сблизился с русскими монархистами. Масон в парижской ложе «Астрея».

150. *Генрих Борисович Слиозберг* (1863-1937) — родился в хасидской семье в Минской губернии. Получив традиционное еврейское образование в хедере, окончил Полтавскую мужскую гимназию (1882) и юридический факультет С.-Петербургского университета (1886). Продолжил образование в университетах Гейдельберга, Лейпцига и Лиона. Магистр уголовного права. Претендовал на преподавательскую работу при Петербургском университете, но не был оставлен, поскольку категорически отказался перейти из иудейства в христианство. Занялся адвокатской практикой (1888). Юридический советник по еврейским делам барона Г. Гинцбурга (1889). Возглавлял защиту еврейских интересов в Сенате и министерствах. Разрабатывал правовое обезпечение иудеев в ритуальных процессах и в делах о погромах. Консультант и переводчик комиссии конгресса США, прибывшей в Россию для исследования причин еврейской эмиграции (1891). Участник раввинской комисии (1894). Провел мероприятия, приведшие к фактической отмене черты оседлости (ноябрь 1915). После революции эмигрировал во Францию. Руководил общиной российских евреев Парижа. Сионист. Учредитель ложи «Бнай-Брит» во Франции. Один из основателей Великой ложи. Основатель ложи «Лотос». Масон 33-го градуса. Член Верховного совета народов России. Вместе с Д. С. Пасмаником пытался воздействовать на следователя Н. А. Соколова с целью спрятать еврейский след в цареубийстве. «Свидетель» на Бернском процессе по поводу «Протоколов Сионских мудрецов» (1934). Автор мемуаров «Дела минувших дней. Записки русского еврея» (тт. 1-3. 1933-1934).

151. *Евгений Амвросиевич Ефимовский* (21.9.1885 †4.9.1964) — родился в Елисаветграде. Историк и адвокат. Окончил историко-филологический

факультет Московского университета; ученик В. О. Ключевского. Кадет. В годы Великой войны окончил Александровское военное училище (1916). Отбыл на Румынский фронт (1917). Возглавил в Киеве конституционное крыло Общемонархического фронта (1918). Редактор «Голоса Киева». В составе делегации командования Добровольческой армии выехал за границу (1919). Редактор в Праге газеты «Славянская заря». Основатель и председатель Союза народно-конституционных монархистов. Руководитель выходившей в Германии «Грядущей России». Совместно с А. И. Филипповым издавал в Париже «Русскую газету». В годы германской оккупации Франции находился в заключении (окт. 1943 — июнь 1944). После войны участвовал в «Грядущей России», «Русском пути»; редактировал «Русское воскресение». Сотрудничал в «Возрождении». Печатался в «Новом журнале». Скончался в г. Шелле под Парижем.

152. *Генерал-лейтенант Александр Дмитриевич Нечволодов* (25.3.1864 †25.12.1938) — родился в Санкт-Петербурге в семье офицера, потомственного дворянина Екатеринославской губернии. Окончил 2-ю военную гимназию (1881). Вступил в Армию вольноопределяющимся. Произведен в офицеры (1883). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1889). Офицер Лейб-гвардии Павловского полка. Действительный член Императорского русского военно-исторического общества, автор знаменитых четырехтомных «Сказаний о Русской земле», увидевших свет по воле Императора Николая II. Во время Великой войны начальник 19-й пехотной дивизии. Генерал-лейтенант. Сохранил верность Государю, несмотря на преследование со стороны командования Русской (после марта 1917 г.) и Белой армий. О его безграничной преданности светлой памяти Царя-Мученика свидетельствуют документы, впервые опубликованные нами в комментариях к кн.: *Игумен Серафим (Кузнецов).* Православный Царь-Мученик. Сост. С. В. Фомин. М. 1997. С. 543-547. (Изложение этой истории см.: *Раскатов В.* Несостоявшаяся дуэль // Владимирский вестник. № 97. Сан-Пауло. 1963. Июль. С. 27-31). В эмиграции во Франции. Скончался в Париже. Автор книги, включающей в себя «Протоколы сионских мудрецов» *(Netchvolodow A.* L'Empereur Nicolas II et les juifs. Paris 1924). Его перу также принадлежат и др. кн.: 1813 год. Очерк явлений войны в представлении полководца, по письмам Наполеона за лето и осень 1813 г.; От разорения к достатку; Русские деньги. Брат, генерал-майор Михаил Дмитриевич Нечволодов (10.2.1867 †после 1947), также придерживался строго монархических взглядов.

153. *«Новое русское слово»* — ежедневная газета. Гл. редактор (с сент. 1920) А. Я. Кречмар; М. Вейнбаум (1923-1973); А. Седых (1973-1993).

154. *«Российская независимость»* — русский литературно-политический журнал новой эмиграции в Америке. Издатель А. Орлов. Выходил в Нью-Йорке в 1956-1970 гг.

155. *Граф Павел Константинович Бенкендорф* (1853 †1921) — обергофмаршал (1893-1917), генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1907), гофмейстер (1909), сенатор (1912), член Государственного совета. Принадлежал к ближайшему окружению Царской Семьи. Накануне отъез-

да в Тобольск Царица-Мученица писала ему: «Дорогой граф. От любящего сердца горячо благодарю Вас за все, все эти 23 года — да наградит Вас Господь Бог — мы это не умеем, да благословит Вас. Грустно Вас и дом родной покидать — и вообще, но Господь милостив, я крепко Ему верю. Еще раз до свидания. Обнимаю Вас». Сын от первого брака его супруги, Марии Сергеевны — В. А. Долгоруков был расстрелян вместе с Царственными Мучениками. Выехал в Эстонию, скончался в Нарве.

156. Воспоминания печатались в этом парижском журнале в течение 1927-1928 гг. См. также отд. английское издание: *Benckendorff P.* Last Days at Tsarskoie Selo. London. Heinemann. 1927.

157. *Михаил Алексеевич Беляев* (23.12.1863 †сент. 1918) — окончил Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Начальник отделения в Главном штабе (1906). Генерал-квартирмейстер (1909). Начальник отдела по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба (1910). Генерал от инфантерии (1914). Начальник Главного управления Генерального штаба (2.8.1914). Помощник военного министра (июнь 1915). Член Военного совета (авг. 1916). Представитель Русской армии при румынском командовании (сент. 1916). Военный министр (3.1.1917). После февральского переворота арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Расстрелян большевиками.

158. *Сергей Дмитриевич Масловский* (псевдоним *Мстиславский)* (1878-1943) — был полковником, заведовал библиотекой Военной Академии Генерального штаба. (В той же библиотеке он пристроил на работу и своего заместителя в этом рейде, незадолго до этого возвратившегося из эмиграции левого эсера В. В. Яковлева.) Происхождение его было отнюдь не простое. Столкнувшийся с ним в тот день обер-гофмаршал Императорского Двора П. К. Бенкендорф возмущался: «И как вы, именно вы, с прошлым вашего рода, могли пойти на такое оскорбление Величества... и в таком виде». Кроме членства в ЦК партии левых эсеров, он состоял членом Военной масонской ложи (с 1907 г.) и «Великого Востока народов России» (будучи автором его устава); участвовал в революции 1905-1907 гг., в феврале 1917 г. был чрезвычайным комиссаром Петросовета. Позже участвовал в октябрьском перевороте 1917 г. Состоял членом ВЦИК, комиссаром большевицких партизанских формирований (1918), членом советских правительств Украины (1918), советским писателем.

159. *Прапорщик Павел Александрович Коровиченко (Коравченко)* — участник русско-японской и Великой войн. Впоследствии полковник, военный юрист и адвокат, друг Керенского, назначившего его комендантом Александровского дворца в Царском Селе вместо уволенного штабс-ротмистра П. П. Коцебу (21.3—26.5.1917). Одно время был следователем ЧСК. Добровольно оставил свой пост в связи с назначением Командующим войсками Казанского, а позже Ташкентского военного округов, где был убит большевиками в конце 1917 г.

160. *Княгиня Елизавета Алексеевна Нарышкина* (8.12.1838 †30.10.1928), урожденная княжна Куракина — вдова князя А. Д. Нарышкина. Обер-

гофмейстерина Императрицы Александры Феодоровны, статс- и кавалерственная дама Высочайшего Двора. Председатель Петроградского дамского благотворительного тюремного комитета и убежища для женщин, отбывших наказание в местах заключения Петербурга имени принца Ольденбургского. Председатель Общества попечения о семьях ссыльно-каторжан и приюта для арестованных детей. Разделяла с Царской Семьей заключение в Царскосельском Александровском дворце. Заболев, осталась в Петрограде. Состояла в переписке с Царственными Мучениками. См. ее воспоминания: *Narishkin-Kurakin Elizabeth.* Under Three Tsars. New York. 1931.

161. *Владимир Николаевич Деревенко* (1879†1936) — доктор медицины, почетный лейб-хирург. Родился в Бессарабской губернии в семье личного дворянина (обер-офицера). Молдаванин. Окончил медицинский факультет Новороссийского университета. Получил звание доктора медицины (1904). Был младшим врачом 21-й Пограничной Курляндской бригады Отдельного корпуса пограничной стражи. Работал в клинике проф. С. П. Федорова, в 1912 г. став приват-доцентом. В октябре 1912 г., по рекомендации своего учителя проф. Федорова, В. Н. Деревенко был командирован в Спалу для лечения Наследника. Из сохранившихся документов известно, что он вместе с младшим братом Леонидом, также врачом, служил в Придворной медицинской части Министерства Императорского Двора. Владимир Николаевич был врачом Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича. После февральского переворота 1917 г. В. Н. Деревенко сохранил верность Царской Семье и своему Августейшему Пациенту. После небольшого отпуска он приехал в Тобольск. Потом сопровождал Царственных Мучеников в Екатеринбург. Допрашивался следователем Н. А. Соколовым в Томске в сентябре 1919 г. Уехал в Петроград. Работал в разных армейских госпиталях. С 1923 г. служил в Днепропетровском медицинском институте, заведуя кафедрой хирургических болезней. В 1930 г. арестован и приговорен к 5 годам лишения свободы. Работал в медсануправлении Днепростроя. Внезапно скончался после того, как узнал, что его реабилитировали. Сын В. Н. Деревенко — Николай (1906†?) — был одним из немногих друзей в эмиграции. В конце жизни находился в эмиграции, в отдаленной стране.

162. *Федор Александрович Головин* (21.12.1867-10.10.1937) — из потомственных дворян. Учился в Лицее Цесаревича Николая в Москве и Московском университете (1891). Занимался земской деятельностью. Председатель Московской губернской земской управы (1904). Один из основателей кадетской партии (член ее ЦК). Председатель II Государственной думы. Известный масон. Член Верховного совета русского масонства (1908), член Верховного совета «Великого Востока народов России». Участник конвентов вольных каменщиков (1912, 1913, 1916). Во время Великой войны видный деятель Всероссийского союза городов. Комиссар Временного правительства над б. Министерством Двора и уделов (8.3.1917). Член Всероссийского комитета помощи голодающим (июль-авг. 1921). Работал в советских учреждениях. Расстрелян.

163. *Великий Князь Борис Владимирович* (12.11.1877 †26.10/8.11.1943) — внук Императора Александра III, третий сын Вел. Кн. Владимира Александровича и Вел. Кн. Марии Павловны Старшей, двоюродный брат Императора Николая II. После окончания Николаевского кавалерийского училища (1896) выпущен в Лейб-гвардии Гусарский полк. Флигель-адъютант (1896). Участник русско-японской и Великой войн. Командир Лейб-гвардии Атаманского полка (20.3.1914-17.9.1915). Генерал-майор Свиты Его Императорского Величества (1914). Походный атаман всех казачьих войск при Верховном главнокомандующем (17.9.1915) и при Государе Императоре (4.10.1915). В отставке (с 7.8.1917). Находясь после февральского переворота 1917 г. некоторое время под домашним арестом в Павловске, вскоре выехал к своей матери и младшему брату Андрею в Кисловодск. Эмигрировал во Францию (1919). Жил в Бельвю. В 1926 г. выехал в США. Член полкового объединения Лейб-гвардии Семеновского полка. Скончался в Париже. Похоронен рядом с могилой матери в небольшой часовне курортного городка Контрексевиля (департамент Вогезе).

164. Речь идет о давней знакомой Великого Князя, дочери генерала Зинаиде Сергеевне Елисеевой (урожд. Рашевской, 22.10.1898 †28.1.1963). С первым мужем она была разведена. Брак с Великим Князем был заключен 12.7.1919. Детей у них не было. После смерти Вел. Князя она в третий раз вышла замуж. Фамилия в третьем браке была у нее Брабец. Скончалась во Франции.

165. *Павел Михайлович Макаров* (17.12.1872-26.11.1922) — происходил из дворян. Инженер, архитектор. Знаток истории искусств. Масон (1906); старший надзиратель. Был близок эсерам. За свидание с Б. В. Савинковым в Париже (1911) по возвращении в Россию был заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Ригу. Гласный С.-Петербургской городской думы (1912). Директор правления Петроградского строительного товарищества на паях (1916). Помощник комиссара Временного правительства по Министерству Двора и Главному управлению уделов Н. Н. Львова при приеме художественных хранилищ Министерства Двора. Отправлен в Тобольск в качестве комиссара по гражданской части при Царской Семье. Отозван в сентябре 1917 г. и назначен помощником дворцового комиссара в Царском Селе. Сражался в рядах Добровольческой армии. Эмигрировал в Константинополь, а затем переехал в Чехословакию. Преподавал немецкий язык в русской школе в Моравской Тшебове. Скоропостижно скончался в Берлине.

166. *Князь Василий Александрович Долгоруков* (1868 †27.6/10.7.1918) — Свиты Его Величества генерал-майор, гофмаршал Высочайшего Двора, пасынок обер-гофмаршала графа П. К. Бенкендорфа. По свидетельству современников, он «был безконечно предан Государю. Его честность и порядочность во всех отношениях были вне всяких сомнений». Сопровождал Государя в Тобольск и Екатеринбург, где в день прибытия туда Царской Семьи, 30.4.1918 (н. ст.), у входа в Ипатьевский дом был без всяких объяснений взят в тюрьму и расстрелян. Тело его впоследствии было найдено за Ивановским кладбищем, располагавшимся ря-

дом с екатеринбургским тюремным замком. Прославлен Зарубежной Церковью в лике святых (святой мученик воин Василий).

167. Речь идет о штабс-капитане (в публикации неверно переведено «лейтенант») А. И. Козьмине (1878-?), помощнике командующего войсками Петроградского военного округа, членом партии социалистов-революционеров. Подробнее о нем см. в публикуемых нами воспоминаниях полковника Н. А. Артабалевского.

168. *Николай Александрович Артабалевский* (†20.3.1967) — окончил 1-й Московский имени Императрицы Екатерины II кадетский корпус и Павловское военное училище. Офицер Лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка. Командовал 2-м Гвардейским стрелковым запасным полком. В эмиграции в Финляндии, Фесе (Марокко), Гренобле (Франции). Скончался в Доме для престарелых в Ганьи. Погребен на местном кладбище.

169. *Владимир Николаевич* Матвеев (24.2.1891 †6.7.1966) — окончил 1-й Кадетский корпус (1909) и Александровское военное училище (1910). Впоследствии полковник Лейб-гвардии 2-го стрелкового полка. В эмиграции в Финляндии (в 1930-1937 гг. — в Хельсинки). Затем в Швеции. Председатель там Российского национального объединения (ноябрь 1951). Скончался в Стокгольме.

170. *Графиня Мария Сергеевна Бенкендорф* — в первом браке кн. Долгорукова.

171. *София Карловна Буксгевден* (18.9.1883 †13/26.11.1956) — фрейлина Царицы-Мученицы (1904). Дочь шталмейстера барона К. К. Буксгевдена. Приехала в Тобольск незадолго до Рождества 1917 г., задержавшись из-за операции аппендицита. Несмотря на разрешение, солдатский комитет не допустил ее к Царственным Узникам. В ожидании соединения с Царской Семьей давала в Тобольске уроки английского языка с приехавшей с ней англичанкой. Позднее сопровождала Августейших Детей из Тобольска в Екатеринбург, где была насильно разлучена с Ними. Скончалась в Лондоне.

172. *Екатерина Адольфовна Шнейдер* (1856-22.8/4.9.1918) — гофлектриса Императрицы Александры Феодоровны. Преподавала Цесаревичу и младшим Великим Княжнам русскую грамматику и математику. Сопровождала Царскую Семью в Тобольск, а потом Августейших детей в Екатеринбург, где была разлучена с Царственными Узниками прямо на вокзале (23.5.1918 н. ст.), отправлена в Пермь (20.7.1918 н. ст.) и заключена в тюрьму. Убита вместе с Гендриковой в составе 10 заложников «красного террора» (4.9.1918 н. ст.). Тело ее и гр. Гендриковой было найдено белогвардейцами 7.5.1919 (н. ст.) и погребено 16 мая по православному обряду в деревянном склепе на Ново-Смоленском кладбище в Перми.

173. *Евгений Сергеевич Боткин* (27.5.1865 †4.7.1918) — лейб-медик Высочайшего Двора (с апр. 1908); с 6.5.1905 находился на положении домашнего врача Царской Семьи. Приват-доцент Военно-медицинской академии. Участник русско-японской войны. За отличие в боях против японцев награжден орденами св. равноап. Вел. Кн. Владимира III и IV степени с мечами. Сопровождал Царскую Семью в Тобольск и Екате-

ринбург. «Мой отец, — писала его дочь Татьяна, — всегда говорил нам, что любит Их Высочества не меньше нас, своих детей». При отъезде Их Величеств из Тобольска в Екатеринбург, писала она далее, «о докторах не было никаких распоряжений, но еще в самом начале, услыхав, что Их Величества едут, мой отец объявил, что он поедет с Ними. "А как же Ваши дети?" — спросила Ее Величество, зная наши отношения и те ужасные безпокойства, которые мой отец переживал всегда в разлуке с нами. На это мой отец ответил, что на первом месте для него всегда стоят интересы Их Величеств. Ее Величество до слез была этим тронута и особенно сердечно благодарила». Доктор был расстрелян вместе с Царственными Мучениками в подвале Ипатьевского дома. В комнате Боткина нашли последнее неоконченное его письмо другу: «...Мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, — умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен [...] Я духом бодр, несмотря на испытанные страдания [...] Меня поддерживает убеждение, что "претерпевший до конца, тот и спасется" [...] Я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, *как* Авраам не поколебался по требованию Бога принести Ему в жертву своего сына. И я твердо верю, что, так же как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и Сам будет им Отцом. [...] Иов больше терпе́л [...] Видимо, я все могу выдержать, что Господу Богу угодно будет мне ниспослать».

174. *Графиня Анастасия Васильевна Гендрикова* (1886 †22.8/4.9.1918) — фрейлина Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Дочь графа Василия Александровича Гендрикова (1857†1912), церемониймейстера Двора (1889); гофмейстера (1896), состоявшего при Императрице Александре Феодоровне; обер-церемониймейстера (12.1.1900) и гр. Софьи Петровны Гендриковой (†1916), урожденной княжны Гагариной. Фрейлина А. В. Гендрикова была одной из самых близких Государыне особ. Отбыла с Царской Семьей в Тобольск, где преподавала Царским Детям историю, а потом последовала с ними в Екатеринбург, где сразу же по прибытии, 23.5.1918, на вокзале была разлучена с Царственными Узниками и заключена в тюрьму, в больничную камеру. 20 июля (н. ст.) была отправлена в Пермь, где в составе группы из 10 человек на ассенизационном поле за городом была зверски убита. Тело ее было найдено белогвардейцами 7.5.1919 (н. ст.) и погребено 16 мая по православному обряду в деревянном склепе на Ново-Смоленском кладбище в Перми.

175. *Кирилл Анатольевич Нарышкин* (1868 †1920? 1924?) — флигель-адъютант Его Императорского Величества; генерал-майор; начальник военно-походной канцелярии при Императорской Главной квартире (1916). Окончил Императорское училище Правоведения (1889). Произведен в офицеры (1890). Полковник Лейб-гвардии Преображенского полка. Друг детства Императора Николая II. Штаб-офицер для поручений при Императорской главной квартире (1906-1909). Помощник начальника Военно-походной канцелярии (1909).

176. Алексей Степанович Хрипунов (†27.2.1975), именовавший себя монархистом, входил в созданный в Париже «Союз ревнителей памяти Императора Николая II» под председательством В. Н. Коковцова. О сомнительном характере этого Союза см.: *Муринов.* Ревнитель Царской памяти // Двуглавый Орел. № 14. Париж. 1927. 12/25 декабря. С. 46-47.

177. *Князь Александр Дмитриевич Голицын* (12.2.1874 †1926) — церемониймейстер (1916), действительный статский советник, член совета Русско-Английского банка. Член III Государственной думы. Уездный предводитель дворянства в Харьковской губернии (1906-1917). Член Государственного Совета (24.9.1915). Расстрелян в Ленинграде.

178. *Генерал от артиллерии Иосиф Иванович Мрозовский* (14.12.1857 †16.9.1934) — происходил из дворян Гродненской губернии. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1877) и Михайловскую артиллерийскую академию (1882). Офицер Лейб-гвардии 1-й, Лейб-гвардии 3-й и Лейб-гвардии Стрелковой артиллерийских бригад. Начальник 1-й Гвардейской пехотной дивизии. Генерал от инфантерии. Командир Гренадерского корпуса (1912). Главный начальник Московского военного округа (1915), заменив на этом посту Ф. Ф. Юсупова старшего. Георгиевский кавалер. В эмиграции во Франции (Ницца). Участник Рейхенгалльского монархического съезда 1921 г.

179. *Принц Александр Петрович Ольденбургский* (21.5.1844 †6.9.1932) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии по гвардейской пехоте. Член Государственного совета, сенатор. Окончил 1-й кадетский корпус (1864). Офицер, а впоследствии командир Лейб-гвардии Преображенского полка. Начальник 1-й Гвардейской пехотной дивизии, командир Гвардейского корпуса (1885-1889). Главноначальствующий санитарной и эвакуационной частью во время 1-й міровой войны. В эмиграции во Франции. Скончался в Биаррице.

180. *Епископ Макарий* (Гневушев, 1858 †4.9.1918), *Орловский и Севский* — хиротонисан во епископа (1914). На кафедре в Орле (с 28.1.1917). Уволен на покой в мае 1917 г. Назначен управляющим Вяземским Предтеченским монастырем Смоленской епархии на правах настоятеля. Летом 1917 г арестован. Расстрелян.

181. *Протоиерей Георгий Спасский* (26.9.1877 †16.1.1934) — родился в семье священника Гродненской губернии. После окончания Московской духовной академии (1902) рукоположен в священники (1903). Законоучитель в Вильне. Священник Черноморского флота. Настоятель собора в Севастополе (1917-1920). Эвакуировался с Русским флотом в Бизерту. Священник Александро-Невского собора в Париже. Духовник Ф. И. Шаляпина. См.: *О. Георгий Спасский.* Проповеди и слова. Париж. 1938.

182. *Александр Иванович Гучков* (1862-1936) — действительный статский советник, член Государственного совета, председатель III Государственной Думы, основатель и лидер партии октябристов; председатель Центрального военно-промышленного комитета и член Особого совещания по обороне (1915-1917). Революционный деятель, один из главных виновников февральской смуты. Военный и морской министр в первом составе Временного правительства (март-май 1917).

Примечательна кличка, которой наградил его В. М. Пуришкевич — «младотурок». И. А. Ильин писал, что Гучков «своевременно воспел младо-турецкий переворот» и «считал себя призванным провести нечто подобное и в России» *(Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 2. Кн. II. М. 1993. С. 102). В воспоминаниях «Талаат и Гучков» (Последние новости. Париж. Март 1921) кадет и известный масон М. С. Маргулиес (1868-1939) писал: «В 1908 году, если не ошибаюсь, трое русских, я в том числе, решили съездить в Константинополь, *чтобы познакомиться с техникою турецкого переворота,* заставившего Абдул Гамида* дать туркам конституцию. Неудача нашей революционной попытки 1904-1905 года, удача турецкой, делала поездку поучительной. Мы запаслись в Париже рекомендательными письмами к Ахмет-Риза Бею, председателю турецкого парламента, и к Талаат-Бею, видному руководителю комитета "Единение и прогресс"**». Каково же было изумление мемуариста, когда в приемной Ахмет-Риза Бея он встретил Гучкова. После многочисленных встреч с «турецкими товарищами», Маргулиес, восхищаясь ловкостью и умелостью турецких офицеров-мятежников, заключает: «И мне вспомнилась работа партий с.-д. и с.-р. в военной среде в 1904-1905 гг., задачей которых было отделить солдат от офицеров, избавить солдат от офицерской опеки и руководства, и каждый штабной писарь — считался ценным приобретением для дела революции». Приводящий в своей книге эти воспоминания Н. Е. Марков пишет: «Вскоре председатель комиссии государственной обороны 3-й Госуд. думы А. И. Гучков организовал в Петербурге на Сергиевской улице свой частный генеральный штаб из доброго десятка молодых и честолюбивых генералов и соответствующего числа полковников и капитанов Генерального штаба [...] и через этот частный штаб г. Гучкова установилась живая и непосредственная связь оппозиционной Государственной думы с корпусом офицеров Императорской армии. [...] Семена военного младотурецкого переворота, вывезенные гучковыми и маргулиесами из Константинополя, принесли свои ядовитые плоды, и революция 1917 года оказалась чрезвычайно удачною для темной силы» (*Марков Н. Е.* Войны темных сил. Кн. 1. Париж. 1928. С. 149, 172).

В показаниях, данных 2.8.1917 Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Гучков признавался: «Когда я и некоторые мои друзья в предшествовавшие перевороту месяцы искали выхо-

---

* *Абдул-Хамид II* (*Abdulhamit II*, 1842–1918) — турецкий султан (1876–1909). Низложен младотурками за попытку вернуть себе не ограниченную конституцией власть (27.4.1909). — *С. Ф.*

** *«Единение и прогресс»* («Иттихад ве теракки») — тайное масонское общество (основатель Ахмед Риза) политического движения младотурок. См. подробнее: *Петросян И. Е. и Ю. А.* Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII—начало XX в.). М. 1993. С. 130 и далее. Считалось центральным капитулом масонских лож в Турции, принадлежащих к "Великому Востоку". В Париже Маргулиес, вероятно, запасся рекомендациями в "Великом Востоке". (См. также опубликованный документ о связях с международным масонством и сионизмом младотурецкого комитета «Единение и Прогресс» в статье: *Дорба И.* Подлинник! // Дорогами тысячелетий. М. 1991. Кн. 4. С. 266–270). — *С. Ф.*

да из положения, мы полагали [...], что надо идти решительно и круто, идти в сторону смены носителя верховной власти. На Государе и Государыне и тех, кто неразрывно был связан с Ними, на этих головах накопилось так много вины перед Россией, свойства их характеров не давали никакой надежды на возможность ввести их в здоровую политическую комбинацию; из всего этого для меня стало ясно, что Государь должен покинуть Престол. В этом направлении кое-что делалось до переворота, при помощи других сил и не тем путем, каким в конце концов пошли события [...]» (Падение Царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Под. ред. П. Е. Щеголева. Т. VI. Л. 1926. С. 262). Эмигрировал, когда Белая армия эвакуировалась из Крыма, развернув за границей собственную антибольшевицкую кампанию. С годами у него росли прогерманские настроения. Будучи в Париже, поддерживал тайные связи с Германским генеральным штабом. Среди небольшой группы поддерживавших его был генерал Скоблин, работавший на чекистов. Скомпрометированный такими связями, Гучков умер в одиночестве. Характерно, что его дочь Вера Гучкова-Сувчинская-Трейль (р. 1906) была членом французской компартии, несколько раз приезжала в СССР, довольно долго прожив там в 1936 г. По мнению французской сыскной полиции, она была советским агентом.

183. По др. сведениям он был «сыном старообрядца и еврейки Лурье» (Русь. Белград. 1921. № 6. С. 2; *Наумов С.* Цареубийцы. О некоторых обстоятельствах гибели Царской Семьи // Молодая гвардия. М. 1990. № 7. С. 153).

184. *Николай Алексеевич Хомяков* (19.1.1850 †28.6.1925) — сын известного славянофила А. С. Хомякова. Окончил юридический факультет Московского университета (1875). Уполномоченный Красного Креста при Кавказской армии (1877-1878). Награжден орденом св. Владимира 4-й ст. Сычевский уездный предводитель дворянства (1880). Предводитель дворянства Смоленской губернии (1886). Член Сельскохозяйственного совета при Министерстве земледелия и государственных имуществ (1894). Действительный статский советник (1895). Директор Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ (9.2.1896). Сычевский уездный предводитель дворянства (1900). Член Государственного совета (1906). Один из основателей и лидеров партии октябристов. Член II, III и IV Государственных дум. Председатель III Думы (1.11.1907-4.3.1910). После октябрьского переворота 1917 г. участвовал в Белом движении (1918-1920). Возглавлял деятельность Общества Красного Креста. Скончался в Дубровнике.

185. *Василий Федорович Новицкий* (1869-1929) — в годы Великой войны командовал стрелковой бригадой. Пехотной дивизией и армейским корпусом. После февральского переворота — помощник военного министра, а затем командующий 12-й армией. Генерал-лейтенант (1917). При большевиках служил в Красной армии.

186. *Алексей Алексеевич Маниковский* (1865-1920) — сын надворного советника. Во время Великой войны начальник Главного артилле-

рийского управления Военного министерства. Генерал от артиллерии (1916). После февральской революции помощник военного министра. Поступил на службу в Красную армию.

187. *Алексей Андреевич Поливанов* (1855-1920) — родился в дворянской семье. Окончил Николаевское инженерное училище, Николаевскую инженерную академию и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Генерал-квартирмейстер (18.1.1905). Начальник Главного штаба (27.6.1905). Помощник военного министра (апр. 1906). Генерал от инфантерии (1911). Член Государственного совета (1912). Военный министр и председатель Особого совещания по обороне государства (10.9.1915-15.3.1916). После февральского переворота председатель Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах. При большевиках арестовывался ВЧК (1918). Вступил в Красную армию (1920); член Особого совещания при Главкоме и член Военно-законодательного совета РВСР. Скончался от тифа.

188. *Матвей Иванович Скобелев* (1885-29.7.1938) — родился в Баку в семье купца 2-й гильдии, выходца из крестьян-молокан. Из Бакинского технического училища исключен за участие в забастовке учащихся. Участник социал-демократического движения (с 1903). Эмигрировал (1907). Жил в Вене, продолжая подрывную работу. Закончил Венский политехникум (1912). Депутат IV Государственной думы. Один из руководителей Бакинской стачки 1914 г. В годы Великой войны «оборонец». Масон. В феврале-марте 1917 г. организовывал восстания в Кронштадте и Свеаборге. Создатель и член исполкома Петросовета (позднее товарищ председателя последнего). Министр труда (5.5.1917). Противник большевицкого переворота. Будучи заграницей оказывал большевикам поддержку в их дипломатических акциях. Член РКП(б) (1922). Состоял на службе в Наркомате внешней торговли. Председатель секции внешней торговли Госплана СССР (1925-1926). Член Коллегии Госплана (1926). Работал в кооперации, на советской хозяйственной работе, во Всесоюзном радиокомитете (1936-1937). Арестован и расстрелян.

189. *Александр Иванович Верховский* (27.11.1886-19.8.1938) — родился в дворянской семье в С.-Петербурге. Поступил в 1-й кадетский корпус, из которого был переведен в Пажеский корпус с отличной аттестацией. Был фельдфебелем 1-й роты и личным пажом Государя Николая II. И отец (морской офицер) и мать Верховского были людьми неуравновешенными (последняя даже страдала неврастенией). Эта наследственность, вероятно, повлияла и на их сына. Будучи дежурным камер-пажом при Императоре во время водосвятия 6.1.1905, когда во время крестного хода был произведен выстрел картечью по местонахождению Императора, Верховский был буквально в истерике. Его вынуждены были даже поместить в лазарет. Вскоре последовали, как известно, расстрел 9 января и убийство Вел. Кн. Сергея Александровича 4 февраля. 11 февраля имело место «нетактичное» высказывание об убиенном Вел. Князе Верховского в разговоре с товарищами. Он осудил применение войск при наведении порядка в столице и высказывался в пользу введения конституции. Воспитанники старшего специального класса заяви-

ли, что «они не могут допустить, чтобы Верховский, при своем образе мыслей, окончил курс и носил Пажеский знак, считаясь нашим товарищем». Они категорически потребовали, чтобы он немедленно (за два месяца до производства в офицеры) покинул корпус. После тщательно проведенного расследования последовало Высочайшее повеление: лишив камер-пажеского звания, перевести на службу в 35-ю артиллерийскую бригаду вольноопределяющимся унтер-офицерского звания. Таким образом Верховский попал в Маньчжурию, на театр боевых действий русско-японской войны. Наводчик полевого артдивизиона. Награжден Георгиевским крестом и произведен в офицеры (18.6.1905). Служил в Гельсингфорсе (1905-1908). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1911). Когда окончившие курс академии представлялись Государю, Он сказал, что «надеется, что Верховский забыл старое и будет служить как следует». Старший адъютант штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады (1913). Во время Великой войны служил в штабах 22-го армейского корпуса, 9-й, а затем 7-й армий. Подполковник (март 1916). Начальник штаба Черноморской дивизии (янв. 1917), предназначенной для десанта с целью овладения Царьградом. После февральского переворота, с разрешения командующего Черноморским флотом адмирала Колчака, заявил солдатам и матросам о присоединении офицеров к революции. Товарищ председателя Севастопольского совета РСД. Принимал активное участие в революционном «переустройстве» армии. Полковник (31.5.1917). Командующий войсками Московского военного округа (31.5.1917). Осудил Корниловский мятеж и участовал в его подавлении. Генерал-майор (1917). Военный министр Временного правительства (30.8-22.10.1917). Разуверившись в победе, просил об отставке. Выехал на о. Валаам (22 окт.); узнав о большевицком перевороте, вернулся в Петроград (3 ноября). После провала сформировать при Ставке «общесоциалистическое правительство» отошел от политической деятельности. Арестован ВЧК по делу о восстании эсеров (лето 1918). Мобилизован в Красную армию (1919). Начальник оперативного отдела при штабе Петроградского военного округа. Инспектор военно-учебных заведений республики (окт. 1919). Член Особого совещания при главкоме (2.5.1920) и одновременно главный инспектор военно-учебных заведений республики (12.8.1920). Главный руководитель Военной академии РККА (июнь 1922). На преподавательсткой работе. Военный эксперт советской делегации на Генуэзской международной конференции (1922). Начальник штаба Северокавказского военного округа (1930). Арестован и приговорен к 10 годам лагерей (1931). Досрочно освобожден (1934). Комбриг (1936). Арестован (1938) и расстрелян.

190. *Александр Федорович Гущин* (7.4.1881-?) — из донских казаков. Родился в Ростове-на-Дону. Журналист (псевдонимы: Мстиславлев, полковник Гурон, Сигедис, Коумов, Гущи-хан). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Полковник. Учившийся вместе с ним в академии ген. Врангель, вспоминал: «С ухватками дурного тона фата, полковник Гущин, читавший в это время лекции в академии генерального штаба, в первые же революционные дни, появился на ка-

федре, разукрашенный красным бантом, и с пафосом обращаясь к слушателям заявил: "Маска снята, перед вами офицер-республиканец". В Петроградском [офицерском] союзе он вел самую недостойную демагогическую игру. Обращаясь в своих речах к солдатам, он от имени русского офицерства просил солдата "не отталкивать от себя во многом виноватого перед ним русского офицера". Он говорил трескучие речи, бил себя в грудь и гаерствовал...» (Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 1. М. 1992. С. 44). После окончания гражданской войны участвовал со своим отрядом в китайских междуусобных столкновениях (с 1926 г.). Эмигрировал из Шанхая в Бразилию (1950).

191. Речь идет о кн.: *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания. Т. 1-3. Париж. 1930-1936. Кроме того, его перу принадлежат след. кн.: Первая Государственная Дума. Воспоминания современника. Париж. 1939; Вторая Государственная Дума. Воспоминания современника. Париж. Б. г.; Из воспоминаний. Нью-Йорк. 1954.

192. *Жорж Эжен Бенжамен Клемансо* (1841-1930) — французский государственный деятель. В 1917-1920 гг. председатель Совета министров.

193. Имеется в виду кн.: *Nolde B.* L'Alliance franco-russe. Paris. 1930.

194. *Анатолий Дмитриевич Нессельроде* (1850-24.7.1923) — внук российского министра иностранных дел при Императоре Николае I, по происхождению еврея, сыгравшего большую роль в травле и убийстве А.С. Пушкина. Масон (ложа Великого Востока Франции). Будучи назначенным на пост товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты, ушел в отставку в знак протеста против политики Плеве в еврейском вопросе. Предводитель дворянства Саратовской губернии. Земский деятель. Считался знатоком искусства и литературы. В Обществе изящных искусств в Саратове, председателем которого он состоял, дежурным директором был С. В. Балмашов, убивший в 1902 г. министра внутренних дел Империи, шефа жандармов Д. С. Сипягина. После теракта Нессельроде был отдан под надзор полиции. После революции 1905 г. эмигрировал во Францию. В знак протеста против преследования революционеров сложил с себя камергерское звание. Скончался в Париже.

195. *Самуил Еремеевич Кальманович* (ум. не ранее 1930 г.) — присяжный поверенный, адвокат. Присяжный стряпчий при С.-Петербургском коммерческом суде (1912-1916). Масон. Защищал участников аграрных бунтов (1902) и саратовской политической демонстрации (1902); по делу о типографии «Искры» в Одессе, о распространении нелегальной литературы в войсках, о Гомельском погроме 1903 г., о депутате-социалисте Рамишвили, о «Новороссийской республике», о военной организации ЦК РСДРП(б), об эсере А. А. Петрове. Выступал на процессах совместно с В. А. Маклаковым. Принимал участие в разоблачении Азефа. В 1914 г. защищал А. Ф. Керенского и др. после дела Бейлиса. После февральской революции был избран в законодательное бюро Петроградской адвокатуры. Товарищ министра юстиции Северо-западного правительства. Эмигрировал. Возвратился в СССР.

196. *Четыреххвостка* — плеть, применявшаяся для наказания на парусном флоте. В описываемое время так называли всеобщие, равные, прямые и тайные выборы.

197. *Ахерон* — в греческой мифологии болотистая, медленно текущая река в подземном царстве, через которую души умерших, чтобы достичь потустороннего міра, переправлялись в челне Харона.

198. *Граф* (с 1.1.1902) *Дмитрий Мартынович Сольский* (1833 †29.11.1910) — окончил Императорский Александровский лицей. Служил во II отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Статс-секретарь (1867-1878). Государственный контролер (1878-1889). Член и председатель Департамента законов Государственного Совета (11.7.1889-1893); затем (1893-1902) — Департамента государственной экономии. Председатель Государственного совета (24.8.1905-9.5.1906). Действительный тайный советник (1906). Кавалер ордена св. ап. Андрея Первозванного.

199. *Юлий Александрович Икскуль фон Гильденбрандт* (1852-1918) — чиновник Государственной канцелярии: помощник статс-секретаря и статс-секретарь (1878-1899). Товарищ министра земледелия и государственных имуществ (1899-1901). Товарищ государственного секретаря (1899-1904). Государственный секретарь (1904-1909). Член Государственного совета по назначению (1909).

200. *Барон Эммануил Юльевич Нольде* (27.6.1854-14.12.1909) — выпускник Императорского Училища правоведения. Чиновник Министерства юстиции и Собственной Его Императорского Величества канцелярии (1894-1902). Управляющий делами Комитета министров (1902-1906). Член Государственного Совета по назначению (2.4.1906). Статс-секретарь. Действительный тайный советник (1908).

201. *Барон Борис Эммануилович Нольде* (1876-1948) — действительный статский советник, магистр международного права. Управляющий юрисконсультской частью Министерства иностранных дел. Директор 2-го департамента МИД России (24.5.1916), советник министра иностранных дел (С. Д. Сазонова). Кадет. Масон. Принимал активное участие в «отречении» Великого Князя Михаила Александровича. Преподавал в Александровском лицее и на Высших женских курсах. Экстраординарный профессор Петроградского политехнического института. После февральского переворота — товарищ министра внутренних дел (при П. Н. Милюкове). И. д. экстраординарного профессора Петроградского университета по кафедре международного права (1917). Сторонник ориентации на Германию. В эмиграции (с лета 1919 г.). От имени правительства адмирала А. В. Колчака участвовал в переговорах с Финляндским правительством, пытаясь организовать поход финнов на Петроград в обмен на признание их независимости. Член парижской группы кадетов (1920). Доктор государственного права (Париж).

202. *Князь Алексей Дмитриевич Оболенский* (24.11.1855 †1933) — закончил Императорское Училище правоведения. Козельский уездный предводитель дворянства (1884-1894); управляющий Дворянским и Крестьянским поземельными банками (1894-1901, 1905). Товарищ министра внутренних дел (1897-1901). Сенатор (1901). Шталмейстер (1901).

Товарищ министра финансов (1902-1905). Член Государственного совета (1905-1917). Обер-прокурор Св. Синода (1905-1906). До 1920 г. жил в Москве. Выехать за границу помогла племянница, служившая в иностранном отделе ВЦИК (через Енукидзе). Скончался в Дрездене.

203. *Михаил Григорьевич Акимов* (8.11.1847 †9.8.1914) — из дворян. После окончания юридического факультета Московского университета служил по судебному ведомству в провинции и в Москве. Сенатор Уголовного кассационного департамента (1899). Министр юстиции (16.12.1905-23.4.1906) в кабинете С. Ю. Витте. Член Государственного совета (1906). Председатель Государственного совета по назначению (10.4.1907). Действительный тайный советник (1907). Статс-секретарь (1908). Шурин П. Н. Дурново. Скончался в С.-Петербурге.

204. *Иван Григорьевич Щегловитов* (13.2.1861 †5.9.1918) — из потомственных дворян. По окончании с золотой медалью Императорского Училища правоведения (1881) служил по судебному ведомству. Товарищ прокурора: Нижегородского (1885) и С.-Петербургского (1887) окружного судов. Прокурор С.-Петербургского окружного суда (1894). Товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты (1895). Товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената (1898); с 1898 г. — в I Департаменте Сената. Вице-директор I Департамента Министерства юстиции (1900-1903). Обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената (1903-1905). Директор I Департамента Министерства юстиции (22.4.1905). Товарищ министра юстиции (1.2.1906). Министр юстиции (24.4.1906). Член Государственного совета (1.1.1907). Сенатор (1911). Статс-секретарь Его Императорского Величества (1911). Действительный тайный советник (1914). В деле Бейлиса занимал твердую государственную позицию. Уволен от должности министра юстиции (6.7.1915), не потеряв при этом личного расположения Императора. Председатель Государственного совета (1.1.1917). После февральского переворота арестован одним из первых, еще вечером 27 февраля. В заключении в Петропавловской крепости (1.3.1917-26.2.1918), будучи сданным с рук на руки временщиками большевикам. Переведен в Москву, где, сохранив верность присяге Государю, принял мученическую кончину.

205. *Павел Павлович Менделеев* (31.12.1863 †?) — дворянин. Выпускник Императорского Училища правоведения. Тайный советник (1909). Тверской губернский предводитель дворянства (1913-1917). Член Государственного совета (23.10.1915). Член Особого совещания по продовольствию (26.2.1916). Эмигрировал.

206. *Николай Степанович Таганцев* (19.2.1843 †22.3.1923) — из купцов. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Был командирован в Германию. Доктор уголовного права; известный криминалист. Профессор Императорского Училища правоведения, Александровского лицея и С.-Петербургского университета (1868). Редактор «Журнала уголовного и гражданского права» (1873-1878). Член консультации Министерства юстиции (1881). Сенатор (1887). Председатель Комиссии по подготовке нового законодательства для Великого Княжества Финляндского (1894). Действительный тайный советник

(1903). Член Государственного совета по назначению (17.4.1905) с должностью первоприсутствующего в Уголовном кассационном департаменте Сената. После революции остался в России. Арестован чекистами. Обвинен в заговоре против советской власти. Как глава «Петроградской боевой организации», расстрелян в числе 61 участника заговора. Среди казненных по этому делу был поэт Н. С. Гумилев.

207. Речь идет о кн.: *Таганцев Н. С.* Пережитое. Вып. 1. Учреждение Государственной думы в 1905-1906 гг. Пг. 1919.

208. *Маклаков В. А.* Трагическое положение (Безумный шофер) // Русские ведомости. 1915. № 221. Сентябрь.

209. Недавнюю перепечатку этой статьи (со ссылкой на *один* из *двух* номеров — да и то ошибочной — «Возрождения») — сильно сокращенную (причем, само сокращение нигде не оговорено) см. в кн.: *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. СПб. 1999. С. 156-162.

210. *Сергей Ефимович Крыжановский* (29.8.1862 или 1861 †12.1.1935) — окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. В студенческие годы принадлежал к радикальному кружку В. И. Вернадского, И. М. Гревса и др. Чиновник в судебных учреждениях (1885-1896). Перешел в Министерство внутренних дел (1896). Товарищ министра внутренних дел (1906-1911). Сотрудник П. Н. Дурново и П. А. Столыпина. Сенатор (1906). Автор Закона о Государственной думе от 3 июня 1907 г., Государственном совете и Совете министров. В 1911-1916 гг. его кандидатура неоднократно предлагалась на должность министра внутренних дел, но неизменно отвергалась Государем, проявлявшим к нему личное недоверие в связи с деятельностью Крыжановского в 1904-1911 гг. в области законотворчества. Тайный советник (1907). Последний Государственный секретарь Российской Империи (1911-1917). Член Государственного совета (1.1.1917). В марте 1917 г. был арестован. В эмиграции. Редактировал «Русскую летопись» (Париж). «Воспоминания» вышли в Берлине (Б. г.). Скончался в Париже.

211. *Дэвид Ллойд-Джордж* (1836-1945) — лидер Либеральной партии Великобритании. Министр торговли (1905-1908), министр финансов (1908-1915), премьер-министр (1916-1922). Выступал за налаживание сотрудничества с СССР.

212. *Раймон Пуанкарэ* (1860-1934) — президент Франции (1913-янв.1920). Премьер-министр (1912-1913, 1922-1924, 1926-1929). Один из инициаторов интервенции в советскую Россию.

213. *Дмитрий Сергеевич Сипягин* (1853 †1902) — Московский губернский предводитель дворянства (1884). Харьковский вице-губернатор (1886). Курляндский (1888-1891) и Московский (1891) губернатор. Товарищ министра государственных имуществ (1893-1894). Товарищ министра внутренних дел (1894-1895). Управляющий министерством (1899) и министр (1900) внутренних дел. Убит эсером С. В. Балмашовым.

214. *Борис Владимирович Штюрмер* (15.7.1848 †20.8.1917) — окончил юридический факультет С.-Петербургского университета со степенью кандидата прав. Служил в Сенате, Министерстве юстиции и одновременно в придворной Экспедиции церемониальных дел (1878). Камергер Двора (1888). Председатель Тверской губернской земской упра-

вы (1890). Действительный статский советник (1891). Переведен на службу в Министерство внутренних дел (1892). Новгородский (1894) и Ярославский (1896) губернатор. Гофмейстер (1896). Директор Департамента общих дел МВД (1902-1904). Член Государственного совета (3.9.1904). Председатель Совета министров (20.1.1916), министр внутренних (3 марта — 7 июля) и иностранных дел России (7 июля — 10 ноября 1916). Обер-камергер (1916). Уволен в отставку (10.11.1916) в связи с обвинениями в германофильстве и подготовке сепаратного мира. После февральского переворота арестован. Заключен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Умер в Петропавловской крепости. Мученичество Штюрмера в тюрьме ярко описаны в Ф. В. Винбергом в «Берлинских письмах»: «Больной, истощенный старик, страдающий хронической болезнью почек, Штюрмер попал в сырую, холодную камеру Трубецкого бастиона, где, в полном одиночестве, терпя постоянный, мучительный голод, в самых отвратительных условиях лишения элементарнейших требований комфорта, он был обречен неизбежно на мучительную, долгую агонию, при которой оставалось только мечтать о смерти, надеяться на нее и ждать ее, как желанную избавительницу. Обращение с заключенным было ужасное: ему приходилось переносить не только самые грубые издевательства и оскорбления, но и побои. Об ужасном положении Штюрмера знал и тогдашний министр юстиции Керенский, и последующие за ним министры того же ведомства, и все вообще "начальствующие лица" из бывших подпольных проходимцев: родственники и друзья заключенных осаждали их всех просьбами умилостивиться и оказать содействие к облегчению страданий их жертв злобного торжества... На все просьбы они отвечали злорадными отговорками, а то и прямо насмешками. Но все приедается быстро: развлечение, доставленное глумлением и издевательством над умиравшим, находившимся в полной их власти стариком, на которого сыпались площадные ругательства, толчки, пинки и побои (его много били по щекам), все это удовольствие надоело — хотелось чего-либо более пикантного... И вот люди, одетые в мундиры бывших доблестных русских воинов, но волей, работой и стараниями друзей и единомышленников возглавителей революционной рвани превращенные в "сознательных товарищей", "спасающих революцию", придумали новый способ развлечения: поочередно, "справа по одному", они стали подходить к Штюрмеру и мочиться на его лицо. Когда он был уже в агонии и умирал, жена и другие захотели войти в комнату, их задержали караульные и объявили, что никого не пропустят. "Никого не пропустим! Пускай околевает при нас и только при нас. Много чести ему прощаться еще с родственниками!"» (Луч света. № III. Берлин. 1920. С. 65, 67, 69).

215. *Петр Львович Барк* (6.4.1869 –16.1.1937) — сын уроженца Лифляндии. Родился в Екатеринославе. После окончания Петербургской немецкой гимназии и юридического факультета С.-Петербургского университета поступил на службу в Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов. С тех пор безпрерывно находился на банковской и финансовой службе. Товарищ министра тор-

говли и промышленности (10.8.1911). Министр финансов (30.1.1914). Тайный советник (1.1.1915). Принадлежал к либеральной группе министров. Член Государственного совета (29.12.1915). После революции уехал в Крым. По командировке Белого правительства выехал в Париж и Лондон за финансовой помощью. После поражения Белого движения остался за границей. Жил сначала в Париже, а затем перебрался в Лондон. Директор-распорядитель Англо-интернационального банка. Советник управляющего Банком Англии. Принял английское подданство (1935). Королем Великобритании возведен в рыцарское достоинство. Скончался в имении дочери близ Марселя. Обширные мемуары публиковались с перерывами после второй мiровой войны в парижском журнале «Возрождение».

216. *Александр Александрович Риттих* (21.9.1868 †15.6.1930) — происходил из дворян Харьковской губернии. Окончил Александровский лицей. Службу начал чиновником в Земском отделе Министерства внутренних дел (1888). Чиновник особых поручений Переселенческого управления (1901). Чиновник особых поручений Министерства финансов (1903). Директор Департамента государственных земельных имуществ (27.6.1905). Действительный статский советник (1906). Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (25.3.1912). Гофмейстер Двора (1913). Министр земледелия (16.11.1916). Сенатор (1916). Эмигрировал. Скончался в Лондоне.

217. *Виктор Михайлович Чернов* (19.11.1873-15.4.1952) — происходил из дворян. Революционер. Основатель (1902) и бессменный член ЦК партии эсеров. В эмиграции (1908-1917). Министр земледелия Временного правительства (май-авг. 1917). Один из организаторов Комитета спасения родины и революции (окт. 1917). Председатель Учредительного собрания (5.1.1918). В эмиграции в Чехословакии (1920). Постепенно утратив политическое влияние, переехал во Францию (1931). В годы немецкой оккупации Франции участвовал во французском движении сопротивления. Вскоре после войны уехал в США. Скончался в Нью-Йорке.

218. *Иван Константинович Григорович* (26.1.1853 †3.3.1930) — из дворян Полтавской губернии; сын капитана I ранга. Окончил Морской корпус (1874). Командир парохода «Колдунчик» (1883). Морской агент во Франции (1896-1898). Командир броненосца «Цесаревич» (1899). Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Начальник штаба Черноморского флота и портов Черного моря (1905). Командир порта имени Императора Александра III в Либаве (1906-1908). Командир Кронштадтского порта и военный губернатор Кронштадта (окт. 1908). Товарищ морского министра (9.2.1909). Морской министр (19.3.1911). Адмирал (1911). Член Государственного совета (1.1.1914). Принадлежал к либеральным министрам. Рассматривался членами «Прогрессивного блока» как возможный кандидат в премьеры. Уволен со службы (31.3.1917) с мундиром и пенсией. Сотрудник Морской исторической комиссии. Старший архивариус Морского архива. Выехал для лечения во Францию. В Россию не вернулся. Скончался в Ментоне. Автор кн.: Воспоминания бывшего морского министра (СПб. 1993).

219. *Хуан Негрин* (1894-1956) — член Испанской социалистической партии (1929). Премьер-министр красной Испании (1937-1939). Глава Испанского эмигрантского правительства (1939-1945).

220. *Николай Николаевич Чебышев* (1865 †1937) — прокурор Киевской (1913-1916) и Московской (1916-1917) судебных палат. Сенатор (1917). В период гражданской войны член Совета государственного объединения России и Правого центра; начальник Управления внутренних дел Особого совещания при ген. А. И. Деникине. Ведущий сотрудник, а затем редактор выходившей сначала в Екатеринодаре, а затем в Крыму газеты «Великая Россия» (1919-1920). Руководитель Русского бюро печати в Константинополе (1920-1921). Редактор журнала «Зарницы» (1921). Жил в Берлине (1922). Товарищ председателя Берлинского отдела монархического объединения. Был близок ген. П. Н. Врангелю. Автор статьи И. И. Тхоржевский имеет в виду следущее место из воспоминаний ген. В. Н. Воейкова: «С наступлением революции Чебышев направил свой юридический опыт на выискивание, в угоду восходившей тогда звезде — А. Ф. Керенскому, данных для обвинения слуг того самого строя, с котрым была связана его карьера».

221. *Александр Димитриевич Протопопов* (18.12.1866 † 27.10.1918) — из дворян Симбирской губернии. После окончания 1-й Кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища выпущен корнетом в Л.-гв. Конно-гренадерский полк (1885). В отставке (1890). Причислен к Собственной Е. И. В. канцелярии по учреждениям Императрицы Марии (1891). Председатель Союза суконных фабрикантов. Предводитель дворянства Корсунского уезда (1905). Член партии октябристов. Камер-юнкер (1908). Действительный статский советник (1909). Депутат III и IV Государственной Думы (с 20.5.1914 — товарищ председателя Думы). Член Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обезпечению топливом (авг. 1915). Предводитель дворянства Симбирской губернии (фев. 1916). Управляющий (16.9.1916), а затем министр (20.12.1916) внутренних дел России. После февральского переворота заключен в Петропавловскую крепость. Расстрелян чекистами в Москве.

Приставленный к генералу А. А. Брусилову «юный, в высшей степени симпатичный, милый, деликатный» латыш-чекист рассказал ему, «между прочим, о последних минутах жизни расстрелянных министров, при казни которых присутствовал: Протопопова, Белецкого, Щегловитова, Беляева и других. Он говорил, что бедный А. Д. Протопопов тяжелее всех умирал: несколько раз под выстрелами падал, крестился и опять вставал. Это особенно грустно нам было слышать, потому что мы его лично давно знали: я — по Конно-Гренадерскому полку, а семья моей жены с давних лет была хорошо знакома со всеми Носовичами. Протопопов был женат на Ольге Павловне Носович, дочери старого, кавказского генерала. [...] ...Слушать о его расстреле моей семье было жутко, тем более, что психология этого молодого латыша, как я уже говорил, даже симпатичного, на вид будто бы кроткого, была нам непонятна. Он рассказывал это спокойно, ухмыляясь, будто о чем-то совершенно простом и естественном» (*Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М. 2001. С. 279-280).

222. *Владимир Александрович Дедюлин* (12.7.1850 †25.10.1913) — родился в дворянской семье. После окончания Пажеского корпуса в службу вступил в Л.-гв. Уланский полк (1877). Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1883). Начальник штаба Отдельного корпуса жандармов (1903). Градоначальник С.-Петербурга (17.1.1905). Командующий отдельным корпусом жандармов (31.12.1905). Один из инициаторов создания Союза Русского народа. Дворцовый комендант (3.9.1906). Генерал-адъютант (1909), генерал от кавалерии (1912).

223. *Князь Георгий (Юрий) Иванович Трубецкой* (5.11.1866 †27.12.1926) — после окончания Пажеского корпуса (1888) выпущен офицером в Л.-гв. Конный полк. Командир Собственного Его Императорского Величества Конвоя (1906-1913). Помощник коменданта Императорской главной квартиры (1914). Генерал-лейтенант. Начальник 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и Особого конного отряда (1915). Генерал от кавалерии. Георгиевский кавалер. Арестовывался ВЧК в Петрограде. В эмиграции во Франции. Скончался в Версале.

224. *Павел Петрович Скоропадский* (3.5.1873 †26.4.1945) — родился в Висбадене; праправнук гетмана Украины XVIII в. После окончания Пажеского корпуса (1893) офицер Л.-гв. Конного полка. Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Адъютант начальника Восточного отряда (1904). Флигель-адъютант (1905). Командир 20-го драгунского Финляндского полка (1910). Командир Л.-гв. Конного полка (1911). Генерал-майор Свиты (1912). Командир бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (окт. 1914). Командующий 5-й кавалерийской дивизией (июль 1915). Начальник 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (2.4.1916). Генерал-лейтенат. Командир 34-го армейского корпуса (22.1.1917). Георгиевский кавалер. После февральского переворота продолжал командовать «украинизированным» корпусом. Совершил переворот, упразднив т. н. «Украинскую народную республику» (29.4.1918), и провозгласил «Украинскую державу», став ее гетманом. Отрекся от власти в результате петлюровского восстания (14.12.1918). Выехал в Германию, где жил в эмиграции. Погиб во время бомбардировки в Меттене (Бавария).

225. *Барон* (с 21.1.1913 *граф) Владимир Борисович Фредерикс* (16.11.1838 †5.7.1927) — генерал-адъютант (1896), генерал от кавалерии (1900). Происходил из дворян С.-Петербургской губернии. Получив домашнее образование, вступил вольноопределяющимся в Л.-гв. Конный полк (1856), прослужив в нем до 1871 г. Полковник (1869). Командир Л.-гв. Конного полка (1875), а затем 1-й бригады 1-й Кавалерийской дивизии (1881). Шталмейстер Двора, управляющий Придворной конюшенной частью (1891). Помощник министра (1.12.1893), а потом (6.5.1897) — министр Императорского Двора и уделов (до 1917 г.). Одновременно был канцлером Российских Императорских и Царских орденов. Командующий Императорской Главной Квартирой (14.7.1897). Член Государственного совета (4.11.1905). Был насильно разлучен с Царем-Мучеником в Ставке в 1917 г. В дневнике Государя под 5.3.1917 читаем: «Простился с бедным гр. Фредериксом и Воейковым, присутствие которых почему-то раздра-

жает всех здесь; они уехали в его имение Пензен губ.» «Больно его таким видеть, — писала о нем Императрица 2.3.1918, — скажите ему, что хозяйка целует его и часто с любовью его помнит и надеется, что еще увидимся, что не надо падать духом — Господу Богу все возможно и Он еще дорогую родину спасет. Попросите его приобщиться Святых Таин — скажите это от меня, он знает, что я ему всегда напоминала, когда ему было особенно тяжело на душе». После февральской революции был арестован в Гомеле, доставлен в Петроград, а вскоре освобожден. Эмигрировал (1921). Проживал и скончался в Финляндии.

226. ***Герцог Николай Николаевич Лейхтенбергский*** (5.10.1868 †2.3.1928) — сын герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского; родился в Женеве. После сдачи экзамена при Павловском военном училище (1892) офицер Л.-гв. Преображенского полка. Полковник. Во время Великой войны командовал 12-м Туркестанским стрелковым полком. Генерал-майор. Георгиевский кавалер. Флигель-адъютант Императора Николая II, покинувший Государя в самые критические для него дни марта 1917 г. Арестовывался ВЧК (весна 1918). Посол Всевеликого Войска Донского в Берлине (с 5.7.1918). В эмиграции в Германии. Скончался в Руте (Бавария).

227. Речь идет о стихах и эпиграммах, принадлежавших ***Владимиру Петровичу Мятлеву*** (†1946) — офицеру, служившему в Лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку. После истории с разводом он вынужден был оставить полк. Будучи богатым помещиком, избирался уездным предводителем дворянства Курской губернии. Был камергером Двора Его Величества. Злые памфлеты и эпиграммы, многие из которых злословили Распутина, Вырубову и Протопопова, снискали Мятлеву в предреволюционные годы сомнительную «славу». «Конечно, — писал уже в эмиграции капитан 2-го ранга Г. К. Граф, — Мятлев был искренним сторонником монархического строя, но не мог воздерживаться, чтобы не высмеивать все, что в его уме складывалось в ядовитый памфлет, и тем наносил большой вред режиму, его памфлеты легко запоминались и быстро облетали весь Петербург, и так уже отравленный критиканством» (*Думин С.* Романовы. Императорский Дом в изгнании. Семейная хроника. М. 1998. С. 112). О том, насколько прилипчивы были писания Мятлева, свидетельствует современный историк: «Гостя в Одессе у Святейшего Патриарха Алексия в 1953 году,.. о. Борис Старк [сын известного адмирала] с почтительным изумлением обнаружил, что Его Святейшество также пронес в памяти через десятилетия великое множество мятлевских эпиграмм» (*Носик Б. М.* На погосте XX века. СПб. 2000. С. 337). В эмиграции Мятлев был одним из первых сотрудников Вел. Кн. Кирилла Владимировича после провозглашения им себя «императором», а также одним из ближайших советников его супруги Вел. Кн. Виктории Феодоровны. Носил звание «главноуправляющего всеми гражданскими ведомствами»; был «секретарем Государева Совещания». Поведение неисправимого Мятлева послужило, однако, причиной отчисления его от двора Кирилловичей. Упомянутый нами о. Борис Старк вспоминал впоследствии о том, как завершил свой век острослов в старческом доме в Сент-Женевьев: он «совсем потерял

разум, находился в состоянии полнейшего маразма. Он никого не узнавал, впал в совершенно животное состояние. Ни одна сиделка, ни одна уборщица не соглашалась убирать его комнату. Приходилось посылать к нему санитаров. Он жил в состоянии полного упадка. Грязь его комнаты и его самого была вне сравнений. Часто он разгуливал по комнате совершенно голый... Ничего не осталось от блестящего лейб-гусара, и его смерть явилась для всех большим облегчением» (*Носик Б. М.* На погосте XX века. С. 337).

228. *Николай Алексеевич Маклаков* (9.9.1871 †5.9.1918) — происходил из семьи потомственных дворян; брат В. А. Маклакова. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Служил чиновником Министерства финансов. Начальник отделения Тамбовской казенной палатой (1900). Управляющий Полтавской казенной палатой (1906). Черниговский губернатор (7.6.1909). Камергер Двора (1909). Действительный статский советник (1911). Министр внутренних дел (16.12.1912). Гофмейстер Двора (1913). Член Государственного совета (21.1.1915). Уволен в результате давления оппозиции (5.7.1915). С тех пор являлся негласным политическим советником Государя; был сторонником роспуска Думы. После февральского переворота 1917 г. арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Расстрелян чекистами в Москве.

229. *Князь Петр Дмитриевич Святополк-Мирский* (18.8.1857 †16.5.1914) — родился в С.-Петербурге. Окончил Пажеский корпус (1875) и Николаевскую академию Генерального штаба (1881). Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Генерал-майор (1894). Пензенский (1895) и Екатеринославский (1897) губернатор. Командующий Отдельным корпусом жандармов, товарищ министра внутренних дел (1900). Генерал-лейтенант (1901). Виленский, Ковенский и Гродненский генерал-губернатор (1902). Генерал-адъютант (1904). Министр внутренних дел (26.8.1904). Уволен со службы (18.1.1905). Будучи не у дел, жил в С.-Петербурге. Генерал от кавалерии (14.4.1903). Скончался в Петербурге.

230. *Владимир Николаевич Коковцов* (6.4.1853 †29.1.1943) — происходил из дворян. После окончания Александровского лицея учился в С.-Петербургском университете. Служил чиновником в Министерстве юстиции (1873-1890). Чиновник Государственной канцелярии (1890-1896). Товарищ министра финансов (1.3.1896). Сенатор (1900). Государственный секретарь (14.4.1904). Статс-секретарь Е. В. (1904). Министр финансов (5.2.1904). Уволен с должности с назначением членом Государственного совета и с производством в действительные тайные советники (25.10.1905). Министр финансов (26.4.1906). Председатель Совета министров (11.9.1911) с оставлением министром финансов. Уволен (30.1.1914). Возведен в графское достоинство. Председатель Второго департамента Государственного совета (30.12.1915). Перебрался в Финляндию (ноябрь 1918). Автор кн.: Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 (Кн. 1-2. М. 1992).

231. *Дмитрий Николаевич Шипов* (14.5.1851 †1.1.1920) — родился в дворянской семье. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета. Действительный статский советник. Камергер. Предсе-

датель Волоколамской уездной (1891-1893) и Московской губернской (1893-1904) земской управ. Председатель ЦК партии октябристов (1905-1906). Член Партии мирного обновления (1906; с 1907 г. — председатель ее ЦК). Член Государственного совета (1906-1909). Отошел от политической деятельности (1911). Арестован ЧК по делу Национального центра (был его председателем). Скончался в Бутырской тюрьме.

232. *Владимир Иосифович Гурко (Ромейко-Гурко)* (8.5.1864 †11.2.1937) — сын генерал-фельдмаршала И. В. Гурко. Генерал от кавалерии (1916). Окончил Пажеский корпус (1885) и Николаевскую академию Генерального штаба (1892). Участник русско-японской войны, впоследствии председатель комиссии по ее описанию. Активно сотрудничал с председателем думской комиссии государственной обороны Гучковым (1908-1910). Командир 1-й кавалерийской дивизии (1911) и 6-го армейского корпуса (ноябрь 1914). Командующий 5-й (с авг. 1916 Особой) армией на Юго-Западном фронте. И. о. начальника штаба Верховного Главнокомандующего (окт. 1916—фев. 1917). Участвовал в составлении программы «прогрессивного блока»; член Военной масонской ложи. Во время отпуска по болезни ген. М. В. Алексеева был и. о. начальника штаба Верховного Главнокомандующего (11.11.1916–17.2.1917). После февральского переворота — командующий войсками Западного фронта. За критику Временного правительства и монархические высказывания понижен в должности до командира дивизии (23.5.1917). За переписку с Императором Николаем II арестован (21.7.1917), заключен в Петропавловскую крепость и по решению Временного правительства через Архангельск выслан за границу (сент.). В Белом движении участия не принимал. Скончался в Риме. Автор кн.: Царь и Царица (Париж. 1927).

233. *Генерал от кавалерии Владимир Александрович Сухомлинов* (4.8.1848 †2.2.1926) — происходил из дворян Ковенской губернии. Окончил Николаевское училище гвардейских юнкеров и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в Л.-гв. Уланском Его Величества полку. На штабных должностях (с 1874). Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Правитель дел Николаевской академии Генерального штаба (1878-1884). Командир 6-го Лейб-драгунского Павлоградского полка (1884-1886). Начальник Офицерской кавалерийской школы (1886-1897). Начальник 10-й кавалерийской дивизии (1897-1899). Начальник штаба Киевского военного округа (1899-1902). Помощник командующего (1902-1904) и командующий (1904-1908) войсками Киевского военного округа. Генерал от кавалерии (1906). Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор (1905-1908). Начальник Генерального штаба (1908-1909). Военный министр (1909-1915). Член Государственного совета (1911). Генерал-адъютант (1912). По сфальсифицированному обвинению в государственном преступлении отстранен от должности (июнь 1915); был даже заключен в крепость. В 1917 г. был приговорен к пожизненному заключению, но уже на след. год освобожден по старости. Эмигрировал. Выехал сначала в Финляндию, а затем в Германию. «Увольняя меня 11 июня 1915 года, — вспоминал Сухомлинов, — Государь писал из Ставки Великого Князя Николая Николаевича: "Столько лет поработали мы вместе и никогда недоразумений у нас не было. Благодарю вас сер-

дечно за всю вашу работу и за те силы, которые вы положили на пользу и устройство родной армии. Беспристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников". А что Он Сам меня не осуждал, доказательством для меня был следующий эпизод: когда я сидел в Петропавловской крепости — бедный мой Государь находился в Тобольске — тоже в заточении. На одной из прогулок внутри Трубецкого бастиона, которая сопровождалась часовым, этот последний поспешно сунул мне в руку какую-то бумажку, в которой оказался небольшой металлический, круглый образок. На одной стороне его находилось изображение Богородицы с подписью: "Обр. Тобольск. Бож. М.", а на другой — митрополит и надпись: "Св. Иоанн Митр. Тобол." Когда я уже был заграницей, лицо, имевшее сношение с Тобольском во время нахождения там Царской Семьи, меня спросило, — получил ли я благословение Государя, которое послано было мне из Сибири? Для меня же это было драгоценным доказательством, что Царь убедился уже тогда в правильности Своего утверждения, что беспристрастная история вынесет свой приговор "беспристрастный" и осудит, конечно, вместе с тем того преступного "Высочайшего", пс росту только к сожалению, "Дядю", предавшего последнего Русского Царя и загубившего Россию...» *(Сухомлинов В. А.* Великий Князь Николай Николаевич (младший). Берлин. 1925. С. 57-58).

234. Современные еврейские исследователи вовсе не считают такое родство «пустяком»: «Как бы ни сложились их судьбы, в конце концов, они вспоминают, к какому народу принадлежат, и это чувство определяет линию их поведения в решающий момент» (*Дудаков С. Ю.* Петр Шафиров. Иерусалим. 1989. С. 107). Так же считал и Император Александр III: вспомним его подозрительное отношение к «Михайловичам». Однако обратимся к вице-канцлеру и дипломату барону П. П. Шафирову (1669-1739) и его многочисленному потомству (двое сыновей и пятеро дочерей) от брака со своей соплеменницей Анной Самуиловной. Через них он щедро оплодотворил немало русских дворянских родов, в том числе и Рюриковичей (князей Гагариных, Голицыных, Долгоруковых, Хованских, Вяземских, Трубецких). Видимо, именно это родство помешало и автору письма трезво оценить ситуацию. Назовем некоторых (кроме уже помянутого А. Д. Самарина) известных потомков Шафирова: Н. М. Карамзин, граф С. Ю. Витте, оккультистка Е. П. Блаватская, супруга генерала от кавалерии А. А. Брусилова Н. В. Желиховская, религиозные философы С. Н. и Е. Н. князья Трубецкие, писатель А. Н. Толстой, начальник Департамента полиции А. А. Лопухин (провокаторски раскрывший революционерам полицейскую агентуру), убийца Г. Е. Распутина князь Ф. Ф. Юсупов, советский наркоминдел Г. В. Чичерин (*Дудаков С. Ю.* Петр Шафиров. С. 66-98). См. также: *Нелидов Ю. А.* О потомстве барона Петра Павловича Шафирова // Русский евгенический журнал. 1925. Т. 3. № 1. С. 61-65; *Любимов С. В.* Предки графа С. Ю. Витте // Там же. 1928. № 4. С. 203-213.

235. *Хрусталев В. Н.* Пролог трагедии. К истории противодействия принятию Государем Императором Николаем II Верховного Главнокомандования. Париж. 1930. С. 9-21, 36-48. Публикуется с небольши-

ми сокращениями тех мест, где излагаются записи бывшего помощника управляющего делами Совета министров А. Н. Яхонтова, опубликованные в «Архиве русской революции» (т. 18).

236. По имени *архиепископа Феодора* — (Александра Васильевича Поздеевского, 21.3.1876 † 23.10.1937), *Волоколамского,* викария Московской епархии. Арестован (16.4.1924). Обвинялся в приверженности к монархизму. Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ от 19.6.1925 осужден по ст. 59 (сношение с иностранными государствами) и ст. 73 (измышления и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов или непроверенных сведений) УК РСФСР к высылке в Киркрай на три года. Был в ссылке (1925-1937). Расстрелян в Ивановской тюрьме.

237. *Владимир Николаевич Доманевский* (12.3.1878 †4.4.1937) — уроженец С.-Петербурга. Окончил Пажеский корпус (1897), Михайловское артиллерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1903). Офицер Л.-гв. Конной артиллерии. Участник русско-японской войны. Занимал должности по Генеральному штабу в С.-Петербургском военном округе. В Великую войну вступил в качестве штаб-офицера для поручений при штабе Гвардейского корпуса. Командир 14-го Ямбургского уланского полка. Квартирмейстер войск гвардии. Начальник штаба Экспедиционного корпуса в Персии (1916). Генерал-майор (1917). Начальник штаба Приамурского военного округа. Награжден Георгиевским оружием. Во время гражданской войны воевал на Восточном фронте в армии адмирала Колчака. Начальник штаба главнокомандующего во Владивостоке (фев. 1920). Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, а затем во Франции. Сотрудник журнала «Часовой». Лектор Высших военно-научных курсов в Париже. Скончался в Париже. Похоронен на кладбище в Сент Женевьев де Буа. Автор кн.: Міровая война 1914 года. Вып. 1-2. Париж. 1929.

238. Ср.: «Я получал из Ставки подробные телеграммы, сообщавшие о ходе восстания и, наконец, был вызван к прямому проводу Алексеевым, который сообщил мне, что вновь образовавшееся Временное правительство ему объявило, что в случае отказа Николая II отречься от Престола, оно грозит прервать подвоз продовольствия и боевых припасов в армию (у нас же никаких запасов не было); поэтому Алексеев просил меня и всех главнокомандующих телеграфировать Царю просьбу об отречении. Я ему ответил, что со своей стороны считаю эту меру необходимой и немедленно исполню. Родзянко тоже прислал мне срочную телеграмму такого же содержания, на которую я ответил также утвердительно. Не имея под рукой моих документов, не могу привести точно текст этих телеграмм и разговоров по прямому проводу и моих ответов, но могу лишь утвердительно сказать, что смысл их верен и мои ответы также» (*Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М. 2001. С. 205).

239. *Разак Бек Хан Хаджиев* (1895–20.5.1966), полное имя Байдаран-Хаджиев Надзар-Бек — родился в Хиве. Окончил III Московский Императора Александра II кадетский корпус и Тверское кавалерийское училище (1916). Выпущен в Нерчинский казачий полк корнетом. Через две недели переведен в Текинский (Туркменский) полк, сражаясь в

его составе на полях Великой войны. «Молодецкий народ текинцы, — писал жандармский подполковник А. М. Поляков, происходивший из донских казаков, — высокие, стройные, с красивым типом, удивительно преданные России, и большие разбойники, зато и лихие наездники. Текинский конный полк, переформированный из Туркменского дивизиона, на последней войне оказался лучшим из всех кавалерийский частей, и много чудес личной отваги показал этот славный полк» (Жандармы России. М. 2002. С. 525).

Впоследствии Хаджиев был начальником конвоя от этого полка, спасшего жизнь генерала Л. Г. Корнилова во время его заключения, по указанию Временного правительства, в Быховской тюрьме. Состоя в годы гражданской войны при генерале в качестве адъютанта, офицер-туркмен был свидетелем гибели Корнилова.

Сохранилось письмо Хана Хаджиева текинским ханам, которые, соблазнясь посулами Керенского наградить их «царскими орденами», посылали бумаги о желательности возвращения полка в Туркестан: «Текинцы клялись служить верой и правдой России и защищать ее от внешнего врага, теперь должны защищать ее от внутреннего. Россия еще не погибла, придет время и вы пожалеете о своих действиях. Не надо забывать наших законов; помните, нас учили, что, если тебя угостят один раз, ты должен ходить на поклон сорок дней. Россия кормила нас пятьдесят лет, и вот теперь в критическую минуту вы требуете, чтобы мы повернулись к ней спиной; этого не будет. России сейчас фактически нет, есть кучка людей, которые создадут Новую, Великую, Единую Россию, и, охраняя этих людей, мы первые будем истинными сынами ее. Нас мало, но с нами Бог и Магомет Пророк Его. Да воскреснет Россия. Аминь» (Дело Л. Г. Корнилова. Т. 1. М. 2003. С. 427-428).

После 1-го Кубанского «Ледяного» похода покинул ряды Добровольческой армии. Воевал в составе Астраханской армии, в Войсках Закаспийской области, в армии Бухарского эмира и Хивинского хана. Эвакуирован англичанами в Персию (фев. 1920). Через Багдад и Индию выехал во Владивосток (1921). Оттуда — в Китай (Шанхай) и Японию. Наконец, в середине 1920-х гг. он переехал в Мексику, где и скончался. Погребен на Французском кладбище в Мехико.

Оказавшись в эмиграции, хан Хаджиев выпустил в 1929 г. в Белграде книгу воспоминаний «Великий Бояр», из которой мы выбрали главы, относящиеся к скорбным дням вынужденного отречения Государя от Прародительского Престола.

Полковник Ураз Сардар, о котором упоминается в публикуемом отрывке, в 1917 г. был командиром 4-го эскадрона и помощником командира Текинского полка. В годы гражданской войны воевал против большевиков.

240. *Сергей Петрович Зыков* (1873†22.3.1922) — окончил Николаевское кавалерийское училище. Участник русско-японской войны 1904-1905 гг. Служил в Александрийском Императрицы Александры Феодоровны драгунском полку; затем в 5-м уланском Литовском. Полковник. Командир Текинского конного полка (1916), сформированного из Туркестанского конного дивизиона. Полк состоял из добровольцев-

туркмен преимущественно племени теке. В дни февральского переворота 1917 г. командир полка С. П. Зыков сохранил верность Императору. Георгиевский кавалер. Участник гражданской войны. Сражался в рядах Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. Начальник гарнизона Ялты (1918-1919). Командир Астраханской конной бригады. Генерал-лейтенант (1919). В эмиграции в Югославии. Скончался в Белой Церкви.

241. Проблема эта много серьезнее, чем может показаться на первый взгляд. Оставим в стороне более или менее известную деятельность посла Великобритании в России Дж. Бьюкенена, как одного из центров заговора высших русских кругов против правящего Императора, а впоследствии (уже после переворота) одной из ключевых фигур, сорвавших спасение жизни Царской Семьи. Не будем также останавливаться на соучастии официальных британских лиц в убийстве Г. Е. Распутина. Предстоит еще установить синхронную связь «русской» революции с образованием англичанами в Палестине «еврейского очага». Еще более интересный поворот «английской темы» находим в выступлении в ходе дискуссии во время международного научного коллоквиума «Россия в первой мiровой войне» в С.-Петербурге в июне 1998 г. современного исследователя А. В. Островского. Он обратил внимание на особую роль в подрывной антирусской деятельности семьи известных предпринимателей Нобелей, тесно связанных с Англией:

«...На мой взгляд, концепция стихийности до сих пор сохраняет лишь гипотетический характер. [...] Если пожар начинается в одном месте, он может быть случайным. Но если пожар вспыхивает сразу в нескольких местах, нужно искать поджигателей. Между тем складывается впечатление, что утром 23 февраля [1917 г.] рабочие волнения начались почти одновременно сразу на нескольких предприятиях. [...] Волнения начались на Выборгской стороне. [...] Июльские события 1914 г., когда на улицах Петрограда возникают баррикады, тоже начались на Выборгской стороне. [...]

В связи с этим я хотел бы обратить внимание на то, что Выборгская сторона была своеобразной "вотчиной" Нобеля. И мне хотелось бы привлечь внимание как к нему самому, так и к его предприятиям. Приведу два примера, показывающих, что семья Нобелей заслуживает внимания.

Тем, кто знаком с историей финского революционного движения известно имя Сентери (Александра) Нуортевы. Обычно его имя упоминается в связи с его причастностью к организации переезда В. И. Ленина из Финляндии в Швецию в 1907 г. и участием в знаменитой миссии Людвига Мартенса в США в 1919-1921 гг. Менее известно, что Сентери Нуортева был племянником Нобеля. Через несколько дней на очередной научной конференции, посвященной элите российского общества XIX — начала XX в., ожидается специальный доклад о родственных связях А. Нуортевы.

Второй пример. Когда 3 декабря 1905 г. в здании Вольного экономического общества в полном составе был арестован Петербургский совет рабочих депутатов, среди арестованных оказался врач Военно-

медицинской академии Георгий Павлович Олейников. Если сам этот эпизод известен тем, кто занимался Петербургским советом 1905 г., то далеко не всем известно, что Г. П. Олейников был своим человеком в доме Нобелей, так как был женат на Марте Людвиговне Нобель.

Я мог бы привести и другие примеры подобного рода. Но и приведенных достаточно, чтобы понять, что семья Нобелей заслуживает внимание не только с точки зрения предпринимательской деятельности, но и с точки зрения ее связей с оппозиционными и революционными кругами» (Россия и первая міровая война. (Материалы международного научного коллоквиума). СПб. 1999. С. 69-70). См. также: *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? СПб.-М. 2002. С. 491-508.

Сергей ФОМИН

СОДЕРЖАНИЕ

С. В. Фомин.

О ТРУСОСТИ, ИЗМЕНЕ И ОБМАНЕ. И. П. Якобий и его книга «Император Николай II и революция». 3

Примечания 31

БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. П. ЯКОБИЯ (JEAN JACOBY).. 34

И. П. Якобий.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И РЕВОЛЮЦИЯ

Глава I. Император Николай II и Его царствование.. 37

Глава II. Подготовка революции. 68

1. Война и оппозиция 68

2. Царь и война. 83

3. Штурм власти 101

4. Военный заговор 129

5. Накануне катастрофы 144

Глава III. Падение Империи 151

1. Первые безпорядки 151

2. В Ставке 160

3. Начало развала 169

4. Кругом измена и трусость и обман 176

5. Миссия генерала Иванова 184

6. Отречение 190
7. Измена 208
8. Прощание в Могилеве 228
Глава IV. Тяжелые дни 249
1. Новые хозяева России 249
2. Неволя в Царском Селе 258
3. Тобольск. 278
4. Что было сделано для спасения Царской Семьи? 290
5. Загадочный комиссар Яковлев 305
Глава V. Екатеринбургская трагедия 317
1. Черная шайка. 317
2. Прибытие Пленников 322
3. Тревожные дни 327
4. Юровский 337
5. Убийство 343
6. После преступления 351
ПРИЛОЖЕНИЯ
О роли евреев в подготовке революции 362
О русском масонстве 364
Об А. Д. Самарине 366
Об обстоятельствах, предшествовавших аресту Государя. 368
Беседа В. А. Маклакова с генералом Алексеевым в августе 1917 г. 371
Об отъезде Царской Семьи в Тобольск 373
С. В. Фомин.
«БОРОЛИСЬ ЗА ВЛАСТЬ ГЕНЕРАЛЫ, И ЛИШЬ ИМПЕРАТОР МОЛИЛСЯ». 375

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I.
О некоторых источниках книги И. П. Якобия:

Граф Павел Константинович Бенкендорф:

Последние дни Николая II в Царском Селе 641

Свидание Керенского с Императором Николаем 645

Из дневника гр. Бенкендорфа 647

Отъезд Царской Семьи из Царского Села 649

Николай Александрович Артабалевский:

Отъезд последнего Царя и Его Семьи в ссылку 656

Граф Петр Николаевич Апраксин:

9-го марта 1917 года в Царскосельском дворце.
(По дневнику) 668

Царский завет 672

Граф Петр Васильевич Гендриков:

А. Хрипунов. Письмо в редакцию 674

И. Якобий. Письмо в редакцию 676

Первые дни революции в Орле 677

Государь Император Николай Александрович
и Его Августейшая Семья 684

Непонятное выступление 697

Открытое письмо графа П. В. Гендрикова 698

Приложение II. «Чему свидетели мы были»:

I. *И. Тхоржевский.* Воспоминания А. И. Гучкова 701

А. Деникин. Об «исправлениях» истории.
(Письмо в редакцию) 705

II. *И. Тхоржевский.* Воспоминания В. А. Маклакова 711

III. *И. Тхоржевский.* Верный «дядька» революции 736

Покаяние соблазненных и упорство соблазнителей 743

IV. *И. Тхоржевский.* У Царя за пазухой. 748
Кн. В. Трубецкой. Письмо в редакцию. 754
Приложение III. *В. Н. Хрусталев.* Пролог трагедии 756
Приложение IV. *Хан Р. Б. Хаджиев.* Из книги «Великий Бояр» 773
КОММЕНТАРИИ. 784

И. П. ЯКОБИЙ
Император Николай II и революция
С. В. ФОМИН
**«Боролись за власть генералы...
и лишь Император молился»**

Обложка
Ольга Стацевич

Верстка, макет
Екатерина Белогорцева

Подписано в печать 22.10.2009. Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Печ. л. 27. Тираж 6000 экз. Заказ 2519

ООО «Домострой»

Адрес издательства:
111141, Москва, ул. Плеханова, 15.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru